М. Горький

ВАРИАНТЫ

5

М. ГОРЬКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВАРИАНТЫ
К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. ГОРЬКИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

ВАРИАНТЫ К РОМАНУ «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ», Т. XVIII

ЗАМЕТКИ, НАБРОСКИ 1917—1928

МОСКВА · 1977

Г $\frac{70302-212}{042(02)-77}$ Подписное

Настоящий том содержит первую редакцию и варианты других редакций романа «Дело Артамоновых».

Во втором разделе тома печатаются материалы, хранящиеся в Архиве А. М. Горького, представляющие собой черновые наброски и заметки к художественным произведениям, оставшимся ненаписанными.

Первую редакцию и варианты романа «Дело Артамоновых» подготовили: *С. И. Доморацкая*, *Ф. М. Иоффе*, *Р. П. Пантелеева*. Раздел «Заметки, наброски. 1917—1928» подготовлен *Л. Г. Бухарцевой*, *Л. А. Евстигнеевой*, *Э. Л. Ефременко*, *А. М. Крюковой*, *Ф. Н. Пицкель*, *И. А. Ревякиной*, *Е. А. Тенишевой*, *В. Ю. Троицким*, *Ю. И. Шведовой*.

Редактор тома — *Е. И. Прохоров*.

Контрольный рецензент — *Л. Д. Опульская*.

СПИСОК ОСНОВНЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЧА — черновой автограф.
БА — беловой автограф.
АМ — авторизованная машинопись.
М — неавторизованная машинопись.
Архив $Г_{II}$ — Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., Гослитиздат, 1941.
Архив $Г_{VI}$ — Архив А. М. Горького, т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке. М., Гослитиздат, 1957.
Архив $Г_{XII}$ — Архив А. М. Горького, т. XII. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., «Наука», 1969.
ЛБГ — Личная библиотека Горького.

ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ

ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ

(Стр. 93)

Источники текста

$ЧА_1$ — черновой автограф всего произведения, части I—III (ХПГ-9-3-3). Листы 7—8 в $ЧА_1$ в нижнем слое содержат праредакцию произведения —«Атамановы».

$ЧА_2$ — черновой автограф (ХПГ-9-3-2) с дополнением — вновь написанными листами к частям III и IV (ХПГ-3-3-4). Рукопись несет в себе две редакции, обозначенные далее буквами *а* и *б*: *а* — варианты второй редакции и *б* — третьей редакции; обозначение просто $ЧА_2$ показывает, что в данном месте варианты второй и третьей редакций совпадают.

БА — беловой автограф частей II—IV (ХПГ-9-3-1), часть I (лл. 1—25) вложена в БА из $ЧА_2$.

ЧН — черновые наброски к произведению (ХПГ-30-3-2, ХПГ-45-21-3).

Чв — черновой вариант начала листа 5 первой редакции (ХПГ-49-14-1).

Праредакция 1916—1917 гг.

⟨АТАМАНОВЫ⟩

⟨1⟩

...решительно сказала вдова [1] и нырнула головой в сундук, чтобы скрыть гневно покрасневшее лицо.

— Ну, — не слушай, коли[2] не хошь. — Мне была бы правда сказана, люди не примут, господь зачтет...

Обиженная, она вылезает в дверь [3] неуклюже, точно копна сена, а Баймакова шепчет [4], вытирая рукавом влажные [5] глаза:

— О господи! — Никто не поможет...

Глядя в окно, на солнце, сморщив желтую кожу лица, просвирня говорит:

— Ничего, матушка... [6] он — человек хороший...

— Выдь-ка, Евгенья!

Затворив за нею дверь, женщина встала [7] на колени [8] в пожаре цветных тканей под лучом солнца и, вскинув голову, разведя руки, сказала, всхлипывая, в угол, иконам:

— Господи, помилуй! [9] Помоги сироте твоей... Смертного греха избави... Не лиши разума...

В саду девицы заиграли песню, весело и дружно взвились [10] звонкие голоса.

Свадьбу сыграли строго обрядно, и вот наступил для Атаманова его большой день: [11] в переднем углу большой горницы сидит Петр; сурово сдвинув брови, исподлобья, по-волчьи, оглядывая гостей, [12] он встряхивает волосами, хмель сыплется на стол и на фату молодой, она тоже понурилась, [13] устало прикрыв глаза, бледная и беспомощная, как ребенок.

— Гор-рько! — в двадцатый раз ревут красные, волосатые рожи с оскаленными зубами.

---

[1] *Далее*: сунув покрасне⟨вшее⟩ [2] ко⟨ли⟩ [3] из ком⟨наты⟩ [4] ворчи⟨т⟩ [5] м⟨окрые⟩ [6] *Далее*: люд⟨и⟩ [7] опускается [8] *Далее*: [[среди] в буграх ярк⟨их⟩] среди цветных тканей [9] *Далее*: Святители [10] *Далее*: ⟨*1 нрзб*⟩ молодые [11] *Далее*: [пришли] явились молодые из церкви, уселись [12] *Далее*: и время от ⟨времени⟩ [13] *Далее*: бледная

Петр поворачивается, не сгибая шеи, приподнимает край фаты [1], сухими губами и носом тычет в щеку Натальи [2], он чувствует атласный холод [3] кожи и дрожь в плече девушки, ему жалко её, стыдно за себя, а тесное кольцо подпивших людей густо дышит запахами пива, наливок [4] и десятки глоток орут:

— Не умеешь, парень!

— В губы цель!

— Эх, я бы вот поцеловал... н-ну, уж!

Пьяный женский голос визжит:

— Я те поцелую.

Сцепив зубы, Петр прикладывается к влажным губам девушки, они тоже дрожат у нее, и вся она, белая, как будто тает, подобно снегу на мартовском солнце. Они оба голодны, [5] со вчерашнего вечера им не давали есть, [6] от [7] волнения[8], едких запахов хмельного и [9] двух бокалов шипучего донского вина Петр чувствует себя пьяным и боится, как бы молодая не заметила этого. У него кружится голова, всё в горнице зыблется, растекается, то сливаясь в пеструю[10] кучу, [11] то растягиваясь [12] широким кольцом и уплывая во все стороны.

— Ничего,— шепчет Петр чуть слышно [13],— ему хочется, чтоб молодая [14] тоже что-нибудь тихонько шепнула ему, но она убито молчит. Парень умоляюще и сердито смотрит на отца,[15] Атаманов, выпивший, пламенный и встрепанный, ревет,[16] глядя бесстыдными глазами в [17] розовое веселое лицо Ульяны [18].

— Сватья — чокнемся медком! Ну и мёд [19] у тебя,— в хозяйку [20], сладок!

Она молча протягивает ее полную белую руку в кисейном рукаве с серебряными блестками, широким золотым браслетом, цветные камни [21] сверкают на солнце, на груди переливается нитка жемчуга. В её серых глазах лукавая улыбка, приоткрытые губы шевелятся, точно она хочет что-то сказать, но, молча, чокнувшись бокалом, пьёт и [22] кланяется Атаманову, а он, встряхивая косматой башкой, восхищенно орет:

— Эка повадка у тебя, сватья! Княжья повадка, ей же богу...

Петру смутно кажется, что отец неладно ведет себя, в пьяном реве гостей он слышит ехидные [23] возгласы Помялова, глухой бас

---

[1] *Далее*: и [2] нев‹есты› [3] *Далее*: ее гладкой [4] пивом, на‹ливками› [5] *Далее*: им [6] *Далее*: [когда] по ‹?› [7] *Далее*: голода, [8] *Далее*: и [9] *Далее*: от [10] мутно-красную [11] *Далее*: то ‹?› [12] *Далее*: в [13] *Далее*: и [14] она [15] *Далее*: по [16] *Далее*: бессты‹дно› [17] на [18] *Далее*: Бай‹маковой› [19] *Далее*: ты [20] хозяйк‹у› [21] [и с б‹ольшим›] широким золотым браслетом [у кисти] в цветных камнях [22] *Далее*: м‹олча› [23] отдельные

старухи Барской и [1] тонкий голосок сухонького рыжего дьячка [2] — эти люди говорят об отце неуважительно, насмешливо:

— Гляди-кось, как он, бес, вылупился на Ульяну-то...

— Лаком до баб, видно...

— Быком глядит...

— Ой, судари мои, нехорошо, будто,— слышен глухой бас старухи.

Эти слова на минуту влипают в уши ему, но он тотчас же [3] забывает [4] обо всём — о людях, шуме, духоте,— когда локоть или колено Натальи коснется его, вызывая во всем теле сладкое томление [5]. Он старается не смотреть на нее [6], держит голову неподвижно, а сладить с глазами не может, они невольно косятся в [7] ее сторону.

— Горько! — мычит [8] кто-то прямо в ухо ему, и, покрывая весь шум, громогласно кричит отец:

— Петруха, не робей!

— Скоро ли конец этому? — шепчет Петр [9]; наклоняясь к невесте, она отвечает чуть слышно [10]:

— Не знаю...

— Стыдно-то как...

— Да,— слышит он невнятный шёпот и [11] рад, что Наталья чувствует одинаково с ним.

Но вот [12] помощник Ермишки Стилихонова, молодой еврей [13] Минка, неожиданно и гулко ударил в бубен, крепко провел пальцем по коже — бубен заныл, загудел, а Ермишка [14], пронзительно свистнув, растянул на колене двухрядную гармонику; шум погас и тотчас посреди комнаты завертелся, затопал сын Барского, дружка невесты, кругленький, кудрявый Степаша, выкрикивая задорно в лад музыке:

— Эй, девицы — супротивницы,
Хороводницы, затейницы,
У меня ли густо денежки звенят,
Выходите, что ли, супроти меня!

Его отец выпрямился во весь огромный рост и загремел:

— Степа, не выдай город! [15]

— Степаша! — завыли [16] мямлинцы источными голосами.— Покажи курятам...

---

[1] *Далее*: сухонького [2] *Далее*: об [3] тотчас же он [4] *Далее*: их ког‹да› [5] *Далее*: и он с‹тарается› [6] *Далее*: и не может [7] на [8] ревет [9] *Далее*: [на‹клоняется›] почти в отчаянии [10] чуть слышно говорит [11] *Далее*: [его радость] так рад, что она [12] *Далее*: Ермишка Стилихонов и помощник его [13] еврей-скрипач [14] *Далее*: уд‹ало› [15] *Далее*: Покажи курятам... [16] закричали

Взвился [1] Илья Атаманов, дернул вверх встрепанной, как помело, головой,[2] лицо его налилось кровью, большой нос раскалился углем; возбужденно сверкая синими глазами, он тоже закричал в лицо Барскому:

— Мы те не курята, а — куряне! И еще кто — кого! Олешка!

Откуда-то из угла выскочил Алексей, весь в новом, точно лаком покрытый, встал перед Степаном, присмотрелся к нему с минуту, вдруг побледнел и, взвизгнув по-девичьи, пошел неуловимыми движениями вокруг мямлинского плясуна, дробно и в лад притопывая под музыку.

— Присловья не знает! — крикнули мямлинские, но Атаманов,[3] закрыв глаза, отчаянно воззвал:

— Олешка — убью!

Не останавливаясь, Алексей вложил в рот два пальца, свистнул [4], оглушив людей [5], и звонко завел [6]:

У барина, у Мокея [7],
Было пятеро лакеев,
Ныне барин Мокей [8]
Сам таков [9] же лакей [10],

— Ой, ой,— многозначительно воскликнул рыженький дьячок, поднял вверх палец и покрутил головою.

Публика стравливала парней. Гости ‹...›

‹2›

... на Ульяну молча, с улыбками зависти и восхищения.

— Хорошо, а — невесело! — сказал кто-то полуголосом [11].

---

[1] Тут взвился [2] [за] большено‹сое› [3] *Далее*: тотчас [4] *Далее*: соловьем и [5] пу‹блику› [6] *Далее*:

— Кто девушку полюбит,
Тот в рай пойдет.
Кто старуху обоймет,
В аду места не найдет!

— Глядите-тко, охальник какой! — удивленно сказала Прасковья Барская.

— Степаша, не уступай,— подзадоривали Барского,— он притопывал, надув щеки, ходил вокруг [молодого] Алексея [петухом] павлином и выкрикивал:

— Полюбил я на несчастье
Толстомясую Настасью...

А молодой Атаманов перебивал его, [идя] держась рукою за затылок и отбивая вприсядку:

— Господа [детей] барчат рожали,
А мы сеяли да жали...

[7] Как у барина Мокея [8] А нынче Мокей [9] такой [10] *Далее*: И ох-ма, дожили [11] впо‹лголоса›

— И впрямь — так, — согласился Петр, взглянув на молодую, — она тоже улыбалась, следя за матерью, и [1] не ответила ему.

Он выпрямился, хотел что-то сказать...

Атаманов, с треском, прошел вокруг ее вприсядку и выпрямился, махнув рукою:

— Забила ты меня, Ульяна Ивановна!

Женщина, вздрогнув, остановилась, как пред стеною, удивленно приподняла брови и, густо покраснев, поклонилась ему, говоря:

— Не обессудь... [2]

И тотчас ушла из горницы, обмахиваясь платком, а на смену ей явилась старуха Барская, еще с порога крикнув:

— Разведите молодых! Ну-ка [3], Петр Ильич, поди ко мне... Дружки, — ведите его!

Атаманов положил руки на плечи сыну и строго сказал, глядя прямо в глаза ему:

— Гляди, Петр, — жену жалеть надо, — понял? Ну, обнимемся...

— Непорядок будто, — заметила Барская, когда они целовались. — Не в сей час тебе наказывать ему и не здесь бы...

— Ладно, тетка, будет! — крикнул Атаманов, сердито сверкнув глазами.

Петра подхватили под руки и повели за старухой, а она, поплевывая вправо и влево, бормотала [4]:

— Ни болестей, ни горюшка, ни зависти, ни бесчестьица, — тьфу, тьфу. Огонь, вода — вовремя, не на беду [5], на счастье...

Когда Петр вошел за ней в светлицу Натальи, где была приготовлена пышная кровать, она села посреди комнаты на стул и торжественно заговорила:

— Слушай, да не забудь! Вот те две полтины, положь их в сапоги, под самую подошву, и — сиди, жди! Придет она, станет на колени, начнет с тебя сапоги снимать — не давай, до трех раз, гляди, не давай!

— На что это? — угрюмо [6] спросил Петр.

— Не твое дело! [7] Не давай, а пусть она тебя целует...

— Ладно, — согласился Петр, усмехаясь.

— А ты — слушай!.. — строго крикнула старуха. — Потом — разденешься [8], дурачок, да и ляг лицом к стене, попросит она тебя

---

[1] *Далее*: ответила ему только взглядом [2] *Далее знак вставки, вставка отсутствует.* [3] *Далее*: добрый молодец [4] *Далее*: [Ни болестей, ни горюшка] Тьфу, тьфу! Ни болестей, ни горюшка [5] *Далее*: а [6] сер⟨дито⟩ [7] *Далее*: Снимет она сапоги [8] *Далее*: При ней?

раз: «Господи Исусе, сыне божий, Петр Ильич,— пусти ночевать!» Так ты — молчи, и вдругорядь — молчи, а уж в третьи, ну — подай ей руку! Понял? Гляди же... Ну, молись богу...

Тяжело поднявшись [1] со стула, она вылезла в низенькую дверь, унося с собою запахи гусиного сала, наливок и пота.

— Дьявол болотный [2],— прошептал Петр вслед ей и в [3] припадке злобы, внезапно овладевшей им, сорвал с себя сапоги [4], метнул их под кровать и, быстро раздевшись до рубахи, прыгнул на кровать, под одеяло, вздрагивая [5] от возбуждения, щелкая зубами и боясь заплакать от какой-то большой, непонятной обиды, душившей его.

Потонул глубоко в пуховике и, закутавшись с головою [6], лежал бесконечно долго [7], до поры, пока не стало душно; тогда, вскочив на ноги, он подошел [8] к окну, занавешенному [9] куском толстой синей крашенины, приподнял ее, распахнул раму,— в лицо ему из сада хлынул пьяный вой, гул, хохот и девичий визг, в синеватом сумраке между деревьями бродили, пошатываясь, огромные черные куски, странно короткие, точно [10] приплюснутые к земле [11]. Медным пальцем воткнулся[12] в небо тонкий шпиль Никольской колокольни [13],— крест с нее сняли золотить, за крышами домов [14] мягко светилась Ока.

«Может — надо мной смеются... над ней тоже... Чего ее не ведут? Скорее бы, господи! [15]»

Он почувствовал себя усталым, сделалось грустно и неловко [16] стоять с голыми ногами, в одной рубахе, тогда он неспеша [17] надел шаровары [18].

Вдруг внизу на лестнице затопали, захихикали и большое, тяжелое [19] стало подниматься вверх, всё ближе к двери.

Петр снова прыгнул в кровать, охваченный жаром и холодом,— он слышал, как открылась дверь и [20] кто-то долго тискался в нее, разноголосо шептал ‹...›

---

[1] По‹днявшись› [2] чугунный [3] *Далее*: неожидан‹ном› [4] [сорвал с себя сапоги] швырнул деньги на постель [5] трясясь [6] *Далее*: долго [7] *Далее*: [в х‹олодной›] не думая [8] *Далее*: к за‹навешенному› [9] *Далее*: синим толстым [10] с‹ловно› [11] *Далее*: За деревьями [12] *В автографе*: воткнулась [13] *Далее*: с [нее] [14] *Далее*: св‹етилась› [15] *Далее*: Потеху устроили [16] сты‹дно› [17] медленно [18] *Далее знак вставки. Видимо, первоначально сюда предполагалось вставить текст*: Медным пальцем ∾ светилась Ока. [19] *Далее*: по‹днималось› [20] *Далее*: чт‹о›

Первая редакция

ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ

Часть I

Года через два после воли, за обедней в день Преображения господня, прихожане церкви Николы на Тычке заметили чужого [1]; ходил он в тесноте людей, невежливо поталкивая их, и ставил богатые свечи пред иконами, наиболее чтимыми в городе Дрёмове. Мужчина могучий, с большою, колечками [2] бородой, сильно тронутой проседью [3], большеносый, в плотной шапке черноватых, по-цыгански курчавых волос; из-под бугристых густых бровей прямо и строго смотрят серые с голубинкой глаза, и было замечено, что, когда он опускал руки, широкие ладони его касались колен. Ко кресту он подошел в ряду именитых прихожан; это особенно не понравилось им, и, когда обедня отошла, виднейшие люди Дрёмова остановились на паперти поделиться мыслями о чужом человеке. Одни говорили — прасол, другие — бурмистр, а городской староста Евсей Баймаков, миролюбивый человек плохого здоровья, но хорошего сердца, сказал тихим голосом:

— Уповательно — из дворовых людей, егерь или что другое, по части барских забав...

А суконщик Михаил Помялов, по прозвищу Вдовый таракан, хромой, суетливый сластолюбец [4], любитель злых дел, [5] человек и лицом на редкость безобразный, недоброжелательно выговорил:

— Видали,— лапы-те у него каковы длинны? Вон как идет, будто это для него все колокольни звонят!

Широкоплечий, неуклюжий человек шагал вдоль улицы твердо, как по своей земле, одет в синюю добротного сукна поддевку, в хорошие юфтовые сапоги, руки сунул в карманы, локти плотно прижал к бокам. Поручив просвирне Ерданской узнать [6], кто этот человек, горожане, поговорив еще немного под звон колоколов, ра-

---

[1] незн‹акомого› [2] курчавой [3] *Далее*: краснолиц [4] *Далее*: и [5] *Далее*: [заметил] пугливо и недоброжелательно выговорил [6] *Далее*: [где] это

зошлись [1] к пирогам, приглашенные Помяловым в малинник к нему на вечерний чай.

Другие горожане после обеда видели неведомого человека за рекою, на Коровьем языке, на мысу, земле князей Ратьских; ходил человек в кустах тальника, меряя песчаный мыс [2] ровными широкими шагами, втыкал в песок прутья [3], глядел из-под ладони на город, на Оку, на болотистую речку Ватаракшу, петлисто запутанный приток ее, от него ложилась на кусты [4] широкая, длинная тень, и было слышно в знойной тишине, что он свистел; свистеть всегда нехорошо, а по праздникам особенно, свист — чёртова забава, солидному человеку не подобает чёрта тешить.

В Дрёмове живут люди осторожные, никто из них не решился крикнуть ему, спросить: что он делает и кто таков, но все-таки послали к нему [5] будочника Машку Ступу, городского шута и пьяницу; бесстыдно, при всех людях и не стесняясь женщин, Ступа снял штаны, но оставил [6] на голове измятый кивер, перешел илистую Ватаракшу вброд, надул свой пьяный живот, подошел к человеку смешным гусиным шагом и нарочито громко [7] спросил чужого: [8]

— Кто таков?

Чужой окинул его дерзким взглядом и упрекнул:

— Что ж ты спозаранку нализался вина, безобразный?

Ступа [9] обругал его и [10], перебежав реку, рассказал людям:

— Глазищи — злые, похож на разбойника... [11]

Вечером, в малиннике Помялова, просвирня Ерданская [12], зобатая женщина с выкатившимися глазами, знаменитая гадалка и мудрица города [13], поведала лучшим людям:

— Зовут его — Илья, прозвище — Артамонов, сказал, что хочет жить у нас для своего дела, а какое дело — не допыталась я. [14] Не речист, глядит неласково. [15] Приехал по дороге из Сонгорода, той дорогой и отбыл в четыре часа, в пятом. Лошадь у него хорошая и бричка — тоже, свое ли, не узнала, а — хороши!

---

[1] *Далее*: по [2] песок [3] в землю щепочки и ве‹тки› [4] *Далее*: и песок [5] *Далее*: пьяницу [Ермишку] Ермилку Ерданского, сына умершего никольского дьякона, [писателя] сочинителя [задорных] [бесстыдных] похабных стишков, писателя прошений и вывесок, знаменитого музыканта на гуслях и гармонике и пьяницу. Ермилка [6] но ост‹авил› [7] и г‹ромко› [8] *Далее*: Чего меряешь? — Землю.— А на что? — Надо.— На что надо-то? На могилу тебе, бездельнику. [9] Ермилка [10] *Далее*: убежал [11] Голос грубый, глаза — злые, похож на разбойника... [12] *Далее*: Ермилкина мать [13] сказочница [14] *Далее*: Лошадь у него хорошая и бричка тоже хороша, а [свое] свое ли это — не знаю. [15] *Далее*: Спрашивал, много ли мужики окрест льна сеют? — Мало, говорю.— Надо, сказал, больше сеять.

Так ничего особенного [1] и не разведали о человеке, и было это всем неприятно, точно кто-то постучал ночью в окно и [2] скрылся, без слов предупредив о грядущей беде.

Прошло недели три, и уже почти затянуло рубец в памяти горожан [3],— вдруг этот Артамонов [4] явился сам-четверт прямо к Баймакову и сказал ему, как топором рубя:

— Вот тебе, Евсей Митрич, новые жители под твою умную руку! Пожалуй, помоги мне укрепиться около тебя на хорошую жизнь!

Кратко и дельно рассказал [5], что зовут его действительно Илья Артамонов, что он — человек князей Ратских из их Курской вотчины на речке Рати, был у князя Георгия приказчиком, а по воле отошел от него, награжден хорошо и решил свое дело ставить — полотняный завод. Вдов, детей зовут: старшего — Петр, горбатого — Никита [6], а третий — Олешка, племянник, [7] но усыновлен им.

— Лен мужики наши мало сеют,— раздумчиво заметил Баймаков.

— Заставим сеять больше [8].

Голос Артамонова был густ и груб, говорил он, [9] точно в большой барабан бил, а Баймаков всю свою жизнь ходил по земле осторожно, говорил тихонько, как будто боясь разбудить кого-то страшного. Мигая ласковыми глазами печального сиреневого цвета, он смотрел на ребят Артамонова, каменно стоявших у двери; Петр — в отца, большой, широкогрудый, бородатый, брови срослись, глаза маленькие, медвежьи; горбатый Никита [10], видимо, робок, большеротый, глаза девичьи, огромные, синие, как его рубаха, [11] Олёшка [12]— кудрявый, румяный красавец, рыжеват, [13] белокож, взгляд яркий и веселый.

— В солдаты одного? — спросил Баймаков, вздохнув.

— Квитанцию [14] имею; мне дети самому нужны.

И, оборотясь к детям, Артамонов приказал:

— Выдьте вон.

А когда они тихо, гуськом, один за другим и соблюдая старшинство, вышли, он, положив на колено Баймакова тяжелую ладонь, сказал:

---

[1] толком [2] *Далее*: невидимо [3] *Далее*: об этом человеке [4] он [5] поведал [6] Никодим [7] *Далее*: сын сестры [8] [Надо, чтобы сеяли больше.] Будут сеять больше. Теперь нам дана воля государем [нашим], и мы все обязаны оправдать доверие его делом [украсить русскую землю так, чтобы ей быть превыше всех чужих земель]. [9] *Далее*: [буд〈то〉] [точно командуя] необычные слова свои властно, точно командуя [10] *Далее*: [скуласт] как [11] *Далее*: видать [12] *Далее*: писаный красавец [13] *Далее*: лицо доброе, мягкое, как у девицы [14] Квитанции

— Евсей Митрич, я заодно и сватом к тебе: отдай дочь за старшего моего...

Баймаков даже испугался, привскочил на скамье, замахал рукою, говоря:

— Что ты, бог с тобой! Я тебя впервые вижу, кто ты есть — не знаю, а ты — эко! Дочь у меня одна, замуж ей рано, да ты и не видал ее — какова она есть... Что ты?

Но Артамонов, усмехнувшись в бороду, сказал:

— Про меня ты спроси исправника, он князю моему, Георгию, довольно обязан, и ему князем писано, чтоб он чинил мне помощь во всех делах. Худого [1] — не услышать, вот те порука — святые иконы! Дочь твою я знаю; я тут, у тебя в городе, всё знаю; четыре раза неприметно был, всё выспросил. И окрест всё знаю, весь уезд этот. Старший мой тоже здесь бывал и с дочерью твоей беседовал,— ты не беспокойся...

Чувствуя себя так, точно на него медведь навалился, Баймаков попросил гостя:

— Ты погоди...

— Недолго — могу, а долго годить — года не годятся,— строго [2] сказал гость и крикнул в окно на двор:

— Идите, кланяйтесь хозяину...

Когда они, простясь, ушли [3], Баймаков, испуганно глядя [4] на образа, трижды перекрестился, прошептал:

— Господи, помилуй! Что за люди? Сохрани от беды.

Он поплелся, пристукивая палкой, в сад, где под липой жена с дочерью варили варенье.

— Какие это молодцы на дворе стояли, Митрич? — спросила жена.

— Неизвестно. А где ж Наталья?

— За сахаром пошла, в кладовку...

— За сахаром,— сумрачно повторил Баймаков, опустясь на дерновую скамью.— Сахар....

Присмотревшись к нему, жена спросила тревожно:

— Ты что? Опять неможется?

— Душа у меня взныла,— сказал Баймаков и, поведав жене о гостях, [5] добавил с печалью:

— Думается [6], человек этот пришел сменить меня на земле...

Жена начала утешать его:

---

[1] *Далее*: про меня [2] *Далее*: и затейливо [3] *Далее*: по тихой улице мимо окон Баймакова, он слышал, как [рычащи‹м›] отец спросил сына: — Видел девку? — Видел. — Годится? — Хороша, будто... [4] вз‹глянул› [5] *Далее*: но умолчав о сватовстве [6] Будто

— Полно-ко, бог с тобой! [1] Мало ли теперь из деревень в город людей идет.

Через пятеро суток Баймаков слег в постель, а еще через двенадцать — отдал душу богу, и его смерть бросила первую тень на Илью Артамонова с детьми и на всю жизнь рода Артамоновых в городе Дрёмове.

За время болезни Баймакова Артамонов дважды приходил к нему и часа по два они беседовали о чем-то; во второй раз Баймаков позвал жену и, устало сложив руки на груди, сказал:

— Вон с ней говори, а я уж в земных делах [2] не участник.

— Пойдем-ка, Ульяна Ивановна,— скомандовал Артамонов и, не глядя, идет ли она за ним, вышел из горницы.

— Иди, Ульяна, уповательно, это — судьба,— приказал Баймаков жене, видя, что она [3] не решается идти.

Ульяна Баймакова была женщина умная, [4] с характером, не подумав, она ничего не делала, а тут вышло так, что через час времени она, возвратясь к мужу, ска⟨зала⟩, смахивая слезы движением длинных, красивых ресниц:

— Что ж, Митрич, благослови дочь-то, видно, и впрямь — судьба! [5]

На другой же день вечером она подвела к постели мужа пышно одетую дочь, Артамонов толкнул сына, парень с девушкой опустились на колени, взявшись за руки, склонив головы, а Баймаков сказал, задыхаясь, высоко приподняв дрожащими руками древнюю отеческую икону в жемчугах:

— Во имя отца и сына... Господи, не оставь милостью чадо мое единое...

Потом — Артамонову:

— Гляди же, на тебе ответ богу за дочь мою!

Тот поклонился ему, коснувшись рукою пола:

— Ладно. Знаю.

И, не сказав ни слова ласки будущей снохе, почти не глядя на нее, указал глазами на дверь:

— Идите.

---

[1] *Далее*: Мало ли теперь разного народа врозь пошло. А сватовство это — озорство. Наташке я косы надеру...

Косы дочери она надрала немедля, как только та принесла сахар, но через... [2] *Далее*: этих [3] *Далее*: замя⟨лась⟩ [4] *Далее*: т⟨вердая⟩ [5] *Далее*: После она рассказывала Ерданской, мудрице города, которой все женщины [города] города сносили грехи свои, тревоги и огорчения: — Не помню, да и не вникала я толком-то, что [Илья] он говорил мне, только одно помнится — гляжу в глазищи его и на всё дакаю, со всем соглашаюсь.

А когда благословенные ушли, он присел на постель к больному, четко и твердо говоря:

— Будь покоен, всё пойдет хорошо, как надо. Я — тридцать семь лет князьям моим безнаказанно служил, а человеку угодить труднее, чем богу, человек не милостив. И тебе, сватья Ульяна, хорошо будет, вместо матери станешь парням моим, об этом я тебя сердечно прошу, а им приказано будет уважать тебя.

Баймаков слушал, глядя в угол на образа, и плакал молча, Ульяна тоже всхлипывала, а грубый человек продолжал с досадой, сурово:

— Эх, Евсей Митрич, рано ты отходишь,— не сберег себя. Мне бы ты — вот как нужен — позарез! Знаю я дела твои — честен ты и умен, пожить бы нам с тобой годков пяток, ну — воля божья!

Ульяна жалобно крикнула:

— Да́ что ты нас [1] пугаешь? Может, еще...

Но Артамонов встал и снова в пояс поклонился [2] Баймакову:

— Спасибо за доверье. Прощай, мне надо на Оку, там барки с хозяйством пришли.

Трижды поцеловав больного, он ушел, а Ульяна жалобно, обиженно завыла:

— Облом деревенский, нареченной сыну невесте словечка ласкового не нашел сказать [3]....

Муж остановил ее:

— Не ной, не тревожь меня! Ты — держись его, это человек умный [4]...

Баймакова почетно хоронил [5] весь город, духовенство всех пяти [6] церквей.

Артамоновы шли за гробом сзади жены и дочери усопшего, это не понравилось горожанам, в толпе ворчали:

— Неизвестно — кто, а сразу на первое место лезет.

— Чисто атаман. [7]

Вращая круглыми [8] глазами цвета дубовых желудей, Помялов нашептывал:

— И Евсей, покойник, и Ульяна — люди осторожные, зря они ничего не делали, стало быть, тут есть тайность, стало быть, соблазнил их чем-то коршун этот, иначе они с ним разве породнились бы?

— Да-а, дело темное.

---

[1] его [2] поклонясь [3] не сказал [4] крепкий [5] Хоронил Баймакова [6] шести [7] *Далее*: А горбатый — колдун. [8] странными

— Я и говорю — темное. Фальшивые деньги, наверно. А ведь каким будто праведником жил Баймаков-то, а? [1]

День был ветреный, ветер дул вслед толпе, и пыль, поднятая сотнями ног [2], дымным [3] облаком неслась вслед за [4] людьми, густо припудривая [5] намасленные волосы обнаженных голов.

Кто-то сказал:

— Гляди, как [6] Артамонова нашей пылью наперчило, посерел цыган [7]...

* * *

На десятый день после смерти мужа Ульяна Баймакова [8] с дочерью ушла [9] в монастырь к сестре своей, а дом сдала Артамонову [10], уже прозванному горожанами Атамановым. Его и детей точно вихрем крутило, [11] с утра до вечера они мелькали у всех в глазах, быстро шагая по всем улицам, торопливо крестясь на церкви, все какие-то неистовые, шумные. Только Никита с восходом солнца уносил острый горб свой за реку, на Коровий язык, куда грачами слетелись плотники и каменщики, возводя там длинную кирпичную казарму и, в стороне от нее, над Окою, двухэтажный большой дом из десятивершковых бревен [12]. Вечерами жители города, собравшись на берегу Ватаракши, [13] слушали [14] храп и [15] визг пил, шарканье рубанков, садкое тяпанье острых топоров и насмешливо вспоминали о построении Вавилонской башни, а Помялов утешительно предвещал [16] чужим людям всякие несчастия:

---

[1] *Текст*: Артамоновы шли ∾ жил Баймаков-то, а? — *имеет ранний вариант*: Артамоновы шли за гробом как родственники [— Илья рядом с Ульяной, поддерживая ее под руку, Наталью вел Петр], сзади жены и дочери усопшего, оттеснив друзей его. Это никому не понравилось, горожане сторонились от них, переговариваясь вполголоса:

— Чисто [разбойник] атаман...

— А горбатый — колдун.

— Ульяна-то неладно ведет себя...

— [Ой, о‹шибся›] Ошибся покойник...

— А может, и не о‹шибся›.

— Дело темное...

— Было что-то между ними.

— А ведь каким будто праведником жил Баймаков.

[2] *Далее*: ее [3] [серы‹м›] густым [4] *Далее*: нею мутным облаком [5] *Далее*: голо‹вы› [6] *Далее*: этого [7] ястреб [8] *Далее*: поехала [9] уехала [10] *Далее*: к тому [11] *Далее*: они целы‹ми› [12] *Далее*: [Оттуда] [Тяпанье топоров, визг и скрежет пил] Тяпали топоры, визжали и скрежетали пилы, шаркали рубанки, [плотовщики] плотники пели «Дубинушку» [13] *Далее*: [смот‹рели›] слушали, как рабочие, разгружая барки с лесом, поют «Дубинушку» [14] *Далее*: едкий стук топоров [15] *Далее*: едкий [16] *Далее*: всякие

— Подтопит половодье постройки эти...

Длинный, сутулый и чахоточный поп Никодим [1] вторил ему:

— На песце строят.

— Нагонят фабричных,— пойдёт пьянство, воровство, разбой.

Огромный, налитый жиром, раздутый во все стороны мельник и трактирщик Лука Барский хриплым басом утешал обывателей:

— Ничего; людей больше — кормиться легче. Лишь ба люди работали...

Очень смешил [2] людей горбатый Никита; [3] он вырубил и выкорчевал на большом квадрате кусты тальника, целые дни черпал жирный ил Ватаракши, резал торф на болоте и возил его тачкой, вываливая по песку черными кучками.

— Огород затевает,— догадались горожане.

— Экой дурак! Разве песок удобришь? Чучело...

На закате солнца [4], когда Артамоновы гуськом [5], отец впереди, переправлялись вброд через реку [6], и [7] на зеленоватую воду ее [8] ложились их [9] тени, просвирня Ерданская пашептывала:

— Глядите, глядите стень-то какая у горбатого!

И все видели, [10] что тень Никиты Артамонова [11], который шел третьим, трепетна необычно и будто тяжелее длинной тени его отца. Как-то после дождя [12] Никита [13], оступясь или запутавшись в водорослях, упал и скрылся под водой [14]. Все зрители на берегу отрадно захохотали, только Ольгушка Орлова, двенадцатилетняя дочь часовщика, [15] человечески жалобно крикнула:

— Ой-ой — утонут!

Ей дали подзатыльник:

— Не ори зря!

Алексей, идя сзади брата, тотчас нырнул, схватил его, поставил [16]; когда оба они, мокрые, выпачканные илом, поднялись на берег, Алексей пошел прямо на людей, так что пред ним расступились, а Помялов пробормотал:

---

[1] *Далее* [вт‹орил›] азартнейший картежник [2] удивлял [3] *Далее*: целые дни черпал он жирный ил Ватаракши, [резал] [резал заступом комья торфа на болотистых бере‹гах›] резал торф на болоте и возил его тачкой к дому, вываливая на песок черными кучками, он уже вырубил и выкорчевал на большом квадрате кусты тальника [4] Вечером, на закате солнца [5] *Далее*: по [6] *Далее*: [их встречали л‹юди›] горожане отвечали на поклоны их неохотно, смотрели на них, как на пустое место, провожали враждебными взглядами [7] как [8] *Далее*: [густо] тяжко [9] *Далее*: длин‹ные› [10] И всем казалось [11] *Далее*: необычна и [12] *Далее*: вода в реке поднялась [13] *Далее*: оступился в яму или запутался [14] *Далее*: но Алексей, [шедший по‹зади›] идя сзади его, тотчас нырнул, схватил брата и поставил на ноги [15] *Далее*: испуганно [16] *Далее*: на ноги и

— Какой звереныш... [1]

— Не любят нас тут,— хмуро заметил [2] Петр,— отец [3] на ходу обернулся к нему:

— Чего?

— Не любят нас, говорю...

— Дай срок, полюбят [4]... — уверенно сказал отец [5] и обругал Никиту:

— А ты, чучело, гляди под ноги-то, не смеши людей. [6]

Жили Артамоновы [7] тихо, ни с кем не знакомясь, [8] хозяйство их вела [9] толстая старуха, [10] вся в черном; она повязывала голову свою черным платком [11] так, что концы его торчали рогами, говорила непонятно, мало; от нее ничего нельзя было узнать о хозяевах ее.

— Монахами притворяются,— говорили о них.

Заметили, что отец и старший сын Артамоновы часто ездят по окрестным деревням, узнали, что они подговаривают мужиков сеять лен. В одну из таких поездок на старика Ар⟨тамонова⟩ напали беглые солдаты, он убил одного из них [12] кистенем, фунтовой гирей, привязанной к сыромятному ремню, другому проломил голову. Исправник похвалил его за это, а молодой священник бедного Ильинского прихода, отец Глеб, наложил [13] эпитимью за убийство,— сорок ночей простоять в церкве на молитве.

Осенними вечерами [14] Никита читал отцу и братьям жития святых и поучения отцов церкви, но отец часто перебивал его.

— Высока премудрость эта, не досягнуть [15] ее нашему разуму [16]. Покойник князь Юрий, отец нынешнего, семь тысяч книг прочел и до того в мысли углубился, что и веру в бога потерял. Все земли объездил, у всех королей принят был — знаменитый человек. А построил суконную фабрику — не пошло дело. И что ни затеет — не может оправдать себя.

Говоря, он произносил слова четко и сам, прислушиваясь [17] к речам своим, задумывался, взвешивал их.

— Глядите,— строго поучал он детей,— вам жить трудно будет, вы — сами себе закон и защита. Я вот жил не своей волей, а как велели [18]. И вижу: не так надо, а поправить не могу: не мое дело,

---

[1] Вишь, какой звереныш... [2] сказал [3] *Далее*: обернул⟨ся⟩ [4] *Далее*: И подождав, когда Никита ср⟨авняется?⟩ [5] старик [6] *Текст*: когда оба они ∾ не смеши людей.— *вставка на отдельном листке* [7] *Далее*: на дворе, в амбаре [8] *Далее*: мало [9] *Далее*: черная, молчаливая [10] *Далее*: рогато повязанная [11] *Далее*: рогато [12] *Далее*: полуторафунтовым [13] *Далее*: легкую [14] Вечерами, по праздникам [15] *Далее*: см⟨ысл?⟩ [16] *Далее*: «Вставка», *вставка отсутствует.* [17] прислушивался [18] а как велят, так и делаю

господское. Не только сделать по-своему боялся, а даже и думать, как бы свой разум не спутать с господским. Слышишь, Петр?

— Слышу.

— То-то. Сколько добра [1] зря пропало в неволе этой, сколько людей исхизло. Живет человек, а будто нет его [2]. Конечно, и ответа меньше, не сам ходишь, тобой правят. Без ответа — жить легче, а толку мало [3]. Господа — жесткий народ, жалости к людям [4] нет у них, а всё-таки надо помнить: они [5] первые люди на земле [6], учены, всё понимают. Ни купца, ни чиновника рядом с ними не поставишь [7]. Купец — робок, да и закон для него теснее. А — погодите! — должен и купец осмелеть.

Иногда он говорил час и два, всё спрашивая: слушают ли дети? Сидит на печи [8], разбирая пальцами бороду, почесывая грудь, и вдумчиво, не торопясь, кует звено за звеном [9] цепи слов, [10] часто прерывая речь свою длительными паузами. Петр, сидя у стола перед сальной свечой, негромко щелкает косточками счет, шуршит бумагами, Никита и Алексей искусно плетут корзины из прутьев тальника [11]. В большой, чистой кухне теплая темнота [12], за окнами вздыхает ветер осени, шелково шумит дождь, омывая куст бузины под окном [13].

— Вот — воля нам дана [14] государем. Это надо понять: в каком расчете? Без расчета и овцу из хлева не выпустишь. Надо думать, понял государь, что у господ хозяйство плохо идет. Князь Георгий [15] задолго еще до воли говорил, что подневольный работник [16] невыгоден [17]. Государь [18] оказал нам [19] доверие для свободной работы — поняли? [20]

Ульяна Баймакова прожила в монастыре почти два месяца [21], а когда вернулась домой, на другой же день Артамонов [22] спросил [23]:

— Когда ж мы будем свадьбу строить?

Она возмутилась, сердито сверкнула [24] серыми глазами:

— Что ты, сударь, опомнись! Али греха не знаешь? Полугода не прошло [25] со смерти отца, а ты...

---

[1] людей [2] *Далее*: без воли-то [3] легче жить, ну, однако обидно. [Понимай, Петр] Понимайте [4] мужику [5] *Далее*: самые [8] *Далее*: грамотны [7] *Далее*: нет, дворянина трудно обогнать [6] на лежанке [9] и вдумчиво, звено за звеном, кует [10] *Далее*: ча‹сто› [11] [Никита плетет из мочала веревки, Алексей] Никита искусно режет и плетет корзины из прутьев тальника. [12] тепло и темно [13] *Далее*: желтый лист деревьев сада [14] воля дана мужикам [15] *Далее*: еще раньше го‹ворил› [16] *Далее*: крепостной человек [17] вроде мертвого тела [18] *Далее*: нам [19] мужикам [20] *Далее*: [Государь понял: ослабели господа] Государь видит: дела господские плохо идут, не богатеет земля наша [21] а когда [22] от‹ец› [23] сказал ей [24] Она возмутилась и, сверкнув [25] *Далее*: Году не прошло

Но Артамонов так же строго прервал ее:

— Греха я тут, сватья, не вижу. То ли еще господа делают, а бог терпит им. А у меня — нужда, Петру [1] хозяйка требуется. Сколько тебе муж денег [2] оставил?

— Это дело не твое. Боле пяти сот я за дочерью не дам...

— Я у тебя и не прошу,— сказал Арт‹амонов› и, пристукнув ладонью по столу, предложил [3] ей открыть хорошую лавку или трактир, взять в помощники Никиту.

— Пойми: у меня сейчас до сотни человек работает, а когда открою фабрику — того больше будет.

Они сидели за столом друг против друга, Артамонов, облокотясь на стол, запустив пальцы в бороду, женщина — прямо, настороженно глядя в его голубоватые глаза.

— Обойдешь ты меня,— сказала она, вздохнув, мужик усмехнулся.

— Ну, это — глупость.

— Не буду я трактирщицей.

— Твое дело. Все-таки подумай... Только — не тяни со свадьбой. Время — не терпит, ведь не по двести лет живем.

Замолчав, он стал в упор смотреть на нее. Ей было под сорок, но большая, дородная, она казалась значительно моложе, на ее сытом румяном лице приятно светились темные глаза. [4] Артамонов встал, выпрями‹лся› [5].

— Красивая ты, Ульяна Ивановна [6]...

— Еще чего скажешь? — сердито и насмешливо спросила она.

— Ничего не скажу.

Он ушел неохотно, тяжело топая, а женщина, искоса поглядев вслед ему, скользнула глазами по зеркалу и, нахмурясь, прошептала с досадой:

— Чёрт бородатый ... Ввязался...

Чувствуя [7] себя в опасности [8] пред этим человеком, она пошла наверх, к дочери, но Натальи не оказалось там; выглянув из окна в пестрый сад [9], освещенный косыми лучами осеннего солнца, она увидала около беседки дочь и Петра, он стоял против Натальи, положив ей руку на плечо, и что-то говорил странно глухим голосом.

— Наталья — поди ко мне!

Петр, взрогнув, поднял широкое лицо свое вверх, Баймакова сказала ему:

---

[1] мне [2] деньгами [3] *Далее*: сей‹час же?› [4] *Далее*: Ну, что ты уставился на меня? [5] *Далее*: и сказал негромко [6] *Далее*: я те скажу... [7] Она, чувствуя [8] *Далее*: сре‹ди› [9] в сад

— Не порядок это, молодец хорош⟨ий⟩, с девицей без матери беседовать, чтобы впредь не было этого.

— Она мне благословенная,— смущенно сказал Петр.

— Всё едино. У нас [1] — свои обычаи [2]...

Петр молча поклонился, ушел во двор, а она мысленно спросила себя:

«Что это я, господи, рассердилась. Молодым да не миловаться. Будто позавидовала дочери. Нехорошо как».

Но когда пришла Наталья, она, больно дернув ее за косу, все-таки запретила ей говорить с женихом [3] с глаза на глаз, пригрозив, что иначе снова отправит к тетке в монастырь.

— Хоть он и благословенный тебе, да еще: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет,— сурово говорила она, глядя в сад; сад был хорошо [4] убран, дорожки выполоты, лишаи с плодовых деревьев сняты, кусты ягодника подрезаны, подвязаны, была видна работа опытной руки.

— Кто это сад чистил?

— Горбатый.

— Ишь ты,— неприязненно сказала Баймакова [5],— хозяевами себя видят. Раненько, будто.

Она спустилась [6] вниз, вышла в сад и, спускаясь по дорожке к реке, увидала [7] Никиту; он, согнувшись, чинил [8] плетень, подмытый водою. Из-под холщевой длинной, ниже колен, рубахи острым углом торчал горб, почти скрывая большую его голову в прямых, светлых волосах; чтоб волосы не падали на лицо, он надел на голову жгут, сплетенный из соломы. Светло-серый среди пестрой осенней листвы, он был похож на старичка-отшельника, самозабвенно увлеченного работой; [9] взмахивая топором, он ловко затесывал кол и тихонько напевал что-то церковное высоким тонким голосом девушки. За плетнем зеленовато блестела вода, золотые отблески солнца играли на ней, точно караси.

— Бог на помочь,— неожиданно для себя и умиленно окликнула [10] Баймакова.

Стоя на коленях, приподняв скуластое лицо, горбун взглянул на нее мягким [11] взглядом синих глаз и ласково отозвался:

— Спаси бог...

«Не обычно сказал, не по-нашему — мысленно отметила вдова,— у нас говорят просто: спасибо!»

— Это ты сад убрал?

---

[1] *Далее*: обычай [2] *Далее*: до Спаса яблок не едят, до венца девицу не смущают. [3] *Далее*: одной [4] чисто [5] Ульяна [6] вы⟨шла⟩ [7] *Далее*: сквозь [кус⟨ты⟩] куст⟨ы?⟩ [8] *Далее*: завалившийся [9] *Далее*: [лов⟨ко⟩] лег⟨ко⟩ [10] ска⟨зала⟩ [11] светлым

— Я.

— Любишь сады?

Не поднимаясь с колен, он кратко рассказал, что с девяти лет был отдан князем-барином садовнику, а теперь ему девятнадцатый пошел.

— Ну [1], работай. Очень ты хорошо сад убрал.

Никита засмеялся, и смех его словно попал в лад плеску [2] реки, шороху листьев под ветром, звонким крикам синиц.

Честна́я вдова Баймакова, идя [3] садом, подумала:

«Горбат, а будто не злой».

И, покорно вздохнув, подумала еще:

«Видно, и впрямь судьба — с ними жить».

Вечером, когда она с дочерью готовилась пить чай наверху у себя, Никодим встал на пороге с пучком осенних веток [4] в руках [5], с улыбкой на лице, некрасивом, но...

— Извольте принять букет.

— Зачем это?— удивилась Баймакова, подозрительно глядя на красиво подобранные листья [6],— Никита объяснил ей, что у князей Ратынских он обязан был утром и вечером приносить цветы княгине.

— Гляди-ко ты,— еще более удивясь, сказала Ульяна дочери, и, немножко зарумянившись, гордо подняла голову:— Будто я не похожа на княгиню.

— А чем — нет? — спросил горбун.

— Она, поди-ка, красавица писаная.

— Так ведь и вы тоже,— просто сказал Никита.

Еще более густо покраснев, Баймакова подумала:

«Не отец ли его научил?»

— Ну, спасибо за почет,— сказал она, но к чаю [7] не пригласила горбуна, а когда он ушел, сказала дочери:

— Хороши глаза у него. Не отцовы, видно, а материны... [8]

Темная тревога мутила ее мысли [9]; на другой день, вечером, в дождь и ветер, она пошла к Ерданской погадать о будущем, посоветоваться,— к ней, маленькой, толстой и похожей на колокол, [10] все женщины города сносили свои грехи, страхи и огорчения.

— Я тебе и карт раскладывать не буду,— тут гадать не о чем,— сказала Евлампия Ерданская,— я тебе, милая душа [11], прямо скажу: ты за этого человека держись. Я людей знаю,— недаром у ме-

---

[1] *Далее*: спа‹сибо› [2] шороху [3] *Далее*: к дому покорно [4] [листьев] красиво подобранных веток [5] *Далее*: и сказал, улыбаясь [6] ве‹тки› [7] но чай [8] видно, в мать пошел... [9] *Далее*: и [10] к этой круглой [бабе], распухшей по всем направлениям бабе [11] сирота моя

ня глаза на лоб выкатились, я людей насквозь проникаю, я их знаю, как мою колоду карт. Ты погляди-ка: каков он удачлив, Артамонов [1] этот, все дела у него шаром катятся, наши-то мужики только злые слюни пускают от зависти к нему. Нет, нет, милая, ты его не бойся; он не лисой живет,— медведем [2].

— То-то, что медведем, — согласилась [3] Баймакова и, вздохнув, рассказала [4] гадалке: — С первого раза [5] еще, когда он [6] посватал Наталью [7], испугалась я [8]. Вдруг, как будто из тучи упал, никому неведом — и в родню полез, разве так бывает? Помню, говорит он мне, а я гляжу в наглые глазищи его и на все слова его дакаю, со всем соглашаюсь, будто он меня за горло взял.

— Это, матушка, значит: [9] человек верит силе своей,— объяснила премудрая гадалка [10].

Баймакова ушла [11] из ее светлой [12] комнаты, пропитанной запахами лекарственных трав; знахарка, проводив ее до ворот, напутствовала:

— Ты одно помни: дураки только в сказках удачливы. [13]

Подозрительно много и громко [14] хвалила она Ар⟨тамонова⟩, так много, что казалась подкупленной. А вот большая, темная [15] Матрена Барская, [16] сердито выпучив огромные, по ложке, глаза, осудительно:

— Весь город стоном стонет, Ульяна, про тебя говорит: как это не боишься ты людей этих пришлых. Ой, гляди,— не ошибись! Недаром один парень горбат, не за мал грех родителей уродом родился...

* * *

Осень в том году была [17] сухая, холодно ясная, и [18] зима подкралась как-то незаметно и сразу обрушилась на городок гулкими метелями, завалила улицы и дома сахарными холмами снега, на-

---

[1] Ата⟨манов⟩ [2] *Далее*: он силе своей верит [3] [вздохнула] вздохнув, согласилась [4] показ⟨ала⟩ [5] Боюсь я его с [6] *Далее*: [говорил] заговорил со мной о сватовстве своём — напугал он меня [7] сына [8] *Далее*: его [9] *Далее*: ве⟨рит⟩ [10] Ерданская [11] *Далее*: успокоенной [12] *Далее*: [пр⟨опитанной⟩] уютной [13] *Далее*: Но через несколько дней Помялов, [усмехаясь тонкими кривыми губами] [кривя тонкие губы свои, прищурив], прищурив изломанные глаза, формой похожие на бобы, а цветом на спелые дубовые желуди, [ска⟨зал⟩] рассказал ей, что Илья Артамонов [прила⟨скал⟩] [свел знакомство с пьяницей, сыном Ерданской, и всё ходит с ним зачем-то по болотам] уговаривает Ерда⟨нского⟩...

«[Вон что] Вот почему Евлампия мирволит чужаку,— опасливо подумала Баймакова.— Господи, помилуй!» [14] много [15] темноволо⟨сая⟩ [16] *Далее*: знаток всех обычаев старины, вы⟨пучив⟩ [17] Зима в том году подкралась [18] а

дела на скворешни и главы церквей ватные белые шапки, крепкие морозы заковали реки и ржавую воду болот; с Михайлова дня начались на льду Оки [1] кулачные бои горожан с мужиками окрестных деревень: Алексей каждый праздник выходил на бои и всегда возвращался домой битым, с опухшим лицом. Дядя насмешливо спрашивал:

— Что, Олешка? Видно, здесь бойцы ловчее наших? Ишь как разукрасили морду тебе...

Растирая синяки медной монетой или кусками льда, Алексей угрюмо отмалчивался, но Петр сказал твердо, хотя и почтительно:

— Напрасно, батюшка, смеешься: Лексей дерется лихо, он и ловок и смел, это его свои бьют...

Илья Арт‹амонов›, упираясь кулаком в стол, приподнялся со скамьи:

— За что?

— Ни за что. Не любят.

— Его?

— Всех нас, заедино.

Илья сел, [2] поглядывая на парней своих исподлобья, жуя бороду.

— Ты бы, Олеша, не ходил на бои,— сказал Никита тихонько, мягким голосом своим; но отец сердито закричал на него:

— Как это — не ходить? Чтобы люди смеялись,— испугался Артамонов?— Ты — молчи знай, пономарь! Сморчок [3]. . .

Тихо, но упрямо Никита сказал:

— Я того [4] боюсь, что изувечить могут.

Отец — освирепел, вскочил, ударив ладонью по столу.

— Я кому приказал молчать?

Но спустя несколько дней он за ужином ворчливо-ласково заговорил:

— Вы бы [5], ребята, на медведей сходили, тут медведей много. Забава хорошая, я хаживал с князь Георгием, в рязанских лесах [6] на рогатину брали хозяев.

Он воодушевленно рассказал несколько случаев охоты, и через неделю втроем с Петром и Алексеем они подняли и убили [7] матерого медведя, старика.

Потом пошли одни братья и тоже подняли матку, но одолеть не могли, ушла, оборвав Алексею полушубок и глубоко оцарапав бедро. В третий раз, когда Алексей вылечился, старик [8] снова позвал его на медведя; убили хозяина с хозяйкой и привезли в город пару живых медвежат.

---

[1] на Оке [2] *Далее*: вы‹...?› [3] Начетник, с‹морчок› [4] Я к ‹тому› [5] Мы что [6] в рязанские леса [7] уло‹жили› [8] от‹ец›

— Ну, как твои стояльцы, будущие свойственники, живут?— спрашивали горожане Баймакову.

— Ничего, хорошо живут.

— Зимой свинья смирна,— заметил Помялов.

Баймакова, себе не веря, заметила, что с некоторой поры враждебное отношение города к Артамоновым обижает ее и что неприязнь к ним [1] постепенно и ее, Баймакову, окутывает холодным [2] туманом.

Она видела, что Артамоновы [3] живут [4] трезво, дружно делают свое дело и ничего худого не приметно за ними, хотя они — люди других обычаев.

Не нравилось ей, что к ним стал ходить лохматый пьяница и буеслов Ермилка; маленький, быстроногий, сухой, юркий, этот человечишко [5] был похож телом на подростка и с гуслями в сером суконном мешке за плечом тоже казался горбатым. Было в нем что-то недоношенное, неконченное, и лишь неразумная [6] трепаная бородка, да [7] неуловимые глаза и бесстыжие, и насмешливо злые, и вдруг грустно задумчивые, да седой клок [8] в темных волосах над левым ухом указывали [9], что это взрослый человек. Выследив [10], что он зачем-то водит Илью Арт‹амонова› по болотам, горожане говорили:[11]

Являлся Ермил [12] к Артамоновым по праздникам к вечернему чаю, вел себя размашисто, [13] высмеивал всех горожан, рассказывая про них постыдное и глупое, а затем подыгрывал [14] на гуслях Никите, который умилительно [15] и очень искусно пел церковное или незнакомые Ульяне [16] хорошие песни [17]. Споет Никита — Ермилка бесится, прыгает, кричит; * он и трезвый, точно пьян, [18] но она заметила, что когда [19] шут Ермилка слушает пение Никиты, его насмешливые [20] глазки неуловимого, неверного цвета светятся приятно и грустно, а губы так дрожат, точно он тоже хочет петь, но — не решается. Видела она, [21] что [22] неугомонный, злой говорун [23] этот кланяется ей издали, почтительно, [24] пред Натальей явно робеет, [25] с отцом Артамоновым никчемный человек говорит смело [26] и как

[1] к ее постояльцам [2] душны‹м› [3] люди эти [4] *Далее*: сурово, дружно, все трезвые [5] юркой этот шут [6] *Далее*: ос‹трая› [7] *Далее*: какие-то [8] *Далее*: вол‹ос› [9] указывала [10] Выследили, что Илья Арт‹амонов› [11] *Далее знак вставки; вставка отсутствует.* [12] Ермилка [13] *Далее*: как шут [14] играл [15] трогательно [16] *Далее*: очень [17] *Далее*: Ни‹кита› [18] [И трезвый точно пьян. [Неут‹омимый›] Неустанный говорун] он и трезвый всегда точно пьян [19] *Далее*: этот [20] *Далее*: и наглые глаза этого шута становятся приятно грустными, а губы его [21] И нравилось ей [22] *Далее*: он [23] *Далее*: робеет перед нею [24] *Далее*: и явно робеет [25] *Далее*: [но] не [26] *Далее*: [как с равным себе] даже дерзко

* *Ранее этим словом кончался лист и после двоеточия шел текст*: — Талант, эх; божий дар, эх! (ХПГ 49-14-1). *См. наст. том, стр. 566—567.*

будто даже свысока, а вот она, почтенная женщина, боялась [1] недоброго взгляда мужика. [2]

Арт⟨амонов⟩ все чаще и наглее говорил: [3]

— Торопись, Ульяна Иван⟨овна⟩, а то они сами поторопятся. [4]

Она и сама видела, что пора венчать Наталью, девушку томила телесная тоска, ночи Наталья спала беспокойно, но Баймакову тревожило непонятное, суховато серьезное, но бережное и как будто ревнивое отношение Петра к дочери.

«Не ласков будет муженек»... [5]

Зорко следя за ним и дочерью, она убедилась, [6] что этот молчаливый, коренастый парень ведет себя необычно, [7] не старается притиснуть [8] девицу в темном углу, щекотать, [9] тискать [10], целовать и шептать [11] в ухо зазорные слова. [12]

Однажды, стоя на лестнице, она услыхала в сенях их беседу: [13]

— Сильно скучал я, когда вы в монастыре жили.

— Опять на медведя пойдете?

— Собираемся. А что?

— Опасно, вон как Алешу задел он.

— Алексей сам виноват, погорячился. Значит — думаете обо мне?

— Я про вас ничего не сказала.

— Не сказали, а — думаете все-таки? [14]

Баймакова кашлянула, чтоб не дать дочери ответить, и сошла с лестницы, сердито го⟨воря⟩:

---

[1] *Далее*: [этого мужика, его упрямых глаз] недобрых глаз мужика, упрямо следивших за нею. [2] *Текст*: Не нравилось ей ∾ недоброго взгляда мужика — *зачеркнут синим карандашом.* [3] Он все упорнее просил ускорить свадьбу [4] Гляди, Ульян⟨а⟩ Иван⟨овна⟩, а то они сами поторопятся,— говорил он, нагло усмехаясь. [5] [Ей нравилось] Ее тревожило суховато серьезное отношение Петра к Наталье. «Не ласков будет муженек»,— [думала она тревожно, но вскоре по⟨няла⟩] думалось ей, но вскоре ей бросилось в глаза, что Петр незаметно и молча всячески старается облегчить домашнюю работу дочери ее: принесет дров в кухню, поможет [вы⟨качать⟩] накачать воды из колодца на дворе, вынесет помой,— это было необычно и [присмотревшись] [присматриваясь] зорко следя за поведением, [ув⟨идела⟩] [с пора⟨?⟩] с удивлением убедилась, что он [относ⟨ится⟩] молча и незаметно всячески старается облегчить домашнюю работу [6] скоро убедилась [7] не так, как [принято] ведут себя с девицами городские женихи: он [8] *Далее*: ее где-нибудь [9] и пощекотать ей под мышками [10] *Далее*: груди [11] *Далее*: ей [12] *Далее*: Было что-то бережное и ревнивое в его отношении к Наталье, он даже [ст⟨арался⟩] незаметно помогал ей, а говорил он с нею [всегда] как будто нарочно громко [13] *Далее*: Петр гово⟨рил⟩ [14] *Далее*: Спасибо.

— Вы что тут прячетесь?

— Мы не прячемся,— сказал Петр глуховатым баском своим и глядя прямо в глаза ей; его широкое, носатое [1] лицо, с крутым подбородком в темном пухе юной бородки [2] было некрасиво, [3] но как-то необыкновенно открыто, а [4] глаза смотрели бесхитростно, но не [5] по возрасту серьезно.

— Я ведь пошутила,— сказала Баймакова, проходя в кухню, [6] и оттуда услыхала благодарные слова Петра:

— Ну, спасибо вам, что думаете, я про вас тоже — день и ночь...

«Вот как»,— ласково усмехнулась Ульяна.

Весною Артамонов [7] настоял на своем, да и Баймакова не очень [8] уговаривала его подождать со свадьбой до осени, когда истечет год срока со дня смерти мужа ее.

— Только ты, сударь, Илья Вас‹ильевич›, отступись от этого дела, дай мне устроить все по-нашему, по-старинному, по-хорошему. Это и тебе будет выгодно: сразу войдешь во все лучшие люди, на виду встанешь.

— Ну, — горделиво промычал [9] Артам‹онов›,— меня и так издали видно.

Обиженная его заносчивостью, женщина [10], сказала:

— Не очень любят тебя здесь...

— Привыкнут.

— Да и на меня нелюбовь эта заметно падает.

— Ты, сватья, не беспокойся! — решительно и громко сказал Ар‹тамонов›, подняв длинную лапу, [11] докрасна сжав пальцы в кулак.— Я людей обламывать умею, вокруг [12] меня не [13] попрыгаешь...

Она промолчала [14], думая с темной тревогой: «Экой зверь».

И вот уютный дом Б‹аймаковой› наполнен девицами лучших семейств города, все они пышно [15] разодеты в старинные [16] сарафаны из штофа и парчи, обшитые мишурой и серебрян‹ым› позументом, в белых, пузырями [17], рукавах тонкого полотна, с проймами и мордовским шитьем шелками, в козловых и сафьяновых башмаках на медных подковах, в белых и расписных шерстями чулках; в длин-

---

[1] большое грубоватое [2] [в светлых густых волосах] в светлом пухе юной бородки [3] *Далее*: но казалось очень умным, честным [4] *Далее*: [темные] небольшие [5] *Далее*: во [6] *Далее*: чувствуя, что парень все больше нравится ей, и чувствуя, что Илья Артамонов прав: надо торопиться со свадьбой, заметно было, что Наталью одолевает телесная тоска [и], ночи девица спит беспокойно. [7] *Далее*: уговорил играть свадьбу, хотя [8] *Далее*: и просила [9] недовольно и заносчиво мычал [10] она [11] *Далее*: [сж‹ал›] и [12] у [13] *Далее*: долго [14] Далее: жу‹...?› [15] пышно [16] шерстяные моск‹овские› [17] пышны‹х›

ных девичьих косах — ленты ярких цветов: пунцовые, алые, голубые.

Невеста, задыхаясь в тяжелом старинном уборе: [1] в сарафане серебр‹яной› парчи ‹с› вызолоченными ажурными пуговицами от ворота до подола, в косе — белые ленты с серебряными кистями, на плечах — шушун золотой парчи; она сидит, [2] как ледяная, в переднем углу и, часто отирая платком потное лицо, звучным голосом «стиховодит»:

По лугам, по зелены-им,
По цветам, по лазоревым,
Разлилася вода вешняя,
Студена вода, ой, мутная...

Подруги голосно и дружно подхватывают замирающий звук девичьей жалобы:

Посылают меня, девицу,
Посылают меня по воду,
Меня босу, необутую,
Ой, нагую, неодетую...

Ермилка, в кумачовой рубахе [3], искусно подыгрывая на гуслях, [4] сидит рядом с Никитой [5], одетым в синюю поддевку, ворот ее уродливо и смешно взъехал с горба его на затылок, его синие глаза широко раскрыты и смотрят на невесту [6] так странно, [7] точно он боится, что она растает [8].

В открытые окна, ликуя, светит [9] благотворное солнце [10], из сада льются теплые волны запаха сирени, [11] яблонь, вишен. Среди девиц, как пчела [12] в цветах, Алексей — в шелковой голубой рубахе, в плисовых шароварах, шумный и веселый, точно пьян.

В двери стоит, заполняя всю ее, Матрена Барская и, ворочая глазами, гудит глубоким басом:

— Не жалобно поете, девицы!

— Да вот невеста не печалится,— кричат ей весело и смешливо.

---

[1] *Далее*: по сарафану [сер‹ебряные›] вызолоченные ажурные пуговицы [2] *Далее*: она [3] *Далее*: красный и потный [4] *Далее*: говорит вполголоса Никите, одетому в синюю поддевку, смешно взъехавшую на горб его: — Ну,— не ерунда ли? [Гляди, как они все закутаны, а поют про наготу...] Окутана, как зимою, а поет про наготу... [5] *Текст*: Ермилка, в кумачовой рубахе ∾ рядом с Никитой — *зачеркнут синим карандашом.* [6] *Далее*: с [7] *Далее*: испуган‹но› [8] *Далее*: Пой,— говорит ему Ерданский,— он отвечает, как сквозь сон: — Не знаю этих песен. [9] смот‹рит› [10] *Далее*: мая [11] *Далее*: и цвету‹щих› [12] *Далее*: среди цветов, вес‹елый›

— Стало быть, глупа еще,— строго внушает Барская и, шагнув [1] в комнату широким шагом лошади, длительно внушает девицам, как надо петь по-старине, с каким трепетом следует готовиться к венцу.

— Сказано: «за мужем, как за каменной стеной», так вы глядите: крепка стена — не проломишь, высока — не перескочишь...

Но девицы плохо слушают ее, в комнате тесно, жарко, они, толкая старуху, бегут во двор, в сад, а Барская, обиженно надув толстые губы, приподняв спереди подол [2], выпучив глаза, идет наверх к Ульяне Баймаковой и пророчески говорит ей:

— Весела дочь у тебя, не по обычаю, не по правилу это, гляди: веселому началу — плохой конец. И непорядок есть [3]: жениху до венца жить в невестином гнезде, надо было выехать Артамоновым-то!

Ульяна, похудевшая в хлопотах, озабоченно роется [4] в кованных железом, раскрашенных яркими цветами сундуках, всюду в комнате развешаны, разбросаны, как в ярмарочной лавке, куски штофа, канауса, московского кумача, пучки лент, парчовые и шелковые сарафаны, набойные шерстяные юбки, белоснежное полотняное белье, вышитые полотенца, наволоки; широкий луч солнца лежит на ярких тканях, и они горят, точно облако на вечерней заре.

— Ой, Ульяна,— гудит Барская,— всем ведомо: появился он — Евсей Митрич тотчас слег на смертный одр, у Помяловых Танюша не разродилась, Кузьму Совкова бешеный пес укусил,— да мало ли было намеков-то, признаков-то!

Стоя на коленях пред сундуком, Баймакова прячет в него огорченное и гневное лицо, ворчит:

— Поздно об этом говорить, говорила бы раньше...

— А про тебя был слух, что ты умная, я и молчала, думала — сама догадается. Мне — что? Мне была бы правда сказана: люди не примут, господь зачтет. И еще более обиженная, Барская вылезает за дверь [5], неся голову неподвижно и осторожно, как чашу, до краев полную мудрости, которую она боится расплескать, а Ульяна шепчет, вытирая рукавом влажные глаза:

— О, господи! Никто не поможет мне.

И стоя на коленях в пожаре ярких тканей под лучом солнца, вскинув голову, разведя руки, она шепчет в страхе и тоске:

— Господи, помоги сироте твоей! Смертного греха избави... Не лиши разума...

---

[1] ст⟨упив⟩ [2] *Далее*: [штоф⟨ной⟩] [юбки] платья [3] это [4] разби⟨рает⟩ [5] Барская уходит, [уно⟨ся⟩] она вылезает за дверь

Тихий шорох у двери; [1] быстро, искоса оглянувшись, она пугливо сунула голову в сундук, чтоб скрыть слезы,— тихим голосом [2] Никита говори‹т›:

— Наташа послала узнать, не надо ли вам помощи [3] в чем-нибудь.

Незаметно отирая лицо, Баймакова весело отвечает [4]:

— Ну-ко, в самом деле, помоги-ка, милый, этот вот сундук — сюда... [5]

И, негодуя, с упреком [6] себе, думает:

«О чем это я молилась богу-то, о каком грехе смертном?»

Передвигая сундук, Никита рассказывает:

— Просвирня в кухне патокой облилась.

— Да что ты?

В саду, под цветущими яблонями, меж кустов сирени, за большим столом сидят, пьют крепкую брагу, степенно беседуя, Артамонов, крестный отец невесты Гавр‹ила› Барский, Помялов, Житейкин — бородатый старик, высокий и тощий, как святой [7]; на темном его лице задумчиво неподвижны странные, как будто пустые, глаза; он пьет брагу и молчит, будто нет его.

— Обычаи у вас другие,— задумчиво говорит Арт‹амонов›, постукивая пальцами, а Помялов [8] громко хвастается [9]:

— Мы жа тут коренной народ [10], Велика [11] Русь...

— И мы, куряне, не пристяжные...

— Про курян ничего не слыхал. Обычаи у нас древние, святоотческие, да-а! [12]

Блеснув острыми глазами, Арт‹амонов› усмехается:

— У вас тут раз — русак, а как два — так мордва... [13]

В стороне, [14] прислонясь к стволу клена, [15] стоит Петр, почтительно слушая беседу старших, он в белой шелковой рубахе, [16] в широких тонкого сукна шароварах, темные волосы его обильно смазаны маслом и [17] голова отливает железом.

Вдруг со смехом и визгом, толкаясь, вбежали девушки и, окружив стол венком больших цветов, озорно притопывая, запели величанье [18]:

---

[1] *Далее*: она [2] *Далее*: горбатый [3] помочь [4] она говорит [5] *Далее*: В саду девицы звонко и дружно заиграли песню. [6] со страхом [7] *Далее*: [старик] Перегудов, ткач, родственник Артамонова [8] *Далее*: скрипучи‹м› [9] хвастливо рассказывает [10] русак [11] Великая [12] *Далее*: Нас сюда царь Иван Грозный из Великого Новгорода свез. [13] Старик Перегудов, блеснув острыми глазами, сказал Помялову: — У вас тут раз — русак, а как два — так мордва... — Это — напрасно... — Я тут в ваших губернях семнадцать лет по оброку ходил... [14] *Далее*: на стуле [15] *Далее*: одиноко [16] *Далее*: искус‹но› [17] *Далее*: блестят, как железные [18] *Далее*: свату

Ой, да свату великому,
Да Илье-то бы Васильевичу,
На ступень ступить — нога сломить,
На другу ступить — друга сломить,
А на третью — голова свернуть...

— Вот так честят!— удивленно [1] вскричал Артамонов, обращаясь к сыну,— тот усмехается хмуро и осторожно.

— А ты — слушай! — советует [2] Барский и громогласно хохочет [3]:

Того мало свату нашему
Да похитчику девичьему...

— Еще мало? Чего же еще-то посулите? — возбуждаясь, кричал Арт‹амонов›.

На печи-те спать под шубою,
Да трясло бы те, повытрясло,
Изломало бы все косточки...

— Н-ну обычай... У нас так не голосят [4]... — говорил Ар‹тамонов›, оглядывая девиц, а они все более яростно пели:

С хором бы тя о́ борону,
Да с горы бы тя о каменье,
Чтобы ты нас не обманывал,
Не хвалил бы, не нахваливал
Чужедальние стороны,
Нелюдимые слободы,—
Они горем насеяны,
Да слезами поливаны.

— Вот оно к чему! — обиженно усмехнулся Артамонов.— Ну, я, девицы, не во гнев вам, все-таки свою-то сторону похвалю [5],— у нас народ поприветливее, помягче будто [6]. Не зря, видно, у нас, курян, поговорка сложена: «Свапа да Усожа в Сейм текут, слава тебе боже — не в Оку».

— Вы — погодите, вы нас еще не знаете,— сказал Барский, не то хвастаясь, не то угрожая; Арт‹амонов› спросил его:

— Сколько ж им дать?

— А сколько душе не жаль.

Но когда Арт‹амонов›, распахнув полу армяка, вынул кошель и дал девица‹м› два серебряных рубля, Помялов неодобрительно сказал:

— Широко даешь! Гляди, скажут — бахвалишься!

---

[1] неприязненно и смущенно [2] посоветовал [3] захохотал [4] визжат [5] похвалил [6] А Перегудов, тоже задетый, добавил: — У нас, курян, поговорка есть: «Свапа да Усожа в Сейм текут, слава тебе боже — не в Оку».

— Ну и трудно угодить на вас,— удивленно воскликнул Арт‹амонов›, но Помялов, не слушая его, ворчит:

— Ведь нам тоже одаривать их надо...

Девишник кончился поздно, на рассвете [1] почти все в доме улеглись спать, но Илья Артамонов все еще сидел в саду за столом, постукивая пальцами, отрывисто и задумчиво говоря Петру и Никите:

— Народ здесь — неприветлив и хитер. Терпкий народ, и других обычаев. Ты, Петр, поговори с тещей, как тебе в женихах ходить надо, ты уж исполняй всё, что она скажет, хоть это и пустяки бабьи. «С волками жить — по-волчьи выть». Да. [2] Лексей — все еще на улице, с девками? Пострел. Ты, Никита, присматривай [3] за ним, он — дерзок и горяч. Роди‹тели› его — жадные. Эх, матери нет у нас! Рано скончалась Анна, вот нужна бы теперь! Ульяну-то Ивановну, вы, парни, уважайте, это женщина достойная, она во многом хорошей рукой может быть для нас. Ты, Никит, поласковей с ней будь, ты это умеешь. Она тебя хвалит. [4]

Заглянув одним глазом в большой деревянный жбан на столе, он угрюмо продолжал:

— Всё выдули, пьют, как лошади. [5] Так вот, Никита, послужи отцу замазкой, где я трещину сделаю, ты [6] ее заткни [7]. Что угрюм, Петр?

Перебирая в руках шелковый пояс, Петр тихо сказал:

— Трудно. Тянут больно со свадьбой, терпенья нет! Да еще не умею я ничего...

— Учись. Нам надо [8] хорошо жить. Мы должны пробиться сквозь эти люди на наше место, понял?

И вот наступил для Петра Атаманова его большой, на всю жизнь памятный день: сидит Петр в переднем углу горницы, зная, что брови его сурово, сердито сдвинуты, чувствуя, что это нехорошо для людей и не красит его, но развести бровей не может; они точно ниткой сшиты. Исподлобья, по-волчьи оглядывая гостей, он встряхивает волосами, хмель сыплется на стол и на фату Натальи; она тоже понурилась, устало прикрыв глаза, бледная, испугана, как дитя, и вздрагивает от стыда.

— Гор-рько! — в двадцатый раз ревут красные волосатые рожи с оскаленными зубами.

Петр поворачивается, не сгибая шеи, приподнимает край фаты, сухими губами и носом тычет в щеку Натальи, он чувствует атласный холод кожи и дрожь в плече девушки, ему жалко ее и тоже

---

[1] восхо‹де› [2] Н-да. [3] поглядывай [4] *Далее*: да и невеста ласково глядит на тебя [5] *Далее*: Суров народ лесной [6] *Далее*: с‹обой› [7] *Далее*: собой [8] Мы должны

стыдно, а тесное кольцо подпивших людей густо дышит запахами пива, наливок, и десятки глоток орут:

— Не умеешь, парень!

— В губы цель!

— Эх, я бы вот поцеловал!..

Пьяный женский голос визжит:

— Я те поцелую.

Сцепив зубы, Петр прикладывается к влажным губам девушки, они дрожат у нее, и вся она, белая, тает, подобно снегу на солнце.

Они оба голодны; со вчерашнего вечера им не давали есть, от волнения, едких запахов хмельного и двух бокалов шипучего цимлянского вина Петр чувствует себя пьяным и боится, как бы молодая не заметила этого. У него кружится голова, всё в горнице зыблется, растекается, то сливаясь в пеструю кучу, то растягиваясь широким кольцом и уплывая во все стороны [1] красными пузырями неприятных рож.

— Ничего,— шепчет Петр чуть слышно и осторожно касается коленом ноги Ната‹льи›, ему хочется, [2] чтоб [молодая] хоть [что]-нибудь тихонько шепнула ему, но она убито молчит. Парень умоляюще и сердито смотрит на отца; Атаманов, выпивший, пламенный и встрепанный, ревет, глядя бесстыдными глазами в розовое веселое лицо Ульяны:

— Сватья — чокнемся медком! Ну и мед у тебя,— в хозяйку сладок!

Она протягивает ее круглую белую руку в кисейном рукаве с серебряными блестками, широким золотым браслетом, цветные камни сверкают на солнце, на высокой груди переливается нитка жемчуга. [3] Она тоже выпила, ее дородное лицо румяно, в серых глазах томная улыбка, приоткрытые губы шевелятся, точно она хочет что-то сказать, но молча чокнувшись бокалом, пьет и кланяется Атаманову, а он, встряхивая косматой башкой, восхищенно орет:

— Эка повадка у тебя, сватья! Княжья повадка, убей меня бог...

Петру смутно кажется, что отец неладно ведет себя, в пьяном реве гостей он чутко схватывает ехидные возгласы Помялова, басовитый голос старухи Барской и тонкий голосок попа; поп бородатый, длинный, прямой и тощий, как святой с иконы, на темном его лице странно неподвижны пустые стеклянные глаза, он урчит.

Эти люди говорят об отце неуважительно, насмешливо.

— Гляди-кось, как он, бес, вылупился на Ульяну-то... [4]

---

[1] *Далее*: круглыми, точно колеса, рожами, кра‹сными›
[2] *Далее*: чтоб она тоже что-нибудь [3] *Далее*: В [ее] серых глазах [лукавая] томная улыбка [4] *Далее*: Лаком до баб, видно... — Быком глядит...

— Ой, судари мои, нехорошо, будто, — слышен глухой бас старухи.

Эти слова на минуту влипают в уши ему, но он забывает обо всем — о людях, шуме, духоте, — когда локоть или колено Натальи коснется его, вызывая во всем теле сладкое [1], но тревожное томление. Он старается не смотреть на нее, держит голову неподвижно, а сладить с глазами не может, они невольно косятся в ее сторону:

— Горько, — мычит кто-то прямо в ухо ему, и, покрывая весь шум, громогласно кричит отец.

— Петруха, не робей!

— Скоро ли конец этому? — шепчет Петр, наклоняясь к невесте, она отвечает чуть слышно:

— Не знаю...

— Стыдно-то как...

— Да, — слышит он невнятный шёпот и рад, что Наталья чувствует одинаково с ним.

С улицы в открытые окна смотрели горожане, десятки голов и лиц качались в воздухе, поминутно сменяясь одно другим, открытые рты шептали [2], рычали, ругались, окно казалось мешком, из которого эти шумные головы сейчас покатятся арбузами в комнату под ноги плясунов. Никита особенно отметил лицо землекопа Тихона Вялова [3], скуластое [4], в колечках рыжеватой шерсти и в красных [5] пятнах, точно обожженное лицо с бесцветными на первый взгляд, но странно мерцающими глазами; они необычно подмигивали — мигали зрачки, а ресницы оставались неподвижны. И неподвижны были тонкие, плотно и упрямо сжатые губы его небольшого рта, чуть прикрытого курчавыми усами. А уши — велики и нехорошо прижаты к черепу. Он навалился грудью на подоконник и не шумел, не ругался, когда другие зрители пытались оттолкнуть его, он оттирал их молча легкими движениями плеч и локтей. Плечи у него были бугристые, круто круглые, шея пряталась среди них, и казалось, что голова землекопа выросла прямо из груди. В его некрасивом [6] лице Никита нашел что-то располагающее к этому человеку, похожему на доброго [7] разбойника сказок. [8]

---

[1] *Далее*: пугающее [2] кри⟨чали⟩ [3] Перегудова [4] *Далее*: лицо [5] *Далее*: прыщах, угловатое лицо [6] *Далее*: прыщеватом [7] добродушно⟨го⟩ [8] *Текст*: С улицы в открытые окна ∾ разбойника сказок — *на вставке, под ним — ранний вариант*:

С улицы и со двора в открытые окна смотрели горожане, [и среди чу⟨жих⟩] [и среди них Никита отметил] [и среди десятков [сменив⟨шихся⟩] лиц] [и среди десятков лиц появлялись, [исчезали] мелькали] десятки голов и лиц качались в воздухе, сменяясь другими, [шум⟨я⟩] крича, переругиваясь [иногда], окно казалось меш-

Но вот молодой еврей Минка неожиданно и гулко ударил в бубен, крепко провел пальцем по коже — бубен заныл, загудел, [а Ермишка], пронзительно свистнув, растянул на колене двухрядную гармонику; шум погас и тотчас посреди комнаты завертелся, затопал сын Барского, дружка невесты, кругленький, кудрявый Степаша, выкрикивая задорно в лад музыке:

— Эй, девицы-супротивницы,
Хороводницы, затейницы,
У меня ли густо денежки звенят,
Выходите, что ли, супроти меня!

Его отец выпрямился во весь огромный рост и загремел:

— Степа, не выдай город!

— Степаша! — завыли мямлинцы источными голосами. — Покажи курятам...

Взвился Илья Атаманов, дернул вверх встрепанной, как помело, головой, лицо его налилось кровью, большой нос раскалился углем; возбужденно сверкая синими глазами, он тоже закричал в лицо Барскому:

— Мы те не курята, а — куряне! И еще кто — кого! Олешка!

Откуда-то из угла выскочил Алексей, весь сияющий, точно лаком покрытый, встал перед Степаном, присмотрелся к нему с минуту, вдруг побледнел и, взвизгнув по-девичьи, пошел неуловимыми движениями вокруг мямлинского плясуна, дробно и в лад притопывая под музыку.

— Присловья не знает! — крикнули мямлинские, но Атаманов, закрыв глаза, отчаянно воззвал:

— Олешка — убью!

Не останавливаясь Алексей вложил в рот два пальца, свистнул, оглушив людей, и звонко завел:

ком, из которого эти шумные головы сейчас покатятся в комнату; Никита особенно отметил лицо землекопа Перегудова, работавшего на стройке, [ску‹ластое›] [угловатое] скуластое лицо в [рыжева‹тых›] колечках рыжеватой шерсти с бесцветными, [но] странно мерцающими глазами; они как будто подмигивали, но необычно [а изнутри, не ресницами]; мигали зрачки, а ресницы оставались неподвижными. И неподвижны были тонкие, плотно сжатые губы его небольшого, приятного рта, чуть прикрытого курчавыми усами. Он навалился грудью на подоконник и не шумел, [не говорил] не ругался, а оттирал соседей от окна молча, движениями плеч и локтей. [Что-то напо‹минало›]. Он напоминал Никите доброго разбойника, в лице его было что-то умное и располагающее к нему. Мужик этот был широкоплеч [и на бугристых плечах его] [и на буграх его], шея уходила в его бугри‹стые› плечи и казалось, что огромная [курчавая] голова его выросла прямо из груди.

У барина, у Мокея,
Было пятеро лакеев,
Ныне барин Мокей
Сам таков же лакей!

— Ого! [1] — многозначительно воскликнул поп, поднял вверх палец и покрутил лысой головою.

Артамонов и Бар‹ский›[2] стравливали сыновей [3], как бойцовых петухов; полупьяные, они оба встали на ноги, плечо в плечо друг другу, один — огромный, но неуклюжий, точно куль [4] отрубей, [5] багровое лицо его заплыло жиром, из красных узеньких щелей [6] под бровями обильно лились слезы пьяного восторга, [7] плачущим голосом он выл:

— Н-наяривай, Степан!

— Олешка — делай жарче! [8] — сквозь зубы [9] шипел Илья Артамонов, выпрямившись [10], сжав кулаки, крепкий и, казалось, вдруг похудевший; [11] у него вздрагивали плечи, он притопывал ногою и скрипел зубами, порываясь к Алексею [12], а тот бешено [13] метался в тесном круге гостей, заглушая их крики дробным стуком каблуков.

— Охально пляшет артамоновск‹ий›,— басом кричала Барская.— Охально [14], а не фигурно! Бедно пляшет!

— Олеша перепляшет вашего,— тихо сказал Петр Наталье; она, искоса [15] взглянув на него, робко ответила:

— Он — легкий...

Ермил Ерданск‹ий›, неистово растягивая гармонику, закрыв глаза, мотая шишковатой головою, взвизгивал:

— Пришла смерть по меня
От господа бога,—
Эх, жаль помирать —
Гулял я немного!

— Кощунство! — густо крикнул поп и стал подниматься, раскачиваясь, кошмарно становясь все длиннее; Петру казалось, что поп сейчас достигнет лысиною потолка, а Ермил, открыв глаза, скорчил шутовскую [16] рожу и пропел:

— Поп говядины не ест,
Он [17] поститься силится,
Того ради он завел
Для себя кормилицу [18].

---

[1] Уй — уй [2] Гости [3] [детей] парней своих [4] как мешок [5] *Далее*: заплывшее жиром [6] [из] и в узеньких волосатых щелках [7] *Далее*: а Илья Артамонов [8] *Далее*: орал [9] *Далее*: змеем [10] *Далее*: выпр‹ямившись› [11] *Далее*: он поводил [12] сыну [13] неистово [14] Далее: не [15] ро‹бко› [16] *Далее*: гримасу, подмигнув [17] Он [18] Того ради завелась У него кормилица.

Десятка два здоровых глоток разразились хохотом, завизжали бабы, ахнули девицы — всем было известно, что к попу приехала только что овдовевшая дочь с грудным ребенком, которого кормила одноглазая [1] мордовка. [2] Дико выругавшись, поп рванулся к музыканту, но Артамонов схватил его за плечо, оттолкнул и вышел в круг:

— Будет! Прочь, парни!

И, грубо дернув руку Баймаковой, приказал ей:

— Ну-тко, сватья, выходи!

Побледнев, упираясь, размахивая свободной рукою, она гневно и растерянно закричала:

— Что ты, что ты, али мне вместно плясать!

Но он, сбросив с плеч поддевку на пол, орал:

— Жив быть не хочу — иди!

Все гости примолкли; ухмыляясь, Помялов переглянулся с Барской и [3] сейчас же в тишине маслено растеклись [4] ее слова:

— Утешь, Ульяна Ивановна, спляши, чего там? Господь простит...

Вслед за нею и все гости начали в голос уговаривать Баймакову, а Илья Артамонов, размахивая левой рукой бороду свою, упираясь правой в бок, бесшумно ставя ноги, молодцевато поплыл по кругу, приказывая сквозь зубы:

— Ну, ну — выходи! Грех — на меня...

Петр, привстав, тревожно смотрел на отца,— было в Илье [5] что-то отчаянное, [6] он нахмурился [7], точно в драку идя [8], как будто не своею волей шел, и, казалось, вдруг отрезвел. Баймакову толкнули встречу к нему, она пошатнулась, точно оступясь с лестницы, но тотчас выпрямилась, вскинула голову и [9], тихонько притопывая, статно пошла по кругу, а вслед ей поплыл изумленный и злорадный шепоток:

— Ой, батюшки, муж в земле еще года не лежит, а она и дочь выдала, и сама в пляс пошла [10].

Петр хвастливо сказал молодой:

— Отец покажет фигуры! — а она, встав на скамью и глядя в тесный круг людей через их головы, ответила тихонько [11]:

— Матушка тоже мастерица плясать...— и нерешительно [12]— Только — не надо бы ей...

Покачнувшись, она схватилась рукою за плечо Петра, он быстро [13] обнял ее талию, сказав ласково, тоном старшего:

---

[1] кривая [2] *Далее*: Поп [3] *Далее*: та [4] проплы‹ли› [5] в нем [6] *Далее*: разбойничье [7] *Далее*: и [8] шел и [9] *Далее*: при‹топывая› [10] пляшет [11] *Далее*: но [12] *Далее*: добавила [13] *Далее*: бер‹ежно›

— Тише!

Ему приятно было почувствовать, что и Наталью что-то тревожит, [1] он согласно пробормотал:

— И отцу плясать не надо бы...

Гости покрикивали и шипели, но все тише, а гармоника [2] звучала все задорнее и как будто насмешливо [3]; один из парней, сухой и тонкий [4], бил в бубен, туго натянутая кожа гудела и бухала каким-то темным звуком; в тесном кругу потных, полупьяных людей метались двое [5]; Артамонов плясал шумно, яростно, но легко и ловко, как молодой, он молчал, не сводя сердитого взгляда голубоватых глаз с покрасневшего лица женщины, она, опустив ресницы, полуоткрыв малиновые губы [6], плавала над землею, как будто никого кроме себя не видя, не чувствуя [7]. Часть гостей уже вывалилась на двор и в сад, в комнате остались только осовевшие, неподвижно пьяные; поп хлопал ладонями [8], стараясь попасть в такт бубну и не мог; перешептывались девицы и парни, они, тесно сгрудясь, [9] смотрели на пляску, [10] как на дело [11] очень важное, необычно значительное. В открытые окна через головы зрителей вливались в комнату красные отблески вечерней зари, в красноватом свете этом кружились, как слепые, мужчина и женщина. [12] В саду, на дворе, на улице хохотали и кричали, а здесь, в душной комнате, становилось всё тише.

Артамонов, топнув, остановился и махнул рукой.

— Забила ты меня, Ульяна Ивановна.

Женщина, вздрогнув, тоже встала [13], как пред стеною, и, поклонясь всем круговым поклоном, сказала тихо:

— Не обессудьте...

Обмахиваясь платком, она тотчас ушла из комнаты, а на смену ей влезла в дверь Барская, командуя:

— Разводите молодых! Ну-ко, Петр Ильич, поди [14] ко мне, дружки, ведите его под руки!

Артамонов, отстранив дружек, положил длинные руки свои на плечи сына, говоря вполголоса:

— Гляди, Петр,— жену жалеть надо,— понял? Не жадничай, понял? Ну, обнимемся, дай те бог счастья.

— Непорядок это,— ворчала Барская, когда они обнимались, целуясь троекратно.— Не в этот час, не здесь надо бы тебе наказывать сыну.

---

[1] тоже тревожит что-то [2] *Далее*: Ерданского [3] насмешливее [4] *Далее*: Минка Бондарев [5] *Далее*: догоня⟨я⟩ [6] *Далее*: как будто забыла обо всем и рыбой [7] *Далее*: кро⟨ме⟩ [8] в ладоши [9] *Далее*: перешепты⟨вались⟩ [10] *Далее*: молча, как буд⟨то⟩ [11] на что-то [12] *Далее*: Дом гудел, точно улей, в саду [13] остановила⟨сь⟩ [14] ст⟨упай?⟩

— Ладно тетка, перестань[1] ворчать,— сердито сверкнув глазами, крикнул Артамонов.

Дружки подхватили Петра под руки, повели на верх, Барская, тяжело топая, приподняв юбку, шла впереди и бормотала, плевалась:

— Тьфу, тьфу; ни болезни, ни горюшка, ни зависти, ни бесчестьица, тьфу, тьфу! Огонь, вода — вовремя, не на беду — на счастье...

Когда Петр вошел вслед за Барской в светлицу Натальи, где была приготовлена пышная кровать, старуха тяжело села посреди комнаты на стул, торжественно говоря:

— Слушай, да не забудь! Вот те две полтины, положь их в сапоги под самую подошву и — сиди, жди! Придет Наталья — станет на колени, начнет с тебя сапоги снимать — не давай, до трех раз, гляди, не давай!

— На что это? — угрюмо спросил Петр.

— Не твое дело! Не давай, а пусть она тебя целует...

— Ладно,— согласился Петр, усмехаясь.

— А ты — слушай! — строго крикнула старуха.— Потом — разденешься, дурачок, да и ляг лицом к стене, попросит она тебя раз: «Господи Исусе, сыне божий, Петр Ильич,— пусти ночевать!» Так ты — молчи, и вдругорядь — молчи, а уж в третьи, ну—подай ей руку! Понял? Гляди же... [2]

Петр [3] изумленно взглянул в [4] широкое, лоснящееся жиром лицо мудрой наставницы, [5]— а она, четко [6] и властно выговаривая бесстыдные слова [7], облизывала губы и вытирала платком двойной свой подбородок:

— Ну, молись богу!

Тяжело поднявшись со стула, она вылезла в низенькую дверь, унося с собою запахи гусиного сала, наливок и пота.

— Чёрт болотный,— прошептал Петр вслед ей и в припадке злобы, внезапно овладевшей им, сорвал с себя сапоги, метнул их под кровать и, быстро раздевшись до рубахи, прыгнул на кровать, под одеяло, вздрагивая от возбуждения, щелкая зубами и боясь заплакать от какой-то большой непонятной обиды, душившей его.

Потонул глубоко в пуховике и, закутавшись с головою, лежал до поры, пока не стало душно; тогда, вскочив на пол, он подошел к окну, [8] распахнул раму — в лицо ему из сада хлынул пьяный вой, гул, хохот и девичий визг; в синеватом сумраке между деревьями

---

[1] будет [2] *Далее*: А что отец говорил про жадность — тому не верь: мужик должен быть жаден, на то ему и — дадеп [3] *Далее*: [изумленно] быстро [4] на [5] женщины, [ее и] она [прон‹знесла›] выговорила [пословицу] [поговорку] слова [6] спокойно [7] не женские сло‹ва› [8] *Далее*: занавешенному куском толстой синей крашенины, приподнял ее

бродили, пошатываясь, огромные черные куски, странно короткие точно приплюснутые к земле.

Медным пальцем воткнулся [1] в небо тонкий шпиль никольской колокольни, крест с нее сняли золотить; за крышами домов мягко светилась Ока.

«Может, надо мной смеются... над ней тоже... Чего ее не ведут? Скорее бы, господи!»

Он почувствовал себя усталым, сделалось грустно и неловко стоять с голыми ногами, в одной рубахе, тогда он не спеша надел шаровары.

Вдруг внизу, на лестнице, затопали, захихикали, и большое тяжелое стало подниматься вверх все ближе к двери.

Петр снова прыгнул в кровать, охваченный жаром и холодом; он слышал, как открылась дверь и кто-то долго тискался в нее, разноголосо шептал, шуршал шелк, скрипели башмаки. Звякнул крючок, вложенный в пробой,— Петр осторожно приподнял голову: в сумраке у порога стояла белая фигура, мерно размахивая рукою, сгибаясь почти до земли.

«Молится,— сообразил Петр.— А я — не молился...»

Утопая в пуховике, он встал на колени, прижав руки ко груди крест-накрест, как ребенок, но слова молитв не вспоминались, [2] да и не хотелось молиться, а сказать бы какие-то очень хорошие, ласковые слова.

— Наталья Евсевна,— тихонько заговорил он,— не бойтесь, Я сам боюсь, ей богу! Замучился...

Он обеими руками стал приглаживать волосы на голове, [3] сердито продолжая:

— Не могу я, не хочу этого — сапоги чтобы снимали вы и просились ко мне. И деньги,— глупости это всё! У меня сердце горит, а они балуются.— Голос у него оборвался, и неожиданно для себя Петр всхлипнул.

— Нашла потеху, толстая дура, сапоги, говорит, не давай снимать... Чёрт!

Он переполз на край кровати, сел, свесив ноги и, услыхав [4], что Наталья тоже всхлипывает, окончательно растерялся:

— Что же это вы? Разве плакать надо? — бормотал он.

Осторожно, боком, девушка прошла к окну, [5] сказав шёпотом:

— Напугали меня...

— Я и сам тоже... Батюшка велел жалеть вас...

---

[1] *В рукописи*: воткнулась [2] *Далее:* тяжко кружилась голова, [внутри замирало сердце и тошнота] [внутри что-то дрожало [и], а к горлу] да и хотелось ни‹ть?› [3] *Далее*: растерянно и [4] услыхал [5] *Далее*: [сказав на ходу] прошеп‹тав›

— Стыдно мне...

Петр промолчал.

Внизу [1] дробно топали ноги плясунов, визжали девицы, ухал [2] бубен, задорилась гармоника, где-то на дворе раздавался медвежий рев Барского, в саду пьяные бабы нескладно кричали песню.

«Отца не слышно»,— подумал Петр [3] и услыхал робкие слова Натальи:

— Матушка-то как плясала.

— Красивая она. [4]

Так, боясь чего-то [5], не решаясь подойти один к другому, оба [6] усталые, они долго перебрасывались [7] ненужными словами, [8] чутко прислушиваясь к шуму внизу. На рассвете заскрипела лестница, за дверью кто-то шарил рукою по стене; Наталья пошла к двери, боязливо спросив [9]:

— Скоро светать будет?

— Барскую не пускайте,— шепнул Петр.

— Это — матушка,— сказала Наталья и, сняв крючок, вышла за дверь; Петр встал на пол, [10] тоже подошел к двери [11], но, махнув рукою, снова сел на край постели, недовольный собою, тоскливо думая:

«Плох я, не смел...[12]»

Дверь открылась, Наталья тихо сказала:

— Матушка зовет...

И встала в угол у изразцовой печи, почти незримая на белых изразцах, а Петр, соскочив, быстро вышел за дверь, [13] там, в темноте, его встретил обиженный, испуганный, горячий шёпот Баймаковой: [14]

— Что ж ты делаешь, Петр Ильич, что ты — опозорить хочешь дочь мою? Ведь утро наступает, скоро надо будет девичью рубаху людям показать, чтобы видели: дочь моя — девица честная!

Говоря, она всхлипывала и, схватив [15] его за руку одною рукой, другой [16] толкала [17] от себя.

— Что же ты это? Силы нет, охоты нет? Не пугай ты меня,— что ты молчишь?

Петр глухо сказал:

— Жалко ее... Боязно...

---

[1] *Далее*: [под ни‹ми›] под ними, точно котел [2] охал [3] *Далее*: [у окна раз] [и] а Наталья негромко сказала [4] *Далее*: Тетя, монахиня, тоже красавица... — А зачем она в монастырь ушла? — Муж [уех‹ал›] без вести пропал... [5] боясь друг друга [6] они [7] искали, что [8] *Далее*: боясь чего-то [9] кри‹кнув› [10] *Далее*: присл‹онился› [11] окну [12] Не ловок я, не смел... Жалко ее... [13] *Далее*: и [14] *Далее*: прерывая слова всхлипываниями, она говорила [15] [схватив] дер‹жа› [16] другою [17] отталкивала

В сумраке чердака он не видел лица тещи, но ему послышалось, что женщина тихонько сквозь слезы засмеялась коротким смешком.

— Нет, ты иди-ко, иди, хороший, делай свое, мужское, с молитвой Христофору-мученику, иди! Дай-ко обниму тебя...

Она крепко обняла его за шею [1] и, обдав лицо его теплым запахом вина, поцеловала сладкими, липкими губами, он [2] громко чмокнул воздух, не [3] успев ответить ей поцелуем, он громко чмокнул воздух.

Войдя в светелку [4], заперев за собою дверь, он протянул руки к Наталье, девушка подалась вперед, вошла в кольцо его рук, и нерешительно положив легкие [5] свои руки на плечи его, сказала дрожащим голосом:

— Выпимши немножко она, боится за меня...

Пятясь задом, Петр вел ее к постели и бормотал:

— Ты — не бойся... Я хоть и некрасивый, а — добрый, ей-богу.

Прижимаясь к нему все крепче, Нат‹алья› [6] шептала:

— Ноженьки не держат... О господи... [7]

III

Пировать в Дрёмове любили [8], свадьба растянулась на пять суток; колобродили с утра до полуночи, [9] толпою расхаживая по улицам [10] в хмельном чаду, особенно обилен [11] и хвастлив пир устроили Барские. Илья Арт‹амонов› таровато одарял девиц лентами и

---

[1] *Далее*: поцеловала [2] *Далее*: тоже [3] *Далее*: найдя [4] *Далее*: Натальи, он запер [5] *Далее*: руки [6] девушка [7] *Текст*: Говоря, она всхлипывала... ∾ Ноженьки не держат...О господи...— *вставка на полях и на наклеенном листке. Под наклейкой ранний вариант*:

— [Не сочти] А ты — что же это? Ты иди, делай свое мужское дело,— иди, иди!

Горячие руки обняли его:

— Дай поцелую...

Крепко трижды она поцеловала его в губы и сильно толкнула в дверь, шепча:

— С молитвой Христофору праведному.

Сжав зубы, Петр затворил дверь, наложил крюк в пробой и протянул руки к Наталье; она подалась вперед, вошла в кольцо его рук и, нерешительно обняв за шею, дрожащим голосом сказала:

— Выпивши она немножко, матушка, боится она за меня... [О господи...]

Пошатываясь, Петр вел ее, пятясь задом, к постели и бормотал:

— [Вы] Ты — не бойся... [Я тебя люблю, буду беречь...] Я хоть некрасивый, а — добрый, ей-богу...

Прижимаясь к нему, девушка шептала:

— Ноженьки не держат... О господи...

[8] *Далее*: пят‹ь› [9] до вечера [10] по городу [11] велик

гостинцами, парней — деньгами, насмерть поил отцов и матерей, всех обнимал, встряхивал и рычал:

— Живем али нет? Эх-ма, люди!

Баймакова мягко заметила:

— Уж больно широко ты деньги тратишь!

— Хватит! — дружелюбно подмигнув ей, ответил он.— Ты — не беспокой себя, я приданые не трону, а медведей ваших прикормить надо, так ли?

Вел он себя буйно, [1] подрался с гарнизонными солдатами, устроил борьбу с каменщиками — поборол троих.[2]

Тогда к нему подошел Вялов [3] и не предложил, а потребовал:

— Теперь со мной [4] поборись.

Илья, несколько удивленный [5] его тоном, обвел взглядом коренастую фигуру землекопа, спросил:

— А ты — что? Силён [6] али хвастлив?

— Не знаю,— сказал землекоп серьезно.

Схватив друг друга за пояса, они [7] долго топтались на одном месте, Илья смотрел через плечо Вялова на женщин, особенно на Ульяну Баймакову,[8] крякал и бесстыдно подмигивал. Он был выше землекопа, но тоньше его. Вялов подпирал его широким плечом своим снизу, [9] стараясь приподнять и перекинуть через себя. У Артамонова поднялась рубаха, обнажив [10] желтую масленистую поясницу и часть спины, [11] мышц‹ы› ее [12] мощно вздувались [13], натягивая кожу; кто-то крикнул с великой радостью:

— Эх, здоров человек! [14]

Илья Артамонов быстро присел к земле [15], гулко ухнул и перебросил землекопа через свою голову так, что тот ударом о землю отбил себе пятки [16]. Он минуту [17] сидел на траве, сконфуженно [18] усмехаясь, стирая пот с лица, потом сказал:

— Здоров!

— Видим,— ответили ему.

— Здоров,— повторил Вялов, утвердительно кивнув головой.

Илья протянул ему руку.

— Вставай, чего ты.

---

[1] *Далее*: много пил [2] *Далее*: а четвертый, тихонький, скуластый [мужичок] землекоп Сидор Перегудов, перекинул его через [свою] свою голову, так что Илья отбил себе пятки и [долг‹о›] долго сидел на земле, покряхтывая, багровый от стыда [3] [Тихон] землекоп [4] Давай со мной [5] удивился [6] *Далее*: что ли? Али [7] Крепко обняв друг друга, они ста‹ли› [8] *Далее*: на других [9] *Далее*: явно [10] *Далее*: его [11] *Далее*: на которой [12] *Далее*: вздували‹сь› [13] *Далее*: то сжимались, точно кулаки [14] *Далее*: Хватит [15] [гулко ухнул] быстро сел на землю и [16] *Далее*: и си‹дел› [17] Он с минуту [18] смущенно

Не приняв руки, землекоп поднялся на ноги, пошатываясь, [1] отошел в [2] сторону, сел на скамью у чьих-то ворот [3], тающим‹и› глаз‹ами› глядя вслед уходящей от него толпе людей.

— Больно? — участливо спросил Никита, подойдя к нему,— землекоп улыбнулся в лицо ему, ответив:

— Сначала это всегда больно, кости страдают. Я — сильней отца-то твоего, да не столь ловок, меня не первый [4] раз на эту штуку ловят — перекидывают. Ну, пойдем за ними, Никит Ильич, простец.

И дружески взяв Ник‹иту› под руку, повел его, [5] притопывая ногами и этим, должно быть, умеряя боль. [6]

Пил он много, точно огонь [7] заливая внутри себя, пил не пьянея и очень заметно похудел в эти дни.

Молодожены, тоже похудевшие от бессонных ночей и усталости, оглушенные, задерганные, безвольно плавали [8] по улицам, напоказ людям в пестрой [9], шумной, подпившей толпе, пили, ели, конфузились, выслушивая тяжко бесстыдные шуточки, усиленно старались не смотреть друг на друга и, расхаживая [10] под руку, сидя всегда рядом, молчали, как чужие. Это очень нравилось старухе Барской, она то и дело хвасталась Илье и Ульяне:

— Хорошо ли научен сын-от? То-то же! Ты гляди, как я тебе дочь вышколила? А — зять? Павлином ходит: я — не я, жена — не моя...

Но уходя к себе спать, Петр и Нат‹алья› сбрасывали прочь вместе с нарядной одеждой всё навязанное им, покорно принятое ими, и дружески разговаривали о прожитом дне.

— Ну и пьют у вас,— удивлялся Петр.

— А у вас — меньше? — любопытно спрашивала жена.

— Разве мужикам можно так пить? У нас князь строг был.

— Не похожи вы на мужиков. Грамотные все...

— Князь неграмотных не любил, в солдаты сдавал...

Иногда они, обнявшись, садились у окна, глядя в сад, дыша его вкусными запахами, и молчали.

— Что молчишь? — тихонько спрашивала Наталья [11], муж так же тихо отвечал:

— Хорошо очень. Неохота говорить обыкновенные-то слова.

И вот однажды, когда они так [12] сидели у окна, молча любуясь звездной ласковой ночью, в саду, около бани, послышалась возня.

---

[1] осторожно [2] к [3] *Далее*: [и заметив] тающим в‹зглядом› [4] в первый [5] *Далее*: вслед [6] *Текст*: Тогда к нему подошел ∾ умеряя боль.— *вставка на отдельном листке.* [7] пожар [8] *Далее*: из дома в дом [9] *Далее*: толпе [10] *Далее*: по [11] *Далее*: Хорошо очень [12] *Далее*: молча

кто-то бежал, задевая прутья малинника, потом раздался гневный, приглушенный возглас:

— Что ты, дьявол? Господи помилуй — опомнись! Что ты? [1]

Наталья испуганно вскочила, шепнув:

— Ой, это матушка!

— Погоди, молчи...

Петр, быстро высунувшись из окна, загородил всё его своей широкой спиною: он видел, [2] что отец, обняв тещу, прижимает ее к стене бани, стараясь опрокинуть на землю, [3] а она, часто взмахивая голыми руками, бьет его по голове [4] и, задыхаясь, громко шепчет:

— Закричу, пусти! Ой, пусти...

И вдруг странно густо, не своим голосом, крикнула:

— Родимый, не тронь! Господом богом прошу... Илья — пожалей...

Петр откинулся в комнату, осторожно прикрыл раму и, опустясь на стул, угрюмо сказал:

— Вот так—раз!

Наталья молча рванулась к окну, он схватил ее, обнял, посадил на колени себе, строго сказав:

— Не гляди!

Она, бледная со страха, билась в руках его, вскрикивая:

— Кто это? [5]

— Отец,— уныло сказал Петр и тотчас, крепко тиснув ее, грубо шепнул:

— Сиди! Не понимаешь, что ли?

Взглянув в лицо его, она со стыдом и страхом застонала.

— Ой, да как же это?

— Молчи...

Поднял ее, отнес на постель и, посадив там, стоя пред нею, сказал покорно и угрюмо:

— Мы с тобой родителям не судьи.

— Грех-то какой,— схватясь руками за голову и покачиваясь, шептала Наталья.

— Не наш грех,— сказал Петр и повторил слова отца:— Господа то ли делают...

Горько заплакав, Н⟨аталья⟩ ткнулась головою в подушки, муж сел рядом с нею и, гладя плечо ее, говорил:

— Еще, может, это для нас и лучше — к тебе не полезет. Они, старики, просты, они это называют «птичий грех» — со сно-

---

[1] *Далее*: Закричу, гляди... [2] *Далее*: отца и тещу [3] завалину [4] *Далее*: ш⟨епчет⟩ [5] Да — с кем она? Что это?

хой баловаться [1]. А отец — он на баб — зверь ожесточенная [2]. Не реви, Наташ.

— Еще когда он плясал перед ней,— говорила она сквозь слезы,— еще в тот раз я подумала,— ох, думаю!

И вдруг почти спокойно, деловито, она заговорила, обняв одной рукою шею мужа, другой стирая слезы со щек.

— Кабы они по любови, а если он насильно,—что же теперь будет у нас в доме?

— Красивая она,— задумчиво сказал Петр и невесело усмехнулся: — Еще, пожалуй, явятся [3] у меня братья от тещи-мачехи, а, Наташ?

Она тоже ответно усмехнулась.

— Простой ты какой...

И крепко обняла его, взывая:

— Родимый, разумный мой! [4] А я тебе хоть бы каждую ночь — девушкой... Очень полюбила...

— Ну вот,— целуя ее, радостно бормотал Петр,— вот и будем жить! Нам ни до кого дела нет. Ты мне — одна, я тебе — один... Одна душа... [5]

Потом он стал рассказывать ей о любовных делах отца, и под эту сказку, забавную [6] и жуткую, Наталья уснула, а Петр встал, бесшумно открыл окно, [7] нахмурясь, осмотрел сад— там никого не было; вздыхал предрассветный ветер, деревья стряхивали [8] душистую тьму [9] короткой ночи июня. Он оставил окно открытым и осторожно лег рядом с женой, не закрывая глаз, думая о случившемся.

Наталья проснулась рано; [10] ей показалось, что разбудил ее [11] страх пред тем, что случилось ночью, страх, [12] жалость к матери и обида за нее. Она тихонько слезла с постели и [13] босая, в одной рубахе, сошла вниз [14]. Дверь в ее комнату, всегда запертая [15] на ночь, сегодня была приоткрыта, это еще более испугало ее, но, заглянув в темный угол комнаты [16], где стояла пышная постель [17] матери; на ней спокойно возвышалась под складками простыни белая глыба, темные волосы змеями расползлись по подушке.

«Спит. Наплакалась, нагоревалась».

---

[1] жить [2] А отец — он особенный человек, я его уважаю, только на баб он — зверь ожесточенная. Сколько боя принял за это. Здоров, как чугунный. [3] родятся [4] *Далее*: Дай тебе господь все радости! [5] *Далее*: А отец — [он] [т‹ы›] не бойся! — он поладит с ней... [6] и смешную [7] *Далее*: выгл‹янул› [8] *Далее*: темную [9] ть‹му› [10] *Далее*: и тотчас же [11] *Далее*: темный [12] *Далее*: и [13] *Далее*: накинув на плечи платок [14] в сад. Мать еще спала, и дверь [15] закрытая [16] Она заглянула в комнату, в темный угол ее [17] кро‹вать›

Вздохнув, женщина пошла в сад. Она чувствовала, что ей нужно сделать что-то, нужно чем-то утешить мать. Было свежо, мокрая, в росе, трава холодно щекотала ноги; [1] только что поднялось солнце из-за леса над Окой и слепило глаза косыми [2] лучами. Лучи были чуть теплые, но мешали думать о матери и свекре. [3]

Сорвав широкий, посребренный росою лист лопуха, она приложила его к щеке, потом к другой и стала собирать на лист остатки рубиновых ягод малины, смутно думая, как ей встретиться с матерью, что ей сказать. В сотый раз вспомнила [4], улыбаясь [5]:

«Вот я и замужем».

И, перекрестясь, упрекнула себя:

«Шляюсь, а богу помолиться—забыла».

Она почти насильно [6] напомнила себе, как свекор тяжелой рукою шлепал ее по плечам и спине, ухмыляясь и спрашивая густым голосом:

— Ну, что — живешь? Дышишь? Ну — живи! — Других слов [7] для нее у него, видимо [8], не было, а ласковые шлепки [9] казались ей обидным⟨и⟩,— так ласкают лошадей.

Пели зяблики, зорянки, щебетали чижи, чуть слышно вздыхала листва деревьев; далеко, на краю города, играл пастух, с берега Ватаракши, где строились Артамоновы, доносились человечьи голоса, медленно плывя в светлой тишине [10]. Что-то щелкнуло; вздрогнув, Н⟨аталья⟩ подняла голову; над нею, на сучке березы, висела [11] клетка, западня для птиц, в ней бился чиж.

«Кто ж это ловит?»

Она [12] оглянулась, [13] где-то хрустнул сухой сучок, и снова всё стало тихо в саду.

Когда она вернулась в дом и снова заглянула в комнату матери, та, проснувшись, лежала вверх лицом, закинув руки за голову и как-то удивленно подняв брови.

— Кто... что ты? — тревожно спросила она, приподнявшись на локте.

— Ничего, вот малины к чаю набрала тебе. [14]

---

[1] *Далее:* [играя, по саду плавали легкие тени белых облаков] проснулись и пели птицы [2] чуть теплыми [3] [Эти чуть теплые лучи трепетали в листве деревьев так ласково, что тяжелые чувства] Лучи были чуть теплые, но тревожные думы как будто таяли от них [4] подумала [5] *Далее*: солн⟨цу⟩ [6] *Далее*: заставила себя подумать о свекре [7] *Далее*: [у него для нее не было] она не слышала от него [8] долж⟨но⟩ [9] *Далее*: его [10] *Далее*: [уже] стучали топоры [11] [пти⟨чья⟩] птичья [12] Нат⟨алья⟩ [13] *Далее*: как будто в саду никого не было. Вот [14] *Далее*: [Наталья села на постель, оглянулась] Наталья подошла к постели

На столе у кровати стоял большой графин кваса, почти пустой, квас был пролит на скатерть, на пол, под столом валялась белая кружка с отбитой ручкой. Строгие [1] светлые глаза матери были окружены синеватой тенью, они не опухли от слез, как [2] ожидала увидеть это Наталья; глаза как будто тоже потемнели, углубились, и взгляд их, всегда несколько надменный, сегодня казался удивленным, неверным, чужим.

— Что смотришь? — спросила мать, кутая грудь и шею простыней, и, скосив глаза, заговорила ворчливо:

— Комары, окаянные [3], спать не дают. И — душно стало в горнице; подожду день-два — в амбаре спать буду. Зачем ходишь босая по росе? Подол мокрый. Простудишься. [4] А — что рано встала? Муж обидел?

Н⟨аталья⟩ чувствовала, что мать говорит неласково, неохотно, сквозь какие-то свои думы. Тревога дочери постепенно заменялась острым и неприязненным любопытством женщины.

— Ты, мам, о Петре не думай плохо — он со мной ласков. Он — добрый. А я проснулась, подумала о тебе,— во сне видела тебя...

— Что подумала? — осведомилась мать, глядя в стену.

— Что вот одна ты спишь теперь, без меня...

Ей показалось, что щеки матери зарумянились, и что когда, улыбаясь, она сказала: «Я не боязлива»,— улыбка вышла фальшивой.

— Ну, иди, милок, [5] — твой проснулся, слышишь — топает,— приказала [6] мать, закрыв [7] глаза, и потянулась [8].

Медленно поднимаясь по лестнице, [9] Н⟨аталья⟩ думала с неприязнью, почти [10] брезгливо [11]:

---

[1] [Наталья заметила, что] Всегда строгие, несме⟨ющиеся⟩ [2] *Далее*: это [3] пр⟨оклятые⟩ [4] *Далее*: Ничего. [5] *Далее*: вон [6] сказала [7] за⟨крыв⟩ [8] потягиваясь [9] [Медленно] Поднимаясь по лестнице [10] *Далее*: с враждою к матери [11] *Текст*: Строгие, светлые глаза ∾ почти брезгливо.— *сохранился в двух более ранних вариантах*: *первый — под наклейками*, *а второй написан на полях и трижды перечеркнут синим карандашом. Первый вариант*:

— Что глядишь? — строго спросила мать, следя за нею.

— Так, маманя. Можно прилечь к тебе?

Мать молча и не сразу подвинулась, кутая грудь и шею простыней, прикрыв глаза.

— Ноги-то у тебя — как лед, гляди — простудишься. Что рано встала?

— Не знаю...

— Муж-то спит? Обидел что ли?

Наталья прижалась к ней, говоря убедительно:

«Ночевал [1] он у нее, [2] это он квас [3] пил. Груди-то у нее в пятнах [4], не комары кусали, а нацеловано... [5] Не скажу Пете об этом. В амбаре спать хочет... Сошлись».

Петр стоял у окна, глядя в сад.

— Где была?

— Малину собирала, к матери зашла.

Он быстро обернулся к ней:

— Ну, что она?

— Ты, мам, не думай плохо про него, он — добрый, он такой... [простой] хороший! А я проснулась, подумала про тебя.

— Что подумала? — как будто тревожно осведомилась мать и облизала губы.

— Что вот одна ты спишь теперь, без меня [скушно тебе].

— Спасибо, доченька...

[Наталья взглянула в ее похудевшее лицо, оно было спокойно.] [Взглянув в] Видя, что из-под крепко прикрытых век матери проступают слезы, Наталья тихонько погладила ее круглый локоть.

— Ты что, мам?

— Солнце глаза режет. Душно да и светло стало в горнице спать, подожду день-два — в амбар перейду... [И комары] Комары кусают здесь...

И, смахнув пальцем слезинки с темных синяков под глазами, мать спросила:

— Так — полюбился муж-то?

— Да.

— Ну, слава богу.

Она привстала, улыбаясь, посмотрела в лицо дочери и, взяв лицо ее в ладони, трижды, точно христосуясь, поцеловала ее.

— Ну, живи, Наталья, живи, милок... Иди!

Медленно поднимаясь по лестнице к себе, Наталья взволнованно думала

Второй вариант:

Лицо матери [показалось] казалось необычным [всегда спокойное и несколько надменное]. Всегда строгие и несколько надменные светлые глаза матери сегодня были необычны, но не так, как этого ожидала Н‹аталья›: [в них не бы‹ло›] они не покраснели, не опухли от слез обиды, [а в] [в них ясно светилось что-то] они как будто потемнели, окруженные синеватыми пятнами, [и светилось в них] углубились и что-то удивленное было в их неверном, [точно] чужом взгляде.

— Что смотришь? — спросила мать, кутая грудь и шею простыней и [опуст‹ила›] скосила глаза вниз, [говоря] заговорила строго, ворчливо:

— Подол мокрый, ноги тоже,— зачем ходишь босая по росе? Простудишься. Что рано встала? Муж обидел?

Н‹аталья› почувствовала, что мать говорит [неохотно] неохотно, неласково и сквозь какие-то свои думы [и ее] [неохотно]. И тревога дочери постепенно заменялась неприязненным любопытством женщины.

[1] Был [2] *Далее*: ночью [3] и квас [4] *Далее*: это [5] *Далее*: В амбаре спать хочет...

Опустив глаза, Н‹аталья› сказала, тихо, [1] точно виноватая в чем-то:

— Ничего, будто...

— Так,— молвил Петр, потирая подбородок.—Так.—И, подумав, снова глядя в окно, спросил:

— Видела,— Никита птиц ловит?

— Ой, а я по саду ходила, вот так, как есть, в одной рубахе,— не видал ли он меня?

— И видел, так не ослеп [2],—шутливо сказал Петр, но тотчас задумчиво добавил: — И когда он спит? Приятен он тебе?

— Да,— живо отозвалась Наталья [3]. — Такой ли приятный — на редкость!

* * *

Каждый день на восходе солнца, когда пастух, заунывно наигрывая на длинной берестяной трубе, собирал стадо,—за рекою раздавался торопливый стук топоров, и всегда обыватели, выгоняя за ворота коров, овец, усмешливо говорили друг другу:

— Чу, затяпали ни свет, ни заря!

— Жадность — покою лютый враг.[4]

Илье Артамонову иногда казалось, что он уже преодолел ленивую неприязнь города; дремовцы почтительно снимали пред ним картузы, внимательно слушали его рассказы о князьях Ратьских, но всегда тот или другой не без гордости замечал:

— У нас господа построже!

Вечерами, по праздникам, сидя в густом, красивом саду трактира Барского на берегу Оки, он говорил богачам и сильным людям города:

— От моей фабрики всем вам будет выгода.

— Давай бог,— отвечал Помялов, усмехаясь коротенькой собачьей улыбкой,— нельзя понять, ласково лизнет или укусит Его измятое лицо неудачно спрятано в пеньковой бородке, тупой [5] серый нос настороженно принюхивается ко всему, расширенные ноздри вздрагивают, а желудевые глаза щурятся, мерцают, меняя цвет, смотрят то боязливо, то ехидно.

— Давай бог,— повторяет он,— хоша и без тебя неплохо жили, может, и с тобой так же проживем...

Артамонов хмурится:

— Двоемысленно ты говоришь, не дружески!

Барский хохочет гулко, точно в бочку, и рычит, багровея от смеха:

---

[1] *Далее*: и [2] ослепнет [3] *Далее*: Он все‹м› [4] Жадность — покою супостат. [5] *Далее*: нос

— Он у нас такой! [1]

У Барского на месте лица скупо наляпаны красные куски мяса, среди них торчат добродушные медвежьи глазки, его огромная голова, шея, щеки густо обросли толстоволосой рыжеватой шерстью, уши не видны.

— Вся моя сила в жир пошла,— говорит он и хохочет, разевая широкую пасть, полную лошадиных зубов.

Присматриваясь к Артамонову неподвижными, очень светлыми глазами, тележник [2] Воропонов сухоньким голосом поучает:

— Дела делать — надо, а и божие дело не следует забывать. Сказано: «Марфа, Марфа, печешися о многом, а единое на потребу суть». Вот!

Ему лет тридцать, [3] он складно скроен, крепко сшит, видимо, очень силен, аккуратно одет, солидно держится, [4] говорит немного, веско, начитан в священном писании. [5] Но длинное носатое лицо его в светлой, как будто [6] выцветшей бородке [7], кажется старческим, каменно неподвижно; картуз, глубоко натянутый на череп, изогнул, оттопырил белые уши, [8] кажется, что они неустанно и подозрительно [9] прислушиваются не к тому, что люди говорят, а к тому, что они думают. Особенно же неприятны его почти пустые глаза, они смотрят так, как будто Воропонов догадывается [10] о чем-то, и вот сейчас, догадавшись, сделает или скажет что-то необыкновенное. Илья Артамонов не любит, опасается говорить с ним. Он спрашивает Барского:

— А ты Гаврило Петров, понимаешь дело мое?

— Зачем мне понимать? — искренно удивляется Барский.— Дело — твое, тебе и понимать его. У тебя — твое, у меня — мое.

Артамонов смотрит на шелковую полосу мутной Оки и левее, где в бок ей выползла из болот зеленой змеею фигурно изогнувшаяся Ватаракша. Там, на золотой парче песка, маслено светится щепа и стружка, краснеют кирпичи [11], среди примятых кустов ивняка вытянулась длинная красная коробка фабрики, похожая на гроб без крышки. Горит на солнце амбар, покрытый темным, матовым, еще не окрашенным железом, и, точно восковой, тает желтый сруб двухэтажного дома, подняв в мутное жаркое небо туго натянутые золотые стропила,— Алексей ловко сказал, что дом издали похож на [12] гусли. В нижнем этаже одна комната отстроена, в ней живет Алексей, отодвинут подальше от парней и девиц города; трудно

---

[1] *Далее*: У него не понять: где орел, где решка? [2] каретник [3] *Далее*: он [4] *Далее*: и [5] *Далее*: лицо у него длинное [6] *Далее*: седой [7] *Далее*: ст<арческое> [8] *Далее*: они [9] чутко [10] как будто догадываются [11] кучи кирпича [12] *Далее*: Ермиловы

с ним — горяч и вспыльчив, барская кровинка, да и на девок не по годам жаден. [1]

По большому лицу Артамонова проходит тень, он подозрительно, из-под бровей, смотрит на собеседников — не догадались бы о его мыслях. И снова отводит голубоватые упрямые глаза вдаль, где, опираясь о край неба, стоят недвижимо темно-зеленые леса [2] в рыжих пятнах пожарищ. Скучной кажется Ар‹тамонову› эта земля [3]. Его глаза с детства привыкли видеть иную землю, вся она в мягких [4] увалах холмов, распахана, покрыта золотыми ризами, изумрудными коврами, всюду между хлебов белые хаты деревень, точно куски [5] сахара.

Ночами, когда город мертвó спит, Артамонов вором крадется по берегу реки [6], по задворкам, в густой сад вдовы Баймаковой. Уже июль истек, по небу плывут серые тучи, над садами стоит крепкий запах анисовых яблок, нежный аромат антоновки. Луна катится среди облаков, по реке плывут тени. Перешагнув через перелаз в плетне в сад, Артам‹онов› тихонько за баней проходит во двор, и вот он в темном амбаре, из угла его встречает опасливый шёпот:

— Незаметно прошел?

Сбрасывая одежду, он сердито ворчит:

— Досада это мне, прятаться! Мальчишка, что ли, я?

— А не заводи полюбовниц.

— Ты — скажешь! Рад бы не завел, да бог навел.

— Ой, что ты, пострел, как говоришь! Мы с тобой — против бога идем, против закона...

— Ну, ладно! Эх, Ульяна, одна ты здесь, близкая мне. Люди у вас...

— А ты полно, не скучай, [7]— дружески говорит женщина и, утешив мужика ласками, подробно рассказывает о людях: кого надо бояться, кто бесчестен, кто умен, у кого деньги есть:

— Кум Гаврило — добрый человек, только глуп, бестолков, Помялов — злыдарь, [8] ему не верь... Он тут кругом леса скупает, прижать тебя хочет, зная, что тебе дрова нужны...

— Ну,— опоздал он! [9]

— Воропонова бояться надо; он [10] черным делам настройщик. У него первая жена с ума сошла, удавилась, вторая — года не прожила с ним — в одночасье умерла.

---

[1] *Далее*: Там, с ним — Ермил, пьяный шут, озорник, а — умница. [2] темные леса [3] Скучная земля. [4] всю в мягких [5] куски [6] Ватаракши [7] *Далее*: ласково [8] *Далее*: его [9] *Далее*: Да тут еще Ермил надоумил меня об одном.— Ермил — честный, он умный и всех [вас] нас любит. [10] *Далее*: [тут] злой

— Это дело не мое — жёны...

Арт⟨амонов⟩ [1] слушает серьезно, переспрашивает, потом благодарно снова ласкает женщину. Вокруг них, над ними — черная тьма, они даже глаз друг друга не видят и говорят беззвучным шёпотом. Пахнет сеном, березовыми вениками, смоленой паклей, из погреба поднимается сырой приятный холодок. Непоколебимая, точно из свинца литая тишина облила [2], окутала город, лишь иногда пробежит крыса, попищат мышата, да ежечасно на колокольне у Николы надбитый колокол бросает во тьму короткие, болезненно дрожащие звуки.

— Экая ты дородная! — восхищается Илья.— Экая мощная! Что ж ты родила мало?

— Трое было, [3] да — примерли, все слабенькие, кроме Натальи, [4] уж как я ее выхаживала, как господа молила — «сохрани!»

— Плох муж-то был?

— Не поверишь, [5] а до тебя я не знала, какова женская [6] жизнь, любовь. Бабы, подруги рассказывают, а я не верю, думаю: это они врут со стыда. Ведь кроме стыда и не знала я ничего от мужа-то. Бывало, ляжет он со мной, а я молюсь: «Господи, заснул бы, не трогал бы!» Хороший был человек, покойник, тихий, добрый, умница, а любови не дал ему бог.

— Вот как [7]! — удивляется Арт⟨амонов⟩, поглаживая ее пышные груди.— Вот как бывает, а я и не знал...

Он чувствует себя сильнее и умней около этой женщины, днем — всегда ровной, спокойной, разумной хозяйки, которую все в городе уважают за ум, за грамотность. Однажды, растроганный ее пылкими, точно девичьими, ласками, он благодарно сказал ей:

— Ты знай, Ульяна, я понимаю, на что ты пошла, я тебя от людских наветов буду беречь! Только бы дети не узнали...

— Дети у тебя хорошие, они нам не враги, и узнают — никому не скажут, а вот коли город узнает,— пропала моя голова! — И она даже вздрогнула всем телом.

— Ну, ничего,— пробормотал Илья.

Она тоже [8] как-то полюбопытствовала:

— Скажи-ка: вот [9] человека ты убил, не снится он тебе?

— Нет,— равнодушно почесывая бороду, ответил он.— Да я и не видал, каков он, ударили меня колом-то, я чуть [10] на ногах устоял, глаза [11] выскочили изо лба. Треснул его кистенем по башке—

---

[1] Он [2] накрыла [3] [Четверо было] Трое ещ⟨е⟩ [4] *Далее*: она четвертая [5] *Далее*: пожалуй [6] Далее: лю⟨бовь⟩ [7] какое дело [8] *Далее*: раз [9] *Далее*: ты [10] е⟨два⟩ [11] в глазах

хряснуло, упал под ноги мне, я — другого, а трет‹ий› убежал. Дураки были. [1]

Вздохнув тяжело, он помолчал и [2] ворчливо, с обидой сказал:

— Наткнется на тебя дурак, а ты за него отвечай богу...

Несколько минут лежали молча, потом Ульяна ласково [3] спросила:

— Задремал?

— Нет.

— Четыре скоро, иди! — сказала Ульяна тихо и робко [4].— На стройку [5] пойдешь? Ох, умаешься ты со мной.

— Не бойся, на будни хватило меня, хватит и на праздник [6],— хвастливо говорит Артам‹онов›, одеваясь во тьме.

Он идет по холодку в перламутровом сумраке утра на стройку, ходит там, сунув руки за спину под кафтан, давя тяжелой ногою щепу и стружку, думает о деле, о детях:

«Олешке надо дать выгуляться, пускай с него пена сойдет. Трудный парень...»

Потом ложится на песок или кучу стружек и быстро засыпает, а над стройкой в зеленоватом небе нежно загорается заря; вот солнце бросило в небо венец лучей и само, золотое, всплыло вслед за ними; проснулись рабочие и, видя вытянувшееся большое тело, усмехаясь, говорят друг другу:

— Тут!

Скуластый [7] Сидор Перегудов искоса смотрит на хозяина, [8] дергая свой жиденький, длинный китайский ус, смотрит так, как будто хочет перешагнуть через него, но не решается.

Вокруг Арт‹амонова› дружно начинается муравьиная суета, шум, стук, крик, но это не будит его; лежа [9] в небо лицом, он храпит, как тупая пила, и видит во сне то желанное, о чем думает наяву: по всем лесным дорогам катятся телеги, везут лен, в Оку с Клязьмы важно плывут крытые барки из Меленков, тяжело нагружены шелковистым долгунцом.

Алексей вышел из дома босый, в беленой холщевой рубахе, в синих портах; ловкий, стройный, он бежит купаться [10] легко, как по воздуху, но, увидав дядю, замедляет шаг и обходит его осторожно, точно боясь разбудить тихим скрипом стружки под ногами. Никита еще засветло уехал в лес, каждый день он привозит оттуда воза два перегноя, сваливая его на место, расчищенное для

---

[1] *Далее*: на такое дело [ко‹лья›] им надо бы с ножами идти, не с кольями. [2] *Далее*: рассказал еще [3] тих‹о› [4] говорит она, вздыхая [5] Прямо на стройку [6] *Далее*: бодро и [7] Тихонький, скуластый [8] *Далее*: и [говорит] ворчит [9] *Далее*: ввер‹х› ли‹цом› [10] *Далее*: как

сада; [1] ранней весною он выкопал в песке глубокие ямы, забил их илом, торфом, глиной и насадил [2] берез, клена, рябины, черемухи. Плотники, каменщики убеждают его [3]:

— Не примутся деревья!

Он молча улыбается. По праздникам ему помогает работать Перегудов, такой же тихий и упрямый, как Никита.

— Сады садить — дело безобидное,— говорит он.

Проснувшись, Артам<онов> некоторое время жадно слушает приятный шум: сочно всхрапывает пила, въедаясь в сухое дерево, звонко рубят топоры, со свистом шаркают рубанки, слышны смачные шлепки извести и всхлипывает [4] точило, облизывая железные лезвия топоров и рубанков. Артамонов идет к реке, купается и потом, встав на колени, крестится на восток, пришептывая молитвы, а рабочие, поднимая что-то тяжелое, ухают, звонкий голос молодого парня выводит запевку:

— Пришел к Марье кум Захарий,
Кулаком Марью по харе...

Хор здоровых глоток ревет, смеясь и присвистывая:

— Ой, дубинушка, ухнем...

«Грубоват народ»,— думает Артамонов, забывая слова молитвы. [5]

Подходит Тих<он> Вялов [6] и докладывает [7]: гвоздей, двоетеса надо, смолы не хватает бочек двух. Выслушав его, Артамонов говорит:

— Тебе [8] надо десятником быть...

— Не-ет, — почесывая скулу и глядя под ноги себе, негромко [9] отвечает Перегудов,— не умею я людями распоряжаться.

— Научишься.

— Не-ет...

«Приметный мужик,— вслух [10] думает Арт<амонов>.— Видно, что умен и работник хорош, а [11] не понимаю [12] я характера его...» [13]

---

[1] *Далее*: он еще [2] *Далее*: ряды [3] говорят ему [4] жужжит [5] *Далее*: Покачиваясь на тонких ногах, кашляя, идет к реке Ермил Ерданский, [заспанное, измятое лицо его перекашивает усмешка] на заспанном, измятом лице его усмешка.—[Язычник на молитве] [Язычник за своей обедней,— говорит он] [Язычник сам себе устроил обедню и молится...] Какому это богу молишься ты, Илья Васильев? — спрашивает он [а Илья отвечает ему вопросом]. [— Не твое дело.] Не отвечая, Арт<амонов> ждет, пока никчемный человек окунает в воду хилое, синеватое тело свое, потом они идут в дом пить чай, и Арт<амонов> выспрашивает Ерданского: — Так как, говоришь, бумагу-то делают? [6] Перегудов [7] кратко, точно [8] *Далее*: Сидор [9] ти<хо> [10] задумч<иво> [11] *Далее*: чего-то [12] непонятно [13] *Далее*: Научишься,— говорит Ермил, усмехаясь [Тебе тут], как всегда кривой усмешкой, но доброжелательно

Холодная, мокрая [1] пришла осень; сады покрылись [2] ржавчиной, и еловые железные леса тоже заржавели рыжими пятнами; вокруг дома Артамоновых летал, посвистывая, сырой ветер, сгоняя в реку бледные растоптанные стружки [3].

Каждое утро к амбару подъезжали телеги, груженые льном; молчаливый, спокойный Петр принимал товар, следя, как бы эти бородатые, угрюмые мужики не подсунули «потного», спрыснутого водою. Отец уехал в Москву [4], вслед за ним [5] на богомолье теща; вечерами [6] братья, Наталья [7], собираясь к чаю, дружно беседовали.

— Не умею я жить со здешними,— говорил Алексей,— Петр внушал ему:

— Задираешь всех [8] и хвастлив ты.

— Есть чем, так и хвастаюсь. [9]

Он встряхивал светлыми кудрями и расправлял плечи, выгибая крепкую грудь [10], дерзко прищуренные глаза [11] вызывающе смотрели на братьев.

Нат‹алья› [12] заметно сторонилась Алексея, как бы [13] боясь в нем чего-то, но очень любила беседовать с Никитой. Когда муж и младший деверь уходили из дома, она, отстряпавшись с кухаркой, спускалась вниз к нему, в маленькую монашескую комнату с окном на двор фабрики; в углу, у печи, [14] он устроил на козлах узкую постель, у окна поставил большой, некрашеный стол, на столе лежали три книги: в одну он записывал поступление сырья, в другую — выработанный товар, а третья [15] — для рабочих. [16] Тяжелый табурет без спинки стоял пред столом, [17] а сбока, у окна, широкий стул, сплетенный Никитой из прутьев, на этом [18] стуле сидела беременная Н‹аталья› с шитьем в руках.

Прерывая свою работу, он [19], потупив синие глаза, говорил о садоводстве, о том, какие цветы росли [20] в оранжереях князей Рать-

---

[1] сырая [2] *Далее*: рыжей [3] *Далее*: Шумела [и], пылила и дымила фабрика, ветер относил [синий] синеватый дым на город, и когда дым полз через реку, на тихой воде появлялись фигурные тени. [4] *Далее*: взяв с собою Ерданского, [5] *Далее*: поехала [6] *Далее*: за чаем [7] *Далее*: и Ермил Ерданский [8] *Далее*: язык у тебя остер... — Они сами задорят меня... [9] *Далее*: — [А лучше] Лучше бы молчал. И девиц обижаешь, говорят.— А что они бахвалятся: «Девки — наши, наши!» Девки для всех родятся. Я не виноват, что красивый. [10] *Далее*: Никита, похудевши, изработавшись за лето, говорил тихонько: — С людьми надо в мире жить.— И правда!— ласково поддерживала его Нат‹алья›. [11] и округляя [свои] темные, всегда насмешливо прищуренные глаза [12] Она [13] *Далее*: чего-то [14] у окна [15] в третью — расч‹ет› [16] *Далее*: На полке, на тяжелом табурет‹е› [17] *Далее*: а у ‹окна› [18] в эт‹ом› [19] *Далее*: читал ей Пролога или [20] были

ских, или рассказывал, как б‹ожья› м‹атерь› ходила в [1] аду по мукам:

— Идет она по дороге адовой, по каменью, до́красна каленому, видит: горят в котлах грешники, у одного ноги по живот, у другого руки по плечи, а у третьего горит одна голова. Спрашивает Богор‹одица› Мих‹аила› арх‹ангела›: за что терпят люди муку эдакую? Отвечает арх‹ангел›: первый — другу в беде не помог, второй — на мать родную замахнулся, третий думал неправедно [2]. А еще человек горит изнутри, рыгает огнем, пламя так и пышет изо рта у него,— этот в [3] бога не веровал...

Его девичий голос звучит [4] напряженно [5], как тугая струна, глаза опущены, женщина, склонясь над шитьем, смотрит как будто на живот свой [6] и молчит, так задумчива, как бывает задумчив человек бессонной ночью наедине с самим собою.

Почти не глядя [7] друг на друга, они сидят час и два, но порою горбун [8], осторожно приподняв глаза, посмотрит на невестку, и большие собачьи уши его краснеют. [9]

За окном шуршит [10] дождь, смывая с земли краски лета; слышен сердитый крик Алексея и рев медвежонка, недавно прикованного [11], как собака, на цепь; в углу двора бабы-трепальщицы дробно околачивают лен. Шумно входит Алексей, мокрый и грязный, в шапке, сдвинутой на затылок, он все-таки напоминает весенний день; посмеиваясь [12], он рассказывает, что Тихон Вялов [13] отсек себе топором палец [14].

— Будто невзначай, а дело ясное: солдатчины боится. А я бы [15] с охотой в солдаты пошел, лишь бы отсюда вывернуться.

---

[1] по [2] неправедно думал. Идут дале: видит она лежит человек, горит изнутри, так и рыгает огнем, пламя изо рта так и пышет,— этот был судьей на земле, лихоимцем помер и будет гореть веки вечные. [3] *Далее*: си‹лу› [4] Рассказывая об ужасах ада, его девичий голос [5] тихо, по [6] [склонясь над своей работой, изредка вздыхает, она как будто смотрит на живот свой] склонясь над шитьем смотрит как будто на живот свой, изредка вздыхая [7] [Так, не глядя] Так, почти не глядя [8] Ник‹ита› [9] *Далее*: Сколько ты знаешь! — скажет Наталья удивленно и вздохнет.— Нет, я — что? А вот Ерданский — он все знает, и книжное, и житейское [И] [и как сахар варят и машины строят, и бумагу делают — всё.] Как сахар варят [и добывают] и как бумагу делают. Говорит, что стали добывать [фотоген] земляное масло, фотоген, что ли, и скоро [свеч] [свечей не будут жечь] свечи запретят жечь... — Понизив тонкий голос, [он] Никита робко добавляет: — В нечистую силу — не верит, смеется над ней. И, будто, ни [во что] чему не верит, ни людям, ни себе, даже страшно... — Несчастный он,— равнодушно замечает Наталья. [10] Сест [11] посажен‹ного› [12] смеясь [13] Перегудов [14] *Далее*: и смеется [15] *Далее*: вот

Нахмурясь, он урчит [1], как медвежонок:

— Заехали к чертям на задворки!

И требовательно протягивает руку брату:

— Дай пятиалтынный, я в город иду...

— Зачем?

— Не твое дело!

Уходя, он напевает:

Бежит девка по дорожке,
Тащит милому лепешки...

Наталья, искоса глядя вслед ему, говорит недружелюбно:

— Ой, заиграется он до нехорошего!

Горбун молча смотрит в окно, там в мокром воздухе качаются под ветром сосны, посаженные его руками, сбрасывают с зеленых игол светлые, как ртуть [2], капли дождя, а Нат‹алья› продолжает, как бы жалуясь: [3]

— С Ольгунькой Орловой часто видят его, а ей [4] только что пятнадцатый год пошел, матери нет у нее, отец — пьяница...

В дверь тяжело влезает сердитый, усталый Петр.

— Чай пить пора, Наталья...

— Нет еще.

— Пора, говорю! — кричит он на жену, а когда она уходит, садится на ее место и, тоже жалуясь, ворчит:

— Навалил мне отец на плечи всю эту машину [5], боюсь, идет у меня не так, как надо, задаст он мне жару. Верчусь колесом, куда еду — не знаю.

Никита осторожно, мягко говорит ему об Алексее и девице Орловой.

— Слышно: красива и бойка...

Но Петр [6] видимо, не вслушался в его слова.

— Есть мне время на красивых девок глядеть! Я и жену только ночами, сквозь сон, вижу, а днем слеп на все, как сыч...

Артамонов возвратился домой веселый, помолодевший [7], он подстриг бороду и, казалось [8], еще шире развернул плечи [9], напористее [10] выгнул грудь, даже глаза его светились ярче [11], и весь стал точно заново перекованный плуг [12].

— Дела у нас должны идти, как солдаты! — говорил он сыновьям, сунув длинные руки свои в карманы новых суконных шаровар и барином развалясь на диване [13].— Достал у князя денег, взял

---

[1] ворчит [2] ртутные [3] *Далее*: Ерданская сказывала [4] Ей, поди-ка [5] ра‹боту› [6] *Далее*: не слуш‹ает› [7] *Далее*: [точно заново перекованный] точно заново весь перекован, он даже [8] и, казалось [9] *Далее*: выпятил грудь [10] напористо [11] *Далее*: да и весь он как-то [блестел] окреп [12] точно плуг [13] стуле

его в долю. Работы [1] вам, и детям вашим, и внукам — довольно будет. На триста лет. Большое украшение хозяйства земли должно изойти от нас, Артамоновых!

Первый же выпуск товара сразу хорошо поставил его на рынке:

— А — почему? — спрашивал он детей и горделиво объяснял: — Потому что догадался — уговорил я мужиков пахать под лен лесные пожоги и старопашни [2]. Не хотели они этого, лентяи, чесались, спорили, дескать,— трудно. А теперь сами видят, сколь [3] это выгодно им и какое отличное волокно родится.[4]

Щупал глазами сноху и, ухмыляясь, спрашивал:

— Пухнешь, Наталья? [5] Это — хорошо! Родишь мальчишку — большой подарок сделаю тебе.[6]

Вечером, ложась спать, Наталья, вздохнув, сказала мужу:

— А — хорош батюшка, когда веселый...

Петр искоса взглянул на нее [7] и заметил, усмехаясь:

— Еще бы не хорош,— подарок обещал тебе...

Но недели через две, три Илья Арт‹амонов› притих, задумался [8], угрюмо замолчал, [9] присматриваясь к детям [10], тогда Наталья спросила [11] Ник‹иту›:

— Сердится батюшка на что-то или обидели его?

— Не знаю,— сказал горбун.— На него угодить трудно [12].

Как-то за вечерним чаем Алексей, вдруг [13] шумно оттолкнув стул свой, бросился в ноги ему, крепко стукнув в пол коленями и лбом:

— Дядя,— отпусти меня!

— К-куда? — заикнувшись, откидываясь от него, изумленно крикнул Илья.

— Куда-нибудь, не жилец я тут...

— Выдьте вон,— приказал Артамонов, а когда и Алексей, встав на ноги, пошел к двери, он крикнул ему:

— Стой!

Алексей остановился, исподлобья глядя на курчавую большую голову в раме окна [14], стоя спиной к нему, Артамонов сказал насмешливо:

---

[1] *Далее*: и [2] *Далее*: [это и дает] вот отчего у нас волокно отличное [3] *Далее*: [отличное волокно пожоги дают] отличное волокно родится на [4] *Текст*: Первый же выпуск товара ∾ волокно родится.— *вставка на отдельном листке.* [5] *Далее*: Ну, ну, это [6] *Далее*: Но недели через две, три он хмуро задумался, притих. *Текст*: Вечером, ложась спать ∾ Алексей, вдруг — *вставка на отдельном листке.* [7] *Далее*: [и не сразу, медленно от‹ветил›: — За это его бабы и любят] и не [отв‹етил›] сказал ни слова [8] *Далее*: и [9] *Далее*: и сердито [10] *Далее*: [стра‹нным›] острым взглядом [11] заметила [12] [Не знаю] Горбун промолчал. [13] Вдруг Алексей [14] *Далее*: на

— А я думал — ты у меня орел!

— Не приживусь я тут.

— Врешь.— Оборотясь к нему, Артамонов топнул ногой.— Место твое — вот! Мать твоя, умирая, отдала мне тебя в мою волю,— понял? Иди.

А когда Алексей двинулся к двери, шаркая ногами, точно он‹и› были связаны, он сказал [1] вслед ему:

— Не так бы надо говорить с тобой, с нами отцы не так говорили. Это я — таков — не бью вас, себя не жалею... Иди.

Он долго стоял у окна, зажав бороду в кулак, не отводя глаз от красной полосы зари, таявшей среди синеватых бугристых туч, а когда за окном стало темно, как в погребе, ушел [2] в город.

Ворота Баймаковой были уже заперты, она сама отперла их, выйдя в теплом шугае, накинутом поверх красной кофты.

— Что это ты не в свое время пришел? — недовольно спросила она, пропуская его в горницу, но он, не отвечая, не вытерев сапог, прошел в комнаты впереди ее, сбросил шапку в угол и сел к столу, облокотясь, запустив пальцы в бороду.

— Али нехорошо что? — тихо осведомилась Ульяна, садясь против него.

— Сядь рядом.

Женщина встала, посмотрела, плотно ли закрыты окна ставнями, притворила дверь и погасила свечу, в углу, пред образами, теплилась синяя лампада в серебряной подставе.

— Сними кафтан-то, мокрый.

Послушно сбросив кафтан на спинку стула, он рассказал ей про Алексея, добавив:

— Чужой он, сестра моя с барином играла,— вот она, барская кровинка, и сказывается.

— Не вижу я горя тут,— сказала Ульяна,— жени, вот его и свяжешь...[3] и приданые за женой деньги в [4] дело вовлечешь...

— Так и думаю. Только — это не все...

Он кратко, но обстоятельно рассказал, что тревожит его Петр:

— Задору нет у парня! Работает ,[5] будто не свое, подневольно, без души. Про Никиту и говорить нечего, он — убогий .[6] У него на уме — сады, цветы [7]. Оба они не о деле думают. Боязливы как-то [8]. Работают [9] все еще на барина — вот в чем, должно быть, главная штука! Воли не чувствуют, всё еще крепостные...[10] Задора

[1] приб‹авил› [2] *Далее*: не торопясь [3] [женить] [жени его; вот и свяжешь... Жени на М. Барско‹й›] жени, вот и свяжешь его [4] *Далее*: свое [5] *Далее*: будто подневольно [6] *Далее*: Ему бы в монахи идти. [7] *Далее*: да книги [8] *Далее*: Оба они не моего характера [9] *Далее*: как [10] Как будто, знаешь, воли не чувствуют, а все еще крепостные...

нет, говорю. Без задора [1] — ни родить, ни убить. На Олешку [2] надеялся я — этот, думалось, вгрызется в дело...

Ульяна, успокаивая его, говорила:

— Рано тревожишься, причины нет. Погоди, завертится бойчее колесо — подомнет их, обомнутся [3].

Они тихо беседовали до полуночи, сидя бок о бок в теплой комнате, в тишине, изредка взглядывая на мутное облако синеватого призрачного света в углу пред иконами.

— Одного боюсь до смерти,— шептала [4] женщина,— как бы мне не понести от тебя, вот беда будет!

Артамонов недовольно крякнул, проворчал [5]:

— Ну, я пойду... А не боишься одна жить, с просвирней этой? — спросил он, выходя во двор.

— Чего бояться?

— Ну — воров...

— У нас воры ленивы.

— У вас все таковы...[6]

— Прощай, родимый...

— Постой,— задумчиво сказал Илья, удерживая ее.— Тут еще Тихон, [7] например. Вдруг просит: возьми меня дворником, сторожем! [8] Я говорю: что ты, дурак? В сторожа — стариков нанимают, [9] а ты молодой, что ты? Молчит, видно, сам себя не понимает, а будто разумен. Тоже — боится чего-то. Чего? Палец отрубил себе, ну, это я понимаю: в солдаты идти не хочет. А поглядел я в Москве [10],— там в людях большой задор! [11] Там дела — огнем горят...[12] — Он снял руку с плеча женщины и, крякнув, шагнул за дверь в черную, мокрую пасть осенней ночи.

Жалуясь Ульяне на недостаток в детях задора к работе, Артамонов [13] не забывал пожаловаться и на горожан:

---

[1] *Далее*: ничего толком не сделать [2] Алексея [3] Погоди [и], увидишь: все в колесо попадут, все, как надо, завертятся... [4] тихо шептала [5] *Далее*: А мне, хоть бы и понесла ты, только радость [6] *Далее*: [Прощай!] Умен сын у просвирни. Жаль — пьет. А — умен... [Прощай] [7] Перегудов [8] *Далее*: [Молодой парень, хороший мастер и будто разумен.] Молодой парень и будто разумен. [9] *Далее*: [а ты и молодой, и мастер хороший, и будто разумен?] а ты и молодой, и мастер хороший [10] *Далее*: [там — грабеж] там — кипит работа, там разбойничают. Да. [11] *Далее*: [Там — огнем горят...] Там — огнем горят дела... [12] *Далее*: [Натянув на голову фура‹жку›] Натянув шапку на голову [13] *Далее*: хвалился [в городе] горожанам: — У меня дело шаром катится. Я вам в три года такие дела разведу.— Видим,— соглашался Барский. — Деревенским твоя фабрика — полезная; [бог‹аче›] лен начали сеять — богаче стали.— Пьют больше, — [за‹метил›] отметил Воропонов.— Ну, и покупают больше,— возразил Барский. [— Что] Помялов, похлопывая фабриканта по коле-

— Недружелюбный [1] народ. Скуподушные люди...[2]

— Тебя не любят за то, что удачлив ты [3], за удачу мы, бабы, любим, а вашему брату чужая удача — бельмо на глаз [4].

Ее речи [5] всегда казались Ар⟨тамонову⟩ умными [6], очень успокаивали его, и, чувствуя себя одиноким в городе, не понимаемым детями, он [7] всё чаще повторял ей:

— Хорошая ты баба! Ты мне — друг!

— Ну и ладно...[8]

Осторожно, чтоб не задеть гордость его, У⟨льяна⟩ внушала ему:

— Ты [9] с ними о делах твоих не говорил бы много-то — хвастуном сочтут. Да [10] кроме того [11] сказано: «кто счастью радуется, тот горе задорит!» [12]

Горе не замедлило оправдать эту [13] поговорку: па масленице Алексея привезли из города домой в розвальнях без памяти, оборванного, избитого [14]. Ерданская и Никита долго растирали его тело, всё в кровоподтеках, водкой с тертым хреном, он глухо и слабо стонал; Арт⟨амонов⟩, гулко топая, зверем метался по комнате, засучивая и спуская рукава рубахи, скрипя зубами, а когда Алексей очнулся, свирепо заорал на него, размахивая кулаками:

— Что, негодяй? [15]

Приоткрыв подбитый, запухший глаз, Алексей тоже кричал [16], задыхаясь, сплевывая:

— Добивай! [17] Завез меня к волкам на свадьбу...

Испуганная Наталья, стоя в углу, громко заплакала.

ну, говорил: — Удачлив ты, удачлив,— верно! — Всё — до времени! — [философски] холодным голосом сказал Вороп⟨онов⟩ и, подумав, философски повторил потише и как бы угрожая:— Всё до времени!

Илья Артамонов возбужденно кричал: — Не понимаете вы, гуси, времени! [Ваше] Время такое, что — засучи рукава до плеч и — работай! Показывай себя, каков ты есть на [свободе] воле, оправдывай доверье... — Мы холопами и не были,— напоминал ему Помялов, усмехаясь; его кривая усмешка и холодные, краткие словечки Вороп⟨онова⟩ всегда гасили возбуждение Ильи, он уходил от них обиженным, ночью угрюмо жаловался Ульяне [1] *Далее*: какой [2] *Далее*: [Зависть] От зависти это, — объясняла она. [3] за удачливость [4] *Далее*: Ну, трудно [5] слова [6] *Далее*: и [7] *Далее*: в [тихие] добрые минуты [8] [Вот и хорошо,— говорила она и осторожно, чтоб не [обидеть] задеть гордость его, внушала ему] Ну и ладно... [9] *Далее*: много-то [10] *Далее*: и все [11] *Далее*: удаче радова⟨ться⟩ [12] *Текст*: Тебя не любят ∾ горе задорит — *зачеркнут синим карандашом* [13] ее [14] *Далее*: [Наталья и про⟨свирня⟩] Наталья с просвирней [15] *Далее*: Добился? [16] за⟨кричал⟩ [17] Бей! Добивай!

— Цыц! Вон! — крикнул [1] свекор и пошел на нее, но перед ним [2] встал Петр, громко и твердо сказав:

— Не тронь, она беременная.

Отец отшатнулся, дикими [3] глазами оглядывая всех, покачиваясь на ногах, медленно поднимая кулак, к нему подбежал Никита, крича:

— Батюшка, не бей никого...

Артамонов шагнул в сторону, к столу, сел, склонив голову, и забормотал, удивленно оглядывая всех:

— Что я — зверь? [4]

Тут Алексей привстал и, схватив голову свою руками, раскачивая ее, точно оторвать хотел, стал хрипло, с тоскою и страхом бормотать:

— Убили... убили... Рученьки мои, плечики...

— Кто? — спросил Петр, подбежав к нему, но Алек‹сей› свалился на бок, стукнув головой о стену [5], и заплакал, всхлипывая, как женщина, тихо касаясь руками груди своей и боков, вскрикивая:

— Растоптали... Изломали...

Снова истерически [6] завизжала Наталья; Илья Ар‹тамонов› топнул ногой [7], слепо глядя на нее [8].

— Уйди... Уведите ее...

Перестав плакать [9], Алексей вдруг заснул, точно умер, раскинув руки, открыв окровавленный рот, всхрапывая; мигала свеча, обезображенное лицо гладили тени, и казалось, что лицо это все более чернеет, пухнет. Братья, дядя [10] стояли у постели молча, подавленные.

— Неужто не выживет? — хрипло [11] спросил Артамонов.

Через восемь дней Алексей встал, влажно покашливая, харкая кровью; он начал часто ходить в баню, парился, пил водку с перцем, но это плохо помога‹ло› [12] ему, он хирел, кожа на лице его посерела, туго натянулась, скулы окрасились румянцем, а в глазах загорелся угрюмый огонь — это сделало их еще более красивыми. Он не хотел сказать, кто избил его, но Ерданская [13] узнала, что били двое рабо-

---

[1] *Далее*: на нее [2] *Далее*: твердо [3] дико [4] Что вы? Что я — зверь? [5] *Далее*: [Когда] [Лежал он, открыв окрова‹вленный›] [Лежал он, раскинув руки, открыв окровавленный рот, всхрапывая, синее, обезображенное лицо его казалось черным; мигала свеча [и казалось], дрожали тени] Лежал он, раскинув руки, открыв окровавленный рот, всхрапывая; мигала свеча, по обезображенному лицу плавали тени, и казалось, [что лицо то вспухает] что черное лицо то вспухает [6] *Далее*: громко [7] *Далее*: не [8] *Далее*: и [9] Наплакавшись [10] *Далее*: и Наталья тесно [11] тихо [12] это не помогало [13] *Далее*: ст‹ороной›.

чих[1] Воропонова, Степан Барский[2], мордвин, дворник[3] Помялова, и[4] пожарный. Когда Артамонов спросил: так ли это, Алексей ответил[5]:

— Не знаю![6]

— Врешь!

— Они мне кафтан[7] что ли на голову накинули...

— Скрываешь ты[8] что-то,— сердясь догадывался Илья[9], племянник взглянул в лицо его нехорошо пылающими ‹глазами› и сказал, словно угрожая:

— Я — выживу!

— Ты — ешь больше! — приказывал дядя и ворчал[10] в бороду себе.— За тако дело — красного петуха пустить бы[11], подпалить им[12], подлецам, лапы-то...

Работал Илья Артамонов с утра до ночи, работал напоказ, не скрывая цели своей — воодушевить молодых, зажечь в них страсть к труду[13].

— Все делайте, ничем не брезгуйте! — поучал он[14] и, набегавшись за день по фабрике, вечером помогал[15] рабочим забивать сваи, укрепляя берег реки, помогал Перегуд‹ову› рыть[16] яму для погреба[17]. Он вообще делал много лишнего, чего мог бы и не делать, но за[18] все брался спокойно, с сосредоточенным жаром, обнаруживая медвежью силу и человеческую[19] зоркую ловкость,— она позволяла ему сразу и точно определять, где сопротивление упрямее и как легче преодолеть его.

Его беспокоило[20], что беременность снохи необычно затянулась, а когда, наконец, Наталья, промучившись[21] двое суток, родила девочку, он огорченно нахмурился, но Ульяна Баймакова сказала ему:

— Благодари бога за милость.

— А в чем она,— милость?[22]

---

[1] рабочие [2] *Далее*: кучер По‹мялова› [3] кучер [4] *Далее*: какой-то [5] сказал [6] *Далее*: Не видел я. Они меня сразу оглушили, сзади.— И, [глядя] посмотрев в лицо дяди жутко пылающими глазами, он сказал уверенно и словно угрожая: — Не бойся, я выживу! Я буду жить... [7] *Далее*: или [8] *Далее*: Алексей! — подозрительно г‹оворил› [9] дядя, а племянник [см‹отрел›] посмотрел [10] бормо‹тал› [11] *Далее*: им [12] *Далее*: совиные-то [13] [Он жил, как на пожаре. Шумный, быстрый] Жил Илья Артамонов бурно, работал с утра до ночи, неустанно, [напоказ] ничем не брезгуя, работал напоказ, не скрывая цели своей — воодушевить Петра и Никиту, зажечь в них страсть к труду. [14] Все делай, ничем не брезгуй,— поучал он.— Руби, копай.— Его больше, чем Петра [и сн‹оху›], беспокоило [то], что беременность снохи... [15] *Далее*: Никите работать в саду, бить сваи [16] копать [17] *Далее*: и вообще делал многое, чего [18] в [19] *Далее*: сноровку лука‹вую› [20] Его больше, чем Петра [и сн‹оху›], беспокоило то [21] про‹мучившись› [22] *Далее*: недоверчиво

— Сегодня день святой Елены Льняницы,— многозначительно объяснила Баймакова.

— Ой ли?

Он схватил святцы, взглянул и по-детски радостно закричал, хлопнув книгой.

— Веди к дочери!

У постели снохи он орал, положив на грудь ей серьги с крупными рубинами и пять [1] червонцев:

— Получи, милок [2]! Хоть и не парня ты родила, а — хорошо догадалась! Молодец! [3] — И, толкая сына кулаком в плечо, спрашивал его:

— Ну что, рыба-сом, рад? Я был рад, когда ты родился.

И кричал [4], как пьяный:

— С тобой — твое, под тобой — твое, в земле — твое, на земле — твое,— вот что, дурень, крепко [5] ставит человека!

Петр тревожно косился на измученное бескровное лицо жены; ее усталые глаза провалились в черные ямы и [6] смотрели оттуда [7] на все: на людей и вещи [8], как бы вспоминая и узнавая давно забытое; медленными движениями языка она облизывала губы.

— Что она молчит? — спросил Петр тещу.

— Накричалась,— объяснила Ульяна, выталкивая его из комнаты.

Двое суток день и ночь слушал он дикие [9] вопли жены и сначала [10] жалел ее, боялся, что она умрет, а потом [11], оглушенный [12] ее криками. отупев от тревожной суеты в доме, устал и жалеть и бояться. Он старался уйти куда-нибудь подальше в угол, куда бы не достигал [13] нечеловечий визг и вой Нат‹альи›, но спрятаться от него не удавалось, он звучал [14] где-то внутри головы, возбуждая необыкновенные [15] мысли. И всюду, куда бы Петр ни пошел, он [16] видел Никиту с топором или железной лопатой в руках, горбун что-то рубил, тесал, рыл ямы, бежал куда-то бесшумным и быстрым кротом [17], казалось, что он бегает по кругу, оттого и встречается везде [18].

— Не разродится, пожалуй,— сказал Петр [19] брату, горбун только крякнул, вонзая лопату в землю, но не ответил ни слова [20].

---

[1] д‹есять› [2] дочь [3] *Далее*: Дай тебе бог здор‹овья› [4] И крич‹ал› [5] хорош‹о› [6] *Далее*: равнодушно [7] *Далее*: на холодную игру изумрудов; медленными движениями языка она облизывала губы. [8] *Далее*: так [9] [раз‹дирающие›] дикие [10] *Далее*: боялся [11] *Далее*: устал боят‹ься› [12] *Далее*: ими [13] *Далее*: этот [14] *Далее*: в памяти [15] ст‹рашные› [16] *Далее*: натыкался на Никиту, то видел го‹рбуна› [17] [бежал куда-то тихо] [бежал куда-то быстро] бежал куда-то торопливой походкой крота [18] постоянно [19] он [20] и не сразу ответил

— Да, вот как она платит за любовь-то,[1] — вслух подумал Петр, Никита поднял на него синие глаза свои, и [2] визгливо [3] спросил: [4]

— Что повитуха-то говорит?

— Утешает,— ответил Петр.— Обещает... Ты что дрожишь? [5]

— Зубы болят...

Теперь,[6] увидав странные глаза Натальи, Петр вспомнил [7] другой такой же взгляд: когда укрепляли берег реки, обвалился песок и засыпал молодого парня, отрытый парень долго не [8] открывал глаз, [9] а открыв их, смотрел на все вокруг вот так же чуждо, так же вспоминая, как Наталья.

Вечером, сидя у ворот с Никитой и Перегудовым, Петр, успокоенный, сказал, задумчиво усмехаясь:

— Давеча [10] теща положила на руки мне дочь-то, а я, с радости, и веса не чувствовал [11], руки-то у меня подпрыгнули, едва не подбросил ребенка к потолку, ей-богу! Подумаешь: из-за такой малости, а ведь какая мука была [12]! Чудное дело.

Вялов [13], почесывая скулу, спокойно, как всегда, сказал:

— По-моему,— и все человечьи [14] муки из-за малостей.[15]

— Как это? — строго спр⟨осил⟩ Никита.

— Да так, как-то,— скучно ответил П⟨ерегудов⟩ и зевнул.[16]

Ребенок родился крупный, тяжелый, но на семнадцатый день жизни умер от угара, мать тоже едва не умерла, угорев вместе с ним.

— Ну что ж? — сказал на кладбище Артамонов Петру.— Родишь [17] еще, это дело не трудное. А у нас теперь своя могила здесь будет; стало быть, якорь брошен глубоко — понял?

Петр согласно кивнул головой [18].

Наталья, неестественно согнув спину, смотрела под ноги себе [19], всхлипывая:

— Господи, господи.

И [20] стирала пальцами слезы со щек так быстро, как будто боялась обжечь пальцы [21] о свой распухший красный нос.

---

[1] Да, недешево она платит за ночные [2] *Далее*: сказал с у⟨смешкой⟩ [3] *Далее*: сердито [4] *Далее*: Что ты ходишь без дела? — Станки-то не везут все еще, новые-то станки... [5] Утешает,— ответил Петр, отходя прочь и прислушиваясь. [Теперь, видя измученное] Видя [6] *Далее*: уви⟨дав⟩ [7] *Далее*: другие такие [8] *Далее*: мо⟨г⟩ [9] глаза, а когда [10] *Далее*: сунула мне [11] чувствую и все подни ⟨маю⟩ [12] *Далее*: жене [13] Перегудов [14] наши [15] *Далее*: Рожденье — не в счет, а житье наше [16] *Текст*: Двое суток ∾ и зевнул.— *вставка на отдельном листке.* [17] родите [18] Петр угрюмо промолчал [19] *Далее*: и быстрыми движениями пальцев стирая слезы со щек, всхлипывала [20] *Далее*: быстрым⟨и⟩ [21] слезы обжигали ей пальцы

Он становился [1] суров, малословен и деловит [2], у него выработалась [3] тихая, опасливая, но [4] твердая походка, он как-то подкрадывался к людям и к работе еще издали, прищуривая медвежьи глаза, присматриваясь и точно ожидая, что то, к чему он приближается [5], может ускользнуть от него.

Иногда он, уставая, чувствовал себя в холодном облаке [6] скуки и почти ненавидел фабрику, в эти дни она казалась ему каменным, но живым зверем, зверь [7] приник, прижался к земле, бросив на нее тени, точно крылья, подняв хвост трубою, морда у него тупая, страшная, окна днем горят,[8] как ледяные зубы, а ночью — как [9] железные, и докрасна раскалены от ярости [10].

Глядя, как Никита засевает семенами клевера [11] маленький холмик [12] рыжей глинистой земли, он пощипывал пальцами светлую густую бородку и [13] [посматривал] на кресты, как бы считая их; ему казалось, что жена плачет не от жалости о ребенке, а со страха.

Когда шли домой по дрянному мосту [14] через Ватаракшу [15], Артамонов заметил впереди нищеподобного человечка в рыженьком халатике, в измятом бархатном картузе на остром черепе; человечек шел по мосту, качаясь, как [16] пьяный, и судорожно, темной рукою хватался за перила. Обогнав его, Артамонов оглянулся: дряблое лицо человека было утыкано [17] седой щетиной, маленькие мокрые глазки утопали в морщинах, волосатые губы двигались, открывая осколки черных зубов. Артамонов брезгливо отвернулся, сплюнул в реку и [18] заметил, что Алексей необычно ласков⟨о⟩ для него кивнул головою дрянному человечку.

— Кто это?

— Часовщик, Орлов...

— И видно, что Орлов [19],— сказал Илья, усмехаясь.

Наступило лето, сухое и жаркое; за Окою горел торф [20], днем над городом стояло опаловое облако едкого дыма, ночами сквозь дым [21] лысая луна была [22] неприятно красной, звезды, потускнев [23]

---

[1] *Далее*: все более суров, малословен и деловит, глядя, как Никита засевает [мог⟨илу⟩] [травою] семенами клевера маленький холмик рыжей, глинистой земли, он пощипывал пальцами светлую, густую бородку и [сч⟨итая⟩] посматривал на кресты, как бы считая их [2] *Далее*: ходил [3] *Далее*: какая-то осторожная, крадущаяся [4] *Далее*: все-таки [5] идет [6] что его холодным облако⟨м⟩ [7] он [8] днем гор⟨ит⟩ [9] как [10] от жадности; *фраза*: Иногда он, уставая ∾ от ярости.—*вставка на отдельном листке.* [11] травою [12] мог⟨илу⟩ [13] *Далее*: сч⟨итая⟩ [14] около дрянного моста [15] *Далее*: [А⟨ртамоновым⟩] им поклонился нищеподобный человечек [16] то⟨чно⟩ [17] *Далее*: редк⟨ой⟩ [18] но [19] *Далее*: Пьяница что ли? — Пьет. Больной.— Как ты его знаешь? — Часы чинил наши... [20] [горели] горел [тор⟨ф⟩] лес [21] *Далее*: бы⟨ла⟩ [22] казалась [23] потускнели

и потеряв лучи, торчали во мгле, как шляпки медных гвоздей, отражая опаловое [1] небо, вода реки казалась потоком холодного подземного дыма.

Артамоновы, поужинав, задыхаясь в дыме и жаре, пили чай, сидя в саду [2] в полукольце кленов [3]; деревья уже хорошо принялись, но пышные шапки их узорной листвы [4] в эту мглистую ночь не давали тени. Трещали сверчки, гудели над березами однорогие железные жуки, пищал самовар [5].

Наталья, расстегнув верхние пуговицы кофты [6], — кожа на груди у нее была теплого цвета, как сливочное масло, — молча разливала чай, а Петр барабанил задумчиво пальцами по столу [7] и дергал мочку своего левого уха, глядя под стол на Бобра, курчавую [8], точно овца, собаку [9]; ее большая зубастая голова лежала на ногах Петра, шевелился красный высунутый язык [10]; Алексей, сухо покашливая, смотрел в [11] сторону города и точно ждал чего-то, беспокойно вытягивая шею, а Никита строгал ножом прутья для птичьих клеток [12].

В городе ударил колокол:

— Набат? Пожар? — вскочив на ноги, крикнул Алексей; Никита [13] удивленно взглянул на него, говоря:

— Что ты? Часы отбивает [14] звонарь.

— Десять — спать пора! — сказала Наталья [15]. — А разве уснешь в духоте такой?

Она стала мыть посуду [16], Алексей снял самовар со стола и понес [17] его в дом [18], горбун проводил его взглядом, вздохнул и тихонько, опасливо выговорил:

---

[1] мглистое [2] *Далее*: под [3] *Далее*: [деревья при хорошем уходе за ними Никиты и Перегудова [хорошо] хорошо принялись и уже давали тень] В сторо‹не?› [4] [и] он‹и› стояли в пышных шапках узорной листвы [5] Птицы уже уснули, гудели [в б‹ерезах›] над березами однорогие железные жуки, пищал самовар, Алексей, сухо покашливая [6] *Далее*: обнажив [пол‹ную›] шею и часть груди [7] *Далее*: о чем-то думая [8] *Далее*: и ласковую [9] *Далее*: она положила [10] красный высунутый язык ше‹велился› [11] *Далее*: на [12] [Строгая ножом прутья для клеток, Никита] [Нехорошо говорят в городе [про нас] [про твою], — вдруг сказал он.] Строгая ножом прутья для птичьих клеток, Никита [тряхнул головою, успокоительно ответи‹л›] тряхнул согнутым горбом своим, отметив [13] Петр [14] бьют [15] *Далее*: им и начала мыть посуду, но раньше, чем она успе‹ла› [16] *Далее*: горбун снял со стола самовар [и по‹нес›], унес его в дом, а когда воротился, — Алексея [и Петра] не было [за столом] у стола, и увидал, что Алексей ушел в дальний конец сада, сказал тихо [17] унес [18] *Далее*: а когда он

— Олеше все пожары чудятся, ночью [1] проснется и бежит к окну смотреть: не горит ли где?

— Злой он стал и скучный,— заметила Наталья [2].— А сколько в нем веселья было...[3]

Петр внушительно, как подобало старшему, заметил:

— Вы оба глупо глядите на него, ему обидна жалость ваша.

Он потянулся и прибавил сердито:

— И говорите вы глупо..., [4] — и не спеша ушел спать, за ним пошли гуськом собака и Наталья, а Никита [5], поглаживая ладонью тонкие стволы молодых деревьев [6], прошел в беседку, где он спал, и сел на ступень у двери. Беседка стояла на холме, обложенном дерном, из нее через забор было видно темное стадо домов города [7], три колокольни и пожарная каланча сторожили [8] дома, прижавшиеся к земле, придавленные черными тучами садов и [9] тишиною [10] душной, дымной ночи.

Вот вдоль забора молча прошло к реке трое ткачей [11], один нес бредень [12], другой гремел железным ведром, а третий [13] высекал кремнем искры [14], пытаясь зажечь трут и раскурить трубку, он шел спотыкаясь [15]; зарычала собака [16], спокойный голос Вялова ударил в тишину:

— Кто идет? [17]

Тишина была натянута над землей туго [18], точно кожа барабана [19], даже слабый хруст песка под ногами ткачей отражался [20] ею неприятно четко [21], а Никите казалось [22], что она отталкивает звуки неприязненно [23], враждебно. Ему нравилась [24] беззвучность

---

[1] даже ночью [2] *Далее*: [поводя] ощетинился, как еж [3] А какой веселый был... [4] [Выбили из него веселье,— пробормотал Петр] [Лениво] Петр встал, сердито говоря: —[Вы его не трогайте, не приставайте к нему с расспр⟨осами⟩] Вы оба глупо смотрите па него, вот что! Он это замечает и ему обидна жалость ваша. [5] *Далее*: обошел сад [6] *Далее*: и присел па скамью рядом с Перегудовым.— Караулишь, Сидор? — А как же? — Перегудов мигнул. С его скуластого лица смотрели во мглу бесцветные, мутноватые глаза. Перегудов [в] пошевелил ресницами, точно стряхивая что-то с бесцветных, мутноватых глаз; взгляд их был прям, [но как] зрачки расширены, [как] точно у близорукого скупого [7] *Далее*: медный блеск Оки, освещенной [8] сторожами [9] *Далее*: недвижим⟨ой⟩ [10] тишиной [11] прошли четверо ткачей [12] с бреднем на плече [13] *Далее*: раску⟨ривал⟩ [14] огонь [15] *Далее*: хрустел песок [16] *Далее*: у ворот [17] спокойный, лениненький голос Перегудова сказал: — Цыц, Бобер, Роска! — И снова все вокруг [замерло в беззвучно⟨й⟩] [беззвучно замерло и, казалось, надолго] беззвучно замерло. Вдруг, точно кожа барабана [18] *Далее*: и чутко [19] *Далее*: и [20] заставлял ее чутко отражать этот сухой [отражался] [21] [ею [так] чутко и неприя⟨зненно⟩] [неприязненной четкостью] ею неприятной четко⟨стью⟩ [22] *Далее*: даже [23] *Далее*: и [24] *Далее*: эта чуткая

ночей [1], чем полнее, напряженней была она, тем более легко и свободно он сосредотачивал все свои думы, всю силу воображения вокруг [2] Натальи, тем ярче светились для него [3] милые [4], ласковые глаза, всегда немного испуганные или удивленные [5].

Он придумывал различные счастливые для него катастрофы [6], нападения разбойников, убийства и болезни, после [7] которых из всего семейства останутся в живых только двое: он и Наталья [8], тогда бы он показал ей, что ее счастье скрыто в его душе; он совершал [9] какие-то подвиги, они были так необыкновенны, что отец и брат, пораженные ими, отдавали ему Наталью [10] в награду за то, [11] что сделано им.

А когда эти думы [12] принимали слишком грустный облик, он начинал тихонько напевать и, простирая руку во тьму пред собою, шевелил пальцами — ему казалось, что он касается невидимых струн, и это они поют, заглушая безнадежный шёпот разума. И в эту дымную ночь он [13], как всегда, думал о том, что теплилось [14] в его [15] душе, всем чужой, думал, глядя на черные тучи садов города.

Было уже далеко за полночь, когда ему показалось, что среди этих неподвижных туч возникает [16] еще одна; медленно и важно поднимаясь в темно-серую муть неба, через минуту времени она [17] снизу багрово осветилась [18], он понял, что это [19] пожар,[20] и, вскочив, побежал на двор,[21] к бараку, будить рабочих.

Белая, в ночном белье, фигура Алексея, быстро лезла [22] по лестнице на крышу амбара; [23] взмахнув рукою, точно желая бросить чем-то в брата, Алексей негромко спросил:

— Куда?

— Горит! В городе — пожар.

— Ну, так что? Нас не достигнет.

Алексей спустился с лестницы, встал пред Никитой [24].

— Вот — ждал ты? — удивленно вспомнил [25] Н⟨икита⟩.

---

[1] *Далее*: она помогала ему [с] [св] [сосре⟨доточиться⟩ в ее] и [2] *Далее*: образа [3] *Далее*: ее [4] *Далее*: и [5] и всегда как будто немного испуганные или удивленные серые глаза [6] *Далее*: пожары и разоренье отца [7] пос⟨ле⟩ [8] Наталья и он [9] придумывал [10] *Далее*: сами [11] *Далее*: его [12] *Далее*: становились [13] *Далее*: дум⟨ал⟩ [14] не уга⟨сало⟩ [15] *Далее*: всем [16] возникла [17] *Далее*: оба⟨грилась⟩ [18] *Далее*: красными [19] *Далее*: начался [20] *Далее*: и почти тотчас заметил на крыше бани у трубы белую фигуру Алексея, услыхал [его] радостный крик Алексея: — Горит! «Вот [ждал] дождался он»,— мельком подумал Никита, [идя] быстро идя на крик; Алексей бежал садом встречу ему, повторяя [задыхаю⟨щимся⟩]: — Пожар! [21] На двор [22] Выскочив на двор, он тотчас заметил белую, в ночном белье, фигуру Алексея, он лез [23] *Далее*: но [24] *Далее*: [Нас не достигнет...] Алексей спустился с лестницы, встал пред Никитой, хмуро улыбаясь, говоря: — Нас не достигнет [25] нап⟨омнил⟩

— Ну — ждал! А что? В такую сушь всегда пожары бывают.

— Надо [1] ткачей будить...

— Это — зачем? — грубо спросил [2] Алексей. — Брось, пока они добегут, — кончится все!

— Почем знать?

Но ткачей уже разбудил Перегудов, и они один за другим бежали к мосту на реке, оживленно покрикивая, перегоняя [3] друг друга [4].

— Лезем на крышу, — сказал Алексей, толкнув брата к лестнице, Никита покорно полез:

— Наташа не испугалась бы...

Алексей насмешливо спросил:

— Не боишься, что Петр набьет тебе горб?

— За что?

— Не пяль глаза на его [5] жену.

Никита, оседлав конек крыши, упрекнул брата.

— Чего говоришь? Подумал бы...

— Ладно, ладно! — сказал Алексей, усаживаясь сзади его, веселый, каким давно не видал его брат.

Глядя из-под ладони [6], как толстые языки огня [7], качаясь, волнуют тьму [8], и в ней [9] вспухает шарами черный дым, Алексей говорил:

— Это трактир Барского горит. У него [10] на дворе дегтя [11] и смолы бочек двадцать, недавно купил. Только они и погорят, соседи — далеко, до них не дойдет огонь, сад помешает. Слышишь — воют как?

Никита задумчиво и тихо повторил:

— Ждал ты пожара.

Это рассердило Алексея, толкнув брата в горб, он крикнул:

— Что ты затвердил одно и то же: ждал, ждал!

На дворе [12] раздался сонный голос Петра.

— Где горит, — видно?

— Барские горят.

Наталья, глядя из окна, испуганно сказала:

— Ой, бежать бы вам, помочь...

Сердито и угрюмо Алексей ответил:

— Ткачи [13] побежали, чего еще надо?

---

[1] Идем [2] крикнул [3] толка‹я› [4] *Далее*: возбужденные радостью видеть [5] чужую [6] *Далее*: на зубчатый [7] *Далее*: раскачивают [8] *Далее*: [и она звучит глухим воем, как] слушая, как ночь воет глухим воем [9] *Далее*: все шире [10] *Далее*: там [11] *Далее*: много [12] Вн‹изу?› [13] Чего

Старый [1] и сухой двухэтажный дом горел весело [2] и ярко, весь от земли до крыши охвачен огнем, почти [3] не дававшим дыма. Деревья, точно выкованные из железа, четко рисовались в раскаленном [4] воздухе, по красноватой [5] земле вокруг огня суетливо [6] бегали игрушечно маленькие темные фигурки людей, было даже видно, как они совали в огонь длинные тонкие [7] багры, и видно было цепь [8] людей: протянувшись от пожарища до реки, люди [9] передавали друг другу ведро воды.

— Хорошо горит,— похвалил Алексей, покашливая.

Никита [10] спросил его:

— Не холодно тебе? Принести кафтан...

— Тащи! Я отсюда до конца не слезу.

Так он и сидел на крыше до рассвета, до поры, пока на месте дома Барских не засверкала красным золотом груда углей, окружая черные колонны печных труб. Пришел Илья Арт⟨амонов⟩, мокрый, выпачканный в саже, с оторванной полою поддевки и без картуза. Он [11] начал необыкновенно яростно ругать Петра и Никиту за то, что они не пошли на пожар, потом, заметив племянника на крыше, заорал:

— Ты,[12] чего там торчишь? Слезь! Тебе, дураку, здоровье беречь надо...

Никите показалось, что отец сердится как будто чрезмерно шумно и нарочито, он ушел [13] к себе и видел из окна, что отец, взяв Алексея за плечо, повел его в сад, размахивая рукою, точно собираясь ударить, и [14] странно склонив [15] лицо к уху племянника; Никите показалось, что Алексей грубо бормочет:

— Ты сам надоумил меня...

— Молчать! — рявкнул [16] отец.— Моли бога, что тот человек языка лишен...

А утром, за чаем, Арт⟨амонов⟩ рассказал [17] как-то слишком охотно:

— Это — поджог,[18] поджигатель пойман, оказалось: пьяница этот, часовщик Орлов. Избили его сильно, едва ли и выживет. У него счета с Гаврилой Барским были, разорил его Барский что ли [19], а Степан дочь обидел, будто... Темное дело...

Алексей, слушая, спокойно пил молоко, а Никита, чувствуя, что у него трясутся руки, сунул их в колени и зажал. Отец, заметив его движение, спросил строго:

---

[1] Большой, старый [2] жарко и весело [3] *Далее*: уже [4] красноватом [5] черной [6] быс⟨тро⟩ [7] тон⟨кие⟩ [8] видно было две цепи [9] она [10] *Далее*: ласково [11] *Далее*: яростно [12] *Далее*: чахлый [13] уше⟨л⟩ [14] и [15] наклонив [16] крик⟨нул⟩ [17] *Далее*: детям [18] *Далее*: а [19] *Далее:* и дочь обидел

— Ты что ежишься?

— Нездоровится.

— Всем вам нездоровится. А я вот [1] всегда здоров!

Он сердито оттолкнул недопитый стакан чая и ушел [2].

* * *

За три года дело Артамоновых богато обросло людями; в двух верстах от фабрики, по холмам, покрытым вереском, среди редкого ельника, выстроились маленькие приземистые хижины, без дворов, без плетней, издали похожие на ульи. Для одиноких рабочих Арт⟨амонов⟩ построил над оврагом, старым руслом [3] высохшей реки, имя которой было забыто, длинную одноэтажную избу с крышей на один скат, с тремя трубами на крыше, с маленькими, для тепла, окнами; окна эти придавали избе сходство с конюшней, и [4] рабочие прозвали ее Жеребячий дворец.

Городское кладбище было далеко за рекою да к тому же город и не желал хоронить у себя чужих людей; это заставило Артамонова купить большой кусок ольховой рощи Помялова [5] и отвести часть ее под свой погост; Перегудов [6], вырубая с Никитой ольховые деревья, усмехался, размышлял [7].

---

[1] *Далее*: мне [2] *Далее*: так топая ногами, точно пудовыми гирями бил о пол [3] *Далее*: на ⟨?⟩ [4] *Далее*: ее [5] [Помялова] Воронова [6] *Далее*: [усмехался] усмехался, говоря [7] *Текст*: За три года ∾ усмехался, размышлял—*сохранился в двух более ранних вариантах. Вариант первый*: [[В пять лет] Через пять лет [фабри⟨ка⟩] [дело] [фабрика] дело Артамоновых [стало] [стала] стало известно по всей губернии как дело прочное, [товар] полотно их приобрело на рынке [хорошую] солидную славу, [уже около трех сотен ткачей работало на фабрике] с каждым годом возрастало количество рабочих]]

В три года дело Артамоновых обросло людями, Илья Артамонов [строил] построил для них [целую] [два ряда незатейливых] большие избы на песчаных холмах в версте от фабрики, мечтал выстроить церковь и [завести] купить буксирный пароход, завести баржи. Он седел, не старея, не теряя здоровья, как раньше, медведем наваливался на [всякое де⟨ло⟩] всякую работу [всегда]. Всегда грубовато веселый [прямой на словах] немножко хвастливый, [строгий с детьми] с рабочими он вел себя просто, по-товарищески, [пользова⟨лся⟩] крестил детей у них, пировал на свадьбах, по-барски заботливо вникал в их нужды, любил по праздникам беседовать с ними, внимательно слушал советы старых ткачей, они говорили [ему ты] с ним на «ты» и относились с явным уважением [к человеку] [к удачливому человеку] к человеку, которому [во всем улыбается счастье], по словам Вавилы М⟨орозова⟩ «удача — законная жена, не полюбовница, побыла да и нет ее».

[Многодетный старик] Управлял разросшейся фабрикой многодетный старик Морозов, искуснейший ткач, [бо] маленький [ст⟨а-

— Называется — погост, а гостят тут века вечные. Погостами [1] надо называть дома, города.

— Темный разум у тебя,[2] — заметил Никита.[3]

Никита видел, что Тихон [4] работает легко и ловко, проявляя в труде необычную разумность, так же, как отец, он во всяком деле сразу находил точку наименьшего сопротивления и [5] хитро и быстро одолевал его. Но была заметна и разница: отец за всё брался с жаром, а [Перегудов] работал небрежно, как будто из милости [6], как человек, чувствующий себя способным на лучшее. Говорил он мало [7], всегда многозначительно и тоже с оттенком небрежности, намекающей:

— Я и еще много знаю, я и не то еще могу сказать [8].

Илья Артамонов [9], не старея заметно, бодрый, грубовато крикливый [10], становился все более хвастлив, но заносчивости [11] богача, хозяина в нем не было; с рабочими он держался товарищески просто, пировал на свадьбах у них, крестил детей, любил по праздни-

---

ричок>] костлявый старичок, с огромным голым черепом [и веселыми, хитрыми], носатый, с хитрыми глазками, безграмотный, но умный, краснобай и весельчак, семеро сыновей его и [все] пять снох работало на фабрике, он жил со всеми ими в одном доме [и когда]

Вариант второй: За три года дело Артамоновых [настолько об<росло>] богато обросло людьми, [что] в двух верстах от фабрики, на песчаных холмах среди редкого ельника, [выросло десятка] [появились] выстроились маленькие [похожие на ульи избенки] приземистые хижины без дворов, без плетней, издали похожие на ульи. Для одиноких рабочих Илья Арт<амонов> построил над оврагом, старым руслом Ватаракши, [длинный одноэтажный дом] длин<ную> одноэтажную избу с крышей на один скат, с маленькими, для [большего тепла, окнами, эти окна придавали [сараю] избе сходство с тюрьмою. Так как до городского кладбища] Городское кладбищ<е> было далеко, за рекой, [да] да и горожане не хотели хоронить на своем кладбище чужих людей; Артамонов купил у Помялова небольшой кусок ольховой рощи [и отвел ее под] и отвел ее под кладбище.

— Много лишнего места,— сказал Петр.

— [Не м<ного>] Церковь выстрою.

[1] [Погосты это—дома, города, а не] Погостами, по-моему [2] *Далее*: Сидор [3] *Далее*: Зачем — темный? [Я люблю] ра<змышлять>] думать правильно, правду люблю...] Я люблю думать смело.— Пожалуй, лишнего много купил ты,— сказал Петр, осматривая рощу с отцом.— Годится. Нам — все годится. Церковь выстрою. Училище надо будет. Народ у нас сытый, ребят родит много, ребят надо учить. [Теперь ученье] Ученье большой силой будет, увидишь! [4] Перегудов [5] но [6] *Далее*: и пренебрежительно [7] *Далее*: но [8] *Текст*: Говорил он мало ∾ еще могу сказать.— *вставка на отдельном листке.* [9] *Далее*: не старел, не терял здоровья, все так же не брезговал никакой работой. Всегда [10] *Далее*: он [11] *Далее*: в нем

кам беседовать с ними, внимательно слушал советы и мнения старых ткачей, рабочие говорили с ним на «ты» [1], но относились с явным уважением [2], а старики даже восхищались своим человеком, которому судьба [3] ласково улыбается, и поучали молодежь:

— Глядите, учитесь, как дела крутить надо...

А Илья Артамонов в свою очередь внушал детям:

— Мужик, рабочий — разумнее горожанина. У городских плоть хилая, а жадная, умишко трепаный, завистливый [4], они друг друга и словом и делом любят дразнить, потому что самолюбы [5], торопятся во всем отличиться друг от друга [6], оттого у них все и выходит мелко, непрочно [7]. Городские [8] ни в чем точной меры не знают, а мужик — знает, он [9] держит себя в пределах правды, а не прыгает туда, сюда. У [мужика] правда простая: бог, например, хлеб, царь [10], это ему и светит [11]. Он весь простой, мужик, [12] за него и надо держ‹аться›. [13] Ты, Петр, сухо̀ говоришь с людями [14] и все только о работе, это не годится, надобно уметь и о пустяках [15] поболтать. Пошутить надо [16]. Ты — не князь, а тебя, слышу, гордецом считают [17].

— Шутить я не умею,— сказал Петр, по привычке дергая себя за ухо.

— Учись. Шутка — минутка, а зарядит на час. Веселый человек людям больше понятен [18]. Алексей тоже неловок [19] с людьми, [20] криклив, придирчив.

— Жулики они и лентяи [21],— задорно, как всегда, сказал Алексей.

Дядя усмехнулся в бороду, но строго окрикнул [22]:

— Много ли ты знаешь про людей! [23]

Алексея не любили и как будто даже боялись на фабрике. Он очень похудел, вытянулся, сутуло сгибал спину и казался лет на десять старше своего возраста. У него было нехорошее, не мужиц-

---

[1] ему ты [2] *Далее*: и даже [3] жизнь [4] *Далее:* городские ни в чем [5] *Далее*: и х‹отят› [6] отличаться друг от друга хотят во всем [7] мелко выходит и непрочно [8] городские [9] *Далее*: [найдет себе правду и сейчас огородит ее, чтобы держать себя в пределах своей правды, а не прыгать] найдет себе правду и держит себя в пределах правды, а не прыгает [10] *Далее*: баба [11] *Далее*: Во время одной из таких поучительных бесед Алексей [спросил] задорно, как всегда, сказал [12] *Далее*: [вы за него держитесь] надо за него [13] *Далее*: А вы этого не понимаете... [14] [Ему не нравилось, что] [Он упрекал Петра за то, что] Он говорил [15] надобно и о пустяках уметь [16] *Далее*: [иной раз] шутка — минутка, а зарядит на час [17] *Далее*: Жуликов и лентяев [18] всем приятен и понятен [19] не того [20] *Далее*: больно строг [21] *Далее*: люди [эти] эти [22] ответил [23] Ну, ну, говори! Много ты знаешь. Лентяи

кое лицо [1] с черной остренькой бородою и маленькими усами, обтянутое темноватой, как будто закоптевшей кожей, яркие глаза его, углубясь в синеватые ямы [2], сверкали из-под черных бровей недоброжелательно [3] и, глядя прямо в лицо человека, кололи, обидно отталкивали его. Говорил он глуховатым голосом,[4] свысока и как будто нарочно невнятно [5], небрежно, а когда его переспрашивали, взвизгивал:

— Не понимаешь?

И — ругался. С братьями он жил недружно, в его отношении к ним [6] было что-то насмешливое,[7] задорное, Наталью не замечал,[8] за чаем, за обедом [9] покрикивал на нее, как на прислугу; Петр однажды с упреком сказал ему [10]:

— Зря обижаешь Наталью, она смирная.

— Это верно. Смирна [11]. Ну [12] и пусть потерпит. Я — больной человек.

О том, что он больной человек,— Алексей говорил часто и всегда [13] почти с гордостью, как будто [14] болезнь была [15] достоинством, отличавшим его от всей людей.

— Душу вышибли из парня,— говорил [16] Никите Петр [17].

Синие глаза Никиты стали больше, круглее и печальней [18]. Он смотрел мимо человека, куда-то за плечи ему, в его взгляде часто теплилась робость [19], точно горбун хотел спросить о чем-то, но не решался, а иногда глаза темнели, суживались, Никита плотно сжимал губы, и под ушами у него вздувались желваки. Ко всем [20] присматриваясь, всё замечая, [Перегудов] спрашивал:

— Что болит?

---

[1] *Далее*: худое, туго обтянутое темноватой кожей [2] [его] яркие глаза его [запали в ямы темны‹ми›] запали в синеватые ямы и смотрели [3] *Далее*: и всегда [4] *Далее*: пока‹шливая› [5] негромко [6] [в его отношении к ним] говорил с ними свысока [7] *Далее*: глухо [8] *Далее*: а [9] *Далее*: частенько [10] упрекал его за это, но он [кратко] ответил: — Потерпит. Не барыня. Я — больной человек. [11] *Далее*: [как старая лошадь] как старая овца [12] *Далее*: ничего [13] *Далее*: так [14] *Далее*: это [15] явл‹ялась› [16] *Далее*: Пер‹егудов› Никите [17] *Текст*: Алексея не любили ∾ говорил Никите Петр — *зачеркнут синим карандашом* [18] [Синие глаза Никиты [казалось, все расширяются, становятся] становились больше, круглее и печальней. Они часто видели, как Алексей, стоя где-нибудь и на] Синие глаза Никиты становились больше, круглее и печальней, [жил он в стороне] он жил незаметно, наклонясь над книгами, в своей [конторе] комнате-конторе и только по праздникам да поздними вечерами выходил в сад [19] [он смотрел на всех [вн‹имательно›] все внимательнее, взгляд у него был] [они смотрели [странно] мимо [людей] человека, но было в них что-то непонятное, не‹уловимое›] он смотрел мимо человека, куда-то за плечи ему непонятным блуждающим взглядом и в этом взгляде было что-то неуловимое и робкое [20] Ко всему

— Ничего не болит, а вот забыл я одно дело сделать,— виновато говорил горбун и торопливо уходя [1] от приятеля [2], а тот, прищурясь, смотрел вслед ему [3] любопытными глазами.

Никита жил, наклонясь над книгами, в маленькой своей комнате-конторе, людей сторонился, [4] был молчаливо покорен отцу, уступчив с братьями, а с Натальей осторожно ласков. По праздникам на рассвете уходил в лес, выкапывал там молоденькие сосны, березы и, принося [5] домой, сажал [6] их всюду: на дворе, вокруг дома [7], по дороге к реке.

В свободные часы неутомимо копался в саду, где уже развел [8] обширный ягодник и насажал немало [9] яблонь, [10] а под окнами комнаты Натальи посадил два дерева черемухи и [11] кусты сирени. Перегудов, помогая ему удобрять землю под [12] огород, мечтал [13] завести пчельник и приятельски говорил:

— Ты, Никита, выбрал [14] безобидное дело, это хорошо!

И, почесывая шерстяную скулу, усмехался:

— Диво! Не похож ты на горбатого, а ведь горбат! [15]

Часто [16], работая в саду или взглянув из окна конторы, Никита видел, что Алексей стоит фертом, сунув руки за пояс, нагнувшись вперед, как для прыжка, и смотрит на город,— это всегда волновало горбуна, он кричал:

— Олеша, поди ко мне на минутку...

Алексей не сразу [17] подходил на зов; иногда [18] он молча отмахивался [19] рукою, иногда, не отвечая, скрывался из глаз брата, а подходя на повторный жалобный зов, глухо [20] спрашивал:

— Что тебе надо?

— Помоги, брат... [21]

Он два и три раза [22] в неделю ходил в город к доктору, обрусевшему немцу, [23] толстому, веселому старику с бабьим лицом, его фамилия была Бок, но горожанам [24] она не понравилась, и они звали [25] его Задница. Алексей засиживался у доктора до поздней ночи, и [26] когда отец спрашивал: «Что [27] он там делает?»— отвечал:

---

[1] уходил [2] *Далее*: [О‹н›] Сам он тоже б‹ыл› [3] *Далее*: и [4] *Далее*: отцу [5] *Далее*: их [6] *Далее*: где [7] *Далее*: на берегу реки [8] [Вечерами копался в саду, все [увели‹чивая›] расширяя его, [завел ягодник] завел ягодник] В свободные часы неутомимо [вме‹сте›] копался в саду вместе с Перегудовым; сад с каждым годом расширялся. Никита завел [9] *Далее*: вишe‹н› [10] *Далее*: по‹д› [11] *Далее*: много [12] *Далее*: большой [13] [и они мечтали] и мечтали [14] *Далее*: себе [15] *Текст*: В свободные часы ∾ а ведь горбат! — *вставка на отдельном листке.* [16] Иногда [17] не всегда [18] нередко [19] отмахиваясь [20] *Далее*: сердито [21] *Далее*: Ворча, поругиваясь, Алексей помогал ему [22] Он два раза и три [23] *Далее*: [кр‹..?›] по [24] *Далее*: это [25] прозвали [26] а [27] *Далее*: Поче‹му›

— В шашки играем.

Но Вялов [1] давно уже рассказал [2] Никите, что у Алексея в городе любовница Ольгушка Орлова, золотошвейка и низальница бисером.

— Девчонка бойкая, рукодельница искусная [3].

— Всё ты знаешь,— с досадой и удивлением заметил Никита. [4]

— На то и живу. Я знаю, так это не беда. [5] Я для себя знаю. А вот отец узнает, так, пожалуй, нехорошо будет Алексею-то, а? Хоть [6] он его и ценит выше тебя с Петром. Непонятно — за что так?

Никита молчал [7]. Иногда ему хотелось, чтоб Перегудов откусил себе язык. Он часто думал: что надо этому человеку, почему он следит за всем и проникает [8] неприятно мерцающими глазами в чужие жизни, в чужие души? Незаметно было, чтоб он выспрашивал людей о том, что они думают [9], он только [10] присматривался к человеку [11] мерцающим взглядом, двигал губами, как будто высасывая [12] чужие мысли из воздуха, и вдруг говорил человеку о том, чего [не] надо знать ему, Перегудову.

Эти думы вызывали у него чувство страха пред скуластым мужиком с мелькающим⟨и⟩ птичьими [13] глазами, и это чувство особенно усилилось после того, когда Вялов, возвращаясь с Ник⟨итой⟩ из леса, вдруг заговорил [14]:

— А ты всё сохнешь. Ты бы, чудак, сказал ей, попросил бы ее, может, пожалеет, она — добрая, будто.

Никита остановился, чувствуя, что у него от испуга сжалось сердце, онемели ноги, он растерянно забормотал [15]:

— Кому сказать? [16] Про что? [17]

— А ты иди, [18] чего встал? Поздно.

— Что сказать? [19] Кому? — почти шёпотом спрашивал Никита, дергая его за рукав, тогда Тихон [20] пренебрежительно отвел руку его:

— Ну, зачем притворяешься? [21]

---

[1] [Никита] Перегудов [2] сказал [3] и великая искусница,— докладывал Перегудов, подмигивая [4] Всё-то ты знаешь,— недовольно заметил Никита. [5] *Далее*: Во мне [всё] знатьё, как у скупого в сундуке, никто не увидит. [6] Хотя [7] промолчал [8] *Далее*: мыслями куда не [9] как они живут, что думают [10] просто [11] *Далее*: мигая [12] соса⟨л⟩ [13] с мелькающим коша⟨чьим⟩ [14] как однажды в праздник, идя с Ник⟨итой⟩ из леса, Пер⟨егудов⟩ вдруг сказал ему [15] [забормотал] бормотал [16] *Далее*: О чем? [17] *Далее*: Перегудов как будто удивился, искоса взглянул на него и спокойно сказал [18] *Далее*: иди [19] Нет,— что сказать? [20] Перегудов [21] [отведя руку его, сплюнул и объяснил: — Наталье, про любовь твою. Что притворяешься?] отвел руку его, сказал:— Ну, зачем притворяешься?

Сбросив с плеча на землю выкопанную в лесу липу, Никита поставил ее корнем на землю, оглянулся, сжав кулаки, чувствуя, что [1] весь трясется [2], ему хотелось ударить мужика по шаршавому лицу, хотелось, чтоб он замолчал, а тот, глядя вдаль,[3] щурясь от солнца, говорил просто и спокойно, как обыкновенное:

— А если она и не добра, так [4] притворится такой на твое время. Бабы — любопытные, им бы только другого мужика попробовать, для этого они на многое идут, даже травят [5] мужей [6]. Всякая хочет знать, есть ли что слаще сахара? Нашему же брату немного надо: раз, два попробовал, вот и сыт, и здоров. А ты сохнешь, [7] не жалея себя... Ты попытайся, скажи [8] ей, авось она согласится.

Никит⟨е⟩ послышалось [9] в его словах [10] чувство дружеской жалости, это было ново, [11] неведомо для него [12] и горьковато приятно щипало в горле, но в то же время казалось, что [Перегудов] раздевает, обнажает его.

— Ерунду городишь ты,— резко сказал Никита [13], тоже глядя вдаль; они стояли на [14] опушке леса, пологий пригорок спускался к берегу Оки, спрятанному [15] в кустах, [16] солнце окрасило мутную реку в цвет ржавого железа [17]. В городе ласково звонили колокола, призывая к поздней обедне [18].

— Иди, говорю,— опоздали мы!

Перегудов встряхнулся [19], поправляя липы на плече, и пошел, пристукивая по [20] земле железной лопатой, говоря всё так же спокойно:

— Чего ты испугался? Так оно и будет лежать [21]. Ты меня не бойся. Я ведь жалею тебя, ты человек [22] приятный мне, любопытный. Вы все, Артамоновы, любопытные, просто страх как! [23]

Идя на шаг сзади, Никита слушал негромкую медленную речь Перегудова, чувствуя, что он говорит [24] больше для себя, чем для него, он и раньше замечал за ним привычку рассуждать вслух, с самим собою. Испуг и злость горбуна таяли в горячей печали, от нее у него мутилось в глазах, он спотыкался, как пьяный, хотелось лечь

---

[1] что его [2] [горит страхом и гневом] трясется от страха и гнева, а Перегудов говорил [не] [3] *Далее*: по дороге [4] *Далее*: [притворится] не долго и [5] и травят [6] *Далее*: и [ре⟨?⟩] давят [7] [сохнешь вот] все сохнешь [8] скажи-ка [9] Никита слышал [10] *Далее*: доброе чувство [11] *Далее*: и [12] *Далее*: он [13] сказал он [14] *Далее*: пологом [15] [к Оке] к мутной Оке, спрятанной [16] *Далее*: утренн⟨ее⟩ [17] [освещало реку] освещало [мутную] мутную реку, вода казалась полосою ржавого железа [18] *Далее*: призывно и ласково звонили к поздней обедне [19] тряхнул плечом [20] в [21] [То, что я знаю, лежит] Что я знаю, то спрятано, как у скупого в сундуке, никому не видимо. [22] человек ты [23] *Далее*: А ты — самый заметный. [24] *Далее*: сам с собою

на землю и долго лежать, отдыхая от удара по сердцу, от ноющей[1] боли. Он тихо попросил[2]:

— Ты молчи об этом.

— Я сказал: как в сундуке заперто.

— Забудь. Ей не проговорись.

— Я с ней не[3] говорю,— заметил[4] Перегудов.

— Это мне — в наказание,— прибавил Никита, вздохнув.

— Ну, грешник ты, поди-ка, не велик...

И вплоть до фабрики оба шли молча.

В три года Наталья родила двух девочек и уже снова ходила не порожней. Она похудела, похорошела, но в движениях ее[5] явилась торопливость[6], брови озабоченно нахмурились,[7] светлые глаза смотрели обиженно[8], и так же обиженно она поджимала губы[9]. Вставая на рассвете, она спускалась в кухню, сердито покрикивала там на кухарку, готовя завтрак и чай, бежала вверх кор‹мить› детей, поила чаем и кормила свекра, мужа, деверей, снова бежала в кухню помогать кухарке и снова кормила детей, потом шила и чинила белье, после обеда шла с детьми в сад, сидела там до вечернего чая; иногда среди деревьев мелькал тихий и ласковый Никита, она издали перебрасывалась с ним десятком незначительных слов и часто жаловалась ему:

— Что это ты не посидишь[10] со мной никогда?

— Прости, время-то у меня нет!

Он старался говорить с нею веселым голосом, но звонкий голос его всегда[11] почти[12] дрожал, срывался. Но все-таки изредка он торопливо и неловко, точно его толкало в спину, подбегал к ней, натянуто улыбался, показывая какой-нибудь цветок, и тотчас же прятал руки за спину, под горб.

— Хороший сад развел ты! — хвалила она.

— Лет через пять хорош он будет,— говорил Никита, и губы его дрожали.— Вот мы с Тихоном[13] пчельник заведем, медом кормить тебя будем.

— Не люблю я этого Тихона.[14]

— Его никто не любит.[15]

— Фальшивый он, по-моему.

— Умный,[16] — не возражая, сказал Никита.

В сад заглядывали бойкие шпульницы, любуясь детьми, льсти-

---

[1] ти‹хой› [2] Когда подходили к фабрике, он тихо попросил [3] Ладно. Я с ней не могу [4] сказал [5] глазах ее [в] и в движениях [6] *Далее*: озабоченность [7] *Далее*: и [8] испуганно [9] обиженно, иногда — удивленно, [она] она по‹джимала› губы [10] не подойдешь [11] *Далее*: ср‹ывался› [12] *Далее*: срывался [13] Перегудовым [14] Перег‹удова›, фальшивый он [15] Нет, он ничего! Он — умный. [16] Он — умный

во хвалили их красоту, Наталья улыбалась в ответ, но не верила похвалам — обе девочки казались ей некрасивыми.

В пять часов пили чай, в восемь ужинали, потом Наталья мыла детей, кормила, укладывала их спать, долго молилась, стоя на коленях, когда Петр хотел ее, он ворчал, лежа в кровати [1]:

— Довольно! [2] Ложись...

Иногда — шутил:

— Всего себе не вымолишь, другим не хватит.

Торопливо крестясь, она наскоро дошептывала молитвы, ложилась к мужу и зачинала нового ребенка.

Нередко ночью, разбуженная плачем девочек, накормив их, она подходила к окну и долго стояла, глядя в сад, без слов думая о себе, о муже, свекре, [3] о матери,[4] обо всем, что дал ей быстро прошедший, но нелегкий день. [5] Было странно не слышать привычных голосов [6] фабрики, [7] бойких или заунывных, песен трепальщиц, пчелиного жужжания веретен, мягкого посвистыванья челноков [8], разнообразного стука и шороха; этот непрерывный торопливый шум наполнял весь день [9], эхо его плавало в комнатах, в листьях деревьев, ласкалось к стеклам окон, [10] этот гулкий шёпот, заставляя слушать его, мешал думать [11].

А в ночной тишине, в притаившемся молчании всего живого на земле [12], вспоминались рассказы [13] о женщинах, плененных татарами, жития святых отшельниц и мучениц, прочитанные ей Никитой, адовы муки и какие-то сказки о счастливой жизни, но чаще память подсказывала обидное.

— Что ты все девок родишь? Куда их? — ворчливо сказал свекор, когда она родила вторую девочку, и ничего не подарил ей [14]. А когда родилась третья, он только махнул рукою, [15] молча, безнадежно, а на крестинах, выпив, кричал Петру:

— Это что же будет у тебя? Тебе сыновей надо, а не зятьев. Разве я для чужих людей дело начинал?

Хвастался, размахивая рукою бороду:

— У меня вот шестеро было, один другого лучше, крепче. Якова

---

[1] кровати [2] Будет! [3] *Далее*: Ни‹ките› [4] *Далее*: [о] и [5] *Далее*: Ей вспоминались рассказы [6] привычного шума [7] *Далее*: тихого, пчелиного [8] *Далее*: торопливого шлепанья станков [9] *Далее*: [звучал в комнатах, в листьях деревьев сада, мешая думать, погружал в полусонное состояние] А в ночной тишине [звучал т‹ихо›] тихо, но бодро звучал в комнатах] эхо его плавало в комнатах, в листьях деревьев сада и баюкало, при нем жизнь текла незаметно [10] *Далее*: [и что-то обещало] и под его [11] мешал думать, заставляя слушать себя [12] *Текст*: ласкалось к стеклам ∾ живого на земле — *вставка на отдельном листке.* [13] Ей вспоминались рассказы [14] *Далее*: па з‹убок› [15] [только] молча махнув рукой

в гвардию взяли, на голову выше меня парень вырос, подковы ломал. Эх! жалко его! [1] Иона — тоже хорош вырос, этот под Севастополемзря погиб. Двоих считать нельзя: один мертвым родился, другой помер четырех лет, лошадь убила [2]. А Никиту бабушка испортила [3] во время пожара... Ты, Петр, должен мне за всех служить, а ты вот...

Наталья хорошо помнила [4] речи свекра, каждое слово его заставляло [5] женщину [6] чувствовать себя виноватой. Глядя в сад на далекие звезды, она поглаживала ладонью живот и мысленно просила:

«Господи! Сыночка бы».

Он смотрел на нее, как на пустое место, [7] и особенно обижало ее, когда он при встречах с нею в сенях или в комнате бесстыдно щупал [8] ее острыми глазами [9], опуская их от груди ее до колен и при этом [10] тихо, неприязненно всхрапывая носом.

Она чувствовала, знала, что и муж тоже недоволен ею. Он вообще [11] со всеми становился всё более сух и холоден, но она видела, что иногда он смотрит на нее с явной досадой, как будто она мешает ему видеть что-то другое, спрятанное за нею.

Часто, раздевшись, чтоб лечь в постель, он сидел на краю ее и, покачиваясь, упираясь рукою [12] в перину, долго сидел, о чем-то думая, дергая себя за ухо. Его некрасивое лицо строго морщилось и одна бровь поднималась выше другой; в такие минуты Наталья боялась лечь в постель раньше его. Говорил он с ней мало и всегда только о домашнем: обедах, одежде, белье. Зимою, на святках и на масленице, он возил ее кататься по городу, запрягали в сани огромного вороного жеребца [13], глаза у него были [14] злые, желтые, точно медные, исчерчены кровавыми жилками, он сердито мотал башкой и громко фыркал; Наталья боялась этого зверя, а Перегудов, запрягавш‹ий› его, еще сильнее напугал ее, сказав:

— Дворянский конь, не любит [15] нашего брата...

Часто приходила мать; пышно одетая в шелк, она двигалась плавно, говорила размеренно и солидно — Наталье казалось, [16] что и движениями и речами мать старается прикрыть от людей стыд своей жизни.

Город быстро догадался о ее связи с Артамоновым [17] и, строго осудив, отшатнулся от нее; [18] девицам, подругам Натальи, запретили

---

[1] *Далее*: Забили. [2] телега придавила к [3] изувечила [4] *Далее*: [эти] тоже [5] заст‹авляло› [6] ее [7] *Далее*: как на плохую лошадь или сломанный станок, но [8] небрежно скользил [9] *Далее*: бесстыдно [10] *Далее*: как [11] *Далее*: ста‹новился› [12] руками [13] *Далее*: с кро‹вавыми› [14] *Далее*: какие-то [15] *Далее*: он [16] Наталья думала [17] [Байма‹кова›] [Она видела, что мать стала еще дороднее] Город знал о ее связи со сватом [18] *Далее*: подругам Натальи

ходить к ней, дочери порочной женщины, снохе чужого, темного человека, жене [1] молчаливого, надутого гордостью мужика [2], и о [3] том, что [4] делалось в городе, как жили подруги ее, Наталья знала лишь по рассказам портнихи Стилихоновой, дочери дьячка, старой девы с вывихнутыми глазами и длинным голодным лицом, похожим на глупую морду борзой собаки. Эта знала всё обо всех жителях и скрипучим шёпотком, захлебываясь словам‹и›, пришептывая, говорила:

— Ох, и ругают [5], ох и поносят Ульяну-то Ивановну, а чего бы людям надо, кто кому судья, кроме бога? Сами-то, погляди, послушай, что делают...

И по рассказам Стилихоновой было ясно [6], что все люди делают только [7] пакости; это не утешало Наталью, да она и не хотела утешиться.

Обидно видеть, что мать, такая прямодушная раньше, теперь хитрит с людями [8], фальшивит. Петра она боится и [9], чтобы он не замечал этого, говорит с ним [10] грубовато, но льстиво и будто бы посмеиваясь над его деловитостью [11], явно для всех хвалит Петра; Алексея она не любит, опасается его резких речей, сердитых глаз [12], но всегда ласково шутит с ним, перешептывается о чем-то, укрощая его раздражительность подмигивающими улыбками и заботами о здоровье его.

Подарила Алексею в день его именин фарфоровые часы с фигурками овец и женщиной [13], искусно украшенной цветами; сидя на камне, поросшем розовым вереском, женщина держала в руке длинный посох. Потом привезла ему [14] пузатый красного дерева комод с затейливыми ручками из бронзы [15]. Всех очень удивил этот подарок, а она объяснила:

— Это у меня за долг осталось [16]. Когда Олеша женится — годится жене его [17].

«Мне тоже [18] годилось бы»,— подумала Нат‹алья› [19].

---

[1] *Далее*: угрюмого, па‹дутого› [2] *Выше слова*: мужика — *вписано*: «мал‹енькие› рад‹ости›». *Они связаны со вставкой*: Подарила Алексею... (см. ниже). [3] от [4] как [5] злятся [6] И выходило по рассказу Стилихоновой [7] одни [8] *Далее*: и [9] но [10] *Далее*: всегда [11] ворчливо, но всегда льстит ему и, как [будто] бы не доверяя его деловитости, [12] [опасается она и Алексея и резких речей, сердитых [взг‹лядов›] глаз Алексея] Алексея боится, опасается [13] [В день именин его подарила Алексею [фарфоровые] часы с фарфоровой фигурой женщины] Она делала Алексею по‹дарки› [14] *Далее*: комод [15] *Далее*: Это [мне за] у меня [16] Это мне за долг досталось [17] Олеше годится, О‹льга› [18] И мне тоже [19] *Далее*: Город быстро догадался о связи матери со сватом ее, подругам Н‹атальи› запретили ходить к ней, и маленькие радости девичьей жизни теперь каз‹ались› Нат‹алье› большими, яркими

А на Никиту, который прежде нравился, она смотрит, поджав губы [1], говорит с ним небрежно, как [2] с приказчиком, которого подозревает в чем-то нечестном [3].

— Горбатый-то, каков с тобой? — спрашивает она.— Ты — смотри, не очень привечай его, горбатые — хитрые [4].

Мать стала [5] еще дороднее, выпрямилась, помолодела, в глазах ее светится гордость своей красотою; Наталья завидовала ее [6] легкой, свободной жизни [7], праздничному блеску ее глаз. Зависть становилась еще глубже, когда она замечала, как молодо и бойко шутит свекор, как самодовольно он поглаживает бороду, любуясь своей женщиной, а она ходит павой, покачивая [8] бедрами, [9] вкусно улыбаясь малиновыми губами, и снова Наталья видит [10] в ней что-то нехорошее, показное, вызывающее.

— Что же это [11] дочь-то у тебя [12] девчонок сеет мне? — шумит свекор [13].

[Наталье] хочется сказать: «А я нарочно, на зло вам, [14] только девочек буду родить...»

Потом мать подробно [15] расспрашивает ее о хозяйстве, скучно поучает:

— По будням салфетки к столу не подавай, от усов, от бород салфетки сразу пачкаются... [16]

Всего [17] хуже, когда мать спрашивает о ночных делах [18], об этом Наталья стыдится, [19] не умеет говорить, а мать [20] говорит бесстыдно, неприкрыто,[21] ее влажные глаза, улыбаясь, щурятся, пониженный голос мурлыкает, острое любопытство ее [22] обидно волнует, и Наталья [23] облегченно вздыхает, [24] слыша голос свекра:

— Сватья, лошадь запрячь, али пешком пойдешь?.. [25]

---

[1] [А к Никите, который прежде нравился ей, она относится как] [А с Никитой, который прежде нравился ей, она говорит] [А Никиту, который прежде нравился ей, она не замеч‹ает›] А на Никиту, который прежде нравился ей, она посматривает подозрительно [2] точно [3] которого считает нечестным [4] *Текст*: Город быстро догадался ∾ горбатые хитрые.— *вставка на отдельных листах.* [5] [Байма‹кова›] Она видела, что мать стала [6] *Далее*: [ей] ее умн‹ой› [7] *Далее*: ее речам [8] покачиваясь [9] *Далее*: поджимая вкусные малиновые губы, и говорит [10] дочь ищет [11] *Далее*: сватья [12] у тебя [13] *Далее*: Не торопи, будут и мальчики,— уверенно отвечает мать. Наталье хочется спросить ее: — [А почему] Почему ты знаешь? [14] *Далее*: буду [15] *Далее*: и скучно [16] *Далее*: Варенье вишневое ты плохо сварила — засахарилось; *Возле этих слов на полях пометка:* Горбатый; *в соответствии с ней в следующей редакции Горький перенес сюда реплику Баймаковой о Никите*: Горбатый-то ∾ хитрые [17] И всего [18] [о том] о ночном деле [19] *Далее*: и [20] *Далее*: неп‹рикрыто› [21] *Далее*: и [22] *Далее*: заставляет краснеть [23] она [24] *Далее*: когда [25] Сватья, проводить тебя? — Сделай милость.— Лошадь запрячь, али пешком пойдем?...

— Я бы лучше пешечком прошлась.

— Ладно. Я тебя провожу...

Петр, проводив их, говорит жене:

— Умный человек, теща. [1] Ловко она отца [2] держит. При ней отец мягче с нами. Ей бы дом продать надо, к нам перебраться.

«Не надо»,— хочет сказать Наталья, но не смеет... [3]

Иногда, сидя у окна или в саду с шитьем в руках, она слышит отрывки беседы Никиты с Перегудовым, они возятся за ягодником, удобряя землю для огорода навозом, илом, и сквозь [4] мягкий шум фабрики просачивается [5] спокойный голос Перегудова, странные слова:

— Скука — от людей. Скучатся люди в кучу, вот и начнется скука.

«Как верно [6]»,— думает Наталья, но приятный голос Никиты увещевает: [7]

— Заговариваешься ты. А — хороводы, игрища? Без людей веселья нет.

«И это — верно»,— удивленно соображает женщина.

Она видит, что все вокруг ее говорят уверенно, каждый что-то хорошо знает [8], она именно видит эти простые, твердые [9] слова; плотно пригнанные одно к другому, они [10] отгораживают каждому человеку кусок какой-то крепкой [11] правды, люди украшаются ими, побрякивают, играя, как [12] золотыми и серебряными цепями часов своих; а у нее нет таких слов, [13] ей не во что одеть свои думы, и неуловимые, мутные, как осенний туман, они только тяготят ее [14], она тупеет от них [15], всё чаще думая с тоскою, с досадой на себя:

«Глупая [16], ничего не знаю, ничего не понимаю...»

За кустами малины стучит [17] голос Перегудова: [18]

---

[1] *Далее*: Ей бы надо к нам перебраться, а дом — продать. При ней отец мягче с нами [2] его [3] *Возле этих слов на полях написано*: она не любит мать за то, что мать счастли‹ва›; *в следующей рукописи к этим словам Горький добавил*: и еще больше обижается на мать за то, что та любима и счастлива (т. XVIII, стр. 151) [4] *Далее*: ж‹ужжанье› [5] *Далее*: ст‹ранный› [6] *Далее*: он сказал [7] *Далее*: [Ну, это нев‹ерно›] Ну, что ты говоришь? [8] каждый знает какую-то правду [9] *Далее*: [плот‹ные›] словца [10] *Далее*: ограждают людей, отделяют одного от другого [11] незыблемой [12] *Далее*: це‹пями› [13] *Далее*: и [14] *Далее*: давят [15] *Далее*: и [16] Какая я глупая [17] И, словно отвечая [думе] мыслям ее, в кустах малины стучали [18] *Далее*: Я люблю похожие слова подбирать.— Смысла у тебя не выходит из них.— Пускай. Мне и не [надо смысла] надобен смысл, я не песни [соч‹иняю›] складываю, а просто так. Вот, примерно, медведь, это значит: ведает он, где мед — чуешь? — Ну, так что? — Ничего. «Должно быть, так оно и есть,— покорно соглашается Наталья.— Медведь...» И вспомнила, как Алексей застрелил медведя.

— Медведь, это значит — ведун: ведает, где есть мед.

«Наверно, так и есть»,— покорно [1] соглашается Нат‹алья› и [2], вздрогнув, видит, как Алексей убил медведя [3]. Медведь жил на цепи в углу двора, в низеньком срубе, [4] до тринадцати [5] месяцев он бегал по двору свободно, такой [6] ручной и ласковый, как собака, [7] влезал в кухню и, становясь на задние лапы, просил хлеба, протягивал передние, мигая смешными глазками [8], тихонько урча. Он был весь смешной, веселый, [9] очень добрый и понимающий доброту, он лучше [10] всех слушался Никиту, а Перегудова и Алексея [11] не любил, почти не подпускал к себе, все любили его, играли с ним. Никита любовно ухаживал за ним, расчесывал комья густой свалявшейся шерсти, водил его купать в реку, и медведь так [12] привык к нему, что [13] когда пестун его уходил из дома, зверь, [14] подняв морду, нюхал воздух, фыркал, урчал и ломился в дверь конторы [15], неоднократно выдавливал стекла в окне, выламывал раму. Наталья любила кормить его пшеничным хлебом с патокой; [16] он сам научился макать куски хлеба в чашку патоки, радостно рыча и покачиваясь на ногах, совал их в розовую, зубастую пасть, потом обсасывал липкую, сладкую лапу, и его добродушные агатовые глазки масляно сияли.

Когда ему минуло 13 мес‹яцев›, Алексей напоил его водкой, пьяный медведь плясал, кувыркался, [17] а потом залез на крышу бани и, разбирая трубу, стал скатывать кирпичи вниз по крыше; собралась толпа рабочих и весело хохотала, глядя на него. Наталье особенно приятно было видеть, когда медведь [18] шел с Никитой к реке купаться или лежал в конторе у ног пестуна; дружба его с Никитой смутно знаменовала для нее что-то очень хорошее, намекая на [19] славную сказку. И вот почти каждый праздник Алексей начал поить [20] зверя водкой, скоро медведь до того [21] привык пьянствовать, что гонялся [22] за всеми рабочими, от которых пахло вином,— при-

---

[1] с покорностью [2] *Далее*: [закрыв] прикрыв [3] *Далее*: заставив ее плакать от жалости к зверю, от страха пред деверем: мед‹ведь› [4] *Далее*: его посадили на цепь пятнадцати месяцев, когда он [5] до пятнадцати [6] *Далее*: боль‹шой› [7] *Далее*: [Перегудов и Никита ухаживали за ним, [расчесали] расчесывали комья свалявшейся шерсти, [в ж‹ару›] водили купать в реку. Алексей напоил его водкой, он, пьяный, кувыркался [по двору], приплясывал, рычал, залез на крышу бани и, разбирая трубу, стал скатывать кирпичи вниз по крыше, собралась толпа рабочих и хохотала, глядя на него.] играя с Бобром и Роской [8] *Далее*: ск‹улил?› [9] Был он весь смешной, [до‹брый›] добрый и веселый [10] больше [11] *Далее*: по‹чти› [12] *Далее*: [так] до того [13] *Далее*: если Никита [14] *Далее*: почувст‹вовав› [15] комнаты [16] *Далее*: радостно рыча, он сам совал в пасть [17] *Далее*: боролся с Перегудовым [18] *Далее*: играл с Никитой, шел с ним к реке [19] *Далее*: какую-то [20] напоил [21] так [22] начал го‹няться›

шлось посадить его на цепь, но он рычал, рвался с цепи, разломал свою клеть, [1] пошел по двору с цепью на шее, с бревном на другом конце его. Хотели поймать его, он не давался, бил людей лапами, свирепо рычал; тогда на дворе вдруг явился Алексей с ружьем в руках, [2] осторожно подошел к нему и выстрелил в бок зверя. Наталья видела, как подпрыгнул медведь, рявкнув, брякнув цепью, осел на задние ноги, мотая мохнатой башкой, махая лапами,— он точно прощения просил у людей, разъяренно кричавших вокруг его. Кто-то сунул в руки Алексея острый плотничный топор [3]; изогнувшись, противно пританцовывая на тонких ногах, деверь закружился перед зверем, ударил его топором по лапе, по другой — протяжно завыл медведь, опустился на изрубленные лапы и [4], рявкая, подставил голову под новый удар топора, а из лап его направо и налево растекалась кровь, образуя густо красные пятна на утоптанной земле. Тогда деверь, широко расставив ноги, не спеша нацелился, высоко взмахнул топором и всадил его в череп зверя, как в полено; медведь тяжело ткнулся милой мордой в землю, в кровь свою, а топор завяз в костях его, и Алексей, упираясь ногою в мохнатое плечо зверя, не мог вырвать топора из черепа.

Ночью Наталья так плакала, что муж удивленно, с досадой, спросил ее:

— Ну, а если, не дай бог, человека убьют при тебе — что ж тогда ты будешь делать?

И строго, как на маленькую, крикнул:

— Перестань!

Ей показалось, [5] что он хочет толкнуть, ударить ее и, напряженно сдерживая слезы, она вспомнила [6] первую ночь с ним — какой он тогда был сердечный [7], робкий...

— Мужик — пчела [8],— памятно сказала ей мать, когда она впервые пожаловалась ей на мужа.— Мы для мужиков — цветы, они с нас мед собирают. Они всем владычат, не бабы церкви строят, а они. [9] У них забот больше нашего. Надо понимать это, надо учиться терпеть, милок...— И, погладив мягкой, теплой ладонью щеку дочери, она с гордостью прибавила:

— Ты вот гляди, что свекор-то на пустом месте нагородил, и [10] это [11] не конец его затеям.

Илья Артамонов все более исступленно [12] торопился развить и укрепить свое дело, он как будто предчувствовал, что срок жизни его невелик. Он умер так же вдруг, неожиданно для всех [13], как неожиданно для горожан явился [14] среди них.

---

[1] *Далее*: и [2] *Далее*: подошел [3] *Далее*: он [4] *Далее*: покорно [5] Всем п‹оказалось› [6] вспомнив [7] добрый [8] *Далее*: говор‹ила› [9] *Далее*: Надо [10] а [11] *Далее*: ведь [12] *Далее*: разви‹вал› [13] *Далее*: горожан [14] *Далее*: в городе

В мае, незадолго до Николина дня, прибыл [1] [для] второго корпуса фабрики паровой котел, его привезли на барке, приставшей к песчаному берегу Оки там, где в нее лениво втекала зеленоватая болотная вода Ватаракши. Предстояла трудная работа: котел надо было перетащить [2] сажен сто по песчаному грунту на катках силою рабочих.

В Николин день Артамонов угостил рабочих сытным праздничным обедом с водкой, с брагой; столы были накрыты на дворе фабрики; хозяин со всей семьею и немногими гостями из города сидел за столом среди старых ткачей и наиболее искусных рабочих, солоно шутил с бойкими шпульницами, много пил [3], искусно подзадоривал людей к веселью и, распахивая рукою великолепную бороду свою, кричал возбужденно:

— Эх, ребята! Али не живем?

Им, [4] его повадкой — любовались, он чувствовал это и еще более пьянел от радости быть таким, каков он есть. Он сиял и сверкал, как этот весенний, [5] щедро солнечный день, как вся земля, нарядно одетая юной [6] зеленью трав и деревьев, обласканная солнцем, дымившаяся [7] запахами сирени, черемухи и [8] молодых сосен, уже поднявших в голубое небо свои золотистые свечи,— весна в том году была ранняя и жаркая [9]. Всё было празднично, всё ликовало, даже люди в этот день тоже как будто расцвели всем лучшим, что было в каждом из них. Бабы украсили двор ветвями елей и берез, как в Троицын день, [10] пестро нарядились [11], мужики и парни тоже одели [12] праздничные рубахи из канауса и кумача, двор [13] расцветился яркими пятнами.

Древний ткач, Борис Морозов, хилый, с маленьким личиком, спрятанным в седой, уже позеленевшей бороде, с длинным мертвым носом, говорил, стоя, опираясь на плечо своего старшего сына, длинного мужика лет шестидесяти. [14]

— Вот,— говорил он, размахивая пустой кружкой, покрякивая,— вот, ребята, глядите: девяносто лет мне [15], девяносто с лишком, да-а! Солдат. Турков бил, [16] Пугачева бил [17], сам бунтовал в Москве в чумный год [18], Бонапарта бил [19], нате-ко!

---

[1] *Далее*: [в Оку на барке паровой котел] для фабрики паровой котел [2] перевезти [3] *Далее*: плясал, по⟨дзадоривал⟩ [4] Им [5] *Далее*: сол⟨нечный⟩ [6] [мо⟨лодой⟩] с⟨очной⟩ [7] дыми⟨вшаяся⟩ [8] *Далее*: сосен [9] дружная [10] *Далее*: разр⟨ядились⟩ [11] разря⟨дились⟩ [12] *Далее*: чисты⟨е⟩ [13] двор [14] [Старый ткач, Мирон Робустов, отец семерых детей, хилый старичок, в седой бороде которого уже [проступала] светилась празелень, точно у мертвого, говорил, опира⟨ясь⟩] Древний ткач Мирон Морозов, хилый старичок, в седой бороде которого, уже покр⟨ытой⟩ [15] *Далее*: да [16] *Далее*: и [17] *Далее*: [чумной бунт был] чумной бунт в Москве затеяли и тут бил [18] в год чумы [19] бил

— А — ласкал кого? — кричал в ухо ему Артамонов — ткач был глух.

— Двух жен. Вот — гляди: семь парней, две девки [1], восьнадцать внучат, трое правнуков — на-ко! Все у тебя живут, вона — сидят!

— Девай еще! — кричал Илья.

— Будут! Полста лет тку, версты наткал полотен. Четырех царей, да царицу пережил,— на-ко вот! У трех хозяев жил — все разорились, примерли, а я — жив [2]! Ты — четвертый, ты — настоящий, Илья Васильев, тебе — долго жить. Тебя дело любит, и ты его... Ты — хозяин, я — вижу! [3] Не обижаешь. Ты — нашего дерева сук. Катай! Тебе богатство к рукам. [4] Катай! Катай во всю силу. Будь здоров, брат, вот что! Будь здоров, говорю!

Артамонов схватил его на руки, приподнял, поцеловал:

— Спасибо, робёнок [5]! Я тебя управляющим [6] сделаю!

Люди кричали, смеялись, Ульяна Баймакова почему-то растрогалась и, не стыдясь, вытирала кружевным платочком слезы со щек, а древний пьяненький ткач [7] шумел, как бубен:

— Глядите,— у него всё не так, всё по-своему. Настоящий! Герой — нате-ко!

— Учись, ребята, как жить надо,— орал Артамонов детям.— Гляди, Петруха!

— Господи, сколько радости! — умиленно сказала Наталья матери, та, сморкаясь, ответила:

— Такой уж человек... [8]

После обеда, убрав столы, бабы завели песни, затеяли пляски, мужики стали пробовать силу, боролись, тянулись на палках; Илья Артамонов, всюду поспевая, и плясал и боролся; пировали до рассвета, а когда занялась заря, человек семьдесят рабочих в главе с хозяином пошли на Оку, как на разбой, хмельные, шумные, с песнями, [9] с [10] посвистом, неся на плечах [11] катки, короткие толстые бревна, дубовые рычаги, доски, веревки.

С барки на берег спустили [12] красное тупое чудовище, похожее на безголового быка, легко и удачно [13] опутали его веревками, впряглись и с воем, ухая, рыча, повезли на катках по доскам, положенным на песке, везли быстро, почти бегом; [14] котёл покачивался, двигаясь вперед, и Никите казалось, что круглая глупая пасть котла

---

[1] до‹чери› [2] вот! [3] *Далее*: Я все понимаю. [4] *Далее*: Делай! [5] ребенок [6] директ‹ором› [7] *Далее*: посаженный Ильею на его место [8] *Далее*: Ты почитай его. [9] криками [10] *Далее:* разбойничьим [11] *Далее*: толст‹ые› [12] сгруз‹или› [13] быстро [14] *Далее*: [длинный железный котел покачивался [а] и Никита сле‹дил›] едва успевая перекладывать катки

разверзлась[1] удивленно[2] пред веселой силою людей. Рабочие, подкладывавшие катки, едва успевали делать это, хмельной Артамонов тревожно исступленно кричал, размах‹ивая› руками:

— Тише, галманы! Опрокинете, тише, говорю.

Меньше[3] десятка сажен осталось до дверей нового корпуса, когда котёл покачнулся особенно круто,[4] как будто устав, не торопясь, съехал с катков, ткнувшись в песок тупой мордой,[5] сильно дернув веревку, он опрокинул на землю несколько человек.[6] Молодежь захохотала, а[7] большинство людей сердито[8] облепило красную железную тушу, пытаясь снова[9] подсунуть под нее катки. Но люди уже выдохлись, устали, а котел всею тяжестью своей упрямо влип в песок и не уступал усилиям людей.

Илья Артамонов с рычагом в руках возился в[10] гуще рабочих,[11] гулко кряхтя, покрикивая:

— Берись дружней, ну, молодчики, разом. О-ух...

Котёл пошевелился и снова осел, а Илья вышел[12] из толпы,[13] сунув руку под бороду, держа себя за горло, подошёл к Никите и, плюнув кровью под ноги его, сказал:

— Жила[14] лопнула,[15] вот — кровь!

Сын[16] испуганно схватил его за руку, вскрикнув[17]:

— Ушибся?

— Молчи.[18]

И, покачнувшись на ногах, Артамонов негромко, но крепко выругался:

— Эх[19]... Где Ульяна?

И, снова обильно плюнув кровью, пробормотал с недоумением:

— Текёт...

Никита хотел бежать во двор, но отец крепко держал его за плечо[20] и, наклонив голову,[21] мял песок ногою[22]; Никите показалось, что отец прислушивается к шороху и скрипу песка, едва различимому в сердитом[23] шуме рабочих вокруг котла. Вот он дважды громко икнул и спросил тихо:

— Что такое?

---

[1] раскрыта [2] *Далее*: подчиняясь все [3] Не больше [4] *Далее*: [и не торопясь] и как будто не торопясь [5] *Далее*: натянув веревку и опрокинув [6] *Далее*: Кто‹-то› [7] и [8] ра‹достно› [9] *Далее*: поднять ее на [10] *Далее*: самой [11] *Далее*: покрикивая [12] выбрался [13] *Далее*: [и держа руку] [и держась] положив руку на затылок себе [14] *Далее*: какая-то [15] *Далее*: у меня [16] Ник‹ита› [17] закри‹чав› [18] Стой! Молчи. Не пугай народ... [19] Эх... мать... Не во время... [20] *Далее*: [смотрел в] и глядя [21] *Далее*: глядя в землю [22] *Далее*: [как бы прислушиваясь к чему-то, но именно] прислушиваясь [23] оглушительном

Покачнулся и пошел к дому, шагая осторожно, как по жердочке, через глубокий ручей.

Баймакова прощалась с дочерью, стоя на крыльце; Никита заметил, что когда она взглянула на отца, ее красивое лицо странно, точно колесо, повернулось направо, потом налево и поблекло.

— Льду давайте, воды со льдом,— закричала она, когда отец, [1] неумело подогнув ноги, тяжко сел на ступень крыльца, икая и всё чаще поплевывая кровью.

— Водой крови не заменишь,— сказал Вялов [2] за спиною Никиты,— Никита толкнул его локтем в живот, шепнув:

— Молчи ты, господи...

Затем все пошло быстро, [3] как во сне; на двор входили рабочие, старики, молча и не торопясь, держа руки за спиной, молодежь и бабы — бегом, толкая друг друга; они встали перед крыльцом в плотный полукруг, и, глядя, как около хозяина хлопочут его семейные [4]; Мирон Морозов протискался вперед всех, тыкал [5] серой рукою в бок Никите и кричал, встряхивая мертвым носом, похожим на коровий сосок:

— Земли дайте, земли пожевать дайте ему [6]!

— Сидор, скачи за попом, за Глебом,— негромко сказал Петр Перегудову,— лицо Петра вытянулось, посерело [7], маленькие жесткие глаза стали круглыми, как лесные орехи.

— Поднимайте, несите! Осторожно...

Никита подхватил отца под локоть, но кто-то оттолкнул его прочь, наступив [8] на пальцы ноги так сильно, что от боли он на минуту ослеп, а потом глаза его стали видеть [9] еще острее, с болезненной жадностью запоминая [10] всё, что [11] делали люди в тесноте [12] отцовой комнаты [13] и за окном, на дворе. Вот, высоко взмахивая локтями, Перегудов, [14] в рубахе без пояса, с голой желтой масленой спиною, носится по двору на большом черном коне, не в силах справиться с ним; конь бьет задом, вскидывает голову в небо, кружится, разгоняя людей [15], не хочет выскочить [16] за ворота [17], на пожар [18], ослепительно зажженный только что поднявшимся солнцем.

Никита думает, что напрасно, к беде, Перегудов сел на вороного коня.

На подоконнике, покашливая, покручивая [19] черную, по-барски подстриженную бородку, сидит Алексей и неподвижными глаза-

---

[1] *Далее*: по‹догнув› [2] Перегудов [3] *Далее*: и [4] *Далее*: хлопотали так же, как [5] *Далее*: ру‹кою› [6] *Далее*: — слышь? [7] серое лицо у Петра вытянулось вперед, заострилось, как топор [8] наступил [9] видеть [10] замечая [11] *Далее*: твори‹лось› [12] тесно‹й› [13] спальни [14] *Далее*: без по‹яса› [15] *Далее*: и [16] вые‹хать› [17] *Далее*: против [18] *Далее*: за‹жженный› [19] *Далее*: ос‹трую›

ми смотрит через головы людей на постель, где тоже покашливая, икая, лежит отец; его широкая, медвежья грудь волнисто и тяжело вздымается и не своим голосом он говорит:

— Значит, того... ошибся. Ну — воля божия... Ребята,— приказываю: Ульяна вам вместо матери — слышите? Ты, Уля, гляди за ними, помоги им, Христа ради...

— Молчи-ко ты, молчи,— протяжно стонет Баймакова, [1] заставляя его глотать кусочки льда.

Приподняв растрепанную голову, закрыв глаза, он глотает лёд и, нерешительно вздохнув [2], снова говорит, захлебываясь, чужим голосом влажные, тяжёлые слова:

— Ребята,— вы ее слушайте, уважайте! Греху моему вы не судьи, а она не виновата — слышите? Наталья,— суров я был с тобой... Ну, ничего... Мальчишек роди — слышь? Мальчишек. А то всё пропадет... Чужие руки. Петруха, Олеша — с народом поласковей живите. Вникайте. Народ у нас хороший... Отборные.

— Батюшка,— густо вздрагивающим [3] голосом говорит Петр.— Не говори. Мы всё понимаем... Не говори — вредно. Не оставляй нас...

Из погасших [4] глаз Алексея по сухому лицу его скупо текут мелкие слезинки, он кричит, сердясь:

— Что ты, Петр? [5]

Наталья рубит ножом кусок льда, положенный в медный таз, хрустящие удары сопровождает неприятный [6] лязг меди; Наталья всхлипывает, Никите видно, как её слезы падают на лёд. Желтенький луч солнца проник в окно, отразился в зеркале и бесформенным пятном дрожит на стене [7], пытаясь стереть фигуры [8] длинноусых красных китайцев на синих обоях.

Расчесывая гребнем густые курчавые волосы на голове Артамонова, отирая полотенцем непрерывную струйку крови в углу его губ и крупные капли пота на лбу, на висках, Ульяна Баймакова что-то шепчет в [9] помутневшие глаза его, шепчет горячо, как молитву. Он положил одну руку на [10] плечо ей [11], другую на колено и отяжелевшим языком ворочает слова [12]:

— Спаси бог тебя. Знаю.

И вдруг произносит чётко, громко:

— Хороните на своем, на нашем кладбище, а не в городе... Не хочу там, ну их...

---

[1] *Далее*: накл‹онясь› [2] вздыхая [3] дро‹жащим› [4] останови‹вшихся› [5] *Далее*: Ведь не [6] *Далее*: уху [7] *Далее*: синих обоях стены [8] *Далее*: [уса‹тых›] красных [9] *Далее*: гла‹за› [10] *Далее*: скло‹ненное› [11] ее [12] *Далее*: тяжело ворочая слова, говорит

После исповеди и причастия он сказал детям твердо, строго, как всегда говорил:

— Вот [1] отец Глеб наставник вам. При нем завещаю: не делитесь! Живите дружно. Дело вражды не любит. Ну, прощайте. Прощайтесь, уходите — собороваться буду...

Высокий, сутулый и тонкий священник с бледным лицом и христовой бородкой, с грустными глазами скромно отошел к окну.

— Ты, Петр, старш‹ий› в доме, помни! Слышите? Тебе, Олеша, жениться пора. Ты, Петр,— помни! За дело — богу ответишь!

Голос его слабел, глаза угасали, закатываясь под лоб, он [2] дышал тяжко, жадно глотая воздух. Обняв Никиту, он сказал [3]:

— Не плачь, [4] милый! Знаю — трудно тебе, одинокий ты. Вы его любите,— слышите? Он — редкий... Идите. Иди, Никитушка. Останься, Уля...

Он забыл проститься с Натальей, мать толкнула ее к постели, Наталья встала на колени, положив голову под руку свекра [5].

— Да,— сказал он, закрыв глаза, гладя волосы ее.— Ну, прощай... Рано я...

Подошла Ерданская, завыла, но он только пошевелил пальцами.

Он умер — истек кровью [6] после полудня, когда солнце благостно сверкало в зените [7].

Он лежал, приподняв голову, нахмуря брови [8], опавшее восковое лицо его было озабочено [9], глаза, неплотно прикрытые, как будто смотрели задумчиво на широкие кисти рук, покорно сложенные на [10] груди [11].

Никите показалось, что все в доме не так огорчены и напуганы этой [12] смертью, как удивлены [13] ею. Это удивление он чувствовал [14] у всех, кроме Баймаковой; вдова молча, без слёз, сидела около [15] усопшего [16], точно [17] замерзла, глухая ко всему, ничего не замечая, положив руки на колени, глядя в пол. Пётр сразу вытянулся, стал прямее, он говорил излишне громко, смотрел на людей настороженно, а входя в комнату, где лежал отец и [18], попеременно с Никитой,

---

[1] *Далее*: вам [2] *Далее*: [перекатывал] перекладывал голову по подушке и [3] *Далее*: ем‹у› [4] *Далее*: ког‹да?› [5] *Далее*: его [6] *Далее*: [около шес‹ти›] на закате солнца [7] солнце сверкало в зените, благостно вызывая к жизни комаров на болотах и [всякую весеннюю жи‹знь›] всякую мелочь [8] *Далее*: [оза‹боченное›] ли‹цо› [9] [озабоченно, недовольно, и его глаза] озабоченно и недовольно [10] *Далее*: опавшей [11] [Никите казалось, что все [свои и чужие], рабочие и го‹рожане›] Никите показалось, что все [люди] горожане и рабочие фабрики удивлены этой смертью [12] этой [13] *Далее*: нео‹жиданностью› [14] замечал [15] *Далее*: трупа [16] *Далее*: ка‹к› [17] *Далее*: скованная невидимой цепью [18] *Далее*: Н‹икита› попеременно с т‹олстой›

толстая монахиня заунывно читала псалтирь, Пётр как-то вопросительно заглядывал в каменное лицо усопшего, крестился и минуты две, три постояв, что-то соображая, осторожно уходил вон. [1]

Алексей хлопотливо суетился, устраивая похороны, [2] он тоже часто забегал в комнату, [3] чтоб спросить Ульяну [4] о порядке похорон, о поминках; молча и, казалось, внимательно выслушав его, она [5] отвечала:

— Погоди. Спроси Еламиию...

Алексей, мельком взглянув на дядю, поднимал брови и, отскакивая от стола, торопливо исчезал.

Приходила Наталья, робко и жалостливо предлагая матери выпить чаю, поесть.

— Погоди,— говорила мать, не взглянув на нее. И за всеми, видел Никита, наблюдала черная, безбровая монахиня косым, вороватым взглядом водянистых глаз. Теплый сумрак наполнял комнату, в нём чуть колебались желтенькие язычки восковых свеч, напоминая отдаленно солнечное [6] пятно, игравшее днём на стене.

По стенам фокусно лепились длинноусые китайцы, неся на коромыслах цыбики чая, на каждой полосе обоев было [7] двадцать четыре китайца, по два в ряд, один шёл вверх к потолку, другой вниз. На одну стену падал масленый свет луны, в нем китайцы были бойчее, шли и вниз, и вверх быстрей.

Никита не знал, любил ли он отца, при жизни он только боялся его, хотя [8] боязнь не мешала ему любоваться воодушевленной [9] работой неласкового к нему человека, [10] но прощальные слова Ильи тронули его, и теперь он чувствовал себя налитым мутной тоской и жалостью, [11] от этой жалости даже дышать трудно было. Он сидел в углу на сундуке [12], ожидая своей очереди читать псалтирь, мысленно повторяя слова псалмов, смотрел на Баймакову и вдруг сквозь монотонный поток слов услыхал негромкий вопрос:

— Да неужто помер? Господи?

Это спросила [13] Ульяна, и так поразительно горестно прозвучали её слова, что монахиня, прервав чтение, виновато ответила:

— Умер, матушка, умер по воле божией.

Стало совершенно невыносимо; Никита поднялся и осторожно вышел [14] из комнаты, унося какую-то нехорошую, тяжелую и бесформенную обиду на монахиню.

У ворот на скамье сидел Перегудов, он отламывал пальцами от большой щепы маленькие щепочки, втыкал их в песок и потом

---

[1] *Далее*: Так же [2] *Далее*: поминки [3] *Далее*: обра‹щался› [4] вдову [5] *Далее*: однообразно [6] дневное [7] *Далее*: по [8] но [9] восторженной [10] *Далее*: как будто и не замечавшего [11] *Далее*: которая жгла его сердце [12] стуле [13] сказала [14] ушел

загонял ударами ноги глубже, так, что [1] они становились невидны. Никита сел рядом [2], молча глядя на его работу. [3]

Это напомнило Н⟨иките⟩ жуткого городского дурачка Антонушку; кудрявый, темнолицый парень с круглыми глазами филина [4] и вывороченной в колене ногою целые дни [5] писал палкой на песке круги и в них возводил из щепочек или прутьев какие-то клетки на песке, а выстроив, тотчас же давил ногою и забрасывал, затирал песком [6], пылью и при этом пел:

Хр⟨истос⟩ в⟨оскресе⟩, в⟨оскресе⟩.
Кибитка потерял колесо... [7]

— Дело-то какое, а? — сказал Перегудов.

Хлопнул себя по шее, убил комара, вытер ладонь о колено и, прищурясь, поглядел на луну, зацепившуюся за сучок ветлы над рекой [8].

— Рано в эту весну комар явился,— задумчиво продолжал он. — Да, вот комар — живет, а...

Никита не дал ему кончить, сердито сказав:

— Так ты же убил комара.

Он воротился в комнату, грубовато сказал монахине, что будет читать сам, [9] начал чтение и, [10] подчиняясь [11] обаянию необыкновенных слов древней [12] певучей книги, вливая в эти слова тоску свою и жалость, он не заметил [13], когда вошла Наталья, [14] и вдруг услыхал за спиною своей тихий плеск ее голоса.

Каждый раз, когда она была близко к нему, он чувствовал, что может сделать или сказать что-то [15], чего он боялся, и даже [16] в этот час боязнь [17] не миновала его. Нагнув голову, приподняв горб, точно ожидая удара сзади, он понизил сорвавшийся голос, и [18] тогда рядом со словами седьмой кафизмы псалтиря потекли [19] всхлипывающие слова двух голосов:

---

[1] *Далее*: их бы⟨ло⟩ [2] *Далее*: с ним [3] *Далее*: [Шапка Перегудова валялась у ног его] Шапка Перегудова торчала на его палке, воткнутой в песок [4] *Далее*: [целые] [тоже] [с ут⟨ра⟩] [всегда] всегда [5] *Далее*: занимался тем, что строил из щепочек и прутьев [6] *Далее*: и пел [7] *Текст*: Это напоминало ∾ потерял колесо...— *вставка на отдельном листке.* [8] висевшую над рекою [9] *Далее*: и [10] *Далее*: увлеченный благолепными [древними] словами древней книги, так страстно поющей о скорби и радости, опьяненный высоким звучным голосом своим, он не слышал, когда вошла Наталья [11] *Далее*: неотразимому [12] *Далее*: скорбной [песни], книги так страстно пою⟨щей⟩ [13] слышал [14] *Далее*: [[а] но почувствовал, что] и вдруг услыхал за спиною своей [тихий шорох и плеск] [тихий шепот] тихий плеск каких-то других [двух] голосов, полн⟨ый⟩ [15] [боя⟨лся⟩] [ро⟨бел⟩] боялся, что сделает или скажет [что-то] что-нибудь не по [16] *Далее*: т⟨еперь⟩ [17] страх [18] *Далее*: услы⟨хал⟩ [19] зазвучали

— Вот, крест нательный сняла с него, буду носить... [1] Свой на него надела...

— Мама, родная, и я ведь одна живу... [2]

Никита снова поднял голос, чтоб заглушить, не слышать этот влажный шёпот, но все-таки [3] вслушивался, [4] жадно ловил отдельные слова.

— В чужом гнезде... [5]

— Ревнив господь, не стерпел греха... [6]

— «Камо гряду от лица твоего и от гнева твоего камо бегу?» — старательно выпевал Никита вопль [7] страха и отчаяния, [8] память подсказывала ему печальную [9] поговорку:

«Не любя жить — горе, а полюбишь — вдвое», и он смущенно чувствовал, что горе Натальи светит ему тихим светом надежды на счастье.

Утром из города приехали на двух дрожках городской староста Яков Житейкин, по прозвищу Недожаренный, Воропонов, Помялов и Барский[10]; посетив усопшего, поклонились ему, ⟨сказали⟩, что все они[11] тоже удивлены внезапной гибелью большого, сильного человека, каждый из них заглядывал в темнеющее лицо его опасливо и недоверчиво. Затем Житейкин, маленький, опухший и действительно как бы сделанный из недопеченного теста [12] человечек, краснощекий, с желтым пухом на голове, скулах и подбородке, сказал Петру Артамонову едким кусающим голоском:

— Прослышали мы, будто хотите вы хоронить родителя на своем кладбище,— так ли, нет ли? [13] Помилуйте, Пётр Ильич, это нам, городу, обида будет [14] вроде, как будто вы не желаете знаться с нами, и в дружбе жить не согласны, так ли, нет ли?

Потемнев, Алексей скрипнул зубами и шепнул брату:

— Гони их [15]!

— Кума! — гудел Барский, налезая на Ульяну.— Как же это, а? Обида!

А Воропонов выспрашивал Никиту [16]:

— Это кто же — поп Глеб посоветовал вам?

---

[1] *Далее*: [Матушка, милая, родная...] Милая, родная... [2] Мамушка, виновата я пред тобой [3] *Далее*: жадно [4] *Далее*: и [5] *Далее*: «Не любя жить — горе, а полюбишь — вдвое». [6] Не стерпел господь греха моего... [7] слова [8] *Далее*: а в памяти его [9] грустную [10] посетили усопшего, помолились ему и затем, выйдя, Житейкин, маленький, круглый, краснощекий, с седым пухом на голове, скулах и подбородке, сказал Петру Артамонову [11] *Далее*: однако [12] слепленный из сырого теста, но не вы⟨печенный⟩ [13] *Далее*: Его воля т⟨акова⟩ [14] *Далее*: как ⟨будто⟩ [15] *Далее*: [по шеям] В шею... [16] внушал Никите, прижав его к столу

А Житейкин негромко таинственно шептал:

— Исправник удивляется, даже спрашивал: православные ли вы?

И всем [1] Артамоновым было ясно, что Житейкин лжет, только что придумал этот довод [2].

Помялов, перебивая речь Житейкина, жаловался:

— Батюшка твой — первый фабрикант по [3] уезду, нового дела зачинатель [4] — лицо! Мы это понимаем... [5]

Когда Пётр объявил им, что такова воля отца и нарушить ее они, дети, не могут [6], почтенные люди как-то слишком торопливо ушли, Житейкин, прощаясь и прощая, сказал великодушно:

— Так ли, нет ли — хоронить мы придем [7]?

Воропонов ушел, высоко подняв голову, надув деревянное лицо свое; [8] Помялов и Житейкин, идя за ним, озабоченно шептали что-то друг другу, а Барский остался; тяжело передвигая грузное тело свое, подошел к Баймаковой:

— Пойдем, кума, поговори со мной...

Проводив его ненавидящими глазами, Алексей выговорил [9] торжественно и зло [10]:

— Не дай бог быть похожим на них! Если только замечу, что похож,— сам себе башку разобью!

— Бесстыдники,— робко сказала Наталья мужу, он посмотрел [11] на нее, на братьев [12] и тряхнул [13] головой.

— Туго нам придется...

— Сладим! — обещал Алексей.

— Надо крепко держаться друг за друга. Большое упрямство в дружбе должны мы обнаружить. [14]

— Так и будет,— сказал Алексей очень крепко и громко.

Хотя со смерти отца еще не истекло суток, но Никита видел, что Алексей непонятно изменился — исчез его насмешливый задор [15], глаза смотрели мягче, в нём, как в охотничьей собаке, почуявшей

---

[1] *Далее*: братьям [2] Житейкин лжет [3] *Далее*: всему нашему [4] *Далее*: и — эдакое [5] *Далее*: [Они ушли, не поверив, что такова была воля [Ильи Артамонова] Ильи Артамонова. Воропонов пробормотал что-то невнятное [о мол‹одежи›] о гордости и заносчивости молодежи, и все они четверо ушли, уже явно обиженные; даже деревянное лицо Воропонова надулось; Житейкин, прощаясь, сказал: — Так ли, нет ли, а хоронить мы придем.] [Когда Петр и Баймакова сказали, что тако‹ва›] Когда Петр сказал, что такова воля, он не пойдет против воли отца [6] он с братьями не может [7] *Далее*: почтим... [8] *Далее*: Помялов, идя за ним, [щупал] присматривался ко всему, все обнюхивал [9] *Далее*: крепко [10] и зло [11] взглянул [12] *Далее*: вздыхая [13] тряхнув [14] *Далее*: [Конечно] сказал [15] Никита видел, что Алексей [за ночь] за несколько часов весь за‹дор›

сборы [1] на охоту, явилось что-то тревожное [2] и даже радостное, почти до бесстыдства.

В комнату вошла Ульяна Баймакова [3], всем показалось, что она сердечно [4] обижена, у нее дрожали губы и брови, [5] заносчиво прищурились глаза, шла она, высоко подняв голову, [6] отчётливо говоря:

— Кум Гаврило, по глупости его, открыл мне секрет: они, четверо, купить хотят фабрику, купить! Вы, дескать, люди молодые, вам с делом не справиться. Вот.

Лицо Алексея исказилось, он стукнул кулаком по столу:

— Этому — не бывать!

Ульяна вопросительно и строго взглянула на Петра, он нахмурился, спокойно сказав [7]:

— Не один Барский глуп, все они дураки.

— Как волки,— стаей бросились! — кричал Алексей, а Ульяна, всхлипнув, озлобленно забормотала [8]:

— Память о человеке хотят стереть, злыдари!

Наталья, подойдя к Никите, негромко спросила его:

— А ты что молчишь?

Не зная, как ответить ей, он так и сказал, виновато встряхнув горбом:

— Не знаю.

На похороны Артамонова пришли почти все лучшие люди города, явился исправник, высокий старик с голым подбородком и седыми баками на сухом лице, он прихрамывал на правую ногу, но шагал по песку величественно и трижды Петру, Ульяне и Барскому [9] сказал одни и те же слова:

— Покойник был отлично рекомендован мне [10] собственноручным письмом его сиятельства князя Георги〈я〉 Ратьского и рекомендацию эту совершенно [11] оправдал.

На половине дороги он заявил Петру:

— Место для кладбища выбрано неудобно — носить покойников в гору — тяжело! — сказал и, боком выбравшись из толпы, встал под сосной, пропуская мимо себя, как солдат на параде, человек триста горожан и толпу рабочих, туго поджав тонкие губы, тыкая палкой в песок.

---

[1] *Далее*: [не так озабоченно, как в пом〈...?〉] [но было] [в нем, как в собаке пред охотой, был〈о〉] в нем, как в охотничьей собаке, собрав〈шейся〉 [2] *Далее*: [и ра〈достное〉] [бесстыдное] даже [3] [В комнату вошла Ульяна Баймакова] Вошла Ульяна Баймакова. [4] *Далее*: ими [5] *Далее*: не [6] *Далее*: [и по-солдатски выпрямившись] и говорила [7] [но] и спокойно сказал [8] ска〈зала〉 [9] Алексею [10] *Далее*: его сиятельством князем Георгием [11] дост〈аточно〉

День был [1] яркий, торжественно и благодатно сияло солнце, освещая среди жирных пятен желтого и зеленого пёструю толпу людей, она медленно вползала [2] между двух песчаных холмов на третий, уже украшенный десятком крестов [3], врезанных в синее небо и осенённых широкими лапами старой кривой сосны. Песок [4] сверкал алмазной пылью под ногами людей, а над [5] головами волновалось густое пение попов; сзади толпы шёл [6], спотыкаясь, припрыгивая [7], дурачок Антонуш‹ка› [с] круглыми глазами без бровей; он смотрел [8] под ноги себе, нагибался к земле и, хватая тоненькие сучки, совал их за пазуху и тоже пронзительно ‹пел›:

Хиристос воскресе, воскресе!
Кибитка потерял колесо.

Благочестивые люди били его [9], запрещая петь [10] это, и теперь исправник, погрозив палкой [11], строго крикнул:

— Цыц, дурак!

В городе Антонуш‹ку› не любили и боялись, считая предвозвестником несчастий, и когда он в час поминок явил‹ся› на двор фабрики и пошёл среди столов, бормоча странные слова, горожане принимали их как заклинания мордовских колдунов:

— Куятыр [12] — чёрт залез на колокольню, ай-яй — дождик будет, мокро будет, [13] каямас черненько плачет [14]!

Некоторые из догадливых людей перешепнулись:

— Ну, значит, [15] Артамоновым счастья [16] не будет!

Но Гаврило Барский миролюбиво пробормотал:

---

[1] *Далее*: веселый [2] медленно всползавшую [3] *Далее*: четко, как ри‹сунок› [4] Теплый песок [5] *Далее*: ними [в тих‹ом›] [текло] волной т‹екло› [6] шла [7] *Далее*: городская дурочка Акулина, [крещена‹я›] тощенькая, светловолосая, без бровей, с ласковыми глазами совы и тоже пронзительно пела:

Хиристос воскресе, воскресе!
[Бутырма, бутарма, куяк...]
Бутырма, бай, бай, бутарма...
[Ночует бес на колокольне...]
Чёрт залез на колокольню...
Баю, баю, [бай] баю, Хиристос...

[8] *Далее*: [в даль] в небо [9] ее [10] *Далее было*: эту песню, [но она дол‹го›] исправник, погрозив ей палкой, сказал, строго нахмурясь: — Цыц, дура!

В городе ее не любили и боялись, считая предвозвестницей несчастий, и когда она [после похорон явилась на поминки, где снова стояли столы] [в час поминок пришла на двор фабрики, где снова тесно стояли поминальные столы] в час поминок явилась на двор фабрики и пошла среди столов... [11] *Далее*: ему [12] *Далее*: [бударма] ундыр, тырын [13] *Далее*: [каямас] [ундыр] ундур [14] заплачет [15] *Далее*: молодым [16] удачи

— А, может, это [1] он — к пожару!

Пётр [2] заметил, что Алексей [3] стал [4] мягче, ласковее, и в то же время [5] у него явилась [6] неприятная [7] торопливость, он как будто нахлёстывал [8] жизнь.

Вскоре после похорон отца Артамоновы, отслужив на кладбище панихиду, собрались по просьбе Алексея в его большой, светлой комнате и он, заметно волнуясь, необычно для него мягко заговорил:

— Ты, Пётр, верно сказал [9]: нам надо жить упрямо дружно, мы тут — как в плену.

Никита заметил [10], что Наталья, сидевшая рядом с ним, вздрогнула.

— Но все-таки и при дружбе мешать друг другу мы не должны. Дело — одно для всех, а жизнь у каждого — своя. Верно?

— Ну? — недоверчиво спросил Петр, глядя через голову брата.

Он редко бывал в комнате брата, но, заходя к нему, каждый раз видел, что А‹лексей› все более обрастает ненужными вещами барского обихода. Кроме подарков Ульяны, явились и еще какие-то красивенькие штучки [11], на стене висит вышитая бисером картина — девичий хоровод. Едва ли Алексей покупал эти, должно быть, недешевые вещи, он был бережлив почти до скупости. [12]

«Неужели крадет [13] понемногу?» — соображал Петр, внимательно вслушиваясь в слова брата. [14] Чувствуя [15] в двоюр‹одном› брате что-то чужое, неясное, он незаметно недоверчиво [16] присматривался к нему, и недоверчивость возрастала. [17]

— Так вот: вы все, наверно, знаете — я сошелся [18] с девицей одной, давно уж; она родит скоро, я хочу обвенчаться с ней. [19]

---

[1] *Далее*: [она — к пожару!] она — пожар пророчит! На девятый день после похорон Артамоновы, отслужив на кладбище панихиду, собрались по предложению Алексея в его большой, светлой комнате и он, [необычно мягко, очень] волнуясь, необычно мягко [и необычно запута‹нно›] сказал: [2] Петру [3] *Далее*: ка‹к-то› [4] *Далее*: как‹-то› [5] *Далее*: [показывал] приобрел какую-то нов‹ую› [6] *Далее*: какая‹-то› [7] *Далее*: посто‹янная› [8] *Далее*: и гнал [9] говорил [10] Никите показалось [11] вещицы [12] *Далее*: [до не] [не мог иметь] да и денег отец давал ему лишь в день именин, на святки, масленицу и на пасху по пяти рублей, а на троицу и успенье — по три. [13] утаивает [14] *Далее*: Он давно и хорошо видел, что покойный отец относился к Ал‹ексею› лучше, чем к нему, это его обижало. [15] И чувствуя [16] *Далее*: и подозрительно [17] теперь эта недоверчивость возрастала, становясь напряженнее, острей; *текст*: Он редко бывал ∾ и недоверчивость возрастала.— *вставка на отдельном листке*. [18] живу [19] *Далее*: [Это— та девчонка] Эта девчонка, Никита, когда ты [в воде] в реке оступился, упал, [одна] одна испугалась, пожалела — помнишь? — Я — знаю,— тихо сказал Никита.

Никита кивнул головою. [1] Он сидел почти впервые так близко к Наталье [2], и это было до того хорошо и странно, что он не хотел двигаться, не мог говорить и почти не слушал, что говорят другие.

— Она — особенная. Вводить её в дом я не хочу. Боюсь — не уживетесь с ней. А мне она — судьба, я так думаю. Я говорю: не хочу, не могу жить, как все эти... чёрт с ними! С ней можно жить иначе как-то. Мне — хоть хуже, только бы не так!

Ульяна Баймакова, подняв опущенные глаза, [3] помогла ему:

— Я девицу эту знаю, она редкая [4] рукодельница с малых лет [5]. И отца, пьяницу, поджигателя, кормила, и сама себя; грамотна. Только — характерная, [6] и, пожалуй, [7] не сживется Наталья с ней...

— Я — со всеми сживусь,— обиженно [8] сказала Наталья [9].

Пётр искоса взглянул на нее, спокойно говоря брату [10]:

— Это действительно дело твоё.

— Так!

Алексей [11] обратился к Баймаковой:

— Ты нам, Ул‹ьяна› Ив‹ановна›, вместо матери теперь, это для меня не только завет [12] дяди, а и моя радость. [13] Вот о чем я попрошу [14] тебя: уступи мне твой дом в городе, на что его тебе [15], одной? Все равно — чужих пустишь. [16] Лучше меня пусти с женой. Я тебе выплачу твою цену за него.

Ульяна глубоко вдохнула:

— Ой, милый, а куда я пойду?

Петр твердо сказал:

— Тебе [17] с нами надо жить. Возьми отцову горницу или [18] Алексееву.

— Лучше [19] — отцову [20].

— Ну, я пойду Ольгу обрадую.

---

[1] *Далее*: [Сидя рядом с Натальей, он чувствовал, что ему жарко] Он сидел рядом с Натальей, почти впервые так близко к ней [2] *Далее*: [и плохо слушал [о] ре‹чь›] [не слушал ре‹чь›] [и боялся] смотрел на Петра и почти не слушал речь Алексея, [который уже снова стал говорить задорно и как бы вызывая на спор] он уже снова начал говорить задорно и как бы вызывая на спор [3] *Далее*: [пришл‹а›] тихо [4] редкая она [5] *Далее*: ее [6] *Далее*: пожалуй. [7] верно, что [8] тихо и обиженно [9] *Далее*: покорно [10] и спокойно сказал брату [11] И Алексей [12] приказ [13] *Далее*: [Я знаю, что я злой, да ведь не на всех зол, я и любить могу, и уважать.] Я тебя привык уважать. [14] прошу [15] тебе его [16] *Далее*: Вот ‹?› [17] *Далее*: мамаша [18] *Далее*: эту [19] Лучше — ту,— сказа‹ла› [20] *Далее*: Значит ты, Петр, согласен? — настойчиво спросил Алексей.— А — что ж... [Ну — спасибо. И тебе спасибо.] Ну — вот! — Он снова обернулся к Баймаковой.— Можешь ты Ольге посаженной матерью быть? Вот и мне, как Петру, будешь тещей.— Не знаю я, можно ли, надо попа спросить.

Когда он ушел, Петр задумчиво сказал:

— Ловко [1].

И взяв Никиту [2] за плеча, покачнул его раз и два:

— А ты всё молчишь? О чем ты думаешь, а?

— Обо всём...

— А — как?

— Алексей хорошо делает... [3]

— Ну? Увидим... А по-твоему, матушка? [4]

— Конечно, хорошо, что он венчается с ней, а как жить будут — кто знает? Она действительно особенная.

— Чем?

— Вроде дурочки... [5]

— Спасибо за такую родню,— усмехнулся Петр. [6]

— Может, я не то сказала, а она — хитрая,— медленно говорила [7] Ульяна, [8] как будто [9] глядя в темноту, [10] где все спутано и не дается глазу.— [11] [Вот эти вещи-то, комод, часы] она от отца припрятала, чтобы не пропил. Говорила ему, что продает, а Олеша их, по ночам, ко мне таскал, потом я будто дарила ему. [12]

Стоя спиною к теще, Петр смотрел в окно: в саду досадно бормотали [13] скворцы, передразнивая всё на свете.

— История,— громко сказал он и вспомнил слова Перегудова:— «Не люблю скворцов, на чертей похожи».

Все так же задумчиво, нехотя и, видимо, сквозь другие [14] думы Баймакова рассказывала, что мать Ольги Орловой, помещица, еще

---

[1] Быстро он шагает. Ловко. [2] брата [3] Алексею хорошо будет... [4] *Далее*: Хорошо он делает. что венчается с ней, а как жить будут — кто скажет. Нехорошо только, что торопится он [с этим] со свадьбой. [5] *Далее*: не поймешь [6] *Далее следовало два варианта текста*: *первый вариант*: [Вечером, собираясь спать, он сказал жене] Перед тем, как лечь в постель, Петр, глядя в окно, сказал жене: — Умен Алексей. Сердито умен. [Веско говорит.] [Хорошо он сказал: «В плену живем!» Веско] Веско он сказал: «В плену живем!» [Наталья, [помолясь] заплетая косу на ночь, вдруг [точно] выпрямилась и] Наталья, заплетая косу на ночь, вдруг опустила руки, выпрямилась и

Второй вариант: Баймакова, стоя среди комнаты, натянуто улыбнулась, развела руками: [Да, девятый день после смерти отца, уже о свадьбе говорят...] Бегом живете.

[7] А может, я не понимаю ничего, и она — хитрая,— задумчиво сказал⟨а⟩ [8] *Далее*: и странным голосом [9] *Далее*: вспоминая очень [давнее] отдаленное или [10] [вдаль] вдаль и темноту [11] *Далее незавершенная правка*: [Вот вещи-то эти [ей] ее] [Вот эти вещи-то, комод, часы, [ее] [она] [ее] [кот⟨орые⟩] [Они зажиточные]

[12] *Далее*: Мать у нее — богатая была, помещица, а отец — красавец, [ну, и] она овдовела и обвенчалась с ним [13] сви⟨стели⟩ [14] сво⟨и⟩

при жизни первого мужа сошлась с Орловым [1], крепостным [2] человеком [3].

— Он мастер был: и мебель делал, и часы чинил, и фигуры вырезал из дерева... муж помер в год объявления воли, они повенчались, [4] но жена утонула, купаясь, а Орлов тотчас начал пить [5].

Наблюдая за Натальей, Никита видел, что [6] эта повесть волнует ее, она судорожно щипала пальцами бахрому скатерти и простое, доброе лицо ее, покраснев, [7] стало незнакомо ему сердитым. Он ушел [8].

А после ужина [9], сидя в саду в зарослях сирени под окном Натальиной комнаты, он услыхал над головою своей голос Петра.

— Умен Алексей. Сердито умен.

И тотчас раздался режущий сердце вой [10] Натальи, как будто ее ударили [11].

— Все вы — умные, все! Только я одна дура. Верно сказал он: в плену! Это я живу в плену вашем...

Никита вскочил и побежал куда-то, [12] быком наклоня голову, подняв горб кверху, отбивая рукою сучки [13] деревьев, хватавшие его за [14] плечи.

Наталья заплетала косу, сидя в углу комнаты, готовясь молиться, слова мужа [15] обожгли ее и всё, что пережила она в [16] скучные годы замужества, [17] вспыхнуло в ней [18] злым огнем.

Она встала, прислонилась к стене, прижав спиною руки, которым хотелось бить и рвать, и, захлебываясь словами, сухо всхлипывая, говорила, говорила, не слушая себя, не слыша окриков изумленного и даже несколько испуганного мужа. Говорила она о том, что видит себя чужой в доме, никому не нужной, приемышем, прислугой.

— Ничего не понимаю, всё запутано для меня. Кто я тебе? Ты же меня не любишь, ты и не говоришь со мной, навалишься на меня камнем да и всё. Гляди-ко, послушай-ко, как люди любят друг друга,— матушка-то как любила отца [19] твоего, бывало, сердце мое от зависти рвется, глядя на их любовь.

— Вот [20] ты и люби меня эдак,— примирительно посоветовал [21] Петр, сидя на стуле и разглядывая странно незнакомое лицо жены

---

[1] часовщиком [2] *Далее*: ее [3] *Далее*: Он, видимо, мастер [4] *Далее*: и Орлов [5] *Далее*: У меня портрет [его] ее спрятан, хоть и прорван портрет, а видно — красавец был Орлов, молодой-то [6] *Далее*: [простой, безразличный] нехотя в‹олнует?› [7] то красне‹ло› [8] *Далее*: думая: «Утопиться что ли?» [9] А после ужина [10] крик [11] ударило [12] *Далее*: наклонясь [13] куст‹ы› [14] *Далее*: горб и [15] *Далее*: вдруг [16] *Далее*: эти [17] *Далее*: и за последние дни смертной тревоги в доме, все, что она слышала, о чем думала [18] *Далее*: ярким [19] свекра [20] Так вот [21] сказал

в сумраке, в углу. Слова ее он находил [1] глупыми, [2] но он с изумлением [3] чувствовал пред собою живое [4] горе [5] и смутно понимал, что горе-то — умное [6] и грозит ему [7] темной опасностью [8].

— Гляди, как Алексей любит [9],— то шептала, то выкрикивала жена, точно качаясь на качели, [10] взлетая высоко вверх, снова падая. Бела‹я›, безрукая в ночной рубахе, фигура ее трепетала, струилась, таяла, как бы угрожая исчезнуть.

Петр мельком подумал: «Такая тихая всегда [11]». И вспомнил, как хорошо она говорила: «Один ты у меня на всю жизнь — один...»

Давно уже не слышал он этих ее слов.

— Один человек видит меня живой — Никита, чистая душа, несчастный!

— Так ведь и его любят,— думая об Алексее, опоздал вставить [12] свое слово Петр и услыхал [13] ответ:

— И люблю, ну, что же? [14] Я бы с ним душа в душу жила, пусть [15] он...

— С Алексеем? — крикнул Петр, вскочив со стула, подошел и притиснул ее к стене [16]:

— Ты что сказала, дура? Что ты сказала?

Он схватил ее за волосы на макушке и, отогнув голову, заглядывал ей в лицо.

— Пусти,— крикнула она негромко.— Пусти, закричу!

Опьянев со зла и страха, он взял ее за горло другой рукою, требуя:

— Говори!

Она, покраснев, захрипела, тогда муж, ударив ее головой о стену, сказал:

— Сволочь [17].

Она откачнулась от стены и прошла мимо его к зыбке — давно уже плакала младшая девочка. Петру показалось, что жена перешагнула через него. Всхрапывая от [18] ярости, он присел на постель [19],

---

[1] казались ему [2] *Далее*: крики — скандальными [3] *Далее*: и страхом [4] великое [5] *Далее*: чувствовал [6] *Далее*: законное [7] *Далее*: какой-то [8] *Далее*: [втягивает] может втянуть его в новый вихрь тяжелых дум, еще хуже того, который [уж‹е›] уже разыгрался, утомил и еще не пережит [9] *Далее*: жарко [10] *Далее*: и то [11] *Далее*: а вот и [12] сказать [13] *Далее*: в [14] *Текст*: Один человек ∾ ну, что же — *зачеркнут синим карандашом* [15] даром [16] подошел к [стене] [жене] ней и, притиснув [жен‹у›] ее к стене, ст‹ал› [17] Захрипев, она ударила его коленом снизу, между расставленных ног, он охнул от боли и присел, ругнув ее стонущим голосом: — Стерва... [18] *Далее*: боли и [19] *Далее*: глядя

пред ним качался [1], ползал из стороны в сторону, как маятник, темно-синий кусок неба, прыгали звезды. Сбока, почти рядом, сидела Наталья, ее можно было ударить по лицу наотмашь, не вставая. Но ударить не хотелось, а злость и обида [2], все чувства, столь [3] сильные за минуту пред этой, [4] уступали место [5] вновь возникшему тревожному сознанию опасности. Он внутренно встряхивался [6], как после кошмара, искоса смотрел в лицо Натальи и думал, пытаясь успокоить себя:

«Это она со зла бухнула про Алексея».

Она кормила ребенка, глядя в угол сквозь стеклянную пленку [7], не замечая, что ребенку неудобно сосать ее упругую грудь: горизонтально торчавший сосок выскальзывал из его губ, ребенок хныкал и, вращая [8] головкой, сонно мигал.

Мокрое лицо матери было тупо [9], по щекам медленно стекали последние [10] слезы [11].

«Сейчас перестанет плакать. Это она со зла сказала...»

— Дура,— угрюмо, негромко упрекнул он [12].— Туда же дерешься... Разве это можно?

Отняв ребенка от груди, наклонясь над зыбкой, Наталья пробормотала:

— Муха я в доме... Муха, без крыльев...

— Так ведь я — тоже один, весь тут. Не двое Петров Артамоновых — один...

Сказав это, он замолчал, задумался, [13] смутно чувствуя, что сказал что-то [14] не так, какую-то неправду, а [15] хотелось ему сказать именно правду, очень простую, неоспоримо ясную, такую, чтоб жена сразу поняла ее, подчинилась ей и не мешала больше ему [16] глупыми жалобами, слезами, тем излишним бабьим, чего в ней до этой ночи [17] не заметно было.

Глядя, как она, точно слепая, идет к окну, он говорил в спину ей:

— У меня — дело! Фабрика, это — не хлеб сеять, не картошку садить. Это — задача.

Он уже знал [18], как и что надо сказать жене, чем подавить ее мятеж [19], но в эту минуту из темной духоты сада [20] негромкий голос Перегудова позвал:

---

[1] качалось [2] и злость, и боль [3] такие [4] *Далее*: [слились] сливались в тяжелый подавляющий ком [5] *Далее*: чему-то другому [6] выпрямлялся [7] *Далее*: слез [8] *Далее*: пуховой [9] Ее мокрое лицо было тупо и задумчиво [10] последние [11] *Далее*: ему показалось [12] *Далее*: ее [13] *Далее*: чу⟨вствуя⟩ [14] что-то [15] *Далее*: гово⟨рить⟩ [16] *Далее*: своими [17] этого ве⟨чера⟩ [18] чувствовал, что знает [19] бунт [20] [из сада] из безмолвной и темной духоты сада

— Петр Ильич, эй!

— Что надо? — сердито спросил он, подойдя к окну.

— Выдь ко мне.

— Зачем?

— Выдь, говорю,— требовательно и строго сказал Перегудов.

— Что там еще? — с досадой проворчал Петр и снова попрекнул жену: — Вот видишь?... А ты тут раскисла...

Перегудов без шапки, без палки, мерцая глазами, встретил его у крыльца, тихо говоря, оглядываясь в темноте.

— Сейчас я Никиту Ильича из петли вынул.

— Чего? — спросил Петр и, точно проваливаясь сквозь землю, опустился на ступень крыльца.

— Да ты — не садись, идем к нему, он тебя желает...

Но Петр, не вставая, спрашивал шёпотом:

— Что ж это он? А?

— Идем [1].

— Я его водой отлил, теперь он в себе. Ну, всё-таки — пойдемко!

И, подняв хозяина за локоть, Перегудов повел его в [2] сад.

— Он в бане [3] устроился, в передбаннике, спустил петлю с чердака да и — того...

Петр остановился, повторив:

— Что же это? [4] С тоски по отце, что ли?

— Я — давно за ним слежу, — тоже остановясь, сказал дворник и, оглянувшись, шепотом продолжал:

— Он рубахи ее целует,— я видел...

— Какие рубахи [5]? — спросил Артамонов, щупая землю босыми ногами и тоже приглядываясь к огромным черным грибам аккуратно подстриженных деревьев. [6] Он боялся идти к брату, чувствуя, что встанет пред ним пустой [7], не зная, что сказать, о чем спросить. Накануне выпал обильный дождь, а день был жестоко зноен, и теперь, ночью [8], духота в саду сгустилась в черный липкий туман [9] и лезла в горло, мешая дышать; Петр сильно вспотел, [10] одною рукой стирая пот со лба, с висков, другой он щупал мохнатую голову собаки у своих ног и слушал [11] шепот Перегудова: [12]

---

[1] *Далее*: однако.— С тоски по отце, что ли? [2] *Далее*: конец сада [3] за баней [4] Отчего же это? [5] *Далее*: чьи [6] *Далее*: [Он ничего не понимал] [Он сильно вспотел, идти в баню ему не хотелось, и одною рукой вытирая лоб, виски, другой гладил собаку] Ему не хотелось, он боялся [7] пустой [8] к ночи [9] *Далее*: [ст‹ало›] трудно было дышать [10] *Далее*: и [11] слушая [12] *Далее*: Без глаз живете.

— Ее, [1] Натальи Евсевны; ночью они тут висели, сушились после стирки.

— Зачем это?

— Эх, без глаз живете!

— Постой,— сказал Петр, оттолкнув ногой собаку и покачиваясь,— постой! [2]

Он увидал во тьме коротенькую широкую фигуру горбуна, целующего женскую рубаху, это было [3] смешно и вынудило [4] брезгливый [5] плевок. Но вслед за тем [6] ушибла другая мысль, и, схватив дворника [7] за плечи, встряхивая его, он спросил сквозь зубы:

— Целовались? Жили? Видел ты — целовала она его, ну?

Т⟨ихон⟩ [8] точно растаял под руками его.

— Я — все вижу. [9] Ты мне верь — Н⟨аталья⟩ Е⟨всевна⟩ [10] ничего и не знает.

— Врешь?

— Какая у меня причина — врать? Я награды от тебя не жду.

И как будто топором вырубая просвет во тьме, он в немногих словах рассказал хозяину о несчастии его брата. [11]

Он понимал [12], что дворник говорит правду, и с изумлением почувствовал [13], что эту правду он и сам давно уже смутно различал во взглядах синих глаз брата на жену, в его услугах Наталье [14], в его мелких, но непрерывных заботах о ней [15].

— Идем,— сказал он, толкнув двор⟨ника⟩ [16] вперед, не желая принять на себя первый взгляд Никиты [17], а войдя в низенькую дверь бани, еще не различая брата в сумраке, дрогнувшим голосом спросил из-за плеча Тихона [18].

— Что ж ты делаешь, Никита?

Горбун ответил хрипло и невнятно; он полулежал на лавке, мутный свет из окна падал на живот и ноги его. Потом Петр различил, что рубаха на груди брата разорвана от ворота до подола, прилипла мокрыми кусками к его коже, [19] волосы на голове тоже мокрые, а на скуле темная звезда и от нее, лучами, потеки.

Петр спросил шепотом:

— Кровь?

---

[1] *Далее*: рубахи [2] *Далее*: [Что такое? — И вдруг в голове его посветлело, он подумал: «Так это она про [Ник⟨иту⟩] Никиту сказала — «люблю»? Это — со зла!» Но тотчас же ушибла другая мысль...] На минуту ему показалось смешным [3] *Далее*: и [4] зас⟨тавило⟩ [5] брезгливую [6] [но в ту же] [но тотчас же] Но тотчас же [7] П⟨ерегудова⟩ [8] Перегудов [9] *Далее*: И — честный. [10] она [11] *Далее*: Для Петра все стало проще [12] с изумлением чувствовал [13] еще более изумлялся [14] ей [15] [о ее ра⟨боте⟩] в ловле птиц для нее, в [ра⟨боте⟩] работе [16] Перегудова [17] брата [18] дворника [19] *Далее*: голо⟨ва⟩

— Это я маленько неосторожно ушиб его, заторопился,— обстоятельно ответил Перегудов неприятно громко и шагнул [1] в сторону.

Теперь Петр видел [2], что Никита, опираясь горбом о стену бани, наклонил голову и смотрит прикрытыми глазами в грудь себе так же, как смотрел мертвый отец. Это было страшно, мешало подойти ближе. Слушая свой голос, как чужой, Петр жалобно пробормотал, дергая и оттягивая мочку уха:

— Как же это ты решился?

— Знаю — грех! — хрипя ответил брат.— Сил не хватило. Не дотерпел. Ты [3] отпусти меня, будь братом! [4] Я в монастырь пойду, слышишь? [5] Так прошу, так...

Он кашлянул со свистом и замолчал.

— Никит,— подумав, сказал Петр тихо и ласково, чем-то очень умиленный,— вот Тихон [6] сказал мне, будто ты...

Никита отшатнулся от стены, крякнув, и воющим голосом, держа голову неестественно прямо, не ворочая шеей, забормотал: [7]

— Эх, ведь просил я, просил же — молчи! Сколько раз просил. Люди-и! [8] Христа ради прошу — ей [9] не говорите, смеяться будет [10]. Пожалей меня, все-таки я же ведь богу служить буду за всех вас, всю жизнь. Не говорите, никогда. [11] Тихон, ты,— ты все — эх!

— Эх! — глухо и ровно отозвался Перегудов.— Я [12] не скажу ни ей, никому. Я бы ведь молчал, [13] если б не этот случай.

Петр [14], все более умиляясь, сам удивленный этим, тоже твердо обещал:

— Вот тебе крест порукой — ничего она не будет знать, никогда!

— Ну,— спаси [15] бог! А меня ты отпусти — прошу милости! [16]

Он снова откачнулся к стене и замолчал, точно уснув.

— Больно тебе? — тихо спросил Петр. Брат не ответил ему. Тогда он погромче повторил:

— Шею-то — больно?

— Ничего,— сказал Никита.— Вы — идите...

— Не уходи,— шепнул Петр Перегудову, [17] пятясь к двери мимо его.

---

[1] отшагнув [2] Петр [увиде‹л›] [ра‹ссмотрел›] присмотрелся [3] *Далее*: брат [4] *Далее*: Отпусти. [5] *Далее*: Пожалуйста. [6] Сидор [7] *Далее*: Ну да, вот он, конечно, сказал! [8] *Далее*: Братец, брат [9] ей-то [10] *Далее*: осердится [11] *Далее*: Сидор, ты,— ты умный, ты же понимаешь,— надо жалеть... [— Не беспокойся, Ник‹ита› И‹льич›] — Ну, а что мне делать,— глухо и ровно [ска‹зал›] отозвался Перегудов [12] *Далее*: ничего [13] *Далее*: и [14] А Петр [15] *Далее*: тебя [16] *Далее*: Слышишь [17] *Далее*: и

Но когда он вышел из бани в сад и глубоко вдохнул приторно теплые, пьяные запахи потной земли [1], его [2] умиленность тотчас исчезла пред натиском тревожных дум. [3] Медленно [4] шагая [5] по дорожке, усыпанной битым щебнем, он старался шагать осторожно, чтоб щебень [6] под ногами не скрипел; [7] была потребна великая тишина, чтоб разобраться в этих думах, они, [8] враждебны⟨е⟩, пугали обилием своим, [9] казалось, [10] они возникают не в нем, а вне его, в молчаливой ночной тьме [11], мелькают в ней серыми стрижами и, на миг показав себя его разуму, исчезали, все более смущая. Они [12] так быстро сменяли одна другую, что Петр не успевал поймать и заключить их в слова, улавливая только хитрые узоры, петли и узлы, опутывающие его, Наталью, горбуна [13], Алексея, Тих⟨она⟩ [14], связывая всех [15] людей в запутанный [16] хоровод, [17] который вращался неразличимо быстро, а он — в центре круга — один и чужой всем. Словами он думал самое простое:

«Надо, чтобы теща скорее переехала к нам. Наталью приласкать, успокоить. [18] «Гляди, как любят друг друга.» Так ведь [19] это он [20] от убожества своего, а не от любви в петлю полез. [21] Это хорошо — в монахи, в людях ему... Тих⟨он⟩ [22] — дурак, он раньше [23] должен сказать мне. А — что бы я сделал?»

Но это были не те неуловимые, бессловесные мысли, которые особенно смущали и даже пугали его, заставляя опасливо присматриваться к темноте, густой [24], влажной и почти безмолвной, только вдали, в рабочем поселке, извивался [25], чуть светясь, тоненький ручей [26] невеселой песни.

П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ ясно чувствовал одно: необходимо [27] скорее [28] изжить, подавить тревогу, не давать ей разрастаться [29].

---

[1] влажные запахи потной земли [2] он [3] [тревожных дум] [тревожных и незнакомых] незнакомых, тревожных дум [4] Ид⟨я⟩ [5] *Далее*: к дому [6] камн⟨и⟩ [7] *Далее*: ему [8] *Далее*: были [9] *Далее*: и [10] *Далее*: ему, что [11] [не в нем, а вне его, [в] они появляются из ночной тьмы, мелькают в ней, как стрижи, [исчезают, все более тревожа душу] и, показывая себя его разуму, исчезают, все более тревожа [его] и смущая душу] возникают не в нем, а вне его, в [этой] молчаливой [хитрой] ночной тьме [12] Мелькали они [13] бра⟨та⟩ [14] Перегудова [15] *Далее*: в [16] в какой⟨-то⟩ [17] *Далее*: [в трево⟨жный⟩] в быстро вращающийся круг [18] *Далее*: [Сидор] Сидор чтобы молчал. Что это за человек? Наталья сказала: «Гляди, как любят друг друга». Действительно,— до петли! [19] *Далее*: он горбат [20] *Далее*: наверное [21] *Далее*: Наталья не про него говорила. [22] Сидор [23] давно бы [24] *Далее*: и [25] из дали, из рабочего поселка, [донос⟨илась⟩] тоненьким ручьем протекала, прерываясь [26] *Далее*: пе⟨сни⟩ [27] ну⟨жно⟩ [28] как мож⟨но⟩ [29] *Далее*: и затемнять его

Он [1] не заметил, как дошел [2] до кустов сирени под окном спальни, сел на скамью; он сидел, упираясь локтями в колени, сжав лицо ладонями, глядя в черную землю под ногами; земля как будто шевелилась [3] и пузырилась.

«Удивительно все-таки,— как это Никита [4] одолел песок. Уйдет в монастырь — садовником будет там [5]».

Не слышал [6] и не заметил Петр, как [7] подошла жена, [8] он очень испугался, даже привскочил, когда слева [9] от него, точно из земли, поднялась белая фигура и [10] прозвучал тихий виноватый голос.

— Прости меня, Христа ради, что кричала я...

— Ну что ж,— я тоже кричал,— великодушно пробормотал он, чувствуя, что [рад жене]. Она нерешительно села рядом с ним [11], и Петр начал искать те мягкие [12] слова, которые [13] всего скорее залепили бы, замазали трещину ссоры. Но находились только серьезные слова.

— Ты вот кричишь: [14] не люблю я тебя. Я понимаю — тебе скушно. Веселье [15] у нас в доме не живет. Отец веселье в работе видел. У него так выходило: [16] просто людей на земле — нет, все — работники. И князь, и поп. Кроме нищих. Все живут для дела. За делом людей не видно...

Говорил Петр вдумчиво, осторожно и, слушая слова свои, находил, что говорит он [17] как [18] серьезный, деловой человек, настоящий хозяин. Говорил и думал:

«Я — справедливее отца, не против его, а — справедливей». [19] Но все-таки ему казалось, что сидит он на краю какой-то ямы, куда в следующую минуту, может, столкнут его [20].

Деловое [21], серьезное исчезло, когда жена, положив голову свою на его плечо, сказала горячим шёпотом знакомые хорошие слова:

— Ведь ты мне — на всю жизнь.

Он тотчас обнял ее, притиснул к себе, заглядывая в глаза ей, слушая...

— Как же ты не понимаешь этого? Это — грех, не понимать. Взял девушку, она тебе детей родит, а тебя будто и нет — без

---

[1] Петр Ар⟨тамонов⟩ [2] очутился [3] *Далее*: таяла и текла [4] *Далее*: с Перегудовым одолели песок [5] *Далее*: Конторщик он плохой. В конторщик⟨и⟩ надо старика Коптева взять. С внуком. [6] [за⟨метил⟩] слыхал [7] ко⟨гда⟩ [8] *Далее*: [боковым з⟨рением⟩] явилась [9] с бока [10] *Далее*: ше⟨потом⟩ [11] *Далее*: на [12] ласковые [13] которыми [14] *Далее*: одна [15] *В автографе*: Веселья [16] *Далее*: л⟨юдей⟩ [17] *Далее*: умно [18] *Далее*: настоящий [19] *Далее*: Но все это деловое, серьезное исчезло... [20] [в следующую минуту] следующая минута [его] может его столкнуть [21] Но все это деловое

души ты ко мне. Это — грех, Петя! Кто тебе ближе меня, кто тебя пожалеет в тяжелый час?

Ему показалось, что жена приподняла его и, перевернув в воздухе, обессилила [1]. И, погружаясь в [2] освежающий холодок, как-то вдруг отскочив от себя, он заговорил шепотом [3]:

— Обещал я молчать — не могу!

И торопливо рассказал все, что слышал от ⟨Перегудова⟩ о Никите.

— Рубахи твои целовал — в саду сушились рубахи твои, а он — целует... Вот до чего! Не знала ты, не замечала за ним, а?

Плечо [4] жены под его рукою сильно вдрогнуло:

«Жалеет»,— подумал Петр, но она, тоже очень торопливо, задыхающимся шёпо⟨то⟩м ответила:

— Никогда никакой корысти не замечала [5]! Ах, горбатый! Какой хитрый!

«Брезгует? [6] Али — притворяется?» — спросил Петр Артамонов и напомнил жене:

— Он был всегда ласков с тобой.

Она ответила вызывающе:

— Так что? [7] И Бобер — ласков...

— Ну, все-таки... [8] Бобер — собака! — и очень тихо сказал: — А его [9] сейчас Сидор из петли вынул... В бане лежит...

Он [10] почувствовал, что жена обмякла, осела [11] под рукою его, испуганно, негромко вскрикнув:

— Что ты? [12]

И [13] всхлипнув, дернув головою так, как будто ее ударили по лбу, зашептала:

— Господи! Только что смертью батюшки [14] немножко прикрылись от суда людского — теперь опять про нас начнут в городе злое говорить! Ах, Никита Ильич! Ну, спасибо,— угодил [15]!

Петр Артамонов, крепко гладя плечо жены, начал уговаривать ее:

---

[1] *Далее*: [обессилив] обессилила, окунула в какой-то [пр⟨иятный⟩] [приятный] светло освежающий холодок, [сжав зубы] он покачнулся, и [по⟨чувствовал⟩] первый раз в жизни он почувствовал [что] нечто приятно незнакомое и заговорил [2] *Далее*: светло [3] тихонько [4] Он [5] *Далее*: в нем [6] *Далее*: успокоенно сообразил Петр Артамонов.— Ласков был со мной,— говорила она, все вздрагивая [7] Ну что же? [8] *Далее*: То — собака!— напомнил ей муж и [вс⟨лед⟩] нанес последний удар [9] Его [10] *Далее*: тотчас [11] [как] распусти⟨лась⟩ [12] *Далее*: Нет! [13] *Далее*: тотчас [14] *Далее*: одно⟨й⟩ [15] Ну, спасибо за ласку... Ну— угодил

— Никто ничего не узнает! Сидор — не скажет, Сидор ему друг, а у нас — всем доволен! Никита в монастырь собирается, в монахи.

— Когда?

— Не знаю.

— Ой, скорее бы!

Петр, помолчав, испытующе предложил ей:

— Сходи к нему, погляди?

Но жена, подскочив, как уколотая, почти крикнула:

— Ой, не посылай! Не пойду. Не хочу. Боюсь я [1]...

— Чего? — быстро спросил муж.

— С удавленником. Обидно же мне! [2] Притворялся ласковым братом... Нет, не пойду, что хочешь делай!

— Ну — идем спать! — сказал Артамонов, вставая.— Идем. На сей день — довольно, помучились!

Шагая рядом с женою, он чувствовал, что день этот дал [3] ему что-то хорошее [4] и что он, Петр Артамонов, [5] человек, каким до сего дня не знал себя,— очень умный и крепкий.

— Конечно, ты мне самая близкая,— говорил он, обняв ее за талию.— Кто ближе тебя? Так и думай: самая близкая ты мне.

На четвертые сутки после этой ночи, на утренней заре сыпучей песчаной тропой, потемневшей от обильной росы [6], шагал Никита Артамонов с палкой в руке, с [7] кожаным мешком на горбу, шагал [8], как бы торопясь [9] скорее уйти от воспоминания о том, как вчера родные провожали его: все он‹и› собрались [10] в обеденной комнате рядом с кухней, сидели чинно, говорили сдержанно, и Никита хорошо понимал, что ни у кого из них нет [11] для него ни одного сердечного слова. Петр был [12] ласков, очень оживлен, почти весел, как человек, сделавший выгодное дело, раза два он сказал:

— Вот у нас в семье свой праведник будет, молитвенник о наших грехах.

Наталья очень внимательно разливала чай и часто выходила из комнаты, Ульяна Баймакова задумчиво молчала, опустив глаза, шевеля бровями, только Алексей, необычно для него, волновался и спрашивал, подергивая плечом:

— Как это ты вдруг решил, Никита? [13] Непонятно мне.

Рядом с ним сидела небольшая остроносенькая Ольга Орлова и, приподняв тонкие темные брови, бесцеремонно разглядывала

---

[1] *Далее*: с удавл‹енником› [2] *Далее*: И я ‹?› [3] при‹дал› [4] *Далее*: крепкое [5] *Далее*: умный [6] по песку, темному от обильной росы [7] *Далее*: мешко‹м› [8] *Далее*: [и дум‹ал›] быстро [9] *Далее*: уй‹ти› [10] *Далее*: внизу [11] *Далее*: душ‹евного› [12] *Далее*: оживлен и [13] *Далее*: Я давно думал

всех и его глазами, которые не понравились Никите,— они не по лицу велики и не по-девичьи остры. Очень тяжело было сидеть среди этих людей, стыдно [1] и боязно думалось: «А вдруг Петр скажет всем? Скорее бы отпустили меня».

Первый начал прощаться Петр, он [2] подошел к брату, обнял [3] и, глядя через его плечо, дрогнувшим голосом сказал:

— Ну, брат родной, прощай, прости нас...

Баймакова [4] быстро остановила его:

— Что ты! Помолчать надо сначала, помолиться, а потом уж...

Помолчали, неподвижно сидя на стульях, помолились; Петр снова подошел первый, но уже говорил спокойно и деловито:

— Прощай, брат! Пиши насчет вклада, сейчас же вышлем. На тяжелую работу не соглашайся.

Потом подошла Баймакова, перекрестила его и [5] трижды поцеловала в лоб и щеки, Алексей обнял очень крепко, заглянул в глаза, [6] говоря:

— Ну, с богом! У каждого — своя тропа. А все-таки не понимаю я, как это ты решил вдруг, а?

Он был еще более не похож на себя в этот вечер [7].

Наталья подошла, опустив глаза, не доходя, поклонилась в пояс, прижав [8] руку ко груди своей, тихо сказала:

— Прощай, Никита Ильич...

И — всё. Да еще [9] Орлова: [10] она сунула жесткую, как щепа, маленькую, сухую и горячую руку, вблизи лицо ее было еще неприятней.

— Неужели пострижетесь? — глупо спросила она.

Потом, когда он сидел в своей комнате, к нему приходили прощаться старик Морозов, десятка три рабочих, [11] Сидор Перегудов следил, чтоб они недолго задерживались в комнате и поменьше говорили. [12]

Никита на кладбище простился с могилой отца, встал на колени пред нею и о чем-то задумался, не молясь. [13] Когда за спиною его взошло солнце и на омытый росою дерн [14] могилы легла широ-

---

[1] *В автографе*: стыло [2] *Далее*: вст<ал> [3] *Далее*: его [4] *Далее*: ска<зала> [5] *Далее*: приложилась [6] *Далее*: [и не нахо<дя>] сказал [7] *Далее*: чем вообще стал непохож [за] после смерти отца [8] придержи<вая> [9] *Далее*: по<дошла> [10] *Далее*: [она сунула сухую [как] и жесткую, как щепа] [она сунула маленькую, сухую и горячую руку, но не ска<зала>] она только молча сунула [11] *Далее*: какие [12] *Далее*: Когда Никита вошел в ограду кладбища проститься с могилой отца, он увидал [там] Перегудова, дворник с лопатой в руке и с топором за поясом [13] *Далее*: Взош<ло> [14] [яркую зеле<нь>] омытую росою трав<у>

кая, [1] уродливая тень, похожая формой на копуру бобра, Никита, поклонясь в землю, покорно сказал:

— Прости, батюшка!

В чуткой тишине раннего утра голос прозвучал сипло, [2] Никита, помолчав, повторил громче [3]:

— Прости, батюшка...

И — заплакал, по-женски всхлипывая: нестерпимо жаль стало свой звонкий, ясный [4] голос, потерянный, должно быть, навсегда.

Потом, спустясь с холма, отойдя версты полторы [5], Никита увидал Перегудова: с лопатой на плече, с топором за поясом, он, как солдат на часах, стоял под сосной у дороги.

— Пошел? — спросил он, когда Никита поравнялся с ним.

— Ты что тут делаешь? [6]

— Да вот рябину выкопать хочу, около сторожки моей посажу, у окна.

Постояли с минуту, молча глядя друг на друга [7]; Перегудов отвел [8] в сторону тающие глаза свои:

— Иди, провожу тебя несколько.

Пройдя [9] несколько шагов, он сказал:

— Росы какие сильные. Это — вредные росы, к неурожаю.

— Избави бог. [10]

Перегудов сказал что-то неясное.

— Чего? — спросил Никита, несколько испуганный, [11] он всегда ждал от этого человека [12] особенных, раздражающих слов.

— Может, избавит, говорю.

Но Никита был уверен, что дворник [13] сказал что-то такое, чего [14] не хочет [15] повторить. Он упрекнул Перегудова:

— Что же ты,— не веришь, что ли, в милость-то божию?

— Зачем? — спокойно ответил [16] дворник.— И для грибов росы эти — не полезны...

Никита [17], вздохнув, покачал головою:

— Нехорошо как-то думаешь ты, Сидор [18].

— Нет, я думаю хорошо. Я — не глазами думаю, [19] а душой...

---

[1] темная [2] *Далее*: и так [3] громко [4] *Далее*: [пропавши‹й›] потеря‹нный› [5] *Далее*: по дороге к болотам, за которыми в сосновом лесу над Окой стоял монастырь [6] *Далее*: спросил [7] *Далее*: и о‹пустив› [8] опустил [9] Через [10] *Далее*: Не избавит... [11] *Далее было*: Дворник спокойно ответил:—Не избавит, говорю; бог делами нашими мало занимается.—Нехорошо [ты] как-то думаешь ты, Сидор,—сказал горбун, вздохнув. [12] *Далее*: неприя‹тных› [13] *Далее*: не то [14] *Далее*: и сам [15] *Далее*: боится [16] [сказал] [от‹ветил›] молвил равноду‹шно› [17] *Далее*: Артамонов [со‹..?›] [18] Нехорошо ты думаешь, Сидор,— сказал горбун, вздохнув [19] *Далее*: как все

И снова шагов полсотни прошли молча. Никита смотрел под ноги, на широкую [1] тень свою, Перегудов стучал пальцами по дереву топорища [2].

— Я к тебе приду, Н‹икита› И‹льич›, поглядеть на тебя, через годик. Ладно?

— Приходи. Любопытный ты.

— Это — верно...

Он снял шапку, остановился:

— Ну, Н‹икита› И‹льич›, прощай, когда так!

Никита встряхнул горбом, поправляя мешок, бросил палку на землю:

— Обнимемся! [3]

Крепко облапив его, Перегудов сказал настойчиво и громко: [4]

— Значит — приду. [5]

Там, где дорога круто загибалась в жиденькую ольховую рощу, Никита оглянулся: Сидор Перегудов, сунув [6] шапку подмышку, опираясь на лопату, стоял среди [7] дороги, точно решив не пропускать никого по ней; тянул утренний [8] ветер и шевелил волосы на его неприятной голове.

Часть II

Только в девятую годовщину смерти отца Артамоновы [9] закончили постройку церкви [10] и освятили ее [11] во имя Ильи Пророка [12]. Запоздали так нехорошо с постройкой по вине Алек‹сея›, он дважды [13] затянул дело, [14] убедив затратить кирпич от цер‹кви› на [15] третий корпус фабрики, а затем — на больницу.

Отслужив панихиду над могилой, подождали, пока с кладбища разошлись попы, служащие, рабочие и, деликатно не заметив, что Баймакова осталась в ограде под березами, пошли, не торопясь, домой. Показав палкой [16] на детей, убежавших далеко вперед, Алексей сказал брату:

— Радовался бы покойник, народили мы [17] немало.

---

[1] *Далее*: бесфор‹менную› [2] по топорищу [3] *Далее*: Давай. [4] *Далее*: — Приятен ты мне... Первый приятный ты... [5] Приду, значит... [6] дер‹жа› [7] [пос‹реди›] посреди [8] наземны‹й› [9] *Ранее было*: [В годовщину смерти Ильи Артамонова Петр и Алексей с женами, отслужив панихиду над могилой] В девятую годовщину смерти отца Артамоновы освяти‹ли› [10] *Далее*: в фабрич‹ном› пос‹елке› [11] *Далее*: [во имя] именем Иса‹..?› [12] *Далее*: [Сделать это раньше не хватало времени и денег, хотя за девять лет на пос‹тройку›] [Нужно было] Конечно, нужно было [13] дважды [14] *Далее*: [один раз] [сначала] тем, что убедил [15] *Далее*: больницу [16] Кивнув головою [17] *Далее*: с тобой

Петр [1], тяжело и равномерно давя песок подошвами сапогов, ответил не сразу:

— А я вот подумал, как огорчился бы отец [2], когда царя убили.

— Ну, он не очень любил огорчаться. Не царевым умом жил.

Натянув картуз поглубже, Алексей обернулся, посмотрел, прищурясь, на женщин; жена его, маленькая, стройная, в простеньком темном платье [3], легко шагая по глубокому, чистому песку, вытирала платком запотевшие очки и была похожа на монастырскую послушницу рядом с Натальей [4], одетой в черную тальму со стеклярусом на воротнике и по подолу, в черное шелковое платье, темно-лиловая головка красиво прикрывала ее пышные рыжеватые волосы [5].

— Все хорошеет жена у тебя,— одобрил Алексей [6].— А Никита опять не приехал на годовщину.

Петр молчал [7].

День был серенький, небо нахмурилось, по-осеннему всхрапывал, как усталая лошадь, сырой ветер, раскачивая вершины ельника. Впереди, на серовато-желтой полосе дороги, качались фигуры людей, спускаясь к фабрике; три кирпичных корпуса ее, расположенные по радиусу, лежали на земле, как три вытянутых красных пальца.

Плохая [8] погода всегда несколько раздражала Алексея, в сырые дни у него болела нога, он ходил прихрамывая, опираясь на палку. В этот час ему хотелось рассеять унылое впечатление панихиды, он был упрям во всем и хотел заставить брата говорить.

— Теща осталась на могиле, поплакать. Хорошая старуха, а? Все еще помнит.

— Да, — сказал Петр.

Сердито отшвырнув палкой сухой сучок с дороги, Алексей настойчиво продолжал:

— Я сказал Тихону, чтоб он подождал и проводил ее, а то она жалуется на одышку, ходить трудно.

Петр согласился:

— Трудно [9].

— Ты — дремлешь? Что — трудно? — искоса взглянув на брата, спросил Алексей [10] и остановился, чтоб подождать женщин, Петр тоже уперся ногами в песок, говоря:

---

[1] *Далее*: ответил задумчиво [2] он [3] *Далее*: была похожа на монастырскую послушницу рядом с Натальей [4] *Далее*: пышно [5] в лиловой головке на пышных рыжеватых волосах [6] *Далее*: и, помолчав [7] промолчал [8] Пло<хая> [9] *Далее*: Что трудно? [10] Петр

— Тихона рассчитать надо.

— За что? Мужик честный, аккуратен, не ленив?

— Глуп, —тяжело сказал Петр.

Поравнялись женщины, Ольга приятным и неожиданно [1] сильным для ее маленького [2] тела голосом сказала [3] мужу:

— Уговариваю Наташу, чтоб она Илью отдала в гимназию, а она боится.

Беременная Наталья шла, переваливаясь с ноги на ногу, как сытая утка, и тоном старшей, медленно, в нос, говорила:

— А по-моему, мода эта — гимназии — вредная. Вот мы отдали Елену, так она теперь такими словами письма пишет, что и не поймешь.

— Учить, всех учить! — строго заявил Алексей, сняв картуз, отирая платком вспотевший лоб и преждевременную лысину; она вползла к темени острым углом, удлинила лицо его и сделала глаза как будто светлее.

Наталья, вопросительно глядя на мужа, спорила:

— По-моему, Помялов верно говорит: от учения дичают дети.

— Да, — сказал Петр, глядя вдаль, где цветистая кучка детей потерялась в темном течении толпы.

— Вот видите! — торжествуя, воскликнула Наталья, но муж ее вдруг прибавил:

— Надо учить.

Алексей и Ольга засмеялись, Наталья упрекнула их:

— Что это вы? Забыли — с панихиды идете?..

Схватив ее под руки, они пошли быстрее, а Петр замедлил шаги свои [4], пробормотав:

— Я подожду мать.

Он думал о неприятном, глупом человеке Тихоне Вялове. Перед панихидой, стоя на кладбище, разглядывая фабрику, он сказал вслух сам себе, не хвастаясь, а так просто:

— Разрослось дело.

И тотчас услышал за спиною своей спокойный голос бывшего землекопа:

— Дела, — как сырость в доме, как плесень, своей силой растут.

Петр ничего не сказал ему, даже не оглянулся, но слова Тихона возмутили его своей явной глупостью. Человек работает, дает хороший кусок хлеба не одной сотне людей, день и ночь думает о деле, не видит, не чувствует себя в заботах о нем, и вдруг темный

---

[1] неожиданным [2] хрупкого [3] сказа⟨ла⟩ [4] [отстал] замедлил шаг свой

дурак говорит, что дело живет своею силой, а не разумом хозяина. Петру Артамонову казалось, что вообще никто не понимает, не ценит его работы, не чувствует, сколько сил поглощает фабрика.

— О душе подумать некогда,— пожаловался он жене Алексея, идя с нею от обедни, и услыхал от нее странный вопрос:

— Разве душа живет отдельно от вас?

Ему почудилась насмешка в этих словах, но остренькое личико Ольги было, как всегда, ласково, темные глаза ее сияли за стеклами очков серьезно.

— Не понимаю, что говоришь,— заметил он.

Она объяснила;

— А я не понимаю, когда о душе говорят, как о чем-то отдельном от человека, точно о сироте, которую некогда воспитывать...

Алексей засмеялся, Петр видел — слова жены часто [1] и всегда весело смешат Алексея, но не понял, что веселое [2] услыхал он на этот раз в словах Ольги [3]. Упрямо [4] он повторил:

— Не понимаю.

Тогда она сказала:

— Я говорю: душа — не приемыш [5].

Эти слова [6] тоже не сделали мысль ее ближе и яснее Петру, но [7] остались занозой в памяти его.

Тихон Вялов никогда не нравился ему, весь не нравился: неприятно было видеть это пятнистое, обожженное лицо, бесцветные, но зоркие глаза, и [8] настороженные, прилипшие к черепу уши, спрятанные в [9] рыжеватых волосах [10], туго растущую бороду, которая все более рыжела, его походку, не быструю, но спорую, и все его коренастое, неуклюжее тело, ловкое в работе [11]. Работал он нехотя, как будто из милости, никогда не увлекаясь, досадно будничто. Упрекнуть его — не в чем; он держал двор и сад в хорошем порядке, внимательно [12], умело ухаживал за лошадьми и при неторопливости своей успевал все делать вовремя. Неприятно и завидно было его спокойствие, он никогда не терял его, действуя, как машина. Даже когда горел [13] амбар [14] и огонь уже начал бросаться на стену [15] и крышу склада, Тихон [16], сам себя выбрав в распорядители [17] борьбы с огнем, покрикивал [18] спокойно и будпично:

[1] *Далее*: смешили [его] Алексея,— а над чем он смея‹лся› [2] смешное и веселое [3] жены [4] *Далее*: и нехотя [5] *Далее*: а мать всякого дела [6] *Ранее*: Но и эти слова [7] [однако] только [8] *Далее*: чутко [9] *Далее*: в‹олосах› [10] *Далее*: уш‹и› [11] *Далее*: которую он делал всегда аккуратно, но как будто [из милости] [напоказ или] из милости, с небрежным щегольством своей силою, но [12] лю‹бовно› [13] загорелся [14] [Даже на пожаре, когда] Даже на пожаре, когда загорелся сеновал [15] кр‹ышу› [16] *Далее*: [распо‹ряжался›] по‹крикивал› [17] *Далее*: спокойно по‹крикивал› [18] *Далее*: ка‹к›

— Не суетись, ребята, не суетись!

Как будто пожар — обыкновенное [1] дело, привычное ему. Еще более неприятно было видеть, что человек этот с каждым годом вживается, врастает все глубже в дом, в хозяйство, видимо, чувствуя себя необходимой спицей в колесе жизни Артамоновых. Было очень странно, что все дети любят его, так же, как собаки. Цепной волкодав Тулун, озлобленный своим пленом, никого, кроме Тихона, не подпускает к себе, а старший сын Илья, своенравный мальчик, постоянно вертится около дворника, [2] послушен ему больше, чем отцу и матери. Петр уже несколько раз предлагал Вялову [3] места приемщика, заведующего складом, но всегда получал однообразный ответ:

— Для этого я не гожусь. А коли я тебе глаза намозолил, так ты мне отпуск дай, на месяц, я к Никите Ильичу схожу повидаться.

Напоминание о брате, молча притаившемся где-то далеко за болотами, в бедном лесном монастыре, обезоруживало Артам⟨онова⟩, но еще более усиливало неприязнь к дворнику, внушая странную мысль: кроме того, что знает этот человек о Никите, ему известно еще что-то, более важное; его мерцающие глаза как будто говорят: «Не трогай меня, я тебе нужен!»

За двенадцать лет он трижды ходил в монастырь; повесит на спину себе легкую котомку и с палкой в руке уходит, не торопясь, в развалку, так, что казалось, он ходит по земле из милости к ней. А возвратясь, отвечает на расспросы кратко.

— Ничего, живет он. Здоров. В почете. Садом, конечно, занимается, пчельник у него. За поклоны ваши благодарить велел. Кланяется. Письма вам не прислал.

— Что ж он говорит? — настойчиво допытывался Алексей.

— А — что монаху говорить?

— Ну все-таки?

— Насчет бога. Дожди, говорит, не вовремя идут. Про вас спрашивал, он заботится о вас, жалеет.

— За что жалеет?

— За все. Вот вы бегом живете, а он остановился, ну и жалеет вас за беспокойство жизни, что ли.

Зрачки Вялова таяли, глаза пустели.

— Ведь я не знаю, что он думает, я — простой.

— Да ты — прост! — насмешливо подтвердил Алексей, а Петр добавил [4]:

— Вроде Антона дурака.

---

[1] *Далее*: [ежедневное] привычное [2] *Далее*: и [3] *Далее*: другое место и хорошее жалованье [4] сказал

Облака над головою Артамонова расползлись, из глубочайшей голубой ямы ласково выглянуло солнце и все вокруг, вздохнув, потянулось к нему. Ветер обдал Петра душистым теплом, он оглянулся и присел у дороги на срубленные сосны, думая.

Было что-то тревожное и обидное в том, что Никита, вложив в монастырь тысячу рублей и выговорив себе пожизненно сто двадцать в год, отказался от своей части наследства после отца в пользу братьев и этим как бы заставил их [1] жить на его счет [2].

Когда Петр угрюмо и вопросительно сказал Алексею:

— Что это за подарок?

— А куда ему деньги? — ответил [3] Алексей.— Дармоедам монахам на жир? Нет, это он хорошо надумал [4], нам с тобой деньги нужны, у нас [5] — дети, дело.

Наталья даже несколько умилилась:

— Вот какой, все-таки не забыл вину свою пред нами [6],— удовлетворенно отметила она. Но на душу Петра поступок брата лег тенью.

С Алексеем он жил дружелюбно, хотя [7] брат взял на себя наиболее интересную и легкую часть дела: два раза в год, весной и поздней осенью, он ездил в Москву, среди лета — на Нижегородскую ярмарку [8] и, возвращаясь домой, рассказывал почти сказки о том, как преуспевает во всем столичное купечество, какие образованные дети [9] растут у богатых купцов.

— Не хуже дворян, ей-богу! [10]

— Барином быть просто,— заметил Петр [11], но Алексей, не поняв намека, шумно восхищался:

— Парадно живут! [12] Домище сгрохает купец, так это же — собор! [13]

За эти годы Алексей сильно [14] изменился, [15] постарел, [16] но к нему вернулась живость юности, он стал [17] благодушнее с людьми, [18] и в глазах снова явилась ястребиная зоркость; всё, за что бы он ни

---

[1] [их] Пе‹тра› [2] *Далее*: Алексей отнесся к этому просто. [3] отв‹етил› [4] сделал [5] *Далее*: дело [6] *Далее*: ‹сказала [7] *Далее*: и видел, что брат опира‹ется› [8] *Далее*: умел много видеть [9] куп‹цы› [10] Живут купцы не хуже дворян, ей-богу! [11] Барами быть — просто,— намекающе замечал Петр [12] *Далее*: восхищался брат. [13] *Далее*: [Обедал я] [Некоторые — чудят, но и это не без ума! Был я в гостях, обедал у одного бельевщика, так у него це‹лая›] [Некоторые чудят, но и [это] тут не без ума!] [Рассказав, что у одного [купца] торговца бельем [целая] огромная комната украшена по всем стенам множеством чайных чашек и тарелок] Один целую комнату [старым‹и›] чашками да тарелками увешал, а [14] резко [15] *Далее*: он част‹о› [16] *Далее*: [у него часто болела нога] он постоянно кашлял [17] *Далее*: легче, приятнее, веселей [18] *Далее*: у него веселей горели глаза и в них

брался, вертелось [1] в руках его быстро и ловко, всё удавалось ему.

— Ты что [2] хмуришься? — спрашивал он Петра.— Дело [3] делать надо весело, дела скуки не терпят.

Петр видел в нем [4] много необычного, непонятного, Петру казалось, что от времени это непонятное всё растет.

— Я — человек хворый, — [5] все еще напоминал Алексей [6] жене [7] и брату, но [8] относился к себе небрежно [9], здоровья не берег, много пил, седьмую зиму носил плохонькую лисью шубу; дом у него давно требовал солидного ремонта, а он [10] не обращал на это внимания, и вообще непонятно было, что в его жизни — главное? Как будто не сам он и не гнездо его. [11] Дети [12] его одеты плохо, бегают босиком, но хотя часто хворают, однако забавно [13] бойки, [14] по-настоящему, по-детски просты, нимало не боятся отца [15], но как-то особенно весело любят и его и мать [16]. Не приобретая солидности, он становился всё более суетлив и смешной жадностью к ненужным вещам напоминал нерасчетливую бабу на ярмарке. Дома он был расчетлив, даже скуповат, но, разъезжая по уезду, покупал у помещиков дорогую мебель; жене своей подарил украшенный фарфором и бронзой рабочий столик с игрушечными ящичками, какие-то необыкновенно красивые пяльцы; Наталье привез превосходный и, должно быть, очень дорогой резной шкаф с толстыми зеркальными стеклами, Баймаковой — большое обитое кожей кресло и удивительную кровать карельской березы. Его жена сама искусно низала бисер [17], но он постоянно привозил ей [18] картины, вышитые бисером.

— Чудишь ты, Алексей,— говорил Петр, но он, прихрамывая, подводил его к покупке и бойко внушал, [19] поглаживая вещь осторожными руками так, как будто боялся оставить на ней пятно.

— Пойми, это — вещь! Таким вещам больше не быть. В Москве это понимают...

— Ты бы серебро покупал, у дворянства серебра много старого.

— Дай срок — все купим! — подмигивая ястребиным глазом, обещал Алексей и с восхищением рассказывал сказку о каком-то москвиче, который, собрав множество старых чайных чашек, продает их за огромные деньги.

— Тебе врут, а ты веришь.

---

[1] уда‹валось› [2] *Далее*: всё [3] Дела [4] В его жизни было [5] *Далее*: часто [6] он [7] *Далее*: сво‹ей› [8] а [9] *Далее*: [здоро‹вья›] работал с увлечением, играючи, не [10] а он [11] *Далее*: Петр [12] *Далее*: одев‹ались› [13] *Далее*: в‹еселы› [14] *Далее*: и [15] его [16] отца и мать [17] бисером [18] *Далее*: [бисе‹рные›] целые [19] *Далее*: лю‹бовно›

— Не врут! Я — проверил. Человек этот просил меня покупать для него. Я — займусь! Я знаю, что надо, клейма знаю! — Он кипел, он так волновался, как будто говорил о серьезном, и Петр, глядя на него, с завистью подумал:

«Чашками торговать станет, и чашек не перебьет».

— Старые чашки крепче и красивее нынешних, как и одежа прежде красивее была,— сказала Баймакова, вздохнув [1], недоуменно покачивая [2] головой.— А теперь вот городские модницы седла начали на задах у себя носить — срам!

— Это зовется турнюр, мамаша. [3]

— Как [4] ни назови [5]— всё будет срам. [6]

Беседовали в доме Алексея, он только что вернулся из Москвы [7]. Наталье нездоровилось, она осталась дома; Петр приехал к брату под сильным дождем и снегом и [8] впервые в этот день почувствовал себя более уютно, чем дома, это тоже и обижало и тревожило его.

Он не мог понять: нравится ему Ольга или нет. Эта маленькая женщина была, на [9] взгляд его, некрасива, при Наталье она казалась горничной при барыне, но у нее не было глупого страха пред керосиновыми лампами, и она не верила, как верила Наталья, словам старика Помялова, который утверждал, что керосин вытапливается в Сибири студентами из сала [10] самоубийц. Приятно [11] слушать сочный, глубокий голос Ольги, и хороши были глаза ее, очки не скрывали их ласкового и умного блеска. Она умела говорить обо всём своими словами и удивительно мягко говорила о людях.

— У тебя, Ольга Павловна, виноватых будто и нет на земле,— заметил он ей.

— Виноватые, наверное, есть, да я судить не люблю,— ответила она.

Он не поверил ей, как не верил многому, что говорила Ольга.

К мужу она относилась так, как будто он был моложе ее, и Алексей не обижался на это, он только иногда с легкой досадой говорил:

— Перестань, тетя, надоела. Я знаю, что ты умнее меня, а ты помни, что я больной человек, меня побаловать не вредно.

Она улыбалась ему улыбкой, которую Петр хотел бы видеть на лице своей жены.

Он знал, что Наталья — образцовая жена, знал, что она неутомимо любит его спокойной устоявшейся любовью. Она хорошо вела

---

[1] вздыхая [2] к‹ачая› седою [3] *Далее*: ска‹зала› [4] *Далее*: ты, Олюшка [5] *Далее*: сра‹м› [6] *Далее*: Нехорошее начинается... [7] [из М‹осквы›] с яр‹марки› [8] *Далее*: вдруг по‹чувствовал› [9] *Далее*: ег‹о› [10] *Далее*: и мяса [11] *Далее*: было

хозяйство, неплохо разбиралась в делах фабрики, без ошибки отмечала человека полезного более других [1], прислуга в доме двигалась с точностью [2] колесиков в механизме часов.

— Сколько теперь у нас в банке-то?— спрашивала она и тревожно советовала:

— Ты гляди: хорош ли банк-то? Вдруг объявится, вроде Скопинского...

Она любила деньги, и, когда брала их в руки, красивое лицо ее становилось строгим, малиновые губы крепко сжимались, и в глазах являлось что-то масленое, едкое. Считая пестрые бумажки, она прикасалась к ним белыми пухленькими пальцами [3] так осторожно, точно боялась разбудить в деньгах какую-то силу, которая позволит им разлететься из-под руки ее мухами. Наблюдая это, Петр говорил:

— Жадновата ты...

— А — как же? А — дети-то? — спрашивала она, не глядя на него, намусливая [4] палец.

Она [5] каждый год допытывалась:

— Как вы доходы-то делите с Алексеем? Не обсчитывает он тебя? Они с женой ловкие. Вот уж они — жадные! Так и хватают всё, так и хватают.

Петр опасался, что она поссорит его с братом.

Возвращаясь из поездки с мужем в Москву или на ярмарку, Ольга всегда привозила дорогие подарки Петру, Наталье, игрушки детям. Нат‹алья› принимала всё это благосклонно, как должное.

Петр посоветовал ей [6]:

— Ты бы тоже подарила им чего-нибудь.

— Да, надо,— согласилась она.— Я, пожалуй, отдам ей платье мое, зеленое клетчатое, пусть перешьет, оно еще хорошее.

А когда муж начал доказывать [7], что она обидит таким [8] подарком Ольгу и Алексея, она сказала, вздохнув:

— Ну, сарафан мой, девичий, прибавлю, он мне не нужен.

И вдруг, немножко рассердясь, упрекнула [9] мужа:

— Уж очень ты заботлив к ним, не зря, видно, они подарки дарят, добиваются своего интереса.

Вообще она чувствовала себя окруженной со всех сторон жуликами и, не скрывая этого, говорила:

---

[1] присматриваясь к прислуге, рабочим, служащим, она [безо‹шибочно›] без ошибки замечала человека, [бо‹лее›] полезного более других, работающего [2] *Далее*: ча‹сов› [3] *Далее*: она [4] м‹усля› [5] *Далее*: почти [6] Но когда Петр сказал ей [7] *Далее*: ей [8] этим [9] ска‹зала›

— Никому, кроме Тихона, не верю: этот хоть и дурак [1] непроходимый, а честен.

Когда Петр, впервые посетив с нею Нижегор⟨одскую⟩ ярмарку и пораженный гигантским размахом Всероссийского торжища, спросил ее:

— Ну что, мать, хорошо?

— Очень, очень хорошо! — ответила она.— Всего много, и всё дешевле, чем у нас. Я вот думаю: мыла надо купить пудов пять, сахару два мешка... [2]

Сидя в цирке, она закрывала глаза, когда на арене [3] являлись артисты, обтянутые трико, и бормотала [4]:

— Ах, досадные! Ах, бесстыжие. Ах, несуразные шуты. Ой, изувечатся они! Петр Ильич, а хорошо ли мне глядеть на них, хорошо ли для ребенка-то?

Фокусник и чревовещатель так напугал ее, что она заболела [5] чем-то вроде холеры и со страхом просила мужа:

— Не води ты меня на страхи эти, не хочу я. Подумай, ведь может я сыном беременна!

В такие минуты Петр Арт⟨амонов⟩ чувствовал себя утопающим в скуке, зеленоватой [6], как тина реки Ватаракши, в которой жила только одна рыба — жирный [7] линь.

Наталья всё так же много и деловито молилась, а помолясь, опрокидывалась в постель и тоже деловито настраивала мужа к исполнению его обязанностей. Ему иногда казалось, что в этом она усердствует [8] чрезмерно, что [9] ласки жены как-то опустошают его; и все чаще он говорил ей:

— Отстань, устал я сегодня.

— Ну, спи с богом,— разрешала она и через минуту, две засыпала, удивленно подняв брови, улыбаясь, как бы глядя закрытыми глазами на что-то никогда не виданное и очень приятное ей.

В те [10] часы и дни, когда Петр [11] особенно сильно, почти со страхом чувствовал, что жена неприятна ему, он заставлял себя вспоминать ее в жуткие часы рождения первого сына. Несмотря на свое здоровье, рожала [12] она всегда трудно. Мучительно тянулся семнадцатый час ее страданий, когда Петра [13] позвали к ней. Извиваясь на смятой постели, безумно выкатив искаженные яростной болью глаза, растрепанная, потная, она встретила его звериным глухим рычанием:

---

[1] глуп [2] *Далее*: Они пили чай в трактире, на эстраде играли [хор] пастухи-рожечники; Наталья взглянула на них [3] *Далее*: люди [4] спраш⟨ивала⟩ [5] *Далее*: расст⟨ройством⟩ [6] *Далее*: и жирной [7] невкусный [8] усер⟨дствует⟩ [9] *Далее*: ее [10] *Далее*: дни [11] *Далее*: чу⟨вствовал⟩ [12] род⟨ила⟩ [13] *Далее*: тревожно

— Петя, Петр, прощай, родимый, умираю! Господь с тобой — умираю! Мальчик будет. Милый ты мо-ой, мальчик будет...

Ее до крови искусанные губы почти не шевелились, рот неестественно [1] растянулся к ушам, и слова шли как будто не из горла, а из опустившегося к ногам, безобразно вздутого живота, готового лопнуть. Посиневшее лицо ее тоже надувалось, дышала она часто, как уставшая собака, хватала волосы на голове, тянула их [2], рвала, судорожно сгибая ноги, и всё хрипела, [3] точно убеждая [4], одолевая кого-то, кто [5] не смел или не хотел уступить ей:

— Сын, мальчик, знаю.

День был ветреный, за окном тряслась и шумела черемуха, на стеклах трепетали тени; не в силах смотреть на искаженное лицо жены, на корчи ее красивого тела, Петр отвернулся к окну, увидел сквозь слезы трепетные взмахи темных [6] крыльев, услышал шорох какой-то борьбы и отскочил, крикнув:

— Окно занавесьте, окно! Не видите?

— Проща-ай,— выла жена.

Почти без памяти он убежал из комнаты, а через полтора часа теща, немая от счастья, взяла его за руку и снова привела к постели жены; она встретила его нестерпимо сияющим взглядом великомученицы и слабеньким пьяным голосом, едва шевеля языком, сказала:

— Сын. Вот тебе. Я говорила...

Петр [7] наклонился к ней, приложив щеку к плечу ее:

— Ну, мать... Этого я тебе не забуду никогда, до гроба.

Первый раз он назвал ее [8] матерью, вложив в это слово весь пережитый страх и всю свою радость.

— Взгляни на него, взгляни,— чуть [9] слышно шепнула она, закрыв глаза, гладя голову его легкой, бесплотной рукою.

— Богатырь,— сказала носатая рябая акушерка, показывая ребенка с такой гордостью, точно это она родила.— Золотую медаль за такого.

Но ребенка Петр не видел, всё пред ним заслоняло истаявшее, бескровное лицо жены с темными ямами на месте глаз.

— Не умрет?

— Ну-у, — сказала носатая женщина,— если б от этого умирали, тогда и акушерок не надо.

Теперь богатырю шел девятый год, он был высок, здоров, на курносом лице его серьезно и неласково светились большие густо

---

[1] безобразно [2] *Далее*: н⟨оги?⟩ [3] *Далее*: Сын, мальчик, знаю [4] споря [5] *Далее*: сопро⟨тивлялся⟩ [6] чьих-то [7] Он [8] *Далее*: большим словом [9] едв⟨а⟩

синие глаза,— такие глаза были у матери Алексея, горничной старой княгини Ратьской. И у Никиты такие же.

С пяти лет Илья стал первым и самым заметным человеком в доме, общим любимцем всех людей. Тогда он еще не вытянулся и толстый, лобастый, важно надув щеки, выпячивая живот, ходил по двору, по корпусам фабрики, сунув руки за пояс, переваливаясь:

— Ты — кто?

— Фабликант,— отвечал он, шепелявя.

Балуемый всеми, он никого не слушал и жил независимо, обнаруживая [1] своеобразный настойчивый характер. Иногда он [2] целые дни не замечал отца и вдруг, являясь в его комнату, влезал на колени, приказывал:

— Скажи чего-нибудь.

— Некогда мне, погоди.

— Мне тоже некогда.

Усмехаясь, отец отодвигал в сторону письма, счета и начинал:

— Ну вот: жили были мужики...

— Не хочу про мужиков, я про них всё знаю, скажи смешное.

Смешного Петр не знал.

— Ты пойди к бабушке.

— Она сегодня чихает.

— Ну к матери.

— Она меня мыть будет.

Отец смеялся, сын был единственным существом, вызывавшим у него смех, легкий и освежающий.

— Тогда пойду к Тихону,— говорил Илья, пытаясь спрыгнуть с колен отца, но тот его удерживал, нахмурясь:

— А что Тихон говорит тебе?

— Всё. Про птиц. Про мужиков...

— А что про мужиков?

— Если мужиков выпороть, они сделаются [3] разбойниками.

— Да ну?

— Уж сделаются. А как выпарывают их?

— Погоди, я тебе покажу,— обещал отец, смеясь.

Когда Илья свалился откуда-то и разбил себе лицо, мать со страха нашлепала его, крича:

— Уродишкой хочешь быть, слепым, горбатым?

Побитый мальчик багрово покраснел, но не заплакал, а отойдя прочь, сказал матери:

— Ище я тебе помру, когда бить будешь.

Она испугалась угрозы, сказала о ней отцу, Петр усмехнулся и строго приказал:

---

[1] *Далее*: интерес ко взрослым и [2] *Далее*: гу<лял?> [3] будут

— Ты его — не бей. Я сам. Ты его ко мне веди, ежели [1] что набалует.

— Ты что же это говоришь? — спросил он сына, стараясь быть строгим, но не чувствуя ничего, кроме любопытства и волнующей нежности к обиженному сыну.

— Я — не дурак,— ответил Илья сердито. [2]

— Как же не дурак, если матери грубишь?

— Она — дерется. Тихон сказал: только дураков бьют. Я не дурак.

Петр шагал по комнате, искоса присматриваясь к сыну, видел, что Илья, спрятав руки за спиною, стоит, прижавшись к косяку двери, и следит за отцом.

— Вот, Якова, брата, побил ты — это как?

— Ему не больно, он жирный [3]. Он — дурак.

— Погоди! Если толстый, так что же — надо бить.

— Он — жадный.

Петр чувствовал, что не умеет говорить с сыном и что сын понимает это. Может быть, было бы проще и полезнее натрепать ему уши, но этого никогда не хотелось, не поднималась рука над этой тревожно милой, вихрастой головою, в которой, видимо, зарождался свой разум, загорались какие-то интересные прямотою своей мысли. Было даже неловко думать о таком наказании под пристальным, ожидающим чего-то взглядом этих родных глаз. И солнце мешало, всегда было как-то так, что Илья наиболее резко шалил в солнечные дни.

Говоря сыну обычные слова увещания, Петр вспоминал время, когда сам выслушивал такие же слова, он по себе знал, что они не доходят до сердца и ничего не изменяют, вызывая только скуку и лишь иногда, ненадолго — страх пред отцом. Но Петр был уже сыт скукой, и ему не хотелось, чтоб сын боялся его.

Другой сын, Яков, был [4] круглый, как пузырь, капризный, завистливый и действительно жадный. Много и долго [5], как будто с удовольствием, плакал, а перед тем, как пролить слезу, пыхтел, надувая щеки, и тыкал кулаками в глаза свои. Красивый, похож на мать и [6] любим ею больше, чем Илья. Была еще двухлетняя куколка Марина, скоро будет еще кто-то. А в губернском городе в гимназии училась [7] Елена, почти уже невеста, крупная, румяная, но [8] какая-то всё еще неясная отцу.

— Ну иди,— отпускал Петр сына, не глядя на него.— Да — не балуй! Нехорошо, [9] брат!

---

[1] когда [2] *Далее*: Никто и не назвал тебя дураком. [3] толстый [4] *Далее*: моложе Ильи на два года [5] *Далее*: плакал [6] *Далее*: очень [7] *Далее*: пятнадцатилет⟨няя⟩ [8] и [9] *Далее*: это

Семи лет Илья начал учиться [1] у попа Глеба церковнославянской грамоте, но узнав, что его однолеток, пасынок [2] конторщика Никонова, учится по книжке «Родное слово», заявил отцу:

— Больше учиться не стану, у меня язык болит [3].

Нужно было долго и ласково расспрашивать его, прежде чем он объяснил [4] свой каприз:

— Конторщиков сын учится по-русски, а я по-чужому.

Характер у него неровный; мальчик с утра до вечера птицей носится по двору, саду, по окрестностям фабрики и вдруг, точно запнувшись за что-то, [5] уходил, сунув руки за пояс, на берег [6] Оки и часами сидел там [7] один, кидая камни в мутную воду.

— Нездоровится? — спрашивал отец.

— Нет [8].

Петру казалось, что он понимает перемены настроения сына: он тоже [9] недели и месяцы жил, оглушенный шумом дела, ослепленный заботами и тоже вдруг [10], сослепа, попадал в густой туман неясных дум, запутывался в какой-то скуке. И не мог понять, когда он слеп, [11] что больше ослепляет его: забота о деле или же скука от этих, в сущности, однообразных забот. Иногда в такие дни он натыкался на человека и вдруг начинал ненавидеть его за косой взгляд, неудачное слово; так сейчас он ненавидел Тихона Вялова.

А Вялов подходил к нему, ведя [12] тещу, не замечая хозяина, сидевшего на бревнах, прикрытого кустом можжевельника.

— Мы, Вяловы,— большая семья, мы барки строили...

— Что же ты со своими не живешь? — спросил Петр, вставая и сам взяв тещу под руку; взглянув на нег‹о› с бока бесцветным глазом, дворник спокойно, как всегда, ответил:

— Да уж нет никого своих-то, всех извели [13].

— Как это — извели?

Спрашивая, П‹етр› Арт‹амонов› думал: «Как это я раньше не спросил, кто он?»

— Двоих братов под Севастополь угнали, там они и загибли [14]. Старшего — запороли: он в бунт ввязался, когда мужики волей смутились; отец у нас тоже бунту причастный: он с картошкой не соглашался, когда картошку силком заставляли есть, хотели его пороть, он побежал прятаться, провалился на Волге под лед, уто-

[1] *Далее*: чита‹ть› [2] сы‹н› [3] Семи лет Илья легко и быстро выучился читать по-церковнославянски и заявил: — Больше не буду учиться. У меня язык болит.— А затем [сам] взял у приятеля, Кости Никонова, сына конторщика, «Родное слово» [и научился читать по], прочитал его и нашел, что: «Это — лучше». [4] [ска‹зал›] объяснил [истин‹у›] причин‹у› [5] *Далее*: скучно ходил час‹ами› [6] бугор [7] *Далее*: и [8] *Далее*: так... [9] *Далее*: м‹есяцы› [10] *Далее*: натыкался на что-то [11] *Далее*: когда зряч [12] *Далее*: под руку [13] все перевелись [14] *Далее*: что ли-то

нул. Потом еще было двое у матери от другого мужа, от Ивана Вялова, рыбака,— я да брат Сергей...

— Где же он, брат? — осведомилась [1] Баймакова, мигая на солнце [2] опухшими от слез глазами.

— Убили [3].

— Зачем ты это рассказываешь [4]? — сердито, негромко спросил Петр, — Вялов показал ему глазами на тещу:

— Ульяне Ивановне любопытно послушать. Поплакала она маленько, приуныла, ну я...

Пошли молча, день становился всё светлее, веселей, полуденное солнце мягко и ласково грело песок, заставляя блестеть в нем стеклянные искры.

— А кто убил брата? — вдруг громко спросил Петр.

— Кто убивает? — переспросил Вялов и объяснил [5]: — Человек убивает. [6]

Баймакова, вздохнув, добавила:

— Молонья тоже...

II

Лето было капризное, суровое [7] к людям [8] — неделями над землей в желтоватом дымном небе стояла угнетающая, безжалостно знойная тишина; всюду горели торфяники и леса, солнце, потеряв в мутном воздухе лучи [9], стало больше и, отравленное земным дымом, как бы вспухло, [10] окрасилось в тускло-палевый цвет. Луна выкатывалась [11] из-за болот огромным колесом, незнакомо и жутко красной, тоже как [12] больная горячкой, медленно [13] описывая [14] косую линию, таяла в небе, [15] безмолвно дрожащем в заревах багровых лесных пожаров.

Вдруг [16] в тишину, как пьяный, буйно [17] врывался ветер, люто свистел, шипел, [18] срывал жухлые листья с деревьев и рыжую хвою, вздымал тучи песка, [19] гнал их над землей вместе со стружкой, перьями птиц, и [20] так буянил день, два, три, толкал [21] людей, [22] пытаясь [23] сорвать с них одежду, бросал в глаза [24] горячей пылью, потом утомленно притихал; [25] на северо-востоке [26], в леса‹х›, где еще жар-

---

[1] спросила [2] *Далее*: гл‹азами› [3] Его убили. Он солдат был. [4] ты рассказываешь это [5] тоже спросил Вялов [6] *Далее*: Молния [7] неласковое [8] *Далее*: [то] безжалостно знойные дни [сме‹нялись›] вдруг сменялись [сильными] горячими [и дымным‹и›] ветрами [9] [потеряв лучи, вне‹запно›] потеряв в мутном воздухе лучи, катилось сквозь жар [10] *Далее*: и сквозь мутный воздух ка‹тилось› [11] всходила [12] точно [13] *Далее*: и косо [14] *Далее*: в небе [15] *Далее*: др‹ожащем› [16] Потом вдруг [17] [до безумия] люто [18] *Далее*: гнал над з‹емлей› [19] *Далее*: и [20] *Далее*: все шипе‹л› [21] толкая [22] *Далее*: [ослепляя, опро‹кидывая›] [за] ос‹леплял› [23] раздеть их [24] [ребятишек ‹1 нрзб.›] [при‹тихал›] и все шипел день и ночь [25] *Далее*: прятался в леса‹х› [26] на севере

че, он разжег пожары, и снова [1] с помутневшего неба изливался зной.

На фабрике [2] было много больных; когда Петр Ар⟨тамонов⟩ входил в корпуса, он [3] сквозь непрерывное жужжание веретен и шорох челноков слышал во всех углах сухой, трескучий кашель, видел у станков унылые, сердитые лица, вялые движения; количество работы понизилось, качество товара стало хуже, сильно возросли прогульные дни, мужики [4] стали больше пить водки, у баб хворали дети, [5] плотник Серафим, маленький сухой старичок, кудрявый, с розовым лицом ребенка, то и дело мастерил маленькие гробики, а нередко слаживал из еловых досок домовину [6] и для большого человека, отработавшего свой урок.

— Гулянье надо устроить,— настаивал Алексей,— повеселить, подбодрить людей [7].

Он сам чувствовал себя плохо, посерел, больше кашлял и сильнее хромал.

Уезжая с женой на ярмарку, он [8] еще раз сказал брату:

— Устрой гулянье — оживут люди...

Петр приказал [9] жене:

— Займись. [10] Получше, пообильнее устрой...

Наталья невнятно [11] заворчала [12], он взглянул в лицо ей [13], спросил:

— Ну? [14]

Протестующе громко высморкав нос в край передника, она сказала со вздохом:

— Ладно.

Гулянье начали торжественным молебном о здравии, молебен очень благолепно служил поп Глеб; он стал еще более худ, сух, высокий голос его звучал надтреснуто, [15] произнося необыкновенные слова, было в этом [16] жалобном голосе что-то очень сердечное, [17] умоляющее [18] из последних сил; многие бабы навзрыд плакали, серые лица чахоточных ткачей сурово нахмурились.

— Господи, боже наш,— взывал Глеб, поднимая руки и длинное печальное лицо свое, робкие растерянные глаза в тишину дымного неба [19] к лысому тусклому солнцу, за ним [20] ожидающе смотрели

---

[1] *Далее*: в [2] Люди на фабрике [3] ему каза⟨лось⟩ [4] *Далее*: больше [5] *Далее*: стары⟨й⟩ [6] [и] сколачивал и большую домовину [7] *Далее*: следует [8] *Далее*: повторил [9] сказал [10] *Далее*: К воскресенью. [11] *Далее*: про⟨ворчала⟩ [12] *Далее*: что-то [13] на нее [14] Что? [15] *Далее*: бы⟨ло⟩ [16] *Далее*: го⟨лосе⟩ [17] *Далее*: о чем-⟨то⟩ [18] *Далее*: как бы [19] [поднимая руки в дымное небо, к лысому солнцу, и поднимал туда] в тишине поднимая руки и длинное, печальное лицо свое, робкие растерянные глаза в дымное небо [20] *Далее*: во след

туда мужики, [1] бабы и даже ребятишки поглядывали в небо со страхом, [2] многим думалось, [3] что тихий поп видит там кого-то, кто знает и слушает его.

После молебна [4] поп ушел обедать к хозяевам, [5] бабы тотчас вынесли на улицу поселка столы, [6] и вся рабочая сила солидно уселась к большим деревянным чашкам, [7] до краев полным жирной лапшой с бараниной. Вокруг каждой чашки садилось десять человек, на каждый стол полагалось [8] ведро крепкого домашнего пива со льдом и четверть водки; [9] это [10] сразу приподняло унылый дух истомленных, уставших людей, и надоевшая [11] всем подавляющая тишина знойных дней [12], тяжелой шапкой накрывшая землю, раздалась, отодвинулась на болота к лесным пожарам, загудела веселыми голосами, стуком деревянных ложек о края чашек и столов, смехом детей, окриками баб [13]. За сытным, обильным обедом сидели часа три, потом, разведя пьяных на отдых, собрались [14] на холме [15] вокруг плотника Серафима. Пестрядинная рубаха [16] его и такие же портки, многократно стиранные, стали уже голубоваты [17], пьяненькое, красное личико с птичьим носом, загнувшимся в беззубый рот, восторженно сияло, светились, подмигивая, бойкие нестарческие глазки; он сидел на [18] бревнах, держа гусли на острых коленях своих [19], и, перебирая струны темными пальцами, изогнутыми, точно коренья хрена, напевом слепцов [20] пел дребезжащим голосом, с нарочитой заунывностью:

— А и вот вам, люди, сказ на забаву
Да премудрости вашей на разгадку...

Хитренько подмигнул дочери своей, шпульнице Зинаидке, большой, грудастой, без стыда живущей [21] девице и, передохнув, завел еще более медленно и уныло:

— А сидит Христос в светлом рае,
Под кряжистой, златоцветной липой
Восседает на лыковом престоле,
Раздает он серебро и злато.
Рóздал самоцветное [22] каменье
Всё богатым людям в награду

[1] *Далее*: и [2] *Далее*: как [3] казало‹сь› [4] *Далее*: на [5] *Далее*: на улице [6] *Далее*: живо накрыли [7] *Далее*: одна на десять человек [8] было поставлено [9] *Далее*: и [10] *Далее*: угощение [11] *Далее*: тиш‹ина› [12] *Далее*: разорвалась [13] *Далее*: и [жалоб‹ами›] причитаниями [14] *Далее*: тесной толпою [15] *Далее*: назначенном под церковь, среди [груд] остатков кирпича и леса, на кучах мусора [16] [Одетый] Синяя, пестрядинная рубаха [17] голубоватыми [18] *Далее*: скамье на пустыре с гусля‹ми› на острых коленях своих [19] *В автографе*: колени свои [20] заунывно, под сл‹епцов› [21] *Далее*: вдове и за‹вел› [22] самоцветные

За то, что они, богатеи,
Бедному [1] люду доброхоты,
Бедную братию любят,
Нищих, убогих сыто кормят...

Прервал [2] песню, снова подмигнув Зинаиде, визгливо крикнул:

— Плыви-и! [3] — и вдруг, бойко [4] ударив по струнам, перевел голосишко свой на плясовой распев:

А кто сéребро возьмет,
Тому ноги отшибет.
А кто золото возьмет,
Того пламенем сожжет, — и-их-ты! [5]

Оглушительно повторив его визг [6], большая баба, [7] топнув [8] ногой, закинула руки за голову и понеслась, закружилась, [9] высоко взбивая ногами подол [10] красной юбки:

А яхонты, жемчуга
Бельмами на глаза, —

припевала она под гусли [11] и свист парней, раздувая ноздри широко расплывшегося носа, встряхивая грудями.

Илья Артамонов сидел [12] на штабеле теса в куче фабричных ребят, плечо в плечо с [13] Павлом Никоновым, худеньким, [14] остролицым, с беспокойными глазами на сероватом, нездоровом лице. [15]

Илья [16] чувствовал себя пораженным: [17] всё было так хорошо, звенели струны гусель, качался и плыл [18] голос Серафима; все стояли [19] неподвижно, как связанные, слушая слова песни; [20] он тоже любил песни и думал, что это надолго, но вдруг завертелась, вспыхнула [21] большая красная баба, [22] люди, точно их [23] за ниточку дернули, покачнулись [24], зашевелились, лица у них стали другими; свист, подхлестывая бабу, заставлял ее вертеться все быстрей; чуткой душою ребенка Илья уловил в [25] неистовой пляске злую и темную ярость [26]. Это стало еще ясней для него, когда [27] начал пля-

[1] Бедным [2] [Остано⟨вился⟩] Прервал ироническ⟨ую⟩ [3] [Баба, ну, готовсь!] Баба, плыви-и! [4] *Далее*: ловко [5] А яхонты, жемчуга. Все бельмами на глаза,— и-их-ты!—Зинаида, — али нет? [6] Повторив его визг [7] *Далее*: топая [8] *Далее*: как лошадь, упираясь рукою в бок [9] *Далее*: [красным пла⟨тьем⟩] [так быстро, что был⟨о⟩] вскидывая ногами [10] *Далее*: красного [своего] сарафана [припевая] [11] звон [гармо⟨ники⟩] гуслей [12] [Илья Арт⟨амонов⟩ с Иваном Никоновым] Худенький, юркий Иван [13] *Далее*: товари⟨щем⟩ [14] *Далее*: [суетливым мальчи⟨ком⟩] беспокойно ст⟨..?⟩ [15] *Далее*: Возбужденный свист [16] *Далее*: бы⟨л⟩ [17] *Далее*: ми⟨нуту⟩ [18] *Далее*: забавный [19] *Далее*: молча [20] *Далее*: был он [21] *Далее*: эта [22] *Далее*: [оглушит⟨ельный⟩] захлестал по воздуху свист, [и крик и] все лица сразу как во сне изменились, люди зашевелились.— Как пляшет,— сказал он удивленно. [23] *Далее*: всех [24] закачались [25] *Далее*: ее [26] что-то злое и темное [27] *Далее*: против круг⟨а⟩

сать [1] Анисим Морозов, [2] широкоплечий, рыжебородый, он бил ногами по земле, как жеребец, догонял Зинаиду, обегал ее, выкрикивая [3]:

— Шуруй, Зинка!

Бабы пели, прихлопывая ладонями:

С моря быстрые кораблики бегут,
Красным девушкам подарочки везут...

Павел Никонов рассказывал Илье:

— Это [4] — любовник ее. Она со всеми живет, кто хочет. Она и ⟨к⟩ твоему отцу в баню ходила [5], в сад к вам.

— Зачем? — недогадливо, не о том думая, спросил Илья,— Никонов кратко объяснил ему — зачем.

— Врешь,— сказал Илья.

— Я сам видел [6]. Только ты не говори никому, что я видел, ладно?

Илья взглянул на него и промолчал, слушая насмешливый говорок плясовой песни:

От Пашки — Палашке
Рогож на рубашки;
От Терешки [7] — Матрешке
Две березовы [8] сережки.

Он видел [9], как парни и мужики хватают, мнут и тискают баб, девиц, он знал, зачем это делается, и ему было неловко, досадно, что он спросил об этом товарища. А то [10], что сказал ему Никонов про отца, брезгливо удивило его. На фабрике были девицы моложе и красивее этой. Посидев еще минуту, две, он стал слезать со штабеля и на беспокойный вопрос Павла ответил:

— Домой. Я приду.

Никонов не нравился ему своей тревожной суетливостью, непонятной стремительностью походки [11], движений [12], однообразием скучных рассказов о девчонках, но Илья был сильнее его и ценил [13] удовольствие защищать от фабричных ребятишек мальчика [14] и более знающего, хотя знал он [15] неприятное и говорил о людях, точно братишка Яков [16], как будто ябедничая на них.

---

[1] *Далее*: кочегар [2] *Далее*: слесарь [3] крича [4] М⟨орозов⟩ [5] ходит [6] *Далее*: из ок⟨на⟩ [7] Олешки [8] Оловянные [9] [Он уже знал] Он много раз видел [10] То [11] движе⟨ний⟩ [12] *Далее*: речи [13] [но он был на [три] два года старше, грамотнее Ильи, а — слабее его, и Арт⟨амонову⟩ было [лестно] приятно] ему [бы⟨ло⟩] двенадцать лет, но Илья был сильнее его, чувствовал и ценил [14] *Далее*: [старше и грамотнее, чем сам он] [старше и грамотнее себя] старше, чем он сам [15] *Далее*: в [16] обо всех людях [так, как будто ябедничая на них] так, как братишка Яков

Располагало его к Никонову и то, что жил он беспризорно, одет был плохо, вотчим не любил его, а высокая [1] сердитая мать, боясь мужа, [2] подавала любовь сыну как тайную милостину.

Чисто вымытого конторщика Ник⟨онова⟩ Илья не любил за то, что конторщик был противно ласков с ним и потому, что у него смытое лицо, нельзя [3] понять, какое оно? Был маленький усатый нос, была шишка на лбу, между носом и шишкой вверх и вниз расползалась паточная улыбка, закрывая щелки глаз розоватыми складками. [4]

Дома [5] пили чай в саду, в тени деревьев, посеревших от пыли [6]. За столом сидели гости: поп, кудрявый и шумный механик Коптев, маленький, тощий Никонов с острой головою, чуть прикрытой жиденькими волосами; Коптев, молодецки закрутив усы, разговаривал с сестрой Еленой, одетой в розовое платье; отец и Никонов [7] слушали тихий голос попа [8] — он вне церкви всегда говорил очень [9] робко.

Илья сел рядом с матерью, исподлобья глядя на отца, не веря, чтоб этот тяжелый [10], невеселый и тоже робкий [11] с ним, как робок поп со всеми людями, [12] путался с бесстыдной девкой, когда [13] у него [14] такая важная и красивая жена. Все были разморены жарой, обливались пбтом, говорили вяло, только грубоватый голос Коптева звучал, как зимою на морозе в хрустальную ночь. Отец предложил играть [15] в карты.

— Надо бы в поселок сходить,— сказала мать.

— После сходим,— ответил он и пошел к дому, Илья тоже отправился за ним, догнал его на дворе, дотронулся до локтя.

— Что? — спросил Петр, положив на голову его тяжелую руку. [16]

Илья вывернулся из-под руки его и, глядя в глаза, спросил:

— К тебе Зинаида шпульница в баню ходит или не ходит?

Илье показалось, что отец испугался, так оно и было: слова сына устрашили [17] Петра прежде, чем возмутить [18]. Схватив сына за плечо, он отстранил его от себя и пристально [19] смотрел на него, выкатив глаза. Потом спросил негромко [20]:

---

[1] *Далее*: и [2] *Далее*: люби⟨ла⟩ [3] *Далее*: было [4] *Текст*: Чисто вымытого конторщика ∽ розоватыми складками.— *вставка на отдельном листке.* [5] *Далее*: в саду [6] *Далее*: все [7] отец, Никонов и поп [8] *Далее*: в гостях поп всегда [9] *Далее*: тихо, ломкими, [осторожны⟨ми⟩] щупающими словами [10] большо⟨й⟩ [11] тихий [12] *Далее*: грязно [13] когда [14] *Далее*: есть [15] с⟨ыграть⟩ [16] *Далее*: Скушно, что ли? [17] испугали [18] *Далее*: его [19] [[Он] Схватив [его] сына за плечо, он отстранил от себя мальчика и] Схватив сына за плечо, он отстранил его от себя [и мо⟨лча⟩] [и долго] и пристально до того, что Илье [сдела⟨лось⟩] стало страшно [20] *Далее*: глухо

— Что ты сказал, болван?

Он видел [1] — сын тоже испуган [2], и с удивлением услыхал его слова:

— Я ведь не верю, что ходит [3].

Толкнув [4] Илью на крыльцо, толкая его по коридору в свою комнату, Арт⟨амонов⟩ [5] мельком подумал [6], что если б он, Петр, заговорил так [7] с покойным отцом,— отец тотчас же избил бы его [8]. В комнате Илья, как всегда [9], остановился у косяка, а отец, плотно прикрыв дверь, [10] сел к столу.

— Поди сюда. Что ты сказал?

Илья [11], подходя к столу, ответил:

— Я не верю [12]. Это Павлушка Никонов говорит.

— Так,— тяжело выдувая из себя гнев и удивление, молвил Петр,— так... [13]

Он дергал себя за ухо и думал, [14] в упор разглядывая побледневшее лицо маленького человечка [15]: «Не верит [16]». Он [17] не понимал, хорошо [18] или дурно, что [19] сын как бы утешает его своим неверием [20] болтовне такого же мальчишки, как сам [21]. Он не знал, как и что надо сказать сыну, и ему решительно не хотелось бить его. Но необходимо [22] было сделать что-то, и [23] он нашел, что самое простое — всё-таки побить [24] Илью. Тяжело подняв непослушную руку, он запустил пальцы в волосы [25] Ильи и, дергая их, забормотал:

— Не слушай дураков, не слушай, не слушай.

Потом, оттолкнув его, приказал:

— Ступай. В горницу свою [26]. И сиди там... И сиди [27].

Илья пошел к двери, склонив голову вбок [28], неся ее [29], как чужую; отец, прислушиваясь к его шагам, соображал:

«Не плачет. Я его [30] не больно».

Он попробовал рассердиться, напомнив себе:

«Ишь ты, дрянь,— не верю! Вот я тебе и показал...»

Но это не заглушило чувства жалости к сыну [31], обиды за него и [32] тупого недовольства собою.

---

[1] *Далее*: что мальчик испуга⟨лся⟩ [2] испугался [3] *Далее*: [Иди сюда!] Иди! [4] Он ⟨толкнул⟩ [5] он [6] Если б Петр заговорил так [7] *Далее*: что если б это он так [8] *Далее*: а он вот не зна⟨ет⟩ [9] *Далее*: он делал [10] *Далее*: зашагал по ко⟨мнате⟩ [11] Пет⟨р⟩ [12] *Далее*: что ходит она [13] *Далее*: Павлушка? [14] *Далее*: «Мой отец избил бы меня. Только и всего». [15] его побледневшее лицо и бо⟨ялся⟩ [16] *Далее*: Не верит, что я распутничаю. [17] [Он] Петр [18] *Далее*: это [19] *Далее*: [сын] мальчишка смеет не верить [20] *Далее*: [в грязную клевету] в слова тако⟨го⟩ [21] *Далее*: он [22] нужно [23] *Далее*: ему показалось [24] изб⟨ить⟩ [25] в волоса [26] *Далее*: иди [27] Там и сиди. [28] [согнувшись] согнув спину [29] *Далее*: так [30] его [31] *Далее*: и [32] *Далее*: ост⟨авило⟩

«Впервые[1] побил»,— думал он,[2] строго[3] разглядывая свою волосатую красную руку. «А меня до десяти-то лет, может быть, сотню раз били».

Но и это не утешало. Он пошел в сад[4]; взглянув по дороге на солнце, подобное раскаленной сковороде, решил идти в поселок. Поп виновато простился, низко сгибая спину при поклонах, и ушел в город; Артамоновы с дочерью и сыном[5], Никоновым и Коптевым отправились в поселок; дорогой Петр незаметно и тихо[6], но внушительно предупредил конторщика:

— Сын твой моему Илье глупости внушает, так ты ему придержи язык. Больше я тебе ничего не скажу, однако — смотри.

— Я его выпорю-с,— с полной готовностью предложил Никонов,— Петр[7] взглянул на него с любопытством и, помолчав, сказал:

— Это — твое дело, как знаешь.[8]

Поселок встретил хозяев[9] с радостью, люди вкусно[10] поели, в меру выпили, сытость родила благодушие, оно сияло почти на всех лицах[11] полупьяными улыбками, изливалось в похвалах.

Серафим притопывал пьяненькими ногами[12] в новых лаптях, в белых онучах, перевязанных по-мордовски красными оборами, вертелся перед хозяевами и кричал восторженно:

— Тебе удача — венчаная жена, а не любовница, поласкала, да и нет ее...

Седобородый Иван Морозов, сын Мирона[13], твердил басом:

— Мы тобой довольны! Мы — довольны...

— Артамоновы ведут себя с народом барами,— кричал[14] Анисим Морозов, ему отвечали:

— Верно! У них забота о людях барская.[15]

Никонов, восхищаясь, говорил[16] Коптеву так, что все слышали:

— Проникновенный народ у нас, Мих⟨аил⟩ Петр⟨ович⟩, умеет ценить благодетелей своих[17].

Маленький[18] толстый Яков Ар⟨тамонов⟩ жалобно ныл:

---

[1] Первый раз [2] *Далее*: смот⟨ря⟩ [3] *Далее*: не [4] *Далее*: и [5] Артамоновы с дочерью и Яковом [6] *Далее*: сказал конторщику [7] *Далее*: иско⟨са⟩ [8] [В поселке Петра встретила группа рабочих, все были выпивши] Петра [окружили] окружило человек десять рабочих во главе с плотником Серафимом, все были [выпивши в] полупьяны, благодушны и всем хотелось сказать хозяину что-нибудь хорошее, похвальное [9] шумно, радушно [10] хорошо [11] *Далее*: и [12] [притопывая [новыми] пьяными ногами] в новых лаптях, в белых онучах, перевязанных по-мордовски красными оборами, притопывал пьяненькими ногами [13] [старши⟨й⟩] сын Мирона Морозова [14] *Далее*: кто-то [15] *Далее*: Валяй ура [ему] хозяину... [16] восхищался и шептал [17] Замечательный народ у нас, Мих⟨аил⟩ [Гавр⟨илович⟩] Петр⟨ович⟩! Проникновенный народ-с, умеет ценить и понимать благодетелей своих-с! [18] А маленький

— Ма-ама, он мне на ногу наступил.

Петр не первый раз слышал эти похвалы, он имел основания не верить [1] в их искренность, [2] но все-таки похвала опьяняла его, он, ухмыляясь, бормотал:

— Ну, ладно, спасибо. [3] Надо дружно жить...

И, чувствуя себя в чем-то виноватым, вдруг сказал:

— Больницу надо выстроить [4]. Детскую и для больших...

Серафим, широко размахнув руками, отскочил от него и крикнул:

— Видали? Валяй ура хозяину! Больницу строит нам,— эх-ма-а!

Недружно, но громко грянуло ура, а Серафим, [5] подогнув ноги в коленях, легко, крылато пошел вприсядку пред хозяином, покрикивая:

Ой, кто идет? —
Это сам идет! [6]
А кого же он ведет? —
Самоё ведет!

Тут растрогалась Наталья, почтительно и льстиво окруженная бабами; вытирая потное лицо платочком, она сказала в нос, нараспев:

— Подите, бабы, возьмите еще бочонка два-три пива-то! Там Тихон выдаст [7].

Это еще более усилило восхищение [8] баб красотою [9] хозяйки и дочери ее, сконфуженной [10] бесцеремонностью похвал [11], багровой от жары и от внимания Коптева к ней. Брат дергал ее за юбку и жаловался:

— Лена, мне жарко.

А Никонов неутомимо восхищался:

— Архиерейская встреча!

Чернобородый, с огромными, как сливы, глазами, ткач Иван Галкин, неумело повесив [12] на левую руку свою тощенького, замлев-

---

[1] эту похвалу и не очень верил [2] *Далее*: но в этот вечер [чувствовал], чувствуя себя в чем-то, пред кем-то виноватым [3] *Далее*: Я знаю. [4] строить [5] *Далее*: пр⟨ыгая?⟩ [6] *Далее*: Это сам идет Да самоё ведет! [7] Тихон выдаст! [И все было пестро, весело, как и следует быть на празднике, но Наталья несколько испортила] [И все вокруг было [празднично] пестро, весело, [шум⟨но⟩] [и] мило, как и следует быть на празднике, но Наталья несколько испортила настроение Петра, сказав [Петру] ему: — [Жал⟨ь⟩] Не вовремя наказал ты Илью, жаль, не видит он любовь к тебе.— [Знаю я] Я знаю, что делаю,—[сердито ответил] солгал он [8] *Далее*: Натальей [9] *Далее*: и нарядом [10] *Далее*: [вниманием] покрасневшей от внимания Коптева [11] [их бесцеремонностью] бесцеремонностью их похвал [12] дер⟨жа⟩

шего от жары ребенка, полуголого, с болячками на синеватой коже, истерически громко говорил, хватая хозяина за плечо [1]:

— Это я б тебе сплясал, я бы — как никто. Уважил бы [2]. Ну — нельзя мне, невозможно! Жена скончалась пять дён назад. Скончалась, ау! От жары. Адова жара, вот что. Ты — не виновный, я знаю. Скончалась, да. Вот прирост остался, в заботу мне... вот он!

Галкин совал ребенка к лицу Петра, сверкая белыми зубами цыгана, а [3] из глаз его [4], вместе со слезами, исходили жуткие лучи.

Бабы, отталкивая его от хозяина, говорили почему-то виноватыми голосами:

— Не в себе он немножко [5], не в разуме, прости. А жена у него давно чахоточная была. Да и сам он нездоровый...

— Взяли бы младенца-то [6] у него,— посоветовал Артамонов, и тотчас же к жиденькому телу ребенка потянулось несколько пар бабьих рук. [7]

Все было пестро, весело, радушно, как и следует быть на празднике; Петр [8] Арт‹амонов›, [9] замечая новые лица среди рабочих и работниц, думал почти с гордостью:

«Растет число народа [10]. Видел бы отец,— радовался бы...»

Но вдруг жена, вздохнув благодушно, пожалела:

— Не вовремя наказал ты Илью, не видит он любовь к тебе. За что это ты его наказал?

— Я знаю, что делаю,— ответил он [11], зная, что лжет, неприязненно присматриваясь к широкому лицу Зинаиды; большая, красная, она шла впереди десятка девиц и, кругло открыв рот, пела режущим ухо голосом:

Ходит мимо,
Смотрит мило,
Видно — хочет,
Ах, полюбить [12]...

«Халда! — подумал он [13],— Новая песня. Плохая». Вынул часы, поглядел на них и сказал жене:

— Ты [14] останься тут, а я схожу домой, там депеша от Алексея должна быть. [15]

Он пошел быстро, обдумывая на ходу, что сказать, как надо

---

[1] ло‹коть› [2] *Далее*: навсегда [3] *Далее*: из его глаз [4] *Далее*: расте‹кались› [5] немного [6] ребенка [7] *Текст*: Чернобородый, с огромными, как сливы, глазами ∾ бабьих рук — *вставка на отдельном листке.* [8] *Далее*: посма‹тривая› [9] *Далее*: присматриваясь [10] Растет народ [11] *Ранее*: солгал он [12] Полюбить... [13] *Далее*: и вслух сказал: — Песни какие нескладные [14] *Далее*: тут [15] *Далее*: [Сопровождаемый] [Садо‹м›] Садо‹м›

вести себя, очень искусно придумал что-то [1], но, когда осторожно отворив дверь в комнату сына, увидал его [2],— забыл всё придуманное. Илья стоял на коленях на стуле, облокотясь о подоконник, [3] глядя в сад или в мутно красное небо запада; [4] сумрак наполнял маленькую комнату бурой пылью, на стене, в большой клетке, дрозд чистил [5] желтый нос, собираясь спать.

— Ну что — сидишь?

Сын [6], вздрогнув, обернулся, [7] не спеша слез со стула, встал.

— То-то вот,— сказал отец, присев [8] на постель.— Вот видишь? Слушаешь всякую дрянь, всякого паршивца, потом — расстраиваешь отца [9].

Сын молчал. Отцу показалось, что [10] сын наклонил голову нарочно, чтоб напомнить о трепке.

— Держи голову прямо, зачем гнешься?

Сын чуть приподнял голову, но не взглянул на отца. Птица, встревоженная голосом человека, начала прыгать по жердочкам [11], посвистывая негромко. Память неуместно подсказала глупые слова Тихона:

«Не люблю дроздов — на чертей похожи...»

И, вздохнув, тихонько подумал о сыне:

«Сердится».

— Да,— погромче сказал Артамонов старший, тыкая пальцем в подушку.— Пустяки слушать не надо.

Младший Артамонов тихо [12] спросил:

— А как же, если говорят?

Отец обрадовался, услыхав этот голос [13].

— Мало ли, что говорят! А ты — не слушай. Ты — забывай Скажут тебе нехорошее, а ты сейчас и забудь.

Сын спросил:

— Ты забываешь?

— А как же? — солгал отец и продолжал храбро.— Кабы я всё плохое, что слышу, помнил — что ж тогда? Чем я стал бы? Мешок дряни...

Он говорил не торопясь, заботливо выбирая [14] слова попроще, пытаясь сложить их друг с другом понятнее, говорил и отлично понимал, что всё это не нужно и не доходит до [15] сердца сына. И,

---

[1] придумал что-то очень искусно [2] *Далее*: у окна, на стуле [3] *Далее*: полусвесив [4] *Далее*: бурый [5] *Далее*: свой [6] *Далее*: обе‹рнулся› [7] *Далее*: соскоч‹ил› [8] присел [9] *Далее*: И — сам терпишь. [10] *Далее*: он нарочно [11] *Далее*: и [12] *Далее*: и спокойно [13] [этот] голос сына [14] [выбирая] скл‹адывая› [15] *Далее*: сын‹а›

быстро запутавшись в темной мудрости простых слов, он сказал сыну:

— Поди [1] ко мне.

Сын подошел [2] не спеша, осторожно. Петр зажал его бока коленями, уперся ладонью в лоб, [3] отогнув голову, и, чувствуя, что Илья сопротивляется этому, обиделся.

— Ну что ж ты? Не хочешь глядеть на отца [4]?

Сын взглянул прямо в глаза, но это вышло еще хуже, потому что он спросил:

— За что ты побил меня?

Артамонов старший ответил не сразу, у него горло сжала судорога. С тупым изумлением он видел [5], что сын каким-то чудом встал вровень с ним, [6] поднялся до [7] значительности [8] взрослого человека или принизил взрослого [9] до себя. Он смутно чувствовал, что это и хорошо, и плохо, но не мог понять, чего тут больше: плохого или хорошего.

«Обидчив. Гордый»,— мельком подумал он и встал, говоря:

— Я тебя — не больно. Меня отец бил — ой, как! И мать. Дядя тоже. Потом — конюх. Приказчик. Когда свой бьет, не так обидно, а вот чужой — ну, это горестно!

Шагая по комнате, пять шагов [10] от двери до окна, он спешил кончить эту беседу, опасаясь, что сын спросит еще что-нибудь. [11]

— Наглядишься, наслушаешься ты тут пёс знает чего,— говорил он ворчливо, глядя на сына, прижавшегося к [12] спинке кровати, опустив голову.— Учиться тебе надо. Вот я в губернию отправлю тебя. Хочешь учиться-то?

— Хочу,— сказал Илья.

— Ну вот...

Ему хотелось обнять, приласкать сына, но [13] он не решился сделать это, что-то мешало. И не мог вспомнить: ласкали [14] его родители после того, как, бывало, побьют?

— Ну иди, гуляй,— сказал он, сердясь на себя.— Да, ты бы не дружился с Павлушкой-то, гляди, какой гнилой он...

— Его не любят,— задумчиво [15] проговорил Илья; отец, открывая дверь, сердито бросил последние слова свои [16]:

— И не за что любить.

---

[1] *Далее*: сюда [2] *Далее*: ост‹орожно› [3] *Далее*: по‹чувствовал?› [4] меня [5] чу‹вствовал› [6] *Далее*: вырос [7] *Далее*: [его] его [8] *Далее*: или [9] отца [10] три ш‹ага› [11] *Далее*: [Учить тебя надо] Учиться тебе надо. Вот я не учен [12] *Далее*: стенке [13] *Далее*: зная [14] обни‹мали› [15] тихонько [16] последнее слово своё

Он сошел вниз, к себе в комнату, встал у окна, заложив руки за спину, чувствуя, что с сыном у него вышло не так, как надо бы, нехорошо.

«Может, не надо было ничего говорить, а взять бы и обласкать».

Но он тотчас оттолкнул эту мысль.

«Так — избалуешь. Он и без этого своенравен. Вон как надулся».

Со стороны поселка притекал широкой волною пестрый шумок, [1] слитный гул мужских голосов, бабьи песни, визг гармоники, глухой топот пляски. На дворе прозвучали мерные [2] слова Тихона:

— Ты где ж был, дитя?

— В своей горнице.

— Что так? Праздник, гулянье, а ты от радости прячешься, а?

— Устал.

— Это — дело другое [3].

— Я [4] буду учиться в городе.

— В губернском? Так. Это — хорошо, дитя. Учиться — ух как надо! «Неученый — что не рожденный», вот как сказано.

Арт⟨амонов⟩ старший, слушая голос дворника, необычно мягкий, негодовал:

«Ишь [5] как ластится к хозяйскому сыну, подлая душа!»

— Учиться едешь, значит [6]? Ну, мне без тебя, дитя, скушно будет...

Петр, высунув голову из окна, едва сдержался, чтоб не крикнуть:

[— Врешь, подлец, это мне будет скучно, мне!]

Когда, несмотря на протесты матери, он отправил сына в город, к учителю, брату попа Глеба, [7] он действительно почувствовал [8] странную, тревожную пустоту в душе. Было неловко, как будто погасла в спальной неугасимая лампада пред иконами; к [9] синеватому огню [10] ее Петр так привык, что просыпался [11] в бесконечные ночи зимы, когда по недосмотру горничной масло выгорало в лампаде и тихий огонек [12] угасал. [13]

---

[1] *Далее*: гул [2] прозвучал мерный [3] *Далее*: друг — Что ты [делаешь?] строгаешь? [Это будет улей для пчел.] [Это — для пчел, для меда.] Это я стряпаю дяде твоему, монаху. Скоро пойду к нему. [4] *Далее*: скор⟨о⟩ [5] Ишь [6] Учиться, значит, бу⟨дешь⟩ [7] *Далее*: чтоб тот пр⟨иготовил⟩ [8] *Далее*: [скуку] какую-то [9] *Далее*: ее [10] огоньку [11] *Далее*: ночью [12] *Далее*: утопал во [13] *Далее*: [Это нарушало сон Петра] Было странно ощущать, как много места занимал в душе его маленький человек.

Он заметил, что после случая в день гулянья сын [1] изменился: буйнее стали его веселые часы, глубже и длительней задумчивость. Чаще жаловались [2] на него мать, бабушка, сестра и брат, [3] всё более обидчиво [4], отчужденно Илья выслушивал его упреки, уговоры, поучения [5]. Особенно неприятно было заметить, что Илья, не прервав своей дружбы с Никон⟨овым⟩, скрывает ее. А перед отъездом он так [6] расшалился, как будто нарочно [7] хотел оставить о себе дурную память: нагрубил матери, заставив ее зло и обиженно плакать, облил маслом новое платье сестры, выпустил из клеток всех птиц Якова, а своего дрозда [8] подарил Павлу Никонову, хотя эту птицу выпросил брат [9].

— Что ж ты озоруешь? — спросил Петр сына, но Илья не ответил, он только опустил голову, склонив ее вбок [10], и отцу показалось, что он дразнит его, снова напоминая о том, что Петр хотел бы забыть.

Было странно ощущать, как много места занимал этот сын в душе. Петр часто спрашивал себя [11]:

«Неужели покойный отец тоже вот так тревожился за меня, за Никиту?»

Память решительно отвечала [12], что никогда он не чувствовал в своем отце близкого человека, а только строгого хозяина, который [13] гораздо заботливее относился к Алексею, чем к нему.

«Что ж, я — добрее отца родился?» — думал он, недоумевая, [14] — добрым он не считал себя.

Эти думы [15] мешали ему, нападая во время работы, неожиданно и внезапно возникая в неудобные часы. Большое живое дело шумно росло, [16] отовсюду протягивая к нему [17] руки, обвиваясь вокруг его, как хмель вокруг дерева, [смотрело на него] десятками глаз, требовало постоянного и напряженного внимания; но [18] лишь только что-либо напоминало ему об Илье, думы о делах разрывались и расползались, как гнилая, перепревшая основа, и нужно было сделать большое усилие, чтоб связать их тугими [19] узлами.

---

[1] *Далее*: стал [2] Чаще жаловалась [3] *Далее*: реже заходил Илья в комнату отца и [4] молчаливо [5] *Далее*: и [ре⟨же⟩] [более] [менее] не так часто, как прежде, заходил в комнату отца поговорить с ним [о т⟨ом⟩] о делах и впечатлениях дней [6] *Далее*: нарочито [7] нарочно [8] *Далее*: кот⟨орого⟩ [9] брат уже выпросил птицу у него [10] на⟨бок⟩ [11] и Петр часто думал, недоумевая [12] Но, вспоминая отношение отца, он должен был ответить себе [13] *Далее*: от⟨носился⟩ [14] *Далее*: Но [15] [Все эти] Эти неожиданные думы [16] *Далее*: расширялось, смотрело на него десятками г⟨лаз⟩ [17] *Далее*: как [18] *Далее*: стои⟨ло⟩ [19] прочными

Он [1] пытался заполнить пустоту, образованную отсутствием Ильи, усилив внимание к Якову, и с угрюмой досадой видел, что второй сын не [2] утешает его [3].

— Тятя, купи мне козла,— просил Яков.

— Зачем козла?

— Я буду верхом ездить.

— Вот еще выдумал. Это только ведьмы на козлах верхами ездят. [4]

— Елена подарила мне книжку, и там мальчик на козле...

Слушая детскую болтовню толстенького Якова, отец думал:

«Илья [5] бы картинке не поверил... А этот всегда просит чего-нибудь. Этот для своих лет ребячлив».

Не нравилось ему, что Яков, [6] раздразнив фабричных ребятишек, жалуется, что они его обижают, он [7] видел, что мальчик изнежен матерью, труслив, ленив, [8] всегда что-то жует, сосет.

В дочери, рослой, спокойной и неразговорчивой, было что-то общее с братом. Она любила лежать, читая книжки, за чаем много ела варенья, [9] за [10] обедом жевала нехотя, брезгливо поджимая [11] туго налитые кровью, очень красные губы, и не подобающим девчонке тоном часто говорила ему и матери:

— Это [12] в городе не принято. [13]

Когда он сказал [14] ей:

— Ты что ж, ученая, не взглянешь, как тебе полотно на рубахи ткут? [15] — Елена [16] надела праздничное платье, взяла зонт [17], подарок дяди Алексея, и, покорно шагая рядом с отцом, внимательно следила: не задеть бы платьем за что-нибудь. Чихнула несколько раз, [18] а когда шпульницы желали ей доброго здоровья, она, краснея, кивала [19] им головою, молча, без улыбки на лице, смешно надутом. Отец рассказывал ей о работе, но, заметив, что она ни о чем не спрашивает и смотрит не на станки, а под ноги себе, [20]

---

[1] *Далее*: дум‹ал› [2] *Далее*: только [3] *Далее*: даже все более не нравится ему [4] *Далее*: Мальчики — тоже [5] *Далее*: сейчас бы спросил о ведьмах, какие? Он бы [6] *Далее*: много и жадно ест, обижает фабричных детей слабее себя и всегда жалуется на кого-нибудь; не нравилось, что мать слишком [отл‹ичает›] [т] любуется круглой рожицей с пухлыми губами, светло-серыми глазами Якова и его тонкими, вьющимися волосами. [Он] Пытался он подойти к дочери, спокойной, молчаливой, обещавшей скоро вырасти в могучую, пышную женщину. Она была ленива, любила лежать, читая книжку [7] *Далее*: не [8] *Далее*: не любопытен [9] много ела варенья [10] во [11] *Далее*: к‹расные› [12] *Далее*: мамаша [13] *Далее*: Она не показала интереса [14] предло‹жил› [15] *Далее*: [сп‹росил›] [16] Она [17] зонтик [18] *Далее*: на пожела‹ния› [19] *Далее*: кланяла‹сь› [20] *Далее*: об‹иделся›

перестал говорить, чувствуя себя несколько обиженным. Но когда обошли корпуса, он на дворе спросил ее:

— Ну, что?

— Душно очень. И пыльно.

— Немного видела,— сказал он, усмехаясь. И с досадой почти крикнул:

— Да что ты подол-то поднимаешь? Двор чистый, а подол и так короток [1]. Чем брезгуешь?

Она испуганно отняла два пальчика, котор⟨ыми⟩ поддерживала юбку [2], как модница на картинке.

— Про что читаешь [3]? — спросил он ее в ненастный день, когда она лежала с книгой на диване,— она ответила, привс тав и садясь

— Историю доктора Фауста.

— Так. Наука, значит.

Но взяв книгу и заглянув в нее, он возмутился:

— Что же ты врешь? Это — стихи! Разве науку стихами пишут?

Дочь торопливо и непонятно рассказала ему странную историю о докторе и чёрте, он выслушал ее, не прерывая, добросовестно стараясь уловить смысл истории, но не уловил. Было несколько смешно слышать, что дочь говорит поучающим тоном, и это мешало понимать ее.

— Что же доктор этот — пьяница был, что ли? — спросил он.

Дочь ответила многословно, но непонятно.

— По-моему,— это чепуха. Доктора в чертей не верят. Вначале будто похоже на многострадального Иова, а все остальное — сказка [4]. Дрянь. Откуда эта книга?

— Механик дал...

Выходя из комнаты, он смутно догадался о чем-то и, остановясь, строго сказал:

— А над этими, над Маргаритами, ты не [5] размышляй. Это — блудни, блудницы. И с Коптевым не очень хихикай, он тебе не пара.

Коптев нравился ему, но беспокоил. Бойкий, ловкий человек, он хорошо знал дело, работал с увлечением, и было видно, что рабочие единодушно любят его за то, что он всегда тянет в их сторону. [6] Это он заговорил о необходимости устроить при фабрике больницу, доказывая Петру, что больница нужнее церкви. Он как будто [7] не верит в бога, в церковь в город ходил только на Пасху. Мысли

---

[1] коротк⟨ий⟩ [2] *Далее*: [опустила подол] отняла два пальчика, поддерживавшие юбку [3] Что ты читаешь? [4] путаница [5] *Далее*: очень [6] *Далее*: [И] О необходимости открыть [7] кажется

у него прямые и вначале понятные, а потом дерзко стремились [1] куда-то вдаль и темнеют, становясь чужими уму Петра.

— Далеко заглядываешь, Константин Иваныч [2]! Думать надо покороче, [3] поближе к сегодняшнему дню, [4] — говорил он Коптеву, замечая, что этот чужой [5] человек [6] опасно горяч и молод [7], несмотря на свои тридцать [8] лет [9]. Он видел, что Тихон Вялов не любит Коптева, и его неприятно удивляла дружба Алексея с этим [10] человеком, дерзким на слова, одержимым, как покойник отец, страстью все расширять, раздвигать. [И, наконец,] он подозревал, что Коптев метит в зятья к нему. [11]

Петр Артамонов не заметил, как постепенно на месте [12] любви к сыну зародилась ненависть к Павлу Никонову.

В первые дни [13] по отъезде Ильи, встречая [14] хилого мальчика [15] играющим на дворе фабрики, он мельком вспоминал [16]: «Из-за такой обезьяны...»

Павел Никонов был некрасив, длинен, костляв, с маленькой [17] головою, тревожно вертевшейся на тонкой шее [18]. Ходил он, согнув спину, оглядываясь, и даже когда бежал, Петру [19] казалось, что он крадется, как трусливый [20] жулик. Он много работал, чистил сапоги вотчима, колол и носил матери дрова, воду, таскал из кухни помои, бегал в город за покупками, даже мыл пол и нередко полоскал на речке пеленки брата своего. Он [21] с утра до вечера вертелся волчком, очень жалкий, грязненький, оборванный [22], и заискивающе улыбался всем, а видя Петра, еще издали кланялся ему, изгибая голову вбок [23], глядя вкось и снизу вверх глазами голодного кутенка. Этот изгиб шеи [24], наклон головы всегда [25] усиливал неприязнь к Павлу [26].

Узнав, что мальчик [27] держит на чердаке бани две пары голубей, Артамонов приказал Тихону [28] не пускать Павла на чердак [29].

---

[1] [тянутся] стремятся [2] *Далее*: [дальше сроков] не соглашался с ним Артамонов [3] *Далее*: [С об] Но не соглашался он не [с мыслями] со словами и мыслями Коптева, неясны‹ми› [4] *Далее*: не соглашался [5] новый [6] *Далее*: сын мастерового скорняка, как-то [7] молод и горяч [8] *Далее*: пять [9] *Далее*: и что он [непр‹иятно›] чем-то неприятно напоминает Петру А‹лексея› [10] *Далее*: шумным [11] *Далее*: Но все эти заботы не заполняли пустоту в душе. [12] *Далее*: его [13] [Сначала [он встр‹ечая›] при вст‹рече›] Вначале [14] он, видя [15] *Далее*: на крыше дровяного сарая [16] думал [17] *Далее*: оп‹ущенной› [18] *Далее*: с крадущейся походкой испуганного жулика [19] ему [20] ис‹пуганный› [21] он [22] *Далее*: всем [23] *Далее*: и [24] головы [25] *Далее*: вызывал у Арт‹амонова› [непри‹ятное›] тяжелое воспоминание о сыне и [26] *Далее*: [мальчику] Павлу [27] он [28] *Далее*: голубей выпустить, а Никонова [29] *Далее*: [Затем] Вскоре он заметил, что ему приятно видеть этого мальчишку [во] под осенним дождем,

Ему приятно было видеть Никонова под осенним дождем и зимою, когда мальчик колол дрова и грел дыханием своим озябшие пальцы, стоя, точно [1] гусь, на одной ноге, подняв другую, [2] с которой сползал растоптанный [3] дырявый сапог. Он кашлял, хватаясь руками за грудь, извивался винтом, был отталкивающе жалок. Как-то вечером [4] он застиг его [5] в конторе [6]: Павел, стоя на коленях, выскабливал ножом с пола и смывал тряпкой пролитые чернила.

— Это что?

— Отец пролил...

— А не ты?

— Нет.

— А отчего же морда в слезах? [7]

Мальчик не ответил. Артамонов, придавив его взглядом, удовлетворенно сказал:

— Так тебе и надо [8].

Вечером, за чаем, вспомнив об этом и, на минуту прозрев, он усмехнулся в бороду — ему показалась забавной эта неприязнь к ничтожному мальчишке. Но через несколько дней, когда Павел [9] чем-то обидел Якова, Артамонов сказал конторщику:

— Пороть его надо, пороть!

— Я порю-с,— уверил [10] конторщик.

— Пори! — настаивал [Арт⟨амонов⟩] [11].

Летом, когда Илья приехал из города незнакомо одетый, гладко остриженный, еще более лобастый, [12] Артамонов еще острее невзлюбил Павла Никонова, видя, что сын упрямо [13] продолжает дружбу с этим отрепышем; Илья стал как-то нехорошо [14] вежлив, говорил отцу так же, как Елена: «Вы, папаша», держался в доме гостем, [15] но жестоко дразнил [16] и до припадков отчаяния раздражал брата, ссорился с матерью, изумляя ее грубостью [17], и вообще явился из [18] города сорванцом.

[на холодном ве⟨тру⟩] приятно смотреть, как он зимними днями колет дрова [и вре⟨менами⟩ дует]и греет дыханием своим из⟨зябшие⟩
[1] как [2] *Далее*: в прорванной рези⟨новой⟩ [3] худой [4] *Далее*: на Святках [5] *Далее*: в сенях, мальчишка сидел [6] *Далее*: у [7] *Далее*: Та⟨к⟩ [8] *Далее*: Так и надо [9] Никонов [10] ответил [11] Так и надо,— пори! — настойчиво советовал Арт⟨амонов⟩. [12] *Далее*: [и какой-то вежливый] и как-то нехорошо вежливый [13] наст⟨ойчиво⟩ [14] [Кто-то] Илья стал не⟨хорошо⟩ [15] *Далее*: [цел⟨ые⟩] с утра до вечера [бега⟨л⟩] пропадал где-то [часами] или сидел на крыше бани с Никоновым, о чем-то разговаривая, а по коньку крыши снова ходили, воркуя, голуби [16] *Далее*: и раздражал [17] дерзостями [18] *Далее*: из

— Я говорила! — жаловалась мать отцу.— [1] Я ведь говорила: ученье ведет к дерзости...

Артамонов молчал, сердито [2], обиженно и тревожно [3] наблюдая за сыном, ему казалось, что Илья озорничает невесело, хотя [4] упрямо [5].

На крыше бани снова явились голуби Никонова, вечерами они, воркуя, ходили по коньку, а Илья с Павлом [6], сидя верхом друг против друга [7] у трубы, оживленно болтали о чем-то.

Еще в первые дни по приезде Петр, обняв сына, сказал ему [8]:

— Ну, расскажи мне чего-нибудь, я тебе много рассказывал.

Сын очень кратко поговорил что-то неинтересное о гимназии, о семье учителя [9], где он жил.

— Трудно учиться?

— Нет, легко.

— Врешь?

— Посмотрите отметки,— предложил сын, дернув плечом [10].

Через несколько минут отец, как можно ласковее, спросил:

— Забыл, как я тебя за волосья трепал из-за Пашки?

— Нет, не забыл,— тотчас же ответил Илья, и было ясно, что его [11] удивил вопрос отца; тогда отец неосторожно, но всё так же ласково сказал:

— А ты — забудь? [12]

И услыхал вопрос:

— Разве [13] вы для этого наказывали?

Отец заставил себя рассмеяться, не найдя ничего лучше [14].

«Не глуп мальчишка...» [15].

Это было приятно сознавать, но сам он [16] чувствовал себя глупо, и второй раз ему показалось, что сын [17] каким-то фокусом припижает его до себя.

Перед отъездом он попросил:

— Папаша, позвольте Павлу держать голубей на чердаке бани — у него в них вся радость, ему [18] очень плохо жить...

Ничего не обещая, Петр сказал угрюмо:

— Всех, кому жить плохо, не утешишь.

После отъезда [19] Ильи он почувствовал себя одержимым еще более тяжелой ненавистью [20] к приятелю сына [21].

---

[1] *Далее*: К дер‹зости› [2] *Далее*: и [3] пристально [4] [и из] [и хотя] хотя и [5] *Далее*: [но] как бы напоказ [6] с пр‹ияте-лем› [7] *Далее*: беседовали [8] спросил его [9] учителя [10] приподняв плечо [11] он [12] Что ж не забудешь? [13] Разве наказывают [14] *Далее*: думая [15] «Умный мальчишка...» [16] *Далее*: не [17] *Далее*: при‹нижает› [18] он [19] И тотчас после отъезда [20] [темной ненавистью] еще более темной ненавистью [21] *Далее*: еще более [острой] тяжелой, чем прежде; этот загна‹нный›

Каждый раз, когда он испытывал [1] неприятности [2] на фабрике, в городе или дома, выходило как-то так, что ⟨в⟩ центр неприятностей вторгался оборванный мальчишка с испуганными глазами, и на его костлявое тело Петр Арт⟨амонов⟩ вешал все свои злые мысли, недобрые чувства. [3]

В конце сентября он, чем-то раздраженный, вышел в сад [4]. Вечерело; в прозрачном небе [5], чисто выметенном ветром, вымытом дождями, таяло розоватое облако [6]; Тихон Вялов возился в [7] углу сада, [8] шуршал, сгребая [9] кучи [10] желтых листьев в компостную яму. [11] Чтоб не говорить с ним, Арт⟨амонов⟩ прошел [12] в противоположный угол, к бане. Дверь ее была не прикрыта, и он тотчас подумал [13]:

«Этот — на чердаке...» [14]

Но войдя в светлый передбанник, он увидал Павла Никонова сидящим на лавке; [15] закрыв глаза, раздвинув ноги, мальчик [16] бормотал что-то и занимался [17] детским грехом. Это обрадовало Ар⟨тамонова⟩; стоя в двери, он зашипел [18]:

— Ты что делаешь, паршивец, а?

Рука мальчишки перестала дрожать, он открыл глаза и рот, [19] окаменел на несколько секунд и вдруг скорчился, сжался комом, тихонько взвизгнул и покатился под ноги Петр⟨а⟩; Петр с наслаждением ударил его правой ногою в грудь, мальчик [20] хрустнул, сильно вздохнул и мягко опрокинулся на бок. Был момент, когда Петру показалось, что он этим ударом сбросил со своей души надоевшую тяжесть [21], он тоже [22] вздохнул облегченно, но тотчас же, вздрогнув, выглянул за дверь, а [23] затем, наклонясь, забормотал:

— Ну-ко, вставай-ко, идем к отцу.

Лежа вниз лицом, вытянув одну руку вперед, а другую придавив грудью, мальчик молчал; ноги его были согнуты в коленях, и одна казалась короче другой. А рука, вытянутая в сторону Ар⟨тамонова⟩ к ногам его, была страшно длинна [24].

---

[1] *Далее*: как⟨ие⟩ [2] *Далее*: до⟨ма⟩ [3] *Далее*: В этом было что-то, что иногда почти пугало его. [4] В конце сентября он, чем-то раздраженный, вышел в сад [и шагая по дорожке только] [где осенние дожди и ветер уже оборв⟨али⟩], эта ненависть привела ег⟨о⟩ [5] *Далее*: [бабьего лета] вымытом дождями осени [6] розовели перистые облака [7] за [8] *Далее*: сбрас⟨ывал⟩ [9] *Далее*: ли⟨стья⟩ [10] *Далее*: ли⟨стьев⟩ [11] *Далее*: Со стороны фабрики доносилось [12] *Далее*: по выметен⟨ной⟩ [13] [он п⟨одумал⟩] ему показалось [14] «Наверно, этот — там, на чердаке»... [15] *Далее*: ра⟨здвинув⟩ [16] мал⟨ьчик⟩, всхлипывая [17] и занимался [18] крикн⟨ул⟩ [19] *Далее*: несколько [20] Никонов [21] Петр почувствовал [какое-⟨то⟩] облегчение, как будто сбросив этим ударом тяжесть с себя [22] *Далее*: облегченно [23] и [24] А вытянутая рука была страшно длинна.

Петр Ар‹тамонов› снял картуз [1], подкладкой его вытер внезапно выступивший пот с лица; у него тоже одна нога стала короче, пошатнувшись, ухватясь рукою за косяк, он сказал:

— Вставай, я не скажу никому [2]...

Но он уже знал, что говорить бесполезно, [3] из-под головы мальчика [4], по полу, тянулась [5] тоненькая лента крови.

— Убил,— сказал Петр [6], прислушиваясь к слову. Наклонился, приподнял голову трупа, заглянул в лицо — щеки были серые [7], подбородок красный, глаза прикрыты неподвижными ресницами.

Он выпрямился и вдруг ослепительно ясно увидал всю с начала до конца историю [8] своего отношения к мальчику, всю уродливость своей вражды к нему; всё это развернулось пред ним, как [9] нарисованное на свитке, обожгло едкой, стыдной горечью и, исчезнув, оставило [10] по себе тупой [11] страх.

Артамонов, сунув картуз в карман, перекрестился, тяжело повернулся на ногах,— сзади его с метлою в рук‹е› стоял Тихон и водянистыми глазами смотрел на мальчика.

— Вот,— начал [12] Арт‹амонов›, но Тихон, покачивая головою, перебил его, мерно, спокойно говоря:

— Вижу, неловок [13] был мальчонко, неуклюж. Сколько раз говорил я ему: не лазь, разобьешься...

— Чего? — тихо, с ужасом, но и с надеждой спросил Петр [14].

— Разобьешься, говорю. Вот и разбился...

Осторожно отстранив хозяина, дворник присел на корточки, пощупал [15] руку Павла, шею и, вытирая пальцы о подол передника, сказал, оглядывая труп, странно маленький и в серых лохмотьях похожий на убитую птицу.

— Совсем готов. Гниленький был...

Выпрямившись, он взглянул на потолок, в квадрат открытого творила, и снова покачал головою, говоря:

— Он лазил на чердак по двери, поставит ногу на лавку, на скобу, на верх двери, потом схватится за край творила и поднимется на руках. Вот и сорвался. Об угол двери, должно быть, ударился...

— Я этого не видал,— сказал П‹етр›.

Тупой страх недолго давил его, уступив место чувству самосохранения, а оно подсказывало быстро мелькающие мысли.

---

[1] *Далее*: и т‹ыльной?› [2] отцу [3] *Далее*: этот больше ничего н‹е› [4] Ни‹конова› [5] *Далее*: кр‹овь› [6] *Далее*: и [7] *Далее*: лицо было серое [8] картину [9] *Далее*: разрисованный свиток и снова [10] наполнило [11] *Далее*: те‹мный› [12] сказал [13] Неловкий [14] Чего? — хрипло спросил Петр [15] *Далее*: труп

«Комедию играет? В руки забрать меня хочет? Капкан ставит мне? Или в самом деле — дурак? Не догадался?»

Последнее было вероятнее. Тихон, сняв шапку, молча [1] трижды перекрестился, потом, кстати, почесал голову над ухом и вздохнул:

— Надо [2] сказать вотчиму [3]. Он, поди-ка [4], не страшно горевать будет. Мальчонко был неинтересный ему... Жидкий мальчик. Серый.

Ар⟨тамонов⟩ очень внимательно вслушивался в слова дворника, пытаясь уловить фальшь в звуках их. Но Вялов говорил как всегда, как обо всем — равнодушными словами [5] человека, чуждого любопытству [6].

Пытливо глядя [7] на него из-под нахмуренных бровей, Арт⟨амонов⟩ приказал:

— Иди, скажи там. Может,— доктора надо.

— Чу! — вытянув шею, тихонько воскликнул Вялов.

Где-то [8] на дворе женский голос сердито кричал:

— Паша? [9] Пашка!..

Тихон ухмыльнулся.

— Вот те и Паша.

«Дурак»,— решил Ар⟨тамонов⟩ [10], свободно вздыхая, и, вытащив из кармана измятый картуз, стал расправлять его, рассматрива⟨я⟩ сломанный козырек [11].

III [12]

Несколько недель Ар⟨тамонов⟩ прожил очень тревожно [13], чувствуя, что в нем ходит [14], раскачивает его изнутри волна темного страха, угрожая каждый день и час новой, неведомой бедою [15]. Внешне всё шло хорошо, все отнеслись к смерти мальчика делови-

---

[1] *Далее*: крестился [2] *Далее*: пойти [3] отцу [4] *Ранее*: Поди [5] *Далее*: чужого [6] [которому [вс] всё неинтересно] лишенного любопытств⟨а⟩, [уча⟨ствующего⟩]и во всем участвующего [не по своей] как бы против своей воли [7] в⟨глядываясь?⟩ [8] *Далее*: далеко, око⟨ло⟩ [9] *Далее*: Павел... [10] *Далее*: оде⟨вая?⟩ [11] стал рассматривать его [12] *Цифра «III» поставлена над текстом красным карандашом: по-видимому, здесь, по первоначальной наметке писателя, начиналась третья глава романа. Четвертая глава была намечена красным карандашом на листе 44 (см. стр. 177 настоящего издания). Это деление на главы было сделано, очевидно, после завершения данной рукописи, так как тем же карандашом писатель заново пронумеровал ее листы. Переписывая рукопись набело, Горький отказался от такого деления на главы.* [13] в тревоге [14] *Далее*: и [15] [и каждый день грозит новой бедой] ожидая каждый день и час новой беды. Не верилось, что Т⟨ихон⟩ так недогадлив и глуп, каким он показал себя там, в бане.

то [1], покорные долголетней привычке родить и хоронить [2]. Никонов аккуратно подстриг свою бесцветную бородку, повязал [3] шею новым черным галстухом, стал [4] еще более предупредителен [5], на его пустом лице явилась скромная [6] важность, как будто он получил награду. Мать убитого, суетливо, но молча, без слез, оправляла кисейный рюш [7] по краям гроба, передвигала венчик на синем лбу сына, укладывала его тонкие руки на провалившейся груди и, осторожно вдавливая пальцем копейки, прикрывавшие глаза, очень торопливо [8] и легко крестилась; Петр заметил, что на панихиде она едва не перекрестилась левою рукой, уже подняла ее, но, вовремя заметив, быстро отбросила вниз, как чужую. С этой стороны всё обошлось хорошо, оба Никоновы многословно [9] и надоедливо благодарили Петра за пособие [10], выданное на похороны, хотя, опасаясь возбудить подозрения излишней щедростью, он дал немного.

Но ему не верилось, что Тихон так недогадлив и глуп, каким он показал себя там, в бане. Незаметно наблюдая за дворником, он видел, что Т⟨ихон⟩ живет, как всегда жил,— нехотя и точно [11] против воли своей; так же мало разговорчив, [12] с рабочими груб, как полицейский, [13] и особенно брезгливо груб с бабами. Если б он [14] имел друзей, ходил куда-нибудь,— можно бы думать, что он сектант. Но он жил одиноко, посещал церковь, молился там вдумчиво, как все православные, но всегда почему-то смешно и некрасиво открыв рот, точно собираясь закричать. Спокойствие и отчужденность от людей как будто утверждали, что человек этот глуп, но для дурака он был подозрительно памятлив и слишком много замечал. Порою [15], взглянув в мерцающие глаза дворника, Петру казалось, что он видит в них притаившуюся угрозу, ему хотелось схватить дворника за ворот и, сильно встряхнув его, спросить: «Ну, говори, что знаешь, чего прячешь!»

Но зрачки Тихона таяли, расплывались, и каменное спокойствие скуластого лица [16] его гасило тревоги Ар⟨тамонов⟩а.

Всё-таки [17] в одну из бессонных ночей он почувствовал, что не [18] в силах один носить мертвую тяжесть на душе, и, разбудив Наталью [19], сказал ей о случае с мальчиком. Она выслушала его рассказ [20] сидя, заплетая распустившуюся косу, внимательно рас-

---

[1] спокойно и деловито [2] подчиняясь привычке видеть, как лю⟨ди⟩ [3] надел [4] бы⟨л⟩ [5] *Далее*: и вежлив, но [6] какая-то [7] всё оправляла рюш [8] как-то очень быстро [9] даже долго [10] помощь [11] то⟨чно⟩ [12] *Далее*: [сторонится людей] никуда не ходит [13] *Далее*: никуда не ходит [14] *Далее*: ходи⟨л⟩ [15] И порою [16] [каменное] скуластое лицо [17] *Далее*: он [18] *Далее*: вы⟨несет?⟩ [19] жену [20] *Далее*: с бол⟨ьшим⟩

крыв полусонные глаза, выслушала с большим интересом, и первое, что сказала она, было:

— Ой, боюсь, как бы Яша не занялся этим...

— Чем? — удивленно спросил Петр, а когда она объяснила ему, подумал, с досадой дергая себя за ухо: «Напрасно говорил».

Затем жена [1] сказала:

— Что ж, ведь ты [2] хотел только ударить его, а не до смерти...

И [3], должно быть, уверенная, что эти слова достаточно утешительны, она, не спрашивая мужа ни о чем, продолжала торопливо и беспокойно рассказывать о [4] Якове, Елене, о маленькой Татьяне, обиженно вспомнила об Илье. Муж, слушая ее, думал: «Хорошо, что я про Тихона не сказал ей и о том, откуда всё это началось».

Наговорив очень много, жена опрокинулась на спину, прижалась боком к нему и, перед тем как снова заснуть, посоветовала:

— Ты бы всё-таки покаялся отцу Глебу, если тяжко тебе... Вот говеть будешь...

— Знаю, спи!

В эту ночь, под вздохи и шорох февральской вьюги, Петр, вместе с углубившимся сознанием своего одиночества, почувствовал, что Илья должен особенно крепко любить отца [5], ведь это из любви, из ревности к нему отец [6] согрешил убийством. Из ревности и страха — мальчишка был испорченный, опасный. Надуманная догадка эта [7] облегчила тревогу Петра, она освещала [8] убийство по-новому и как бы несколько оправдывала его [9], внося в темное, грешное дело понятную причину, вызвавшую его.

Через несколько дней, следуя совету жены, он пригласил попа Глеба к себе, ему хотелось поговорить о необычном грехе сначала не на исповеди, во время [10] покаяния в грехах обыкновенных. [11] Длинный, сутулый поп пришел вечером [12], тихо сел в угол, он всегда загонял [13] тощее тело свое глубоко в углы, где потемнее и тесней. Его фигура в старенькой серой рясе почти сливалась с темной обивкой кресла, на сумрачном фоне стены [14] светилось только лицо его, стеклянной пылью блестели [15] на густых бровях капельки растаявшего снега. Не зная, как начать беседу [16], Арт⟨амонов⟩ угрюмо заговорил [17] о том, как трудно жить, как раздражают люди своей

---

[1] *Далее*: Не [спросив] спрашивая его ни о чем, не обнаружив даже простого бабьего любопытства, она [2] *Далее*: не [3] У⟨веренная?⟩ [4] *Далее*: детях [5] что [сын] Илья должен быть особенно обязан ему, его отца [6] *Далее*: так [7] Эта догадка несколько осветила и [8] что-то освещала [9] *Далее*: пр⟨ичину?⟩ [10] ему не хотелось говорить об этом [на ис⟨поведи⟩] среди [11] *Далее*: По⟨п⟩ [12] *Далее*: и ка⟨к-то⟩ [13] [держался] садился в тени, загоняя [14] [и темной стеной [и]] и сумрачно [15] и блестел [16] раз⟨говор⟩ [17] *Далее*: вообще

ленью, пьянством, быстро запутался в словах и замолчал, шагая по комнате. Тогда из угла негромко [1], неуверенно [2] потекла речь, похожая на жалобу:

— Пить народ стал много и заметно всё больше пьёт [3]. Оно, знаете, даже и понятно: никто не заботится о нем, сам же о себе — он не умеет, не привык [4]. Образованные люди будто устали жить, думают уныло, да и немного [5] их у нас. Вот только один голос поднимается над шумом жизни, обращен к совести мира и властно хочет пробудить ее, это голос некоего Льва Толстого, графа и литератора. Значительнейший голос, и речь смелая до дерзости.

Он долго рассказывал о графе Толстом, и хотя не совсем понятно для Артам⟨онова⟩, но его вздыхающий голос, истекая из сумрака тихим [6] ручьем, [7] приятно отводил [8] Арт⟨амонова⟩ от самого себя. Он не забывал о том, зачем пригласил священника [9], но, слушая его, постепенно начал поддаваться чувству смутной жалости к нему [10]. Он знал, что бедный народ смотрит на попа Глеба как полублаженного, почти праведника [11], за то, что Глеб не жаден, дешево берет за исполнение треб, часто хоронит бедных даром, хотя сам живет очень бедно, ласков со всеми, хорошо [12] служит в церкви и особенно трогательно отпевает покойников; всю эту [13] праведность Петр считал дешевой, она не увеличивала его симпатии к Глебу [14] — таким и должен быть поп. Его симпатия вызвана была и всё более возбуждалась общей нелюбовью городского духовенства к этому попу. Но духовный пастырь должен быть строг, он должен обладать особенными [15] словами, которые пронзали бы человека, как раскаленные стрелы, он обязан внушать страх божий [16], а Петр знал, что этой силой Глеб не обладает, и, слушая его неуверенную речь, слова которой ненадежно [17] колебались, он, наконец, сказал ему:

— Я, батюшка, потревожил вас, чтоб сказать: в этом году говеть не стану.

— Что же так? — задумчиво спросил Глеб.

— Дела мешают и нездоровится...

— Отвечаете пред богом и совестью вашей,— сказал поп, а Петру почудилось, что он сказал это так же бессердечно, как говорит Тихон Вялов.

---

[1] *Далее*: и [2] *Далее*: но складно [3] пьёт [4] не научен [5] мало [6] [ровн⟨ым⟩] гладким [7] *Далее*: как⟨-то⟩ [8] успокаивал, рассказывая о другой, незнакомой [Петру] жизни и как-то отводя [9] попа [10] к попу [11] духовенство не любит Глеба, а бедный народ относится к [нему] попу Глебу как полублаженному, почти святому [12] и хорошо, трогательно [13] вся эта [14] попу [15] *Далее*: железными [16] *Далее*: а у этого [17] ловя слова, которые [так] неуловимо

Метель сотнями белых языков [1] лизала стекла окон; поп Глеб по бедности не носил галош [2], с его мужицких сапогов [3] натекли лужи; не замечая этого, поп шлепал подошвами по лужам и всё говорил, жалуясь, но не угрожая; [4] было как-то особенно, подавляюще скучно, Ар⟨тамонов⟩ пригласил Гл⟨еба⟩ пить чай и был рад уйти с ним в столовую.

Единственное, что осталось в памяти его от этой беседы, это слова попа:

— Смотришь [5], и кажется, что [6] зло жизни, всё возрастая, собирается в большой ком; как бы того ради, чтоб нам легче было преодолеть силу его. Всегда так я наблюдаю: появляется [7] малый стерженек зла и затем на его, как нить на веретено, нарастает всё больше и больше греха. Рассеянное преодолеть — трудно, соединенное же возможно отсечь мечом справедливости сразу [8].

В этом Ар⟨тамонов⟩ нашел нечто утешительное для себя: стерженек [9] — не Павлушка ли Никонов? К нему, бывало, стекались все темные думы, все злые чувствования. И снова в этот час он [10] еще более твердо подумал, что за какую-то долю его греха должен [11] ответить сын [12]...

В столовой было светло, уютно, тепло, ее насыщал вкусный запах; жена и дети сидели за столом; благодушно пофыркивая, кипела вода в самоваре [13], в блестящих боках его отражались цветистые чашки [14]; бабушка [15], сидя в кресле, приятно пела трехлетней внуке [16]:

Святая молонья
Раздала дары своя:
Апостолу Петру —
Ему летнюю жару,
Угоднику Николе —
На морях-озерах волю,
А пророку Илие —
Золотое копие...

Виновато улыбаясь, поп спросил [17]:

— Вот это, языческое,— твердо знаете, а «Символ веры» — как?

Ульяна Баймакова заявила, что и «Верую» знает, начала чи-

---

[1] Белые языки метели [2] поп пришел без галош [3] сапог [4] негромко жалуясь и осуждая [5] [Ду⟨маешь⟩] Смотришь на всё [6] *Далее*: грех и [7] Это всегда так наблюдал я, является [8] *Далее*: и тем уничтожить [в] с корнем [9] *Далее*: это [10] *Далее*: по⟨думал⟩ [11] будет [12] *Далее*: [и] это будет справедливо [13] кипел [с⟨амовар?⟩] кипела вода [14] [А м⟨едь⟩] блестела медь, [стекло отражало] отражалась посуда [15] теща [16] подбрасывала внуч⟨ку⟩ [17] сп⟨окойно?⟩ сказал

тать, но после слов «Творца неба и земли» вставила: «Сокровищ благих и жизни подателю».

— Вот видите, и ошиблись,— вздохнув, заметил поп, но старуха обиделась:

— Всю жизнь так читала!

— И я [1] тоже так,— сказала Наталья, поп начал убеждать их в ошибке, явился сонный Яков, подошел к отцу и спросил:

— Пап, я во сне комара видел в аршин величиной, [2] это к чему?

Приехал из города Алексей [3] и начал интересно говорить [4] на свою любимую тему о московских купцах; поп, [5] которого Алексей всегда вышучивал, незаметно исчез, потом пришел [6] Коптев, заспорили о фабрике, а устав спорить, послали за Никоновым и сели играть в преферанс. [7]

В спальне Нат‹алья› спросила мужа:

— Поговорил с батюшкой?

— Да.

— Ну, что он?

— Ничего,— сказал Петр, стаскивая брюки с ног.

— Слава богу [8],— заключила Наталья [9] и начала говорить о том, что тревожило ее.

— Москва да ярмарка всё больше Алексея с ума сводят [10], он уж и говорить стал не теми словами [11]. И жадность у него, как у пьяного, довольно выпил [12], а всё кричит: еще давай!

Летом на белой шее и румяном, отполированном лице Натальи явились какие-то красненькие точки, мелкие, как укол булавкой, они всё-таки мешали ей жить, и дважды в неделю перед сном она усердно втирала [13] в кожу шеи и лица медового цвета мазь [14]. Этим

---

[1] Наталья [2] *Далее*: а то и больше. [3] [Пришел Коптев, вслед за ним яв‹ился?›] [Приехал из города Алексей с Коптевым пришел Коптев [4] [За чаем Алексей возоб‹новил?›] и начал интересно рассказывать [5] *Далее*: над [6] яви‹лся› [7] *Далее*: а поп незаметно исчез [8] [Вот и слава богу] Ну вот, слава богу [9] *Далее*: [и тотчас начала говорить, что надобно Алексею] о Коптеве, об Алексее, о существенном [10] Алексей из Москвы всё более безумным приезжает [11] *Далее*: Боюсь я: подобьет он с Коптевым тебя на невыгодное дело [разорят], разорит, гляди! Не слушай ты [их] его, не расширяй фабрику, хватит с нас дохода!

О делах она говорила нищенски ноющим голосом, [и ее тон] в эту ночь тон ее напомнил жалобы попа Глеба.

Петр лежал, закинув руки за голову, и думал о том, что брат — прав, дело требовало [да] дальнейшего расширения [12] И жаден, как [пьяный] пьяница, уж довольно выпил [13] Еще летом на шее и лице Натальи явились красные прыщики, это очень беспокоило ее, и, ложась спать, она вти‹рала› [14] *Далее*: от которой исходил запах вареной севрюги

делом она и занималась, сидя пред зеркалом, мерно [1] двигая голыми локтями, под рубахой тяжело колыхались [2] шары ее грудей, вздрагивали круглые колени. Петр лежал, закинув руки за голову, смотрел на жену сквозь ресницы и находил, что она похожа на какую-то машину, а мазь [3] ее пахнет вареной севрюгой. Затем [4] она долго, убедительным шепотом, вздыхая и низко кланяясь, молила бога [5] о чем-то, а удовлетворив маленькие волнения души, облегченно и протяжно зевнула [6], легла в постель и по честной привычке здорового тела предложила себя мужу. . .[7] Он притворился засыпающим.

Он думал о том, что брат — прав, и это было досадно: неужели Алексей, несмотря на его легкомыслие, суетливость и действительно хмельную [8] жадность ко всему — к делу и безделью,— все-таки лучше его понимает дело? Признать это [9] не хотелось, но иногда Петр Арт⟨амонов⟩ почти озлобленно чувствовал: брат умнее его, больше знает, более дальнозорок [10], думал легко, быстро, с веселой хитростью в мыслях [11]. В нем, лысом, нездоровом, вращался какой-то веселый, гибкий винт, и ястребиные глаза его светились беззаботной уверенностью, что всё хорошо и впредь будет хорошо [12]. Редко и всё реже видел Петр брата и жену его печальными, даже смерть детей своих они встречали [13] наружно спокойно, должно быть [14], почему-то не желая показывать [15] свое горе людям города [16]; город не любил их [17] за то, что они жили одиноко [18], почти ни с кем не знакомясь. Уже три могилы было у них на кладбище, остался жить Платон, некрасиво, но крепко сшитый из костей и хрящей; большеносый, сероглазый, он говорил хрустящим голосом, казался старше своих лет [19] и смотрел на все прищурясь. С отцом и матерью он говорил [20] как взрослый, в его отношении к ним Петр видел [21] недопустимую простоту, избалованность, даже нахальство и определенно чувствовал, что этот мальчишка не любит его. Однажды он спросил племянника:

---

[1] ри⟨тмично?⟩ [2] похожая на какую-то машину, [перекат⟨ывая⟩] тряся [3] а от мази [4] Потом [5] молилась богу [6] кончив молитву, пр⟨отяжно?⟩ зевнув [7] [предлагая] предложила себя мужу уже не для того, чтоб зачать [нового] еще ребенка, но по честной привычке законной жены и [8] пьяную [9] *Далее*: было [10] *Далее*: [и хитер] весело хитер [11] *Далее*: своих [12] *Фраза*: В нем лысом ∾ будет хорошо — *перечеркнута наискось красным карандашом. Далее*: Дети у него умирали, жил только один [мальчик] Платон и [13] *Далее*: не то, что [14] *Далее*: пр⟨яча?⟩ [15] *Далее*: людям [16] *Далее*: которые относились к [17] *Далее*: за гордость [18] *Далее*: поч⟨ти⟩ [19] *Далее*: [был неласков с Петром] [С Петром он бы⟨л⟩] *Далее*: Ольга не родила больше [20] держался [21] *Далее*: что-то

— Ты что смотришь на меня, как приезжий?

Платон, покраснев, не ответил, а мать и отец [1] его засмеялись, им почему-то понравилось слово приезжий, и с той поры слово это [2] стало прозвищем Платона.

Петр подозревал, что Алексей [3] завел в Москве [4] какое-то свое дело, чем-то торгуя [5]. Он все так же покупал [6] у помещиков разные вещи, [7] стал покупать и серебро, комнаты в доме у него приобретали сходство с чуланами, где сложено старье [8], и, поглядывая на этот хлам, Алексей говорил, что надо построить каменный дом. Всё это было нелепо, запутано, чуждо Петру и возбуждало в нем предчувствие каких-то опасностей и углубляло в нем сознание своего одиночества.

Но более всего тревожило Петра [9] отношение брата к делу [10]. Алексей [11] относился к фабрике с тем же увлечением, как ко всему на свете, и, казалось, так же поверхностно, легкомысленно, как ко всему. Однако Петр не мог не видеть [12], что всеми улучшениями в технике, увеличением кредита и даже такими затеями, как больница, баня для рабочих, училище для детей — всё это незаметно внушается и выполняется именно братом. Он видел также, что А⟨лексей⟩ говорит [13] с рабочими всегда насмешливо, задорно, даже со стариками он разговаривал [14] пренебрежительно, нехорошо, но несмотря на это рабочие любят его [15], о нуждах своих [16] говорят с ним, [17] к нему идут с жалобами на мастеров, на служащих, с ним ведут беседы о повышении платы.

— Для пользы дела,— говорил он,— для здоровья [18] дела. . .

Когда доктор сказал, что дети будут заболевать [19] лихорадкой до поры, пока не осушат небольшое болото за фабр⟨ичным⟩ поселком, Ал⟨ексей⟩ цифрами доказал, что выгоднее осушить болото, чем тратиться на лечение лихорадочных. Цифры были убедительны, но Петр из упрямства все-таки отказался осушить болото, и брат ловко, дешево сделал это за свой счет: он уговорил самих рабочих рыть канавы по праздникам, и в два лета болото высохло, образовался пруд; Алексей велел пустить в него карасей, [20] и действительно лихорадка сильно [21] уменьшилась, а [22] Наталья заметила почему-то с грустью:

— Лягушек развелось у нас больше, а комаров меньше стало.

---

[1] а отец и мать [2] это слово [3] у Алексея [4] *Далее*: ви⟨димо⟩ [5] он чем-то торговал [6] и как раньше закупал [7] *Далее*: картины [8] со складом старья [9] его [10] фабрике [11] Он о⟨тносился?⟩ [12] ясно видел [13] относится [14] говорил [15] *Далее*: и [16] *Далее*: гораздо охотнее [17] *Далее*: а не [18] здоровья [19] дети заб⟨олеют?⟩ [20] *Далее*: и еще [21] лихорадок стало [22] *Далее*: с тем вместе

Раздуваемое Алексеем дело всё шире [1] расползалось по песчаным [2] холмам; они с каждым годом теряли сухую, золотистую [3] на солнце окраску, исчезал [4] стеклянный блеск слюды [5], угасали серебряные острые искорки, [6] песок темнел, утаптывался,[7] уже везде росли лопухи, полынь, пырей; с каждым годом всё обильнее разрастались, ярче зеленели сорные травы, подорожник плотно прижимал свой лист на тропах; сад сеял свой цветень и осенний лист вокруг фабрики, сгнивая, еще более удобрял [8] негодную, неродимую землю.

Дело становилось всё требовательнее, всё сильнее дышало заботами, жужжали сотни веретен, шипели станки, задыхаясь, целый день пыхтела пароотводная трубка, из машинного отделения истекал глухой, сердито [9] озабоченный гул. Петр чувствовал, что его схватили и кружат невидимые, но цепкие руки, чувствовал, как этот целодневный шум и гул, наполняя голову его, родит там бесконечную цепь дум, захватывает все его существо, не оставляя ни времени, ни места для каких-то других, подавленных, неясных мыслей.

Иногда, усталый от забот, видя себя плененным [10] их тучею, он ощущал что-то робкое, неясное [11], но враждебное им, и однажды при Алексее сказал, смутно вспоминая чью-то мысль [12]:

— Говорится: «Дело — не медведь, в лес не уйдет». Глупо говорят. Дело и есть медведь, уходить ему незачем [13], некуда. Оно облапило и держит. Дело — не медведь, а барин [14], вот что!

Алексей, изумленно приподняв брови, посмотрел на него и, хлопнув себя по коленям, засмеялся, восклицая:

— Эк ты вызвонил? Чудак...

А жена его тоже улыбнулась, говоря [15]:

— Вы еще скажите: дело — болезнь!

Петр смутился, немножко обиженный, он особенно не любил, когда Ольга вышучивала [16] его, хотя она всегда делала это дружески и ласково. Ему и самому не понравилось [17] сказанное его [18] языком:

«Что это я? Откуда у меня это?»— подумал он, нахмурясь, щупая ухо, чувствуя, что сказал [19], хотя и случайно, что-то чужое, но — опасное, ненужное ему.

---

[1] более [2] по песку [3] свой сухой, золотистый [4] *Далее*: их [5] ст‹екла?› [6] *Далее*: т‹емнел?› [7] *Далее*: становясь постепенно [более] плодородной землей [8] удобряли [9] сердитый [10] [плен‹ным›] [невольником] плененным, как [11] и смутное [12] вспомнив чьи-то слова [13] зач‹ем› [14] *Далее*: наш [15] улыбаясь, сказала [16] высмеивала [17] не понравились [18] им [19] *Далее*: что-то

А всё-таки хотелось найти в себе место для других дум и забот, вне большого [1], но ограниченного круга забот о деле [2], хотелось прижаться хоть маленькой частью души к чему-то [3] иному. Он любил сына, но любовь эта покрылась тенью, опустилась глубже под тяжестью случая с мальчишкой Никоновым, и, глядя на сына, он иногда чувствовал потребность сказать [4] ему о действительной причине смерти его товарища [5]: «Вот [6] что я сделал по [7] любви к тебе, из боязни за тебя!»

Он не скрывал от себя, что боязнь придумана [8] им, что она явилась за минуту до убийства мальчика, но понимал [9], что эта боязнь лучше оправдывает его. У него даже явилась странная мысль: то или другое, раньше или теперь, но он должен был сделать из любви к Илье [10] что-то необыкновенное, [11] чтоб закрепить сердце сына за собою [12] на всю свою жизнь [13], создать иные отношения, не те, какие были у него с покойным отцом. [14]

«Надо, чтоб он, когда вырастет, вошел в дело не так, как я: впрягли — и повез»,— думал он. Но, разговаривая [15] с Ильею, он боялся даже вспоминать о Никонове, чтоб как-либо неосторожно не проговориться о преступлении, которому [16] он хотел бы придать облик подвига. Он видел, что сын растет быстро, [17] но как-то в сторону.

«Такой возраст,— утешал себя Петр,— старше будет — выправится».

Он стал ровнее [18], мягче говорил с матерью, не так часто, как раньше, обижал брата, тоже [19] гимназиста, но он как бы не замечал [20] сестру, и чувствовался в нем какой-то задумчивый холодок. Один глаз у него стал как будто меньше, может быть, потому [21], что Илья прищуривал его. Теперь [22] место Павла Никонова занял сын Алексея. [23] Братья были почти неразлучны, вместе гуляли, разговаривая о чем-то, размахивая руками, вместе читали, сидя в беседке. Платон собирал цветы, травы и [24] сушил их между листами

---

[1] *Далее*: круга [2] фабрике [3] зацепиться душою за что-то [4] [говоря с Ильей, он боялся неосторожно намекнуть] [он] ему иногда хотелось сказать [5] *Далее*: даже чувствовал потребность прямо сказать [6] *Далее*: [смотри] слушай [7] из [8] приду‹мана› [9] но так думать было [10] сыну [11] *Далее*: на [12] *Далее*: навсегда [13] *Далее*: чтоб [14] *Далее*: [Но он боялся даже не Н‹иконова›] Присматриваясь к Илье во время каникул, он видел [15] разговаривал [16] которое [17] *Далее*: серьезно [18] [бы‹л›] стал вежлив, внимателен [19] уже [20] и не так высмеивал [21] оттого [22] *Далее*: он почти неразлучно гулял с двоюродным братом, Приезжим, который [занял] [23] *Далее*: [П‹риезжий›] Этот Приезжий, [он] тоже, подражая матери, [нацеп‹ив›ил] надел на большой нос свой золотые [круглые] выпуклые очки, [точно] в очках глаза его стали круглыми, [как] точно у совенка. [24] *Далее*: как барышня

бумаги, Илья помогал ему в этом. У Ильи [1] не хватало времени для отца и домашних, он почти не жил в доме, а — мелькал; мелькнет утром за часм и уходит в город к дяде илп в лес с Платоном [2]. К ним часто приходил из города вихрастый черный мальчишка Горицветов [3]. Левая рука его была сломана в плече, до локтя прижата к боку, двигалась только от локтя к пальцам, но двигалась бойко, цепко. И весь он, маленький, колючий, точно [4] репейник, пронырлив, ходил некрасиво, виляющей походкой, черненькие глазки его были насмешливо вывихнуты [5].

— Охота тебе дружиться с таким [6] жиденком,— брезгливо заметила [7] Наталья сыну; Петр увидал [8], что тонко вычерченные брови Ильи вздрогнули [9].

— Жиденок — обидное слово, мамаша. Яков [10] — сын сельского учителя, двоюродный племянник отца Глеба, один из лучших учеников у нас.

Мать пренебрежительно оттопырила губу, фыркнула.

— Жиды — ловкие, они везде вперед лезут.

— Откуда вы знаете это?— не уступал сын.— В городе [11] четыре еврея: аптекарь, двое портных, оба рабочие, часовщик. . .

— Да сорок жиденят.

Илья повторил серьезно с обидной настойчивостью:

— Жиденята — плохое [12] слово, мамаша.

Мать [13], сочтя себя оскорбленной, стукнула [14] чайной чашкой по блюдечку и закричала:

— Да что ты меня учишь? Глядите-ка, учитель приехал! Не знаю я что ли, как надо говорить? [15]

— Ну, довольно!— строго вмешался Петр.— Ты, Илья, не маленький, должен знать: [16] и курица утенка высиживает. Обличье у приятеля... не русское.

Илья, дернув плечом [17], замолчал, но мать еще долго, хотя всё тише, ворчала, жалуясь на непочтительность детей, а Петр [18] уже не впервые слышал в ее словах [19], что она боится сына, как раньше

---

[1] У него [2] вдвоем с братом, а иногда втроем: с ними шел племянник попа Глеба, маленький [3] *Далее*: похожий на жиденка. *Далее*: [— Худеешь ты,— говорил Петр сыну за чаем, за обедом:— Трудно учиться? — Нелегко.] За утренним чаем Петр пробовал *Фраза*: Левая рука ∾ насмешливо вывихнуты — *вставка на полях, перечеркнутая наискось голубым карандашом.* [4] *Далее*: как [5] виляющий, с насмешливыми черными глаза‹ми› был [неп‹риятен›], цепок [6] этим [7] [заметила] сказала [8] заметил [9] *Далее*: и не по возрасту серьезно [он по‹смотрел?›] он сказал [10] Гори‹цветов› — пл‹емянник?› [11] *Далее*: у нас [12] обидное [13] Тогда мать [14] стукнув [15] *Далее*: Наталья прозвала его жиденком [16] *Далее*: всё бывает [17] дернул плеч‹ом› [18] *Далее*: слу‹шал› [19] речах

боялась керосиновых ламп [1], а недавно — затейливого кофейника подаренного ей Ольгой; она долго не могла привыкнуть к нему, отходила от стола, когда он закипал, и кричала матери: [3]

— Ах, не стойте около стола [4] с Таней, взорвет кофейник, обварит ее!

Нечто подобное [5] смешному страху жены пред сыном ощущал пред ним и сам Петр [6]. Непонятен был юноша, все трое они были непонятны.

Что интересного, что веселого находили они в глупой болтовне Тихона, сидя с ним после ужина у ворот, на лавочке? [7]

— Нет,— говорил [8] дворник, [9] — нет, это не так. Меньше несешь — легче [10] идешь. И насчет углов — не так. Какие углы в небе [11]? Стен в небе нету [12].

Гимназисты [13] дружно хохотали,— Илья смеялся очень мягко, бархатисто, но немного, Платон сухо, [14] едко, а Горицветов — громче их и всегда [15] сразу решительно обрывал свой смех.

— Не ладно учат вас [16],— бормотал Тихон, [17] — не тому учат. Учить надобно про человека.

В ночной темноте дети казались еще меньше и незначительнее, чем при свете дня, а Тихон в тулупе и [18] шапке как-то распухал, расползался. И говорил еще глупее, досаднее, чем днем [19].

Недели каникул пробегали неуловимо [20] быстро, вот уже сын [21] собирается уезжать; накануне отъезда [22] устраивали проводы, отец и мать давал⟨и⟩ Илье различные житейские советы, [23] мать говорила многословно, Петр — кратко и всегда чувствовал, что говорит не то [24], что надо. А провожая почтовых лошадей, уносивших сына в облаке пыли, соображал: «Вот о чем надо было сказать. Вот как. Забыл!»

---

[1] как боятся непонятного [2] *Далее*: опасаясь, что кофейник взорв⟨ется⟩ [3] *Далее*: — Мамаша, отойдите [4] него [5] *Далее*: этому [6] и сам Петр пред ним [7] *Далее*: — Стена, стень, тень,— значит тьма,— [бормотал] увещевал дворник.— Стало быть, где стена — там тьма, а вы мне говорите — углы. В небе углов нет. А — вращается — значит: врет. Правда никуда не вращается, она камнем вросла. [8] спокойно гово⟨рил⟩ [9] *Далее*: эт⟨о⟩ [10] скорее [11] *Далее*: в небе углов нет. Угол там. [12] *Далее*: [уж] Там стен [13] [они] И гимназисты [14] *Далее*: и [15] громче всех, заливисто, но как-то [16] Вращается [17] *Далее*: погодите, узнаете! Каин жив! Он живехонек. От него и затмение, тень — значит — затмение. Вращается! [18] *Далее*: мехо⟨вой⟩ [19] *Текст*: Охота тебе дружиться ∾ досаднее, чем днем. — *вставка на двух листах из блокнота.* [20] незаметно [21] *Далее*: торопливо [22] *Далее*: ему [23] *Далее*: Петр говорил [Илье] напутствие ему [24] думал не о том, что говорит

И, думая, понимая, что для того, что надо было сказать, у него нет слов, нет храбрости, да, наконец, что же надо сказать? Что он, отец, одинок, что ему скучно жить в комариной туче однообразных забот [1]?

Он усмехался, зная, что таких вещей не говорят мальчикам. Ему так хотелось испытать [2] что-нибудь не похожее на всё [3] обыкновенное и неизбежное [4], как снег, дождь, грязь, зной, пыль, что он бы наконец нашел для себя нечто [5].

В глухом лесном углу уезда его внезапно захватила июньская гроза с градом, с оглушающим треском грома и судорожными взрывами неба под ударами [6] молний. По узкой лесной дороге, неразличимо во тьме, хлынул поток воды [7]; земля под шарабаном и под ногами испуганных лошадей растаяла, потекла, заливая колеса [8] до высоты осей. Особенно жутко было [9], когда синий огонь на секунду грозно освещал мутное [10] кипение расплавленной земли, а с боков, из мокрой тьмы, сквозь стеклянную [11] сеть дождя вздымались [12] черные деревья, точно подпрыгивая от страха. Невидимые лошади остановились [13], фыркая, хлюпая копытами по воде, толстый [14] кучер Аким, кроткий человек, ласково, но робко, вполголоса просил их:

— Но, милые, потихоньку! Но-о...

Град, наполнив лес холодным шумом, просыпался быстро, но его сменил густой ливень [15], дробно охлестывая лес миллионами тяжелых капель, наполняя тьму яростным и непрерывным воем. [16] Аким слез во тьму, погрузился в нее и повел лошадей [17], крича:

— К Ситкиным надо проситься, тут [18] недалеко бедные господа... [19]

И вот Петр Ар⟨тамонов⟩, с ног до головы одетый в чужое платье, туго обтянутый им, сконфуженно, боясь пошевелиться, сидит, как во сне, у стола среди [20] теплой комнаты [21] в сухом приятном полумраке. На столе добродушно шумит никелированный самовар, яркая [22] лампа под белым [23] абажуром освещает большой фарфоровый

---

[1] что ему, отцу, скучно в заботах [2] [ввести в однообразие своей жизни] ввести в свою жизнь другое [3] [привычное однообразие] [то, чем] [к чему он привык] [как и чего и] [4] что было так же обыкновенно, неизбежно [5] его потребность испытать [что-то] неиспытанное [был⟨а⟩] так разрослась, что он наконец нашел [6] *Далее*: синих [7] во тьме хлынула вода [8] *Далее*: по сп⟨ицы⟩ [9] *Далее*: в [10] мутную [11] *Далее*: мутную [12] *Далее*: вверх [13] не шли [14] *Далее*: кроткий [15] *Далее*: и под его покровом [16] *Далее*: [Пос⟨ле⟩] [Пок⟨а⟩] [17] [ведя] и повел лошадей, под [18] *Далее*: есть [19] *Далее*: Он был человеком этого места, но всё-таки заплутался, поехал пашней, сломал колесо [20] *Далее*: большой [ярко] ослепительно [21] *Далее*: наполне⟨нной⟩ [22] большая [23] зеленым

стакан чая [1], налитого Петру [2], хрустальные вазы с домашним печеньем, маленькую девочку [3] с зеленым козырьком над глазами, с улыбкой на красивых губах и, у самовара, высокую тонкую женщину в темно-красном [4] платье, в чалме волнистых светлых волос; она голубоглазая, лицо у нее доброе, задумчивое.

В молодости, разъезжая с отцом по уезду, скупая лен [5], Петр часто бывал в барских домах, но [6] ничего особенного не замечал в них, только чувствовал [7] некоторое стеснение от людей и вещей, но в этом доме ничто не стесняло, ласкало глаза что-то неуловимое, но именно особенное.

Комната была невелика, тесно заставлена вещами, но все вещи [8] точно вросли в нее, родились с нею, а в то же время каждая жила отдельно, и что-то говорила о себе так же, как три картины на стенах; на картине [9] против Петра бешено скакал по узкому мосту человек на белом коне, догоняя полуголую женщину [10]. Было удивительно уютно, и, точно задумчивая песня, как будто издали доходя, звучал грудной голос хозяйки:

— Брат ваш — человек такой живой, веселый, самобытный [11].

Петр [12] вздохнул.

Стеклянная дверь с полукругом из разноцветных стекол над нею осторожно открылась, вошел толстый [13] бородатый человек, приятно похожий на купца, хрипя, задыхаясь, он сказал, протянув Петру опухшие пальцы:

— Александр Павлов Сниткин.

Тяжело опустился в кресло рядом с девочкой, покрыл бородою голову ее, громко чмокнул и заговорил, точно с горы поехал:

— Алексей Ильич? Это — козырь [14]. Да, да, брат ваш — человек, у которого очень, очень развито чутье времени. Он знает, что нужно делать, он знает!

Дыша тяжело и шумно, повторяя слова, он говорил с той жадностью, с какой голодный ест. Петр предпочел бы слушать голос жены его. Из всех слов этого человека он понял лишь одно: барин [15] порицает помещиков [16] и хвалит купцов за то, что они строят фабрики и понимают задачу Петра Великого лучше, чем дворянство.

---

[1] хорошую посуду [2] ему [3] высокую, тонкую девушку [4] красноватом [5] [скупая] покупая лен [6] *Далее*: никогда [7] а здесь сразу п⟨очувствовал?⟩ [8] *Далее*: в [9] *Далее*: у [10] полуодетую женщину; женщина катилась, стоя одною ногою на колесе, а [11] [Брат ваш несо⟨мненно⟩] Брата вашего мы знаем, он бывал у нас и очень подружился с моим мужем. Он интересный. [12] *Далее*: молча [13] большой [14] Говорите об Алексее Ильиче? Это — [не люб⟨итель⟩] [крупный] козырь [15] человек этот [16] дворянство

О задаче императора [1], тезки своего, Петр Арт⟨амонов⟩ ничего не знал, и опасливо подумал: «Наболтал ему, напутал Алексей чего-то».

Барин показался ему жалким и смешным, но, переночевав, он уехал [2], бережно увозя с собою впечатление необыкновенно ласкового уюта, образ голубоглазой ласковой барыни [3], которая устроила этот уют, и память о ее густом голосе. Плывя в шарабане по лужам, [4] которые безразлично отражали то золото солнца [5], то грязные клочья изорванных ветром облаков, он думал: «Эдаким голосом глупости не скажешь. Наверно [6] — скучно ей с таким-то мужем. И девочка у нее умная».

Утром, когда горничная позвала его к чаю, он застал девочку рисующей цветы. Комната показалась ему еще красивее [7], все было в ней [8] заметно, жило дружно, одно, скромно прячась, выдвигало другое, и казалось, что рояль, картины, шкаф с фарфором и другой, со старым серебром, даже три иконы в углу — всё вызывало похвалу [9]. Девочке он сказал:

— Для барышни цветы — самое подходящее.

— Почему?— спросила она, смутив его.

— Так уж. Вот и на картине девушки в цветах.

Она стала рассказывать ему о картинах, называя чьи-то странно звучавшие имена, потом сказала:

— Я очень люблю рисовать, но вот заболели глаза.

— Лечить надо,— посоветовал он [10].

Объехав уезд, он снова по пути домой заглянул в эту усадьбу, приютившуюся на берегу зеленой лесной [11] речки, против [12] маленькой деревни, прижавшейся к сосновому бору.

— Забыл спросить, нет ли у вас льна?— сказал он хозяйке; улыбаясь, она ответила:

— У нас и земли нет, мы не хозяйствуем.

Снова он слушал бесконечные, мало понятные речи ее мужа и думал: «Как хорошо устроилась...»

Дома он [13] не сказал жене о своем знакомстве и почему-то скрыл его [14] от Алексея; тем более неловко стало ему через несколько недель, когда [15], придя к брату, он увидал барыню [16] рядом с Ольгой [17] на диване.

---

[1] *Далее*: Петра [2] он утром уехал, не прости⟨вшись⟩ [3] необыкновенного уюта, ласковой тишины и образ жен⟨щины⟩ [4] *Далее*: в [5] лучей солнца [6] Поди [7] лучше [8] *Далее*: скромно и певуче, всё ласкало глаза, как будто [9] всё здесь хотело, чтоб о нем говорили [спрашивали] с похвалой [10] *Далее*: и [ему показалось], кажется, удивил девочку этим [11] речной [12] *Далее*: дерев⟨ни?⟩ [13] *Далее*: почему-то [14] *Далее*: и [15] когда еще [ле⟨том⟩] осенью [16] Веру Николаевну [17] *Далее*: [и] чинная Сниткина была в трауре

— Знакомься,— толкнул его брат к дивану,— Вера Николавна, чудеснейший человек.

— Мы уже знакомы,— протягивая Петру руку, улыбаясь [1]

— Э-э, ты что же [2] это не сказал.

Чувствуя, что у него необъяснимо [3] шевелятся волосы бороды, Петр, дернув себя за ухо, ответил [4]:

— Я — забыл.

Женщины [5] над чем-то дружно рассмеялись, а брат [6], вытаращив глаза, бесстыдно указывая на него пальцем, кричал:

— Смотрите — покраснел! Да-а [7], ты, дитятко, ловко ответил! Забыл, а? Да разве эдакую даму, раз увидев, можно забыть?

Петр [8] кивнул головою, но, убоясь, чтоб это не поняли, как его согласие с восторгом брата, снова дернул себя за ухо.

— Уши у него чешутся [9],— издевался Алексей, а эта необыкновенная женщина все улыбалась доброй улыбкой.

Потом [10] пили мед со льдом [11] из высоких граненых бокалов, мед привезла в подарок Ольге Вера [12]; он был [13] золотист, как янтарь [14], весело пощипывал язык [15], подсказывал Петру какие-то очень бойкие, хорошие слова, но их некуда было вставить [16], брат, не умолкая, трещал:

— Нет, Вера Ник⟨олаевна⟩, вы не торопитесь, погодите! Это надо любителю продать. Я — поищу любителя тишины. А [17] наш брат что вам даст? Земли у вас нет, лесу — мало, да и — плохой, да и — кому здесь лес нужен, кроме птиц, зайцев?

— Что это — продавать?— спросил Петр беспокойно.

— Вот, усадьбу свою продают.

Петр угрюмо сказал:

— Продавать — нельзя.

Алексей [18] удивленно взглянул [19] на него, Вера спросила:

— Почему же?

Петру не нравился [20] внимательный взгляд Ольги и трепет ее губ, как бы не смевших улыбнуться, еще более угрюмо [21] и мрачно он спросил:

— Зачем же продавать?

Тогда помещица кратко и просто рассказала ему, что муж ее опасно болен, его надобно везти лечить за границу, это стоит боль-

---

[1] *Фраза не закончена* [2] когда ж [3] странно [4] ловко ответил [5] Обе женщины [6] *Далее*: удивленно [7] Ах [8] *Далее*: утвердительно [9] *Далее*: опят⟨ь⟩ [10] *Далее*: ели арбуз [11] ледяной мед [12] [мед] его превосходно варила Ольга [13] *Далее*: прозрачен и [14] ро⟨м⟩ [15] и весело [щи⟨пал⟩] пощипывая рот [16] *Далее*: не [17] *Далее*: так — что [18] Все [19] замолчал [20] нравились [21] мра⟨чно⟩

ших денег, а денег у них нет. То, что толстый бородач болен опасно, понравилось Петру, но вслед за тем [1], ⟨вспомнив⟩ тихий лесной угол, старенький [2], осевший к земле дом и уютную комнату [3] с девочкой у окна, [4] искусно рисовавшей цветы, он почувствовал что-то близкое обиде, как будто против его желания [5] хотели продать имущество, принадлежащее ему.

Но когда брат [6] отвел его в сторону от женщин и, тихонько сказав, что ему жалко эту барыню и что он думает дать ей нужные полторы тысячи под залог вещей, Петр очень решительно сказал:

— Не давай.

— Почему? Я — не проиграю, я научился узнавать вещам цену, будь спокоен!

— Не давай.

— Да — почему? Это они цены вещам не знают, а я приеду со знатоком, с оценщиком. Я присматривался, прикидывал, у них в доме, по скупому счету, тысяч на пять.

Петр отрицательно мотал головою, не зная, что возразить. Возразить очень хотелось. Неожиданно [7] для себя, он сказал:

— Пополам [8].

— Чего — пополам?

— Денег дадим: я [9] половину и ты. [10]

Усмехаясь, брат поглядел на него.

— Чудить начинаешь.

— Пора пришла, значит,— громко сказал Петр. Ему захотелось [11] говорить обо всём громко и властно.

— Ну, что ж,— задумчиво покручивая бородку, проговорил Алексей,— дело доброе!

Петр не чувствовал, что сделал доброе дело, но [12] подумал, что им сделано дело хорошее: он купил и подарил себе угол для отдыха души.

Он выучился мечтать; мысленно он ставил эту женщину рядом с собою, и тотчас же возникала пред ним жизнь [13] удивительно легкая, уютная, [14] красивая внешне и приятно тихая внутренно [15],

---

[1] *Далее*: у него [2] этот старенький [3] эту ко⟨мнату⟩ [4] *Далее*: ри⟨совавшей?⟩ [5] воли [6] Алексей [7] Но неожиданно [8] *Далее*: дадим [9] ты [10] *Далее*: Под заклад. [11] Ему вообще хотелось [12] *Далее*: зная, что он сделал [13] новая жизнь [14] полная [15] *Далее*: [жизнь без забот о деле, без раздражения на людей, без зависимости от них. Он видел себя счастливым, точно кот на теплой лежанке] жизнь кота на теплой лежанке, [кот на] без утомительных забот [о деле] и вне фабрики, без необходимости ежедневно видеть десятки ленивых, пьяных, раздражающих людей, всегда чем-то недовольных

без необходимости ежедневно видеть десятки нерадивых, пьяных, раздраженных людей, всегда чем-то недовольные, они то кричали, жаловались, то лгали, стараясь обмануть, [1] их назойливая лесть [2] раздражала так же, как плохо скрытая, но всё растущая злоба. [3] Он легко создал [4] картину жизни вне всего этого, он видел себя чем-то подобным [5] большому, сытому коту, ему тепло, хозяйка любит его [6], охотно ласкает, и больше ничего не нужно. Ничего.

Вот он идет гулять с нею и гуляет, ни о чем не думая, только любуясь [7] зелеными тенями деревьев, смешно отраженных в реке вниз вершинами, вот, зимним вечером, он с нею играет в карты или сидит за столом у самовара, а она рассказывает ему необыкновенное, но понятное. Он много придумал и придумывал всё больше таких картин, и как раньше Павел Никонов был [8] для него темной точкой, [9] вокруг которой собиралось всё тяжелое, неприятное, так теперь В⟨ера⟩ Н⟨иколаевна⟩ стала магнитом, [10] притягивающим к себе всё хорошее [11]. Он не испытывал вожделения к ней, в мечтах она являлась [12] как бы бесплотной. [13]

Он отказался от приглашения брата ехать [14] с ним и каким-то хитрым старичком в очках [15] оценивать вещи, но когда Алексей вернулся с ярмарки, предложил ему [16]:

— Продай мне закладную Ситкиной.

Алексей долго не соглашался, назойливо выспрашивал, зачем [17] это нужно, удивлялся упрямству Петра, наконец, сказал:

— Послушай, чёрт, ведь мне невыгодно это! Заплатить ей нечем, вещи будут наши, а цена им — большая. Понял?

Петр понял и спросил:

— Сколько придачи?

Когда сторговались, брат тоже спросил его, подмигнув:

— Наталье — не говорить?

— Твое дело.

Задумчиво глядя на него, Алексей сказал:

— Жена думает, что ты влюбился в Ситкину.

— А это — мое дело.

---

[1] *Далее*: льстили [2] *Далее*: была так [3] *Далее*: [Ему — казалось, что около этой женщины] [Теперь он видел возможность] У него явилась [4] *Далее*: себе [5] похожим [6] [его любит хозяйка] и кото⟨рый⟩ любим и [7] *Далее*: зи⟨мним?⟩ [8] *Далее*: то⟨чкой?⟩ [9] *Далее*: [вокруг которой] [которая стягивала [к] всё] магнитом [10] *Далее*: око⟨ло⟩ [11] *Далее*: всё [12] сначала она бы⟨ла⟩ [13] *Текст*: Он выучился мечтать ∾ как бы бесплотной.— *вставка на листе из блокнота. Отрывок этого текста*: вот зимним вечером ∾ она являлась как бы бесплотной.— *перечеркнут наискось синим карандашом.* [14] поехать [15] *Далее*: в [16] он купил у него закладную [17] *Далее*: ему

— В эти, в наши года почти все шалят — и мужчины и женщины.

— Я не шалю [1],— грубо и сердито ответил [2] Петр.— Тут — другое. Ты меня не трогай.

После этого он заметил, что Ольга стала говорить с ним еще более дружелюбно, чем прежде, но как-то жалостливо, это [3] не понравилось ему, и осенним вечером, сидя с нею, он спросил:

— Тебе муж плел [4] чего-нибудь насчет Ситкиной?

— Говорил. Дальше меня это не пойдет.

— Оно никуда не пойдет,— сказал Артам⟨онов⟩, решительно стукнув кулаком по столу.— Оно со мной останется. Тебе этого не понять. Ты только ей не говори ничего — ладно?

Но когда Ситкина вернулась [5] с дочерью, оставив мужа на одном из заграничных кладбищ, при первой же встрече с нею П⟨етр⟩ почувствовал себя ошеломленным. [6] Он увидел ее у постели вдруг заболевшей [7] Ольги; наклоняясь над тазом, она смачивала полотенце водою, прикладывала его на голову больной [8] и разгибалась, стройная, с небольшими, по-девичьи выпуклыми грудями; [9] одетая в черное [10], она была непобедимо соблазнительна [11], она стала выше, тоньше, барственнее, ее голубые глаза потемнели, а высокий крутой лоб стал белей.

Стоя у двери, Ар⟨тамонов⟩ молча исподлобья смотрел на нее [12], вдруг окутанный темным и жарким туманом желания. В ответ на ее приветствие, он молча наклонил голову, быком прошел к окну и сел там, с трудом спросив:

— Что ж это ты, Ольга? [13]

Впервые [14] на него так сокрушительно и неотразимо действовала женщина, [15] это [16] испугало его, он смутно сознавал, что тут есть

---

[1] шуч⟨у⟩ [2] сказ⟨ал⟩ [3] *Далее*: бы⟨ло⟩ [4] не плел [5] *Далее*: зимой [6] *Далее*: В траурном платье она стала еще выше, тоньше и барственнее, ее голубые глаза потемнели, [лицо стало почему-то смуглей] а крутой лоб белее. Петр почувствовал вожделение к ней в тот момент, когда, войдя в прихожую, она столкнулась с ним в двери комнаты. Вожделение ср⟨азу⟩ [7] больной [8] на грудь Ольги [9] *Далее*: Их туго обтягивала узкая черная кофточка, и вся она в черном [10] В трауре [11] *Далее*: как сам грех [12] *Далее*: точно ошеломленный [13] *Далее*: [Нехорош⟨о⟩] Сквозь физиологическое возбуждение он чувствовал испуг, непонятный ему [14] За всю жизнь [15] *Далее*: и как всегда, в моменты [так⟨их⟩] сильных потрясений, он чувствовал себя [так же] на краю черной [опа⟨сности⟩] ямы, как в ночь покушения Ник⟨иты⟩ на самоубийство, как в час убийства Павла Никонова. Сходство этих трех моментов было ясно ему, и тем более был страшен третий. [16] и это даже

что-то опасное. Послав своего кучера за доктором, он тотчас же ушел пешком по дороге на фабрику.

Был февраль, [1] оттепель угрожала вьюгой, серенький густой туман висел над землей, скрывая небо, сузив пространство до размеров [2] опрокинутой чаши, из которой лениво текла сырая [3] холодная пыль, она тяжело оседала на волосах бороды. Арт⟨амонов⟩ шел по рыхлому снегу, глядя под ноги себе, чувствуя себя так же нехорошо, как в ночь покушения Ник⟨иты⟩ на самоубийство и в час смерти Павла Никонова. Сходство тяжести этих трех моментов было ясно ему, тем более [4] страшным казался третий. И было ясно, что он никогда не сумеет сделать [5] барыню своей любовницей, а [6] пробуя достичь этого, потеряет возможность прятать себя от жены и дела, от всего, что надоедает, в картинах выдуманной милой ему [7] жизни. Он уже и в тот час видел, что влечение к Прокторовой [8] темнит и ломает его мечты. К тому же Петр [Артамонов] [9] слишком хорошо знал, что такое жена, и у него не было причин [10] думать, что любовница может быть чем-то или как-то лучше женщины [11], чьи пресные, обязательные ласки давно уже почти не волновали его. [12]

«Наваждение. [13] Чего надо? Блуда?» — спрашивал он себя. И уговаривал: «Жена есть, блуди с женой».

Всегда в часы [14], когда ему угрожало что-либо [15], он ощущал напряженное стремление [16], как только можно скорей перешагнуть через опасность [17], оставить ее сзади себя и не оглядываться назад. Стоять пред чем-то непонятным и угрожающим [18] — это то же самое, что идти ночью по рыхлому весеннему льду над глубокой рекою, еще шаг и — погибнешь, этот ужас [19] он испытал, будучи подростком, и хорошо, всем телом, помнил его. Но теперь он понимал, что ему надо перешагнуть через себя, [20] а как это делается?

Через несколько дней, прожитых в тяжелом отупении, он рано утром вышел [21] на двор и увидал, что цепная собака Тулун лежит на снегу с разбитым черепом; было еще так сумрачно, что кровь казалась черной, точно смола. Он вошел в сторожку Тихона, дворник пил чай, держа блюдечко на пяти растопыренных пальцах.

---

[1] *Далее*: стояла [2] *Далее*: большой [3] сыпа⟨лась⟩ мокрая [4] и тем более [5] *Далее*: эту [6] *Далее*: если [7] надоедает ему, в мечтах и картинах легкой, милой сердцу [8] С⟨ниткиной⟩ [9] Он [10] оснований [11] жены [12] *Далее*: Несколько дней он прожил [в угрюмом] [угрюмо и молча] [точно опускаясь в темноту, пуст⟨оту⟩], точно опускаясь в погреб [13] *Далее*: Блуд. [14] Как всегда в мо⟨менты⟩ [15] что-то [16] *Далее*: во⟨зможно?⟩ [17] несчастье?⟩ [18] *Далее*: [не чувствуя себя] [чувствуя себя не в си⟨лах⟩] не думая о нем [19] ужас такого [20] *Далее*: и не [21] он вы⟨шел⟩ у⟨тром?⟩

— Доброго здоровья,— сказал он, не вставая.

— Кто убил собаку?

— Я.

— Зачем [1] это?

— Опять она человека [2] укусила. [3] И меня уж не подпускала.

— Зачем же убивать?

— Моя собака-то, я выкормил,— спокойно ответил дворник, приглаживая [4] курчавые волосы.

Петр хотел уйти, но остановился в двери [5].

— Кого укусила?

— Зинаиду, Серафимову дочь. [6]

Думая о чем-то, Ар⟨тамонов⟩ спросил:

— Жалко? Собаку [7]?

— А — как же? Мне его всегда было жалко. Беситься стал кобель, на цепи живя. Это и человек сбесится, если его на цепь...

— Верно,— согласился Ар⟨тамонов⟩ и вышел [8] во двор.

«Как иной раз верно он говорит — дурак. . .»

Подойдя к собаке, он пошевелил ногою мохнатый труп. Тулун как будто тоже пошевелил мордой [9] и взглянул выкатившимся красным глазом на ногу человека. Ар⟨тамонов⟩ [10] вздохнул, посмотрел вокруг [11] — в дальнем углу двора окно квартиры [12] Серафима, пристроенной к стене конюшни [13], было освещено желтым огнем. Ар⟨тамонов⟩ пошел на огонь, заглянул в окно [14].

Зинаида сидела у стола, шила что-то. Когда он вошел в комнату Серафима, она спросила сердито:

— Что скоро?

Но увидав хозяина, бросила шитье на стол, встала, прикрывая ладонью расстегнутую кофту, улыбнулась, весело говоря:

— Ой, господи! Я думала — отец, он в город пошел...

— Тебя, слышь, Тулун укусил? [15]

— Да ведь как!— вскричала она с удивлением и, поставив ногу на стул, приподняла подол юбки. Артам⟨онов⟩ [16] мельком взглянул на ногу, мелькнуло в глазах что-то белое, перевязанное у колена пестрым, он, пошатнувшись, подошел вплоть к девице, говоря:

— А зачем ты в такую рань по двору бегаешь? Зачем, а?

---

[1] По что [2] девку [3] *Далее*: [Настасью] Зинаидку Морозовых [4] *Далее*: поседевши⟨е⟩ [5] [но зачем-то спросил] что-то вспомнив, остановился у две⟨ри⟩ [6] *Далее*: Распутница... У всякого — свое назначение [7] Собаку-то [8] и ушел [9] хвостом [10] Т⟨ихон⟩ [11] *Далее*: желтый огонь [12] мастерской [13] камбару [14] [заглянул в] посмотрел в стекло и, выйдя со двора [15] *Далее*: спр⟨осил⟩ сердито и [16] *Далее*: не

Она вопросительно взглянула в лицо его, сильно дунув, погасила лампу и, выскользнув из рук его, сказала деловито:

— Дверь надо запереть.

Через полчаса он шел [1] на фабрику, [2] приятно опустошенный ее ласками, дергал себя за ухо, с изумлением вспоминая ее искусство, и усмехался,— ему казалось, что он кого-то очень ловко обманул. [3]

IV

Сначала распутство понравилось ему. Он вломился в разгульную жизнь фабричных девиц, как медведь на пасеку. Эта жизнь, превышая всё, что он знал и слышал о ней, удивила и смутила его [4] бесстыдством своей свободы, хвастливой наготою слов и чувств. Всё было [5] расстегнуто, задорно, развязано и показывалось [6] с вызывающей гордостью. Неутомимое буйство тела [7] Зинаида и три подруги ее называли любовью, произнося это слово и в песнях и в разговорах с жесткой [8], особенной силой; П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ [9] ясно слышал в слове этом [10] великую печаль, потом оно стало звучать [11] для него как угроза.

Он, конечно, давно уже знал, что аккуратный, чистенький Серафим устроил публичный дом для служащих в своей квартире, спрятанной за конюшнями, с выходом на берег реки, [12] знал, что служащие называют этот низенький [13] дом с крышей на один скат «Капкапом». Сам же Серафим называл его монастырем. Сидя в углу, у печи, на скамье, всегда веселый, говорливый, с гуслями на расшитом полотенце [14], перекинутом через плечо за шею, он, бойко вскидывая кудрявую головку, розовое личико, играл глазами, подмигивал и покрикивал [15]:

— Эх, монашенки,— веселись! Ведь это, Петр Ильич, монахини у меня,— ты что думаешь? Ведь они чёрту послух несут, а я у них будто настоятель и вроде попа [16] . . .

Побалагурив, он просил:

— Кинь трешницу на веселье жизни!

---

[1] *Далее*: огляды⟨ваясь⟩ [2] *Далее*: усмехаясь, крайне [удив⟨ленный⟩ искусством] дивясь искусству девицы [3] *Текст*: Зинаида сидела у стола ∾ он кого-то очень ловко обманул.— *вставка на листе из блокнота*. [4] *Далее*: своей [5] *Далее*: хвастливо [6] [откр⟨овенно⟩] и показывал⟨ось?⟩ [7] В буйстве [тела, кот⟨орое⟩] тела своего [8] какою-то [9] *Далее*: всегда [10] в силе этой [11] [но часто] до то⟨го⟩ оно звучало [12] *Далее*: [Две трети] [Треть] Две трети одноэтажного длинного сарая, занимала его мастерская [13] это одноэтажное [14] *Далее*: на груди [15] *Далее*: балагурил [16] арх⟨иерея⟩

Получив [1] деньги, разудало пел, подыгрывая на гуслях:

— Эх, сидит барыня в аду,
Просит жарсного льду. . .
Черти ее, глупую,
Кочергою щупают,
Раскаленной кочергой,
Она дрыгает ногой. . . [2]

И рассказывал бойко, складно:

— Это меня господа выучили, были [3] такие замечательные господа — Кутузовы, и был [4] господин Япушкин, рябой, великого безобразия наружности [5] и тоже горький пьяница, а — хитер. Притворялся бедным, ходил пешком, с коробом за плечами, мелочью торговал, будто офеня, а сам песни списывал, стишки, и за это ему памятник царь велел поставить, потому как он [6] открыл царю настоящее, что мужики [7] думают, и тогда царь дал народу волю, а ему — памятник, только сослал его, Япушкина [8], в Суздаль-монастырь, и велел [9] вином поить, сколько [10] хочет, потому что Япушкин этот [11] еще много знал тайностей про народ, ну, только царю они были невыгодны [12], и это требовалось загасить. . .

— Врешь ты что-то,— заметил Арт⟨амонов⟩.

— Кроме девок, никогда никому не врал,— это не мое рукоделье — врать,— говорил Серафим.— Я, хоть и веселый, ну [13] я серьезный! Ты вот, П⟨етр⟩ И⟨льич⟩, Тихона спроси,— он тоже серьезный — так он тебе про ученых господ верно скажет: у них — всё вращается.

Серафим поднял руку, описал пальцем над своей головою круг и, опустив ее, такой же круг очертил над полом:

— Понимаешь? С глузду съехали, сорвались. Они чему хочешь всякого научат, царя, мужика [14] — им всё равно. . .

Он знал бесконечно много историй о жизни господ [15], о их забавах и несчастиях, о разбойниках, ведьмах, о том, как огненные змеи летают по ночам к неутешным вдовам, о мужицких бунтах, и обо всем рассказывал весело, бойко и так интересно, что даже его неуемная дочь слушала его живые сказки молча [16], задумчиво, с жадностью ребенка в глазах.

В распутстве Зинаиды было нечто бешеное, [17] метельное, в крепком, горячем ненасытном теле ее точно вихрь метался и гудел,

---

[1] И получив [2] Черти барыню — смолой: «Пошто, стерва, была злой?» [3] были [4] *Далее*: тоже [5] лицом [6] *Далее*: на⟨род⟩ [7] народ [8] а самого Япушкина сослал [9] *Далее*: его [10] *Далее*: тот [11] он [12] это уж царю было невыгодно [13] *Далее*: однако [14] и царя, и мужика [15] о господа⟨х⟩ [16] замолчав [17] *Далее*: вихревое

вызывая судороги; она великолепно и бесстыдно плясала, а ее судорожные ласки нередко пугали Артамонова, и он понимал, почему дали прозвище «Насос» этой широконосой девице с большими, точно у коровы, глазами, влажный [1] взгляд которых требовательно присасывался к его лицу. [2] Он не однажды вспоминал клевету мальчишки Никонова, которая оказалась пророчеством, и думал, хмурясь: «Почему эту [3] девку и выбрал я?»

И тотчас думал [4] о сыне: «Не надо, чтоб он про это дело узнал. . .»

К ней приходили [5] подруги: толстая, скромная и бессловесная Дуня, «ни швец, ни жнец, ни ⟨в⟩ дуду игрец»,— говорил о ней Серафим; приходила капризная [6] Марина, очень красивая, тонкая, с чахоточным румянцем [7], глуховатым, невыразимо приятным голосом, но нехорошо, отталкивающе блестевшими глазами. Бывали и еще [8] две-три девицы; [9] конечно, на фабрике скоро стало известно, что хозяин «загулял» [10], но П⟨етр⟩ Артам⟨онов⟩ заметил, что это явно [11] улучшило отношение рабочих к нему, на него стали мягче смотреть и как будто ласковее кланяться ему.

Он [12] заметил также, [13] что Зинаида и подруги ее относятся к забавам своим, точно [14] к неизбежной повинности, как солдаты к своей службе, оттого у них и эта солдатская грубость, солдатское хвастовство. В сущности же [15], под распутством был неумело скрыт [16] деловитый расчет: у Зинаиды жадность к деньгам выражалась [17] гораздо более резко и отталкивающе [18], чем у ее отца, который тратил деньги на [19] сладкое вино «Тенериф»,— он почему-то называл [20] его «репным» вином [21],— на любимую им вареную колбасу с чесноком [22], на сдобные булки и мармелад. Этот забавный старичок, гибкий [23], ловкий, точно юноша, искуснейший столяр, влюбленный в свою работу, умел дружно жить [24] со своими подмастерьями и учениками, его, видимо, любили, на него никогда не жаловались [25], его даже прозвали «Утешитель», и Петр понимал, что в этом прозвище насмешки было меньше, чем правды.

---

[1] эту широконосую девицу [с коровьими] точно у коровы влаж⟨ными⟩ [2] *Далее*: прозвали [3] *Далее*: вот [4] вспоминал [5] *Далее*: две [6] *Далее*: крикливая [7] *Далее*: и гл⟨уховатым?⟩ [8] еще [9] *Далее*: Серафим, оберегая хозяина [10] «гу⟨ляет?⟩» [11] как б⟨удто?⟩ [12] Вскоре он [13] *Далее*: [а вскоре и убедился, что и] что Серафим, пожалуй, прав, говоря о «послухе» [14] *Далее*: [как] [расчетливо, деловито и точно к] в сущности [15] *Далее*: ясно [16] под всем их разгуло⟨м⟩ была неумело скрыта [17] была [18] [без⟨застенчиво⟩]явно [19] *Далее*: какое-то [20] которое он почему-то называл [21] *Далее*: и к котором⟨у⟩ [22] *Далее*: и [23] *Далее*: бойкий [24] умел быть настолько строгим [25] *Далее*: а

Неприятна была Петру дружба Серафима с Тихоном Вяловым, это [1] стало еще более неприятно после одного разговора, очень памятного. День [2] именин Вялова совпал с днем двадцатилетия службы Тихона; Наталья уговорила мужа отнести дворнику [3] подарки и денежную награду в сторожку его, для большего почета слуге.

— Ты — подумай: ведь работает, как лошадь, дурного слова никогда не слышно от него, не пьет. Редкий [4] человек! Почти его, почти!

Петр пошел неохотно. В сторожке сидел нарядный Серафим, Тихон встретил хозяина, смущенно глядя на его сапоги, он еще более согнулся [5], получив подарок,— сукно на поддевку и сто рублей, заворчал невнятно:

— Спасибо! Деньги-то [6] не надо бы...

И пригласил хозяина выпить «Тенерифа», подаренного ему Серафимом, который тотчас заблестел, осыпался бисером слов:

— Мы все, Петр Ильич, тобой довольны. [7] Ты — цену людям знаешь, и мы тебе — тоже! Мы понимаем: медведь любит мед, а кузнец железо кует, господа для нас медведи были, а ты — ты кузнец! Мы — видим: [8] дело у тебя большое, трудное.

Тут Вялов [9], осторожно поглаживая ладонью подарок,— сукно, лежавшее на коленях у него,— сказал, вздохнув:

— Дело — перила человеку. По краю ямы ходим, за перила держимся...

— Вот! [10] —закричал Серафим, чему-то радуясь.— Верно! А то бы упали...

— Ну, это — не так [11]! — сердито сказал П⟨етр⟩.— Это вы говорите зря. Потому что вы не хозяева.

Он не знал, не умел возразить более основательно и убедительно, его очень рассердили эти слова, напомнив, что Тих⟨он⟩ не впервые одевает ими [12] какую-то упрямую свою, темную и тревожную для хозяина мысль.

Серафим заговорил примирительно:

— Дела, конечно, разные: у одного — плохое, у другого — хорошее...

— Хорош нож, да горлу невтерпеж,— пробормотал Тихон.

Ар⟨тамонову⟩ захотелось обругать его, и, едва сдерживая гнев, он поспешил уйти [13].

---

[1] она [2] В день [3] [от⟨нести?⟩ в ст⟨орожку?⟩ его] ему [4] Очень праведный [5] ниже наклонился [6] Это [7] *Далее*: хозяин ты редкий [8] зн⟨аем⟩ [9] *Далее*: вздохнув [10] А вот [11] глупость [12] не впервые говорит [13] *Далее*: еще более не взлюбив Тихона, даже слова дворника

Забавляясь с дочерью Серафима, он не только забывал Веру [1], но стал мечтать о ней спокойнее, чище, думая о Зинаиде с усмешкой удивления, не лишенного брезгливости.

«Верно, что «Насос»! Выкачала из меня дрянь-то».

И снова усмехался отрадно, уже твердо зная: «Обманул». [2] Картины тихой уютной жизни теперь стали еще светлее, и еще более мил образ Веры Прокторовой [3]. Он встречал ее редко, хотя она стала чаще бывать в городе, всегда останавливаясь у Алексея, на чердаке, [4] в комнате, где Наталья жила [5] девушкой и где она страшно давно стала женою Петра [6]. В том, что Вера живет именно в этой комнате, Ар⟨тамонов⟩ видел что-то хорошее для себя, возвращавшее его к молодости, к памяти о первом ласковом годе жизни с женою.

Он почти испугался, когда [7] Прокторова сказала, что ищет для себя квартиру в городе.

— Продаете, значит, усадьбу?

— Необходимо. Я хочу открыть [8] прогимназию в городе.

— И вещи продаете?

Нахмурясь, она взглянула на него.

— Большую часть продам...

Арт⟨амонов⟩ отвернулся от нее и стал смотреть в окно, на пыльную улицу, на собаку, которая лежала у ворот на солнце, вертя головою, щелкая зубами, безуспешно ловила тени мух.

Через несколько дней Прок⟨торова⟩ пришла [9] к нему в контору и начала сухо говорить о закладной на вещи.

— Алексей Ильич сказал, что вы купили его часть закладной, так что я теперь должна [10] и с вами говорить о продаже их.

— Это пустяки,— пробормотал Петр, не глядя на нее.

Помолчав, она продолжала:

— Платить проценты вам... Но, видите ли, вещи стоят значительно дороже...

Петр Арт⟨амонов⟩, улыбаясь, взглянул на нее:

— Алексей сказал мне, что они вчетверо, впятеро дороже. Потому я и купил у него закладную с доплатой [11].

Он долго говорил ей что-то, что самому ему [12] было неясно, она слушала его молча, внимательно, потом ее лицо потемнело, прищурились глаза, и она невыносимо [13] оглушительно звонко сказала:

---

[1] *Далее*: Прокторову [2] И снова мысленно усмехался [еще более отрадно], уже твердо зная, что [он] обманул чёрта. [3] женщины [4] *Далее*: в бывшей [5] была [6] его [7] *Далее*: услышал [8] кажется, я откр⟨ою⟩ [9] он⟨а?⟩ явилась [10] *Далее*:— Купил. Ничего вы не должны [11] *Далее*: [ему]. Он — жадный, он ведь торгует вещами. А вы их не продавайте [12] чего и сам [13] *Далее*: звон⟨ко⟩

— Если я правильно поняла вас, вы хотите сделать мне подарок, да?

Видя, что она рассердилась, он молча кивнул головою, а женщина спросила с угрозой и точно задохнувшись:

— А как вы смеете?.. какое право имеете вы предлагать мне подарки?

— Никакого не имею,— негромко ответил Артамонов [1], до боли дергая себя за ухо, видя, что она встает, уходит, понимая, что он ее обидел чем-то. Он тоже встал и, когда она, взяв зонтик, хотела отворить дверь, вдруг сказал с горечью, отчаянием, точно прыгнув вслед за нею.

— Насплетничали вам про меня, наговорили, что я хочу пустить свою свинью в ваш огород.

Она быстро обернулась, гневно спросив, ударив зонтом в пол:

— Что, что вы сказали?

— Неверно это.

— Что — неверно?

— Всё. Всё как есть. Ничего вы не понимаете.

Он не видел ее лица, у него потемнело в глазах, видел только, как к нему приближалось большое, светлое пятно, подобное облаку. Он очень удивился, когда [2] увидел ее снова сидящей пред столом.

— Что — неверно? — требовательно спрашивала она.— Я ничего не понимаю. Объясните мне.

Положив обе ладони на стол и раздвигая руки так, как будто он плыл по воде, Петр сказал, глядя, как из-под рук [3] падают на пол бумаги.

— Не продавайте усадьбу. И вещи тоже продавать не надо. Пусть все так и живет, как есть.

— Почему?

Она [4] снова стукнула [5] зонтиком, и этот стук испугал Ар‹тамонова›, уцепившегося за какую-то ниточку, протянутую ему этой женщиной. И, качаясь на ниточке, он торопливо говорил [6]:

— Там, у вас, душа первый раз [7] спокойно уснула [8].

— Проснулась? [9]

— Вы привыкли, родились в этом, вам— всё равно... [10]

Она, не прерывая, слушала его до поры, пока у него не иссякли все слова, а [11] когда он замолчал, спросила удивленно: [12]

---

[1] сказал Артамонов негромко [2] *Далее*: протерев глаза [3] под руками его [4] Спросив, она [5] пристукнула [6] забормотал [7] моя душа вп‹ервые?› [8] *Далее*: Замечательно [9] *Далее*:— Всё равно [10] *Далее*: [а я человек дикий] неужели вам не жаль [11] и [12] *Далее*: Все-таки неясно. Если

— Вы хотите [1], чтоб я продала вещи вам,— так?

Он отрицательно мотнул [2] головою и тоже спросил:

— Неужели вам не жалко продавать?

— Конечно, жалко,— сказала она, снова вставая [3].— Можете вы объяснить более толково: чего вы хотите?

В ответ ей он снова заговорил о душе, [4] и ему показалось, что она поняла его, по крайней мере она подумала вслух, но негромко:

— Странный [5] человек...[6]

И протянула ему руку, говоря: [7]

— Отложим этот разговор...

— Не понимаете вы, как у вас хорошо там, не цените,— бормотал он, сжимая ее руку, и вдруг нашел [8] простые слова.— Мне,— мне вот и то обидно, что вы продаете! [9] Я потому и закладную выкупил у брата, чтоб он, по жадности,— он ведь жадноват,— не заторопил вас на продажу. А мне там у вас так понравилось...

Пожав плечами, она тихонько освободила руку из его пальцев, грустно усмехнулась:

— Что же делать? Для меня [10] необходимо перебраться в город. До свидания... [11]

Глядя [12] в окно, Ар⟨тамонов⟩ видел [13], что она идет очень медленно и оглядывается, как бы вспоминая, не забыла ли чего? Ему даже показалось, что вот сейчас она снова встанет пред ним и скажет что-то необыкновенное... Но она вышла за ворота.

Через час Ар⟨тамонов⟩, сидя за столом против Ольги, [14] прислушиваясь к шагам над его головою, тихонько говорил:

— Ты скажи ей так: я с нее денег не прошу. Какие это деньги? Ты скажи, чтоб она не беспокоилась, у меня никаких намерений нет и надежд [15] нет, ничего нет — поняла?

Так же тихо Ольга ответила [16]:

— Я-то, кажется, поняла, а она едва ли поймет.

— А ты так сделай, чтоб она. Что мне ты?

— Спасибо! — усмехаясь, поклонилась Ольга.

— Не шути. Внуши ей. [17]

И повторил [18], точно клятву, простые, грубые слова свои [19]:

---

[1] Вы про⟨сите?⟩ [2] *Далее*: — Нет. [3] *Далее*: Странный вы человек [4] *Далее*: о гнезде, о портрете, который вынули из рамы, отчего [5] *Далее*: вы [6] *Далее*: Надо кончить этот разговор [я отказываюсь] — нелегко понять вас [7] *Далее*: Я, кажется, обидела вас, простите! Но [8] ск⟨азал?⟩ [9] *Далее*: а вам-то [10] Мне [11] *Далее*: Вы⟨шла?⟩ [12] Он посмотрел [13] и видел [14] *Далее*: тихонько [15] надежды [16] сказала [17] *Далее*: Я от нее ничего не жду [18] и пр⟨оизнес?⟩ [19] свои грубые слова

— Мою свинью [1] в ее огороде я не надеюсь пасти, не ищу этого, — поняла?

— Ох, мужик! — вздохнув, сказала Ольга, но Петр, видя, как она сомнительно качает головою, почти крикнул:

— Ты — верь! Я знаю, что говорю...

— Ох, знаешь ли?

Охала она сочувственно ему, это он понимал; он видел, что глаза ее смотрят почти нежно [2], но это только сердило его.

Нужно [3] сказать ей что-то убедительное, он оглянулся, указал ей на подоконник, где среди мясистых листьев бегонии висели белые изящные кисти цветов [4], и сказал:

— Ты па окне цветок держишь [5], а я хочу — в душе — поняла?

Ольга нахмурилась, сложила руки на груди и спросила:

— Цветы ли, смотри, разводишь ты [6]?

И, подвинувшись к нему, она рассказала [7], что Наталья, зная о его возне со шпульницей, обиженно плачет, жалуется на него. [8] И, рассказав, добавила:

— Помнится, я когда-то сказала, что душа у тебя — приемыш. А теперь вот, глядя на тебя, думается мне: боишься ты души, как врага твоего [9].

Рассказ о жене [10] он выслушал молча, с досадой почесывая бороду, а последние слова Ольги обидно укололи его. Еще раз попросив Ольгу поговорить с Прокторовой, он сказал угрюмо: [11]

— Дерзко ты говоришь со мной — мальчишка я, что ли?

И ушел, задумавшись о жене. [12] Он давно уже не думал о ней и почти [13] не замечал ее [14], хотя она каждую ночь, помолясь, привычно, заученными движениями укладывалась под бок к нему. Он знал и помнил о ней всё, от минуты [15], когда она расстегивала верхнюю пуговицу кофты, до момента, когда стягивала чулки с ног своих, белых, как пшеничный хлеб, и заранее знал все слова, какие она может и хочет сказать ему. Она была знакомой тропой, по которой Петр, и ослепнув, прошел бы, не споткнувшись. Теперь, узнав, что ей всё известно о нем, он гневно думал: «Хитрая дура. Молчит. Ни словом не дала понять, что знает».

Но он вспомнил, что теща, медленно умиравшая, сидя в кресле, вся распухнув, с посиневшим, надутым лицом, смотрит на него

---

[1] [Свою свинью в] Свою [2] [не вес‹ело›] озабоченно [3] Нужно было [4] висе‹ли› в мясистых листьях [цветы] бегонии [5] цветы разводишь [6] *Далее*: в душе-то [7] сказ‹ала› [8] *Далее*: Ты [всё] часто о душе говоришь [9] как злой собаки [10] [О Наталье] О Наталье [11] *Далее*: с девкой этой [12] *Далее*: [В эти пьяные месяцы] Последние [13] как [14] *Далее*: даже спать часто уходил в сад, в беседку, да и она, казалось ему [15] момента

всё более жалобно; из ее когда-то красивых, а теперь жутко выкатившихся и мокрых глаз текут слезы, и, когда он проходит мимо ее, губы ее шевелятся так, как бы пытаясь заставить отнявшийся язык сказать что-то укоризненное. Но язык бессильно и немо вываливался изо рта, и Ульяна Баймакова [1] затискивала его в рот пальцем полуживой левой руки.

«Довольно,— твердо сказал он себе [2],— Наталье подарок привезу с Ярмарки. А то еще и В⟨ера⟩ Н⟨иколаевна⟩ узнает».

Он так и сделал, [3] сразу точно топором разрубив свою связь со шпульницей. Дал ей денег, она сосчитала их и, вздохнув, попросила:

— Ты бы, Петр Ильич, сделал старшим Василия Седова [4], а?

— Молод.

— Так ведь работник какой! И [5] не пьющий.

— Погляжу.

Ему [6] все-таки нужно было употребить [7] большое напряжение воли для того, чтоб с новой силой впрячь себя в дела фабрики, несколько запутанные им, подавить в себе хмельное брожение [8] воспоминаний о Зинаиде [9] и смутные, но беспокойные мысли [10] о каком-то другом Петре Арт⟨амонове⟩, который жил рядом с ним или сзади его и которому почему-то надо было думать о красивой барыне, ее усадьбе, ее будущем. Он чувствовал, что этот [11] двойник его все быстрее растет и, становясь ощутимей, мешает ему во всем привычном [12], простом и понятном, что он, настоящий П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩, призван и должен был делать. Тот, другой, пользуясь минутами внезапно, как ветер из-за угла, налетавшей задумчивости, подшептывал очень едкие мысли:

«Работаешь, как лошадь, а — зачем? Всё есть, сыт на всю жизнь. Пора сыну работать».

И — о сыне: «От любви к нему — мальчишку убил».

И далее:

«Барыня понравилась,— распутничать начал...»

Всегда после того, как сверкнет такая мысль, жизнь становилась темнее, скучнее.

Он как-то недоглядел [13], когда именно Илья превратился в [14] человека, который всё понимает и обо всем говорит по-своему [15]. Не одно это событие прошло незаметно: так же [16] незаметно Наталья

---

[1] тещ⟨а⟩ [2] *Далее*: бросить надо Зинаиду [3] *Далее*: точ⟨но⟩ [4] Дроздова [5] Скромен и [6] И ему [7] сделать [8] *Далее*: [каки⟨х⟩-то⟩] смутных мыслей [9] о Зинаиде, о Вере [10] мысли [11] *Далее*: другой [12] простом, привычном [13] не заметил [14] *Далее*: [во взрослого] длинного, лобастого [15] *Далее*: оже⟨сточенно?⟩ [16] *Далее*: сра⟨зу⟩

сосватала и выдала замуж дочь Елену, в губернию, за [1] маленького, бойкого парня с черненькими усиками, сына богатого [2] ювелира; так же, между прочим, умерла теща, в июле [3], душным полуднем, перед грозою,— еще не успели снять с кресла [4], положить на кровать, как где-то близко ударил гром, оглушив и напугав всех.

— Окна, окна закройте! — крикнула Наталья, закрыв глаза, подняв руки к ушам; [5] огромная нога ее матери вывалилась из рук ее и глухо стукнула пяткой о пол.

Петру показалось, что он даже не сразу узнал Илью, когда он, в серой легкой паре, высокий, стройный, с заметными усами, вошел в комнату. Яков, широкий и толстый, в блузе гимназиста, был более похож на себя. Сыновья почтительно и ласково поздоровались, сели.

— Вот, — сказал отец, шагая по конторе,— вот и бабушка умерла!

Илья промолчал, а Яков выговорил [6] солидно, но [7] не своим голосом:

— Хорошо, что в каникулы, а то бы я не приехал...

Пропустив мимо ушей слова младшего сына, Петр присматривался к Илье; ему казалось, что синие глаза смотрят еще более упрямо, чем раньше, еще внимательнее, крутой широкий [8] лоб, прикрытый прядями светлых волос, стал меньше, да и все лицо Ильи значительно изменилось, окрепло [9]. Было и забавно и неприятно вспомнить, что этого задумчивого человека в солидном костюме он драл за волосы, даже не верилось, что так [10] было.

Яков вырос просто, он только увеличился, оставшись таким же пухлым, каким был всегда [11], с такими же детскими глазами.

— Так,— сказал Петр,— ну вот, присматривайся к делу, а годика через три и к рулю встанешь, Илья...

Не торопясь, сын вынул корешковую папиросницу, закурил папиросу и сказал, что он хочет еще учиться.

— Долго ли?

— Года четыре, пять...

— Чему это?

— Истории.

Отцу не понравилось, что Илья курит без его разрешения, и еще более не понравилось его намерение учиться. Указав рукою

---

[1] *Далее*: ювелира [2] круп⟨ного⟩ [3] *Далее*: перед [4] *Далее*: ее [5] *Далее*: но⟨га?⟩ [6] ска⟨зал⟩ [7] и [8] не так упрямо и жестко, как смотрели раньше, а крутой, изру⟨бленный⟩ [9] [и весь Илья] и всё лицо Ильи стало другим [10] это [11] *Далее*: но старший сын

в окно, на крышу, где задыхалась пароотводная трубка, он сказал внушительно, стараясь говорить ласково:

— Вот она пыхтит, история! Ты бы ей и учился. Мне все-таки под пятьдесят пошло, пора меня сменить.

— Платон сменит...

— Кто?

— Платон. Он будет инженером [1],— спокойно сказал сын и, подойдя к окну, стряхнул на двор пепел папиросы.

— Платон — мне племянник, а не сын. Ну ладно, после поговорим, не сразу.

Дети встали, ушли, отец проводил [2] их удивленным взглядом: что же, у них нечего сказать ему? Явились, посидели пять минут, один сказал какую-то глупость, другой — огорчил. Вот они идут по двору, и слышен голос Якова.

— Пойдем, посмотрим на реку? Посидим там до чаю...

Посидеть надо бы с матерью, поиграть с маленькой сестрой. Река до [3] завтра никуда не утечет, а мать — огорчена смертью родительницы своей, захлопоталась на похоронах [4].

Подчиняясь своей привычке спешить встречу неприятному [5], чтоб скорей оттолкнуть его от себя, Петр Ар⟨тамонов⟩ дал себе и сыну дней пять отдыха и приметил за эти дни, что Илья говорит с рабочими на «вы», что он гораздо внимательнее к молодому Василию Седову, чем к старикам-ткачам, и что по ночам долго беседует о чем-то с Тихоном и Серафимом, сидя с ними у ворот [6], даже подслушал, как Тихон мертвеньким голосом своим льет дурацкие [7] пули:

— Жить нищим, значит — ни с чем жить [8]. Кто чем живет, тому [9] и служит. А нам дана воля — для чего она? Царь волю [10] дал для чего? Христос освободил от ада, вот и царь тоже...

Яков вел себя понятнее, бегал по корпусам [11], ласково поглядывал на девиц, в воскр⟨есенье⟩ ходил к мельнице купаться — девки и бабы купались там.

«Не заразился бы,— хмуро подумал Петр,— надо Серафиму сказать, чтоб он присмотрел за ним».

Во вторник день был серенький, задумчивый и тихий. Рано утром [12] с час времени [13] скупо и лениво на землю падал мелкий дождь, к полудню выглянуло солнце, неохотно посмотрело на фабрику, [14] на клин двух рек, на леса и укрылось в серых облаках, за-

---

[1] Он ин⟨женер?⟩ [2] он п⟨роводил?⟩ [3] и [4] *Далее*: [ей] мн⟨е?⟩ [5] неприятности [6] *Далее*: или в с⟨аду⟩ [7] *Далее*: сво⟨и⟩ [8] *Далее*: вот что эт⟨о⟩ [9] тот ему [10] воли [11] *Далее*: он [12] Утром [13] *Далее*: пада⟨л⟩ [14] *Далее*: [р⟨еку⟩] на свет⟨лый⟩

рывшись в мякоть их, как Наталья в зимние ночи зарывала очень румяное расплывшееся лицо свое в пуховые подушки.

За [1] вечерним чаем отец спросил Якова:

— А брат где?

— Не знаю, сидел там, на холме, под сосной.

— Позови. Нет, не надо.

Надев картуз, накинув [2] парусиновый пиджак, взяв подарок Алексея, палку с набалдашником [3] — серебряная птичья лапа держит малахитовый шар,— Петр Ар‹тамонов› вышел за ворота, посмотрел из-под ладони за реку: там, на песке, под деревом лежал Илья в белой рубахе. Не спеша, честно взвешивая тяжесть всех слов, какие необходимо сказать сыну, отец пошел к нему, твердо приминая хрустевший песок и серые печальные былинки, вцепившиеся [4] в него. Сын лежал вверх спиною, [5] читая толстую книгу, постукивая по странице карандашом, на шорох шагов он обернулся, положил карандаш между страниц и закрыл книгу, неприятно громко хлопнув ею.

— Что ж ты чай не пил?

— Не хотелось.

— Что это читаешь? — спросил Петр, опускаясь на обнаженный, дугою выгнутый корень сосны; он уже поймал глазами крупные буквы титула книги — «Илья Муромец».

Сын сказал [6]:

— Это старая неинтересная книга, исследование о [7] богатырских сказках.

Повторив про себя странные [8] слова Ильи, отец, недоумевая, осведомился [9]:

— А — зачем же читать, если [10] неинтересно? И зачем тебе сказки знать?

С этого и началось всё то, совершенно непонятное, непоправимое [11], что произошло между отцом и сыном.

Всё, что говорил сын [12], казалось Петру Арт‹амонову› досадно глупым [13].

— Погоди,— остановил [14] он его,— на кой шут тебе, фабриканту полотна...

— Я, папаша, не буду фабрикантом,— услышал он ответ [15].

— А куда же? Кем же?..

— Я решил посвятить себя науке.

---

[1] Пред [2] *Далее*: серый [3] *Далее*: в виде пт‹ицы› [4] уце‹пившиеся› [5] *Далее*: [сж‹имая›] и [6] объяснил [7] *Далее*: русских [8] эти странные [9] фабрикант полотна спро‹сил› [10] коли [11] ненужное и тяжелое [12] Илья [13] прежде всего глупым и ненужным [14] сказал [15] в ответ

— Посвятить? В архиереи метишь, что ли?

В тяжелом недоумении цепь хорошо придуманных дорогой слов разорвалась [1], даже слова растаяли, выскользнули из памяти, как масло из пальцев руки. Приходилось вдумываться в необычные, незнакомые слова сына, и П⟨етр⟩ почти закричал на него:

— Да говори [2] ты понятней, не форси, учёный! [3]

Он видел, что лицо Ильи деревенеет, синь глаз его стала светлей [4], дрожат четко выведенные брови, а голос звучит хотя и не задорно, но нехорошо.

— Эксплуатация — это, папаша, значит [5]...

Это слово ничего не значило для папаши до поры, пока сын не растолковал ему слова цифрами, [6] ему почти понравилось, что Илья [7] умеет быстро и верно считать по [8] памяти, но вслед за тем он с подавляющей ясностью увидал, что сын додумался до глупости неслыханной и постыдной [9]. Это несколько успокоило его тревогу; ударив сына по колену, он сказал, усмехаясь: [10]

— Это — чепуха. Иначе — барыш. «Без барыша и святой не молится» — слыхал это? И всегда говорится: «Корысти нет! Какая мне корысть?», «Был бы сват чист и свят, кабы душа не просила барыша».

Он видел, что сын пересыпает песок из горсти в горсть, сидит, наклонив голову, [11] и смотрит, как сыроватый песок течет между его белыми пальцами.

— Без корысти никто не станет работать. И машина — вещь мертвая,— масла просит. [12]

Он старался говорить как можно проще, он уже начал вспоминать то [13], что придумал, идя сюда [14], и был почти уверен [15], что беседа [16] с сыном кончится хорошо, потому что сын [17]

Но вдруг, не поднимая головы, он покачал ею и сказал:

— Нет, [18] для этого дела я не гожусь.

---

[1] В недоумении, тяжелом и неожиданном, все хорошо придуманные дорогой слова разломились [2] Говори ж [3] *Далее*: Лицо Ильи [4] *Далее*: и [5] значит, папаша [6] *Далее*: но [7] сын [8] в [9] *Далее*: и мертвой [10] *Далее*: [Чудак, [ведь] ты пойми,— это мертвая штука,— как ее? —плутация... Мертвая. То есть она не мертвая, а — [умер⟨ла⟩] убивает всё дело, всякое дело. То есть без нее нельзя] [Это — чепуха, плутация. Ты брось это, это штука мертвая.] Это — чепуха, плутация. Тут вовсе действует не плутация, а — корысть. Она — во всяком деле, она главная пружина всякого дела. Без нее [дело не двинешь] нельзя дело делать, понимаешь? [11] *Далее*: и очень занят этим [12] *Далее*: а не то, что живой человек [13] все [14] *Далее*: до⟨рогой⟩ [15] ему казалось [16] ра⟨зговор⟩ [17] *Фраза не закончена* [18] *Далее*: отец

Это было неожиданно,[1] напомнило неизлечимую глупость[2] Тихона Вялова и рассердило отца:

— Так — чему же[3] тебя учили? Или ты у Тихона учился, у дурака?..

— Тихон — не дурак...

Сдержав желание обругать сына, П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ снова начал говорить внушительно, очень просто и, вспоминая подходящие к случаю пословицы[4], обильно смазывал жиром их мудрости простые слова, твердые, точно камни.

Взяв книгу, он пристукивал по ней ладонью и старался заглянуть в лицо Ильи, но тот сидел, не поднимая головы, играл песком, отсеивая от него рыжие иглы хвои, и молчал. Отец[5] почувствовал, что его слова бьют в камень.

— Ну что ж ты молчишь?

Глядя[6] в лицо ему, сын твердо сказал:

— Разрешите мне учиться.

Лицо Ильи было так обыкновенно,[7] точно он просил о пустяках. Это[8] взбесило Петра.

— Не разрешаю,— сказал он, вставая.— Довольно. Работай на фабрике. Я вам не лошадь.

Он бросил книгу на песок и хотел уйти[9], но Илья тоже встал на ноги[10].

— Тогда я без разрешения...

— Не смеешь! — крикнул отец, топнув ногою.— Запрещаю![11]

Лицо Ильи сжалось, стало меньше, синие глаза его смотрели[12] через голову отца издалека, черствым взглядом, и[13] дрожала левая бровь. Тихо, но очень внятно он сказал:— Я имею право устраивать мою жизнь по своей воле[14], запретить мне это вы не можете.

Это были слова[15] чужого человека не сына, а служащего, они оттолкнули Петра; не отвечая[16], он круто повернулся спиною к сыну и пошел с холма, но вдруг, точно[17] запнувшись, остановился, говоря через плечо с гневной тоской[18]:

— Дурак! Это ты мне платишь за мои заботы, тревоги о тебе? Эх, дурак...

---

[1] *Далее*: и [2] глупейшее упрямство [3] на что [4] [все с пословицами] и вспоминая все [5] И скоро отец [6] Тогда глядя [7] *Далее*: глаза спокойно [8] *Далее*: окончательно [9] пошел прочь [10] встав на ноги, сказал: [11] Запрещаю! [12] синие глаза Ильи смотрели чуждо, лицо у него нап⟨ряглось⟩ [13] как будто издали [чер⟨ствым⟩] незнакомым взглядом, и на лбу [14] [что ему уже двад⟨цать⟩] [У меня] [он взрослый] Я взрослый человек и имею право сам устраивать жизнь по своей воле. [15] [И в этих словах] [В этих словах] Эти слова отца [16] *Далее*: на них [17] как будто [18] глухой злобой

Он видел, что Илья покраснел, дернул плечом и, боясь, что сын [1] скажет нечто окончательно непоправимое, поторопился сам сказать:

— Я ради тебя человека убил... может быть!

Он прибавил м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ потому, что когда еще говорил, то уже понял, что напрасно говорит об этом в такой момент [2] мальчишке, который явно не хочет понимать его. Но все-таки боясь, что сын спросит: «Какого человека? Когда, как?» — он широко шагнул вперед [3] по сыпучему склону холма, а [4] сын оглушительно сказал вслед ему:

— Не одного, папаша, [5] на кладбище много убитых [6] фабрикой. [7]

Песок поплыл под ногами Петра Артамо⟨нова⟩ [8], он вспомнил [9], что несколько минут тому назад уже слышал от сына [10] что-то обидное о фабрике и кладбище [11]; фабрикант полотна, глубоко втыкая палку в песок, по-медвежьи быстро подошёл [12] к Илье, задыхаясь и рыча:

— Ты что сказал, негодяй? Что ты сказал, подлец?

Ему хотелось ткнуть палкой в живот Ильи, но сын [13] встал за ствол сосны, крикнув:

— Образумьтесь, что вы?

Петр ударил по стволу, переломив палку, бросил обломок ее к ногам сына, обломок косо воткнулся в песок, подняв в небо серебряную лапу с зеленым шаром в ней, тогда, сбив его ногою, Петр окончательно [14] и не оборачиваясь спустился к реке и, сняв картуз, отирая обильный пот, пошел берегом, [15] чувствуя, что разум [16] его бестолково снует в словах [17] гнева и обиды, как челнок в запутанной основе.

«Выгоню вон. Нужда прижмет — воротится. Тогда — нужники чистить заставлю»,— отрывал он коротенькие мысли от быстро вертевшегося клубка их.

Вышел на берег Оки, устало сел под ивняком на невысоком глинистом обрыве, снова вытер пот со лба и висков,— вместо пота из глаз выступили слезы, холодные, как градины, они освежали пылавшие щеки. В маленькой глубокой, но светлой заводи плавала стая плотвы, точно стальные иглы прошивали воду, потом, важно

---

[1] он [2] *Далее*: [в эту минуту нельзя говорить об этом] напрасно за⟨говорил⟩ сейчас об этом, и был окончательно опрокинут, поражен, услыхав негромкий ответ сына [3] [быстро] широко шагая пошел [4] и [5] *Далее*: там [6] *Далее*: вашей [7] *Далее*: Эти слова ударили Петра по голове [8] фабриканта полотна [9] он взмахнул палкой, снова остановился и, вспомнив [10] [сын уже говорил] [сын сказал] сын говорил ему [11] *Далее*: рабочих [12] вернулся [13] *Далее*: не торопясь [14] [Петр пошел] Петр окончательно ушел [15] *Далее*: отрывая [16] мысль [17] *Далее*: [за⟨путанных?⟩] в [за⟨путанной?⟩] путанице

разводя плавниками, явился небольшой лещ, поплавал, повернулся на бок, взглянул красненьким глазком сквозь воду вверх, в тусклое небо, и, нырнув в глубину, светлым дымом пустил по воде текучие кольца. У противоположного берега притаился [1] в лодке акцизный надзиратель Кукольский; в соломенной шляпе [2] и черном пиджаке, окруженный удилищами, он был похож на паука.

П‹етр› Ар‹тамонов› пристально смотрел на него и в воду и мысленно ругал [3] Илью.

«Рыба бесчувственная, сукин сын... Я тебе устрою судьбу, погоди!»

Но спокойное течение Оки смывало гнев, тишина, серенькая и теплая, грустно подсказывала [4] какие-то другие мысли, не гневные, полные тяжелого изумления. Самым изумительным было то, что вот сын, человек, которого он любил, о ком двадцать лет [5] непрерывно и тревожно думал, вдруг, в несколько минут, как-то выскользнул из рук, вырвался из души, снова — ведь [6] это уже было испытано однажды — оставив в душе темную [7] боль, обиду, изумление. Он был уверен, что постоянно, неутомимо [8] все двадцать лет думал [9] о сыне, жил [10] надеждами и любовью к нему, и вот сын одним взмахом, как лещ, нырнул куда-то.

У старика Кукольского тоже есть сын, товарищ прокурора, тоненький, чистенький, весь — новый; приезжая к отцу, он почтительно водит [11] под руку больного ногами толстого усатого старика [12]. И у многих в городе есть взрослые дети, все они подчиняются воле отцов, а Илья [13]...

«Чего ему надо? Почему он такой?»

Серенькое небо чуть-чуть порозовело, потом стало темнеть, а в одном месте его явилось пятно посветлее, напоминая лоск на локтях долго ношенного [14] пиджака. Выглянула обломанная луна, стало свежо, сыро, туман затянул реку, акцизный чиновник растаял в нем, чуть заметно вспыхнул [15] на месте чиновника красный лучистый огонек, и в двадцатый раз издали донесся хриплый голос:

— Мишка, да где ж ты, дьявол?

Арт‹амонов› пришел [16] домой, когда Наталья, уже помолясь богу, разделась [17] и, положив левую ногу на круглое колено свое,

---

[1] сидел [2] *Далее*: [с отломленным полем наза‹ди?›] с выломленным куском поля наза‹ди?› [3] ругая [4] возбужда‹ла› [5] он всю жизнь [6] как [7] *Далее*: пустоту [8] [в‹сегда›] именно всегда [9] *Далее*: он [10] *Далее*: как [11] *Далее*: его [12] [старика] отца [13] этот... «Неужто он мне за то так платит, что я его бил тогда?» [14] на локте старого [15] вспыхивал [16] верну‹лся› [17] раздевалась

внимательно и морщась стригла ногти с пальцев ноги. Искоса взглянув на мужа, она оправила рубаху [1], спросила:

— Ты куда это Илью посылаешь [2]?

— К чёрту,— ответил [3] он, снимая сапог.

Помолчав, жена вздохнула:

— Всё-то ты сердишься, всё сердишься...

Он помолчал [4], посапывая, возясь нарочито громко. Нерешительно и тихо [5] дождь начал кропить [6] стекла [7] окон, сухонький шепот поплыл по саду.

— Уж очень гордится ученьем Илья, слова сказать ему нельзя, сейчас: это не так, мамаша! Вот оно, ученье! Я говорила...

— У него мать дура,— сказал Петр, укладываясь в постель.

Мать громко втянула носом воздух и повернулась спиной к мужу, а он, лежа вверх грудью, закинув руки за голову, ворчал [8], с наслаждением обижая ее:

— Ты — что можешь? Ничего. Дети тебя не боятся. У тебя один интерес: есть да спать. Да рожу мазать. Да — сплетни. Дерево!

Жена сказала в подушку:

— А кто учиться отдавал их? Верно, это верно — сам видишь: дичают они от ученья. Даже Яша...

— Молчи,— сказал Петр и сам замолчал, прислушиваясь, как всё сильней шепчет [9] дождь, падая на листья черемухи за окном, посаженной Никитой.

«Благую долю выбрал Никита. Ни детей, ни делов. Пчелы. Я бы и пчел не стал разводить. Пусть каждый сам себе мед добывает. Баловать людей не стал бы...»

Повернувшись так осторожно, как будто она лежала на иголках, жена дотронулась щекою плеча мужа.

— Поругался ты с Ильей?

В тихом ее вопросе он услыхал страх, приятный ему. Но было стыдно рассказать о том, что произошло у него с Ильей. Он пробормотал:

— Разве с сыном ругаются? Сына — ругают.

— А куда ты посылаешь его? Собирается он куда-то.

— Ну и пусть... Это — ненадолго. Понюхает, чем нужда пахнет, и — воротится. Тогда я...

Он хотел повторить свое обещание унизить Илью самой грязной работой, но, не желая [10] выдать тоску свою и гнев, сказал:

---

[1] *Далее*: и [2] посылал ночью-то [3] ска⟨зал⟩ [4] *Далее*: сердито [5] *Далее*: начал [6] красить [7] окна [8] говорил [9] шумит [10] боясь

— Спи. И я спать буду.

А через минуту добавил:

— Якову учиться больше не надо. [1]

III [2]

Полубольной, опухший, с глазами, налитыми кровью, [3] Петр Ар⟨тамонов⟩ лежал на полу, на жиденько⟨м⟩ и жестком тюфяке, в одном из неприглядных номеров [4] купеческой гостиницы; на полу около него стояло ведро со льдом, бутылки кваса, тарелка с кислой капустой, обильно сдобренной тертым хреном. Было близко к вечеру [5], красноватая пыльная жара лезла в открытое окно, на улице тысячами пастей ревела Нижегородская ярмарка,[6] непрерывно катились по неровному булыжнику колеса пролеток, телег, создавая такой железный шум, как будто вся улица [7], все дома [8] поставлены на колеса и [9] все ехало под гору, качаясь, разрушаясь, сопровождаемое [10] криками и воплями людей; уже где-то близко бухал [11] барабан, рычали медные трубы и какая-то отчаянная дудочка рвала поток пестрого [12] шума [13].

Сквозь тяжелый, похмельный гул в теле Ар⟨тамонов⟩ пытался вспомнить, что с ним случилось, и пред его полуослепшими глазами в каком-то рыжем, ржавом тумане плыли невероятные картины жуткого [14] сна. Он ясно помнил его начало: брат Алексей [15], сам жадный, упрекал его в скупости, в неосторожности, с обидной насмешкой говорил, что стыдно [16] развлекаться у себя на фабрике с грязными девками.

— Ты, дикий человек, пойми: кутнуть надо! В баню ходишь, тело моешь? Душа тоже бани просит. На [17] «Самокатах» бывал? [18]

Он [19] привез его в странный трактир, где весь пол медленно кружился [20] со всеми столиками, людьми, лакеями; [21] были неподвиж-

---

[1] *Далее*: [На днях] Скоро я на ярмарку поеду [2] *Римская цифра* III *перед началом текста соответствует окончательному трехчастному делению второй редакции романа на главы* (*ХПГ 9—3—3*), *перешедшему в третью редакцию.* [3] *Далее*: с компрессом на голове [4] *Далее*: бесчи⟨сленных⟩ [5] далеко за полдень [6] *Далее*: [непрерывный шум колес по булыжнику улиц] непрерывный железный шум колес по неровному булыжнику улиц [7] *Далее*: была пос⟨тавлена⟩ [8] *Далее*: были [9] *Далее*: катились [10] то сопровождаемое [11] бил [12] разн⟨оцветного?⟩ [13] *Далее*: как ловкий приказчик рвет коленкор [14] уродливого [15] *Далее*: с обидной насмешкой спросил его: — Да ты на «Самокатах», пожалуй, не был? Перед этим он [16] *Далее*: ему [17] Ты на [18] *Текст*: сам жадный ∾ На «Самокатах» бывал? — *перечеркнут наискось зеленым карандашом.* [19] Потом он [20] [вра⟨щался⟩] медленно вращался [21] *Далее*: [только по ⟨углам⟩] только углы к⟨омнаты⟩

ны только углы большой комнаты, тесно набитой плывущими по кругу людями, в одном углу выла и грохала музыка, в другом на стенах сияли разноцветные бутылки, отражая огни висячих ярких ламп. Всё было ярко, всё ослепляло и кружилось, [1] пели цветисто одетые девицы в лентах и венках, в этом медленном вихре звуков и пестроты лысая голова Алексея тоже поплыла [2].

— Под полом [3] лошади ходят, рычаг вертят [4],— кричал Алексей, чему-то радуясь.— Пол [5] на брусьях, как блюдечко на пальцах, а ты — что думал? [6]

Петр не помнил, что именно думал он, но пред ним отчетливо [7] встали две фигуры: большой седобородый человек в расстегнутой поддевке, в ситцевой рубахе без пояса, с неестественно красным лицом и тоже большой [8] человек, весь в черном, [9] весь кудрявый, как собака-пудель; на голом синем его лице неподвижно влеплены [10] круглые, выпуклые глаза, из-под усов висела толстая мясная [11] губа, черный клин волос торчал на подбородке, а под [12] ним развевался развязавшийся черный галстух.

— Рад [13],— хрипло кричал он, схватив Петра за руку, и был похож на одного из тех людей, которых [14] нанимают провожать богатых покойников в могилу.

Он качался [15] на полу, уплывавшем из-под ног, а седой плакал и рычал:

— Ведите меня к Пауле... К Пауле хочу.

Обнимал Алексея, наваливаясь на него сверху, и спрашивал:

— Олеша! Женщина она али нет, а?

Потом все четверо ехали куда-то в коляске, запряженной парою серых лошадей, сыпался крупными каплями холодный дождь, бухал гром, сверкали молнии. У холма, похожего на каравай хлеба, лошади встали на дыбы, коляска опрокинулась, Петр, сидя на мокром дерне на скате холма, видел, как седой старик на четвереньках лез по холму к ограде татарской мечети и орал безумно [16]:

— Пусти! Хочу в татара креститься [17], пусти, дьявол. У меня — горе! Горе, дьяволы!

---

[1] *Далее*: кружилось [2] [голова, как будто оторвавшись, тоже куда-то поплыла] [голова, опустев, как будто оторвавшись, тоже куда-то поплыла] голова тоже поплыла, опустела, завертелась [3] Там, под полом, [4] вертят ворот [5] *Далее*: построен [6] *Далее*: В углу, ‹в куче› впереди кучи девиц, розовых и синих, стояла большая широкоплечая бабища и кричала [7] ясно [8] *Далее*: и, тоже бородатый [9] *Далее*: с бесстыдными глазами [10] стояли [11] очень мясная [12] *Далее*: во‹ротником› [13] *Далее*: сделать знакомство [14] которые [15] Оба они качались [16] и сумас‹шедше› орал [17] *Далее*: от горя

Черный человек и Алексей хватали старика за ноги, тянули его вниз, прибежали [1] татара, персы, кто-то [2] в желтом халате и белой чалме, скользкий, мокрый, грозил Петру палкой, крича:

— Урус, шайтан! [3]

Меднолицый полицейский помог Петру встать на ноги и повел его куда-то, говоря:

— Идите, ваше степенство, а то бить будут...

А черный прижал к себе с одного бока [4] перса в [5] островерхой шапке, с другого — полицейского [6] офицера, вел их, взывая [7]:

— Извозчик.

Толпою человек в десять поднялись [8] по лестнице в шум и гам, шли по тесно набитому залу, толкая столы, опрокидывая стулья, какие-то люди грозили Петру кулаками, а старик кричал, заглушая музыку и голоса людей [9]:

— Молчать! Персию в плен взяли! Всем тихо молчать...

И вдруг остановился, подняв руки вверх:

— Вот она!

Все замолчали, музыка тоже, протек тот знакомый Петру замирающий гул, который раздается [10], когда станки на фабрике прекращают [11] работу. Там, в углу, куда все смотрели, стояла на возвышении [12] неподвижно, камнем, женщина с необыкновенно белым лицом, [13] стояла нахмурив резко черные брови, ее большие глаза нехорошо, сердито сверкали, а на черном бархате платья ее шевелились жемчуга, на снежно белой шее и почти открытой [14] груди разноцветно сверкали цветные [15] камни. Их было так много, что женщина казалась одетой в ризу, но парча ризы была невидима [16] в звездном сиянии камней, [17] точно врезанных в ее [18] матово-черную кожу. Круглые плечи ее были голы, лишь одно чуть прикрывала черная лента, застегнутая круглой брошью [19] из рубинов, на пальцах руки, воткнутой в бок, и другой, в которой она, опустив ее, держала веер [20], тоже сияли [21] камни колец. Что-то нечеловечье и очень злое [22] было в этой женщине, она долго стояла неподвижно [23], точно каменный идол, потом сделала какое-то движение плечами и грудью, точно вылезая из платья, и начала петь громким [24] неприятным голосом.

---

[1] явились [2] старик [3] Урус, шайтан, свинья... [4] взял под одну руку высокого [5] *Далее*: бара‹шковой› [6] по‹лицейского› [7] и кричал [8] шли [9] весь ш‹ум› [10] *Далее*: в минуту [11] останавливаются, прекращая [12] *Далее*: дородная [13] *Далее*: с огромными [14] в ушах [на] [па] и отк‹рытой› [15] фа‹льшивые?› [16] *Далее*: ос‹ыпанная?› [17] *Далее*: или они бы‹ли› [18] *Далее*: тело ка‹мней› [19] брошкой [20] держала веер, [обмахиваясь им], опустив ее [21] были [22] каменное и злое [23] не дви‹гаясь?› [24] очень громким

Петр Ар⟨тамонов⟩ помнил, что он сидел на стуле боком, упирая [1] плечо в спинку стула; ему было неудобно, [2] мокрому с головы до ног [3], выпачканному в грязи, но всеобщее молчание не позволяло ему пошевелиться. В тишине выл и стонал густой глуховатый голос этой женщины, она жаловалась, угрожала, белое лицо ее искажали какие-то насмешливые судороги, раза два она даже щелкнула зубами, кусая [4] воздух. Глаза [5] всех[6] в зале смотрели на нее [7], и казалось, что количество драгоценных камней все разрастается [8] на ее теле и платье.

Седой купец сидел почему-то на полу, откинув руки назад, упираясь ими, выгнув широкую грудь, подняв лицо вверх, в седой бороде его был виден безобразно открытый круглый рот [9]. Алексей, сидя сзади [10], шептал Петру, дыша запахом вина:

— Он ей вчера на тридцать пять тысяч... [11]

Вдруг всё охнуло, рухнуло, оглушительно завыли десятки пьяных голосов:

— Паула! Паул-ла! [12]

Черный человек крикнул громче всех:

— Паула Менотти — браво!

Его «о» точно камнем ударило по голове Петра, он встал, оглядываясь, кудрявый, схватив его [13] за плечо, сказал:

— Идем. Готово.

Мелькнуло желтое измождённое лицо персиянина. Тонкие губы его [14] растерянно улыбались, его куда-то тащили, толкая; Алексей сказал с восторгом:

— Ну, теперь — смотри!

В большой комнате, занимая [15] треть ее, стоял у стены длинный стол, загруженный бутылками, цветами, серебряными ведерками [16] с икрой, стаканами [17]. Петр сидел на конце стола с братом и персиянином; человек двенадцать рыжых, лысых, седоватых купцов шумно разместилось за столом, оставалось еще несколько [18] пустых стульев, один стул [19] был убран цветами. Вошел старик, ведя под руку эту женщину, рядом с нею он стал меньше и грязней, раскаленное лицо его было чем-то облито [20], с мокрой [21] бороды стекали на рубаху капли. Петру показалось, что старик ведет ее, как лакеи

---

[1] он упи⟨рался⟩ [2] *Далее*: вода натекла в [3] с ног до головы [4] точно кусая [5] Сотня ⟨глаз⟩ [6] *Далее*: людей [7] уперлись в нее [8] разрасталось [9] *Далее*: он тоже [как будто] окаменел [10] *Далее*: брата [11] *Далее*: Кто это? [12] *Далее*: Мен⟨отти⟩ [13] Черный человек, схватив Петра [14] персиянина [15] у стен, за⟨нимая⟩ [16] цветами, ведра⟨ми⟩ [17] и та⟨кими же?⟩ стаканами [18] [шесть] пять [19] из них [20] мокро от слез [21] по мокрой

водят больных барынь. За ними с визгом и смехом шли еще женщины.

— О-о! — сказал Алексей [1]. — Ну, брат, это будет — служба-а!

Ужинали — нехорошо, шумно, непристойно и [2] торопливо; Петр помнил, что ему было тошно смотреть на два ряда людей, склонивших головы к столу так, как свиньи в корыто. Помнил он, [3] что от крашеной бороды перса душно пахло шафраном, а желтое лицо его кривилось испугом. Алексей всё подливал ему вина в стакан, и вдруг перс, замычав, съехал со стула под стол.

— Убери,— сказал Алексей лакею, вытолкнув ногой из-под стола руку перса.

Черненькая кудрявая девчонка бросала в лицо Алексея цветами [4]. Пришла пестрая толпа цыган и долго пела, плясала, потом старик, Паула и еще несколько человек исчезли, и вдруг [5] этот черный, курчавый, широко распахнул стеклянные двери, впустив лысого толстого купца в рубашке [6] без жилета, на животе [7] у него был привешен большой турецкий барабан, пошатываясь, шагая, как гусь, купец [8] бил в барабан.

— Бух, бух,— а за ним пятеро [9] таких же толстых, полуодетых и пьяных, [10] наклонясь, напрягаясь, как лошади, ввезли рояль [11] за полотенца, привязанные к его ножкам; на черной блестящей крышке рояля лежала [12] нагая Паула, [13] ослепительно белая [14] и страшная своею наготой. Лежала она вверх грудью, закинув руки под голову, распущенные черные волосы головы [15] ее, сливаясь с черным блеском лака, были почти не видны, [16] тем назойливее, бесстыдней лезли в глаза густые пучки [17] волос под мышками и на животе [18]. Все люди встали, рявкнули, закачались в судорогах, толкая стол, падали бутылки, разбивая стаканы, стуча по тарелкам; толстенький [19] рыжий человечек завизжал, выплеснул из серебряного ведерка воду со льдом в угол на пол и, надев ведерко на голову себе, пошел вприсядку вокруг рояля, а за ним, гуськом, пошли все другие и Петр.

---

[1] *Далее*: «Трио Грэк», Малинины, Уркварт, Женни, Блаш, о-о! [2] и так [3] *Далее*: что чего-то боялся, много [4] *Далее*: Петр тоже боялся, ожидая чего-то, и много пил [5] *Далее*: двери широко открылись, вошел, пошатываясь, лысый толстый [купец] человек [6] в жилете [7] на живот [8] [купец] человек [9] шестеро купцов [10] *Далее*: как он [11] огромный рояль [12] *Далее*: [вверх⟨грудью⟩] совершенно голая эта Паула Менотти [13] *Далее*: [бе⟨лая⟩] [14] *Далее*: [пышная] [15] на голове [16] *Далее*: на рояли и [17] кольца [18] *Далее*: [ослепляли гла⟨за⟩] так назойливо лезли в глаза, как будто [19] *Далее*: ку⟨пец⟩

Черный человек, впустив в комнату маленького человечка со скрипкой в руке, плотно закрыв двери, [1] трижды хлопнул ладонями, подошел к роялю, человечек поднял скрипку к плечу, прицелился [2], светловолосая женщина села на стул, обнажив двухцветные зубы клавишей, два ряда своих зубов, мелких, как у щуки; тогда Паула медленно и тяжело, точно просыпаясь, поднялась, села, дернув головою, закинула волосы свои за плечи и так же медленно встала на ноги; теперь она [3], почти касаясь головою потолка, стала еще выше, чем была на эстраде, [4] тоньше и страшней. Поочередно поднимая ноги, она натерла подошвы куском мела, потопала ногами, и даже сквозь рев людей, кольцом окруживших рояль, было слышно, как гудят струны.

Старик оседлал [5] стул, вцепившись руками в спинку его, борода у него дрожала [6], он тихонько подвывал:

— Пау-улочка, ох... Паулочка...

Женщина ударила по клавишам длинными тонкими руками, тотчас [7] же стало тише, и в густой гул струн ворвался пронзительный голос скрипки. Паула вытянулась, выпрямилась и, поглаживая руками бедра, грудь, плечи, как-то непонятно стала извиваться в воздухе, точно поплыла стоя. Петр хорошо вспомнил, что его подавляла не нагота ее и не бесстыдство движений [8] прочного, крепкого тела, а страх пред ним. Он как будто [9] впервые видел голую женщину, так жутко открывшей всю силу [10] соблазна, [11] он [12] чувствовал что-то неиспытанное, отчего [13] всё его существо [14] онемело [15], обессилело. Видел, что пьяные люди чувствуют себя, должно быть, так же подавленно [16], они смотрели почти молча, только вздыхая тяжко, лишь [17] некоторые глухо вскрикивали и что-то ворчали друг другу, да черный человек, стоя на коленях [18] рядом со стулом старика, хрипло говорил:

— Омут естества. Погружение — понимаешь? [19]

И размахивал волосатой рукою; измятый манжет рубашки съезжал на ладонь его, он оторвал манжет и бросил под ноги Петра.

Музыканты играли [20] всё тише, движения женщины становились медленней, по крышке рояля скользили [21] белые тени; Петр,

---

[1] *Далее*: встал около [2] *Далее*: и пронзительно заиграл, а [3] *Далее*: показалось Петру [4] *Далее*: но не так [вы‹сока›] ст‹рашна› [5] [Седой старик сел] Старик сел [6] у него дрожала борода [7] сра‹зу› [8] не бесстыдство ее наготы, не [9] Пред ним, как [10] открытой во всей силе [11] *Далее*: непобедимость [12] и он [13] *Далее*: немело [14] *Далее*: и душа [15] *Далее*: [в тяжелой], погрузилось [в тесное] глубоко куда‹-то› [16] подавленными, как он [17] и лишь [18] *Далее*: обло‹котясь› [19] *Далее*: Простор,— а? [20] Музыка играла [21] в крышке рояля отражалось

не отрываясь, пристально, до боли [1], в глазах, смотрел в лицо, деловито нахмуренное, неподвижное, [2] из-под бровей на него изредка падал темный взгляд, тяжелый и злой [3], он ждал, что плотно сжатые губы женщины раскроются, и она сейчас скажет что-то обидное всем.

Взвизгнула [4] скрипка, человечек опустил [5] руку со смычком, женщина легко соскочила на пол, пошла к двери; кто-то [6] накинул на плечи ей лиловый халат, напомнивш‹ий› рясу попа; старик [7], разорвав на себе рубаху, взмахивая руками, шел вслед за ней, вскрикивая:

— Паулочка, сокровище...

Все закричали, захлопали ладонями, тесно сдвинулись в кучу; четверо лакеев снова быстро [8] утыкав стол бутылками, бокалами [9], встали стражей у дверей [10]; черный кудрявый человек, притопывая [11], рвал шум хрипящими словами:

— Р-русь! Простор русской душе! Не согрешив — не покаешься. Мудрость!

Петр подумал, что душа у него, должно быть, большая, тоже черная и мохнатая, как паук.

Потом снова явились цыгане, пели, плясали, и, наконец, всё исчезло. Проснулся Петр час тому назад и вот думал, вспоминая пережитый кошмар. Он слышал много рассказов о разгуле купечества на ярмарке, но плохо верил [12], что то, о чем говорили [13], может быть. Но теперь, увидав своими глазами это бешенство, эти безумные выдумки почтенных, солидных людей, стариков, известных [14] своим богатством и благотворительностью, строителей больниц и церквей, он был смят разнообразными чувствами, в их путанице страх сливался с завистью и жалость к себе — с отвращением к людям.

Когда солнце скрылось за крышей огромного кирпичного театра [15], похожего на сарай, дверь открылась; покашливая [16], вошел Алексей, остановился, сняв картуз, и захохотал:

— Что-о? Опрокинулся? Эх, ты! Я — больной человек, а — гляди! Как огурчик...

Он тотчас позвал лакея, заказал [17] лимонада, коньяку, льду, быстро сделал какое-то [18] освежающее питьё, оно подняло [19] Петра

---

[1] до памятной боли [2] *Далее*: с бровями, свед‹енными› [3] падал темный, тяжелый взгляд [4] Она взвизгнула [5] поднял [6] кто-то черный [7] *Далее*: бросился [8] *Далее*: [и] привели ра‹зодетых?› [9] стаканами [10] встали у дверей [11] *Далее*: кричал [12] но никогда не [верил] думал об этом и [13] говорят [14] *Далее*: соли‹дных› [15] Когда село солнце за огромным кирпичным театром [16] и покашливая [17] при‹казал› [18] *Далее*: холодное [19] и это подняло

на ноги, он почти совершенно отрезвел, облив[1] голову ледяной водою и вытерев лицо, шею, грудь куском льда.

— Помнишь ты, что делал вчера?

Петр недоверчиво[2] спросил:

— Я?

Посмеиваясь, прихлебывая лимонад с коньяком, Алексей[3] рассказал[4]:

— Ты лишнюю[5] рюмку выпил, есть такая, называется: открой чулан[6]. Я ведь пьян не бываю, я всё посматривал на тебя: сидишь, насупясь молча, только глазами ворочаешь, и вдруг, после цыган, сорвало тебя со стула[7], и заорал ты: «Пощадите христианскую душу». И чего только не врал ты! Что-то про Илью[8], про жену, Никиту, даже Тихона, дворника, вспомнил, мальчишку какого-то, голубей,— все хохочут[9], а ты — бух на колени...

— Я? — тихо спросил Петр.

— Ты, вот этот,— сказал брат, ткнув его пальцем в плечо.— Этот самый. Пьян ты был — пьянее вина. Никто, конечно, ничего не понимает,[10] равно, как и ты сам, а этот, адвокат,— помнишь, курчавый? На дьявола похож?

— На собаку,— поправил Петр вполголоса, испуганный.

— Ну, на собаку, всё равно, это дела не меняет. Он — орёт: «Слушайте, слушайте! Рёв души, русская душа» — он любит это, о душе. А ты как в баню пришел — всё долой, всякую сдержку. «Э, нет, думаю, его надо заткнуть[11], пускай захлебнется». Это я тебя шартрезом свалил, шартрез с коньяком давал тебе, на четвертом бокале ты и осел.

Петр сидел на стуле, покачиваясь, чувствуя, что снова пьянеет от слов брата, а тот спрашивал:

— Хорош старик Бубнов, а? Он в эту[12] Паулу Менотти уже тысяч сто всадил. А баба-то, а? Зверь! Она с него по пяти тысяч берет за показ другим.

— Дети у него,— вслух подумал Петр.

— Как же! Трое. Старший — тут, рядом с ним. Круглый такой, рыженький, щеки булочкам⟨и⟩, ведро на голову надевал, помнишь? Умница парень. А что это ты вчера про Илью кричал? Отчаянно кричал. Авраам, Исаак[13]. Жертвоприношение Авраамле, а Яков — баран.

---

[1] вы⟨лив⟩ [2] подозр⟨ительно⟩ [3] бр⟨ат⟩ [4] *Далее*: необыкновенные, постыдные вещи [5] какую-то лишнюю [6] сунду⟨к⟩ [7] *Далее*: и что ты, брат, врал! [Так это] С ума [8] И про Илью [9] в⟨еселятся⟩ [10] *Далее*: смешно же в [11] утопить [12] на эту [13] *Далее*: а Якова — бараном

Медленно, нерешительно Петр рассказал о ссоре с сыном, Алексей, выслушав его молча, покачал головою.

— Ну, ты меня прости, а — это у тебя глупо вышло! Глупо. Купечество должно всему учиться, на все точки жизни встать, а ты — запрещаешь. Ты пойми: у нас — роль! Мы теперь первым сословием должны быть, а ты — о, брат! Ошибся ты. Ведь вот у меня Платон — учится же, а я — ничего, сделай милость, учись! За границу едешь? Пожалуйста! Учись. Это в дом, а не из дому!

Алексей [1] начал быстро и всё более оживленно, считая на пальцах, говорил [2], что [3] купеческая молодежь должна идти по всем путям: в офицера, чиновники, в земство, в попы даже! [4]

— Понимаешь? Я вот, например, с того года в земство проникну, понял?

Понимать Петру [5] ничего не хотелось, но он мимолетно подумал о брате:

«Должно быть, за эти речи его и уважают богатеи, этим он и подошел так близко к ним. Всё умнеет».

Думал он о себе, пытаясь представить беспамятно пьяного, на коленях пред пьяными людями. Не мог и презрительно упрекал себя:

«Нашел, дурак, место, где душу развернуть».

Под оживленный, бойкий говорок брата он думал, что [6] вот этот полубольной человечек достиг уважения больших людей, которые ворочают всей торговлей, другой [7], горбатый, [8] спрятавшись в монастыре, приобретает славу праведника и мудреца, а он, здоровый человек, предан на растерзание каким-то темным случаям, и думал — почему? [9] Почему он не достоин счастья в почете и покое, почему дело не веселит его.

«Надо съездить к Никите»,— решил он, чувствуя, что в нем поднимается ненависть к себе самому. «Отец наш был бы жив — он бы гор⟨ел?⟩ в этом».

Потом как-то вдруг подумалось:

«А — за какие бы тысячи оголилась предо мной Вера Николаевна? — И усмехнулся, сам себе ответив: — Нет таких тысяч». [10]

— Что смеешься? — спросил Алексей, подозрительно,— схваченный врасплох Петр забормотал:

— Хорошо [11] ты говоришь. Даже завидно слушать,— польстил он.— Удивляюсь,— как ты это научился?

---

[1] Он [2] нача⟨л⟩ [3] *Далее*: мо⟨лодежь⟩ [4] *Далее*: Мы же — самое здоровое сословие и [5] Петру [понимать] [6] о т⟨ом⟩ [7] а другой [8] *Далее*: при⟨обретает⟩ [9] *Далее*: Он достоин почета, покоя и счастья [10] *Текст*: Потом как-то подумалось ∾ нет таких тысяч — *перечеркнут наискось зеленым карандашом.* [11] Ловко

— Медведем живя — ничему не научишься. Ты вот погляди, как Савва Морозов идет. Ну ладно, он, скажем, ученый, химик, а другие, подобные?

Алексей снова начал сыпать фамилии, слова, они [1], звено за звеном, ловко, быстро свивались [2] в серебряные [3] цепи, но скучно было слушать их, Петру казалось даже, что брат говорит на чужом языке. Так же бойко и серьезно брат возвратился к рассказу о вчерашнем кутеже:

— Ты не гляди на то, как люди дурят, ты пойми — почему дурят? Это — от избытка силы, да, да — от избытка. Седые, старики, а — как мальчишки, а мальчишка почему озорует? От бойкости, от роста, ему девать себя некуда, вот он и лезет на крышу, на стену. Конечно,— распутство. Да ведь бабы-то у нас уж очень пресные, без перца, скушно с ними. Я не про Ольгу свою говорю — она у меня особенная, глупомудрая, ты не усмехайся! Есть такие глупомудрые бабы, они как бы слепые на тот глаз, который злое видит. Их ничем обидеть нельзя, они через всякую дрянь [4] жизни, как через грязь, перешагивают — не желают видеть плохого. Ольга — замечательная. А про Наталью ты вчера верно сказал: домашняя машина.

— Так и сказал? Вслух? — угрюмо спросил Петр.

— За версту слышно было, ты же не говорил, а — орал.

— Все орали.

— Все об одном, а ты — обо всем.

— Хорош,— сказал Петр, вздохнув. Он сидел на полу, подвинув тюфяк к стене, прислонясь к ней спиной и затылком. Стена, [5] пропитанная яростным шумом, вздрагивала и гудела, шум был почти невыносим и оглушал [6], но Петр нарочно крепко прижимал затылок к стене, надеясь, что дрожь ее вытрясет из него тошную смуту; с дребезгом подъезжали пролетки к театру, кричали продавцы пирогов, мороженого, кваса, свистели полицейские [7], в Бразил‹ьском› [8] павильоне, построенном из железа и стекла на сваях над водою Обводного канала, поперек его, ревели [9] трубы музыкантов и бухал вчерашний барабан, невероятно увеличенный [10], он не позволял забыть о вчерашнем, и казалось, что [11] по коже барабана отчаянно ко-

---

[1] *Далее*: у него [2] *Далее*: в какие-то [3] *Далее*: но скучные [4] всякое зло [5] *Далее*: вздрагивала и гудела, [сте‹ну› насыщал шум] [ее насыщали] точно кожа барабана, шум был нестерпимо гулок [6] *Далее*: Петра [7] *Слова*: кричали продавцы ∾ свистели полицейские — *вставка на полях, перечеркнутая светло-синим карандашом.* [8] *Далее*: железном [9] ревело [10] *Далее*: в сто ‹раз?› [11] *Далее*: его отчаянно колотит

лотит лысый, толстый, тоже чудовищно разбухший [1] человек с безумно вытаращенными глазами.

— Завелась во мне какая-то дрянь,— вздохнул Петр, наливая коньяку в стакан лимонада, брат заботливо предупредил его:

— Смотри, напьешься [2].

И снова начал поучительно говорить о том, что Петр одичал [3].

— Так жить нельзя. Ты ведь не живешь, а — прячешься, ты словно боишься чего-то. Чего? Не понимаю.

Удобно сидя на диване, обитом чем-то пестреньким, от чего рябило в глазах, Алексей размахивал рукою, писал пальцем в воздухе узоры и говорил [4], говорил, слова его сыпались снегом; в нем, несмотря на лысину и седоватые височки, было что-то игривое, что-то от сытого [5] жеребенка, рысистое и нахлестанное, а вместе с этим чувствовалась в нем лисья изворотливость. Весь он [6] с ястребиными глазами [7] и золотым зубом [8] над нижней [9] судорожной губою, с веселой [10] сероватой бородкой и цепкими пальцами рисующей руки, а кургузый пиджачок делал его похожим на жуликоватого ходатая — по чужим делам. Его живость, ловкость и гибкость обильных слов всё более возбуждали неприязнь и зависть Пет⟨ра⟩; зависть особенно, до боли усилилась, когда Петр вспомнил, как [11] губернатор не разрешал Вере Н⟨иколаевне⟩ открыть прогимназию [12].

— Дурит старичок, [13] — сказал Алексей.— Вы не огорчайтесь, я скоро буду у него, разрешит!

Сказал он это не очень хвастливо, но так небрежно, как будто губернатор был подвластен ему; Петру даже стало жалко губернатора, похожего на палку с круглым костяным набалдашником.

— Спать охота мне,— тихо сказал он и закрыл глаза.

— А на Пески не поедешь — пельмени есть? Хорошая компания собралась, люди нам нужные, а? Поедем [14]?

Петр решительно и мрачно отказался [15] и, как только брат ушел, встал на ноги, думая:

«Какие это люди нужны мне? Мне — один человек нужен [16]. Один».

Он пошел в угол, к умывальнику, но тотчас остановился, заметив [17], что рядом [18] бесшумно идет похожий на него человек, [19] не-

---

[1] увеличившийся [2] *Текст*: Все орали ∾ Смотри, напьешься — *перечеркнут наискось светло-синим карандашом.* [3] *Далее*: что [4] *Далее*: рысью, нахлестанно [5] молодого [6] *Далее*: [та⟨кой?⟩] в кургузом пиджачке [кот⟨орый⟩ каз⟨ался?⟩] [7] *Далее*: его [8] *Далее*: во р⟨ту⟩ [9] *Далее*: быстрой [10] трясущейся [11] что [12] *Далее*: [а] но [13] *Далее*: разрешит! [14] *Далее*: освежиться [15] *Далее*: а [16] *Далее*: Не знаю, кто [17] [и вдруг заметил] но, вздрогнув, остановился, заметив [18] *Далее*: идет незнакомый человек [19] *Далее*: но

счастно измятый, растрепанный, с жалкими, испуганно выкатившимися глазами и спутанной бородой, [1] с голой волосатой грудью. Несколько секунд он не верил, не понимал, что это его отражение в зеркале над диваном, а затем, быстро шагнув вперед, стал мыться, обливая голову ледяной водою, крепко и долго растирая грудь, шею, лицо куском льда, [2] так, что заныли пальцы.

«Найму извозчика, поеду в город, посижу в Успенском саду, посмотрю на всё это»,— решил он, одеваясь.

Но, сунув руку в рукав пиджака, [3] лениво сбросил его на диван и придавил пальцем костяную кнопку звонка.

— Чаю дай,— сказал он лакею.— Покрепче завари. Рыбы соленой. Погоди!

Задумчиво посмотрев на пустую бутылку коньяка, он постучал ногтем по бутылке [4]:

— Этого принеси.

Подошел к окну, посмотрел вниз на широкие двери запертых лавок, на ползучих людей, приплюснутых жаркой тьмою к серым булыжникам улицы, на гудящий [5] фонарь пред подъездом театра, свет фонаря был [6] неприятно белый, мертвый; гремела музыка внутри железного павильона.

«Веселятся, черти...»

— Можно [7] убрать,— сказали [8] за спиной, он [9] круто обернулся,— у двери стояла толстенькая грудастая бабенка с красным веселым лицом, с ведром в руке, с половой щеткой. Петр молча вышел в коридор, наткнулся на человека в темных очках, тот приподнял соломенную шляпу и сказал в щель неприкрытой двери:

— Да, да, больше ничего [10]!

Слова заставляли думать, искать в них некий особенный и подозрительный смысл [11]; Петр приоткрыл дверь своей комнаты, сердито крикнув:

— Скорей возись!

Потом он сидел за круглым столом [12], пред ним дружески [13] посвистывал маленький самовар и позванивало стекло посуды, точно ее осторожно касалась невидимая рука. Неясные, одна другой темнее, голые думы [14] одолевали его, он не мог [15], не успевал одеть их словами, они являлись и мелькали, как лица жены, Ильи [16],

---

[1] *Далее*: в‹олосатой?› [2] *Далее*: от которого ныли пальцы [3] *Далее*: сказал [4] этикетке [5] мертвый [6] *Далее*: какой-то [7] *Далее*: всё [8] *Далее*: ему [9] о‹бернулся› [10] марганцевокислый калий и больше ничего [11] [Все] Эти слова приобретали [ка‹кой-то›] некий особенный [смы‹сл›] скрытый смысл [12] *Далее*: на столе [13] *Далее*: распевал самовар [14] *Далее*: без слов [15] *Далее*: и [16] сына

Алексея, вчерашних бешеных людей, рабочих и вообще всякие, даже [1] мимоходом замеченные лица извозчиков, кондукторов и каких-то людей неизвестного назначения. Каждое из них, вторгаясь в шар памяти, в круглую сумрачную пустоту, чего-то назойливо требовало, и все как бы просили нанизать их, как бусы, на одну [2] нитку, развесить [3], разложить в [4] ясном порядке, как приказчики раскладывают [5] товары в окнах магазинов. Петру [6] Ар⟨тамонову⟩ казалось, что никогда еще он не чувствовал себя так тяжело стесненным, таким зависимым и действительно похожим на приказчика, который не [7] может понять, чего требует от него хозяин, показывая эту сумятицу разнообразных людей, отрывки речей, напоминая какие-то садкие, хлесткие слова. «И — кто хозяин? Ничего этого мне не нужно. А хозяин — я», [8] — мысленно говорил кому-то Петр, глотая рюмку за рюмкой коньяк и заедая его ломтиками лимона. Пил крепкий, очень душистый чай [9], выпил всю воду в самоваре, спросил другой [10], коньяк обжигал рот и горло, но не [11] находя, что он облегчает думы, сказал лакею:

— Принеси, Ванька, ликеру зеленого,— знаешь?

— Так точно,— шартрез.

— Ты разве — Ванька?

— Никак нет — Константин.

— Ну, ступай. [12]

Когда лакей [13] принес ликер, он спросил его:

— Солдат, что ли?

— Никак нет, с мальчиков в этой должности.

— А говоришь, как солдат.

— Должность похожая — повиноваться [14] надо.

Петр посмотрел на него, дал ему рубль и посоветовал:

— А ты не повинуйся! Пошли всех к ..., а сам торгуй мороженым. И — больше ничего!

От шартреза, липкого и клейкого, точно патока [15], в голове стало яснее, легче всё [16] склеилось, сгустилось, [17] и пока [18] внутри Петра совершалось это стягивание дум к одной [19] точке, крик [20] и грохот во тьме за окном тоже становился всё тише, но нельзя было понять, таял он или тоже собирался в одну кучу, уплотняясь,

---

[1] *Далее:* незнакомые, однажды замеченные [2] *Далее:* какую-то [3] разложить [4] *Далее:* каком-то [5] *Далее:* всякие [6] Петр чувствовал [7] *Далее:* понимает [8] *Далее:* он [9] *Далее:* и чувст⟨вуя⟩ [10] еще [11] *Далее:* пьянил, он спросил [12] *Далее:* Солдат, что-ли? [13] *Далее:* вернулся [14] всем повиноваться [15] пойло это было липкое, клейкое, [как] точно патока [16] *Далее:* как-то [17] *Далее:* собралось в одну точку [18] *Далее:* шел [19] в одну [20] шу⟨м⟩

поглощая сам себя, тоже образуя безмолвный шум, похожий на бессловесные думы. Но теперь думы находили слова.

«Повиноваться надо? Кому повиноваться? Я — голова [1] дела, хозяин. Хозяин я, господи, или нет?»

Бога он вспомнил как-то случайно, имя это мелькнуло пред ним падающей звездою и тотчас погасло в темноте небес, над крышей театра. Он давно уже, незаметно для себя, отвык от бога, некогда было думать о нем, да и [2] раньше всегда эти думы ни к чему не вели, ничего не внушали. Он, конечно, понимал, что жить без бога так же нельзя и неприлично, как ходить по улице голому, он посещал церковь, молился, вставая, садясь за обеденный стол, молился перед сном и находил, что этого достаточно. Меньше всего мог он думать о боге в этот час черной тишины, изредка нарушаемой дребезгом пролетки извозчика, шагами рядских сторожей и запоздалых прохожих. Уже давно люди с треском и криком разъехались из театра, тучи, густые, как смола, повисли над ярмаркой.

И потому еще не мог он думать о боге и [3] также обо всем другом, что ясно видел пред собою того, кто мешал ему жить так, как живет брат Алексей и другие бойкие, веселые деловые люди. Мешал [4] широкорожий бородатый человек, сидевший [5] против его у самовара; он сидел молча, запустив пальцы левой руки в бороду, опираясь щекою на ладонь, и смотрел на Петра Ар‹тамонова› [6] жалкими глазами [7], так печально, будто [8] прощался с ним надолго, и в то же время так, точно [9] укорял его за что-то, смотрел и плакал; из-под его высоко поднятых рыжих бровей, из опухших красноватых глаз медленно текли ядовитые слезы, а на краю бороды, около левого глаза, шевелилась большая синеватая муха; вот она переползла на висок, остановилась [10] над бровью, как бы заглядывая в глаз.

— Что, сволочь? — спросил его Петр вслух, громко,— тот не двинулся, только пошевелил губами и еще обильнее заплакал.

— Р-ревешь? — злорадно заорал Петр.— Запутался, сволочь? До слез дошел...

И, схватив со стола бутылку коньяка, он с размаха ударил [11] того по [12] несчастной, ненужной голове.

На треск разбитого зеркала, на [13] грохот самовара и посуды, свалившихся на пол с опрокинутого стола, явился Константин, в двери встала толстенькая бабенка. Петр, сидя на полу, внимательно слушал жалобные слова: [14]

---

[1] глава [2] *Далее*: ни к ч‹ему› эти думы [3] а [4] Мешал ему [5] *Далее*: за зеркалом [6] *Далее*: печально [7] *Далее*: в с‹лезах?› [8] как будто [9] как [10] побежала [11] тр‹еснул› [12] *Далее*: [голо‹ве›] широкому ‹лбу?› [13] и [14] *Далее*: Что же это, ваше степенство?

— Ночь, все спят [1].

— Спят? — спросил Петр.

— А как же? Все спят [2].

— Вот зеркальце разбили вы,— жаловался лакей, помогая Петру встать на ноги, но Петр плыл куда-то и мычал: [3]

— М-муху [4]... м-муху... [5]

И весь сразу П⟨етр⟩ Ар⟨тамонов⟩ нырнул в густое, темное...

Был уже сентябрь, ветреный и мокрый, когда Арт⟨амонов⟩, не заезжая на фабрику, трясся на паре ямских в монастырь к брату. Позванивая бубенцами, чмокая копытами по раскисшей проселочной дороге, лошади охотно [6] бежали сквозь [7] невысокий ельник, строгими рядами недвижно охранявший узкую полоску [8] болотистой земли. Небо сплошь было замазано серым тестом облаков, так же скучно и серо было в похмельной голове Ар⟨тамонов⟩а. Он как будто поминки справил о ком-то очень близком, но кто всё-таки надоел ему; было и жалко покойника, и было приятно сознавать, что его уже больше не встретишь, и перестанет он смущать [9] неясностью своих слов, требований, безмолвных упреков и всем, что мешало жить настоящему, живому человеку, которому надо было делать дело, очень ясное [10], однако и очень трудное, хлопотливое дело.

«Своему праведнику [11] покаюсь и — ладно. Довольно».

После того, что он видел на ярмарке, после двух недель непрерывного [12] кутежа в памяти его остался и кружился тяжело пестрый, пьяный хоровод [13] мужчин, женщин, обрывки песен, гул музыки, треск и звон; обо всём этом Петр думал с угрюмой насмешкой над собой и над людями, которых захватил вихрь [14] бесшабашного разгула. Так же насмешливо ему хотелось думать и о горбатом брате, ловко спрятавшем себя от соблазнов и тревог жизни. Он не видел его девять лет, последнее свидание с Никитой прошло скучно [15], сухо, Петру показалось, что брат смущен и недоволен его неожиданным приездом, он все как-то ёжился и сжимался [16], точно улитка, прячась в раковину, говорил благочестиво-кисленьким голосом, но не о себе, а всё о монастыре, монахах, о монастырском хозяйстве и нуждах его, говорил очень торопливо, много и, видимо, хотел

---

[1] *Далее*: спят-с. [2] *Далее*: Скажи им: сволочи они,— приказал Петр, пытаясь подняться.— Пьяницы они и распутники... Вот [3] бормотал [4] Я — м-муху... [5] *Далее*: Ворону убил. Сволочь убил... [6] ходко [7] *Далее*: ст⟨рогие ряды?⟩ [8] дорогу [9] что он уже больше не встретится, не будет смущать [10] дело простое и ясное [11] попу [12] *Далее*: бесшабашного [13] пестрый вихрь [14] этот вихрь [15] как-то скучно [16] он все ж⟨ался⟩

попросить денег, но — не решился. А когда Петр сам предложил ему деньги, он отвел [1] его руку, сказав [2] тихонько:

— Нет, ты отцу-настоятелю отдай, мне не надо...

Было видно, что все монахи относятся к Никите почтительно; бородатый и костлявый настоятель, глухой на одно ухо, глядя на Петра каменными глазами, сказал:

— Отец Никодим [3] — украшение обители нашей...

Петр знал, что едет не за тем [4], чтоб каяться в чем-то пред отцом Никодимом, говорить о себе, а лишь потому, что не хотелось являться домой, на глаза жены и Якова, таким распухшим, пропитанным вином и едкими запахами [5] ярмарочных женщин [6], запахами, которые [7], казалось ему, он и в бане не мог отмыть от своей кожи. О них он думал больше всего, они казались ему [8] наиболее непонятным и страшным из всего, что он видел за эти недели вихревой жизни. Его поражала их жадность к деньгам, уменье [9] высасывать деньги и бессмысленная, даже как бы нарочито [10] безжалостная трата этих денег, заработанных пьяными ночами, пьяным бесстыдством.

«Моль,— думал он, хмуро поглядывая по сторонам на темные ели, [11] на золотой лист берез и осин,— моль!»

Он путался с двумя сестрами арфистками — Лизутой и Машурой [12], эти девицы [13] стоили ему дорого, и в редкие трезвые часы он всегда с изумлением думал о том, как легко вылетали из его бумажника сотни рублей и как глупо девицы [14] тратили их, а ведь на эти сотни большое семейство прожило бы не один год [15]. Другие купцы, миллионеры, как старый, знаменитый ювелир Сизов, пароходчик Белов [16], меховщик Разумов, тратили на женщин десятки и сотни тысяч; деньги [17] были дешевле цветов и так же, как цветы, их топтали ногами; богатейший текстильщик Локтев закуривал папиросы от сторублевых бумажек, зажженных на свече, совал за пазухи арфисток пачки [18] разноцветных бумажек и ревел хвастливо:

— Бери, немка,— у меня хватит.

Он всех женщин называл немками.

Бессмысленное и страшное было [19] именно в том, как легко эти бесстыдные женщины обесценивали деньги, как они [20] швырялись бумажками, ради накопления чего он жил и тратил свои силы.

---

[1] за‹махал› [2] и сказал [3] Брат ваш, отец Никодим [4] Ехал Петр не за тем [5] и духами [6] женщин, которые [7] *Далее*: он [8] *Далее*: самым ст‹рашным› [9] их уменье [10] *Далее*: бестолковая [11] *Далее*: среди которых [12] Татьяной [13] они [14] девушки [15] а ведь эти сотни рублей очень дорого стоили ему [16] Краснов [17] *Далее*: [деньги] [ты‹сячи?›] [со‹тни›?] лишались цены своей, они [18] целые пачки [19] И бы‹ло› [20] *Далее*: швыряли под ноги с тем

«Моль», повторял он про себя, не желая думать [1], но не умея отказаться от этих дум, очень ясно чувствуя [2] скрытую в них жуткую нелепость.

«Вот о чем Никите рассказать надо,— мысленно усмехался он.— Поджарить его».

Но когда, идя монастырским садом, он увидал отца Никодима, предупрежденного проворным служкой, шагающего [3] встречу ему с посошком в руках, все его [4] насмешливые думы и намерения сразу пресеклись, исчезли.

Синие глаза брата выцвели, стали светлее, [5] выцвела в них [6] и печальная покорность, знакомая Петру, теперь они смотрели неприятно пристально и как-то особенно снизу вверх, но не потому, что горбун был на голову ниже брата, а с каким-то злым намерением, казалось, что монах молча требует, чтоб мирянин не смел закрыть своих глаз.

Петр собирался сказать полушутливо:

«Ну, благословляй, что ли...»

Но сказал, наклоняясь:

— Благослови, отец.

Никодим отвел длинной желтой рукою [7] сложенные горстью протянутые к нему руки, молча обнял, троекратно поцеловал [8] брата, потом тихо сказал, указывая посохом в глубь сада:

— Постарел ты. [9]

Петр шел на полшага сзади его и видел [10], что брат стал еще более горбатым, угол его спины и правое плечо приподнялись, согнули [11] уродливое тело, прижав его к земле, сделав еще ниже, шире [12]. Двигался монах нерешительными толчками, качался, разбрасывая кривые ноги, бессильно опустив длинную правую руку вдоль рясы почти до колена, шевеля пальцами по рясе; только тупой клобук его оставался неподвижим, монах был [13] похож на паука, которому оторвали голову, [14] и вот он слепо, прямо ползет по желтым листьям, густо покрывшим дорогу.

— Ты тоже постарел,— заметил [15] Петр, глядя на седые пряди волос, рассыпанные по черному [16] плечу монаха.

— Да. На то живем. Вот — ноги болеть стали. Ревматизм. Место у нас сырое.

---

[1] *Далее*: об этом [2] *Далее*: их [3] [ш⟨агающего⟩ и] и шагающего [4] *Далее*: темны⟨е⟩ [5] *Далее*: пр⟨озрачнее?⟩ [6] из них [7] *Далее*: рук⟨и⟩ [8] пере⟨крестил?⟩ [9] *Далее*: Да. Ну что же, для того и живем. [10] Петр шагал рядом с ним, смот⟨рел⟩ [11] пр⟨игнули?⟩ [12] и шире [13] и был он [14] *Далее*: а за [15] сказал [16] по чер⟨ной⟩

В тесной чистенькой келье отец Никодим стал побольше, но еще страшней; когда он снял клобук,— матово блеснул его полуголый костяной [1] череп, точно лишенный кожи; на висках, за ушами на затылке висели спутанные и неровные пряди серебристо-серых волос, лицо у него тоже было костяное, цвета воска, всюду на лице не хватало мяса, [2] остановившиеся глаза освещали это истаявшее лицо мертвым светом. Взгляд их был сосредоточен на кончике уныло опущенного носа, под носом беззвучно шевелились темные полоски иссохших губ, рот стал еще больше, разрезая кожу лица глубокой впадиной.

Тихо и как бы [3] прислушиваясь к чему-то, он говорил келейнику, белобрысому толстогубому парню без бровей:

— Самовар. Хлеба. Меду. Яблоков. Скорее.

— Тихо ты говоришь,— сказал Петр.

— Зубы выкрошились [4]. Передних-то совсем уж нет.

Он сел в деревянное выкрашенное черным кресло [5], голова его торчала на уровне стола и казалась отрубленной.

«На икону похож»,— подумал Петр, не зная о чем говорить с этим человеком.

— Живете? — спросил Никодим.

— Живем.

— Тихон — жив?

— Жив. Что ему?

— Давно не был у меня...

Замолчали. Никодим, двигая под столом рукою, шуршал рясой, этот тараканий [6] звук был четко слышен и еще более смущал Петра. Ему хотелось выпить вина. Потом он мельком вспомнил черный блеск рояля и жуткую наготу женщины, лежавшей на нем.

— Вина не того... не приемлешь?

К его великому удивлению монах сказал, как будто усмехнувшись:

— Разрешаю. У нас тут не строго. Даже пьяницы есть, завелись с той поры, как богомольцы усердно посещать стали обитель. Пьют. Что [7] делать? Монахи — тоже люди. Все — люди, везде.

— Много богомолов?

— Много.

— Слышал я — к тебе всё ходят.

— Да, да. Ко мне. По неразумию это. Ой, постарел ты. Опух.

— Пьянствовал много,— сказал Петр грубо и громко, сердясь на кого-то.— Я ведь прямо с ярмарки к тебе. Из трактиров...

---

[1] восковой [2] *Далее*: а светлые [3] как будто [4] *Далее*: очень [5] *Далее*: и [6] мы‹шиный› [7] Что же

— Так, так,— отозвался Никодим, и было ясно, что слова Петра не потревожили его.— Раньше не пил ты,— добавил он равнодушно.

Так, чужие друг другу, с трудом находя слова, [1] прерывая беседу длительным и глубоким молчанием, они поговорили до чая, но когда был подан кипящий самовар, сильно душистый мед и теплый хлеб, от которого еще шел хмельной парок, Петр [2] вынул из чемодана бутылку коньяка, портвейна и поставил на стол, нарочито сильно [3] стукнув донцами их по столу:

— Вот оно,— сказал он, усмехаясь.

— Портвейн,— прочитал монах.— Это настоятель любит. Хороший человек. Простота ума у него. [4]

— А я вот мало понимаю,— вызывающе сознался Петр.

— Хозяин он... Любитель хозяйства.

— Я — тоже хозяин.

— Конечно. Я — знаю.

Петру всё более странно было слушать голос брата, он помнил его звонким и приятным, а теперь звучало в голосе Никиты [5] что-то взвизгивающее, и все слова его отдавали прогорклым маслом. По тому, с какой расчетливой жадностью монах высосал [6] рюмку коньяка, а потом портвейна, Петр заключил не без злорадства: «Любит». [7]

Никита выпил еще и еще, [8] после каждой рюмки он, отщипнув сухонькими пальцами мякиш хлеба [9], макал его в мед и жевал не торопясь. Незаметно [10], чтоб вино охмеляло его, говорил он [11] так же скупо, равнодушно, только чуть потемнели глаза, оставаясь так же [12] неподвижны и неприятно пристальны. Руки его, разливая чай и вино, плавали над столом медленно, а — твердо, без дрожи. Петр тоже выпил рюмок пять, он пил [13], не теряя осторожности, не желая показаться монаху пьяным, пил и все более сердился, хотя Никита, теперь [14] Никодим, и о нем идут слухи [15], как о мудром монахе, утешителе людей, но он все-таки младший брат и должен быть ласковее к старшему, пред которым постыдно виноват.

«Про Наталью — не спрашивает. И в прошлый раз не спросил, будто нет ее. Ни о ком не спрашивает из родных. Ни о чем. Притворяется...»

---

[1] *Далее*: он‹и› [2] *Далее*: выйдя [3] громко и вызывающе [4] *Далее*: Все понимает [5] а теперь было в этом голосе [6] выпил [7] Пить умеет [8] *Далее*: он зак‹усывал› [9] он, отломив [то‹неньками?›] сухонькими пальцами кусок хлеба [10] [Ви‹дно›] [З‹аметно›] Незаметно было [11] он говорил [12] такими же [13] но он пил [14] *Далее*: монах и [15] идет слава

— Хорошо ты тут спрятался, спокойно,— сказал он, сердясь всё более [1].

— Да-а,— нерешительно ответил [2] монах.— Было хорошо. Теперь вот богомольцев много. Хочу перевестись в другой монастырь.

— Зачем?

— Беспокойно стало.

— От богомолов?

— Да. Тоже всё прячутся, скрыться хотят.

— От чего? От кого?

— Н-не знаю. От забот, тревоги...

Эти [3] слова тоже обидно задели Петра, он хотел сказать что-то строгое, поучительное, уже на языке его вспухали слова упрека, но вдруг монах, точно проснувшись, пошевелил всем уродливым [4] телом своим, широко, точно черная [5] птица крыльями, развел рукавами рясы и заговорил, кривя губы, очень внятно [6], хотя так же тихо [7].

— Приходят, просят, требуют — помоги, научи [8]. А — что я знаю? Чем помогу? Ведь я ничего не знаю, как осужденный. Осудили, а — не знаю — за что? Да. И что говорю им — не знаю. Недавно вот ученый один был, верующий, молодой еще [9], настоятель внушали мне: «Ты, отец Никод⟨им⟩, хорошенько его укрепи, это полезно!» Да. Он, ученый-то, целый день жилы из меня тянул, говорит, говорит, не понимаю — что. Ну, захотелось отвязаться, умучил он меня, я и говорю: «Плоть твоя — видоизменение, а дух — уничтожение» — сказал [10], не подумав, только бы помудренее было; он, глупый,— обрадовался, руку мне целует, вот, говорит, мудрость! А настоятель после как упрекал меня: — «Что—ты, кричит, ересь какую глупую сказал! Стыдись. Хоть бы наоборот, и то лучше было бы...»

Петр [11] внимательно выслушал тихонькую [12], задумчивую речь и почувствовал в ней что-то неладное [13], и непонятно было, жалуется брат или хвастается?

Размышляя, в чем [14] тут скрыто неладное, он сказал первые слова, подвернувшиеся [15] на язык:

— О боге говорить трудно [16]...

---

[1] *Далее*: и было обидно [2] сказ⟨ал⟩ [3] В эт⟨их⟩ [4] тщ⟨едушным?⟩ [5] *Далее*: ти⟨хая?⟩ [6] ровно [7] но так же тихо [8] научи, помоги [9] *Далее*: поч⟨ти⟩ [10] *Далее*: так [11] *Далее*: оч⟨ень⟩ [12] тиху⟨ю⟩ [13] неожиданное [14] что [15] прише⟨дшие⟩ [16] *Далее*: конечно

— Трудно,— согласился монах [1], не изменяя тона, всё так же маслено и горько.— Помнишь — отец говорил нам: мы — люди чернорабочие, высока для нас премудрость эта [2].

— Помню.

— Да. Очень трудно, когда не знаешь.

— Чего? — спросил Петр и услыхал ответ:

— Ничего. Я ведь в бога-то, пожалуй, и не верю.

Петр посмотрел на восковое лицо брата, при свете лампы оно как будто стало живее и полней, посмотрел в его неподвижные синеватые глаза, в черную дыру маленького окна. На подоконнике стояли два горшка цветов, их мелкие листья казались жестяными, покрытыми ржавчиной [3]. Ему показалось, что он ослышался, но горбатый монах, еще более чужой ему, чем он был за минуту пред этим, говорил не торопясь [4]:

— У меня с настоятелем, с отцом Феодосием, всегда разговор об этом: есть бог или нет? Он меня любит. «У тебя, говорит, разум обиженный [5], а то бы я тебя прогнал с позором». Он — ученый, из попов...

Петр налил коньяку, выпил, откинулся на спинку стула, [6] жуткое любопытство заставило его онеметь и спутало все мысли. А тонкие губы брата выговаривали не спеша, одно за другим, неслыханные, опрокидывающие слова.

— У меня это давно, еще до монастыря, явилось, я думал: в монастыре погаснет, ну, не погасло. Это Тихон лишил меня бога...

— Дурак-то? — спросил [7] Петр удивленно [8], поперхнулся и захрипел.

— Нет [9], он не дурак. Тогда, как отец помер так неоправданно... Вы — ты с Алексеем — отца-то не очень любили, а я его любил. Тогда не на монахиню обиделся я, а на бога, и Тихон это сразу приметил:

— Бредишь ты,— строго сказал Петр, глядя на черную угловатую фигуру, на восковое лицо и чего-то пугаясь.— Выпил ты лишнее...

Но Никита говорил трезво, и Петр видел, знал, что монах трезв.

— Он — не дурак, у него мысли строгие. Кабы, говорит, был бог, так дожди шли бы вовремя, как полезно хлебам и людям. [10]

---

[1] *Далее*: как будто [2] *Далее*: глядите на землю, под ноги себе [3] жестяными и ржавыми. [4] *Далее*: помешивая [5] *Далее*: и пытливый [6] *Далее*: было [7] [т‹ихо›] хрипло спросил [8] изумляясь [9] Да н‹ет› [10] *Далее*: И п‹орядок›

Если, говорит, бог миру отец и хозяин, так был бы порядок, ни Адам, ни Каин не согрешили бы на смерть нашу. Эти мысли всегда с ним, с Тихоном. Я тоже погряз в них.

И снова Петр подумал:

«Жалуется он или хвастается[1]?»

А голос брата[2] навязчиво выговаривал:

— Он меня спрашивает: на что[3] богу уродство, на что ему горе? Он оцепил меня[4], на цепь посадил, как собаку, приковал к себе, столбу[5]. Он обо всём думает, и о тебе тоже: вот, говорит, работает хозяин, весь в заботе, без радости, хмуро живет, трудится для детей, а дети ему чужие.

— Это — про меня? — тихо спросил Петр.

— Про тебя. Дело, говорит, обман. Всякое дело для обмана себе и людям.

— Знаю, слышал я эти его глупости,— угрюмо сказал Петр.

— Он тебе вредный, ты бы его рассчитал.

— Нельзя. Знает много. Про нас.

Петр сказал это укоризненно, угрюмо[6], желая напомнить брату о[7] тягостной ночи, когда Тихон вынул его из петли, и думая о мальчике Никонове.

Братья замолчали. Монах поднес рюмку ко рту, помочил язык в вине и облизал губы[8].

— Его, Тихона, тоже обидел[9] кто-то, он и оторвался от всего, [10] как разорепный. [11]

И, помолчав, дернув[12] головою, он добавил неожиданно, с глубоким вздохом:

— Я его люблю. Хоть и обездушил он меня,— ну, все-таки мне его жаль. Отец Феодосий тоже беседовал[13] с ним и жалел, а мне говорит: у этого, как у тебя, брат Никодим, разум тоже обижен. Разум, говорит, как милое[14] дитя, только набаловали[15] его люди и стал он дерзок, непослушен, а Дьявол разжигает любопытство его, балует игрушками[16] и уж набаловал[17] так, что больше утешить нечем, оттого разум и обижен, скучает, ломает всё со скуки. [18]

Растянув рот во всю ширину лица, к ушам, Никита[19] кивнул головою.

---

[1] *Далее*: дерзостью своей [2] *Далее*: неспеша, вдумчиво вы‹говаривал› [3] зачем [4] *Далее*: ими [5] к столбу [6] и угрюмо [7] *Далее*: прошлом [8] и, облизав губы, сказал [9] обидели [10] [он и сорвался.] Ото всего оторвался [11] *Далее*: Нищим стал [12] кач‹нув› [13] говорил [14] *Далее*: любимое дитя наше [15] [т‹олько›] но набаловали [16] балуя конфетками, яичек подсунет, а в то [17] и уже набаловал, наобещал [18] *Далее*: потерял меру [19] *Далее*: сказал

— А по-моему, и дьявола нет.

— Плохо шутишь,— сердито сказал Петр; он решил, что брат хвастался необыкновенной дерзостью своих слов, слова эти очень встревожили его, и ⟨Петр⟩ почувствовал желание сказать ему что-то [1] строгое, даже грубое. Подыскивая веские слова, он [2] смотрел на истаявшее лицо монаха и вдруг нашел в нем [3] явное и странное сходство с тем жалобным, враждебным лицом, которое возмутило его, пьяного, на ярмарке.

«Вот оно что! — мысленно воскликнул он [4].— Конечно, — опьянел он».

Хотя эта догадка не погасила всей тревоги его, но все-таки она стала легче [5], усмехаясь, он повторил:

— Плохо шутишь [6]! Видно, правду говорят: [7] чёрт ближе всех монаху.

Никита снова дернул [8] головою и скрипуче поскреб ногтем край подноса.

— Нет, в чёрта — не верю.

И первый раз визгливо [9], коротко засмеялся, точно икая:

— Уж лучше бог с рогами, только чтобы один, а не двое...

— Ну, ты совсем завираешься,— окончательно рассердился Петр. — Ты — подумай, что ты говоришь?

Но как будто поддразнивая его, хотя говоря всё так же тихо, испытующе, лысый монах шевелил губами:

— То и говорю, что все думают. С чем люди-то приходят, на что жалуются? Не пилите нас тупой пилой надвое — вот ведь на что. Так ли? Ты сам знаешь: так. Ты — знаешь!

— Ну, что я знаю, это тебе не известно,— возразил Петр, снова сомневаясь:

«А может, он не пьян, только форсит предо мной? [10] Хитер стал. И верно, что обижен судьбой...»

Не испытывая жалости к брату, он почувствовал что-то близкое страху пред ним, и ему настоятельно захотелось кончить этот разговор, безумием своим похожий на ярмарочный кутеж [11]. В нем вспыхнуло злое желание [12] рассказать Никите, как [13] солидные люди возили [14] голую женщину, положив ее на рояль, но он тотчас понял, что об этом не следует говорить. И вообще обо всём не надо говорить.

---

[1] что-нибудь [2] *Далее*: неодобрительно [3] *Далее*: что-то странное [4] *Далее*: Пьян, значит [5] все-таки ему стало легче [6] *Далее*: монаше! [7] *Далее*: праведник [8] дернув [9] *Далее*: за⟨смеялся⟩ [10] *Далее*: Он [11] *Далее*: на постыдное поведение пьяного старика [12] [Разоз⟨лясь?⟩] Ему захотелось [13] *Далее*: старые и все⟨сильные?⟩ [14] ка⟨тали⟩

Уже вторично за время беседы на колокольне звонил колокол, мерные удары [1] его стучали в черные стекла окна.

Петр спросил:

— За службу — пойдешь?

— Нет, не хожу. Ноги, стоять не дают...

— Тут молишься?

— О чем молиться мне? — спросил отец Никодим.

— За людей,— напомнил брат.

Никита не ответил. Сидел он, упираясь горбом в спинку стула, передний горб его так выпятился, точно просил удара, всё тело и лицо его исказилось, потеряв понятные [2] формы, только глаза напоминали, что это человек.

— Ну,— сказал Петр, наклоняя голову,— я устал, мне бы уснуть.

Брат согнул длинные руки, уперся ими в ручки кресла и, выпрямив их, как пружины, поднял угловатое тело свое, понес его, покачивая, шаркая ногами, к двери, ушел.

Стало тихо в маленькой квадратной комнате, похожей на большой ящик, в котором случайно забыты два кресла, стол, скамья. [3] В тишину [4] откуда-то из угла, через дверь, открытую в темноту, влезал тихий голос:

— Митя. Митри...

Потом снова зашаркали туфли, и Никита, стоя в раме двери, сказал:

— Забыл я,— келейник-то мой в гостиницу послан, там тебя ждет. Нарочно я услал его. Тут они все — ябедники, доносчики. [5]

Петр встал.

— Куда же мне идти?

— Прямо. Так по дорожке и иди, у садовых ворот — дом белый, длинный, в один этаж...

Заткнув [6] дверь широким телом своим, он не выпускал брата, излишне подробно и многословно объясняя ему путь в гостиницу. Когда Петр вышел из кельи во тьму, под холодненький пыльный [7] дождь, он подумал:

«Не хотелось ему, чтоб я ушел».

И, осторожно шагая, прислушиваясь к шороху мокрых листьев под ногами, глядя вдаль, на [8] мутно желтое пятно зажженного фонаря, он вдруг со страхом почувствовал, что снова идет как бы по

---

[1] Уже второй раз за время беседы с колокольни требовательно звонил колокол, редкие, мерные удары [2] обычные [3] *Далее*: у двери стали [4] В тишине [5] *Далее*: Иди [6] Загородив [7] мелкий. [8] *Далее*: мутн‹ое?›

краю какого-то глубокого оврага, куда в следующую минуту может свалиться. Он ускорил шаги, протянул руки вперед, щупая водянистую пыль тьмы, напрягая зрение.

«Нет,— поспешно думал он, хмурясь и оглядываясь,— нет, надо делом заниматься, делом! Довольно колобродить. Вон как Алексей-то разыгрался. Он и обыграть может. Он меня легко может обыграть...»

Об Алексее он думал насильно, чтоб не думать о Никите [1]. У него внезапно [2] явилась мысль, что Никита тоже хотел обыграть его, сбить с толка, отплатить за свое [3] уродство, за Наталью, за всю судьбу свою. С этой догадкой он лег на узкую и жесткую кровать монастырской гостиницы, лег, не погасив дешевенькую [4] лампу синего стекла и лежа, глядя в серый потолок, на извилистые, паутинные трещины потолка, продолжал развивать свою догадку, хорошо чувствуя ее спасительность.

«Злой стал. Всё помнит. Конечно помнит. Тихоном научен. Тихона — прочь! Как приеду, так я его... Пускай болтает... Дело прошлое».

Никита пришел к нему рано утром, такой же, каким он встретил его вчера на дорожке сада, с тем же злонамеренным пристальным взглядом снизу вверх. Петр вскочил, поспешно [5] умылся, оделся и, садясь к самовару, сказал служке, чтоб ему дали лошадь до ближайшей почтовой станци⟨и⟩.

— Что так торопишься? — спросил брат, но в его словах Петр не услышал сожаления, а только любопытство [6] и какую-то фальшь.

— Надо,— сказал он.— Дело требует...

Пили чай. Петр думал, что в келье брата осталось недопитое вино и что монах, вероятно, будет пить его помаленьку, бережно. Долго придумывал, о чем бы спросить горбуна? И вспомнил:

— Так, значит,— уйти хочешь отсюда?

— Думаю. Не отпускают. [7]

— Что же это они?

— Я тут выгоден им. Народ привлекаю.

— Так. А куда же ты?

— Может никуда. Просто — странствовать буду.

— С больными-то ногами?

— И безногие двигаются по земле.

— Это так. Двигаются,— согласился Петр и подумал:

«Врал он мне [8] про бога. Это — для испытания моего. Он — в праведники метит. Может, в архиреи хочет. В учителя,— потом

---

[1] о м⟨онахе⟩ [2] то⟨тчас?⟩ [3] за свою [4] *Далее*: сте⟨клянную⟩ [5] быстро [6] в его словах не услышал [тог⟨о⟩] любопытства, а только [7] *Далее*: Да? [8] *Далее*: вчера

кичиться будет надо мной, учить меня. Все меня учат: Алексей, он, даже сын дерзнул. Ладно».

— Тихону поклонись,— попросил Никита задумчиво и тихо. [1]

— Еще кому? — тоже тихо, но задорно спросил Петр, глядя в упор в неподвижные выцветшие глаза.

— Никому,— ответил монах [2].— Да — Алексею еще.

— Ты и не спросил о нем, как живет.

— Что ж спрашивать? Я знаю, он хорошо живет.

— Тихон сказывал?

— Ты Тихону скажи — пришел бы ко мне. Предупреди,— уйду скоро, может.

— Зимой — не уйдешь?

— А почему? И зимой ходят.

— Верно,— снова согласился Петр и предложил брату [3] денег.

— Ты бы настоятелю [4], мне не надо,— отказался Никита.— Ну, ладно [5], давай, я передам,— и зевнул, прикрыв рот ладонью.

Всовывая деньги в руку брата, Петр мельком подумал:

«Девкам щедрее давал».

Это рассердило его: откуда выпрыгивают такие [6] колкие ненужные мысли? Их как будто подсказывает кто-то со стороны, угрюмый, чужой [7], неприятный и трусливый.

— Не зайдешь к настоятелю-то? — вяло осведомился [8] монах.

— Некогда, вон лошадь готова.

Прощаясь, обнялись, но монах не благословил брата [9], правая рука его запуталась в рукаве рясы, и Петру показалось, что она запуталась нарочно. Выехав за [10] ворота монастыря, он обернулся и на белой стене ограды увидал [11] привалившуюся к ней, похожую на черный угловатый камень фигуру [12] брата.

— Прощай,— пробормотал он, приподняв фуражку.

С версту проехав молча, он спросил послушника-возницу:

— Как у вас отец Никодим? Уважается?

Послушник картаво ответил:

— Укгашение обители.

«Знает, что я брат, правды не скажет»,— сообразил Петр и задумался [13].

«Украшение! Еретик, в бога, говорит, не верю [14], а они — украшение, дураки...»

---

[1] *Далее*: Скажи [2] Ник‹ита› [3] о‹тцу?› [4] Ты настоятелю отдай [5] Да, ладно [6] во‹т› такие [7] *Далее*: и [8] [сп‹росил›] равнодушно осведомился [9] но Никита не поцел‹овал› Петра [10] из [11] *Далее*: широкую [12] зна‹комую› фигуру [13] *Далее*: о своем. [14] в бога не верит

И вдруг, точно его обожгло[1], Петр Арт⟨амонов⟩ подпрыгнул на тряском сиденье, схватив возницу за плечо, тот подался назад, дернув вожжами, лошадь встала, высоко взмахнув мордой.

— Тише, поезжай шагом,— сказал Петр, смутясь и опуская глаза под испуганным взглядом монашка.

— Простите, Христа ради...

Петра внезапно и больно уколола одна из чужих[2] мыслей:[3]

«Ведь и я на фабрике, как Никита в монастыре,— зачем фабрика нужна мне? Вот из-за нее сына потерял. Я тоже вроде[4] неверующего. Никита, он хоть спрятался для своего удобства, а я — что же? Деньги у меня есть, на всю жизнь хватит»[5].

Он перекатывал эту мысль в голове, точно[6] орех во рту, не в силах разгрызть его каменно-твердую скорлупу. Она раскачивала его, подавляя своей тяжестью[7], он окружал ее разными словами, пытаясь смягчить явную ее[8] враждебность и угловатую[9] прямоту.

«Я давно могу барином жить, в полном покое...»

Пред ним снова встала полузабытая картина: усадьба Прокторовой, Вера Николаевна, приятная, ласковая тишина, беззаботность жизни, налаженной просто и крепко, вдали от людей. Он напомнил себе, что усадьба продана, с нарочитым бесстыдством заставил себя подумать, что помещица не может быть такой охмеляюще забавной, как женщины на Ярмарке[10].

«Усадьба не одна, красивых барынь много».

Но думая об этом, простом, осуществимом, он[11] угрюмо чувствовал, что за этими мыслями скрываются, шевелятся и угрожающе растут[12] другие[13] — о Никите, Тихоне[14] и о дерзких словах дворника[15]:

«Если б⟨ог⟩ миру отец и хозяин[16]...»

Петр озлобленно выругался про себя:

«Подлецы! Ведь вот о чем думают. Это — со зла они, от зависти. От лени, негодяи...»

Чтоб избавиться от этой мысли[17], загасить ее, он на каждой почтовой станции пил водку и на третьи сутки приехал к вечеру[18] домой полухмельной[19], истрепанный дорогой[20].

---

[1] ударило [2] из тех [3] *Далее*: которые всегда пугали его [4] Ведь и я [5] *Далее*: а я все вожусь, беспокоюсь [6] *Далее*: твердый [7] *Далее*: и ясностью [8] ее явную [9] и пря⟨моту⟩ [10] *Далее*: и сам себе подсказывал [11] *Далее*: чу⟨вствова⟩л [12] хитро скрывается, шевелится и растет [13] [еще как⟨ие-то⟩] еще какие-то другие [14] о Тихоне [сыне], об Илье [15] о словах монаха [16] *Далее*: так был бы порядок... [17] от этих мыслей [18] к ужину [19] полупьяный, сердитый, [а] [и] но⟨?⟩ [20] *Далее*: и думами, но ласково встреченный женою, детьми, он несколько обмяк, а распределяя подарки, хвастаясь покупками, и совсем уж смягчился [з⟨а?⟩]. За ужином много пил, а пот⟨ом⟩, [в⟨спальне⟩] [помогая ему идти] проводив в спальню, жена осторожно сказала

Но когда жена, Яков, дочь встретили его ласковым шумом, праздничной суетою [1] и особенно в те минуты, когда он, умывшись, освежась, стал раздавать [2] жене, детям и прислуге подарки, Петр ощутил спасительный приток [3] благодушия и гордости собою. Сидя [4] среди комнаты, у стола, нагруженного покупками, распределяя дары людям, [5] он ухмылялся в ответ на их восторги, улыбки, поклоны, поцелуи, гладил рыжеватые [6] кудри толстенькой бойкой дочери и мысленно говорил [7] кому-то: «Вот что значит отец, хозяин... Дурачье!»

— А Тихон где? [8] Позовите,— приказал он; ему хотелось встретить дворника насмешливо, унизить его каким-то веским словом, но когда Тихон встал [9] у двери с шапкой в руках, он не только не нашел [10] нужного слова, а вдруг почувствовал пред [11] тяжелым этим человеком [12] смущение, новую вражду к нему и пробормотал [13]:

— Вот часы тебе, носи.

Осторожно положив на широкую ладонь дворника серебряные часы на толстой шейной цепочке, он отвернулся от него.

— Покорно благодарю,— сказал Тихон; два обычных [14] слова прозвучали в веселом шуме комнаты ненужно, досадно [15] и [16] затемнили праздник.

«Покорно [17], — подумал Петр.— Знаю я тебя! Притворяешься дураком [18]».

За ужином он много пил, а когда в спальне жена осторожно сказала ему [19]:

— Что [20] это ты пить многонько стал?

Сидя на стуле, он погрозил ей пальцем.

— Стой, не рычи, мать. Я — знаю, что делаю. [21] У меня [22] недруг есть.

— Алексей, что ли? — спросила Наталья и даже как будто обрадовалась.

— И Алексей. И — все. Я у Никиты был, в монастыре. Погоди, молчи!

Он стукнул [23] кулаком по своему колену [24].

— Кто смеет думать за меня?

И с размаха ударил себя кулаком в грудь.

— Я всем думам хозяин, я!

---

[1] суетой [2] *Далее*: им [3] Петр по‹чувствовал› приток [4] Он, сидя [5] *Далее*: любу‹ясь› [6] *Далее*: вь‹ющиеся› [7] и думал [8] Тихон где? [9] [В‹стал›] не встал [10] он, не найдя [11] к [12] *Далее*: [непри‹ятное›] непонятное [13] *Далее*: протягивая [14] и в обычные [15] и досадно [16] *Далее*: что-то как‹бы?› [17] *Далее*: дурак [18] *Далее*: дурак [19] *Текст*: Но когда жена ∽ сказала ему — *вставка на отдельном листке* [20] На что [21] *Далее*: Молчи [22] *Далее*: мать [23] ударил [24] *Далее*: крича

Жена, оробев, спросила [1] негромко:

— Разве я спорю?

— То-то...

Ее мягкие теплые руки помогали [2] ему раздеться; румяная, толстая, все еще моложавая, она действительно была покорна и умиротворяла.

— Я тебя знаю,— бормотал [3] Петр,[4] — ты мне — друг. Может быть, я виноват пред тобой, а все-таки я тебя уважаю. Ты простая, без фокусов [5]. Не притворяешься.

Он видел, что слова его приятны жене, Нат⟨алья⟩ улыбалась, ему очень понравилось, когда она, гладя ладонью щеку его, ласково сказала:

— Эх ты, пьяненький...

Смеясь, он обнял ее, посадил на колени себе и вдруг почувствовал, что сейчас может заплакать. Хотя [6] пьяный, он все-таки понимал [7], что плакать пред женой нельзя, унизительно, и столкнул ее с колен.

— Ну, раздевайся...

По обыкновению она стала [8] молиться, но муж, сидя на краю постели, усмехнулся, говоря:

— Ты — скорее. Чего тебе, о чем много молиться? У тебя всё есть...

Крестясь, жена обернула к нему голову, и вышло так, что, вместо поклона [9] в угол, она [10], улыбаясь, поклонилась мужу [11]. Это было хорошо. Он, тоже улыбаясь, протянул к ней руки.

...Мерно, спокойно [12] пошли тихие, ясные дни бабьего лета, сменяясь светом [13] лунных [14] ночей. С рассвета до позднего вечера у амбаров кричали мужики и бабы, сдавая лен, по ночам у трактира, открытого тощеньким сыном плотника Серафима, играла [15] гармоника, раздавались [16] песни, неугомонно шумели пьяные [17]. И как только Петр Ар⟨тамонов⟩ [18], просыпаясь в жемчужном сумраке осенних зорь, открывал глаза, он слышал стук, шорох и шёпот ткацкого [19] корпуса, слитный, глуховатый, привычный уху шум [20] работы. Всё шло гладко, всё казалось прочно налаженным [21], и всё вместе — фабрика, люди, даже лошади,— работало, как одна огромная машина, заведенная навсегда.

---

[1] сказала [2] Она помогала [3] сказал [4] *Далее*: я тебя уважаю [5] *Далее*: без [6] Хотя и [7] понял [8] н⟨ачала?⟩ [9] обернулась к нему с улыбкой на лице и, вместо [т⟨ого⟩] поклона [10] она по⟨клонилась⟩ [11] ему [12] *Далее*: один за другим [13] светлыми [14] [лунных] полнолунных [15] пел⟨а⟩ [16] пел⟨и⟩ [17] *Далее*: [С⟨лышались⟩] и с⟨лышались⟩ [18] *Далее*: открывал [19] ткацкой [20] *Далее*: непрерывной [21] налаженным на века

Было приятно наблюдать, что [1] Яков, увлекаясь делом, въедается в него, как быстро понимает он всё, что нужно делать; его поведение успокаивало думы об Илье, [2] даже примиряло с любимым сыном, так глупо обидевшим отца.

«Обойдусь [3] и без тебя, ученый».

Сытенький, розовощекий [4], с пухлыми губами и веселым [5] взглядом серо-голубых глаз, Яков мелким шагом упругих коротких ног быстро носил [6] круглое тело свое по двору фабрики [7], по корпусам и, хотя вблизи был странно похож телом на голубя [8], а с лица — на девушку, издали казался взрослым [9] ловким человеком. Его, видимо, любили рабочие [10], говоря с ним, добродушно улыбались, работницы смотрели [11] ласково, [12] а он с бабами и девицами ворковал, сладостно прищуривая глаза и ходил около них как-то боком, не умея скрыть под напускной солидностью задор молодого петуха. Отец [13] подмечал в нем немало забавного, смешного и ждал [14], что Яков вырастет [15] легким, ловким человеком, хорошим [16] купцом и таким же, как его дядя [17].

---

[1] как [2] *Далее*: при⟨миряло⟩ [3] Обойдем⟨ся⟩ [4] Розовощекий, сытенький [5] на⟨смешливым⟩ [6] Яков был [легок, быстр, шагал] легок, быстрым и легким шагом упругих и коротких ног с утра носил [7] из ткацкой в [8] *Далее*: и на [9] *Далее*: и зорким человеком, который [обещал] обещает быть хорошим хозяином. Со старыми рабочими он умел говорить поч⟨ти⟩ ласково, но и настойчиво, [это[его, видимо, любили [10] *Далее*: на фабрике [11] *Далее*: на него [12] *Далее*: но настойчиво [13] *Далее*: в⟨пем⟩ [14] но ждал [15] будет таким же [16] и хорошим [17] *Текст*: Сытенький, розовощекий ∾ как его дядя — *написан на наклейке*; *под наклейкой — более ранний текст*: Петр знал, что Илье помогает жить дядя, [но] он никогда не говорил с Алексеем об Илье, но Ольга, очень искусно [и ловко], как-то между прочим, рассказывала ему, как Петр ⟨*описка*: *следует* — Илья⟩ живет, учится. Артамонову казалось, что эта маленькая женщина, быстро старея, становится все умней и все [более не⟨понятной⟩] менее понятной.

Он завидовал [ее] уменью ее говорить обо всем очень просто, [ясно] завидовал ее отношению к носатому, некрасивому [и зло⟨му⟩] сыну, задорному спорщику [и], видел, что сын любит ее какой-то особенной — непочтительной, даже насмешливой, но нежной любовью [и понимал, что Наталью [и] Илья и Яков не оч⟨ень⟩ лю⟨бят⟩]

— Грубоват с тобой Мирон, — заметил Петр, — Ольга удивилась:

— [Что ты?] Откуда ты взял это?

— Насмешничает...

— Ну что ж? Он умнее меня, а я часто глупости говорю.

Петр вздохнул, [подумал] думая [о своей жене, она]: «Наталья так не скажет».

Женщина в очках, с лучистыми морщинками вокруг глаз, с красным кончиком носа, наклонясь над пяльцами, пристально вышивала бисером необыкновенно яркие цветы и говорила тихонько.

Нравилось ему, что Яков, бывая у дяди, почти никогда не принимает участия в бесконечных спорах [1] Мирона с его товарищем [2] Горицветовым. Мирон стал совсем не похож на купеческого сына, худощавый, носатый, в очках, в тужурке [3] с позолоченными пуговицами и такими же эполетами на плечах, он казался чиновником, ходил и сидел прямо, как солдат, говорил высокомерно [4], заносчиво, и хотя Петру казалось, что этот некрасивый парень [5], избалованный родителями, всегда говорит что-то умное, все-таки племянник не нравился ему, даже возбуждал неприязненное чувство.

— Ну, это, брат,— хилософия,— говорил он товарищу, держа руки фертом в карманах тужурки [6], — это — мудрствование от хилости, от неумелости [7].

Маленький угловатый Степан Горицветов в черной [8] рубахе под студенческим сюртуком, весь неприглядно расстегнутый, лохматый [9], с опухшими глазами, точно [10] он не спал несколько ночей, с темным, острым лицом [11], судорожно размахивал рукой и говорил, ничего не слушая [12].

— Вы достигнете того, что солнце будет восходить [13] в небеса по свистку фабрики, и дымный день будет вылезать из болот, из лесов по зову машин, но что сделаете вы с человеком?

Мирон морщился, поднимал брови, поправлял очки [14].

— Я говорю: это — хилософия, это стишки. Пойми, Степан, на Западе философия идет от любви к мудрости и ради любви к мудрости, а у нас это — языкоблудие. Нам итоги подводить нечему...

— Ничего еще не намудрили, да? — едко спрашивал черненький человек, и [15] слова сыпались с него, как осенние листья с дерева, когда [16] дует ветер.— Что же скажете вы, заковав в железо землю и людей, сделав человека рабом машин. Что же тогда будет с духом человека,— скажи?

Мирон пожимал плечами, отчеканивая свои слова:

— Этот дух твой — хитер, он хочет [17] обойти историю, увильнуть от нее, но в конце концов он хочет обмануть самого себя. [18] Хитрость — оружие самозащиты слабых...

«А что бы Илья сказал?» — думал П⟨етр⟩ Ар⟨тамонов⟩, напряженно вслушиваясь в необычные речи. Их смысл был неясен ему, он с удивлением [19] чувствовал, что спорщики оба говорят [20] что-то

---

[1] *Далее*: носатого, некрасивого [2] *Далее*: черненьким, суетливым [3] визитке [4] и говорил, точно поп [5] *Далее*: о⟨чень⟩ [6] визи⟨тки⟩ [7] *Далее*: жить [8] *Далее*: суконной [9] во⟨лосатый⟩ [10] как будто [11] личиком [12] не п⟨онимая?⟩ [13] [вст⟨авать⟩] поднима⟨ться⟩ [14] *Далее*: и пов⟨торял⟩ [15] и снова [16] в день, когда [17] пот⟨ому⟩ он хочет [18] *Далее*: Однак⟨о⟩ [19] и с удивлением он [20] *Далее*: умно

важное, и как будто каждый из них близко[1] к правде. «У кого же правда[2] лучше? Наверное, у того, который сам лучше».

Но Горицветов не нравился ему еще более, чем племянник. В этом человеке было нечто судорожное[3] и ненадежное, и он явно боялся чего-то, кричал. Он был бесцеремонен, как пьяный, садился за стол раньше хозяйки, нехорошо засовывал[4] пальцем за ворот себе салфетку, перекладывал и передвигал на столе ножи, вилки, ложки, ел неблагопристойно, обжигаясь, быстро глотая[5], дергал плечом, черные зрачки его воспаленных глаз[6] смотрели слепо; здороваясь с Петром, он молча, непочтительно совал ему горячую сухую руку и непочтительно отдергивал ее. Петр почти потерял к нему интерес после того, как на замечание Ольги:

— Ты, Степа, ешь, а не говори! — Горицветов трескуче ответил:

— Не могу не говорить. Мое природное назпачение — многоглаголание. Я знаю: во многоглаголании — несть спасения, но все-таки человек должен[7] говорить обо всём, что его тревожит, во что он верит или не верит.

Петра удивляло молчаливое внимание Алексея и Ольги; они слушали споры студентов даже почтительно и до того, что сами говорили мало, вполголоса; Ольга с лучистыми морщинками на висках, с красненьким кончиком носа после обеда и чая сидела, наклонясь над пяльцами, пристально вышивая бисером необыкновенно яркие цветы, Алексей ложился на диван и курил папиросу, покашливая, Яков, сидя в углу за круглым столом, молча скучал, рассматривая большие толстущие книги иллюстрированных журналов.

В комнате, пестро украшенной вышивками из бисера[8], тесно загроможденной старинной барской мебелью, неутомимо спорили[9] два голоса, один — высокий, трескучий — захлебывался словами, другой говорил сухо и скупо.

Возвращаясь[10] с Яковом домой, отец спросил его:

— Понимаешь, о чем они галдят?

— Конечно, папаша,— ответил сын и замолчал. Было несколько неловко и даже обидно расспрашивать мальчишку[11], выдавая ему свое непонимание, но Петр все-таки спросил, строго, как бы экзаменуя:

---

[1] близок [2] Но — которая п‹равда› [3] что-то крикливое [4] [дерга‹л›] засо‹вывал› [5] [ел быстро, н‹еблагопристойно›] ел неблагопристойно, быстро [6] *Далее*: как-‹то› [7] *Далее*: так [8] *Далее*: и тя‹желой› [9] В стены комнаты, пестро увешанные вышивками из бисера и какими-то не нужными никому чубуками, картинами в рамках, [дро‹бью›] в стекла окон дробью сыпали‹сь› [10] Как-то, возвращаясь [11] его

— Ну,— о чем же?

Сын кратко, но не очень понятно рассказал: Мирон утверждает, что Россия должна жить тем же порядком, как живут иностранцы, а Горицветов верит, что у России свой путь [1].

— Который ближе к правде?

— Мирон, папаша [2].

Он с изумлением выслушал горячую речь сына о том, что Россия [3] — сама себе огромный рынок [4] и развитие промышленности ей необходимо [5], о крупных помещиках, банках, немцах, о Сибири и Дальнем Востоке. Слушать это было приятно, но обидно [6], думалось:

«Вот как? [7] А я ничего этого не знаю. [8] Послушал бы его дедушка» [9].

— Если б иноземцы жили богаче [10] нас, какая же у них [11] причина в чужой стороне [12] дела заводить? Не мы к ним идем фабрики строить, а они к нам; значит, у них хуже,—сказал он [13] для того, чтоб возразить сыну, и, заметив на круглом лице его [14] скупую усмешку, обиделся, перестал слушать его слова [15], теперь еще менее понятные, потому что Яков стал говорить вполголоса и быстро [16], как бы торопясь сообщить некую тайну; это стало даже смешно Петру.

«Учит отца... дурак [17]».

Он вздохнул, вспомнив, что чем больше живет, тем чаще ему приходится испытывать толчки удивления, отодвигавшие его куда-то в сторону [18], предрекая ему роль зрителя, который должен

---

[1] Сын кратко и понятно сказал, что Мирон утверждает, что не одним хлебом [и деревней до‹лжна жить›], не только интересами деревни и мужика должна жить [страна] Россия, но развивать свое хозяйство всесторонне, как все другие страны, а Горицветов [бо‹ится›] считает, что промышленность давит людей, и Россия должна [обойти] идти своим путем. [2] По-моему, папаша, они оба болтуны. Во-первых, Россия — сама себе огромный рынок и чужим товаром жить ей стыдно, во-вторых, [крестьянину] крестьянина надо научить [3] выслушав горячий ответ сына, увлеченно [заго‹ворившего›] сказавшего, что Россия [4] *Далее*: что [свое всегда] стыдно жить [5] *Далее*: говор‹ил› [6] немножко обидно [7] Вот-те и мальчишка! А я его не замечал. Надо пос‹лушать› [8] *Далее*: То-есть и знаю, да не так [9] *Далее вставка на отдельном листке*: [Бойкая речь] Но бойкая речь сына не убедила его в том, что [пле‹мянник›] Мирон верно понимает [жи‹знь›] дело, [лучше Горицветова] [10] живут лучше, богаче [11] так им нет [12] в России у нас [13] *Далее*: и снова заметил [14] сына [15] речь его [16] торо‹пливо› [17] Учит, дурак, отца... *Текст*: Если б иноземцы ∾ Учит отца... дурак.— *написан на отдельном листке.* [18] *Далее*: в наблюдатели

всё видеть, обо всем думать с тревогой, всё более [1] назойливой [2]. Всё вокруг незаметно [3] и быстро изменялось, всюду, в словах и делах, кричало новое, возбуждая тревогу. Он вспомнил, как Ольга сказала [4]:

— Правда — это когда покойно в душе и больше ничего не хочешь.

— Верно,— согласился Петр.

Мирон, сверкнув очками, начал строго учить Ольгу [5]:

— Так нельзя думать, мамаша, это не правда, а — смерть [6].

Говорил он сухо, непреклонно, но [7] в его словах Петр слышал что-то судорожно-жадное [8] и завистливое. [9]

Усмехаясь, он сказал [10]:

— Этак будет окаянная жизнь... И не о правде ты говоришь? Где ж [11] тут правда?

— Правда — в деле, в действии,— ответил племянник [12] и ушел [13], унося с собою огромный лист бумаги, свернутый в трубку, циркули [14], карандаши.

— Груб он с тобой,— сказал Петр, качнув головою, дергая ухо свое.

Ольга усмехнулась:

— Откуда ты взял это?

— Вижу. И говорит неразумно. Люди — не собаки.

— Он — умнее меня, а я часто глупости говорю. Дети [15] — умнее нас. [16]

В это Петр не мог поверить и услышал в словах Ольги намек на его отношение к Илье. Он знал, что Ольга и Алексей помогают жить Илье, но никогда не говорил с ними о нем. Ольга искусно, как-то между прочим, сама рассказывала ему о том, как Илья живет в Москве.

«Ну и пусть живет. Умнее будет — поймет, что был глуп...»

Изредка он встречал у Ольги Прокторову, всё так же красивую, скромную и чужую. Она говорила с ним тем тоном, каким он, бывало, говорил с Ильей, когда боялся, что напрасно обидел сына, и этот тон возбуждал у него [17] чувство стеснения. Он часто думал об этой женщине, но — не хотел ее; в тихие минуты образ ее всегда вставал пред ним, это было грустно, приятно [18] и тоже удивляло его:

---

[1] еще более [2] *Далее*: чем та, которую внушала фабрика и дело [3] Все было удивительно [4] умно сказала [5] строго [сказал] заметил [6] Это, мамаша, не правда, а — смерть. Правда — только в [росте] движении, в непрерывном росте мысли и дела [7] *Далее*: его слова рисовали жизнь в судорогах жадности, в [8] судорожное [9] *Далее*: Это уже [10] [сказ‹ал›] заметил [11] И где ж [12] *Текст*: Говорил он сухо ∾ ответил племянник — *написан на отдельном листке* [13] сказал и ушел [14] готовальню [15] Дети все [16] *Далее*: Такое время [17] в нем [18] и приятно

человек нравится, о нем думаешь, но нельзя понять, зачем он нужен и говорить с ним так же невозможно, как с глухонемым

Ему казалось, что рабочие [1] изменились к худшему [2]. Старики все [3] примерли, уже и дети их стали почти стариками, а молодежь [4], работая небрежней, стала капризна, жаднее к деньгам, больше пьянствовала [5], не так рано [6] женилась, как раньше, но жила распутнее, и распутство было [7] так же крикливо [8], как [9] новые несуразные песни. Люди больше озорничали, все [10] как будто становились [11] меньше ростом, чахоточнее, злее [12] и, теряя привязанность отцов к фабрике, теряли почтение к хозяину. Их заражала непоседливость, охота к бродяжничеству.

Никем и ничем не обиженные парни, даже солидные мужики, вдруг приходили в контору, заявляя о расчете; он никогда не мог добиться от них, почему [13] они уходят.

— Так,— говорили они, усмехаясь,— поглядеть, что в других местах... [14]

— Чего они бесятся? [15]

— Время беспокойное, папаша,— объяснял Яков. [16]

Сын [17] объяснял, а отцу казалось, что крепкий [18], плотный молодой человек сочиняет некую [19] чепуху, имея хитренькую цель напугать отца, отодвинуть его в сторону.

Речи сына казались ему тем более подозрительными [20], что Яков говорил [21] с усмешкой, а разве можно говорить усмехаясь [22], когда речь идет о бунте всех рабочих против всех хозяев?

— Ерунда это,— сказал он.

— Не совсем,— осторожно заметил Яков.— Если это взять в свои руки... [23]

То, что сказал сын, было уже совершенно нелепо и даже опасно, Петр [24] строго посоветовал ему:

---

[1] и рабочие [2] тоже [становятся другими] изменились, стали хуже; у них явилось что-то неустойчивое, [некая] непоседливое [3] почти все [4] *Далее*: заразилась какой-то неустойчивостью, непоседливостью. [5] пила водки [6] *Далее*: и охотно [7] ее было [8] *Далее*: напоказ [9] *Далее*: ее [10] и все [11] стали [12] *Далее*: заражались [ка‹кой-то›] непоседливостью [13] [куда и зачем] почему и куда [14] *Далее*: Они пели какие-то новые песни, не столь рано и охотно женились, как прежде [и], но стали распутнее жить, больше пили водки, бойчее говорили, охотнее озорничали. [15] *Далее*: ворчал Петр. [16] *Далее*: Стачки везде. Социалисты завелись.— Это еще что? [17] Яков [18] что [он что-то] этот крепкий [19] каку‹ю то›. [20] [Он ‹говорил?›] В речах Якова он слышал нечто подозрительно‹е› [21] *Далее*: спокойно [22] спокойно [23] [Но] Если ограничить это движение [и], взять в свои руки, и то кроме пользы от него [24] То, что он рассказал отцу, было уже совершенно дико и так глупо, что [Петр] отец

— Ты это [1] выбрось из головы. [2] Это — Алексеевы заемные мысли [3], их господские мозги выдумали. Господишкам выгодно власть у царя отнять, они — беднеют. А мы и безволостно богатеем. У тебя дедушка в лаптях ходил, и я в твои годы тоже, а ты вот шелковые галстухи носишь. Ты — помни, за что царя убили. Ты будь царю работником [4], а не свиньей... Царь — дуб, это от него нам золотые желуди.

Он был доволен тем, что сын, поперхнувшись какими-то словами, кашлянул и замолчал. Мысли этого порядка П‹етр› Ар‹тамонов› считал лишними, они быстро утомляли его своим обилием и двуцветностью [5]; иногда казалось, что эти [6] темненькие, опасные мысли вдруг окрашиваются холодным светом, какой-то требовательной и пугающей правдой [7]. И хотя правда эта была неясна [8], он уже чувствовал, что [9] принять ее, согласиться с ней — не может. А все-таки они раскачивали его, кружили, [10] постепенно отводя куда-то в сторону, в одиночество.

Было обидно видеть, как сын, брат, племянник, размахивая руками, точно евреи на базаре, кричат и спорят [11], не замечая его. Даже говоря о фабрике, они забывали, что он старший в деле, а

---

[1] Ты эти штуки [2] *Далее зачеркнуто*: В знойный июньский полдень на глазах Пет‹ра› Ар‹тамонова› умер [девяносто] восьмидесятитрехлетни‹й› веселый [плотник] [столяр] Серафим. Петр зашел к нему в мастерскую пожурить старика за [небрежно‹сть› сделанного сто‹ла›] небрежно сделанную работу, а Серафим [то] точно только его и ждал, откачнулся от верстака, шагнул навстречу и вдруг согнулся, присел, свалился боком на стружки, хватая себя за грудь и горло, промычал невнятно:

— Гр — гро...

И, волнисто вздрогнув, вытянулся. [Хоронили его] *Ср. с текстом* на стр. 240. *Затем также зачеркнуто*: Он был доволен, что Яков, [крякнул, про‹говорил›] поперхнувшись какими-то словами, кашлянул и замолчал, но [эти] все-таки мысли сына вцепились в его память. Это были какие-то двуцветные мысли — [то] темненькие и пугающие, они вдруг [свет‹ились?›] окрашивались заревым [розоватым] светом, [рисуя] показывая будущее дела и обоих сыновей [в] [спокойным ‹и›] крепким [а] и самому Петру обещая то же что-то [приятное] приятно спокойное. Он [как] точно качался в этих мыслях из с‹вета›], переносясь из тени в свет, и хотя уставал от них, но все внимательнее [при‹слушивался› к голосам] вслушивался в голоса [м‹ыслей›] этих мыслей, а они звучали вокруг него все чаще, громче, настойчивее. *Ср. с текстом ниже*: Он был доволен [3] *Далее*: это шалые головы [4] работник [5] Мысли этого порядка были непривычны, казались лишними Петру и всегда утомляли его; их было много и какие-то двуцветные, они качали его по [6] в эти (?) [7] *Далее*: новой для него [8] неясной ему [9] *Далее*: [сог‹ласится›] от‹вергнуть› [10] *Далее*: отводя [11] *Далее*: [об устройстве электрической] [об освещении] [об] по вопросу об освещении фабрики электричеством

когда, стараясь говорить внушительно, он им напоминал о себе, люди эти, выслушав его молча, как будто соглашались с ним, не делали по-своему. Это началось давно, с той поры [1], как они против его желания осветили фабрику электричеством. Хотя он быстро убедился [2], что электричество безопасней и выгоднее, но все-таки не мог забыть обиды.

Особенно дерзко и противно вел себя племянник; он кончил учиться, одевался в какие-то нерусские курточки, весь, от золотых очков до ботинок, блестел как медь, начищенная мелом, щурился, морщился и чаще других говорил:

— Нет, это не годится. Это — старо. Не то время.

Он [3] был также смешно жаден на ненужные вещи и собирался жениться на дочери Веры Прокторовой, такой же тонкой и стройной, как ее поседевшая и замороженная мать; эта девушка тоже всё как-то неприятно щурилась, [4] присматривалась ко всему упорным взглядом сиреневых глаз и, напевая сквозь зубы, с утра до вечера мазала пестрые картинки.

Противен был бездельник Горицветов, он мелькал [5] над землей стрижом, неожиданно являлся, вдруг исчезал, снова являлся и, наскакивая на всех, кричал:

— Вы превращаете всю жизнь в машину и торговлю, вы хотите превратить богато одухотворенную Русь в бездушную Америку. То, что вы называете ин-дуст-рия,— железная клетка, дьяволова мышеловка для людей.

В этих криках Петр подмечал что-то общее с глупостью Тихона Вялова, хотя не было людей более различных, чем этот обожженный судорожный прыгун и тяжелый, ко всему равнодушный Тихон.

— Ин-ду-ст-рия! — взывал Горицветов, произнося это слово с отвращением, точно разламывая его на куски, и, обращаясь к Елизавете Прокторовой, внушал ей:

— Вы, человек духа,— что вы молчите? Надо кричать, надо убеждать.

Она улыбалась ему, но молчала; лицо у нее было неподвижное, надменное [6], улыбались только глаза.

Алексей, совсем уже старичок, сухонький и лысый, но всё еще [7] неукротимо бойкий, хватал Якова за пуговицу пиджака, за плечо, прихрамывая, бегал вокруг его и тоже кричал:

— Стой! [8] Пойми задачу сословия...

---

[1] с того [2] ув⟨идел⟩ [3] *Далее*: собирался жени⟨ться⟩ [4] *Далее*: напевала [5] летал [6] лицо у нее было длинное, холодное и надменное. [7] так же [8] *В автографе описка*: Столь!

Яков толстел, держался солидно, говорил мало, веско, тоже не очень понятно, но, должно быть, хорошо,— его слова одинаково раздражали и дядю, и брата, и Горицветова. Он отпустил окладистую татарскую бородку, казался старше своих лет и был скуп на деньги так же, как на слова. Вместе с рыжеватой бородою в речах Якова всё заметнее росла насмешливость, она почти всегда блестела в его выпуклых радужных глазах, похожих на мыльные пузыри,— отцу приятно было слышать, когда сын говорил словами деда:

— Я — человек чернорабочий, но хочу быть сам себе барином, а вы — по дороге в господа сядете в лужу...

П⟨етру⟩ А⟨ртамонову⟩ вообще стала нравиться насмешливость в людях; было забавно видеть, как тот или другой человек [1] безуспешно старался вывернуться из вихря слов, жаливших его, точно осы. Даже когда он видел в этом положении Якова, он испытывал удовольствие зрителя [2], который видит, как ловко притиснут борец и симпатичный ему.

Как-то, споря, Яков сказал:

— А когда за счет своего ума жить будете? Вон Илье тоже ума в России не хватило, за границу поехал...

— Ну, это глупо! — возразил Мирон, вздернув нос.— Тебе Илью [3] не понять так же, как барану шампанское [4]. Умные люди говорят об Илье с почтением.

Петр, усмехаясь, посмотрел па замолчавшего сына и спросил:

— Что — съел комара?

Ему особенно приятно было, когда Елизав⟨ета⟩ Прокторова, уже обрученная с Мироном, отказала ему и, обвенчавшись с Горицветовым, уехала в Москву, а Мирон, покручивая острую барскую бородку, вытягивая из нее сухую нить слов, говорил небрежно и явно фальшиво:

— Такие люди, как Степан,—вымирающее племя. Нигде в мире нет людей настолько никому не нужных, как они.

Петр сказал ухмыляясь, подзадоривая:

— Однако, вот один эдакий ловко стащил облюбованный тобою кусок. Обидно? Говори правду!

Мирон приподнял плечи, поправил очки:

— Я — не романтик.

— Чего? Кто это?

— Вы — не поймете, дядя, этого никто не понимает, это — нечто для красоты, как парик на лысой голове или, для осторожности, как фальшивая борода жулику.

---

[1] *Далее*: наскочив на острое слово [2] *Далее*: в цирке [3] Ильи [4] вино

«Сердится, нос»,— с удовольствием подумал Петр.

Эти маленькие удовольствия несколько примиряли его со множеством обид, которые он испытывал от бойких людей, всё более крепко забиравших дело в свои молодые цепкие руки, отодвигая его в сторону, в одиночество. Но в одиночестве он скоро нашел [1] тоже нечто горестно приятное.

Не говоря о том, что с его плеч [2] постепенно и незаметно сняли солидную [3] долю тяжести забот о деле, устранили его от разговоров с рабочими, которых он всё меньше понимал и всё более не любил, это одиночество [4] знакомило его с новым человеком, с Петром Ар⟨тамоновым⟩ иного характера, иного рисунка. Это был хороший, интересный человек, и он был жестоко обижен; его обидело всё в жизни, жизнь [5] обращалась с ним несправедливо, как мачеха с пасынком. Он начал жить слугой своего отца, который предпочитал ему племянника, своего приемыша; потом отец дал ему глупую и скучную жену, с которой не о чем говорить, она боялась керосиновых ламп и Алексея, потом боялась электрических ламп, отскакивая от них; она сконфузила его, побледнев и заплакав [6], когда начал говорить граммофон, привезенный Алексеем из Москвы; теперь она боялась, что Алексей и Мирон ограбят Якова. Она любила его первые годы, но такую любовь [7], как ее, можно бы купить дешевле, даже Зинаидка умеет любить [8] забавнее и жарче. Она народила детей, [9] но не умела привязать их к себе.

Старшая дочь, толстая, широколицая баба, избалованная пьяницей-мужем и богатством, лишь изредка приезжала навестить родителей; пышно одетая, в кольцах [10], она ходила лениво, позванивала цепочками на груди, смотрела опухшими глазами в золотой лорнет и, надувая масленые губы, говорила в нос:

— Как у вас, мамаша, пахнет нехорошо везде в доме, он — протух, вы бы новый построили.

Чаще же всего она говорила:

— Теперь так не принято, теперь другие моды и обычаи другие, всё другое.

Отца она почти не замечала, [11] но однажды Петр слышал, как она сказала матери:

— А папаша всё такой же невеселый, [12] как, должно быть, скучно с ним! Мой — пьяница, а весельчак.

---

[1] от⟨ыскал⟩ [2] *Далее*: незаметно сняли [3] б⟨ольшую⟩ [4] *Слова*: Не говоря о том ∾ это одиночество — *перечеркнуты светло-синим карандашом.* [5] вся жизнь [6] побледнела и заплакала [7] но такою любовь⟨ю⟩ [8] *Далее*: мужчин [9] *Далее*: которые ничем [10] *Далее*: и цепочках [11] *Далее*: мать не уважала [12] *Далее*: сказала

Она бывала за границей и рассказывала какую-то чепуху: где-то женщины моют наружные стены домов щетками с мылом, целый город торгует только драгоценными камнями, сыром и кофе, в другом городе зиму и лето каждый день такой туман, что с утра до вечера горят фонари, а всё-таки ничего не видно; в Париже торгуют готовым платьем и распутничают [1], там же можно купить самые лучшие шелковые чулки, и есть башня, с которой видно Англию. Когда она привезла с собой сына [2], гимназиста, без бровей и шепелявого, он стащил в чулане банку варенья, разбил ее, порезал себе пальцы, а варенье всё съел и — захворал, а когда сын стал студентом, его посадили в тюрьму. И везде, кругом — непонятная чепуха.

Младшая дочь, Татьяна [3], выросла худенькой, обозленной тем, что она некрасива, в ней было что-то напоминавшее дьячка, она жила у сестры и не могла кончить гимназии; приезжая летом на фабрику, она фыркала, боялась мышей и с утра до вечера читала книги, воткнув в них синеватый птичий нос. Она соглашалась с Алексеем и Мироном в том, что власть царя нужно ограничить, и недавно начала курить папиросы.

Старший сын за девять лет написал два письма; одно — вскоре после того, как ушел из дома, обидев отца,— это было глупое и дерзкое письмо мальчишки, потом он писал из Архангельска, куда его выслала полиция после какого-то студенческого бунта, но и в этом письме он ничего не говорил о своей вине, а только советовал осветить фабрику электричеством. Письма его остались без ответа до поры, пока он не образумится, но вместо этого он [4] уехал за границу и снова чему-то учится, а ему уже [5] тридцать лет.

Алексей будто бы не знал, где теперь живет Илья, но Петр не верил ему [6], ибо однажды, придя к Алексею, он, раздеваясь в передней, слышал, как Мирон [7], только что приехавший из Москвы, рассказывал отцу. [8]

— Илья стал одним из тех российских книжников [9], которые [10] не умеют отличать корову от лошади.

«Врет»,— подумал Ар⟨тамонов⟩ ст⟨арший⟩, чувствуя что-то унизительное для себя во враждебном отзыве племянника.

— Он одной веры с Горицвет⟨овым⟩? — спр⟨осил⟩ А⟨ртамонов⟩:

---

[1] распутничают. [2] косноязычного сына [3] любимица матери [4] *Далее*: оп⟨ять⟩ [5] *Далее*: скоро [6] Яков говорил, что не знает, где теперь живет брат, но отец не верил ему, он [7] *Далее*: говорил Якову [8] *Далее*: С Ильей говорить совершенно бесполезно. [9] м⟨удрецов?⟩ [10] *Далее*: решая

— Ну нет, он вреднее,— ответил Мирон [1].

Яков, всё менее стесняясь, давал [2] понять, что отец мешает ему, распутничал с фабричными девками и не хотел жениться, несмотря на уговоры матери [3].

— Ты, мама, лучше покушай чего-нибудь,— насмешливо советовал он ей, а она покорно и нерешительно отвечала:

— Да я будто не хочу [4].

Когда о женитьбе заговорил с ним отец, он сухо ответил:

— Теперь не время связывать себя семьей...[5]

Всё было глупо и обидно. Никто не понимал и не ценил по достоинству долголетней работы Петра А⟨ртамонова⟩, но обиднее [6] всего, а в то же время — как-то [7] и сладостно и горько было чувствовать, что Арт⟨амонов⟩ [8] всего и всех сильнее обидел в себе [9] хорошего [10] человека, не дал ему воли расти и вырасти. И вот теперь, в одиночестве, этот человек, которого Арт⟨амонов⟩ [11] принес в жертву людям и делу, вставал перед ним как некая бесплотная [12] тень, горестно упрекая:

«Зачем ты меня задавил?»

На песчаном холме под сосною [13], где П⟨етр⟩ поссорился со старшим сыном, он приказал [14] поставить скамью со спинкой и в свободные часы, [15] по вечерам, уходил туда сидеть [16]. Внося на холм свое отяжелевшее тело, он [17], шагая осторожно и не торопясь, [18] садился на скамью, думал [19] о хорошем человеке и жалел его. Было очень приятно выдумывать [20] несчастного, не понятого [21], никем не ценимого, и выдумывался он так же легко, так же из ничего, как [22] жарким днем в синей пустоте над болотами [23] возникает белый дым облаков [24].

[25] С холма хорошо были видны кирпичные корпуса фабрики,

---

[1] *Далее*: Петр Арт⟨амонов⟩ чувствова⟨л⟩; *Текст*: Алексей будто бы ∾ ответил Мирон,— *вставка на отдельном листке.* [2] *Далее*: отцу [3] *Далее*: которая рас⟨считывала?⟩ [4] *Текст*: Яков, все менее ∾ не хочу.— *перечеркнут наискось светло-синим карандашом.* [5] *Текст*: Когда о женитьбе ∾ связывать себя семьей...— *вписан на полях и перечеркнут наискось светло-синим карандашом.* [6] [хуже] горчее [7] *Далее*: особенно [8] *Далее*: сам [9] обидел сам себя, [10] [како⟨го-то⟩] хорошего, смирного [11] *Далее*: задавил [12] *Слово*: бесплотная — *зачеркнуто светло-синим карандашом* [13] Под сосною [14] ве⟨лел⟩ [15] *Далее*: которых ста⟨ло⟩ [16] *Далее*: думать о хорошем человеке, который [не успел] был связан в нем, не жил [17] *Далее*: сади⟨лся⟩ [18] *Текст*: На песчаном холме ∾ не торопясь — *перечеркнут наискось красным карандашом.* [19] и думал [20] *Далее*: этого [21] не по⟨нятого⟩ [22] *Далее*: ⟨в⟩жаркие дни [по] в синем небе [23] *Далее*: появляются [снежно-белые пышные облака] [24] возникают белым дымом облака [25] *Перед текстом*: С холма хорошо были видны — *на полях слева светло-синим карандашом поставлена римская цифра* III.

амбары, неуклюжий дом, обросший пристройками,— всё было окутано [1] золотистой пылью солнечных лучей, таял в горячей синеве и сверкал позолоченный крест церкви, горели на солнце большие окна белой фабричной больницы; маленькие люди сновали челноками [2] по двору из корпуса в корпус, ткали невидимо бесконечную ткань дела, маленькие люди тесно наполняли все постройки, люди еще меньше бегали по песку улицы фабричного поселка, и много таких людей, отработав свою жизнь, лежали под крестами в песке кладбища [3]; фабрика неустанно шипела, шептала [4], наполняя синий воздух мягким [5] гулом, до [6] безмолвного кладбища от нее было недалеко — сажен семьсот [7]; среди серых стволов ольхи было видно стадо игрушечных коз [8], их развел одноглазый фельдшер Егор Долгов, внук древнего ткача Бориса Морозова,— фабричные бабы [9] много покупали козьего молока [10].

Один [11] П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ смотрел [12] на всё это с гордостью: он возвел эти корпуса, он сделал часть неродимой земли плодородной, [13] разведя на ней огороды и сады, он кормил и поил всех этих людей, размножившихся точно тараканы в избе [14] богатых хлебом и неряшливых хозяев [15]. Другой Ар⟨тамонов⟩ думал обо всём [16] с неясной [17] грустью, чувствуя себя обманутым, насильно вовлеченным во все это и всему чужим. Он как бы говорил [18] не словами, а всем существом своим: «Можно бы жить и без этого [19]».

И даже спрашивал нерешительно [20]: «Зачем это мне?»

Но тогда [21] фабрикант полотна отмахивался [22] от него:

«Тихоновы мысли [23]».

Тотчас [24] вспомнилось: «Горицветов то же самое кричал».

Обиженному [25] человеку казалось, что есть и еще много людей, которые [26] чувствуют себя [27] мухами в паутине дела, но фабрикант угрюмо возражал:

---

[1] облито [2] точно челноки [из] [3] фабрики; *текст*: С холма ∾ в песке кладбища,— *перечеркнут наискось красным карандашом, вставка в этот текст*: таял в горячем ∾ больницы — *вписана на полях и тоже наискось перечеркнута темно-синим карандашом.* [4] от фабрики, неустанно шипевшей, шептавшей [5] легким [6] и до [7] *Далее*: [Около] [В редком ельнике] В [8] и было видно, как овцы [9] *Далее*: п⟨окупали⟩ [10] *Текст*: фабрика неустанно ∾ козьего молока — *вставка на полях, перечеркнутая наискось темно-синим карандашом.* [11] П⟨етр⟩ [12] думал [13] *Далее*: велел [14] *Далее*: где много хлеба [15] *Фраза*: Один П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ ∾ неряшливых хозяев — *перечеркнута наискось темно-синим карандашом.* [16] *Далее*: этот [17] с непо⟨нятной⟩ [18] спрашивал [19] этого всего [20] И даже робко спрашивал [21] Но тут [22] остана⟨вливал⟩ [23] Это Тихоновы мысли [24] Но тотчас [25] Обиженный, но хороший [26] *Далее*: действительно [27] *Далее*: в па⟨утине⟩

«Лентяи потому что. Хотят жить дешево».

Однажды, когда этот бессловесный спор [1] разгорелся особенно сильно, [2] обиженный человек даже напомнил фабриканту Артам‹онову› про Авраама и сына его Исаака, ведь он [3] тоже [4] припес в жертву делу свою любовь к Илье [5], причем кто-то [6] подсунул ему мальчишку Никонова вместо барана. Вообще спорить было трудно [7], и всё чаще Петр Ар‹тамонов›, теряя желание возражать, погружался в темные утомительные мысли [8] о суете сует и всяческой суете, [9] эти мысли разверзали [10] пред ним знакомую [11] пустоту, уже и раньше пугавшую его. Тогда он торопливо скреплял всё свое упрямство, привычку к делу и, заменяя этим любовь к нему, угрюмо суетился, командовал, кричал, спорил [12] с братом, сыном, племянником. И вскоре [13] чувствовал, что мешает этим людям, [14] а обиженный человек горестно торжествовал. Но иногда, хотя всё реже, этот человек исчезал [15] на время [16].

В тихий вечер, идя [17] под сосну, П‹етр› А‹ртамонов› издали заметил на скамье своей серую фигуру [18], какую-то незнакомую старушку, она сидела, прислонясь спиною и головой в белом платке к стволу сосны [19]. Подойдя ближе, он увидал [20], что это не старушка [21], но Аким Морозов, сын [22] Николая, [23] надсмотрщика прядильной, тихого хромого человека.

— Сиди, сиди, ничего,— сказал он, когда парень, одетый в больничный халат и белый колпак, поднялся встречу ему.

— Выздоравливаешь?

— Нет,— сказал Аким Морозов, и его краткое хрипучее слово смутило Петра.

— Ну, как же это — нет? Ты — молодой. Вот тебя гулять выпустили.

---

[1] *Далее*: принял особенно бурный характер [2] *Далее*: Петр Ар‹тамонов› вспомнил [3] *Далее*: отец [4] *Далее*: ведь [5] к сыну [6] *Далее*: вместо барана [7] Вообще фабриканту [трудно было] спорить было трудно [с хорошим, но обиженным и умным человеком], обиженный человек [тот] был не глуп и хорошо вооружен доказательствами правоты своей [а] и П‹етр› Ар‹тамонов› [мог] [чувствовал] понимал, что может [поставить] возражать ему только упрямством [8] в темную, угрюмую пустоту размышлений [9] *Далее*: Были моменты, когда он заглядывал [10] открывали [11] темную [12] спорили [13] И быстро ясно [14] *Далее*: Иногда вдруг являлось что-то отрезвлявшее его. Таким явлением [был] встал пред ним Зиновий [Мо‹розов›], один из множества Морозовых, Аким, сын надсмотрщика прядильной хромого Николая, [15] у‹ходил› [16] *Текст*: обиженный человек ∾ на время — *вставка на полях, перечеркнутая наискось темно-синим карандашом.* [17] *Далее*: к себе [18] *Далее*: было [19] *Далее*: в бело‹м› [20] понял [21] юноша, о‹н› [22] *Далее*: ста‹рого› [23] *Далее*: ста‹рого› надсмотрщика

— Потому и выпустили, что уже всё равно,— тускло объяснил Морозов. Лицо у него было серое, прозрачное, с огненными пятнами на щеках, глаза горели, из-под полотняного колпака свешивались пряди прямых сухих волос [1]. Сидел он, запахнув халат, скрестив руки [2] на груди, в руках было что-то похожее на птичьи лапы, и по всему было ясно, что это почти уже покойник. Все-таки захотелось утешить его.

— И говоришь ты беззаботно, эдак не говорят, которые...

— О чем заботиться? Я — не женатый, ничего у меня нет ... Смерти не боюсь.

«Врешь [3]», подумал Артамонов, чувствуя, что соседство с этим [4] обреченным человеком неприятно ему. А парень [5], устало прикрыв глаза, дыша коротко [6], часто, но [7] осторожно, начал [8] говорить, точно сквозь сон, и самому себе [9]. Сначала П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ не слушал его бредовую речь, но вдруг различил [10] слова:

— Я графу Толстому верую [11].

— Погоди,— нахмурясь, глядя на него сбока, остановил Петр.— Как это? Веровать в бога надо, а не в графа какого-то...

То, что рассказал [12] умирающий парень, поразило и даже напугало Ар⟨тамонова⟩, хотя и было похоже на сказку: близко [13] около Тулы, где фабрикуют [14] самовары, жил пророк, к словам его прислушивался будто бы весь мир, и много [15] людей, бросив все дела свои, уже начали, послушные слову пророка, жить простой жизнью, как учил Христос. Тихий поп Глеб, о котором говорили, что он был расстрижен за нерадение к церкви, сам расстригся и пашет землю на Кубани, как простой мужик.

— Пить — не надо, жениться, фабрики строить — не надо,— слушал Петр тусклый [16] голос и думал, усмехаясь [17].

«Алексею бы с Мироном послушать [18]».

---

[1] прямые, сухие волосы [2] пальцы [3] Ну, это врешь [4] *Далее*: чел⟨овеком⟩ [5] *Далее*: разговорился [6] коротко и [7] *Далее*: [так] осторожно, точно боялся порвать паутину [8] *Далее*: точно сквозь сон, говорить что-то [9] *Далее*: То, что [10] услыха⟨л⟩ [11] [верую] верю [12] *Далее*: ему [13] где-то близко [14] делают [15] многие [16] *Далее*: всхрапывающий [17] смея⟨сь⟩ [18] послушать это. *Далее*: Они [кру⟨жатся?⟩] бегут в одну сторону, а этот граф в другую всех заворачивает. В силы графа-пророка он не верил, он даже не мог представить себе образ такого пророка, мальчишка или выдумал его, или не понимает, [что] о чем говорит, возражать Морозову не хотел, но остро [чувствовал] чувствуя что-то жуткое [в его рассказе] [в рассказе умирающего человека] и смертное в рассказе больного, от его слов у Артам⟨онова⟩ как будто даже зубы ныли.

Было как-то по-новому неприятно [1] слушать речи [2] Морозова, в словах его всхрапывало нечто жуткое, смертное и казалось, что от них сейчас заноют зубы. [3] Петр вспомнил поверье: «Пред бедою [4] курица петухом поет».

На ногах парня были веревочные туфли, их плел для больницы двоюродный брат его, слепой Сергей Морозов; Петр посмотрел на костяные, мертвые ноги [5], на таких ногах не долго [6] проходишь по земле. Вспомнил [7] старинное поверье:

«Пред бедою курица петухом поет» [8].

И спросил: [9]

— Значит — никаких делов обыкновенных, всё — прочь?

— Да,— ответил Мор⟨озов⟩,— жить надо духом и для духа, а не ради плоти. . .

— Так,— сказал Ар⟨тамонов⟩, вставая.— Ну, прощай. Выздоравливай. . .

И [10] неожиданно для себя спросил, усмехаясь, дергая ухо:

— Значит, мне надо плюнуть на всё? Почти полста лет работал — и плюнуть? Неплохо придумано. . .

Спускаясь к дому, он несколько раз оглянулся [11]. Морозов тоже осторожно шел по песку в сторону больницы, его серая фигура маячила [12], точно уродливый гриб [13], расплываясь, исчезая на красноватых облаках; Артамонов вспомнил, что этого вежливого, смирного парня [14] он часто видел около Тихона и слышал о нем, как о книжнике, над которым рабочие смеялись, считая его полоумным. Отец его был тоже кроткий [15], болезненный, молчаливый человек [16] и, говорят, любил читать библию. Арт⟨амонов⟩ еще раз оглянулся, [17] посмотрел на серую фигуру, качавшуюся вдали, [18] поморщился:

«Плесень [19]».

И нашел необходимым успокоить себя: «Скоро умрет».

К чаю пришел Мирон [20], Арт⟨амонов⟩ спросил племянника:

— Про графа Толстого слыхал?

Не сразу, подозрительно уставив очки в лицо дяди, Мирон ответил и тоже спросил, усмехаясь:

---

[1] *Далее*: даже [2] эти речи [3] *Далее*: [Искоса наблюдая за] Почему-то [4] несчастьем, [5] *Далее*: и вспомнил [6] долго не [7] И вспомнил [8] *В автографе не законченная правка: дважды повторяется один и тот же текст.* [9] *Текст*: Было как-то поновому ∾И спросил — *вставка на листке из блокнота.* [10] И вдруг [11] *Далее*: там, под сосной, [сидело] маячило что-то бес⟨форменное⟩ [12] *Далее*: на песке [13] *Далее*: и странно таяла [14] этого тихого парня [15] неза⟨метный⟩ [16] *Далее*: и все Морозовы, четыре семьи, стали мельче, незаметней, после того, как вымерли их деды и отцы. [17] *Далее*: ду⟨мая⟩ [18] *Далее*: [подумал] тревожно думая [19] Привидение какое [20] Вечером, когда пришли Алексей и Мирон

— Слышал кое-что. А вы откуда знаете [1] о нем?

Арт⟨амонов⟩ сказал. Тогда Мирон, пренебрежительно скривив губы, позванивая ложкой в стакане, сказал:

— Ах этот, чахоточный! Я думаю,— они все, чахоточные,— толстовцы. И опоздали. Это всё [2] — чепуха.

— А сам-то у них в уме?

Мирон [3] пожал плечами и сказал, наклонив нос к стакану:

— Старая Русь хочет отбрыкнуться от истории. Бесполезно. Хомут надет, вожжи крепки, кучер — искусный [4]. Уже поехали. Даже — рысью.

— Горицветов — тоже из эдаких?

— Да, в этом роде, но несколько вредней...

И тотчас заговорил о необходимости [5] строить бумажную фабрику, строго убеждая:

— У вас, дядя, деньги зря лежат.

Наталья, покраснев так, что у нее даже уши распухли, сердито возразила:

— Где это они лежат? Кто это их считал?

Петру вдруг стало [6] скучно, как будто пред ним широко открыли дверь в комнату, где всё так знакомо и привычно, что комната кажется пустой. Эта особенная, телесная скука всё чаще стала обнимать его, она являлась извне, туманом [7] ослепляя глаза, затыкая уши, и вызывала [8] во всем теле [9] ощущение усталости. В этой скуке ни о чем не думалось, в ней тонул и его неутомимый спорщик, обиженный человек, а в конце концов, она пугала [10], внушая мысль о старости [11].

— Надоел ты [12] мне с этой бумажной [13],— пробормотал он.— Когда я отдохну от тебя с Алексеем?

Вмешался Яков, заговорил ласково [14], а Наталья, сердясь, кричала:

— И так уж развели рабочих до того, что выйти некуда: пьянство, матерщина. . . [15]

Петр встал, подошел [16], посмотрел в окно: в саду стоял Тихон Вялов [17] весь в белом и, задрав голову, указывал пальцем на яблоню двум девчонкам.

---

[1] А вам откуда вдруг [2] *Далее*: старина, отрыжка людей, у которых мозг плохо варит [3] *Далее*: молча [4] и капитал — искусный кучер [5] во⟨зможности⟩ [6] *Далее*: как-то [7] *Далее*: сжимала грудь [8] ощ⟨ущалась⟩ [9] *Далее*: ус⟨талость⟩ [10] *Далее*: м⟨ыслью?⟩ [11] *Далее*: об отды⟨хе⟩, о том, что [надо] пора отдохнуть [12] Надоели вы [13] *Далее*: вашей [14] ла⟨сково⟩ [15] *Далее*: с ума все сходят, что ли? [16] *Далее*: к окну [17] *Далее*: [и тоже] и смотрел

«Не похож на Адама»,— подумал Петр Ар⟨тамонов⟩. Такие отдаленные, неуловимые мысли часто мышами пробегали [1] мимо его, он [2] был рад их внезапности [3] и любил их за то, что опи не тревожили. Сощипнул цветок фукции, растер его пальцами, сощипнул еще один и сказал, не оборачиваясь к племяннику:

— Чего жадничаем? Всё равно — умрем.

— Не скоро,— отозвался [4] Мирон, а Вялов, не наклонив головы, взглянул [5] на [6] окно и спросил девчонок:

— Поняли? А вы — сучья [7] ломаете, дуры. На чем же яблок-то вырастут [8]? Думать надо.

Петр снова сел [9] к столу, [10] там [11] скука была понятнее ему.

В знойный июльский депь, в пятницу, после обеда [12], умер [13] в мастерской у себя за верстаком веселый балагур Серафим, умер в одну минуту, не хворая, а работая [14]. Петр Артам⟨онов⟩ [15] пожелал проводить [16] старпка в [17] могилу, пошел в церковь [18], тесно набитую рабочими [19], где благолепно служил заупокойную литургию сильно постаревш⟨ий⟩ и еще более тихий поп Глеб и красиво пел хор рабочих, созданный кругленьким усатым учителем фабричпой школы Яковлевым, похожим на кота. Было [20] много молодежи.

«Воскресенье, утро»,— объяснил себе Арт⟨амопов⟩ необычное [21] обилие молодых в церкви.

Небольшой, легкий гроб посменно несла на кладбище тоже молодежь, а люди солидного возраста держались в стороне. За гробом, положив руку [22] на изголовье его, нахмурясь, но без слез, шла Зинаида, рядом с Петром, шаг в шаг с ним, тяжело мял песок Тихон Вялов.

Ярко сияло солнце, мощно и согласно пели певчие, шелково скрипел песок под ногами двух сотен людей, и был [23] в этих похоронах странный [24] недостаток печали [25].

— Хорошо хоронят, уважительно,— сказал Петр, отирая платком потное лицо.

— Любили его,— ответил Тихон, глядя под ноги себе.

— За что бы?

---

[1] Такие неожиданные мысли все чаще, мышами, неуловимо пробегали [2] [И] и он [3] *Далее*: По⟨щипывая?⟩ С⟨ощипнул?⟩ [4] заме⟨тил⟩ [5] обсрн⟨улся⟩ [6] в [7] сучки [8] ра⟨сти⟩ [9] Петр возвра⟨тился⟩ [10] *Далее*: говоря: — Ну, ладно! Топить будете торфом [11] у ст⟨ола?⟩ [12] в послеобеденное время [13] *Далее*: за верстаком [14] *С текстом*: В знойный июльский день ∞ а работая — *соотносится более ранний вариант, на 229 стр. наст. изд.* [15] *Далее*: [желая то⟨же (?)⟩] [16] оказать [17] на [18] *Далее*: и был приятно удивлен, к⟨огда?⟩ [19] людя⟨ми⟩ [20] и было [21] *Далее*: это [22] держась рукою [23] было [24] странное [25] *Далее*: необычный у людей

— Веселый. Знал много, рассказывал [1].

Помолчав, подумав, Ар⟨тамонов⟩ сказал, чем-то задетый:

— Не больно праведно жил.

Дворник, тряхнув головою, спросил:

— А — в чем праведность?

И [2] сам ответил:

— Не обижай никого — вот и праведность.

Петр Ар⟨тамонов⟩ сердито проворчал:

— Ты на эти мысли, как на кол, посажен [3]. Гляди, с ума сойдешь [4].

Было около полудня и очень жарко, хозяин не пошел на кладбище, а, пропустив толпу мимо себя, не спеша [5] возвратился домой, вслед ему неслось пение вечной памяти веселому [делателю гробов] [6], особенно сильно и внушительно звучали могучие басы [7] токаря Акима Корнева и [8] ткача Седова, сожителя Зинаиды [9], казалось, что от [10] этих голосов и песок дороги и синь воздуха стали горячей [11]. Петр вспомнил злую и забавную песенку Серафима:

Сидит барыня в аду
Просит жареного льду. . .

К вечеру солнце напарило горы [12] белых облаков, они [13] медленно плыли над землей, сгущая духоту; Артам⟨онов⟩ походил по саду, потом вышел за ворота; [14] Тихон мазал дегтем петли ворот, заржавев [15], они скверно визжали,— взглянув на хозяина [16] белками глаз, он заговорил вполголоса:

— Серафим был старик вредный, смутьян.

— Чем это?— лениво спросил Артамонов, и в ответ ему поползли черными тараканами странные слова.

— Он был памятлив, помнил много. Всё помнил, что видел. А — чего видеть можно? Зло [17], канитель, суету. Вот он и рассказывал всем про это. От него тут большая смута пошла.

И, тыкая помазком в пятки петель, он, помолчав, добавил:

— Вышибить бы память из людей. Это от нее зло [18] растет. [19] Быть бы так: одни пожили — померли, и зло с ним⟨и⟩ издохло,

---

[1] *Далее*: не обижал никого. [2] И тотчас [3] Ты все свое твердишь, [тебя] ты на этих мыслях, как на колу. [Все друг друга обижают] А кто кого не обижает? [4] *Далее*: Тогда — молчу,— сказал дворник. (*В автографе* — Тогда — молчи — *по-видимому описка*) *Далее*: Закопав [дел⟨ателя⟩] веселого делателя гробов в горячий песок кладбища. [5] и не спеша [6] *Слова зачеркнуты и не заменены другими* [7] звучал бас [8] *Далее*: тенор [9] *Далее*: от [10] *Далее*: сини⟨?⟩ [11] жарч⟨е⟩ [12] м⟨оре?⟩ [13] *Далее*: тяжело [14] *Далее*: там Тихон забивал щебнем ⟨яму⟩ ямы среди [ки⟨рпичей⟩] булыжников мостовой [15] прор⟨жавев⟩ [16] *Далее*: белыми [мерцающими] глазами, он ска⟨зал⟩ [17] Только зло [18] все зло [19] *Далее*: Добра — не помним, а зло — копим.

другие живут — ничего злого не помнят, а добро — помнят. Я вот тоже от памяти страдаю. Где покой? В беспамятстве покой-то.

Как всегда, слова Тихона [1] были глупы и, как всегда, вызывали досаду [2], нежелание слушать их.

«Нет, надо его, дубину, рассчитать»,— подумал Петр, взглянув [3] на клочковатую [4] бороду Тихона, в [5] расплывшиеся жидкие зрачки его глаз, на измятый морщинами лоб,— морщины были глубоки, точно складки на голенище сапога, борода как будто поредела, [6] скуластое лицо оголилось [7], стало еще более угловато, скуласто и приняло цвет пемзы,— но всё-таки спросил:

— А в чем Серафимово смутьянство? [8]

Тихон, держа в одной руке квач, а в другой ведерко дегтя, подошел к нему, выкатив белые глаза:

— А вот послушай, [9] как Седов и Зинаидка говорят: [10] законные хозяева всякому делу мы, рабочие, да-а! От нас, говорят, всякое дело, везде наши руки, наша сила.

Наклонясь к хозяину, он сказал тише:

— Гляди, Петр Ильич, это верно, от них всё, все дела от них! Вся эта канитель . ., которое дело чужой рукой строят, это вред⟨ное⟩ дело.

Тихон показал дегтярным помазком в сторону мясистых корпусов фабрики и отошел к воротам, ворчливо говоря:

— Вся обида людям — от [11] эдаких, этих. Работай всяк на себя — ничего не будет. . .

Петр Арт⟨амонов⟩, крякнув, встал на ноги и, сунув руки глубоко в карманы, сказал дворнику, путаясь [12] в словах:

— Вот что, Тихон, ты — как хочешь. . . конечно, ты мне [13] старый слуга, это так. Я тебе благодарен [14]. . .

Вялов не удивился [15], услышав о расчете, двигая полотнищем ворот, он спокойно пробормотал под [16] тихий визг петель:

— Ну, что ж? [17]

— Я тебя награжу,— обещал Петр; дворник не ответил ему, [18] наклонясь над нижней петлей, тогда хозяин, сконфуженный его молчанием, сказал угрюмо:

---

[1] *Далее*: казались Петру Арт⟨амонову⟩ глупыми [2] они вызывали досаду, неприязнь, [3] глядя [4] поредевшую [5] *Далее*: его [6] *Далее*: л⟨ицо⟩ [7] *Далее*: и стало еще более [костлявым и] неприязненным. *Далее*: — Тебе сколько лет.— 58.— Ишь ты...— Подумав [8] В чем смута? Какая? [9] *Далее*: что Корнев, Седов и Зинаидка, Митька Морозов [10] *Далее*: они говорят [11] *Далее*: работы этой [12] за⟨путавшись⟩ [13] у меня [14] *Далее*: вообще... [15] [Ти⟨хон⟩] Ему показалось, что Вялов не удивился [16] *Далее*: скрип [17] *Далее*: Ладно... [18] *Далее*: снова смазывая петли дегтем

— Характер у тебя тяжелый.

Тихон Вялов [1] равнодушно подтвердил:

— Это верно.

«Не понял он, что-ли?»— спросил себя Арт⟨амонов⟩ [2].

И сказал громко, со всей твердостью:

— Значит,— прощай.

— Ладно,— ответил Вялов [3], теперь он [4], вздернув голову, смотрел на верхние петли.

Держа себя за ухо, П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ пошел к реке, надеясь, что там прохладнее [5].

«Наверно, к Никите пойдет жаловаться,— думал он, шагая [6]. — Глупо».

[7] Вдруг где-то далеко, за Сибирью, [8] поднялся крепкий [9] кулак и начал [10] бить Россию. [11]

Ни брат, ни племянник не умели [12] объяснить Петру, почему возникла эта война; Алексей прыгал, размахивая измятой газетой [13], кричал:

— Разбой!

И, подпимая птичью лапу к потолку, [14] свирепо шевелил пальцами в воздухе, шипел, захлебываясь гневом:

— Мы их [15]. . . мы им — ух! Вздуем!. .

Покручивая бородку, Мирон, обозленно, сухоньким голоском, уговаривал отца:

— Это было неизбежно [16]. Дело надо было начинать союзом с Англией и купеческими руками [17].

— Какое дело?— допытывался Петр и не понимал объяснений племянника, не верил ему: кто-то вырубил чужой лес, из-за таких пустяков не воюют, а судятся.

По городу пошел крестный ход. Бородатое купечество, задумчиво приминая снег тяжелыми ногами, тесным [18] угрюмым стадом быков шагало [19] за золотыми фигурами духовенства, несло иконы, хоругви; соединенный хор [20] певчих всех церквей громогласно пел:

---

[1] *Далее*: согласи⟨лся⟩ [2] [Петр Ар⟨тамонов⟩ дернул] Дернув себя за ухо, Ар⟨тамонов⟩ подумал [3] *Далее*: не взглянув на него, [4] *Далее*: стоя на тумбе, упиравшейся в сто⟨лб⟩ [5] *Далее*: и чувствуя себя необыкно⟨венно⟩ [6] *Далее*: к своей скамье. [7] *Тексту*: Вдруг где-то далеко, за Сибирью ∾ пригрозил голова и ушел, заворчав невнятно что-то о наказании божьем (*стр. 243—246 наст. изд.*) *предшествовал более ранний вариант, см. стр. 568—571 наст. тома.* [8] *Далее*: дерзко [9] небольшой, но крепкий [10] *Далее*: дерзко [11] *Далее:* Алексей повел себя т⟨ак же?⟩ [12] могли [13] *Далее*: и [14] *Далее*: шев⟨елил⟩ [15] и⟨м⟩ [16] Этого надо было ждать, я говорил тебе! [17] *Далее*: а не [18] тесно [19] *Далее*: за ду⟨ховенством⟩ [20] *Далее*: всех церковн⟨ых⟩

— Спаси, господи, люди твоя.

Слова молитвы [1], вылетая из круглых ртов белым паром, замерзали на усах, на бровях инеем. Особенно пронзительно, настойчиво [2], хотя и не в лад хору, пел городской голова Воропонов, сын тележника, толстый, краснолицый, получивший в наследство от отца своего вместе с имуществом и неприязнь ко всем Артамоновым. Они, шестеро, шли все вместе, впереди прихрамывал Алексей, ведя жену под руку, за ним Яков с матерью, а сзади Мирон, Петр [3], фабричный доктор Яковлев и служащие фабрики.

— Н-нация,— тихонько говорил Мирон рыжему доктору с лошадиным лицом и незакрытыми зубами,— сквозь зубы доктор вторил ему:

— Парад. Парад сил, а?

— Угу. Вздуют.

— Х-ха! С того начали...

— Перестань [4],— угрюмо приказал Петр племяннику, тот снял очки и, протирая их платком, усмехнулся.

— Спаси, господи, л-люди твоя. .,— требовал Воропонов.

Особенно громко вывизгивая словечко «люди», он оглядывал горожан глазами, рыжими, как тусклые медные пуговицы, и зачем-то махал на них бобровой шапкой. Хорошо, густо пела сорокалетняя дочь Помялова, второй раз вдова, круглая, грудастая, великая распутница; перестав петь, она советовала Наталье Артамоновой:

— Ты бы, подруга, отправила мужа на войну, он у тебя угрюмый, страховидный, от него японцы побегут. [5]

Петр тряхнул головою, все слова [6], как мухи, мешали ему думать о чем-то важном, он шел все медленнее, отставая [7], пропуская мимо себя густую толпу горожан, все они дышали [8] паром, точно [9] кипящие самовары. Прошла во главе девиц прогимназии Вера Николаев⟨на⟩ [10] с каменным лицом, мелкий снег искрами блестел на ее седых волосах [11], белые в инее ресницы и брови ее дрогнули, когда она кивнула Петру пышноволосой, ничем не покрытой головою:

«Глупая. Впряглась [12] уток пасти...»

Прокатилась волна учеников трех городских училищ, медленно и мерно, серой машиной двигалась полурота солдат [13], ее вел капитан Гижицкий, знаменитый биллиардный игрок, замечательный еще и тем, что [14] купался в Оке ежедневно, начиная с половодья и до заморозков; рядом с ним шагал длинный жандармский офицер

---

[1] молитв [2] и настойчиво [3] и Петр. *Далее*: Нация, — ворчал Мирон.— Парад нации. [4] Перестаньте [5] *Далее*: Во главе [6] *Далее*: меша⟨ли⟩ [7] *Далее*: от своих [8] дымил⟨и⟩ в [9] как [10] Вера Прокт⟨орова⟩ [11] [воло⟨сах⟩] ресницах [12] *Далее*: вот [13] прошла серая машина — полурота солдат [14] *Далее*: он

Нестеренко, человек с китайскими усами, а его жена, белокудрая [1] красавица, шла под руку с братом своим Житейкиным, сыном умершего городского старосты, хозяином кожевенного завода, толстеньким чудаковатым холостяком; про него говорили, что хотя он любит распутничать с монахинями, но необыкновенно умен, прочитал тысячу триста книг и так ловко барабанит, что может даже солдат учить и [2] учит будто бы тайно их этому искусству. Проехал в санях обезножевш⟨ий⟩ Степан Барский с [3] пьяницей-зятем своим, потом темной стеною двигался мелкий народ: мещане, ремесленники, кожевники Житейкина, ткачи Артамоновых, бондари и тележники, нищие; мелкий снежок лениво солил [4] лохматые, обнаженные головы, [5] издали доносился [6] неутомимо требующий крик Воропонова:

— Спаси, госп-о-оди, л-люди твоя!. .

Петр не любил города и почти не имел в нем связей, кроме деловых знакомств; он знал, что и город не любит его, считая человеком гордым и злым, но очень уважает Алексея и как будто боится Мирона, даже Якова боится; о них говорят, как о людях жадных свыше меры и забирающих всё в свои руки. Осматривая тяжелый поток задумавшихся людей, он, Петр, хмурил брови: слишком много незнакомых лиц и много глаз смотрят на него [7] с явной неприязнью.

У ворот нового дома Алексея ему поклонился Тихон Вялов, он не ответил дворнику. Жестоко обиделся он, узнав, что брат взял Тихона дворником [8] к себе после того, как Вялов с полгода пропадал где-то и снова явился в город, притащив с собою неприятную весть: Никита скрылся из монастыря неизвестно куда. Петр был уверен, что Тихон знает, куда ушел [9] монах, и [10] не хочет сказать об этом, потому [11] что любит делать [12] неприятное ему, П⟨етру⟩ [13].

Из-за этого человека он так сильно поссорился с Алексеем, что месяца два они даже почти не разговаривали друг с другом, а Наталья сердито плакала и говорила:

— Всю жизнь ты горе терпишь от Алешки [14], паяца!

Потом братья помирились, но Петр не мог забыть обиду и вскоре был обижен еще более глубоко. [15]

Вывихнув себе ногу, он лежал в постели, когда к нему явился потный Воропонов и, [16] торопливо шлепая тяжелыми синими гу-

---

[1] белокурая [2] *Далее*: учил, не скрывая этого [3] *Далее*: тракти⟨рным⟩ [4] *Далее*: их ло⟨хматые⟩ [5] *Далее*: плечи [6] *Далее*: настойчивый [7] *Далее*: неприязненно [8] в дворники [9] *Далее*: и где живет [10] но [11] только потому [12] творить [13] *Далее*: — Зачем ты его нанял? — сердит⟨о⟩ [14] от него [15] *Текст*: Жестоко обиделся ∾ более глубоко.— *перечеркнут наискось темно-синим карандашом.* [16] *Далее*: шл⟨епая⟩

бами, предложил ему подписать телеграмму царю, прошение о том, чтоб царь никому не уступал своей власти; зная, что это будет неприятно бойкому брату и заносчивому племяннику, Петр, усмехнувшись, охотно подписал бумагу Воропонова. Засунув ее в карман сюртука, застегнувшись на все пуговицы, голова начал жаловаться на [1] Мирона, доктора [2] и вообще на всех людей, бунтующих против царя. Петр, хотя и [3] знал, что Вор⟨опонов⟩ не любит [4] и его и всех Арт⟨амоновых⟩, слушал жалобы почти с удовольствием, и только, когда синие губы начали непочтительно, даже зло говорить о Вере Н⟨иколаевне⟩ Прокторовой, он [5] возразил:

— Она тут ни при чем.

— Мы знаем. . .

— Ничего ты не знаешь,— упрямо сказал Петр.

— Увидишь — доиграются до беды!— пригрозил голова и ушел, заворчав невнятно что-то о наказании божием.

В тот же [6] день вечером на него бросились собаками и залаяли все трое: брат, сын, племянник, особенно сердит был Алексей.

— Что ты сделал?— кричал [7] он, размахивая руками; Мирон, покручивая бородку, колол его едкими словами, а Яков, расхаживая по комнате из угла в угол, говорил:

— Ведь это, к сожалению, верно, папаша, власть государя бессильна и потому — вредна.

— Дуют, вздули, вздуют,— неистово твердил Алексей слова своего сына, а его лысина всё краснела, ястребиные [8] глаза сеяли злые искры.

Сначала Петру было приятно видеть, как они сердятся, но поведение осторожного Якова смутило его — он верил [9] разуму сына. Огрызаясь, он почувствовал, что сделал [10] что-то против интересов сына, а тут еще брат закричал:

— Они — идиоты, понимаешь? Вот арестовали Илью,— за что? [11] Он правильно написал: проигранная война вызовет бунт,— понимаешь? [12] А ты знаешь, что такое Илья? [13] Эх, ты. . . [14]

Наконец, обругав брата дураком, Алексей и Мирон ушли, а Яков [15] на вопрос отца об Илье сумрачно ответил:

— Он играет крупную роль в политике,— но из дальнейших расспросов Петр понял только одно: Илья писал в газетах против правительства.

---

[1] *Далее*: Алексея [2] *Далее*: Веру Николаевну [3] и хотя он [4] *Далее*: его семью [5] *Далее*: нахо⟨дя?⟩ [6] *Далее*: вечер [7] кричали [8] и ястребиные [9] *Далее*: сыну [10] сделал [11] *Далее*: За то, что [12] *Далее*: Эх, ты, не совался бы... [13] *Далее*: Он может министром [14] *Далее*: Не объяснив [15] *Далее*: сумрачно отве⟨тил⟩

После этой тяжелой ссоры он почувствовал себя одиноким, как слепой. Он грубо выгнал жену, когда Наталья [1] начала ужасаться дерзости Мирона [2], резко упрекнул Якова в том, что он поддается внушениям взбалмошного дяди, зазнавшегося брата, но не почитает [3] отца, у которого тоже есть свой разум, свои мысли, и, оставшись один, сидя на постели, угрюмо задумался.

В памяти вертелись двусмысленные слова:

«Вздуют [4]».

Вспоминались речи, которые все громче говорились в доме Алексея, дерзкие словечки бездельницы Татьяны, насмешки рыжего доктора; Мирон любил говорить цифрами. Алексей визжал:

— Надувают, надуют. . . [5]

Доктор, оскалив зубы, вторил ему:

— Солдат бьют — беда невелика, а вот когда солдаты сами бить начнут.

Выходило так, что все они боялись, все грозили друг другу, раздувая свой страх, но [6] Петру казалось, что боятся они именно того, что сами же и делают: своих мыслей и слов. Это он понимал, потому что сам часто боялся тех мыслей и слов, которые подсказывал ему обиженный человек, единственный собеседник и друг его [7].

В конце концов он, пролежав в постели несколько дней, решил устало:

— А ну вас к черту всех! [8]

Ему хотелось отдохнуть от всех этих криков, речей, слухов о несчастиях на войне, хотелось уехать, но в Москве [9] и др〈угих〉 гор〈одах〉 было неспокойно, он даже пожалел, что Никита ушел из монастыря, можно бы пожить у него.

Он почти не удивился, когда пошли слухи о бунтах солдат и рабочих, о том, что мужики жгут усадьбы помещиков, он даже подумал злорадно:

«Ага? Вздули огонь? Дураки! Так вам и надо [10]».

Удивился он, когда стали говорить, что царь сам уступает [11] часть власти выборным людям, и [12] Алексей уехал в город хлопотать, чтоб Мирона выбрали в думу государя.

---

[1] он〈а〉 [2] Алексея и Мирона [3] ува〈жает〉 [4] *Далее*: «Надувают» [5] *Далее*: Вздуть можно и бока, и огонь. [6] *Далее*: боял〈ись〉 [7] *Текст*: Доктор, оскалив зубы ∾ и друг его.— *перечеркнут наискось светло-синим карандашом.* [8] *Далее*: Сами виноваты. Орете... [9] городах [10] Ага? [доиграли〈сь〉]. Так вам и надо [вам]! [Вздули огонь, дураки?] Вздули огонь? Дураки! [11] отказы〈вается〉 [12] *Далее*: [Мирон уехал к отцу] Мирон начал хлопотать о том, чтоб выбрали его в думу государя

Осенью по городу снова пошли с хоругвями, иконами. Воропонов нес портрет царя и снова требовал:

— Спаси, господи, л-люди твоя...

А Житейкин, вооруженный двухствольным ружьем, шел, пьяный, во главе своих рабочих и [1] неистово скандалил, кричал:

— Ребята — не давай! Не позволяй обмана! Чья Россия? Наша Россия!

— Наша,— соглашались кожевники, тоже выпившие, и встречая ткачей, врагов своих, затевали драки с ними, избили палкой доктора Яковлева, еврея аптекаря бросили в Оку, [2] долго гонялись по городу за сыном его, студентом, а сам Житейкин дважды разрядил ружье [3], целясь вслед ему, и поранил дробью ноги портного Брускова [4].

Молодые ткачи, бросив [5] работу [6] тоже побежали в город [7], несмотря на [8] уговоры Якова, машиниста Догадкина и других разумных людей. Фабрика остановилась [9], опустела, обездушела и точно сморщилась под [10] ветром, который тоже капризно бунтовал, выл, свистел, принося с собою ледяной дождь или мокрый, липкий снег [11] и, облепив снегом трубу [12] фабрики, смывал его, брызгая дождем.

Артамонов, сидя у окна [13], с угрюмым злорадством смотрел, как в город [14] и из города муравьями бегают под снегом темненькие фигурки [15] мужчин и женщин, сквозь стекла были слышны их крики, и казалось, что [16] людям весело. Открыв форточку, он услыхал визг гармоники под окном; прижавшись к стене, [17] стоял Ванька Кротик, [18] кочегар, к его плечу прижималась какая-то шпульница, и оба они [19] кричали под гармонику:

Стала ты теперь несчастная
Моя привычка,

---

[1] *Далее*: ск⟨андалил⟩ [2] *Далее*: а сыну его, студенту, выкололи глаз, [3] *Далее*: в окно магазина часов, в ноги ему в⟨след⟩ [4] *Текст*: Осенью, по городу ∾ портного Брускова — *написан на наклейке, под нею — более ранний текст*: [П⟨о городу⟩] Осенью по городу снова [пошел крестный ход] [пошли] с портретами царя, и разыгралась драка. Кожевники Житейкина, враги ткачей, избили доктора Яковлева, [какого-то учителя] [а аптекаря еврея] а еврея-аптекаря сбросили в Оку, [а сын тогда] сын его, студент, спрятался в парикмахерской,— а парикмахерскую разгромили и, [вы⟨кололи⟩] поймав студента, выколо⟨ли⟩ ему глаз. [5] Ткачи на фабрике бросили [6] *Далее*: и [7] *Далее*: драться [8] *Далее*: рев жен и [9] не работала [трое] четвер⟨о⟩ суток, но все время дул ветер, принося [холодный] ледяной дождь или мокрый липкий снег [10] *Далее*: холодн⟨ым⟩ [11] *Далее*: выл и свистел в трубах дома, раскачивал голые деревья, кусты [12] *Далее*: крыши [13] Петр Артамонов, стоя на крыльце дома [14] из город⟨а⟩ [15] черненькие фигурки [баб] людей [16] *Далее*: этим [17] *Далее*: пьян⟨ый?⟩ [18] *Далее*: растягивая гармони⟨ку⟩ [19] *Далее*: в один г⟨олос⟩

Хочу видеть ежечасно
Твое, шельма, личико. [1]

А ветер доносил из города ворчливый шумок, точно где-то далеко кипел и фыркал огромный самовар, наполненный целым озером воды.

На двор въехала лошадь Алексея, за кучера сидел на козлах дрожек одноглазый фельдшер Морозов [2], а в дрожках, закутанная шалью,— Ольга; Артамонов испугался, пошел в сени и крикнул ей:

— Что случилось?

— Окна побили у нас,— ответила Ольга, сбросив мокрую шаль, встряхиваясь, точно курица.

Петр Арт⟨амонов⟩, уступив ей дорогу в комнаты [3], шел сзади, ворчал [4], торжествуя. [5]

— Орали на меня [6], а вот оно как, без царя-то...

И [7] вдруг услыхал [8] гневный ответ:

— Ах, отстань, Петр! [9] Нечестный человек [10] царь твой...

— Много ты понимаешь,— пробормотал он, но его смутил гнев [11] маленькой старушки в очках, такой всегда скромной, серьезной, никого не осуждавшей; в ее словах [12] было что-то смешное, как мышиный писк против быка, который [13] наступил мыши на хвост, не видя этого и не желая.

Явилась Наталья и [14], сердито хныкая, стала говорить Ольге:

— Так вам и надо! От вас смута пошла, от вас!

Петр был согласен с нею в этом, но все-таки прикрикнул на нее и стал расспрашивать: кто бил стекла?

Зябко пожимая плечами, Ольга задумчиво и беззлобно рассказала, что по улицам города ходят пьяные кожевники, тележники и буянят, подстрекаемые Житейкиным, тоже пьяным, Воропоновым и приехавшим из губернии толстым длинноволосым человеком. [15] Солдаты ушли в село Красную Ромень, исправник уехал туда же, там бунтуют мужики, полиция спряталась куда-то.

— У нас там Яков с Тихоном [16] собрали человек тридцать ткачей и охраняют дом; ткачи трезвые [17] и останутся на ночь, боятся, как бы не подожгли нас.

---

[1] *Текст*: какая-то шпульница ∾ шельма, личико.— *перечеркнут накрест красным карандашом* [2] [М⟨орозов?⟩] Долгов [3] в комнату [4] и ворчал [5] *Далее*: Ага? То-то вот! [6] *Далее*: когда я говорил [7] *Далее*: вд⟨руг⟩ [8] *Далее*: в ответ сердитый резкий возглас [9] *Далее*: Никто его не трогает [10] Нечестный человек он [11] [поразили неожиданные слова] [поразил мышиный гнев] смутил мышиный гнев [12] и в ее неожиданном гневе [13] не видя этого [14] *Далее*: хн⟨ыкая⟩ [15] *Далее*: Полиции нет, солдаты [16] и Тихон [17] *Далее*: но очень разозлились

— Ох, изобьют Яшу,— пожаловалась Наталья, муж взглянул на ее дряблое лицо, в испуганные, жалкие глаза.

— Молчи. Крыса.

Она, покорно вздохнув, опустила голову и стала готовить чай, а Петр, отойдя к окну, слушал [1] печальный, по незлобный голос Ольги.

— Очень [2] разозлились ткачи, так страшно [3] бьют всех...

— А — что же? [4] Мирволить бунтарям? — спросил Петр, глядя в окно. [5]

Ветер притих, зарылся в густой снег, тяжело и прямо падали крупные хлопья, грязный двор и черные деревья окрашивались в белое. На дворе [6] неистощимо пел кочегар, теперь он пел один, и голос его звучал еще веселее [7]; Петр знал, что [он] тем и знаменит, что сам складывает смешные песенки, они [8] всем нравились, но сегодня звучали неуместно и даже [9] обидно, он крикнул в форточку:

— Эй, перестань зубоскалить!

Но Васька, должно быть, не слышал окрика и [10], подыгрывая на гармонике, отчеканивал забавные слова, а кипящи⟨й⟩ шумок города стал не слышен в густоте снега и визге гармоники. Артамонов сердито хлопнул [11] форточкой. С этого дня началось и продолжалось годы что-то совершенно непонятное: [12] все люди сделались в глазах П⟨етра⟩ Ар⟨тамонова⟩ похожими на обленившуюся прислугу, ко-

---

[1] *Далее*: спокойный и [2] *Далее*: безжа⟨лостно⟩ [3] безжалостно [4] А — как же? [5] *Далее*: Снег пошел гуще, он падал прямо и тяжело, крупными хлопьями, окрашивая грязный двор и черные деревья в белое. [6] *Далее*: все еще пел неистощимый [7] весело. *Далее*: [Он сам со⟨чинял⟩]

— Эх, стало тесно на земле:
Деремся с японами!
Бьют они нас по скуле,
А мы их — иконами!

[8] но они [9] *Далее*: ка⟨к-то⟩ [10] *Далее*: все [11] за⟨хлопнул⟩ [12] *Далее*: рекою хлынули события [смысл] темного смысла, и [во всех ⟨событиях⟩] в шуме их почти всегда Артамонов слышал неуместное Васькино зубоскальство. Алексей, приехав из губерни⟨и⟩, [привез] подавленно рассказывал о бунте в Москве, и [вся жизнь нахлестанно заторопилась, испугалась] все люди нахлестанно заторопились, испугались, — точно ленивая прислуга, узнав о [неожиданном приезде хозяев, [начала] начали испуганно [суетлив⟨о⟩] суетиться [торопливо]] внезапном возвращении хозяев домой, нахлестанные испугом [стали], боясь расчета, стали торопливо ⟨*не закончено*⟩ Жизнь стала тревожной, и как раньше какие-то лю⟨ди⟩ охотились на министров, точно на волков, так теперь началась [какая-то] охота друг на друга: почти каждую неделю где-то грабили, кого-то убивали и всюду [вешали, судили] вешали [убийц] людей; *Фраза*: С этого дня ∾ совершенно непонятное — *перечеркнута синим карандашом.*

торая, узнав о внезапном и скором возвращении хозяйки домой, боясь расчета, нахлестанные испугом, торопливо, на скорую руку метут, чистят, прибирают запущенный дом. Почти каждый день кричал что-то тревожное, всё [1] вообще стало крикливо и всё, оглушая, не давало [2] понять себя, [3] закружилось темным вихрем [4].

Алексей приехал из губернии [5] больной, бойкие глаза его остановились, потускнели, он съёжился и, лёжа на диване в лиловом халате, неохотно, подавленно рассказывал [6], как бунтовали в Москве [7].

— Грабежи везде,— говорил он, глядя в потолок и мигая.— Людей вешают каждый день почти.

— Довели,— усмехаясь говорил Мирон [8], он стал еще более сухо важен, выпрямился и расхаживал подпрыгивающей, пружинной походкой, пристукивая каблуками. Яков начал озабоченно жаловаться [9], что на фабрике неспокойно, [10] и, может быть, придётся ввести солдат, как это сделано Житейкиным на его кожевенном заводе, но отец [11] не верил ему: на фабрике было не более беспокойно, чем всегда, а Мирон скалил зубы и, не смеясь, говорил:

— Хе-хе! Сам же он, дурак, первый показал им, как надо бунтовать. [12]

И вдруг — точно [13] дверь закрыли [14] в комнату, где был шум,— пришла смерть. [15]

Петра [16], среди ночи, разбудила жена [17]:

— Петр Ильич, проснись: Тихон прискакал...

— Тихон [18]?

Он уже знал, что если Тихон,— [19] ничего доброго не может быть.

— Алексей Ильич скончался...

Перекрестясь, Петр стал молча одеваться, а Наталья, всхлипы-

---

[1] и все [2] оглушало и не давало [3] *Далее*: [спутал‹ось›] запуталось и [4] *Текст*: все люди сделались ∾ закружилось темным вихрем — *написан на отдельном листке и перечеркнут синим карандашом*; *на обороте красным карандашом написано*: Надо [5] из Мо‹сквы› [6] *Далее*: о том [7] *Далее*: как везде нача‹лись› [8] *Далее*: [имея ты‹сячи?›], *далее зачеркнутая вставка на полях*: Раньше били министров, как волков, а теперь [начинают сами] начинаем душить друг друга, как зайцев. [9] Яков озабоченно жаловался [10] *Далее*: рабочие становятся все более [11] Пет‹р› [12] *Далее*: Жизнь стала тревожной, почти каждый день кричал что-то страшное и всё вообще стало крикливо, всё оглушало [13] Но внезапно, как бы [14] *Далее*: и [15] *Далее*: [Умер Алексей] Умер ночью, на постели, лежа рядом с женою [и]; Ольга думала, что он заснул, и догадалась о смерти его лишь тогда, когда [его] тело [на‹чало›] его начало смертельно холодеть. [16] К Петру, на фабрику [17] *Далее*: словами [18] Что? Тихон? [19] *Далее*: тут

вая, стояла в углу и, толстая, в белой рубахе, была похожа на мешок муки [1].

— Ну,— сказал Петр тихонько,— чего ж ты? Одевайся. Незаметно было, что умирает. Тихона прислали [2]?

— Да [3].

Ольга встретила их на дворе, она ходила от сарая [4] к воротам взад и вперед, в белой юбке, в ночной кофте; в ярком свете луны она казалась прозрачной, и было странно, что от нее на булыжник [5] падает тень.

— Вот и кончилась жизнь моя,— тихонько сказала она.

На ступенях крыльца [6] сидел Мирон, в одной руке его дымилась папироса, другою он раскачивал очки свои, тонкие золотые ниточки блестели [7] в воздухе, сверкали стекла, он никогда не видел Мирона таким маленьким, грустным. Петру показалось, что без очков нос племянника еще больше [8]. Расхаживая по двору, Ольга говорила:

— Во сне умер. Я не заметила — когда. Проснулась, а у него плечо смертно холодное и рот открыт. Не успел сказать мне последнее слово свое, не успел, родной. С вечера жаловался: сердце покалывает.

Петр осторожно вошел в дом, на цыпочках, крадучись, подошел к постели; брат лежал [9], накрытый простыней, сложив на груди неугомонные руки, челюсть его была подвязана платком, седенькая бородка строго торчала вверх [10], и нехорошо торчали большие пальцы ног, натянув простыню так, точно хотели прорвать ее. На столах, с обеих сторон кровати, стояли цветы, в окно смотрела обтаявшая с одного края луна, тихонько шевелилась кисея занавесок [11]. Стало жутко, Петр пошел на двор [12].

«Вот и я скоро так же...»

Теперь по двору ходила с Ольгой Вера Николаевна; вся в черном, как монахиня, и выше Ольги, она сделала ее еще более маленькой, да и все, даже Тихон, вытиравш‹ий› потную лошадь клочком сена, всё показалось Петру уменьшенным в [13] свете луны, неподвижной на шелковой синеве пустынного неба. Петр сел рядом с племянником на крыльце, тот посмотрел на него издали, чужими гла-

---

[1] на кафельную печь [2] Тихон, говоришь [3] Его, конечно [4] амбара [5] камни [6] На кры‹льце?› [7] блесте‹ли› [8] Петру показалось, что без очков нос племянника еще больше и что он никогда не видел Мирона таким маленьким, грустным [9] [лежал] вытянулся [10] *Далее*: а брови серьезно нахмурились [под‹нялись›], простыня [четко] туго окутала [острые] колени его и [11] [и почему-то тихонько шевелились складки простыни, закрывавшей зеркало в простенке] шевелилась белая кисея занавесок, закрывая зеркало в простенке [12] *Далее*: думая [13] *Далее*: ярком

зами и вдруг, бросив погасшую папиросу, боднул его головою в плечо, сказал тихонько:

— В-вы не знаете, какой это был хороший [1] человек...

Петр Ар⟨тамонов⟩ сидел не шевелясь, голова племянника давила плечо его многопудовой тяжестью, внушая скорбную, завистливую мысль: «А кто меня так помянет? Илья — не помянет».

— Не дури! — тихо сказал в углу двора Тихон.— Что дуришь?

Он мотал головой, не давая коню [2] схватить [3] губами его ухо; услыхав его негромкий голос, П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ проглотил рыдание, горячо сжавшее ему горло, и начал шепотом утешать Мирона:

— Что делать? Всем — один конец.

Но голос у него вздрагивал, память подсказывала слова ненужные, он замолчал, следя, как за [4] женщинами ползают по камням их тени, то забегая вперед [5], то влачась сзади. Наталья о чем-то говорила с Тихоном, он слушал ее и кивал головою. И конь тоже кивал, в глазу [6] его светилось что-то медное [7].

Подошла Наталья, говоря:

— Депешу надо бы дать Никите... Тихон знает, где он.

— Конечно — знает. Пускай даст...[8] Вот — Мирон напишет...

Мирон встал, пошел, задел плечом за косяк двери и погладил его ладонью.

«Вот оно как»,— подумал [9] Петр, следя за ним [10], и сказал:

— Илье тоже депешу дай [11].

Из темной дыры [12], прорезанной в стене, Мирон ответил:

— Илья не может приехать.

Петр Ар⟨тамонов⟩ опустил голову, в нее влилась тяжелая мысль: «Отец, дядя, братья работают, [13] прикованные к своему делу [14] на всю жизнь, а Илья где-то там, действует против них, против дела, и за это его сажают [15] в тюрьмы — что это такое?»

Тихон подвел коня [16] к окну, бока [17] коня лоснились в лунном свете, как бронза [18] памятника царю на площади в губернском городе. «Тихон — тоже против дела». Жалобный голос Ольги мешал думать, стоя близко, у садовой решетки, она говорила В⟨ере⟩ Н⟨иколаевне⟩:

---

[1] прекрасный [2] жеребцу [3] *Далее*: его [4] *Далее*: тремя [5] *Далее*: их [6] гла⟨зах?⟩ в [7] *Далее*: Тихон схватился за гриву его и, подпрыгивая, стал влезать на хребет, цокали подковы [8] *Далее*: Наталья негромко приказала [9] думал [10] *Далее*: А вот где-то... [11] Илье дай [12] Из темноты сеней [13] *Далее*: на всю жизнь [14] *Далее*: а Илья [15] держат [16] Сидя верхом на [спине] рыжеватом коне, Тихон подъехал [17] [темна⟨я⟩] шерсть [18] *Далее*: на

— Ведь мы с ним почти сорок лет мужем и женой прожили — подумайте! [1] Да до этого четыре года дружились. Если б вы знали, если б знали.

Наталья всхлипывала, сидя на скамье у садовой калитки, Тихон выехал из открытых ворот в зеленоватое предрассветное небо, замахнулся на коня бумагой, и, встряхивая тишину [2] ковкими ударами подков [3] по камню, конь тяжело поскакал.

— Если б вы, дядя, слышали, что он говорит, и знали, чего он хочет, вы увидали бы, что Илья чужой нам человек [4].

Говорил Мирон, глядя в землю, покусывая губы [5]; казалось, что [6] говорить ему трудно, и он осторожно выдумывает каждое слово [7].

Артамонов стар⟨ший⟩ слушал и не верил: не может быть, чтоб Илья все еще жил [8] с теми мыслями мальчишки, которые [9] поссорили его с отцом.

«Боится,— думал он о племяннике. [10]— С одним Яковом [11] ему проще, а если еще тот приедет... Боится».

Он спросил:

— Сослали-то его за что?

— Вот за эту [12], за политику.

— Ну, какая ж тут политика? Это — наше семейное дело. [13] Ведь он не с теми, что министров бьют?

— Нет.

— Ну вот, видишь. Как же тогда? За что?

Мирон, устало вздохнув, не успел ответить [14], в ворота вошел, сверкая зубами, рыжий доктор, молча поздоровался, спросил:

— В спальне?

И вместе с М⟨ироном⟩ ушел в дом, за ними пошли [15] женщины, и почти тотчас, болтая ногами, на двор въехал Тихон, кряхтя, грузно сполз [16] с коня. [17] Ар⟨тамонов⟩ посмотрел на него и [18], опасаясь, что Т⟨ихон⟩ скажет [19] что-нибудь, тоже ушел в дом. [20]

---

[1] *Далее*: Срослись! Мне тринадцать было. [2] *Далее*: уска⟨кал⟩, исчез, наполнив воздух [3] копы⟨т⟩ [4] наверное, нашли бы его чужим человеком [5] *Далее*: и [6] *Далее*: он [7] *Далее*: [Из этих его слов] а из всех этих слов [выхо⟨дило⟩] было ясно, что Илья [8] [Илья ост⟨авался⟩] Илья все еще оставался [9] *Далее*: его, мальчи⟨шку⟩ [10] *Далее*: Не⟨т⟩. Тр⟨усит⟩ [11] С Я⟨ковом⟩ [12] за это [13] *Далее*: Не понимаете вы, дядя,— вздохнул М⟨ирон⟩ и замолчал. [14] *Далее*: на [15] уш⟨ли⟩ [16] спуст⟨ился⟩ на [17] *Далее*: Отправил депешу? — А, как же.— Вот, брат, умер Алексей Иль⟨ич⟩,— сказал Артамонов, дворник, разбирая гриву коня, отозвался:—Погодя и мы за ним [18] *Далее*: ска⟨зал⟩ не [19] заговорит [20] *Текст*: Если б вы, дядя ∾ тоже ушел в дом — *вставка на отдельном листке*.

Никита явился в день похорон, на кладбище, когда гроб уже опустили в могилу и бросали на него горстями песок; именно в эти минуты Петр сквозь слезы заметил его угловатую фигуру прислонившейся к стволу березы, им же посаженной в давнее время.

— Опоздал ты,— сказал он, подходя к брату, тот виновато опустил глаза.

— Вот — одного нет уж.

— Да.

Он стоял, опираясь руками на палку и положив на руки горб, ряска его выгорела на солнце, клобук тоже потерял свой первоначальный цвет и принял окраску старого железного ведра. Темное лицо монаха обострилось [1], седая борода облезла, было в ней что-то очень жалкое, нищенское, а нос [2] набух и красноват, точно [3] у пьяницы, тусклые глаза слепо [4] смотрели мимо Петра, в спины людей, окружавших могилу. Сыпался и шуршал песок, звенели цепочки кадила в руках дьякона, подавленный гул голосов плавал над кладбищем, священник сладко утешал Ольгу и Наталью:

— Не оскорбляйте стенаниями и плачем господа бога нашего...

Люди отошли от могилы, и Петр увидал [5], как усердно и ловко Тихон Вялов, бывший землекоп, засыпает песком могилу, [6] помогая сторожу кладбища.

— Пойдем,— предложил он Никите.

С родными Никита поздоровался молча, не глядя на них, не благословляя, а когда [7] Наталья наклонила к руке его мокрое лицо свое, он отдернул руку, сказав ей:

— Ой, какая ты стала — не узнать!— И, неуместно ткнув себя в горб, пошутил: — Меня не узнать-то — нельзя, а от тебя [8] и тени не осталось [9], вот как!

Петру было непонятно и подозрительно, почему монах держится так виновато, отчужденно, почему он не хочет сказать никому слово утешения?

— Где ж ты жил? [10]

Никита шагал [11] широко и твердо, как привычный ходок [12], и походка его не отвечала ни тихому голосу, ни рассеянному взгляду выцветших глаз. Он сказал, что последние годы мало жил на одном месте, так живя — ничего не знаешь, вот он и ходил по земле, смотрел [13].

---

[1] очень похудело [2] *Далее*: бы‹л› [3] и был красноват, как [4] [смо‹трели›] упорно [5] и стало видно [6] *Далее*: сгребая его лопатой [7] ко‹гда› [8] а ты [9] *Далее*: и [10] *Далее*: [В Рязанской губернии] Я мало жил на одном-то месте,— ответил Никита [11] *В автографе*: шагая [12] пе‹шеход?› [13] Я мало жил на одном-то месте [все]. Все ходил, смотрел. Тихон знал, я ведь писал ему.

— Тихону-то, видно, писал ты, а нам — нет,— упрекнул его Петр [1].

— Вы — люди занятые...

— А говорил — не любишь его.

— Я не люблю ум [2], а не человека...

Их окружили горожане, всем было любопытно посмотреть на полунищего [3] уродливого монаха, брата и дядю богатых людей,— в этом чувствовалось нечто скандальное и [4], может быть, позорящее Артамоновых. Город был убежден, что братья Артамоновы обманули горбуна, спрятав его в монастырь [5], чтоб воспользоваться его частью наследства. Петр нахмурился, заметив, что Мирон смотрит на горбатого дядю пренебрежительно, но тоже [6] не мог подавить чувство стеснения [7], вызываемое братом. Он чутко прислушивался к [8] ответам Никиты на вопросы горожан, опасаясь, как бы горбун [9] не сконфузил семью каким-нибудь неосторожным словом, но Никита отвечал тихо, кротко и, видимо, сам чего-то боялся в людях. Так же тихо, отчужденно он вел себя и в часы бесконечных шумных поминок, устроенных на дворе Алексея; люди говорили про [10] умершего брата похвально, лестно для всей семьи, но ведь Петр знал, как трудно понять, когда люди говорят правду. Впрочем, опьяненные чем-нибудь, он⟨и⟩ более правдивы [11], а пили они много и неутомимо [12] забавлялись, заставляя дьякона Карцева и певчих возглашать усопшему «Вечную память». Поминки кончились на закате солнца [13], и Степан Барский, когда его втаскивали на [14] дрожки, сказал громко:

— Ну, Петр Ильич, действительно помянул ты брата! Таких [15] поминок — не забыть! Долго не забыть...

«Ну, ты скоро всё забудешь»,— подумал Петр, глядя на его оплывшее лицо и жирное тело, мягкое, точно пуховая подушка.

Он остался с женою ночевать в доме брата. Наталья ушла к Ольге, а он, полежав на диване часа два в [16] тщетном ожидании сна, вышел на двор и под окном кухни, на скамье [17], увидал монаха в беседе с Тихоном. Дворник встал, хотел уйти.

— Сиди, сиди,— сказал ему Петр и сам, осторожно, как на гвозди, подсел к брату; [18] монах поставил [19] клобук свой на землю к ногам, рядом с клобуком стояла бутылка, а в руках [20] Н⟨икиты⟩ блестел стакан. Ударив им по острому колену своем⟨у⟩, монах сказал:

---

[1] бр⟨ат⟩ [2] Я ум не люблю [3] *Далее*: мо⟨наха⟩ [4] *Далее*: даж⟨е⟩ [5] спрятали горбуна в монастырь для того [6] и сам [7] [стеснитель⟨ного⟩ исп⟨уга⟩] смущения и конфуза [8] *Далее*: тихим, кротким [9] тот [10] о [11] *Далее*: чем когда [12] очень [13] [только] поздно вечером [14] втискивали в [15] Этого [16] и [17] ла⟨вке⟩ [18] *Далее*: который, сняв клобук, держа его на коленях, следил [19] *в автографе*: поставив [20] руке

— Прости, выпить захотелось.

— На здоровье...

— При людях я не пью...

— Зачем же при людях,— ворчливо согласился Петр, а Н‹ики-та›, наклонясь, поднял бутылку, налил в стакан вина и приподнял его в воздух против света луны, разглядывая темно-кровавый блеск вина и следя за облаками: их было немного, и были [1] неподвижны, точно [2] грязные заплаты, неумело, но крепко вшитые в синеватый шелк [3] неба. Луна пряталась за церковной колокольней, окутав ее серебристым туманом и этим странно выдвинув из теплого сумрака ночи.

Нюхая землю, по двору задумчиво ходил мордастый умный пёс Кучум, любимец Алексея, ходил, нюхал и вдруг, подняв голову в небо, скучно, негромко взвизгивал [4].

— Цыц, Кучум,— сказал Тихон.— Подь сюда...

Собака подошла, сунула толстую башку в колени его и провыла что-то; Тихон стал чесать ей за ушами [5].

— Чувствует [6],— заметил Петр.

Ему не ответили, а он очень хотел говорить о чем-нибудь, чтоб не думать.

— Я говорю — жалуется [7],— настойчиво повторил он, тогда Тихон отозвался:

— А как же? Он умный.

— В Арзамасе монастырская собака воров узнавала по запаху,— вспомнил Никита.

И снова оба замолчали.

— О чем беседовали? — спросил Петр.

Тогда горбун, точно с лестницы пошел, заговорил [8] торопливо, как баба, подскакивая, перепрыгивая через слова:

— Тихон доказывает: смутилось всё, люди кружатся, испугались — мятеж! [9] А я говорю: нет, это видимость. Нет, нет — люди [10] не такие. Я их тысячи видел. Это кажется, будто мятеж [11], а — мятежа нет, задумались все [12]...

— Дела замучили,— вставил Тихон, наклонясь, играя ушами собаки; Петр сердито упрекнул его:

— Только это и твердишь, нечего тебе сказать, кроме этого [13]!

---

[1] стояли [2] и т‹очно› [3] в шелк [4] [жалобно по‹визгивал?›] как бы протестуя, вн‹эжал› [5] затылок [6] [Чувствует] Жалуется, чувствует [7] чувствует [8] *Далее*: [точно] как-то по-новому, непохоже на себя.— Он правильно [говорит], от ума говорит, а [Тихон] я теперь сам знаю: так и есть, замучили дела людей — фабрики, машины, железные до‹роги› [9] *Далее*: Ересь! [10] *Далее*: остановились [11] что это мятеж [12] [они] думают, все об одном] устали все. Я и говорю [13] *Далее*: молчал бы лучше

И приказал:

— Отгони собаку, чтобы не скулила [1].

Дворник послушно снял лапы собаки с колен своих, отодвинул ее ногой, она, поджав хвост, села и пролаяла дважды [2], блестя желтыми глазами, а монах порылся рукою в складках рясы, достал бумагу, оторвал от нее острый уголок [3], быстро скрутил козью ножку, потом вынул берестяную [4] коробочку и зачерпнул из нее махорки.

— Ты что же это, закурил на старости? — спросил Петр; брат не ответил, шаркнул спичкой по колену и, прикрыв [5] глаза, осветил синеньким [6] огоньком провалившийся рот свой, седые волосы подбородка [7]. На вопрос Петра он не ответил, продолжая тихонько говорить бабьим голосом, невнятно, шепеляво, говорил, точно бегом бежал, выдыхая едкий дымок, чадные слова, пепел сыпался на горб ему [8]. Трудно было следить за его беззубой речью, и мешала собака: она снова пошла по двору [9], поджав хвост, нюхая лысые булыжники, подвывая. Тихон пробормотал:

— Ежели ее запереть — покою не даст...

Монах указал красным огоньком папиросы на Тихона [10].

— Он говорит от ума, а — правильно! [11] Железо, брат Петр, железо везде: железные дороги — вот что! Машины везде пошли, [12] машина говорит — сам слышал [13], да, брат! Божий раб, народ [14], видит — ага-а, вот как [15]?

«Ты сам на машину похож»,— подумал Петр.

Выглотав весь дым [16] папиросы, он поглядел на ее [17] крючок, зажал его в пальцах, смял шариком и бросил по ноги себе.

— Железному-то этому [18] новому заводу жития и люди нужны железные — вот что! Очень [19] многие [20] понимают это, я таких встречал немало [21]. Всем, брат, обидно. Когда человек командует — ну, ничего, терпели, а — тут: бездушная вещь, железный металл. К этому привыкнуть нельзя. К топору, к молотку — можно, [22] ко всему, что в руку возьмешь, привыкали [23], а тут вещь сто пудов, в двадцать раз больше тебя, сто машин гудят. Обидно [24]. Тут так выходит, что уж не ты лошадью правишь, а она тебя понесла и, гляди, разобьет! Ой, разобьёт...

---

[1] *Далее*: надоела [2] трижды [3] *Далее*: и стал [4] деревянную [5] закрыв [6] же‹лтым› [7] *Далее*: и нос [8] на его горб, а слова [9] *Далее*: под‹жав› [10] [И м‹онах›] [он] Указав папиросой па Тихона, монах говорил [11] *Далее*: правильно [12] *Далее*: [землю пашут машинами] даже машина пишет [13] *Далее*: сам видел [14] И человек [ра‹ботал›] [чело‹век›] бывало [15] вот оно [16] *Далее*: из бума‹жной› [17] *Далее*: дымящий [18] Железной-то этой [19] И очень [20] *Далее*: сами [21] *Далее*: [говорил] спрашивал, слушал [22] *Далее*: его [23] привыкаем [24] *Далее*: понимаешь

Тихон Вялов густо крякнул и сказал — или спросил — сквозь зубы:

— Испугались, значит...

— Этого не скажу, что испугались. А — обозлились многие.

— Тут ошибка есть: не туда злятся [1], все друг против друга, а виноватые — все, и за ум и за глупость — все виноватые [2].

Вздохнув устало, монах [3] сказал:

— Ну, все-таки стали понимать: всё — дело рук человеческих, вся цель [4]...

Незнакомо [5] Петру, не слыханно им, дворник засмеялся грубым, тяжелым смехом, говоря:

— Впереди лошади телега бежит — испугаешься! Черти [6]... Овладеть! Сами себя цепью связали, а теперь — овладеть!

Петр Ар⟨тамонов⟩ почти крикнул [7] на него:

— Да — погоди ты, молчи!

Он слушал речь брата очень внимательно и чувствовал в ней правду в странной связи с неправдою. Мимолетно он думал: «Монах должен верить в бога, о боге [8] говорить, а без этого — какой же он монах? И — махорку курит. Хорошо еще, что горбат, а то бы, пожалуй, распутничал с бабами, невзирая на старость свою». Никита казался ему еще более чужим и неприятным [9]. Тогда, в монастыре, он был чем-то лучше, может быть тем, что не учил, как учит теперь, а говорил просто и совестливо обнаруживал пустоту своей души. Но другу Петра, обиженному человеку, что-то очень нравилось в речах монаха, и человек этот как бы [10] нашептывал:

«Слышишь? Видишь?»

И вдруг ловко подсунул задорную мысль:

«Вот — собака тоскует об Алексее, а ты уже и забыл брата, будто не было его».

Собака сидела среди двора, глядя в темное окно комнаты хозяина [11], стекла окна, освещенные луною, блестели как лед, сидела собака, сжав пасть, уши ее торчали настороженно [12], она как будто ждала, когда окно откроют и позовут ее.

«Ты о чем думал? Как бы Мирон не обошел Якова,— вот о чем...»

Это были неуместные мысли, они обижали, но отогнать их не удавалось [13].

---

[1] злость тут на⟨правлена?⟩ [2] *Далее*: братья [3] он [4] надо быть [желе⟨за⟩] крепче, надо овладеть своим делом [5] И незнакомо [6] Эки черти... [7] кри⟨кнул?⟩ [8] и о боге [9] *Далее*: до того [10] и он точно [11] дома Алексея [12] насторожи⟨в⟩ уши [13] *Текст*: Слышишь? Видишь? ∞ не удавалось.— *перечеркнут наискось красным карандашом*.

«В монахи-то надо было тебе идти, а ты всю жизнь служил [1] фальшиво, как неверующи⟨й⟩ поп Глеб...»

Петр Артамонов сказал, встав на ноги:

— Учите вы, смеетесь, а — что толку в этом? Горе в том, что вы в бога не верите, и оттого у вас жалости нет к людям. Рассуждаете. Рассуждать просто. Нет, вы поработайте. [2] Жалость к людям обнаруживает дело, оно их поит, кормит, оно одевает, обувает. Вы — старики, надо бы вам понимать...

Говоря не то, о чем думал, и говоря лишь затем, чтоб заставить молчать этих двух неудачных людей [3] и третьего, в себе, но то, что он говорил, не нравилось ему. Он сердился, не находя подавляющих мыслей и достаточно веских слов [4]. Надо [5] было оглушить их каким-то [6] каменным словом, сказать и уйти прочь победителем. Но он не ушел, а снова сел рядом [7] с братом, смутно надеясь, что придет [8] минута, когда монах или Тихон сами подскажут [9] ему, как лучше унизить их.

Никита осторожно отодвинулся от него, Тихон проворчал что-то о Христе [10].

— Что? — спросил А⟨ртамонов⟩.

— Я говорю: Христос [11] жил просто, он в калошах не гулял, он босой [12], без зонтика ходил, а не в колясках ездил. «Любите друг друга да единомыслием — исповемы»,— учил [13] он. Поп Глеб это очень понимал, вот он и бросил весь [14] народ и ушел.

Монах [15] заткнул [16] рот бородою и спросил [17] сквозь ее:

— Единомыслие-то откуда тут у тебя?

Петр хотел возразить ему, но в это время Никита тихо и задумчиво начал ласковыми словами рассказывать о Глебе: поп женился на вдове-казачке [18] и хозяйствует с нею [19], хозяйство — легкое: разводит виноград, плодовые деревья [20], с женой живет дружно, у них двое детей, мальчишки [21], товарищ, бывш⟨ий⟩ городовой, милый старичок, и [22] отец жены, старый казак, тоже сектант.

— Ах, как хорошо [23] живут! [24] Будто и не люди [25]. Если б я не урод да помоложе был — остался бы с ними,— сказал он, вздохнув, [26] и стал рассказывать еще о разных людях, встреченных им. Это

---

[1] [всю жизнь прожил] почти всю жизнь прожил [2] *Далее*: Это все чепуха [3] *Далее*: он сердился [4] [Он сердился на двоих потому] Он сердился, не находя веских слов и достаточно [5] Тут надо [6] какой-то [7] опустился на лавку в [8] [на⟨станет?⟩] б⟨удет?⟩ [9] скажет [10] о боге [11] бог [12] он без ка⟨лош⟩ [13] говорил [14] всё [15] *Далее*: усмехнулся [16] *В автографе*: заткнув [17] сказал невня⟨тно⟩ [18] [деревенской бабе] учите⟨льнице⟩ [19] *Далее*: у казаков [20] *Далее*: де⟨тей?⟩ [21] *Далее*: и [22] и еще [23] беззаботно [24] *Далее*: Так дружно [25] *Далее*: ко⟨нечно?⟩ [26] *Далее*: улыбаясь

было очень интересно слушать, Петр успокоился и просидел молча до поры [1], пока в розоватом небе луна растаяла, как масло [2].

Ему было приятно, хотя и обидно, когда он узнал, что Ольга уговорила монаха жить в ее доме, в комнате, с одним окном в сад, там Никита почти незаметно и жил [3], всё более сморщиваясь, подсыхая телом [4], но говоря с людями всё ласковее, мягче [5], тающим [6] голоском; весною [7], летом копался в саду, а переждав непогоду осени, уходил куда-то, камнем скатывался в леса с пологого берега Оки, где крепко прирос к пескам упря⟨мый⟩ городок [8].

Возвращаясь, он как-то очень поспешно рассказывал о том, что видел, слышал. Петру иногда казалось, что брат говорит виновато и только для того, [9] чтоб скрыть, забыть свою вину пред кем-то, казалось [10] также, что старенький горбун ходит по земле, успешно собирая свою растерянную [11] ласковость и покорность [12], которые в юности так хорошо отличали его от людей. [13]

«С богом мириться ходит, что ли?» — думал он, провожая брата в его странствия.

Но было непохоже, чтоб монах возвращался к юношеской вере своей, он не очень охотно посещал церковь, молился мало [14], разговоров о боге явно не любил и упрямо уклонялся от них. Он очень подружился со старенькой Ольгой, его, видимо, уважала Вера Николаевна, даже Мирон слушал торопливые рассказы дяди как-то особенно серьезно и вдумчиво [15]. На расплывшееся багровое лицо Натальи [16] монах смотрел так же ласково, но говорил с нею меньше, да и она тоже как будто разучивалась говорить. Ее отупевшие глаза остановились, и лишь изредка [17] сквозь муть сквозила тревога о дочерях [18], о сыне и здоровье мужа, боязнь опоздать с засолом огурцов, и страх [19] пред сухим насмешливым Мироном, и любовная радость при взгляде на толстенького, солидного Якова.

---

[1] сидел на лавочке до рассвета [2] растаяла маслено [3] прожил почти два года [4] [сморщиваясь, подсыхая, становясь все более мягок и молчалив] сморщиваясь телом [5] а на словах он становился мягче, словоохотлив. Он очень сдружился со старенькой Ольгой, [всё так же] тихо, но настойчиво не соглашавшейся в чем-то с [Тихоном] Вяловым,— дворник [то]же, чем более старел, тем больше как-то неуклюже деревянно вытягивался [6] тоненьким [7] [веснами] весной [8] точно тяжелый камень скатывался с пологого пригорка, к которому прирос городок. Петру [казалось] думалось, [что] к брату возвратились его ю⟨ность?⟩ [9] затем [10] и казалось [11] *Далее*: юно⟨сть⟩ [12] смиренство [13] *Далее*: Но все-таки он не верил [его] ему, ожидал чего-то неприятного,— вот сейчас горбун закричит, затопает ногами и обидит каким-то тяжелым словом [14] *Далее*: и [15] *Далее*: К Наталье он о⟨тносился?⟩ [16] *Далее*: [на] в ее отупевшие глаза, лишь изредка освещенные тревогой о [Елене] дочерях, сыне, испугом пред Мироном [17] *Далее*: их [18] *Далее*: огурцах [19] стра⟨х⟩

Петр Ар⟨тамонов⟩ видел, что Никиту все любят, все уважают, но не мог понять — за что же? Он не верил горбуну, ему часто казалось, что Ник⟨ита⟩ притворяется тихоньким и мягким так же ловко, как притворился, когда [1] задумал обольстить Наталью. И порою, наблюдая за братом, он ждал, что вот сейчас горбун вскочит со стула, затопает ногами и закричит [2] всем обидные, тяжелые, но неотразимо верные слова. Обиженный человек нередко [3] подсказывал Петру, что горбун имеет право топать и кричать.

Но топал Тихон Вялов. Этот чем более старел, тем более нелепо, по-солдатски вытягивался, выпячивал грудь, пыхтел [4], крякал, и [5] казалось: он заряжен порохом. Он стал еще более малословен, его спокойствие превратилось в угрюмость старой собаки, мерцающие глаза [6] поблескивали тускло, льдом и оловом, он стал груб и [7] говорил с Кучумом ласковее, чем с людьми. Хуже всего в нем было то, что он начал ухмыляться и даже изредка смеялся [8], но — не густо, не громко, как бы ему следовало, а так, как будто в горле у него сухая щепа трещала. С Никитой он был в чем-то не согласен, и хотя [9] незаметно [10], чтоб они спорили, но оба ходили [11] мимо друг друга, точно двое слепых [12].

Очень и всё более одиноко чувствовал себя Петр Ар⟨тамонов⟩ среди этих и всех других людей. Почти ежедневно, вечерами, он уходил на скамью под сосною, сидел там, опираясь на палку, и, слушая умненькие [13] мысли обиженного, обманутого человека, бормотал вслух:

— Да, да! Х-ха-хэ! [14] Да-да-да!

Обиженный человек становился [15] ближе и роднее. Он был приятен, как банщик, когда тот мягкой, в меру горячей и душисто намыленной мочалкой, трет кожу спины в том месте, где самому человеку нельзя почесать [16],— не достанешь рукою.

Он заставлял Ар⟨тамонова⟩ смотреть вниз, за реку, на распластавшиеся по серому красные [17] корпуса фабрики, они широко расползлись по земле, крепко и цепко въелись, всосались в нее четырехпалой лапой [18]. Возникал [19] под землей и пятый [20] палец, длин-

---

[1] [однажды] тогда [2] за⟨кричит?⟩ [3] [уверенно] хитро [4] но пы⟨хтел⟩ [5] *Далее*: двигался, точно заряженный [6] *Далее*: [приняли] отливали [7] *Далее*: ласково [8] *Далее*: [таким смехом, как] таким звуком, какой [9] *Далее*: не спорил с ним [10] *Далее*: было [11] *Далее*: как-то всё [12] *Текст*: льдом и оловом ∾ двое слепых — *перечеркнут наискось синим карандашом.* [13] [беседуя с обман⟨утым⟩] слушая хитренькие [14] Да, да, да... [15] *Далее*: всё [16] *Далее*: рукою [17] красные [въевшиеся] оди⟨нокие⟩ [18] они крепко всосались, въелись в землю, [распо⟨лзлись⟩] широко расползлись по ней пятипалой лапой [19] *Далее*: из [20] шестой

ный, загнутый [1] крючком, острым в изгибе, и обмотанный, как [2] нитками, серыми полосками лесов; по лесам бегали каменщики, красненькие и в пятнах, точно лесные клопы, внизу [3], около лесов, бесшумно тюкали плотники серебряными на солнце топорами, а по двору ходил, блестя стеклом и золотом очков, длинный тонкий Мирон, простирая [4] руку, как генерал на яркой картинке [5] ценою в пятачок. Мирона сопровождал инженер, муж Татьяны [6], тоненький, по плечо Мирону, быстрый на ногу и на слова, очень похожий на штопор, рукоятка которого отломлена, на место ее надет круглый черный шарик. Этот черноволосый лохматый человек на два [7] года моложе Татьяны, его все звали Митя, он играл на гитаре и пел песенки, одна из них, которую он распевал особенно ловко, казалась Петру зазорной и обидной для Татьяны; он пел:

Жена моя — в гробу,
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Но Татьяна не обижалась, и никто не обижался на этого человека; он прыгал, осыпал всех дресвою бойких [8] слов, даже Наталья говорила ему:

— Ах ты, паяц! Да ты — поешь, поешь!

Есть он мог, точно голубь, бесконечно много и был [9] так беден, что венчался, должно быть, в чужих брюках; когда [10], после венца, он встал на колени пред алтарем, брюки у него лопнули.

— Х-хе-хэ! — говорил обманутый человек.— Вот на каких желтых Сидоров работал ты, Петр Ильич!

И Мирон женился [11].

— Позвольте представить вам, дядя, жену мою,— сказал он, приехав из Москвы, и выдвинул из-за спины своей голубоглазую, румяненькую и пухлую штучку [12]; маленькая, она была сделана както игрушечно отчетливо и была очень похожа на фарфоровую фигурку, прилепленную к любимым часам Алексея; они стояли [13], одна [14] рука фигурки была отломлена. Мирон сказал, что жену зовут Анюта, ей семнадцать лет, но умолчал, что за нею ему дали приданого четверть миллиона и что она — единственная дочь [15] фабриканта бумаги.

— Да, да,— говорил обманутый человек.— Вот как. Ты за дочерью придал, а Мирон [16] принял. Яков-то не женится, распутни-

---

[1] *Далее*: ост‹рым› [2] *Далее*: серыми [3] вокруг [4] указы‹вая› [5] *Далее*: Сытина [6] *Далее*: тоже [7] был на четыре [8] [бойких] веселых [9] Был он [10] *Далее*: он [11] тоже завел жену [12] девушку [13] стоявшим на подзеркальнике [14] *Далее*: стрелка у них [15] *Далее*: у отца [16] он

чает, в Москве. А Илью вымели из обихода, как сор метлой. Да, да!

Комарами ныли думы, и [1] ныли ноги; Петр давно уже ходил в мягких сапогах с бархатными голенищами, ходил, покачиваясь, с трудом передвигая обмякшее, отяжелевшее тело. Тело это, еще недавно крепкое, но легкое, теперь оскорбляло его своей вялостью и тяжестью. У него явилось странное желание показывать всем безобразие [2] наготы: и весною и летом он щеголял пред людь⟨ми⟩ так же, как пред дочерью Елено⟨й⟩, в [3] неподпоясанном халате, полуобнаженный. Дома все [4] было так непонятно и чуждо ему, что он отмахивался от мыслей о домашних, да и обиженный человек не любил этих дум, он предпочитал нашептывать Петру другие, горьковатые и терпкие, как мед злых ос. Эти думы были значительней и приятнее; они [5] раздували Петра Ар⟨тамонова⟩ и, приподнимая [6], увеличивали его, от них он [7] вырастал до размеров колокольни, [8] солнце видит ее раньше, чем ему станут заметны дома людей, и с последней с нею прощается, уходя в ночь [9].

«Х-хе-хэ! — думал он, медленно усмехаясь,— весточка все-таки».

Как это случилось, что он отдал все силы свои этой красной лапе о пяти пальцах [10]? Сначала он боялся, что не сладит с делом [11], опрокинется фабрика на него и раздавит, но эта каменная лапа росла [12] сама собою, внедрялась в бесплодный песок своей силой [13], работа [14] разгоралась, [15] и в дыму забот о ней [16] он не замечал, как сгорали его дни и годы, сгорала молодость. Силами ее он наращивал эти корпуса, ненужные ему [17], обиженно чувствуя, что отец надел на шею ему каменный хомут, и так всю жизнь прожил, запряженный в оглобли [18] кирпича и железа, ничего не видя, ничего не зная. Кто-то, как будто нарочно для того, чтобы показать [19] скуку дела и увеличить нелюбовь к нему, открывал пред ним, Ар⟨тамоновым⟩, щели, показывая другую жизнь, то спокойную и приятную отсутствием ненужного, то бешено [20] жадную на радость.

Всегда заставляя его думать об этом, обманутый человек показывал ему ослепительно красивое нагое тело женщины на черной, блестящей крышке рояля. Как должно быть радостно и страшно

---

[1] *Далее*: распухая [2] *Далее*: его [3] *Далее*: ха⟨лате⟩ [4] *Далее*: ме⟨шало?⟩ [5] *Далее*: как-то [6] приподнимали [7] *Далее*: дела⟨лся⟩ так⟨им⟩, что [заслонял] кроме себя не видел ничего [8] *Далее*: в тень которой [9] *Далее*: И [ночная] тень ее [значит] больше и ночью и днем [10] делу [этому делу], которого он сначала боялся [11] *Далее*: ожидая, что оно [12] *Далее*: [и] внедрялась [13] сама собою [14] [дело] фабрика [15] *Далее*: пухло, тяже⟨лело⟩ [16] *Далее*: час⟨то⟩ [17] не любя их [18] [впрягли в оглобли] в оглобля⟨ [19] увеличить его [20] бешеную

обнимать такую женщину, и как понятно неистовство [1] того старика. С такой женщиной всю жизнь можно истратить в несколько дней и умереть без боли, как во сне умер Алексей [2].

А с женщиной, подобной В⟨ере⟩ Н⟨иколаевне⟩, можно бы жить точно [3] в лодке, тихо спускаясь по реке в теплое море.

«Да, да — обманули. Все обманули, все обидели».

Обид было так много, что уже не хотелось ни думать, ни вспоминать о них [4], бесчисленные ссадины и царапины покрыли всю душу сухой коркой, и душа зудела, чесалась, как чешется [5] разорванная до крови кожа, [6] когда кровь подсохла и стала подобна ржавчине. Этот зуд [7] возбуждал у П⟨етра⟩ А⟨ртамонова⟩ желание обижать [8] людей, насмешничать над ними, дразнить их, как Васька-кочегар [9]. Он испытывал острое и сладкое удовольствие, видя [10] старуху-жену свою печально задумавшейся: вот она сидит, положив [11] на колени [12] ненужные ей руки, уставя пустые глаза в одну точку, застигая ее в печали, старик дергал себя за ухо и говорил, ухмыляясь:

— Что [13] вытаращила глаза, корова? О чем думаешь? Прибыли считаешь? Много ли нажила? Эх ты, мясо! Толста, а не видно тебя. Дети-то не видят. Татьяна с кухаркой чаще и милей говорит, чем с тобой. Елена-то, слышь, с любовниками путается, опять у нее немец. А где Илья, а [14]?

Но жену даже дразнить скучно было, [15] она, испуганно сморщив нос, минуту-две мигала, улыбалась виновато, и вдруг [16] багровое лицо ее потело слезами; невероятно обильны были эти слезы, казалось, что они льются не только из глаз, но выступают из всех точек туго надутого лица, из кожи носа и щек [17], расписанных красными жилками, из двойного, рыхлого подбородка, просачиваются где-то около ушей.

— Н-ну, рассохлась! — брезгливо говорил Петр, а она, всхлипывая, шлепая губами, жалобно вопила:

— Ты мне Илью-то ударить не позволял, только и слышала я: не бей, не смей бить. Ведь вот Яшу била я, так вот Яша,— сам видишь...

Петр уходил, отмахнувшись от нее, как от дыма. Нет, она не забавляла его. Дразнить Якова было как-то неловко, он такой со-

---

[1] не зря неис⟨товство?⟩ [2] *Далее*: как во сне [3] как [4] эти [5] *Далее*: кожа [6] *Далее*: [и подсохшая] покрытая ржавым кровь [7] Зуд [8] *Далее*: и нас⟨мешничать⟩ [9] как Васька кочегар дразнит их. Ар⟨тамонов⟩ старик начал заниматься [этой] этим делом, находя в нем сладкое, острое [10] *Далее*: [жен⟨у⟩] толстую [11] опус⟨тив⟩ [12] *Далее*: свои [13] Куда [14] А где сын? [15] *Далее*: она очень в тот [16] *Далее*: надутое [17] [из всей тугой, надутой кожи] из всей кожи, тугой, надутой

лидный [1], и нечем дразнить его, кроме распутства, а над этим Петр не умел посмеяться [2]. Еще более недоступен насмешкам был [3] Мирон. Ар⟨тамонов⟩ чувствовал, что он боится племянника, как маленький судак [4] большой щуки, и это было даже не обидно: Мирона все боялись и на фабрике и дома, все — от матери и фарфоровой его жены до Тихона и Гришки, мальчика, отворявшего парадную дверь дома.

Смеяться над зятем, мужем Татьяны, не было удовольствия; зять сам, действительно, как паяц, издевался над собою, забегая вперед из осторожности, должно быть для того, чтоб [5] нищего человека не осмеяли другие. Беременная Татьяна распухла, важно надула губы, ничего не видела и водила мужа за собою, как пуделя.

Всего приятнее было дразнить брата-монаха.

— Что, студент в клобуке, проюрдонил бога-то? А? — спрашивал его Петр и посмеивался: — Х-хе-хэ!

Никита двигал горбом, крепко гладил ладонями длинных рук колена свои, бормотал:

— Это ты напрасно...

— Напрасно? Нет, не напрасно. Нет, ты не ту шляпу носишь, эта шляпа фальшивая. Вся твоя одежда фальшивая. Ведь не веруешь, ну?

— Моей души дело...

— Нет, брат, проиграл, ошибся! А женился бы в свое время, на бедной [6] девушке, на сироте, была бы она тебе благодарна, родила бы, вырастила умных детей. Да. А тебя чёрт потянул [7] к чужой жене,— помнишь, а?

Петр видел, что его слова очень больно терзают монаха, и поэтому терзал его бережно, с расчетом человека, который не хочет сразу [8] съесть то, что ему нравится, а оставляет и на завтра.

— Нет, заигрался ты, проиграл...

С Тихоном было труднее,[9] этот молчал, покрякивал, смотрел вбок, и [10] чувствовалось, что он [11] может что-то сказать, но — не хочет: это еще более раздражало Петра, усиливая его желание раздразнить дворника.

— Тебе сколько лет? — спрашивал он.

— Ты, П⟨етр⟩ И⟨льич⟩, знаешь, пачпорт у тебя.

— Тебе — шестьдесят восемь.

— Ну вот.

---

[1] *Далее*: да [2] смеяться [3] был насмешкам [4] *Далее*: боится [5] *Далее*: ему, нищему человеку, было [6] богатой [7] дернул [8] рассчитывая так, чтоб [осталось на] не всё сразу [9] *Далее*: его [10] и смотрел сбока [11] *Далее*: как

— Много прожил.

— Живут и больше.

— Верно. Ну, а зачем же ты жил, чего ты накопил? А? Ты — говори!

— Все живут.

— Да не всяк целую жизнь дворы метет, сор убирает. Ты вот всю жизнь с метлой прожил. Тебе [1] еще отец другое место давал, и я тоже, а ты [2] не захотел. Это что же, откуда упрямство у тебя? Неразумный ты старик.

Тихон молчал, глядя в землю; Арт⟨амонов⟩, сердясь, настойчиво зудел [3]:

— Ты погляди, сколько за твою жизнь народу разбогатело, оженилось, дети у них, дома, а? А у тебя — что? Все люди [4] лучшего, легкого добивались, копили...

— Копил, копил, да чёрта и купил,— вдруг говорил Тихон [5], особенно кругло и гулко произнося о,[6] точно в бубен ударяя. Он всегда находил [7] веские и намекающие слова, это усиливало подозрение Ар⟨тамонова⟩: «Что-то знает, старый чёрт!»

Из терпения вывести Тихона можно было только рассказами о бабах, о их жадном распутстве, эти [8] рассказы Тихон не умел слушать спокойно, он скоро начинал плевать на землю, потом рыгал, как сытый башкир, и говорил сердито:

— Эка дрянь на уме у тебя, Петр Ильич. Забываешь ты, что ли, что старик уж?

Он уходил, а Петр ухмылялся вслед ему, довольный успехом, но — думал: «Почему Тихона отталкивают и злят эти рассказы?» Вся жизнь дворника прошла на его глазах, он знал, что Тихон жил чистоплотно и кроме связи с Зинаидой, когда она была еще [9] девчонкой, [10] кажется, не путался ни с одной из работниц, податливых на любовную игру. Знал он, что у Зинаиды Тихон был первый, и что это от него она пошла по рукам. Что ж, неужели эта звероватая девица так отравила его [11] бесстыдством своего тела, что он уже не нашел в сотнях женщин и девиц ни одной лучше ее? Этого — не бывает.

Но долго думать о Тихоне и вообще о людях Арт⟨амонов⟩ не мог, у него было достаточно много разных дум [12] о себе. Наверное, скоро надо будет умирать, и обманутый, обиженный человек настойчиво спрашивал: «Неужели так и кончится твоя жизнь, не будет никакого праздника, никакой радости?»

---

[1] *Далее*: дураку [2] *Далее*: по упрямству [3] допраш⟨ивал⟩ [4] *Далее*: работали [5] *Далее*: негромко на [6] *Далее*: и [7] у него всегда на⟨ходились⟩ какие-то [8] бес⟨путство⟩ это [9] *Далее*: молодой [10] *Далее*: у Вялова [не было] с [11] своим [12] много дум

Арта⟨монов⟩ разумно отвечал: «Поздно. Какие радости в эти годы?»

Но, вздыхая, он все-таки смутно [1] надеялся, что какой-то праздник возможен. Он не решался представить себе этот праздник в очертаниях более ясных [2], он догадался [3], что лучше просто надеяться, чем надеяться на что-то определенное, на нечто такое, о чем можно заранее думать и что, иногда, переживается в мыслях прежде, чем придет в жизнь. Все определенное обмануло, оно всегда являлось не таким, каким ждал он его, всегда было или беднее, или же просто проскальзывало мимо, [4] пролетало желанной птицей мимо охотника.[5]

Он пробовал помучить Ольгу рассказами о кутежах ее мужа на ярмарке, но это оказалось невозможно [6]: маленькая старушка [7] ходила, держа голову неподвижно, и хотя на носу ее красовались тяжелые очки с толстыми стеклами, жила уже ощупью; тыкая в пол палкой, простирая вперед руки, она, усмехаясь, сказала: [8]

— Что хочешь говори о нем, к такому, каким я его знаю, ничего худого не пристанет, хорошего не прибавится.

И, вздохнув, качая головою, добавила:

— Ох, какой злой ты стал [9], какой безжалостный! Брось это.

— Дура.[10]

Он чувствовал, что чем дальше, тем все более окружающие не любят, боятся его, избегают говорить с ним, он знал, что его считают злым, но это уже не обижало его. [11] Расхаживая по двору, по корпусам, на виду людей, нечесаный [12], в затасканном халате, полуголый, выставляя напоказ дряблое тело, он находил [13], что растет, отходя от людей.

Никита тоже отошел, но вырасти не успел и живет среди них любимым котом, для которого все заботятся устроить угол потеплее, [14] каждый сует ему вкусный кусок и, лаская, как будто хотят сделать горб незаметным [15], глупо забывая [16], что в старости безразлично: прям или горбат человек.

---

[1] на что-то нерешительно [2] в более ясных оче⟨ртаниях⟩ [3] [хитро] ум⟨но⟩ соо⟨бразил⟩ [4] *Далее*: неожи⟨данно⟩ [5] *Далее*: Ему иногда очень хотелось [представить себе] подумать о том, каков будет этот праздник, но он решительно запрещал себе это, достаточно хитрый [для того, чтоб не обижать], он не хотел [но] переживать в мыслях [того] чего-то [6] безнадежно [7] *Далее*: полуслепая, которая [жила уже ощупью, несмотря на] ходила, выпятив ше⟨ю⟩ [8] *Далее*: Ты брось это, не надо [9] стал ты [10] *Текст*: Он пробовал ∾ Дура.— *вставка на отдельном листке*. [11] *Далее*: а только [12] *Далее*: полуголый [13] он чувствовал [14] *Далее*: [вкусное] дают [15] выправи⟨ть⟩ горб [16] за⟨бывая?⟩

Никита умирал. Это все видели,[1] и нельзя [2] было не заметить, как уменьшался [3] он, морщился и высыхал. Ряса висела [4] на нем, как парус на мачте лодки в час, когда внезапно прекратился ветер. Руки у него стали беспокойны, он всё одергивал рясу [5] на груди и шевелил бровями, приподнимая их, а они, опускаясь, закрывали глаза. Заговорили, что его надо отправить в монастырь, по какому-то закону он должен там умереть, а не среди родных, но пока собирались сделать это, горбун уже лег [6], и в монастырь послали нарочного за монахами.

— После отвезете,— сказал он и попросил жалобно, ласково: — Крышечку повыше сделайте, чтоб не давила...

Других желаний у него не нашлось. Он умер на второй год [7] войны, в день, когда [8] откуда-то пришли солдаты: на городской площади служили молебен, ухали [9] медные трубы, и отчетливо гудел барабан.

Рано утром он объявил, что сегодня умрет, и попросил [10] послать за Петром. Когда Петр, приехав, подошел к его постели, он увидал темненькое лицо с погасшими глазами, провалившийся рот [11] и услышал, как пересмякшие губы неестественно ясно [12] сказали:

— Прости меня, брат.

— Ну — что ты? За что? — тихонько проворчал Петр, а умирающи⟨й⟩ снова ненужно громко [13] ответил:

— За дерзость мою...

Невыносимо было слушать этот голос, излишне [14] ясный, и тяжело смотреть на угол груди,[15] нечеловечески торчавший вверху, точно [16] угол ящика. И вообще кроме голоса ничего человеческого не осталось в этой маленькой кучке осторожно шевелившихся костей, сухонькие пальцы длинных рук, цветом похожие на корни репейника, обирали с горба что-⟨то⟩ невидимое. Явилось шестеро монахов, черные, как грачи, они ходили по лестнице вверх и вниз, шептались о чем-то и всем низко кланялись, прижимая руки к животам.[17]

---

[1] *Далее*: об этом говорили ка⟨к⟩ [2] трудно [3] *Далее*: морщился и высыхал горбун [4] болт⟨алась⟩ [5] и, всё одергивая рясу дрожали [6] *Далее*: и начал прощаться [7] на третий день после [объявления] начала [8] *Далее*: [всё в городе и на фабрике грозно, устрашающе шумело] в город откуда-то пришли солдаты с музыкой [9] отчетл⟨иво⟩ ухали [10] просил [11] нос [12] громко [13] ясно [14] [та⟨кой⟩] слишком [15] *Далее*: вызывающе [16] как [17] *Далее*: Тихон нашел, что монахи похожи на дроздов, а Петр вспомнил, что дворник давно когда-то сказал: — Не люблю дроздов — на чертей похожи,

Никита умер на четвертый день после приезда монахов [1]; с верха сбежал кто-то и сказал:

— Скончался!

Мирон сидел у стола, закрыв половину тела своего огромною газетой [2], он встал, не отрывая глаз от нее, спросил [3]:

— Да? — и, бросив газету на стол, снова склонился над нею, придерживая [4] очки тонкими пальцами, говоря Якову:

— Смотри-ка!

— Что там? — спросила Ольга.

Петр, [5] посмотрев ⟨на⟩ племянника и сына, на Ольгу, слепо двигавшуюся к столу, пошел наверх, но, остановясь в дверях, сказал громко:

— Вот и второй умер.

— Что, папаша? — спросил Яков, а Мирон, щелкнув ногтем по листу, пренебрежительно сказал:

— Врут, конечно.

Арт⟨амонов⟩ хотел подняться вверх, но по лестнице грузно нисходили трое монахов [6]; тот, который шел сзади, молча крестился, и за ним [7] ощутимо спускалась тишина. Ар⟨тамонов⟩ вышел на двор, там [8] солнце так накалило булыжник, что жар проникал сквозь мягкие подошвы сапогов. В тени, в углу двора, сидел, согнувшись на подножке дрожек, Тихон, [9] сдирал пальцами кору с [10] ореховой палки; у ног его лежал Кучум, положив морду на лапы и глядя одним глазом в лицо Петра, а другим — мимо [11], кверху.

— Умер,— сказал Ар⟨тамонов⟩.

— Умер, — согласился Тихон и, косо взглянув на монахов у крыльца, проворчал:— Ишь, дрозды.

Петру вспомнилось, что давно когда-то дворник сказал: «Не люблю дроздов — на чертей похожи».

— Из [12] троих остался я один,— напомнил Арт⟨амонов⟩ себе [13], Тихон провел ладонью по сочному мясу палки, поглядел на нее, прищурив глаз, и, наконец, выговорил:

— Все помаленьку...

«Нечего ему сказать, болвану»,— догадался Петр.

Бум, бум,— бухал вдали барабан. На крыльцо вышла Наталья и стала угощать монахов квасом.

---

[1] *Далее*: когда [2] Мирон читал огромную газету [3] сказал [4] оправляя [5] *Далее*: наблюдая за племянником [6] [сп⟨олзали?⟩] [нисходили монахи] нисходили двое монахов [7] за ними [8] *Далее*: было жарко, полуденное [9] *Далее*: па⟨льцами?⟩ сдирая [10] *Далее*: [ореха] вишневого [11] с [12] Вот из [13] *Далее*: или Тихону, тот

«Очень просто все у них,— подумал Арт⟨амонов⟩, изнывая от тоски и жары.— Очень просто».

Точно обоз в зимнюю метель, двигались один за другим месяцы, тяжело нагруженные необычным, непонятным. Явился [1] Васька-кочегар с двумя георгиевскими крестами на груди, с лысой, в красных язвах, обгоревшей головою; на месте правой брови у него глубокий рубец, под ним жутко прятался мутный мертвый глаз, а другой [2] играл всё так же весело и бойко, как до войны. Васька привез дорогую гармонию и надорванным голосом визжал:

— Ветер дует, дождь идет,
Я лежу в окопе.
Помогаю, идиот,
Воевать Европе.

Петр Ар⟨тамонов⟩ спросил его:

— Что, Василий, плохо воюем?

— Хорошо-то — нечем,— ответил кочегар, не снимая измятую, гнилого цвета фуражку. Лающим голосом он рассказывал [3] о войне бойко и дерзостно, остренькие словечки сверкали злыми искрами, от его рассказов [4], как и от песенок, веяло отчаянным бесстыдством.

— Что ж, по-твоему, нет у нас хозяина?

— Хозяина — нет [5].

Веселый Татьянин муж нарядился в штаны такого же цвета плесени, как гнилая Васькина фуражка, мотня штанов была смешно велика. Васька увидал это и запел:

— Вот так брючки для растяп!
Сразу видно разницу:
Одни — голову растят,
А другие — задницу!

К удивлению Петра, зять не обиделся, а [6] начал хохотать, явно поощряя кочегара на дальнейшее словесное озорство; смеялись рабочие, все смеялись нехорошим, чужим смехом. Потом Васька [7] привел в рабочий поселок мохнатого кутенка с пушистым хвостом, геройски загнутым на спину, на конце хвоста, привязан веревочкой, болтался и блестел беленький георгиевский крест. После этого Ваську арестовали, а кутенок очутился у Тихона Вялова. [8]

---

[1] Вернулся с войны [2] *Далее*: был [3] *Далее*: всем, кто хотел слушать [4] *Далее*: Петр чувствовал себя старой лошадью, запряженной в тяжелый воз, нагруженный страшным [5] *Далее*: Как же быть? [6] *Далее*: первый [7] *Далее*: зашел на двор [8] *Тексту*: Точно обоз в зимнюю метель ∾ у Тихона Вялова.— *предшествовал вариант*: [Прошли] [Прошли медленно и тягостно еще несколько месяцев] [Медленно и тягостно миновало несколько месяцев] [Тягостно ползло время, и П⟨етр⟩ Ар⟨тамонов⟩ окончательно перестал по-

По улицам города кучами ходили хромые, слепые, изломанные люди в солдатских шинелях, и все вокруг окрашивалось в гнойный цвет реденького сукна солдатских шинелей. Артам‹онов› слушал, как люди фыркают, ворчат, угрюмо жалуются на дороговизну хлеба, сердито шуршат газетами, рабочие на фабрике, посвистывая, всё чаще требуют «прибавки»; Яков, похудев, щурит радужные глаза, точно [1] они болят, Татьяна, злая, чем-то испуган-

---

нимать всё, что вдруг круто завертелось, зашумело вокруг его] [Сонно и тя‹жело›] [Медленно тянулись месяцы] [Медленно тянулось время, [как бесконечный обоз] как тяжелый обоз [по его следу]. Время двигалось медленно, как обоз в зимнюю метель, [каждый месяц был возом, тяжело нагруженным раздражающе непонятными слухами, он проходил мимо, оставляя по себе нехорошую память] [проползали месяцы] [серыми буграми проползали воза одни за другими], один за другим тяжело проползали воза, оставляя за собою темный след непонятного, необычного. [Люди вздыхали, ворчали что-то] [Люди ворчали, фыркали, сухо шуршали газетами, что-то посвистывало, в городе открылась [два гос‹питаля›] больница для раненых солдат, потом, весною,— другая, в прогимназии В‹еры› П‹оповой›]. Ар‹тамонов› слушал, как люди [вор‹чат›] фыркают, ворчат, [угрюмо] сухо шуршат газетами, угрюмо жалуются на дороговизну хлеба, рабочие на фабрике [не‹довольны›] посвистывают, требуя прибавок, а Яков, похудев, всё щурится, точно у него глаза болят, [и] вместе с Татьяной ежедневно за [чаем] обедом ругает Петербург, [который переименовали] называя его Петроградом. В городе открыли больницу для раненых, потом еще одну — в прогимназии В‹еры› П‹оповой›; по улицам кучами ходят хромые, слепые в солдатских шинелях. Вернулся с войны Васька-кочегар [без ног] с двумя георгиевскими крестами, с лысой, в красных язвах, обгоревшей головою, с рубцом на месте правой брови, привез с собою дорогую гармонию и надрывным голосом визжал [непристойно]:

Ветер воет, дождь идет,
[Холодно] Я лежу в окопе,
Помогаю, идиот,
Воевать Европе.

[На‹рядился›] Муж Татьяны нарядился в [смешные] штаны цвета плесени с широченной мотней. [Эти [смешные] штаны с огромным запасом [для] на сиденье очень смешили Тихона, а Васька пел] Васька-кочегар увидал его в этих штанах и запел:

Вот так брючки для растяп!
Сразу видно разницу:
Одни — голову растят,
А другие — задницу!

Ваську арестовали, заперли в тюрьму, но скоро он снова [явился на фабрике] [явился в поселке фабрики] пришел, с ним прибежал рыженький лохматый кутенок, хвост кутенка был геройски загнут на спину [а] и на конце хвоста, [болт‹ался›] привязанный веревочкой, болтался георгиевский крест; после этого Васька окончательно исчез, а кутенок очутился [на дворе] у Тихона, а Петру Ар‹тамонову› стало [как-то] еще скучнее.

[1] как‹-будто›

ная до того, что у нее даже уши посинели, рассказывает грязную сказку о распутном, пьяном мужике, пиявкой присосавшемся к царю, а слепая Ольга, крестясь, говорит:

— В живого такого мужика — не верю, нет, не верю! Это — для примера, для устрашения выдумано: вот, смотрите, какой нарыв может быть, вот как все грехи и обиды мужицкие нарвало...

Ар⟨тамонов⟩ соглашался: Ольга [1] говорит верно; он тоже не верил в эту сказку, ему [2] казалось, что люди, фыркая и пугая друг друга выдуманными страхами, ждут не беды, а праздника. Всех откровеннее был лохматенький зять, он не притворялся испуганным, и хотя на смуглом его лице, в темненьких глазках явилась озабоченность, он, как раньше, вертелся волчком, брызгая шуточками, и всё так же по вечерам бренчал [3] на гитаре, распевая:

— Жена моя в гробу...

Он ловко умел успокоить рабочих, неглупо посоветовал Мирону и Якову закупить муки, гороха, картофеля и продавать продукты эти [4] рабочим по своей цене, с надбавкой доставки и утечки, это [5] понравилось рабочим. Было [6] видно, что фабрика любит паяца, верит [7] ему больше, чем Якову и Мирону, они [8] все чаще ссорятся с Татьяниным мужем, Татьяна [9] — на их стороне, она живет с мужем неладно, кричит на мать, точно на кухарку, а Наталья прячется от нее по углам и за чайным столом робко просит:

— Налей мне, Таня, еще чашечку...

Все это очень утомляло и отталкивало старика, не вызывая у него желания понять, что творится в доме? Понять хотелось нечто другое, но это другое было еще более непонятно и все сгущалось, ослепляя усталый разум.

Наблюдая все это [10] сквозь туман старческой усталости, Арт⟨амонов⟩ испытывал нечто близкое злорадству — никому не удавалось устроить спокойную жизнь, и было ясно, что она сердито тревожит каждого.

Вдруг исчез веселый зять, а Татьяна захворала, и вслед за тем громом оглушил невероятный слух: царь отказался править государством, бросил свое дело. Это уже совсем нельзя было понять, хотя, конечно, многое должно было обижать царя. Но ведь вот его, Арт⟨амонова⟩, тоже хозяина большого дела, многое обижало, он тоже отодвинулся в сторону, но не совсем отошел от дела, и не в чужие руки бросил его, а отдал сыну [11] и готов был в любой час снова [12] встать во главе дела. [13]

---

[1] Ар⟨тамонову⟩ казалось, что она [2] ему [3] играл [4] [их] эти [продукты] [5] *Далее*: очень [6] И было [7] и верит [8] а они [9] и Татьяна [10] *Далее*: смешно⟨е⟩ [11] детям [12] *Далее*: взять фабрику [13] *Фраза*: Но ведь вот его ∾ встать во главе дела.— *перечеркнута наискось синими чернилами.*

— Как же это он? — спросил Артамонов племянника, воткнувшего нос в газету.

— Давно пора-с, давно-с! — услышал он ответ, свистящий сухой [1] радостью, и, отшвырнув газету, Мирон, сверкая очками, стал собираться в Москву. [2]

Яков крепко потирал руки, обещая:

— Теперь, папаша, все пойдет хорошо!

Казалось, что он, такой толстенький, солидный, собирается бить кого-то, стиснув зубы, выпячивая грудь.

Хороводом, крикливо завертелись кипучие недели; как-то вдруг, точно красавица-девушка [3] вышла из-за угла, явилась весна, озаренная, необыкновенно радостная, очень жаркая [4], и так же внезапно [5], в полдень, широко распахнулась дверь, быстрым шагом вошел незнакомый человек и сказал:

— Здравствуй, отец!

Арт⟨амонов⟩ хотел встать [6] навстречу ему, и не мог, хватая руками край стола, он бормотал:

— Ага, вернулся-таки... Ну вот...

Илья обнял его за плечи, придавил в кресло, сел рядом и потряс рукою колено отца, а отец, проведя [7] ладонью по лицу своему, [8] потирал дрожащие руки, намазывая, намасливая их слезами, и всхлипывал:

— Я тебя ждал, тюремный. Как же! Эх ты, упрямый. Вот как, брат! Разрезало нас, отрезало, а — все-таки... а? Что-то!

Сквозь слезы трудно было разглядеть сына, слезы лились по-бабьи обильно, он мыл руки ими, отирая ладони о бороду, о рукав старенького пиджака сына, нащупал, что из трех пуговиц на рукаве двух не хватает, на их месте торчали только кустики ниток; выщипывая нитки, он говорил:

— Ну вот... Рассказывай!.. Чаю дать, что ли?

Пред ним сидел большелобый, лысоватый человек, седые волосы его были подстрижены ежиком, борода сбрита, только на подбородке оставлен серый клок [9], под носом густо топоршились, вздрагивали белые усы. Илья тоже говорил что-то очень громким голосом, заглушая причитания матери, вопросы Якова, визгливые крики сестры [10],— Артамонов заметил, что около ушей сына напряженно катаются под желтой, бумажной кожей костяные шарики.

---

[1] сухо свистящей [2] *Далее*: Странно [3] *Далее*: из-⟨за⟩ [4] теплая [5] *Далее*: широко рас⟨пахнулась⟩ [6] *Далее*: по ст⟨оять⟩ [7] отерев [8] *Далее*: покорно [9] *Далее*: да [10] *Далее*: Ольга подобралась вплоть к нему и щупала пальцами, тонкими, как папиросы, лицо его

Илья был похож на военного фельдшера. Узнать в нем сына можно было только по глазам, они остались такими же, как были, синими [1], даже еще больше посинели от седых волос и светло-желтой, туго натянутой кожи лба. Веселые глаза и голос тоже веселый, но чрезмерно силен [2]; Илья говорил так громко, как будто люди были не рядом с ним, а далеко от него. Но говорил он ласково и всё посмеивался, шевеля тяжелыми усами солдата, переодетого в штатское платье. Его пиджак был заношен и лоснился на локтях [3], легкие серенькие брюки измяты и приподнялись [4], обнажив спустившиеся темные носки и рыжеватые, давно не чищенные ботинки.

«Бедно жил»,— подумал отец и спросил: — Женат?

— Дважды был; одна — умерла в ссылке, другая — ушла от меня, поссорились.

«Прост,— заметил себе старик Артамонов.— Прямой, как был...»

Пристала Татьяна с какими-то бабьими вопросами, Яков [5], задумчиво почесывая подбородок, стоял у стола, за его спиною Наталья [6] помогала горничной накрывать стол [7] к обеду, все как будто возвращалось [8] к обычному порядку дома, и это не нравилось старику Арт⟨амонову⟩, угрожая [9] превратить праздник в будний день.

— Погоди стучать ложками, успеешь [10]! — крикнул он жене и сказал сыну, усмехаясь.— Мать всё [11] еще не наелась. Любит есть.

Илья встал, обнял мать и сказал ей что-то ласковое, но непонятное, она молча ткнулась лицом под [12] плечо его, Арт⟨амонов⟩ ревниво крякнул, спросил:

— Ну, кончил ты ссылки и остроги?

— Как будто — кончил?

— Спихнул [13] царя?

Илья снова подошел к нему, сел рядом:

— Это [14] только начало,— много еще спихнуть надо!

— Кого ж еще? Как будто и некого. Только бог остался [15].

Старик чувствовал, что напрасно торопится спрашивать сына об этом [16], но было [17] как-то особенно интересно [18] и даже немножко страшно говорить и думать именно об этом. Было нечто лестное

---

[1] [Сын был похож на военного фельдшера, глаза у него остались такими же синими, не выцвели, даже как будто] Сын был похож на военного фельдшера, от юноши у него остались только синие [2] *Далее*: так, что казалось [3] *Далее*: се⟨ренькие⟩ [4] вздуваясь на коленях пузырями [5] *Далее*: исп⟨уганно⟩ [6] мать [7] *Далее*: ставить [8] при⟨ходило⟩ [9] *Далее*: быстро [10] *Далее*: наешься [11] *Далее*: ест [12] в плечо [13] Спихнули [14] *Далее*: еще [15] *Далее*: над нами [16] *Далее*: и на что [17] *Далее*: ст⟨рашно⟩ [18] *Далее*: и жу⟨тко⟩

и жуткое в том, что его сын, вот этот, седой [1], лет тридцать жизни своей затратил на [2] то, чтоб спихнуть царя с престола, и достиг своего, бросив отца, мать, дело, богатство. А он его когда-то за волосы драл, такого воина. В этом было что-то сказочное, до того чудесное, похожее на жития святых, что [3] как будто этого и не [4] могло быть. Однако — было. Царя — нет, а Илья — вот он, держит брата за плечо и говорит:

— Нет, это всё надо кончить... Ведь нелепо же это: [5] 467 человек за гроши всю жизнь работают на тебя с Мироном.

Яков двигает плечами так, точно [6] рука брата тяжела ему, а глаза у Якова удивлены, брови дрожат.

— Садитесь! — сказала Татьяна, тоже глядя на Илью сердито.

Илья, усмехаясь, сел рядом с ней, спросив:

— Ты тоже в кадетском корпусе?

Ел Илья голодно, торопливо [7] и не очень пристойно, ел и говорил так быстро, что почти невозможно было следить за его речью.

— Сослали на пять лет. Через год — бежал, жил по чужому паспорту, поймали...

Отцу казалось [8], что рассказ этот скучноват [9] и делает непонятным сказочное и житийное в жизни сына. Всё [10] одно и то же: поймали, посадили, сослали, бежал, поймали. Но — не ясно самое интересное: как бежал, как поймали? И еще менее ясно: когда же и как он спихивал царя, если его всё ловили да сажали?

«Плохо рассказывает,— отметил Артамонов, и задумался: — Из-за каких выгод все это делалось и что выиграл для себя сам Илья?» Думы эти портили праздник [11], как уксус портит медь, покрывая ее [12] едкой зеленью, и в этих думах Арт⟨амонов⟩ не заметил, из-за чего между детьми разгорелся шумный спор. Уже кончили есть, на столе сиял и фыркал [13] паром самовар, в медном зеркале подноса Ар⟨тамонов⟩ видел [14] мутное, расплывшееся лицо жены, она разлива⟨ла⟩ чай, робко поглядывая на Татьяну [15]:

— Какая детская чепуха! — кричала дочь [16]. — Это мы, мы — впереди Европы? О, господи [17].

— А — война? — кричал Яков.— Война как же?

Этот шум продолжался до позднего вечера, и Ар⟨тамонов⟩ видел, что все забыли о нем. Когда он, желая напомнить о себе,

---

[1] *Далее*: поч⟨ти⟩ [2] на [3] В этом было и что-то сказочное, чудесное, чему даже [4] *Далее*: было [5] *Далее*: есть [6] как [будто] [7] быстро [8] Выходило и [9] и скучноват [10] Всё то [11] *Далее*: [затемняя его, [точно] как горячая вода портит плохо лакированный стол] как уксус портит медный поднос [12] его [13] курлыкал [14] *Далее*: свое [15] *Далее*: слышал визгливый голос Татьяны [16] она [17] *Далее*: Это же детское...

подходил к Илье, тот гладил плечо его или жал руку, но говорил.

— Погоди, отец...

И, расставив ноги, сунув руки в карманы, говорил, говорил, всё более обжигая словами сестру, так что она, побледнев и сверкая глазами, взвизгивала:

— Мы никогда не будем предателями!

К ночи приехал ее веселый муж, и тут Ар⟨тамонов⟩ [1] понял, что праздник кончился. Зять [2], не успев раздеться, пыльный, измятый [3], замахал руками, наскакивая на жену и Якова, он [4] кричал им в лица непонятные [5] слова, бросался на Илью и тоже кричал, грозил пальцем, он был [6], видимо, несогласен со всеми, кроме самого себя, да и своему отражению в зеркале показал кулак [7]. Старик Арт⟨амонов⟩ усмехнулся, вспомнив, как он на ярмарке разбил зеркало, увидав себя жалким человеком.

Четверо суток с утра до вечера кипел этот спор, все как будто опьянели со зла друг на друга; Илья [8] и зять вынесли его из дома на фабрику [9], говорили какие-то речи рабочим в обеденный перерыв. У Ар⟨тамонова⟩ в этот день так болели ноги, что он не мог выйти на двор и слушал, сидя у окна. Он видел, как [10] человек сто рабочих [11], стоя на дворе тихо, точно в церкви, слушают [12] быструю речь зятя и четкий, резкий голос Ильи [13], и понял только одно: зять уговаривал фабричных не верить сыну, а сын доказывал, что нельзя верить зятю [14].

— Не-ет,— говорил он,— нет, это басни, с этим вы опоздали! [15]

Широкоплечий, плотный он [16], если б не брил бороду, был бы похож лицом на деда, и вообще Петр [17] Ар⟨тамонов⟩, присматриваясь

---

[1] старик [2] Митя [3] *Далее*: ворвался в спор, точно [с цепи] с крыши упал, [он] размахивая [4] он и [5] *Далее*: нелепые [6] *Далее*: не [согласен] [7] *Далее*: [напомнив этим [тестю] Артамонову о том, как он в трактире разбил зеркало, впервые увидав обиженного человека] Старик Арт⟨амонов⟩ заметил это и вспомнил, как он на ярмарке разбил зеркало, увидав пред собою обиженного человека [8] он [9] на фабрику [10] что [11] *Далее*: слушают [12] *Далее*: вз⟨волнованную?⟩ [13] *В автографе описка*: Петра [14] *Далее*: Стало еще хуже, когда [верн⟨улся⟩] приехал Мирон, его длинный нос был задорно поднят, он говорил, [точно] командуя, [и с Ильей] он едва поздоровался с Ильей и этим очень обидел Артам⟨онова⟩, которому стало ясно, что Илья чужой в доме и братья и сестра с мужем против его. Мирон всех успокоил, даже зятя; он тоже надел штаны с широкой мотней, куртку со множеством карманов, весь перепоясался желтыми ремнями и даже привесил к боку пистолет. Когда его маленькая жена увидела его так одетым, [так] она, всплеснув руками, крикнула, заплакав:— Не пущу воевать! [15] Нет, с этим вы опоздали! Нет, это басни, а рабочих баснями теперь не накормишь... [16] Он был широкоплеч, плотен и [17] *В автографе описка*: Илья

к нему, прислушиваясь к его [1] словам, находил в нем всё больше [2] сходства с отцом своим, чувствовал ту же решимость, [3] упрямство и насмешливость, которыми обладал старый Илья Ар⟨тамонов⟩. Но чем заметнее становилось это сходство, тем обидней было видеть нищенскую одежду сына и враждебное отношение к нему, а оно росло, даже мать, глядя [4] на Илью сонными глазами, сердито надув губы [5], ворчала:

— Что уж это кричит как...

В воскресенье [7] сын и зять устроили спор в поселке, а Яков, небывало сердитый, непохожий на себя, тупо мигал глазами [8], налитыми кровью, [9] и когда Татьяна стала требовать [10], чтоб он послал телеграмму Мирону, крикнул на нее, как на жену:

— Отстань. Послал чёрт вас всех...

Все это было похоже на кошмар [11], подавляя старика [12] недоумением до немоты. Раньше чем он успевал спросить о чем-либо, говорили уже что-то другое, еще более странное, и прежде чем слагался новый вопрос, дети бешено кричали о чем-то третьем.[13] Память не успевала удерживать необыкновенные мысли, непонятные слова, а хуже всего было то, что Илья вел себя не по возрасту озорником: он явно насмехался над братом, [14] сестрою, он дразнил их так же, как дразнил, будучи мальчишкой, дышал на них дымом папирос и слишком часто [15], слишком задорно смеялся, прищуривая глаза. Петр видел, что старший сын вообще весь не солиден [16] и обидно проигрывал рядом с чистеньким Яковом. Его потрепанный пиджачок, брюки, вытянутые на коленках, старенькие ботинки,— всё это не шло к седым волосам и упрямой, лысоватой голове; он был одет как бы в чужое, было ясно, что с каждым часом он становится всё более чужим [17] брату и сестре и даже как будто нарочно добивается этого, раздражая их и зятя насмешками. Несколько раз [18] он садился на стул верхом, как на лошадь, и, держась [19] руками за спинку, положив [20] бритый подбородок на ладони, слушал крики брата и сестры, поблескивая глазами,— в глубине их задорно сверкал синий огонек. И курил он не просто, а [21] напо-

---

[1] *Далее*: к нему [2] много [3] *Далее*: то же [4] [и даже мать начала] и даже мать смотрела [5] *Далее*: [оттопырив губу] и сердито надувала губы и [6] *Текст*: Не-ет,—говорил он ∾ кричит как... — *вставка на отдельном листке.* [7] *Далее*: оба, снова собрав [8] уходил с [глазами] [9] *Далее*: и не слушал сестру [10] потребовала [11] *Далее*: и [12] *Далее*: темным [13] *Далее*: [и не успевал он понять] [и не успевал ничего по⟨нять⟩] и не успевал задерживать эти необыкновенные мысли и непонятные слова [14] *Далее*: зятем и [15] много [16] *Далее*: он [17] и с каждым часом становилось всё более ясно, что он чужой [18] Иногда [19] и складывал [20] положив [21] *Далее*: задорно

каз, медленно доставал папиросы, долго мял их пальцами, не торопясь зажигал [1], выходило так, как будто [2] седой человек форсил и хвастался: «А я — курю, смотрите-ка!»

Стало еще хуже, когда явился Мирон — в широких штанах, в куртке со множеством карманов, весь перепоясанный желтыми ремнями; он даже пистолет привесил к поясу. Его длинный нос [3] гордо вздернут, Мирон говорил командующим голосом полицейского и едва поздоровался с Ильей, чем очень обидел Ар⟨тамонова⟩,— ведь все-таки Илья, после отца, был старшим в деле. При Мироне [4] споры прекратились [5], Яков и Татьяна стали говорить вполголоса и ходили мимо Ильи так осторожно, как будто он был трубочист [6], весь выпачкан в саже, и они боялись запачкаться об него. Ар⟨тамонову⟩ показалось, что и сам Илья оробел, нахмурился и стал нерешительно тыкать пальцем в густину усов.

Арт⟨амонов⟩ все более убеждался, что он не заметен детям, не видим для них и даже [7] становится неощутим для самого себя в сумятице споров [8], в сугробах слов; слова — они сыпались снегом [9] и, оглушая, ослепляя, хоронили [10] его, он уставал слушать [11], уставал смотреть, и вдруг исчезал сам для себя [12]. Это было так [13] жутко, что он велел поставить тяжелое кресло [14] его против зеркала, чтобы всегда видеть свое лицо [15].

Потом [16] Мирон подошел к дяде солдатским твердым шагом и спросил сквозь зубы:

— Вы понимаете, чего хочет Илья?

Глаза его расплылись во всю ширину стекол [17], заполнив золотые ободки очков, и бородка гневно дрожала, когда он объяснил Петру, что Илья желает видеть рабочих хозяевами [18] всех фабрик и всей жизни.

— Это он шутит,— сказал Ар⟨тамонов⟩, ухмыляясь.— Он — дразнит...

Но Мирон продолжал говорить угрожающими словами, не скрывая ясного старику желания [19] напугать его, поссорить [20] с Ильей, и быстро надоел ему и рассердил: [21]

---

[1] *Далее*: и [2] *Далее*: пятидесятиле⟨тний⟩ [3] *Далее*: был [4] При нем [5] *Далее*: все в доме [6] трубочисто⟨м⟩ [7] Арт⟨амонов⟩ ясно видел, что он забыт домашн⟨ими⟩, не виден для них и, наконец [8] слов [9] все слова [засыпали его] сыпали снегом [10] [и точно хоронили] [и точно прятали] и точно давили [11] *Далее*: крики [12] погружался в безразличие и забывал о себе [13] *Далее*: неприятно и [14] передвинуть кресло от окна и [15] себя [16] Вечером [17] *Далее*: очков [18] хозяе⟨вами⟩ рабочих [19] своего желания [20] напугать и поссорить [21] *Далее*: [Брось] Тогда Арт⟨амонов⟩ отмахнулся от него

— Что вы на него взъелись? — крикнул [1] он на племянника. — Илья — не дурак, что вы!

— Не дурак, но — сумасшедший,— сказал Мирон и ушел, топая [2], как пьяный.

Арт⟨амонов⟩ еще не успел подавить гнев на него, когда явился Илья с клетчатой фуражкой в руке [3], сел рядом и [4], бросив тряпичную фуражку на стол, спросил, оскалив зубы:

— Ну что, родитель? Ничего не понимаешь?

Отец тоже спросил:

— Зачем дразнишь всех? Жить надо дружно, а ты.

— Никак нельзя дружно жить,— сказал сын и начал говорить примерами [5]:

— Ты — хозяин, когда ты видишь, что дом у тебя весь прогнил, жить в нем нельзя, опасно, ты ведь не станешь чинить его, а сломаешь и построишь новый — так?

Говорил о шахматной игре [6]: все главные фигуры проиграны, и надо, чтоб играли пешки; между прочим, сказал, что дружба — ложь, ею [7] друзья взаимно прикрывают свои пороки и многое еще такое, чего память старика не схватывала и разум не усваивал. Он слышал [8] и вспоминал робкие слова попа Глеба, каменные словечки Тихона Вялова, детскую болтовню чахоточного парня Морозова и еще что-то, отдаленно знакомое ему; может быть, всё это и мудрость, но — ненужная [9], для нее нет места в делах людских. Она казалась ему такой же измятой, изжеванной, как нищенская одежда Ильи, и было очень обидно узнавать [10], что этот человек, поседевший в тюрьмах, не додумался ни до чего лучшего, не нашел для себя других мыслей.

— Неужто ты веришь во всё это? — угрюмо спросил он,— сын твердо ответил:

— Больше верить не во что.

И снова заговорил о рабочем народе, о бессмысленности его жизни, каторге труда, постыднейшей нищете ума, о многом, что было правдой, но — правдой, с которой нечего делать, она — неисправима.

— Эдак-то, брат, Тихон [11] думает,— сказал он сыну с упреком.— Так ведь Тихон [12] не грамотен, он — просто глуп, а тебе — стыдно бы... Эх, Илья...

---

[1] закри⟨чал⟩ [2] *Далее*: ногами [3] какой-то тряпичной фуражкой в руках [4] *Далее*: сказал [5] *Далее*: понятными старику [6] *Далее*: в кото⟨рой⟩ [7] *Далее*: при⟨крывают⟩ [8] *Далее*: в речах сына ту несколько знакомую ему детскую мудрость, котора⟨я⟩ [9] *Далее*: людям [10] слушать [11] Вялов [12] он

Он торопился говорить, чувствуя, что обиженный человек готов прибавить к речам сына и свои жалобы, свою правду, он боялся, что обиженный готов согласиться с Ильей, но всё-таки он[1] сказал:

— Все делаем чужое дело. Я ведь тоже всю жизнь прожил, как собака на цепи, к фабрике прикован. Думаешь,— не понимаю я, что можно бы и лучше жизнь прожить? [2]

Но, сказав это, он испугался, рассердился и, глядя в твердое, желтое лицо сына, на его спрашивающую улыбку и пытливую синеву глаз, он повторил, строго осуждая:

— Все чужое дело делаем, вот и ты тоже,— разве ты за свое дело взялся? Вон оно твое дело где пыхтит,— вон оно! — Он[3] тыкал рукою в направлении окна, продолжая криком:

— Нигде нет того, чего ты хочешь, нигде и не будет никогда! Вранье всё это! От лени, от глупости. Уму-разуму дело учит, дело! Эх, ты! Проиграл, брат! Чего достиг? Вон пиджачишко-то какой! А фуражка? Нищий не наденет эдакую...

— Ну, ладно, отец! — Илья встал, [4] взял со стола клетчатую фуражку и, сунув ее в карман, непочтительно надул щеки, выдохнул струю воздуха так сильно, что на столе пошевелилась газета.

— Я [5] проститься пришел, уезжаю. Может, не увидимся больше.

— Куда? — спросил Арт⟨амонов⟩, упираясь о стол, приподнимая свое тяжкое тело.— Куда ты?

— К своему делу. Ну, прощай!

Илья протянул руку, отец взял ее и забормотал:

— Обидели они тебя? Так ведь и ты их. Ты — больше обижал.

— Это — пустяки! — сказал сын, усмехаясь.— Ну, давай обнимемся.

Обнялись. Артамонов, вздрагивая, бормотал:

— Эх, напрасно! Напрасно всё...

Больные ноги не держали его, он повис в крепких руках сына и говорил:

— В такие дни — дома надо быть, а ты... Что делать будешь? Всё уж сделал...

Сквозь туман в глазах он видел, что Илья уходит, так же наклонив голову, как тогда, и, опустясь в кресло, мельком подумал: «Злопамятен...»

---

[1] *Далее*: не стерпев [2] *Текст*: согласиться с Ильей ∾ лучше жизнь прожить? — *перечеркнут наискось синим карандашом.* [3] *Далее*: указал в окн⟨о⟩ [4] *Далее*: [в⟨зял⟩] [усме⟨хаясь⟩] [5] Я ведь

Он долго сидел один, ни о чем не думая, прислушиваясь [1], как топает [2] лошадь на дворе, устало фыркает фабрика, кричат люди. Вот голос Ильи:

— Посмотрим! — говорит он.

Старик встал, держась за косяк окна, выглянул в окно: Илья съезжал со двора, сидя в стареньком разбитом шарабанчике, лошадь [3] была запряжена тоже старая, с бельмом на глазу.

«Нарочно запрягли похуже, в насмешку ему»,— подумал он обиженно, и вдруг ему захотелось что-то крикнуть сыну, но шарабан уже скрылся, поворотив налево из ворот, к реке и городу. Старик взял газету, смял ее комом и выбросил в окно. Ему захотелось разбить, изломать что-нибудь, но близко под рукою ничего не было, тогда он выпул часы из кармана, посмотрел: стрелки показывали семнадцать минут седьмого, секундная вертелась очень лениво; он отломил крышку часов и стал стучать по стеклу ногтем, [4] прислушиваясь к торжествующим наветам обиженного человека: «Вот тебе и сын любимый. А — ты чего ждал? Ты на что надеялся? Ты — стар, потому ты чужой всем. Ты для них всю жизнь прожил, а теперь вот... Х-хе-хэ!»

Обидные мысли эти вызывали слезы на глаза, но в горечи их была приятная, острая сладость [5], и они давали утешительную тень большого, хорошего человека, хотя зеркало, отражая пуховое облако и узор черемухи, врезанный в него, показывало под черемухой толстого старика с обрюзглым лицом, с клочковатой бородою, мутные глаза его были почти не видны, прикрытые тяжестью дряблой кожи бровей и серыми тряпочками век [6].

Но и обидные мысли обманутого человека, оживлявшие Ар⟨тамонова⟩ своими уколами, начали [7] притупляться, исчезать после отъезда Ильи, а скоро и самое появление сына [8] замутилось, стало [9] похоже на сновидение. Артамонов иногда спрашивал жену:

---

[1] *Далее*: к шуму [2] топают [3] *Далее*: запря⟨жена⟩ [4] *Далее*: Стекло казалось очень [5] [но в горечи было скрыто] [по в острой горечи их было скрыто] но в горечи их была острая сладость [6] [[от каждой из них] от них как бы ложилась тень, и это была тень большого хорошего человека, хотя в зеркале на стене отражался толстый, среднего роста старик] [и они давали тень, и это была утешительная тень] и они давали утешительную тень большого, хорошего человека, [хотя] в зеркале, бездумном и холодном, отражался толстый, среднего роста старик] хотя зеркало [показывало под черемухой], отражая зелень черемухи на синем небе, показывало под черемухой толстого старика с обрюзглым лицом [в клочковатой бороде и почти невидимых в морщинах глазами], с клочковатой бородою; мутные глаза его были не видны, прикрытые тяжестью дряблой кожи бровей и тряпочками век. [7] *Далее*: как [8] *Далее*: настолько [9] что стало

— Илья-то — был?

— Был,— буркнула она. [1]

— Уехал?

— Ну да,— уехал... [2]

Вздохнув, Наталья стала жаловаться:

— Так и уехал, жуликом одет. В городе-то смеются: вот так Артамонов. Господи, до чего дожили! Стыд-то какой...

— Х-хе-хэ...

Арт⟨амонову⟩ было приятно [3] слышать, что жена недовольна, жалуется, ему смутно хотелось, что⟨бы⟩ все домашние прибежали к нему и обиженно завыли, но и это желание, мелькнув, исчезло; старик погружался в полусон, в забытье, изредка поднимая непослушные веки [4], поглядывая на мутное, человекоподобное пятно в зеркале, оно [5] таяло, расплывалось, [6] исчезало, не возбуждая в нем никаких дум.

Он очнулся и нашел себя летним вечером [7] на крыльце бани, в саду Алексея. Между деревьев просвечивало красноватое небо, где-то близко [8] топали лошади, ниже Артам⟨онова⟩ сидел Тихон Вялов, без шапки, всклокоченные волосы его торчали во все стороны, он согнул спину и что-то делал, двигая локтями [9], присмотревшись, Арт⟨амонов⟩ увидал, что дворник плетет лапти.

— Это что же,— хворал я, что ли?

Вялов, не оборачиваясь, ответил:

— Хворал.

Потом прибавил, мотнув головою:

— Все захворали.

— А зачем я тут? — спросил Арт⟨амонов⟩, подумав, но ничего не вспомнив, и услышал угрюмые, негромкие слова:

— Выгнали тебя, Петр Ильич, из дома...

— Мирон?

— Всех вас выгнали [10], и Мирона, всех.

— Илья?

Тихон привстал, оглянулся, сел выше, рядом с Артам⟨оновым⟩[11], и сказал тихо, осторожно:

— Фабричные. Теперь они всему хозяева.

— «Врет»,— подумал Ар⟨тамонов⟩.— А — жена где?

— Придет сейчас.

---

[1] Был,— буркнула она и стала [вздыхая] ворчливо жаловаться на что-то. [2] *Далее*: Х-хе-хэ [3] нра⟨вилось⟩ [4] *Далее*: и [5] пятно [6] *Далее*: Из этого состояния [забыт⟨ья⟩] полудремоты он [7] веч⟨ером⟩ [8] мерно [9] поводя плечами [10] вым⟨ели?⟩ [11] хозяином

Арт⟨амонов⟩ замолчал, прислушиваясь к шуму на дворе, там [1] очень шумели, чей-то хриплый, надорванный голос покрывал шум, взывая:

— Вы что, товарищи, шутите? Разве так лошадей держат? Так свиней не держат! Когда вы их чистили?

— Кто это орет?

— Они. [2]

Сунув лапоть в колени себе, Вялов заговорил:

— Дело-то, Петр Ильич, как повернулось, а? Вот те и дело! Сломило оно тебе [3] голову. Я — говорил... [4]

Говорил он очень тихо [5], спокойно, но с явным злорадством...

— Дурак,— сказал Ар⟨тамонов⟩,— эх ты, [6] дурак...

— Для дурака — стар я...

— А все-таки — дурак. [7]

— А ты — мальчонку убил.

— Я?

— А — кто? Забыл? Конторщикова.

— Ну?

— Вот те и ну. А отец твой — брата моего убил.

— Врешь! Когда?

— Вот те и когда. Давно. А брат твой, Алексей Ильич, трактир поджечь научил одного человека. Никиту Ильича зачем в петлю загнали, а после — в монахи? Вот,— отлилось вам всё это... Я[8] — всё знаю!

Артам⟨онов⟩ не испугался, он [9] был слишком подавлен словами скуластого лохматого старика, сидевшего плечо в плечо с ним [10]. Он долго молчал, соображая: «Что это? Что творится вокруг? Почему Тихон вспоминает прошлое, чем он грозит?» Потом сказал:

— Ну, что ж ты? Ты иди, скажи [11] судьям, полиции скажи. Вот мол, судите их, они меня всю жизнь кормили, поили. Что ж ты молчал, а? Ты бы прижал меня, денег бы спросил за молчанье...

— Плевать мне на всё,— угрюмо ответил Тихон.— На деньги эти ваши, на судьев. Я хотел знать: какой конец этому смыслу будет?

— Кому — конец?

— Вам, всем. Каинам. [12] За что брата убили [13]?

— Про брата врешь ты.

---

[1] *Далее*: де⟨ти?⟩ [2] [Начальник] На солдат [3] вам [4] *Далее*: Так надо... [5] злорадно [6] *Далее*: ста⟨рый⟩ [7] *Далее*: Все дураки тогда [8] И я [9] но [10] *Далее*: Измятое жестяное ведро валялось на дорожке, жесть, отражая [11] да и скажи [12] *Далее*: Вот он, конец [13] *Далее*: у меня

— Я? Я с ним был, когда отец твой кокнул его. [1] Его кровью он и истек, отец-то твой. Да. Строители. Дело! Эх, вы... Ты где, Петр Ильич? Внизу ты, под ногами, да. А я как стоял в стороне, так и остался...

— Дураком [2] остался.

— А — ты? Все вы дураки, вот что. Вы — дурее меня...

«С ума сошел от старости»,— решил Ар⟨тамонов⟩, с трудом отодвигая от дворника непослушное, мягкое тело свое. Он чувствовал, что дворник [3] загоняет его в [4] туман, где ничего нельзя понять, ничего не различишь. Ему очень хотелось есть. Он встал, хватаясь за косяк, хотел спуститься [5] в сад, посмотреть, что делается на дворе,— ноги не держали жидкое тело его, руки тряслись [6].

— Опоздал ты, Вялов,— сказал он, снова опускаясь на крыльцо.— Умираю я, видать... Опоздал...

— Я не опоздал [7],— ворчал старик [8], собирая ленты лыка с колен; собрал, сунул кочедык за пояс, лапоть под мышку и, покряхтывая, [9] согнувшись, ушел в баню; последние [10] слова его были:

— Тоже и Яков Петрович, заслужил свою участь...

Почти в ту же минуту на дорожке сада, среди обломанных вишень и яблонь, поспешной, мышиной походкой пробежала, как будто прячась, воровато оглядываясь, темненькая старушка; вот она стоит перед крыльцом, [11] голова у нее трясется. Это — Наталья [12], жена [13]; неестественно похудевшая, она вся, от щек, обвисла к земле, у нее непрерывно трясется голова, глаза [14] боязливо мигают, она говорит шепотом:

— Ой, зачем ты вышел! Не любят они тебя, ах, господи...

— Кто?

— Товарищи, товарищи,— зашипела [15] она, скосив глаза, прислушиваясь к шуму на дворе.

Было странно видеть ее такой маленькой, настороженной [16], больше чем всегда, и такой жалкой. Арт⟨амонов⟩ подумал: «Сколько она ела, а вот...»

Присев к нему, Наталья шептала:

— Миронушка, слава богу, бежал, а Яшу [17]...— Она, заплакав [18], перекрестилась.

---

[1] *Далее*: Мы голодные были [2] И дураком [3] *Далее*: снова [4] *Далее*: какой-то [5] пойти [6] дрожа⟨ли⟩ [7] не торопился [8] проворчал дво⟨рник⟩ [9] *Далее*: встал [10] *Далее*: [про⟨говорил⟩] пос⟨ледние⟩] [11] *Далее*: тяж⟨елая⟩ [12] жена [13] *Далее*: по⟨худевшая?⟩ [14] а глаза [15] зашептала [16] испуганной [17] Яша [18] *Далее*: ста⟨ла⟩

— А кто виноват? — спросил Артам⟨онов⟩,— ему показалось, что он давно уже думает [1], кто виноват в том, что ничего нельзя понять [2].

— Ты — виновата! — поспешно нашел он.— Ты. Всю жизнь ты мне загородила собой. Всю душу высосала. Да!

Она плакала, тихонько всхлипывая, повизгивая, и отирала глаза концом грязного головного платка.

— Есть давай!

Наталья суетливо, трясущейся рукою [3] достала из-за пазухи желтый огурец и маленьк⟨ий⟩ кусок ржаного солдатского хлеба; огурец был теплый, а хлеб измят.

Арт⟨амонов⟩ изумленно взвесил хлеб на ладони, огурец скатился с его руки и запрыгал по ступеням.

— Это — что? [4]

Жена шептала виновато:

— Ничего нет больше. Едва достала [5], ничего нет... Голод ведь...

Арт⟨амонов⟩ смотрел на измятый черный кусок плохо пропеченного хлеба и бормотал изумленно:

— За детей? За всю жизнь? За все труды [6], заботы? Только всего?

Он догадался о чем-то смертельно [7] обидном; всем [8] телом почувствовав эту обиду, изумленно посмотрел в заревое, багровое небо и швырнул [9] кусок хлеба прочь от себя, сказав глухо, но твердо [10]:

— Не хочу.

А когда жена потянулась за хлебом, он, схватив ее за руку, крикнул:

— Не тронь. Не смей. Я — не собака.

И еще раз повторил:

— Не хочу.

---

[1] *Далее*: над этим [2] *Далее*: и вся жизнь вдруг стала противна [3] *Далее*: су⟨нула?⟩ [4] Это? Это что? [5] *Далее*: у Оли, она ведь [6] многолетние труды [7] убийственно [8] и всем [9] [и отбросил] отш⟨вырнул⟩ [10] но ре⟨шительно?⟩

Варианты $ЧА_2$

ЧАСТЬ I

Стр. 93.

Посвящения нет.

Стр. 95.

29 одет в [добро⟨тного сукна⟩] синюю поддевку

Стр. 96.

9 послали [к нему] будочника

17 Не слышно было, [что] как ответил

30 и было это [всем] неприятно

Стр. 97.

14–15 широкогрудый, [бородатый] брови срослись

15–16 у Никиты глаза девичьи / Никита, видимо, робок, запуган, у него глаза девичьи

17 красавец, белокож / красавец, рыжеват и белокож

39 четыре раза / четыре раз

Стр. 98.

20 беспокойство будет [всем] людям

31–32 а [еще] через двенадцать

Стр. 99.

29–30 хорошо будет, [в⟨место⟩] станешь вместо

Стр. 100.

12 не тревожь [ты] меня

17–18 за гробом [сзади жены и дочери] вслед за женой и дочерью

19 Никита, шагавший [сз⟨ади⟩] сзади своих

32 Никита слушал, [и, склоняя голову, выгибал] склоня

40–41 Баймакова с дочерью [ушли] ушла

Стр. 101.

26 Огромный, [р⟨аздутый⟩ плотно] налитый жиром

34 возил торф / возил его

Стр. 102.

4 после обильного дождя [когда] вода в реке

13 Алексей, идя [сз⟨ади⟩] последним

37 проломил голову, [а] третий

Стр. 103.

1 [Зимними] Осенними вечерами

7 книг перечитал / книг прочитал

29 за окном [вздыхает] посвистывает

32–33 Никита [строгая ножом прутья] искусно плетет

Стр. 104.

2 показать себя, [кто] к чему годен

36 пошла наверх [где] к дочери

38 быстро [сошла] сбежала

Стр. 106.

4–5 про тебя [говорит]; как это

Стр. 107.

7–8 [через несколько недель] через неделю пошел с Петром и Алексеем в лес, [поднял и] убил

9 подняли матку, [но она ушла, оборвав Алексею полушубок и оцарапав бедро, братья принесли в город пару медвежат] она оборвала

20–21 Артамоновы ∾ упрямо делают / эта семья живет трезво, дружно и упрямо делает

26 как это делают / как это делали

Стр. 108.

8–9 бы⟨ло⟩] и всё было сделано

10 чинил [забор] плетень

23 блеснув на нее мягким светом / взглянув на нее мягким [взг⟨лядом⟩] светом

33 когда она [пила] с дочерью пила чай

Стр. 109.

26 пожав плечами [он ска⟨зал⟩]

Стр. 110.

4 в белых [ле⟨нтах⟩] и голубых лентах

23 глаза широко [боязливо] раскрыты

37–38 в шелковой [голубой] золотистой рубахе

Стр. 112.

2–3 Барская [иде⟨т⟩], тучей густого дыма

18–19 басовитый голос [над]

29 *После*: Не лиши разума.— Смертного греха избави

30 шорох у двери, она [быстро] поспешно

Стр. 113.

3 и голова [блестит, как] кажется железной

21 поглядывая на девиц и [дергает] дергая

40 Ну, я, девицы, [все-таки] не во гнев вам

Стр. 114.

26 Заглянув [в] одним глазом

27 он [сказал] продолжал
31 [Петр] сын тихо сказал
41 Исподлобья [по-волчьи] поглядывая

Стр. 115.
7–8 тычется в щеку [девушки], чувствуя
20 От волнения / От волнений

Стр. 116.
22–23 десятки [лиц и] голов
37 пряталась в них, [а] голова

Стр. 117.
19 присмотрелся к [м⟨ямлинскому⟩] дремовскому
23 раздался [дикий] отчаянный рев
39 плечо в плечо / плеча в плеча

Стр. 118.
5 поглаживая бедра свои, [шевелились его скулы и] [страшно выкатившиеся глаза были] глаза его почти безумны
6–7 на скулах, [соображал] соображает
27 встречу ему, [женщ⟨ина⟩] пьяненькая женщина
29 Петр услышал [под] [в окне] изумленный шёпот
32 Не глядя на жену, [он пробо⟨рмотал⟩] но понимая

Стр. 119.
39 разреши, и [пусть] тут она

Стр. 120.
5 раздувая ноздри, [облизываясь] облизывая губы
7–8 [сказав] повторив на прощанье
12 прыгнул [на кровать] в постель
25 другая земля — [без] просторная земля

Стр. 121.
6–7 ненужными словами [прислу⟨шиваясь⟩]
13 посмеется [она] надо мной она
36–37 дохнув [в] теплым запахом вина

Стр. 122.
32 А ты — [что] кто такое

Стр. 123.
2 с такой [силой] силою
10–11 попытался встать [и], не мог
23–24 плавали по улицам [в] среди пестрой
40 на мужиков [гр⟨амотные⟩]

Стр. 124.
13–14 Там — земля, [я] да небо, да — я.
16 звездной ночью / звездной, ласковой ночью
23 Петр высунулся / Ее муж высунулся
41 Наталья [шеп⟨тала⟩] качалась, ныла

Стр. 125.

6 сквозь слезы [ска⟨зала⟩] говорила

38–39 подумала она, [чув⟨ствуя⟩] заставляя себя думать

Стр. 126.

15–16 на скатерть, [на пол] пробка графина лежала на полу. [Мать никогда не пила квас ночами.]

16–17 светлые глаза [ее были] матери

Стр. 127.

5 зорко [присматриваясь] всматриваясь

23 И когда он спит? [Ведь — вот: горбат, а приятный...]

30 за рекою [раздавался] начинался стук

31 обыватели / всегда обыватели

Стр. 128.

9–10 смотрят ехидно / смотрят боязливо и ехидно

23 пасть, полную [крупными] тупыми зубами

Стр. 129.

4–5 выползала из ельника / выползла из ельника

16 задорен и вспыльчив / задорен и вспыльчив, барская кровинка

20–21 он, [подозрительно] усмехаясь, смотрит из-под густых бровей [смотрит] на горожан

Стр. 130.

21 Кроме Натальи — [трое] двое было, [все] слабенькие

35 сильнее и умней [око⟨ло⟩] рядом

Стр. 131.

10 Ударили меня / Ударили меня чем-то

34–35 большое тело / большое тело хозяина

Стр. 132.

11 копает в [земле] песке

20 облизывая [железное] лезвие топора

22 звонко выводит / выводит запевку

37–38 покрылись ржавчиной, [еловые] черные железные леса

38 проржавели / местами проржавели

Стр. 133.

1–2 груженные льном ∾ лошадями / запряженные шаршавыми лошадями, груженные льном

3 следя, как бы [бо⟨родатые⟩] эти бородатые

15 Встряхивая кудрями / Встряхивая светлыми кудрями

18 говорила с ним сухо. [Когда муж и младший деверь уходили на фабрику, она, отстряпа⟨вшись⟩]

21 садилась [к о⟨кну⟩] у окна [садилась] в кресло

22–23 Горбун [вел], исполняя роль конторщика

29 как [чело⟨век⟩] молчит человек

32 обнимал невестку [нежным] ласковым теплом
33 уши заметно [розовеют] розовели
37 догадку о [чем] том, что волнует

Стр. 134.

26 смотрит в окно, [в са⟨д⟩] в мокром воздухе
27 качаются [по⟨саженные?⟩] лапы сосен

Стр. 136.

20–21 оно и сказывается / вот оно и сказывается
28 задору нет, вот [еще] горе
38 дрожал [робкий цветок желтого] робко цветок огня

Стр. 137.

10 Эх, [как] кабы ты
14 На масленице [Алексея привезли] Ерданская привезла Алексея
21 Добивай... [Испу⟨ганная⟩]
26 топнул на нее, закричал / топнул на нее
27 Цыц! Вон! [Приподнявшись на постели]
29 *После*: и стонал.— Рученьки мои... рученьки...
32 мигала свеча, [обезображенное тело] по обезображенному телу

Стр. 138.

8–9 догадывался Артамонов. [Племя⟨нник⟩] Алексей
15–16 Он стал [отно⟨ситься⟩] еще более внимателен, [и] грубо ласков с [приемным сыном] Алексеем
21 где сопротивление силе [его] упрямее
27–28 строго [гово⟨рила⟩] посоветовала

Стр. 139.

6 день и ночь [слышал] слушал
10 не достигал бы [визг и] вой жены
18–19 Не разродится, пожалуй,— сказал он брату,— [горбун всадил лопату в песок и не ответил] горбун, всадив лопату в песок, спросил
23–24 с Никитой и [Пер⟨егудовым⟩] Тихоном
30 как всегда говорил [— По-моему,— все]

Стр. 140.

3 Петр [согласно] кивнул головою
6 [Она стирала] [Стирая] Смахивая пальцами слезы
8 красный нос, [и] она шептала
11 он похудел [вытянулся и казался на десять лет старше] и казался старше своих лет
11–12 Его [нехорош⟨ее⟩] немужицкое лицо [обрастало], обрастая
15 он говорил [с людьми] глуховатым голосом
20–21 [а на Наталью] на Наталью он покрикивал, как на [прислугу] работницу

21–22 Никита, с упреком, [указал ему на это, он ответил: — Я человек больной.] сказал ему

Стр. 141.

11 ночами [сквозь] лысая луна

14 холодного и густого / холодного, густого

24–25 Петр [одной] дергал пальцами

Стр. 142.

1–2 посмотрев вслед им, [про⟨шел⟩] тоже встал, пошел

5 сторожили дома [прижатые к земле тишиною дымной ночи]

6 со стола, [гре⟨мели⟩] звякали чашки

13 над землею [то⟨чно⟩] туго, точно

18 тем ярче светились [тем ярче светили] тем ярче светились для него

28 в его душе [всем]

29 Было уже [да⟨леко⟩] за полночь

31 еще одна, [по⟨днимаясь⟩] медленно поднимаясь

33 это пожар [и, вскочив, по⟨бежал⟩], побежал к дому [бу⟨дить⟩] и увидал

33 и увидал / и увидал на дворе

Стр. 143.

4–5 сидя [на] верхом на коньке крыши

30 уйду»,— думал горбун / уйду. Куда мне еще?»

33 в окне дома [сто⟨яла⟩] [виделось лицо Натальи] стояла, крестясь, Наталья

Стр. 144.

5 но глухо [сказал] спросил

Стр. 145.

2 это оказалось очень [полезно] хорошо

2–3 ткачи восхищались / ткачи, восхищаясь

16–17 Пошутить надо; [шутка — минутка, а заряжает на час.] веселый человек лучше понятен.

26–27 прикрыл ее рукою; [ему] он вспомнил

35 [Погост] Погосты — это дома

Стр. 146.

1 Вялов работал [как будто] как бы нехотя

4 намекающе / намекающей

36 Вялов [взглянул], взглянув

Стр. 147.

1 хотелось, чтоб он [замолчал] молчал

38–39 что деверь [неласко⟨в⟩] не так ласков

Стр. 148.

31 Прости, время нет / Прости, время-то нет

Стр. 149.

10–11 покормив [и], успокоив

14–15 не слышать [бо⟨йких⟩] привычных голосов, [бойких] веселых или заунывных песен

19 шорох работы / этот шорох работы

21 в [притаившемся] сонном молчании

40 Говорил он мало [и], только

41 изредка, [по] все реже, вспоминал

Стр. 150.

4–5 у него были [злые] желтые, [и точно] медные глаза

9 Дворянский конь, [серчает] зол

10–11 свободной жизни, [ее солидности] праздничному блеску

12–13 когда[она] женщина замечала

18–19 запретили [по⟨другам⟩] дочерям своим

34 За долг [мне] у меня

Стр. 151.

8 что он [приставил] не верит ей [при⟨ставил⟩] и велел

16 слышать [голос] вопрос

23 Ей бы дом свой / Ей бы дом-то свой

30–31 сквозь мягкий шумок фабрики [просачивается спокойный голос] просачиваются спокойные слова

38 удивляясь, [соо⟨бражает⟩] соглашается

Стр. 152.

10 ведает, где [есть] мед

23–24 неоднократно [выламывал] выдавливал стекла

Стр. 153.

2 на другом конце ее [и], стал ходить

4–5 Морозова и [едва не [перел⟨омил⟩] убил Никиту, схватив] ушиб Никиту, хватив

27 говоришь — больной? / говоришь — больной, а?

37 бьют жен все мужья / бьют все мужья подруг ее

Стр. 154.

10 срок его — не велик / срок жизни его — не велик

18 накрыты на дворе, [украшенном бабами] бабы украсили его

30–31 сосен, поднявших / сосен, уже поднявших

38 позеленевшей бороде / уже позеленевшей бороде

Стр. 155.

10 Трех царей да царицу пережил / Четырех царей да царицу пережил

12 Версты полотен наткал / Полста лет тку, версты полотен наткал

20 Спасибо, [ребенок] робенок!

Стр. 156.

7 Отец, хмельной / Отец, сильно хмельной

12 Пошел, [пошел] котел, пошел!

27–28 держа себя за горло, а [другой щупал воздух, точно] другой щупал воздух

36–37 умное тело [ка⟨к⟩] испуганно сжалось

Стр. 157.

7 наклонив голову, [мял песок] шаркал по песку

8–9 к шороху и скрипу [песка], едва различимому

24 но кто-то [оттолкнул его, наступив] наступил

33–34 поскакал, но [поравнявшись] перед красной массой

39 На подоконнике, [пока⟨шливая⟩] покручивая

39–40 темную острую бородку / черную острую бородку

Стр. 158.

1 через головы / и через головы

27 на синих [обоях], как ночное небо, обоях

28 Никита стоит [в ногах] у ног отца, ожидая, когда [он] отец

Стр. 159.

10–11 приподняв голову, [нахмурясь] нахмуря

Стр. 160.

12–13 один ряд шел / один шел

17 услыхал негромкий [но] настойчивый вопрос

Стр. 161.

3 на луну, зацепившуюся за сучок ветлы / на луну [зацепившуюся за сучок ветлы] между сучьями ветлы

7 комар — живет, а... [человек...— Никита испуга⟨нно⟩]

13 в комнате отца, [грубо] сменил монахиню

18 может быть, страшное / даже, может быть, страшное

20–21 приподняв горб [точно ожидая удара сзади] он понизил сорвавшийся голос

32–33 вопль страха [и], отчаяния

Стр. 162.

21 сразу успокоился / сразу успокоился, великодушно [сказал]

34–35 указывая на дверь. [Они]

Стр. 163.

10 Что же я... [Я не знаю...] Мы с тобой...

13 люди города, [пришел] приехал исправник

23–24 под сосною в тень [ее], пропуская мимо себя

Стр. 164.

8 чёрт на колокольню / чёрт на колокольне

13 Вялов [прижав] прижал дурачка [в угол] в углу двора

16 Не знаешь? На. / Не знаешь? А-куятыр? Тоже не знаешь? [Ну, тогда ты [дейст⟨вительно⟩] настоящий дурак...] На.

18 Быстро, как [поток осенней, мутной воды] осенний, мутный поток

32 девичий хоровод. [Едва ли Алексей покупал эти вещи, [был] он был бережлив почти до скупости.] Алексей был бережлив, [как же] зачем же

34 темную остренькую / черную остренькую

35 все более терял / все более быстро терял

38–39 все возрастало. [Особенно же тревожило Петра несерьезное отношение брата к делу, он слишком быстро решал то, над чем следовало основательно подумать] [Особенно же тревожило Петра то] Сам Петр относился к делу осторожно

41 подкрадывался к работе [еще издали], прищуривая

Стр. 165.

2 [Это] Иногда

8 днем окна [горят] светятся

27 хочу обвенчаться / я хочу обвенчаться

33 его локтем, [он то] он улыбнулся

39 помогла Алексею [тихо сказав]

40 знаю, [она] редкая рукодельница

Стр. 166.

8 На что он тебе? / На что он тебе одной?

16–17 А по-твоему, матушка? [— Не знаю.] — Конечно, хорошо

27 Тут дорогие есть. / Тут дорогие есть, редкие будто,— говорила она.

Стр. 167.

1 А когда муж [скон⟨чался⟩] помер

5 заставили [мать, нахмурясь] Ульяну взглянуть

19 Никита [вздрогнув от страха и радости] [вздрогнул] замер от страха, от жалости [и], схватился

20–21 поднимала его, [хотелось куда-то бежать] толкала куда-то

22–23 возбуждая в нем [чув⟨ство⟩] жаркие надежды

24–25 слова мужа [обожгли ее и все, что она] вдруг зажгли

25 Она [вст⟨ала⟩] прислонилась к стене

27–28 она говорила, [не слыша] не слушая себя

29–30 чужая в доме, [никому] никем не любима

39 чувствовал [пред собою большое горе] законность ее горя

40 И хуже всего [в нем] в горе этом

41 грозило [какой-то] опасностью

Стр. 168.

1 а забот [у н⟨его⟩] и без этого

4–5 исчезнуть. [Гляди, как Алексей любит,— то шептала, то вскрикивала] [А] Наталья то шептала

8 он веселый [стал], одевается барином

9 ходишь [угрюмый], ни с кем не ласков

10 жила, [Никита] [А у меня, среди вас, о] а я с ним

13 наклоня голову, [быком] убито пошел

14 в глубь сада, [отбивая] отводя

27–28 стиснул его, [она] лицо жены

37 текли слезы [усиливая его сознание и предчувствие опасности]

37–38 Она кормила [ребенка] девочку

Стр. 169.

14–15 Глядя, как она [точно слепая] небрежно

23 повторил он / повторял он

Стр. 170.

6 Петр [остановился] прирос к земле

11 Петр [тоже] присматривался

12 из кустов / из кустов малины

16 без глаз живете,— [сказал] проворчал

17 *После*: скажет он.— *зачеркнуто*: Накануне выпал обильный дождь, а [этот] истекший день был зноен, и теперь, ночью, [духота в саду] в горло лезла не по-весеннему жаркая духота, мешая дышать.

27 Целовались? [Жили?] Видел ты — ну?

36 смутно [видел ее] замечал ее

Стр. 171.

7 Он [полулежал] был едва видим

10 склонив голову, [и лицо его похоже] рубаха [на] на нем

21 Знаю! [Грех!] — хрипло

28 смутил... [—Эх, вы] — Ой, Тихон

Стр. 172.

4–5 спросил брат [но не получил]; не получив ответа

18 извне [от], из ночного сумрака

31–32 сказать мне / сказать мне об этом

Стр. 173.

1 глядя в черную землю [под], земля

8–9 поднялась белая фигура, [и прозвучали тихо ви⟨новатые⟩] [он протянул руку, и знакомый голос виновато сказал] но знакомый голос успокоил

10 кричала я... [Ну, что ж, я сам кричал,— великодушно ответил [он] Петр и легко вздохнул, [он] он был рад, что жена пришла и облегчает ему дело примирения с нею] [Ну,

что ж, я сам кричал,— великодушно ответил Петр, обрадованный те⟨м⟩] Ну, что же,— бог простит

25–26 настоящий хозяин. [И однако [сло⟨ва⟩] он] Но он чувствовал

29 в следующую минуту [что-то] может

29–31 кто [тоже], следя за [ним] его речью, пашептывает: [«Плохо говоришь, неправ⟨ду⟩»] «Неправду говоришь».

36 Он тотчас же обнял / Он тотчас обнял

41 в тяжелый час? [Обижаешь меня, велел Никите следить за мной, я ведь знаю! Я вот, с обиды, и сказала про Алексея,— не люблю его, а нарочно [сказала] назло — чтоб подразнить тебя...]

Стр. 174.

21 приставил ко мне / приставил его ко мне

28 возмущение [слишком] чрезмерно

37 Только смертью батюшки / Только что смертью батюшки

Стр. 175.

17 Удавленника. [Обидно же мне, что ты? Притворялся ласковым.] Не пойду

20 На сей день... / Идем. На сей день...

23 вместе [со всем] с плохим

26–27 беспокоил его душу [тревожными] темными мыслями

35 уйти от [обидных] воспоминаний

Стр. 176.

8 волновался, спрашивал / волновался и спрашивал

40 Груди у нее / [Да.] Груди у нее

Стр. 177.

21–22 свой [яс⟨ный⟩] прежний, ясный и звонкий голос. [По⟨том⟩]

Стр. 178.

3 чего не хочет / чего он не хочет

21 задумчиво [ск⟨азал⟩] прибавил

26 Никита [предложил: — Обнимемся.] молча обнял его

32 среди дороги [точно], как бы решив

34 неприятной голове. [Думая об этом темном человеке, Никита Артамонов, ускорив шаг, [свернул] пошел дальше.]

35 Тихон [по⟨ходил⟩] [стал по⟨хож⟩] стал чем-то похож

37–38 назойливо зазвучало: [«Хиристос воскиресе, воскиресе, Кибитка потерял колесо»].

39–40 «Хиристос воскиресе ∾ потерял колесо». / Бай, баю, бай, Хиристос».

Варианты $ЧА_2$ и БА

ЧАСТЬ II

Стр. 179.

3 строить церковь / постройку церкви ($ЧА_2$)

3 и освятили ее / *а.* и освятили ее *б.* освятив ее ($ЧА_2$)

4 Строили семь лет / [Строили ее] Строили церковь семь лет ($ЧА_2$)

4–9 виновником медленности ∾ на больницу / *а.* эта медленность, конечно, не увеличила симпатии благочестивого города к молодым фабрикантам, [она бы⟨ла⟩] [и] она была тем более [неприличной] неприлична, что за семь лет кирпич для [церкви] храма божия дважды расходовали на мирское дело, один раз на третий корпус фабрики, другой — на больницу. В этом был виноват Алексей. *б.* виновником медленности этой был Алексей: — Бог подождет, — нехорошо шутил он — *Далее как в тексте* ($ЧА_2$)

10 После ∾ панихиду / Отслужив панихиду ($ЧА_2$)

11–12 когда ∾ с кладбища / *а.* пока с кладбища разошлись попы, служащие, рабочие *б.* когда с кладбища ∾ рабочие ◊ ($ЧА_2$) [1]

13 в семейной ограде / *а.* в ограде *б.* в ограде под бер⟨езами⟩ ◊ ($ЧА_2$)

14 пошли не спеша / пошли не торопясь ($ЧА_2$)

14–15 торопиться было некуда / торопиться [было] некуда ($ЧА_2$)

15–16 обед ∾ назначен в три часа / *а.* обед был назначен в пять часов вечера опять-таки по капризу Алексея *б.* обед для духовенства, знакомых и рабочих был назначен в пять часов вечера ($ЧА_2$); обед для духовенства, знакомых и служащих с рабочими был назначен в три часа ◊ (*БА*)

19–20 На рыжей ∾ дороги / *а.* Впереди, на серовато-желтой полосе дороги *б.* На серовато-желтой полосе дороги ($ЧА_2$)

20–21 темненькие фигурки людей / *а.* фигуры людей *б.* темненькие фигуры людей ($ЧА_2$)

21 три корпуса ее / три кирпичных корпуса ее ($ЧА_2$)

22–23 судорожно вытянутые красные пальцы / три судорожно вытянутых пальца ($ЧА_2$); три судорожно вытянутых ◊ (*БА*)

24 Алексей ∾ сказал / Показав палкой вперед, Алексей сказал ($ЧА_2$)

27 Огорчился бы / *а.* А я вот думаю, как он огорчился бы *б.* Огорчился бы ($ЧА_2$)

28 не желая ∾ брату / [не сразу] помолчав, ответил Петр,

---

[1] Здесь и в дальнейшем знак ∾ (тильда) в вариантах означает, что замененный тильдой отрывок текста в третьей редакции (слое *б*) полностью совпадает с текстом второй редакции (слое *а*).

[тяжело и мерно давя сапогами песок,] [он] не желая поддакивать брату (*ЧА*$_2$)

29–30 Ну, огорчаться ∾ И жил не царевым умом / Ну, он не очень любил огорчаться. Не царевым умом жил (*ЧА*$_2$)

31–32 Поглубже натянув ∾ взглянул на женщин / Натянув картуз поглубже [на голову], Алексей обернулся, посмотрел [прищурясь] на женщин (*ЧА*$_2$)

32 маленькая, стройная / маленькая и стройная (*ЧА*$_2$)

33–34 по размятому песку / по глубокому песку дороги (*ЧА*$_2$)

34 вытирала ∾ очки / *а.* вытирая платком [запо⟨тевшие⟩] свои очки *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

35 рядом с дородной Натальей / рядом с Натальей (*ЧА*$_2$)

36 в черную шелковую тальму / в черную тальму (*ЧА*$_2$)

37 на плечах и рукавах / на груди и плечах (*ЧА*$_2$)

37 темно-лиловая головка / темно-лиловая шелковая головка (*ЧА*$_2$)

39 Хорошеет всё / Всё хорошеет (*ЧА*$_2$)

Стр. 180.

1–2 Сердится, что ли, на нас? / Сердится, видно, на нас? За что бы? (*ЧА*$_2$)

3–4 В сырые дни ∾ прихрамывая / Плохая погода [всегда] несколько раздражала Алексея; в сырые дни у него болела нога, он ходил прихрамывая (*ЧА*$_2$)

4–5 Ему хотелось ∾ панихиды и печаль / *а.* В этот час ему упрямо хотелось рассеять унылое впечатление панихиды, печаль *б.* В этот час ∾ панихиды и печаль (*ЧА*$_2$); Ему хотелось ⟨*пропущено 1 слово*⟩ унылое впечатление (*БА*)

8–9 Все еще ∾ Хорошая старуха. / Хорошая старуха, а? Все еще помнит. [— Да,— сказал Петр.].— Петр крякнул. Сердито отшвырнув палкой еловую шишку из-под ног, Алексей продолжал (*ЧА*$_2$)

10–11 она жалуется ∾ трудно, говорит / а то она жалуется на одышку. Ходить трудно (*ЧА*$_2$)

12–13 Артамонов ∾ повторил / *а.* [Петр согласно повторил] Тут Артамонов старший принужденно повторил *б.* Артамонов старший повторил (*ЧА*$_2$)

15 Ты — дремлешь? Что — трудно? / *а.* Ты — дремлешь? Что трудно? — Искоса взглянув на брата, Алексей остановился, чтоб подождать женщин, Петр тоже уперся ногами в песок, говоря угрюмо *б.* Искоса взглянув на брата, Алексей [его] спросил: — Ты — дремлешь? Что — трудно? (*ЧА*$_2$)

16–18 Тихона рассчитать надо ∾ спросил брат / *а.* Тихона рассчитать надо.— За что? — очень удивился Алексей *б.* Тихона рассчитать надо.— За что? — удивясь, спросил Алексей ($ЧА_2$)

20 Дурак,— добавил Петр / *а.* Дурак,— ответил Петр *б.* Дурак,— ответил Петр, [не взглянув на брата, сердито] глядя на холмы, сердито ощетиненные [темными] [сер⟨ыми⟩] елками ($ЧА_2$)

21 Подошли женщины / Поровнялись женщины ($ЧА_2$)

21–22 приятным ∾ сильным / приятным [и] голосом, неожиданно сильным ($ЧА_2$)

26–27 сытой уткой ∾ на ногу / переваливаясь с ноги на ногу, как сытая утка ($ЧА_2$)

27–28 тоном старшей ∾ выговорила / она говорила тоном старшей и в нос ($ЧА_2$)

29–30 Вот Елена / Вот мы отдали Елену, так она теперь ($ЧА_2$)

33 отирая ∾ лоб / отирая платком вспотевший лоб ($ЧА_2$)

34 всползала от висков к темени / всползла к темени ($ЧА_2$); всползла от висков к темени ($БА$)

35 сильно ∾ лицо / *а.* удлинила лицо его и сделала глаза как будто светлее *б.* удлинив остроглазое лицо его ($ЧА_2$)

36 поглядывая на мужа / глядя на мужа ($ЧА_2$)

38 Помялов верно говорит / *а.* По-моему, Помялов — верно говорит *б.* Помялов верно говорит ($ЧА_2$)

38 люди дичают / дети дичают ($ЧА_2$)

40–41 удовлетворенно ∾ Наталья, но муж / воскликнула Наталья, но муж ее ($ЧА_2$)

Стр. 182.

4 Взяв ее / Схватив ее ($ЧА_2$)

4–5 Петр замедлил шаг / Петр, замедлив шаг, пробормотал ($ЧА_2$)

7 Его огорчил ∾ Вялов. / Он думал о неприятном человеке Тихоне Вялове ($ЧА_2$)

7 [Он ду⟨мал⟩] Его огорчил ($БА$)

8–9 разглядывая вдали фабрику / разглядывая фабрику ($ЧА_2$)

9 Петр сказал / он сказал ($ЧА_2$)

10 а просто говоря / а так, просто говоря ($ЧА_2$)

14 как плесень в погребе / как сырость в доме, как плесень ($ЧА_2$); как сырость, как плесень в погребе ($БА$)

17–18 явная и обидная ∾ возмутила его / *а.* но слова дворника возмутили его своей явной и обидной глупостью *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

21–22 разумом [человека] хозяина ($ЧА_2$)

22–28 И всегда ∾ странный вопрос / *а.* Петру Артамонову вообще казалось, что никто [не понимает] не ценит его работу, не чувствует, сколько сил поглощает фабрика.— О душе подумать некогда,— пожаловался он жене Алексея, идя с ней от обедни, и услыхал от нее странный [бабий] вопрос *б.* Всегда человечишко этот бормочет что-то о душе... Артамонов [вздохнув] присел [на] у [ср⟨убленной⟩] дороги на старый пень срубленной сосны, вспомнив, как он однажды пожаловался жене Алексея: — О душе подумать некогда,— и услыхал странный вопрос (*ЧА*$_2$)

29 отдельно от тебя / *а.* отдельно от вас *б.* отдельно от тебя (*ЧА*$_2$)

30 В этих словах ∾ шутка / Ему почудилась бабья шутка в этих словах (*ЧА*$_2$)

31 птичье лицо ∾ серьезно / *а.* остренькое лицо Ольги было, как всегда, вдумчиво, ласково *б.* птичье лицо Ольги было вдумчиво и ласково (*ЧА*$_2$)

31 темненькие глаза / темные глаза (*ЧА*$_2$)

32 сияли ∾ ласково / сияли за стеклами очков серьезно (*ЧА*$_2$)

34–35 о душе говорят ∾ о сироте-приемыше / *а.* о душе говорят, как [о чем-то отдельном] об отдельной от человека, точно о сироте, которую некогда воспитывать.

Алексей засмеялся. Петр Артамонов часто наблюдал, что слова жены [часто и] весело смешат мужа, но не понял, что веселое услышал Алексей [на] в этот раз? Он упрямо повторил: — Не понимаю.

— Я говорю: душа — не приемыш.

Эти слова тоже не сделали мысль ее ближе и яснее Петру, но остались занозой в его памяти *б.* о душе говорят отдельно от человека, будто о сироте, приемыше. — Не понимаю,— повторил Петр, потеряв желание говорить с этой женщиной; очень чужая [ему] она [не] чем-то нравилась ему, но внушала [какое-то] опасение,— может быть, под видимой простотой ее скрыта хитрость (*ЧА*$_2$)

38 она все-таки [чем-то] нравилась (*БА*)

41 А Тихон ∾ не нравился ему / *а.* Тихон Вялов никогда не нравился, весь не нравился ему *б.* А Тихон Вялов весь не нравился Петру (*ЧА*$_2$)

Стр. 183.

1 это скуластое, пятнистое лицо / *а.* это пятнистое, обожженное лицо *б.* пятнистое, обожженное лицо (*ЧА*$_2$)

1–2 странные глаза / *а.* бесцветные, но зоркие глаза *б.* странные глаза (*ЧА*$_2$)

2 прилипшие к черепу уши / *а.* настороженные, прилипшие к черепу уши *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

3 эту ∾ бороду / эту бороду, туго растущую ($ЧА_2$)

3–4 походку Тихона / *а.* его походку *б.* походку Тихона ($ЧА_2$)

4–5 неуклюжее, коренастое тело / коренастое, неуклюжее тело ($ЧА_2$)

5–7 и как будто ∾ раздражала / *а.* и даже завидно было его спокойствие и аккуратность в работе *б.* и как будто завидно было его спокойствие, даже аккуратность в работе ($ЧА_2$)

7 Работал Тихон / *а.* Работал Тихон *б.* Работал Вялов ($ЧА_2$).

7–9 и почти никогда ∾ возбуждало досаду / *а.* и не давал ни в чем упрекнуть себя. Даже когда загорелся амбар и огонь начал бросаться на стену дома, дворник, сам себя выбрав в распорядители борьбы с огнем, покрикивал спокойно и буднично:

— Не суетись, ребята, не суетись!

Как будто пожар — обыкновенное дело, привычное ему. *б.* и почти [ни⟨когда⟩] не давал повода в чем-либо упрекнуть его, это [тоже бы⟨ло⟩] возбуждало досаду. Когда загорелся амбар ∾ покрикивал буднично [но видим⟨о⟩], — явно не чувствуя ни тревоги, ни жалости к погибавшему имуществу:

— Не суетись, ребята, не суетись!

Как будто пожар — обыкновенное дело, привычное ему. ($ЧА_2$)

10 с каждым годом глубже врастая / *а.* всё глубже вживается, врастает *б.* с каждым годом всё глубже врастает ($ЧА_2$); с каждым годом глубже врастает ◊ (*БА*)

11 чувствует себя / чувствуя себя ($ЧА_2$)

12 Странно, что дети / *а.* Было странно, что все дети *б.* Странно, что дети ($ЧА_2$)

13 как собаки и лошади / как собаки ($ЧА_2$)

14 и озлобленный этим, никого / [ни⟨кого⟩] и озлобленный пленом, никого ($ЧА_2$)

15 а старший сын / [а] старший сын ($ЧА_2$)

16–17 своенравный Илья ∾ отцу и матери / *а.* Илья, своенравный мальчик, постоянно вертелся около [Тихона] дворника, послушен ему больше, чем отцу *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

18–23 Чтоб убрать Вялова ∾ к Никите Ильичу схожу. / *а.* Уже несколько раз Петр предлагал место приемщика, заведующего складом товара и всегда получал однообразный упрямый ответ: — Для этого я — не годен. А коли я тебе глаза намозолил, так ты дай мне отпуск на месяц, на два, я к Ни-

ките Ильичу схожу *б*. Уже несколько раз Петр предлагал Вялову ∾ дай мне отпуск, я к Никите Ильичу схожу. [Бы⟨ло⟩] Подозрительно, отчего Тихон лишен человеческой (*$ЧА_2$*) [Раза два Петр предлагал Вялову, чтоб убрать его с глаз, другое место и получал упрямый ответ: — Не годен я для этого. А если я тебе глаза намозолил,— отпусти на месяц, я к Никите Ильичу схожу] [Петр предлагал ему, чтоб убрать Тихона с глаз, место церков⟨ного⟩ стар⟨осты⟩, караул в лесу, [приемщи⟨ка⟩] [но Тихон] Вялов отказывался: — Не гожусь я для этого. А если глаза намозолил тебе,— отпусти на месяц, я к Никите Ильичу схожу] Чтоб убрать Тихона (*черновой вариант БА на отдельном листе*)

18–19 Чтоб убрать Вялова с глаз, Артамонов [старший] предлагал ему место церковного сторожа [караульщика] (*БА*)

24–31 Именно так ∾ глаза внушают / *а*. Напоминание о брате, притаившемся где-то далеко за болотами, в бедном лесном монастыре, обезоруживало Артамонова и внушало тревожную мысль: кроме того, что знает этот человек о Никите, ему известно еще что-то, более важное, его мерцающие глаза как будто говорят *б*. Напоминание о брате, притаившемся где-то далеко за болотами, в бедном лесном монастыре, подавляло Артамонова, внушая ∾ как будто говорят (*$ЧА_2$*); Напоминание о брате ∾ подавляло Петра [напоминая, что Вялов вынул Никиту из петли, [и внушало] внушая [тревожную мысль] тревожное подозрение: кроме того, что Тихон рассказал о Никите, ему известно] внушая тревожное подозрение ∾ знает еще что-то постыдное; его мерцающие глаза как бы говорили (*черновой вариант БА на отдельном листе*)

29–30 как будто [сторожит] ждет новых несчастий (*БА*)

33–34 за спину себе котомку / на спину легкую котомку (*$ЧА_2$*; *черновой вариант БА на отдельном листе*)

34 не торопясь / не торопясь, вразвалку (*$ЧА_2$*; *черновой вариант БА на отдельном листе*)

34 не торопясь [вразвалку] (*БА*)

35–36 он идет ∾ как бы из милости / *а*. он ходит по земле из милости к ней *б*. он идет по земле из милости к ней, да и [делает из] все он делает будто из милости. Глядя вслед ему, Петр подозрительно думал: «Жадности в нем нет [Почему это?] и охоты нет ни к чему (*$ЧА_2$*); он ходит по земле из милости к ней, да и все он делает как бы из милости. Глядя вслед ему, Петр соображал: «Ни жадности, ни охоты нет у него ни к чему (*черновой вариант БА на отдельном листе*)

37 Тихон отвечал / *а.* он отвечал *б.* Тихон отвечал ($ЧА_2$)

38–39 туго, невразумительно ∾ знает / *а.* кратко и не очень вразумительно *б.* туго и невразумительно ($ЧА_2$, *БА* ◊).

40 Здоров / *а.* Ничего, здоров *б.* Здоров ($ЧА_2$)

40 *После*: В почете.— Садом, конечно, занимается. ($ЧА_2$)

40–41 За поклоны ∾ велел. / За поклоны ваши — благодарить велел. Письма — не прислал. ($ЧА_2$)

Стр. 184.

3–4 нетерпеливо допрашивал Алексей / *а.* кричал Алексей нетерпеливо *б.* нетерпеливо кричал Алексей ($ЧА_2$)

6 *После*: не вовремя идут.— *а.* А люди, говорит, плохо живут, неразумно. *б.* Люди ∾ неразумно. ($ЧА_2$)

6–7 комаров ∾ многовато / комара у них там много ($ЧА_2$)

7–9 Про вас ∾ жалеет. / *а.* Про вас спрашивал,— заботится о вас, жалеет. *б.* Про вас спрашивал.— О чем? — Заботится о вас, жалеет. ($ЧА_2$); Про вас, конечно, спрашивал. (*БА*)

10 Нас? за что? / За что? ($ЧА_2$).

12 за беспокойство ваше / [за беспокойства жизни] за беспокойство ваше ($ЧА_2$)

13–14 Алексей хохотал ∾ ерунда! / Але́ксей, смеясь, кричал: — Ерунду порешь... ($ЧА_2$).

16–17 как он думает ∾ Я — простой. / Что он думает, я — простой. ($ЧА_2$).

18–19 Да, прост ∾ дурака. / *а.* Да, ты прост! — насмешливо подтвердил Алексей, а Петр добавил сердито: — Вроде Антона-дурака. *б.* Да, прост,— насмешливо подтверждал Алексей.— Вроде Антона-дурака. ($ЧА_2$)

20 Петра Артамонова / Петра ($ЧА_2$)

21 стало светлее / тотчас стало светлее [Артамонов, взглянув в небо] ($ЧА_2$)

22 *После*: выглянуло солнце — и все вокруг потянулось к нему. ($ЧА_2$)

22-23 Петр взглянул ∾ думы свои. / *а.* Петр присел на срубленные сосны у дороги. *б.* Благодарно взглянув в небо, Петр Арт⟨амонов⟩ снял картуз, все глубже уходя в думы свои.($ЧА_2$)

23 ослеп и [снова] еще глубже погрузился (*БА*)

24 обидное / тревожное и обидное ($ЧА_2$)

27 *После*: в пользу братьев — и этим как бы заставил Петра жить на его счет. ($ЧА_2$)

28–29 Что это ∾ обрадовался / *а.* Когда Петр спросил Алексея: — Что это за подарки,— тот ответил *б.* Петр сердито [ска⟨зал⟩] заметил: — Что это за подарки! — но Алексей обрадовался ($ЧА_2$)

31 он хорошо решил / он хорошо [сделал] надумал (*ЧА*$_2$); он хорошо сделал ◊ (*БА*)

34–35 *Слов*: сгоняя пальцем ∾ щеки — *в ЧА*$_2$ *нет.*

36–37 в городе говорили / [тем бо⟨лее⟩] город говорил (*ЧА*$_2$)

37–38 зло, нелестно для Артамоновых / нелестно для Артамоновых (*ЧА*$_2$); зло, нелестно для [Пет⟨ра⟩] Артамоновых (*БА*)

Стр. 185.

1–2 шумно рассказывал сказки / *а.* рассказывал почти сказки *б.* рассказывал сказки (*ЧА*$_2$)

2–3 преуспевают ∾ промышленники / преуспевает столичное купечество (*ЧА*$_2$)

5 Барином жить / Барином быть (*ЧА*$_2$)

5 намекал Петр / заметил Петр (*ЧА*$_2$)

6 восхищался / шумно восхищался (*ЧА*$_2$)

7 это — собор / это же — собор (*ЧА*$_2$)

9 [Он сильно] Хотя он сильно (*ЧА*$_2$)

9–10 вернулась ∾ блестели весело / *а.* вернулась живость и дерзость юности и в глазах его снова явилась ястребиная зоркость *б.* вернулась ∾ снова блестела ястребиная зоркость (*ЧА*$_2$)

11–12 спрашивал ∾ учил / спрашивал он брата (*ЧА*$_2$)

12 надо шутя / надо весело (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

14–15 Петр замечал ∾ непонятен ему / Петр видел в нем все более непонятного, как, впрочем, и во всех людях (*ЧА*$_2$)

14 но [бра⟨т⟩] Алексей (*БА*)

16 напоминал он / напоминал Алексей (*ЧА*$_2$)

17–20 здоровья ∾ гнездо его / относился к себе небрежно, здоровья не берег, много пил вина и, часто простужаясь, кашлял (*ЧА*$_2$)

20 Дом Баймаковой ∾ требовал / Дом его давно уже требовал (*ЧА*$_2$)

21 но Алексей ∾ внимания / а он не обращал на это внимания. Что в его жизни главное? Как будто не сам он и не гнездо его (*ЧА*$_2$)

22 Дети рождались / Дети рождались у него (*ЧА*$_2$)

23 только Мирон / *а.* только одногодок Ильи, Мирон *б.* только [сверстник] одногодок Ильи, Мирон (*ЧА*$_2$)

23–24 неприятный ∾ три года / *а.* бойкий, костлявый мальчишка, который не боялся так же, как Илья, ни отца ни матери, [но не похоже на Илью весело любил отца и мать] *б.* бойкий, костлявый мальчишка, который так же, как Илья, не боялся ни отца, ни матери (*ЧА*$_2$)

24–25 И Алексей ∾ заразились / Алексей был скуп, [они плохо ели] но и [муж] он и жена его заразились ($ЧА_2$)

25–26 комнаты ∾ набиты / комнаты в их доме были набиты ($ЧА_2$)

28 украшенный фарфором / украшенный бронзой и фарфором ($ЧА_2$)

29 кожаное кресло / обитое кожей кресло ($ЧА_2$)

29–30 карельской ∾ кровать / *а.* великолепную кровать *б.* великолепную карельской березы кровать. [В Алексее и Ольге было что-то суетное. Иногда Петру казалось, [что брат скоро устанет — бросит и] что брат устает от суетного [жел⟨ания⟩] намерения жить не [как] так, как все живут, а под барина, [но]] ($ЧА_2$)

30 Ольга искусно / Ольга сама искусно ($ЧА_2$)

31 но муж / *а.* но Алексей *б.* но муж ($ЧА_2$)

31–32 по губернии / по деревням ($ЧА_2$); по губернии [дальним] (*БА*)

33 Чудишь ты / Чудишь ты, Алексей ($ЧА_2$)

33–34 получив ∾ стол / получив в подарок от брата огромный стол ($ЧА_2$)

35–36 хлопая по столу ладонью / похлопывая рукою по столу ($ЧА_2$)

37 Поет! / Эта вещь — поет! ($ЧА_2$)

39 у дворян / у помещиков ($ЧА_2$)

41 В Москве... / В Москве это понято... ($ЧА_2$)

Стр. 186.

1–2 полуумные люди / [какие-то] полуумные чудаки ($ЧА_2$)

2 не столько делами / *а.* не столько делом промышленности [как] *б.* не столько делом ($ЧА_2$)

3 стараются жить / увлечены стремлением жить ($ЧА_2$)

3–4 скупают у дворянства / они жадно скупают у дворян ($ЧА_2$)

4–5 *После*: до чайных чашек.— *а.* Врут тебе, Алексей, а ты веришь...— Не врут,— кричал брат и так горячился, точно говорил о серьезном, а Петр, глядя на него с завистью, думал: «Чашками торговать станет и чашек не перебьет». *б. Текст*: а Петр ∾ не перебьет» — *зачеркнут* ($ЧА_2$)

6–7 Сидя ∾ чувствовал / *а.* Всегда, сидя у брата, он с грустью чувствовал *б.* Всегда, сидя у брата, Петр с грустью и обидой чувствовал ($ЧА_2$)

8 было [уже] [тоже] так же непонятно ($ЧА_2$)

9–10 она казалась горничной / *а.* эта скромная женщина казалась горничной при барыне *б.* эта женщина казалась горничной при барыне ($ЧА_2$)

11 не верила / не верила Помялову ($ЧА_2$)

12 вытапливают студенты / вытапливается студентами ($ЧА_2$)

13 ее мягкий голос / мягкий голос Ольги ($ЧА_2$)

14–15 но о делах и людях ∾ ребячливо / но говорила она [обо всех делах] о делах и людях по-детски ($ЧА_2$)

15–16 удивляло и раздражало / и удивляло и раздражало ($ЧА_2$)

17–19 Что ж ∾ судить не люблю./ У тебя, Ольга, виноватых будто и нет на земле.— Виноватые — есть, да судить я не люблю, — ответила она. ($ЧА_2$).

20 Петр не верил ей. / Петр не поверил ей, как не верил почти всему, что она говорила. ($ЧА_2$)

21 С мужем она обращалась / *а.* [К мужу она относилась] С мужем она обращалась *б.* С мужем Ольга обращалась ($ЧА_2$)

21 была старше [его] (*БА*)

23 лишь изредка / лишь иногда ($ЧА_2$)

25 тетя, надоело / тетя, надоела ($ЧА_2$)

27–28 Достаточно ∾ улыбалась мужу / Достаточно избалован, — и она улыбалась ему ($ЧА_2$)

29–30 Наталья — образцовая жена / Он знал, что Наталья — образцовая жена ($ЧА_2$)

30 искусная хозяйка / она создала себе в городе славу искуснейшей хозяйки ($ЧА_2$)

30–33 она превосходно солила ∾ часов / у нее учились варить варенья, солить огурцы, мариновать грибы ($ЧА_2$)

33 Наталья ∾ мужа / она неутомимо любила его ($ЧА_2$)

34 *После*: как сливки.— Она неплохо разбиралась в делах фабрики, прислуга в доме двигалась с точностью колесиков в механизме часов. ($ЧА_2$)

36 тревожилась / советовала ($ЧА_2$)

36–37 хорош ∾ лопнул бы / хорош ли банк-то ($ЧА_2$)

40 что-то масленое / *а.* что-то масленое *б.* масленое ($ЧА_2$)

41 разноцветные / пестренькие ($ЧА_2$)

41 она трогала их / она прикасалась к ним ($ЧА_2$)

Стр. 187.

1 точно боялась / точно ждала ($ЧА_2$)

2 *После*: как мухи. — Жадно считаешь,— заметил ей муж. — А как же?.. А дети-то? — спросила она, помусливая пальцы, не взглянув на него. ($ЧА_2$)

3–4 спрашивала ∾ насытив Петра ласками / допытывалась она ($ЧА_2$)

5 Он — ловкий ∾ жадные. / Они с женой ловкие. Вот уж они — жадные! ($ЧА_2$)

7–8 окруженной жуликами и говорила / *а.* окруженной жуликами и, не скрывая этого, говорила *б.* окруженной жуликами ($ЧА_2$)

9 не верю / *а.* не верю *б.* не верю никому ($ЧА_2$)

10–12 Значит ∾ да совестлив. / Петр боялся, что она поссорит его с братом. (*ЧА*$_2$)

13 Когда Петр / Когда он (*ЧА*$_2$)

16 Каково, а? / *а.* Каково? Хорошо ли? *б.* Каково? (*ЧА*$_2$)

21–22 сахару мешок да рафинаду / сахару мешок (*ЧА*$_2$)

23 выходили артисты / выходили артисты и бормотала (*ЧА*$_2$)

24 ах, голяшки / ах, несуразные (*ЧА*$_2$)

25 *После*: для ребенка-то? — Фокусник и чревовещатель так напугал ее, что она [заболела], заболев чем-то вроде холеры, попросила мужа (*ЧА*$_2$)

25–26 Не водил бы ∾ на страхи эти / Не води ты меня на страхи эти, подумай (*ЧА*$_2$)

28–29 чувствовал ∾ и густая / чувствовал себя утопающим в скуке, зеленоватой и густой (*ЧА*$_2$)

33 в кровать / в постель (*ЧА*$_2$)

33–34 усердно вызывала ∾ телом / деловито вызывала мужа к исполнению его обязанностей (*ЧА*$_2$)

34–35 От кожи ∾ чуланом / От ее кожи пахло кухней и чуланом (*ЧА*$_2$)

36 копченой рыбы, окорока / копченой рыбы (*ЧА*$_2$)

36–37 Петр ∾ чувствовал / Ему иногда казалось (*ЧА*$_2$)

38–39 ласки ее ∾ говорил он / и ласки ее опустошают его; все чаще он говорил ей: — Отстань, устал я (*ЧА*$_2$)

40 покорно отзывалась жена / милостиво разрешала она (*ЧА*$_2$)

Стр. 188.

2 очень хорошее / очень приятное (*ЧА*$_2$)

3–4 Петр ∾ ощущал / *а.* [муж] Петр особенно ясно, почти со страхом чувствовал *б.* Петр особенно ясно и [почти] с унынием чувствовал (*ЧА*$_2$)

4 Наталья нежеланна / *а.* жена неприятна *б.* Наталья нежеланна (*ЧА*$_2$)

4–5 заставлял [ее] себя (*ЧА*$_2$)

5 в жуткий день / в жуткие часы (*ЧА*$_2$)

6 девятнадцатый час / семнадцатый час (*ЧА*$_2$)

7–8 когда теща ∾ в комнату / когда его позвали к ней в комнату (*ЧА*$_2$); когда теща, испуганная и оплаканная, привела его в комнату ◊ (*БА*)

8–9 особенной духоты. Извиваясь / особенной духотою, где, извиваясь (*ЧА*$_2$)

10–11 и непохожая ∾ воем / она встретила его глухим, звериным рычанием (*ЧА*$_2$)

12 Петя, прощай / Петр, прощай (*ЧА*$_2$)

12–13 Петр, прости... / *а.* Петя, прощай... *б.* Петя, прощай, родимый... ($ЧА_2$)

14 Губы ее / Ее губы ($ЧА_2$)

15 и слова шли / рот неестественно растянулся, и слова шли ($ЧА_2$)

17 лицо тоже вздулось / лицо тоже [бы⟨ло⟩] надувалось ($ЧА_2$)

17 она дышала / она дышала часто ($ЧА_2$)

18–19 изжеванный язык / искусанный язык ($ЧА_2$)

20 выла, убеждая / точно убеждая ($ЧА_2$)

21 не хотел или не мог / не мог или не хотел ($ЧА_2$)

22 М-мальчика... / [М-мальчик... сын, знаю...] М-мальчик... мальчика... ($ЧА_2$)

24–25 Петр увидел ∾ крикнул / Не в силах смотреть на искаженное лицо жены, на корчи ее тела, Петр отвернулся к окну, увидал прыжки теней, услыхал их шорох и отскочил, крикнув ($ЧА_2$)

27–29 И в страхе ∾ И- и- у- у... / Он убежал из комнаты в тоске и страхе, сопровождаемый [ревом] воплем жены: [— Умираю... у — у — у...] — У — у — у... ($ЧА_2$)

31–32 Наталья встретила / она встретила ($ЧА_2$)

34 Мальчик. Сын. / *а.* Сын. [Вот...] Я говорила. *б.* Сын. ($ЧА_2$)

35 Он наклонился / Он наклонился к ней ($ЧА_2$)

35–36 к плечу ее, забормотал / к плечу ее ($ЧА_2$)

37–38 так и знай! Ну, спасибо... / так и знай! ($ЧА_2$)

40 она, закрыв глаза / а она, закрыв глаза ($ЧА_2$)

41 тяжелой, обессиленной / легкой, бесплотной ($ЧА_2$)

Стр. 189.

3–4 Но Петр ∾ лицом жены / Но ребенка Петр не видел, все пред ним заслоняло [истаявшее] мертвое лицо жены ($ЧА_2$)

7–8 громко ∾ акушерка / сказала рябая женщина ($ЧА_2$)

10–11 мальчик был высок / он был высок ($ЧА_2$)

11–12 на большелобом ∾ серьезно светились / на курносом лице его неласково светились ($ЧА_2$)

14–15 но уже ∾ лобастый Илья / но с пяти лет Илья ($ЧА_2$)

15 *После*: человеком в доме.— Лобастый, важно надув щеки и выпячивая живот, он ходил по двору, по корпусам фабрики, подражая походке отца.— Ты кто? — Фаблпкант. ($ЧА_2$)

18 *После*: опасные положения.— *зачеркнуто*: Пяти лет, усмотрев на берегу Ватаракши забытое кем-то корыто, он спустил его в воду и, пытаясь сесть в него, погряз в тине, едва не захлебнувшись, потом залез на крышу бани и завяз в трубе, желая спуститься по ней во внутренность бани, он вообще проявлял страсть к исследованиям. ($ЧА_2$)

18–19 Его шалости ∾ принимали / Шалости его почти всегда носили ($ЧА_2$)

21 Петр ∾ в сарае / он застал сына в сарае [сре⟨ди⟩] ($ЧА_2$)

21 мальчик пытался / мальчик, сидя среди разного хлама, пытался ($ЧА_2$)

22 колесо тачки / переднее колесо дрожек ($ЧА_2$)

26 У меня ∾ сказал сын / У нас — поедет! — заявил сын ($ЧА_2$); У меня — поедет! — заявил сын. ◊ (*БА*)

27 Петр не мог / Петр долго не мог ($ЧА_2$)

28 но убеждая, думал / и, споря с ним, подумал ($ЧА_2$)

29 *После*: «Дедушкин характер».— Это еще более усилило его [интерес] внимание к Илье. Вопреки непрерывным жалобам матери, он не находил, что сын его озорник, но видел, что Илья упрям в достижении своих целей. ($ЧА_2$)

30–31 Илья был ∾ но все-таки ему / Когда ему ($ЧА_2$)

31–32 устроить пароход ∾ колес тачки / построить из корыта и колеса дрожек хороший пароход ($ЧА_2$)

32–36 Тогда он нарисовал ∾ а то утону... / он все-таки стащил корыто к реке, нарисовал углем на дне его подобие колеса, сел, поплыл, тотчас опрокинулся в тину и закричал бабам, проходившим по берегу:

— Бабы, вытащите меня, а то я утону. ($ЧА_2$)

37 изрубить корыто ∾ нашлепала / изрубить корыто ($ЧА_2$)

38 с этого дня он / и после этого Илья ($ЧА_2$)

38–39 такими же невидящими глазами / таким же невидящим взглядом ($ЧА_2$)

39 сестренку Таню / сестренку свою Таню ($ЧА_2$)

Стр. 189—190.

40–1 Он был ∾ Строитель». / *а. Текста нет. б.* Он был вообще деловой человек: все что-то строгал, строил, налаживал, и, видя это, отец удовлетворенно думал: «Толк будет». ($ЧА_2$); Он был вообще — *Далее как в тексте* (*БА*)

2 Иногда [он] Илья ($ЧА_2$)

3 являясь в контору / являясь к нему в контору ($ЧА_2$)

4 Расскажи чего-нибудь / Ну-ка, расскажи чего-нибудь ($ЧА_2$)

7 отодвигал в сторону бумаги / отодвигал в сторону счета и начинал ($ЧА_2$)

9 Про мужиков я / Не надо, про мужиков я ($ЧА_2$)

9 смешное расскажи / скажи смешное ($ЧА_2$)

10 отец не знал / Петр не знал ($ЧА_2$)

15 Артамонов смеялся; сын был / отец смеялся; Илья был ($ЧА_2$)

16 у него хороший, легкий смех / у него смех ($ЧА_2$)

17 Тогда я пойду / Тогда пойду ($ЧА_2$)

17 заявлял Илья / говорил мальчик (*ЧА*$_2$)

18 соскочить с колен отца, но тот / слезть с колен, но отец, нахмурясь (*ЧА*$_2$)

20 А что Тихон / А что тебе Тихон (*ЧА*$_2$)

22 Что, однако? / Ну, однако, что? (*ЧА*$_2$)

23–24 Он все знает ∾ лодки... / Все. (*ЧА*$_2$)

26–28 мать, колотя ∾ уродишкой будешь, горбатым / мать нашлепала его, крича: Уродишкой будешь, слепым, горбатым (*ЧА*$_2$)

29 Багровый от обиды, сын / Илья, багрово покраснев (*ЧА*$_2$)

32–33 он усмехнулся ∾ не бей его / Петр усмехнулся и, подумав, ответил: — Ты его не бей (*ЧА*$_2$); он усмехнулся, подумал: — Ты не бей его (*БА*)

34–36 Сын пришел ∾ Петр спросил / Но когда сын встал пред ним, он не почувствовал ничего, кроме любопытства и волнующей нежности к [обиженному] ребенку (*ЧА*$_2$)

38 ответил сын / ответил Илья (*ЧА*$_2$)

40 Так она — дерется / Она дерется (*ЧА*$_2$)

Стр. 191.

1 *Слов*: Тихон? Тихон сам... — *в ЧА*$_2$ *нет.*

2–3 *Текста*: Но Петр ∾ назвать дворника дураком — *в ЧА*$_2$ *нет.*

2 назвать [сыну] дворника (*БА*)

3–4 он шагал ∾ что сказать? / Петр шагал по комнате, искоса присматриваясь к сыну, мальчик стоял у косяка, спрятав руки за спиною, и следил за отцом (*ЧА*$_2$)

5 Ты вот ∾ бьешь / Вот тоже — брата, Якова, побил ты (*ЧА*$_2$)

7 Что же ∾ бить? / [Погоди] Если толстый, так что же: надо бить? (*ЧА*$_2$)

16 Говоря мальчику / Говоря сыну (*ЧА*$_2$)

17 когда он сам / когда сам (*ЧА*$_2$)

18 эти же слова / такие же слова (*ЧА*$_2$)

19 и они ∾ в памяти / он по себе знал, что [они не доходят ни до сердца, ни до памяти] слова эти не доходят до сердца и даже не остаются в памяти (*ЧА*$_2$)

20 ненадолго страх / иногда, ненадолго, страх пред отцом (*ЧА*$_2$)

20 А [наказание] побои (*БА*)

20–21 А побои ∾ забыть / А наказание, даже и [спр⟨аведливое⟩] заслуженное, [отчуждает от отца] трудно забыть (*ЧА*$_2$)

21 Петр Артамонов ∾ знал / Петр тоже знал [и этого он боялся] (*ЧА*$_2$)

22 Второй сын / Другой сын (*ЧА*$_2$) (*БА* ◊)

23 Он много и даже / [ка⟨к⟩] [и странно] и много, даже (*ЧА*$_2$)

24–25 а перед тем ∾ пыхтел / Перед тем, как пролить слезы, он пыхтел (*ЧА*$_2$)

26–28 Он был ∾ мне скушно! / Он был действительно жаден, завистлив и боялся отца (*ЧА*$_2$)

29–30 Дочь Елена ∾ чужая барышня. / В гимназии губернского города училась дочь Елена, почти уже невеста, но все еще какая-то неясная Петру. [1] (*ЧА*$_2$); / [В гимназии губернского города училась] Дочь Елена — *Далее как в тексте* (*БА*)

31 Илья ∾ у попа Глеба / Илья с братом начал учиться у попа Глеба церковнославянской грамоте, на этом настояла мать (*ЧА*$_2$)

32–34 но узнав ∾ сказал отцу / Но когда Илья узнал, что пасынок конторщика Никонова учится по книжке «Родное слово», он заявил отцу (*ЧА*$_2$)

35 Я не стану учиться / Больше учиться не стану (*ЧА*$_2$)

37 он объяснил / он объяснил свой каприз (*ЧА*$_2$)

38 Паша Никонов учится по родному / *а.* Конторщиков [мальчик] Павел учится по-русски *б.* Конторщиков Пашка учится по-русски (*ЧА*$_2$).

Стр. 191—192.

40–2 Но иногда ∾ реки Ватаракши / Характер у него был [спокойный] неровный, мальчик то с утра до поздней ночи пропадал в фабричном поселке, играя там с детями, что очень огорчало мать, то вдруг, [как будто] как бы запнувшись за что-то, часами сидел на холме под сосною, швыряя шишки в зеленую воду Ватаракши (*ЧА*$_2$)

Стр. 192.

1 бросая ∾ в мутно-зеленую воду / бросая [ши⟨шки⟩] сухие шишки в зеленую воду (*БА*)

3 «Скучает», — догадывался отец. / Нездоровится? — спрашивал отец.— Скушно. (*ЧА*$_2$)

3–7 Он тоже ∾ ослепляет его / Петра вполне удовлетворял этот ответ, он тоже недели и месяцы метался оглушенный шумом дела, ослепленный заботами о нем и вдруг попадал в густой туман неясных дум, запутывался в какой-то скуке. И не мог понять,— [когда он слеп] что больше ослепляет его (*ЧА*$_2$)

8–9 Часто в такие дни / Иногда в такие дни (*ЧА*$_2$)

9–10 начинал ненавидеть / вдруг начинал ненавидеть (*ЧА*$_2$)

11 в этот серенький день / в этот день (*ЧА*$_2$)

13–14 ведя ∾ рассказывая / ведя под руку тещу и не видя хозяина, сидевшего на бревнах, прикрытого кустом можжевельника (*ЧА*$_2$)

15 большая семья / большая семья, мы барки строили (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Текст*: Другой сын ∾ неясная Петру.— *отчеркнут красным карандашом с пометой*: «Дальше»

17–20 подходя к Баймаковой ∾ ответил / вставая, и сам [взяв] взял тещу под локоть; взглянув на него бесцветными глазами, дворник ответил ($ЧА_2$)

21 нет их никого / нет никого ($ЧА_2$)

21 *После*: всех извели.— «Как это я раньше не [спросил его] узнал, откуда он?» — подумал Артамонов и строго спросил ($ЧА_2$)

22 Что значит — извели? / Как это — извели? ◊ ($ЧА_2$)

25 отец ∾ бунту / отец у нас тоже бунту причастный ($ЧА_2$)

26–27 силком заставляли есть / *а.* заставляли силком есть *б.* заставляли есть ($ЧА_2$)

28 провалился под лед / провалился на Волге под лед ($ЧА_2$)

29 тоже Вялова, рыбака / от Ивана Вялова, рыбака ($ЧА_2$)

31–32 мигая ∾ глазами / мигая на солнце опухшими от слез глазами ($ЧА_2$)

33 Его убили / Убили ($ЧА_2$)

34–35 Рассказываешь ∾ сказал Артамонов / Зачем ты это рассказываешь? — сердито, но тихо спросил Петр,— Вялов указал ему глазами на тещу ($ЧА_2$)

36–37 Это Ульяне Ивановне ∾ вот я и... / Ульяне Ивановне любопытно послушать. Приуныла она маленько, ну вот я... ($ЧА_2$)

38–39 *Фразы*: Не кончив слов ∾ в сторону.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

39–40 Минуты ∾ молча / Пошли молча, день становился все светлее, веселей ($ЧА_2$)

41 спросил Артамонов / спросил Петр ($ЧА_2$)

Стр. 193.

1–2 Кто убивает ∾ сказал Тихон / Кто убивает? — переспросил Вялов и объяснил: — Человек убивает. ($ЧА_2$); Кто убивает? [— тоже] Человек убивает,— спокойно сказал Тихон (*БА*)

2 а Баймакова, вздохнув / Баймакова, вздохнув ($ЧА_2$)

3 Молния тоже / Молонья тоже ($ЧА_2$)

4 В середине ∾ дни / Лето было суровое к людям ($ЧА_2$)

4–5 над землей / неделями над землей ($ЧА_2$)

7–8 Вдруг буйно ∾ и посвистывал / Вдруг в тишину буйно врывался ветер, люто свистел, шипел ($ЧА_2$)

9 прошлогоднюю / и прошлогоднюю ($ЧА_2$)

11 перьями кур / и перьями куриц ($ЧА_2$); перьями куриц (*БА*)

14–15 Артамонов слышал ∾ челноков / *а.* [когда] Петр Артамонов [он] сквозь непрерывное жужжание веретен и шорох челноков слышал со всех сторон *б.* Петр Артамонов слышал сквозь непрерывное жужжание веретен и шорох челноков ($ЧА_2$)

21 Серафим, старичок / Серафим, сухой старичок ($ЧА_2$)

24 которые отработали / отработавших ($ЧА_2$)

26 повеселить надо / повеселить (ЧА$_2$)

27–28 посоветовал / посоветовал брату (ЧА$_2$)

29–30 *Фразы*: Ты — верь ∾ спасенье! — *в ЧА$_2$ нет.*

31–32 Получше сделай, побильнее / *а.* Получше, пообильнее сделай *б.* Получше, пообильнее (ЧА$_2$)

33 Наталья ∾ спросил / Она заворчала, муж, взглянув в глаза ей, спросил (ЧА$_2$)

36–37 жена ответила: — Слышу. / она сказала, вздохнув: — Ладно. (ЧА$_2$)

38 молебном / торжественным молебном о здравии (ЧА$_2$)

Стр. 194.

1–2 *Слов*: благочестиво одеревенели — *в ЧА$_2$ нет.*

2–6 А когда поп ∾ кроткий поп / *а.* когда поп поднимал в пустоту дымного неба печальное лицо свое и растерянные глаза [за] и люди ожидающе смотрели на лысое, тусклое солнце [и люди], даже мальчишки поглядывали в небо со страхом и многим, должно быть, думалось, что тихий поп *б.* когда поп поднимал в дымное небо растерянные глаза и люди ожидающе смотрели на лысое, тусклое солнце, даже мальчишки поглядывали в дым со страхом и многим, должно быть, думалось, что тихий поп (ЧА$_2$)

3–4 люди, вслед за ним / и люди, вслед за ним (*БА*)

5 думая, должно быть / умильно думая, должно быть ◊ (*БА*)

6 слушает его / слушает его просьбы ◊ (*БА*)

8–9 к деревянным чашкам / к большим деревянным чашкам (ЧА$_2$)

12–13 упавших духом / унылый дух (ЧА$_2$); [уны⟨лый⟩] упавших духом (*БА*)

13 Тишина, горячей шапкой / *а.* и надоевшая, подавляющая тишина, раскаленной шапкой *б.* Подавляющая тишина, раскаленной шапкой (ЧА$_2$)

14 [разда⟨лась⟩] всколебалась, отодвинулась (ЧА$_2$)

15 [загу⟨дел⟩] поселок загудел (ЧА$_2$)

16 *После*: ложек — о края [ст⟨олов⟩] чашек и столов (ЧА$_2$)

17 говором молодежи / солидным говором ткачей (ЧА$_2$)

19–20 вокруг ∾ Серафима / вокруг плотника Серафима, чистенького и аккуратного (ЧА$_2$)

22 стали голубыми / стали уже голубыми (ЧА$_2$)

23 с острым носом / с птичьим носом, загнувшимся в беззубый рот (ЧА$_2$)

23–24 блестели, подмигивая / светились, подмигивая (ЧА$_2$)

26 что-то небесно-радостное / нечто небесно-радостное (ЧА$_2$)

26 легкий трепет / хмельной, легкий трепет (ЧА$_2$)

27 гусли на ∾ колена / *а.* на острые колена свои гусли *б.* гусли на острые колена свои ($ЧА_2$)

27–28 перебирая струны / и перебирая струны ($ЧА_2$)

29 он запел ∾ нищих / он выпевал напевом слепцов ($ЧА_2$)

30 и гнусаво, в нос / тоненьким голоском ($ЧА_2$)

33–35 И, подмигнув девицам ∾ глазами / И, подмигнув дочери своей, шпульнице Зинаидке, грудастой, крепкой, бесстыдно живущей девице, с красивым, дерзким лицом ($ЧА_2$)

35 он завел ∾ и уныло / *а.* он [передохнув] передохнул, завел еще более уныло *б.* он завел еще более уныло ($ЧА_2$)

35 еще более высоко и [за⟨унывно⟩] уныло (*БА*)

36 Да вот сидит Христос / А сидит Христос ($ЧА_2$)

38 Под высокой / Под большою ($ЧА_2$)

Стр. 195.

2 Раздает драгоценное каменье / Раздал самоцветное каменье ($ЧА_2$)

8–12 подмигнул девкам ∾ струнный звон. / подмигнул дочери, визгливо крикнул: — Плыви-и! — и, бойко ударив по струнам, перевел голосишко [свой] на плясовой [мотив] распев, а дочь, повторив его визг, по-цыгански закинула руки за голову и клокочущим, каким-то очень странным голосом закричала. ($ЧА_2$)

18 Все бельмами / Бельмами ($ЧА_2$)

19–20 Звон гусель ∾ свист парней / Звенели гусли, свистели парни, Зинаида пела, широко раздувая ноздри, встряхивая грудями,— рыжий парень затопал [ногами], закружился...

Илья Артамонов сидел на штабеле теса рядом с Павлом Никоновым, худеньким мальчиком с беспокойными глазами на сером, нездоровом лице. Илья был поражен: всё было так [необы⟨чно⟩] хорошо, играли гусли, качался в воздухе голос Серафима, вышивая песню; все стояли неподвижно и тихо, *Далее*: *а.* точно связанные словами песни, он думал, что это надолго, но вдруг вспыхнула, завертелась эта баба, одетая в кумач, и все люди, точно их за ниточки дернули, покачнулись, зашевелились, лица у них стали другими, свист, подхлестывая плясунов, заставил их вертеться все быстрее,— чуткой душою ребенка Илья уловил в этой неистовой пляске, в шуме, [смех⟨е⟩] хохоте и свисте [злую] темную ярость. — Ух, как они пляшут,— сказал он товарищу, [пожи⟨маясь⟩] мигая и пожимаясь *б.* но вдруг вспыхнула, завертелась баба в кумаче, и все люди ∾ Илья слышал в этой неистовой пляске, хохоте и свисте пугающую темную ярость.— Ух,

как ∾ сказал он товарищу, пожимаясь (ЧА$_2$) (*Ср. с текстом на стр. 195—196, строки 28—1*)

20 потом запели ∾ и бабы / Бабы пели, хлопая ладонями (ЧА$_2$)

23 А Зинаида ∾ пронзительно / это было приятно слушать, но красная Зинаидка подхватывала, осмеивая песню (ЧА$_2$)

Стр. 195—196.

28—1 *Текст*: Илья Артамонов сидел ∾ крикливую песню — *в* ЧА$_2$ *написан раньше, см. вариант к стр. 195, строкам 19—20.*

Стр. 195.

30-31 старенькая, [вытер‹тая› и] лысоватая голова (*БА*)

Стр. 196.

2 вполголоса сказал / сказал (ЧА$_2$)

3 Зинаидка — распутная / Зинаидка (ЧА$_2$)

6 Ну, знаешь! / Ну, сам знаешь! ◊ (ЧА$_2$)

7 опустил глаза / молча опустил глаза ◊ (ЧА$_2$)

7 зачем тискают девиц / *а.* зачем парни и холостые мужики мнут и тискают девиц *б.* зачем парни мнут и тискают девиц (ЧА$_2$)

8 и ему было / ему было (ЧА$_2$)

8 *После*: об этом товарища — [а отец брезгливо удивил его] (ЧА$_2$)

9 и не слушая / не слушая (ЧА$_2$)

10 Этот мальчик [не нравился ему], забитый (ЧА$_2$)

11 и однообразием / однообразием (ЧА$_2$)

12 рассказов о фабричных девицах / рассказов о фабричных девчонках (ЧА$_2$)

12—13 Никонов понимал ∾ любил голубей / Никонов [держа‹л›] понимал толк в охотничьих голубях, а Илья [ценил у‹довольствие›] любил голубей (*БА*)

12—15 но Никонов понимал ∾ ребятишек / но Илья ценил удовольствие защищать его от ребятишек фабрики и жалел: вотчим не любил Павла, а мать, боясь мужа, подавала любовь сыну как тайную милостину нищему (ЧА$_2$)

15—16 умел хорошо рассказывать / хорошо рассказывал (ЧА$_2$)

18 жалуясь / ябедничая (ЧА$_2$)

19 пошел домой / ушел домой (ЧА$_2$)

20—21 Там, в саду ∾ серых от пыли. / Там пили чай в саду, в жаркой тени деревьев, посеревших от пыли (ЧА$_2$); Там [пи‹ли›], в саду, пили чай [в жар‹кой›] под жаркой тенью деревьев, серых от пыли (*БА*)

21 За большим столом / За столом (ЧА$_2$)

21—22 тихий поп ∾ и курчавый / поп Глеб, шумный механик Коптев, черный, бритый и курчавый (ЧА$_2$)

23 чисто вымытый / и чисто вымытый (*ЧА*$_2$)

23–24 лицо у него ∾ понять / лицо у него [было] совершенно смытое, так что нельзя было понять (*ЧА*$_2$); лицо у него [совершенно смытое так] до того смытое, [так] что трудно понять (*БА*)

26 расползалась улыбка / расползалась сладкая улыбка (*ЧА*$_2$)

28–29 этот невеселый человек / *а.* этот [тяжелый] невеселый и робкий человек *б.* этот невеселый человек (*ЧА*$_2$)

29 шпульницей / девицей [когда у него есть такая красивая [и важ⟨ная⟩] жена] (*ЧА*$_2$)

29–30 *Фразы*: Отец ∾ тяжелой рукою. — *В ЧА*$_2$ *нет.*

30–31 разморены зноем / разморены жарою (*ЧА*$_2$)

31 говорили нехотя / говорили вяло (*ЧА*$_2$)

32 звонкий голос / грубоватый голос (*ЧА*$_2$)

34 В поселок-то ∾ мать / В поселок надо сходить,— предложила мать (*ЧА*$_2$)

35–36 Да; пойду ∾ и пошел / Отец согласился.— Надо,— встал и пошел (*ЧА*$_2$)

36–37 спустя минуту ∾ на крыльце / *а.* Илья, допив чашку чая, [до⟨гнал⟩] побежал за ним и, настигнув на крыльце, дотронулся до локтя *б.* Илья побежал за ним и догнал на крыльце (*ЧА*$_2$)

38–39 Ты что ∾ глядя в глаза его / Что, брат? — спросил Петр, положив на голову его тяжелую руку, мальчик вывернулся из-под руки [и спросил], взглянул в глаза его (*ЧА*$_2$)

41 Илье показалось / Ему показалось (*ЧА*$_2$)

41 это не удивило / но это не удивило (*ЧА*$_2$)

Стр. 197.

1–2 всех боится / боится всех, кроме жены (*ЧА*$_2$)

2 Он нередко / Илья часто ◊ (*ЧА*$_2$)

5 я только / *а.* а только *б.* я только (*ЧА*$_2$)

5 *После*: спрашиваю.— Отец смотрел на него молча, круглыми глазами барана [и], это было почти смешно (*ЧА*$_2$)

6 Отец толкнул его / Потом он толкнул Илью (*ЧА*$_2$)

8 стал, посапывая, шагать / стал шагать (*ЧА*$_2$)

8–9 так шагал ∾ сердился / значит — сердится. *Далее*: *а.* Илья [как всегда] остановился у косяка *б. Слова зачеркнуты* (*ЧА*$_2$)

10 сказал Артамонов старший / позвал отец (*ЧА*$_2$)

11 *Слов*: младший Артамонов подошел — *в ЧА*$_2$ *нет.*

12 Ты что сказал? / Что ты сказал? (*ЧА*$_2$)

13 Это Павлушка ∾ не верю / Я ведь не верю, это Павлушка говорит... (*ЧА*$_2$)

14 Не веришь? Так. / Так,— молвил Петр Артамонов,— так! (*ЧА*$_2$); Так. Не веришь? Так. (*БА*)

15 Петр ∾ гнев / Он тяжело выдул из себя гнев и удивление, думая: «Если б я эдакое сказал отцу...» ($ЧА_2$)

15–18 лобастую голову ∾ хорошо это или плохо / побледневшее лобастое лицо сына, его неласковые глаза, он дергал себя за ухо и соображал: «Не верит. Так». Он не понимал,— хорошо или дурно ($ЧА_2$)

19–20 не верит ∾ этим неверием / как бы утешает его своим неверием глупой болтовне такого же мальчишки, как сам он ($ЧА_2$)

20 что и как надо сказать / как и что надо сказать ($ЧА_2$)

21 бить Илью / бить его ($ЧА_2$)

22 и он решил, что / и он подумал, что всё-таки ($ЧА_2$)

23 бить / *а.* побить *б.* бить ($ЧА_2$)

23–24 не очень послушную руку / непослушную руку ($ЧА_2$)

24–25 в жестковатые вихры сына / в волоса Ильи ($ЧА_2$)

25 начал бормотать / забормотал ($ЧА_2$)

27 И, оттолкнув / И, оттолкнув его ($ЧА_2$)

31 утешал себя / соображал ($ЧА_2$)

34 Ишь ты! Не верю! / Ишь ты, дрянь,— не верю! ($ЧА_2$)

35 Но это не заглушало / Но этим он не мог заглушить ($ЧА_2$)

36 недовольства собою / тупого недовольства собою ($ЧА_2$)

37–38 неприязненно ∾ руку / разглядывая свою волосатую, красную руку ($ЧА_2$)

39 наверно, сто раз / может быть, сто раз ($ЧА_2$)

40 Взглянув [на солн⟨це⟩] в окно на солнце (*БА*)

40–41 Взглянув в окно ∾ в мутной воде / Взглянув на солнце, подобное раскаленной сковороде ($ЧА_2$)

Стр. 197—198.

41–2 послушав зовущий шум ∾ сказал Никонову / он решил идти в поселок. Дорогой он тихонько сказал конторщику ($ЧА_2$)

Стр. 198.

1–2 пошел [на] смотреть гулянье (*БА*)

3 Пасынок твой / Сын твой ($ЧА_2$)

3 *После*: глупости внушает — так ты ему придержи язык ($ЧА_2$)

4–5 *Слов*: и даже как будто с удовольствием — в $ЧА_2$ *нет.*

5 предложил конторщик / предложил Никонов ($ЧА_2$)

6–8 Ты ему придержи ∾ «Вот как просто»— / Петр взглянул на него и, помолчав, сказал:— Это — твое дело; он тебе не родной... ($ЧА_2$)

7 облегченно думая / облегченно подумал (*БА*)

9 шумно и благодушно / благодушно ($ЧА_2$)

9–10 [на ли⟨цах⟩] сияли полупьяные улыбки (*БА*)

9–10 сияли ∾ кричала лесть / благодушие сияло на всех лицах

полупьяными улыбками, изливалась в льстивых похвалах ($ЧА_2$)

11 в новых лаптях / в белых лаптях ◊ ($ЧА_2$)

13 пред Артамоновым и пел осанну / пред хозяином и пел ему славу ($ЧА_2$); пред Артамоновым и пел ему осанну ◊ (*БА*)

18–19 Седобородый, длинноволосый ∾ басом говорил / Седобородый Иван Морозов твердил басом ($ЧА_2$)

21–22 Другой старик ∾ барская / Артамоновы ведут себя с народом барами,— кричал кто-то, ему отвечали:— Верно! У них забота о людях барская ($ЧА_2$)

23 А Никонов говорил / Никонов, восхищаясь, говорил ($ЧА_2$); А Никонов [вос⟨хищаясь⟩] говорил (*БА*)

24 Благодарный народ / Проникновенный народ ($ЧА_2$)

26–30 Мама, меня толкают ∾ как старичок пляшет. ./ А Яков ныл: — Мама, мне на ногу наступили... ($ЧА_2$)

31–36 *Текста*: Голубой плотник ∾ девки — слаще! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

37 Артамонов / Петр ($ЧА_2$)

37–38 похвалы ему ∾ этих похвал / эти похвалы, он имел основания не верить в их искренность ($ЧА_2$)

39 они его размягчали / похвала размягчала его ($ЧА_2$)

39 он говорил / он бормотал ($ЧА_2$)

Стр. 199.

3 «Жаль ∾ чествуют отца» / «Жаль, Илья не видит, как отца-то чествуют...» ($ЧА_2$); «Жаль, не видит Илья, как отца чествуют» ◊ (*БА*)

4–6 У него явилась ∾ он сказал / Чувствуя себя виноватым в чем-то, он вдруг сказал ($ЧА_2$)

7 [Осенью] Детскую больницу (*БА*)

7 вдвое расширить / расширить ($ЧА_2$)

8 Широко размахнув руками, Серафим / Серафим, широко размахнув руками ($ЧА_2$)

10 Слышали? / Слышите? ($ЧА_2$)

10 *После*: ура, хозяину! — Больницу строит нам, эх-ма-а! ($ЧА_2$)

11 люди рявкнули ура / грянуло ура ($ЧА_2$)

12 окруженная бабами, Наталья / Наталья, почтительно окруженная бабами ($ЧА_2$)

13 нараспев / и нараспев ($ЧА_2$)

14–15 бочонка три ∾ подите! / бочонка два, три пива-то. Там, Тихон даст... ($ЧА_2$)

16–19 а Никонов ∾ мычал Яков / Архиерейская встреча,— бормотал Никонов, Яков, дергая мать за юбку, жаловался:— Мне жарко, ма-ам... ($ЧА_2$); а Никонов [удивительно] уми-

лительно легко качая головой, говорил:— Архиерейская встреча...— Ма-ам, мне жарко,— [ныл] мычал Яков (*БА*)

20 Радости эти ∾ нарушил / Несколько нарушил маленькие радости ($ЧА_2$)

22 он подскочил / он подбежал ($ЧА_2$)

22–23 через левую руку / на левую руку свою ($ЧА_2$)

24–25 подскочил ∾ кричать / подбежал и, хватая ее за плечо, истерически громко заговорил ($ЧА_2$)

27 остался,— как быть? / остался в заботу мне... ($ЧА_2$)

28–29 Из его безумных глаз ∾ бабы говорили / Он сверкал глазами, из них исходили желтые лучи, отталкивая Наталью, бабы говорили [голосами] ($ЧА_2$)

31–33 Ты его не слушай ∾ нездоровый / Ты — прости его; пе в себе он чуточку, не в разуме. Жена у него давно чахоточная была. И сам он нездоровый ($ЧА_2$)

34–35 сердито посоветовал / посоветовал ($ЧА_2$); [спо⟨койно⟩] сердито посоветовал (*БА*)

35 к раскисшему тельцу / к жиденькому тельцу ($ЧА_2$)

37 крепко выругался и убежал / отскочив, убежал, крепко ругаясь ($ЧА_2$)

38 В общем ∾ пестро / Все было пестро ($ЧА_2$)

39 быть [на] празднику ($ЧА_2$)

39–40 Замечая ∾ думал / Петр, замечая новые лица, думал ($ЧА_2$)

Стр. 200.

1 жена пожалела / жена, вздохнув, благодушно пожалела ($ЧА_2$)

4–5 взглянув исподлобья на Зинаиду / разглядывая Зинаиду ($ЧА_2$); ⟨*пропущено 1 слово*⟩ исподлобья Зинаиду (*БА*)

5–6 пела неприятным, низким голосом / пела неприятным голосом дерзко намекающие слова ($ЧА_2$)

13 должна быть депеша от Алексея. / там депеша от Алексея должна быть... ($ЧА_2$)

14–15 что надо сказать / что сказать ($ЧА_2$)

15–16 придумал ∾ достаточно ласковое / *а.* очень искусно придумал что-то *б.* придумал что-то ($ЧА_2$)

16–17 но, тихо отворив ∾ забыл / но, когда, осторожно отворив дверь в комнату Ильи, увидал его — забыл все придуманное ($ЧА_2$)

17 Сын стоял / Илья стоял ($ЧА_2$)

17–18 упираясь локтями о подоконник / облокотясь о подоконник ($ЧА_2$); [и поставив локти на] упираясь локтями [в] о подоконник (*БА*)

18 он смотрел ∾ небо / глядя в мутно-красное небо Запада (ЧА$_2$)

23 Илья вздрогнул / Сын, вздрогнув (ЧА$_2$)

23 слез со стула / слез со стула, встал (ЧА$_2$)

24 То-то вот! / То-то вот,— заговорил отец, присев на постель (ЧА$_2$)

25–26 Сын стоял ∾ нарочно / Сын молчал, Петру показалось,что сын наклонил голову нарочно (ЧА$_2$)

28 Илья приподнял брови, но / Едва приподняв голову, Илья (ЧА$_2$)

29–30 Дрозд начал ∾ посвистывая. / Птица, встревоженная голосом человека, начала прыгать по жердочкам, посвистывая негромко. (ЧА$_2$)

31–32 присев на кровать ∾ в подушку / тыкая пальцем в подушку, и сказал (ЧА$_2$)

36 Его серьезный / Этот серьезный (ЧА$_2$)

36–37 Петр заговорил / и Петр заговорил (ЧА$_2$, *БА* ◊)

37 более ласково и храбро / более храбро (ЧА$_2$)

38 Говорят, а ты — не слушай / Мало ли что — говорят! А ты — не слушай (ЧА$_2$)

38–39 Скажут ∾ пакость / Скажут тебе нехорошее (ЧА$_2$)

Стр. 201.

1 Ну, а как же? Если б я / Конечно,— солгал отец.— Кабы я (ЧА$_2$)

1–2 чем бы я стал? [Мешок дряни...] (ЧА$_2$)

4 [и] отлично понимал (ЧА$_2$)

4 они не нужны / это не нужно (ЧА$_2$)

5–6 сказал, вздохнув / сказал сыну (ЧА$_2$)

9 [уперся] [отогнул] легонько надавил (ЧА$_2$)

10 поднять голову / поднять голову свою (ЧА$_2$)

12 Ты что капризничаешь / Ты что ж капризничаешь (ЧА$_2$)

13 Илья взглянул / сын взглянул (ЧА$_2$)

15–16 За что ты ∾ не верю Павлушке / За что ты [побил] меня? Ведь я Павлушке не верю, я сказал тебе... (ЧА$_2$)

17–18 Он ∾ видел / С тупым изумлением он [почувствовал] видел (ЧА$_2$)

20 *После*: до себя.— И снова он не мог понять, чего тут больше: хорошего или плохого? (ЧА$_2$)

21 «Не по возрасту обидчив» / «Обидчив [гордый]. Не по возрасту» (ЧА$_2$)

22 [говоря] и встал, говоря (ЧА$_2$)

22 скорее помирить / поскорее помирить (ЧА$_2$)

24 Я тебя ∾ учить / Я — не больно тебя. [Ведь надо] Надо учить. (*ЧА*$_2$)

25 *Фразы*: Лакей-немец.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

26 Еще когда ∾ обидно / Когда свой бьет — это не обидно (*ЧА*$_2$)

27 это горестно / горестно... (*ЧА*$_2$)

27 *Фразы*: Родная рука — легка! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

28 шесть шагов / пять шагов (*ЧА*$_2$)

29 он очень торопился / он спешил (*ЧА*$_2$)

29 почти боясь / опасаясь (*ЧА*$_2$); [опа⟨саясь⟩] не желая чтоб ◊ (*БА*)

31 наслушаешься ты здесь / наслушаешься ты тут (*ЧА*$_2$)

32 бормотал ∾ на сына / говорил он, искоса глядя на Илью (*ЧА*$_2$)

33–34 Учить ∾ Хочешь учиться? / Учить тебя надо. В губернию, что ли... Хочешь учиться-то? (*ЧА*$_2$)

37 Хотелось приласкать / Ему хотелось приласкать (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

37 этому что-то мешало / что-то мешало этому (*ЧА*$_2$)

39 бывало, обидят / бывало, побьют (*ЧА*$_2$)

40–41 с Пашкой-то / с Павлушкой-то (*ЧА*$_2$)

Стр. 202.

1 не любит / не любит,— сказал Илья (*ЧА*$_2$)

2–4 И не за что ∾ вышло с сыном. / И не за что любить такого гнилого,— [сказал] проворчал Артамонов старший, выходя из комнаты [«Избаловал я его...»] [Сойдя к себе в контору, он], а сойдя к себе, задумчиво встал у окна, понимая, что с сыном у него — нехорошо вышло. (*ЧА*$_2$)

6–7 визг и песни ∾ гармоники / визг гармоники, песни девиц, глухие голоса рабочих (*ЧА*$_2$)

8 четко прозвучали слова / [прозвучали] звучали мерные слова (*ЧА*$_2$)

9 Что ж ты ∾ а ты — дома? / Ты где же был, дитя? Праздник, гулянье, а тебя — нет.

Не слышно было, что ответил Илья. (*ЧА*$_2$)

10 Учиться поедешь? Это хорошо. / Учиться, это — хорошо. (*ЧА*$_2$)

12 без тебя скушно / без тебя, дитя, скушно (*ЧА*$_2$)

13 Артамонову захотелось крикнуть / Высунув голову из окна, Артамонов едва удержался, хотел крикнуть (*ЧА*$_2$)

14 Врешь, это мне / Врешь, дурак... это мне (*ЧА*$_2$)

16 Отправив сына / Когда он отправил [Илью] сына (*ЧА*$_2$)

18 Петр действительно / он действительно (*ЧА*$_2$)

18–19 пустоту в душе и скуку в доме / пустоту в душе (*ЧА*$_2$)

19 Стало так неловко, непривычно / [Было] Стало так неловко ($ЧА_2$)

20 лампада / *а.* неугасимая лампада *б.* лампада ($ЧА_2$)

21 в бесконечные ночи / в бесконечные ночи зимы ($ЧА_2$)

22 если огонек ∾ угасал / *а.* если масло в лампаде выгорало и огонек угасал *б.* когда масло в лампаде выгорало и огонек угасал ($ЧА_2$)

23 так озорничал ∾ хотел / *а.* так расшалился, как будто [нарочно] хотел *б.* так [вел себя] озорничал, как будто намеренно хотел ($ЧА_2$)

25 она расплакалась / *а.* она обиженно заплакала *б.* она, обиженно заплакав, назвала его разбойником, блуднем и пригрозила:— Накажет тебя господь за обиду матери, накажет! ($ЧА_2$)

25 выпустил / *а.* выпустил *б.* он выпустил ($ЧА_2$)

26–27 подарил Никонову / *а.* подарил Павлу Никонову, с которым он не прервал дружбы *б.* подарил ∾ с которым не прервал дружбы ($ЧА_2$)

28 Ты что ж это / Ты что это ($ЧА_2$)

29 голову склонил / склонил голову ($ЧА_2$)

29–30 Артамонову показалось / Петру показалось ($ЧА_2$)

31 он хотел / отец хотел ($ЧА_2$); он хотел бы ◊ (*БА*)

32–33 *После*: маленький человек.— *а. Слов нет б.* Петр спрашивал себя ($ЧА_2$)

34 «Неужто ∾ за меня?» / *а.* «Неужто покойный отец тоже вот так тревожился за меня, за Никиту?» *б.* «Неужто ∾ тревожился за меня?» ($ЧА_2$)

35 уверенно отвечала / решительно отвечала ($ЧА_2$)

36 близкого, любимого человека / близкого человека ($ЧА_2$)

37–38 более внимательно / более заботливо ($ЧА_2$)

39 добрее отца / добрее отца родился ($ЧА_2$)

40 не зная ∾ злой / не считая себя добрым ($ЧА_2$)

40–41 Думы мешали / Эти думы мешали ($ЧА_2$)

Стр. 203.

1 Дело шумно росло / Большое его дело шумно росло, обвиваясь вокруг его, как хмель вокруг дерева ($ЧА_2$)

1 Дело шумно росло, [обвиваясь вокруг него, требовательно] смотрело (*БА*)

1–2 смотрело ∾ сотнями глаз / *а.* глядя на него отовсюду десятками глаз *б.* глядя на него десятками глаз ($ЧА_2$)

2 требовало постоянно / требуя постоянно ($ЧА_2$)

4 думы разрывались / *а.* думы разрывались, расползались *б.* думы разрывались ($ЧА_2$)

5–6 нужно было / *а.* нужно было сделать
б. нужно было (ЧА$_2$)

6 вновь связать / снова связать (ЧА$_2$)

8 к младшему сыну / к Якову (ЧА$_2$)

9 убеждался, что Яков / видел, что второй сын (ЧА$_2$)

10–11 *Слов*: он всегда чего-нибудь просил — *в ЧА$_2$ нет.*

13 верхом кататься / верхом ездить (ЧА$_2$)

14 Плохо выдумал. Это ведьмы / Эко выдумал! Это только ведьмы (ЧА$_2$)

15 А Еленка / *а.* Елена *б.* Еленка (ЧА$_2$)

16 так там на козле / там на козле (ЧА$_2$)

18–19 *Фразы*: Он бы сейчас ∾ про ведьму».— *в ЧА$_2$ нет.*

21 жаловался / жаловался на них (ЧА$_2$)

22 Обижают. / Обижают, ругаются. (ЧА$_2$)

23 Старший сын ∾ но он никогда / Старший сын никогда (ЧА$_2$)

24–25 *Слов*: хотя нередко ∾ в поселке — *в ЧА$_2$ нет.*

25–26 а этот ∾ жует / *а.* а этот изнежен матерью, труслив, ленив, всегда что-то жует, сосет *б.* а этот изнежен ∾ что-то жует и сосет, не обнаруживая никаких иных склонностей (ЧА$_2$)

26–27 Иногда ∾ замечалось / Однако порою в поступках Якова чувствовалось (ЧА$_2$)[1].

27–29 за чаем ∾ и, опрокинув его / наливая ему молока, мать задела рукавом кофты за чайную ложку в стакане, и, опрокинув стакан на колени себе (ЧА$_2$)

30–31 широко улыбаясь ∾ Яков / хвастливо заявил Яков, широко улыбаясь; мать закричала (ЧА$_2$)

32–33 Видел ∾ ноги обварила. / Видел, а не сказал дурак! Отец тоже, находя глупым поведение сына и неуместной улыбку его, заметил строго:— Понимаешь, что нехорошо будет, а молчишь. Должен был упредить. (ЧА$_2$)

34–35 продолжал безмолвно жевать / виновато наклонил голову (ЧА$_2$)

35 отец услышал / отец услыхал (ЧА$_2$)

36 говорит кому-то на дворе / на дворе говорит кому-то (ЧА$_2$)

37 Я видел / А я видел (ЧА$_2$)

38 да сзади / и сзади (ЧА$_2$)

---

[1] *Текста*: Иногда в поступках Якова ∾ «Неуклюж. Глуповат», решил отец *(стр. 201, строка 8) во второй редакции (слое а ЧА$_2$) нет; здесь и в дальнейшем в подобных случаях приводятся варианты этого текста в третьей редакции (слое б)*

39–40 Выглянув ∾ возбужденно беседует / Петр выглянул в окно, сын, помахивая кулаком, беседовал ($ЧА_2$)

41 Он позвал [сына] Якова (*БА*)

Стр. 203—204.

41–1 Он позвал ∾ запретил ему / «Глуповат, что ли?» — подумал Артамонов, вздохнув; позвал сына и, запретив ему ($ЧА_2$)

2–3 белки ∾ отстранил сына / белки его с каким-то очень светлым зрачком, сердито отослал сына ($ЧА_2$)

5 Яков пошел / Яков ушел ($ЧА_2$)

6 и держа [руки] ладони ($ЧА_2$)

9–10 В дочери ∾ скучное и общее / В дочери, рослой, спокойной [и], неразговорчивой, было тоже что-то скучное [и], общее ($ЧА_2$)

11–12 брезгливо отщипывая / брезгливо отламывая ($ЧА_2$)

13 в тарелке, [точно] как будто ловя (*БА*)

13 как будто ∾ муху / точно [ожидая] надеясь поймать [муху] в супе муху или таракана ($ЧА_2$)

18 отец сказал / он сказал ($ЧА_2$)

22 Надела / Надев ($ЧА_2$)

22 взяла зонтик / взяла зонт ($ЧА_2$)

26–27 молча ∾ кивала им головою / кивала им головою молча и без улыбки на лице, смешно надутом ($ЧА_2$)

29–30 замолчал ∾ обиженным / перестал говорить и даже почувствовал себя [как] обидно задетым ($ЧА_2$)

34 из ткацкой / из корпуса ($ЧА_2$)

31–32 все-таки спросил / спросил ($ЧА_2$)

33 ответила она / сказала она ($ЧА_2$)

36 усмехнулся Петр / заметил Петр ($ЧА_2$)

36–37 с досадой закричал / с досадой крикнул ($ЧА_2$)

40–41 которыми поддерживала юбку / которые поддерживали юбку ($ЧА_2$)

Стр. 205.

1 Маслом очень пахнет / Очень пахнет маслом ($ЧА_2$)

2–4 *Текста*: Его особенно раздражали ∾ возьмешь! — *в* $ЧА_2$ *нет*

5 читала, лежа на диване / лежала на диване ($ЧА_2$)

7 Об одном докторе / Елена сказала, что это книга об одном докторе ($ЧА_2$)

10 Это — стихи / Это стихами написано ($ЧА_2$)

12–13 путано ∾ разрешил сатане / непонятно она рассказала ему историю, как бог [и Сатана поспо⟨рили⟩] предложил Сатане ($ЧА_2$)

14 подослал к доктору / послал к немцу ($ЧА_2$)

14–16 Дергая себя ∾ смысл этой сказки / [Он] Артамо‹нов› выслушал историю, [больно] дергая себя за ухо и добросовестно стараясь уловить смысл ее (*ЧА*₂)

16 смешно и досадно / несколько смешно (*ЧА*₂)

17 это мешало / и это мешало (*ЧА*₂)

18 Доктор — пьяница был? / Доктор этот — пьяница был? (*ЧА*₂)

19 Он видел ∾ Елену / Его вопрос сконфузил дочь,— он видел это (*ЧА*₂)

20 сказал, сердясь / сказал (*ЧА*₂)

21–22 Басня. ∾ не верят. / *а.* Доктора в чертей не верят, это ты должна знать [По началу — похоже на житие многострадального Иова, а все остальное — сочинено для забавы.] *б.* Доктора в чертей не верят, это ты должна знать. Сочинено для забавы. (*ЧА*₂)

22 Откуда у тебя книга? / Откуда эта книга? (*ЧА*₂)

24–25 Елена ∾ глазами кошки / дочь, сидя у окна, положив книгу на колена, смотрит — *Далее*: *а.* сиреневыми глазами, взглядом кошки [куда-‹то›] *б.* серыми глазами, взглядом кошки (*ЧА*₂).

26–27 нашел нужным ∾ не очень хихикай / сказал строго: — А над Маргаритами этими ты не размышляй. Они — [блудни] блудницы. И с Коптевым не очень хихикай, Коптев тебе не пара.

Уходя от нее, он добавил:— Учишься ты, как будто, не тому, что надо. [Но тут же сам себя мысленно спросил: «А— чему учиться девушке? Пожалуй,— этому самому,— как бы в Маргариты не попасть».] (*ЧА*₂)

28 Елена и Яков / и Елена, и Яков (*ЧА*₂)

32 «Из-за такого паршивца» / «Из-за такой обезьяны» (*ЧА*₂)

33–34 ходил Никонов / Ходил он ◊ (*ЧА*₂)

34 его голова / его маленькая голова (*ЧА*₂)

35 даже когда мальчик / и даже когда он (*ЧА*₂); даже когда он ◊ (*БА*)

35–36 Артамонову ∾ он крадется / [Петру] Артамонову казалось, что Павел крадется (*ЧА*₂)

38 носил дрова / носил матери дрова (*ЧА*₂)

38–39 таскал ∾ полоскал в реке / таскал ведра помой из кухни, [даже] мыл пол, и, нередко, полоскал [на] в реке (*ЧА*₂)

39–40 Хлопотливый, как воробей / Он с утра до вечера вертелся на дворе, хлопотливый, как мышь (*ЧА*₂)

40–41 он заискивающе ∾ собачьей улыбкой / заискивающе улыбался всем улыбкой собаки, которая ждет пинка (*ЧА*₂)

Стр. 206.

1 еще издали / он еще издали ($ЧА_2$)

1–2 сгибая гусиную шею / *а.* сгибая [голову] серую шею *б.* сгибая гусиную шею ($ЧА_2$)

2 роняя голову на грудь / [склонив голову к плечу, глядя вкось и снизу вверх. Этот изгиб шеи и наклон головы особенно раздражал Петра.]

Узнав, что мальчик держит на чердаке бани две пары голубей, Артамонов приказал Тихону выпустить птиц и следить, чтоб мальчишка не лазил на чердак.

— [Он] Упадет с крыши, убьется, а я — отвечай за него. Вон какой он гнилой. ($ЧА_2$)

2 Артамонову почти приятно / Ему почти приятно ($ЧА_2$)

3 или зимою / и зимою ($ЧА_2$)

4 грел дыханием / грел дыханием своим ($ЧА_2$)

5 как гусь / *а.* как гусь *б.* гусем ($ЧА_2$)

5–6 поджимая другую / подняв другую ($ЧА_2$)

7–8 извиваясь штопором / извивался штопором ($ЧА_2$)

9 *Текст*: Узнав, что мальчик ∾ какой он гнилой.— *в несколько иной редакции написан в ЧА₂ раньше, см. вариант к стр. 206, строке 2.*

14–15 Как-то ∾ этот мальчик / [Он застал его в конторе] [Однажды, войдя в контору] Как-то вечером, войдя в контору, [он увидал, что] он увидал: Павел ($ЧА_2$)

15 выскабливает с пола ножом / стоя на коленях, выскабливает ножом с пола ($ЧА_2$); стоя на коленях, выскабливает с пола ножом◊ (*БА*)

21 морда оплакана / морда в слезах ($ЧА_2$)

23 тогда Артамонов ∾ взглядом / Придавив его взглядом, Артамонов ($ЧА_2$)

26 Но вдруг / И вдруг ($ЧА_2$)

27 почувствовав ∾ и смешна / ему показалась смешной ($ЧА_2$)

30 тяжелый медный пятак / медный пятак ($ЧА_2$)

31 себе пряников / себе гостинцев ($ЧА_2$)

32–33 грязные ∾ пальцев / косточки пальцев своих ($ЧА_2$)

33–34 точно боялся ∾ обожжет / точно ожидал, что [он] медь обожжет его ($ЧА_2$)

35 Бьет тебя / Колотит тебя ($ЧА_2$)

37 Всех бьют ∾ Артамонов / Всех бьют... ($ЧА_2$)

38 А через / Но через ($ЧА_2$)

38–39 Павлушка ∾ обидел его / Павел обидел его ($ЧА_2$); [Нико⟨нов⟩] Павлушка чем-то обидел его (*БА*)

39 Артамонов старший / Артамонов ($ЧА_2$)

40 только по привычке / по привычке (ЧА$_2$)

Стр. 207.

1 Ты пори пасынка. / Ты его пори. (ЧА$_2$)

3 приехал на каникулы / приехал из города (ЧА$_2$)

5 острее невзлюбил / острей и глубже невзлюбил (ЧА$_2$)

6 отрепышем, хиляком / отрепышем и хиляком (ЧА$_2$)

7–8 отцу и матери [так же как Е⟨лена⟩] «вы» (ЧА$_2$)

8 *Слов*: ходил, сунув руки в карманы — *в ЧА$_2$ нет.*

9 но жестоко [до припадков отчаяния] дразнил брата (ЧА$_2$)

10 слезливого отчаяния / отчаяния (ЧА$_2$)

10 раздражал чем-то / раздражал (ЧА$_2$)

11–12 и вообще ∾ сорванцом / изумлял мать грубостью и вообще [явился из го⟨рода⟩] вел себя сорванцом (ЧА$_2$)

13 жаловалась Наталья мужу / жаловалась Наталья (ЧА$_2$)

14 И все говорят / Говорила ведь я (ЧА$_2$)

16–17 хотя Илья ∾ нарочно / Илья озорничает хотя и упрямо, но невесело и — нарочно, вызывающе (ЧА$_2$)

19 сидя у трубы / сидя на [по⟨лке⟩] доске [при ⟨?⟩] у трубы, на голубиной полке (ЧА$_2$)

20 *Слов*: если не гоняли голубей — *в ЧА$_2$ нет.*

20–21 в первые дни ∾ предложил ему / в первые дни каникул Петр, обняв сына, сказал ему (ЧА$_2$)

24–25 что-то неинтересное / что-то неинтересное о семье учителя где он жил (ЧА$_2$); что-то неинтересное о семье учителя ◊ (*БА*),

26 А зачем дразнить? / Зачем же дразнить учителей? (ЧА$_2$)

27 объяснил Илья / объяснил сын (ЧА$_2$)

31 сказал Илья / предложил Илья (ЧА$_2$)

32–35 а глаза его ∾ Ястреб. / Было видно, что [ему скучно говорить] говорит он нехотя, глаза его рассеянно смотрят в окно, в сад — *Далее зачеркнуто*: отец, как можно ласковее, спросил:
— Забыл, как я тебя за волосы трепал из-за Пашки?

Вопрос этот, видимо, удивил мальчика, взглянув в глаза отца, он ответил тихо:

— Нет, не забыл.

Тогда отец [всё] всё так же ласково предложил:

— А ты — забудь.

И услыхал простой вопрос:

— Разве вы [ме⟨ня⟩] для этого били меня?

Не найдя лучшего ответа, Артамонов заставил себя засмеяться:

— А — не глуп ты у меня... Ну, иди...— И, скрывая горечь, проворчал:— Скучно с отцом-то...

Было приятно сознавать, что сын — не глуп, но себя

Петр почувствовал глупо и второй раз ему показалось, что Илья каким-то фокусом принизил его до себя, мальчишки. ($ЧА_2$)

36–37 Артамонов старший ∾ со мной, видать. / Артамонов старший, вздохнув, подумал: «Скучно с отцом-то...» И сказал Илье: — Ну, беги, гуляй... ($ЧА_2$)

38–39 в детстве ∾ было / почти всегда, в детстве [скучно бы⟨ло⟩] было ($ЧА_2$)

Стр. 208.

1 когда дьячок ∾ плетью / нас дьячок ременной плетью хлестал... ($ЧА_2$)

2 житьишко будто мягче стало / жить мягче стало, будто... ($ЧА_2$)

3 Илья попросил / сын попросил ($ЧА_2$)

3 это была / и это была ($ЧА_2$)

5–6 на чердаке, в бане... / на чердаке бани; ему очень плохо жить, голуби — вся его радость... ($ЧА_2$)

7 отец сказал / отец сказал угрюмо ($ЧА_2$)

8 кому плохо / кому жить плохо ($ЧА_2$)

9–10 *Текста*: Значит — можно ∾ обрадуется. — *в* $ЧА_2$ *нет.*

9 Я скажу / Пойду скажу ◊ (*БА*)

11 Артамонов ∾ обижен / Он был оскорблен ($ЧА_2$)

12 какого-то дрянненького / ничтожного ($ЧА_2$)

13–14 не позаботился ∾ в жизнь отца / не мог внести [радо⟨сти⟩] немножко радости в жизнь отца [даже и не заботился об этом] ($ЧА_2$)

15 настойчивой неприязнью / тяжелой ненавистью ($ЧА_2$)

15–16 к пасынку конторщика / к его приятелю ($ЧА_2$)

16 стало так, [когда Артамонова на] что, когда (*БА*)

16–18 что, когда дома ∾ раздражался чем-нибудь / что каждый раз, когда он испытывал неприятности на фабрике, в городе или дома ($ЧА_2$)

16 в центр всех его раздражений / в [центре] центр всех неприятностей ($ЧА_2$)

18–19 самовольно ∾ мальчик / *а.* самовольно, даже как бы против желания фабриканта Артамонова, вторгался оборванный мальчишка с испуганными глазами *б.* самовольно, даже както ∾ с испуганными глазами ($ЧА_2$); самовольно [против желания] вторгался оборванный, грязненький мальчик [и вызывал] (*БА*)

19–20 и как будто приглашал / вторгался и вызывающе приглашал ($ЧА_2$)

20 жидкие кости / костлявое тело ($ЧА_2$); хилые кости (*БА*)

20 все недобрые чувства / и недобрые чувства (ЧА$_2$)
21–24 *Текста*: Вот этот мальчишка ∾ попадался на глаза.— *в* ЧА$_2$ *нет*.
25 В ласковый день / В конце сентября, в ласковый день (ЧА$_2$)
25–26 усталый и сердитый / усталый и раздраженный (ЧА$_2$)
26 в зеленоватом небе / в прозрачном, зеленоватом небе (ЧА$_2$)
27–28 таяло ∾ солнце осени / таяло осеннее солнце (ЧА$_2$); таяло, [уже] не грея, [ленив⟨ое⟩] утомленное солнце осени (*БА*)
29 Тихон Вялов ∾ листья / Тихон, сгребая в кучи [жел⟨тые⟩] пестрые, опавшие листья (ЧА$_2$)
29–30 печальный, мягкий / печальный и мягкий (ЧА$_2$)
30–32 *Слов*: за деревьями ∾ прозрачность воздуха — *в* ЧА$_2$ *нет*.
32–33 Чтоб не видеть ∾ хозяин / Чтоб не говорить с дворником, Артамонов (ЧА$_2$)
34 дверь в нее / Дверь в [передбанник] баню (ЧА$_2$)
34 *После*: не притворена — он тотчас сообразил (ЧА$_2$)
36 Осторожно заглянув ∾ он / Заглянув в светлый передбанник, Петр (ЧА$_2$)
37 *Слов*: распластанную фигурку — *в* ЧА$_2$ *нет*.
38 склонив голову ∾ ноги / [закинув г⟨олову⟩] раздвинув ноги, закрыв глаза (ЧА$_2$)
38–39 [он] [мальчик] он занимался (ЧА$_2$)
39 Это на секунду / Сначала это (ЧА$_2$)
40 но тотчас же / но почти тотчас же (ЧА$_2$)
40 о Якове, Илье / о сыне (ЧА$_2$)

Стр. 209.

1 паршивый? / паршивец, а? (ЧА$_2$)
2–5 Рука Павла ∾ большого человека / Рука мальчика, перестав дрожать, упала, он открыл глаза, рот, [окаменел] и вдруг, тихонько взвизгнув, скорчился, сжался комом и покатился под ноги Артамонова (ЧА$_2$)
5 Артамонов / Петр (ЧА$_2$)
6 в грудь и остановил / в грудь (ЧА$_2$)
7 опрокинулся на бок / и мягко опрокинулся на бок (ЧА$_2$)
8–9 этим пинком ноги он / он этим пинком ноги (ЧА$_2$)
11–12 выглянув ∾ сказал негромко / вздрогнув, выглянул в сад, за дверь и наклонился, говоря не громко (ЧА$_2$)
13 Ну, вставай, идем [к вотчиму] (ЧА$_2$)
14–15 Мальчик лежал ∾ коленом / Лежа на боку, вытянув одну руку вперед, а другую придавив [гру⟨дью⟩] коленом к полу, мальчик молчал [ноги его были согнуты в коленях и] (ЧА$_2$)
15–17 намного короче ∾ рука его / короче другой, а рука, вытянутая к ногам Артамонова (ЧА$_2$)

17 неестественно, страшно / неестественно и страшно ($ЧА_2$)

18–19 Пошатнувшись ∽ снял картуз / Артамонов снял картуз [и] ($ЧА_2$)

20 вспотевший лоб / вспотевшее лицо. [Одна] Левая нога у него тоже стала короче, пошатнувшись, он схватился рукою за косяк. ($ЧА_2$)

21–22 Вставай ∽ убил мальчика / *а.* Вставай, я никому не скажу. *б.* Вставай, я никому не скажу,— ⟨сказал он⟩ уже понимая, что убил [м⟨альчика⟩] ($ЧА_2$)

22–23 видя, что из-под щеки ∽ тянется, извиваясь / *а.* Из-под головы мальчика тянулась, [растека⟨ясь⟩] извиваясь *б.* Из-под головы [его] мальчика тянулась, извиваясь ($ЧА_2$)

25 «Убил» ∽ произнес Петр / *а.* «Убил,— сказал Петр, прислушиваясь к слову.— Убил» *б.* «Убил»,— подумал Петр ◊ ($ЧА_2$)

27–28 глядя ∽ тело / посмотрел на [маленький жалобно скорченный труп] маленькое жалобно скорченное тело ($ЧА_2$)

28–29 [нехитрая м⟨ысль⟩] испуганно билась нехитрая [мысль] мысль ($ЧА_2$)

30–31 «Скажу ∽ Дверь — тяжелая»./ «Скажу — дверью я его ушиб. Дверью». ($ЧА_2$)

32 Он повернулся и грузно / Он тяжело повернулся и [ноги у него подкосились] грузно ($ЧА_2$)

32–33 сзади его стоял / в двери стоял ($ЧА_2$)

33–35 смотрел ∽ скулу свою / [и] водянистыми глазами [смотрел под ноги себе] [он смотрел] глядя на [по⟨койника⟩] Никонова, почесывая скулу ($ЧА_2$)

36–37 громко начал ∽ за край лавки / начал что-то говорить Артамонов ($ЧА_2$)

37–38 перебил его / перебил его речь ($ЧА_2$)

39 Слабый мальчонко / *а.* Вижу. Слабый мальчонко *б.* Слабый мальчонко ($ЧА_2$)

40 не лазь / не лазь, разобьешься... ($ЧА_2$)

41 но и с надеждой / и надеждой ($ЧА_2$)

Стр. 210.

1–2 Разобьешься, говорю ∽ помнишь? / *а.* Разобьешься, говорю, куда тебе? *б.* Разобьешься, говорю, куда тебе? И ты предвещал: разобьешься. Помнишь? ($ЧА_2$)

3 Без памяти, что ли? / Без памяти, что ли он? ($ЧА_2$)

4 Присев ∽ дворник пощупал / Дворник присел на корточки, пощупал ($ЧА_2$)

5–6 о фартук / о передник ($ЧА_2$)

6 точно спичку ∽ он сказал / так, точно он спичку зажигал, сказал ($ЧА_2$)

7 совсем отошел / даже помер ($ЧА_2$)

7–8 много ли надо / *а.* много ли ему надо *б.* много ли надо ($ЧА_2$)

9 Говорил Тихон / Говорил дворник ($ЧА_2$)

10–11 и ждал ∾ осуждающих слов / сидел и ждал каких-то страшных слов ($ЧА_2$)

11–12 Однако Тихон ∾ в квадрат / [Но взглянув] Взглянув на потолок в квадрат [открытого творила] ($ЧА_2$)

13 воркованье голубей / воркованье голубей на чердаке ($ЧА_2$)

13–14 снова ∾ и просто / Тихон сказал, снова мотнув головою ($ЧА_2$)

15 одну ногу поставит / поставит одну ногу ($ЧА_2$)

17 руками за край ∾ на руках-то / за край творила и поднимется на руках ($ЧА_2$)

17–18 А ручонки — без силы / Ручонки — слабые ($ЧА_2$)

19 сердцем и угодил / боком и угодил ($ЧА_2$)

20–21 Чувство самосохранения ∾ догадки / Его страх уступил место чувству самосохранения, и оно подсказывало быстренькие мысли ($ЧА_2$)

22–23 «Врет? ∾ взять хочет? / «Врет? В руки взять меня хочет, капкан ставит мне? ($ЧА_2$)

23 Или ∾ дурак?» / *а.* Не догадался? Или в самом деле — дурак?» *б.* Или в самом деле — дурак?» ($ЧА_2$)

25–27 качнув головую ∾ И зачем такие? / *а. Текста нет б.* Качнув головой так, точно он хотел ударить лбом что-то, Тихон [вздохнул] выдохнул густо: — Эх, соринка... ($ЧА_2$)

28 поди-ко, не больно / *а.* поди, не страшно *б.* поди, не больно ($ЧА_2$)

28 горевать станет / горевать будет ($ЧА_2$)

30 очень подозрительно / очень внимательно ($ЧА_2$)

32 тоном человека / голосом человека ($ЧА_2$)

32–33 *После*: чуждого любопытству.— Пытливо глядя на него из-под нахмуренных бровей, Петр приказал:— Иди, скажи там... ($ЧА_2$)

34 Чу! ∾ пошевелив бровями / Чу! — [воскликнул] буркнул Вялов, сморщив брови ($ЧА_2$)

35 где-то на дворе / где-то далеко, во дворе ($ЧА_2$)

35 женщина сердито кричала / *а.* голос женщины сердито кричал *б.* женщина сердито кричала ($ЧА_2$)

37 Тихон погладил скулу / Тихон ухмыльнулся, почесывая скулу ($ЧА_2$)

39 «Нет,— дурак» / «Дурак» ($ЧА_2$)

40–41 внимательно рассматривая / разглядывая ($ЧА_2$)

Стр. 211.

1 он прожил / Петр прожил ($ЧА_2$)

2–3 угрожая ежедневно / угрожая каждый день ($ЧА_2$)

3–4 *Фразы*: Вот сейчас ∾ скажет — *в $ЧА_2$ нет.*

5 конечно, знаю / конечно, всё знаю (*БА*)

6 Но внешне всё шло / Внешне всё шло ($ЧА_2$)

8 повязал желтую шею / повязал шею ($ЧА_2$)

10 получил награду / получил, наконец, награду ($ЧА_2$)

12 *Слов*: с лошадиным лицом — *в $ЧА_2$ нет.*

12–13 торопилась схоронить / торопилась поскорей схоронить ($ЧА_2$)

13 казалось Артамонову / казалось Петру ($ЧА_2$)

15–16 вдавливала ∾ копейки / вдавливала пальцами копейки ($ЧА_2$)

18–19 за панихидой мать / во время панихиды она ($ЧА_2$); за панихидой она (*БА*)

19 поднять руку / сразу поднять руку ко лбу ($ЧА_2$)

19–20 рука опускается / рука падает ($ЧА_2$)

22 надоедливо благодарили / надоедно благодарили хозяина ($ЧА_2$)

23 хотя Артамонов / хотя он ($ЧА_2$)

28–29 *Фразы*: Это — странно и жутко.— *в $ЧА_2$ нет.*

29–32 Артамонов даже думал ∾ на ином месте. / *а. Текста нет. б.* И несколько дней Арт⟨амонов⟩ думал, что, может быть, лучше будет — если баню подожечь [или перенести на другое место], она уже старовата, гниет, и поставить сруб на иное место ($ЧА_2$)

33–35 Зорко наблюдая ∾ против воли своей / Наблюдая за дворником, Артамонов видел, что Тихон живет так же нехотя и точно против воли своей ($ЧА_2$)

36 *Слов*: они его не любят — *в $ЧА_2$ нет.*

36–37 с бабами ∾ груб / и особенно брезгливо груб с бабами ($ЧА_2$)

37–38 только с Натальей / только с хозяйкой (*БА*)

Стр. 211—212.

40–1 *Текста*: Ты что ∾ прижился к нам.— *в $ЧА_2$ нет.*

Стр. 212.

2 Если б дворник / Если б он ($ЧА_2$)

4 появилось много разных сектантов / сектантов явилось много, странников и сектантов ($ЧА_2$)

4–5 Но приятелей у Тихона / Но друзей у него ($ЧА_2$)

5 Серафима-плотника / плотника Серафима ($ЧА_2$)

5–6 он охотно посещал / [он] Тихон посещал ($ЧА_2$)

7 некрасиво открыв рот / *а.* смешно и некрасиво открыв рот. *б.* Некрасиво открыв рот ($ЧА_2$)

8–9 Артамонов хмурился / Артамонов, видимо, хмурился (*БА*)

9–10 в этих жидких глазах затаена / в этих глазах [при⟨таилась⟩] затаена (*ЧА*$_2$)

10 он ощущал / и Петр ощущал (*ЧА*$_2$)

10 схватить мужика / схватить Вялова (*ЧА*$_2$); схватить [Ти⟨хона⟩] мужика (*БА*)

12 «Ну, говори! » / крикнуть: «Ну, говори!» (*ЧА*$_2$)

14 подавляло тревогу / *а.* гасило, давило тревогу *б.* подавляло тревогу (*ЧА*$_2$)

16–17 по вечерам ∾ на скамье / *а.* сидел у ворот с ним *б.* сидел у ворот (*ЧА*$_2$)

18 подумай и объясни / подумай и скажи (*ЧА*$_2$)

18–19 куятыр — это кто? / каямас — это кто? (*ЧА*$_2$)

20–21 Каямас ∾ и запевал / Куятыр,— почему-то радостно взвизгивал Антон. — Всё равно стало быть? Так почему он черненько плачет? Дурак запевал (*ЧА*$_2$)

22 Хиристос воскиресе, воскиресе... / Хиристос воскиресе... (*ЧА*$_2$)

25 Чего ты / Чего ты от него (*БА*)

25–26 Чего ты добиваешься ∾ непонятной ему. / «Эка дубина»,— удивлялся Артамонов, слушая болтовню двух полуумных.— Чего ты от Антона добиваешься? — спросил он дворника с досадой, непонятной самому ему. (*ЧА*$_2$).

27 Чтобы ∾ объяснил. / Слова он говорит не человечьи,— любопытно,— ответил Тихон равнодушно. (*ЧА*$_2$)

28 Да это — дураковы слова? / Дураковы слова! (*ЧА*$_2$) [1].

29–30 свой разум ∾ сказал Тихон / свой разум есть,— [ска⟨зал⟩] Тихон (*ЧА*$_2$)

31 говорить с ним / говорить с дворником (*ЧА*$_2$)

31 *После*: не стоило.— Года два тому назад, в половодье, Антон утонул. (*ЧА*$_2$).

31–33 Как-то ∾ не в силах носить / Однако, как-то бессонной, воющей ночью, [он по⟨чувствовал⟩] Артамонов почувствовал, что не в силах носить один (*ЧА*$_2$)

34 с мальчиком Никоновым / с мальчиком (*ЧА*$_2$)

34–35 Наталья ∾ выслушала его / она выслушала его молча, мигая полусонными глазами (*ЧА*$_2$)

35–37 сказала ∾ забываю сны / *а.* спросила:— Это ты во сне видел? *б.* сказала: — [А я сны забываю.] Я сны забываю: и плохие, и хорошие. (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Текста*: Да это — дураковы слова ∾ с ним не стоило *(строки 28—31) — во второй редакции нет.*

38 Но вдруг — встрепенулась / *а.* И, не дожидаясь его ответа,— тревожно заговорила *б.* и тревожно заговорила (*ЧА*$_2$)

Стр. 213.

1 спросил муж / спросил он (*ЧА*$_2$)

1 когда она / когда жена (*ЧА*$_2$)

4 *После*: «Напрасно говорил».— Ну, ладно, спи. (*ЧА*$_2$)

5 свист метели / вздохи метели (*ЧА*$_2$)

7 освещающее ∾ его / освещающее убийство по-новому (*ЧА*$_2$)

8–9 товарища Илье / товарища для сына (*ЧА*$_2$); товарища сыну (*БА*)

9 *После*: из страха за него — из ревности к нему (*ЧА*$_2$)

10–11 Это вносило ∾ облегчало. / Эта догадка вносила в темное дело ненависти к мальчику понятную причину, вызвавшую ненависть. (*ЧА*$_2$)

11–13 *Текста*: Но хотелось ∾ другие плечи.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

13 Он пригласил / Через несколько дней он пригласил (*ЧА*$_2$)

14 желая поговорить о грехе необычном / ему захотелось поговорить о необычном грехе (*ЧА*$_2$)

15 в обычных грехах / грехах обычных (*ЧА*$_2$)

18 потемнее, теснен / потемнее и тесней (*ЧА*$_2$)

20 с темной кожей / с темной обивкой (*ЧА*$_2$)

21 тускло выступало / светилось (*ЧА*$_2$)

23–24 *Слов*: и, как всегда ∾ костлявый кулак — *в ЧА*$_2$ *нет.*

25–26 Артамонов заговорил / Петр заговорил (*ЧА*$_2$)

27–28 говорить об этом ∾ он замолчал / но скоро запутался в словах и замолчал (*ЧА*$_2$)

29–30 из сумрачного угла ∾ очень похожая / из угла негромко и неуверенно потекла речь, похожая (*ЧА*$_2$)

31–32 он духовно ∾ не привык / о себе он заботиться не привык (*ЧА*$_2$)

35–38 Хотя желают многого ∾ у нас. / Их на бунт влечет, и отсюда гонение на них, и вообще всё как-то не налаживается у нас после воли, желаем многого, но — не главного. (*ЧА*$_2$)

39 в суетном шуме / *а.* в суетливом шуме. *б.* в суетном шуме (*ЧА*$_2$)

Стр. 213—214.

41–1 Замечательнейший человек, речь его смела / Замечательнейший голос, и речь смелая (*ЧА*$_2$); Замечательнейший человек он, и речь его смела (*БА*)

Стр. 214.

5 голос попа / голос тихого попа (*БА*)

6 необыкновенного человека / какого-то необыкновенного человека (*ЧА*$_2$)

13–14 Всё это ∾ таков / Всю эту праведность Артамонов считал естественной, такой (*ЧА*$_2$)

14 к священнику / к этому [с⟨вященнику⟩] попу (*ЧА*$_2$)

15–16 городского духовенства ∾ ко Глебу / к нему городского духовенства и лучших людей (*ЧА*$_2$)

17–19 знать и говорить ∾ ко греху / возбуждать в людях страх (*ЧА*$_2$)

19 Артамонов знал / Петр знал (*ЧА*$_2$)

21 слова которой колебались / слова которой ненадежно колебались (*ЧА*$_2$); слова которой ненадежны, колебались (*БА*)

22 он вдруг сказал / он сказал (*ЧА*$_2$)

25 спросил поп / спросил Глеб.— Нездоровится? (*ЧА*$_2$)

25–26 *Слов*: и, не дождавшись ответа, сказал — *в ЧА*$_2$ *нет.*

28 Глеб произнес / поп сказал (*ЧА*$_2$)

29 дворник Тихон / Тихон (*ЧА*$_2$)

30 По бедности своей / по бедности (*ЧА*$_2$)

32–33 не осуждая / не угрожая (*ЧА*$_2$)

34 Смотришь на происходящее / Смотришь на всё (*ЧА*$_2$)

35–36 как бы для того / как бы того ради (*ЧА*$_2$)

36 чтоб легче было / *а.* чтоб нам легче было *б.* чтоб легче было (*ЧА*$_2$)

37 наблюдал я / наблюдаю я (*ЧА*$_2$)

38 как на веретено нитка / как нить на веретено (*ЧА*$_2$)

39 больше злого / больше грехов (*ЧА*$_2$)

Стр. 215.

1–2 он услыхал в них / в них было нечто (*ЧА*$_2$)

3 все темные мысли / все темные думы, все злые чувствования (*ЧА*$_2$)

3–4 *Слов*: он притягивал их — *в ЧА*$_2$ *нет.*

4–5 некоторую долю / некую долю (*ЧА*$_2$)

5 справедливо будет отнести / должно отнести (*ЧА*$_2$)

6 Облегченно ∾ пригласил / Он облегченно вздохнул, и пригласил (*ЧА*$_2$)

8–9 теплый воздух ∾ запахами / тепло ее насыщал вкусный запах (*ЧА*$_2$)

9 на столе / за столом (*ЧА*$_2$)

10 пофыркивая ∾ самовар / пофыркивая, кипел самовар (*ЧА*$_2$)

17 На морях / На водах (*ЧА*$_2$)

21 *Слов*: и виновато усмехнулся — *в ЧА*$_2$ *нет.*

23 Алексей воротился / Алексей воротился сегодня (*ЧА*$_2$)

23 *Слов*: видела я его — *в ЧА*$_2$ *нет*; видел ты его? (*БА*)

23–24 Он всё ∾ боюсь я... / Москва да ярмарка всё больше с ума сводят его. Жаден стал, как пьяный, на ногах не стоит,

а всё еще хватает, давай, давай. Ох, боюсь я его... Ой, не верю, не люблю... (*ЧА*$_2$)

27 как укол иголки / как уколы булавкой (*ЧА*$_2$); [то⟨чно⟩] как уколы иголки (*БА*)

29 в кожу щек / в кожу щек и лица (*ЧА*$_2$); в кожу щек и шеи (*БА*)

32–33 *Слов*: бородою в потолок — *в ЧА*$_2$ *нет.*

33 искоса смотрел на жену / смотрел на жену (*ЧА*$_2$)

Стр. 215—216.

39–1 «Стерженек ∾ Верчусь. / Он думал: «Стерженек. Я вот тоже — веретено». (*ЧА*$_2$)

Стр. 216.

1 А кто прядет? / *а.* А кто ткач? *б.* А кто прядет? Алексей что ли? (*ЧА*$_2$); А кто ткач? (*БА*)

1-2 *Текста*: Тихон ∾ несуразная морда! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

4 *Слов*: над рекою — *в ЧА*$_2$ *нет.*

4 они потеряли / *а.* они с каждым годом теряли *б.* они теряли (*ЧА*$_2$)

7 с каждым годом, веснами / с каждым годом (*ЧА*$_2$)

8–9 на тропах ∾ свой лист / подорожник плотно прижимал свой лист к тропам (*ЧА*$_2$)

10 большие уши / большие, зеленые уши (*ЧА*$_2$)

10–11 сеяли цветень / сеяли свой цветень (*ЧА*$_2$; *БА*)

11–12 лист, изгнивая, удобрял желтеющий песок / лист удобрял, изгнивая, потемневший, желтеющий песок (*ЧА*$_2$)

12 Фабрика ∾ дышала тревогами *а.* Дело становилось все требовательнее, всё сильнее дышало тревогами *б.* Дело все сильнее дышало тревогами (*ЧА*$_2$)

14 целый день, задыхаясь / задыхаясь, целый день (*ЧА*$_2$)

15 озабоченный трудовой гул / сердитый, озабоченный гул (*ЧА*$_2$)

16 сознавать себя хозяином / видеть себя хозяином (*ЧА*$_2$)

18–19 Артамоновым овладевала усталость / [Петром] Артамоновым овладевала усталость, скука (*ЧА*$_2$); Артамоновым овладевала скука и усталость (*БА*)

19–20 он вспоминал ∾ речку Рать / он вспоминал [юность], детские годы, спокойную речку Рать (*ЧА*$_2$) [1]

21 Тогда он чувствовал / *а.* Петр Артамонов чувствовал *б.* Тогда он чувствовал (*ЧА*$_2$)

22 цепкие руки / но цепкие руки (*ЧА*$_2$)

22–23 наполняя голову / наполняя голову его (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Фразы*: Но порою ∾ жизнь мужиков. (*строки 18—21*) — *во второй редакции нет.*

23 не оставлял / не оставляет ($ЧА_2$)

24 внушались делом / внушает дело ($ЧА_2$)

24–25 курчавый дым / и курчавый, сизый дым ($ЧА_2$); и курчавый дым (*БА*).[1]

25–26 *После*: унынием и скукой.— Гордость исчезала и на месте ее росло мутное ощущение неловкости, даже как будто виновности пред кем-то ($ЧА_2$)

27 В часы и дни / В дни ($ЧА_2$)

28–29 всё слабосильнее / всё более слабосильны ($ЧА_2$)

29–32 теряют мужицкую выносливость ∾ что-то бесхозяйственное, неустойчивое / теряют свою мужицкую выносливость, в них явилось что-то бесхозяйственное, неустойчивое [и волчье], они заразились какой-то бабьей раздражительностью [и в то же время], становясь обидчивыми и огрызаясь ($ЧА_2$)

32 при отце / при жизни отца ($ЧА_2$)

33 много пьянствовали / много пили ($ЧА_2$)

34 *После*: распутничали — и дружнее жили между собою ($ЧА_2$)

34–36 а теперь все ∾ друг к другу / и теперь [в них явилось] стало заметно в них что-то спутанное, они бойчее, и как будто понимают, но небрежнее [ко всему и к делу] к работе и даже друг ко другу ($ЧА_2$)

36–37 и все нехорошо ∾ примериваются / [как будто] как-то нехорошо присматриваются ($ЧА_2$); и все как-то присматриваются

37–38 Особенно озорниковатой / Особенно неприятно озорниковатой ($ЧА_2$)

39–40 совершенно непохожими на мужиков / непохожими на мужиков ($ЧА_2$)

Стр. 216—217.

41–4 Кочегара Волкова ∾ вот уж обоих нет. / Полуумного, желтоглазого Волкова пришлось отвезти в губернию, в сумасшедший дом, а всего лишь четыре года тому назад, он, погорелец, явился на фабрику с женой, красивой бабой, был не глуп, кроткого характера, но в один год потерял свой мужицкий облик, начал пить, жена его загуляла с парнями, он стал колотить ее, парни — его, и вот уже нет Волкова. ($ЧА_2$)

Стр. 217.

5–6 Артамонов наблюдал немало / П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ наблюдал [мно⟨го⟩] немало, и всегда они вызывали у него [как муть] неприятное, досадное чувство ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: курчавый дым ∾ из ревности *(стр. 217, строка 8) — во второй редакции нет.*

6 За пять лет / За последние пять лет ($ЧА_2$)

7–8 один пожилой ∾ девку-шпульницу / благочестивый, пожилой ткач [убил] зарезал любовницу свою ($ЧА_2$)

8 *После*: из ревности.— [Бог] Кто — прядет, а чёрт дерюгу ткет,— сказал Тихон по этому поводу, заставив Артамонова сердито подумать: «Экая несуразная морда?» ($ЧА_2$) (*Ср. варианты к стр. 216, строкам 1—2*).

8–10 *Текста*: Часто дрались ∾ не действовало.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

10–11 Брат становился непонятней. / Брат всё более тревожно удивлял его. ($ЧА_2$)

11 В нем было / У Алексея было ($ЧА_2$)

13 весело и ловко / ловко и весело ($ЧА_2$)

14 сколачивал для них гроба / сколачивал гроба ($ЧА_2$)

14–15 глаза Алексея сверкали уверенностью / глаза брата сверкали беззаботной уверенностью ($ЧА_2$)

17 твердо ∾ только Мирон / оставался жить только Мирон, выродок, не похожий ни на отца, ни на мать ($ЧА_2$); жил только Мирон (*БА*)

17–19 некрасиво ∾ щелкающий / *а.* Он был на три года старше Ильи и казался [еще] старше своих лет, некрасиво и как бы наскоро слаженный из костей и сухих хрящей *б.* Некрасиво и как бы наскоро слаженный из [кос⟨тей⟩] из длинных костей и сухих хрящей, он казался старше своих лет. ($ЧА_2$)

19 весь скрипучий / весь какой-то скрипучий (*БА*)

19 была привычка / была дурная привычка ($ЧА_2$)

20 громко хрустели / щелкали и хрустели ($ЧА_2$)

21 В тринадцать ∾ носил очки / *а.* в [десять] двенадцать лет он уже надел дымчатые очки, но и это не дало ему сходства с матерью *б.* В двенадцать лет он уже надел дымчатые очки ($ЧА_2$)

21–22 это сделало ∾ птичий нос / *а.* [они с⟨делали?⟩] а только сделало несколько короче его хрящеватый нос. *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

23 Ходил этот мальчик / *а.* Ходил этот Мирон *б.* Ходил Мирон ($ЧА_2$)

26–27 он говорил ∾ рассуждал / *а.* Говорил, как равный или на ты *б.* говорил, как равный им, да и не говорил, а рассуждал ($ЧА_2$); говорил, как равный им, или даже и не говорил, а рассуждал (*БА*)

27–29 Петр ∾ ему тем же. / *а.* Петр определенно чувствовал, что этот мальчишка не любит его. Как-то, желая отвести от себя его стеклянный взгляд, он сказал: — Ты что глядишь на меня, как приезжий?— [Платон] Мирон не ответил, а родители его

засмеялись, им почему-то понравилось слово приезжий, и оно стало прозвищем Мирона. *б.* Петр определенно чувствовал, что племянник не любит его. ($ЧА_2$)

30–33 В доме Алексея ∾ ярмарочным балаганом. / *а.* В этом доме всё было несерьезно, [и комнаты его напоминали чуланы] и [все] каждая комната его напоминала чулан, где сложены вещи, отслужившие свой срок, [но у Алексея было интереснее, чем дома, и старший] но Артамонов старший понимал, что [у брата] брат живет интереснее, легче его. *б.* В доме Алексея всё было несерьезно [и Петру], Петру казалось, что разница почти такова, как разница *Далее как в тексте* ($ЧА_2$)

Стр. 217—218.

33–1 В городе у Алексея ∾ какие-то обломки людей / *а.* [С [лу⟨ч-шими⟩] людями города Алексей не вел знакомства, но у него часто торчал рыжий] В тесных этих комнатах часто собирались играть в карты городской доктор Греков, ядовитый старичок с лицом хорька, фабричный врач Яковлев, большой рыжий мужик, похожий на ломового извозчика, Коптев, его жена, акушерка, грубая, крикливая женщина, играла на гитаре. Коптев кричал о пользе дела, интересах дела *б.* В городе у [Петра] Алексея и жены его приятелей не было, но в его тесных комнатах, похожих на чуланы, [где] набитые ошарканными вещами, которые отслужили свой срок [и], собирались в праздники [эти] люди сомнительного достоинства: зубастый врач Яковлев, рыжий и большой [и], похожий на дьякона; крикливый Коптев, [какой-то] торчал учитель Мирона — студент, которому полиция запретила учиться; его курносая жена играла на гитаре и пела, напоминая Петру арфисток ярмарки; приходил лысый старик Греков, разорившийся хозяин лесопилки [и], являлась дочь его, Марина, здоровая девица, лет тридцати, с наглыми глазами и, должно быть, распутная. ($ЧА_2$)

Стр. 217.

40–41 его курносая жена ∾ играла на гитаре / играла на гитаре дочь разорившегося хозяина лесопилки Грекова, толстая девица, с толстой косой и голосом дьякона (*БА*)

Стр. 218.

1–2 все они ∾ начальство / *а.* Все эти люди говорили одинаково дерзко, [все они] все, даже бабы их, ругали город, купцов, попов, начальство *б.* Все говорили одинаково дерзко, ругали город, попов, начальство ($ЧА_2$)

3 отличнейшим умником / отличным умником ($ЧА_2$)

3–6 *Фразы*: Артамонов ∾ важного дела? — *в ЧА*$_2$ *нет.*

6–7 Слушая ∾ жалобу попа / Слушая их крик, Артамонов старший всегда вспоминал тихие слова попа Глеба (*ЧА*$_2$)

9 Он не спрашивал себя / И почти всегда спрашивал сам себя (*ЧА*$_2$); Но он не спрашивал сам себя (*БА*)

8–10 в чем и где ∾ в деле / «А что оно главное? Спрошу попа» — но забывал спросить. (*ЧА*$_2$)

11–13 Любимцем брата был ∾ он чаще всех говорил / Наиболее неприятен Петру был Коптев — любимец брата, он, точно ученый скворец, твердил всегда одни и те же слова (*ЧА*$_2$)

14–15 Всё это ∾ Техника. / *а.* Польза дела. Наше спасение — техника, промышленность. Интересы дела. *б.* Польза дела. Промышленность. Интересы дела. (*ЧА*$_2$)

16 Но в Коптеве / но вместе с тем в Коптеве (*БА*)

16–17 Но в Коптеве ∾ еретическое, разрушительное. / Он казался пьяным, [но] в нем было что-то напористое, как будто даже умное, но Петр Артамонов не замечал в нем уважения к себе, хозяину, и в бойкости этого человека чувствовал что-то разрушительное, вороватое. (*ЧА*$_2$)

18–19 Алексей удивился / Алексей очень удивился (*ЧА*$_2$)

20–25 Это — молодчина ∾ отошел от него. / Это — молодчина! Таких бы тысячи нам, что ты! — Петр замолчал. (*ЧА*$_2$)

26 он одиноко ∾ излюбленном им / Артамонов одиноко сидел [в углу] на излюбленном им кресле (*ЧА*$_2$)

27–28 смотрел ∾ за ухо / смотрел на людей, прищурив глаза (*ЧА*$_2$)

28 не желая соглашаться / не желал соглашаться (*ЧА*$_2$; *БА*)

28–31 хотел бы спорить ∾ каким-то основаниям / Он хотел бы спорить со всеми не только потому, что он глава дела, старший в нем, а еще и по каким-то другим основаниям. (*ЧА*$_2$)

31 Эти основания / Но эти основания (*БА*)

31–33 Эти основания ∾ лишь изредка / Но говорить он не умел, основания для спора были неясны ему, и он лишь изредка (*ЧА*$_2$)

34–35 поп Глеб ∾ про одного графа / мне поп Глеб рассказывал о графе Толстом (*ЧА*$_2$)

37 дело до графа / дело до Толстого (*ЧА*$_2$)

37–38 Граф ∾ деревенской России... / Это последний вздох старой России... (*ЧА*$_2$)

39–40 Он кричал ∾ в сторону Петра / И непочтительно тыкал пальцем в его сторону (*ЧА*$_2$)

40–41 *Слов*: а все остальные ∾ бродячее племя — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 219.

1 *Фразы*: «Моль ∾ Дармоеды».— *в ЧА*$_2$ *нет.*

2 Однажды он сказал / А когда Петр заметил ($ЧА_2$)

3 Это неправильно говорится / [Это глупо] Глупо говорят ($ЧА_2$)

4–5 уходить ему ∾ и держит / уходить ему некуда, незачем, оно меня облапило и держит ($ЧА_2$)

5–6 Дело человеку — барин. / *а.* Дело — не медведь, а — барин. *б.* Дело человеку — барин ($ЧА_2$)

8 Вот она — опасность! / Только у нас, только мы... Вот она опасность! — Он кричал долго, и все слушали его очень внимательно, но Петр не мог понять: хвалит его Коптев или порицает? Скорее хвалит: вот он говорит, что его, Артамонова, слова — настоящие, русские ($ЧА_2$)

9–10 А брат ∾ мысли занимаешь? / Но еще [больше] [удивил] рассердил его брат, [сказав] спросив насмешливо: — Ты что это — у Тихона мысли занимаешь? ($ЧА_2$)

11–20 *Текста*: Это очень ∾ игривый хохоток.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

21–24 выскользнуть на краткое время ∾ недовольства собою / на краткое время выскользнуть, выломиться из большого, но ограниченного круга забот о деле, он с испугом чувствовал себя снова в тумане каких-то неуловимых мыслей, чувствовал, что всё вокруг не нравится ему и [почти], ненужно, нужно же что-то другое, а что он не мог понять ($ЧА_2$)

24–25 Было ∾ светлое пятно / В тусклом тумане этом было только одно светлое пятно ($ЧА_2$)

25–26 любовь ∾ Никонова / любовь покрылась тенью ($ЧА_2$)

26–27 под тяжестью [случая] убийства ($ЧА_2$)

29 из страха за тебя / из боязни за тебя ($ЧА_2$)

30 и не мог скрыть / он не мог скрыть ($ЧА_2$)

31–33 страх явился ∾ оправдать его / *а.* боязнь явилась за какую-то секунду до убийства [а] и что еще до боязни он уже ненавидел мальчика и, наверное, так или иначе погубил бы его. Но он понимал, что боязнь [лучше] несколько оправдывает его, и даже порою, успокаивая темную свою тревогу, думал: «Раньше или теперь, то или другое, но он должен был сделать из любви к сыну что-то необыкновенное, чтоб закрепить сердце [сына] Ильи за собою на всю свою жизнь». Но иногда кто-то [подска⟨зывал⟩] беспощадно подсказывал ему, что любовь к Илье — соломинка, за которую он хватается, чтоб окончательно не утонуть в бездонном омуте скуки. «Но надо, чтоб он, когда вырастет, вошел в дело не так, как я: впрягли и — повез»,— думал он. *б.* боязнь явилась за секунду до убийства, что еще до боязни он уже ненавидел мальчика, и наверное, так или иначе погубил бы его. Он понимал, что боязнь не-

сколько оправдывает его и даже порою, успокаивая темную свою тревогу, думал: «Раньше или теперь, то или другое, но он должен был сделать из любви к сыну что-то необыкновенное, чтоб закрепить сердце Ильи за собою на всю жизнь. Надо, чтоб он, когда вырастет, вошел в дело не так, как я: впрягли и — повез», — думал он ($ЧА_2$)

33 Однако, разговаривая / *а.* Но разговаривая *б.* Однако, разговаривая ($ЧА_2$)

37 сын растет быстро / сын растет очень быстро ($ЧА_2$)

38 Илья становился спокойнее / [Он] Илья стал ровнее ($ЧА_2$)

40 с младшей ∾ над Еленой / с младшей сестрою, над старшей ($ЧА_2$)

Стр. 219—220.

41–1 был заметен ∾ вдумчивый холодок / чувствовался какой-то озабоченный, задумчивый холодок ($ЧА_2$)

Стр. 220.

1–2 Павла Никонова заменил Мирон / *а.* Место Павла Никонова занял сын Алексея *б.* Павла Никонова заменил сын Алексея ($ЧА_2$)

2 *После*: не разлучались — вместе гуляли ($ЧА_2$)

3 неистощимо разговаривая / всегда и неистощимо разговаривая ($ЧА_2$)

4 в саду, в беседке / в беседке сада ($ЧА_2$)

4–5 Илья почти не жил дома / У Ильи не хватало времени для отца, он почти не жил дома ($ЧА_2$)

6–7 с Мироном и ∾ Горицветовым / вместе с Платоном и [племянником попа Глеба] вихрастым, черненьким [мальчишкой] Горицветовым ($ЧА_2$)

9 его [бойкие] глаза ($ЧА_2$)

12 Петр Артамонов увидал / Петр увидел ($ЧА_2$)

13 брови сына / брови Ильи ($ЧА_2$)

15–16 Александр — племянник ∾ он первый... / *а.* [Я⟨ков?⟩] Александр — племянник [наш⟨его⟩] священника нашего — отца Глеба, значит — чистый, русский. Он — первый у нас. *б.* Александр — племянник священника нашего Глеба, значит — чистый русский. Он первый у нас. ($ЧА_2$)

18 везде ∾ лезут / везде вперед лезут ($ЧА_2$)

21–22 *Фразы*: И в Воргороде ∾ на ярмарке... — *в* $ЧА_2$ *нет.*

24 Жиды — плохое слово. / Жиденята — плохое слово. ($ЧА_2$)

25 стукнув чайной ложкой / стукнув чайной чашкой ($ЧА_2$)

27–31 Да что ты ∾ такого, ласкового... / *а.* Да что ты меня учишь? Не знаю я что ли, как надо говорить? Учитель какой! *б.* Да что меня учишь? Учитель какой! Я не слепая, я — вижу,

как [обезьяна] подхалим этот ко всем, даже к Тихону, ластится, вот я и говорю: ласков, как жиденок, а ласковые — опасные, вот я что говорю. (*ЧА*$_2$)

32–34 Довольно ∾ слова нельзя сказать! / *а.* Что уж это, Петр Ильич, слова сказать нельзя...— Ну, довольно! — строго вмешался Петр.— Ты, Илья, сам видишь: обличье у мальчиша — не русское. *б.* [Обиженная, выжимая слезы] И, готовая заплакать, она жаловалась: что уж это, Петр Ильич, слова сказать нельзя... (*ЧА*$_2$)

35 Илья замолчал ∾ напомнила ему / Илья, дернув плечами, замолчал, но мать еще долго, хотя все тише, жаловалась на его непочтительность (*ЧА*$_2$)

38–39 усмехнулся, дернув себя за ухо / усмехнулся в бороду (*ЧА*$_2$)

Стр. 221.

1–2 подарка Ольги / подаренного Ольгой (*ЧА*$_2$)

1–2 ей казалось / ей всё казалось (*ЧА*$_2$)

3 страху матери / страху жены (*ЧА*$_2$)

3–4 сам отец / сам Петр (*ЧА*$_2$)

5 Что забавное / Что интересного, что забавного (*ЧА*$_2$)

5–7 Вечерами они ∾ голос мужика / Они часто, по вечерам, сидели у ворот, и Петр слышал голос темного мужика (*ЧА*$_2$)

8 Это — так. / Нет, это — не так. (*ЧА*$_2$)

8–9 А насчет углов / И насчет углов (*ЧА*$_2$)

11–12 смеялся бархатисто, немного, / смеялся бархатисто, но немного (*ЧА*$_2$)

12 Мирон — сухо / Платон — сухо (*ЧА*$_2$)

12–14 Горицветов ∾ убеждая друзей / *а.* Горицветов громче их, но всегда обрывая смех свой сразу, решительно *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

17–18 *После*: вообще человек — Да. Про него, главное (*ЧА*$_2$)

18 Кто к чему назначен / *а. Слов нет б.* [Который] Кто к чему назначен? (*ЧА*$_2$)

19 Вот ∾ надо. / *а. Фразы нет. б.* Вот. (*ЧА*$_2$)

20 *Слова*: насквозь — *в* *ЧА*$_2$ *нет.*

20–21 говорите ∾ словцо. / *а.* говорите: конечно *б.* говорите словцо: конечно (*ЧА*$_2$)

23–24 *Фразы*: И Тихон ∾ свою поговорку.— *в* *ЧА*$_2$ *нет.*

25–26 Человек ∾ идет. / *а. Слов нет б.* Человек — прядет, а черт дерюгу ткет, так оно без конца и идет. (*ЧА*$_2$)

27–28 Молодежь хохотала ∾ Тихон, вздыхал. / *а.* Молодежь снова дружно смеялась *б.* Молодежь хохотала [и редко]

[густо хо⟨хотал⟩], подсмеивался неохотно густо и Тихон и потом, вздыхая, говорил какую-нибудь прибаутку (*ЧА*$_2$)

30 В сумраке ∾ становились / В сумраке вечернем дети [каза⟨лись⟩] становились (*ЧА*$_2$)

31 при свете солнца / при свете дня (*ЧА*$_2$)

31–32 Тихон распухал / Тихон в тулупе распухал (*ЧА*$_2$)

31–36 Беседы Ильи ∾ неясные опасения / Беседы Ильи с Тихоном [увеличивали] укрепляли неприязнь Артамонова старшего к дворнику, внушая какие-то неясные опасения (*ЧА*$_2$) [1]

36 Он спрашивал сына / «Темная морда»,— думал он, дергая себя за ухо и спрашивая сына (*ЧА*$_2$)

38 Интересный человек. / [Любопытный] Интересный мужик,— говорил Илья. (*ЧА*$_2$)

39–41 Да чем интересен ∾ понимать надо. / Чем интересен-то? Разве глупостью своей? — Илья помолчал и неохотно ответил: — Это же и глупость понимать надо. (*ЧА*$_2$)

Стр. 222.

2 Это — верно / [Вер⟨но⟩] Он сказал: — Верно (*ЧА*$_2$)

3 Но он тотчас же сообразил / Но тут же сообразил (*ЧА*$_2$)

5 Сын возбуждал в нем. / Сын возбуждал у него (*ЧА*$_2$)

6–7 посвистывая ∾ из окна / посвистывая [и нахмурясь], смотрел на рабочих [идущих] (*ЧА*$_2$)

8–11 идет по ткацкой ∾ впрягли и — повез / идет по корпусу среди [ж⟨елезных?⟩] станков, деловито хмурый, или же, посвистывая, идет в поселок легким шагом, он думал: «Будет толк из него. Зоркий парень». (*ЧА*$_2$)

12–13 Было ∾ как бы заранее / И жалел, что сын мало разговорчив, а если и говорит, то кратко и как бы заранее (*ЧА*$_2$)

14–15 они не возбуждают ∾ беседу / они [пу⟨гают⟩] не возбуждают желания продолжать беседу с Ильей (*ЧА*$_2$)

16–17 и утешал себя тем, что Илья / и видел, что сын (*ЧА*$_2$)

17–18 на крикливого ∾ ленивого Якова / на [болтливого] крикливого Горицветова, на вялого Якова (*ЧА*$_2$)

19 который ∾ говорил книжно / который [совсем уж] все больше терял юношеское в себе, говорил книжно (*ЧА*$_2$)

21–22 в книгах ∾ строгий закон / есть свой строгий закон и повод всегда говорить тоном судьи (*ЧА*$_2$)

23–24 и вот дети / и вот сын (*ЧА*$_2$)

25 Наталья напутствует / мать напутствует (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Текста*: Беседы Ильи ∾ строгий закон *(стр. 222, строка 22)— во второй редакции нет.*

26—27 как скажешь, что скучно жить / как скажешь о Никонове? Или о том, что скучно жить (ЧА$_2$)

27—28 однообразных забот о деле / однообразных забот (ЧА$_2$)

28 Об этом не говорят / Он усмехнулся, что о таких вещах не говорят (ЧА$_2$)

30 Артамонову старшему / Петру Артамонову (ЧА$_2$)

33—34 его захватила в пути / его захватила (ЧА$_2$)

37—38 земля под ногами ∾ до осей / земля под ногами лошадей и под шарабаном растаяла и потекла, заливая колеса до осей (ЧА$_2$)

39 освещал кипение / освещал мутное кипение (ЧА$_2$)

Стр. 222—223.

41—1 взлетали ∾ черные деревья / *а.* взлетали черные деревья, точно подпрыгивая от страха *б.* подпрыгивая от страха, взлетали черные деревья (ЧА$_2$)

Стр. 223.

3 кучер Яким / кучер Аким (ЧА$_2$)

4 успокаивал коней / успокаивал их (ЧА$_2$)

4 ледяным шумом / холодным шумом (ЧА$_2$)

6 охлестывая листву / охлестывая сосны (ЧА$_2$)

8 К Поповым ∾ сказал Яким / Аким слез с козел, погрузился во тьму и закричал: — К Поповым надо ехать. (ЧА$_2$)

9 Артамонов, одетый / Петр Артамонов [сидит так], одетый (ЧА$_2$)

9—10 обтянутый ∾ сконфуженно сидит / туго обтянутый им, сконфуженно и боясь пошевелиться сидит (ЧА$_2$)

12—14 чай разливает ∾ в темном широком платье. / *а.* чай разливала тонкая женщина в чалме рыжеватых волос, в темном, широком платье. *б. Как в тексте.* (ЧА$_2$)

15 хорошо светятся / хорошо светились (ЧА$_2$)

15 мягким голосом / *а.* и низким, мягким, густым голосом *б.* мягким голосом (ЧА$_2$)

23 по губернии / по уезду (ЧА$_2$)

25—26 а в этом доме ∾ праведное / *а.* но в этом доме ничто не стесняло и было что-то очень ласковое. *б. Как в тексте.* (ЧА$_2$).

30 пред нею лежала тетрадь / *а.* [пред этой девочкой] пред нею лежала большая тетрадь *б.* пред нею лежала большая тетрадь (ЧА$_2$)

30 лежала тетрадь / лежала большая тетрадь (*БА*)

32 Комната невелика / Комната была невелика (ЧА$_2$)

34 каждая жила / *а.* но каждая жила *б.* каждая жила (ЧА$_2$)

35 три очепь яркие картины / *а.* три картины *б.* три очень яркие картины ($ЧА_2$)

36 белая, сказочпая лошадь / *а.* белая лошадь *б.* белая, сказочная лошадь ($ЧА_2$)

38 и, точно / *а.* и, как *б.* и точно ($ЧА_2$)

Стр. 224.

3–5 За дверью ∾ не пугая душу. / *а.* За стеклянной дверью на балкон, сквозь полукруг разноцветных стекол, было видно, как синевато и беззвучно вспыхивало черное небо. *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

7–8 образ сероглазой тихой женщины / *а.* образ сероглазой женщипы *б.* образ сероглазой тихой женщины ($ЧА_2$)

8 *После*: устроила этот уют.— *а.* и память об ее голосе. *б. Слова зачеркнуты.* ($ЧА_2$)

11 с печалью и завистью / *а.* с грустной завистью *б.* с печалью и завистью ($ЧА_2$)

13 Он почему-то не сказал жепе / *а.* Он не сказал жепе. *б.* Он почему-то не сказал жене ($ЧА_2$)

14 скрыл его от Алексея / *а.* почему-то скрыл его от брата *б.* почему-то скрыл от брата ($ЧА_2$)

15 к брату / *а.* к Алексею *б.* к брату ($ЧА_2$)

23–24 нечто нехорошее / *а.* [упрек] беспокойство *б.* нечто нехорошее ($ЧА_2$)

26 *После*: Я — забыл.— *а.* Женщины засмеялись. *б. Фраза зачеркнута.* ($ЧА_2$)

31 уши ∾ растут / *а.* уши у него чешутся *б.* уши у него чешутся, растут! ($ЧА_2$)

32 улыбалась необидпо, ласково. / *а.* улыбалась необидной и ласковой улыбкой. *б.* улыбалась необидно, ласково ($ЧА_2$)

Стр. 225.

3 Петр сказал. / *а.* Поняв, о чем идет речь, Петр сказал *б.* Петр сказал ($ЧА_2$)

5–6 Почему же? ∾ Надо. /*а.* Брат удивленно взглянул на него, Попова спросила, прихлебывая мед: — Почему же? *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

11 дать Поповой денег / *а.* выдать Поповой денег *б.* дать Поповой денег ($ЧА_2$)

20–22 не находя ∾ Пополам дадим / *а.* не находил возражений, и вдруг, неожиданно для себя, сказал: — Пополам.— Что пополам? — Денег дадим *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

29–30 Артамонов выучился / *а.* он выучился *б.* старший Артамонов выучился ($ЧА_2$)

Стр. 226.

6–7 *После*: думы и намерения.— *а.* Если б он знал *б. Слова зачеркнуты* ($ЧА_2$)

14 *После*: Послушай — *а.* черт возьми *б. Слова зачеркнуты* ($ЧА_2$)

18 Желаю удачи. /*а.* Дуришь. Хотя желаю удачи. *б.* Желаю удачи. ($ЧА_2$)

19 Петр тоже чувствовал / *а.* Петр чувствовал *б.* Петр тоже чувствовал ($ЧА_2$)

20 он подарил / *а.* он купил *б.* он подарил ($ЧА_2$)

24 Алексей сказал /*а.* брат сказал *б.* Алексей сказал ($ЧА_2$)

27–28 мужчины шалят / *а.* мужчины и женщины шалят *б.* мужчины шалят ($ЧА_2$)

36 легкой рукой / *а.* сухой рукой *б.* легкой рукой ($ЧА_2$)

40 со мной останется / *а.* с мной только останется *б.* со мной останется ($ЧА_2$)

Стр. 227.

2–4 она являлась ∾ праведной жизни / *а.* являлась пред ним бесплотной *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

6 и вдруг / *а.* и однажды, вдруг *б.* и вдруг ($ЧА_2$)

10–11 неотразимо соблазнительна / *а.* необыкновенно соблазнительна. *б.* неотразимо соблазнительна ($ЧА_2$)

12–13 смотрел ∾ на бедра / *а.* смотрел на ее белые руки *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

14 почувствовал ∾ руки вокруг своего тела / *а.* чувствовал эти крепкие руки вокруг своей шеи, они душили его. *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

16 прошел к окну / *а.* быком прошел к окну *б.* прошел к окну ($ЧА_2$)

18 так властно / *а.* так неотразимо *б.* так властно ($ЧА_2$)

20 опасное, угрожающее / *а.* опасное для себя. *б.* опасное, угрожающее ($ЧА_2$)

26 медленно сыпалась / *а.* лениво сыпалась *б.* медленно сыпалась ($ЧА_2$)

27–28 тяжело оседая ∾ она мешала / *а.* она, тяжело оседая на волосах бороды, мешала *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

29 так же ∾ раздавленным / *а.* так же тяжело *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

31 убийства Павла Никонова / *а.* смерти Павла Никонова. *б.* убийства Павла Никонова ($ЧА_2$)

31–32 этих двух моментов / *а.* этих моментов *б.* этих двух моментов ($ЧА_2$)

33 Было ясно / *а.* Было также ясно *б.* Было ясно ($ЧА_2$)

34 *После*: любовницей своей.— *а.* и, пробуя достигнуть этого,

потеряет возможность прятать себя от жены и дела в картинах выдуманной им милой ему жизни *б. Текст зачеркнут* (ЧА$_2$)

36 темнит ∾ милое ему / *а.* темнит его мечты *б. Как в тексте.* (ЧА$_2$)

36–37 *После*: отодвигая эту женщину — *а.* дальше от него *б. Слова зачеркнуты.* (ЧА$_2$)

40–41 уже не возбуждали / *а.* не волновали *б.* уже не возбуждали (ЧА$_2$)

Стр. 228.

6–7 чем-то угрожающим / *а.* чем-то непонятным, угрожающим *б.* чем-то угрожающим (ЧА$_2$)

9 всем телом помнил / *а.* хорошо, всем телом помнил *б.* всем телом помнил (ЧА$_2$)

18 отворил низенькую дверь / *а.* вошел в низенькую дверь *б.* отворил низенькую дверь (ЧА$_2$)

24 Опять человека укусила. / *а.* Опять она человека укусила. *б.* Опять человека укусила (ЧА$_2$)

25 Кого? / *а.* Кого это? *б.* Кого? (ЧА$_2$)

29–30 *После*: стал рычать — *а.* И на тебя? — Беситься стал, на цепи живя *б. Текст зачеркнут* (ЧА$_2$)

30 Положим, и человек / *а.* Это и человек *б.* Положим, и человек (ЧА$_2$)

34 даже этот / *а.* даже он *б.* даже этот (ЧА$_2$)

37 огонь в окне / *а.* это огонь в окне. *б.* огонь в окне (ЧА$_2$)

38 Артамонов пошел / *а.* Артамонов, оглянувшись пошел *б.* Артамонов пошел (ЧА$_2$)

40 что-то ковыряя иглой / *а.* и что-то шила *б.* что-то ковыряя иглой (ЧА$_2$)

41 не поднимая головы, спросила / *а.* не поднимая головы, сказала *б.* не поднимая головы, спросила (ЧА$_2$)

Стр. 229.

3 улыбаясь, вскрикнув / *а.* улыбаясь, вскрикивая *б.* улыбаясь, вскрикнув (ЧА$_2$)

6 точно хвастаясь *а.* удивленно *б.* точно хвастаясь (ЧА$_2$)

17 не торопясь шел / *а.* не спеша шел *б.* не торопясь шел (ЧА$_2$)

19 вспоминая бесстыдство / *а.* вспоминая забавное бесстыдство *б.* вспоминая бесстыдство (ЧА$_2$)

24–25 задорной наготою / *а.* хвастливой, задорной наготою *б.* задорной наготою (ЧА$_2$)

25 было развязано / *а.* было расстегнуто, развязано *б.* было развязано (ЧА$_2$)

26 с вызывающим бесстыдством / *а.* с вызывающей гордостью *б.* с вызывающим бесстыдством ($ЧА_2$)

27–29 Зинаида ∾ сильнее вина. / *а.* и всё это Зинаида и подруги ее называли любовью *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

30–32 Артамонов знал ∾ прозвище Насос. / *а.* Артамонов [конечно] давно знал, что чистенький старичок Серафим в своей квартире, прикрытой конюшнями, с выходом на берег реки, устроил для служащих фабрики маленький публичный дом, что молодежь называет эту приземистую хижину с крышей на один скат «Капканом» и что Зинаида носит циническое прозвище «Насос». *б.* Артамонов давно знал, что чистенький Серафим в своей квартире устроил для служащих фабрики маленький публичный дом и что Зинаида носит прозвище Насос. ($ЧА_2$)

32–33 Сам плотник / *а.* Сам Серафим *б.* Сам плотник ($ЧА_2$)

33 жилище свое / *а.* заведение свое *б.* жилище свое ($ЧА_2$)

33 *После*: на скамье — в углу ($ЧА_2$)

34 всегда с гуслями / *а.* всегда веселый, говорливый, с гуслями *б.* всегда с гуслями ($ЧА_2$)

35–36 бойко вскидывая ∾ розовым личиком / бойко вскидывая кудрявую головку, розовое личико ($ЧА_2$)

36–37 подмигивал, покрикивал / *а.* подмигивал и покрикивал *б.* подмигивал, покрикивал ($ЧА_2$)

38 *После*: Веселись, монашенки! — *а.* пока живы *б. Слова зачеркнуты* ($ЧА_2$)

39–40 веселому чёрту послух / *а.* чёрту послух *б.* веселому чёрту послух ($ЧА_2$)

40–41 звонкие косточки / веселые косточки ($ЧА_2$)

Стр. 230.

1–2 он совал их ∾ и разудало пел / он разудало пел бойкие песенки ($ЧА_2$)

3–6 Сидит барыня ∾ Кочергою щупают! / *а. Текста нет. б.*

Эх, притопывай нога,
Притопывай чаще.
Лапоть легче сапога,
Баба — девки слаще!
Хошь — пляши, хошь лежи,
Люблю тебя белую,
Не желаешь, так скажи,
Я те гробик сделаю. ($ЧА_2$)

7 10 Много прибауток ∾ человек — сито! / *а. Текста нет. б.* [—Много, ты [Се⟨рафим⟩] прибауток знаешь.— Сито! Я — сито. Какую хошь дрянь насыпь в меня, я тебе [чист⟨ую⟩]

песню свою! — Не шевелясь, гладя под стол, [всё еще наклонив смазанную маслом голову] наклонив голову, показывая хозяину серую, в ладонь величиною, лысину на макушке] — Много ты прибауток знаешь! — удивляется Артамонов, а старичок хвастливо говорил (ЧА$_2$)

12 Меня этому / Это меня (ЧА$_2$)

14 тоже пьяница. Притворился бедным / *а.* тоже горький пьяница, хитрый, притворялся, будто бедный *б. Как в тексте.* (ЧА$_2$)

15–16 мелочью торговал / мелочью торговал будто (ЧА$_2$)

17 Гляди, говорит / Вот, говорит, смотри (ЧА$_2$)

18 о чем наши мужики думают / *а.* что и как мужики думают *б.* что мужики думают (ЧА$_2$)

19–20 дать мужикам волю / дать народу волю (ЧА$_2$)

21 не трогать, а сослать живого / *а.* живого сослать *б.* его живого сослать (ЧА$_2$)

22 *После*: сколько хочет — только бы никуда не выпускать, даже и по праздникам (ЧА$_2$)

22 *Слов*: на казенный счет — *в ЧА$_2$ нет.*

22–23 Потому, видишь, что Япушкин / потому что Япушкин этот (ЧА$_2$)

24–25 они были ∾ их скрыть / *а.* царю они были невыгодны и это требовалось загасить *б.* царю они были невыгодны и требовалось их загасить (ЧА$_2$)

25–26 Там ∾ спился / *а. Слов нет. б.* Там он, в Суздале, и спился (ЧА$_2$)

26 *Слов*: а записи ∾ выкрали.— *в ЧА$_2$ нет.*

29 говорил старик / я ведь правды не знаю, балагурил старик (ЧА$_2$)

30 *После*: он не шутит.— *а.* Он часто говорил *б. Слова зачеркнуты* (ЧА$_2$)

31–35 Врет ∾ покаместь молода. / *а.* Врет тот, кто правду знает, а я правды не знаю. Тихон знает, а я нет. Напоминания о дворнике всегда были неприятны Артамонову.

— Дурак он, Тихон.

Старик не соглашался.

— Не-ет,— усмехаясь, говорил он, покачивая головой, — нет, он серьезный! Он про господ очень верно говорит: у них всё вращается. Ух, какой! *б.* Врет, кто правду знает, а я правды не знаю — *Далее как в тексте* (ЧА$_2$)

36 Но ∾ он знал / *а.* Серафим знал *б.* Но знал он (ЧА$_2$)

37 о господах / из жизни господ (ЧА$_2$)

37–38 о их забавах ∾ и богатстве / рассказывал о их забавах и несчастиях (*ЧА*$_2$)

38–39 рассказывая ∾ с явным сожалением / всегда [го⟨ворил⟩] с явным сожалением добавляя (*ЧА*$_2$)

Стр. 231.

1–2 С точки жизни ∾ Сорвались... / Сами себя не понимают,— с глузду съехали, сорвались! [Вертятся] (*ЧА*$_2$)

3 Он писал / Говоря это, он писал (*ЧА*$_2$)

5 Зашалились! ∾ и пел / *а.* Шалят! — говорил он, подмигивая. *б.* Шалят,— говорил он и, подмигивая, пел (*ЧА*$_2$)

10 Рассказывал Серафим / рассказывал он (*ЧА*$_2$)

11 мужицких бунтах / мужицких бунтах и сектантах (*ЧА*$_2$)

11 как ночами / по ночам (*ЧА*$_2$)

13 так занятно / *а.* так интересно *б.* так занятно (*ЧА*$_2$)

14 эти [бойкие] сказки (*ЧА*$_2$)

16–17 В Зинаиде ∾ распутства / *а.* В характере Зинаиды Артамонов наблюдал пугавшее его соединение [какого-то] яростного бесстыдства *б.* В характере Зинаиды Артамонов брезгливо наблюдал соединение [какого-то] яростного бесстыдства (*ЧА*$_2$)

20–22 «Почему ∾ узнает про нее». / и спрашивал себя: «Почему — эту выбрал я? Есть моложе, красивее. Не надо, чтоб про нее Илья знал». Разумеется, на фабрике стало известно, что хозяин «гуляет», но Артамонов заметил, что это только улучшило отношение рабочих к нему, на него стали мягче смотреть и как будто ласковее кланятся ему. (*ЧА*$_2$)

23 Он замечал / Он заметил (*ЧА*$_2$)

24 к своим забавам / к забавам своим (*ЧА*$_2$)

25 как солдаты к службе / *а.* как солдаты к своей службе, и что он тоже *б.* как солдаты к службе (*ЧА*$_2$)

27–28 назойливая жадность ∾ попрошайничество / ее жадность к деньгам, назойливое попрошайничество (*ЧА*$_2$)

28–29 это было ∾ у Серафима / *а.* жадность у нее была выражена более резко, чем у старика *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

32 мармелад и сдобные булки / сдобные булки и мармелад (*ЧА*$_2$)

33–35 Артамонову очень нравился ∾ Утешитель / *а.* Ему нравился этот забавный старичок, веселый, ласковый, искусный работник, влюбленный в свою работу; его, видимо, все любили и прозвали «Утешителем» *б.* Артамонову нравился этот легкий, забавный старичок, искусный работник, да его на фабрике все любили и даже прозвали «Утешителем» (*ЧА*$_2$)

36 Петр видел / и Артамонов видел (*ЧА*$_2$).

37 *Слов*: а насмешка звучала ласково — *в ЧА*$_2$ *нет.*

38 Тем более ∾ ему дружба / Непонятна и неприятна была дружба ($ЧА_2$)

39–40 Тихон ∾ углублял эту неприязнь / это стало еще более непонятно, после одной беседы, очень памятной ($ЧА_2$)

Стр. 232.

2 особенно торжественным днем / торжественным днем ($ЧА_2$)

3–5 Подумай ∾ мы от него. / Подумай,— сказала она мужу,— какой редкий человек! Ведь ничего худого не видели мы от него за двадцать лет... ($ЧА_2$)

5 *Фразы*: Как восковая свеча теплится.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

6 Желая особенно ∾ Петр / Петр согласился и даже решил особенно почтить дворника ($ЧА_2$)

8 стоял Тихон / смущенно стоял Тихон ($ЧА_2$)

10–14 От меня тебе ∾ Спасибо. / он выслушал приветствие и, приняв серебряные часы, сукно на поддевку и двадцать пять рублей денег, сказал: — Спасибо. Деньги-то — лишнее. ($ЧА_2$)

16 а старичок тотчас же / *а.* который тотчас же *б.* а старичок тотчас же ($ЧА_2$)

17 заиграл словами / заблестел словами. ($ЧА_2$)

18 Ты, Петр Ильич ∾ мы — тебе. / Ты нам цену знаешь, Петр Ильич, и мы тебе тоже. ($ЧА_2$)

22–23 вертя в пальцах ∾ глядя на них / осторожно поглаживая рукою подарок, сукно, лежащее у него на коленях, вставил ($ЧА_2$)

24–25 за них держимся / за перила держимся ($ЧА_2$)

27 А то бы упали, значит! / А то бы упали. ($ЧА_2$)

28 сказал Артамонов / *а.* сердито сказал Артамонов *б.* сказал Артамонов ($ЧА_2$)

29 *Фразы*: Вам — не понять...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

30–31 Он не находил ∾ рассердили его. / *а.* Он не сумел выразиться более основательно. Его очень рассердили эти слова. *б.* Его очень рассердили слова Тихона ($ЧА_2$).

31–35 Не впервые ∾ дергая ухо. / *а.* Тихон не впервые одевал ими [ка⟨кую-то⟩] свою упрямую мысль, всегда обижавшую Артамонова. *б.* Тихон не впервые одевал ими свою упрямую мысль. ($ЧА_2$)

38–39 проворчал Тихон / *а.* проговорил Тихон *б.* проворчал Тихон ($ЧА_2$)

41 он строго спросил / *а.* он поспешил уйти *б.* он строго спросил ($ЧА_2$)

Стр. 233.

1 неразумно бормочешь о деле / *а.* непонятно говоришь о делах. *б.* неразумно бормочешь о деле ($ЧА_2$)

3 Тихон ∾ согласился / *а.* Тихон крепко крякнул [из-за], глядя под стол, и согласился *б.* Тихон ∾ согласился (ЧА$_2$)

5 заговорил плотник / *а.* вмешался плотник *б.* Заговорил плотник (ЧА$_2$)

9–10 не шевелясь ∾ вздохнул / *а.* все глядя под стол, нехотя вмешался *б.* не шевелясь ∾ вздохнул (ЧА$_2$)

11 Каина обучил... / *а.* Каина научил... *б.* Каина обучил (ЧА$_2$)

12 крикнул Серафим / *а.* воскликнул плотник *б.* Крикнул Серафим (ЧА$_2$)

14 сердито посоветовал / *а.* сердито посоветовал *б.* сердито советуя (ЧА$_2$)

19 следует рассчитать / *а.* следовало бы рассчитать *б.* следует рассчитать (ЧА$_2$)

20 *Фразы*: Ну ∾ через неделю.— *в* ЧА$_2$ *нет.*

25 тихо сказал Петр / *а.* пробормотал Петр *б.* Тихо сказал Петр (ЧА$_2$)

27–28 Если вы не согласны ∾ отказать мне. / *а.* Если вы на это не согласны, за вами право [продать] отказать. *б. Как в тексте* (ЧА$_2$)

30 *После*: так неожиданно быстро — *а.* и легко *б. Слова зачеркнуты.* (ЧА$_2$)

35 хлопая фуражкой / *а.* хлопая картузом *б.* хлопая фуражкой (ЧА$_2$)

38–39 И чтобы ∾ понимаешь? / *а.* И чтоб она не беспокоилась, у меня никаких намерений нет, поняла? *б. Как в тексте* (ЧА$_2$)

Стр. 234.

1 Я-то понимаю / *а.* Я-то, кажется, поняла *б.* Я-то понимаю (ЧА$_2$)

6 *После*: не ищу этого — *а.* поняла? *б. Слово зачеркнуто* (ЧА$_2$)

16 убедительно ясное / *а.* убедительное, подавляющее *б.* убедительно ясное (ЧА$_2$)

19 висели изящные кисти / *а.* висели белые, изящные кисти *б.* висели изящные кисти (ЧА$_2$)

20–22 Это замечательная усадьба ∾ Она в Рязани... / *а.* Это, брат, замечательно, да? Она там картина в раме. Она родилась там, привыкла *б. Как в тексте.* (ЧА$_2$)]

23 А у меня / *а.* И у меня. *б.* А у меня (ЧА$_2$)

24 *После*: спокойно уснула...— *а.* Чего? *б. Слово зачеркнуто* (ЧА$_2$)

26 всё равно для души / *а.* всё равно *б.* всё равно для души (ЧА$_2$)

29 слушала, облокотясь на стол / *а.* слушала его внимательно, облокотясь на стол, играя пальцами *б.* слушала, облокотясь на стол (*ЧА*$_2$)

30 сказала / она сказала (*ЧА*$_2$)

32 И поведала ему / *а.* И рассказала *б.* И поведала ему (*ЧА*$_2$)

36 *После*: понять, что знает.— *а.* Не понимаешь ты ничего. *б. Фраза зачеркнута* (*ЧА*$_2$)

39 Зинаиду прозвали / *а.* А Зинаиду прозвали *б.* Зинаиду прозвали (*ЧА*$_2$)

39 это — верно / *а.* тоже верно *б.* это — верно (*ЧА*$_2$)

Стр. 235.

2 так и есть / *а.* верно это *б.* так и есть (*ЧА*$_2$)

2–3 боишься ты сам себя / *а.* боишься ты души своей *б.* боишься ты сам себя (*ЧА*$_2$)

8–9 *После*: не разговоришься.— бить хочется (*ЧА*$_2$)

10–11 Он надел фуражку ∾ думая о жене / *а.* Он надел картуз и ушел, внезапно охваченный тяжелой скукой, ушел и думал о жене. *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

13–14 заученно ∾ под бок мужа / *а.* привычно помолясь, заученными движениями укладывалась рядом с ним. *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

15 гневно думал он / *а.* грубо и сердито думал он и ругал Наталью *б.* гневно думал он (*ЧА*$_2$)

16 Жена была / *а.* Она была *б.* Жена была (*ЧА*$_2$)

19–20 с безобразно раздутым, багровым / *а.* с посиневшим, безобразно раздутым *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

20 *После*: смотрит на него — *а.* последнее время *б. Слова зачеркнуты.* (*ЧА*$_2$)

22 жалобно текут слезы / *а.* [от] через дряблые веки текут слезы *б.* жалобно текут слезы (*ЧА*$_2$)

22–23 губы шевелятся / *а.* губы ее шевелятся *б.* губы шевелятся (*ЧА*$_2$)

23 язык немо вываливается / *а.* язык бессильно, немо вываливается *б.* язык немо вываливается (*ЧА*$_2$)

27 *После*: Ее жалко.— *а.* думал он. *б. Слова зачеркнуты* (*ЧА*$_2$)

29 *После*: с Зинаидой.— *а.* до приезда Ильи на каникулы. *б. Слова зачеркнуты.* (*ЧА*$_2$)

30–31 с похмельными / *а.* с хмельными *б.* с похмельными (*ЧА*$_2$)

32 ноющие думы / *а.* бесконечные и тяжелые думы *б.* новые, ноющие думы (*ЧА*$_2$)

32 Как будто родился / *а.* Как будто возник. *б.* Как будто родился (*ЧА*$_2$)

33–34 рядом ∾ за спиной / *а.* рядом с ним, шел за плечами *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

34 *После*: двойник растет — *а.* всё быстрей *б. Слова зачеркнуты* ($ЧА_2$)

35 *После*: ему во всем — *а.* привычном и простом *б. Слова зачеркнуты.* ($ЧА_2$)

36 Артамонов настоящий / *а.* Артамонов живой *б.* Артамонов настоящий ($ЧА_2$)

39 досадные, едкие мысли / *а.* новые, едкие мысли *б.* досадные, едкие мысли ($ЧА_2$)

41 От любви к сыну / *а.* Это от любви к нему ($ЧА_2$). *б.* От любви к сыну ($ЧА_2$)

Стр. 236.

8–9 за бойкого парня / *а.* за маленького, бойкого парня *б.* за бойкого парня ($ЧА_2$)

10–11 задохнулась теща, знойным полуднем / *а.* умерла наконец теща, душным полуднем *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

11–12 не успели положить ее / *а.* не успели [тещ⟨у⟩] положить *б.* не успели положить ее ($ЧА_2$)

18 когда вошел / *а.* когда [челов⟨ек⟩] вошел *б.* когда вошел ($ЧА_2$)

19–20 на исхудавшем, смугловатом лице / на исхудавшем, серьезном большелобом лице ($ЧА_2$)

22 вежливо поздоровались *а.* ласково поздоровались *б.* вежливо поздоровались ($ЧА_2$)

29 неумные слова / *а.* странные слова *б.* неумные слова ($ЧА_2$)

30–31 значительно изменясь, оно / оно значительно изменилось ($ЧА_2$)

31–32 потемневших волос / *а.* темноватых волос *б.* потемневших волос ($ЧА_2$)

32–33 глаза углубились / *а.* глаза углубились, смотрели еще более упрямо, твердо, настороженно *б.* глаза углубились ($ЧА_2$)

Стр. 237.

2 Илья [заглянул] взглянул ($ЧА_2$)

3 я [ста⟨ну⟩] буду ($ЧА_2$)

10–12 *Слова*: и то, что он ∾ заговорил об этом — *вписаны в третьей редакции* $ЧА_2$

13–14 где фыркала паром / *а.* где задыхаясь, фыркая паром *б.* где фыркала паром ($ЧА_2$)

17 Ей и надо учиться. / Ей, этой, и надо учиться. ($ЧА_2$)

18–19 история — дело не наше / *а.* истории — дело не наше *б.* история — дело не наше ($ЧА_2$)

20 Мирон сменит, Яков / *а.* Платон сменит, потом — Яков есть — Кто? *б.* Мирон сменит, Яков ($ЧА_2$)

20 Мирон — [ин⟨женер⟩] будет инженером ($ЧА_2$)

23 Мирон — племянник / *а.* Мирон племянник мне *б.* Мирон — племянник ($ЧА_2$)

23–24 об этом после поговорим / *а.* ладно, об этом еще поговорим *б.* об этом после поговорим ($ЧА_2$)

27–28 выговорив глупость, сонно зевнул / *а.* выговорил какую-то глупость и сонно зевнул *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

30 *После*: посмотрим на реку — *а.* Посидим там до чая. *б. Фраза зачеркнута* ($ЧА_2$)

31 *После*: Растрясло.— *а.* Посидеть надо бы с матерью. *б. Фраза зачеркнута* ($ЧА_2$)

36 дал сыну / *а.* дал себе и сыну *б.* дал сыну ($ЧА_2$)

40 мертвеньким голосом / *а.* мертвеньким, ровным голосом *б.* мертвеньким голосом ($ЧА_2$)

40–41 дурацкие слова / дурацкие пули ($ЧА_2$)

Стр. 238.

11 чтоб присмотрел / *а.* чтоб он присмотрел *б.* чтоб присмотрел ($ЧА_2$)

17–18 румяное лицо / *а.* очень румяное, расплывшееся лицо *б.* румяное лицо ($ЧА_2$)

25 усмехнулся, говоря / *а.* усмехнулся и смотрит понимающими глазами *б.* усмехнулся, говоря ($ЧА_2$)

26 *После*: Ничего, дружно.— *а.* ответил он. *б. Слова зачеркнуты* ($ЧА_2$)

32–36 В чем же? ∾ более подробно. / *а.* Так,— сказал отец, не умея спросить более подробно. *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

37 Накинул на плечи / *а.* Он надел картуз, пакинул на плечи *б.* Накинул на плечи ($ЧА_2$)

39–40 выйдя за ворота / *а.* выйдя из ворот *б.* выйдя за ворота ($ЧА_2$)

40 к реке на холм. / *а.* на реку *б.* к реке на холм ($ЧА_2$)

41 под деревом / *а.* на песке, под деревом *б.* под деревом ($ЧА_2$)

Стр. 239.

1–2 *Слова*: Простудиться ∾ неосторожный — *вписаны в третьей редакции* ($ЧА_2$)

4 необходимо сказать / *а.* надо сказать *б.* необходимо сказать ($ЧА_2$)

5 серые былинки / *а.* песок и серые былинки *б.* серые былинки ($ЧА_2$)

8 он гибко изогнул шею / он обернулся ($ЧА_2$)

9 громко хлопнул ею / неприятно громко хлопнул, точно выстрелил (*ЧА*$_2$)

10–13 потом — сел ∾ выгнутый корень / *а.* Артамонов присел на обнаженный, дугою выгнутый корень сосны, вздохнул; сын улыбнулся ему, точно погладил глазами, [встал и прислонился] и тоже стал, прислонясь спиною к стволу [сосны] дерева. Цепь слов, хорошо продуманных отцом, вдруг разорвалась, растаяла [даже слова выскользнули из памяти, как мыло из пальцев руки]. *б.* Артамонов присел ∾ и тоже встал, прислонясь спиною к стволу дерева. [Цепь слов, хорошо придуманных отцом, вдруг разорвалась, слова растаяли]

14–15 *После*: поболтаем просто — вдруг решил Артамонов (*ЧА*$_2$)

16–17 Но Илья ∾ сказал негромко / *а.* Что читаешь? — Сын, взглянув в книгу, отодвинул ее ногою, и сказал *б.* Но Илья, почесав колено, сказал (*ЧА*$_2$)

19 Как в попы. / Что это, как в попы, в архиереи... (*ЧА*$_2$)

20 Он хотел сказать шутливо / Он думал, что это будет шутка (*ЧА*$_2$)

21 угрюмо, почти сердито / почти сердито (*ЧА*$_2$)

21–22 *Слов*: он с досадой ∾ по песку.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

22–23 началось ∾ ненужное / против воли его началось что-то непонятное (*ЧА*$_2$)

23–24 синь глаз Ильи потемнела / [лицо Ильи] синь глаз Ильи стала светлей (*ЧА*$_2$)

24–25 он ∾ заговорил / и [голос] хотя не задорно, но с настойчивостью нехорошей, он сказал (*ЧА*$_2$)

26 Фабрикантом я не буду / Фабрикантом, и вообще хозяином, я не буду (*ЧА*$_2$))

26–27 не способен... / не гожусь.— Эти слова тотчас напомнили отцу упрямую глупость Тихона [он ска⟨зал⟩] (*ЧА*$_2$)

28–29 вставил отец, усмехаясь / заметил отец, недоверчиво усмехаясь (*ЧА*$_2$)

30–31 сын начал объяснять / сын [заговорил] стал объяснять (*ЧА*$_2$)

32 говорил он / он говорил (*ЧА*$_2$)

33–34 отец улавливал ∾ приятно отвечавшее / Петр Артамонов улавливал как будто нечто понятное, даже приятное, [нечто будто] и как бы отвечавшее (*ЧА*$_2$)

38 около ноги сына / около ноги Ильи (*ЧА*$_2$)

38–39 Погоди, это ∾ жить не может. / Брось это. Это — чепуха. (*ЧА*$_2$)

Стр. 239—240.

40–1 *Фразы*: Все вертятся на это веретено.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 240.

1 Гляди, сколько поговорок / Погляди, сколько поговорок есть ($ЧА_2$)

3–4 и она смазки просит / и та масла просит ($ЧА_2$)

6–7 речь свою / [простые, твердые [точ‹но›] слова, твердые, точно камни ($ЧА_2$)

7–8 *Слов*: Ему нравилось ∾ находя их — *в* $ЧА_2$ *нет.*

9 Сын [спокойно] молчал ($ЧА_2$)

11 с ладони [своей] ($ЧА_2$)

11–12 он сказал, тоже спокойно / [он] Илья сказал спокойно, как обычное ($ЧА_2$)

13 Всё это не убеждает меня. / Всё это, папаша, не убедительно для меня. Верно, а не убедительно. (ЧА)$_2$

15 Артамонов старший приподнялся / Артамонов приподнялся ($ЧА_2$)

17 отец говорит неправду / отец говорит неубедительно ($ЧА_2$)

19 Другой — нет. / Нет другой правды. ($ЧА_2$)

20 отец сказал / он сказал ($ЧА_2$)

21–22 Дедушка твой ∾ а теперь / Дедушка твой ее завел, я положил в нее всю жизнь почти, ну теперь ($ЧА_2$)

22–23 *После*: Только и всего.— *а.* Артамонов усмехнулся. *б. Фраза зачеркнута.* ($ЧА_2$)

24–27 Не плохо ∾ лентяйничать не дам... / Это — не плохо. Ну, только я лентяйничать не дам. ($ЧА_2$)

28–29 Почувствовав ∾ свои слова / Сказав это, он почувствовал, что лучше бы не говорить так, и попытался сгладить слова свои ($ЧА_2$)

30–31 тебе в Москве ∾ и Алексей / Я понимаю, здесь скучно, в Москве веселей ($ЧА_2$)

32 Илья поднял ∾ песчинки /*а.* Сын наклонился,— отец протянул руку, ожидая, что Илья встанет на колени, но он, подняв книгу, сдул с нее песок *б.* Сын наклонился,— отец наклонил руку, ожидая чего-то, но Илья, подняв книгу, сдул с нее песок ($ЧА_2$)

34 вскрикнул отец / *а.* сказал отец *б.* крикнул отец ($ЧА_2$)

36–37 Тогда Илья ∾ сказал / Тогда, глядя через плечо отца побелевшими глазами, Илья сказал ($ЧА_2$)

38 Ну что ж, мне придется / [Ничего, мне] Ну что ж, придется ($ЧА_2$)

39 Не смеешь! / Запрещаю! Не смеешь! — Артамонов кричал и [с удивлением] чувствовал, что он сердится не так сильно, как следовало бы, [это должно быть потом‹у›] но речь сына показалась ему настолько незначительной и детской, что не

злила, возбуждая печальную мысль: «А я считал его умным...» ($ЧА_2$)

40–41 Нельзя запретить ∾ тряхнув головою. / И даже когда Илья, тряхнув головою, сказал [не сильно] упрямо: — Нельзя запретить мне жить так, как я хочу ($ЧА_2$)

Стр. 241.

1–2 *Текста*: Человеку? ∾ всё — мое.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

3–5 Это вырвалось ∾ укоризненно / и это не усилило гнев отца, а вырвало у него [лишь упрек] суровый упрек ($ЧА_2$)

6–7 Эх, дурень... / Э, дурень... ($ЧА_2$)

8–10 Он видел ∾ не находят карманов. / Видя, что Илья, покраснев, дернул плечом. ($ЧА_2$)

11 что-то лишнее / что-нибудь окончательно лишнее ($ЧА_2$)

11–12 он торопливо сам сказал / он поторопился сказать ($ЧА_2$)

15–17 сказав первые слова ∾ понять его / сказав первые два слова, даже понял, что [снова] напрасно говорит об этом сейчас мальчишке, который так упрям и неспособен понять его ($ЧА_2$)

18 Сейчас ∾ подумал он / И, боясь, что Илья спросит: Какого человека? ($ЧА_2$)

19 и быстро шагнул вниз / он широко шагнул вперед ($ЧА_2$)

20 в затылок ему / в спину ему ($ЧА_2$)

22 убитых фабрикой / убитых вами ($ЧА_2$)

23–24 Илья, протянув ∾ в сером небе. / Илья стал, указывая книгой на холм [за фабрикой], на кресты в сером небе; лицо у него было чужое. ($ЧА_2$)

24–25 Песок захрустел / Песок поплыл ($ЧА_2$)

27 обидное о фабрике и кладбище / неразумное и обидное о фабрике, о кладбище ($ЧА_2$)

27–32 Ему хотелось ∾ ствол дерева / Глубоко втыкая палку в песок, фабрикант полотна, по-медвежьи быстро, подошел к сыну, задыхаясь, рыча: — Ты что сказал, подлец? — Он хотел толкнуть палкой в живот сына, но Илья встал за ствол сосны, крикнув ($ЧА_2$)

34–36 Отец ударил ∾ воткнулся в песок / Петр Артамонов ударил по стволу, палка переломилась, он бросил обломок ее к ногам сына, косо воткнув его в песок ($ЧА_2$)

36–38 *Текста*: Петр Артамонов ∾ чистить заставлю! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

39 И быстро ∾ шатаясь / Не оборачиваясь, Петр спустился к реке ($ЧА_2$)

Стр. 242.

1 Нужда заставит / Нужда прижмет ($ЧА_2$)

2 *После*: нужники чистить.— заставлю ($ЧА_2$)

2 *Фразы*: Да, не дури! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

4–5 *Слов*: в то же время ∾ обиду свою — *в* $ЧА_2$ *нет.*

6–7 сел на песчаном обрыве / сел под ивняком на глинистом обрыве ($ЧА_2$)

7–8 с лица ∾ в реку / со лба и [внимательно] стал смотреть в [воду] реку ($ЧА_2$)

12 пустил по воде / нырнул в глубину, пустил по воде ($ЧА_2$)

14 погрозив лещу / грозя лещу ($ЧА_2$)

16–17 *Фразы*: И — оглянулся ∾ фальшиво.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

17 Спокойное течение реки / Но спокойное течение Оки ($ЧА_2$)

18–19 тупого изумления / тяжелого изумления ($ЧА_2$)

20 которого он любил / человек, которого он любит ($ЧА_2$)

22 выскользнул ∾ злую боль / *а.* вырвался из души, оставив в ней боль [обиду и темное изумление] и злую досаду *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

23 что ежедневно / что постоянно ($ЧА_2$)

24 он думал только о сыне / больше всего думал о сыне ($ЧА_2$)

25 *После*: любовью к нему.— В городе у многих ($ЧА_2$)

25–26 *Слов*: ждал ∾ от Ильи — *в* $ЧА_2$ *нет.*

27–28 Что же это? / *а. Фразы нет б.* [Как?] Что же это? ($ЧА_2$)

32 легким дымом поплыл / затянул реку дымом ($ЧА_2$)

34 Артамонов пришел / Петр пришел ($ЧА_2$)

38 Илью послал / Илью посылаешь ($ЧА_2$)

39 ответил он, раздеваясь / ответил Петр, снимая сапог ($ЧА_2$)

40 Всё сердишься ∾ Наталья / Помолчав, жена вздохнула:— Всё-то ты сердишься ($ЧА_2$)

40–41 муж промолчал / он промолчал ($ЧА_2$)

41 нарочито шумно / нарочито громко ($ЧА_2$)

Стр. 242—243.

41–1 Дождь начал кропить / Нерешительно и тихо, дождь начал кропить ($ЧА_2$)

Стр. 243.

1 влажный шёпот / сухонький шёпот ($ЧА_2$)

5 втянула носом / громко втянула носом ($ЧА_2$)

8 Чему ты учила их? [То-то.] ($ЧА_2$)

9 рожу мазать себе / рожу мазать ($ЧА_2$)

12–13 Молчи! — Он тоже замолчал / Молчи,— приказал Петр, и сам замолчал ($ЧА_2$)

16 Благую долю выбрал горбатый. / Благую долю выбрал. ($ЧА_2$)

16 ни дела / ни делов ($ЧА_2$)

19 *Слов*: вверх грудью — *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 лежала на льду / лежала на [острых гвоздях] стекле ($ЧА_2$)

20–21 Наталья ∾ щекою / жена дотронулась мягкой щекою ($ЧА_2$)

22 *После*: Поругался ты с Ильей? — *а.* В тихом ее вопросе он услыхал страх, приятный ему. *б. Фраза зачеркнута.* ($ЧА_2$)

23 Было стыдно / Но было стыдно ($ЧА_2$)

24 он проворчал / он пробормотал ($ЧА_2$)

25 С детями ∾ их ругают. / *а.* Разве с детями ругаются? Их ругают. *б.* Разве с детями ругаются? Детей ругают. ($ЧА_2$)

26 В город уехал он. / *а.* Ехать он хочет куда-то... *б.* В город уехал он... к Алексею, что ли... ($ЧА_2$)

35 Что же это ∾ Артамонов / [Ничего не спр⟨ашивал⟩] Что же это? — спрашивал сам себя Арт⟨амонов⟩ ($ЧА_2$) [1]

36 но видя / и четко видя ($ЧА_2$)

36–37 вспоминая ∾ глаз Ильи / вспоминая [что в синих глазах горело] блеск синих глаз, в них [горело] сверкало что-то более [обидн⟨ое⟩] непонятное, недопустимое и обидное, чем гнев на отца ($ЧА_2$)

37–39 Как работника ∾ нищего оттолкнул...» / Как служащего рассчитал, подлец!» ($ЧА_2$)

40–41 Поражала ∾ решил оторваться. / Поражала быстрота [случившегося] разрыва, [Всё вышло так просто и быстро] чувствовалось, что Илья давно задумал и решил оторваться. ($ЧА_2$)

Стр. 243—244.

41–1 Но — что ∾ этот поступок? / и было все более непонятно: что понудило его на [такой] этот поступок? ($ЧА_2$)

1–2 И, вспоминая ∾ Артамонов думал / Вспоминая [рез⟨кие⟩] [речь] резкие, осуждающие слова сына, Артамонов [взды⟨хая⟩] думал ($ЧА_2$)

3 «Мирошка ∾ настроил его». / «Мирошка, сукин сын, настроил его, дурака!» ($ЧА_2$)

3–4 А о том ∾ Тихоновы мысли./ [И Тихонова болтовня тут есть, насчет вреда людям дела] А насчет того, что дела людям вредны,— Тихонова болтовня, конечно. ($ЧА_2$)

5–6 Дурак ∾ Чему же учился? / Ах, дурак, дурак! Покойник родитель избил бы меня до полусмерти, если б эдак-то... [Темный шумок дождя шаркал по стеклам окон, усиливая мутные думы. Пролежав часа два-три, Ар⟨тамонов⟩ разбудил жену.— Собирай. Еду.— И на рассвете вышел во двор, встреченный...]

[Но сквозь горечь этих размышлений пробивались струйкой дыма еще другие] Горечь этих размышлений не

---

[1] *Текста*: Что же это ∾ и даже решительное (*стр. 245*, *строка 14*) — *во второй редакции нет.*

мешала пробиваться струйкой дыма еще каким-то чужим мыслям, [они] их как будто нашёптывал темный шумок дождя, всё сильнее шаркая по стеклам окон и кропя [густые ветви] густую листву черемухи. ($ЧА_2$)

6–8 Рабочих ему жалко ∾ свою праведность. / В словах Ильи было что-то, отвечавшее тем неожиданным налетам скуки, которые порою испытывал Артамонов старший. [Не веселое] Трудное это дело, [эта] возня с рабочими, которые всё более портились, странно изменяясь [становясь], как будто все они смотрели одной и той же парой глаз, как бы примериваясь [к чему-то] к хозяину. Иногда этот примеривающийся взгляд напоминал Петру единоборство отца [Ильи] с Тихоном. Тихон вот так же разглядывал отца, когда тот боролся с солдатами, и пред тем, как [предложить ему] самому бороться с ним. [Трудно было понять Алексея и ладить с ним. Алексей мчался, как норовистая лошадь под гору] Ар⟨тамонову⟩ старшему казалось, что Алексей мчится, как норовистая лошадь, под гору. [Но хуже] Но всё-таки хуже всего и жалко [было] видеть, как явно и быстро фабрика портит мужиков; [в этом, может быть, сын] вот сын тоже заметил это, [испугался] а заметив, испугался [и хочет] и бежит прочь, чтобы спокойно вырастить [праведность] свою праведность на чужих грехах. ($ЧА_2$)

9 От этой ∾ еще ярче. / От этой догадки [«Хитер, да не умен»] враждебное чувство к Илье, обида на него, вспыхнула еще ярче. ($ЧА_2$)

12 тихий угол / тихий уголок ($ЧА_2$)

14 Но Артамонов / Но Петр А⟨ртамонов⟩ ($ЧА_2$)

15–17 вот Алексей ∾ ловко, просто / Алексей не живет, а мчится, точно [норо⟨вистая⟩] горячая лошадь под гору, всегда веселый, неутомимый, мелькая ласточкой ($ЧА_2$)

17 Он вспомнил / Петр вспомнил ($ЧА_2$)

18 после пьяной драки ∾ сказал / после [неож⟨иданной⟩] пьяной драки рабочих, закончившейся убийством одного из них, он сказал ($ЧА_2$)

20 Заметно,— согласился Алексей. / Н-ну, как сказать? — Алексей что-то невнятно пробормотал. / ($ЧА_2$)

21–28 Злятся все ∾ Это — убогий. / Портит фабрика людей,— настаивал Петр.— Говорок об этом есть,— скучновато согласился брат.— Есть говорок. ($ЧА_2$)

29–34 Тогда Алексей ∾ мы с тобой — покупатели. / Пожалуй, тут и мы не без вины.— Ну это [чепуха] ерунда! Это дело не наше — порча; попов или кого там? Учителей, лекарей. ($ЧА_2$)

34–35 понемножку портится / портится ($ЧА_2$)

36 ты не скажешь девке / [не скажешь] не скажешь ты девке ($ЧА_2$)

36–37 старухой будешь! / старухой станешь. Сказать эдак — против себя. Небось, тебе не старуха мила, а девушка! Так и ей. ($ЧА_2$)

38–41 подумал Артамонов ∾ позавидовал его живости / подумал Петр, слушая бойкую, украшенную неслыханными прибаутками речь брата, и позавидовал ему ($ЧА_2$)

Стр. 245.

1–2 снова вспомнил ∾ наметил утешителем / неприязненно вспомнив о Никите,— его отец намечал в утешители ($ЧА_2$)

4 в эту дождливую ночь / за эту ночь ($ЧА_2$)

5–7 Сквозь горечь ∾ шумок дождя / [Но сквозь горечь этих размышлений пробивались струйкой дыма еще другие] Горечь этих размышлений не мешала пробиваться струйкой дыма еще каким-то чужим мыслям, [они] их как будто нашёптывал темный шумок дождя, всё сильнее шаркая по стеклам окон и кропя [густые ветви] густую листву черемухи. ($ЧА_2$) [1].

7–8 *Слов*: и они ∾ оправдать себя.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

11 На рассвете он внезапно решил / а на рассвете решил ($ЧА_2$)

12 к брату / к Никите ($ЧА_2$)

12–14 может быть ∾ даже решительное / отдохнуть и, может быть, удастся поговорить с ним по-душам, услышать что-нибудь решающее [от] у человека, который спрятал себя от соблазнов и тревог жизни ($ЧА_2$)

Стр. 245.

15–17 Но подъезжая ∾ он думал / *а. Вместо этого было*:... Был сентябрь ∾ хлопотливое дело [2]. *Далее*: «Покаюсь во всех грехах своему праведнику и — ладно!»

После того, что он видел на ярмарке, после [двух] трех недель непрерывного кутежа, в памяти его медленно и тяжко кружился пьяный хоровод мужчин, женщин, обрывки песен, гул музыки, треск, звон,— обо всем этом Петр думал с угрюмой насмешкой над собою и над людьми, которых захватило вихрем безумнейшего разгула. Так же насмешливо ему хотелось думать и о горбатом брате, спрятавшем себя от соблазнов и тревог жизни [3]: *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

---

[1] *См. вариант к стр. 244, строки 5—6.*

[2] *См. окончательный текст и варианты к стр. 275, строкам 24—35.*

[3] *Во второй редакции это возвращение Петра с ярмарки в монастырь. См. варианты к стр. 272, строке 4. В третьей редакции это уже, как и в окончательном тексте, возвращение Петра после монастыря и ярмарки в Дремов. См. варианты к стр. 275, строкам 24—35.*

18 ты [походи...] побегай (*ЧА*$_2$)

19 В погребе огурец / Огурец в погребе (*ЧА*$_2$)

21 уже четыре года / *а.* уже семь лет. *б.* уже четыре года (*ЧА*$_2$)

22–23 показалось ∾ он ежился / показалось, что брат смущен и недоволен его неожиданным приездом, он [все как-то] ёжился (*ЧА*$_2$)

24–25 говорил ∾ не о себе и родных / говорил благочестиво кисленьким голосом, но не о себе, не о родных (*ЧА*$_2$)

27–28 говорил ∾ и небрежно / говорил очень торопливо, растерянно и, кажется, хотел попросить денег, но не решился. А когда Петр сам предложил ему деньги, он отвел руку его, сказав тихо, но небрежно (*ЧА*$_2$)

30–34 монахи ∾ излишне громко / монахи относятся к Никите почтительно, настоятель, бородатый, костлявый и глухой на одно ухо, сказал, глядя на Петра каменными глазами (*ЧА*$_2$)

35–36 *После*: обители нашей.— *а.* Петр знал: он едет не за тем, чтоб каяться пред отцом Никодимом, говорить с ним о себе, а лишь потому, что не хотел являться домой таким распухшим, пропитанным винными едкими запахами ярмарочных женщин, запахами, которые, казалось ему, он и в бане не мог отмыть от своей кожи. *Далее*: Моль ∾ Поджарить монаха[1] *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

37 на невысоком пригорке/[на пригорке] на высоком холме (*ЧА*$_2$)[2]

38 среди ∾ сосен / в сосновом бору ◊ (*ЧА*$_2$)

38–39 *Слов*: под густыми кронами их — *в ЧА*$_2$ *нет.*

39–40 будничным звоном ∾ они звали / жиденьким звоном будничных колоколов — звал (*ЧА*$_2$)

Стр. 245—246.

40–2 Привратник ∾ отворив ворота / Привратник, длинный и [су⟨хой⟩] прямой, как шест, с маленькой детской головкой, в посеревшей скуфейке, отворяя ворота (*ЧА*$_2$)

41–1 с маленькой, ненужной / с маленькой, как-то ненужной (*БА*)

Стр. 246.

4–6 Д-до-б-бро ∾ П-пож-жаловать. / Д-до-б-бро [пожаловать]... И сразу, со свистом, выдохнул.— [О] П-пожаловать! (*ЧА*$_2$)

---

[1] *См. текст и варианты к стр. 264, строкам 12—24, 35—40. В третьей редакции после переработки перенесено в другое место романа.*

[2] *Текста*: Монастырь, спрятанный ∾ «Кутнуть бы хорошенько» (*стр. 246, строка 22*) — *во второй редакции нет.*

7–8 туча ∾ неподвижно висела / [тяжелая туча неподвижно сто⟨яла⟩] [тяжелая туча неподвижно остано⟨вилась⟩] тяжелая туча, покрыв половину неба, неподвижно [стояла] висела (*ЧА*$_2$)

8–9 от нее ∾ душной скукой / [и] от нее все кругом было покрыто густой душной скукой (*ЧА*$_2$);

8–9 от нее всё кругом [было] придавлено (*БА*)

9–14 медный крик ∾ черным кулаком / [торопливый] медный крик колоколов был бессилен поколебать ее. Колокола звонили [как-то] так ненужно в этой устоявшейся тишине, что Артам⟨онов⟩ сказал, как бы напоминая самому себе: — Звонят.

— Вечерня,— вполголоса ответил маленький тощий служка гостиницы, [вытаскивая] пробуя вытащить из почтовой кибитки тяжелый ящик с подарками Никите.— Не поднять,— виновато сказал он, постучав маленьким черным кулаком по ящику. (*ЧА*$_2$)

15 Пыльный и усталый, Петр / Петр, [не ответив, как был] пыльный и усталый (*ЧА*$_2$)

16–17 к белой келье ∾ среди вишен и яблонь / к белой келейке [бр⟨ата⟩] Никиты, уютно прикрытой кронами трех сосен (*ЧА*$_2$)

17 напрасно он приехал / пожалуй, напрасно приехал он (*ЧА*$_2$)

18 ехать на ярмарку / ехать прямо на ярмарку (*ЧА*$_2$)

18 лесная дорога / проселочная дорога (*ЧА*$_2$)

19–20 смешала все горестные думы / спутала все [его] горестные его думы (*ЧА*$_2$)

19–20 все [его] горестные думы (*БА*)

20 заменив их ∾ тоской / [наполнив] заместив их нудной скукой (*ЧА*$_2$)

22 «Кутнуть бы хорошенько»./ «Напиться бы». (*ЧА*$_2$)

23–25 Он увидел брата ∾ десять богомолов / *а.* Но когда, идя дорожкой монастырского сада, он увидал брата, предупрежденного проворным служкой, тихо шагающим встречу ему с [белой ⟨палкой⟩] белым посошком в руках,— насмешливые думы его [исчезли] пресеклись. *б.* Он увидал брата [на], сидящим на [деревянной] скамье в полукружии молодых сосен, перед ним, на земле, расположилось человек десять богомолов (*ЧА*$_2$)

26 чернобородый купец в ∾ пальто / три бабы странницы, рыжебородый в парусиновом пиджаке (*ЧА*$_2$) [1]

---

[1] *Текста*: чернобородый купец ∾ Все о мелких пустяках (*стр. 247, строка 1*) — *во второй редакции нет.*

28 толстый старик / старик (*$ЧА_2$*)

29–30 скуластый, с рыбьими глазами / с беспокойными глазами на угловатом лице и еще какие-то люди (*$ЧА_2$*)

30–33 столбом стоял ∾ бог — далеко / в стороне стоял, [сунув] скрестив руки, дремовский булочник, пьяница и буян Мурзин, он хрипло говорил:

— Бог — далеко. (*$ЧА_2$*)

34–35 беленьким посошком ∾ поучал / белым посошком, Никита тихо, [как] точно сквозь сон, отвечал (*$ЧА_2$*)

36–37 И чем ниже человек ∾ гниения нашего / Чем ниже человек, тем бог выше от него, гонимый смрадом гниения [души н⟨ашей⟩] нашего (*$ЧА_2$*)

38–39 *Фразы*: «Утешает» ∾ мысленно усмехнулся.— *в $ЧА_2$ нет.*

40 Бог — видит / Бог-то видит (*$ЧА_2$*)

40–41 а без дел вера — на что ему? / а без дела вера — мертва ему. (*$ЧА_2$*)

41 *Фразы*: Где наша помощь ∾ где любовь? — *в $ЧА_2$ нет.*

Стр. 247.

1 И о чем молим? Всё о мелких пустяках. / Молимся. А о чем молимся[-то] ? О земном всё ведь, о мелких наших пустяках. (*$ЧА_2$*)

3–6 Он поднял глаза ∾ ударить им кого-то. / *а.* Синие глаза Никиты выцвели, выцвела в них и печальная покорность, знакомая Петру, теперь они смотрели пристально, но как будто из-за угла и снизу вверх,— однако не потому, что горбун был на голову ниже брата, а как-то намеренно, нарочито. *б.* Он замолчал, поднял посох [и как ⟨бы?⟩], точно [собираясь] желая с силой ткнуть им в землю, и поднял глаза. Он с минуту, не мигая, смотрел на брата, пристально, как бы из-за угла и снизу вверх. Петру показалось, что синие глаза брата выцвели и углубились, смотрят как-то внутрь, но знакомая печальная покорность [исчезла из них, теперь они [смот⟨рели⟩] блестели, строго спрашивая] не исчезла в них (*$ЧА_2$*)

4 пристально, снизу вверх / пристально, точно из-за угла и снизу вверх (*БА*)

6 *После*: кого-то.— Петру показалось, что синие глаза горбуна выцвели, но углубились и смотрят внутрь. (*БА*)

6 горбун встал / Брат встал (*БА*)

6–7 Горбун встал ∾ сказал / Петр снял фуражку, брат [низко, но] привстал и низко, но как-то бессильно [по⟨клонился⟩] опустил голову, кланяясь ему, потом сказал (*$ЧА_2$*) [1]

---

[1] *Текста*: Горбун встал ∾ под другой локоть (*строки 6—15*) —*во второй редакции нет.*

7 *После*: сказал — [Идите с господом.] (*БА*)

8 Вот — братец ∾ ко мне. / Вот братец [мой] приехал ко мне. Идите с богом!

Он перекрестил людей, Мурзин оттолкнулся от дерева и повторил громче:

— [Да] Бог — далеко. (*ЧА*$_2$)

9–11 Безволосый старик ∾ перекрестился./ А старик с ⌈безволосым лицом, прищурив медные глаза, [оч⟨арованно⟩?] смерял [ими] Петра [странным] нехорошим взглядом и зачем-то перекрестился размашисто, с [на⟨рочитостью⟩] явной нарочитостью. (*ЧА*$_2$)

13 Люди пошли вразброд / Люди пошли прочь, вразброд (*ЧА*$_2$)

13–15 старик подхватил ∾ под другой локоть / купец с больною ногой шел, поддерживаемый под локоть большой бабой с деревянным лицом, а длинноволосый парень шел прямо, как слепой (*ЧА*$_2$)

16 Ну, здравствуй. Благослови. / *а.* Ну, благославляй, что ли, — хотел сказать Петр, но сказал, склонив голову: — Благослови. *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$); Ну, здравствуй,— сказал Петр.— Благослови. ◊ (*БА*)

17 Длинной рукою ∾ рукавом рясы / *а.* Длинной, темной рукою *б.* Длинной темной рукою, окрыленной рукавом рясы (*ЧА*$_2$); Длинной рукою, окрыленной рукавом рясы (*БА*).

18–20 отвел протянутые к нему ∾ Не ждал. / *а.* отвел сложенные горстью, протянутые к нему руки брата, обнял его, поцеловал, потом тихо сказал:

— Постарел ты.

— Это от пьянства.

— Пьешь разве?

— Пью.

б. отвел ∾ руки брата и сказал тихонько,— без радости (*ЧА*$_2$)

21–22 Махнув посохом ∾ шел толчками / *а.* Никита показал посохом в глубь сада и пошел впереди, шел он нерешительно, толчками, качался *б.* Махнув посохом в глубь сада, и пошел впереди брата, молча, не оглядываясь, точно забыв о нем, шел толчками, качался (*ЧА*$_2$)

23 держа одну руку ∾ у сердца / [при⟨ложив⟩] положив руку на грудь, шевеля пальцами и, как слепой, щупал землю посохом (*ЧА*$_2$)

24 Постарел ты ∾ заметил Петр./*а.* И ты постарел *б.* Постарел ты,— заметил Петр, смущенный. (*ЧА*$_2$).

25 *После*: Ноги болеть стали.— Ревматизм. (*ЧА*$_2$)

27 Казалось, что Никита стал ∾ горбат / *а.* Петр шагал сзади брата и ему казалось, что Никита стал еще более горбат. *б.* Старшему Артам⟨онову⟩ показалось, что Никита говорит нехотя и стал ∾ горбат (*ЧА*$_2$)

29 ближе к земле ∾ сделали шире / еще ближе к земле, сделали его шире *б.* ближе к земле и, принизив его, сделали [его] шире (*ЧА*$_2$)

31–32 криво ползет ∾ по хряскому щебню./ ползет по желтым листьям, густо покрывшим дорогу. (*ЧА*$_2$)

34 *Слов*: точно у покойника — *в ЧА*$_2$ *нет.*

35 как бы ∾ костяной череп / костяной череп, как бы лишенный кожи (*ЧА*$_2$)

36 на затылке повисли / на затылке висели (*ЧА*$_2$)

39 не освещали его /освещали его холодно и мертво (*ЧА*$_2$)

39–40 взгляд их ∾ дряблого носа / взгляд был сосредоточен на кончике дрябло опущенного носа (*ЧА*$_2$)

Стр. 248.

1 разделял лицо / и разрезал лицо (*ЧА*$_2$)

2–3 и особенно жутко ∾ на верхней губе / *а. Слов нет б.* и особенно неприятна была серая плесень [ус⟨ов⟩] волос на верхней губе.

«На икону стол похож»,— подумал Петр. (*ЧА*$_2$)

4–5 и медленно, как бы с трудом / или с трудом (*ЧА*$_2$)

5–6 монах говорил ∾ на банщика / *а.* Никита говорил толстогубому белобрысому парню келейнику *б.* Никита говорил пухлолицому белобрысому парню келейнику (*ЧА*$_2$)

7 *После*: Меду.— Яблоков. Скорее. (*ЧА*$_2$); Скорее. (*БА*)

8 Как тихо говоришь. / Тихо как говоришь. (*ЧА*$_2$)

10–11 сел к столу в ∾ кресло / *а.* сел в деревянное, окрашенное белой краской кресло, голова его возвышалась над столом, как отрубленная.

«На икону похож»,— подумал Петр, не находя, о чем спросить брата. *б.* сел ∾ как отрубленная. [«На икону стал похож» ∾ спросить брата] (*ЧА*$_2$)

11 *После*: кресло — *зачеркнуто*: голова как отрубленная (*БА*)

12 Живете? / Живете? — спросил Никита. (*ЧА*$_2$)

16 не был он у меня / не был у меня (*ЧА*$_2$)

17 Никита, двигая рукою / Никодим, двигая под столом рукою (*ЧА*$_2$)

18 шорох ∾ скуку Петра. / *а.* шорох был четко слышен и еще более смущал Петра. Ему хотелось выпить вина. Вдруг он вспомнил черный блеск рояля и жуткую наготу женщины,

лежащей на нем. *б.* шорох был ∾ выпить вина. [Вдруг он ∾ на нем] ($ЧА_2$)

18 скуку Петра / смущение и скуку Петра. (*БА*).

19–21 Я тебе гостинцев ∾ вздохнув, ответил / *а.* [Вина, не того... не приемлешь?] Вина выпьем? Разрешаешь? — К его удовольствию брат ответил.— Разрешаю. *б.* Вино? Разрешаешь? Я тебе гостинцев привез, портвейну привез, мадеры.—К его удовольствию ∾ Разрешаю.— Скажи, чтоб ящик принесли тебе из гостиницы... Мигая, Никита говорил ($ЧА_2$)

19–20 ящик притащили / ящик притащили тебе (*БА*)

22 У нас — не строго./ У нас тут — не строго. ($ЧА_2$)

22–23 Даже и пьяницы завелись / *а.* Даже и пьяницы есть, завелись *б.* Даже и пьяницы завелись ($ЧА_2$)

23–24 народ усердно стал посещать / богомольцы усердно посещать стали ($ЧА_2$)

25 *После*: тоже люди.— Все люди, везде. ($ЧА_2$)

26–28 Слышал я ∾ Кружатся. / *а.* Много богомолов?

— Много.

— Слышал я — все к тебе ходят?

— Да. Ходят. По неразумию это. Ой, постарел ты!

Сердясь на что-то, Петр сказал грубо и громко, точно хвастаясь:

— Я говорю — от пьянства. Я — прямо с ярмарки к тебе, из трактиров...

— Так, так,— отозвался Никита и было ясно, что слова брата не потревожили его.— Все беспокоятся,— сказал он, вздохнув, и, помолчав, равнодушно вспомнил:

— Раньше, не пил ты. *б.* Много ∾ к тебе ходят?

— Ходят. По неразумию это.

Он вышел [из кельи] за дверь кельи, [сказал:— Дай ящик] распорядился, чтобы принесли ящик, и, возвращаясь, продолжал натужно:

— Да, ходит народ, кружится, мается. ($ЧА_2$)

28 Праведности ищут, праведника. / Праведника ищут. ($ЧА_2$) [1]

29–30 Не умеем. Терпенья нет. / Догадались, не умеем, не можем эдак-то. Терпенья нет. ($ЧА_2$); Не умеем, не можем эдак-то. Терпенья нет. (*БА*)

31 Чувствуя, что слова / Петр почувствовал, что слова ($ЧА_2$)

31–33 Артамонов ∾ Крепостное право / и сказал [сурово]: — Крепостное право ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: Праведности ищут ∾ При господах ∾ не бродяжили (*строка 36*) — *во второй редакции нет.*

34 *После*: не терпят — как это понять? По-моему, обленились, вот и шляются.— И такие есть — согласился Никита. (*ЧА*$_2$)

35–36 Никита ∾ При господах / Никита [взглянув на него] промолчал [а Петр напористо и сердито].
— При господах (*ЧА*$_2$)

38 с трудом находя слова / *а.* чужие друг другу, с трудом находя слова *б.* с трудом находя слова (*ЧА*$_2$)

38–39 длительными паузами, они говорили / длительным молчанием, они поговорили (*ЧА*$_2$)

40 принес самовар ∾ мед / не принес самовар, сильно душистый липовый мед (*ЧА*$_2$, *БА*)

41 поднимался хмельной парок / шел хмельной парок ◊ (*ЧА*$_2$)

Стр. 249.

1–3 Внимательно смотрели ∾ две бутылки / *а.* Петр достал из саквояжа бутылки коньяка и портвейна, банку свежей икры и поставил на стол, сильно стукнув донцами бутылок.— [Там я тебе два ящика подар⟨ков⟩] Я тебе ящик гостинцев привез. *б.* Внимательно и молча смотрели, как белобрысый парень неуклюже возился на полу, неумело вскрывая ящик. Петр наклонился, поставил на стол две бутылки, банку свежей икры. (*ЧА*$_2$)

4–5 Это вино ∾ Много понимает. / [Это настоятель любит. Хороший человек. Простого ума. Прямой. Все понимает.] Это вино настоятель любит. [Хороший] Умный человек. Много понимает (*ЧА*$_2$)

6–7 А вот я ∾ признался Петр / [А я вот — мало понимаю,— вызывающе сознавался Петр.] А я вот — мало понимаю,— вызывающе признался Петр (*ЧА*$_2$)

8–9 больше-то — зачем? ∾ понимать вредно. / больше то зачем? ◊ (*ЧА*$_2$)

10–12 Монах осторожно ∾ в сумраке / [[Петру [все более] странно было слышать голос брата, он помнил его звонким, приятным, а теперь] Слова Никиты сипели, взвизгивали, отзывались прогорклым маслом.] Монах осторожно вздохнул. Слова его сипели, и Петру показалось, что от них исходит тяжелый запах прогорклого льняного масла. Ряса брата тоже маслянно лоснилась в теплом сумраке кельи (*ЧА*$_2$)

13 желтого стекла / голубого стекла (*ЧА*$_2$)

14–17 Приметив… ∾ …. «Толк знает». / [По тому, с какой расчетливой жадностью монах высосал рюмку коньяка, Петр [зло] решил, не без [злой] удовольствия: «Любит».] По тому, с какой расчетливой жадностью Никита высосал рюмку портвейна, Петр не без удовольствия решил: «Любит выпить».

($ЧА_2$); По тому, с какой расчетливой жадностью брат высосал рюмку мадеры, Петр не без насмешливого удовольствия подумал: «Толк знает». (*БА*)

18–19 сухими ∾ пальцами / [сухонькими пальцами] сухонькими, очень белыми пальцами ($ЧА_2$)

20–21 не торопясь, жевал ∾ выщипанная бороденка. / [не торопясь жевал] не торопясь, жевал, тряслась серая бородка, топорщились редкие, точно выщипанные усы. ($ЧА_2$)

21–23 Незаметно было ∾ на кончике носа. / [Незаметно было, что вино охмеляет его, говорил он все так же скупо и равнодушно, только глаза потемнели, оставаясь все так же неподвижны и глядя на нос.] Брат говорил скупо и равнодушно. Незаметно было, чтоб вино охмеляло монаха, только мутноватые глаза его посветлели, оставаясь все так же неподвижны и глядя на кончик носа ($ЧА_2$)

24 показаться брату / показать себя брату ($ЧА_2$)

26–28 И прошлый раз ∾ А он — праведник. / [И [в] прошлый раз не спросил, будто нет ее. Ни про кого не спрашивает из родных. Ни о чем. Праведник.] И прошлый раз не спросил, будто нет ее. Стыдится. Ни о ком из родных не спрашивает. Ни о чем. Праведник. ($ЧА_2$)

28 Его — люди ищут. / *а. Фразы нет б.* Его — люди ищут. ($ЧА_2$)

29–31 Сердито шаркнув ∾ Хорошо. / [Сердясь все более, он сказал:

— Хорошо ты укрылся тут.] Сердито шаркнув бородою по жилету, он сказал монаху:

— Хорошо, ловко ты укрылся тут. ($ЧА_2$)

32–41 Раньше было ∾ костяною головой / [[Было хорошо,— сказал монах и вздохнул] Монах вздохнул, наливая в рюмку портвейн.— Было хорошо. Теперь — хуже. Богомольцев много [стало]. Хочу перевестись отсюда, поглуше где.— Выпив вино, он облизал губы и продолжал раздумчиво.] Было хорошо,— отозвался Никита, бережно наливая в рюмку портвейн, и вздохнул: — Теперь — хуже, богомолов много. Хочу перевестись поглуше куда.

— Где [служ⟨ить?⟩] спокойней,—добавил старший брат, усмехаясь, а монах, [облизывая] облизав губы темненьким тряпичным языком, раздумчиво продолжал ($ЧА_2$)

Стр. 250.

2 Прячутся ∾ от забот... / [Все прячутся, скрыться хотят от забот, [от] тревог.] Все прячутся, скрыться хотят от забот [и], тревог. ($ЧА_2$)

3–11 Этого я не вижу ∾ проживешь спокойно! / *а.* [[А тревоги тенью за ними.] Эти слова обидно задели Петра. «Ты сам

прячешься»,— хотел он сказать, и уже на языке его вспухло много упреков].

— Этого я не вижу,— сказал Петр, зная, что говорит неправду.

— А тревоги, тенью, за ними...

— Я говорю: этого будто и нет,— повторил Артамонов.

«Это ты прячешься»,— хотел он сказать, на языке его вспухали слова упреков, [задорные слова] ему хотелось спорить и даже прикрикнуть на брата, он заговорил задорно:

— Человек сам тревоги ищет; я вот на ярмарке такое видел, такой мятеж плоти, а может и не плоти,—души... *б*. Этого я не вижу ∾ слова упреков, ему хотелось ∾ на брата, он сказал задорно, [вспоминая] думая об Илье:

— Человек сам тревоги ищет, сам ее творит... ($ЧА_2$)

12–16 Но брат ∾ как будто сердясь / *а*. [но вдруг монах, точно проснулся, пошевелил всем уродливым телом своим и заговорил, кривя губы, очень внятно, хотя все так же тихо.] Но брат, не слушая его, вдруг точно проснулся, пошевелил всем своим телом, ряса [точно] потекла с него, кривя губы, он говорил очень внятно, хотя так же тихо *б*. Но брат ∾ проснулся, тряхнул угловатым телом, точно просыпаясь, ряса потекла с него черными струйками, кривя губы, он заговорил [тихонько] очень внятно ($ЧА_2$)

17 просят: научи! / [просят: помоги, научи!] просят: помоги, расскажи, научи. ($ЧА_2$)

19 Сам я — ничего не знаю / Я ничего не знаю ◊ ($ЧА_2$)

20 Осудили ∾ за что осудили? / [Осудили, а — за что? Не знаю.] Осудили: поучай людей, а за что осудили? Не знаю... ($ЧА_2$)

21–22 «Намекает ∾ Жаловаться хочет». / [«Намекает [на что-то»]— соображал Петр] Намекает,— сообразил Артамонов старший.— Жаловаться хочет. *Далее*: [— Недавно ученый был, верующий, молодой. Настоятель внушает мне: «Ты, отец Никодим, хорошенько укрепи его». Да. Он, ученый-то, целый день из меня жилы тянул, говорит и говорит, а я — не понимаю. «Если, говорит, дьявола признавать, так это двоебожие». Я ему: «Ах ты, еретик!» А сам думаю: «Может и не еретик». Запутал он меня, умучил. Я ему и скажи: «Плоть твоя — видоизменение, а дух — уничтожение». Сказал,— не подумав, лишь бы помудренее было, а он, глупый, обрадовался, руку мне целует: «Вот, говорит, мудрость». А сказал я не так, настоятель, после, как упрекал меня! «Что ты, кричит, какую глупую ересь сказал? Хоть бы наоборот и то лучше».

Внимательно слушая задумчивую речь, Петр не мог понять: жалуется брат или хвастается?] [1] ($ЧА_2$)

23–26 Он понимал ∾ предупредил брата / [Он подергал себя за ухо, [попутно почесал пальцем бровь] посмотрел в угол кельи на [единственное живое в ней] золотой огонек лампады [и], убавил огонь в [лампе] дешевенькой [си⟨него⟩] [же⟨лтого⟩] синего стекла лампе, стоявшей на столе, и [не проворливо] предупредил брата] Он понимал, что брат имеет причины жаловаться на свою судьбу, он и раньше, посещая его, неприязненно ожидал этих жалоб. Подергав себя за ухо, он взглянул в угол кельи на золотой огонек лампады, убавил огня в лампе на столе и — предупредил [брат⟨а—⟩] монаха ($ЧА_2$)

27–28 *Слов*: только это — ни к чему.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

29 Так ∾ сказал горбун / *а.* [— [Да,— отозвался] Все,— поправил горбун,— [многие] [с кем ни заговори, жалуются]. Довольных — не заметно. Толка в этом тоже [нет] не заметно] — Все,— поправил Никита.— Довольных — не заметно. *б.* Так,— сказал Никита.— Довольных не заметно. ($ЧА_2$)

30 *Слов*: прицеливаясь глазами в угол, на огонь лампады,— *в* $ЧА_2$ *нет.*

31–32 *Текст*: А — тебе ∾ Будь утешителем.— *вписан в третьей редакции* $ЧА_2$

32 *После*: Будь утешителем.— Я помню.

33 растянул рот / [растянул беззубый рот до ушей] растянул беззубый рот ($ЧА_2$)

33–34 [помолчав] собрал [темными пальцами бородку свою] серую бородку свою ($ЧА_2$)

34–37 продолжая сеять ∾ ожидание опасного. / [говоря тихо] продолжая сеять тихие слова; слова эти, поталкивая Петра, возбуждали в нем и любопытство и сознание какой-то опасности. ($ЧА_2$)

35 сеять в сумрак [свои] слова (*БА*)

38–41 Они тут внушают ∾ строгое дело! / *а.* [[Поручили мне] Возложили на меня утешать людей. За что [мне] это мне? Это, брат, должность трудная.] Они тут выдумывают меня, внушают, будто я мудрый, ради выгоды обители, я понимаю. Возложили на меня утешать людей, а чем? И за что мне это? Это, брат, должность трудная, это очень строгое дело. *б.* Они тут ∾ понимаю. Возложено ∾ строгое дело ($ЧА_2$)

---

[1] *Ср. текст на стр. 251, строки 22—38 и варианты к нему.*

Стр. 250—251.

41–2 Чем утешать-то? ᔕ не утешаются. / [Чем утешать-то? Я не знаю ...Какой я учитель?] Чем утешать-то? Я ведь не знаю. Какой я учитель? Говорю: терпите, надейтесь, говорю. А вижу: терпеть надоело всем. И на что надеяться? (*ЧА*$_2$)

Стр. 251

3–9 *Текста*: Это — наш, Мурзин ᔕ чтобы смущать,— *в ЧА*$_2$ *нет.*

10 Монах говорил все живее. / [Он стал говорить потише, но торопливее и с явной охотой.] Монах стал говорить торопливее, живей. (*ЧА*$_2$)

10–17 Вспоминая ᔕ «Это меня осудил ты!» / *а.* [Внимательно слушая, Арт⟨амонов⟩ старший понимал, что брат действительно жалуется, но [как будто не на кого] трудно было понять, на кого? [Было в Никите что-то новое,— новая печаль и тревожная грусть [и], глаза его мигали робко, виновато] [Вспоминая, каким он видел [горбуна] [брата] Никиту в прежние посещения, Петр замечал в нем что-то новое, [глаза горбуна мигали [робко и] виновато, но как-[то] бы острее] хотя глаза горбуна мигали так же виновато, как и прежде. [Эта виноватость] [Эта виноватость] Это [сознание] ощущение Никитой виновности [было], очень заметное старшему брату, успокаивало [Пе⟨тра⟩] [Арт⟨амонова⟩ старшего] его,— [виноватому не на⟨длежит⟩] виноватому жаловаться не надлежит. А теперь вот [он говорит] Никита заявляет, что неправильно осужден. Кем?] Слушая [его], Петр вспоминал, каким видел брата в прежние посещения, и замечал в нем что-то [опасно] тревожно новое, хотя глаза горбуна мигали так же виновато и смущенно, как прежде. Это ощущение Никитой своей виновности раньше успокаивало Петра: виноватому жаловаться не надлежит. А теперь вон он жалуется, заявляет, что неправильно осужден. Кем? И Артамонов старший боялся, что брат скажет ему сейчас: «Это ты меня осудил». *б.* Слушая, Петр ᔕ заметил, что глаза горбуна мигали не так виновато и смущенно, как прежде; ощущение Никитой своей виновности успокаивало ᔕ меня осудил». (*ЧА*$_2$);

11–12 Петр заметил ᔕ как прежде / Петр [нах⟨одил?⟩] заметил, что глаза Никиты мигают не так виновато, как прежде, [он ка⟨зался?⟩] (*БА*)

17 [ты] осудил ты!» (*БА*)

18–19 Нахмурясь ᔕ слова самозащиты. / [И, [нахмурясь] хмурясь, играя цепочкой часов, Ар⟨тамонов⟩ ст⟨арший⟩ настороженно слушал тихие слова] Нахмурясь, играя цепочкой

часов, подыскивая слова самозащиты, он слушал настороженно. (*ЧА*$_2$)

20–21 *Фразы*: Да,— говорил горбун,∾ жалуется — в *ЧА*$_2$ *нет*.

21–22 Люди всё ∾ дерзкие. / [[А теперь] Люди стали всё навязчивые и мысли у них дерзкие]. Люди становятся всё назойливее, мысли у них дерзкие. (*ЧА*$_2$)

22–24 Недавно жил ∾ человек. / [Тут недавно ученый какой-то жил, неделю, [молодой, испуган чем-то.] молодой еще, испуган чем-то и не в себе будто. (*ЧА*$_2$)

24–25 «Ты говорит, укрепи его / «[Ты, отец Никодим, укрепи его] Ты, говорит, отец Никодим, укрепи его (*ЧА*$_2$)

25–26 ты, говорит ∾ вот как» [попу⟨гай⟩] припугни его, насчет плоти, главное» (*ЧА*$_2$)

26 *Фразы*: А я ∾ не памятлив.— в *ЧА*$_2$ *нет*.

28 а я даже слов ∾ мысли / [а я не понимаю] а я не понимаю, даже слов не понимаю, не то что мыслей (*ЧА*$_2$)

29–32 «Дьявола, говорит ∾ ядите». / «[Дьявола, говорит, нельзя признать, это будет двоебожие] Дьявола, говорит, владыкой плоти нельзя признать это будет двоебожие и оскорбление телу Христову, и тут же про божию матерь, и нетленные мощи и уж чего только не говорил! (*ЧА*$_2$)

33–34 но чтобы — один, иначе невозможно жить» / но чтобы один». Вот они как размышляют ◊ (*ЧА*$_2$)

34 Замучил он меня / [У меня все спуталось в голове (*ЧА*$_2$)

35 кричу: «Плоть твоя — видоизменение / закричал: «Плоть твоя, кричу, видоизменение (*ЧА*$_2$)

36 *После*: дух уничтожение».— Он — удивился, отстал (*ЧА*$_2$)

36 Настоятель ∾ ругал меня / *а*. настоятель потом ругать меня (*ЧА*$_2$)

37–38 «Что ты ∾ сболтнул?» / «Что ты, какую кощунственную бессмыслицу сказал?» (*ЧА*$_2$)

38 *После*: Да, вот как...— *а*. [Вот они как рассуждают] Вот как рассуждают. Конечно, он — ученый, разум у него вывихнут, а все-таки вот — испугался. *б*. Вот как рассуждают ∾ а все-таки вот — [испугался] боится... (*ЧА*$_2$)

39 Рассказ [этот] показался (*БА*)

39–41 Рассказ ∾ Артамонова старшего. / [Петр подумал «Хва⟨стается⟩»] «Пожалуй, хвастается он мудростью своей». (*ЧА*$_2$)

Стр. 252.

1 О боге ∾ проворчал он / [О боге говорить трудно,— сказал он.] [И сказал невнятно: — О боге говорить трудно.] Петр ворчливо сказал: — О боге говорить трудно. (*ЧА*$_2$)

2–3 согласился отец Никодим ∾ маслено, горько / *а*. согласился

монах [не изменяя тона и все так же маслено и горько] И все так же тихо, маслено и горько [продолжал] спросил *б.* согласился монах [[Чего это слесарь] Зачем пекарь Мурзин торчал? Пьяница он.— Он — [бунтует] [Он очень...] не хороший человек. Судьей видит себя, судьей богу и людям, теперь есть такие,— пробормотал Никита, нахмурясь. И без [слова] бороды, этот тоже из [таких] бунтующих] тихо, маслено и горько спросил ($ЧА_2$)

4 высока для нас премудрость эта / *а.* [высока для нас премудрость эта] для нас высока премудрость эта *б.* высока для нас премудрость эта ($ЧА_2$)

6 Да. Отец Феодор / [Да. Очень трудно, когда не знаешь.— — Чего?— Ничего.] [Да. Настоятель отец Феодор] Да, отец Феодор ($ЧА_2$)

7–8 шумит невнятно ∾ не отвечает / шумит [шумок слышен, а [смысл] невнятен] слышен шумок, а невнятен. Сегодняшнему дню книги не отвечают. ($ЧА_2$)

8–10 Теперь возникли ∾ пошел отовсюду. / [Теперь вон они какие мысли-то пошли, [не кни⟨гой⟩] их книгой не покроешь, это мысли из — нутра жизни. Теперь сектант везде] Теперь такие мысли возникли, что книгой их не покроешь. Сектант везде, даже и в простом народе. Пристальность явилась, дерзновенность ($ЧА_2$)

10–11 Люди рассуждают ∾ Мурзин этот... / *а.* [Рассуждают непосильно разуму моему.] Рассуждают люди, как от сна востав, и это разуму моему не по силам. *б.* Рассуждают люди, как сны рассказывают или — с похмелья. Вот — Мурзин этот... ($ЧА_2$)

12–14 Монах выпил ∾ продолжая / [И, скатывая пальцами шарик из хлеба, монах сказал очень просто: — Я ведь в бога-то, пожалуй, и не верю.— Петр взглянул на восковое лицо брата,— при свете лампы оно стало как будто живее, пополнело; посмотрел в его спокойные синеватые глаза, в черную дыру маленького окна кельи. На подоконнике стояло два горшка цветов, их мелкие листья казались жестяными.

«Ослышался я»,— подумал Артамонов старший, но горбатый монах продолжал тихонько] [Вздохнув, Никита выпил портвейна, пожевал хлеба, подумал, опустив глаза, а Петр насторожился еще более, [ожидая что-то] предчувствуя опасность. Скатав из мякиша шарик, водя его пальцем по столу, Никита продолжал] Монах выпил портвейна, пожевал хлеба и, скатав из мякиша небольшой шарик, гоняя его [темными] пальцами по столу, продолжал ($ЧА_2$)

15–21 Отец Федор ∾ конечно, ломает... / *а.* [У меня с настоятелем, отцом Федором, всегда разговор об этом, о боге. Он меня любит. Однако грозил: «У тебя, говорит, разум обиженный, а то бы я тебя прогнал с позором» Он — ученый из попов.] [Отец Федор говорит: «[Разум — кутенок еще, а] Дьявол [разжигает его] разжег разум в злую собаку, и собака зря лает на всех». А мне трудно согласиться с этим, хоть и правда это, может быть. По-моему-то, разум — дитё [но обиженно⟨е⟩], и все ему — как дите игрушки, все он хочет поглядеть, как устроено то и это, что внутри. Ломает, [расчиняет] конечно.] Отец Федор говорит: «Вся беда от разума. Дьявол разжег его в злую собаку и собака лает на все зря». Может быть, это и правда, а обидно согласиться с этим. По-моему-то, разум — дитя еще, и все ему, как дите игрушки,— интересно, забавно все, хочет он доглядеть, догадаться, как устроено то и это, что внутри. Ну, ломает, конечно. *б.* Отец Федор ∾ согласиться с этим. Тут есть доктор, простой человек, веселый, он говорит: «Разум — дитя еще и все ему игрушки, все — забавно, хочет он ∾ ломает, конечно». (*ЧА*$_2$)

16 злой собакой дразнит / злой собакой [и похлестывает] дразнит (*БА*)

23–33 Пожалуй — опасно ∾ свою паутину. / *а.* [Петр выпил коньяку, откинулся на спинку стула; жуткое любопытство заставило его онеметь, спутало все мысли, а тонкие сухие губы брата не спеша выговаривали опрокидывающие слова] [Опасно ты говоришь,— угрюмо заметил Петр. Ему захотелось прекратить эту беседу, придавить брата какими-то вескими словами, [но] в то же время ему казалось, что брат говорит [какие ⟨-то⟩] что-то смутно знакомое ему, он уже как будто слышал эти [мысли] остренькие, едкие мысли. Но, подыскивая серьезные слова, он вдруг подметил в [гла⟨зах⟩] лице, в глазах брата странное сходство с тем [пьяным] жалобным, плачущим взглядом, который возмутил его, пьяного, на ярмарке, он хорошо помнил этот взгляд. «Напился монах, вот оно что». Никита скрипуче поскреб ногтем край подноса, и его тонкие, сухие губы, усмехнувшись, выговорили [опрокидывающие слова] спокойно и трезво] Пожалуй,— опасно ты говоришь,— заметил Петр. Слова брата толкали, раскачивали его, удивляя своей неожиданностью: он мельком подумал — не хвастается ли брат пред ним мудростью своей? В то же время он чувствовал, что Никита говорит будто бы что-то смутно знакомое ему, эти остренькие мысли Петр где-то, от кого-то уже слышал. Ему снова захотелось подавить брата

какими-то вескими, простыми словами, но, подыскивая их, он вдруг заметил в глазах Никиты странное сходство с тем жалобным, плачущим взглядом, который возмутил его, пьяного, на ярмарке, он хорошо помнил этот взгляд и угрюмо стыдился его. «Напился монах, вот что...» Никита поскреб ногтем край подноса, его тонкие сухие губы, усмехнувшись, выговорили трезво и убедительно. *б.* Пожалуй,— опасно ∾ неожиданностью. [В то же время он чувствовал ∾ говорит [будто бы] что-то ∾ уже слышал] Ему снова захотелось подавить брата [какими-то] вескими, простыми словами, но [подыскивая ∾ стыдился его] не находил таких слов. В келье было душно, стоял кисленький запах углей, [пост‹ного›] лампадного масла, запах, гасивший мысли Петра. [В] На маленьком черном квадрате окна выпукло торчали [какие-то] листья какого-то растения, [он‹и›] неподвижные, они казались железными [1]. Липкая скука давила Петра, [а] брат, похожий на паука, тихо и настойчиво плел свою паутину. «Напился монах [вот, что...]», попробовал Петр успокоить себя. Никита поскреб ногтем край подноса, его [тонкие] сухие губы [усмехнувшись] выговаривали трезво и убежденно. (*ЧА*$_2$)

34–36 Все мысли ∾ Полуумный. / [У меня это давно, еще до монастыря явилось. Думал: в монастыре погаснет. Не гаснет. Тихон натолкнул меня на эти мысли.— Дурак-то? — спросил Петр и от удивления поперхнулся вином, закашлял.] [Все мысли — опасны. Особенно — простые. Вот возьми Тихона [он просто думает]...— Он — дурак.] Все мысли опасны — особенно простые. Возьми, например, Тихона.— Это полуумный. (*ЧА*$_2$)

37–39 Нет, напрасно! ∾ а — боюсь! / [Нет, он не дурак] [Ой, нет! Это напрасно. У него разум строгий. Я сначала даже боялся говорить с ним] Ой, напрасно! У него разум строгий. Я вначале даже боялся говорить с ним,— и хочется, а — боюсь! (*ЧА*$_2$)

Стр. 252—253.

39–3 А когда отец помер ∾ а человек...» / *а.* [Когда отец помер так неоправданно, я не на монахиню обиделся, а на бога, и Тихон сразу приметил это... «Вот, говорит, комар живет...»] [А когда отец помер так неоправданно, он меня очень подвинул к себе. Ты не так любил отца, как я. И, когда он помер,

---

[1] *Ср. варианты к стр. 252, строкам 12 — 14 и к стр. 253, строке 6.*

я не на монахиню обиделся, а на бога. И Тихон сразу приметил это, вот, говорит, комар живет а...] А когда отец помер так неоправданно, Тихон — *Далее как в тексте до слов*: как я. *Далее*: Никого из вас не обидела эта несправедливая смерть, а Тихона обидела. Когда отец помер, я не на монахиню рассердился за глупость ее, а на бога, Тихон же сразу и приметил это, вот, говорит, комар живет...» *б*. А когда отец помер, Тихон ∾ рассердился на бога ∾ комар живет ...» (*ЧА*$_2$)

Стр. 253.

4—5 Бредишь ты! ∾ монахиня? / *а*. [Бредишь ты,— строго, тоном старшего сказал Петр Артамонов.— Выпил ты лишнее...] Бредишь ты,— строго сказал Петр.— Выпил ты лишнее. *б*. Бредишь ты ∾ лишнее. Мне эти мысли не нужны. И — тебе вредны. (*ЧА*$_2$)

6 Никита настойчиво продолжал / [Но Никита говорил трезво, ничто в нем не указывало на опьянение.— Ты не очень любил отца-то, а я его любил. Я тогда очень обиделся.] [Но Никита [как будто] должно быть не слышал этих слов, его лицо стало живее и даже как бы пополнело. Ар⟨тамонов⟩ ст⟨арший⟩ опасливо посмотрел в его глаза, в черную дыру маленького окна кельи. На подоконнике стояло два горшка цветов, их мелкие листья казались жестяными и лезли в келью, в сумрак ее, узорно спутанным клубком, такими же путаными и жестяными казались П⟨етру⟩ слова брата.— Я тогда очень обиделся.] Но Никита должно быть не слышал этих слов. Я тогда очень рассердился,— говорил он тоже строго. *б*. Но Никита ∾ этих слов и тоже строго продолжал: — Я тогда очень рассердился. (*ЧА*$_2$)

7 Тихон говорит / *а*. [А Тихон не дурак, мысли у него строгие. Если говорит] [Нет, Тихон думает строго. Если говорит] Нет, у Тихона мысли правильные: если, говорит *б*. А Ти⟨хон⟩ говорит: если (*ЧА*$_2$)

7—8 бог миру ∾ должны идти / бог миру отец и хозяин, так дожди шли бы (*ЧА*$_2$)

9—10 И не все пожары ∾ на смерть нашу? / *а*. [И вообще,— был бы порядок: ни Адам, ни Каин не согрешили бы на смерть нашу.] [И был бы порядок. Зачем Каину грешить на смерть нашу? Тоже и Адам] И не все, говорит, пожары от человеческой глупости, леса молния зажигает, а чем они виноваты, леса? И был порядок. Зачем Каину грешить на смерть нашу? *б*. И не все ∾ зажигает, а чем деревья виноваты? Леса? И был бы порядок. Зачем было Каину грешить на смерть нашу? (*ЧА*$_2$)

11–12 На что ∾ на что ему? / На что богу уродство, горб, скажем... ◊ ($ЧА_2$)

13–14 «Ага, вот оно что!» ∾ чувствуя / [«Вот оно как»,— подумал Петр.] [«Вот оно что»,— подумал Петр.] «Вот оно как»,— подумал Петр, усмехаясь в бороду и чувствуя ($ЧА_2$)

14–15 очень успокаивают / успокаивают ($ЧА_2$)

17–25 Каина — нельзя понять ∾ в моих-то речах? / *а.* [Эти мысли всегда с ним, с Тихоном. Особенно — о Каине. Каина нельзя понять.— И спокойно, ничуть не изменяя тона, горбун сказал: — И я погряз в этих мыслях. Тихон оцепил меня ими, как собаку, к столбу приковал.] [Верно ведь: Каина нельзя понять. Этим меня Тихон, как собаку, к столбу на цепь приковал.— Со дня смерти отца у меня и началось. Я думал: уйду в монастырь — погаснет... *Далее*: Потом грех этот мой, вина моя... [Так] Я в этих мыслях и живу, погряз.— Прежде ты об этом молчал,— напомнил Петр. Брат тихо ответил: — Не все сразу скажешь.] Каина нельзя понять,— говорил Никита, встряхивая головою.— Этим меня Тихон, как собаку, на цепь приковал, со дня смерти отца у меня и началось. Думал: уйду в монастырь,— погаснет. А не погасло, так и живу в этих мыслях. Погряз.— Прежде ты об этом молчал,—напомнил Петр, соображая: пьян монах или нет... Брат [ти⟨хо⟩] ответил, вздохнув: — Всего сразу не скажешь. Да я, может, всю жизнь молчал бы, если б не богомольцы. Трудно мне с ними, боюсь, вдруг выскользнет Тихоново в моих речах-то? *б.* Каина нельзя понять ∾ Трудно мне с ними, совесть тревожат. И боюсь, вдруг выскользнет Тихоново в моих-то речах. ($ЧА_2$).

25–26 Нет, он человек ∾ не люблю его. / [Нет, он не дурак, нет! Он обо всем думает.] [[А теперь] Он, Тихон-то, обо всем думает.] Может быть, я его и не люблю, а человек он умный, даже и хороший человек. Обо всем думает. ($ЧА_2$)

26–27 Он и про тебя ∾ ему чужие...» / [И о тебе: «Вот, говорит, работает хозяин, живет без радости, трудится для детей,— а дети ему чужие...»] [И про тебя: «Человек, говорит, трудится для детей, а дети ему чужие»] И про тебя: «Вот, говорит, трудится [человек] для детей, а дети ему чужие...— ($ЧА_2$)

28 Это еще что? — сердито спросил Петр / *а.* Как это? [спросил Петр сердясь] [сердито спросил Петр] спросил Петр *б.* Как это? — спросил Петр ($ЧА_2$)

28–29 Что он может знать? / [Откуда он знает?] Этого он не может знать ($ЧА_2$)

30 Знает. / Он видит ($ЧА_2$)

30 *После*: обман...— *а.* Всякое дело обман и себе и людям. [И монастырь — обман.] И монастыри тоже. *б.* Всякое дело ∾ себе и людям. ($ЧА_2$)

31 *После*: Слышал я — эти глупости ($ЧА_2$)

31 Его, дурака, прогнать нужно / [Его бы, Тихона, рассчитать надо, прогнать] Рассчитать бы [надо его, прогнать] его,— дурака, надо прогнать. ($ЧА_2$)

31–32 да ∾ о семейном нашем... / Да — много он знает про нас. ($ЧА_2$)

33 Артамонов ∾ напомнить Никите / [Петр сказал это укоризненно и [угрюмо] сердито, желая напомнить брату] Артамонов старший сказал это укоризненно, желая напомнить брату ($ЧА_2$)

35 но думая о мальчике / [и думая о мальчике] [а думая о мальчике] и думая о мальчике ($ЧА_2$)

35–39 Монах не понял ∾ как разоренный... / [Монах молча поднес рюмку [вина] ко рту, [помолчал] окунул в вино кончик языка и облизал губы.— Я его люблю. Его тоже обидел кто-то, он и оторвался от всех, как разоренный. Отец Федор тоже беседовал с ним, пожалел. Очень хорошо говорит отец Федор о разуме.

Вздохнув, Никита замолчал, задумался.

— Что ж он говорит? — спросил Петр, чувствуя нечто близкое страху пред братом и все более острое любопытство к его словам. «Разум, говорит, еще малое дитя, а дьявол разжигает [любопытство] его, балует игрушками и уже совратил, запутал, набаловал до того, что уже нечем утешить, скучно дитё и обижено оно, ломает все, со скуки».

Растянув беззубый рот к ушам, Никита тряхнул головою, добавил:

— А по-моему,— дьявола нет.

— Плохо шутишь,— сказал Петр, снова [ощущая желание] подчиняясь желанию придавить брата какими-то вескими словами. Подыскивая их, он вдруг [нашел в лице] заметил в глазах Никиты странное сходство с тем жалобным, плачущим взглядом, который возмутил его, пьяного, на ярмарке,— он хорошо помнил этот взгляд. «Напился монах!» — Нет, плохо шутишь,— повторил он, усмехаясь.— Забыл поговорку: черт монаху ближе всех?

Никита скрипуче поскреб край подноса.] [1] Но монах не понял намека, он [молча] поднес рюмку ко рту, окунул

---

[1] *Ср. варианты к стр. 252, строкам 15—33.*

язык в вино и [облизал губы, продолжая: Нет он хорош...] облизав [им] губы, продолжал какими-то жестяными словами:— Нет, он хороший... Его тоже обидел кто-то и он оторвался от всех, как разоренный (*ЧА*₂)

40 *Фразы*: Нужно было ∾ от этих мыслей.— в *ЧА*₂ *нет*.

Стр. 253—254.

41—11 Что ж ты теперь ∾ отец Никодим. / [Не верю в черта. В двоих — не верю.— И первый раз за весь вечер, он коротко посмеялся, точно икая.— Уж лучше бог с рогами, только чтобы один...

— Ну, ты завираешься,— сказал Петр Артамонов, но, как бы подразнивая его, монах [говорил] продолжал: — То и говорю, что все думают. С чем люди приходят, на что жалуются? «Не пилите нас тупой пилою надвое»,— вот [на что] о чем все просят. И ты, поди-ка, тоже знаешь это... И ты...

— Что я знаю,— тебе неизвестно,— ответил Артамонов; у него вспыхнуло злое желание рассказать монаху, как солидные люди возили голую женщину, положив ее на рояль, но он тотчас остановил себя: «Не надо говорить об этом. И ни о чем не надо говорить».] [Что же ты, не веришь, что ли, в бога-то? — спросил Петр и удивился, что спросил равнодушно, почти без любопытства. Брат, помешивая ложкой в стакане, сказал очень просто и спокойно: — А вот,— не знаю я. [Будто и верю, а — думаю много] Кто в бога верит? Думают все, а веры не заметно. Думать-то не надо, если веришь.

— А Тихон совсем не верит?

— И этого не знаю. Он — спорит. Он, пожалуй, будто совсем не верит.

— Ишь, собака... Оба вы завираетесь.

Но, как бы подразнивая его, монах сказал:

— Теперь все пошатнулись [‹в› вер‹е?›]. С чем люди приходят, чего просят? «Не пилите нас тупой пилою надвое»,— вот о чем просят. И ты, поди-ка, знаешь это.

— Что я знаю— никому не известно,— ответил Арт‹амонов› стар‹ший›, а брат, вздохнув, сказал:

— Этот, который [нас‹тоятелю›] о боге с рогами говорил, он, конечно...

— Брось,— [ска‹зал›] посоветовал Петр.— Баловство все это, от скуки, от безделья...

— Нет,— настойчиво сказал Н‹икита›,— в двоих верить — трудно, верить в одно что-нибудь надо.— И первый раз за время беседы он коротко, точно икая, посмеялся.

«Ну — окончательно пьян» — решит Петр.] — Что же ты теперь, не веришь, что ли в бога?— спросил Петр и удивился. Он хотел спросить ядовито и насмешливо, а вышло равнодушно, почти без любопытства. Монах, помешивая ложкой в стакане, ответил очень просто и спокойно:

— Это трудно понять, как теперь верят. Думают все много, а веры не заметно. Думать-то не надо, если веришь.

— А Тихон?

— Верит ли? Не знаю.

— Пожалуй, не верит, собака?

— Все пошатнулись. С чем люди приходят, о чем просят?

— Не пилите нас тупой пилою надвое — вот о чем. Поди-ка, и ты знаешь это.

— Что я знаю — никому не известно,— ответил Петр, а монах, вздохнув, сказал:

— Этот, который о боге с рогами говорил, он тоже...

— Брось,— посоветовал Петр.— Баловство всё это, от скуки, от безделья. Запрячь бы вас в железные хомуты...

— Нет,— настойчиво сказал монах,— это верно: в двоих верить нельзя, надо верить в одно, [что-то,] в одного.

И первый раз за время беседы он коротко, точно икая, посмеялся. «Ну — окончательно пьян», решил Петр; *б.* Что же ты теперь ∾ в одного. И первый раз за все время ∾ точно икая, засмеялся. ($ЧА_2$)

Стр. 254.

12 Уже второй раз ∾ били в колокол / [Уже второй раз за время беседы на колокольне звонил колокол] Второй раз уже — на колокольне били в колокол; мерные удары торкались в черные стекла окна ($ЧА_2$)

13–15 Петр спросил: — За службу пойдешь? / [За службу — пойдешь?] За службу пойдешь? — спросил Петр. ($ЧА_2$)

18 Монах не ответил. / Никита не ответил. ($ЧА_2$)

19 Ну, мне бы ∾ в дороге. / [Ну,— сказал Артамонов, — мне бы уснуть, устал я.] Ну, мне бы уснуть, устал я... ($ЧА_2$)

20 Никита молча уперся / [Брат уперся] Монах уперся ($ЧА_2$)

21 *После*: кресла — выпрямил руки [свои], как пружины ($ЧА_2$)

21 тело свое, позвал / тело [свое] свое и понес его к двери, покачивая, шаркая ногами. Стало тихо в маленькой квадратной комнате, похожей на большой ящик, в который [слу⟨чайно⟩] небрежно брошены два кресла, стол [скамья у двери] и скамья. Откуда-то через дверь, открытую в темноту, выполз [тихий голос] сиплый голос Никиты ($ЧА_2$)

22 Митя, Митрий? / Митрий, Митя? ($ЧА_2$)

23 И снова опустился, виновато сказав / Потом снова зашаркали туфли [и Никита сказал, стоя в раме двери] и, стоя в раме двери, почти невидимый, монах виновато сказал (*Ч*A_2)

24–25 Прости: забыл ∾ в гостинице спит. / Забыл я, келейник-то мой в гостиницу послан, [там ждет тебя,] он там ждет тебя. (*Ч*A_2)

25–26 Услал я его ∾ ябедники... / Нарочно услал я его, [свободно поговорить хотелось. А они тут ябедники все, доносчики.] хотелось мне с тобой свободно поговорить, а они тут ябедники все, доносчики. (*Ч*A_2)

27–28 Он ненужно ∾ в гостиницу / Куда же мне идти? [— Иди прямо.] Заткнув дверь широким телом своим, монах долго не выпускал брата, излишне [подробно и] многословно объясняя ему путь в гостиницу (*Ч*A_2)

29 то подумал / он подумал (*Ч*A_2)

30 «Не хотелось, болтуну, чтоб я ушел.» / [«Не хотелось ему, чтоб я ушел. Поговорить хотелось. Поговорил, довольно. Если правда: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, так его дело — плохо!»] «Не хотелось болтуну, чтоб я ушел. Поговорить! Наговорил достаточно.» (*Ч*A_2)

31–32 И внезапно ∾ почувствовал / [Но, осторожно шагая, прислушиваясь к шороху мокрых листьев, глядя вдаль на жирное во тьме пятно фонаря, Петр Артамонов вдруг со знакомым страхом почувствовал всем телом] Осторожно шагая, прислушиваясь к шороху мокрых листьев под ногами, Артамонов старший внезапно со знакомым страхом почувствовал (*Ч*A_2)

33 может упасть / [может свалиться] может свалиться (*Ч*A_2)

34–35 щупая пальцами водянистую пыль / щупая водянистую пыль ◊ (*Ч*A_2)

35–36 неотрывно глядя ∾ пятно фонаря / напрягая зрение ◊ (*Ч*A_2)

37–38 думал он ∾ Не надо. / *а.* [думал он,— нет, надо делом заниматься, делом! Довольно колобродить.] думал он,— это все пустяки, речи эти и мысли. Это мне не надо. Делом надо заниматься, довольно колобродил. *б.* думал он,— это все пустяки ∾ не надо. Нет, завтра уеду... (*Ч*A_2)

39 Илья воротится! / [Сын ушел? Воротится, не дурак.] Сын не дурак. (*Ч*A_2)

39 *Фразы*: Нет, надобно твердо жить.— в *Ч*A_2 *нет.*

40 Он и обыграть меня может». / [Он и обыграть может. Он меня легко может обыграть»] Он и обыграть может меня». (*Ч*A_2)

41 он думал насильно / [Артамонов думал [дл⟨я⟩] потому] Артамонов думал (*ЧА*$_2$)

Стр. 255.

1 о Никите, о Тихоне / о Никите ◊ (*ЧА*$_2$)

1–2 на жесткую койку / на узкую и жесткую койку (*ЧА*$_2$)

2–7 его снова обняли ∾ умеет утешать». / *а.* [у него явилась и обидная и утешительная догадка. Никита пугал его потому, что тоже хотел обыграть, [сбить с толка] спутать жалобами и намеками, отплатить за свое уродство, за Наталью, за всю судьбу свою. [«Он всё помнит. Хитрый»] *Далее идут варианты этого и последующего текста*:

[Вспомнил, что покойник отец тоже указывал Никите [его], что обязанность его — утешать людей. А он — [бунтует, не хочет] и на это не годится. Вот Серафим⟨а⟩ утеш⟨ителем⟩ прозвал⟨и⟩, так его есть за что.] [«Утешитель» [тоже]. Это Серафима «Утешителем» зовут, [его] и есть за что...» Внезапно вспомнилось, что покойник отец тоже назначил горбуну должность утешителя. [Значит — это судьба ему, что ли...] [И чем более он развивал эту догадку, тем более ясна была ее спасительность, от нее исходило успокоение]] он снова задумался о монахе: не хотел ли Никита напугать его, спутать жалобами и намеками, отплатить за Наталью, за свое уродство, за всю судьбу? В этой догадке было что-то утешительное и успокаивающее. Внезапно вспомнилось, что покойник отец тоже указывал горбуну его обязанность утешать людей! А он и на это не годится. Серафим и тот умеет утешать. Врет он, что его выдумывают как-то. Такова судьба его и все тут. *б.* он снова ∾ что-то успокаивающее... «Покойник отец указал горбуну ∾ : утешай людей! ∾ не годится. А Серафим умеет утешать». (*ЧА*$_2$).

8 Не спалось, покусывали комары / Не спалось; ныли и покусывали комары (*ЧА*$_2$) [1].

8–12 *Текста*: за стеною ∾ «Пьянствуют, наверное»,— *в ЧА*$_2$ *нет*

13–14 *Слова*: Монастырский сторож ∾ доску *вписаны в третьей редакции ЧА*$_2$.

14–15 вдруг очень торопливо ∾ к заутрене / вдруг [забла⟨говестили⟩] очень торопливо, как бы опоздав, испугавшись, заблаговестили к [заутреней] утренней службе (*ЧА*$_2$)

15–16 и под этот звон Петр задремал / *а.* и Артамонов заснул, усмехаясь, чувствуя, что снова ускользнул от опасности. *б.* Петр беспокойно задремал, чувствуя себя в опасности

---

[1] *Текста*: не спалось ∾ к заутрене (*строки 8—15*)—*во второй редакции нет.*

Далее идет текст, существующий только в третьей редакции: потом — увидал себя [идущим] шагающим по берегу широкой реки, среди ее возвышался зеленый островок с одним белокаменным домом в три окна, на берегу женщина в темном платье полола гряды в огороде под окнами, и почему-то Петр узнал, что это смерть. ($ЧА_2$)

17–18 Брат пришел ∾ в саду / *а*. Брат пришел к нему рано утром, такой же, каким он встретил его вчера на дорожке сада *б*. Он еще спал, когда брат пришел к нему такой, каким он видел его вчера, в саду ($ЧА_2$)

18–19 с тем же чужим ∾ и снизу вверх. / с тем же злонамеренно пристальным взглядом [снизу вверх] вкось и снизу вверх. ($ЧА_2$)

19–20 Артамонов старший ∾ дали лошадь / [Петр поспешно умылся, оделся и сказал служке, чтоб ему дали лошадь] Петр торопливо оделся, умылся и сказал служке, чтоб дали лошадь ($ЧА_2$)

22–23 Что так скоро? ∾ поживешь здесь / [Что ж так торопишься? — спросил монах, и Петр услыхал в его вопросе тревогу, удивление. «Фальшивит».] Что так скоро? — спросил монах с удивлением.— Я думал,— поживешь здесь. ($ЧА_2$)

24 Дело не позволяет. / [Надо,— ответил он,— дело требует] Надо ехать, дело требует. ($ЧА_2$)

25 *После*: Пили чай.— *зачеркнуто*: Петр подумал, что в келье Никиты осталось недопитое вино и что монах будет пить его наверное бережно, помаленьку. ($ЧА_2$)

25 Петр долго придумывал / Долго придумывал ◊ ($ЧА_2$)

26 И — вспомнил / [И — вспомнил] И спросил ($ЧА_2$)

30 Я выгоден им. Полезен. / [Я тут выгоден им. Народ привлекаю.] Я им выгоден, народ привлекаю. ($ЧА_2$)

32 Может — странствовать буду. / Может — никуда. Странствовать буду. ($ЧА_2$)

34 И безногие двигаются [по земле]. ($ЧА_2$)

35 согласился Петр / [согласился Петр, думая: «Про бога он мне врал для испытания моего. Нет, он в праведники метит. Хотел исповедать меня. Потом стал бы учить. Меня — все учат. Даже сын дерзнул.] согласился Петр, думая: «Про бога — молчит. Это он говорил для испытания моего, ясно. Странствовать? В праведники метит. Потом учить меня будет. Меня — все учат. Даже сын дерзнул. ($ЧА_2$)

36–37 Помолчали ∾ Тихону поклонись. / Тихону поклонись,— сказал Никита ($ЧА_2$)

39 Всем / [Никому. Да,— Алексею еще] Алексею. Всем. ($ЧА_2$)

40–41 Ладно ∾ как Алексей живет? / [Ты не спросил, как он живет.] Ладно. Ты и не спросил, как Алексей-то живет. (*ЧА*$_2$)

Стр. 256.

1–2 Что спрашивать? ∾ уйду отсюда. / [Что ж] Что же спрашивать? Я знаю, он умеет хорошо жить.

— Тихон рассказывал?

— Ты скажи Тихону — пришел бы он ко мне. Я, может быть, скоро уйду отсюда. (*ЧА*$_2$)

7 *После*: на починку ∾ пойдут — *а.* сказал монах, протягивая руку, а другой вытирая облитую чаем редковолосую бородку; [всовывая бумажки в руку] положив бумажки на ладонь брата, Петр подумал: «Девкам щедрее давал». [Он] [И тот⟨час⟩] И тотчас рассердился: откуда являются эти колко упрекающие, ненужные мысли? Как будто их нашептывает кто-то из-за плеча, чужой и враждебный. *б.* сказал монах ∾ редковолосую бородку. (*ЧА*$_2$)

7–8 К настоятелю не зайдешь? / *а.* Не зайдешь к настоятелю? — вяло осведомился брат. *б.*— Не зайдешь ∾ осведомился он. (*ЧА*$_2$)

9 лошадь подана / лошадь готова (*ЧА*$_2$); лошадь подали ◊ (*БА*)

10 Прощаясь, братья обнялись. / Прощаясь, обнялись. (*ЧА*$_2$)

11 Он не благословил / Монах не благословил (*ЧА*$_2$)

12–13 и Петр подумал ∾ нарочно. / Петру показалось, что она запуталась нарочно. (*ЧА*$_2$); и [Петру] Петр подумал,— что запуталась она нарочно (*БА*)

13 Упираясь горбом в живот его / Упираясь горбом в грудь его, немного выше живота (*ЧА*$_2$); Упираясь горбом в грудь его ◊ (*БА*)

14 глухо попросил / глухо сказал (*ЧА*$_2$)

15–16 лишнее что-нибудь сказал / лишнее что-нибудь сболтнул... (*ЧА*$_2$)

19 Да, да! Ну, прощай... / Да, да... Прощай! (*ЧА*$_2$)

20–21 Петр оглянулся ∾ увидал / Петр Артамонов обернулся и на белой полосе ограды увидал привалившуюся к ней (*ЧА*$_2$)

23 проворчал он, сняв фуражку. / пробормотал он, приподняв фуражку. (*ЧА*$_2$)

25–26 стеклянно ∾ под бисером дождя / чуть слышно шуршала под серым бисером дождя. [Тиши⟨на⟩] (*ЧА*$_2$)

26–28 подпрыгивал монах ∾ лысыми ушами. / покачивался, подпрыгивал черный монах, а лошадь была серая, в рыжих пятнах, с какими-то лысыми ушами, точно из жести. (*ЧА*$_2$)

29 «О чем говорят! — думал Петр. / Тишина и темнота всегда

[вызывают] вызывали только невеселые мысли у Артамонова, и в этот час они угрожающе росли против воли его, думалось о Никите, о Тихоне. «О чем говорят, негодяи! (*ЧА*$_2$)

31 Заботы нет. / Забот у них нет настоящих. (*ЧА*$_2$)

32 *После*: без хозяина — *а*. [Нет, надо мне делом заняться... Побаловался и — будет... Разум. О разуме, туда же, говорят.] На минуту пред ним встала полузабытая картина: усадьба Поповой, беззаботность жизни, налаженной просто и крепко, вдали от людей. Он напомнил себе, что усадьба продана, Попова живет в городе, учит [детей] девчонок, лицо у нее обиженное, на висках седые волосы. С нарочитым бесстыдством он заставил себя подумать, что барыня эта не может быть такой охмеляюще забавной, каковы женщины на ярмарке. / *б*. На минуту ∾ седые волосы. (*ЧА*$_2$)

33 Петр оглянулся ∾ нашел / [Дожди] Петр оглянулся, поеживаясь, [и тоже] нашел (*БА*)

33–35 *Фразы*: Петр оглянулся ∾ невеселые думы.— *в ЧА*$_2$ *нет*.

34 снова [на него облаком], серым облаком (*БА*)

35 избавиться от них / *а*. избавиться от этих мыслей *б*. избавиться от этих мыслей и воспоминаний (*ЧА*$_2$)

36 *После*: на каждой станции — *а*. и около полуночи приехал домой полупьяный. Жена, помогая ему раздеться, осторожно заметила:

— Что ты, будто многонько выпил?

Он погрозил ей пальцем:

— Молчи. Я — знаю, что делаю. У меня недруг есть.

— Алексей, что ли? — спросила Наталья, даже как бы с радостью.

— И Алексей. И — всё. Я у Никиты был, в монастыре.

Он [по⟨хлопал⟩] хлопнул жену по плечу:

— Врут. Всё правильно! Всё, как есть, правильно. Кто смеет думать за меня? Я всем думам хозяин. Я!

Он стал тыкать пальцем в грудь [себе] свою, а жена, оробев, сказала: — Разве я спорю?

— То-то.

б. [и около полуночи приехал в Нижний Новгород на ярмарку пьяный] (*ЧА*$_2$)

37–39 *Текст*: Вечером, когда ∾ под землю — *вписан в третьей редакции*.

38–39 дорогу перерезал / с поля рванул ветер, подняв тучи пыли, дорогу перерезал (*ЧА*$_2$)

38 запыхавшийся поезд [железной ⟨дороги⟩] (*БА*)

39–40 *Слов*: исчез в ∾ дыре.— *в ЧА*$_2$ *нет*.

Стр. 257.

2–3 Припоминая ∾ почти страх / *а. Слов нет*[1] *б.* Впоследствии, припоминая бурные дни жизни на ярмарке, Петр Артамонов всегда [и почти до конца дней своих] ощущал жуткое недоумение, почти страх [и недоверие к себе] (*ЧА*$_2$)

4–7 не верилось ∾ безумных людей / *а.* Артамонов пытался вспомнить, что с ним случилось; пред его полуослепшими глазами в рыжем, ржавом тумане возникали кошмарные картины, [плыл жуткий сон]. (*См. варианты к стр. 265, строки 17—18.*)

Началось с того, что брат Алексей сказал:

— Так нам с тобой везет, что надо кутнуть,— кутнем [что ли]?—Кутить Петру не хотелось, но ликующий брат смешно и весело уговаривал:

— В баню ходишь, тело моешь? Душа тоже бани просит. Ты, дикий человек, на «Самокатах» бывал?

Далее: Он привез его в сумасшедший трактир ∾ свой смысл, увы! — *См. варианты к стр. 259, строкам 11—30. б.* [В бессвязных картинах, которые [вставали] [воскрешала] ярко рисовала память, было невероятное, [как кошмар,] [кошмарное]] [Бессвязные картины были полны невероятного, кошмарного разгула] Память воскрешала ряд картин, лишенных связи, безумное, кошмарное [кружение] вихревое кружение в огромном [каменном] котле, полном железного грохота, песен, музыки, [диких] криков пьяного восторга и [сокрушающих душу] не верил⟨ось⟩ в то, что [видел] [помнил] видел наяву, то, что воскрешала память, что он сам участвовал в кошмарном вихревом кипении каменного огромного котла, полного железным грохотом песен, музыки, криками — *Далее как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

5–6 полном грохота / полном [оглушающего] грохота (*БА*)

8 большой [похожий] кудрявый человек (*БА*)

8–9 Варил и разбалтывал ∾ и сюртуке / *а.* Вдруг с поражающей отчетливостью на полу, уплывающем из-под ног, закачались две фигуры: огромный седобородый старик в расстегнутой поддевке, в шелковой [кр⟨асной⟩] белой рубахе без пояса,

---

[1] *Во второй редакции третья глава начиналась словами*: Петр Артамонов лежал на полу ∾ Сквозь похмельный гул в голове и ноющую боль отравленного тела...— *перенесенными в третьей редакции в другое место романа. См. окончательный текст и варианты к стр. 265, строкам 8—17.*

в измятом цилиндре на голове, и с ним тоже большой человек, весь в черном, курчавый, как собака-пудель; *б.* Сначала варил и разбалтывал все это большой, похожий на черта, кудрявый человек в цилиндре ($ЧА_2$)

9–10 на синем ∾ совиные глаза / *а.* на синем лице его неподвижно влеплены выпуклые глаза. *б.* на синем, бритом лице его, лице повара, были влеплены выпуклые слепые глаза ($ЧА_2$)

10 слепые глаза [они] (*БА*)

10–17 человек этот ∾ в могилы / *а.* из-под усов свешивалась толстая мясная губа, он был похож на одного из тех людей, которых нанимают [провожать богатых покойников на кладбище] провожать на кладбище богатых покойников.

— Р-рад,— хрипло кричал он, хлопая Петра по плечу.— Прекрасно,— рычал он, качаясь.— Крещение Р-руси. Истинное, ежегодное крещение Р-руси на Волге,— понимаешь, чёрт?

Далее текст: А седой старик ∾ женщина али нет? *См. варианты к стр. 259, строкам 32—35, к стр. 260, строкам 2—9. Далее*: Когда явились эти двое, шум в комнате стал на минуту тише, потом [ра⟨зом⟩] сразу усилился и тотчас взорвал все вокруг [себя]. *Далее*: Петр очутился на улице ∾ Какова штука. *См. варианты к стр. 260, строкам 2—25.*

б. он шлепал толстыми, мясными губами и орал, обнимая Петра:— Дурак — молчи! — Крещение Руси, понимаешь? Ежегодное крещение на Волге и Оке [—ура]!

Он был похож [и на одного из] на тех людей с факелами, которых нанимают провожать [на кладбище] в могилы богатых покойников ($ЧА_2$)

15 на повара, а по [костюму] одежде (*БА*)

17–18 *Слова*: Петр смутно помнил ∾ человеком — *вписаны в третьей редакции.*

18–20 а затем ∾ рыдая говорил *а. Слов нет б.* а потом оба они пили коньяк, [ели мороже⟨ное⟩ [разбав⟨ленное⟩] размешанное в коньяке] размешав в нем мороженое, плакали оба, а человек этот рыдая говорил: — Душа! ($ЧА_2$)

20 рыдая говорил [Душа!] (*БА*)

21 Пойми рев русской души! / Пойми рев русской души, ты, [зверь! «Сирота душа, приемыш»,— [говорил⟨а⟩] вспомнил он слова Ольги.] дикарь. ($ЧА_2$) [1]

21 рев [волчьей ду⟨ши⟩] русской души! (*БА*)

---

[1] *Текста*: Пойми рев ∾ страшной казнью!» (*стр. 259, строка 10*) — *во второй редакции нет.*

21–22 *Фразы*: Мой отец ∾ а я прохвост! — *в ЧА$_2$ нет.*

23 *Слова*: густой — *в ЧА$_2$ нет.*

23–24 он обливал ∾ людей / [и] он обливал [человека] людей (*ЧА*$_2$)

25 и слова эти / и слова его (*ЧА*$_2$)

26 *Фраза*: Бой с дьяволом!—*вписан в третьей редакции.*

27 *Слова*: грязную дань!— *вписана* в *третьей редакции.*

27–29 Укрощай ∾ Омой душу! / Не согрешив — не покаешься. Укрощай телесный бунт. Омойте душу! (*ЧА*$_2$)

30–31 А — душа? ∾ святой, великой! / Душа бани просит [простора]! Рви цепи! Простору [святой] русской душе, певчей душе! Святой! Великой! (*ЧА*$_2$)

32 *Слова*: расстроганный — в *ЧА*$_2$ *нет.*

33 Сирота она ∾ верно! / Сирота она, приемыш. (*ЧА*$_2$)

35–36 *Текста*: И все люди ∾ Правильно! — в *ЧА*$_2$ *нет.*

37 А лысый, рыжебородый / Лысый, рыжебородый (*ЧА*$_2$)

38 лиловыми ушами / большими лиловыми ушами (*ЧА*$_2$)

38–39 *Слов*: кругленький ∾ точно кубарь — в *ЧА*$_2$ *нет.*

39 по-бабьи, взвизгивая / визжал бабьим визгом (*ЧА*$_2$); [вз⟨визгивая⟩], по-бабьи, взвизгивая (*БА*)

Стр. 257—258.

40–2 Степа ∾ О душе — правду! / Верно, Степа! Парадизов — всё верно! Обожаю правду... Люблю тебя, смертельно люблю [друг человеческий]! (*ЧА*$_2$)

Стр. 258.

3 И тоже плакал и пел / И плакал, и пел: [Христ⟨ос⟩ воск⟨рес⟩ из мерт⟨вых⟩] (*ЧА*$_2$)

5 Петр подпевал ∾ Антона-дурачка / А Петр Артамонов подпевал словами Ант⟨она⟩-дурачка (*ЧА*$_2$); Петр подпевал словами Антона-дурака (*БА*)

6 Кибитка потерял колесо / Кибит⟨ка⟩ потерял колесо. (*ЧА*$_2$)

7 Ему тоже ∾ черного Степу / [Петру] Артамонову [нра⟨вилось⟩ ?] тоже казалось, что он любит [этого] черного (*ЧА*$_2$)

8 слушал его крики / слушал [речи] крик его (*ЧА*$_2$)

8–9 необыкновенные слова пугали его / [многие] слова чем-то пугали Петра (*ЧА*$_2$); [слова] необыкновенные слова пугали его (*БА*)

10–12 которые ∾ светлый покой. / которые нравились ему, что-то объясняли [от⟨крывая⟩] как бы открывая дверь [в т⟨емноту⟩] из темноты, из шумного хаоса в некий свет. (*ЧА*$_2$)

12 Особенно нравились / Особенно понравились (*ЧА*$_2$)

13–14 было в них ∾ они сливались / [была] в них [певчая душа] он [видел] слышал и видел что-то жалобное, трогательное и верное, они странно [воскре⟨шали⟩][сливали] сливались(*ЧА*$_2$)

14 *Слов*: в знойный будний день — *в ЧА*$_2$ *нет.*

14–17 на засоренной улице ∾ ручку шарманки / на грязненькой, засоренной площади Дремова, стоит, спиною к церковной паперти, высокий седобородый, как смерть, костлявый шарманщик и устало [опустив веки, лениво] вертит ручку шарманки (*ЧА*$_2$)

17–18 девочка лет двенадцати / девочка лет десяти (*ЧА*$_2$)

19 натужно, срывающимся голосом поет / натужно поет срывающимся голосом (*ЧА*$_2$)

20 И не жду от жизни ниче-воя... / [Уж] И не жду от [жизне] жизни ниче-воя, [Мне] И не жаль мне ничего ничуть (*ЧА*$_2$)

22 *Слов*: Вспомнив эту девочку — *в ЧА*$_2$ *нет.*

22–24 Артамонов бормотал ∾ Это он — верно! / Правильно! — бормотал он рыжебородому.— Душа — певчая! Певчая (*ЧА*$_2$)

25–27 Степа? ∾ рыжебородый визжал / А рыжебородый, раскаляясь все больше, визжал (*ЧА*$_2$)

28–29 *Фразы*: Адвокат Парадизов ∾ вертеп неприступный! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

31–32 компании ∾ промышленников / группы кутивших купцов (*ЧА*$_2$); группы кутивших промышленников ◊ (*БА*)

33–34 [звучали] грохотала музыка (*ЧА*$_2$)

35 с бешеной пляской / с [пр⟨ипляской⟩] пляской (*ЧА*$_2$)

36–37 оставались ∾ тонкий свист / [оставалось] оставались в памяти глухие, четкие удары в барабан и тонкий [визг] свист (*ЧА*$_2$)

38 *Слова*: тягучие — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 259.

1–2 стены трактиров ∾ душат / стены трактирного зала сжимаются, давят, душат (*ЧА*$_2$)

2–3 удало и пестрó ∾ плясали / [и отчаянно] и пестро одетые молодцы отчаянно плясали (*ЧА*$_2$)

3 [казалось, что жи⟨лье⟩] [казалось] стены [колебались, раздували⟨сь⟩] точно ветер колебал (*ЧА*$_2$)

4–5 от радости ∾ к восхищению печалью / от тоски к радости, от печали к восхищению (*ЧА*$_2$)

5–6 Петра ∾ такой восторг / Петру Артам⟨онову⟩ было так изумительно хорошо, его охватывал такой восторг (*ЧА*$_2$)

6 что ему хотелось / что хотелось (*ЧА*$_2$)

8 и, упав к ногам / [и] упав к ногам (*ЧА*$_2$)

8–9 стоять на коленях ∾ взывая / и [валяться] стоять на коленях, всенародно крича (*ЧА*$_2$)

10 казните страшной казнью! / казните меня страшной казнью! ($ЧА_2$) [1]

11 Были на «Самокате» ∾ трактир / *а.* Он привез его в сумасшедший трактир *б.* Были на «Самокатах» в сумасшедшем трактире ($ЧА_2$)

12 где пол / *а.* где весь пол *б.* где [весь] пол ($ЧА_2$)

12—13 лакеями, медленно вертелся / *а.* лакеями [и ярко одетыми девицами], медленно кружился *б.* лакеями, медленно вертелся ($ЧА_2$)

13—15 оставались ∾ налитого шумом / *а.* неподвижны были только углы большой комнаты, туго, как подушка пером, набитой людями, налитой оглушающим шумом *б.* оставались неподвижны только углы [большой комнаты] большого зала, туго, как подушка пером, набитого людями, налитого шумом ($ЧА_2$)

15—22 Круг пола вертелся ∾ уезжая куда-то / *а.* Кружа голову, проплывали пред глазами [эти неподви⟨жные⟩] в одном углу — музыканты, воя и грохая, в другом — разноцветные бутылки отражали огни висячих ламп, в третьем орал хор ярко одетых женщин, а четвертый угол был срезан [и], из него в комнату [всё] лезли новые люди; вступая на вращающийся круг пола̀, они взмахивали руками, качались, падали. Все [было ярко] ослепляло, мелькали цветисто одетые девицы в ярких лентах [и венках, в этом небыстром вихре], небыстрый вихрь движения по кругу засасывал, погружая куда-то *б.* Вертелся пол и показывал в одном углу [неистовую] кучу неистовых музыкантов, в другом хор разноцветных женщин, в третьем на посуде и бутылках буфета отражались огни висячих ламп, а четвертый ∾ срезан, из него [в ком⟨нату⟩] лезли [новые] люди и, вступая ∾ пола качались, взмахивая руками, падали, хохотали, сидя на полу. ($ЧА_2$)

23—24 Друг человеческий ∾ Артамонову / *а.* мелькала блестящая лысина Алексея, [и] он, ликуя, кричал, хохотал. *б.* Черный Степан, обняв Артамонова, говорил ему ($ЧА_2$)

25 Глупо, а — хорошо! Пол — на брусьях / *а.* Ты что думаешь? Пол на брусьях? *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

26 на растопыренных пальцах / на пальцах ($ЧА_2$)

---

[1] *Дальнейшему сопоставлению во второй редакции предшествовал текст*: Сквозь похмельный гул в голове ∾ на «Самокатах» бывал? — *выправленный, здесь—зачеркнутый и перенесенный в другое место при подготовке третьей редакции. См. варианты к стр. 257, строкам 4—7 и стр. 265, строкам 17—18.*

27–30 от столба ∾ свой смысл, увы! / *а.* [и] от столба — два рычага, ходят две пары [ры⟨чагов⟩] лошадей и вертят рычаги, а ты что думаешь?

Далее текст: Вдруг с поражающей отчетливостью ∾ рыдал, говорил — *представляющий собой варианты к стр. 257, строкам 8—20 окончательного текста. б.* от столба, горизонтально, два рычага, в кажды⟨й⟩ впряжено по паре лошадей — *Далее как в тексте до слов*: есть смысл. *Далее*: Пойми, тут есть смысл, ого! ($ЧА_2$)

31 Он поднимал палец к потолку / *а. Слов нет б.* Он грозил пальцем в потолок ($ЧА_2$)

31–32 *Слов*: на пальце сверкал волчьим глазом зеленоватый камень — *в $ЧА_2$ нет.*

32–35 а какой-то широкогрудый ∾ как глухой / *а.* а седой старик, обнимая Алексея, навалившись на него сверха, плакал, по его раскаленному докрасна лицу обильно текли слезы и ноющим голосом он просил *б.* а [какой-то] широкогрудый купец [ворочаясь] с собачьей головою, двигая челюстью, смотрел на Артамонова остекленевшими глазами покойника и спрашивал громко, как глухой ($ЧА_2$)

36 А что скажет Дуня, а? Ты — кто? / Чего? Ты кто? ($ЧА_2$) [1]

37 спрашивал другого соседа / спрашивал другого ($ЧА_2$)

38 А что я скажу Дуне? А? / А Дуня где? Чего? ($ЧА_2$)

39 на спинку ∾ фыркал / на спинку стула и фыркал ($ЧА_2$, *БА*)

40 Фу-фу, черт? / Фу-фу ты, черт! Чего? ($ЧА_2$)

41 *Фразы*: И кричал неистово.— *в $ЧА_2$ нет.*

Стр. 260.

1 *Фразы*: Айда в другое место! — *в $ЧА_2$ нет.*

2–9 Потом он оказался кучером ∾ Он меня — я его... / *а.* Едем к Пауле! Не могу — едем! Олеша, — женщина это али нет?

Когда явились эти двое, шум в комнате стал на минуту тише, потом [ра⟨зом⟩] сразу усилился и точно взорвал все вокруг [себя].

Петр очутился на улице, в коляске, запряженной парою серых лошадей, сыпался крупными каплями холодный дождь, гремел гром *б.* Потом он оказался кучером, сидел на козлах коляски, запряженной парою серых лошадей, ехали под крупным, холодным дождем, в коляске было пять человек, один лежал в ногах сидевших и кричал:

---

[1] *Текста*: А что скажет ∾ ф-фу, черт! (*строка 40*) — *во второй редакции нет.*

— К Пауле хочу! Паулочко! Сокровище. (*ЧА*$_2$)

10 *После*: каравай хлеба — *а.* лошади встали на дыбы *б. Слова зачеркнуты* (*ЧА*$_2$)

11–14 Петр упал ∾ рычал / *а.* Петр на мокром дерне, видел, как старик на четвереньках лез по холму к ограде татарской мечети и безумно орал *б.* Петр упал, ушиб голову и, сидя на мокром дерне холма, видел, как старик в расстегнутой поддевке и бархатных сапогах лез к ограде татарской мечети, безумно рычал (*ЧА*$_2$)

13 к ограде мечети / к ограде татарской мечети (*БА*)

15–16 Прочь ∾ хочу, пустите! / *а.* Пусти! Хочу в татара креститься,— прочь! У меня горе! Горе, дьяволы... *б.* Прочь, хочу в татара креститься, в Магометы желаю: не троньте (*ЧА*$_2$)

17 Черный Степан ∾ стащил вниз / *а.* Черный человек и Алексей хватали его за ноги, тащили вниз *б.* Его хватали за ноги, тащили вниз (*ЧА*$_2$)

18 *Слов*: куда-то ∾ из караван сарая — *в ЧА*$_2$ *нет.*

19 *Слова*: бухарцев — *в ЧА*$_2$ *нет.*

19–20 старик ∾ зеленой чалме / *а.* человек в желтом халате и белой чалме, скользкий, мокрый *б.* человек в желтом халате и [в] зеленой чалме (*ЧА*$_2$)

20 *После*: Петру палкой — *а.* кричал *б. зачеркнуто* (*ЧА*$_2$)

22–23 поставил Петра на ноги, говоря / *а.* помог Петру встать и повел в сторону *б.* увещевал его (*ЧА*$_2$)

24 Скандалы не разрешаются. / *а.* Идите, ваше степенство, скандалы не разрешаются. *б.* Скандалы не разрешаются, князь... (*ЧА*$_2$)

25 Съехались извозчики, усадили пьяных / *а.* А черный человек, обняв желтолицего перса в островерхой шапке, нес его и кричал:

— Извозчик!

Толпою человек в десять поднялись среди цветов по лестнице в шум и гам, шли по большому, тесно набитому публикой залу, задевая стулья, толкая людей, заглушая музыку и крики, старик, весь мокрый и в грязи, [в] приказывал, размахивая кулаком:

— Молчать! Персиянина в плен взяли! Всем тихо, молчать! Паулу-у! [Сокровище...]

Все замолчали, музыка тоже, протек тот знакомый Петру, замирающий гул, который раздается в минуту, когда станки на фабрике прекращают работу. В углу, на эстраде,

куда смотрели все, неподвижно, черным камнем, стояла женщина в бархате, с невероятно длинным подолом платья, с необыкновенно белым лицом; стояла она, нахмурив резко черные брови, облизывая красные губы; на шее ее и [почти] на открытой груди шевелились жемчуга и цветные камни, как будто врезанные в ее кожу. В одной руке она держала черный из перьев веер, другую воткнула в бок.

— Паула Менотти,— прошептал Алексей, как будто [испуганный чем‹-то›] испуганно. Что-то нечеловечье и очень злое было в этой женщине, идольское и каменное; дождавшись, когда шум замер, она сделала [как ‹бы›] плечом странное движение, точно вылезая из платья, и начала вполголоса петь, рассказывать что-то на непонятном языке. Она усмехалась, [показывала белую] широко открывая рот, оскаливая две полоски желтоватых зубов, удивленно поднимала брови и гневно сдвигала их, вдруг, вскрикнув, отступала на шаг и, смеясь коротким смешком, снова подвигалась на край эстрады, белое лицо ее искажали судороги, раза два она даже щелкнула зубами.

Ничего забавного Петр не видел в этом, ему не нравился стон глуховатого голоса. Он сидел [боком] на стуле, мокрый с головы до ног, и ему казалось, что количество драгоценных камней на этой женщине все разрастается, только это и было любопытно. Старик сидел почему-то верхом на стуле, положив красные пальцы на спинку, запутав в них бороду, в ней безобразно был открыт большой зубастый рот, он шептал что-то, точно молился. И Алексей шептал:

— Он ей вчера на тридцать пять тысяч рубинов подарил...

Вдруг все охнуло, рухнуло, десятки голосов завыли:

— Паула — браво — Паула...

Черный человек кричал громче всех.

— Идем, готово,— сказал Алексей, [растерянно] [восторженно] радостно улыбаясь, обещая:— Ну сегодня будет служба. Какова шутка, а? / *б*. Съехались извозчики, посадили всех в пролетки (*ЧА*$_2$)

26–31 друг человеческий ехал ∾ копыта лошадей / ехал черный Степан и кричал, размахивая цилиндром:

— К Барбатенко!

Дождь прошел, но небо было [почти черное] грозно черное, как ночью, [греме‹л›] бил гром и над огромным [зда‹нием›] корпусом караван-сарая сверкали [ручьист‹ые›] молнии, разрывая [тьму золотыми щелями] во тьме золотые

щели; было очень жутко, и когда копыта вереницы лошадей ($ЧА_2$) [1]

31–32 по деревянному мосту через канал / по деревянному настилу моста, через [обводный] канал ($ЧА_2$)

33–34 в неподвижно застывшей ∾ воде / в [неподвижной] неподвижно застывшей темной воде ($ЧА_2$)

35 кошмарных картинах / [бессвязных] картинах ($ЧА_2$)

35–37 Артамонов искал ∾ людей / Петр не мог восстановить связь, [он] не помнил, сколько дней и ночей [продолжалось] продолжался этот разгул, [и рассма⟨тривая⟩] он искал и видел среди людей себя ($ЧА_2$)

37 почти незнакомого ему / почти чужого ему ($ЧА_2$)

38 Человек этот пил насмерть / [непонятного] человека, который буянил как все и, как все, пил насмерть ($ЧА_2$); Человек этот, как все, пил насмерть (*БА*)

38 алчно ждал / алчно ожидал ($ЧА_2$)

39 начнется что-то / случится что-то ($ЧА_2$); начнется [что-то] (*БА*)

40 *Слов*: и самое главное, самое радостное — *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 260—261.

41–2 или упадешь ∾ навсегда. / или стремглав упадешь куда-то в безграничную, беспросветную [печа⟨ль⟩] тоску и тьму, или уж подбросит в такую же безграничную радость. ($ЧА_2$)

Стр. 261.

3–4 [непо⟨нятным⟩] ослепляющим пятном ($ЧА_2$)

4 женщина, Паула Менотти / женщина по имени Паула Менотти ($ЧА_2$)

4–5 Он видел ее в ∾ комнате / *а.* В большой, пустой комнате *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

5 *Слов*: с голыми стенами — *в* $ЧА_2$ *нет.*

5–6 треть комнаты ∾ бутылками / *а.* занимая треть ее, стоял длинный стол, нагруженный бутылками [вина] *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

7–8 *Слова*: вазами цветов и фрукт — *вписаны в третью редакцию* ($ЧА_2$)

9 седоватых людей / седоватых купцов ($ЧА_2$)

10 нетерпеливо сидели / *а.* [ра⟨зместились⟩] шумно разместились *б.* нетерпеливо разместились ($ЧА_2$)

10–11 среди нескольких ∾ украшен цветами / *а.* оставалось еще несколько пустых стульев, один из них был убран цветами.

---

[1] *Текста*: впереди, стоя ∾ Паула Менотти (*стр. 261, строка 4*) —*во второй редакции нет.*

Далее: Петр сидел на конце стола с братом и персиянином. Алексей почти насильно кормил перса кильками, тот испуганно морщил тощее, желтое лицо свое и жевал соленую рыбу, двигая крашеной бородою. Вошел старик, ведя под руку эту женщину, рядом с ней он стал меньше и грязней. Петру показалось, что он ведет ее, как лакей барыню, а он уже знал, что это крупнейший московский [торговец мехами] богач, человек почетный. За ним в комнату вошли еще какие-то женщины. Петр помнил, как ужинали нехорошо, шумно и непристойно, очень много пили. Ему было тошно смотреть на два ряда людей, склонивших головы над столом, как свиньи над корытом. Помнил, как Алексей все подливал персу вина, а когда тот, замычав, съехал со стула под стол, он, вытолкнув ногою из-под стола желтую руку перса, сказал лакею:— Убери.—Потом явилась толпа цыган, хорошо пели, плясали, а старик, Паула и еще несколько человек исчезли. В цыган стали бросать огурцами, салфетками, они убежали ($ЧА_2$) [1] *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

12–13 подняв [к потолку], как свечу ($ЧА_2$) [2]

14 Эй, свиньи, подождите жрать! / Тише! Эй, свиньи, подождите лакать! Огня убавить! ($ЧА_2$)

16 Не лай. / Не надо. ($ЧА_2$)

17 крикнул друг человеческий. / крикнул черный Степан. ($ЧА_2$)

19 И почему-то ∾ темнсе. / И стало темнее. ($ЧА_2$)

19 тотчас же за дверью / За дверью ($ЧА_2$)

20–21 Степа ∾ растворил / *а.* тогда черный человек широко распахнул [стеклянные] двери *б.* он бросился к дверям ,распахнул их, отскочил в сторону ($ЧА_2$); Степа шагнул к дверям, растворил [их] (*БА*)

21–22 вошел толстый ∾ на животе / *а.* впустил в комнату лысого, толстого купца, известнейшего ювелира, на животе его был привешен большой турецкий барабан *б.* вошел толстый человек, на животе его качался большой барабан ($ЧА_2$)

22–23 он сильно колотил по барабану / *а.* купец грозно бил в барабан *б.* человек, грозно нахмуренный, бил в барабан ($ЧА_2$)

24 Бум, бум, бум... / *а.* Бум, бум, *б.* Бум, бум, бум. ($ЧА_2$)

25–26 Пятеро ∾ как лошади / *а.* За ним пятеро таких же толстых, полуодетых, полупьяных людей, напрягаясь, точно лошади *б.* Пятеро ∾ полуодетых людей, согнувшись, напрягаясь, точно лошади ($ЧА_2$)

---

[1] *Ср. варианты к стр. 263, строкам 30—37.*

[2] *Текста*: Черный Степа∾тотчас же (*строки 12—19*)—*во второй редакции нет.*

26–27 ввезли в комнату [огромный] рояль (*БА*)

28–29 нагая женщина / *а.* нагая Паула Менотти *б.* нагая женщина ($ЧА_2$)

29–30 страшная бесстыдством наготы / страшная своей наготой ($ЧА_2$, *БА* ◊)

31 темные волосы ее / *а.* черные волосы головы ее были почти не видны *б.* черные волосы [были] ($ЧА_2$)

32 вросли в крышку / *а. Слов нет. б.* как бы вросли в крышку ($ЧА_2$); [как бы] [точно] вросли в крышку (*БА*)

32–33 *Слова*: чем ближе ∾ к столу — *вписаны в третьей редакции.* ($ЧА_2$)

33–34 тем более четко ∾ пучки волос / *а.* тем назойливее и бесстыдней лезли в глаза густые пучки волос *б.* тем более четко выделялись формы ее тела, и бесстыднее кололи глаза пучки волос ($ЧА_2$)

35 *После*: на животе.— Женщина была жуткая, ночная, а рояль под нею — точно кусок тьмы, сгущенной до плотности камня. ($ЧА_2$)

36–39 Повизгивали медные колесики ∾ понятнее / *а. Текста нет. б. Вписано и зачеркнуто*: Повизгивали медные колесики рояля, [пятеро] люди, впряженные в эту колесницу, похожую на камень, остановились, выпрямились. Артамонов ждал, что все засмеются,— это было бы понятнее ($ЧА_2$)

36 *После*: медные колесики — [ножек рояля] (*БА*)

37–38 *После*: тяжелую колесницу — [похожую на камень] (*БА*)

39–40 но [они] все за столом (*БА*)

39–40 но все за столом ∾ смотрели / *а.* Все люди поднялись, рявкнули, захлопали ладонями, закачались в судорогах, толкая стол; падали бутылки, разбивая стаканы, стуча по тарелкам; рыженький человечек завизжал, выплеснул из серебряного ведерка воду в угол на пол, надел ведерко на голову себе и пошел вокруг рояля, приплясывая, за ним гуськом пошли все другие. *Далее текст*: Черный, впустив в комнату ∾ скрипку смычком — *см. варианты к стр. 262, строкам 8—12. б.* но все [молчали и казалось] [смотрели молча и] / поднялись на ноги и молча смотрели ($ЧА_2$)

Стр. 261—262.

40–2 как лениво ∾ от сна / *а.* Тогда Паула медленно и тяжело [то⟨чно⟩] как бы только проснувшись, зашевелилась, отлипла от крышки рояля *б.* Тяжело и лениво, как бы только что проснувшись, женщина пошевелилась, отлипла от рояля и стала еще более жуткой [ночной] ($ЧА_2$); как [тяжело и]

лениво женщина [отлипала] [отклеилась] отклеивалась, отрывалась от [рояля] крышки рояля (*БА*)

Стр. 262.

2–3 а под нею ∾ до плотности камня / *а. Слов нет, ср. вариант к стр. 261, строке 35. б.* а рояль под нею, точно кусок ночной тьмы, сгущенный до плотности камня (*ЧА*$_2$); а под нею — кусок ночи, сгущенной до плотности камня. [Во⟨шли⟩] (*БА*)

3 *Слов*: это напомнило какую-то сказку.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

3–4 Стоя ∾ за плечи / *а.* встала, закинула волосы свои за плечи; теперь она, голая, [стала] еще выше, чем была на эстраде, голова ее почти касалась потолка. *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

5–6 потопала ногами ∾ пятнами / *а.* [Поочередно поднимая ноги, она вытерла подошвы куском мела.] Она потопала ногами *б.* потопала ногами, [оставляя на блеске] замутив блеск лака [белыми] пятнами (*ЧА*$_2$)

6–7 было слышно ∾ струны / *а.* и даже сквозь рёв людей, окружавших рояль, было слышно, как загудели [его] струны. *б.* было слышно, как под ударами ног ее гудели струны (*ЧА*$_2$)

8–9 Вошли двое ∾ человек во фраке / *а.* Черный, впустив в комнату человека со скрипкой в руке, плотно закрыл двери, трижды хлопнул ладонями *б.* Явилась светловолосая в очках и длинный черный человек во фраке (*ЧА*$_2$)

9 старуха села, [обнажив св⟨ои⟩] одновременно обнажая (*БА*)

9–12 старуха села ∾ прицелился / *а.* [подняв с⟨крипку⟩] скрипач поднял инструмент к плечу, прицелился; светловолосая женщина села на стул пред роялем, одновременно обнажив двуцветные зубы его и свои, мелкие, точно у щуки. *Далее*: Тогда Паула медленно ∾ потопала ногами — *ср. варианты к стр. 261—262, строкам 40—6.* Светловолосая [женщина] ударила длинными крючковатыми руками по клавишам *б.* он поднял к плечу скрипку, прищурил глаз, прицелился, светловолосая ударила по клавишам длинными крючковатыми руками (*ЧА*$_2$)

11 скрипку, [прицелился, прищурив] сощурил рыжий глаз, [перерезал см⟨ычком⟩] прицелился (*БА*)

12 *Слов*: перерезал скрипку смычком — *в ЧА*$_2$ *нет.*

13–14 и в басовое пение ∾ скрипки / *а.* в густой басовый звон ворвался пронзительный визг скрипки *б.* [и в густой басовый звон] в густое, басовое пение струн врезался тонкий голос скрипки (*ЧА*$_2$)

13 в [басовом пении] басовое пение (*БА*)

14–15 Нагая ∾ выпрямилась / *а.* Нагая выпрямилась *б.* Нагая выпрямилась, вытянулась ($ЧА_2$)

15 тряхнула головою / *а.* встряхнула головой *б.* тряхнула головою ($ЧА_2$)

15–16 волосы перекинулись ∾ спрятали их / *а.* волосы осыпали грудь ее и, перебирая их руками она [стала] начала извиваться, точно поплыла стоя. *б.* волосы перекинулись на грудь ее, она хвастливо усмехнулась и, отирая волосами [бесстыдно] нахально торчащие груди ($ЧА_2$)

16–17 она ∾ отдаленным / закачалась, запела медленно и в нос негромким, отдаленным ($ЧА_2$) [1]

19 глядя на нее / глядя на ее лицо ($ЧА_2$)

19–20 приподняв вверх ∾ слепые / наклоняясь над столом, точно сгибаемые [какой-то силой] невидимым гнетом ($ЧА_2$)

21–22 Женщина пела ∾ непонятные слова / *а.* она ворчливо, нехотя говорила что-то, [непонятные, чужие слова произносили] ее губы, очень красные, произносили [негромко] глухо и словно в полусне непонятные слова, она спрашивала о чем-то, удивленно приподнимая брови, улыбалась и сердито оскаливала зубы *б.* а она [кри⟨чала⟩] пела ворчливо, нехотя, как в полусне, ее очень красные губы произносили непонятные слова. Петру казалось, что она спрашивала о чем-то, удивленно приподнимая густые брови, сердито усмехается, обнажая зубы ($ЧА_2$)

22–23 масленые глаза ∾ людей / *а.* масленые глаза ее были неподвижными и неприятны, как глаза слепой. *б.* масленые [слов⟨но⟩] глаза ее неподвижны ∾ слепой ($ЧА_2$)

23 смотрели [очень[пристально (*БА*).

23–25 *Фразы*: Артамонов никогда ∾ пугающе красиво.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

25–26 Поглаживая ∾ бедра / *а.* Поглаживая [руками] ладонями [б⟨едра⟩] грудь и бедра, плечи и щеки *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

26 она всё встряхивала ∾ и казалось / *а. Как в тексте б.* она, взвизгивая, встряхивала головою, и тогда казалось ($ЧА_2$)

27–28 растут ∾ пышнее, больше / *а.* [всё] растут, становясь обильнее, пышней, и вся она растет *б.* [всё] растут, и вся она растет, становясь пышнее, больше ($ЧА_2$)

28–30 всё закрывая ∾ не было / *а. Слов нет. б.* все закрывая собою так, что кроме ее уже [ничего не было] стало ничего не видно и как будто [вообще] ничего и не было. ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: она закачалась ∾ глаза — слепые (*строки 16—20*) — *во второй редакции нет.*

30–33 Артамонов ∾ колдовской жутью. / *а.* Петр хорошо помнил, что его подавляла не нагота ее крепкого, прочного тела, а страх перед ним. Он как будто впервые видел голую женщину, так жутко открывшей всю силу [соблазна] свою, и чувствовал что-то неиспытанное, от чего онемел и обессилел. *б.* Петру Артамонову она внушала страх, он чувствовал [какое-то] тяжкое стеснение в груди, стеснение и дрожь; он хорошо помнил, что женщина эта ни на минуту не возбудила в нем желания обладать ею. Хотя она была молода и красива, но от нее [на него] веяло [стра⟨шной⟩] [какой-то колдовской] колдовской жутью. (*ЧА*$_2$)

33–36 Однако он ∾ убедился в этом. / *а.* Ему казалось, что и все вокруг так же подавлены, как он. *б.* Посмотрев на людей, он убедился в этом (*ЧА*$_2$)

37 *Фраза*: «Всякий пойдет, все» — *вписана в третьей редакции* (*ЧА*$_2$)

38–41 Он трезвел ∾ Понимаешь? Чаруса. / *а.* Что она говорит? — шепотом спросил он Алексея; тот, не отрывая глаз от лица женщины, [от⟨ветил⟩] сказал:

— Не знаю. Не по-нашему.

Седобородый старик сидел, откинувшись на спинку стула, точно каменный; черный, стоя на коленях, облокотясь на ноги старика, хрипел:

— Омут естества,— понимаешь?

И размахивал волосатой рукой; измятый манжет съезжал на ладонь ему, он оторвал манжет и бросил на пол, крикнув:

— Простор-ру!

— Паулочка, сокровище,— бормотал старик. *б.* Ему казалось, что он трезвеет и что надо незаметно уйти. Он окончательно решил сделать это, услыхав чей-то шепот:

— [Пропасть. Чаруса. Шагнул и нет тебя... Чаруса.] Чаруса. Омут естества. Чаруса — понял! (*ЧА*$_2$)

Стр. 263.

2 лужайка / красивая лужайка (*ЧА*$_2$) [1]

3 красиво шелковиста / шелковиста (*ЧА*$_2$)

3 но если ступить / а если ступить (*ЧА*$_2$)

4 в бездонную трясину / в бездонный колодезь (*ЧА*$_2$)

4–8 И все-таки он ∾ сгибал шею / *а.* Не отрываясь, Петр, как все, смотрел в лицо женщины, изредка на него падал темный

---

[1] *Фразы*: Артамонов знал ∾ трясину (*строки 1—4*)—*во второй редакции нет.*

взгляд, тяжелый [пья⟨ный⟩] и злой, тогда ему казалось, что женщина [хочет] обидно [обругать] ругает его и всех. *б.* И все-таки снова он прикованно смотрел на женщину, как бы впервые видя наготу ее тела в⟨о⟩ всей его [неотразимой] [непобедимо] влекущей, покоряющей силе, не испытанной им никогда. [И когда] И если на него [тяжело] падал ее слепой тяжелый взгляд, Арт⟨амонов⟩ шевелил плечами, сгибал шею ($ЧА_2$)

5 смотрел на женщину, [как бы в] прикованный (*БА*)

8–9 и, отводя глаза ∾ таращат глаза / *а.* Память воскрешала уродливые пятна пьяных рож, искаженных нехорошим липким любопытством; некоторые смотрели *б.* отводя глаза в сторону, и [ви⟨дя⟩] тогда видел, что [некоторые] уродливые, пьяные люди [смотр⟨ят⟩] таращат глаза ($ЧА_2$)

9–10 с тем туповатым удивлением / *а.* с тем тупым удивлением *б.* с тем туповатым удивлением ($ЧА_2$)

10–12 как обыватели ∾ насмерть / *а.* как смотрят на внезапное и страшное, например — на маляра, который, упав с крыши церкви, разбился [до] насмерть. И до тошноты противно было вспомнить мокрые губы полуоткрытых ртов, мутную жадность пьяных глаз. *б.* как смотрели [бы] на внезапную смерть человека, на маляра, который разбился, упав с колокольни Никольской церкви в Дремове ($ЧА_2$). *См. варианты к стр. 265, строкам 1—2.*

13 Черный, кудрявый Степа / Черный Степан ($ЧА_2$)

14 [и] гладил лоб ($ЧА_2$)

15–16 упадет ∾ в пол / упадет вниз головою ($ЧА_2$)

16–17 расстегнувшийся манжет ∾ в угол / манжет рубашки своей и бросил его на пол ($ЧА_2$)

19 как будто хотела / точно хотела ($ЧА_2$)

20 ее [кр⟨ики⟩] подавленные крики [при⟨тихли⟩?] стали ($ЧА_2$)

21–24 особенно жутко ∾ звериной шкурой[1]/ [Особенно страшно было, когда ее волосы взлетали крыльями] особенно жутко было видеть, как волнисто извиваются ее ноги, как резко дергает она головою, как густые волосы [взметываются], взметываясь над плечами точно крылья, [и] падают на грудь, за спину ($ЧА_2$)

25 Вдруг музыка оборвалась / *а.* Потом все это сразу вместе с музыкой оборвалось *б.* Но вдруг все сразу вместе с музыкой оборвалось ◊ ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: и, отводя глаза ∾ звериной шкурой (*строки 8—24*)— *во второй редакции нет.*

25 женщина спрыгнула / *а.* женщина легко спрыгнула *б.* женщина спрыгнула (*ЧА*$_2$)

26–27 черный Степа ∾ с нею / *а.* черный человек ловко окутал ее [красным] синим халатом и вместе со стариком [куда-то] увел, подхватив под локти. *б.* черный Степан накинул на нее золотистый халат и убежал с нею (*ЧА*$_2$)

27–28 а люди ∾ друг друга / *а.* Все бросились за стол и снова начали пить *б.* все люди закричали, завыли, хлопая [в] ладонями, возбужденно хватая друг друга руками (*ЧА*$_2$)

28–29 завертелись лакеи ∾ покойники в саванах / *а.* лакеи, белые, как покойники, вертелись пред глазами *б.* завертелись лакеи, белые, точно покойники (*ЧА*$_2$)

29–30 зазвенели рюмки ∾ в знойный день / *а. Слов нет. б.* зазвенели рюмки и бокалы, люди начали пить жадно, как в знойный день (*ЧА*$_2$)

30–33 Пили и ели ∾ над корытом. / *а. во второй редакции эта фраза и следующая за ней идут ранее — см. варианты к стр. 261, строке 11. б.* Ели они нехорошо, шумно и непристойно, было почти противно видеть два ряда голов, склоненных над столом, это напоминало свиней над корытом. (*ЧА*$_2$)

34–36 Явилась толпа ∾ исчезли / *а.* [Потом явилась толпа цыган, хорошо пели, плясали, а старик, Паула и еще несколько человек исчезли. В цыган стали бросать огурцами, салфетками, они убежали] вертелись пред глазами, визжали женщины; пришел какой-то человек с шишкой на лбу, встал среди комнаты и запел, его прогнали; снова явились цыгане и наконец все исчезло. *б.* Явилась толпа цыган, они гнусаво, раздражающе пели, плясали, в них стали бросать огурцами, салфетками, кусками хлеба. (*ЧА*$_2$)

36–37 *Слов*: на место их Степа пригнал ∾ табун женщин — *в ЧА*$_2$ *нет.*

37 одна ∾ в красном платье / маленькая, почти по пояс голая женщина (*ЧА*$_2$) [1]

38 [предложила ему] поднесла к его губам [стак⟨ан⟩] бокал (*ЧА*$_2$)

39 звонко чокнувшись / звонко чокнулась (*ЧА*$_2$)

41 Выпьем рыжий, за здоровье Мити! / Выпьем за здоровье медведя! (*ЧА*$_2$)

Стр. 264.

1 Была она легкая / Была она толстенькая, но легкая (*ЧА*$_2$)

1 [а] звали ее ◊ (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Текста*: одна из них ∾ Паулу Менотти (*стр. 264, строка 11*)— *во второй редакции нет.*

2 ловко играла ∾ пела / хорошо играла и пела ($ЧА_2$)

3 лазурное, чистое / лазурное, знойное ($ЧА_2$)

4 звонкий голосок ∾ печально / мягкий голосок ее с [великой] печалью ($ЧА_2$); звонкий голосок ее (*БА*)

7–8 гладил ∾ и утешал / гладил ее по голове и бормотал ($ЧА_2$); гладил ее [по] голову и [успок‹анвал›] утешал (*БА*)

11 видеть другую / вспомнить другую, ту ($ЧА_2$)

12–15 В редкие трезвые часы ∾ «Экая моль! / *а.* «Моль»,— думал он, хмуро поглядывая по сторонам на темные ели, на золотой лист редких берез и осин... [«Моль»]

Он бешено путался с двумя певицами Лизутой и Пашутой, они стоили ему дорого, в часы трезвые он всегда с великим изумлением думал о том, как легко вылетают из его бумажника сотни рублей и как глупо девицы тратили их, а ведь на эти деньги два больших семейства могли бы прожить год. *б.* В редкие трезвые часы он с великим изумлением думал о том, как дорого стоит ему эта беспутная женщина, как легко вылетают из его бумажника сотни рублей. «Эка моль»,— думал он. ($ЧА_2$)

16–18 Поражала его ∾ трата заработка / *а.* Поражала [эта бессмысленная] жадность женщин к деньгам, уменье высасывать их и какая-то как бы нарочито бессмысленная трата заработка *б.* Поражала его жадность ярмарочных женщин ∾ трата заработка ($ЧА_2$)

17 какая-то [как ‹бы›] бессмысленная трата (*БА*)

19–24 Ему сказали ∾ пачки кредиток. / *а.* «Моль»,— насмешливо думал он, вспоминая, как солидные люди тратили на женщин десятки тысяч, а богатейший текстильщик Локтев закуривал сигары от сторублевых бумажек, зажженных на свече, совал за пазухи певиц пачки кредиток и хвастливо кричал. *б.* Ему сказали, что крупнейший московский меховщик расходовал на Паулу Менотти десятки тысяч, [подарил ей рубины в] он сам видел, как [ювелир Локтев] человек с лиловыми ушами закуривал сторублевыми [бумажками] билетами, зажигая их на свече, и совал за пазухи арфисток пачки кредиток, хвастливо покрикивая ($ЧА_2$)

22–23 [закуривая сигару] закуривал сигары (*БА*)

24 пачки [шел‹естящих›] кредиток (*БА*)

26–27 Артамонов же ∾ бесстыдство / Артамонову же стало казаться, что в каждой из них [более или менее] прикрыто [буйное] наглое бесстыдство ($ЧА_2$) [1]; [Артамонову же стало

---

[1] *Текста:* Артамонов же ∾ воскрешаемых памятью (*строки 26—34*)— *во второй редакции нет.*

казаться] Артамонов же стал видеть в каждой из них [при⟨крытое⟩] непристойное бесстыдство (*БА*)

28 и все женщины / и все они ($ЧА_2$)

29 скромные и дерзкие / дерзкие и скромные ($ЧА_2$)

29—31 чувствовал он ∾ враждебное / [вра⟨ждебны⟩] тайно враждебны ему, все, даже в Наталье, в жене, [было] он вспомнил что-то враждебное ($ЧА_2$)

32 думал он / думал Артамонов ($ЧА_2$)

32—33 к цветистому хороводу / к [девушкам] [пестрому] цветистому шумному хороводу ($ЧА_2$)

35—38 Он не мог понять ∾ бросают / *а*. Чепуха,— соображал Артамонов.— Тратят силу ради денег, чтоб накопить побольше, потом — жгут их, топчут.

И ясно чувствуя жуткую нелепость, скрытую в этом, он мысленно усмехался. «Вот о чем Никите рассказать надо. Поджарить монаха»[1] *б*. Простой здравый ум его не мог понять: что же это, как же? Люди работают, гремят цепями дела, оглушая самих себя, заботясь, чтоб другие работали на них как можно дешевле, и вот [бросают] жгут деньги [на] огнем, бросают ($ЧА_2$)

38—40 *Текст*: их горстями ∾ фабрик — *вписан в третьей редакции* ($ЧА_2$)

Стр. 265.

1—2 «Отец, пожалуй ∾ уверенно думал он / *а*. Проснулся Петр Артамонов часа два тому назад и вот лежал, вспоминая этот кошмар. Он много слышал о купеческом разгуле на ярмарке, но плохо верил, что то, о чем рассказывали,— возможно, а теперь, вспоминая безумные забавы почтенных солидных людей, думал: «Отец тоже с ними был бы. Это — наверно». [Все, что видел он, не только не нравилось ему, но даже возбуждало чувство отвращения, в то же время казалось [естест⟨венным⟩] неизбежным и последнее тупо удивляло его.]

Далее: Память воскрешала ∾ пьяных глаз.

б. [Думая об этих людях, он почти уверенно говорил себе] Вспоминая об этих людях и забывая о себе, он почти уверенно [говорил себе] думал: «Отец, пожалуй, тоже так бы колобродил с ними. Наверное». ($ЧА_2$)[2]

---

[1] *Во второй редакции эти размышления возникли у Петра по дороге с ярмарки в монастырь. См. варианты к стр. 245, строкам 35—36.*

[2] *Ср. варианты к стр. 263, строкам 8—12.*

2–3 Самого себя ∾ этих кутежей / Самого же себя он видел не участником кутежа ($ЧА_2$) [1]

4 Но эти думы / Эти [мы⟨сли⟩] думы ($ЧА_2$)

4–5 пьянили его ∾ погасить их / пьянили его сильнее вина [пьяни⟨ли⟩] и, опьяняя, угрожающе тревожили; только вином и можно было залить, погасить их ($ЧА_2$)

6 в кошмаре кутежей / в кошмаре кутежа ($ЧА_2$)

8 Артамонов старший / [Петр Артамонов] [Петр] Артамонов ($ЧА_2$)

8–9 на жиденьком, жестком / на жиденьком и жестком ($ЧА_2$)

11 *После*: тертым хреном.— Полубольной, опухший, он глазами, налитыми кровью, смотрел в грязный потолок ярмарочной гостиницы, над ним вздрагивала висячая лампа, позванивая стеклом о жесть абажура, [рядом с ним] в открытое окно лезла красноватая пыльная жара. ($ЧА_2$)

11–15 На диване ∾ всероссийское торжище. / *а.* За окном тысячами пастей ревело всероссийское торжище, непрерывно катились по булыжнику мостовой колеса пролеток и телег, создавая такой железный шум, как будто вся улица, все здания ярмарки были поставлены на колеса и [все ехало] ехали под гору, качаясь, разрушаясь, [сопровождаемое] сопровождаемые криками и воплями людей. Где-то очень близко бухал барабан, ревели медные трубы и какая-то отчаянная дудочка рвала густой поток пестрого шума тонким ядовитым свистом. *б.* За окном ∾ как будто все здания ∾ на колеса и ехали ∾ трубы и как всегда свистела отчаянная ∾ ядовитым свистом. На диване, открыв рот и, как Наталья, подняв брови, разметалась Пашута, свесив на пол белую с синеватыми прожилками ногу. ($ЧА_2$)

17–18 Артамонов угрюмо ∾ истекшей ночи / *а.* Артамонов пытался вспомнить, что с ним случилось, пред его полуослепшими глазами, в рыжем, ржавом тумане возникали кошмарные картины, плыл жуткий сон. *б.* Артамонов вспомнил события [ист⟨екшего⟩] вчерашнего дня ($ЧА_2$)

18–19 когда вдруг ∾ явился Алексей / *а.* Когда солнце скрылось за крышей огромного, похожего на сарай, кирпичного театра, вошел Алексей и захохотал, закричал. *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

19–20 Прихрамывая ∾ рассыпался словами / *а. Слов нет б.* Прихрамывая, [как собачка, остановился над Петром] он подошел к Петру и рассыпался словами ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: Самого себя ∾ тертым хреном (*строки 2—11*) — *во второй редакции нет.*

21 Что — опрокинулся, лежишь? / *а.* Что — опрокинулся? Эх ты! Гляди, я больной человек, а — как свежий огурчик! *б.* Что, брат? Лег? Завертело? ($ЧА_2$)

21–22 *Слова*: А я тебя ∾ искал — *вписаны в третьей редакции* ($ЧА_2$)

21–22 вчера ∾ искал / [искал] вчера искал (*БА*)

22 да к утру сам завертелся. *а. Слов нет б.* да к утру тоже пошатнулся. ($ЧА_2$)

23–24 коньяку, льду / *а.* коньяку [и] льду, быстро сделал освежающее питье [оно подняло Петра на ноги.] *б.* коньяку, льду ($ЧА_2$)

26–27 барышня проворчала ∾ Отстань. / Пашута проворчала: — К черту... ($ЧА_2$) [1].

28 Это ты ∾ к чёрту / [Это] Туда ты пойдешь [а не я] ($ЧА_2$)

29–30 посадил, потряс и указал на дверь / посадил и, указывая на дверь, приказал, тоже спокойно ($ЧА_2$)

32–33 Не тронь ∾ успокоил / Не тронь,— угрюмо сказал Петр; брат успокоил его ($ЧА_2$)

34 Ничего; позовем — придет. / Не рычи, это дело простое: позовем — воротится. ($ЧА_2$)

35 сказала женщина / вздохнула Пашута ($ЧА_2$)

37–38 Алексей ∾ вытрись льдом! / *а.* Сними рубаху, вытрись льдом,— командовал Алексей. *б.* Алексей командовал: — Вставай, Петр, сними рубаху, вытрись льдом! ($ЧА_2$)

Стр. 265—266.

39–3 Подняв с пола ∾ зевнула / Пашута, подняв с пола раздавленную [шляпу] шляпку, попыталась надеть ее на встрепанную голову, но, [взгля⟨нув⟩] посмотрев в зеркало над диваном, швырнула [шляпу] шляпку [под] на пол, за диван [и] ($ЧА_2$) [2]

Стр. 265.

41 над диваном, сказала [вздохнув] (*БА*)

Стр. 266.

4–5 Ну, прощай ∾ тринадцать. / Прощай, купец,—сказала она, зевнув.— Помни, я у Симанского, 47-й номер. ($ЧА_2$)

6 *Слов*: не вставая с пола — *в* $ЧА_2$ *нет.*

10 Ну... пятьдесят. / Пятьдесят, что ли... ($ЧА_2$)

11–13 Э! Много ∾ притворил дверь. / Много.— Он сунул в руку Пашуте [что⟨-то⟩] какую-то бумажку и, плотно притворив за нею дверь ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: Не сразу открыв глаза ∾ надевая кофту *(строки 26—36)—во второй редакции нет.*

[2] *Текста*: Подняв с пола ∾ начальнически спросил (*стр. 266, строка 18*) — *во второй редакции нет.*

14–17 *Текста*: Скупо дал ∾ начальнически — *в* $ЧА_2$ *нет.*

17–19 спросил:—Ты что же делаешь? / *а.* Ты помнишь, что [вече⟨ром⟩] вчера делал? *б.* спросил брата: —Ты что же делаешь? ($ЧА_2$)

20–21 задорно ответил ∾ покрякивая / задорно и угрюмо ответил Петр, вытирая куском льда лицо и грудь, но Алексей необычно строго, как никогда он не говорил, произнес ($ЧА_2$) [1]

24–25 Алексей ∾ с присвистом спросил / Ты помнишь, что вчера врал у Никиты Егорова? — Петр, опустив руки, стоял в углу и смотрел на брата, [пре⟨дчувствуя⟩?] ожидая неприятного, а Алексей, понизив голос, быстро сыпал словами ($ЧА_2$)

25 с присвистом спросил / с каким-то присвистом спросил (*БА*)

26–27 Забыл? ∾ морду разбил / Что это тебя прорвало? Всех изругал, адвокату [Степан⟨у⟩ Парадизову] морду побил, он жалобу подаст на тебя... ($ЧА_2$)

27–31 *Текста*: полицейского столкнул ∾ Он спросил — *в* $ЧА_2$ *нет.*

32–33 *Текста*: Ерунда.— Не ерунда — *в* $ЧА_2$ *нет.*

33 а — черному, этому — как его? / Степан — как его? Черный, ну? Помнишь? ($ЧА_2$)

34 Мы с ним ∾ дрались / Я его раньше бил ◊ ($ЧА_2$)

34–35 сказал Петр, трезвея ∾ продолжал / сказал Петр, снова вытираясь льдом, трезвея, но Алек⟨сей⟩ все так же строго и тихо говорил ($ЧА_2$)

36–40 А за что ∾ Что это значит / *а.* Я? — недоверчиво спросил Петр.— Ты, вот этот самый,— брат [т⟨кнул⟩] дотронулся до него пальцем.— [Ты выпил лишнюю рюмку, есть такая, она называется — открой сундук.] Я ведь пьян не бываю, я всё следил за тобой, вижу: сидишь, молча ворочаешь глазами — ошарашило! И вдруг — сорвался со стула, [заорал] замолол...— Я? — тихо повторил Петр.— Ты, ты! Чего [ты] только ты не врал! [О] Хорошо, что все были [уже] пьяны. Наталью изругал, [ты] это, брат, свинство! [Нет] [Всех] Излаял даже дворника Тихона, даже Попову. Все — хохочут, а ты [зачем-то] кричишь: [Авраама вспомнил, Исаака, орешь: «Жертвоприношение, сын»] «Авраам, Исаак, Яков — баран!» Мальчишку какого-то вспомнил, заплакал! Вообще такого хлама насыпал — беда! Никто, конечно, ничего не понимает, [а] всем смешно. А этот, адвокат, помнишь — курчавый, на дьякона похож?

— На собаку — поправил Петр [испуганный].

---

[1] *Текста*: задорно ответил ∾ *строже продолжал* (*строки 20—35*)—*во второй редакции нет.*

— Ну, на собаку, это дела не меняет.

[Он орет: «Слушайте рев русской души!» Он это любит, о душе кричать] *б*. Всех излаял почтеннейших людей, это, брат, не фасон! Жену ругал, Наталью, даже дворника Тихона. Попову, это за что?

— Я? — спросил Петр, садясь на стул.— Ты, ты, вот этот! Мальчишку какого-то вспомнил, плакал, кричал: Исаак [Яков] — баран! Что это значит? (*ЧА*$_2$)

Стр. 266—267.

41–1 Петра обожгло ∾ Пьян был. / *а. Текста нет б*. Не знаю,— сказал Петр, чувствуя, как его [об⟨ожгло⟩] ожгло страхом.— Пьян был. (*ЧА*$_2$)

Стр. 267.

2 Это — не причина! / *а. Фразы нет б*. Не причина! (*ЧА*$_2$)

2–10 почти крикнул Алексей ∾ с ног коньяком / *а*. А ты как в бане — все долой! Э, нет, думаю, надо его заткнуть. И свалил тебя бенедиктином с коньяком...

Алексей рассказывал весело, с удовольствием, [весь сияя] прихлебывая лимонад, и подпрыгивал на стуле, размахивая рукою, как будто скакал на хромой лошади. *б*. почти крикнул Алексей, взмахнув рукой и подпрыгивая на диване, точно он скакал на хромой лошади.— О семейном в кабаках не кричат. Почему — Авраам, и жертвоприношение, и вся эта ерунда — откуда это? Ты ведь эдак-то дела конфузишь, ты на меня тень наводишь. Что ты, как в бане разделся? Хорошо еще, что был при скандале [твой] этом приятель мой, Локтев, ювелир, и догадался свалить тебя коньяком с бенедиктином. (*ЧА*$_2$)

10–11 *Слов*: а меня вот телеграммой вызвал.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

11 *Фраза*: Он ∾ все это.— *вписана в третьей редакции ЧА*$_2$

11–15 Сначала говорит ∾ почти шепотом / *а*. [Чувствуя, что [он] снова пьянеет от слова брата, Петр спросил мрачно:

— Никто-то ничего не понял?]

Чувствуя, что от слов брата он снова пьянеет, Петр спросил:

— Смеялись, говоришь?

— Ну, еще бы? Странно пьян был ты. И уж орал.

— Все орали...

б. Сначала, говорит, все смеялись, а потом прислушиваться начали, как ты орал.

— Все орали,— пробормотал Петр, снова как бы пьянея от слов брата; Алексей же неотвязно пилил его почти шепотом. (*ЧА*$_2$)

16–19 Ладно, что Локтев ∾ враг. / *а.* Хорошо,— сказал Петр, вздохнув *б.* Ладно еще, что Локтев догадался напоить всех в лоск. Да ведь наше дело такое: сегодня он приятель, а завтра лютый враг. ($ЧА_2$)

20 Петр сидел ∾ к стене / *а.* он все еще сидел на полу, придвинув тюфяк к стене, нарочито крепко опираясь на нее затылком. *б.* Петр сел на стул, крепко прижал затылок к стене ($ЧА_2$)

21–22 пропитанная ∾ стена вздрагивала / *а.* Стена, пропитанная яростным шумом, вздрагивала и гудела *б.* пропитанная яростным шумом улицы стена вздрагивала и гудела ($ЧА_2$)

22 Петр молчал, ожидая / *а.* Артамонов ждал *б.* Артамонов старш⟨ий⟩ молчал, ожидая ($ЧА_2$)

23 хаос в голове его, изгонит страх. / *а.* хаос в его голове *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

23–24 Он ничего,∾говорил брат. / Каков старик? — хвастливо покрикивал Алексей.— Больших денег стоит ему эта женщина...

— Дети у него,— вслух подумал Петр.

— Как же! Трое. Старший — тут, с ним, рыженький, щеки булочками, который ведро на голову себе надевал, помнишь. Умница парень, заграничной выделки. *Далее*: Оглушающий шум лез в окно ∾ опять напьешься — *см. варианты к стр. 268, строкам 12—22* ($ЧА_2$)

24–27 И было ∾ скажет Алексей. / Было смутно, обидно, что брат говорит с ним голосом судьи и старшего, и было жутко ожидать, что еще скажет он. ($ЧА_2$) [1]

28–29 все подпрыгивая. / все подпрыгивая и торопясь куда-то ($ЧА_2$)

29 едешь к Никите / едешь к Никите в монастырь, а сам ($ЧА_2$)

30 Я у него был. / Я там был,— вспомнил Петр. ($ЧА_2$)

31–32 Когда на депешу ∾ там нет / Когда ответили на депешу, что тебя нет там ($ЧА_2$)

32 *Слова*: конечно — *в* $ЧА_2$ *нет.*

33 могут и убить / все может случиться, могут убить. Ты [-то ус⟨пел?⟩] там суток не прожил. ($ЧА_2$)

35 сознался Петр. / сказал Арта⟨монов⟩ старш⟨ий⟩. ($ЧА_2$)

36 Так ее на люди выносить надо? / Дрянь? Так ее на люди выносить надо? — шипел Алексей. ($ЧА_2$)

37–39 Какое там ∾ Какой мальчик? / Какой мальчик? Что это?

---

[1] *Текста*: И было очень обидно ∾ Какой мальчик? (*строки 25—39*)—*во второй редакции нет.*

Жертва — это что значит? (*ЧА*$_2$); [Какой там мальчик? Какое жертвоприношение?] Какое там у тебя жертвоприношение? Что ты — персиянин? [В⟨озишься⟩] С мальчиками возишься? Какой мальчик? [— Илья [маль⟨чик⟩],— сказал Петр.] (*БА*)

40–41 *Фразы*: Приглаживая волосы ∾ сквозь пальцы — *в ЧА*$_2$ *нет*.

Стр. 268.

1 Илья... всё из-за него... / *а. Фразы нет. б.* Илья,— сказал Петр. (*ЧА*$_2$)

Далее текст: Оглушающий шум ∾ пролетки ∾ к театру ∾ смотри напьешься. *См. варианты к стр. 268, строкам 12—22.*

2–7 И медленно ∾ Значит Илья? / *а.* Что это ты про Илью кричал? — Медленно и нерешительно Петр рассказал о ссоре,— брат, качая головою, сморщил [н⟨ос⟩] серое лицо свое *б.* Ты это про Илью кричал, о мальчике? — Медленно ∾ сморщил серое лицо свое, облегченно вздохнул:

— Ф-фу! А Локтев понял иначе...

— Как иначе? — тихо спросил Петр.

— Что ты задавил какого-то мальчишку, лошадью, что ли. Про Илью значит? (*ЧА*$_2$)

7–8 Ну, брат ∾ неразумно. / *а.* Ты меня прости — это глупо! *б.* Ну, брат, прости — это глупо! (*ЧА*$_2$)

10 Он очень долго и красноречиво говорил / Он долго говорил (*ЧА*$_2$)

11–12 чиновниками, офицерами / офицерами, чиновниками (*ЧА*$_2$)

13 экипажи к театру / пролетки к театру, свистели полицейские (*ЧА*$_2$)

14–15 невыносимо грохотала музыка / невыносимо [гудела и] ревела музыка (*ЧА*$_2$)

15 *Слова*: бразильцами — *в ЧА*$_2$ *нет*.

16 *После*: водою канала — поперек его. (*ЧА*$_2$)

16–17 Удары барабана ∾ Менотти. / *а.* Бухал барабан, [он] напоминая о вчерашнем, он казался невероятно увеличенным и, может быть, по коже колотил толстый, невероятно разбухший вчерашний человек. *б.* Бухал барабан, напоминая о Пауле Менотти, он ∾ увеличенным и, наверное, по коже колотил толстый пьяный человек. (*ЧА*$_2$)

18–19 Какая-то дрянь ∾ Артамонов старший / *а.* Завелась во мне какая-то дрянь,— сказал Петр *б.* Завелась во мне дрянь,— повторил Петр (*ЧА*$_2$)

18–19 [глухо] повторил Артамонов старший (*БА*)

19 *Слов*: щупая ухо, а другою рукой — *в* $ЧА_2$ *нет.*

19–20 наливая ∾ лимонада / наливая коньяку в лимонад ($ЧА_2$)

20–21 брат ∾ предупредив / *а.* Алексей заботливо предупредил *б.* Алексей взял бутылку из рук его, [строго] заботливо предупредив ($ЧА_2$)

22 Смотри, опять напьешься. / Смотри, напьешься! *Далее*: *а.* Что это ты про Илью кричал ∾ лицо свое. *б.* Ты это про Илью ∾ Про Илью, значит? ($ЧА_2$) (*Ср. варианты к стр. 268, строкам 2—7*) *Далее текст, идущий вариантами к строкам 7—8, 11—12.*

25 Ты — пойми, наше сословие — главная сила.../ Ты пойми, мы должны быть... ($ЧА_2$)

26 Петру ничего не хотелось понимать. / Понимать Петру ничего не хотелось. ($ЧА_2$)

27 говорок брата [который] (*БА*)

27 *Слова*: человек — *в* $ЧА_2$ *нет.*

28–29 дружбы людей ∾ всей страны / дружбы больших людей, которые ворочают всею торговлей страны ($ЧА_2$)

31 славу мудреца и праведника / *а.* славу мудреца *б.* славу праведника ($ЧА_2$)

31 а вот он, Петр, предан / а он предан ($ЧА_2$)

32 каким-то случаям/ *а.* каким-то темным случаям и думам *б.* каким-то случаям ($ЧА_2$)

32 Почему? За что? / *а.* Почему? [Надо съездить к Никите] *б.* Почему? ($ЧА_2$)

33–35 А за распутство ∾ вкрадчиво. / *а. Текста нет б.* Алексей [стал] говорил все мягче и спокойнее:

— Людей,— очень почтенных, весьма солидных людей — ты зря облаял.

— Распутство,— сказал Петр, чувствуя, что ему легче теперь, когда брат перестал говорить о мальчике. ($ЧА_2$)

33–34 обругал ∾ напрасно! / обругал почтенных людей зря! (*БА*)

35 Это ∾ от избытка силы. / *а.* Ты не осуждай за то, что люди дурят, ты — пойми! — говорил брат. — Это ведь от избытка силы. *б.* Ты не осуждай ∾ пойми,—[сказал[говорил Алексей и казалось, что он [уже] говорит уже вкрадчиво.—Это ведь от избытка силы. ($ЧА_2$); Это — не распутство — это от избытка силы. (*БА*)

36–37 *Фразы*: Адвокат — шельма ∾ он умный! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

37 Конечно ∾ даже старики / Конечно, старики ($ЧА_2$)

37–38 а озорства у них / а озорство у них ($ЧА_2$)

38–39 да ведь мальчишки ∾ тоже / так ведь мальчишка озорничает ($ЧА_2$)

39–40 И то возьми ∾ бабы у нас пресные / Распутство? Да,— бабы-то у нас очень пресные ($ЧА_2$)

41 она — особенная! / она у меня особенная. ($ЧА_2$)

Стр. 269.

1 они как бы слепы / они как бы слепые ($ЧА_2$)

2 плохое видит / *а.* [злое] плохое видит *б.* плохое видит ($ЧА_2$)

2–3 Ольга вот ∾ не верит / она вот из эдаких. Ее ничем нельзя обидеть, она плохого не хочет знать ($ЧА_2$)

3–5 Ты про Наталью ∾ машина! / А про свою ты вчера верно сказал: домашняя машина... ($ЧА_2$)

4 а [вче⟨ра⟩] людям верно сказал (*БА*)

6 Так и сказал? [Вслух?] ($ЧА_2$)

7 Не сам же ∾ эти слова / *а.* [За версту слышно было, ты же орал.] *б.* Не сам же выдумал Локтев-то... ($ЧА_2$)

8 Хотелось еще о многом спросить / Петру хотелось о многом спросить ($ЧА_2$)

8–9 но Петр боялся / но он боялся [хотел] ($ЧА_2$)

9–10 Алексей ∾ уже забыл. / [он] Алексей, может быть, позабыл. ($ЧА_2$)

10–11 чувство ∾ к брату / чувство неприязни к Алексею ($ЧА_2$)

12 «Все умнеет, бес...» / *а.* «Все умнеет. Несмотря на лысину и седые височки». *б.* «Все умнеет». ($ЧА_2$)

13 Он видел в брате нечто / [[У брата] В брате было [что-то] нечто, возбуждающее недоверие к нему, что-то] В брате было нечто ($ЧА_2$)

14 лисью изворотливость / [некая] лисья изворотливость ($ЧА_2$)

14–15 Раздражали ястребиные ∾ губою / Весь он с ястребиными глазами и золотым зубом над нижней судорожной губою ($ЧА_2$)

16–17 седенькие усы ∾ бородка / с веселой серенькой бородкой ($ЧА_2$)

17–19 и цепкие, птичьи ∾ что-то затейливое / и цепкими пальцами руки, всегда что-то рисующей в воздухе, был не понятен и раздражал ($ЧА_2$)

18–19 рисовавший ∾ затейливое / что-то рисовавший в воздухе затейливое (*БА*)

19–20 *Слов*: железного цвета — *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 делал Алексея похожим / делал его похожим ($ЧА_2$)

21 *После*: по чужим делам.— [Может, нарочно напоил меня, чтоб показать приятелям, каков я...] ($ЧА_2$)

22–23 Ему вдруг ∾ прикрыв глаза. / *а.* Спать охота мне,— сказал он, прикрывая глаза [ему вдруг захотелось , чтобы Алексей ушел.

— А на «Пески» пельмени есть не поедешь? Едем, а? Хорошая компания собралась, все люди нужные...— Петр мрачно и решительно отказался] *б.* Ему вдруг захотелось, чтоб Алексей ушел, исчез.— Спать охота мне,— сказал он, прикрывая глаза. ($ЧА_2$)

24–25 Это — разумно ∾ не ходи никуда. / *а. Фразы нет. б.* Да, тебе надо прийти в себя,— согласился брат.— А у меня [тут] сейчас свиданьишко деловое, вечером [обед] кутежок, тоже деловой. Ты не уходи сегодня никуда, пожалуйста. Ну,— в цирк, если хочешь. Ладно? Не уходи! ($ЧА_2$)

26–27 «Как мальчишку ∾ проводив его / *а.* и, когда брат ушел, встал, думая: «Никакие люди [мне] не нужны мне... *б.* «Как мальчишку он меня»,— подумал Петр, когда Алексей выбежал за дверь. Было очень обидно. ($ЧА_2$)

27 Пошел в угол / Он пошел в угол ($ЧА_2$)

27–28 и остановился, увидав / но остановился, видя ($ЧА_2$)

28–29 бесшумно двигается / бесшумно идет ($ЧА_2$)

30–32 испуганно выкатившимися ∾ волосатую грудь / с жалкими, испуганно выкатившимися глазами, спутанной бородою и голой, волосатой грудью ($ЧА_2$)

33–34 жалобно усмехнулся и снова / усмехнувшись, снова ($ЧА_2$)

36 поеду в город / поеду куда-нибудь ($ЧА_2$)

37–38 сбросил его на стул / лениво сбросил его на диван ($ЧА_2$)

40 Чаю; завари ∾ слуге. / Чаю дай,— сказал он татарину лакею.— Завари покрепче. ($ЧА_2$)

41 *После*: Коньяку.— [Приберите] Прибери тут. ($ЧА_2$)

Стр. 270.

1–3 Посмотрел ∾ к булыжнику / Подошел к окну, посмотрел на широкие двери запертых лавок, на ползучих людей, приплюснутых жаркой тьмою к темному булыжнику улицы ($ЧА_2$)

3–4 трещал ∾ у подъезда театра / *а.* на трескучий опаловый фонарь пред подъездом театра,— свет фонаря был [неприятно] белый, мертвый *б.* на трескучий ∾ был белый, мертвый ($ЧА_2$)

4 близко пели женщины. / гремела музыка, пел хор женских голосов. ($ЧА_2$)

5 «Моль» / *а.* «Веселятся, черти...» *б.* «Веселятся, черти... Моль». ($ЧА_2$)

6 сказали за спиною / [сказали] спросили за спиною ($ЧА_2$)

7 *После*: с одним глазом — одетая в синее ($ЧА_2$)

8 с половой щеткой и тряпками в руках / с половой щеткой в руке ($ЧА_2$)

8 Он молча вышел / Петр молча вышел ($ЧА_2$)

10 в черной шляпе / приподняв соломенную шляпу ($ЧА_2$)

13–14 Всё было ∾ скрытый смысл. / Слова эти заставляли думать, искать в них некий скрытый смысл. Петр Артамонов приоткрыл дверь своей комнаты, сердито крикнул: — Скорей возись, баба! ($ЧА_2$)

14 Потом Артамонов ∾ сидел / Потом он сидел ($ЧА_2$)

15 пред ним [дружески] посвистывал ($ЧА_2$)

16 стекло лампы над головою / стекло посуды ($ЧА_2$); стекло висячей лампы над головою ◊ (*БА*)

17–18 В памяти ∾ фигуры / Неясные и одна другой темнее голые думы одолевали его, он не мог, не успевал одеть их словами, [они явля⟨лись⟩] так быстро [они сменяли] сменяла одна другую. Вместе с ними мелькали странные [лица вчерашних] фигуры ($ЧА_2$)

18–19 бешено пьяных ∾ речи брата / бешеных людей, лица — жены, Ильи, Алексея ($ЧА_2$)

19 *Слова*: блестели — *в* $ЧА_2$ *нет.*

21 пусто и сумрачно / *а.* пусто, сумрачно/ *б.* пусто и сумрачно ($ЧА_2$)

22 и это в нем / и это только в нем ($ЧА_2$)

22–23 пляшут, вертятся ∾ очень важном. / пляшут [чужие, непонятные ему] люди. Все они требовали уложить их в ясный порядок, как приказчики раскладывают товар в окнах магазинов,— Петр Артамонов никогда еще не чувствовал себя так стесненным, таким зависимым и действительно похожим на приказчика, который должен, но не может разобрать эту сумятицу. ($ЧА_2$)

25–26 Он пил ∾ обжигая рот / Он пил [крепкий] горячий, очень [горячий[крепкий чай, глотал коньяк, [р⟨от⟩] обжигая рот [и горло] ($ЧА_2$)

26–27 только возрастало беспокойство / [ему] и ему становилось все беспокойнее ($ЧА_2$)

27 *Слов*: хотелось идти куда-то — *в* $ЧА_2$ *нет.*

27 Позвонил. / Позвонил лакея. ($ЧА_2$)

29–30 с костяным набалдашником / с [круглым] костяным [набалдашником] шаром ($ЧА_2$)

37 принес ликер, Артамонов спросил / принес бутылку, Петр спросил [его] ($ЧА_2$)

Стр. 271.

4–6 Ликер был ∾ сгустилось / От ликера, клейкого и сладкого, точно патока, в голове стало яснее, все склеилось, сгустилось ($ЧА_2$)

7–9 на улице ∾ тишину. / крики и грохот во тьме за окном тоже

стали тише, уплотнились, образуя мягкий шумок, он катился куда-то все дальше. ($ЧА_2$)

8 и поплыл куда-то / [покатил⟨ся⟩] он покатился куда-то (*БА*)

11 Кому? / Кому повиноваться? ($ЧА_2$)

11 *После*: не лакей.— Не солдат. ($ЧА_2$)

11 Хозяин я или нет? / Хозяин я, господи, али нет? *Далее:* Богово имя мелькнуло падающей звездою и тотчас погасло в темноте, над крышей театра. Артамонов давно уже, незаметно для себя, отвык от бога; некогда было думать о нем, да и раньше никогда думы эти ни к чему не вели, [ничем] [никак] не [помогали] облегчали смятение и скуку. Он, конечно, понимал, что жить без бога так же нельзя и непристойно, как ходить по улице голому; он посещал церковь, молился утром, молился, садясь за обеденный стол, и вечером, [ложа⟨сь⟩] на сон грядущий. Меньше всего он мог думать о боге в этот час черной тишины, изредка нарушаемой шагами рядских сторожей, запоздалых прохожих и [от⟨даленной?⟩] всплесками отдаленной музыки трактиров. ($ЧА_2$)

12–15 Но все размышления ∾ живет Алексей / И потому еще он не мог думать ни о боге, ни о чем другом, что ясно видел перед собою того, кто мешал ему жить так легко и умело, как живет брат Алексей ($ЧА_2$)

14 жить легко / жить так легко (*БА*)

15–16 как живут ∾ люди / и живут другие, бойкие, [веселые] деловые люди. ($ЧА_2$)

17–18 вцепившись пальцами / запустив пальцы ($ЧА_2$); [запу⟨стив⟩] вцепившись пальцами (*БА*)

19 он смотрел / и смотрел ($ЧА_2$)

19 *После*: Петра Артамонова — жалкими глазами ($ЧА_2$)

20 прощался с ним [надолго] ($ЧА_2$)

21 как будто жалел его, укорял / как бы укорял его ($ЧА_2$)

22 из-под его рыжеватых век текли / из-под его [высоко поднятых] рыжеватых бровей маслено текли ($ЧА_2$)

23 по краю бороды / на краю бороды ($ЧА_2$)

24 большая муха / большая синеватая муха ($ЧА_2$)

28–29 *После*: пошевелил губами — и заплакал еще обильнее. ($ЧА_2$)

30 Ревешь? / Р-ревешь? ($ЧА_2$)

30 заорал Петр Артамонов. / заорал Артамонов. ($ЧА_2$)

31–32 *Слов*: Самому жалко? У-у...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

33 *После*: Схватив со стола бутылку — он привстал и ($ЧА_2$); [он встал и, прежде чем тот] (*БА*)

33–34 он ∾ по лысоватому черепу. / с размаха ударил того по голове, по мухе над глазом. ($ЧА_2$)

36–37 явились люди / явились разные люди ($ЧА_2$)
38 *Слова*: расплывался — *в* $ЧА_2$ *нет.*
38–39 в одну и ту же минуту / в одну и ту же секунду ($ЧА_2$)
40 слышал жалобные голоса / слышал ($ЧА_2$); слышал [чьи-то] жалобные голоса (*БА*)

Стр. 272.

1–2 Зеркальце разбили ∾ не фасон... / Спят? — спросил он. А — как же? Ночь. Вот, зеркальце разбили вы... ($ЧА_2$)
3 *Слов*: разводя руками — *в* $ЧА_2$ нет.
3 плыл куда-то / *а.* плыл куда-то *б.* падал, плыл куда-то ($ЧА_2$)
4 Муха... / М-му-ха [Му-ха...] *Далее:* Был сентябрь... ($ЧА_2$)
4 *После* Муха...— По мухе... над глазом (*БА*)
5 [После] на другой день (*БА*)
5–7 На другой день ∾ сказал / После этого начались беспокойные дни деловой жизни. [С ‹утра›] По утрам прибегал рысцой Алексей, смотрел на брата, [как] точно кучер на лошадь, [мычал] бормотал ($ЧА_2$) [1]
7 сказал, [подкручивая усы] расчесывая усы (*БА*)
7–8 *Слов*: расчесывал усы ∾ щеточкой — *в* $ЧА_2$ *нет.*
9–10 Неестественно ты разбух ∾ нельзя! / В этом образе домой являться нельзя тебе, уж очень ты разбух. ($ЧА_2$)
10–11 *Фразы*: К тому же ∾ помощь.— *в* $ЧА_2$ *нет.*
11 Бороду следует подстричь, Петр. / Бороду надо подстричь. ($ЧА_2$); Бороду следует подстричь. (*БА*)
12 И купи ты / Купил бы ты ($ЧА_2$)
14 Стиснув челюсти ∾ шел / Не возражая, стиснув зубы, молча и покорно Петр шел ($ЧА_2$); Стиснув челюсти, [молча и] покорно Артамонов старший шел (*БА*)
15 к парикмахеру / в парикмахерскую, в магазин обуви ($ЧА_2$)
15–20 *Текста*: Алексей строго ∾ ногу в подъеме.— *в* $ЧА_2$ *нет.*
20 Но он молчал, сознавая, что брат / Он [чувствовал] сознавал, что Алексей ($ЧА_2$)
21 [и бороду] и волосы подстричь (*БА*)
21–23 и волосы ∾ в порядок / [но чув‹ствовал›] бороду подстричь нужно, и сапоги переменить, и вообще привести себя в порядок ($ЧА_2$)
23 забыть ∾ подавляющее / изжить [все то мутное] [все то подав‹ляющее› мутное] все мутное, подавляющее ($ЧА_2$); забыть все мутное [и], подавляющее (*БА*)

---

[1] *Текста*: на другой день ∾ поставило на ноги (*стр. 275, строки 22—33)—во второй редакции нет.*

24 *После*: тяготило — [горькова⟨тым⟩] ($ЧА_2$)

25–26 Но сквозь туман ∾ измотанного тела / *а*. Сквозь похмельный гул и ноющую боль отравленного тела (*см. варианты к стр. 265, строки 16—18*) *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

26–28 испытывал всё более ∾ вражды / чувствовал к нему все более острую неприязнь ($ЧА_2$)

26–27 испытывал ∾ сложное чувство / испытывал [к нему] все более [острую неприязнь] сложное чувство (*БА*)

28–29 Этот рысистый ∾ тощий / Этот рысистый, тощий, подпрыгивающий человечек ($ЧА_2$); Этот [неутомимо] рысистый человек (*БА*)

29–30 остроглазый, [с лисьей] сверкал (*БА*)

29–31 остроглазый ∾ игре делом / с ястребиными глазами, сверкал и дымил, [точно] пылая [неук⟨ротимой⟩] ненасытной жадностью к [делу] дерзкой игре делом и возбуждая у Петра горькую зависть ($ЧА_2$)

31–32 Завтракая ∾ лучших трактиров / Завтракая [ужина⟨я⟩] с братом в [отдельных] кабинетах богатых трактиров ($ЧА_2$); Завтракая [с бра⟨том⟩] с ним в кабинетах [богатых] лучших трактиров (*БА*)

32 именитых купцов / солидных, именитых [московских] купцов [москвичей] ($ЧА_2$)

32–33 Петр ∾ видел / он с изумлением видел ($ЧА_2$)

33–34 Алексей ∾ шутом / хотя Алексей держится шутом ($ЧА_2$)

34 стараясь смешить / явно стараясь смешить ($ЧА_2$, *БА* ◊).

34–35 забавлять богачей, но они / забавлять [слонов промышленности] богачей, но и богачи ($ЧА_2$)

35 *Слов*: должно быть, не замечая шутовского — *в* $ЧА_2$ *нет*.

35–37 явно любили ∾ его речей / видимо, не только любили, а и уважали его за бойкость речей [за дер⟨зость⟩] и смелость ума ($ЧА_2$)

38 *После*: тугобородый — [кру⟨пный⟩,] тяжелый, как монумент ($ЧА_2$)

38–39 *Слов*: грозил ∾ цвета моркови — *в* $ЧА_2$ *нет*; грозил ему пальцем [большим] цвета моркови (*БА*)

39–40 но говорил ∾ причмокивая / ласково выкатив бычьи глаза, говорил, почмокивая ($ЧА_2$)

41 хитер, лиса! / ловок, умен, бес! ($ЧА_2$)

41 *После*: Обошел ты меня... — Так и надо: не зевай, ходи с туза козырей! ($ЧА_2$)[1]

---

[1] *Ср. фразу на стр. 273, строка 3.*

Стр. 273.

1 Ермолай Иванович! / Василий Степанович! ($ЧА_2$)

2 Соревнование — так? / Состязание — так? ($ЧА_2$)

4–6 *Текста*: Ермолай Иванович! ∾ надо.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

7 Господа! / Василий Ст⟨епанович⟩! ($ЧА_2$)

7–8 вкрадчиво говорил ∾ размахивая вилкой / и вкрадчиво говорил брат, размахивая вилкой, извиваясь ужом ($ЧА_2$)

8–9 Сын мой ∾ сказывал / [У меня] Сын мой, Платон, умница, рассказывал ($ЧА_2$)

9–11 в городе ∾ дай мне / в городе мудрец был знаменитейший, говорил он, мудрец,— дайте, говорит, мне ($ЧА_2$)

11–12 я тебе ∾ переверну! / я вам землю переверну ($ЧА_2$); я тебе землю переверну! [Вот...] (*БА*)

14 Господа! Нашему сословию / В⟨асилий⟩ С⟨тепанович⟩, у нашего сословия [точка эта есть] ($ЧА_2$)

15 целковый! / целковый! Господа! ($ЧА_2$)

16 *Слов*: которые ∾ с усами — *в* $ЧА_2$ *нет.*

18 оно — не помеха нам / дворяне нам не помеха [и] ($ЧА_2$)

18–20 а чиновники ∾ вот! / [и] а чиновник у нас должен быть свой, из купцов, [купец-чиновник] чтоб он наше дело понимал,— так? ($ЧА_2$)

21 Седые, лысые / И седые, лысые ($ЧА_2$)

21 весело соглашались / [одушевленно] воодушевленно кричали ($ЧА_2$)

24 дисконтер Лосев / [банкир] Лосев ($ЧА_2$)

25 У Алексея Ильича / У Артамонова ($ЧА_2$)

26 *После*: мало — где нет ничего ($ЧА_2$)

26–29 *Слов*: Его здоровье! ∾ со всеми — *в* $ЧА_2$ *нет.*

29 а Лосев / а Локтев (*БА*)

29–30 а Лосев ∾ говорил / И детской ручкой похлопывал по крутому каменному плечу Комолова ($ЧА_2$)

32 гордо отвечал Комолов. / с гордостью и густо отвечал Комолов. ($ЧА_2$)

32–33 [Папаша] Родитель мой [грузчиком] из грузчиков [да] в люди вышел... ($ЧА_2$)

34–35 с того начал ∾ зарезал / с того, говорят, начал, что персианина убил ($ЧА_2$)

35–36 а тугобородый текстильщик / [и] а Ком⟨олов⟩ ($ЧА_2$)

36 ответил / отозвался ($ЧА_2$)

37 Враки! ∾ по глупости говорят / Это — враки! Про кого из нас хорошо-то говорят? ($ЧА_2$)

37–38 *Слов*: если — счастлив, значит — грешен! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

38 И про тебя, Кузьма / И про тебя, Кузьма Петров ($ЧА_2$)

40 подтвердил Лосев, вздыхая / соглашался старичок, хихикая (ЧА$_2$)

41 *Слов*: Слухи — мухи, эх! — *в ЧА$_2$ нет.*

Стр. 274.

2–3 и уныло ∾ другой породы / и оглядывал всех уныло, чувствуя себя в этой стае собакой другой породы (ЧА$_2$)

3 все они / *а. Слов нет. б.* все эти люди (ЧА$_2$)

4–5 видел во всех ∾ сказочное / во всех их было что-то сказочное, разбойное (ЧА$_2$)

5 *Слов*: внушающее почтение к ним — *в ЧА$_2$ нет*; [и] внушающее почтение к ним (*БА*)

6 Конечно, отец / Он часто думал, что отец (ЧА$_2$)

7 он вероятно ∾ жег деньги / так же неуемно выжимал [деньги] рубли, наверное, так же бы кутил, неистово распутничал и жег [их] деньги (ЧА$_2$)

8–10 *Слов*: Да, деньги ∾ деревню. — *в ЧА$_2$ нет.*

8 для этих людей [они ст⟨рогают⟩] (*БА*)

11 не похож на [них] этих (*БА*)

12–13 Петр чувствовал / Ар⟨тамонову⟩ ст⟨аршему⟩ казалось (ЧА$_2$)

13–14 умнее их ∾ опаснее. / умнее [и он] и чем-то опаснее их. (ЧА$_2$)

15 *Слов*: как одержимый — *в ЧА$_2$ нет.*

16 Подумайте, какая ∾ сила / Подумайте, [сообразите] какая сила (ЧА$_2$)

17 миллионы мужика! / миллионы [их] мужика, [пой⟨мите?⟩] сообразите! (ЧА$_2$)

17–18 он и покупатель. / он и покупатель—а? (ЧА$_2$)

18 *Слов*: в таком числе — *в ЧА$_2$ нет.*

18 Нигде нет! / Нигде этого нет! (ЧА$_2$)

19 И не надобно нам / Не надо нам (ЧА$_2$)

21–22 соглашались с ним ∾ люди / соглашалась с ним компания горластых, подпивших людей. (ЧА$_2$); [соглашалась с ним ко⟨мпания⟩] соглашались с ним подпившие, горластые люди. (*БА*)

23–29 *Текста*: Он говорил ∾ с завистью. — *в ЧА$_2$ нет.*

30–31 Несмотря на слабость ∾ распутничал. / Он тоже распутничал, несмотря на слабость своего здоровья. (ЧА$_2$)

31 *Слов*: и давняя — *в ЧА$_2$ нет.*

32 содержавшая хор певиц / содержательница женского хора (ЧА$_2$)

33 вальяжная женщина / вальяжная баба (ЧА$_2$)

35 с румянцем под кожей / с ласковым румянцем под кожей [ей нел⟨ьзя⟩] (ЧА$_2$)

37 Алешинька, сокол / Алексей Ильич, сокол ($ЧА_2$)

37–38 *Слов*: показывая острые, лисьи зубы — *в* $ЧА_2$ *нет.*

38 и закрывала Алексея собою / закрывая его собою ($ЧА_2$)

41 *Слов*: она, конечно, видела это — *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 274—275.

41–1 Но отношение ∾ дружеское / но Петр видел, что у [нее с братом] брата с нею отношения дружеские [точно у с⟨векрови⟩] ($ЧА_2$)

Стр. 275.

1 *Слов*: Петр не однажды — *в* $ЧА_2$ *нет*; Петр не [одно⟨кратно⟩] однажды (*БА*)

2 как Алексей советуется с нею / что брат советуется с этой женщиной ($ЧА_2$)

2–3 *Слов*: это удивляло его — в $ЧА_2$ *нет.*

3 и он вспомнил ∾ Баймакову. / как отец с Ульяной Баймаковой. ($ЧА_2$)

4 думал он, глядя на брата / думал он, хмурясь.— Верно Никита сказал: умеет жить. Вот я скажу Ольге, как он тут...» ($ЧА_2$)

5–6 Даже озорство его ∾ характер. / Это уменье [сказа⟨лось⟩] видно было даже в озорстве брата ($ЧА_2$); Даже озорство его [носило] имело какой-то особенно затейливый характер (*БА*)

6 клоун, немец Майер / клоун Мейер ($ЧА_2$) (*БА*)

7–8 одетая ∾ в цилиндре / одетая в сюртук и цилиндр ($ЧА_2$)

8–9 она ходила ∾ изображая купца / она [ходила на задних ногах], вставая на задние ноги, изображала купца ($ЧА_2$)

9–10 Публику ∾ и купечество / Публика очепь хохотала пад этим, хохотало и купечество ($ЧА_2$)

11–12 *После*: выкрасть свинью — и съесть ее. ($ЧА_2$)

12 Подкупили конюха, [вы⟨крали⟩] он выкрал ($ЧА_2$)

12–15 и купечество ∾ гостиницы Барбатенко / и купцы торжественно съели [ее в гостинице Барбатенко] приготовленное под разными соусами мясо ее в гостинице Барбатенко ($ЧА_2$)

15 [За столом] Петр Артамонов смутно слышал ($ЧА_2$)

15–16 клоун повесился / клоун спился или удавился ($ЧА_2$)

16 *Авторского примечания*: Факт описан ∾ к 80-м годам.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

16–17 в Алексее на ярмарке / в брате, наблюдая его на ярмарке ($ЧА_2$).

17 вызвало ∾ тревожные мысли. / вызвало у Петра [тревожную мысль] очень тревожные мысли. ($ЧА_2$)

18 Жулик. / Жуликоват. ($ЧА_2$)

18–19 меня и ∾ не заметит. / и меня и детей. (*ЧА*$_2$)

19–20 *Фразы*: И не из жадности ∾ заиграется». — *в ЧА*$_2$ *нет.*

21–22 Сознание ∾ поставило на ноги. / И [эта опасность окончательно] сознание этой опасности, отрезвив его, [по⟨ставило⟩] [твердо] поставило на ноги (*ЧА*$_2$)

24 подъезжал к Дремову / *а.* не заезжая на фабрику, трясся на ямских в монастырь *б.* подъезжая к [фабрике] Дремову (*ЧА*$_2$)

25 *Слова*: смачно — в *ЧА*$_2$ *нет.*

25 по раскисшей земле / *а.* по [раскисшему проселку] раскисшей проселочной дороге *б.* по раскисшей дороге (*ЧА*$_2$); по раскисшей [дороге] земле (*БА*)

26 ямские лошади / *а.* лошади *б.* ямские лошади (*ЧА*$_2$)

27 узкую полосу / [узкую] полосу (*ЧА*$_2$)

28 Небо сплошь [было] замазано (*ЧА*$_2$)

29 *После*: в похмельной голове — Артамонова. (*ЧА*$_2$)

30–31 Артамонов ∾ очень близкого / Он как будто поминки справлял о ком-то, очень близком (*ЧА*$_2$)

31 было [и] жалко (*ЧА*$_2$)

33 перестал он / и перестал он (*ЧА*$_2$)

33–34 своих требований / своих слов ◊ (*ЧА*$_2$)

34 всем тем, что мешало / всем, что мешало (*ЧА*$_2$)

35 *После*: живому человеку — которому надо делать очень ясное, однако и очень трудное, хлопотливое дело. (*ЧА*$_2$) *Далее во второй редакции идет текст*: Покаюсь во всех грехах... — *первоначальный вариант размышлений Артамонова по дороге в монастырь и всего эпизода посещения Петром Никиты — см. варианты к стр. 245, строке 15 — стр. 250, строке 35. Далее*: Чтоб избавиться от этих мыслей, он пил водку на каждой почтовой станции и около полуночи приехал домой полупьяный. Жена, помогая ему раздеться, осторожно заметила:

— Что это ты, будто, многонько выпил?

Он погрозил ей пальцем:

— Молчи. Я — знаю, что делаю. У меня недруг есть.

— Алексей, что ли? — спросила Наталья даже как бы с радостью.

— И Алексей! И — все. Я у Никиты был, в монастыре.

Он хлопнул жену по плечу:

— Врут: все правильно! Все, как есть, правильно. Кто смеет думать за меня? Я всем думам хозяин, я!

Он стал тыкать пальцем в грудь [себе] свою, а жена, оробев, сказала:

— Разве я спорю?

— То-то. (*ЧА*$_2$)

36–37 убеждал он себя / *а. Слов нет. б.* [ду⟨мал⟩] убеждал он себя. (*ЧА*$_2$)

37 *Слов*: Все люди делом живы. Да». — *в ЧА*$_2$ *нет.*

39 факт описан / факт, описанный (*БА*)

Стр. 276.

1–2 Он принялся ∾ сил своих. / *а.* И действительно, он принялся за дело с большим напряжением сил. *б.* И действительно ∾ со всем напряжением сил. (*ЧА*$_2$)

1 [со всем] с полным напряжением (*БА*)

2 ясные дни / тихие ясные дни (*ЧА*$_2$)

3 сиянием лунных ночей / светом лунных ночей (*ЧА*$_2$)

4–5 Просыпаясь ∾ слышал / Как только Петр Артамонов, просыпаясь в жемчужном сумраке осенних зорь, открывал глаза, он слышал (*ЧА*$_2$)

5–6 *Слов*: требовательный гудок ∾ начинался — *в ЧА*$_2$ *нет.*

6–7 ее неугомонный шорох, шёпот / стук, шорох и шепот фабрики (*ЧА*$_2$)

7 *После*: мощный — [шум ее] (*БА*)

11 звучали пьяные песни / звучали песни (*ЧА*$_2$)

12 *После*: визжала гармоника — кричали пьяные (*ЧА*$_2$)

12 По двору ходил / По двору и саду ходил (*ЧА*$_2$) [1]

13 *Слов*: строгий к людям — *в ЧА*$_2$ *нет.*

14 *Слов*: в руках — *в ЧА*$_2$ *нет.*

14–15 он не торопясь ∾ копал / не торопясь мел, рыл (*ЧА*$_2$)

16 чистенький / чистенький, веселый (*ЧА*$_2$)

17 как машина [пр⟨исутствовала?⟩] (*ЧА*$_2$)

17–20 *Слов*: очень довольная ∾ спокойствием — *в ЧА*$_2$ *нет.*

20–21 прочно слаженным / прочно налаженным (*ЧА*$_2$)

22 как заведенное на века. / как одна, огромная машина, заведенная на века. (*ЧА*$_2$)

22–23 И быстро, точно облака ∾ в годы. / *а. Фразы нет. б.* Быстро, точно облака — гонимые ветром плыли месяцы,слагались в годы (*ЧА*$_2$)

24 *Слова*: старший — *в ЧА*$_2$ *нет.*

25 по двору ∾ поселка / *а.* по двору, амбарам, заходил даже в поселок *б.* по двору, амбарам, заходил в поселок (*ЧА*$_2$)

25–26 *Слов*: пугая ребятишек — *в ЧА*$_2$ *нет.*

26 нечто новое, странное / нечто странное (*ЧА*$_2$)

27 он являлся / *а.* [чем-то] *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Текста*: По двору ходил ∾ чистенький Серафим (*строки 12—17*)—*во второй редакции нет.*

28–29 видеть, что ∾ дело / [наблюдать, что Яков быстро] видеть, как быстро Яков понимает [все, что нужно понять, и, видимо] дело ($ЧА_2$)

29 и кажется увлечен им / и молодо увлечен своей ролью ($ЧА_2$)

30 отвлекало от мыслей / отвлекало от дум ($ЧА_2$)

33–34 с приятными глазами, которые / с [радужными] приятными глазами, которые добродушно ($ЧА_2$)

35 солидно носил / быстро носил ($ЧА_2$)

37 деловитым, ловким / взрослым, ловким ($ЧА_2$)

37–38 Работницы ∾ улыбались ему / Рабочие, говоря с ним, улыбались, работницы смотрели на него ласково ($ЧА_2$).

38–39 он ворковал ∾ сладостно / а он с бабами и девицами ворковал, сладостно прищуриваясь ($ЧА_2$)

39 как-то боком / как-то все боком (*БА*)

40–41 Отец ∾ ухмылялся и думал / Отец [подмечал в нем много забавного и] ухмылялся ($ЧА_2$)

Стр. 277.

1 *Фразы*: «Паулу бы ∾ дурачок...» — *в* $ЧА_2$ *нет.*

2–3 не вмешивался / почти никогда не вмешивается ($ЧА_2$); не вмешивается (*БА*)

3–4 с его приятелем ∾ Горицветовым / с [от⟨репанным⟩] его товарищем Горицветовым — бездомным, отрепанным и беспокойным ($ЧА_2$)

5 уже совершенно не похож / совсем не похож ($ЧА_2$)

6 в курточке / в пиджачке ◊ ($ЧА_2$)

7 какими-то вензелями / и такими же [эпо⟨летами⟩] вензелями ($ЧА_2$)

7–8 он напоминал мирового судью / *а.* он весьма напоминал [как⟨ого-то⟩] чиновника, судью *б.* он напоминал чиновника, судью ($ЧА_2$)

9 Петр понимал / Петр чувствовал ($ЧА_2$)

10 племянник всегда говорит / племянник [избалованный родителями, всегда] говорит ($ЧА_2$)

11 *После*: Мирон не нравился ему — даже возбуждал неприязненное чувство. ($ЧА_2$)

12–13 говорил он / говорил он товарищу ($ЧА_2$)

13 карманы курточки / карманы тужурки ($ЧА_2$)

14 *После*: от неумелости — *а.* а не от любви к мудрости *б.* а не мудрости ($ЧА_2$)

15 Артамонову старшему казалось / Петру Артамонову часто казалось ($ЧА_2$)

15 Горицветов / Степан Горицветов ($ЧА_2$)

17–18 неприглядно расстегнутый / весь неприглядно расстегнутый (ЧА$_2$)

19 несколько суток/ несколько ночей (ЧА$_2$)

21 *Слов*: и наскакивал на Мирона — *в ЧА$_2$ нет.*

23 ваших фабрик / фабрики (ЧА$_2$)

23–24 день вылезать / *а.* день будет вылезать *б.* день вылезать (ЧА$_2$)

26–27 морщился ∾ сухо, мерно / морщился, поправлял очки и долбил (ЧА$_2$)

28–29 Это языкоблудие и суемудрие / Языкоблудие это (ЧА$_2$)

30 даже смешны / даже смешноваты (ЧА$_2$)

31–39 *Текста*: Слова спорщиков ∾ Горицветов кричал — *в ЧА$_2$ нет, ср. варианты к стр. 278, строке 4.*

32 *После*: среди сизых — [слова эти] (*БА*)

33 новые песни / новые споры ◊ (*БА*)

37 насмешливую улыбочку / насмешливую улыбку ◊ (*БА*)

38 А что [бы] сказал бы Илья?» (*БА*)

40 Заковав землю / Я спрашиваю: заковав землю (ЧА$_2$)

41 рабом машины... / рабом машин, разве не умертвите вы дух человеческий, дух творчества? (ЧА$_2$)

Стр. 278.

1 Покачивая носом ∾ говорил ему / Мирон, покачивая носом, отвечал спокойно (ЧА$_2$)

3 если завтра ∾ его спасение / если не поймет, в скором времени, что спасение его (ЧА$_2$)

4 *После*: промышленности — техники. И снова сыпались слова Горицветова, как осенние листья с дерева, когда дует ветер. «А что бы сказал Илья?» — соображал Петр Артамонов, вслушиваясь в спор и наблюдая за Яковом,— этот, сидя в углу, упираясь локтями в колена и сжав щеки ладопями, тоже слушал внимательно.

5–6 У которого ∾ Петр Артамонов. / «У кого из них правда? — догадывался Петр. — Наверно — у того, который лучше». (ЧА$_2$)

7 Горицветов не нравился / Но Горицветов не нравился (ЧА$_2$)

8 в нем было ∾ он явно / Было в нем что-то ненадежное, и он явно (ЧА$_2$)

10 садился ∾ раньше хозяев / садился за стол раньше хозяев, нехорошо засовывал пальцем за ворот себе салфетку (ЧА$_2$)

11 перекладывал ножи и вилки / перекладывал и передвигал на столе ножи, вилки, ложки (ЧА$_2$)

11–12 ел быстро ∾ кашляя / ел неблагопристойно, обжигаясь, быстро глотая, хрюкал (ЧА$_2$)

12–13 *Слов*: в нем ∾ кажется злое — в $ЧА_2$ *нет.*
13–14 Темные зрачки / Черные зрачки ($ЧА_2$)
14–15 с Петром ∾ молча / здороваясь с Петром, он молчал ($ЧА_2$)
16–17 быстро отдергивал ее / молча отдергивал ее ($ЧА_2$)
17 был какой-то [лишний] (*БА*)
17–18 *Фразы*: В конце концов ∾ зачем он Мирону? — *в* $ЧА_2$ *нет.*
21 Не могу ∾ пагубную ересь! / Не могу не говорить,— здесь проповедуется ересь, пагубная ересь! ($ЧА_2$)
22 Петра изумляло / Артамонова старшего изумляло ($ЧА_2$)
22 *После*: внимание Алексея — и Ольги ($ЧА_2$)
22–23 *После*: к спорам студентов — *а.* они слушали так почтительно, что между собою говорили почти шепотом *б.* они ∾ говорили шепотом ($ЧА_2$)
23 он ∾ поддерживал сына / Лишь изредка Алексей, поддерживая сына, вставлял ($ЧА_2$)
24–25 сила — в промышленниках, значит... / сила — в промышленности, значит... — И, отмахиваясь рукою, он, должно быть, мысленно вышвыривал что-то. ($ЧА_2$)
27–28 *Слов*: отягченного ∾ стеклами очков — *в* $ЧА_2$ *нет*; отягченного толстыми ст⟨еклами⟩ (*БА*)
28–30 садилась ∾ вышивала / сидела, наклонясь над пяльцами, пристально вышивая ($ЧА_2$)
30–32 У брата ∾ хорошего вина. / Всегда у них было [как⟨-то⟩] уютно и всегда интересней, чем дома. ($ЧА_2$)
33 спрашивал его / спросил его ($ЧА_2$)
35 Понимаю, — кратко отвечал сын. / *а.* Конечно, папаша. *б.* Понимаю, папаша. ($ЧА_2$)
36–37 Чтоб скрыть ∾ допытывался / *а.* Было не совсем приятно выдавать сыну, мальчишке, свое непонимание, но Петр все-таки спросил строго, как бы экзаменуя *б.* Было не совсем ∾ сыну свое непонимание ∾ экзаменуя ($ЧА_2$)
38 А о чем? / Ну, о чем же? ($ЧА_2$)
39–40 Яков всегда ∾ Мирон говорит / Сын объяснил очень кратко и просто: один говорит, что ($ЧА_2$)

Стр. 279.

1 Горицветов верит, что у России свой путь / а другой верит, что у нас свой путь.

— Кто ближе к правде?

— Мирон, папаша. ($ЧА_2$)

1–4 Тут Артамонову ∾ внушительно сказал / *а.* Нужно было возразить сыну, показать, что у отца есть свои мысли и, подумав, Петр сказал внушительно *б.* Нужно было ∾ внушительно, вспоминая слова Алексея ($ЧА_2$)

5–6 лучше нас ∾ не лезли... / лучше, богаче нас, какая же у них причина в чужой стороне дела заводить? А они все больше лезут к нам, значит, у них хуже нашего. (*ЧА*$_2$)

7–13 Но — это была ∾ без них... / *а*. Сказав это, он заметил на круглом лице сына скучную усмешку и обиделся. *б*. Сказав ∾ обиделся. И еще более обидно было сознавать, что [он] сам он говорил словами брата. (*ЧА*$_2$)

14 Он все чаще испытывал / Чем больше жил он, тем чаще испытывал (*ЧА*$_2$)

15–16 утверждая в роли зрителя / предрекая ему роль зрителя (*ЧА*$_2$)

17 А всё вокруг / Всё вокруг (*ЧА*$_2$)

18 навязчиво кричало / кричало [что-то] (*ЧА*$_2$)

20 когда душа полна / когда спокойно в душе (*ЧА*$_2$)

22 Верно / Вот это верно (*ЧА*$_2$)

24 *После*: смерть.— Говорил он сухо и непреклонно [как чиновник]. (*ЧА*$_2$)

26–27 толстый лист ∾ в трубу / огромный лист бумаги, свернутый в трубку, циркуля, карандаши (*ЧА*$_2$)

27 свернутый в [трубку] трубу (*БА*)

27 Петр заметил Ольге / Петр сказал Ольге, дергая себя за ухо (*ЧА*$_2$)

28 Груб с тобой сын. / Груб он с тобой. (*ЧА*$_2$)

32 *Слов*: необразованна, я — в *ЧА*$_2$ *нет*.

34–35 усмехаясь, он ответил / и, усмехаясь, ответил ей (*ЧА*$_2$)

36 ты говоришь глупости / что ты глупости говоришь (*ЧА*$_2$)

36–37 А вот старики были умнее нас / *а. Слов нет. б*. Дети! Мало ты знаешь. (*ЧА*$_2$)

37–38 *Фраза*: «От сыновей ∾ вдвое» — *вписана в третьей редакции* (*ЧА*$_2$)

38 поняла / *а. Слова нет. б*. вот чего ты не знаешь. [Это — стар⟨ики⟩] (*ЧА*$_2$)

39–40 Ее слова ∾ на Илью. / В ее словах об уме детей он услыхал намек на Илью. (*ЧА*$_2$)

41 *Слов*: Мирон пишет ему письма — *в ЧА*$_2$ *нет*.

Стр. 279—280.

41–1 но из гордости ∾ живет Илья / но никогда не говорил о нем с братом и не расспрашивал Ольгу (*ЧА*$_2$)

Стр. 280.

2–5 Ольга сама ∾ за границей. / она сама [как-то] искусно, между прочим, рассказывала ему о том, как живет Илья. (*ЧА*$_2$)

3 понимая [стариковскую] гордость (*БА*)

7 был глуп. — [Подождем] (*ЧА*$_2$)

8–9 *Фразы*: Порою, думая об Илье, ∾ Илья? — *в* ЧА$_2$ *нет.*
10 Он нередко встречал / Нередко он встречал (ЧА$_2$)
11–12 спокойную и чужую ему / спокойную, чужую (ЧА$_2$)
12 мало и так, как, бывало, он / так, как он, бывало (ЧА$_2$)
13 когда думал / когда боялся (ЧА$_2$)
14 Она его стесняла / [этот] Ее тон стеснял его, он думал об этой женщине, но не хотел ее ◊ (ЧА$_2$)
14 образ Поповой / образ ее ◊ (ЧА$_2$)
15–16 но не возбуждал ∾ удивления / и возбуждал удивление (ЧА$_2$)
16 вот, человек / человек (ЧА$_2$)
17 он тебе нужен / он нужен (ЧА$_2$)
19 Да, все изменялось. / Все изменялось, тяжело поворачиваясь [и], становясь непонятнее. (ЧА$_2$)
19–20 Даже рабочие ∾ злее и чахоточнее / *а.* Казалось, что и рабочие изменились к худшему. Старики примерли, уже и дети их [стали] — почти [стариками] старики. Молодежь работала небрежно, стала капризна и жадна к деньгам, за четыре года три раза бастовали, требуя прибавки. [Стали больше пить] Пили больше, женились не так рано, как прежде, [но] жили распутнее, распутство [ста⟨ло⟩] так же крикливо, как новые несуразные песни. Заметно больше явилось грамотных [и заметнее], бессмысленнее стало озорство. И [казалось, что] как будто все становятся меньше ростом, чахоточнее, злей; [и] теряя привязанность отцов к фабрике, [к делу] заражались охотой к бродяжничеству. Деды, отцы гордились ростом дела, а [для внуков] вну⟨кам⟩ оно — чужое.

б. Казалось ∾ дети их почти старики ∾ требуя прибавки ∾ Пили больше ∾ как прежде, жили распутнее, распутство так же крикливо ∾ больше явилось грамотных, но бессмысленнее, злее стало озорство. И как будто ∾ чахоточнее, теряя привязанность отцов к фабрике, заражались ∾ а вну⟨кам⟩ оно чужое (ЧА$_2$)
20 а бабы все более крикливы / Бабы стали крикливее (ЧА$_2$) [1]
21 [Даже шум] Шум в рабочем поселке [стал как-то] беспокойней (ЧА$_2$)
21–23 вечерами даже кажется ∾ сердито ворчит/ даже казалось, что [и земля там сердито ворчит, воет] все там сердито [ворчат ,воют] воют и [сама земля] сам засоренный песок ворчит (ЧА$_2$)

---

[1] *Текста*: а бабы ∾ сердито ворчит (*строки 20—23*) — *во второй редакции нет.*

24–25 *Фразы*: У рабочих ∾ страсть бродяжить. — *в* ЧА$_2$ *нет, ср. варианты к строкам 19—20.*

25 не обиженные парни [даже солидные мужики] (ЧА$_2$)

27 Куда это вы? — спрашивал Петр. / Петр никогда не мог понять: почему они уходят? (ЧА$_2$)

28 Поглядеть, что в других местах. / Так,— говорили они, усмехаясь.— Поглядеть, что в других местах. (ЧА$_2$)

30–31 Алексей ∾ посмеиваясь / Алексей осторожненько, с лисьими ужимками и [смешко⟨м⟩] посмеиваясь (ЧА$_2$)

32 *Слова*: тихо — *в* ЧА$_2$ *нет.*

32 *После*: в Петербурге... — И — потирал руки (ЧА$_2$)

33 Чиновники ∾ каких надо... / *а.* Мирон говорит, что если это взять нам в свои руки... *б.* Мирон ∾ в свои руки... Эх, чиновники не те! Министры гадят, а то бы... (ЧА$_2$)

34–35 И дальше ∾ поучал его / *а.* Дальше [он и] Алексей говорил несуразно, вызывая у брата сердитую отповедь *б.* Дальше Алексей [несур⟨азно⟩] рассказывал несуразно, вызвав ∾ отповедь (ЧА$_2$)

36–37 Ерунда это! ∾ беднеют. / Это — ерунда! Господишкам выгодно было власть у царя отнять, они — беднеют. (ЧА$_2$)

37 А мы ∾ богатеем. / А мы богатеем и безвластно. (ЧА$_2$)

38–39 Отец у тебя ∾ галстуки. / Отец у нас в лаптях гулял, а ты шелковые галстухи носишь. Мирон — перчатки. (ЧА$_2$)

40 работники царю / царю работники (ЧА$_2$)

Стр. 281.

1–2 *После*: еще более раздражал.— *зачеркнуто*: Иногда Петру Артамонову назойливо думалось: дела у него стало меньше, а беспокойных мыслей больше, они все разрастались. Почему это? (ЧА$_2$)

2–3 все вообще люди / все люди вообще (ЧА$_2$)

3–4 [и что] в этой их [при⟨вычке⟩] новой привычке (ЧА$_2$)

4 что-то ∾ глупое / *а.* нечто и невеселое и глупое *б.* что-то и невеселое [и], глупое (ЧА$_2$)

4–7 Никто из них ∾ старичок. / *а.* [Никто не умел сме⟨яться⟩] Никто из них не умел насмешничать так забавно, как плотник Серафим. *б.* И никто ∾ Серафим. (ЧА$_2$)

8 Артамонов ∾ с Утешителем. / Он очень подружился с [веселым чистень⟨ким⟩ старичком] Утешителем. (ЧА$_2$) [1].

8–10 Время от времени ∾ пить. / [У Артамон⟨ова⟩] Когда Артамоновым старшим овладевало желание выпить [кутнуть]

---

[1] *Текста*: Артамонов очень ∾ сидел у Серафима (*стр. 284, строка 3*) — *во второй редакции нет.*

($ЧА_2$); [Когда им овладевало желание выпить, кутнуть, он снова шел] Время от времени — *Далее как в тексте* (*БА*)

10–12 Напиваться у брата ∾ Поповой. / он не хотел делать этого на глазах Натальи ($ЧА_2$)

12–15 Дома Наталья ∾ ругать ее. / [всегда в такие дни как-то уныло сгибавшей] жена всегда в такие дни уныло сгибала шею, обиженно и раздражающе мигала, осев, опустясь всем телом к [земле ед⟨ва⟩] к полу, двигалась молча, [слепо] угнетенно. Петр догадывался, что [может быть] было бы лучше, если б она ругалась, упрекала, [и бы⟨ло бы⟩] тогда бы можно было тоже ругаться с нею. ($ЧА_2$)

15 можно бы ругать ее / можно было бы ругать ее (*БА*)

16–17 и, не возбуждая ∾ чувство / и, [возбуждая] не возбуждая злость, возбуждала что-то ($ЧА_2$)

17 Артамонов шел / Он шел ($ЧА_2$)

20 Веселый плотник ∾ одобрял / Серафим ласково улыбался ($ЧА_2$)

21 Это — обыкновенное дело / [Дело] Это — обыкновнное ($ЧА_2$)

22–23 Ну, ну, подкрепись! ∾ на щеке! / Оно — понятно! Дельце у тебя не малое, не бородавка на щеке. Ну, ну, подкрепись. ($ЧА_2$)

24 Он держал для хозяина / Он завел у себя какие-то ($ЧА_2$)

24–26 настойки ∾ и хвастался / разноцветные наливки, настойки, доставал бутылки [из каких⟨-то⟩] изо всех углов и хвастался ($ЧА_2$)

27–28 *Фразы*: Сам выдумал ∾ перец-баба! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

27 а [делает] совершает (*БА*)

28–31 Вот, отведай ∾ болтал / Вот — сорокатравная, на сорока, значит, травах настоена! А эта — на поджаренном желуде — зверобой штучка! Вот, опять же, на березовой серьге с весенним соком — душок-то, а? Каков? Ангелово дыхание! И, присаживаясь к столу против хозяина, он доставал свое «репное», аккуратненько, точно девица, пил и балагурил:

— Наливочки эти совершает одна женщина ($ЧА_2$)

32 Да, так вот, дьяконица! Разнесчастная женщина. / дьяконица, вдовая, ну до чего несчастная она! ($ЧА_2$); Разнесчастная [она] женщина. (*БА*)

33 А без любовников / А без любовника (*БА*)

33–34 А без любовников ∾ в жилах... / А без любовника она не может, такое у нее от природы нетерпение в жилах и в душе, душа у ней — чистый ручеек... ($ЧА_2$)

35 Нет, вот ∾ на ярмарке / Я, брат, видал на ярмарке бабу (ЧА$_2$)

37 спешил подтвердить Серафим / спешил подтвердить старик.— Там я был, был я у Макария [сам] (ЧА$_2$)

37–38 Там отборные товары / Там, конечно, отборные товары (ЧА$_2$)

38 Я знаю! / Я тогда молодым был. Ух, как мы одного [бухарина] бухарца били! Обесхалатили донага, стервеца! (ЧА$_2$)

Стр. 281—282.

39–3 *Текста*: Серафим всех ∾ ямку находит.— *в* ЧА$_2$ *нет, ср. варианты к стр. 282, строкам 6—7.*

4 Хорошо было ∾ в его чистой / Хорошо было [в] у Серафима в его приятно маленькой (ЧА$_2$)

4–5 полной смолистого запаха / полной смолистым запахом (ЧА$_2$)

6–7 свет ∾ на стене. / свет стеклянной лампы. Хорошо и грустно. Серафим все и всех знал, рассказывал о семейных делах служащих и рабочих, о всех говорил с ласковой усмешкой и о дочери своей, как о чужой. — Остепенилась, дуреха. Живет с одним с Седовым и ведь хорошо живет, как ты думаешь? Да, всякая тварь свою ямку находит. (ЧА$_2$)

8–9 а плотник утешал его / но Серафим бойко утешал его (ЧА$_2$)

10 Это — ничего, это хорошо! / Нет, это ничего, это, П⟨етр⟩ И⟨льич⟩, самое обыкновенное. (ЧА$_2$)

10–11 Побежали люди ∾ в чем суть! / Побежал человек рысцой, рысью бежит. (ЧА$_2$)

11–12 Лежал-лежал ∾ И пускай идет! / Лежал-лежал, думал, думал, и — пошел (ЧА$_2$)

12–13 *После*: ты человеку верь — [это тварь не без разума] вот! (ЧА$_2$)

14 Петр Артамонов молчал / Петр молчал (ЧА$_2$)

15 голосок Серафима / голосок старика (ЧА$_2$)

16 утешительно пел / утешительно говорил: — И ему верь, человеку. (ЧА$_2$)

17 кто каков /каков он ◊ (ЧА$_2$)

18 вчера ∾ сегодня — плохо / вчерась было плохо, а завтра — хорошо! [Ты в суть основы погляди: отец твой — мужик, а ты — князь, а дет⟨и⟩ твои, может, выше тебя будут, вот они] (ЧА$_2$)

19–20 много я видел! / много видел я!—[И подмигнув] Подмигнув, посмеиваясь, он сказал победно и как бы сообщая тайну (ЧА$_2$)

20 вот оно, хорошее! / вот оно настоящее! (ЧА$_2$)

21 Я — вот он я / Я все — вот он я (ЧА$_2$)

21–22 его, как пыль ветром, снесло / как пыль ветром унесло (ЧА$_2$)

22 *После*: А я — вот!— Утешительно он добавил (ЧА$_2$)

22–23 Муха между людей ∾ А — ты... / Меня и не видно между людей. А ты — ого! Ты — князь, а дети твои того выше должны быть. (ЧА$_2$)

24–25 *Фразы*: Серафим ∾ умолкал.— *в ЧА$_2$ нет.*

26–28 Слушать его ∾ было ясно / Артамонов пил много, но [хмелел не скоро] пьянел медленно. Слушать речи [Серафима] плотника ему было двояко приятно: они [и] утешали, [и] но в то же время Петр чувствовал (ЧА$_2$)

28–29 врет, [что он] говорит (ЧА$_2$)

29 *Слов*: утешителя людей.— *в ЧА$_2$ нет.*

30 Понимая игру ∾ думал / Петру [нравилось] было приятно, что он понимает эту игру [пло⟨тника⟩] Серафима, он слушал и думал (ЧА$_2$)

31 «Шельмец старик / «Шельма старик (ЧА$_2$)

31–32 *После*: не умест — [и] не может. (ЧА$_2$)

33–39 *Текста*: И вспоминал ∾ Менотти тоже нет.— *в ЧА$_2$ нет.*

40 Пьянея, он говорил Серафиму / Иногда он говорил (ЧА$_2$)

41 старый чёрт! / старый бес. (ЧА$_2$)

Стр. 283.

1–2 Плотник ∾ очень серьезно / Но Серафим убедительно возражал (ЧА$_2$)

3 Ты сообрази / Ты подумай (ЧА$_2$)

4–5 Я же тебе ∾ я совру? / Я же прямо, из души говорю: правда мне не известна. (ЧА$_2$)

6 Тогда — молчи! / А тогда — молчи! (ЧА$_2$)

7 спрашивал Серафим [ласково мигая] (ЧА$_2$)

8 личико ∾ улыбкой / его личико улыбалось (ЧА$_2$)

10 Это молодым надо / [А мо⟨лодым⟩] [Вот молодые,— они должны] Это молодым [надо бы] надобно (ЧА$_2$)

11 и очки полагаются / очки [надобны] полагаются (ЧА$_2$)

12 ну, он насквозь видит ∾ куда / так он насквозь видит, что к чему [да! У него разума — на пятерых, да-а.] (ЧА$_2$)

13–15 Артамонову ∾ задорно пел / Сквозь хмельной туман Арт⟨амонов⟩ догадывался.: «Знает, что я Мирошку не люблю». А Серафим [положив гусли на колени, [распе⟨вал⟩] запевал бойкие песенки:

Ходит мальчик по заводу
Как солидный господин...]

благодушно высмеивал Мирона, [техника Корнева, доктора Яковлева] не стесняясь иногда задеть и Алексея, и

Якова, у него для каждого человека слагалась песенка (*ЧА*$_2$)

16 Ходит дятел / Ходит мальчик (*ЧА*$_2$)

19 *После*: дурачки! — напевал он, подыгрывая на гуслях (*ЧА*$_2$)

20 Верно! — одобрял Артамонов. / пьяный Артамонов одобрял: — Вер-рно! (*ЧА*$_2$)

21 А плотник, тоже пьяненький / Плотник, тоже пьянея, [становился в⟨есел⟩] веселел (*ЧА*$_2$)

22 снова пел / [и сеял] звенел (*ЧА*$_2$.)

23 То не ястреб / То не коршун (*ЧА*$_2$)

27–28 Артамонову ∾ о Якове / И, становясь все более дерзким на словах, [покрикивал] выкрикивал бесстыдно (*ЧА*$_2$)

31 Так они ∾ до рассвета / Артамонов густо хохотал, качаясь на стуле, и приказывал Утешителю позвать девицу. (*ЧА*$_2$)

31–32 потом в дверь стучал / На рассвете [до гудка фабрики] в дверь влезал (*ЧА*$_2$)

33 и равнодушно говорил / и [говорил] равнодушно приглашал (*ЧА*$_2$)

34–35 рабочие увидят вас / рабочие пойдут, увидят (*ЧА*$_2$)

36 Артамонов кричал / Арт⟨амонов⟩ сердито кричал (*ЧА*$_2$)

Стр. 284.

1–3 Но подчинялся дворнику ∾ сидел у Серафима. / Идемте,— настаивал Тихон, и Артамонов подчинялся ему [хотя рычал] и хотя рычал, но [покорно] шел, тяжело раскачиваясь, по двору, ложился спать и спал до вечера, [а после гудка] а ночью снова сидел у Серафима, и его запои становились все длительней (*ЧА*$_2$)

4 Веселый ∾ за работой / *а.* Веселый балагур этот умер, стоя за верстаком *б.* Веселый балагур [этот] Серафим умер, стоя за верстаком (*ЧА*$_2$); Веселый плотник умер [стоя за вер⟨стаком⟩] за работой (*БА*)

6 свалился мертвым / *а.* свалился *б.* свалился мертвый (*ЧА*$_2$)

6 пожелал проводить / пожелав проводить (*ЧА*$_2$)

7 в церковь [где строго] (*ЧА*$_2$)

8 *После*: строго служит — заупокойную литургию (*ЧА*$_2$)

10 расстригся и ушел / расстригся на старости лет, расстригся и ушел (*ЧА*$_2$, *БА*)

10 *После*: В церкви — было много молодежи (*ЧА*$_2$)

11 пел хор / пел хор рабочих (*ЧА*$_2$)

12–13 человеком ∾ много молодежи / усатым человеком, похожим на кота (*ЧА*$_2$)

14–15 обилие народа / необычное обилие молодежи в церкви (*ЧА*$_2$)

16 гроб несли / гроб [посменн⟨о⟩] понесли на кладбище (*ЧА*$_2$)

16 молодые ткачи / молодые парни (*ЧА*$_2$)
17 более солидные рабочие / а люди солидные (*ЧА*$_2$)
17 *После*: за гробом — положив руку на изголовье его (*ЧА*$_2$)
19 *После*: пестрой кофте — в красноватой юбке (*ЧА*$_2$)
19–20 рядом с нею ∾ Тихон Вялов / рядом с Петром тяжело мял песок Тихон Вялов (*ЧА*$_2$)
21 *После*: пели певчие — шелково скрипел песок под ногами людей (*ЧА*$_2$)
21–22 был [в этом н⟨едостаток⟩] заметен в этих похоронах (*БА*)
22 заметен в этих похоронах / в этих похоронах (*ЧА*$_2$)
24–25 отирая пот с лица / отирая платком потное лицо (*ЧА*$_2$)
25 Тихон остановился / Тихон (*ЧА*$_2$); Тихон остановился [и] (*БА*)
26 подумал, потом сказал / ответил: — Любили его.

— За что бы? (*ЧА*$_2$)

27–30 Приятен был ∾ Утешал. / Веселый был. Утешитель. Знал много, рассказывал. (*ЧА*$_2$)
31–32 Взглянув ∾ он добавил / Помолчав, подумав, чего-то не понимая и задетый этим, Артамонов [сказа⟨л⟩] напомнил (*ЧА*$_2$)
33–36 С толку ∾ передразнил его хозяин. / Не больно праведно жил.

Тихон спросил, тряхнув головою:

— А в чем она, праведность? — И сам ответил:— Не обижай никого, вот и праведность. (*ЧА*$_2$)

36 на цепь посажен / [цепью прикован] на цепь посажен,— проворчал Артамонов (*ЧА*$_2$)
38–41 И, круто отвернувшись ∾ становились всё горячее. / Было около полудня и очень жарко. Петр не пошел на кладбище, а воротился домой, вслед ему неслось согласное пение вечной памяти веселому старику, особенно сильно звучал глубокий бас слесаря Василия Корнева, сожителя Зинаиды, и тенор ткача Седова, казалось, что от этих двух голосов и песок дороги, и синь воздуха становятся все горячей. (*ЧА*$_2$)

Стр. 285.

2 над краем ∾ к востоку / над землею (*ЧА*$_2$)
3 погулял в саду / походил по саду (*ЧА*$_2$)
4–5 *Слов*: во время весенних дождей — *в ЧА*$_2$ *нет.*
6–7 *Слов*: Что ж ты ∾ на лавку — *в ЧА*$_2$ *нет.*
7–8 Тихон косо ∾ и сказал / взглянув на хозяина белками глаз, он сказал (*ЧА*$_2$)
8 белками [мутных] глаз (*БА*)
9 был вредный / был старик вредный (*ЧА*$_2$)

10 *После*: Чем это? — лениво спросил Артамонов, присев на скамью ($ЧА_2$)

11 В ответ Артамонову / и в ответ ему ($ЧА_2$)

15 От него / От него тут ($ЧА_2$)

16 Я — вижу. / Я — знаю.◊ ($ЧА_2$)

17 Тыкая помазком / И, тыкая помазком ($ЧА_2$)

17–18 он продолжал ∾ ворчливо / он, помолчав, добавил ($ЧА_2$)

19 Вышибить надо / Вышибить бы ($ЧА_2$)

19 От нее зло / Это от нее зло ($ЧА_2$)

20 Надо так / Быть бы так ($ЧА_2$)

21 вся глупость с ними издохла / с ними издохло ($ЧА_2$)

21–22 Родились другие ∾ не помнят / другие живут,— ничего злого не помнят ($ЧА_2$)

23 *Слов*: Стар, покоя хочу.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

23 А — где покой? / Где покой? ($ЧА_2$)

25–26 *Фразы*: Никогда еще Тихон ∾ раздражающе.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

26–27 Глупые ∾ враждебны Артамонову. / Как всегда, слова дворника казались Артамонову глупыми, как всегда, они вызывали досаду и нежелание слушать их. ($ЧА_2$)

27–37 разглядывая клочковатую бороду ∾ Дам награду». / «Нет, надо его, дубину, рассчитать»,— подумал он, разглядывая клочковатую бороду Тихона, расплывшиеся жидкие зрачки его глаз, измятый морщинами лоб; морщины были глубоки, точно складки на голенище сапога. Скуластое лицо дворника под старость оголилось, [приним⟨ая⟩ цвет] приняло серый цвет пемзы, красные пятна исчезли со щёк, а нос стал ноздреватым, точно губка ($ЧА_2$)

34 ноздреватый, как губка [Дер⟨жа⟩] (*БА*)

39–41 подвинулся к нему ∾ ворчал / подвинулся к хозяину, [говоря] ткнул квачом в сторону мясных корпусов фабрики ($ЧА_2$)

40 на [темно-красные] темно-красное, цвета [сырой говя⟨дины⟩] сырого мяса (*БА*).

Стр. 286.

1–3 Ты послушал бы ∾ Зинаидка тоже / Ты бы послушал, что Седов или Корнев говорят, и Зинаидка тоже, или кривой фершел Морозов ($ЧА_2$)

4–5 *Слов*: его надо изничтожить... — *в* $ЧА_2$ *нет.*

6–7 Будто ∾ сказал хозяин. / Твои мысли, как будто,— сказал Артамонов, настраивая себя на твердый лад. ($ЧА_2$)

9 *После*: Нет, не мои.— Он снова ткнул квачом в сторону фабрики. ($ЧА_2$)

9 Я этих затей не принимаю. / Я этих затей не люблю. ($ЧА_2$)

9–10 Работай ∾ на себя / По-моему: работай каждый сам на себя ($ЧА_2$)

11 всё — от нас ∾ мы — хозяева! / каждый рабочий — хозяин и, дескать, все от нас. Да! ($ЧА_2$)

11 Ты гляди / Гляди ($ЧА_2$)

12–13 *Фразы*: Они тебя впрягли ∾ а теперь.... — *в* $ЧА_2$ *нет.*

16 глядя ∾ в облака / глядя на облака ($ЧА_2$)

17–18 Вот что ∾ это — так! / Вот что, Тихон, хочу я тебе сказать, — я тебе благодарен, конечно... ($ЧА_2$)

18–19 *Фразы*: Ну, однако ∾ трудно... — *в* $ЧА_2$ *нет, ср. варианты к строкам 23—25.*

20 *После*: поддакивал в этом — так, [говорил] так, я это давно знаю ($ЧА_2$)

20–21 сказал Тихон ∾ не слушая / [говорил] ворчал Тихон, не слушая ($ЧА_2$)

22–23 Подожди! ∾ А как же? / Погоди! Конечно, ты — старый слуга...

— Ну, так что? — спросил Тихон, вслушиваясь.

— Только — ты уже очень стар.

— [Конечно]. А — как же? Года. ($ЧА_2$)

24 Постой... / *а.* Погоди... *б.* Постой... ($ЧА_2$)

24 *Фразы*: Характер у тебя — тяжелый... — *в* $ЧА_2$ *нет, ср. вариант к строке 30.*

25 Тихон Вялов / Вялов ($ЧА_2$)

28 *Слова*: конечно — в $ЧА_2$ *нет.*

29 смущенный его спокойствием / сконфуженный спокойствием дворника ($ЧА_2$)

30 свои пыльные сапоги / свой пыльный сапог.— Характер у тебя тяжелый,— заметил хозяин, вздохнув, Тихон равнодушно подтвердил: — Это — верно. Все говорят.

33 *После*: ответил дворник — продолжая мазать сапог. ($ЧА_2$)

34 Артамонов пошел на реку / [Держа себя за ухо] Артамонов пошел [к реке] за реку, на холм ($ЧА_2$)

35 *Слов*: где он поссорился с Ильей — *в* $ЧА_2$ *нет, ср. вариант к строке 37.*

35–36 Серафим построил ∾ вроде трона./ он велел Серафиму построить скамью, и плотник искусно сделал нечто вроде [дива⟨на⟩] [кресла] трона из белых сучьев березы. Шел Артамонов и думал:

«Теперь он пойдет к Никите жаловаться на меня. [Как] Глупо все выходит с ним... Служил больше двадцати пяти лет, [пожалуй] а вот — пришлось рассчитать...» ($ЧА_2$)

37 Оттуда ∾ всю фабрику / С холма, из-под сосны, где он пос-

сорился с Ильей, было хорошо видно кирпичные корпуса фабрики. ($ЧА_2$)

37 дом, двор / дом, дворы (*БА*)

37–38 дом, двор ∾ кладбище / неуклюжие склады, [дом, обросший [постройками] пристройками, золотые слова вывески над фабричным двором — «Полотняная фабрика Ильи Артамонова сыновей», дымила в [облака] небо гордо поднятая красная труба, блестел позолоченный крест церкви ($ЧА_2$)

39 больницы, школы / больницы и, похожей на больницу, такой же белой, приземистой школы. ($ЧА_2$); больницы [и], школы (*БА*)

40 сновали по земле / сновали по двору, перебегая из корпуса в корпус ($ЧА_2$)

41 по песку фабричного поселка / по песку улицы фабричного поселка, и много таких людей, отработав свою жизнь, лежало под крестами в песке кладбища; от фабрики, неустанно наполнявшей воздух мягким гулом, до безмолвного кладбища было недалеко, сажен семьсот ($ЧА_2$)

Стр. 287.

1 Около церковной ограды / Вокруг ограды ($ЧА_2$)

2 игрушечное стадо коз / стадо игрушечных коз ($ЧА_2$)

5–6 квадрате земли, обнесенном решеткой / квадрате, огражденном решеткой ($ЧА_2$)

7–13 *Фразы*: Вокруг фабрики ∾ привозя лен.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

14–17 Но с некоторого времени ∾ разнообразных обид. / Артамонов смотрел на все это с гордостью, он возвел [все] эти каменные крепости, [он] при нем на [бесплодной] бесплодном песке выросли сады и огороды, он поил и кормил всех этих людей, размножавшихся, точно тараканы в избе богатых хлебом, но неряшливых хозяев. И благодаря ему на берегу Ватаракши выстроен десяток чистеньких домиков, где жили [нужные люди] бухгалтер Мясников, машинист Догадкин, конторщики, заведующий складом,— целый городок говорунов и картежников, приятелей Алексея. [Но] Алексей [б⟨ыл⟩] являлся пограничным столбом, подходя к нему, [утеш⟨ительные⟩] гордые и утешительные мысли круто сворачивали в сторону на неприятную дорогу. ($ЧА_2$)

15 не возбуждало ни удовольствия, ни гордости / не возбуждало [гордости] ни удовольствия, ни гордости (*БА*)

17 Обидно было видеть / Было все более обидно видеть ($ЧА_2$)

18 разные люди / люди ($ЧА_2$)

18–19 кричат ∾ спорят / размахивая руками, точно евреи на базаре, кричат и спорят ($ЧА_2$)

19 точно цыгане / точно евреи (*БА*)

19–20 его, человека старшего в деле / его, старшего в деле ($ЧА_2$)

21 забывали о нем — [старшем в деле] ($ЧА_2$)

21 когда он им / когда он [им] ($ЧА_2$)

21 *После*: о себе — стараясь [говорить] говорить внушительно ($ЧА_2$)

25–26 построили ∾ электрическую станцию / осветили фабрику электричеством ($ЧА_2$)

26 Артамонов старший / Хотя Артамонов старший ($ЧА_2$)

26 что это / что электричество ($ЧА_2$)

28 обид было много / обид было очень много ($ЧА_2$)

28–29 увеличивались в числе / увеличивались числом ($ЧА_2$)

29 *Слов*: становились острее.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

30 вел себя племянник [Мирон] (*БА*)

31–32 *Слова*: кожаные — *в* $ЧА_2$ *нет.*

33 *После*: блестел — как медь, начищенная мелом ($ЧА_2$)

34 Это ∾ время, дядя. / Не то время, дядя. Это — старо. [Это не годится] ($ЧА_2$)

35 Казалось, он / Казалось, что он ($ЧА_2$)

35–36 как слуга [боится] — строгого хозяина. [На словах он стал невыносимо дерзок.] ($ЧА_2$)

36 он и боялся / и боится он ($ЧА_2$)

37–38 Однажды он ∾ Поймите, дядя / Пойми, дядя,— сказал он однажды ($ЧА_2$)

40 ударило Артамонова / ударило Петра Артамонова ($ЧА_2$)

Стр. 287—288.

41–1 несколько недель / и [целый] более месяца ($ЧА_2$)

Стр. 288.

1–2 не разговаривал с Мироном / не разговаривал с племянником ($ЧА_2$)

4 такой же высокой / такой же тонкой ($ЧА_2$)

5 эта девица / она ($ЧА_2$)

7 больших, бесстыдно открытых / *а.* больших и каких-то [бесстыдных] бесстыдно открытых *б.* больших [и каких-то], бесстыдно открытых ($ЧА_2$)

9–10 портила полотно ∾ пестрые картинки / мазала пестрые картинки ($ЧА_2$)

13 одевалась неаккуратно / юбку она носила неаккуратно ($ЧА_2$)

13–14 *Слов*: из-под юбки — *в* $ЧА_2$ *нет.*

17–18 кричал свое / кричал ($ЧА_2$)

19–20 одухотворенную Россию / одухотворенную Русь ($ЧА_2$)

20 строите мышеловку / строите железную клетку, дьяволову мышеловку ($ЧА_2$)

22–23 слышал иногда ∾ нечто / иногда слышал что-то ($ЧА_2$)

24 хотя он не знал / хотя и не знал ($ЧА_2$)

26–27 Горицветов! ∾ кричал на нее / Ин-ду-стрия! — взывал Горицветов, произнося странное слово с отвращением, как бы разламывая его на куски, и прыгал к Елизавете Поповой ($ЧА_2$)

28 *После*: человек духа? — Надо кричать, надо убеждать. ($ЧА_2$)

29 *После*: Она улыбалась — ему, но молчала ($ЧА_2$)

30 ее серые / серые ($ЧА_2$)

31–32 Артамонов ∾ непонятные слова. / Петр запоминал какие-то непонятные, неслыханные слова. ($ЧА_2$)

33 говорил Мирон / говорил племянник ($ЧА_2$)

34 *Слов*: куском замши — *в* $ЧА_2$ *нет.*

35 Алексей ∾ в Москве / [Алексей] Его отец, совсем уже старичок, сухонький и лысый, но все еще неукротимо бойкий, хватал Якова за пуговицу пиджака или бегал вокруг его и тоже кричал: — Пойми задачу сословия! ($ЧА_2$)

36 *Слов*: в стороне, он — *в* $ЧА_2$ *нет.*

36 *После*: говорил мало — [не очень по⟨нятно⟩] ($ЧА_2$)

36–37 должно быть, хорошо / видимо, хорошо ($ЧА_2$)

37–38 раздражали и Мирона и Горицветова / раздражали и дядю, и брата, и Горицветова ($ЧА_2$); раздражали и [дядю] Мирона и Горицветова (*БА*)

38 Яков отпустил / Он отпустил ($ЧА_2$)

38–39 *После*: татарскую бородку — казался старше своих лет и был скуп на деньги так же, как на слова ($ЧА_2$)

39 с рыжеватой бородою / с этой рыжеватой бородою (*БА*)

39–40 у Якова всё заметнее насмешливость / в речах Якова всё заметнее росла насмешливость, она почти всегда блестела в его выпуклых глазах, похожих на мыльные пузыри ($ЧА_2$); в речах у Якова все заметнее [была] насмешливость (*БА*)

40 приятно было / Петру приятно было ($ЧА_2$)

41 сын ∾ бойким людям / сын говорил ($ЧА_2$)

Стр. 289.

1 *После*: в господа! — сядете! ($ЧА_2$)

1–2 *Слов*: Жили бы проще — *в* $ЧА_2$ *нет.*

3 Старшему Артамонову / Петру Артамонову ($ЧА_2$); [Петру] Старшему Артамонову (*БА*)

3 *Слов*: и — он видел — Якову — *в* $ЧА_2$ *нет.*

3–4 было очень смешно / *а.* [стала нравиться насмешливость в людях] было забавно наблюдать, как тот или другой человек безуспешно старался вывернуться из вихря слов, жаливших его, точно осы. Даже когда он видел в этом положении Якова, он испытывал удовольствие зрителя в цирке, зрителя

который видит, как ловко притиснут к земле борец, даже и симпатичный ему. Ему особенно приятно и смешно было *б.* было забавно ∾ Даже когда [он видел в этом положении Якова] в это положение попадал Яков, [он] Артамонов стар⟨ший⟩ испытывал ∾ Особенно приятно, и смешно было (*ЧА*$_2$)

4–5 уехала ∾ с Горицветовым / обвенчалась с Горицветовым и уехала в Москву (*ЧА*$_2$)

5 в [губерн⟨ский город⟩] Москву (*БА*)

5 Мирон / а Мирон (*ЧА*$_2$); Мирон был пришиблен ◊ (*БА*)

6 *Слов*: обозлился и не мог скрыть этого — *в ЧА*$_2$ *нет.*

8 он говорил / говорил (*ЧА*$_2$)

9–10 Степан Горицветов,— люди вымирающего племени. / Степан,— вымирающее племя. (*ЧА*$_2$)

11 как он и подобные ему. / как люди этого сорта. (*ЧА*$_2$)

12 Яков сказал / *а.* Петр сказал, ухмыляясь *б.* [Петр] Яков сказал, ухмыляясь (*ЧА*$_2$)

14 кусок, облюбованный тобою! / облюбованный тобою кусок. Обидно? Говори правду! (*ЧА*$_2$)

15 Приподняв плечи, Мирон ответил / *а.* Мирон, приподняв плечи, сказал *б.* Мирон, приподняв плечи, ответил (*ЧА*$_2$)

17 спросил Артамонов старший / *а. Слов нет. б.* спросил Петр (*ЧА*$_2$)

17–19 *Слов*: и Мирон отчеканил ∾ приговор свой — *в ЧА*$_2$ *нет*; и Мирон отчеканил, [как] точно — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

20–21 Никто не понимает ∾ дядя. / Вы, дядя, не поймете, что такое романтик, этого никто не понимает. (*ЧА*$_2$)

24–25 «Ага, прищемил нос» ∾ с удовольствием, / «Сердится, нос»,— с удовольствием подумал Петр Артамонов. (*ЧА*$_2$)

27–28 со стороны бойких людей / от бойких людей (*ЧА*$_2$)

28–29 забиравших дело ∾ цепкие руки / *а.* забиравших [его] дело в свои молодые, цепкие руки *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

30 он нашел, надумал / он скоро нашел (*ЧА*$_2$)

31 одиночество знакомило его / оно [постепенно] знакомило его (*ЧА*$_2$)

31–32 с новым, хотя уже смутно знакомым / с новым человеком (*ЧА*$_2$); с новым, хотя уже смутно знакомым человеком (*БА*)

33 иного рисунка, иного характера. / иного характера, иного рисунка. (*ЧА*$_2$)

34 хороший / хороший, очень интересный (*ЧА*$_2$)

34 он жестоко обижен / *а.* он был жестоко обижен *б.* был он жестоко обижен (*ЧА*$_2$)

38 скучную жену [с которой не о чем говорить] (*ЧА*$_2$)

40 первый год ∾ не плох / первые годы жизни с ней были не плохи (ЧА$_2$)

41 *Слова*: Зинаида — *в* ЧА$_2$ *нет.*

Стр. 290.

1 забавнее, жарче / *а.* забавнее и жарче [не гово⟨ря⟩] *б.* забавнее [и], жарче (ЧА$_2$, БА)

2 Жена всю жизнь боялась / Всю жизнь Наталья боялась чего-нибудь (ЧА$_2$)

3 *Слова*: сначала — *в* ЧА$_2$ *нет.*

4 когда они ∾ отскакивала / когда они явились в доме, она отскакивала от них (ЧА$_2$)

5 *После*: и крестилась — она [боя⟨лась⟩] долго боялась телефона и до сего дня не умеет говорить в телефонную трубку (ЧА$_2$)

5 на ярмарке / на ярмарке при людях (ЧА$_2$)

5–6 *После*: в магазине граммофонов — когда игрушка запела человечьим голосом, [она] Наталья, побледнев, [заплакала] замахала рукой (ЧА$_2$)

7 *Слов*: просила она.— *в* ЧА$_2$ *нет.*

7–8 Может в этой штуке / Может там (ЧА$_2$); Может в нем ◊ (БА)

10–11 доктора Яковлева / доктора [и] (ЧА$_2$); доктора Яковлева [и] (БА)

11 и дико растолстев / и дико, безобразно растолстев (ЧА$_2$)

12 *После*: едва не удавился брат.— [Она] Народив детей, она не [умела] могла привязать их к себе (ЧА$_2$)

13–14 сын советовал ей насмешливо / [он] сын, гладя плечо ее, насмешливо советовал (ЧА$_2$)

16 покорно и [нерешительно] неуверенно (ЧА$_2$)

17 Да я как будто / Да я будто (ЧА$_2$)

18 И снова ела. / И — ела. (ЧА$_2$)

19 Отец сказал Якову / Петр тоже сказал Якову ◊ (ЧА$_2$)

20 Ты что / Ты что же (ЧА$_2$)

21 тебе пора! / тебе давно пора. (ЧА$_2$)

22–23 деловито ответил Яков / Яков ответил деловито (ЧА$_2$)

24–25 рассердился отец / рассердился Артамонов (ЧА$_2$)

25 пожал плечами. / пожал плечом. Он распутничал с фабричными девицами и, все менее стесняясь, давал понять, что отец мешает ему. (ЧА$_2$)

27 Вы, папаша, не понимаете. / *а.* Вы, папаша, требований времени не понимаете *б.* Вы, папаша, не понимаете (ЧА$_2$)

28–33 *Текста*: Он говорил ∾ не хочется вспоминать. — *в* ЧА$_2$ *нет.*

32 о чем [противно] не хочется (БА)

34 *Слова*: Елена — *в ЧА$_2$ нет.*

36 совершенно чужим человеком / совсем чужой человек (ЧА$_2$)

36 она изредка / она лишь изредка (ЧА$_2$)

38–39 *После*: брелоками — какими-то ключами (ЧА$_2$)

39 сытыми глазами / опухшими глазами (ЧА$_2$)

39–40 она говорила / надувая масленые губы, она говорила в нос (ЧА$_2$)

41 Как у вас / Как у вас в доме (ЧА$_2$)

Стр. 290—291.

41–1 дом весь протух, сгнил / он весь протух и сгнил (ЧА$_2$)

Стр. 291.

1–2 И кто ∾ рядом с фабрикой! / Теперь так нельзя жить. (ЧА$_2$)

3 Артамонов случайно слышал / [Петр] Артамонов однажды услыхал (ЧА$_2$)

6 пьяница, шалун, а — веселый / пьяница, а — весельчак (ЧА$_2$)

7 особенно раздражавшая / особенная, раздражавшая отца (ЧА$_2$)

9–10 *После*: хотелось чихать — и, наконец (ЧА$_2$)

10 обидная брезгливость / брезгливость (ЧА$_2$)

11 в доме / в доме родителей (ЧА$_2$)

11 вызывала у Артамонова / вызывала у [Петра] отца (ЧА$_2$)

11–12 желание возместить [ей] дочери (*БА*)

12 он при ней ходил / он перестал одеваться при ней, ходил (ЧА$_2$)

13–14 в неподпоясанном халате, в галошах / с расстегнутой грудью, в [хал⟨ате⟩] галошах (ЧА$_2$)

14 *После*: на босую ногу — плевал всюду (ЧА$_2$)

15 громко чавкал и рыгал / стал громко чавкать и рыгать (ЧА$_2$)

17 Что это, папаша? / Что это вы, папаша! — восклицала она брезгливо. (ЧА$_2$)

18 *Слов*: Именно этого ∾ добивался.— *в ЧА$_2$ нет.*

19–20 Извините ∾ Я ведь мужик. / Я — мужик, — говорил Петр.— Извините, барыня! (ЧА$_2$)

21 *Слова*: чавкал — *в ЧА$_2$ нет.*

22–23 лениво ∾ матери чепуху / рассказывала матери ленивеньким, жирным голосом какую-то чепуху (ЧА$_2$)

23 чепуху / какую-то чепуху (*БА*)

23–24 в каком-то городе бабы / там, за границей, в одном городе хозяйки (ЧА$_2$)

24–25 *После*: щетками с мылом — в городе этом торгуют только драгоценными камнями, сыром и кофе (ЧА$_2$)

25 зиму и лето / зиму и лето ежедневно (ЧА$_2$)

26 целый день горят / [с утр⟨а⟩] [ден⟨ь⟩] днем с утра [жа⟨рко⟩] горят ($ЧА_2$)

27 *После*: готовым платьем — и невероятно распутничают, там же можно купить самые лучшие шелковые чулки ($ЧА_2$)

28–29 видно города, которые за морем. / видно Англию, которая за морем. Когда Елена привезла показать внука, гимназиста без бровей, с трудным именем, которое не умещалось в памяти, внук стащил в чулане банку варенья, разбил ее, порезал себе пальцы, а варенье все-таки съел и — захворал. Потом, когда он стал студентом, его посадили в тюрьму и, продержав в ней почти год, выслали в Сибирь ($ЧА_2$)

31 Татьяна росла / [Младшая дочь] Татьяна выросла ($ЧА_2$)

31 темнокожей и обозленной / обозленной, пестролицей ($ЧА_2$)

32 она непригляднa / она некрасива ($ЧА_2$)

32–33 напоминавшее дьячка / напоминавшее пьяницу дьячка ($ЧА_2$)

33 *После*: должно быть — это ($ЧА_2$)

34 *После*: синеватый нос — красненький на конце ($ЧА_2$)

35–36 соглашаясь с Мироном / соглашаясь с Алексеем и Мироном ($ЧА_2$)

37–38 *После*: на фабрику — она фыркала ($ЧА_2$); она тоже фыркала (*БА*)

38–39 с отцом говорила / с Петром говорила ◊ ($ЧА_2$)

39 сквозь зубы / сквозь зубы, нехотя ($ЧА_2$)

39 целые дни читала книги / целыми днями читала книги [или] ($ЧА_2$)

40 в город, к дяде / к дяде, к служащим ($ЧА_2$)

40–41 *Слов*: оттуда ∾ доктор Яковлев — *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 291—292.

41–1 По ночам ∾ девичьей тоски / Не спала ночей ($ЧА_2$)

Стр. 292.

2 *Слов*: из пистолета.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

3 [И все] Все вокруг (*БА*)

3–4 Все вокруг ∾ вызывающе глупо / Все становилось как-то особенно, вызывающе и крикливо глупо ($ЧА_2$)

4 от дерзких речей / от внушительных речей ($ЧА_2$)

5 кочегара Васьки / *а.* слесаря Васьки Кротика *б.* кочегара Васьки Кротика ($ЧА_2$)

5 хромого мужика / хромого парня ($ЧА_2$)

8–9 торчал под окном ∾ орал / болтался около дома и орал, подыгрывая на гармонии ($ЧА_2$)

14–15 про Илью / об Илье ($ЧА_2$)

16 Наверное, Илья / С некоторого времени [он] ему [отцу] думалось, что Илья ($ЧА_2$)

17 *После*: за свою строптивость — и тоже, наверное, обижен ($ЧА_2$)

17–18 об этом говорило / о последнем говорило ($ЧА_2$)

18–19 *После*: в доме Алексея.— Брат и Ольга будто бы не знали, где теперь Илья живет и что он делает, но это было неверно. ($ЧА_2$)

19 Как-то вечером / Однажды ($ЧА_2$)

20 *Слова*: старший — *в* $ЧА_2$ *нет.*

20–21 что Мирон, возвратившийся / как Мирон, только что приехавший ($ЧА_2$); что Мирон, [только что] возвратившийся (*БА*)

21 говорит / говорил отцу ($ЧА_2$)

22–23 Илья ∾ сквозь книгу / *а.* Илья стал одним из тех российских книжников, которые все знают, все решают *б.* Илья ∾ из тех книжников ∾ все решают ($ЧА_2$)

22–23 смотрят на [всю] жизнь (*БА*)

23 и не умеют / но не в состоянии ($ЧА_2$)

25 *После*: что-то утешительное — для себя ($ЧА_2$)

26 *После*: во враждебном — *а.* в насмешливом *б. слово зачеркнуто* ($ЧА_2$)

28 Он — одной партии / Он одной веры ($ЧА_2$)

29 Он — вреднее / Ну нет, он вреднее ($ЧА_2$)

30–31 Входя в комнату ∾ пригрозил им / Входя к ним с усмешкой в глазах, Артамонов мысленно грозил ($ЧА_2$)

30–31 пригрозил [брату и] им (*БА*)

32 воротится он / он — воротится ($ЧА_2$)

33–34 сердито жаловаться / жаловаться ($ЧА_2$)

35 Наталья с сыном / Наталья с Яковом ($ЧА_2$)

35 Мирон заговорил / и как-то незаметно Мирон снова заговорил ($ЧА_2$)

39 уши вспухли / уши распухли ($ЧА_2$)

Стр. 293.

1 *После*: у кого лежат? — У нас — не лежат! ($ЧА_2$)

2 Артамонова вдруг обняла скука / Артамонову старшему вдруг стало скучно ($ЧА_2$)

3–4 всё знакомо и так надоело / все [было] так привычно и знакомо ($ЧА_2$)

4 Эта внезапная / Эта тяжелая ($ЧА_2$)

5 являлась откуда-то извне / все чаще стала обнимать его, она являлась извне ($ЧА_2$)

5–6 затыкая уши / и затыкая уши ($ЧА_2$)

6 она вызывала / вызывала во всем теле ($ЧА_2$)

6–7 *После*: усталости — В этой скуке ни о чем не думалось, в ней тонул, исчезал и его неутомимый собеседник — обижен-

ный человек ($ЧА_2$); [в облаке этой скуки ни о чем не хотелось думать] (*БА*)

7 и пугала мыслями ∾ о смерти / а в конце концов она пугала, внушая мысль о старости ($ЧА_2$); [и, в конце концов, она] и пугала [мы⟨слью?⟩] мыслями — о болезни, о смерти (*БА*)

8 *После*: Надоели вы мне — с этой бумажной ($ЧА_2$)

8 сказал он / угрюмо пробормотал он ($ЧА_2$)

9 от вас? / от тебя с Алексеем? ($ЧА_2$)

10 Яков проворчал / Вмешался Яков, заговорил ласково ($ЧА_2$)

11 Довольно возни и с тем, что есть... / Видите ли, папаша, действительно, деньги просят движения. Какой смысл гноить их?... ($ЧА_2$)

12–13 Наталья кричала ∾ развели / А Наталья сердито кричала: —И так уже развели ($ЧА_2$)

15 Артамонов подошел / Петр встал, подошел ($ЧА_2$)

15–16 *После*: Тихон Вялов — весь в белом, как покойник или повар ($ЧА_2$)

16 задрав голову / задрав голову вверх ($ЧА_2$)

17 какой-то девчонке / какой-то тоненькой девчонке ($ЧА_2$)

18–19 *Слов*: Артамонов, стряхнув скуку — *в* $ЧА_2$ *нет.*

19–20 не часто ∾ пробегали / часто, мышами, пробегали ($ЧА_2$)

20 всегда рад был / был всегда рад ($ЧА_2$); всегда был рад (*БА*)

21 он даже любил / и любил ($ЧА_2$)

21 не тревожили / ничем не тревожили ($ЧА_2$)

22 *После*: и — только.— Сощипнув цветок фуксии, он растер его между пальцами и сказал, не оборачиваясь к племяннику:

— Чего жадничаешь? Довольно уж.

Тихон, взглянув в окно, поклонился [и сказал], говоря девчонке:

— Ты, дура, подумай: на чем яблоки-то будут расти, когда ты сучья обломаешь? [Тебе что приказано...] ($ЧА_2$)

23 Петр Артамонов / Артамонов [старший] ($ЧА_2$)

24 брат взял дворника / Алексей взял Вялова ($ЧА_2$)

25 Тихон пропадал / дворник пропадал ($ЧА_2$)

26 *После*: притащив — с собою ($ЧА_2$)

26 брат Никита / Никита ($ЧА_2$)

28 старик знает, где Никита / Тихон знает, куда ушел монах ($ЧА_2$)

29–30 Из-за этого человека / Из-за этого темного человека ($ЧА_2$)

30 Артамонов старший / Артамонов ($ЧА_2$)

30 После: с братом — *а.* а Наталья даже плакала, говоря: — Всю жизнь ты горе терпишь от Алешки, паяца! Всю жизнь

он стоит поперек дороги тебе. И выродок его, Мирошка, тоже... *б.* Наталья даже ∾ Мирошка, тоже... —Но, [выплакав] поплакав, она [вдруг] неожиданно и [как-то незнакомо] с незнакомой Арт⟨амонову⟩ твердостью сказала:

— А Тих⟨она⟩ ты напрасно рассчитал, ой напрасно! (*ЧА*$_2$)

31 хотя Алексей и убедительно / Но Алексей очень убедительно и даже трогательно (*ЧА*$_2$)

32 *После*: Подумай, — говорил он (*ЧА*$_2$)

33 его выкинули / его в старости выкинули (*ЧА*$_2$)

33 ну, хорошо это? / Поставь-ка себя на его место. Нехорошо ведь, а? (*ЧА*$_2$)

34 Петр знал, что это нехорошо / И Петр Артамонов почувствовал: да, пожалуй, это нехорошо... Вообще спорить с людями становилось все трудней, и все чаще Артамонов, теряя желание возражать им, погружался в [темные] подавляющие мысли о суете сует и всяческой суете: мысли эти разверзли пред ним знакомую пустоту, [уже] и раньше пугавшую его. [Тогда] [В такие темные минуты он торопливо] В такие темные часы он торопливо, скрепляя свое упрямство, привычку к делу и заменяя этим отсутствие любви к нему, снова сердито суетился, командовал, кричал, [снова] спорил с братом, племянником, сыном и вскоре ясно видел, что мешает им (*ЧА*$_2$)

34–40 *Текста*: но еще хуже для него ∾ уговорили и успокоили его. — *в ЧА*$_2$ *нет.*

40 уговорили и успокоили / уговорили, успокоили (*БА*)

40–41 Но обиженный ∾ торжествовал / А обиженный в нем человек горестно торжествовал (*ЧА*$_2$)

Стр. 294.

2–3 Обиженный человек ∾ Артамонову старшему. / Человек этот становился все ближе и понятнее Артамонову. (*ЧА*$_2$)

3 *После*: Осторожно — не торопясь (*ЧА*$_2$)

3–4 *Слов*: под сосну — *в ЧА*$_2$ *нет.*

4 в кресло / в кресло под сосною и все с большей охотой (*ЧА*$_2$)

7–8 выдумывался он / и выдумывался он (*ЧА*$_2$)

9 над болотами, в синей пустоте / в синей пустоте над болотами (*ЧА*$_2$)

11–12 рожденное ею ∾ внушал / окружавшее ее, человек подсказывал (*ЧА*$_2$)

13 иначе, без этих затей» / и без этого» (*ЧА*$_2$)

14 Артамонов возражал ему / Артамонов старший напоминал ему (*ЧА*$_2$)

15 «Тихоновы мысли». — [Глупые.] (*ЧА*$_2$)

16 «Поп Глеб ∾ Горицветов / «Горицветов тоже говорил. И поп Глеб. (*ЧА*$_2$)

17 Да, мухами в паутине / Мухами в паутине [дела] (*ЧА*$_2$)

18—19 «Дешево не проживешь ∾ фабрикант. / Фабрикант возражал: «Лентяи потому что. Хотят жить дешево. Нет, дешево не проживешь». (*ЧА*$_2$)

20 немой спор / бессловесный спор (*ЧА*$_2$)

21—22 становясь ∾ почти кричал / становясь беспощаден, почти кричал на Артамонова (*ЧА*$_2$)

23 «[Верно] Помнишь (*ЧА*$_2$)

23 на ярмарке [кричал] (*ЧА*$_2$)

24 в жертву сына / *а.* в жертву делу *б.* в жертву делу сына (*ЧА*$_2$); в жертву делу сына ◊ (*БА*)

28—30 *Слов*: И меня ты в жертву ∾ Эх ты...» — *в ЧА*$_2$ *нет.*

31 В [такие] минуты (*ЧА*$_2$)

32 чтоб удержать / чтоб [не] из них не лились (*ЧА*$_2$)

33—37 *Текста*: Но слезы ∾ горлышка бутылки.— *в ЧА*$_2$ нет.

38—39 Но несмотря ∾ выжимаемые им / Но несмотря на это (*ЧА*$_2$)[1]

39—40 необходим Артамонову старшему / необходим ему (*ЧА*$_2$)

Стр. 295.

1 человеку нельзя [достать] (*ЧА*$_2$)

4 *После*: Россию.— *в ЧА*$_2$ *следует фраза*: Ни брат ∾ возникла эта война, — *см. варианты к стр. 295, строкам 28—30.*

5 Алексей подпрыгивал, размахивая газетой / Алексей прыгал, размахивая измятой газетой (*ЧА*$_2$)

7 *Слова*: Грабеж! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

8 *После*: шевелил пальцами — в воздухе (*ЧА*$_2$)

9 *После*: мы им... — Вздуем! (*ЧА*$_2$)

10 Золотозубый доктор [Яковлев] ◊ (*ЧА*$_2$) [2]

10 *Слова*: сунув руки в карманы — *вписаны в третьей редакции.*

10—11 стоял, прислонясь ∾ и бормотал / усмехался, говоря (*ЧА*$_2$)

12 Возможно, что и они нас. /[Вероятнее они] Возможно, что они нас. (*ЧА*$_2$)

13—21 *Текста*: Этот большой ∾ немца Крона.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

22—24 Озабоченно покручивая ∾ поучал всех / *а.* Озабоченно покручивая бородку, Мирон сухоньким голоском чиновника уговаривал отца:—Это — неизбежно *б.* [А Мирон] Озабоченно покручивая бородку, морщаясь, точно у него зубы болели, Мирон презрительно поучал всех (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Фразы*: Но, несмотря ∾ не достает рука (*стр. 295, строка 2*) —*во второй редакции нет.* [2] *Текста*: Золотозубый ∾ и они нас (*строки 10—12*) — *во второй редакции нет.*

25–26 в союзе с англичанами... / *а.* союзом с Англией и делать его купеческими руками... *б.* союзом с [Англией] англичанами... ($ЧА_2$)

27 Да — какое дело-то? / Какое дело-то? ($ЧА_2$)

27–28 *После*: Артамонов старший — и не верил объяснениям племянника: какие-то господа вырубили чужой лес; из-за таких пустяков не воюют, а судятся. ($ЧА_2$)

28–30 но ни бойкий брат ∾ эта война./Ни брат, ни умный племянник не могли достаточно толково рассказать Артамонову, почему возникла эта война. ($ЧА_2$) — *см. выше вариант к стр. 295, строке 4* [1].

30 Ему было приятно / Но ему было приятно ($ЧА_2$)

31–32 особенно смешным казался брат/[особенно смешон был брат] Но особенно непонятен и даже смешон казался брат ($ЧА_2$)

32 *Слов*: он вел себя так непонятно. — *в* $ЧА_2$ *нет.*

33–35 что можно было ∾ ему делать / можно было думать, что эта вдруг наскочившая война задевала лично его, именно ему мешая делать ($ЧА_2$)

35 *После*: очень важное. / *а. Слов нет. б.* [Он] [Странен ⟨?⟩] [2] ($ЧА_2$)

37 важно ∾ утаптывая / задумчиво и благочестиво [приминая] утаптывая ($ЧА_2$)

39 за кряжистым, золотым духовенством / за [золотыми] золотым, кряжистым духовенством ($ЧА_2$)

40 всех [т⟨рех⟩] церквей ($ЧА_2$)

41 *Слов*: и внушительно — *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 296.

1 «Спаси, го-осподи, люди твоя-а...» / «Спаси, господи, люди твоя ...» ($ЧА_2$)

2 *Слов*: похожей на требование — *в* $ЧА_2$ *нет.*

2 молитвы похожей / молитвы более похожей (*БА*)

3–4 на бровях и усах басов / на усах и бровях басов, теноров ($ЧА_2$); на бровях и усах басов, теноров (*БА*)

4–5 *Слов*: оседая в бородах ∾ купечества — *в* $ЧА_2$ *нет.*

5 пронзительно [и], настойчиво (*БА*)

5–6 пронзительно, настойчиво и особенно не в лад / пронзительно и настойчиво, хотя и не в лад ($ЧА_2$)

7 толстый, краснощекий / толстый, краснолиций ($ЧА_2$)

7–8 *Слов*: с глазами цвета перламутровых пуговиц — *в* $ЧА_2$ *нет*;

---

[1] *Текста*: но ни бойкий брат ∾ очень важное (*строки 28—35*) —*во второй редакции нет.* [2] *Незаконченная правка.*

с глазами [напоминавшими] цвета перламутровых пуговиц (*БА*)

11 Они, семеро / Они, шестеро (*ЧА*$_2$)

13 *Слов*: и сестрой Татьяной — *в ЧА*$_2$ *нет.*

13–14 потом шел Мирон с доктором / а сзади Мирон [и], фабричный доктор Яковлев, служащие фабрики, старшие рабочие (*ЧА*$_2$)

14–15 *Слов*: сзади всех ∾ Артамонов старший — *в ЧА*$_2$ *нет.*

16 Нация,— негромко говорил Мирон. / Н-нация, —тихонько говорил Мирон рыжему доктору, человеку с лошадиным лицом и незакрытыми зубами. (*ЧА*$_2$)

17 Парад сил,— ответил доктор. / Доктор также тихо вторил ему: — Парад сил. (*ЧА*$_2$)

18–25 Мирон снял очки ∾ пощупав его пальцами. / Угу. Вздуют. С того начали.—Перестань,—угрюмо приказал Петр Артамонов племяннику, тот снял очки и, протирая их платком, усмехнулся. (*ЧА*$_2$)

27 подчеркнуто громко, с присвистом / особенно громко (*ЧА*$_2$)

28 волком оборачивался / он волком оборачивался (*ЧА*$_2$)

28–29 *После*: оглядывая горожан — [медными] рыжими, как медные пуговицы, глазами (*ЧА*$_2$)

29 махал на них / махал на людей (*ЧА*$_2$)

31–33 сорокалетняя ∾ бесстыдной жизни / сорокалетняя дочь Помялова, третий раз вдова, круглая, грудастая, великая распутница (*ЧА*$_2$)

34 Петр Артамонов / Петр (*ЧА*$_2$)

34 *Слова*: вполголоса — *в ЧА*$_2$ *нет.*

38–39 *Текста*: И спрашивала ∾ женишься, петух? — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 296—297.

41–1 *Слов*: он отошел в сторону — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 297.

1 стал шагать ∾ медленнее / он шел все медленнее (*ЧА*$_2$)

2 необыкновенно черный / особенно черный (*ЧА*$_2$)

2–3 *Слов*: в этот день — *в ЧА*$_2$ *нет*; в [т⟨от⟩] этот день (*БА*)

3–4 Люди шли ∾ дышали / Все люди дышали (*ЧА*$_2$)

5 шагает во главе своих учениц / прошла во главе девиц прогимназии (*ЧА*$_2$)

5 [у⟨чительница?⟩] Вера Попова (*БА*)

6 снежинки искрятся / снежинки искрами блестели (*ЧА*$_2$)

7 *После*: она кивнула — Петру (*ЧА*$_2$); кому-то (*БА*)

11–12 Прокатилась ∾ училищ / Прокатилась волна учеников трех городских училищ, впереди ее шел маленький учитель по прозвищу «Мерзавчик» (*ЧА*$_2$)

13 ее вел / вел ее (*ЧА*$_2$)

14 *Слова*: хладнокровный — *в ЧА*$_2$ *нет.*

15–16 и кончая заморозками / вплоть до заморозков (*ЧА*$_2$)

16–17 *Слов*: и как было известно ∾ в незаконной связи — *в ЧА*$_2$ *нет.*

18 Важно ∾ шел / Рядом с ним шагал (*ЧА*$_2$)

19–20 его больная жена / его жена, белокурая красавица (*ЧА*$_2$)

21 и хозяином / хозяином (*ЧА*$_2$)

22 про Житейкина говорили / про него рассказывали (*ЧА*$_2$)

23–25 по прочитал ∾ учит солдат / но необыкновенно умен: прочитал [семьсот] пятьсот книг и так ловко барабанит, что может даже учить солдат и, будто бы, тайно учит их (*ЧА*$_2$)

26 Потом проехал в санях ожиревший / Проехал в санях обезножевший (*ЧА*$_2$); Потом проехал в санях обезножевший, ожиревший (*БА*)

27–28 темной кучей / потом темной стеною (*ЧА*$_2$)

29 ткачи, тележники / ткачи, бондари и тележники (*ЧА*$_2$)

29–30 *Слов*: и какие-то ∾ похожие на крыс — *в ЧА*$_2$ *нет.*

30 Снег лениво солил / Мелкий снежок солил (*ЧА*$_2$); [Мелкий] Снег лениво солил (*БА*)

34–35 *Текста*: А на что богу ∾ подумал Артамонов.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

35 Он не любил / Артамонов старший не любил (*ЧА*$_2$)

37 и город / и город все еще (*ЧА*$_2$)

37–38 но очень уважает / и очень уважает ◊ (*ЧА*$_2$)

38–40 *Слов*: за его пристрастие ∾ сад, бульвар — *в ЧА*$_2$ *нет.*

39 украсил площадь [ли⟨пами⟩] (*БА*)

40 устроил на берегу / разбил на берегу ◊ (*БА*)

40–41 Мирона ∾ боятся / и боится Мирона, даже Якова боится (*ЧА*$_2$)

41 считают их / их находят (*ЧА*$_2$)

Стр. 298.

1 *Слов*: находят, что — *в ЧА*$_2$ *нет.*

3 медленный ход / медленный поток (*ЧА*$_2$)

4 Артамонов хмурился / Артамонов хмурил брови (*ЧА*$_2$)

4 много незнакомых / слишком много незнакомых [ему] (*ЧА*$_2$); [слишком] много незнакомых (*БА*)

4–5 слишком много ∾ глаз / много разноцветных глаз (*ЧА*$_2$)

7 У ворот дома / У ворот нового дома (*ЧА*$_2$)

7–8 *Слов*: Артамонов спросил — *в ЧА*$_2$ *нет.*

10–11 Молча ∾ погладил скулу. / Тихон молча, знакомым Петру движением руки, погладил серую скулу свою. (*ЧА*$_2$)

11 жизнь с ним / жизнь (*ЧА*$_2$)

12 спросил ∾ с доверием к нему / спросил человека, [все так же] издавна неприятного [ему] (*ЧА*$_2$)

14 тотчас ответил / тотчас же ответил (*ЧА*$_2$)

14–15 как будто он ждал вопроса / [так быстро, точно] как будто ждал вопроса (*ЧА*$_2$)

16 всё пустяки / всё пустяковина (*ЧА*$_2$)

16–17 неопределенно сказал Артамонов / недовольно заметил Петр, надевая картуз (*ЧА*$_2$)

18 А — как же? / А — что же? (*ЧА*$_2$)

18 Собаки, что ли? — [Из-за чего драка-то?] (*ЧА*$_2$)

18 *Слов*: Не звери мы — *в ЧА*$_2$ *нет.*

19 Артамонов пошел / Не ответив, Артамонов пошел (*ЧА*$_2$)

20 Снег падал / Он падал (*ЧА*$_2$)

20 почти совсем скрыл / совсем скрыл (*ЧА*$_2$)

21 вдали / в дали улицы (*ЧА*$_2$)

21–22 деревьев и крыш / крыш и деревьев [[тяжко] в искрах снежинок.] *Далее было*: [Артамонову показалось] Как будто именно с этого памятного дня ∾ обиженный человек. *См. варианты к стр. 314, строкам 19—39.*

21–22 деревьев и крыш / домов и крыш (*БА*)

23 Теперь ∾ Серафима Утешителя / Теперь после смерти Серафима (*ЧА*$_2$) [1]

23–26 Артамонов старший ∾ черную козу / он ходил пить к дьяконице [Па⟨раклитовой⟩] [Софье] Таисье Параклитовой [худенькой] [неопределенных ⟨лет⟩] [умной женщине] [черной, похожей на козу] (*ЧА*$_2$)

26–27 Она была тихая ∾ соглашалась с ним / которая [во всем] на все его слова [однообразно] отвечала согласно (*ЧА*$_2$)

28–29 Так, милый! ∾ милый, да! / Так, [батюшка] П⟨етр⟩ И⟨льич⟩, милый. Да, да, [батюшка] милый, да! [Вот именно, т⟨ак⟩] [Да] (*ЧА*$_2$)

30 Пил Артамонов ∾ медленно / [Пил он ⟨?⟩. [Пил Артамонов много, но напивался медленно] [Пил Арт⟨амонов⟩ жадно и много, но хмелел [Артамонов] медленно [хме⟨лея?⟩] (*ЧА*$_2$)

31–32 навязчивые ∾ водках Таисьи / [крепкие, вкусные Таисьины водки] [тяжелые, упор⟨ные⟩] навязчивые [тягостные] унылые думы [о себе и деле, о] долго и упорно не [поддаются вли⟨янию⟩] тают в крепких, вкусных водках Таисьи (*ЧА*$_2$)

33 были [даже] неприятны (*ЧА*$_2$)

33–34 [они] хмель делал [де⟨лал⟩ все] мысли (*ЧА*$_2$)

34 *После*: о людях — и деле (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Текста*: Теперь, после смерти ∾ хорошо играет (*стр. 299, строка 33*)—*во второй редакции нет.*

35 *Слова*: горькими — *в* $ЧА_2$ *нет.*

35–36 [зеленые] зелено-болотные краски ($ЧА_2$)

36 кипучую быстроту [но затем] [и все раскачивал Артамонова] ($ЧА_2$)

37 это кипение ∾ кружит его / [его вертит] в этом кипении он вертится, кружится [этот по⟨лет⟩] [и что еще] ($ЧА_2$)

38 перебросит / его перебросит ($ЧА_2$)

Стр. 299.

2–4 Женщина козой ∾ она читала / Женщина неопределенных лет, худенькая, похожая на черную козу, садилась против его и, [как бы] раскрыв невидимую книгу, читала глуховатым голосом ($ЧА_2$)

5–7 Поручика Маврина ∾ векселя на него есть. / Я, милый, все знаю, и кто, и что, и как, [и что] да! Вот, [например, поручик Мичурин Помялову-то] примерно, поручику Мичурину Помялова-то надоела, и начал он [ухаживать за Полинкой] охаживать Полинку, дочь покойника акцизного, а [Яков Петрович, сынок твой, красавец, поперек дороги у него] Помялова-то узнала и говорит: «Это ты, ваше благородие, брось, а то я векселя ко взысканию подам», — она ему деньги под векселя дает. ($ЧА_2$)

8–10 *Фразы*: А жандарм потому ∾ жена больная... — *в* $ЧА_2$ *нет.*

8 держит здесь [у тестя] (*БА*)

11 *После*: говорил Артамонов.— Черненькая женщина соглашается ($ЧА_2$)

12 и — какая дрянь! / дрянь. ($ЧА_2$)

13–14 путали [мы⟨сли⟩] думы ($ЧА_2$)

14 отводили их в сторону / отводят их куда-то в сторону ($ЧА_2$); отводили их [ку⟨да-то⟩] в сторону (*БА*)

14–15 *Слов*: оправдывали и укрепляли ∾ горожанам — *в* $ЧА_2$ *нет.*

15 к скучным — [и] (*БА*)

16 На место ∾ двигались / И вот все думы исчезли, [и на] вместо них встают и двигаются ($ЧА_2$)

17 картины ∾ кутежей / [воспоминания о бурных кутежах] картины бурных кутежей ($ЧА_2$)

18 метались ∾ выкатив / мечутся неистовые люди, жадно вытаращив ($ЧА_2$)

19 *Слова*: никогда — *в* $ЧА_2$ *нет.*

19 жгли деньги / жгут деньги ($ЧА_2$)

20 безумствовали всячески / безумствуют всячески ($ЧА_2$)

21 стремясь / [кружа] судорожно стремясь ($ЧА_2$)

23–24 молча сосал ∾ и чувствовал / сосет разноцветные водки из маленьких рюмок, жует скользкие, кисленькие грибы [и], со-

виными глазами смотрит [в прошлое. Да, вот она где, настоящая] и чувствует (ЧА$_2$)

25–26 самое милое ∾ бесстыднице / самое настоящее, самое [верное] милое и [страшное] жуткое, лучше чего — нет, [вот] скрыто в [той] ярмарочной бесстыднице (ЧА$_2$)

26–27 *Слов*: которая ∾ себя голой — *в ЧА$_2$ нет.*

27 за деньги [счит⟨ает возможным?⟩] показывает себя (*БА*)

27–28 и ради которой ∾ здоровье / ради которой большие, [бога⟨тые⟩] именитые люди теряют стыд, здоровье, деньги (ЧА$_2$)

28 А для него / Для него (ЧА$_2$)

29 вот эта ∾ коза / только вот эта черненькая коза (ЧА$_2$)

30 рычал он / рычит он [дьяконице] (ЧА$_2$)

31–32 говорит дьяконица, расстегиваясь / [говорит она] говорила дьяконица, деловито расстегиваясь (ЧА$_2$)

32 *После*: Носкова бы — надо (ЧА$_2$)

34 В этих забавах ∾ незаметно / В этих пьяных забавах время шло незаметно, [и вот снова по ⟨городу?⟩] быстро (ЧА$_2$)

34–36 *Слов*: иногда из потока ∾ непостижимое — *в ЧА$_2$ нет.*

36 зимою пришли слухи / зимой, когда [до н⟨их?⟩] пришли странные слухи (ЧА$_2$)

36–37 что рабочие / как рабочие (ЧА$_2$)

37–38 хотели ∾ убить царя / [пошли] хотели разрушить дворец царя (ЧА$_2$)

39 Тихон Вялов ворчал / Тихон заворчал (ЧА$_2$)

Стр. 300.

1 Летом стали / Потом стали (ЧА$_2$)

2 из пушек по городам / из пушек в города (ЧА$_2$)

3 *После*: Тихон сказал — усмехаясь (ЧА$_2$)

4 Навыкли воевать. / *а.* Привыкли воевать...—Мирон сурово прикрикнул на него: — Довольно каркать! *б.* Привыкли воевать... (ЧА$_2$)

5 По городу снова пошли с иконами. / *а.* А осенью по городу снова пошли с хоругвями, с иконами. *б.* По городу снова ∾ с иконами. (ЧА$_2$)

5–6 *Слов*: в рыжем сюртуке — *в ЧА$_2$ нет.*

6 и требовал / и снова требовал (ЧА$_2$)

8 В этот раз / На этот раз (ЧА$_2$)

8–10 но все-таки ∾ звучал тревожно. / *а. Слов нет. б.* но все-таки в его — а — а! — звучал призыв на помощь. (ЧА$_2$)

9 в его — а — а! — [звучал] призыв (*БА*)

11–13 пьяный, без шапки ∾ кожевников / шел пьяный во главе своих рабочих (ЧА$_2$)

14 *Слова*: орал — *в ЧА$_2$ нет.*

17–18 тоже нетрезвые / тоже выпившие (*Ч**А*$_2$)

18–19 затевали с ними драки / затевали драки с ними (*ЧА*$_2$)

19 ударили палкой / избили палкой (*ЧА*$_2$)

20 старика аптекаря / аптекаря (*ЧА*$_2$)

20 Житейкин долго гонялся / долго гонялись (*ЧА*$_2$)

21 *После*: за сыном его — студентом (*ЧА*$_2$)

21 дважды разрядил / Житейкин дважды разрядил (*ЧА*$_2$)

21–22 *После*: вслед ему ружье — свое (*ЧА*$_2$)

22 не попал / в студента не попал (*ЧА*$_2$)

22–23 спину портного / ноги портного (*ЧА*$_2$)

23 *После*: портного Брускова — *а.* да сорвал себе ноготь с пальца левой руки. *б. слова зачеркнуты* (*ЧА*$_2$)

24 Фабрика [вста⟨ла⟩] перестала работать (*ЧА*$_2$)

24–25 молодежь ∾ бросилась в город / молодые ткачи побежали в город (*ЧА*$_2$)

25–26 несмотря на уговоры Мирона / *а.* несмотря на уговоры Якова, машиниста Догадкина *б.* несмотря на уговоры Мирона, машиниста Догадкина (*ЧА*$_2$)

29–30 свистел, брызгая / свистел, брызгал (*БА*)

30 лепил ∾ липкий снег / *а.* швырял липким, мокрым снегом, лепил его на трубу [фабрики] *б.* швырял ∾ на трубу (*ЧА*$_2$)

31 сдувал его, смывал / смывал дождем (*ЧА*$_2$); сдувал его. смывал [дождем] (*БА*)

32 Артамонов старший / Артамонов (*ЧА*$_2$)

33 *После*: муравьями бегут — под снегом (*ЧА*$_2$)

34–35 слышны крики / слышны их крики (*ЧА*$_2$)

36 *Слов*: в толпе рабочих — *в ЧА*$_2$ *нет.*

36–37 Васька Кротов пел / *а.* Кротиков орал *б.* [Кротиков] Кротов орал (*ЧА*$_2$); Кротов пел (*БА*)

Стр. 301.

1 Ветер приносил / Ветер доносил (*ЧА*$_2$)

3–4 на козлах экипажа сидел / за кучера сидел на козлах брички (*ЧА*$_2$)

4–5 выскочила Ольга, окутанная шалью / в бричке — Ольга, закутанная шалью (*ЧА*$_2$)

5 испугался / *а.* испугался *б.* испуганно (*ЧА*$_2$)

5–6 *Слов*: и, забыв о боли в ногах, вскочил — *в ЧА*$_2$ *нет.*

8–9 Встряхиваясь, точно ∾ у нас кожевники... / Окна побили у нас,— ответила Ольга, встряхиваясь, точно курица. (*ЧА*$_2$)

10–11 Артамонов ∾ проворчал / Уступая ей дорогу в комнату, Артамонов ворчал (*ЧА*$_2$)

12 *Слов*: Ну, вот... Доболтались! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

13 Нет, царь... / без царя-то... (*ЧА*$_2$)

14–15 гневный, необычный ∾ громкий ответ / гневный ответ (*ЧА*$_2$)

16 *После*: Отстань — Петр! (*ЧА*$_2$)

16 Нечестный человек это, твой царь! / Нечестный человек этот царь твой... (*ЧА*$_2$); Нечестный человек этот твой царь! (*БА*)

17–18 сказал он, дотрагиваясь до своего уха. / сказал Петр. (*ЧА*$_2$)

19–20 всегда тихой / всегда скромной (*ЧА*$_2$)

21 поражающе искреннее / *а.* поражающее искренностью *б.* поражающе искренное и смешное (*ЧА*$_2$)

21 хотя и ненужное, жалкое / смешное (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

22–23 на хвост мыши / мыши на хвост (*ЧА*$_2$); [мыши на ⟨хвост⟩] на хвост мыши (*БА*)

23 и не желая / не желая (*ЧА*$_2$)

23–24 Артамонов сел ∾ задумался. / Он сел в угол, задумался, дергая себя за ухо. (*ЧА*$_2$)

25 Он давно ∾ не видел Ольгу / Он не видел Ольгу несколько месяцев (*ЧА*$_2$)

25–26 избегал ∾ поссорившись с ним / не ходил к ней, крепко разругавшись с ее сыном (*ЧА*$_2$)

26–28 Еще в конце лета ∾ с отекшими ногами / Летом, вывихнув себе ногу, он лежал в постели (*ЧА*$_2$)

28 торжественный и потный / потный (*ЧА*$_2$)

31–32 Артамонова ∾ городского головы / [Это очень удивило Артамонова] Артамонов удивился (*ЧА*$_2$)

32–33 но он подписал / [но он охотно подписал] и охотно подписал (*ЧА*$_2$)

33 уверенный, что это будет / зная, что [это будет] [это так будет] это будет (*ЧА*$_2$)

33 *Слова*: брату — *в ЧА*$_2$ *нет.*

34–35 да, наверное ∾ толстогубый / и что, наверное, Воропонову тоже сделают хороший выговор: [зато] не суйся, толстогубый дурак (*ЧА*$_2$)

37 Положив бумагу / Засунув бумагу (*ЧА*$_2$)

38 Воропонов начал / городской голова начал (*ЧА*$_2$)

38–39 на Алексея, Мирона, доктора / на Мирона, доктора Яковлева (*ЧА*$_2$)

39–41 *Слов*: подзуживаемые ∾ своекорыстно — *в ЧА*$_2$ *нет.*

40 одни слепо [или ко⟨рыстно⟩] (*БА*)

Стр. 301—302.

41–1 Артамонов ∾ его жалобы / Петр слушал эти жалобы (*ЧА*$_2$)

Стр. 302.

1 *Слова*: поддакивал — *в ЧА*$_2$ *нет.*

3 он строго сказал / он возразил ($ЧА_2$)
5 Нам известно... / Мы знаем... ($ЧА_2$)
6 Ничего тебе не известно. / Ничего ты, брат, не знаешь,— упрямо сказал Артамонов. ($ЧА_2$)
8–9 А вечером ∾ племянник, дочь / *а.* А через час на [него] Петра бросились собаками племянник и сын *б.* А через час на Петра ∾ племянник и дочь ($ЧА_2$)
8–9 бросились [брат] племянник (*БА*)
9 его старость,. [О⟨на⟩] (*БА*)
10 Что вы делаете, папаша? / Что ты сделал? ($ЧА_2$)
10–13 *Текста*: и на ее некрасивом лице ∾ сын против него, — *в* $ЧА_2$ *нет.*
13–14 а Мирон едко спрашивал / *а.* Мирон колол едкими словами [Яков, стараясь говорить спокойно, спрашивал:
— В какое же положение вы поставили нас?
Петр пошутил:— В положение не ставят, а кладут, дурашка... Вот я вас и положил.] *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)
15–16 *Фраза*: Вы читали ∾ в этой бумаге?—*вписана в третьей редакции.*
17 Не читал!—сказал Артамонов / Не читал! — крикнул Ар⟨тамонов⟩ ($ЧА_2$)
17–18 *Слова*: Не читал ∾ написано — *вписаны в третьей редакции* ($ЧА_2$)
18 чтоб щенкам воли не давать! / *а. Текста нет. б.* чтобы вам [своей] воли не давать, щенкам!
Яков стоял у окна, спиною к спорщикам, [[молчал], но пост⟨укивал⟩ [по]] и [барабаня] молча барабанил по стеклу пальцами. [Арт⟨амонов⟩ ст⟨арший⟩ чувствовал] Артамонову ст⟨аршему⟩ казалось, что сын тоже против него ($ЧА_2$)
19–20 Ему было ∾ как сердятся Мирон и Татьяна / *а.* Сначала ему было приятно видеть, как они сердятся. *б.* Сначала ∾ как сердятся Мирон и Татьяна. ($ЧА_2$)
20 но молчание Якова / *а.* поведение осторожного Якова *б.* поведение осторожного сына ($ЧА_2$); молчаливое поведение Якова◊ (*БА*)
20–21 он верил ∾ что поступил / *а.* Артамонов верил деловитости сына и почувствовал, что сделал что-то *б.* Артамонов верил деловитости Якова и догадывался, что сделал что-то ($ЧА_2$)
22–23 а вовлечь Якова ∾ не позволяло самолюбие / Но — как сознаться в этом, что сказать? ($ЧА_2$)
23–24 Он лежал ∾ а Мирон долбил / К тому же Мирон долбил ($ЧА_2$)

25 Поймите: царь окружон / Ваш царь окружен (*ЧА*$_2$)

28–29 и что отец ∾ кандидатом / [он давно] заботясь, чтоб его выбрали (*ЧА*$_2$)

28 отец его [уехал] (*БА*)

28–29 чтоб Мирона [назначили] (*БА*)

30 опасно представить / опасно было представить (*ЧА*$_2$, *БА*)

30–31 этого журавля племянника ∾ к царю / носатого племянника около царя (*ЧА*$_2$); этого журавля-племянника рядом с царем (*БА*)

31–38 Вдруг вбежал ∾ своего гнева. / *а.* К черту! — заревел Артамонов.— Провалитесь все к черту! Щенки!.. Учить меня... Вон! — Он так разгневался, что даже сам был испуган внезапным взрывом гнева своего. *б.* К черту∾[Щенки!..] Учить меня ∾ гнева своего. (*ЧА*$_2$)

40–41 он вспоминал ∾ эти люди? / он вспоминал всё это и не мог понять: кто прав, он или дети? (*ЧА*$_2$)

Стр. 303.

1–5 *Текста*: Его особенно смутили ∾ охраняют дом... — *в ЧА*$_2$ *нет, см. вариант к стр. 303, строке 12.*

6–8 А Наталья ∾ Все — от вас. / Сердито хныкая, жена говорила: — Так вам и надо, это от вас, из вашего дома смута пошла... (*ЧА*$_2$)

9–10 не здороваясь ∾ стал грозить / и, расхаживая подпрыгивающей, пружинной походкой, грозил (*ЧА*$_2$)

11 Воропоновы и Житейкины / Житейкины и Воропоновы (*ЧА*$_2$)

12 *После*: народ бунтовать.— Ольга, зябко пожимая плечами, говорила: — Милые люди ткачи у нас, как они живо прогнали кожевников Житейкина и воропоновских рабочих... (*ЧА*$_2$) *Далее*: Ветер притих ∾ неумело.— *См. вариант к стр. 303, строкам 22—28*; *далее*: Почти ежедневно в хорошую погоду.— *См. варианты к стр. 294, строкам 2—41 и стр. 295, строкам 1—2.*

13 *Слов*: это отзовется! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

13–14 Вполне достаточно ∾ Артамонова. / *а.* Вполне достаточно [если] уроков с левой стороны... *б.* Вполне достаточно [словесных] уроков со стороны друзей Ильи [Петровича] Артамонова. (*ЧА*$_2$)

14–15 *Слов*: а если еще и эти начнут... —*в ЧА*$_2$ *нет.*

16 Артамонов ∾ промолчал. / *а. Фразы нет. б.* Петр промолчал. (*ЧА*$_2$)

17–20 После скандала ∾ ловко, уверенно / *а. Слов нет. б.* После [того] скандала с петицией он [вообще] еще более невзлюбил Мирона, но он [ясно] видел, что племянник, [взял] взяв дело

в свои руки, ведет его ловко, уверенно, [а Яков почему-то растерялся, приуныл и худеет и] ($ЧА_2$)

20–21 рабочие ∾ смирнее городских. / *а.* Все более одиноко чувствовал он себя среди своих и чужих людей. Ничего нельзя было понять. Зачем Мирон и Яков собирали в обед рабочих, о чем-то они кричали с ними? *б.* он собирает в обед рабочих, о чем-то кричит с ними, и рабочие слушаются его, ведут себя смирнее городских. [А вот Яков [взяв бутылку мадеры] торчит в конторе, на фабрику не ходит, и вид у него такой, как будто он нездоров] ($ЧА_2$)

22–23 тяжело и прямо ∾ занавесил окна / крупными хлопьями тяжело и прямо, занавесив окно ($ЧА_2$)

24 на дворе ничего не видно / *а.* за окном было ничего не видно *б.* за окном ничего не видно ($ЧА_2$)

27–28 как-то неумело / как-то нечестно ◊ ($ЧА_2$)

29 А где же Яша? ∾ спросила мать. / А где Яша-то? — тревожно спросила Наталья ($ЧА_2$) [1]

30 *Фразы*: Яша-то, говорю, где? — *нет в* $ЧА_2$.

31–32 и сказал, не глядя на тетку / и, не глядя на тетку, сказал в угол ($ЧА_2$)

33 Вероятно ∾ в своем курятнике. / Должно быть, прячется в городе: у него там гнездо. ($ЧА_2$)

34–35 Чего? ∾ Артамонов подумал / Петр, заметив, что жена взглянула на [него] Мирона пугливо, подумал ($ЧА_2$)

34 пугливо [спр⟨осила⟩] забормотала (*БА*)

36 «Пожалуй, не знает, дура / «Дура. [Знаю я] Думает,— не знаю я ($ЧА_2$)

38 сказал твердо [но м⟨рачно⟩] (*БА*)

39 живите, как хотите! Делайте. Да. / делайте, как хотите. ($ЧА_2$).

40 *После*: не понимаю я — [что] ... жил, жил, а — не понимаю. ($ЧА_2$)

40 Стар. / [Да] Стар. Отдохнуть мне пора. ($ЧА_2$)

40–41 А — тут... Тут чёрт играет. / Вообще, тут... Чёрт играет.

Он встал, отмахнулся от всех тяжелой рукою и, сунув ее за пазуху, ушел к себе, уныло думая о Якове; [который [стал по-св⟨оему жить⟩] завел в городе любовницу и, должно быть, поэтому стал как-то суетлив, [поте⟨рял⟩] [и, потеряв солидность] менее солиден, на фабрику ходит редко, [всё] [а там] идя по двору, оглядывается, как бу⟨дто⟩] [2]

---

[1] *Текста*: А где же Яша ∾ ничего не понимаю (*строки 29—41*) — *во второй редакции нет.* [2] *Фраза не закончена. Далее — зачеркнутая пометка*: Конец 3-ей ⟨части⟩

Сквозь похмельный туман и увлеченный беседами со своим двойником Арт⟨амонов⟩ ст⟨арший⟩ [уже плохо] [всё менее занимаясь делами] уже плохо различал людей, но всё же он видел, что Яков вдруг нехорошо изменился; [он торчал в конторе] он стал менее солиден, [и] не так часто, как раньше, посещал корпуса, [он как будто испугался] ходил быстро, оглядываясь; в нем явилось что-то суетливое, [и, кроме того, он стал грубее] и радужные глаза его [как будто вы⟨цвели⟩] растерянно мигали.

Кроме этого, он стал еще более молчалив и [часто груб] [нередко] говорил [от⟨рывисто⟩] ворчливо, непочтительно:

— Отстаньте, папаша... это не так. Это пустяки.

«Не чета Илье,— думал Артам⟨онов⟩ старш⟨ий⟩.— И даже Мирошке не чета, нет!» [1]

41 *Слов*: Жил — жил — ничего не понимаю — *в* $ЧА_2$ *нет.*

41 *После*: ничего не понимаю... — Ушли бы вы. (*БА*)

Часть IV

Стр. 304.

3–4 время, враг людей, которые любят / время, враг [спокойных⟩] людей, [лю⟨дей⟩] которые любят (*БА*)

4–5 играть с Яковом ∾ игру / играть с ним бесчестную, запутанную игру ($ЧА_2$) [2]

6 после мятежей / после мятежных лет ($ЧА_2$)

6–7 терпеливый народ / тяжелый народ огромной страны ($ЧА_2$); тяжелый народ (*БА*)

8–9 Яков лежал на диване / Яков Артамонов лежал [на диване и курил, испытывая неприятное состояние] на диване ($ЧА_2$)

10 видя в нем / но видел в нем ($ЧА_2$)

13 Женщина ∾ стояла / Женщина, маленькая и стройная, [стоит у] стояла ($ЧА_2$); Женщина, [тоненькая и стройная] кругленькая и стройная, стояла (*БА*)

15–17 ее голые руки ∾ окрашивались / от [розового] абажура лампы на [щеках] лицо Полины, на ее [голых] голые [плечи и] руки, ложился [вкусный отблеск] отсвет [розового бумажного абажура] лампы, окрашивая кожу ($ЧА_2$)

18–19 Растрепанные ∾ шею и плечи. / [Полина] [Она] [Те⟨мные⟩] Растрепанные темные волосы осыпают ее шею, плечи. ($ЧА_2$)

---

[1] *Возле этих слов помета*: Конец III ⟨части⟩ [2] *Текста*: началось это ∾ тоже враги его (*стр. 314, строка 18*)—*во второй редакции нет.*

21 что-то очень легкое / что-то легкое (*ЧА*$_2$)

22–24 милая рожица ∾ в этот час / рожица мальчишки-подростка с пухлыми губами, ее задорные глазенки [всегда] забавно прищурены и даже [сей⟨час⟩] (*ЧА*$_2$)

24 она приятна ему / она приятна (*ЧА*$_2$)

25 *Слова*: несравнимо — *в ЧА*$_2$ *нет.*

25–26 которых он знал / [котор⟨ых⟩] знакомых ему (*ЧА*$_2$)

26 совершенно хороша / совсем хороша (*ЧА*$_2$)

26–27 глупый характер / глупый характер и привычка говорить [царапающими, крючковатыми] царапающие, крючковатые слова (*ЧА*$_2$); глупый, неуловимый характер (*БА*)

28 *Слова*: Апельсинчик — *в ЧА*$_2$ *нет.*

29 сквозь ∾ папиросы / рассматривая сквозь густую пелену дыма (*ЧА*$_2$)

29–30 Полина ∾ спросила / Не взглянув на него, женщина спросила (*ЧА*$_2$)

32–33 ответил ∾ зевнув / ответил Яков и поморщился, думая: «Напрасно сказал» (*ЧА*$_2$)

34–37 Нет, знаешь ∾ Яков сел / Нет, знаешь,— [заг⟨оворила⟩] схватив его слова на лету [встряхивая головою] и встряхнув головою, заговорила Полина; послушав несколько секунд ее ломкий голосок, Яков [бросил] сел (*ЧА*$_2$)

38 сказал, вздохнув / [сказал] прервал ее речь (*ЧА*$_2$)

Стр. 305.

1–3 Не понимаю ∾ отец не помер... / Пока отец не помер, я жениться не могу. [— Твой пьяница-отец будет жить сто лет] (*ЧА*$_2$)

6–9 Конечно ∾ бесчестный человек... / Обманщик, бесчестный человек, паук... (*ЧА*$_2$)

10–11 Яков особенно ∾ именовала его пауком / Он особенно не любил, когда Полина называла его пауком (*ЧА*$_2$)

11–12 *Слов:* в ласковые минуты ∾ имя — Солененький — *в ЧА*$_2$ *нет.*

12–14 И ему казалось ∾ сто рублей. / [Сегодня ей следовало] И ему думалось, что сегодня ей следовало бы воздержаться от ссоры: он подарил ей рубиновые серьги, и она взяла у него полтораста рублей на жизнь. (*ЧА*$_2$)

18–19 Свинья! ∾ набросал... / Полина отвернулась, сказав: — Свинья. И [опять] окурков на пол набросал (*ЧА*$_2$)

20 сырой ветер / сырой ветер апреля (*ЧА*$_2$)

21 вытереть лужи / вытереть лужи на мостовой (*ЧА*$_2$)

22–23 вода ∾ блестела медью / лужи блестели медью (*ЧА*$_2$)

23–24 *Фразы*: В этот год ∾ падал снег. — *в ЧА*$_2$ *нет.*

25 шел не торопясь / не торопясь шагал [и думал] (*ЧА*$_2$)

26 держа ∾ палку / держа палку под мышкой (*ЧА*$_2$)

27 как ∾ глупы люди / как [все] люди глупы (*ЧА*$_2$)

27–28 *После*: Что нужно — *зачеркнуто*: этой (*ЧА*$_2$)

32 Почему она [так] хочет [этого] венчаться? (*ЧА*$_2$)

33–34 «Глупо ∾ придуманной поговоркой. / «Глупо, как [таракан во щах] мышь в банке варенья». (*ЧА*$_2$)

36 В сущности, ведь ясно / В сущности (*ЧА*$_2$)

38 суета дня ∾ приятное введение / тревожная суета дня — это мало приятное предисловие (*ЧА*$_2$)

40–41 а потом ∾ без сновидений / обнимаешь ее и, приятно утомленный ее ласками, спишь [до утра] без сновидений до утра (*ЧА*$_2$)

Стр. 305—306.

41–1 В этом ∾ настоящее. / В этом — всё. (*ЧА*$_2$)

Стр. 306.

2 почти все ∾ считают / все они считают (*ЧА*$_2$)

3 они выдумывают / это им кажется потому, что они зачем-то выдумывают (*БА*)

3–6 *Слов*: они выдумывают ∾ боясь не видеть себя.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

9–11 *Текста*: Много обидного ∾ в Сибирь.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

11 *После*: в Сибирь.— Отличился. (*БА*)

13 не умеющий жить / явно не умеющий жить (*БА*)

11–14 Невыносимо ∾ пьяный и грязный. / Глуп угрюмый отец, всё более пьянствуя и злясь на всех, он становится невыносим и почти противен [своей]. (*ЧА*$_2$)

14 суетливый попрыгун / суетливый прыгун (*ЧА*$_2$)

15 ему хочется / которому хочется (*ЧА*$_2$)

15–18 ради этого ∾ распутная баба / и [для] ради этого он стал фальшиво ласков со всеми в городе, даже начал [как-то] заигрывать с рабочими на фабрике, точно пожилая распутная баба (*ЧА*$_2$)

18–19 подавляюще, страшно ∾ дятел Мирон / подавляюще [неумен] глуп носатый дятел Мирон (*ЧА*$_2$)

19–20 считая себя ∾ в России / считая себя умнее всех (*ЧА*$_2$)

21–22 не скрывает / не может скрыть (*ЧА*$_2$; *БА*)

24–26 *Текста*: устраивает ∾ волков морковью — *в ЧА*$_2$ *нет.*

27–28 Рабочие ткут ∾ живя в грязи / [Рабочие люди, которые ткут великолепное полотно, а сами живут в грязи и ходят в лохмотьях] Рабочие ткут великолепное полотно, живя в грязи, одеваясь в лохмотья (*ЧА*$_2$)

28–31 они в массе ∾ у каждого мужика / [[и] тоже казались Якову Ар⟨тамонову⟩ дураками]. [Они тоже дураки] Они, в массе

своей, казались Якову тоже околдованными какой-то особенной глупостью, дерзко открытой и лишенной даже той простенькой хитрости, которую он наблюдал в мужиках ($ЧА_2$)

32 Якову ∾ думать / Яков думал [много], и чаще, чем о чем-либо ($ЧА_2$)

33 он ежедневно / каждый день ($ЧА_2$)

34–35 и давно ∾ чувство вражды / давно уже испытывал к ним чувство вражды, [как являлись и смот⟨рели⟩ [они] [от них] [они были источником неприятного, тревожного, раздражающего] всё в них было неприятно, раздражало и [не только всё] [Як⟨ов⟩] [Он не], раздражая, внушало ему страх ($ЧА_2$)

35–38 он имел тогда ∾ старых обид / он имел немало столкновений с молодыми парнями из-за девиц, [знал] видел, что молодежь смотрит на него [угрюмо] враждебно, он боялся, что его [они] когда-нибудь изобьют ($ЧА_2$)

38–39 Когда ∾ бросали камнями / Дважды по ночам в него бросали камнями (*БА*)

39–41 Матери тогда ∾ бабьего визга / [Не раз матери] Матери жаловались на него за порчу [их] дочерей еще в ту пору, когда Яков был безбородым, [и не раз Арт⟨амонову⟩ старшему приходилось платить деньги за] [и не раз Арт⟨амонов⟩ старший принужден был откупаться деньгами от скандала и бабьего визга и ворчал, всхрапывая:

— Ты, бык, гулял бы в сторонке, надоел мне визг этот. Жениться пора тебе, истаскаешься зря, гляди...] и Наталье приходилось [тихонько] откупаться — *Далее, как в тексте* ($ЧА_2$)

Стр. 307.

2 уж заведи одну / уж одну заведи ($ЧА_2$)

2–3 Пожалуются ∾ прогонит... / Смотри, пожалуются на тебя отцу, [и выйдет, как с Ильей] и он тебя, как Илью... ($ЧА_2$)

3 как Илью, прогонит / как Илью, и прогонит (*БА*)

4–9 За два, три ∾ о рабочем движении / [Два] За два, три мятежных года он не заметил ничего особенного среди рабочих своей фабрики, но газеты, читать которые он не любил, все-таки услужливо рассказывали о [дви⟨жении⟩] бунтах рабочих и мужиков по всей России ($ЧА_2$)

9–10 печатали речи ∾ в Думе / [а речи] а теперь тревожно сообщая речи представителей в Гос⟨ударственной⟩ Думе ($ЧА_2$); печатали речи рабочих депутатов (*БА*)

10–12 всё это внушало ∾ чувство зависимости от них / внушали ему

опасливое отношение к рабочим, он перестал соблазнять [девиц на фабрике] фабр⟨ичных⟩ девиц [и почу⟨вствовал⟩] [в нем родилось опасливое от⟨ношение⟩] и у него явилось чувство [темного] страха пред людями на фабрике ($ЧА_2$); всё это внушало ему чувство страха [пред рабочими людями фабрики] (*БА*)

12–15 Ему казалось ∾ шуточками. / чувство, которое он [как ему казалось] искусно, как ему казалось, умел скрывать под добродушными улыбочками, шутками [малень⟨кой⟩ мелочной уступ⟨чивостью⟩] и вниманием к их [просьб⟨ам⟩] требованиям и мелочной уступчивостью им. ($ЧА_2$)

15 Но в общем / В общем ($ЧА_2$; *БА*)

15–16 хотя иногда ∾ смущение / но всё-таки общение с рабочими было всё неприятнее, вызывая иногда странное ощущение ($ЧА_2$)

16–17 как будто он / казалось, что он (*БА*)

16–20 как будто ∾ хотят сказать / он, Яков Артамонов, как будто в гостях у этих подчиненных ему людей, надоел им, и они, скучновато помалкивая, все смотрят на него так, как будто хотят спросить ($ЧА_2$)

19–20 так, точно [как будто] хотят сказать (*БА*)

21 «Что ж ∾ Пора!» / «Что ж вы не уходите? Пора, время позднее». ($ЧА_2$)

22 В часы, когда он / [В это] И когда он ($ЧА_2$)

23–24 на фабрике ∾ дымится / именно [от его] на фабрике [слагаются какие⟨-то⟩] слагается, растет дымным туманом ($ЧА_2$); на фабрике тлеет [и], дымится (*БА*)

26–34 Яков был уверен ∾ только путают / [[в мыслях о них было что-то темное и опасное] Мысли о рабочих всегда будили темное чувство. Жизнь [очень] проста, [если смотреть на нее с точки зрения здравого смысла] но все-таки где-то около жизни и как бы вне людей спрятаны [и], но дымятся, [какие-то] темненькие мысли, которые лучше не трогать, не раздувать. Яков нередко чувствовал наличие [этих] таких мыслей вне себя, но, разглядывая их издали, убеждался, что, ничего не разрешая, не развязывая тугих узлов всеобщей глупости, они только тревожат, путают]. Мысли о рабочих всегда будили в нем темное чувство. Жизнь проста, но все-таки где-то около нее и как бы вне людей есть какие-то угарные, чадные мысли, отравляющие тревогой, лучше не знать их, не касаться, не раздувать. Яков Артамонов и не носил этих мыслей в себе, но чувствовал их наличие вне себя, разглядывая их дым издали, и уверил себя, что это лишние, ненужные ему

мысли, они ничего не разрешают, не развязывают тугих узлов, а только путают ($ЧА_2$)

28–29 Эти угарные мысли / Эти угарные, чадные мысли (*БА*)

29–30 он становится / человек становится (*БА*)

30–31 не раздувать / не раздувать в себе (*БА*)

32–33 Яков чувствовал ∾ и видел / Яков [очень] чувствовал (*БА*)

34 только путают / а только путают (*БА*)

36–39 Умнее всех людей ∾ Яков завидовал дворнику. / Иногда, наблюдая милостивую работу, спокойную жизнь Тихона Вялова, Яков думал: «Этот — умнее других». ($ЧА_2$)

39–40 прижав ухо ∾ к земле / он всегда во сне [пр⟨ижимал⟩ так] прижимал уши к земле ($ЧА_2$); крепко прижав ухо к земле (*БА*)

Стр. 308.

3–4 устоявшееся, непоколебимо сильное / обливавшее непоколебимой силой ◊ ($ЧА_2$)

8–10 Вообще же он ∾ смотрел под ноги. / Думать Яков Ар⟨тамонов⟩ не [очень] любил и если задумывался, то шел медленно, как бы неся большую тяжесть, шагал осторожно и смотрел в землю. ($ЧА_2$); Вообще же он думать не любил, а если и задумывался, то шел медленно ◊. (*БА*)

10–11 *Слов*: Так шел ∾ от Полины — *в* $ЧА_2$ *нет*.

11–13 поэтому и не заметил ∾ опустился на колено / [Он поэтому не заметил, откуда явились пред ним две серые фигуры, одна из них вырвала палку из-под мышки его, другая замахнулась чем-то на Якова, [он упал] [от толчка он упал] тот, кто дернул палку, заставил Якова упасть на колени.] Он поэтому не заметил, откуда явилась пред ним серая фигура, вырвала палку из-под мышки его, замахнулась чем-то, она заставила Якова упасть на колени ($ЧА_2$); поэтому [он] и не заметил, откуда явилась пред ним [какая-то] приземистая серая фигура, вырвала палку из-под локтя его, размахнулась, но, вытолкнув палку, она заставила Артамонова податься вперед, упасть на колени (*БА*)

13–15 выхватил ∾ выстрелил / Яков тотчас же выхватил револьвер из кармана, ткнул его в ногу человека, [он] тотчас выстрелил (*БА*)

13–16 тотчас выхватил ∾ плечом о забор / он тотчас выхватил револьвер из кармана, ткнул его в ногу человека, выстрелил; выстрел был глух, человек отскочил, ударился боком о забор ($ЧА_2$)

17 *После*: по забору на землю. — Яков быстро обернулся к другому, но [[он] его уже не было] тот исчез, слышно было только [быстрые шлепки] быстрое шарканье подошв за углом ($ЧА_2$)

18 Яков почувствовал / Як⟨ов⟩ Ар⟨тамонов⟩ почувствовал ($ЧА_2$)

19–21 испуган так ∾ хотел встать с колен / у него дрожали руки, а ноги до того ослабели, что он попытался встать с колен и не мог ($ЧА_2$)

21–23 В двух шагах ∾ с курчавой головою. / [А в] В двух шагах от него [возился на земле, у забора] возился и мычал, тоже пытаясь встать на ноги, коренастый человек без шапки, с курчавой головой, очень знакомый [хватаясь руками за щелевые дырки забора, он обратился лицом к нему]. ($ЧА_2$)

24 хрипло сказал Яков / крикнул Яков в страхе и гневе ($ЧА_2$)

27 Застрелили уж... / [Будет, застрелили уж, будет] Застрели уж, будет. ($ЧА_2$)

31–38 Страх Якова ∾ ничего худого. / Страх начал уступать место радости; [очень] почему-то успокаивало и то, что нападавший [оказался чернорабочим с фабрики] [оказался подмастерьем [пл⟨отника⟩] Серафима, глуповатым парнем, который считался тихим, казался скромным и любил охоту]—подмастерье Серафима, ничего худого Яков не [знал] слышал о нем и(знал, что парень этот любит охоту на зайцев, на [птицу] птиц. $ЧА_2$)

33 счастливо [избавился от нападения грабителя] отразили нападение (*БА*)

33–34 тем, что нападавший / в том, что [грабитель] нападавший (*БА*)

36–37 одинокий человек ∾ на квартире / [тихий пьяница] одинокий человек; он [откуда-то] явился в городе после смутного шестого года и с той поры жил на квартире (*БА*)

Стр. 308—309.

39–16 Так вот чем ты занимаешься! ∾ Я для вас человек полезный. /Не признал я тебя, Яков Петрович, эх! — [сказал человек] сокрушенно бормотал Носков, мотая головою [и сел, вытянув ноги.— Так! Не признал. Так...].— Ежели бы я видел, что свой... А ты — сразу — бац! За это тебя [тоже] не похвалят, гляди...

Яков встал на ноги, [не зная, что сказать] оглянулся: было тихо, только ветер встряхивал сучья деревьев [за] над забором. [То, что грабитель] [То, что человек оказался знакомым] [Теплая волна радости облила, согрела Якова, радости и гордости].

— Что ж ты это, [сволочь] подлец? — спросил он уже насмешливо, тоном победителя.

— Прости, Яков Петрович, ошибка!

— [Ага-а? Научился] Привык [зайцев] тетеревей бить, теперь — людей убивать учишься?

— Прости. Будет с меня, изувечили...

— Не-ет,— сказал Яков,— [Нет] за эту штучку — каторга!

— Брось‹?›, — настойчиво попросил Носков, подняв с земли шапку, глядя внутрь ее.— Прости, я тебе пользу принесу... (*ЧА*$_2$)

Стр. 309.

17 Это ∾ из сказки! / Это — [сказки] сказка. Это из сказки,— ну-ка, вставай! (*ЧА*$_2$)

18–22 И, направив револьвер ∾ сказал внушительно / Держа револьвер в руке, Яков направил его в лицо Носкова. [Он спросил: — А кто был с тобой? — Сашка, кожевник, от Воронова] (*ЧА*$_2$)

23–41 *Текста*: Не затевайте скандала ∾ без возмездия...— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 310.

2 ныла от холода / казалось, озябла (*БА*)

4 как решить / что решить (*БА*)

8–39 Я вам прямо скажу ∾ Сами понимаете. / Яков Петр‹ович›,— [угрюмо] тихо сказал Носков, всё глядя в шапку, — я тебе [всё] секрет скажу! [Всё!] Только ты это дело брось, забудь.

И, точно пред судьей, Носков ворчливо, глядя в шапку, стал рассказывать, что учитель Модестов и ткач Седов собирают рабочих в бане у дьяконицы [Пар‹аклитовой›], читают им запрещенные книжки, настраивая их против хозяев, снова готовя новый бунт.

— Это — верно! — говорил он.— Я туда [сам ходил, да скучно стало. Я опять могу пойти...] хожу. Буду [передавать тебе] тебе всё сказывать, пойми! [Это и будет польза.]

Яков слушал внимательно. О движении среди рабочих он знал из газет [со слов], из споров Мирона с Горицветовым, но никогда не относился к этому серьезно [и], он вообще не верил Мирону. [Но вот Носков,— сам рабочий, не верить ему трудно. Путаться в это дело тоже казалось опасно. Но, подумав, Яков сообразил, [как] что нужно делать.] И к тому же ‹то›, о чем говорил М‹ирон›, происходило где-то далеко, у себя же на фабрике Яков не мог [пре‹дставить›] вообразить [социалистов, бунтовщиков] каких-то книжников, затевающих [и бунтующих] бунт против хозяев.

— [Чёрт с тобой] Чёрт с тобой,— сказал [он] Яков.— Я тебя прощаю. [А о делах] [О людях] О делах этих [ступай] расскажи Нестеренке — жандарму, а не мне.

— Ты бы сам сказал,— глухо попросил Носков, но Яков крикнул:

— Делай, как [велят, а то...] велю! — Погрозив револьвером, он шагнул прочь, [но] а вслед ему Носков обиженно, жалобно сказал:

— Ты бы дал мне на лекарство [для ноги].

— Больница есть, дурак,— ответил Яков [усмехнулся] и пошел прочь, не выпуская револьвера из рук, [и] еще раз убежденный в том, [как глупы люди, опасна жизнь] что люди глупы, опасно глупы. ($ЧА_2$)

40–41 Он взмахнул ∾ отупевшим. / Он оставил Якова [в состоянии человека, отупевшего] опустошенным. (*БА*)

Стр. 310—311.

41–2 Приходилось думать ∾ как следовало? / [Он решил] [Решив никому не рассказывать об этом случае, никому, кроме жандарма] Двое суток он хмуро молчал, [думая] угнетенный [необходимостью что-то решить] неясным сознанием, что он поступил не так, как должно было. ($ЧА_2$)

Стр. 311.

2–30 *Текста*: Конечно, если Носков ∾ тяжко тащились за человеком.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

7 подкуплен рабочими / подкуплен кем-нибудь ◊ (*БА*)

13–19 Нужно ли рассказать ∾ известно Мирону. / Нужно ли рассказывать [обо всем] об этом Мирону? Нужно: если окажется, что охотник действительно шпион и не хотел ограбить или убить, тогда... [Но тут уж Яков, окончательно запутавшись в этих соображениях, перестал ясно понимать] (*БА*)

19–38 *Текста*: И, наконец ∾ насмешливые частушки? — *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 311—312.

39–26 Через несколько дней ∾ рассказал ему о Носкове. / [[и поутру] Яков на другой день, узнав, что Нестеренко с вечера отправился на охоту, решил поехать вперед его за город проезжать лошадь. За городом дождался жандарма [на перекрестке], зная, что он поедет в казенный лес, остановил его бричку и, отойдя в сторону, покуривая, рассказал о Носкове. Китайские усы офицера зашевелились, его темное лицо просияло улыбочками [он] и, дергая усы, он сказал:

— Да это ж, батя, великолепно! Да вы же замечательная умница! На вальдшнепа я всё ж таки поеду. Вы не беспокойтесь. Такое дело сразу не делается. Пусть этот ваш, сукин сын, полечится, а там я его ущемлю... Ну-те-с, позвольте вас благодарить сердечно. Весьма!

И, обрадованный, посвистывая, офицер пошел к своей

бричке, оставляя [в серой] на дороге глубокие следы каблуков, но когда он [вспрыгнув] впрыгнул в бричку и погнал лошадь с дороги на проселок, в лес, [Яков, глядя вслед ему, вдруг под⟨умал⟩] Якова ударила тревожная догадка: «Тех — арестуют, а Носков или другой кто-нибудь убьет меня»]. Двое суток он хмуро молчал, [думая] [угнетенный необходимостью что-то решить] угнетенный неясным сознанием, что он [сде⟨лал⟩] поступил не так, как нужно было, а на третий день [вечером] утром, проезжая лошадь за городом, [вдруг] увидал на опушке леса Нестеренко, в рыжей шведской куртке [в кожа⟨ной⟩], с ружьем за плечами, и тотчас решил, что́ надо делать. Он подъехал к нему, поздоровался, не слезая с дрожек, и спросил:

— [Рабочий наш, Носков, не заходил к вам?] Вы знаете о Носкове?

Рыжеватые брови офицера удивленно всползали [вверх] кверху, китайские усы пошевелились, он спросил:

— [Зачем вы посылали его?] Кто это?

— Тоже охотник,— сказал Яков.— Курчавый такой... кривоногий.

— Курчавый? Как будто [видел] встречал такого охотника в лесу. А зачем ему ко мне являться?

Тогда Яков, смущенный пристальным, спрашивающим взглядом [голубых] серых глаз [офи⟨цера⟩] жандарма, [ска⟨зал⟩] рассказал ему о Носкове. (*$ЧА_2$*)

Стр. 312.

26–28 Нестеренко выслушал ∾ не подняв глаз / [Так, глядя] Глядя в землю и забивая в нее прикладом ружья сосновую шишку, [сказал жан⟨дарм⟩] Нестеренко спросил (*$ЧА_2$*)

29 не заявили полиции / не заявили об этом полиции (*$ЧА_2$*)

30 *Слов*: батенька, и это ваша обязанность.— *в $ЧА_2$ нет.*

31 он ∾ за рабочими / он мне рассказал о социалистах (*$ЧА_2$*)

33–35 Так,— сказал жандарм ∾ в лицо Якова / [И ваше] Так,— сказал жандарм, встав на ноги, оглядываясь прищуренными глазами (*$ЧА_2$*)

35–38 внушительно начал ∾ об этом поздно / затем он внушительно начал говорить что-то не совсем понятное Якову. Выходило [так], что Яков [винова⟨т⟩] поступил незаконно, скрыв от полиции [пос⟨тупок?⟩] попытку грабежа, и что теперь уж заявлять об этом поздно (*$ЧА_2$*)

39–40 сволокли в полицейское ∾ не совсем / приволокли в полицейское правление; [это бы] [было бы ясно, в чем дело] ну, дело ясное (*$ЧА_2$*)

Стр. 313.

1–2 В человека ∾ по неосторожности... / Он охотник, разряжал ружье и поранил себя, это бывает... (*ЧА*$_2$)

3 [Слушая офицера] Яков чувствовал (*ЧА*$_2$)

4–11 даже как бы ∾ он знает / даже [старается] [будто бы] как бы хочет запугать [его и], отодвинуть его или себя в сторону от [этого случая] этой истории.— Я хотел помочь вам,— обиженно сказал Яков,— но если так, то конечно... До свидания... (*ЧА*$_2$); как бы хочет запугать [его] и отодвинуть его или себя в сторону от этой истории, [но когда] а когда офицер сказал о возможности выстрела с испуга, у Якова мелькнуло какое-то подозрение, что он знает (*БА*)

12–22 И, положив руку ∾ ни при чем. / Нестеренко пошевелил усами, усмехнулся и, положив руку на плечо Якова, спросил: — Дайте честное слово, что это останется между нами? — Конечно, пожалуйста. [— Честное слово? — Честное слово.] — Ну... тогда вот что, сударь мой. Вы забудьте об этом случае. Никому — ни звука! Ни Платону Алексеевичу — никому! Честное слово? — Честное слово! — И предоставьте всё это дело его внутренней логике. Идет? Охотник этот сам себе ногу ранил и — баста. Понимаете? (*ЧА*$_2$)

18–19 ни Мирону Алексеевичу / ни Алексею Ильичу (*БА*)

23–24 с ним говорил ∾ добродушный / Пред ним стоял другой человек, [ласковый] веселый, добродушный. (*ЧА*$_2$)

25–26 До свидания ∾ честное слово! / До свидания,— говорил он.— Будьте здоровы: Помните — честное слово!

Яков хлестнул лошадь вожжой, поехал, но через минуту его ударила тревожная мысль: «Что ж он будет делать? Он должен арестовать тех, а Носков останется и убьет меня. Он или другой кто-нибудь...»

С этой мыслью он воротился домой, с нею прожил неделю, две, чувствуя себя в опасности, боясь выйти на фабрику. Он сказался больным, не ходил к Полине, и каждый день, наблюдая из окна [как расходятся] за ткачами, когда они, кончив работу, шли домой, искал среди них Седова, находил и внимательно, с тупою тревогой, присматривался к задумчивому [высокому] сутулому человеку в окладистой темной бороде [с прищуренными глазами]. Ничего [особенного] страшного в человеке этом не было, а всё-таки казалось, что [этот не похож на] он отличается от простых рабочих не только потому, что чище одет, не пьет и по праздникам не участвует в драках. (*ЧА*$_2$)

27–37 Артамонов младший ∾ и пятерых помоложе. / [Седов был

арестован недели через три. Тогда] Недели через три Якову пришлось уехать в губернию и [в это время] в его отсутствие Седов был арестован, вместе с ним арестовали Носкова [и еще троих], слесаря Крикунова и [еще] троих ткачей. [Этот китаец] [Этот мордвин оказался не такой большой бездельник]]. Сухо усмехаясь, Мирон рассказывал: — Нестеренко [оказывается, не такой бездельник] оказался не таким бездельником, как я думал, он и в городе поймал троих (*ЧА*$_2$)

31 *После*: слушал рассказ Мирона — сухо усмехаясь, Мирон говорил (*БА*)

32–33 Нестеренко ∾ поймал троих / он, оказывается, и в городе поймал троих: учителя Модестова и еще каких-то [нел⟨егальных?⟩] (*БА*)

37–40 Хотя арестовывать ∾ чтоб его не кокнули... / Хотя арестовывали жандармы из губернии, но, разумеется, это его дело, а он остается в стороне. Не глуп, бережет себя. (*ЧА*$_2$)

41 Теперь ∾ заметил Алексей. / Не понимаю,— пробормотал Яков.— Почему же? — спросил Мирон, пожимая плечами и сморщив нос.— Министров, губернаторов бьют... (*ЧА*$_2$)

Стр. 314.

1–9 Н-ну,— сказал Мирон ∾ Что с ним делать? / Потом он заговорил [строгим тоном] строго и как бы обвиняя [в чем-то] Якова, что был обыск у дьяконицы Параклитовой.— В бане у нее жил какой-то проходимец, а в доме, как тебе известно, [пьянствовал] пьянствует дядя, — совпадение дрянненькое!— Яков молчал, думая о Нестеренке: «Даже он боится». (*ЧА*$_2$)

4 у дьяконицы / у дьяконицы Параклитовой (*БА*)

10–18 *Текста*: У Якова потемнело в глазах ∾ эти люди тоже враги его? — *в ЧА*$_2$ *нет*.

18 *После*: тоже враги его? — [И он сн⟨ова⟩] (*БА*)

19–39 Ему показалось ∾ своих мыслей и слов. / *а*. Артамонову показалось, как будто именно с этого памятного дня началось и продолжалось годы то совершенно непонятное, крикливое и тревожное, что сделало всех людей в глазах Артамонова старшего похожими на обленившуюся прислугу, которая, узнав о внезапном [и скор⟨ом?⟩] возвращении хозяина домой, ожидая каждый день его приезда, боясь расчета и нахлестанная испугом, торопливо метет, чистит, хочет привести в порядок запущенный дом.

У Алексея всё чаще собирались по вечерам разные люди, читали газеты, спорили; доктор, оскаливая зубы, говорил:

— Вздуют.

Алексей соглашался с ним: — Вздуют.

Из угла раздавался озлобленный голос Якова:

— Двусмысленное слово. Смотрите: огонь не вздули бы. [Солдат бьют — беда не велика...]

Было ясно, что сын чего-то боится, да и все боялись, все грозили друг другу, раздувая свой страх, и Петру Артамонову казалось, что боятся они именно того, что сами же и делают: своих мыслей и слов. [Это он хорошо понимал потому, что сам часто пугался тех мыслей, которые подсказывал ему его друг и собеседник, обиженный человек] *б*. [Как будто именно с этой бессонной ночи началось то совершенно непонятное, крикливое и тревожное, что сделало в глазах Якова Артамонова всех людей похожими на обленившуюся прислугу, которая, узнав о внезапном возвращении хозяина домой, ожидая его приезда, боясь расчета и нахлестанная испугом, торопливо метет, чистит, хочет привести в порядок запущенный дом.

У Алексея всё чаще собирались по вечерам разные люди, читали газеты, спорили; доктор, оскаливая зубы, говорил:

— Вздуют.

Алексей соглашался с ним: — Вздуют!

Раздавался озлобленный голос Мирона: — Двусмысленное слово. Смотрите: огонь не вздули бы.

Было ясно, что все чего-то боятся, все грозят друг другу, глупо раздувая свой страх. Яков стал думать, что боятся они именно того, что сами же и делают: своих мыслей и слов.] В доме дяди Алексея стало как будто еще более крикливо [и], тревожно, всё росла какая-то суета. Суету особенно усиливали наезды рыжеватого, розовощекого и кругленького человечка; очень бойкий, неугомонный говорун, он памятно сказал: — Шевелимся, да, да, просыпаемся! [В глазах Якова все люди становились] Люди все становятся похожи на обленившуюся прислугу, которая, узнав о внезапном, неожиданном возвращении хозяина, ожидая его приезда и боясь расчета, подхлестанная испугом, торопливо метет, чистит, хочет привести в порядок запущенный дом. [Это сравнение подсказал ему рыжеватый, кругленький человечек, очень бойкий, неугомонный говорун и торопыга]. Этого говоруна и торопыгу все слушали внимательно, [кив⟨али⟩] спрашивали почтительно. Зубастый, грубый доктор Яковлев осведомлялся:— Как вы думаете — вздуют? — Обязательно вздуют! — отвечал кругленький.—Хотя они монголы [да], но мы, по сравнению с ними,— орда. [Нас может воскресить лишь конституция] [Мертвая страна]

И поигрывая связкой каких-то маленьких ключиков, он пел, как чиж, шутил: — Да, нас вздуют, а мы должны вздуть огонь политического сознания.

Якову казалось, что все чего-то боятся, грозят друг другу несчастиями и сами взаимно [глупо] раздувают свои страхи. Выходило даже так, что боятся они именно того, что сами же и делают (*ЧА*$_2$)

Стр. 314—315.

39—3 В этом Яков видел ∾ неотвратимой беде. / [Во всем этом Яков видел только волнение нарастающей человеческой глупости; сам же он жил двумя страхами: маленьким страхом пред Полиной, которая, всё назойливее требуя, чтоб он женился на ней, угрожала скандалом, и большим страхом пред Носковым.] В этом [он] Яков видел только нарастание всеобщей глупости, сам же он жил темненьким страхом пред Носковым. (*ЧА*$_2$)

Стр. 315.

4—8 Его страх возрос ∾ отказать ему. / Охотник возвратился из тюрьмы, просидев там около двух месяцев, с ним пришли двое молодых ткачей, Яков тотчас рассчитал их, но рассчитать Носкова не решился. Хромой, стоя пред ним в конторе, опирался на палку, смотрел внутрь своей фуражки, но Якову казалось, что неподвижные [глаза отсутствуют] глаза Носкова смотрят сквозь фуражку взглядом соучастника и угрожают. (*ЧА*$_2$)

9—12 Что, трудно ∾ сажало народ! / Ну как в тюрьме? — спросил Яков.— Тесно,— ответил охотник, пошевелив зрачками. Волосы на голове Носкова легли глаже, он [сильно] еще более согнул шею и сильно похудел; нижняя челюсть выдвинулась, обострились скулы, и всё его шершавое лицо стало острым, как морда волка. (*ЧА*$_2$)

13-14 «Да,— подумал ∾ ты думаешь...» / Якову хотелось сказать ему: «Не надо мне тебя». Но вместо этого он тихо спросил, не глядя на него: — Не догадались они, что это ты выдал? — Нет,— сказал Носков и снова пошевелил зрачками. «Сволочь», — подумал Ар⟨тамонов⟩, чувствуя себя связанным с этим человеком, не зная, как порвать эту связь. (*ЧА*$_2$)

13 проводив ткача / проводив врага (*БА*)

15—19 *Текста*: В тот же вечер ∾ дай расчет... — *в ЧА*$_2$ *нет.*

20—25 А через несколько дней ∾ тихо сказал / Он окончательно убедился в своей ошибке, когда Нестеренко, застав его на Оке, на купанье, сказал (*ЧА*$_2$)

21–22 они подъехали в лодке / они [плыли] подъехали в лодке и, кажется, оба сильно выпили (*БА*)

26–34 Вы напрасно ∾ Живец. / Забыл я предупредить вас, что охотника не нужно рассчитывать, но вы сами догадались. Очень полезен будет, особенно теперь, когда я крепко держу его за горло, благодаря случаю с вами. (*ЧА*$_2$)

35–41 *Текста*: И, глядя на Якова ∾ самодовольного человека.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 316.

1–10 Знаете, что его побудило ∾ уныло подумал Яков. / Знаете, что его побудило на грабеж? Ружье хотел купить, двустволку. Кстати,— уж не скрою от вас, что и до случая с вами он был полезен мне, понимаете?— Понимаю,— огорченно ответил Яков. Подмигнув, расправляя усы, Нестеренко добавил: — Ружье — страсть охотника. Всеми, батенька, играют страсти. — И напомнил: — Не забывайте, что вами дано честное слово — молчать. Никому ни звука! Это в ваших интересах. Так? — Затем он стал спрашивать о здоровье отца, дяди, о Мироне.— Умнейший человек Мирон Алексеевич. Это верно, что он хочет жениться? — Яков ответил опасливо, кратко и нехотя, его подавляли думы о Носкове. Очень странно: раньше этот человек [не] был менее заметен, чем многие другие, например кочегар Кротик, тоже хромой. Теперь же Носков постоянно мял глаза Якова, то встречаясь во дворе, то в ткацкой: с топором, с пилою в руках, с какими-то досками, он ходил, припадая на левую ногу, щуря неподвижные глаза, присматриваясь, примериваясь ко всему, точно близорукий. Якову казалось, что [он] охотник следит за ним. «Если б Серафим был жив, можно бы намекнуть ему, что Носков шпион, а Серафим уж передал бы рабочим»,— соображал он и пристально всматривался в знакомые, примелькавшиеся лица, надеясь узнать [пр⟨авду?⟩] среди рабочих человека, которому можно бы сообщить тайну. (*ЧА*$_2$)

8–9 разбрызгивая воду ∾ как лошадь / и, как лошадь, разбрызгивая воду, крестя голую грудь, пошел в реку (*БА*)

10 *После*: уныло подумал Яков — глядя, как медное тело офицера погружается в воду (*БА*)

11 Вдруг ∾ в комнату / И вдруг — точно дверь закрыли в ту комнату (*ЧА*$_2$)

13 Якова разбудила, всхлипывая, мать / *а.* Петра разбудила жена *б.* Якова разбудила мать (*ЧА*$_2$)

14–15 Вставай ∾ Алексей скончался! / *а.* Петр Ильич,— проснись, вставай скорее. Тихон прискакал.— Тихон? — Он уже знал,

что если Тихон, ничего доброго не может быть.— Алексей Ильич скончался. *б.* Яша, проснись, вставай скорее, Тихон прискакал, дядя, Алексей Ильич, скончался! ($ЧА_2$)

16 Яков вскочил, забормотал / *а.* Поспешно одеваясь, Петр удивленно ворчал *б.* Яков вскочил, забормотал. ($ЧА_2$)

17 Как же это! Он и не хворал ведь... / Да ведь он не хворал? Как же это? Еще третьего дня... ($ЧА_2$)

18 Пошатываясь ∾ влез отец. / В дверь, пошатываясь, тяжко дыша, влез отец. ($ЧА_2$) [1]

19—29 *Фразы*: Тихон,— ворчал он ∾ добра не жди! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 Вот Яков, а? Вдруг... / [Едем! — густо [сказал] крикнул] Вот — Яков — вдруг, а? Едем!

21 Босый, в халате / Отец босый, в халате ($ЧА_2$)

21 ночное белье / [нижнее] белье ($ЧА_2$)

21—22 он дергал / [и] дергал ($ЧА_2$)

22—23 оглядывался, точно попал / [и] оглядывался, [как бы в незнакомом месте] точно попав ($ЧА_2$)

24—25 Ух... ∾ недоумевал Яков. / Ух... — Оденьтесь, папаша,— сказал Яков отцу; взглянул на ноги свои и снова ухнул ($ЧА_2$)

25 *Фразы*: Как же ∾ Яков.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

26—27 Без покаяния ∾ мешок муки. / *а.* Наталья, толстая, в белом, похожая на огромный мешок муки, всхлипывала, стоя среди комнаты.— Одевайся, чего ты? — бормотал Артамонов, успокаивая себя.— Как же это он? Без покаяния,— всхлипнула жена. *б.* Мать, толстая, в белом, похожая на огромный мешок муки, всхлипывала, стоя среди комнаты: —Без покаяния... ($ЧА_2$)

28—29 глядя, как впереди / *а. Слов нет. б.* глядя, как далеко впереди ($ЧА_2$)

30 стелется, пляшет тень / *а. Слов нет. б.* пляшет тень ($ЧА_2$)

34 при свете луны / *а.* при свете луны *б.* при луне ($ЧА_2$)

34—35 синеватой, прозрачной / прозрачной, синеватой ($ЧА_2$)

35 от ее фигуры / от нее ($ЧА_2$); от ее тени (*БА*)

36 падает густая тень / *а.* падает тень *б.* падает густая тень ($ЧА_2$)

38—39 *Фразы*: Черная собака ∾ за нею.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

40 сидел, согнувшись / *а.* сидел, согнувшись *б.* сидел, съежившись ($ЧА_2$)

Стр. 317.

1 блестели стекла / сверкали стекла ($ЧА_2$)

2 ниточки сверкали / ниточки блестели ($ЧА_2$)

2—3 нос ∾ еще больше / *а.* нос племянника стал еще больше,

---

[1] *Текста*: Пошатываясь ∾ недоумевал Яков (*строки 18—25*)— *во второй редакции нет.*

а сам Мирон [ст⟨ал⟩] весь неестественно съежился *б.* нос Мирона стал еще больше (*ЧА*$_2$)

3–5 отец, стоя ∾ ожидая милостыни / *а. Слов нет. б.* отец, стоя среди двора, смотрел в окно дома, как нищий (*ЧА*$_2$); отец, стоя посреди двора, [глядел] смотрел в открытое окно, как стоит нищий (*БА*)

5–6 Ольга ∾ глядя в небо / Ольга говорила Наталье (*ЧА*$_2$)

7 *Фразы*: Не заметила я, когда... — *в ЧА*$_2$ *нет.*

7 Вдруг плечико / Вдруг плечо (*ЧА*$_2$)

8 ротик открылся / рот открылся (*ЧА*$_2$)

9–10 Вчера пожаловался / Вчера жаловался (*ЧА*$_2$)

11 тихо, и от слов / задумчиво, но от слов (*ЧА*$_2$)

12 падали тени / *а.* падали тяжелые тени *б.* падали тени (*ЧА*$_2$)

13–19 *Текста*: Мирон, бросив ∾ по ней.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

20–21 Отец, крякнув ∾ пошел и Яков. / *а.* Артамонов осторожно пошел в дом, на цыпочках, крадучись, приблизился к постели *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

21 Дядя лежал / *а.* Брат лежал *б.* Дядя лежал (*ЧА*$_2$)

22–23 на голове ∾ подвязана челюсть / челюсть его была подвязана платком, узел платка торчал на макушке козлиными рогами, седенькая бородка приподнялась (*ЧА*$_2$)

25–26 Луна ∾ смотрела в окно / *а.* На столе, у кровати, стояли цветы, в окно смотрела обтаявшая с одного бока луна *б.* В окно смотрела обтаявшая с одного бока луна (*ЧА*$_2$)

26 *После*: кисея занавески — и за простыней, прикрывавшей зеркало, в простенке, тоже что-то шевелилось (*ЧА*$_2$)

26–27 *Фразы*: на дворе ∾ отвечая ему — *в ЧА*$_2$ *нет.*

27–29 Артамонов ∾ помер легко... / *а.* «Вот и я скоро так же»,— подумал Артамонов старший, выходя на двор, и вздохнул, крестясь: — [Легко помер, как жил] Жил легко и помер тоже *б.* Вот и я скоро так же,— сказал Артамонов старший — *Далее как в тексте* (*ЧА*$_2$)

32–33 и Ольга ∾ возвышенным голосом / *а.* И снова Петр слышал слова Ольги *б.* и снова Яков слышал слова Ольги (*ЧА*$_2$)

Стр. 317—318.

35–1 Не дури! ∾ пыль с камней / *а.* Попова была выше Ольги [на голову] и делала ее еще более маленькой [Да], и все на дворе сжалось, даже серая лошадь, которую Тихон вытирал клочком сена, казалось, уменьшилась в свете луны, неподвижной на шелковой синеве пустынного, без звезд неба. Петр сел рядом с племянником, тот взглянул на него чужими глазами и, бросив горящую папиросу, боднул головой в плечо, тихонько прошептав:

— В-вы не знаете, какой он был хороший.

Артамонов старший сидел, не шевелясь, голова Мирона давила плечо его пудовой тяжестью, внушая скорбную, завистливую мысль: «А кто меня так помянет? [Илья — не помянет]»

— Не дури! — тихо сказал Вялов лошади.— Что дуришь?

Он мотал встрепанной головой, не давая коню схватить губами его ухо; услыхав его спокойный, ворчливый голос, Артамонов проглотил рыдание, горячо сжавшее ему горло, и начал шёпотом утешать Мирона.

— [Что же делать?] Всем — один конец...

Но говорить не хотелось, голос не слушался и память не подсказывала нужных слов; он замолчал, глядя, как черная и белая женщины ходят по двору, а тени их [как будто] стирают пыль с камней. *б.* [Попова была выше Ольги и сделала Ольгу еще меньше.] [Яков знал, что] Якову казалось, что надобно что-нибудь сказать тетке или Мирону, а что скажешь? И чувствуя себя лишним, он отошел в сторону, сел в тень на скамью под окном кухни, наблюдая за [всеми] людями. Вот отец тоже сел рядом с [племянником] Мироном, тот взглянул на него, как на чужого, и, бросив погасшую папироску, боднул дядю головой в плечо, тихонько провыл:

— Вы не знаете, какой он был хороший...

Артамонов старший погладил [голов⟨у⟩] племянника, проворчал:

— Ну, что поделаешь? Судьба наша...

— Не дури,— тихо крикнул Вялов лошади.— Что дуришь?

Он мотал вихрастой головою, не давая коню схватить губами его ухо; Петр Артамонов громким шёпотом сказал:

— Чего орешь?—и утешил Мирона:—Всем—один конец...

«Не нужно говорить», — решил Яков, глядя, как ∾ тени их стирают пыль с камней ($ЧА_2$)

Стр. 318.

2 Мать шепталась с Тихоном / *а.* Наталья говорила о чем-то с Тихоном *б.* Мать говорила о чем-то с Тихоном ($ЧА_2$)

2–3 он согласно кивал / он слушал ее и согласно кивал ($ЧА_2$)

3–4 светилось медное пятно / светилось что-то медное ($ЧА_2$)

4–5 Вышел ∾ сказала ему / Подошла Наталья, говоря ($ЧА_2$)

6 Никите ∾ бы послать / Депешу надо бы дать Никите ($ЧА_2$)

8–9 Тихон знает! ∾ Пошли, Мирон. / [Кон⟨ечно⟩] Тихон знает,

где он. — Конечно, знает. Напиши, Мирон. *б.* Тихон знает, где он. — Конечно, он знает. Напиши, Мирон (*ЧА*$_2$)

10 косяк двери / косяк двери крыльца (*ЧА*$_2$)

11 погладил косяк ладонью / погладил [рукою] ладонью косяк (*БА*)

12–13 Илье тоже ∾ вслед ему / Следя за ним, Артамонов сказал: — Илье тоже депешу пошли (*ЧА*$_2$)

15 Илья не может приехать / Илья приехать не может. — А — что? — Он — далеко. (*ЧА*$_2$)

16 Ведь [мы] я с ним (*БА*)

16 Ведь я ∾ прожила / Ведь мы с ним тридцать с лишком лет мужем и женой прожили (*ЧА*$_2$)

17 и точно сама удивлялась / *а.* как бы удивляясь *б.* как бы сама удивляясь (*ЧА*$_2$)

18 Да еще до венца / Да до этого (*ЧА*$_2$)

18–19 Как же теперь я буду? / Если бы ты знала Вера, если б знала... (*ЧА*$_2$)

20–37 Отец подошел к Якову. ∾ чем следовало быть. / *а.* Тихон подвел [коня к открытому окну дома] лошадь к ступеням крыльца, в лунном свете рыжие бока коня лоснились, как бронза памятника царю на площади [губернского] Воргорода. Вышел Мирон, дал дворнику бумагу, Тихон взвалился животом на хребет лошади и выехал из открытых ворот в зеленоватое предрассветное небо; встряхивая тишину ковкими ударами подков по [камню] булыжнику, конь [тяжело поскакал] фыркал.

— Где Илья-то? — спросил Артамонов племянника. Мирон ответил не сразу, сначала он вынул папиросу, повертел ее в пальцах, раздавил и бросил.

— [Далеко.] Он сослан в город Ялуторовск, это очень далеко, в Сибири.

— За что? — угрюмо спросил Артамонов. Мирон сел рядом с ним и сказал, морщась:

— [Конечно, он честный человек, вы не думайте плохого. Но он фантазёр, человек живет выдумками] Пустяки. Конечно — фантазёр, живет — выдумками. Если б вы слышали, что он говорит, и знали, чего он хочет....

[Говорил Мирон, глядя] Мирон смотрел в землю, покусывая губы, и, видимо, говорить ему было трудно, казалось, что он [осторожно] выдумывает каждое слово, постукивая ногтем по серебряному портсигару.

— Совершенно чужой человек, — сказал он, вздыхая.

Артамонов старший слушал и не верил; хотя племянник

излагал знакомые, памятные [ему], мальчишеские мысли Ильи, но не может быть, чтоб Илья жил всё еще с этими мыслями.

«Боится,— думал он о племяннике.— С одним Яковом ему проще, легче, а если тот воротится... Боится, отводит...»

Он спросил:

— За что его сослали?

— Вот за это, за политику.

— Ну, какая же тут политика? Это наши семейные дела. Ведь он не с теми, которые министров бьют?

— Нет.

— Вот — видишь! За что же?

Мирон, устало вздохнув [и], спрятал портсигар в карман брюк, для чего ему надо было вытянуть ногу в ковровой туфле. — Поймите...

На двор поспешно вошел доктор; сверкая зубами, молча поздоровался, спросил: — В спальне? — И вместе с Мироном пошел в дом, за ним гуськом пошли женщины. Артамонов остался на дворе, дергая себя за ухо, думая о старшем сыне. Из всего, что он в разное время слышал об Илье, было ясно, что сын [занял] [ведет себя как] остался таким же упрямым и настроен против всех родственников мстительно [и враждебно]. Он, дурачок, должно быть, рассуждает [всё] так: «Не мне, так и не вам...» Поэтому он и действует где-то и как-то против отца, дяди, братьев, прикованных к делу на всю жизнь. Конечно, это нехорошо и глупо, но в этом была подкупающая настойчивость, та дерзость, которой обладал его дед, и отсюда истекала [при‹ятная›] почти приятная [отцу] Артамонову уверенность, что [у] сын у него — особенный [не похо‹жий›] человек,— не всякий способен отказаться от богатства и жить неведомо как, жизнью, должно быть, не легкой. Вот его за что-то гоняют по земле, сослали в Сибирь, а раньше он даже сидел в тюрьме. Петр знал об этом и о том, что после тюрьмы Илью загнали в Устюг. В этом было даже [что-то] нечто напоминавшее житие Алексея, человека божия.

«Он, может быть, праведней Никиты...»

Болтая ногами, на двор въехал Тихон, кряхтя грузно сполз с коня, Артамонов смотрел на него и, опасаясь, что Тихон скажет что-нибудь, ушел в дом.

б. Тихон подвел лошадь к ступеням крыльца, в лунном свете рыжие бока коня лоснились, как бронза памятника царю на площади Воргорода. Вышел Мирон ∾ встряхивая ти-

шину ковкими ударами подков по булыжнику, конь фыркал.
— Где Илья-то? — спросил Петр Артамонов племянника. Мирон ∾ раздавил и бросил.—Он сослан в город Ялуторовск, это очень далеко, в Сибири.—Зачем? — снова спросил Артамонов. Мирон сел рядом с ним и, морщась, как от зубной боли, тихо сказал [что-то] несколько неясных слов. На двор въехал Тихон, грузно сполз с коня, Артамонов старший посмотрел, как Тихон, наклоняясь, щупает бабку коня, спросил: — Зашиб ногу? — И, не ожидая ответа, ушел. Изнывая от тягостной муки, Яков подумал: «Тихону сказать надо, он с рабочими водится. Он старикам передаст». (*$ЧА_2$*)

38–40 В день похорон ∾ явился дядя Никита./ *а.* Никита явился в день похорон, на кладбище, когда гроб Алексея уже опустили в могилу и бросали на него горстями песок. *б.* В день похорон, на кладбище, [явился] когда гроб Алексея опустили в могилу и бросали на него горстями желтый песок, явился Никита. (*$ЧА_2$*)

Стр. 318—319.

41–2 «Вот еще» ∾ им же и посаженной. / Именно в эти минуты Петр сквозь слезы заметил угловатую фигуру монаха, прислонившуюся к стволу березы; он же Никита, и посадил ее над могилою отца. Береза выросла криво. (*$ЧА_2$*)

Стр. 319.

3–5 Опоздал ты ∾ в горб. / *а.* Опоздал ты,— сказал Петр, подходя к брату,— тот [виновато], как черепаха, втянул голову в горб и, молча, пошарил рукою [по груди своей] руку брата.— Вот и нет одного,— вздохнул старший брат, отирая платком слезы с бороды.—Да. *б.* Опоздал ты ∾ тот, как черепаха, втянул голову в горб и молча погладил рукою руку брата, легкую, холодную. Вот и нет ∾ с бороды. Никита вздохнул (*$ЧА_2$*)

3 сказал ему отец / сказал отец (*БА*)

5–10 Вид у него был нищий ∾ дрожала серая бороденка. / Монах [стоял, опираясь] оперся руками на палку, положив на руки подбородок, ряса у него выгорела на солнце, клобук тоже потерял свой первоначальный цвет и принял окраску старого железного ведра. [Восковое] Пыльное лицо его [потемнело] закоптело, опухло, седая бородка облезла, нос набух, стал красноватым, как у пьяницы, мутно-синие глаза слепо смотрели мимо Петра в спины людей, окружавших могилу. Было в нем что-то очень жалкое, нищенское. (*$ЧА_2$*)

10–17 Яков исподлобья оглянулся ∾ после отца. / Петр сконфуженно опустил голову, чувствуя, что его любопытно изучают

десятки глаз; он знал, что город убежден, что братья Артамоновы обманули горбуна, спрятав его в монастырь, чтоб воспользоваться его частью наследства после отца. Вот и теперь люди смотрят на [пол⟨унищего⟩] уродливого полунищего монаха, брата и дядю богатых людей, и, наверное, ждут, не случится ли что-нибудь скандальное, позорящее Артамоновых? — Пойдем,— предложил Петр монаху, но тот не пошел (*ЧА*$_2$)

12–13 на уродливого брата и дядю / на уродливого монаха, брата и дядю (*БА*)

18–20 Толстый, благодушный священник ∾ стоял Мирон / Сыпался, шуршал песок; бывший землекоп Тихон Вялов усердно и умело засыпал могилу, помогая сторожу кладбища, звенели цепочки кадила в руках дьякона и плавал подавленный гул голосов; толстый благодушный священник отец Николай напористо утешал Ольгу: — Не станем оскорблять стенаниями и плачем господа бога нашего.— А Ольга громко, с отчаянием, отвечала ему: — Да ведь я не плачу, не жалуюсь я... [С родны⟨ми⟩] [Старшему] [Артамонову было не понятно и подо⟨зрительно⟩] Артамонов соображал: «Почему Никита держится так виновато и отчужденно, не хочет сказать никому слово утешения?» В этом было что-то подозрительное. С родными он поздоровался молча, не глядя на них, не благословляя. (*ЧА*$_2$)

22 возвышенным голосом / всё тем же возвышенным голосом (*БА*)

25–26 ошаривала ∾ хотела / ошаривала [свою] юбку свою, точно хотела (*БА*)

29–30 а горбатый ∾ говорил Наталье / Наталья наклонила к руке монаха мокрое лицо свое, он отдернул руку, забормотал (*ЧА*$_2$)

32 И, ткнув ∾ горб свой / и, тыкая пальцем в горб (*ЧА*$_2$)

34 *После*: нельзя не узнать — а от тебя тени не осталось. Вот как. (*ЧА*$_2$)

34–35 Этот — твой, Яков? ∾ Так, так!/*а.* А этот — Мирон? Высокий такой. *б.* А это — Мирон? Высокий такой... А [это] вот — Яша? Вот как. (*ЧА*$_2$)

35 *После*: Так, так!— А девицы? Нет девиц (*БА*)

35–36 Ну, пойдемте, пойдемте... / И заторопился: — Ну, [ну] пойдемте, [ну] пойдемте... *Далее*: Шагал он [привычно] широко и твердо, как привычный ходок, и походка его не отвечала ни тихому голосу, ни рассеянному, чего-то ищущему взгляду выцветших [и мутных] глаз.— Где же ты жил? — спросил Петр. [Он сказал, что последние годы мало жил на одном

месте, так живя, ничего не увидишь, вот он и ходил по земле, смотрел.] — В разных местах. Ходил всё.— Тихону-то, видно, писал ты, а нам — не писал,— упрекнул его брат. —Вы — люди занятые.

Подходили горожане, здоровались, знакомились, спрашивали, Петр чутко прислушивался к ответам брата, опасаясь, как бы монах не сконфузил семью каким-нибудь неосторожным словом, но Никита отвечал тихо, кратко и должно быть сам чего-то боялся в людях. Петр заметил также, что Мирон смотрит на дядю через очки, брезгливо сжав губы, а Яков пренебрежительно, как на нищего, [он] Петр рассердился, но тоже не мог подавить в себе чувства конфуза и стеснения, вызванные братом (*ЧА*$_2$)

37 *После*: Яков остался на кладбище.— *в третьей редакции вписано*: [Оделяя нищих] Отталкиваясь от назойливости нищих, он сердито покрикивал на них и следил за аккуратной работой Тихона, который [вырав⟨нява⟩ желтую кучу песка] выравнивал холмом песок над могилой [и, обкладывая его [досками] [квадратами дерна]]; песок сыпался, старик, посмотрев на него, снова упрямо шлепал лопатой, а сторож кладбища, тоже старичок, [полуслепой] с красными глазами, жидким телом, дрожащим, как студень, уговаривал:

— Брось, не будет держаться, земли надо, землей связывать надо. [Потом дерном обложить] Я — сделаю. [Брось.]

— Отстань,— сказал Тихон, не глядя на него.

— Потом дерном обложу. [Я знаю] — Тихон воткнул [лопа⟨ту⟩] [заступ] лопату в [землю и холм] песок, взглянул из-под ладони в [светлое небо, обесцвеченное солнцем] небо; солнце обесцветило голубизну его, жаркий туман стоял над кладбищем, в тумане мелькали ласточки. Тихон опустил руку, [вынул старенький, смятый] сердито вынул из-за пояса старенькую смятую шляпу, туго [насадил его] натянул ее на голову и пошел прочь, сказав сторожу:

— Не трогай ничего, я сам всё сделаю.— И закричал [на нищих, окружавших Якова] Якову:—Раздача будет им на дворе. Айда, прочь, тараканы. (*ЧА*$_2$)

Стр. 319—320.

37—22 За минуту перед этим ∾ всё происходящее. / Потом, идя рядом с молодым хозяином, он сказал: — Рано помер дядя. Ведь как старался, а вот... Дела!

Яков соображал: «Уместно ли будет сказать Тихону о Носкове?» А старик, глубоко взрывая ногами растоптанный песок, бормотал: — Никита Ильич тоже... Слабенек. Исходил-

ся.—Рабочие... Рабочие дядю жалеют.—А как же? [Корова падает, и ту жалко] — сказал Тихон, почесывая седую скулу.— Алексей Ильич бегом жил. [Вскачь] С разбегу и скончался. Как ушибся обо что. [Непонятные дела. Крутые.]

Яков замолчал, почувствовав, что в этот час его слова не дойдут до Тихона. А Носков всё более тревожил его. [Он] Яков и сегодня видел его в толпе рабочих, он шел рядом с кочегаром Кротиком, и оба они прихрамывали на левые ноги, как [одно] один человек, только кочегар хромал сильнее, охотник же шел, как всегда упорно глядя [как в] в свой картуз. О чем думает этот человек? Конечно, он не может думать безвредно... И еще раз ощутив толчок страха, Яков пошел быстрей, а Тихон, шагая вслед за ним, все бормотал что-то, [глухим] глухо и сиповато. (*ЧА*$_2$)[1]

Стр. 320.

18 его слова / в этот час его слова (*БА*)

21—22 *После*: всё происходящее — похороны одного дяди, [бунт] появление другого, общая печаль (*БА*)

23 этот кривоногий / этот кривоногий человек (*БА*)

Стр. 320—321.

22—2 *Текста*: Вчера в городе ∾ под топор — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 321.

3 Бесконечно ∾ часы поминок. / *а*. Так же тихо, виновато и отчужденно вел себя Никита в бесконечные часы шумных поминок на дворе Алексея *б*. Бесконечно длились шумные часы [шумных] поминок на дворе Алексея (*ЧА*$_2$); Бесконечно [вплоть до вечера] [долго тян⟨улись⟩] тянулись — *Далее как в тексте.* (*БА*)

3—5 Люди забавлялись ∾ вечную память. / *а*. Люди говорили об умершем [Артамонове] похвально и лестно [для всей семьи], но Петр знал, как трудно понять, когда люди говорят правду. [Впрочем] Но, крепко выпив, они стали проще, [понятнее] веселей, неутомимо забавлялись, заставляя дьякона Карцева и певчих возглашать усопшему вечную память; веселье их было не совсем прилично [не] и уместно, но на это нельзя сердиться, так всегда кончались поминки *б*. Люди говорили об умершем похвально и лестно. Артамонов старший слушал и молча мигал, зная, как трудно понять, когда люди говорят правду. Но крепко выпив, они стали проще, веселей, неутомимо забавлялись, заставляя дьякона Карцева и певчих

---

[1] *Текста*: Потом, идя рядом ∾ глухо и сиповато.— *во второй редакции нет.*

выражать усопшему вечную память; веселье их было не совсем прилично и уместно, но за это нельзя сердиться,— так всегда кончались поминки ($ЧА_2$)

6–7 размахивая вилкой ∾ грозно / размахивая стаканом, запел грозно *б.* размахивая стаканом, запел громко и неприлично ($ЧА_2$)

10–12 Степан Барский ∾ громко похвалил / *а.* А Степан Барский на закате солнца, когда его втискивали в дрожки, громко похвалил Петра *б.* А Степан Барский, когда его мягкое, точно пуховая подушка, тело втискивали в дрожки, громко похвалил ($ЧА_2$)

13 воистину — любил / действительно любил ($ЧА_2$)

14 Такие поминки долго не забыть! / Таких поминок — не забыть, долго не забыть... ($ЧА_2$)

15–17 Яков слышал ∾ лопнешь скоро. / *а.* Ты скоро всё забудешь,— сказал ему Артамонов, глядя на оплывшее лицо и тело, мягкое, точно перовая подушка.— Это, брат, верно; скоро всем нам крышка... Прощай... *б.* Ты скоро всё забудешь,— сказал Артамонов, тоже [сильно] выпивший.— Это, брат, верно. Прощай... ($ЧА_2$)

18–28 *Текста*: Житейкина, Барского ∾ между отцом и горожанами.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 явно возмущен / обижен, возмущен (*БА*)

23 потом скрылся / а потом скрылся (*БА*)

24–25 полупьяных людей / незнакомых, полупьяных людей (*БА*)

25 *После*: о монастырской жизни.— [За столом остался от⟨ец⟩] (*БА*)

29–33 Мать, оскорбленная ∾ расстраивало его. / *а.* Петр остался ночевать в доме Алексея. Наталья пошла спать в комнату Ольги. *б.* Обиженная тем, что [в доме Алексея распоряжалась, ухаживала за Ольгой] за Ольгой ухаживала Попова, Наталья Арт⟨амонова⟩ уехала домой, а Петр и Яков остались и легли спать в [кабинете] комнате Алексея, с двумя окнами во двор. Мирон ушел к себе [на чердак] и заперся, отец, должно быть, уснув [всхра⟨пывая⟩ и свистя], лежал неподвижно ($ЧА_2$)

33–36 Пролежав на диване ∾ черную фигуру монаха / *а.* Он, пролежав на диване в кабинете брата часа два, тщетно ожидая сна, вышел на двор и под окном кухни на скамье увидел черную фигуру монаха [в] рядом с Тихоном. Дворник встал, хотел уйти.— Сиди, сиди, — сказал Артамонов и сам осторожно, как на острие гвоздей, подсел к брату. *б.* И Яков, [пролежав до] пролежав на диване часа два, тщетно ожидая сна,

вышел на двор и под окном кухни на скамье увидел черную фигуру монаха рядом с Тихоном (*ЧА*$_2$)

36–40 странно похожего ∾ бутылка кваса / Монах, странно похожий на какую-то сломаную машину, сидел с обнаженной головой, клобук его стоял на земле, у ног, рядом с клобуком,— бутылка, а в руках Никиты блестел чайный стакан. (*ЧА*$_2$)

Стр. 322.

1–3 *Текста*: Это — кто? ∾ со стариками, Яша! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

4–5 И, подняв стакан ∾ влагу в нем. / *а.* [Ударив стаканом по острому колену своему] Опустив стакан на острое колено свое, монах сказал тихонько: — Прости, брат, выпить захотелось.— На здоровье.— При людях я не пью.— Зачем же при людях,— ворчливо согласился Петр, а Никита, наклонясь, поднял бутылку, налил [в стакан] вина и, держа стакан в воздухе, против света луны, разглядывал темно-кровавый [свет] блеск влаги. *б.* Опустив стакан на острое колено свое, монах сказал тихонько: — Прости, Яша, выпить захотелось ... — На здоровье.— При людях я — не пью.— Зачем же при людях,— согласился Яков, и Никита, наклонясь, поднял бутылку, налил вина, держа стакан в воздухе, разглядывал темно-кровавый блеск влаги. (*ЧА*$_2$)

5 Луна спряталась за колокольней / Луна пряталась за церков⟨ной⟩ колокольней (*ЧА*$_2$)

6 серебряным туманным светом / серебристым туманом (*ЧА*$_2$)

7 Над колокольней / В небе [над колокольней] (*ЧА*$_2$)

8 неумело вшитые в синий бархат / *а.* неумело, но крепко вшитые в синеватый шелк *б.* неумело, но крепко вшитые в синий бархат (*ЧА*$_2$)

13 вполголоса сказал Тихон / сказал Тихон вполголоса.— Поди сюда. (*ЧА*$_2$)

14–15 в колени Тихона / в колени его (*ЧА*$_2$)

15 *После*: провыла что-то.— Тихон стал чесать ей за ушами. (*ЧА*$_2$)

16 заметил Яков / заметил Петр (*ЧА*$_2$)

18–19 говорю ∾ тихо отозвался / я говорю,— настойчиво повторил он,— тогда дворник отозвался (*ЧА*$_2$)

22 вспомнил монах / тихо вспомнил Никита (*ЧА*$_2$)

23 О чем беседуете? — спросил Яков / *а.* О чем беседовали? — спросил Петр. *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

23–25 монах выпил ∾ точно с лестницы идя / Горбун, торопливо выпив вино, заговорил, точно с лестницы пошел, подскакивая, перепрыгивая через слова (*ЧА*$_2$)

26–27 Тихон вот замечает ∾ задумались все... / Он говорит — к мятежу люди склонны. Тихон говорит. Нет, нет, я тысячи видел. Они — это верно! — задумались... (*ЧА*$_2$)

28 вставил Тихон / вставил Тихон, наклонясь (*ЧА*$_2$)

28–29 *После*: играя ушами собаки.— Хозяин сердито упрекнул его: — Нечего тебе сказать, кроме этого! (*ЧА*$_2$)

30 Прогони собаку, — приказал Яков / *а.* И — приказал: — Прогони собаку. *б.* Яков приказал: — Прогони собаку. (*ЧА*$_2$)

33 дважды пролаяла / пролаяла дважды [блестя желтыми глазами] (*ЧА*$_2$)

33–36 *Текста*: Трое людей ∾ хозяина, зарытого в землю.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

37–39 Бунт — будет ∾ Седова с товарищами? / *а. Текста нет. б.* Яков, внимательно слушая речь дяди, чувствовал в его мягких словах угрозу.— Бунт — будет,— тихонько сказал он и оглянулся.— Помнишь, Тихон, арестовали Седова с приятелями? (*ЧА*$_2$)

41 Монах вынул ∾ коробочку / Монах порылся рукою в складках рясы, достал бумагу, оторвал от нее острый уголок и скрутил козью ножку; а потом вынул берестяную табачницу и крючком бумажным начерпал из нее [бумагою] махорки (*ЧА*$_2$)

Стр. 323.

3 Вот, табачок ∾ помогает это / *а.* Ты и курить стал? — заметил Петр.— Да, да, курю... [глаза слепнут] Глазам помогает *б.* Ты и куришь? — заметил Яков.— Да, да, курю... Глазам помогает (*ЧА*$_2$)

3–4 *После*: плохо видеть стали.— [Монах] Он шаркнул спичкой по колену, нагнулся [и], осветил синеньким огоньком провалившийся рот свой, рыбьи перья под носом и на щеках и, выдыхая едкий дымок, снова заговорил быстро, как баба [и шепеляво]. Трудно было следить за его беззубой речью и мешала собака; она снова кружилась по двору, поджав хвост, нюхая лысые булыжники, подвывая. Тихон пробормотал: — Ежели ее запереть,— покою не будет. (*ЧА*$_2$)

5–6 Чихнув ∾ в деревнях... / *а. Текста нет. б.* Монах [ск⟨азал⟩] задумчиво и тоже очень тихо прибавил: — Арестуют везде,— даже и в деревнях. (*ЧА*$_2$)

7–8 Шпионы завелись ∾ говорить просто. / [Ну это не] Шпионы завелись,— продолжал Яков, стараясь говорить как можно проще. (*ЧА*$_2$)

9–13 Тихон проворчал ∾ И у нас есть. / Ему не ответили. Тогда,

тяжело ворочая языком, пожимаясь от ночной свежести или от страха, он сказал: — И у нас на фабрике есть шпионы. ($ЧА_2$)

13–15 Про Носкова ∾ в городе... / Про Носкова, охотника, слышал я, только ты, Тихон, не говори никому об этом... —Зачем говорить? — спокойно сказал Тихон.

— Носков [этот—шпион, он] донес на Седова и на всех... ($ЧА_2$)

16–18 Ишь ты ∾ на колено / Ишь ты, дурак,— сказал Тихон и [позвал собаку] [ска⟨зал⟩] негромко крикнул на собаку: — Кучум, цыц! ($ЧА_2$)

18–20 а Яков почувствовал ∾ про Носкова / Чувствуя, что слова его упали в пустоту, сказаны напрасно, Яков, помолчав [угрюмо], спросил [уже] неожиданно: — А может лучше сказать рабочим? Старикам? ($ЧА_2$)

21–22 Зачем говорить? ∾ никому не верит. / [Зачем?] Тихон шаркнул подошвами по земле и отметил ворчливо: — Зачем говорить? [Это дело ихнее] Они никому не верят. ($ЧА_2$)

23–25 Да,— сказал монах ∾ солдат войне не верит! / Да-а,— сказал монах.—Теперь у всех веры мало.—А Тихон добавил:— Даже солдат войне не верит,— вот до чего! Я в городе с ранеными говорил... *Далее*: На крыльцо бесшумно вышел ∾ И вы урчите тут... ($ЧА_2$) (*См. варианты к стр. 324, строкам 13—15.*)

25–26 Железо, Яша ∾ поет, говорит! / *а.* Указав на него красным огоньком папиросы, монах говорил:— Он правильно догадался [правильно]: другие люди должны быть, другие.— Ну это всё равно, как будто,— возразил дворник.— Железо, брат Петр, железо пошло везде, железные дороги, вот что! Машина работает — везде, машина поет, машина говорит, вот как [ведь[пошло. Народ [раб] — божий раб, видит это, — ага-а? — Выглотав весь дым папиросы, он поглядел на ее окурок и, положив его под подошву [тяжелого] мужицкого сапога, крепко растер. *б.* Указав на него ∾ Он правильно говорит: другие люди ∾ Железо, брат Яша, железо ∾ машина говорит, вот как! Железная власть. — Выглотав весь дым ∾ под подошву мужицкого сапога, крепко растер ($ЧА_2$)

27 и люди ∾ железные / люди, конечно, железные нужны ($ЧА_2$)

28–30 *Текста*: Мы, говорят ∾ другие обижаются.—*в* $ЧА_2$ *нет.*

30–31 к этому привыкли / тут привыкли ($ЧА_2$)

31 а когда / а если ($ЧА_2$)

31 *После*: обидно! — К этому [разве] как привыкнешь? ($ЧА_2$)

33 как живая / а как живая ($ЧА_2$)

34–35 Тихон крякнул ∾ говоря / *а.* Тихон Вялов, густо крякнув, сказал: — Выходит, не ты лошадью правишь, а она тебя понесла.— И, незнакомо Петру, неслыханно им, [тяжело] засмеялся. *б.* Тихон Вялов ∾ она тебя понесла.—И, незнакомо Якову, неслыханно им, он засмеялся ($ЧА_2$)

35 *После*: засмеялся, говоря:— Не ты лошадью правишь, а она тебя понесла. (*БА*)

36 Вперед ∾ Эх, черти! / *а.* Впереди лошади телега бежит,— испугались! Эки, черти... — Артамонов почти крикнул на него: — Да погоди ты, молчи! *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$).

37–41 И многие — обозлились ∾ очень хорошо! / А монах беззубо бормотал:— Испугались — не скажу. А вот обозлились многие. Тут ошибка есть: не туда злятся. [Все друг против друга] Друг против друга злятся, а виноваты все вместе, и за ум и за глупость виноваты. Это мне [учитель один] поп Глеб сказал — хорошо. Умный человек. Уж многие понимают: всё дело рук человеческих, человеку и отвечать за всё... да! *Далее вычеркнут текст*: *а.* Артамонов, внимательно [пр⟨ислушивался⟩] слушая речь брата, чувствовал в ней некую правду в связи с явной неправдой. Неправда была хотя бы в том, что вот он, Артамонов, ни в чем не виноват пред людями. Мимолетно он думал: «Монах должен верить в бога и о боге говорить, а не о мирских делах. Какой он монах, Никита. Махорку курит, вино пьет. Еще хорошо, что стар и горбат, а то, пожалуй, распутничал бы с бабами». Никита казался ему еще более чужим и неприятным, чем он был в монастыре. Там он был проще, [говорил понятнее и] ближе к самому себе и совестливо обнаружил [пустоту] запутанность своей жизни. Но другу Артамонова, обиженному человеку, что-то нравилось в речах монаха, человек этот нашептывал колкие мысли: «Вот,— собака тоскует об Алексее, а ты уж забыл о нем. Сидишь, слушаешь, а [сам] думаешь: «Как бы Мирон не обошел Якова, и что Илья воротится». Эти неуместные мысли обижали, но прогнать их не удавалось. *б.* Лежа в комнате, П⟨етр⟩ Ар⟨тамонов⟩ сквозь дрему и хмель слышал [речи брата] беседу брата с Тихоном, [она] мешая ему уснуть, [она] эти люди освобождали в хмельной голове его [раздражающие] сердитые мысли. [Они] Слова [брата] монаха [были] и дворника были тем более неприятны, что в них рядом с явной неправдой чувствовалось и наличие какой-то правды. О правде думать не хотелось, она раздражала, а неправда была в том, что вот он, П⟨етр⟩ А⟨ртамонов⟩ ни в чем не виноват пред людями, [А те, для кого] для них

он работал всю жизнь, без пользы своей душе. Затем: монах должен говорить о боге, а не о мирских делах, что он понимает в делах этих? Никита казался ему еще более чужим и неприятным, чем он был в монастыре. Там он совестливее обнаруживал запутанность [своих] своего разума, а теперь вот рассуждает. Но другу П⟨етра⟩ Ар⟨тамонова⟩, обиженному человеку, [что⟨-то⟩] все-таки что-то нравилось в речах монаха, человек этот нашёптывал колкие мысли: «Вот — собака тоскует об Алексее, а ты уж и забыл о нем. [Вот]» ($ЧА_2$) (*ср. варианты к стр. 322, строкам 23—36*).

Стр. 324.

1 Поп-то жив? / Поп-то где? ($ЧА_2$)

2 *После*: ответил Никита,— и как будто усмехнулся. ($ЧА_2$)

4–7 Хороший поп ∾ так думаю. / *а.* Артамонов старший проворчал: — По-моему, не веровал он в бога, притворялся попом из бедности своей. *б.* Тихон проворчал: — По-моему, никогда не веровал ∾ из бедности своей. ($ЧА_2$)

8–9 Нет, он ∾ по-своему верует. / Нет, — сказал Никита,— он веровал, только он — во Христа.— И, вздохнув, добавил:— Каждый по-своему верует. ($ЧА_2$)

8 он веровал [только] во Христа (*БА*)

10 твердо сказал Тихон / *а.* заметил Тихон Вялов *б.* заметил Тихон ($ЧА_2$)

11 нехорошо усмехнулся: — Додумались... / скрипуче засмеялся: — Всем — одна каторга! Додумались. Всех в одни оглобли... ($ЧА_2$)

13 *Слов*: босиком, в ночном белье — *в* $ЧА_2$ *нет.*

13–14 посмотрел ∾ под окном / *а. Слов нет. б.* посмотрел в бледное небо, потом на людей под окном и сказал ($ЧА_2$)

15 И вы урчите тут... / *а. Слов нет. б.* [Вы тоже не спите?] И вы тут урчите... ($ЧА_2$)

16–18 Собака сидела ∾ хозяин позовет ее./ *а.* А собака сидела среди двора, насторожив уши, глядя в [ледяные при луне] темные стекла окна хозяина и, должно быть, ожидая, когда [он] хозяин позовет ее. *б.* [Собака сидела, не глядя.] Собака сидела среди двора, глядя в темные дыры открытых окон и, должно быть, [ожидая] [наде⟨ясь⟩] ожидая, когда хозяин позовет ее. ($ЧА_2$)

19–20 *Фразы*: А ты, Тихон ∾ заговорил Артамонов.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 Вот, Яков, гляди / Вот, гляди, Яков, — заговорил отец ($ЧА_2$)

21 *После*: в капкан попал.— [Тоже] Вот так же и брат твой... Да. ($ЧА_2$)

22 Ты, Никита ∾ знаешь? / *а. Фразы нет. б.* [Ты про Илью знаешь?] Искоса взглянув на монаха, Ар⟨тамонов⟩ ст⟨арший⟩ спросил: — Ты, Никита, про Илью знаешь? ($ЧА_2$)

24–25 Да. Прогнал ∾ а — куда? / *а. Текста нет. б.* Да. Вскочил на чужого коня... [То-то вот...] поскакал, а — куда? Сам не знает. ($ЧА_2$)

25–26 не всякий может, как он / *а. Слов нет. б.* не всякий способен ($ЧА_2$)

26 *После*: жить неведомо как... — [Нелегко, поди-ко.] ($ЧА_2$)

27–28 тихо напомнил Никита / *а. Слов нет. б.* тихо [заговорил] напомнил Никита [— Ну, я не знаю,— сказал Пет⟨р⟩]

33–35 *Фразы*: Грузный, в белом ∾ почти страшен.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

36–41 О машинах ∾ шуму больше./ *а.* «В монахи надо было тебе идти,— укоризненно размышлял обиженный человек.— А ты всю жизнь фальшиво живешь, как неверующий поп Глеб». Чтобы заставить молчать этих двух неудачных людей, а главное,— третьего в себе, Артамонов встал и, глядя на собаку, заговорил строго:

— Рассуждать просто, старики,— понимать трудно. Рассуждать легко — это дело словесное. Нет, вы поработайте! Да. Жалость к людям обнаруживает дело, оно их кормит, одевает, обувает... Вот, что надо понять. Машины — не мешают.

Он сердился, не находя [подавляющих мыслей и] достаточно [веских] внушительных слов. Надо было [сказать] оглушить этих двух каким-то каменным словом и уйти прочь, победителем. А то, что он говорил, не действовало, потому что Тихон сказал, перебив его речь:

— Поп Глеб — понимал: вот он отказался от всего народа и — ушел... А от машин жить стало дороже.

Из-за колокольни в рассветное небо выплывала луна и таяла в нем, точно кусок масла. *б.* «В монахи-то надо было тебе идти ∾ Артамонов, присев на ступень крыльца, заговорил строго: — Рассуждать просто ∾ он сердился, не находя достаточно внушительных слов. Надо было оглушить ∾ А от машин и жить стало дороже, и шуму больше.

Из-за колокольни в рассветное небо всплывала луна и таяла в нем, точно кусок масла, на дворе стало светлее, свежей.

— Ты, Вялов, говорил, что многое забывать надо; вот тебе и надлежит забыть мысли твои. Мысли [то] у тебя — вредные. Толку в них нет, одна глупость.

Тихон проворчал что-то.

— Чего? — спросил Арт⟨амонов⟩. Вместо Тихона ответил Никита, негромко и виновато:

— Он говорит: глупостью [вся жи⟨знь⟩] всё держится.

— Что — всё? — [стр⟨ого⟩] требовательно спросил Ар⟨тамонов⟩ ст⟨арший⟩.

— Дела эти разные,— тоже сердито сказал Тихон, встал и боком пошел к воротам, тихонько свистнув собаке.

— Эх, ты,— вздохнул Ар⟨тамонов⟩ ст⟨арший⟩, а [сын его] Яков [подумал], закуривая папиросу, догадывался: «Слышал отец[-то, что], как он говорил о Носкове?» (*ЧА*$_2$)

Стр. 325.

1–2 Артамонов ∾ пошел в сад / *а.* Артамонов посмотрел на него и [тоже пошел] пошел спать *б.* Арт⟨амонов⟩ встал и пошел в сад, приказав Якову: — Принеси в беседку [мне] одеяло, подушки... (*ЧА*$_2$)

2–5 *Текста*: а Яков ∾ помочь не могут — *в ЧА*$_2$ *нет.*

6 Отец не пригласил [дядю] брата жить к себе (*БА*)

6–8 Отец не пригласил ∾ я уйду скоро... / *а.* Ему было приятно узнать, что монах остался жить у Ольги, в комнате с одним окном в сад. *б.* [Петру Ар⟨тамонову⟩ брат] Петр чувствовал, что неприязнь к брату растет в нем с часу на час, он даже не позвал Никиту жить к себе, и монах остался жить в доме Ольги, на чердаке.

9–14 Жил он почти незаметно ∾ рассказывая важные тайны./ Жил он почти незаметно, [всё более] сморщиваясь, подсыхая телом, но говоря с людями всё ласковее и мягче, тающим голоском и так тихо, точно рассказывал важные тайны. [Петру часто казалось, что брат говорит только для того, чтоб скрыть или забыть свою вину пред [кем-то] богом и людьми.] Иногда [он уходил] [монах] Никита, размахивая посохом, уходил куда-то, камнем скатываясь в леса с пологого берега Оки, где крепко врос в песок маленький, упрямый городок, а возвращался еще более тихим и ласковым, как будто где-то там успешно собрал и [подновил] освежил всё то, что в юности так хорошо отличало его от людей. «С богом мириться ходит, что ли?» — соображал Артамонов. *б.* Жил он почти незаметно, сморщиваясь, подсыхая телом, и говорил с людьми ласково, тающим голосом, так тихо, точно рассказывал важные тайны. Иногда Никита, размахивая посохом, уходил куда-то, как будто где-то там успешно собрал и освежил всё то, что в юности так хорошо отличало его от людей. (*ЧА*$_2$)

14–16 Церковь посещал неохотно ∾ от таких разговоров./ Но не похоже было, чтоб Никита возвращался к юношеской вере

своей, он посещал церковь не очень охотно, отговариваясь нездоровьем, дома тоже молился мало —*Далее как в тексте* (*ЧА*$_2$)

16 *После*: от таких разговоров.— Иногда он напивался пьян и всё больше, [всё] жаднее курил. (*ЧА*$_2$)

17 Яков видел ∾ подружился с Ольгой / Он очень подружился с Ольгой (*ЧА*$_2$)

18 его уважала ∾ Попова / его, видимо, уважала Вера Попова (*ЧА*$_2$)

18–20 Мирон, слушая ∾ не морщился / *а.* Мирон, слушая торопливые, тихие рассказы дяди о людях, слушал его серьезно, не морщась *б.* Мирон, слушая тихие рассказы дяди о людях, не морщился (*ЧА*$_2$)

20–23 Мирон стал ∾ как старший / *а.* Мирон становился всё более заносчив, сух и говорил командующим тоном старшего. *б.* Мирон стал еще более заносчив, сух, [и вел себя] на фабрике распоряжался как старший. (*ЧА*$_2$)

24 красное лицо / багровое лицо (*ЧА*$_2$)

25 на всё и на всех / на всех вокруг (*ЧА*$_2$)

26 *Слов*: чем с другими — *в ЧА*$_2$ *нет.*

28–30 в их мутном взгляде ∾ пред Мироном / сквозь их муть сквозила тревога [о дочерях] о здоровье мужа, боязнь опоздать с засолом огурцов, страх пред насмешливым Мироном (*ЧА*$_2$)

31 *После*: солидного Якова.— Артамонов старший видел, что Никиту все любят, уважают,— за что же? Он не верил монаху, ему казалось, что брат притворяется тихоньким и мягким так же ловко, как притворялся тогда, когда думал обольстить Наталью. И, порою, наблюдая за горбуном, он ждал, что вот монах вскочит со стула, затопает ногами и закричит [всем обидные тяжелые, но] неотразимо верные слова: «За что вы меня обидели?»

Обиженный человек нередко убеждал Петра, что брат имеет право сердиться, топать и кричать. Но пока топал Тихон Вялов. Этот, чем более старел, тем более нелепо, посолдатски, выпячивал грудь, крякал, урчал и казался заряженным порохом. Он стал еще молчаливей, его спокойствие превратилось в угрюмость старой собаки, мерцающие глаза поблескивали оловом [и льдом], он говорил с Кучумом ласковее и чаще, чем с людьми, но кажется понемногу сходил с ума. Хуже всего в нем было то, что он начал ухмыляться и даже изредка смеялся, но не густо и громко, как бы ему следовало, а так, как будто в горле у него сухая щепа трещала (*ЧА*$_2$)

31–33 С Тихоном монах ∾ хотя не спорили / С Никитой он был в чем-то не согласен и хотя они не спорили ($ЧА_2$)

35–36 черная фигура ∾ одну тень / темная фигура дяди [монаха] внесла [скучную тень] какое-то подавляющее пятно ($ЧА_2$)

36–37 тяжелые предчувствия / [она рождала] предчувствие беды ($ЧА_2$)

38 *После*: думать о смерти.— Да, Яков в этот час сидел в комнате [у] Полины [пил кофе] у окна и, скрывая лицо зеленью кустов, смотрел на улицу. ($ЧА_2$)

38–40 смотрел на∾всё возрастали / смотрел на [всех людей] всё издали, с высоты своих забот, а они всё возрастали ($ЧА_2$)

40–41 *Слов*: однако и дома ∾ новых тревог — *в* $ЧА_2$ *нет*.

Стр. 325—326.

41–3 Чутье мужчины ∾ подтверждал / Он подозревал, что Полина обманывает его с хладнокровным поручиком [Мичуриным] Мавриным; поручик как будто подтверждал ($ЧА_2$)

3–5 встречаясь с ним ∾ прищуривал глаза / [встречая Якова в городе, небрежн⟨о⟩] встречаясь с ним, пренебрежительно прищуривая глаз, только молча [и с⟨легка⟩] касался пальцем фуражки своей [молча проходил дальше] [молча шел] ($ЧА_2$)

7–10 в общественном собрании ∾ одобрительно говорил / [занимая] в общественном собрании, занимая у Якова деньги на игру в карты, говорил ($ЧА_2$)

12 Или говорил ∾ тоже приятное./ Или что-нибудь другое, приятное. ($ЧА_2$)

13 Якову льстило / Арт⟨амонову⟩ льстило ($ЧА_2$)

13–14 точно из резины ∾ весь город / [этого плотного] этого точно из резины отлитого человека, который [хвастался] удивлял весь город ($ЧА_2$)

15–16 и несомненно ∾ храбростью / прямотою своего характера ($ЧА_2$)

18 говорил сиповато / говорил ($ЧА_2$)

19–20 Я мужчина ∾ преувеличений./ Я человек хладнокровный. Терпеть не могу [ничь⟨их⟩] никаких преувеличений. ($ЧА_2$)

21–23 с почтмейстером ∾ в городе боялись / с [ехидным старичком] почтмейстером Дроновым, которого все [боялись] уважали ($ЧА_2$)

24 Преувеличивать не стану / Преувеличивать не [стану] буду ($ЧА_2$)

26–29 боялся столкновений ∾ всё приятнее ему / боялся столкновений с [ним] поручиком, но уступить ему женщину не мог — Полина становилась всё [ми⟨лей⟩] приятней ему ($ЧА_2$)

27 столкновений с поручиком / столкновений с ним (*БА*)

28 уступить Маврину / уступить ему (*БА*)

29–32 *Текста*: Все-таки ∾ брошу! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

33–34 Рядом с этим ∾ охотник Носков./ Но [еще б‹ыло›] это было не так важно в сравнении с той тревогой, которую [всё более] внушал ему Носков. (*ЧА*$_2$)

34–37 Он подстерегал Якова ∾ глядя в свою фуражку./ Ему казалось, что [еще] тревожные дни изменили охотника, он [ходил по земле] стал меньше хромать, поднял голову, нахмурился и хотя, как прежде, разговаривая с Мироном или с отцом, смотрел в шапку [но] или на ладонь своей руки, но Яков понимал, что это делается не из робости, а по привычке. Он всё чаще обращался к Якову, выпрашивая разные льготы для себя [а однажды] и, наконец, [дождливым утром] дождливым полуднем осени, придя в контору, плотно притворив за собою дверь, тихо попросил пятнадцать рублей: [— Зачем это?] — Гармонию покупаю. [Замечательная трехрядка]. [Старая итальянская трехрядка, новая она полсотни стоит]—Он говорил [развязно] долго и так, как будто Яков [тоже] неизбежно обязан был участвовать в покупке какой-то замечательной гармонии, которая продается по нужде женою ее умершего владельца. Развязно описав достоинства гармонии, он [расто‹пырив›] добавил, глядя в горсть себе (*ЧА*$_2$)

34–35 на окраине города, у мостика / на пустынной окраине города или у мостика (*БА*)

37 глядя в свою фуражку / глядя, как всегда, в свою фуражку (*БА*)

38 странное, нехорошее / странное и нехорошее (*БА*)

40 крапивы и репейника / крапивы, репейника (*БА*)

Стр. 326—327.

38–9 *Текста*: Было что-то странное ∾ стаскивал с головы своей фуражку и бормотал — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 327.

10–11 Тут ∾ компания... / Тут снова завелась компания... (*ЧА*$_2$)

12 не мое дело / дело не мое (*ЧА*$_2$)

12–13 сердито говорил Яков / хмуро сказал Яков (*ЧА*$_2$)

13 и слышал ∾ нахальство / [А Носков как] и ему послышалось нахальство в [ответе] вопросе Носкова (*ЧА*$_2$)

14–15 Конечно ∾ касается вас./ Как уже не ваше? Чье же? (*ЧА*$_2$)

16–17 Жаль, не пристрелил ∾ шпиону, говорил / «Надо было пристрелить его тогда»,— впервые подумал он и, положив деньги на край стола, попросил (*ЧА*$_2$)

20 Я знаю. / Я знаю — дело опасное. (*ЧА*$_2$)

21 Зачем же? Будьте покойны. / Будьте покойны.— [И охотник

вышел из конторы, почти не хромая] Охотник поклонился, как человек, который знает себе цену, и ушел. (*ЧА*$_2$)

22 «Да, конечно ∾ дураком...» / «Да, надо было застрелить его»,— [вновь подумал] в десятый раз сожалел Яков. (*ЧА*$_2$)

22 Да, конечно / Да, да, конечно. (*БА*)

23–26 Понимая, что ∾ Он хочет этого./ Он понимал, что в эти дни бунтов, поджогов, разбоя, Носков человек [особенно полезный] полезный, [но понимал и то] [и понимал, что] но был уверен: этот парень с плоским лицом может отомстить [ему] за выстрел. (*ЧА*$_2$)

26–27 Он запугает ∾ подкупит / Он запугает или подкупит (*БА*)

26–29 Он запугает ∾ внимательнее и злей./ Он запугает каких-нибудь парней и прикажет [им] убить его. [Он знал, что на фабрике есть люди, обиженные им и] Ему казалось, что за последнее время [они смотрят] рабочие стали смотреть на него злее. (*ЧА*$_2$)

29 *После*: внимательнее и злей.— *зачеркнуто*: Говорить о Носкове с Мироном было бесполезно, Яков понимал это. Чем помог бы ему Мирон в этом случае? Он только обрадовался бы. (*БА*)

30–33 Мирон всё чаще говорил ∾ банки, фабрики / [Мирон поучительно рассказывал, что [среди рабочих] рабочие Мос⟨квы⟩, Пет⟨ербурга⟩ пытались устроить революцию не затем, чтоб улучшить своё положение, но для того, чтоб встать на место хозяев, забрав банки и фабрики в свои руки.] Мирон в каких-то своих целях всё чаще говорил, что немцы и евреи [учат их] внушают им: рабочие должны [отнять у хозяев фабрики] взять в свои руки банки [и так же] и фабрики (*ЧА*$_2$)

33–34 они должны ∾ хозяйство страны / [рабочие] они должны взять в [свои руки] свою волю всё хозяйство [всю власть] страны (*БА*)

34–38 *Текста*: Говоря об этом, он ∾ достаточно широк.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

39 Это уж даже ∾ чёрт знает что! / Это уж не социализм, а мошенническая попытка еврейства разрушить Россию,— пугал он, [блест⟨я⟩] поблескивая стеклянными глазами. (*ЧА*$_2$)

39 *После*: не социализм, а — *зачеркнуто*: мошенническая выдумка сумасшедших (*БА*)

40–41 И вот ∾ правительство старых ворон... / [[Это казалось] Яков [не считал это серьезным] понимал это, как желание детей стать [сраз⟨у⟩ вз⟨рослыми⟩] взрослыми, перепрыгнув через два-три десятка лет и, слушая холодные [вы⟨кладки⟩]

Мирона, не верил ему — Мирон пугал в каких-то своих целях.] Это безумие детей, которые захотели бы стать сразу взрослыми, перепрыгнув через двадцать-тридцать лет жизни. Но здесь [речь должна идти] необходим прыжок не через десятки лет, а через столетия. И если наше правительство старых ворон... (*ЧА*$_2$).

Стр. 328.

1–18 Яков понимал ∾ бег темных, воющих пятен. / Яков понимал, что брат говорит всё это, чтоб убедить себя и [дру⟨гих⟩] слушателей в своем праве на место в Государственной думе. Но все-таки речи Мирона [углубляли его страх] оставляли едкий осадок; страх Якова перед рабочими становился темней [и однажды даже], гуще [и даже довел его] [взорвался] и [даже] однажды довел его почти до припадка [ужаса]. [Это видение было как] Это было как сновидение: [он с⟨коро?⟩] Яков скоро очнулся, понял, что у ворот фабрики разыгралась обычная драка: по понедельникам [драка] люди с похмелья почти всегда дрались. Но все-таки в памяти остался [этот] темным пятном этот жуткий [скользящий] бег [теней] воюющих теней. [И вообще] [И движение по белой, каменной стене]. Это было рано утром. Яков только что проснулся; вдруг на [на дворе] фабричном дворе, как-то сразу взорвался шум, вой, крик, [подбежав] подойдя к окну, Яков увидел, что по [двору бегут к воротам рабочие, у ворот кто-то белый] белой глади стены мчится, размахивая руками, толпа безобразных теней и тащит, двигает по земле за собою, всё здание склада [по земле]. «Вот — бунт!» — мелькнуло в голове Якова. [У него] [У Якова потемнело]. Потемнело в глазах, Яков схватился за косяк и [с минуту] стоял в полуобморочном состоянии [ужаса], глядя на [этот бун⟨т⟩] мятежный поток теней, почему-то более реальных для него, чем люди. (*ЧА*$_2$)

11–12 Он, сразу весь вспотев / Он сунул голову под подушку, сразу весь вспотев (*БА*)

13 *После*: «Бунт...» — [Это продолжалось недолго] (*БА*)

18–22 Вообще вся жизнь ∾ новые люди. / *а.* Всё более одиноко чувствовал он себя среди своих и чужих людей. Ничего нельзя было понять. Зачем Мирон и Яков собирают в обед рабочих, о чем-то они кричат с ними?

Почти ежедневно в хорошую погоду он уходил на холм, под сосну, сидел там, опираясь на палку и, слушая умненькие мысли обиженного человека, бормотал вслух: — Да, да! Х-хе-хэ! Да-а... Обиженный человек был приятен, как банщик, когда

тот мягкой и в меру горячей душисто намыленной мочалкой трет кожу спины в том месте, где самому человеку нельзя почесать — не достает рука. *Далее*: Он смотрел вниз за реку ∾ вот на таких рыженьких работал ты, Петр Ильич... (*См. варианты к стр. 329, строкам 13—33.*) *б*. Всё более ∾ нельзя было понять, зачем Мирон собирает в обед рабочих, о чем-то кричит с ними и рабочие слушают его, ведут себя смирнее городских. А вот Яков почему-то растерялся, приуныл, худеет [и]. [И вообще всё кругом, вся жизнь ста⟨новится?⟩] Ясно, жизнь портится, [становясь] из нее уходит приятное, простое и необходимое человеку, [а она] отовсюду [вторгаются [не⟨приятности?⟩] тревоги, опасности, новые люди] грозят, вторгаются опасности и необыкновенные новые люди. (*ЧА*$_2$)

23–27 Сестра Татьяна ∾ звать его Митя. / *а*. Мирона сопровождал муж Татьяны, инженер, быстрый на ногу и веселый; он был на два года моложе своей жены и, начиная с нее, все стали звать его — Митя. *б*. [Татьяна] Сестра Татьяна вдруг привезла из Воргорода [мужа] жениха, сухонького, рыжеватого инженера; [*нрзб*] легкий, быстрый на ногу, веселый. *Далее как в тексте* (*ЧА*$_2$).

27–28 Он ∾ пел песни / *а*. Играя на гитаре, он пел песни *б*. Он играл на гитаре, пел песни (*ЧА*$_2$)

29 особенно часто / *а*. особенно часто *б*. особенно часто и ловко (*ЧА*$_2$)

29–30 казалась Якову ∾ возмущала мать / *а*. казалась Артамонову зазорной и обидной для Татьяны *б*. казалась Якову обидной для сестры (*ЧА*$_2$)

34 *После*: В раю! — пел Митя (*БА*)

35 Но сестра не обижалась / *а*. Но Татьяна не обижалась *б*. пел жених, но невеста не обижалась (*ЧА*$_2$)

35–36 этот человек / *а*. этот человечек / *б*. этот человек (*ЧА*$_2$)

36 и даже мать ∾ говорила ему / *а*. Наталья говорила ему *б*. Наталья нередко умиленно говорила ему (*ЧА*$_2$)

37 Ах ты, чижик! / *а*. Ах ты, паяц! *б*. Ах ты, чижик! (*ЧА*$_2$)

37 поешь, паяц! / *а*. поешь, поешь! *б*. поешь, паяц! (*ЧА*$_2$)

38 Есть Митя мог ∾ много / *а*. Есть он мог бесконечно много, точно голубь, и был так беден, что [венчался] приехал, должно быть, в чужих брюках: когда Артамонов благословлял его и он опустился на колени,— брюки лопнули. *б*. Есть он мог, как голубь, бесконечно много и был так беден, что приехал, должно быть, в чужих брюках: когда отец и мать [ста⟨ли⟩] благословляли его с Татьяной и он опустился на колени,— брюки лопнули. (*ЧА*$_2$)

39–40 Артамонов старший ∾ спрашивал / а отец, разглядывая его удивленными глазами, как сон, говорил ему (*ЧА*$_2$) [1]

Стр. 329.

1 При таком характере / При твоем характере (*ЧА*$_2$)

2 ответил зять / отвечал зять (*ЧА*$_2$)

3 тоже изрядно / тоже много (*ЧА*$_2$)

3–4 *Текста*: Он везде бывал ∾ на Кавказе — *в ЧА*$_2$ *нет.*

5–6 забавных прибауток, рассказов / шуток, пословиц (*ЧА*$_2$)

6–7 он прибежал ∾ беспечной страны / он сбежал из какой-то беспечной, веселой страны (*ЧА*$_2$)

8 Жизнь — красавица!— говорил он / он говорил: — Жизнь — красавица! (*ЧА*$_2$)

8–13 и сразу попал ∾ со своих тонких губ / *а.* Татьяна привезла его из Воргорода, он сразу стал своим человеком, рассмешив чем-то всех. *б.* [Его сразу в] Он как-то сразу понравился рабочим [и даже Ми⟨рону⟩], молодежь кланялась ему, улыбаясь, старики ткачи ласково кивали головами, и даже Мирон, слушая его рассыпчатую, сверкающую смехом речь, то и дело слизывал языком улыбки со своих тонких губ (*ЧА*$_2$)

13–21 Вот он идет ∾ бросая что-то на землю. / *а.* Он смотрел вниз, за реку, на распластавшиеся по серому или белому красные корпуса фабрики, они крепко и цепко въелись, всосались в землю четырехпалой лапой. Возникал пятый палец: длинный, загнутый крючком, острым в изгибе, обмотанный, [как] точно нитками, серыми полосками лесов; по доскам лесов бегали каменщики, красненькие и в пятнах, как слепые клопы; внизу, почти бесшумно, тюкали плотники серебряными на солнце топорами, а по его двору ходил, блестя стеклом и золотом очков, длинный тонкий Мирон, простирая руку, точно генерал на картинке ценою в пятачок. Мирона сопровождал муж Татьяны, инженер. *б.* Вот он идет рядом с Мироном по двору фабрики к пятому корпусу; он еще только возник [и стоит на], вцепился в землю пятым, красным пальцем, и стоит, весь опутанный лесами, на [досках] полках лесов возятся каменщики в красных рубахах, блестят серебряные топоры плотников, блестят стеклом и золотом очки Мирона; длинный, тонкий, он простирает руку, точно генерал на картинке ценою в пятачок, а Митя, кивая курчавой головою, тоже размахивает руками... (*ЧА*$_2$)

15–16 пятый палец ∾ лапы/красный палец кирпичной лапы (*БА*)

---

[1] *Текста*: Артамонов старший ∾ Жизнь — красавица! — говорил он (*стр. 329, строка 8*) — *во второй редакции нет.*

29 кивая головою / кивая курчавой головою (*БА*)

22–28 Яков смотрит ∾ как явился. / *а.* Но он казался человеком ненадолго, до завтра, завтра он мог куда-то убежать или объявить себя актером, парикмахером а не инженером. *б.* Зять тоже нравится ему, с ним весело, и [П⟨етр⟩] Яков даже завидует его характеру, но чувствует к этому человеку [какое-то] странное недоверие: кажется, что это человек ненадолго, до завтра, а завтра ∾ не инженером. (*ЧА*$_2$)

22–23 Зять нравится и ему / Зять тоже нравится ему (*БА*)

25–26 этот человек / это человек (*БА*)

28–30 В нем было ∾ за Татьяной / Одно хорошо было в нем: он не спросил за Татьяной приданого (*ЧА*$_2$)

31 скрыта ∾ хитрость / *а.* скрывалась и Татьянина хитрость *б.* скрывается какая-то Татьянина хитрость (*ЧА*$_2$)

31–33 Но отец ∾ работал я... / *а.* «Да, да,— говорил обманутый человек.— Вот на каких рыженьких работал ты, Петр Ильич...» *б.* Отец, трезвый, ворчит:— Вот на какого рыженького работал я... (*ЧА*$_2$)

35 представить вам / представить вам, дядя (*ЧА*$_2$)

36–38 поставил пред собою ∾ набок головкой / вытащил за руку из-за спины своей голубоглазую, румяненькую, пухлую штучку (*ЧА*$_2$)

36–37 перед собою [маленькую] голубоглазую (*БА*)

38–41 Его жена ∾ фигуркой, прилепленной / Она была сделана как-то игрушечно отчетливо и очень походила на фарфоровую фигурку, прилепленную (*ЧА*$_2$)

39 особенно отчетливо / парочито отчетливо (*БА*)

Стр. 330.

1 дяди Алексея / брата Алексея (*ЧА*$_2$)

1–3 голова фигурки ∾ и статуэтка / часы стояли на подзеркальнике, Алексей отбил головку фигурки ножницами и приклеил ее несколько криво, так что фигурка (*ЧА*$_2$)

3 и статуэтка / и барышня (*БА*)

4–5 Мирон объявил ∾ что ей / Мирон сказал, что жену зовут — Анюта и ей (*ЧА*$_2$)

6 в придачу к ней / за нею (*ЧА*$_2$)

8–9 Вот как ∾ красными глазами. / *а.* «Да, да,— нашёптывал обиженный человек.— Вот как. А Яков не женится». *б.* Вот как женятся,— ворчал отец, укоризненно глядя на Якова красными глазами. (*ЧА*$_2$)

9–10 чёрт знает с какой / чёрт знает с кем (*ЧА*$_2$); чёрт ее знает с какой (*БА*)

10 А Илью вымели / *а.* Илью вымели *б.* Илью вымело (*ЧА*$_2$)

10 как сор / как сор метлой (*БА*)

10 *После*: как сор.— *а. Текста нет. б.* И, махнув рукою, он уходил на холм, под сосну, захватив с собою бутылку мадеры. (*ЧА*$_2$)

11 Отец ходил с трудом / *а.* Комарами ныли думы и ныли ноги. Артамонов давно уже ходил в мягких, бархатных сапогах, ходил с трудом *б.* Он давно ходил с трудом (*ЧА*$_2$)

11–12 обмякшее, вялое тело / обмякшее тело (*ЧА*$_2$)

12–14 Якову казалось ∾ безобразие старческой наготы / *а.* Тело это, еще недавно легкое и крепкое, теперь оскорбляло и злило его своей вялостью, тяжестью (*ЧА*$_2$)

12 что [безобразие] тело это злит отца (*БА*)

14–17 он щеголял ∾ чтобы позлить ее / *а.* У Артамонова явилось насмешливое желание выставлять напоказ безобразие старческой наготы, и весною, летом, он щеголял пред людями так же, как перед дочерью Еленой,— в неподпоясанном халате, с раскрытой, оплывшей грудью, в подштанниках. *б.* Яков заметил, что у отца явилось желание нарочито выставлять напоказ людям ∾ в подштанниках. (*ЧА*$_2$)

17–22 Иногда он являлся ∾ никаких радостей. / *а.* Дома все было так непонятно и чуждо, что он уже внутренне отмахивался от мыслей о домашних и думал лишь о том, как это случилось что он отдал все силы свои красной лапе фабрики, а теперь она не нужна, не интересна ему? Всю жизнь прожил, запряженный в каменные оглобли дела,— в дыму забот, не зная никаких радостей... / *б.* Иногда он приходил в контору и долго сидел там, мешая Якову заниматься, рассказывая, что вот он отдал (*ЧА*$_2$)

23–24 Сын слушал ∾ увеличивают его / *а.* Эти думы раздували, увеличивали его, от них он вырастал *б.* Сын слушал и понимал, что эти жалобы, утешая отца (*ЧА*$_2$)

27 *После*: уходя в ночь.— Иногда обиженный человек, для того, чтоб Артамонову еще яснее была скука прожитой жизни, напоминал ему обольстительно нагое тело женщины на черной крышке рояля; как должно быть радостно и страшно жить с такой женщиной. А с Верой Поповой можно бы жить точно в лодке, тихо спускаясь по реке в теплое море. (*ЧА*$_2$)

27–29 *Текста*: Но из этих жалоб ∾ отец — бессмысленно.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

30–32 И всегда ∾ издеваться над ними. / *а.* Эти воспоминания будили у Артамонова горячий зуд, ему хотелось обижать людей, насмешничать. *б.* [Но] И всегда Яков замечал, что после таких жалоб [у отца] [отец впадает] отцом овладевает горячий,

беспокойный зуд, желание обижать людей, издеваться над ними ($ЧА_2$)

32–33 Он шел ∾ в сад / *а.* Он испытывал острое удовольствие, видя старуху жену печально задумавшейся; вот она сидит *б.* Он шел к старухе матери; вот она сидит ($ЧА_2$)

34–35 он садился ∾ и зудел / застигая ее в этой позе, старик дергал себя за ухо и зудел ($ЧА_2$)

36 О чем думаешь? / Что вытаращила глаза? О чем думаешь? ($ЧА_2$)

37 говорит милее / милее говорит ($ЧА_2$)

38–39 Елена-то ∾ любовника завела. / Елена, слышь, опять любовника, немца, завела. ($ЧА_2$)

40 жену дразнить / жену даже дразнить ($ЧА_2$)

40–41 ее багровое ∾ слезами / [напуганная] она жалобно мигала, улыбалась виновато, и вдруг всё багровое лицо ее потело слезами ($ЧА_2$)

Стр. 331.

4 *После*: ворчал старик — а она, всхлипывая, шлепая губами, [ж⟨аловалась?⟩] вопила: — Ты мне Илью-то пальцем трогать не давал, а вот Яшу била я, так сам видишь... ($ЧА_2$)

4–5 и уходил / Артамонов уходил ($ЧА_2$)

7–8 Якова он ∾ жалостью. / *а.* Дразнить Якова было неловко, он такой солидный, да и нечем дразнить его, кроме распутства, а над этим старик не только не умел посмеяться, этому он, со стыдом, завидовал. *б. Как в тексте до слов* — на него — *Далее*: с какой-то обидной жалостью ($ЧА_2$)

8–10 *Текста*: Иногда он ∾ пустоглазый...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

11–12 Мирон был ∾ понятно Якову. / *а.* Еще более недоступен был насмешкам Мирон; старик чувствовал, что он всё острее боится племянника, как боится маленький судак большой щуки. Это становилось даже и не обидным. *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

13 боялись и на фабрике / *а.* боялись на фабрике *б.* боялись и на фабрике ($ЧА_2$)

14–15 отворявшего парадную дверь / отворявшего двери ($ЧА_2$)

15–16 Когда Мирон ∾ тишину. / *а. Фразы нет. б.* Когда он шел по двору, то казалось, что длинная тень его творит тишину.

18–19 этот сам ∾ побьет другой / этот сам себя высмеивал, забегая вперед людей, должно быть из осторожности [нищего] ловкого человека, который предпочитает сам себя ударить раньше, чем его побьет другой ($ЧА_2$)

20 Татьяна, беременная / *а.* Его жена, беременная второй раз *б.* Татьяна, беременная ($ЧА_2$)

21–22 после обеда ∾ как пудель / и водила мужа за собою, как пуделя (*Ч*А$_2$)

23–24 Артамонов старший ∾ брата и Тихона / *а*. Всего чаще удавалось дразнить только брата, монаха *б*. Артамонову удавалось дразнить брата, монаха (*Ч*А$_2$)

24–25 Яков ∾ делает это./ *а. Слов нет. б*. Яков однажды видел это, будучи в гостях у тетки, сидя в саду, в беседке (*Ч*А$_2$)

27 привязывался он к монаху / *а*. спрашивал Артамонов старший, и посмеивался.— Х-х-хо... *б*. спрашивал отец дядю (*Ч*А$_2$)

29 острые колена свои / свои костлявые колена (*Ч*А$_2$)

29–30 и тихо, жалобно говорил / и бормотал (*Ч*А$_2$)

31 Ой, напрасно это... / Это — напрасно... (*Ч*А$_2$)

32 Как — напрасно? / Нет, не напрасно. (*Ч*А$_2$)

32–33 эта у тебя / это у тебя (*Ч*А$_2$)

36 *Фразы*: Табак нюхаешь.— *в ЧА$_2$ нет.*

39 как я, дед / дедушка, да (*Ч*А$_2$)

39 А ты допустил — помнишь? / А тебя попутал бес к чужой жене. Помнишь, а?—Видя, что его слова очень больно терзают брата, Артамонов терзал его бережно, с расчетом человека, который не хочет сразу съесть [всё] то, что ему приятно, а оставляет на завтра. (*Ч*А$_2$).

40–41 Медленно ∾ отползал прочь / *а*. Нет, заигрался ты, проиграл,— говорил он, отходя от монаха. *б*. Нет, заигрался ты, проиграл,— повторил отец, отходя от монаха. (*Ч*А$_2$).

Стр. 331—332.

41–1 Петр Ильич ∾ рассказывал ей / Затем он пробовал помучить Ольгу рассказами (*Ч*А$_2$)

Стр. 332.

1–2 Но это тоже не забавляло его / Но это оказалось невозможным (*Ч*А$_2$)

2–5 *Слов*: маленькая старушка ∾ поглядывая в окна — *в ЧА$_2$ нет.*

8 простирая правую руку вперед / простирая руку вперед (*Ч*А$_2$)

8–9 А на злые рассказы ∾ отвечала / усмехаясь, она сказала (*Ч*А$_2$)

10 *После*: Что хочешь говори — об Алексее (*Ч*А$_2$)

10–11 я знаю Алешу / я его знаю (*Ч*А$_2$)

11–12 *После*: не прибавится.— И, вздохнув, качая головою, она добавила:— Ох, какой злой ты стал... (*Ч*А$_2$)

13 Верно сказал он / Верно говорил муж (*Ч*А$_2$)

13–14 ты одним глазом смотришь / угрюмо усмехнулся Артамонов, — ты одним глазом смотришь (*Ч*А$_2$)

15 Обоими почти не вижу / Обоими не вижу,— покорно ответила она, и Петр почувствовал, вместе с жалостью к Ольге,— стыд пред нею (ЧА$_2$)

16–17 *Слов*: вчера ∾ разбила сослепа — *в ЧА$_2$ нет.*

18–19 Пробовал Артамонов ∾ тоже трудно. / *а.* С Тихоном было тоже трудно. *б.* Пробовал он дразнить и Тихона. (ЧА$_2$)

19–21 он, глядя вбок ∾ спокойно / *а.* этот молчал, покрякивал, смотрел вбок и чувствовалось, что он может что-то сказать, но не хочет. Конечно, это еще более раздражало Артамонова, усиливало его желание раздразнить дворника *б.* Тихон молчал, покрякивая, смотрел вбок. Это еще более раздражало [старика] отца, усиливая желание раздразнить дворника (ЧА$_2$)

22–23 Долго ты живешь ∾ резонно отвечал / Тебе сколько лет? — Ты, Петр Ильич, знаешь.— Тебе шестьдесят три.— Ну вот.— Много прожил. (ЧА$_2$)

25 А вот зачем ты жил, а? / Верно. Ну, а зачем же ты жил, чего накопил? А? (ЧА$_2$)

27–28 Верно, да — не всякий / Да не всяк (ЧА$_2$)

29–31 *Текста*: У Тихона были ∾ не слушая его, продолжал — *в ЧА$_2$ нет.*

32–34 Нет у тебя ∾ Это — почему? / Ни жены у тебя, ни детей. (ЧА$_2$)

34 *После*: место давал — и я тоже (ЧА$_2$)

34–35 не захотел, отвергся / не захотел, отверг (ЧА$_2$)

35–36 *После*: упрямство у тебя? — Ты говори (*БА*)

36 Опоздал спросить / Опоздал ты спросить (*БА*)

36–37 ответил Тихон, глядя в сторону / сказал Тихон, глядя в землю (ЧА$_2$)

39 за срок / за время (ЧА$_2$)

39–40 *После*: народу разбогатело.— А у тебя что? (ЧА$_2$)

41 деньги копили / копили (ЧА$_2$)

Стр. 333.

1 сказал Тихон / вдруг сказал Тихон (ЧА$_2$)

2 *После*: густо произнося б — *текст, зачеркнутый в третьей редакции*: точно в бубен ударяя. Он всегда находил какие-то намекающие слова и пословицы; [и] это усиливало подозрения Артамонова: «Что-то знает старый [чёрт] чёрт!» Терпение и спокойствие Тихона можно было нарушить только рассказами о распутстве женщин; эти рассказы старик не умел слушать спокойно, он [скоро на] брезгливо отшучивался и грубовато говорил:— Эка дрянь у тебя на уме, Петр Ильич...— [Затем] После этого он отходил прочь. Артамонов, довольный

успехом, усмехался вслед ему и думал: «Почему старого дворника отталкивают именно эти разговоры?» Вся жизнь Тихона протянулась на его глазах, он знал, что дворник жил чистоплотно и кроме связи с Зинаидой, когда она была еще девчонкой, кажется, не путался ни с одной из работниц, податливых на любовные игры; знал, что у Зинаиды Тихон был первым и что [по⟨шла⟩] уже после него она пошла по рукам. «Что ж, — неужели эта звероватая девица так отравила его бесстыдством, что он в десятках женщин и девиц не нашел ни одной лучше ее?» Но долго думать о Тихоне и вообще о людях Артамонов не мог, у него было достаточно дум о себе. Наверное скоро надо будет умирать, и обиженный человек настойчиво спрашивал: «Так и кончится жизнь, не будет никакого праздника?» Артамонов разумно возражал: «Поздно. Какие же радости в эти годы?» Но, печально вздыхая, он все-таки смутно надеялся, что какой-то праздник еще возможен. Он не решался представить себе этот праздник в очертаниях определенных, он догадывался, что лучше просто надеяться, чем надеяться на что-то ясное, на такое, о чем можно заранее думать и что [ипо⟨гда⟩] переживается в мыслях раньше, чем придет в жизнь. Всё определенное — обмануло, оно всегда являлось не таким, каким он ждал встретить его, всегда было или беднее или же [проскальзывало мимо] пролетало желанной птицей мимо охотника. Он видел, что окружающие всё более сторонятся его, избегают говорить с ним, понимал, что его считают злым и даже как будто боятся его, но это уже не обижало. Расхаживая по двору фабрики, по корпусам в затасканном халате, в галошах на босых ногах, выставляя напоказ полуголое, дряблое тело, [он] Артамонов находил, что [он растет], удаляясь от людей, он становится значительнее, умней [1]. Никита тоже пытался отойти от людей, но вырасти не умел и снова живет среди них любимым котом, которо⟨му⟩ [ка⟨ждый⟩] все заботятся устроить угол потеплее и кому каждый сует вкусный кусок; лаская Никиту, как бы хотят сделать горб его незаметным, глупо забывая, что в старости — безразлично, прям или горбат человек. Отношение [домашних] семьи к монаху возбуждало завистливую мысль: «Почему негодный человек, бездельно проживший всю жизнь, люб всем».

Далее: Никита умирал. ∾ Не забудьте! (*См. варианты к стр. 335, строкам 32—37 и стр. 336, строкам 13—34.*)

3 *Слов*: обругает Тихона — *в ЧА$_2$ нет.*

---

1 *Ср. варианты к стр. 330, строкам 14—27.*

4 но старик / но он (*ЧА*$_2$)

4 пробормотал что-то невнятное / пробормотал что-то (*ЧА*$_2$)

5 *Слов*: от дворника — *в ЧА*$_2$ *нет.*

12–41 Сам Яков всё яснее видел ∾ Правильно. / [Это всё] Всё это угнетало Якова своей ненужностью, всё казалось ему нечеловечески глупым, скучным [и чужим]. Он чувствовал себя умнее всех и чужим в доме, где единственный приятный человек, Митя, [был] казался [Якову] ему всё более явно ненадежным. Непонятно было, почему Мирон [в], черствый человек, командующий всеми, живет с этим [пустомелей] человеком дружно, и хотя часто спорит с ним, но никогда не ссорится? Поразительно было [отношение] поведение инженера Каратыгина с рабочими; Якову казалось, что муж Татьяны [как-то] заигрывает с ними, подмигивает им. Он всех называет друзьями, всех, и даже Носкова.— Друг мой, это не так,— говорит он шпиону,— это надо [взя⟨ть?⟩] вот так! Вот как надо, милая личность...— [Яков шел мимо двери в мастерскую. Но слова] Яков, идя мимо, видел это, слышал слова Каратыгина. «Эх, дурак»,— подумал он, [не считая, однако] хотя [и не] муж Татьяны [и] не казался ему ни глупым, ни умным, он выскакивал из этих оценок (*ЧА*$_2$).

16 оставаясь отличным от всех / оставаясь значительным и отличным от [н⟨их?⟩] всех (*БА*)

20 В доме ∾ звучал / Дома с утра до вечера [был и] звучал (*БА*)

31–32 выхватывал из кармана / или [хватал] выхватывал из кармана (*БА*)

38 надо привыкать / давай привыкать (*БА*)

Стр. 334.

1–7 Своею бойкой игрой ∾ Серафим... да! / Своей [бойкостью он был похож] бойкой игрой с делом он был похож на дядю Алексея, но [без жадности] в нем не чувствовалось хозяйской жадности, веселым балагурством [он] инженер напоминал плотника Серафима. [Он мелькал, как летучая мышь] Он мелькал на фабрике, как летучая мышь, бегал лисьим бегом [он был строг с рабочими, но умел] и ловко умел заметать [эту строгость] пушистым хвостом [бойки⟨х⟩] веселых шуточек сухую, обидную строгость Мирона с рабочими и служащими (*ЧА*$_2$)

8–14 *Текста*: Яков слышал ∾ Мы — очищаемся...— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 334—335.

15–6 Праздничным вечером ∾ какие игрушки лучше. / Якову почему-то думалось, что человек этот явился вовсе не из весе-

лой страны, а [нао⟨борот⟩] выскочил из [какой-то] темной, скучной ямы, дорвался до людей, и от радости, что дорвался до людей, пляшет пред ними, смешно умиляется обилием [их] людей, [ребячески] удивлен тем, что они не похожи друг на друга, [но в этом удивлении] и вот в этом его удивлении Яков подмечал нечто глуповатое, [ребяческое] так удивляется мальчишка в магазине игрушек, но [умный] мальчишка [умный] умно и сразу отличающий, какие игрушки лучше. Както за ужином пьяненький отец [по⟨жаловался⟩], жалуясь, сказал:

— Я жизнь без праздника прожил.

Зять тотчас взвился ракетой, рассыпался искрами:

— Ваша ошибка и ничья больше. Праздники устраивает для себя сам человек. Жизнь — красавица, она требует подарков, развлечений, всякой игры [всяких забав, как [всякая] женщина] — понимаете? [Ей надо] Жить надо с удовольствием. Всегда, каждый день можно найти что-нибудь для радости.

[Эти] Говорил он долго, ловко, точно на дудочке играя, и [как всегда] все за столом [как будто заснули под его речь] примолкли; всегда бывало так, что, слушая его, люди точно засыпали. Яков сам испытывал [это состояние] обаяние его речей, они были [понятны] приятны ему, он чувствовал в них правду, [думал, зачем] хотелось спросить Митю:— Зачем же ты женился на некрасивой и глупой? ($ЧА_2$)

Стр. 335.

1 что наконец дорвался / что дорвался, наконец (*БА*)

3 удивлен чем-то / удивлен этим (*БА*)

7 *Слов*: в доме и на фабрике — *в* $ЧА_2$ *нет.*

7–8 определенно не любили / [определенно] не любили ($ЧА$)$_2$

8–9 дядя Никита и Тихон Вялов / Тихон Вялов и дядя Никита, монах, они [видимо] оба одинаково оценили этого человека ($ЧА_2$)

9–12 На вопрос ∾ Неверный. / Неверный,— [сказал] ответил Тихон на вопрос Якова, как ему нравится Карат⟨ыгин⟩. ($ЧА_2$)

12 Чем? / Чем же неверный, кому?— Всем. Обманывает. ($ЧА_2$)

12 Чем? [Вообще всем.] (*БА*).

14 Яков долго / Но Яков долго ($ЧА_2$)

15 сказать ничего более ясного / ничего сказать более [то⟨чного⟩] ясного ($ЧА_2$)

16–17 Сам видишь ∾ фигуры выдумывает./ Фигуры выдумывает. [Я знаю.] Муха,— [неожиданно] заключил он свою оценку. ($ЧА_2$)

18 Дядя, монах, сказал почти то же. / Дядя сказал почти то же. [Что-то] (*ЧА*$_2$)

19–22 Пылит ∾ Да, да. / [Песок,— сказал он] — Пылит,— сказал он, вздыхая, опустив глаза.— Ты, Яша, не верь ему.— Почему? — Но и у дяди Яков не мог добиться более [определенного] определенных доказательств: почему Кар⟨атыгин⟩ не заслуживает доверия.— Видел я таких,— говорил монах, — много видел! Говоруны, краснобаи эти, ох, как путают [людей] народ. (*ЧА*$_2$)

23–29 Было странно слышать ∾ человеческую глупость / Это было странно и очень усилило недоверчивость Якова к [зят⟨ю⟩] мужу [Татьяны] сестры, странно потому, что монах с Тихоном жил недружно, в какой-то немой ссоре. [Он] Почти не разговаривая, они [обходили] ворчливо сторонились друг друга. И вот тут Яков, наблюдая [двух стариков[за ними, ясно чувствовал тяжелую глупость [чего делить] (*ЧА*$_2$)

30–31 завтра же опрокинет смерть? / может быть, завтра же опрокинет, свалит в землю, смерть? (*ЧА*$_2$)

32 Дядя Никита умирал. / *а*. Никита умирал. Это все видели. *б*. [Никита] Дядя Никита умирал. (*ЧА*$_2$)

33 усердно помогает / усердно, настойчиво помогает (*ЧА*$_2$)

33–34 при каждой встрече ∾ упреками / при каждой встрече с монахом Артамонов как бы мял и давил его, говоря (*ЧА*$_2$)

37 и даже будто не видят / Все будто не видят (*ЧА*$_2$)

37 *После*: ты горбат.— А накануне могилы — всё равно: горбат ты или прям. (*ЧА*$_2$)

39–40 Втягивая голову ∾ покашливая / [Монах, втягивая] Втягивая голову в плечи, тихонько кашляя, монах просил (*ЧА*$_2$)

41 *После*: Ты — не сердись.— [С чего ты?] Я — не сержусь, я правду говорю. (*ЧА*$_2$)

Стр. 336.

1–4 Чувство брезгливости ∾ прятать, скрыть. / [С некоторой поры Яков, глядя] Глядя [на отца], как отец, в затасканном халате, в галошах на босых лиловых ногах, тяжело передвигает тело свое по комнатам, выставляя напоказ [ше⟨ю⟩] волосатую, точно из мыла слепленную грудь в плесени седоватой шерсти, [ощущал брезгливость] ходит и ворчит, рычит на всех, Яков [ощущал] чувствовал брезгливость, [она] и она всё росла, [не очень смущая его, но] тоже мешая жить, как многое другое. Мешала она потому, что ее надо было [было] скрывать, а это уже становилось трудно. (*ЧА*$_2$); Чувство брезгливости [надо] трудно было спрятать, скрыть. (*БА*)

4–6 Он изредка ∾ Отец. / И всё чаще возникала обидная, непри-

ятная мысль: «Гнилой, пьяный, жир⟨ный⟩ [а отец мне]... Отец мой». (*ЧА*$_2$)

6 *После*: Отец.— От него я родился. (*ЧА*$_2$)

7–8 Но ∾ в этом было / Но это не [делало отца более приятным] украшало отца и не [загашало чувство] гасило брезгливости [к нему], в этой мысли было (*ЧА*$_2$)

9–10 Отец ∾ чтоб наблюдать / Теперь отец [стал почти ежедневно ездить] ездил в город [как бы за тем, чтоб видеть], и Якову казалось, что он бывает там лишь для того, чтоб [наблюдать] смотреть (*ЧА*$_2$)

10–13 С трудом ∾ красные глаза. / [Он с] С трудом, сопя и кряхтя, он влезал на чердак, садился у постели монаха и [смотрел на него] молчал, уставив на него воспаленные, красные глаза. (*ЧА*$_2$)

10–11 С трудом, сопя / С трудом, сопя [и кряхтя] (*БА*)

13–14 *Слов*: глядя ∾ в потолок — *в ЧА*$_2$ *нет.*

14–24 руки у него ∾ мочку уха / *а.* Он [сморщился] высыхал, хрипел, кашляя; ряса висела на нем, как парус на сломанной мачте, руки у него стали беспокойны, он всё одергивал рясу, обирая с неё что-то невидимое, и шевелил бровями, приподнимая их, а они опускались, закрывали глаза. *б.* Иногда монах вставал, ряса висела на нем, как парус на сломанной мачте; [он] подходя к окну, он садился на стул, смотрел вниз, в сад, вдаль, на темную щетину леса. Арт⟨амонов⟩ стар⟨ший⟩ садился рядом с ним, спрашивал сипло:

— Ну что, плохо?

— Ничего,— тихо отвечал монах.— Ты не беспокойся, ты иди, отдохни.

— Нет, я посижу,— говорил П⟨етр⟩ Ар⟨тамонов⟩ и сидел, дергая себя за дряблую мочку уха, думая о чем-то. (*ЧА*$_2$)

24–25 *Слов*: спускался вниз ∾ Скоро уж...— в *ЧА*$_2$ *нет.*

26 толстый монах, отец Мардарий / большой толстый монах (*ЧА*$_2$)

26–27 и убеждал отправить Никиту / и говорил, что Никиту надо отправить (*ЧА*$_2$)

27–29 по какому-то уставу ∾ похоронить / по какому-то закону он должен умереть там, а не среди родных (*ЧА*$_2$)

28 должен умереть / должен был умереть (*БА*)

29–30 Но горбун уговорил Ольгу / Но пока собирались сделать это, горбун лёг, [зая⟨вив⟩] упрашивая Ольгу (*ЧА*$_2$)

31 отвезете туда / отвезете в монастырь-то (*ЧА*$_2$)

32 трижды попросил / ласково попросил раза три (*ЧА*$_2$)

34 Уж не забудьте! / Не забудьте! (*ЧА*$_2$)

35 Умер он ∾ до начала войны / *а.* Он умер на четвертом году войны, в день, когда в город откуда-то пришли солдаты и на городской площади громогласно ревели медные трубы, отчетливо бухал барабан *б.* Он умер — *Далее как в тексте* (*$ЧА_2$*)

35–36 а накануне ∾ известить монастырь / *а.* [Рано утром монах] За четыре дня до этого монах объявил Ольге, что [сегодня] скоро умрет, и просил ее отправить с этим известием нарочного в монастырь [и послать на фабрику за Петром] *б.* накануне смерти своей объявил Ольге, что скоро умрет, и попросил ее отправить с этим известием нарочного в монастырь. (*$ЧА_2$*)

36 попросил известить монастырь / попросил отправить в монастырь нарочного (*БА*)

37–38 *Фразы*: Пусть придут ∾ успею помереть.— *в $ЧА_2$ нет.*

Стр. 336—337.

39–3 Утром, в день смерти ∾ Прости меня. / *а.* Когда Петр, приехав, подошел к его постели, [он] увидел темненькое испепеленное лицо с полузакрытыми глазами [и], провалившимся ртом; пересмякшие губы Никиты неестественно громко и ясно сказали:— Прости меня, брат. *б.* Утром, в день смерти — *Далее как в тексте до слова*: перекрестясь—*Далее*: молча уставился в темненькое испепеленное лицо с полузакрытыми глазами, с провалившимся ртом; губы Никиты пошевелились, он неестественно громко и ясно сказал:— Прости меня. (*$ЧА_2$*)

Стр. 337.

4–8 Ну, что ты? ∾ шутил с тобой... / *а.* Ну, что ты?— проворчал Петр, а умирающий снова, ненужно громко повторил:— Прости за дерзость мою...— Петр оглянулся, не услышали бы внизу, притворил дверь, говоря вполголоса,— Ты меня прости... (*$ЧА_2$*)

8 шутил с тобой / шутил над тобою. От скуки... (*БА*)

9 Бог шутку не осудит. / Ничего,— сказал Никита.— Шутку бог прос⟨тит⟩... *б.* Ничего,— сказал Никита,— шутку бог терпит. (*$ЧА_2$*)

9 шёпотом уверил монах / шёпотом [утешил] монах (*БА*)

11 *Слова*: Куда? — *в $ЧА_2$ нет.*

9–14 *Текста*: шёпотом уверил монах ∾ не пойдет кленок, нет...— *в $ЧА_2$ нет.*

15 Невыносимо было Якову / *а.* Невыносимо было *б.* Невыносимо было Якову (*$ЧА_2$*)

15–16 излишне ясный голос / голос, излишне ясный (*$ЧА_2$*)

16–17 на кости груди ∾ угол ящика / на [угол груди] грудь, нечеловечески поднявшуюся (*$ЧА_2$*)

18–20 кучке неподвижных костей ∾ медный крест / маленькой кучке осторожно шевелившихся костей. Сухонькие пальцы длинных рук, цветом похожие на корни репейника, [шевелились] всё ощипывали что-то с рясы на горбу. Закрыв глаза, Никита хрипло вздохнул, попросил:— Тихона не обижай. Прости. ($ЧА_2$)

20 Жалко было дядю / Якову было жалко дядю ($ЧА_2$)

21–22 зачем это ∾ на виду у всех? / *а. Слов нет. б.* [почему это] зачем это установлено, чтоб старики и вообще [люди] домашние люди умирали на виду у всех? [Смерть не такое дело, чтобы] [Есть что-то ненужное в этом] Есть в этом что-то неумное. ($ЧА_2$)

23 не скажет ли брат / *а.* не скажет ли он *б.* не скажет ли брат ($ЧА_2$)

23–26 отец ушел ∾ Умирает. / Петр тихонько вышел. Пятеро монахов ходили по лестнице вверх и вниз, ходили по двору, шептались о чем-то и всем низко кланялись, прижимая руки к животам своим. Потом с верха сбежал кто-то и сказал: — Скончался. ($ЧА_2$)

28–31 спросив, он ∾ прав,— читай! / спросил, не отрывая глаз от нее, потом, бросив ее на стол, склонился, придерживая очки, ударил ладонью, говоря Якову:— Смотри-ка! ($ЧА_2$)

32–34 Его кругленькая ∾ неужели война? / Что там? — спросила Ольга. Артамонов старший смотрел на племянника, на сына и Ольгу, слепо подвигающуюся к столу под руку с кругленькой женой Мирона,— все они вели себя так, как будто ничего необычного не случилось. ($ЧА_2$)

35–36 Вот ∾ напомнил Петр. / *а.* Петр пошел наверх, но остановился в двери, сказал:— Вот и второй помер. *б.* Петр снова пошел наверх ∾ второй помер. ($ЧА_2$)

37–39 Врут, конечно ∾ грозит ему? / Что, папаша? — спросил Яков, тоже как бы прикованный над газетой, а Мирон, щелкнув ногтями по ней, сказал:— Врут, конечно... ($ЧА_2$)

39–40 Артамонов старший ∾ пошел на двор / «Вот так они и меня проводят»,— подумал Артамонов старший и хотел подняться наверх, к брату, но по лестнице грузно спускались трое монахов, тот, который шел сзади, молча крестился, и вслед за ними ощупью вышел на двор ($ЧА_2$)

Стр. 337—338.

41–1 тепло его проникало / жар проникал ($ЧА_2$)

Стр. 338.

1–2 *После*: бархатных сапогов.— В тени, в углу двора, сидел,

согнувшись на подножке дрожек, Тихон [и], строгал ножом ореховую палку, осыпая стружками Кучума; старый пес, положив морду на лапы, высунув [старый] излаянный язык, одним глазом смотрел в лицо Петра, а другим — мимо его, на черных монахов у крыльца.

— Умер,— сказал Артамонов.

— Умер,— согласился Тихон и, посмотрев на монахов, проворчал:— Ишь, дрозды...

Артамонов вспомнил, что давно когда-то дворник сказал:

— Не люблю дроздов, на чертей похожи.

«Из троих остался я один»,— напомнил себе Артамонов; Тихон провел ладонью по сочному мясу палки, поглядел на нее, прищурив глаза, и [наконец] скупо отозвался:

— Все помаленьку.

«Нечего сказать ему, болвану,— подумал Петр.— Пустая душа». Вдали бухал барабан:— Бум, бум...

На крыльцо вышла Наталья и стала угощать монахов квасом.

«Просто всё у них,— подумал Артамонов, изнывая от тоски и жары.— Очень просто...» (*ЧА*$_2$)

2–5 *Текста*: Из окна сыпались ∾ своим багровым кулаком.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 338—339.

6–17 На третий день рано утром ∾ Последний раз, видно, распоряжаюсь... / *а. Текста нет. б.* [В день [похорон] проводов Никиты в монастырь] [Монахи настояли, чтобы отец Никодим был похоронен на кладбище монастыря, и торжественно повезли его по городу, а на городской площади [квадратом] тесно, в форме буквы «п», стояли бородатые, запасные солдаты, [в середине их] на них кричал, взмахивая рукою, длинный офицер, [около него камнем] рядом с ним монументом [стоял] возвышался впереди [своих солдат] своей роты хладнокровный поручик Маврин, а сзади его золотыми истуканами вросли в землю конусообразные [ри⟨зы⟩] попы, дьякона, золотые ризы [пл⟨авились⟩] таяли и плавились на ярком солнце. [И в пуб⟨лике⟩] Среди горожан, тесно окруживших солдат, Яков заметил розоватый зонтик Полины и подумал с досадой: «Всегда с ней попадешь!» [Похороны должны были свернуть в сторону, чтоб обойти забитую народом площадь] [И когда похороны свернули в] [Пред] На забитой народом площади похороны остановились, [монах] большой монах с крестом в руках говорил людям [не]громко, на «о́»:— Росступись!

—[Вечная память] Святый боже,— дружно затянули по-

пы, но в эту секунду офицер, высоко взмахнув фуражкой, крикнул:— Ур-ра!

Солдаты и весь народ па площади тысячью голосов ответили — Ур-а-а!— громогласно заревела медь труб, подскакал помощник исправника и, махая на монаха с крестом белой перчаткой, закричал:— Куда-а? Назад!]

Монахи [настояли, чтоб отец Никодим был похоронен] [убедили Артамоновых] сказали Артамоновым, что отца Никодима нужно похоронить в монастыре. Петр угрюмо поворчал на них и согласился:

— Ну ладно, берите теперь.

Их было семь монахов, и хотя все они были [оди⟨наково⟩] разного роста [разной толщины] и объема, но [на] Якову казалось, что лица у них, как у новорожденных, не различимы. Только один, самый высокий и тощий, с густейшей [черной] серой бородою, тот, который шел впереди всех с большим черным крестом в руках, как будто совсем не имел лица: он был лыс, и кроме двух темненьких [пятен] тусклых ямок между лысиной и бородой у него на месте лица ничего не значилось. Шагал он важно, как журавль, и неутомимо пел на три голоса — *Далее как в тексте до слов*: трехголосого рта.— *Далее*: Когда похороны спустились к городской площади, оказалось, что она тесно набита запасными солдатами, обывателями и полуротой поручика Маврина. Хладнокровный поручик [возвышался] парадно, монументом, стоял впереди ее, выгодно освещенный сиянием золотых риз духовенства, окружавшего аналой; конусообразные попы и дьякона [стояли] были тоже неподвижны, как золотые истуканы, таяли и плавились на ярком солнце, а перед ними, подпрыгивая, размахивая фуражкой, кричал [офи⟨цер⟩] толстый офицер с красным лицом. Монах [с крестом в р⟨уках?⟩], покачивая крестом, остановился пред стеною людей, и сказал:— Расступись!— Но люди расступились не пред ним, а пред рыжей, длинной лошадью Гусакова; [помощник исправника наехал на [монаха] безлицего монаха] помощник исправника, махая белой перчаткой, подъехал к монаху, поставил лошадь поперек улицы и закричал упрекающе:

— Куда-а? Назад! Что вы — не видите?

— Святый боже,— запел монах и попятился, а краснолицый офицер, взмахнув фуражкой, крикнул:—Ур-ра! — И весь народ на площади, тысячею голосов, разъяренно [рявкнул], длительно повторил:— Ур-ра!

Гусаков, тронув лошадь, тоже кричал:

— Петр Ильич, пожалуйста, сверните в обход, переулком! Нельзя же, вы же понимаете... Тут — воодушевление, а вы...

Петр Артамонов шел, держась рукою за изголовье гроба, поддерживаемый женою и Яковом; он посмотрел на Гусакова снизу вверх и сказал:

— Сворачивайте, отцы...

А когда монахи, сделав полукруг, повернули назад в улицу, он, всхлипнув, сказал сыну:

— Может — последний раз распоряжаюсь... ($ЧА_2$)

18 Всё это показалось Якову / Якову всё это показалось ($ЧА_2$)

18–19 даже несколько смешным / даже смешным ($ЧА_2$)

22 торопливо крестила / быстро крестила ($ЧА_2$)

24–25 тотчас же ∾ пылью, раздражением / подумал он, раздраженный, задыхаясь пылью ($ЧА_2$)

25–28 Монахи пошли ∾ против ворот бойни / Черный [запел] стал петь тише. Скоро вышли за город, там, [у в⟨орот⟩] против старой бойни ($ЧА_2$)

28–30 странная телега ∾ пестрых лошадей / покрытая черным сукном телега, запряженная парой [сивых] пестрых лошадей ($ЧА_2$)

30–31 на телегу ∾ служить панихиду / на нее поставили гроб, стали служить панихиду, а из ворот бойни вышла синяя старуха с палкой в руках [и], тяжко опустилась, встала коленями на пыльную траву и, перекрестясь, ударилась лбом о землю. Яков нетерпеливо, сердито ждал, когда кончится всё это: тихий плач Ольги, всхлипывание матери, сопение отца и унылый вой монахов. Каждый раз, когда он видел на улице соблазнительное тело Полины, он с тревожной, жгучей остротою вспоминал вкус его, [сам] замечая [с удовольствием], что на улице, одетая, она [возбуждает] разжигает его ревность более сильно, чем голая, в комнате у себя. Там он был уверен, что в этот час она в его руках, а на улице ему казалось, что она идет всегда к Маврину и никуда больше. ($ЧА_2$)

31 а из улицы / Он оглянулся на город, в улицу, а из нее ($ЧА_2$)

32–38 рев меди ∾ Р-но-о! / рев меди военного оркестра, [звон колоколов] [густой] звон церковных колоколов [дымный] и какой-то дымный, пыльный вопль людей [вдруг], бабий визг [и], казалось, что он слышит даже крик хладнокровного поручика: Р-рно... ($ЧА_2$)

40–41 слушая ∾ отца / слушая ворчливые жалобы и упреки отца, наблюдая, как развеселый [Ми⟨тя⟩] Татьянин муж старается развеселить фарфоровую жену Мирона, [а] Татьяна, хмурясь,

толкает его локтем в бок, а Мирон, видя это, слизывает улыбки со своих тонких губ ($ЧА_2$)

Стр. 340.

1–5 *Текста*: Какой дурак ∾ Не совпадает... — *в* $ЧА_2$ *нет.*

6–8 Мирон, слизнув улыбку ∾ неприятные дни / и говорит золотозубому доктору:— Конечно, немцев трудно побить ($ЧА_2$)

12–13 *Слов*: Техникой ∾ да... Но...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

14 Только вечером, в десятом часу / только вечером, когда [уже заходило] солнце окрасило стекла окон красным золотом ($ЧА_2$)[1]

15 скучной канители / скучной путаницы ($ЧА_2$)

15–18 и побежал к Полине ∾ нечто необыкновенное / и быстро побежал к Полине, чувствуя еще неиспытанную тревогу и почти уверенный, что должно случиться что-то необыкновенное ($ЧА_2$)

15–17 испытывая [еще никогда неи⟨зведанную?⟩] тревогу (*БА*)

19 *После*: кухарка Полины — толстая Прасковья ($ЧА_2$)

20–21 грузно опустилась / грузно села ($ЧА_2$)

22–24 Сводня, подлая ∾ военному голосу / Сводня,— тихо ответил [ей] Яков, [уходя] погрозив ей кулаком, и на секунду остановился, прислушиваясь к твердым, четким шагам в комнате, [густой] знакомый военный голос ($ЧА_2$)

25–26 Так вот ∾ Сообразите же! / Так вот, сообразите... ($ЧА_2$)

27–28 сообразил Яков ∾ ничего не было / «Может быть, еще ничего нет»,— мелькнуло в голове Якова. ($ЧА_2$)

29–30 Но, открыв дверь ∾ тотчас убедился / Но, когда он, открыв дверь, встал на пороге ее [и окинул], ему показалось ($ЧА_2$)

31–32 в расстегнутом кителе / в расстегнутом сюртуке ($ЧА_2$)

32–33 из-под кителя было видно подтяжки / из-под сюртука видны были подтяжки [брюк] ($ЧА_2$)

34 на кушетке, [положив] закинув ногу на ногу ($ЧА_2$)

35 *После*: спустился винтом — она [курила папиросу] держала в руке папиросу ($ЧА_2$)

35–37 глаза необычно круглы ∾ румянцем, багровеет / Глаза [широко] [округляясь] необычно круглые и лицо ее, густо заливаясь [краской] румянцем, багровело. ($ЧА_2$)

38 поручик / поручик, не шевелясь ($ЧА_2$)

39 вопросом своим / этим вопросом ($ЧА_2$)

39–40 все подозрения Якова / подозрения Якова ($ЧА_2$)

41 незнакомым ∾ голосом / голосом, который ему не понравился, сорвался ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: Только вечером ∾ необычно тревожным. (*стр. 351, строка 41*) — *во второй редакции нет.*

Стр. 341.

1 *После*: с поминок — Дядю... (*ЧА*$_2$)

3 Полина, затянувшись / [Полина глотнула] Полина, глотнув дыма (*БА*)

3–4 Полина, затянувшись ∾ сказала / А Полина сильно [затянул⟨ась⟩] глотнула дым так, что папироса затрещала и посыпались искры, заговорила (*ЧА*$_2$)

6 Ипполит Сергеевич уговаривает меня идти / Вот Ипполит Серге⟨евич⟩ [пре⟨длагает⟩] уговаривает меня пойти (*ЧА*$_2$)

8 В сестры? ∾ усмехаясь / [Так,— выговорил] Так,— сказал Яков Арт⟨амонов⟩, усмехаясь:— В сестры? Мм... (*ЧА*$_2$); В сестры? М-да,— [сказал Як⟨ов⟩] произнес Яков, усмехаясь (*БА*)

9–12 тогда хладнокровный ∾ Не терплю! / Хладнокровный поручик шагнул к нему и отчетливо [выговорил] спросил:— Я преувеличений н-не потерплю, что значит [эта] ваша усмешка? (*ЧА*$_2$)

14 токи [гнева] [обиды] обиды (*ЧА*$_2$)

15–16 подавляющее ∾ сознание / [не] одно большое, подавляющее [чувство] сознание (*ЧА*$_2$)

16 что маленькая женщина эта / эта маленькая женщина (*ЧА*$_2$)

17 любая часть его тела / его тело (*ЧА*$_2$)

18 ее от него / ее от себя (*ЧА*$_2$)

18–19 От этого ∾ возвратился гнев / от этого сознания к нему снова вернулась злоба (*ЧА*$_2$)

19–21 встал, сунув руки ∾ предупредил он поручика / встал:— Не подходите ко мне!— хрипло предупредил он поручика, сунув руки в карманы. (*ЧА*$_2$)

24–28 Эт-то почему? ∾ Убью! / Это почему же? — спросил поручик и шагнул еще, а Яков крикнул:— У меня — револьвер, вот! (*ЧА*$_2$)

27 [он вынул руку] он хотел выдернуть руку (*БА*)

27–28 крикнул: — Убью!/ крикнув:— Убью! (*БА*)

29 Поручик Маврин / Но хладнокровный поручик (*ЧА*$_2$)

30 сжал ее / стиснул ее (*ЧА*$_2$)

30 *Слов*: револьвер глухо выстрелил в кармане — *в ЧА*$_2$ *нет*; револьвер упал на кресло, глухо выстрелил (*БА*)

31 рука Якова / рука Якова сама (*ЧА*$_2$)

32–33 взял из его ∾ кресло, сказал / [вырвал] схватил из нее револьвер, бросил в кресло и сказал (*ЧА*$_2$)

35–36 слышал Артамонов громкий шёпот / [громким шёпотом] слышал Яков громкий шёпот Полины (*ЧА*$_2$)

37 Из-за чего? ∾ Из-за чего же? / Ведь это — скандал? (*ЧА*$_2$)

39 дергая ее / и дергая ее (*ЧА*$_2$)

40 заставляя кланяться ему / заставляя кланяться себе (*ЧА*$_2$); заставляя соперника кланяться ему (*БА*)

40–41 Проси — прощенья — дурак! / [Хотя я человек хладнокровный, но] проси прощения, дурак... Терпеть не могу преувеличений... (*ЧА*$_2$)

41 *После*: дурак! — Терпеть не могу преувеличений... (*БА*)

Стр. 342.

1–2 он дергал ∾ заставляя поднимать / [он] хладнокровный поручик дергал бороду, и Яков, согласно, против воли своей, кивал головою (*ЧА*$_2$)

4–5 *Фразы*: Ой, как стыдно ∾ за локоть.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

4–5 хватая поручика / дергая поручика (*БА*)

7–8 он мычал ∾ слезы унижения / и мычал, а по щекам его текли слезы [оби‹ды›] унижения (*ЧА*$_2$)

9–10 и, оттолкнув ∾ на револьвер / [и] толкнул Якова и посадил его на стул (*ЧА*$_2$)

11 закрыв лицо руками / закрыв лицо рукою (*ЧА*$_2$)

12–13 едва слыша ∾ крики Полины / [и] едва слыша, сквозь шум в ушах, громкий шёпот Полины (*ЧА*$_2$)

16 к чёрту, барышня! / к чёрту, мадам! (*ЧА*$_2$)

17–18 *Фразы*: Вот вам ∾ достаточно!— *в ЧА*$_2$ *нет.*

19 вы самая обыкновенная / вы обыкновеннейшая (*ЧА*$_2$)

20–21 ударами ног ∾ исчез / ударом ног, хладнокровный поручик хлопнул дверь и исчез (*ЧА*$_2$)

21 тихий звон / [треск] [дребезг какого-то] тихонький звон (*ЧА*$_2$)

22 коротенький визг / тихий, коротенький визг, всхлипывания (*ЧА*$_2$)

23 Яков встал / Яков открыл глаза, встал (*ЧА*$_2$)

23 они сгибались / они колебались (*ЧА*$_2$); они сгибались, дрожали (*БА*)

25 *После*: Полина — держа [од‹ной›] в одной руке револьвер, другою вцепившись в свои волосы (*ЧА*$_2$)

25 [и] она [видела] хрипела (*БА*)

25–26 она хрипела ∾ в руке своей / и она, всхлипывая, повизгивала, как собачонка: — Ой, негодяй, негодяй... (*ЧА*$_2$)

27 сказал Яков / сказал Яков, качая головой (*ЧА*$_2$)

27 *После*: это сделала?— Мало тебе меня? (*ЧА*$_2$)

28 Убить надо тебя... / Убить тебя надо... (*ЧА*$_2$)

29–31 *Текста*: Женщина взглянула ∾ Ка-какой, негодяй... — *в ЧА*$_2$ *нет.*

30 хрипло [сказала], с изумлением протянула (*БА*)

32–35 Она опустилась ∾ Дай револьвер... / Она опустила руку, взглянула на него чужими глазами, как на незнакомого, [потом] пошла в угол комнаты. Яков двинулся за нею, точно пьяный.— Дай револьвер, я тебе застрелю, собаку... (*ЧА*$_2$)

36 Не шевелясь ∾ спросила / Из-за угла, из сумрака, она спросила, как будто удивленно (*ЧА*$_2$)

39 Любишь теперь! / Любишь... [Ненавижу] Теперь я верю. (*ЧА*$_2$); Любишь. Теперь вижу.... (*БА*)

40–41 Яков не успел ∾ обняла его / он не успел оттолкнуть, обняла его (*ЧА*$_2$)

Стр. 343.

1–2 обжигая ∾ шептала / зашептала, горячо дыша в глаза, в рот ему, [до боли] обжигая кусающими поцелуями (*ЧА*$_2$)

4 *После*: Солененький мой...— это было (*ЧА*$_2$)

6–7 она произносила ∾ сильного возбуждения / она не часто, только в минуты исключительно сильного возбуждения, произносила его (*ЧА*$_2$)

8 нежного зверства / нежного озарения (*ЧА*$_2$)

9–10 он мял ∾ и бормотал / крепко обняв ее, он забормотал (*ЧА*$_2$)

11 Ведь знаешь... / Знаешь, что люблю... (*ЧА*$_2$)

12–13 она лежала ∾ у него / она сидела рядом (*ЧА*$_2$)

13–15 он с удивлением думал ∾ она утомленно говорила / он слушал утомленный [говорок], тихий шёпот (*ЧА*$_2$)

16 хотела бросить / решила бросить (*ЧА*$_2$)

17–19 И я не знала ∾ Когда есть ревность... / И не знала: любишь, не любишь? Теперь знаю? Теперь ты будешь крепче любить, потому что бояться будешь. Будешь ревновать. Будешь? Когда ревность — это крепче. (*ЧА*$_2$)

20 Уехать бы ∾ сказал Яков. / Уехать бы [с тобой] отсюда,— сказал Яков, устало закрыв глаза. (*ЧА*$_2$)

22–24 Огня они не зажгли ∾ за полночь. / [Огня они не зажигали] в комнате было полутемно, два окна ее занавешивали кусты сирени, и [в с⟨аду⟩] уже надвигалась ночь. (*ЧА*$_2$)

27 Женщина снова / А женщина снова (*ЧА*$_2$)

30 Яков усмехнулся, вздрогнув / [И вдруг] Открыв глаза, Яков усмехнулся (*ЧА*$_2$)

33–34 всхлипнув, сказала / всхлипнув, она [заговорила] сказала (*ЧА*$_2$)

35 жалко, что ∾ в него / жаль, что ты не успел в него выстрелить (*ЧА*$_2$)

36 в резиновый живот ему / в резиновый живот (*ЧА*$_2$)

41 Ничего ∾ в женщине! / Как вы не понимаете ничего в женщине... [Ах!] (*ЧА*$_2$)

Стр. 344.

1–2 *Фразы*: И, вздернув ∾ она дополнила — *в ЧА$_2$ нет.*

3 это вовсе не значит / [разве] это значит (*ЧА*$_2$)

5–6 крикнул Яков ∾ она застонала / почти закричал Яков и [больно] стиснул ее так, что она [ска⟨зала⟩] застонала:—[А-а] О-о, больно! (*ЧА*$_2$)

7 Ой ∾ любишь! / Ах, вот я чувствую, ты меня любишь... (*ЧА*$_2$)

9–10 чувствуя себя человеком / чувствуя себя победителем (*ЧА*$_2$)

11 нечто ценное / [что-то] нечто очень ценное (*ЧА*$_2$)

11 в его душе усиливало / в его душе увеличивало (*ЧА*$_2$)

13–14 Яков принужден был сказать / он сказал [ей] (*ЧА*$_2$)

15 сообщил ей историю / сообщил историю (*ЧА*$_2$)

15–16 очень обрадовал ∾ волнение ее / обрадовал [ее] испуг Полины, волнение этой женщины (*ЧА*$_2$)

17 дорог ей, любим ею / дорог и любим ею (*ЧА*$_2$)

18 она стала упрекать его / она упрекала (*ЧА*$_2$; *БА*)

19 не сказал / раньше не сказал (*ЧА*$_2$)

20–24 И тревожно размышляла ∾ подтвердил Яков. / Ну, а что ты сделаешь?— Уж я придумаю. Я хитрая... (*ЧА*$_2$); И тотчас же задумчиво размышляла:— Или Арсен Люпен, да? И сыщики — [дураки] тоже негодяи [подлецы].— Конечно,— согласился он. (*БА*)

25–26 Отдавая ∾ уговорила Якова / [Отдавая] А, отдав ему револьвер, она заставила проверить, хорошо ли он заряжен, и даже уговорила (*ЧА*$_2$)

26 и уговорила / [даже] уговорила (*БА*)

28 *После*: Яков выстрелил — звук был таков, как будто камень бросили в воду (*ЧА*$_2$)

29 Полина, [смеясь] ахнув (*ЧА*$_2$)

30 потом ∾ тихо сказала / и, подняв ладонь, сказала (*ЧА*$_2$)

34 Как подумаешь ∾ смерть! / А если [это в человека] это попало бы в него, то — смерть! (*ЧА*$_2$)

34 туда ушла смерть / туда ушла чья-то смерть (*БА*)

34–36 сказала Полина ∾ вычерченные брови / проговорила она, сморщив тонко очерченные брови (*ЧА*$_2$)

37 И никогда еще / [Она] Никогда прежде (*ЧА*$_2$); Никогда еще (*БА*)

37–38 такой милой ∾ близко к себе / такой милой девочкой (*ЧА*$_2$)

38–41 Глаза ее ∾ лице подростка. / [Даже глаза у нее светились по-детски] Глаза у нее светились детским удивлением, любопытством и уже ничего злого не было в ее остреньком лице. (*ЧА*$_2$)

Стр. 345.

1 с удивлением / мельком и тоже с удивлением (*ЧА*$_2$)

2 и это было / и это удивление было (*ЧА*$_2$)

3–9 Провожая его ∾ сколько подлецов! / Ах, Яша, Яша!— тихо говорила она, сидя на полу.— Так вот как, значит. Ах, боже мой.— И ласково гладила его пухлую щеку, густо покрытую золотистым волосом. Провожая его, она задумчиво [и торжественно] повторила: — [Я об этом подумаю] Ты об этом подлеце не беспокойся. (*ЧА*$_2$)

6 Но этот подлец! [какой, а? — воск⟨ликнула⟩] (*БА*)

10–13 Но вдруг ∾ разумеется! / Тут есть одна [барышня]... Да, да, наверное... (*ЧА*$_2$)

14–15 Просияла ∾ Солененький! / И даже перекрестила [его] Якова. (*ЧА*$_2$)

16–18 Утро было ∾ запахом яблоков. / Утро было такое хорошее, спокойное, что Яков верил: «Всё будет хорошо». (*ЧА*$_2$)

19–21 она это со зла ∾ думал он / «Это она со зла наблудила, и я женюсь на ней, как только отец...»,— думал Яков (*ЧА*$_2$)

21–24 *Текста*: и тут же вспомнил ∾ Тут ее и лови! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

25–32 Тревожила мысль ∾ в эти часы. / [Тре⟨вожила⟩]. Немножко тревожила мысль о поручике Маврине: [но] [ведь хладно⟨кровный⟩] «Вдруг он захочет отомстить?» Но Маврина, наверное, скоро пошлют на войну. [Почему-то [верилось] думалось, что Полина сумеет сделать] Верилось, что Полина может сделать что-то умное с Носковым, вот она даже сделала так, что о Носкове [ду⟨мается⟩] думается без боязни. (*ЧА*$_2$)

25 Тревожила мысль [наверно скоро] (*БА*)

30 чутко прислушивался [к тишине] (*БА*)

31–32 именно в эти часы / в эти часы [по дороге из города на фабрику] (*БА*)

33–34 Но прошло ∾ чадным дымом. / Прошло несколько дней и страх перед [хро⟨мым⟩] охотником густым дымом обнял Якова. (*ЧА*$_2$)

34–37 В воскресенье ∾ за спиною. / Еще утром, в субботу, он заметил, что Носков, чинивший сломанные перила крыльца конторы, [по⟨смотрел⟩] взглянув на него многозначительно, как будто подмигнул [серым] зорким собачьим глазом, и весь день этот подмигивающий взгляд мелькал в памяти. Вечером, [после полуночи] [Якова потянуло из дом⟨у⟩] этот глаз потянул Якова гулять. (*ЧА*$_2$)

35–36 Яков увидал [на лужайке] Носкова (*БА*)

38–39 Счастливая встреча ∾ сняв фуражку / [но когда] Ар⟨тамонов⟩, взяв палку и револьвер, пошел берегом вверх по

Ватаракше и не ошибся: в лесу, на [старой] порубке, в [зарослях] густой заросли елок его нагнал Носков, в новых [лаптях] [длин⟨ных⟩] сапогах с голенищами по колено, с ружьем за плечами ($ЧА_2$)

39–41 *Слов*: носил он ее ∾ за верх — *в* $ЧА_2$ *нет.*

40–41 снимая, брал / снимая ее особенно, брал (*БА*)

Стр. 346.

1–5 Не отвечая ∾ не смотрел на Якова. / Не ответив на его приветствие, Яков строго сказал:— Ружья — запрещены, как же это ты?— Носков снял картуз [с лысеющей головы], обнаружив [виски] лысые зализы около ушей, и сказал:— Мне можно. У меня и револьверт есть. [Полагается] ($ЧА_2$)

6–8 Ну?— спросил Артамонов ∾ проговорил отчетливо / И, глядя внутрь измятого картуза, ковыряя пальцем масленую подкладку, он тихо сказал ($ЧА_2$)

9–13 Ваша любовь... ∾ Так уж... / К твоей знакомой в городе, [Петр⟨ович⟩] Яков Петр⟨ович⟩, ходит [одна] дьякона Кутузова дочь, так ты скажи, чтоб она ее не пускала...— Почему это?— спросил Яков, держа руку в кармане, сжимая револьвер.— Так уж. Не надо ($ЧА_2$)

11 *После*: она это бросила — [она девица вредная] (*БА*)

14 [И, прислушавшись к] И, послушав звон колоколов (*БА*)

14–15 И, послушав ∾ прибавил / Носков прислушался к звону колоколов в городе и, натянув картуз на уши, добавил ($ЧА_2$)

16 Даю совет ∾ желая добра. / Скажи. Добра желаю.— Ладно. ($ЧА_2$)

16–19 А вы мне ∾ Тридцать пять... / Яков шагнул в сторону, но охотник, поправив ружье за [сп⟨иной⟩] широким плечом своим, сказал лениво и глядя в ноги Яко⟨ва⟩.— А мне, за совет, подари рубликов. ($ЧА_2$)

20–21 «Застрелить, собаку!» ∾ отсчитывая деньги. / Со мной нет денег,— грубо сказал Яков и еще раз шагнул в сторону, но остановился: «Застрелит, сволочь».— Ну, после. Прощай. ($ЧА_2$)

22–25 Охотник ∾ неприятен ему. / Носков покачнулся, шагнул в сторону елок, раздвигая их рукою, как слепой, а Яков вдруг почувствовал, что этот человек, пугающий его, вдруг стал как-то по-новому, тяжко и еще более угрожающе неприятен. ($ЧА_2$)

24 Яков [вдруг понял] почувствовал (*БА*)

26 негромоко позвал он / позвал он, стоя к нему боком ($ЧА_2$)

26–27 а когда тот остановился / Охотник остановился ($ЧА_2$)

27–28 *Слов*: Яков предложил ему — *в* $ЧА_2$ *нет.*

30 высунув голову вперед / высунув в меру голову (*БА*)

31–32 Артамонову показалось ∾ очень злое / Якову показалось, что в пустых глазах охотника сверкнуло что-то боязливое, очень злое. ($ЧА_2$)

33 Опасное дело,— объяснил Яков. / Да... так! Гляди, опасное дело. ($ЧА_2$)

34 сказал Носков / сказал Носков не сразу ($ЧА_2$)

39 заговорил [об ⟨этом⟩] [с этим парнем] со шпионом (*БА*)

Стр. 346—347.

37–1 *Текста:* Против своей пользы говорите ∾ Без этого — не живут.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 347.

1–2 У всякого ∾ До свидания! / У всякого человека есть свой враг и своя нужда. Поздно мне,— сказал Носков и, стянув картуз с головы, сказал:— До свидания! ($ЧА_2$)

3–4 Он повернулся ∾ в густую зелень елей. / И спрятался в густой зелени, нырнув в нее. ($ЧА_2$)

5–7 Яков быстро пошел ∾ к Полине / Яков тотчас же быстро пошел в город, к Полине [и рассказал ей] ($ЧА_2$)

6 пошел [из леса] на просеку (*БА*)

11–12 сердито упрекнул Яков / сердито спросил Яков ($ЧА_2$)

12–13 *Слов*: но она затараторила — *в* $ЧА_2$ *нет.*

14–15 Во-первых ∾ завести, Маврина? / А что же мне кошек, собак завести? — закричала Полина.— Я не старая дева! ($ЧА_2$)

17 романы, журналы / романы и журналы (*БА*)

17–18 журналы дает ∾ обо всем рассказывает / романы дает, рассказывает обо всем ($ЧА_2$)

18–20 Я с ней ∾ мы разругались... / Она мне подруга еще с гимназии [любимая ученица], любимица Поповой была. ($ЧА_2$)

21–22 Тыкая его ∾ раздраженно / И, как всегда, [стала] начала раздраженно жаловаться царапающими словами ($ЧА_2$)

23 Ты воображаешь, что / Ты думаешь ($ЧА_2$)

24 Сладкопевцева говорит, что любовница / знаешь, что Кутузова говорит ($ЧА_2$)

26–27 и они это ∾ меня прячешь / так они этого не скрывают. А ты прячешь меня [как] ($ЧА_2$)

28 я кривая ∾ не урод / Я урод, горбатая [вроде], или кривая ($ЧА_2$)

29 Погоди,— сказал Яков / Подожди,— сказал Яков ($ЧА_2$)

32–33 Свиноватее, виноватее / Виноватее, свиноватее ($ЧА_2$)

33–35 Солененький мой... ∾ шпион этот полезен... / Уходя от нее, Яков внушительно сказал:— Ты смотри же, гони эту, подружку-то...— А она, обняв его [ра⟨строганно⟩], глядя в глаза,

растроганно [сказала] проговорила:— Яша! Другой бы... Ведь тебе шпион этот полезен всё-таки. Милый ты, [очень хороший] не грозный. ($ЧА_2$)

36 Как всегда ∾ успокоенный / Яков ушел от нее в тревоге, но ее хватило лишь на сутки ($ЧА_2$)

36–38 а через семь дней ∾ сообщил / в понедельник утром рябой [и кр⟨ивоносый⟩] табельщик Елагин гнусаво сообщил ($ЧА_2$)

38–41 когда ∾ лег в больницу / плотник Носков, ловя бреднем рыбу, оступился в яму и утонул, [а в обед тот же Елагин] ткач Мордвинов пытался спасти его, но тоже едва не утоп, лежит в больнице ($ЧА_2$)

41 Слушая [его] гнусавый доклад (*БА*)

Стр. 347—348.

41–2 Слушая гнусавый доклад ∾ руки у него дрожали. / Слушая [медленную р⟨ечь⟩] медленный и подробный рассказ, Яков торопливо понукал:— Ну? Ну?— [потому что они] Руки у него дрожали. ($ЧА_2$)

Стр. 348.

3–5 думал он и, представляя себе / уверенно подумал он, [но не] [но не мог пред⟨ставить⟩ себе] ($ЧА_2$)

3–4 представляя себе [дородного] Мордвинова (*БА*)

6–15 *Текста*: «Счастливый случай» ∾ прервал ее Яков.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

16–18 Прошло несколько ∾ сказал / Затем он уехал в лес на лесопилку, покупать [доски] материал, вечером, [заш⟨ел?⟩] в доме тетки, Мирон, озабоченно морщась, сказал ему ($ЧА_2$)

16 Прошло несколько / Но прошло несколько (*БА*)

19 еще какая-то / снова какая-то ($ЧА_2$); [снова] какая-то (*БА*)

19–23 по предписанию ∾ с охотником / полиция подозревает, что [этого идиота] плотника утопили, все, кто [был] ловил с ним рыбу,— арестованы.— Яков, наклонив голову, вынул часы из кармана и, глядя на циферблат, спросил:

—Кто?

—Двое ткачей: Мордвинов, Кирьяков, слесарь Яков и этот, шут гороховый, кочегар — как его?— Кротов.

—Да. [Идиотское время] ($ЧА_2$)

20 следствие [по поводу] о том (*БА*)

23 [и] всех, кто ловил рыбу (*БА*)

23–26 *Текста*: У Мордвинова ∾ конечно...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

26 *После*: конечно...— [Его считают прич⟨астным⟩] (*БА*)

27–28 Он остановился ∾ прищуренными глазами. / Мирон остановился у рояля, [подумал, барабаня пальцами, потом заговорил, соображая что-то] задумался, раскачивая пенсне на

пальце, глядя прищуренными глазами в угол. — Мордвинов спасал,—[вспомнил Яков] [вставил Яков] сказал Яков.— Ты видел это?— спросил Мирон и усмехнулся, а Яков представил себе бородатого, [большого] добродушного ткача с бабьими глазами, вспомнил его ласковые слова: «Эко [хороши наши места, а? Правда же?] хорошо место наше, Яков Петров! [Правда же!]»— Его всё-таки вытащили из больницы, морда оцарапана, это считают признаком [борьб⟨ы⟩] драки. Утопшего я видел — тоже поцарапана шея, ухо надорвано.

Далее: Полуслепая тетка ∾ и две бабы. (*См. стр. 349, вариант к строкам 15—18.*) (*ЧА*$_2$)

28 В измятой / В рыжей, измятой (*ЧА*$_2$)

30–33 он был похож ∾ как бы он ни говорил / он, по костюму, был похож на машиниста, [но] а костистое, гладко обритое лицо его, с подстриженными усами, узкими щелочками прищуренных глаз и прямой, твердой линией рта, напоминало военного. [Оно] Малоподвижное, напряженное, оно почти [никогда] не изменялось, но Яков [иногда] не мог привыкнуть к нему и [всегда], разговаривая с братом, [всегда ждал] не смотрел на него, ожидая и боясь увидеть что-то неприятное, враждебное ему (*ЧА*$_2$)

34 раздумчиво говорил он / сердито, [сухо] отрывисто заговорил Мирон (*ЧА*$_2$)

35–37 Вот, влопались ∾ нет сил. / Вот влопались в эту войну, война [мы] для отвода глаз. Мы всегда воюем для отвода глаз. Воевать внутри страны, с собственной глупостью,— не умеем, и нет сил (*ЧА*$_2$)

37–38 пока — внутри страны / внутри страны (*ЧА*$_2$)

Стр. 348—349.

39–4 В рядах этой партии ∾ государственная измена... / В рядах [крестья⟨нской⟩] этой партии купеческий сын Илья Арт⟨амонов⟩ [играет]. И — не один [купец] он. (*ЧА*$_2$)

Стр. 349.

4–6 Я понимаю ∾ некуда девать себя / Я [еще] понимаю [интеллигентов] интеллигента, какого-нибудь Горицветова, которому некуда девать себя [он] (*ЧА*$_2$)

7 только читать, говорить / только говорить (*ЧА*$_2$)

8–9 революционная деятельность ∾ для бездарных людей / в России революционная деятельность — единственное дело, доступное бездарным людям [бездельникам]. Но — революционер [купец] — сын [купца] промышленника, человек сословия, призванного [играть] совершить великое дело европеизации страны (*ЧА*$_2$)

10–12 Якову казалось ∾ закрыл их. / Говоря, Мирон всё более прищуривал глаза [и], вот они совсем закрылись, исчезли, лицо его стало еще более деревянным. Якову казалось, что [он] брат говорит не для него, а видит перед собою полную комнату людей. ($ЧА_2$)

12–14 *Текста*: Яков перестал ∾ его, Якова? — *в* $ЧА_2$ *нет.*

13 *После*: думая о своем — [о Носкове] (*БА*)

15–18 Вошла беременная ∾ и ушел. / [Полуслепая тетка Ольга, сидя в кресле у окна, вязала чулок детскими пальцами и шептала:

— Никогда не пойму, из-за чего не любят люди [не любят] друг друга,— сказала она, вздохнув.

Братья, молча взглянув на нее, перестали говорить. Яков сначала чувствовал себя опьяненным тревогой, она особенно возникла на похоронах Носкова; [рабочие] похороны рабочих всегда были многолюдны, а охотника провожало на кладбище человек пятнадцать стариков, пожилых и две бабы] Полуслепая тетка Ольга, сидя в кресле у окна, вязала чулок, глядя мутным взглядом куда-то далеко, [постукивали] тихонько звякала сталь спиц.— Никогда не пойму, за что люди не любят друг друга,— вдруг сказала она, и тихие слова ее прервали речь Мирона; в ту же минуту [открылась дв⟨ерь⟩] вошла жена его, покачивая животом, очень похожая на старинный комод, она усталым голосом спросила:— Ты еще не переоделся?— Я и так хорош,— ответил Мирон, но тотчас же ушел. Яков встал, подошел к тетке.—[Прощай⟨те⟩] До свидания, тетя Оля.— Протянув ему детскую руку, но думая о своем, она сказала: —Пр⟨ощай?⟩. Разучились сердцем жить... ($ЧА_2$)

18 взбросил пенсне / взбросил очки (*БА*)

19–22 Через месяц ∾ Рассчитай всех. / Через четверо суток всех арестованных выпустили, но [в городе] [⟨на⟩ фабрике] арестовали дочь дьякона Кутузова [на фабрике] и еще кого-то. [На фабрике — был с док⟨тором⟩] Строгим, не допускавшим возражений тоном, Мирон сказал Якову:— Рассчитай всех [кроме кочегара]. Эти [микробы] крысы нам не нужны. [Якову было тревожно, он ждал еще чего-то [тревога]] ($ЧА_2$)

24 команде брата / команде Мирона ($ЧА_2$)

25 снимало ответственность за дела на фабрике / [ему] не затрудняло Якова излишними заботами о [делах фабрики] фабрике ($ЧА_2$)

29 Давно работает. Развлекает людей. / Развлекает [веселит] людей. ($ЧА_2$)

30–32 Да? Ну, пожалуй ∾ действительно полезны. / Да? — спро-

сил Мирон, задумчиво облизывая губы, и великодушно разрешил::— Ну, пожалуй, оставь.— И, протирая очки, [заворчал] проворчал:— Удивляюсь, как это втюрился доктор. Не глупый человек, [казалось] как будто...— Шуты — полезны. ($ЧА_2$)

33–35 Некоторое время ∾ задумчивее, тише. / [В общем] Якову казалось, что в общем всё идет хорошо: война как будто притиснула людей, они стали тише, задумчивее. ($ЧА_2$)

35–36 Но он ∾ предчувствовал / Но он предчувствовал, что не все неприятности кончились ($ЧА_2$); Но он испытывал неприятности и предчувствовал (*БА*)

37 смутно ждал новых / ждал чего-то ($ЧА_2$); [он] смутно ждал новых (*БА*)

37–38 не очень долго / не долго ($ЧА_2$)

38–41 в городе снова явился ∾ поздоровавшись спросил / [его вызвал Нестеренко и, сидя за столом, положив на стол руки красные, [как] точно клешни вареного рака, сказал, шевеля усами] в городе снова явился Нестеренко. [Он гулял на берегу Оки, когда] Яков встретил его на берегу Оки. Жандарм шагал под руку с высокой [седой] дамой, похожей на Веру Попову. ($ЧА_2$)

Стр. 350.

1–10 *Текста*: Можете зайти ∾ можно похвалить.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

11–13 дама вашего сердца ∾ Знакома? / дама вашего сердца, [дорогой] Яков Пет⟨рович⟩, [имела некоторое] была знакома с девицей Кутузовой, [с очень язвительной девицей] весьма ядовитой девицей. ($ЧА_2$)

15–16 поднес руку ∾ рассматривая ногти / поднося руку к носу своему, глядя на ногти ($ЧА_2$)

17 *После*: Знаете.— *зачеркнуто*: С девицей вы лично не знакомы, но о ее приятельстве с Пелагеей Павловной Назаровой вам известно; не желая вас волновать, обыска у Назаровой я не [сделал] произвел и к делу ее не пришил, говоря языком канцелярии. Однако же знакомство с [лицами явно революционного дейст⟨вия⟩] революционерами... — Нестеренко говорил [спокойно] гладко, [жужжал] голос его жужжал, точно [жандарм сучил нитку на веретене, и Якову казалось, что эта нитка оплетает, связывает его] прядильный станок, и рыжие ресницы неприятно дрожали. В маленькой комнате было сумрачно, стоял голубой туман табачного дыма и крепкий запах одеколона ($ЧА_2$)

20–24 соображал Яков ∾ струйки винного запаха. / думал Яков, исподлобья разглядывая красное, гладкое лицо офицера, его

широкий нос и стеклянные круглые глаза, из которых, казалось, капает скука [И, как будто отвечая ему, Нестеренко сказал:— Меня интересует доктор Яковлев,— что вы можете сказать мне о нем?— Ничего,— ответил Яков,— он мне не нравится.— А — почему? — [Яков замолчал] — Не знаю,— сказал Яков, подумав.— Так просто... не нравится.— Но почему все-таки? — Яков, дернув плечами, промолчал.— Видите ли? — ласково [и], но внушительно [ска⟨зал⟩] заговорил Нестеренко, постукивая [согнутыми пальцами] ногтями по ручке кресла, изображавшего топор, тогда как резная спинка его изображала тележную дугу] и текли острые струйки винного запаха. (*ЧА*$_2$)

25–27 знакомый ∾ сиповатый голос / человек, желающий вам добра,— продолжал Нестеренко (*ЧА*$_2$)

Стр. 350—351.

28–3 Тут, видите ли ∾ как зимняя вьюга. / [Видите ли, [дорогой] какая тут штука: доктор в приятных, но незаконных отношениях с девицей Кутузовой, девица знакома [с дамой] с Назаровой. Назарова дама вашего сердца,— [а вы — вы] так? Теперь сообразите, что у нас получается, если [вспомнить] вспомнить тот факт, что род деятельности плотника Носкова никому, кроме вас и меня, не мог быть известен? [Я, разумеется, в стороне. Носков был [ост⟨орожен⟩] не глуп [и ост⟨орожен⟩]. Остались вы...]] Видите ли, какая штука: девица Кутузова [находится с дамой вашего сердца] знакома с вашим другом, с Назаровой, [Назарова — дама вашего сердца] так? Теперь сообразите, что у нас получается, если вспомнить, что род деятельности плотника Носкова никому, кроме вас и меня, не мог быть известен. [Я осторожен] Носков был не глуп, хотя вял и...— Нестеренко подумал, посмотрел [в его] в сторону.— Ничто не вечно. Остались вы. Я думаю, я почти уверен, что вами была допущена некоторая неосторожность в словах, да? Вспомните-ка? (*ЧА*$_2$)

3 *После*: как зимняя вьюга:— У-у-у. *Далее зачеркнуто*: Да,— сказал жандарм,— подумайте-ка...

Яков Артамонов [не помнил] смутно помнил, что он [именно] говорил Нестеренко, он [понимал только одно] даже не [хорошо] ясно понимал, чего хочет жандарм: приглашает [он] его в сыщики или, запугивая, хочет сорвать с него взятку? Он так и ушел, чувствуя себя раздавленным, [твердо помня] унося в памяти камнем [давящий] подавляющий совет:— Так вот, подумайте.

«Бежать надо,— соображал он, идя [домой] к Полине.—

Бежать. К чёрту всё!». [Он даже побоялся зайти к Полине, а дома [лег] разделся, лег в постель и замер в холодном, бездумном отчаянии]. [Но Полина в несколько минут ободрила его] Полину он застал уснувшей на [диване] кушетке с книгой в руках: внимательно выслушав его несвязный рассказ, сразу встряхнула его. ($ЧА_2$)

3–4 А Нестеренко говорил с медленностью / Нестеренко говорил с [нарочитой] медлительностью ($ЧА_2$)

8–9 тихо сказал Яков ∾ не выдал его / тихо [сказал Яков, бо⟨ясь⟩], опасаясь, как бы голос не выдал его, сказал Яков.— Этого нет! ($ЧА_2$)

10 Так ли? — спросил офицер / Вы уверены?— спросил Нестеренко ($ЧА_2$)

10–11 *После*: красными пальцами.— и пошатнулся, [от какого-то] как будто его толкнули в спину, заставив Якова отступить на шаг ($ЧА_2$)

12 Нет,— повторил Яков, качая головою. / Конечно. Я — уверен! Ведь я — понимаю... ($ЧА_2$)

14–16 Вот что-с ∾ наймете его, да? / И, постукивая пальцами по плечу Якова, Нестеренко скомандовал, похоже на Мирона:— Так, значит, вы понимаете, что человек, подобный Носкову, [вам] необходим для вас. Так. Тогда к вам на днях явится слесарь Минаев, и вы наймете его. Понятно? ($ЧА_2$)

18–32 Вот и всё ∾ На что? / Вот. Кончено. Вы слышали — у меня жена опасно заболела? Ужас. Едва ли встанет. Я приехал с сестрой. [Да...] — Потом они [заговорил о них] говорили о близости осеннего перелета птиц, о войне, что-то о Константинополе и возможном удешевлении табака после войны. «Бежать,— думал Яков, стоя на берегу и слушая шорох [шагов жандарма на] песка под ногами жандарма.— Чёрт вас всех возьми. Уехать надо». ($ЧА_2$)

33–34 дождь ∾ кропил землю / дождь [начал кропить землю, сбивая с деревьев желтые, увядшие листья] начал лениденько кропить [землю] песок, притемняя его ($ЧА_2$)

34 желтая вода реки / [по⟨желтевшая⟩] желтая вода Оки ($ЧА_2$)

34 покрылась рябью [стояли тошные] [стояли тошно-теплые] ($ЧА_2$)

35–36 было что-то [еще более усиливающее безумное отчаяние Якова] еще более углублявшее уныние Якова Артамонова ($ЧА_2$)

36–37 жить спокойно, просто / жить спокойнее, проще ($ЧА_2$)

37–38 ненужных, бессмысленных тревог / ненужностей, опасностей, тревог ($ЧА_2$)

39 Но, как обоз / Точно обоз ($ЧА_2$)

40–41 Тяжело ∾ необычно тревожным / тяжело нагруженные необычным, непонятным и подавляющим (*ЧА*$_2$); тяжело нагруженные необычным, тревожным (*БА*)

Стр. 352.

1 Пришел с войны / Явился с войны (*ЧА*$_2$)

2 на груди / на грязной, гнилого цвета шинели (*ЧА*$_2$)

3 *Слов*: ухо у него было оторвано — *в ЧА*$_2$ *нет.*

4 красный рубец / у него был жуткий рубец (*ЧА*$_2$)

5 раздавленный / *а.* раздавленный *б.* раздавленный и страшный (*ЧА*$_2$)

5–6 глаз смотрел строго и внимательно / глаз играл какою-то веселой злобой (*ЧА*$_2$)

6–7 с кочегаром Кротовым / *а. Слов нет. б.* с кочегаром Кротиком (*ЧА*$_2$)

6–8 Он сейчас ∾ запел, заиграл / *а.* Захар принес с собою очень дорогую гармошку и, замещая кочегара Ваську, давно умершего от простуды, играл и пел *б.* Он сейчас же сдружился с кочегаром Кротиком, и хромой кочегар, запел, заиграл (*ЧА*$_2$)

9 Эх, ветер дует / *а.* Ветер дует *б.* Эх, ветер дует (*ЧА*$_2$)

13 Яков спросил Морозова / *а.* Артамонов спросил его *б.* Яков спросил Морозова (*ЧА*$_2$)

15 *После*: ответил ткач.— Говоря с хозяином, он забыл снять измятую, тоже гнилого цвета фуражку (*ЧА*$_2$)

16–17 в словах ∾ песенок кочегара / в рассказах его сверкали остренькие, злые словечки, и от них, так же, как от его песенок, веяло отчаянным бесстыдством (*ЧА*$_2$)

18–19 Яков Петрович ∾ в лицо хозяину /*а.* Петр Ильич,— говорил он *б.* Яков Петров,— говорил он (*ЧА*$_2$)

20–21 Этот человек ∾ во тьме осенней ночи. / *а.* Этот человек стал сразу как-то особенно заметен, [как] точно фонарь, зажженный в ночной осенней тьме. *б.* Этот человек и Васька кочегар [как-то сразу] как-то особенно заметны, [как] точно фонари, зажженные в ночной осенней тьме. (*ЧА*$_2$)

24–25 кочегар ∾ запел / *а.* ткач, увидев это, пропел *б.* кочегар, увидев это, пропел (*ЧА*$_2$)

30–31 К удивлению Якова ∾ поощряя кочегара / *а.* К удивлению Петра, никто — ни зять, ни Яков — не обиделись на эту насмешку, а оба стали хохотать, явно поощряя Захара *б.* К удивлению Якова, ни зять, ни Мирон не обиделись на эту насмешку, а оба стали хохотать, явно поощряя Кротика (*ЧА*$_2$)

32 *После*: тоже смеялись — нехорошим, чужим смехом (*ЧА*$_2$)

33–34 Захар Морозов привел на двор / *а.* Захар привел *б.* Захар Морозов привел (*ЧА*$_2$)

34–35 с пушистым ∾ хвостом / с пушистым хвостом, геройски загнутым на спину ($ЧА_2$)

35–36 привязан мочалом / привязан красной ленточкой ($ЧА_2$)

37 Мирон не стерпел этого озорства / *а.* Рассердился на это озорство лишь один Мирон *б.* Тут Мирон рассердился на это озорство ($ЧА_2$)

Стр. 353.

1–2 По улицам ∾ изломанные люди / *а.* Как сквозь сон, Артамонов старший видел кучи хромых, слепых, изломанных людей *б.* По улицам города кучами ходили—*Далее как в тексте* ($ЧА_2$)

3 цвет их одежды / цвет их реденького сукна ($ЧА_2$)

4–6 Изломанных ∾ Вера Попова / [Их] Солдат водила на прогулки старенькая [молчаливая] [тихонькая] Попова ($ЧА_2$) [1]

7–8 но та ∾ жаловалась / Но Полина, встряхивая головой, жаловалась Якову ($ЧА_2$)

9–10 Ты посмотри, Яша / Ты посмотри ($ЧА_2$)

11 не могу! / Невозможно описать! ($ЧА_2$)

12 [угрюмо] уныло спрашивал ($ЧА_2$)

15–16 становились злее / [стали злыми] становятся всё злее ($ЧА_2$)

16–18 ворчали, фыркали ∾ работали всё хуже / Люди на фабрике ворчали, фыркали, угрюмо жаловались на дороговизну, и никогда за всю жизнь Артамонов не видел так много злых баб. Рабочие, посвистывая, требовали прибавок, молодежь, наученная Захаром, пела какую-то солдатскую песню. Из нее Артамонов уловил несколько слов: «Мы свой, мы новый мир построим».— Это что ж они орут? — спросил он Якова,— сын, пожав плечами, ответил:— Детское, не обращайте внимания. ($ЧА_2$)

18–20 *Слов*: поселок вечерами ∾ громко и сердито — *в* $ЧА_2$ *нет*; поселок [по вечерам] шумел и рычал [как⟨п⟨ёс⟩] по-новому, громко и сердито (*БА*)

21–22 Среди рабочих ∾ как еврей. / Мелькал в глазах Якова солидный [спо⟨койный⟩] слесарь Минаев, человек лет тридцати, в черненькой, курчавой бородке, носатый, похожий на еврея, но говорил как волжанин на о́ ($ЧА_2$) [2]; В глазах Якова мелькал среди рабочих солидный — *Далее как в тексте* (*БА*)

23–26 *Фразы*: Яков боязливо сторонился ∾ не может вспомнить.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

---

[1] *Текста*: Изломанных ∾ становились злее (*строки 4—16*)—*во второй редакции нет.* [2] *Текста*: Среди рабочих ∾ стыдно пред людями (*строки 21—38*) — *во второй редакции нет.*

23–24 стараясь [даже глазами] не встречаться [с его] со взглядом слесаря (*БА*)

25 так, как будто он забыл / [как будто всп⟨оминал⟩] как будто он забыл (*БА*)

27–28 Грязным обломком ∾ больные ноги. / И каким-то грязным обломком плавал, едва передвигаясь на больных ногах, отец. ($ЧА_2$)

28–30 Теперь ∾ строго спрашивая / [Было уже холодновато] Теперь на его широких плечах [бол⟨талась⟩] висела тяжелая дорожная шуба на [вол⟨чьем⟩] лисьем меху, на ногах валяные сапоги, он опирался на палку, останавливал людей во дворе и строго спрашивал ($ЧА_2$)

29 с вытертым мехом [на ногах] (*БА*)

32–34 А когда ему ∾ кровью живете! / Ему отвечали, тогда, [махнув] отмахнувшись рукою, он говорил:— Ну, ступай... Бездельники вы все... ($ЧА_2$)

35 Его лиловатое / Его [оплывшее] лиловое ($ЧА_2$); Его лиловое (*БА*)

36 нижняя губа отваливалась / и нижняя губа отваливалась [обнажая съеденные, очень желтые зубы] ($ЧА_2$)

36–37 *Слов*: за отца было стыдно пред людями — *в* $ЧА_2$ *нет.*

37–39 Сестра Татьяна ∾ были красные./ Яков похудел, щурил радужные глаза свои так, точно они болели, Татьяна целый день шуршала газетами, злая, чем-то, видимо, испуганная до того, что у нее даже уши посинели ($ЧА_2$); [Яков похудел и щурил радуж⟨ные⟩] Сестра Татьяна — *Далее как в тексте до слова*: тоже — *Далее*: [злая и чем-то испуганная] — *Далее как в тексте* (*БА*)

39–41 летал в губернию ∾ топал широкими каблуками / летал в Москву и, возвратясь, топал каблуками ($ЧА_2$)

41 и злорадно рассказывал / сухо рассказывал ($ЧА_2$)

Стр. 354.

4–6 сидя рядом ∾ сын Платон / сидя [возле] рядом с беременной и, точно изумленной этим, безмолвной снохою ($ЧА_2$)

6 *После*: для примера...— для устрашения: вот, дескать, смотрите, какой нарыв может быть, вот как все грехи против мужика прорвало! ($ЧА_2$)

7 возглашал веселый / кричал веселый ($ЧА_2$)

7–9 Это — замечательно! ∾ Ага? / *а.* Это удивительно! — Артамонову тоже казалось, что Ольга говорит верно. Он не верил в постыдную сказку Мирона, Мирон выдумывает всякие пакости из обиды, потому что его не пропустили в государеву

Думу, а вот Воропонова пропустили туда второй раз. *б.* [Якову] Яков не верил ∾ второй раз. ($ЧА_2$)

10–12 Он радостно ∾ ждал какого-то праздника. / *а.* Ему казалось, что хотя люди, фыркая и пугая друг друга, пророчат разные беды, но все они втайне ждут праздника, каждый для себя. *б.* Но ему всё больше нравился рыженький зять, он [он только] один [не притворялся испуганным] уверенно ждал какого-то праздника и, подпрыгивая, потирал руки, обраставшие золоченной шерстью. ($ЧА_2$)

14 *Фразы*: Не понимаю! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

15 Удивленно ∾ каркал / Муж, удивленно открыв рот, каркал ($ЧА_2$)[1]

16–21 *Текста*: Так — пойми же! ∾ вы говорили иное...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

22 Но Митя почти / И почти ($ЧА_2$)

23 говорил проникновенным шёпотом / он громко шептал ($ЧА_2$)

24 *Фразы*: Это — символ, а не просто — мужик!— *в* $ЧА_2$ *нет.*

25–26 *После*: своей власти — триста три года... шестьсот шестьдесят шесть... ($ЧА_2$)

27 резко сказал / резко оборвал ($ЧА_2$)

27–36 *Текста*: доктор Яковлев ∾ расстраивало Якова.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

36–39 В конце ∾ играя на гитаре, пел / Всех откровеннее был рыженький зять, он только один не притворялся испуганным, и хотя в его глазах явилась озабоченность, он, как раньше, вертелся волчком, брызгал шуточками и всё так же по вечерам бренчал на гитаре, распевая ($ЧА_2$)

37–38 таким же [каким родился] каким был (*БА*)

Стр. 355.

1–3 Но Татьяне ∾ шла к детям. / *а. Текста нет. б.* Теперь Т⟨атьяне⟩ не нравилась эта песенка, и она просила мужа:— Перестань!— Но Митя не переставал.— Фу, как это надоело!— говорила она и шла к детям. ($ЧА_2$)

4–5 Митя ловко умел успокаивать рабочих / Он даже становился всё бойчее, ловче, умел успокаивать рабочих ($ЧА_2$)

4–5 он посоветовал Мирону / *а.* неглупо посоветовал Мирону и Якову *б.* он посоветовал Мирону ($ЧА_2$)

5 муки, круп, гороха / муки, гороха, пшена ($ЧА_2$)

6 продавать рабочим / и продавать всё это рабочим ($ЧА_2$)

7–8 а Якову стало ясно / и как-то сразу стало ясно ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: Удивленно открыв рот ∾ резко сказал Мирон (*строки 15—27*) — *во второй редакции нет.*

8–9 верит ∾ больше, чем Мирону / *а.* верит этому паяцу больше, чем Якову и Мирону *б. Как в тексте* ($ЧА_2$)

9–10 Яков видел ∾ чаще ссорится / *а.* оба опи всё чаще ссорятся *б.* Мирон всё чаще ссорится ($ЧА_2$)

10 *После*: с Татьяниным мужем... — *а.* она на их стороне, тоже ссорится с ним, забросила детей, кричит на всех, мать прячется от нее по углам, а за чайным столом робко просит:

— Налей мне, Таня, еще чашечку...

Наблюдая всё это сквозь туман старческой усталости, Артамонов испытывал удовлетворение, близкое злорадству: никому не удалось устроить спокойную жизнь и невозможно было понять, кто же правит ею? *б.* и она тоже ссорится с ним, забросила детей, кричит на всех, мать прячется от нее по углам, а за чайным столом робко просит:— Налсй мне, Таня, еще чашечку. ($ЧА_2$)

11–13 четко, не скрывая ∾ улыбаясь, отвечает / чстко и не скрывая злой досады, спрашивает Мирон зятя, а тот, сияя улыбочками, отвечает ($ЧА_2$) [1]

14 Воля народа... право парода... / [Глас] Воля народа... [нет, не глас народа] Нст — линия наимсньшего сопротивления ($ЧА_2$)

15–16 *Фразы*: Я спрашиваю ∾ кричит Мирон.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

17–21 Будет вам ∾ визг Татьяны / Ешьте,— ворчит Артамонов [стар⟨ший⟩], глядя на всех сквозь туман старческой усталости и привычного [хмеля] опьянения [по] [а]. Якову кажется, что в тусклых глазах отца [сверкает] светится искорка удовольствия и что старику приятно видеть, как ссорятся зять и племянник, [часто] а раздраженный визг Татьяны вызывает на лице старика гримасу удовольствия.

— Куда идешь?— спрашивает его отец раза по два, по три в день, а иногда, [и] оглядываясь, [осторожно] шепчет присвистывая:

— Гляди в оба! Не поддавайся Мирошке-то, слышишь? Рыжего берегись...

Плох старик. Теряет память, а зрение его становится так слабо, что малейшую неровность на дороге он, видимо, принимал за глубокую яму, и опасливо [тыкая землю тростью] обходит ее, тыкая палкой в твердую утоптанную землю ($ЧА_2$)

20–22 *Слов*: усмехался, когда ∾ еще чашечку...— *в* $ЧА_2$ *нет.*

23–24 Всё новое ∾ вдруг / [Вдруг всё] Всё выскакивало вдруг ($ЧА_2$)

---

[1] *Текста*: четко, не скрывая злобы ∾ визг Татьяны (*строки 11—21*) — *во второй редакции нет.*

24–26 Вдруг ∾ умерла / Вдруг исчез веселый, рыженький зять, а Татьяна захворала, вдруг Ольгу, совершенно ослепшую, ветер ударил [скобою калитки] калиткой в грудь, и, пролежав два дня, она незаметно умерла (*ЧА*$_2$)

26–28 а через несколько дней ∾ царь отказался от престола / *а.* в эти дни город, как громом оглушило; царь, бросив свое дело, отказался править государством. Это уж совсем трудно было понять, хотя, конечно, многое должно было обижать царя; он, наверное, знал, как думают и говорят о нем люди, подобные Мирону, но если он приказывал гонять по тюрьмам Илью, почему же он не трогает Мирона? *б.* а в день ее смерти город, как громом, оглушило: царь отказался от престола. Это уж [Якову] Яков не мог понять (*ЧА*$_2$)

29–32 Что ж теперь ∾ над столом / *а.* Как же это?— спросил он племянника, воткнувшего нос в газету и услышал слова, свистящие сухой радостью;— Давно пора, давно-с! *б.* Что же будет?— спросил Яков брата, радостно воткнувшего нос в газету,— и услышал слова [радости]: — Давно пора, давно-с! (*ЧА*$_2$)

32 он упирался ладонями / Он стоял, склоняясь над столом, упираясь ладонями (*ЧА*$_2$) [1]

33–34 бумага ∾ лопнула с треском / [но] бумага натянулась по середине и вдруг лопнула, разорвалась на сгибе (*ЧА*$_2$)

34–35 *Слов*: Якову это показалось дурным предзнаменованием — *в ЧА*$_2$ *нет.*

35–39 а Мирон разогнулся ∾ вот что, брат! / Мирон выпрямился, и Яков увидел [на его лице], что его лицо [так освещено, так исп⟨олнено⟩ торжеством] так торжественно [глупо], как будто не царь ушел [с престола], а вдруг умер [враг, соперник его] Воропонов, соперник Мирона.— Что будет? — переспросил Мирон [не свойственным ему голосом] не свойственно ему ласково и крикливо.— Начнется выздоровление, возрождение России. (*ЧА*$_2$)

40 как бы желая обнять / точно хотел обнять (*ЧА*$_2$)

Стр. 355—356.

40–2 но тотчас ∾ похож на семафор / потом одну руку опустил, другую протянул ему, секунду подержал ее в воздухе, [а потом] пригладил волосы (*ЧА*$_2$)

Стр. 356.

2–3 и заявил ∾ едет в Москву / *а.* Кружась, притопывая, свер-

---

[1] *Текста*: он упирался ∾ похож на семафор (*стр. 356*, *строка 2*) *—во второй редакции нет.*

кая очками, Мирон тотчас же объявил, что едет в Москву; на смену ему откуда-то выпрыгнул Митя Каратыгин (*ЧА*$_2$)

4–8 Митя тоже ∾ в душе его! / *а.* Яков, крепко потирая руки, обещал отцу: — Теперь, папаша, всё должно пойти отлично! *б.* на смену ему откуда-то выпрыгнул Митя Каратыгин и он тоже сказал весело, крепко потирая руки: — Теперь всё пойдет отлично! (*ЧА*$_2$); а Митя, хлопая руками, точно озябший извозчик, кричал: — Теперь всё пойдет отлично,— ура! Деревня покажет свою мощь. ◊ (*БА*)

9–10 *Фразы*: Мирон ∾ облизывал губы — *в ЧА*$_2$ *нет.*

10 [Якову показалось] Яков видел (*БА*)

10–11 Яков видел ∾ все обрадовались / Сначала показалось, что [это] так [и есть] и будет: все в доме обрадовались (*ЧА*$_2$)

11–12 Митя с крыльца ∾ на дворе / *а.* Мирон с крыльца рассказывал рабочим *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

13 кричали ура / кричали ему ура (*ЧА*$_2$)

14–18 схватив Митю ∾ руки и ноги / [потом, схватив его за руки и за ноги, стали подбрасывать в воздух, он [высоко], скорчившись, взлетал над головами их, потом стали качать Якова, а Наталья, глядя из окна, смешно кричала: — Ой, разобьют, ой... [Вечером, выйдя за ворота Артамонов старший]] и, схватив за руки и за ноги, стали качать, подбрасывать в воздух, Мирон взлетал и как-то ломался, точно рассыпался на части, [но] многочисленные руки ловили его, снова сжимали в ком и взбрасывали выше голов своих, покрикивая: Ура-ра-ра! Потом качали Якова, он летал хорошо, как большой мяч, а Наталья, глядя из окна, смешно кричала: — Ой, разобьют, ой... (*ЧА*$_2$)

14 стали подбрасывать / его [качали] стали качать (*БА*)

18–22 *Текста*: Митю окружила толпа ∾ Ребята — уру ему! — *в ЧА*$_2$ *нет.*

23–24 Кричали ура ∾ точно пьяный / *а. Слов нет. б.* Васька кочегар, приплясывая, орал, точно пьяный (*ЧА*$_2$)

25–29 Эх,— далеко ∾ поощряли его. / *а. Текста нет. б.* Делай, Вась! — [одобряли] поощряли его криками, хохотом, свистом, и Васька делал, загибал: — [Палки на палки] Эх, [люди мы] дураки мы, звери мы. [Зря жили сто лет] За что тысячу с лишком лет в ворону верили! — Р-ра-а... — ревела толпа. (*ЧА*$_2$)

30–33 *Текста*: Якова тоже ∾ о землю.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

33–34 А вечером ∾ под окном / *а.* Вечером, сидя на крыльце, Артамонов старший услыхал за углом дома *б.* Вечером Яков из окна услыхал за углом дома (*ЧА*$_2$)

35 Зачем отнял ∾ продай его мне. / Ты продай мне кутенка.— Это — зачем? — спросил насмешливо и громко Захар Морозов. ($ЧА_2$)

37 Э, старик / Чучело ($ЧА_2$)

38 ответил Захар Морозов / *а. Слов нет. б.* Дурак,— сказал Морозов. ($ЧА_2$)

Стр. 356—357.

39–1 *Слов*: Продай ∾ Отстань.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 357.

2 Яков, выглянув из окна, сказал / *а.* Тихон,— позвал Артамонов, и когда из-за угла вышел тяжелой осторожной походкой коренастый старик, он спросил его *б.* Когда из-за угла вышел тяжелой осторожной походкой коренастый старик, Яков сказал ($ЧА_2$)

4 отозвался старик / *а.* сказал Тихон *б.* ответил Тихон ($ЧА_2$)

4–5 за угол дома / за угол ($ЧА_2$)

6 Свергли царя-то! / Свергли, старик, царя-то? ($ЧА_2$)

7–13 Тихон наклонился ∾ Тулун, Тулун... / *а.* Разыгрались мыши,— отозвался Тихон, еще раз взглянул за угол и непочтительно, не поклонясь Артамонову, отошел от него, шагая так, как будто земля плыла под его ногами *б.* Разыгрались,— отозвался Тихон, еще раз взглянул за угол и, непочтительно повернувшись к [нему] Якову спиной, наклонился, подтягивая голенище сапога ($ЧА_2$)

14 пошли крикливо веселые недели / закружились крикливые, тревожно веселые недели ($ЧА_2$)

14–15 Мирон, Татьяна, доктор / *а.* Мирон, Татьяна, Яков. *б.* Мирон, Татьяна ($ЧА_2$)

16–17 *Слов*: друг с другом ∾ слесаря Минаева — *в* $ЧА_2$ *нет.*

16–17 какие-то незнакомые [люди] и увезли (*БА*)

17–18 Потом пришла весна, солнечная и жаркая. / Вдруг, точно красная девушка [вышла из-за угла], выступила весна, очень дружная, солнечная, жаркая. ($ЧА_2$)

17–18 *После*: солнечная и жаркая.— *во второй редакции зачеркнут эпизод*: И так же внезапно утром широко распахнулась дверь, вошел незнакомый человек и сказал:

— Здравствуй, отец...

Артамонов старший хотел встать, но не мог, хватая руками край стола, он бормотал:

— Ага, вернулся... Ну, вот... Ну-ко, покажись...

Илья обнял его за плечи, вдавил в кресло, сел рядом и потряс рукою колено отца, а отец, проводя ладонями по лицу

своему, потирал дрожащие руки, помаргивая, помасливая их слезами, и ворчал:

— Я тебя давно ждал, тюремный. Эх ты, упрямый. Вот как... да! Разрезало нас, а все-таки воротился, а? То-то...

Сквозь мутные слезы старику трудно было разглядеть сына, слезы текли по-бабьи обильно, Артамонов мыл руки ими, отирал ладони и бороду о рукав серенького пиджака Ильи, нащупал, что из трех пуговиц на рукаве двух не хватало, на их месте торчали только кисточки ниток, выщипывая нитки, он говорил:

— [Я рад.] Чай пить будешь, что ли?

Сын тоже говорил что-то очень громко, заглушая причитания матери, вопросы Якова, визгливый голос сестры Татьяны. Пред Артамоновым сидел большелобый, лысоватый человек, похожий на солдата, седые волосы его были коротко острижены, борода обрита, только под нижней губой оставался седой клок, под носом густо топорщились белые усы. Узнать в этом человеке сына можно было [только] лишь по глазам, они остались синими, даже еще больше посинели от седых волос и желтой, туго натянутой кожи лба; глаза веселые и голос тоже веселый, но черезмерно силен; Илья говорил [так] громко, как глухой или как будто видел людей не рядом с собою, а далеко от себя. Но говорил он ласково и всё подсмеивался, шевеля тяжелыми усами солдата, одетого в штатское. Его пиджак заношен, лоснится на локтях, серые брюки измяты [и], вздернулись, обнажив спустившиеся носки и рыжие, давно не чищенные ботинки. «Бедно жил»,— подумал отец и спросил: — Женат?

— Дважды, одна умерла в ссылке, другая ушла от меня, поссорились...

«Прост; прямой, как был,— отметил себе Артамонов.— Вот и праздник мне...»

Пристала Татьяна с какими-то бабьими вопросами, у нее болели зубы и она взвизгивала; Яков, задумчиво почесывая подбородок, стоял у стола, склонив голову к плечу и смотрел на брата вопросительно, как [смотрят] на машину, назначение которой не вполне ясно для него; [ма⟨ть⟩] Наталья помогала горничной накрывать стол к обеду; всё как будто возвращалось к обычному порядку дома, и это не нравилось старому Артамонову, угрожая превратить праздник в будний день.

— Погоди стучать ложками,— крикнул он жене и, усмехаясь, сказал блудному сыну:

— Есть торопится, всё еще не наелась. Любит это.

Илья встал, обнял мать и сказал ей что-то ласковое, она молча ткнулась лицом в плечо его и неестественно, басом, сказала:

— Стара я, не знаю, зачем и живу, всё уж не для меня...

Отец ревниво крякнул, спросил:

— Ну, кончил ты остроги и ссылки?

— Как будто кончил, пока — в остроги сажать некому.

— Спихнул царя?

Илья снова сел рядом с ним.

— Это только начало, много еще спихнуть надо!

— Кого еще? Будто и некого. Только бог остался.

— Они, папаша, и бога,— сквозь зубы заговорила Татьяна, но отец не стал слушать ее, разглядывая, как около уха Ильи катается под желтой кожей костяной шарик.

Он [чувствовал] понимал, что преждевременно спрашивать сына о его делах, это требует подробного, спокойного разговора один на один, но было как-то особенно интересно и даже немножко страшно говорить и думать именно об этих делах. Он чувствовал нечто и милое для себя и жуткое в том, что его сын, вот этот, седой, двадцать лет с лишком затратил на то, чтоб спихнуть царя с престола, и достиг своего, бросив отца, мать, богатство.

В этом было что-то сказочное [похожее на жития святых] и до того чудесное, что как будто этого-то и не могло быть. Однако было. Царя, говорят, нет, а Илья — вот он, держит брата за плечо, и [говорит] кричит:

— Нет, всё это пора кончить!

Яков двигает плечом так, точно рука брата тяжела ему, он удивленно поднял брови и спрашивает:

— А — война?

— К чёрту!

— Садись,— сказала Татьяна сердито. Илья сел за стол рядом с нею, спросив:

— Ты тоже, конечно, в кадетском корпусе?

— Об этом — после,— ответила она, наливая молоко в стакан.

Ел Илья торопливо, голодно и как-то неумело, ел и говорил, точно пыль стряхивая с себя: снова сослали, бежал, жил по чужому паспорту, поймали...

Артамонову старшему этот быстрый рассказ не [п‹онравился›] нравился, ничего сказочного, житийного не было в нем. Неясно было самое интересное: как бежал, как поймали? И вообще сын рассказывал о своей жизни, как о чужой и о

пустяках. Это уж было неумно и могло [умалить, уронить] принизить Илью в глазах брата, сестры.

«Плохо рассказывает,— [думал] отметил старик.— Перестал бы при них...»

Невольно думалось: «Когда же и как [он] Илья спихивал царя с престола, если его всё ловили да сажали? Из каких выгод занимался он этим и что выиграл для себя?» Думы эти портили праздник, как портит уксус медь, покрывая ее едкой зеленью. И в этих думах Артамонов не заметил, из-за чего между детьми разгорелся шумный спор. Уже кончили есть, на столе сиял и посвистывал ярко начищенный самовар, в медном боку его уродливо отражалось лицо Натальи; робко поглядывая на кричащую дочь, она разливала чай.

— Извини меня, но это детская чепуха,— кричала дочь.

— Это измена союзникам,— говорил Яков необычно для него строго.

Спор продолжался почти до вечера, дети сидели у стола, точно прикованные к нему, курили все трое, и Артамонов видел, что он забыт ими; желая напомнить о себе, он подходил к старшему, клал руку на плечо его, а тот гладил руку и просил:

— Погоди, отец...

И, сунув руки в карманы, посмеиваясь, обжигая словами сестру так, что она, побледнев, ударила ладонью по столу, взвизгнула:

— Мы не позволим вам...

К ночи приехал ее веселый муж, и тут Артамонов старший понял, что праздник его кончился, больше ничего радостного не будет. Зять, не успев раздеться, пыльный, измятый, замахал руками, наскакивая на жену и Якова, бросился на Илью, грозил ему пальцем и, покраснев, потный, кричал:

— Вы — чужие народу, вы его не понимаете...

Он был не согласен со всеми, кроме самого себя, да и своему отражению в зеркале показал кулак, заставив старика вспомнить, как он разбил зеркало, увидев себя в нем жалким человеком.

Четверо суток с утра до вечера кипел этот спор, все как будто опьянели со зла друг на друга, Илья и зять вынесли спор из дома на фабрику и в обеденный перерыв говорили рабочим какие-то речи, у старика в этот день болели ноги, он не смог выйти на двор и слушал, сидя у окна. Он видел, как человек двести рабочих, стоя тихо, [как] точно в церкви, слу-

шают быструю речь зятя и четкий, резкий голос Ильи, но понял лишь одно: зять уговаривал рабочих не верить Илье, а [сын, высмеивая зятя] сын доказывал, что нельзя верить зятю, речь зятя слушали молча, а когда говорил Илья — хохотали.

Яков, небывало сердитый, не похожий на себя, тупо мигал покрасневшими глазами, а когда Татьяна стала требовать, чтоб он послал телеграмму Мирону, он крикнул на нее, как на жену:

— Отстань. Послал. Чёрт вас всех...

Всё это было похоже на кошмар и подавляло Артамонова старшего до немоты. Раньше, чем он успевал спросить о чем-либо, говорили уже другое, и прежде, чем слагался у него новый вопрос, дети бешено кричали о чем-то третьем. Память не успевала удерживать непонятные слова, но хуже всего было то, что Илья вел себя не по-взрослому, озорником, он явно насмехался над братом, зятем, сестрою, дразнил их так же, как дразнил, будучи мальчишкой, дышал на них дымом папирос и слишком часто, слишком задорно смеялся. [Оте⟨ц⟩] Отец видел, что старший сын вообще несолиден и обидно проигрывает рядом с чистеньким Яковом. Потрепанный пиджачок и брюки, вытертые на коленах, старенькие ботинки и клетчатый, смятый картуз,— всё это не шло к его седым усам и упрямой, лысоватой голове; он был одет как бы в чужое и с каждым часом становился всё более чужим в доме; он даже как будто нарочно добивался этого, раздражая всех. Несколько раз он садился на стул верхом, как на лошадь, и, держась руками за спинку, положив на ладони бритый подбородок, слушал крики брата и сестры, обидно прищурясь, а в глубине его глаз сверкал синий огонек.

И курил он не просто, а напоказ: медленно доставал папиросы, долго мял их пальцами, зажигал не торопясь; выходило так, как будто седой человек хвастался:

— А я — курю, смотрите-ка...

Широкоплечий, плотный, он, если б не брил бороду, был бы похож на деда, сходство с дедушкой заметно было и в речах Ильи, в упрямстве и решительности, и его насмешливых словах.

— Нет,— говорил он брату и сестре, показывая крепкие зубы,— нет, это басни, с этим вы опоздали...

Но чем заметнее [это] становилось общее между [внуком и] сыном и отцом, тем более смущала Петра Артамонова нищенская одежда Ильи и враждебное отношение к нему,—

оно всё росло, и даже мать, глядя на старшего сына сонными глазами, ворчала:

— Что уж это, какой несогласный, будто татарин...

Стало еще хуже, когда приехал Мирон, в таких же широких штанах, как штаны зятя, в куртке со множеством карманов и весь перепоясанный ремнями, [как] точно боялся, что без этого рассыплется. Гниленький цвет костюма сделал его лицо еще более сухим и мертвым, длинный нос его был гордо вздернут, говорил Мирон командующим голосом полицейского, [и даже] а у пояса его был прицеплен коротенький пистолет в желтой коже. С Ильей Мирон едва поздоровался, это задевало Артамонова,— ведь после его Илья был старшим в деле. При Мироне споры прекратились, Яков и Татьяна стали ходить мимо Ильи так осторожно, как будто он [весь] был выпачкан сажей, [и] а они опасались запачкаться, [об него] прикоснувшись к нему.

Зять завертелся вокруг Мирона, вполголоса поговорил с ним [вдруг] и в тот же вечер куда-то уехал: Артамонову старшему показалось, что и сам Илья тоже оробел, нахмурился и, огрызаясь, стал нерешительно тыкать пальцем в серую щетину густых усов своих.

Артамонов всё более убеждался, что он не заметен детям, почти не видим для них, и, наконец, становится не ощутимым для самого себя в сугробах слов; уставая смотреть и слушать, он вдруг, на какие-то [темные] минуты, исчезал сам для себя. Это было так жутко, что он приказал горничной поставить тяжелое кресло его против зеркала, чтобы всегда видеть свое лицо.

Потом подошел к нему солдатским шагом Мирон, сел рядом и спросил сквозь зубы:

— Вы, дядя, понимаете, чего хочет Илья?

Его глаза расплылись во всю ширину стекол, заполнив золотые ободки очков, бородка гневно дрожала, когда он объяснял, что Илья желает видеть рабочих хозяевами всех фабрик и всей жизни.

— Это он — шутит,— примирительно сказал старик,— это он дразнит.

— Его товарищи затеяли бунт против правительства...

— Так ведь вы тоже...

Но Мирон, не слушая, продолжал говорить угрожающими словами, не скрывая [своего] желания напугать старика, поссорить его с Ильей.

[Артамонов вяло рассердился: — Ну что все взъелись

на него? — почти закричал он.— Илья — не дурак, это вы]

Артамонов вяло подумал: «Понимаю я, почему ты взъелся на него!» — И сказал ворчливо:

— Отстань. Илья — не дурак.

— Не дурак,— да, но — сумасшедший,— сказал Мирон и пошел, топая ногами, как пьяный.

Артамонов еще не успел подавить унылую досаду на племянника,— явился сын с дрянненькой, клетчатой фуражкой в руке, швырнул ее на стол и спросил, оскалив зубы:

— Ну что, родитель, трудно? Ничего не понимаешь?

Спросил он непочтительно, но очень ласково гладил пальцами синие, взбухшие вены на руке отца.

— Ты что дразнишь всех? Надо жить дружно.

Сын ответил, снова усмехаясь:

— Никак нельзя дружно жить.

— Из-за чего спорите? Ну-ко, расскажи толком,— попросил старик, оживленный близостью сына.— Поди-ка, прежние-то, молодые-то мысли выветрились, а?

— Нет,— сказал Илья,— нет...

Артамонов взглянул на большелобое, солдатское лицо и насторожился: в сухих словах сына он услыхал нечто насмешливое. Однако, когда Илья просто и толково, как человек много подумавший, заговорил о том, что было знакомо Артамонову, о каторжной жизни людей, замотанных и обездушенных делами, в старике проснулся обиженный человек и стал поддакивать сыну:

— Это — так, это — верно. Даже Тихон понимает: каторга! Вот я всю жизнь прожил, прикован к фабрике, как собака цепью. Это — правда...

Но, говоря так, он все-таки чувствовал, что соглашаться с Ильей не следует и, качая головою, вздыхал, ворчал:

— Только это правда непоправимая, она — с роду горбата, ее не обойдешь.

Илья повернул речь в сторону, начал говорить примирительно: когда умный хозяин видит, что дом [его] насквозь прогнил, жить в нем опасно, нельзя, он не станет зря тратить силы и время на ремонт гнилья, [а] а сломает его, построит новый дом. Так?

— Н-да,— неопределенно сказал Артамонов, дергая свое ухо.

Сын заговорил горячее, торопливей, [и стал более] стал похож на того, каким был давно, слишком двадцать лет тому назад, и в словах его всё больше являлось враждебного.

— Постой,— сказал старик, с трудом ворочая тяжелые мысли.— Погоди, не путай меня. Это ты топорно говоришь...

— Это и есть правда.

Илья примолк, доставая папиросу, а отец угрюмо соображал, пощипывая бороду: «Те же мысли, те самые». Он вспомнил слова Тихона: «Всех в одни оглобли. Всем — каторга...»

И — ничего, кроме этого? Было обидно, что мысли Ильи совпадают с мыслями полуумного, темного мужика. Правда Ильи казалась такой же нищенской, серой, измятой, как одежда его. Седой, а не додумался ни до чего лучшего.

— Неужто ты веришь в это? — угрюмо спросил старик,— сын твердо ответил давними словами:

— Больше верить не во что.

Синие глаза его улыбались, папироса, потрескивая, брызгала мелкими искрами, он взглянул на нее и, не погасив, выбросил за окно.

— Ну, нет,— сказал старик, вдохнув,— это не так. Все чужое дело делают. Разве ты за свое взялся? Твое — вон оно, дышит.

Тыкая рукою в окно, Артамонов бормотал всё с большей досадой:

— А я думал: вот приедет... Ну, это всё выдумки, это от ума. Я понимаю: обидно, и придумали, чтобы всех...

[Но] И чувствуя, что он окончательно запутался в противоречивых словах, старик схватил со стола клетчатую фуражку с уродливым козырьком и замахал ею:

— Ошибся ты, проиграл, как дядя твой, Никита! Чего достиг? Вот картуз-то какой, его нищий устыдится носить. А пиджачишко? Эх, Илья... Не туда ты озлился, наружу озлился... Обидно, брат...

— Ну довольно, отец, а то поругаемся,— негромко, мягко, сказал сын и, взяв фуражку из руки отца, хлопнул ею по колену своему, как рабочий.

— Ничего тут не поделаешь,— сказал он,— я иначе думать не могу, ты тоже, конечно, не можешь иначе.

Надув щеки, он выдохнул струю воздуха с такой силой, что на столе зашевелилась, зашуршала Якова газета.

— Я проститься пришел, уезжаю. Может не увидимся больше.

— Куда? — спросил отец, пытаясь приподнять тяжелое тело свое.— Куда ты?

— В Москву, к своему делу.

Артамонов схватил его за руку.

— Мирон обидел, что ли? Так ты и сам всех тут обижал...

— Мирон — пустяки,— задумчиво сказал Илья.— Это всё пустяки. Ну, обнимемся.

Больше ноги не держали старика, он повис в крепких руках сына и ворчал:

— А я думал — ты жить воротился. Дома надо жить, а ты... Чего делать будешь? Всё уж сделали вы...

Сквозь туман в глазах он видел, что сын уходит, наклоня голову вбок, размахивая фуражкой. «Злопамятен. Упрям. Как был». Он долго сидел один, опустошенный, ни о чем не думая, прислушиваясь, как за окном топает лошадь, кричат люди. Корнев говорит густым басом:

— Не считая Захара,— человек семь.

— Ладно, увидим,— крикнул Илья.

Старик встал, хватаясь руками за подоконник, выглянул во двор,— Илья съезжал со двора в старенькой разбитой бричке, лошадь была запряжена тоже старая, с бельмом на глазу. «Нарочно велели запрячь похуже, в насмешку ему»,— сообразил старик, и ему захотелось крикнуть вслед сыну какое-то словцо, не то утешительное, не то упрекающее. Но прежде чем нашлось слово, бричка уже скрылась за воротами.

Артамонов схватил со стола газету, смял ее, бросил на пол. У него явилось желание разбить, сломать что-нибудь, но близко, под рукою, ничего не было, тогда он уставил глаза в зеркало, думая: «Вот и любимый сын. Да. А ты чего ждал? Праздника? Дурак».

Зеркало отражало[1] белое, пуховое облако, врезанный в его мякоть узор ветвей черемухи, а под ними — толстого старика с оплывшим лицом, клочковатой бородою, глаза были почти не видны, прикрытые дряблой кожей опустившихся бровей и серыми тряпочками век.

«Хорош комар...»

Усталость мягко ударила его по голове, окутала тяжелым, скучным туманом, он засопел, слабо махнул рукою: «Ну, делайте, что хотите».

Пришла жена, наклонилась над ним, стала тормошить, захныкала:

— Уйди,— сказал Артамонов, отталкивая ее,— уйди, лошадь. Ух, надоели вы мне...

Обидные мысли обманутого человека, [мысли] которые

---

[1] *Варианты текста*: Зеркало отражало ∾ отца-то, говорю, увезти бы, куда ни то... — *см. на стр. 551—553.*

своими уколами оживляли и преувеличивали Петра Артамонова, эти горестно приятные мысли исчезли после отъезда Ильи, растаяли в унылой скуке. А скоро и самое появление сына замутилось, стало похоже на сон; несколько раз Артамонов спрашивал жену:

— Илья-то был?

— Был.

— Уехал?

— Ну да...

И, вздыхая, Наталья жаловалась:

— Так и уехал, жуликом одет. В городе смеются: хорош Илья Артамонов! Господи, стыд-то какой! За что нам стыд!

У нее тряслась голова, руки двигались неверно, как вывихнутые, вся она оплыла, точно сальная свеча, обтаяла, обвисла. Было приятно слышать, что она жалуется, ноет, иногда смутно хотелось, чтобы все домашние, и Мирон, и зять, и вообще все люди, тоже завыли, закричали. Но и это желание, мелькнув, исчезало: старик погружался в забытье; приподнимая непослушные веки, он видел в зеркале [пя⟨тно⟩] неясное, человекоподобное пятно, вот оно расплывается, пропадает, не возбуждая уже никаких дум и чувствований. Иногда Артамонов, как будто проснувшись, вслушивался в шумный бред вокруг него, присматривался к испуганной суете домашних и каких-то чужих людей, слышал вопли жены:

— Увезти бы отца-то! Слышите,— отца-то, говорю, увезти бы, куда ни то...

Стр. 357.

19–21 Послушай ∾ отказался царствовать / Но Полина [наст⟨ойчиво⟩] сказала Якову:

— Послушай, Солененький, я не понимаю, как же это без царя? (ЧА$_2$) [1]

22 *Слов*: командуют какие-то штатские — *в ЧА$_2$ нет.*

23 как же теперь жить? / ты подумай, как же теперь жить? (ЧА$_2$)

23 будет делать всё / будет делать (ЧА$_2$)

24 Житейкин не даст мне покоя / Воропонов не даст мне житья (ЧА$_2$)

25 и все другие / и все (ЧА$_2$)

25–26 *После*: кому я отказала — *зачеркнуто*: к ком⟨у⟩ я относ⟨илась⟩ о⟨чень⟩ н⟨ебрежно?⟩ (ЧА$_2$)

26 Я не хочу ∾ все заодно / Я не могу (ЧА$_2$)

---

[1] *Текста*: Послушай, Солененький ∾ в ужаснейшем состоянии *стр. 362, строка 20) — во второй редакции нет.*

28–30 *Текста*: И потом ∾ ему нравится! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

31–37 Полина говорила ∾ становится грозней. / Она говорила на эту тему всё настойчивее, и каждый раз Яков уходил от нее удрученным. Он пробовал возражать ей, что-то объяснял, но сам не верил своим словам, видя, как всё кипит вокруг, [как] и поднимается тучей взволнованный народ, так же празднично уверенный в чем-то, как зять [Митя] Каратыгин. Да, Полина права, надо уехать куда-то до поры, пока всё успокоится, утрясется.— *Далее зачеркнуто*: А тут еще он пережил несколько минут жгучего ужаса; рано утром к нему в комнату постучались и, когда он отпер дверь, на порог шагнул, оттолкнув его, слесарь Минаев, лицо у него было серое, дрожало. Держась за ручку двери, он боязливо бормотал:

— Ротмистр сказал мне... Вы понимаете? Чтобы я обратился к вам, если что. Тут в город приехали ночью люди из губернии. У них бумаги, они меня могут... Так что я прошу — спрячьте! Или дайте денег мне, я уеду. У меня нет.

[Он видел] И почему бы не уехать? Фабрика работает всё хуже. Молодежь [не загонишь] невозможно загнать к станкам, да и нет в этом нужды: склад битком набит товаром, а [сбыт] [продажа] спрос становится всё более [вялым] слабым. Шурин Митя разогнал десятка два наиболее солидных рабочих по деревням, закупить муку, крупу, картофель, [кукурузу и] вообще стариков рабочих [не ста⟨ло⟩] почему-то не видать, фабрика помолодела и шумит гораздо сильнее, чем работает. Слесарь Минаев исчез, даже не взяв ни расчета, ни паспорта, это хорошо ($ЧА_2$)

Стр. 357—358.

37–3 Человек, который ∾ на задних лапах / но обожженный Захар Морозов [и молодой парень Николай Круглов] становится царьком среди молодых рабочих, они ходят за ним, как бараны за овчаркой, [и все они стан⟨овятся⟩] и все они ведут себя всё более дерзко. Митя в дружбе с ними, кружится около него, и Морозов говорит с ним, как с равным, смотреть на эту дружбу неприятно. [И дейст⟨вительно⟩] И в самом деле, Морозов [ста⟨л⟩] приобрел сходство с [огромной] большой собакой, которая учится ходить на задних лапах ($ЧА_2$)

39 Якова стал ∾ Захара Морозова / Якова Артамонова стал пугать [обожженный] жареный череп Захара Морозова (*БА*)

Стр. 358.

3–7 сожженная кожа ∾ ниже ростом / Должно быть, жареная кожа на голове его [снова] полопалась [и болит] [он], голова

Мор⟨озова⟩ [запакована марлей] обернута, как чалмой, мохнатым полотенцем и, огромная, придавила его, сделала ниже ростом ($ЧА_2$)

7–12 шагал он важно ∾ Товарищи — порядок! / [Он весь] [Он идет осто⟨рожно⟩] [Он идет не спеша] Ходит он важно, как полицейский, сунув большие пальцы рук за пояс отрепанных штанов и пошевеливая остальными восемью пальцами, [как] точно рыба плавниками, судит, рядит и [учит] покрикивает. ($ЧА_2$)

8 большие пальцы / большие пальцы рук (*БА*)

13–19 Он судил ∾ сукины дети? / [Еще] Два дня тому назад он [говорил] в толпе рабочих говорил кому-то из них: — [Ты — вор]. Деньги на газету не украли у тебя, [а] ты их пропил. Деньги — товарищеские, значит, ты — подлый вор. И лошадь загнал, замучил, а лошадь — народное имущество. Что же с тобой делать за это, подлая тварь? ($ЧА_2$)

20–29 Он приказал ∾ Браво-о! / Потом кого-то били, он кричал с земли, из-под ног людей, придушенно и хрипло:

— Товарищи, простите... — Товарищи,— [ласково и почти пла⟨ча⟩] трещал Каратыгин, летая вокруг Морозова ручной сорокой.— Внимание! Есть новости... ($ЧА_2$)

28–29 Митя закричал: — Браво-о! / [сняв свои оч⟨ки⟩] Митя закричал: — Браво-о! (*БА*)

30–32 Митя бегал ∾ зеленоватая радость. / Митя давно снял штаны [с широкой мотней] галифе и бегал в серых брюках, [заправленных за голенища высоких сапог] в кожаной фуражке, сдвинутой на затылок, весь растрепанный, на рыжем лице его [всегда] блестел пот, а в беспокойных глазах — зеленоватая радость. ($ЧА_2$)

33 Вчера [вечер⟨ом⟩] ночью (*БА*)

33–35 Вчера ночью ∾ крик Татьяны / Вчера вечером [Татьяна, топая], наверху, у [них] себя в комнате над конторой, Митя крепко поссорился с женой, Яков слышал, как [в окно] из окна в сад летели [задыхающиеся] несдержанные выкрики Татьяны ($ЧА_2$)

36–39 Ваши убеждения? ∾ Да, дети со мной... / [Что ва⟨ши⟩] Твои убеждения? [Ха-ха] Это ложь! Месяц тому назад [твои] эти твои убеждения... Я заявляю тебе, я беру детей и еду в город, к сестре... ($ЧА_2$)

Стр. 359.

1–5 Это не удивило ∾ ненадежность рыженького. / Да, рыженький Митя становился [всё более] весьма противным человеком. ($ЧА_2$)

5–6 А теперь ∾ ворчала / даже мать [зам⟨ечала⟩] [чувствовала], удивленно полюбившая [ры⟨женького⟩] его любовью ребенка к фокуснику, ворчала ($ЧА_2$)

6 ворчала / говорила ему ◊ (*БА*)

8 Вот, корми их... / Ты, поешь-ко! ($ЧА_2$)

9 Митя кричал / А оп говорил ($ЧА_2$)

10–11 Жизнь — красавица, умница! / Жизнь — красавица, жизнь — умница! ($ЧА_2$)

11–13 Но басни ∾ Татьяна Петровна! / [А] Но басни о мирном сожительстве волков и баранов — это, Татьяна Петровна, надо забыть. ($ЧА_2$)

13 *После*: С этим — опоздали! — И распевал новую песенку

Мне ваши мысли очень любы,
Но всё ж я не согласен с вами.
Овце не вставить волчьи зубы,
Собак — не воспитаешь львами. ($ЧА_2$)

15–16 Мирон озлобленно ∾ Ну-с, дальше? / Говоря с ним озлобленно и сухо, Татьяна спрашивала: — А что вы скажете завтра? ($ЧА_2$)

17–18 Жена и Мирон ∾ выпачкан сажей. / Она ходила мимо его так осторожно, точно он весь был выпачкан сажей [и Татьяна боялась]. ($ЧА_2$)

18–21 *Текста*: А через несколько дней ∾ корзину с бельем — *в* $ЧА_2$ *нет.*

22–25 Всюду Яков наблюдал ∾ конец этим сумасшедшим дням. / Шумные дни [то плывут — все] плывут быстро, каждый приносит новые тревоги и недоумения, всюду чувствуется какая-то пожарная суета, все люди как будто дымятся невидимым дымом [глупость их стала еще открытей, виднее] и ничто не обещает близкого конца этой бестолковой суете ($ЧА_2$)

26–27 Ну,— сказал он ∾ подумаем... / Да,— сказал Яков,— поедем в Крым, виноград есть будем. Решил я. ($ЧА_2$)

28–29 обрадовалась ∾ целуя его / радостно вскричала Полина, обняв его, целуя ($ЧА_2$); обрадовалась женщина, [обняв] [пригнув его л⟨ицо⟩] обнимая, целуя его (*БА*)

30 [В июльский вечер] Июльский вечер (*БА*)

30–33 Июльский вечер ∾ но грустно. / Он сидел у открытого окна в сад, [она] Полина на коленях у него, июльский вечер наполнял сад красноватым сумраком, [в комнату] дышал тяжелым запахом земли, размоченной дождем и нагретой солнцем ($ЧА_2$)

34–37 Сняв со своей шеи ∾ Надо — серьезно. / Подожди,—сказал Яков, снимая с шеи своей горячие, влажные руки жен-

щины.— Прикрой [груди] грудь, [поговорим] вообще — оденься. ($ЧА_2$)

38–40 Она соскочила ∾ рядом с ним. / Она [послушно] соскочила на пол, прыжками побежала к постели и, накинув рубашку кимоно, [подошла] неспешно, деловито села [против его] рядом с Яковом. ($ЧА_2$)

Стр. 359—360.

41–8 заговорил Яков ∾ побольше денег. / начал Яков, крепко растирая бороду по щеке.— Всё это требует осторожности. Поезда забиты беглыми солдатами. Нам надо прибедниться, ехать скромно.— Ну что ж, так и поедем,— согласилась она.— Только ты возьми [как можно] больше денег... Да? — [Да. Но] Не в этом дело.— Яков замолчал, глядя в сад. ($ЧА_2$)

Стр. 360.

9 Ну да ∾ уеду так / Ну? — торопила его Полина. — Я хочу уехать,— продолжал он,— [осторожно и тихо] так [знаешь] ($ЧА_2$)

11–12 А — зачем ∾ спросила Полина. / Полина удивилась: — А зачем? ($ЧА_2$)

13 Он не знал — зачем / Но он [сам] не знал, зачем ($ЧА_2$); Но он не знал, зачем (*БА*)

15–17 Ну, знаешь ∾ много, хороших... / Так надо,— сказал он. И [скорее], пытаясь объяснить себе неожиданное решение, добавил: — Отец [все-таки], [брат] Мирон, расспросы [всякие] — куда? Мать особенно... ($ЧА_2$)

18–20 *Текста*: Только скорее! ∾ Как жить? — *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 потому что — как [же] жить? (*БА*)

21 Оглянувшись ∾ шептала / [затем] Оглянувшись на дверь, она шептала еще тише ($ЧА_2$)

22–24 Вот кухарка ∾ так спуталось? / Знаешь, какая Прасковья добрая была? А теперь урчит, ворчит, дерзкая, как пьяная. [А третьего дня] [Убить] Зарезать меня может во сне, да, да!

26–27 Но приотворила ∾ Ужас! / Но потом тихонько приотворила дверь, [пока] а Прасковья стоит на коленях, трясет головой и [шеп⟨чет⟩] урчит: разрази их, господи, разрази... ($ЧА_2$)

28–32 Подожди ∾ дашь мне денег и... / Подожди,— [сказал] перебил Яков [ее взволнованную] быстрый поток [ее си⟨плого⟩] шёпота.— Нет,— громко [сказала] возразила она, ударив [ладо⟨нью⟩] кулачком по колену.— Нет, сказала я... Ты дай мне денег,— и сначала я! ($ЧА_2$)

33–34 обиженно и сердито / сердито ($ЧА_2$)

34–35 и получил ∾ ответ / Нет,— твердо ответила Полина ($ЧА_2$)
36 *Слов*: Не верю. — *в* $ЧА_2$ *нет.*
36 я говорю прямо / я прямо говорю ($ЧА_2$); я говорю прямо [не верю] (*БА*)
37–40 Разве можно ∾ распахнувшегося халата. / Я буду верить, когда обвенчаешься... — Это — глупо... — Полина говорила с жаром и почти взвизгивая. — Нет, нет. Женщинам вы почти всегда изменяете, а теперь, [когда да⟨же⟩] когда и царю изменили,— нет! Сначала я... ($ЧА_2$)
41 Яков Артамонов уступил / Яков уступил ($ЧА_2$)
41 что она [первая] завтра (*БА*)

Стр. 361.

1–2 *После*: подождет его. — Он совершенно [не был] ясно чувствовал ($ЧА_2$)
3 Яков [начал] стал жаловаться (*БА*)
3–4 Яков стал ∾ в голове / он дома начал жаловаться на боли в желудке и общее недомогание ($ЧА_2$)
4 весьма правдоподобно / очень правдоподобно ($ЧА_2$)
6 *Слова*: рассеянным — *в* $ЧА_2$ *нет.*
6 глаза его потускнели / глаза его помутнели ($ЧА_2$)
7 восемь дней / десять дней ($ЧА_2$)
8 по краю избитого шоссе / [пустынным шоссе, по избитым] по краю избитого шоссе ($ЧА_2$)
9–11 среди глубоких ∾ исчерченная трещинами / среди [глубоких ям] глубоких выбоин ($ЧА_2$)
10 грязь, вздутая [и потрескавшаяся] (*БА*)
12–13 впереди ∾ мертвенькое солнце / впереди, [сквозь] из мягкой ямы в [се⟨ром⟩] тяжелом нагромождении дымных обломков, белым пятном просвечивало солнце ($ЧА_2$); а впереди в мягкой яме — *Далее как в тексте* (*БА*)
14 Через месяц / А через месяц ($ЧА_2$)
15–17 сказал Татьяне ∾ нечто печальное / сказал Татьяне и мужу ее: — [В Москве] Н-ну-с, я сообщу вам печальную новость ($ЧА_2$)
18 пошлая девица / [эта девушка] девица ($ЧА_2$)
19–20 какие-то люди ∾ выбросили из вагона... / его избили и выбросили из поезда около станции Петушки... ($ЧА_2$)
21–23 *Текста*: Нет! ∾ На ходу поезда.— *в* $ЧА_2$ *нет.*
23–25 Через двое суток ∾ Петушки. / после чего он через двое суток скончался. Она похоронила его там же, в селе, около Петушков. ($ЧА_2$)
24 и похоронен ею [на станции] на сельском кладбище (*БА*)
26 к своим глазам / к глазам ($ЧА_2$)

27–29 ее острые плечи ∾ стала таять / и острые плечи ее задрожали ($ЧА_2$)

30–32 Мирон поправил пенсне ∾ по комнате, сказал / А Мирон, морщась продолжал ($ЧА_2$)

32 затем, шагая / и затем, шагая (*БА*)

33–38 *Текста*: Что же плакать ∾ пригладила брови.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

39–41 *Слов*: говорил Мирон, сунув руки в карманы — *в* $ЧА_2$ *нет.*

40 весьма неискусно / довольно неискусно ($ЧА_2$)

Стр. 362.

1 ясно: она обобрала / вероятно, обобрала ($ЧА_2$)

3 *Фразы*: Татьяна отрицательно мотнула головою.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

4 Я так и знал. / Я так и думал. ($ЧА_2$)

4–9 Я полагаю ∾ в слезах... / Да,— грустно сказал Митя, закуривая, жена крикнула: — Молчите, вы! — Молчу. — Мирон посмотрел на них поочередно и спросил: — Всё ссоритесь, да? Как будто не время.— Затем прошелся по комнате и сердито, твердо, воткнув в пол длинные ноги, сказал: — Я [думаю] полагаю, что отцу и матери не надо говорить об этом несчастьи. Пусть они думают, что Яков жив. Так? — Каратыгин пожал плечами, глядя на конец папиросы ($ЧА_2$)

10–11 Покачав головою ∾ все погибнем. / Кажется, мы все погибнем скоро, благодаря... ($ЧА_2$)

12–20 Возможно ∾ в ужаснейшем состоянии! / Возможно,— согласился Мирон.— Во всяком случае я отправлю прочь отсюда жену и детей, советую уехать и тебе... — Помолчали. [Осенний] Сентябрьский дождь стучал по стеклам, [под окном Тихон Вялов] уныло [бил] гудел колокол Николаевской церкви: благовестил всенощную.—Итак,— сказал Мирон, — отцу и матери мы ничего не скажем. Решено. [Извини] Прошу извинить меня, я пойду к жене, она нездорова, лежит. ($ЧА_2$)

21–29 Артамонов старший жил в полусне ∾ «Хорош комар». / *а.* Зеркало отражало белое, пуховое облако, врезанный в его мякоть узор ветвей черемухи, а под ними — толстого старика с оплывшим лицом, клочковатой бородою, глаза были почти не видны, прикрытые дряблой кожей опустившихся бровей и серыми тряпочками век... «Хорош комар...» Усталость мягко ударила его по голове, окутала тяжелым скучным туманом, он засопел, слабо махнул рукою: — Ну, делайте, что хотите. *б.* Петр Артамонов жил в полусне, медленно погружаясь в сон всё более глубокий. Он полулежал в кресле у себя в комнате [перед зеркалом], против окна и зеркала, [иногда зеркало] в окно было видно серую пустоту, а зеркало показывало толстого старика с лиловатым, надутым лицом, клочко-

ватой, грязного цвета бородой, опухшие глаза были почти не видны, [прикры⟨тые⟩] лицо неподвижно; Петр знал, что это его лицо, и порою думал: «Хорош комар». (*ЧА*$_2$) [1]

30–31 Приходила жена ∾ и хныкала / *а*. Пришла жена, наклонилась над ним, стала тормошить, захныкала. *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

32–34 Уехать надо ∾ Дай покою. / *а*. Уйди,— сказал Артамонов, отталкивая ее.— Уйди, лошадь. Ух, надоели вы мне... *б*. Уйди,— говорил Петр Артамонов.— *Далее как в тексте* (*ЧА*$_2$)

35–37 *Текста*: И, оставаясь один ∾ А фабрика — молчит.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 362—363.

38–1 Привычный собеседник ∾ понять ничего нельзя. / *а*. Обидные мысли обманутого человека, [мысли] которые своими уколами оживляли и преувеличивали Петра Артамонова, эти горестно приятные мысли исчезли после отъезда Ильи, растаяли в унылой скуке. А скоро и самое появление сына замутилось, стало похоже на сон *б*. [Его приятный собеседник] Привычный собеседник, обманутый человек, оживлявший Артамонова уколами своих мыслишек, исчез, умер, и Петру не о чем было думать, да и не хотелось. (*ЧА*$_2$)

Стр. 363.

2 *Слов*: Куда ∾ Татьяна, зять? — *в ЧА*$_2$ *нет.*

3 Иногда он спрашивал жену. / *а*. Несколько раз Артамонов спрашивал жену. *б*. Но иногда он спрашивал Наталью. (*ЧА*$_2$)

4–9 Илья — воротился? ∾ И Яков. / *а*. Илья-то, был? — Был. — Уехал? — Ну да... — И, вздыхая, Наталья жаловалась: — Так и уехал, жуликом одет. В городе смеются: хорош Илья Артамонов! Господи, стыд-то какой! За что нам стыд?
б. [«Илья-то не приехал? — Нет. — Нет?— Нет еще.— И вздыхала: — За что нам стыд?] Илья воротился? — Нет,— отвечала она, вздыхая. — Нет? — Нет еще. — А Яков? Тоже не воротился? (*ЧА*$_2$)

10 Так. Гуляют. / *а. Слов нет. б*. Гуляют. (*ЧА*$_2$)

10 *После:* Мирошка сосет.— *а. Слов нет. б*. Э-эх... (*ЧА*$_2$)

13–17 Она уходила ∾ как сальная свеча. / *а*. У нее тряслась голова, руки двигались неверно, как вывихнутые, вся она оплыла, точно сальная свеча, обтаяла, обвисла. Было приятно слы-

---

[1] *Варианты текста*: Артамонов старший ∾ Весь век свой дурой жила. (*стр. 362, строки 21—24, стр. 363, строки 1—29*) —*см. на стр. 544—545 наст. тома.*

шать, что она жалуется, поет. Иногда смутно хотелось, чтобы все домашние — и Мирон, и зять, и вообще все люди — тоже заныли, закричали *б*. Она покорно уходила в угол и сидела там, глядя тусклыми глазами на человека, с которым истратила всю свою жизнь. У нее тряслась голова, руки двигались неверно, как вывихнутые, она похудела, оплыла, точно сальная свеча, обтаяла, обвисла. (*ЧА*$_2$)

18–21 Изредка ∾ понять их шумный бред / *а*. Иногда Артамонов, как будто проснувшись, час другой вслушивался в шумный бред вокруг него, присматривался к испуганной суете домашних и каких-то чужих людей *б*. Иногда Ар⟨тамонова⟩ старшего [как будто] будила непонятная суета в доме, он несколько минут вслушивался в шумный бред [вокруг] людей (*ЧА*$_2$)

22–23 *Слов*: Ведь это — хозяин, хозяева мы! — *в ЧА*$_2$ *нет*.

23–29 Ну, дайте я увезу его ∾ он наведет порядок... / *а*. Увезти бы отца-то! Слышите, отца-то, говорю, увезти бы куда ни то... *б*. Увезти бы отца-то,— слышите? Увезти бы, говорю, старика-то, хозяина-то, куда-нибудь... «Она меня прячет,— соображал Петр А⟨ртамонов⟩,— что прячет? Дура... Всю жизнь дура...» (*ЧА*$_2$)

30 *Слов*: трещал мороз — *в ЧА*$_2$ *нет*.

32–34 Из этого состояния ∾ в саду, в беседке / *а*. В этом состоянии полусна Артамонов нашел себя в саду Алексея, в беседке *б*. Из этого состояния полусна Артамонова вытряхнуло острое ощущение голода. Он нашел себя в саду Алексея, в знакомой беседке (*ЧА*$_2$)

34–37 сквозь ее стекла ∾ дотронуться рукою / *а*. сквозь стекла ее и между мокрых ветвей просвечивало красное, странно близкое небо, казалось, что оно висит тут же, [вплот⟨ную?⟩] за деревьями, и до него можно дотронуться рукою; оно дрожало, напоминая клюквенный кисель *б*. сквозь стекла ее и между мокрых ветвей просвечивало красное, странно близкое небо, казалось, что оно теплое, висит тут же, за деревьями, и до него можно дотронуться озябшей рукою; оно колебалось, напоминая клюквенный кисель или зарево пожара (*ЧА*$_2$)

38 *Фразы*: Есть хочу ∾ не ответили.— *в ЧА*$_2$ *нет*.

39 Синеватая сырая мгла наполняла сад / *а*. Синеватый, сырой сумрак наполнял сад *б*. Синеватая, сырая полутьма наполняла сад (*ЧА*$_2$)

Стр. 363—364.

41–2 серая и темная ∾ связку веревок / *а*. рыжая и серая; на скамье сидел солдат в белой рубахе, без пояса, без шапки;

распутывая какие-то веревки, он пронзительно пел петушиным голосом:

Белый красного спросил:
Чем ты бороду красил?
Я не краской,
Не замазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал!..

б. серая и темная; на скамье за ними сидел человек в белой рубахе без пояса, без шапки, он распутывал связку каких-то веревок и петушиным голосом напевал незнакомую песню ($ЧА_2$)

Стр. 364.

3–8 *Текста*: Наталья,— слышишь? ∾ Или — захворала? — *в* $ЧА_2$ *нет.*

9–12 Он приподнял голову ∾ в кустах. / А у калитки сада, во дворе, стоял зеленоватый солдат с ружьем за спиной ($ЧА_2$)

12 На дворе кто-то кричал / *а.* [Знакомый, сиплый голос, заглушая песню, орал где-то во дворе.] Знакомый, сиплый голос невидимого человека кричал *б.* Потом сиплый, надорванный голос невидимого человека начал кричать ($ЧА_2$)

14 *После*: свиней не держат.— *а. Слов нет. б.* Ведь это ж ваше имущество, черти! ($ЧА_2$)

14–15 А почему ∾ под замок — хочешь? / *а.* [А почему сено не убрано? Глядите, как намокло сено. Это кто же здесь командует?] А почему сено не убрано? Глядите, как намокло? Кто здесь командует? ($ЧА_2$)

16–17 Человек ∾ в сторону солдата / [Солдат в белой рубахе перестал петь, вскочил и негромко сказал солдату с ружьем] Солдат в белой рубахе положил веревки на скамью, встал и сказал негромко зеленому солдату ($ЧА_2$)

19 стало больше / стало боле ($ЧА_2$)

19–20 ответил солдат / *а.* [ответил солдат с ружьем][ска⟨зал⟩] ответил солдат с ружьем куда-то вверх и в сад *б.* ответил солдат с ружьем куда-то вверх ($ЧА_2$)

21 И кто их, дьяволов, назначает? / И кто их назначает?

22–23 само собой делается / *а. Слов нет. б.* само собой идет ($ЧА_2$)

Стр. 364—365.

24–10 Человек подошел ∾ поплыл над скрипучим полом. / *а.* [Белый солдат подошел к лошадям, взял их за гривы и повел из сада.] Артамонов провел ладонью по лицу, по бороде, пощупал ухо горячими пальцами. Он лежал на скамье, покрытой

кошмою, лежать было жестко. Живот и грудь ему давила тяжелая медвежья полость. В ногах у него сидел Тихон Вялов с огромной головою, обмотанной белой тряпкой; согнув спину, он что-то делал, разводя локтями: присмотревшись, Артамонов понял, что Тихон чинит сапог. Белый солдат взял лошадей за гривы и повел их к садовой калитке. *б*. Артамонов провел ладонью по лицу, по бороде, пощупал холодными пальцами ухо. Он лежал на скамье, покрытой кошмою, лежать было жестко. В ногах у него сидел Тихон Вялов с головою, обмотанной белой тряпкой ($ЧА_2$)

Стр. 365.

11 Кто это орет? / *а*. [Толкнув Тихона коленом, Арт⟨амонов⟩ спросил: — Это кто кричит?] Толкнув Тихона коленом в спину, Артамонов спросил: — Это кто орет на дворе? ($ЧА_2$)

12 *После*: Захарка Морозов. — *а*. [Не сразу и не взглянув на бывшего хозяина своего, ответил дворник, разводя локтями] Захарка Морозов,— не сразу и не взглянув на бывшего хозяина, ответил дворник, разводя руками, точно бы плыл. *б*. Захарка Морозов — солдат,— не сразу и не взглянув на бывшего хозяина, ответил дворник, разводя руками, точно плыл. ($ЧА_2$)

13 А — солдат к чему тут? / *а*. А солдаты к чему тут? *б*. Солдат к чему тут? ($ЧА_2$)

14 *После*: Война. — С кем еще? ($ЧА_2$)

15–16 *Текста*: Помолчав ∾ враг дошел? — *в $ЧА_2$ нет.*

17 Это ∾ Петр Ильич... / [С тобой, Петр Ильич. Против тебя.] С тобой. Против тебя, Петр Ильич... — ($ЧА_2$)

18 Хозяин строго сказал / Артамонов строго сказал ($ЧА_2$)

20 спокойный ответ / спокойный, ворчливый ответ ($ЧА_2$)

21–22 Последняя война ∾ действительно стар. / [Теперь все товарищи. А для дурака — я действительно стар. Да. Староват я для дурака-то.] Последняя, слышь, война, больше не хотят. Теперь — все товарищи. А для дурака я действительно стар. Староват я для дурака-то. ($ЧА_2$)

23–24 *Текста*: Было ясно ∾ сняв шапку. — *в $ЧА_2$ нет.*

24–39 На дворе сиповато ∾ И очень хотелось есть. / Артамонов задумался, соображая: почему это голос его звучит так слабо? И ног у него как будто нет, не двигаются ноги. В голове же пусто, там колеблется какой-то хмельной шумок, не мешая отчетливо слышать [сло⟨ва⟩] крик на дворе.

— Вы, товарищ, бестолковый мальчишка, мудрить я вам не позволю, а то к буржуям в баню угодите. Чего? Люди устали? Уставать рано. Никаких послаблений не будет.

[Без дураков!] За сено вы мне ответите. Лошадей вылечить. Живее... Без дураков! Все за дело.

К этому сиплому крику [присоединялся ти⟨хий⟩, ворчливый] присоединялась собачья ворктотня Тихона; продергивая дратву сквозь кожу, он [говорил необыкновенные слова] бормотал:

— Вот как повернулось дело-то. Я говорил, не будет толка. Каторга всем будет. Ну вот, нате! Смахнули [вас], как пыль. Как стружку смахнули. [Строгали бревно, строгали, а вот свели на нет.]

В саду быстро темнело, на дворе становилось тише, сиплый голос звучал спокойней: — И чтобы после восьми часов никаких фигур на улицах не было...

— Где жена? — спросил Артамонов.

— Ушла хлеба искать.

— Это что же — хворал я, что ли?

— Хворал. Все захворали.

— Как это хлеба искать? Жена-то?

— А — как же? Хлеб — не камень, на дороге не валяется.

Артамонов решил молчать. Всё равно Т⟨ихон⟩ ничего не поймет. К тому же и [мысли] вопросы путались, прыгали, не давая [оценить] определить, которая[1] из них вернее. Какие-то мелкие, тускленькие звезды высыпались в темное небо над крышей бани, раньше как будто не было таких звезд. Солдат у двери в баню завыл протяжно, зевнул; он становился почти не видим, этот солдат, но [ствол его ружья] штык его ружья блестел, как рыбы в воде. Артамонову [очень захотелось] [хотелось] захотелось есть. *б*. К сиплому крику присоединялось собачье ворчанье Тихона; продевая дратву сквозь кожу, он бормотал:

— Дурак, а вот оно как повернулось дело-то. Я говорил: всем каторга. Вот она и пришла. Смахнули, как пыль. Как стружку смели.

В саду быстро темнело. На дворе становилось тише, сиплый голос звучал спокойнее: — И чтобы после восьми часов на улицах никаких фигур не было.

— Где жена? — спросил Артамонов.

— Ушла хлеба искать.

— Хвораю я, что ли?

— Все захворали.

---

[1] Незаконченная правка.

— Как же это: хлеб искать?

— А как же? Хлеб — не камень, на дворе не валяется.

О многом хотелось спросить, но Артамонов решил молчать; всё равно, у Тихона ничего не поймешь. К тому же вопросы как-то прыгали, путаясь, не давая понять, который из них важнее. Очень хотелось есть. Солдат у калитки протяжно завыл, зевая, он стал почти не видим, только штык его блестел, как рыба в воде. Мелкие, тускленькие звезды сыпались в темное небо, раньше как будто не было таких звезд. (*ЧА*₂)

Стр. 365—366.

40—28 Тихон заворчал ∾ Нищим — легче. / *а*. К чему всё? — бормотал Тихон. — Сколько греха. Счету нет греху. Смотрел я, смотрел, диво! Когда — конец?

Артамонову подумалось, что Тихон бредит, он спросил:

— Что это голова у тебя завязана?

Тихон качнул головой и не ответил.

— Расшиб что ли?

— Отлилось вам свинцом всё это,— снова густым шёпотом заговорил Тихон.— Вся хитрая глупость отрыгнулась. *б*. К чему всё? — бормотал Тихон. — Грешили, грешили,— счету нет грехам. Я всё смотрел: диво! Когда конец? Какой?

«Бредит»,— подумал Артамонов и спросил:

— Что это голова у тебя завязана?

Качнув головою, Тихон не ответил.

— Расшиб что ли?

— Отлилось вам свинцом всё это,— густо, шёпотом продолжал Тихон.— Отрыгнулась вся хитрая глупость. Нищим легче. (*ЧА*₂)

Стр. 366.

29—35 Вдруг, иным голосом ∾ А на что убил? / [Помнишь — мальчишку, Никонова?

— Ну? А — что? — спросил Петр [1] — и немножко испугался.

— Убил ты его, как Захарка [собаку] кутенка,— зачем убил?

— Я? — шёпотом спросил Артамонов [и тоже стал шептать]].

— Помнишь, Петр Ильич, мальчишку-то, конторщикова-то?

— Ну? А что? — спросил Артамонов, не понимая, испугал его или только удивил вопрос дворника.

---

[1] *В автографе описка*: Тихон.

— Убил ты его, как Захар кутенка. А зачем убил? (*ЧА*$_2$)

36–41 *Текста*: Артамонову стало ясно ∾ и сухость во рту — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 367.

1–4 Это ты ∾ сам сказал тогда... / [С ума ты сошел? Ты вспомни,— ты сам сказал...] Я? — шёпотом спросил Артамонов, приподняв голову.— Ты с ума сошел? Ты вспомни, ты сам видел, сам сказал... (*ЧА*$_2$)

5–8 А — что я сказал? ∾ Я глядел-глядел, ждал-ждал... / [Тихон сбросил сапог с колен своих, [са⟨пог⟩] голенище мягко шлепнулось, и так же мягко, беззлобно, зашлепали тихие слова:

— Сказал! Мало ли что говорил я, а ты не верь. Я — чтоб поглядеть, что ты будешь делать? Я тебе лжу подсказал, а ты и рад, поверил, схватился.] Тихон сбросил сапог с колен своих на пол, мягко шлепнулось голенище; в сумраке Артамонов видел бородатое темное лицо, слышал тихие слова.

— Сказал! Мало ли что я говорил. Я сказал, чтоб поглядеть, что ты будешь делать? Я лжу сказал, а ты и рад, поверил, схватился за лжу. Эх, ты... Вот и развязка. (*ЧА*$_2$)

9–12 И все вы — такие ∾ убили пьяницу до смерти. / [И все вы. Алексей Ильич трактир научил [зятя] тестя своего, пьяницу, поджечь, а отец твой догадался об этом. Кабы тогда, на пожаре, не избили пьяницу-то... Да. Я всё знаю. Всё видел] И все вы тоже... Алексей Ильич научил тестя своего, пьяницу, трактир поджечь, а отец твой догадался об этом. Никита Ильич знал это. Кабы тогда, на пожаре, не избили пьяницу до смерти... Да. (*ЧА*$_2$)

12–15 Никита Ильич знал ∾ делами вашими. / *а.* Никита Ильич догадался. Запугали вы его делами вашими. *б.* Никита Ильич всё знал. Запугали вы его делами вашими. Отшибли прочь. (*ЧА*$_2$)

15–18 Послали его в петлю ∾ И оттого — бога лишился... / За вас ему молиться страшно было... Послали человека в петлю, а потом в монастырь, молись! А сами... (*ЧА*$_2$)

19–34 Казалось, Тихон может говорить ∾ но: раздели вас... / [И длительно вздохнув, Тихон сказал: — Веры вы меня лишили, Артамоновы. Ни бога, ни чёрта нет у вас. А что есть? Нельзя понять. Будто есть что-то. Обманщики.

Тихон стал почти невидим в густой и сырой тьме летней ночи. Он говорил медленно, раздумчиво. Ар⟨тамонов⟩ не слышал в словах его злорадства, и они не пугали уже, а только давили тяжестью своей [и беспокоили]. Он был уве-

рен, что этот [тем⟨ный⟩] непонятный, старый мужик болен и бредит.] Ворчал Тихон медленно, раздумчиво и, казалось, беззлобно. Он стал почти невидим в густой, жаркой тьме летней ночи. Его шаршавые слова, напоминая ночной тараканий шорох, [они] не пугали Артамонова, но давили его своей тяжестью, изумляя до немоты. (*ЧА*$_2$)

35–36 С трудом пошевелив ∾ тяжелые ноги / *а.* [С трудом приподнявшись, он спустил на [холодный] пол [бос⟨ые⟩] страшно тяжелые ноги] Артамонов спустил, сбросил на пол страшно тяжелые ноги. *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

36–38 но кожа подошв ∾ в воздухе / *а.* но голые его подошвы не почувствовали пола беседки, и старику показалось, что он повис в воздухе *б. Как в тексте до слов*: что ноги — *Далее*: отделились, ушли от него. (*ЧА*$_2$)

Стр. 367—368.

40–20 Куда? — спросил дворник ∾ Тихон заглушил этот голос / [Куда? — остановил его Тихон,— не тронь меня. Не боюсь я.

И осторожно выглянув в сторону бани, сказал [ти⟨хо⟩] очень тихо:

— Лежи смирно. Всех вас уничтожить решено, понял?

— Зачем я тут?

— Выгнали тебя из дома.

— Мирон?

— Всех, и его.

— А Яков.

— Всех, говорю.

— Где Илья?

— Неизвестно. Теперь всему делу хозяева — фабричные, а Захарка начальник им. Солдаты — с ними. Матросы. Старший твой, коли Захарке верить, тоже с ними.

Артамонов помолчал, подумал и пробормотал вслух:

— Это может быть...

Он снова захотел лечь, но не хватало сил поднять ноги, тогда он приказал Тихону:

— Ну-ко, [положи меня] помоги.

Уложив ноги хозяина, снова придавив их медвежьей полостью, Тихон [бо⟨рмотал⟩] сплюнул и забормотал.

— Веры, говорю, лишили вы меня, не знаю теперь, как и умереть мне. Кругом вы меня обставили.

Он ткнул рукою в воздух, и в руке его заблестело острие шила, пред ним, в темноте, трепетала маленькая серая ночная бабочка, и можно было думать, что скуластый старик с обвязанной, разбитой головою целится шилом именно в нее.

Артамонов отодвинулся от него к стене, всё более убеждаясь, что Т⟨ихон⟩ обезумел и бредит.] Куда? — спросил дворник, снимая с плеч его руки. — Не тронь меня. Не боюсь я. Силы у тебя нет, не задушишь...

И осторожно выглянув в дверь, в синюю пустоту, он прибавил очень тихо:

— Лежи смирно. Всех вас уничтожить решено, а ты... туда же!

Артамонов хрипло спросил:

— Зачем я тут?

— Выгнали тебя из дома.

— Мирон?

— Всех и его.

— А — Яков?

— Ну Яков... Яков-то давно... — Всех, говорю.

— А Илья где?

— Неизвестно мне. Теперь всему делу хозяева — фабричные. Солдаты — с ними. Матросы. А начальник у них Захарка, понял? Коли ему верить,—старший твой тоже с ними.

Артамонов, помолчав, пробормотал вслух:

— Это может быть. Илья может...

Он снова захотел лечь, и его всё сильнее одолевал голод, мешая думать, понимать. Поднять ноги у него не хватало сил, тогда он приказал Тихону:

— Ну-ко, помоги. .

Уложив на скамью мертвые ноги хозяина, Тихон сплюнул и снова заворчал:

— Веры лишили вы меня, не знаю, как теперь и умирать мне. Загляделся я на вас...

Он тыкал рукою в воздух, и в руке его блестело тонкое острие сапожного шила, а пред ним, в сумраке, мелькала темненькая ночная бабочка; можно было подумать, что скуластый старик с обвязанной головою целится шилом в нее. Артамонов осторожно отодвинулся к стене, закрыл глаза; он окончательно убедился, что Тихон обезумел, бредит и может ткнуть шилом в глаз ему. В саду, в воздухе, повисли три полосы света, издали доносились чьи-то слова, напоминая речи Ильи:

— Назад, товарищи, оборота нет и не будет...

Речь эту прервал голос Тихона (*ЧА*$_2$).

21 Тоже и отец твой ∾ моего убил. / Отец твой брата моего убил. (*ЧА*$_2$)

22–23 Врешь ∾ Когда? / [Врешь,— сказал Ар⟨тамонов⟩ тихо.— Это ты врешь. Какого брата? Когда?] Врешь,— не сразу сказал Артамонов,— это ты врешь. Когда? ($ЧА_2$)

24 *После*: Вот те и когда... — [Солдата беглого, что ли... — Тихон промолчал и тогда со стороны дома] Со стороны дома донеслись напряженные слова:

— Числа нет врагам нашим, товарищи.—[Из-за крыши дома лениво выкатилась в небо большая красная луна, а из окон дома в сад [лег⟨ли⟩] протянулись три полотнища света] Там в воздухе повисли три [полотнища] полосы света. ($ЧА_2$)

25–27 *Текста*: Что ты всё ∾ сушит его. — *в* $ЧА_2$ *нет*.

27–30 Что тебе надо? ∾ Злобу копил? Эх... / [Что ж,— [подавленно] спросил Ар⟨тамонов⟩.— Что ты мне, совесть, что ли, судья... Чего тебе надо?

— Ничего мне не надо. Наплевать мне на судьев,— сказал Т⟨ихон⟩, наклонился, поднял сапог с пола. Ар⟨тамонову⟩ стало жалко и себя и его [еще когда-то], он вяло забормотал.]

—Чего тебе надо? Что ты мне — совесть, судья?

— Ничего мне не надо.

Жалея себя и его, Артамонов вяло сказал ($ЧА_2$)

30–32 Ну, ступай ∾ Полиции — нет. / [Тогда — иди, донеси на меня полиции, судьям...] Иди, донеси полиции, судьям. ($ЧА_2$)

33–35 Скажи — вот ∾ денег требуй, ну? / [Вот, мол, [они меня всю жизнь поили-кормили] он меня всю жизнь поил-кормил — судите его! А то — прижми меня, припугни, денег требуй.] Вот, мол, он меня всю жизнь кормил, поил — судите его за всё. Ну, иди? А то прижми меня, припугни, денег проси... Что ж ты молчал тридцать лет с лишним? Что молчал?

— Вот и молчал...

— Злобу копил,— эх... ($ЧА_2$)

36–38 Денег у тебя нет. ∾ Я — сам себе судья. / [[И на деньги наплевать.] Не понимаешь ты ничего, несчастный ты человек, нет у тебя денег, ничего нет у тебя — ничего.] Не понимаешь ты ничего. Нет у тебя денег, ничего нет, ничего и не было. А на судей — наплевать мне. Я сам себе судья. Да. ($ЧА_2$).

39–41 Так чем ты грозишь ∾ Тихон ворчал / [Это Тихон сказал как будто со злобой. Арт⟨амонову⟩ было тяжело и оскорбительно догадываться: что случилось? Почему этот бредовый, глупый мужик стал таким дерзким. Зачем он вспоминает прошлое, чем грозит. Но Тихон не грозил, он ворчал снова равнодушно и ненужно.] Артамонову было тяжко и оскорби-

тельно догадываться: что случилось? Почему этот бредовый человек стал таким дерзким, зачем вспоминает он прошлое, судит, [как] чем то грозит? Если б Илья был дома... Но Тихон как будто не грозил, он сидел, [держась руками за голову] положив руки на колени, и ворчал (*ЧА*$_2$).

Стр. 369.

1 Конец всем ∾ брата убили? / Я одного хотел: узнать — какой конец будет? Вот он конец. Всему. Всем Каинам. (*ЧА*$_2$).

3–4 *Фразы*: Старики начали ∾ перебивая друг друга.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

5–8 Я — не вру ∾ отец-то. / [Я с ним был, когда отец твой кокнул его. Я убежал... Его кровью отец истек... А для чего всё?] Я? Я с ним был, когда отец твой кокнул его. Я убежал. Он был молодой, хороший. Это его кровью истек отец твой. Для чего кровь-то? (*ЧА*$_2$).

9–12 Опоздал ты... ∾ Безумным остался... / [Ну вот, опрокинули тебя, свалили, остался ты без защиты. А я — в стороне, как стоял.

— Ты дураком остался.

— Не дурее вас.] Ну вот, опрокинули вас, свалили, остался ты без защиты, а я — в стороне, как был.

— Ты дураком остался.

— Не дурее тебя. (*ЧА*$_2$)

13–16 Артамонов чувствовал ∾ Опоздал ты. / [С ума сошел ты от старости,— сказал Артамонов и придвинулся к стене еще плотнее, чувствуя, что бывший землекоп загоняет его во тьму, в угол, где ничего нельзя понять и различить.

[— Тоже и Яков Петр⟨ович⟩ заслужил свою участь...]

— Опоздал ты, Вялов. Опоздал.

— Тоже и Яков Петров заслужил свою участь.

— Не судья ты.

— Я не сужу. Мне что. Веры вы меня лишили.] С ума ты сошел от старости,— сказал Артамонов и подвинулся к стене еще плотнее, чувствуя, что Тихон, бывший землекоп, загоняет его во тьму, в угол, где ничего нельзя понять, всё не различимо.

— Опоздал ты Вялов, опоздал,— бормотал он.— Не нужно всё это.

— А что нужно? Кровь проливать? Ну? (*ЧА*$_2$)

16 Брата — врешь — не было у тебя / Помолчав, он сказал: — Нет, [про брата ты врешь, никакого] брата [и] не было у тебя (*ЧА*$_2$) [1]

---

[1] *Текста*: Брата — врешь ∾ Везде — хитрости (*строки 16—29*) — *во второй редакции нет.*

19 Ты сам сбил ∾ Илью! / А ты у меня сына с толку сбил, Илью, испортил ты его. ($ЧА_2$).

20–21 сбили меня ∾ разбередили! / меня с толку сбили, Никита Ильич [надсадил] разбередил... ($ЧА_2$)

22 *Фразы*: А он говорил — ты его! — *в* $ЧА_2$ *нет*.

23–26 Мне сколько раз ∾ Ты сам... / Артамонов не слушал его, они оба ворчали, не слушая друг друга.

— Мне его сколько раз убить хотелось, старика-то, отца-то твоего. ($ЧА_2$)

27–29 Серафима завели ∾ Везде — хитрости... / Серафима завели, а он [только людей] меня с толка сбивал: никого — не обижает, а — живет все-таки неправедно. Хитрости. ($ЧА_2$)

30–31 Кто идет? ∾ Сказано вам, гадам / [Кто идет? — [крикнули солдаты у бани] сердито [крикнул кто-то] крикнули на дворе.— Времени будто не знаешь? Сказано чертям] Кто идет? — сердито крикнули на дворе.— Времени, дура, не знаешь? Сказано вам, чертям ($ЧА_2$)

33–34 Тихон встал ∾ во тьму. / [Сказав] Тихон встал, подошел к двери ($ЧА_2$)

34–37 Артамонов, раздавленный ∾ окончательно страшного. / [Артамонов, глядя в [след] спину ему, раздавленный усталостью [ничего не] и всё более сильно терзаемый голодом, видел, как в саду, сквозь три полосы желтоватого масленого света, [м⟨елькнула?⟩] [ск⟨рылась?⟩] [пробежала темная] пробежал кто-то широкий, черный... Он закрыл глаза, не желая больше ни говорить, ни слушать, не желая и думать о бредовых речах Тихона] Артамонов, раздавленный усталостью, всё более остро терзаемый голодом, видел, как в саду, сквозь три полосы света, пробежало что-то широкое, черное. Он снова закрыл глаза, не желая больше ни говорить, ни слушать, не желая думать о бредовых речах Тихона. ($ЧА_2$)

38–41 Достала? ∾ с этим стариком? / [Достала? — спросил Тихон шёпотом, и так же, чуть слышно, [ему] быстро, ему ответил голос Натальи:

— Слава богу, Тиша, Мирон-то убежал, а Яшу с Таней Митя увез куда-то...

— Хлеба достала?

— Вот [вот]. А что он? Очнулся?

— [Погоди, он будто опять заснул.] Будто опять заснул.

— Болит голова-то?

— Не больно.

— Не перевязать ли?

— Говорил я с ним: вот, говорю,— что ? [К чему всё?]

Дулся, пыжился... Для чего всё...]

— Достала? — шепотом спросил Тихон.

— Вот, всё. Слава богу, Тиша, Мирон-то убежал, а Яшу с Таней Митя увез...

— Очнулся он.

— Да ну? Господи...

— Заснул будто...

— Болит?

— Не больно.

— Не перевязать ли?

— Ничего. Не надо. Говорил я с ним, вот, говорю, дулся, пыжился...

— Ну, зачем это ты? ($ЧА_2$)

Стр. 370.

1–6 Артамонов открыл глаза ∾ всё это стало ясно. / [А [кто виноват?] [для чего всё?] кто меня... кто виноват? — спросил Артамонов,[—Кто виноват?] открыв глаза, приподняв голову; внезапно ему показалось, что он давно уж, годами, думал о том, кто виноват пред ним, и вот [т⟨еперь?⟩] наступила минута, когда самое важное — ответить на этот вопрос, найти виноватого.— Кто жадничал?] А кто меня... кто виноват? — спросил Артамонов, открыв глаза, приподнимаясь на локтях. Внезапно ему показалось, что он давно уж, годами, всю жизнь, думал о том, кто виноват пред ним, и вот наступил час, когда самое важное дело — ответить на этот вопрос, найти виноватого. ($ЧА_2$)

7 *Слова*: наклонилась — *в* $ЧА_2$ *нет.*

8 Ну, слава тебе, господи... / [Тише, тихонько... Слава богу — вот] Ну вот, господи... ($ЧА_2$)

9–11 Вот, Тихон ∾ настраивала, да! / [Ты виновата,— решительно сказал Ар⟨тамонов⟩.— Ты жадничала. Всю жизнь ты мне загородила] Кто жадничал? Ты виновата! — решительно сказал Артамонов и свободно вздохнул.— Всю жизнь ты мне загородила. ($ЧА_2$)

12–14 Он с торжеством ∾ знаешь, да... / И внезапно вспомнил, закричал с торжеством:

— Из-за кого брат Никита пропал, а? Ага? Вот он, Тихон, он знает... ($ЧА_2$)

15–19 Артамонов задохнулся ∾ тут — злые все... / *а.* [Приглаживая трясущимися руками [его лип⟨кие⟩] свалявшиеся волосы на голове его, Наталья шептала:

— Тише, не кричи...] Приглаживая свалявшиеся волосы на голове его, Наталья шептала:

— Тише, не кричи, тут — злые все... *б.* Приглаживая трясущеюся рукою волосы на голове его, она шептала тревожно, ласково:

— Тише, не кричи, тут — злые все... ($ЧА_2$)

20–23 Есть давай... ∾ как тесто. / [Давай есть,— сказал Ар⟨тамонов⟩ свободней. Жена сунула в руку ему огурец и маленький кусок тяжелого хлеба, огурец был теплый, а хлеб прилипал к пальцам.] Есть давай... — Жена сунула в руку ему огурец и маленький кусок тяжелого хлеба. *Далее как в тексте.* ($ЧА_2$)

24–25 Артамонов ∾ Мне? Всё? / Арт⟨амонов⟩ изумился:

— Это — что? Мне? ($ЧА_2$)

26–27 Тише ∾ солдатики тоже... / [Кушай на здоровье. Не нашла ничего больше-то,— шептала жена,— голод ведь, и солдаты мало едят...] Кушай на здоровье, я уж поела... ($ЧА_2$)

28–32 Это ты мне ∾ не виновата. / [При свете лунной ночи хлеб казался черным, как смола. Артамонов взвешивал его на руке, догадываясь, что действительно случилось что-то [ст⟨рашное?⟩] невыносимо обидное.

— Это — за всё, за всю жизнь? За весь страх?] В сумерках хлеб казался черным, как смола. Артамонов взвешивал его на руке, догадываясь, наконец, что случилось что-то невыносимо, смертельно оскорбительное.

— Это — это за всё? За весь страх? ($ЧА_2$)

33–41 Он швырнул хлеб ∾ Не хочу. Прочь. / [Всем телом почувствовав смертельную обиду, он [от⟨швырнул⟩] швырнул хлеб к двери и сказал глухо, но твердо: — Не буду. Не хочу.] [Он швырнул огурец и хлеб к двери и сказал глухо, но твердо:

— Не хочу.] [Тише! Что ты, что ты,— испуганно шептала Н⟨аталья⟩, ⟨наклонясь⟩ а Тихон, подняв хлеб, подал ей, она снова протянула его ему, но Арт⟨амонов⟩, оттолкнув ее руку, повторил с тихой яростью.

— Не хочу.] Что — ты? Тихонько, не кричи. Ведь голод, даже и солдаты... — Тихон поднял кусок хлеба, подул на него, [сунул] подал Наталье, а она снова стала совать его в руку мужа, пришептывая:

— Кушай, кушай, завтра достану еще...

Оттолкнув ее руку, Артамонов [сказал] повторил громко, с яростью:

— Не хочу...

б. Что — ты? Тихонько ∾ Тихон поднял кусок хлеба, обдул, подал Наталье, а она снова стала совать кусок в руку мужа ∾ — Не хочу... ($ЧА_2$)

⟨*Наброски*⟩

⟨1⟩

— Гляди-ко ты,— удивилась честная вдова [Б⟨аймакова⟩] Ульяна и, покраснев немножко, гордо подняла голову.— Ну, благодарствую за почет!

— Будто не похожа я на княгиню.

— А — чем — нет? — ласково сказал горбун, глядя прямо в лицо ей.

— Мы — коренной [народ] русак, нас, будто, Грозный Иван с Великого Новгорода свел сюда...

— И мы, поди, не пристяжные,— неприязненно молвил Атаманов.

Наброски к повести ⟨«Атамановы»⟩ (ХПГ-30-3-2).

Часть листа почтовой бумаги в клетку; такая же бумага встречается в письмах Горького 1914—1917 гг. Орфография старая, чернила черные. Записи зачеркнуты синим карандашом, это означает, что они были использованы автором. На обороте листа — набросок к «Запискам доктора Ряхина» (см. наст. изд. «Варианты», т. 3, стр. 527, ⟨3⟩).

Гляди-ко ты ∽ *в лицо ей* — В измененном виде использовано в окончательной редакции произведения (ср.: т. XVIII наст. изд., стр. 338).

Мы — коренной [народ] ∽ *молвил Атаманов* — в окончательную редакцию не вошел. Ср. с текстом первой редакции:

«— Мы жа тут коренной [русак] народ, Велика Русь...

— И мы, куряне, не пристяжные...

— Про курян ничего не слыхал. Обычаи у нас древние, святоотческие, да-а! [Нас сюда царь Иван Грозный из Великого Новгорода свез.]» (наст. том, стр. 50).

⟨2⟩

[— Талант, эх; божий дар, эх!]

По праздникам сам Илья приглашал Баймакову с дочерью пить чай и однажды, когда [1] Никита и Ерданский заспорили о чем-то, раскрыв псалтырь и сгрудившись над ним у стола, вдова [2] услыхала в углу, где сидела дочь ее с Петром [3], его тихий басовитый говорок [4]:

---

[1] *Далее*: он [2] Бай⟨макова⟩ [3] *Далее* [тихий говорок: —Коль вы обо мне думаете, значит — нравлюсь, о неприятном — не думают, верно?] [тихий говорок. Дочь спрашивала: — Опять на медведя пойдете? — Собираемся.— Страшно [это поди] [это?] как.— Нет, чего же? Он — глупый, сам на рогатину лезет.— Все-таки — опасно. [Шу ⟨?⟩] Парень сказал [своим ро] глуховатым баском.] Значит, думаете вы про меня, вот спасибо! [4] Тихий ба-

— Сильно скучал я [5], Наталья Евсевна!

Дочь спросила:

— Опять на медведя пойдете?

— Значит — думаете вы про меня? [6]

— Я про вас ничего не сказала.

— Не сказали, а — думаете. Да? [7]

Ульяна мысленно усмехнулась, в десятый раз сказав себе: «Судьба».

Не впервые мать прислушивалась к беседам дочери с [8] женихом и всегда ее [9] удивляла суховатая серьезность Петра.

«Неласков будет муженек»,— думала она, вздыхая, но в этот раз ей показалось

Двойной лист писчей бумаги большого формата. Авторская пагинация — 5 — соответствует пятому листу рукописи первой и второй редакций «Дела Артамоновых». Текст перечеркнут светло-синим карандашом, под текстом пометка автора — «Печ».

По содержанию — это ранний вариант текста листа 5 первой редакции произведения (ХПГ-9-3-3): лист 4 первоначально кончался словами: «Споет Никита — Ермилка бесится, прыгает, кричит», а лист 5 продолжал ту же мысль: «— Талант, эх; божий дар, эх! (см. текст 1 редакции, стр. 31 наст. тома).

Позднее на следующих двух свободных страницах Горьким были сделаны наброски к пьесе «Фальшивая монета» — *ХПГ-49-14-1*. (См. т. XIII, стр. 104 наст. изд.).

Артамоновы.

Вялов — спит, ухо прижато к земле, как будто слушает шёпот ее.

Шум в рабочем поселке — земля сердито ворчит.

Рабочие теряли лицо, становились безличн⟨ыми⟩ и примеривались как бы к единоборству.

— Портим народ мы.

— Чего?

— Народ, говорю, портится на фабрике.

— Это — дело не наше. Это, брат, скажем дело попов или кого там

Наброски к III редакции произведения — *ХПГ-45-21-3*. Датируются по содержанию концом 1924 г. Опубликованы В. А. Десниц-

---

совитый говорок Петра [5] про вас [6] Да,— повторила Наталья и отодвинулась от него. [7] «Судьба»,— Ульяна мысленно усмехнулась [8] Далее: этим [9] *Далее*: [уди⟨влял⟩] несколько удивлял спокойный [по почти] и уверенный тон Петра

ким в книге «М. Горький. Материалы и исследования», т. III (изд. АН СССР, 1941, стр. 379).

На листке из блокнота несколько записей. Здесь печатаются записи, относящиеся к «Делу Артамоновых». Они сделаны черными чернилами и простым карандашом зачеркнуты синим карандашом после того, как были использованы автором (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 216, 244).

Ранний вариант к стр. 243—246 наст. тома

В 62 г⟨ода⟩ П⟨етр⟩ Ар⟨тамонов⟩ почувствовал[1] себя совершенно одиноким, как слепой.[2] В этот год, зимою, где-то далеко, за Сибирью, поднялся небольшой, крепки⟨й⟩ кулак и начал постыдно бить Россию. По городу пошли крестные ходы, певчие громогласно пели[3] «Спаси, господи, люди твоя». Слова молитв вылетали из открытых круглых ртов белым паром и замерзали на усах, на бровях басов инеем. Бородатое купечество поседело и задумчиво приминая снег[4] тяжелыми ногами,[5] тесно, угрюмым стадом быков, шагало за хоругвями[6], особенно[7] пронзительно[8] выпевал[9], не в лад с певчими, городской голова Воропонов, сын тележника, толстый, краснолицый[10].

— Спас-си, го-споди, л-люди твоя-а.[11] Особенно четко вывизгивая словечко «люди», он оглядывал горожан глазами, как медные пуговицы, и зачем-то махал на них бобровой шапкой. Хорошо, густо пела сорокалетняя распутница, дочь Помялова, третий раз вдова, дородная, грудастая, она шла рядом с Петр⟨ом⟩ Ар⟨тамоновым⟩[12], перестав петь[13], толкнула его локтем:

— Пойдешь воевать, Артамонов?

Обезножевши, Степан Барский ехал в санях, сонный[14], пьяный и все хотел накрыть голову картузом, а молодая бескровная жена его поминутно отводила тяжелую пьяную руку, не[15] догадываясь держать ее в своих руках.

Во главе девиц прогимназии шла Вера Николаевна Прокторова, высокая,[16] с каменным лицом, мелкий снег[17] искрами блестел на ее седых волосах. Арт⟨амонов⟩, оглядываясь на нее, думал:

«Глупая. Впряглась вот...»[18]

Темной стеной двигался мелкий народ:[19] мещане, кожевники,

[1] чувствовал [2] *Далее*: Все вокруг него [шумно и] сердито и крикливо [шевелилось] возилось [3] По городу пошел крестный ход, приминая снег, пели [4] суг⟨робы⟩ [5] Далее: тесно [ста⟨дом⟩] [6] иконами [7] и особенно [8] *Далее*: и требовательно [9] выпевал слова [10] *Далее*: с глазами, как медные пуговицы [11] *Далее*: Словечко: «люди» он [12] *Далее*: [и] толкала его локтем и [13] *Далее*: [спраш⟨ивала⟩] и [14] как сонный, [15] но не [16] *Далее*: седая старуха [17] *Далее*: падал на ее шляпу [18] *Далее*: За прогим⟨назией⟩ [19] *Далее*: ко⟨жевники⟩

ткачи, нищие [1], мелкий снег лениво солил обнаженные лохматые головы и плечи.

Шла полурота солдат с барабанщиками впереди и [2] биллиардным игроком капитаном Гижицким, который был еще и тем замечателен, что купался в реке [3], начиная с половодья и до заморозков.

Подскакивая, шагал маленький и толстый Семен Житейкин, чудаковатый сын [4] давно умершего городского стар⟨осты⟩, холостяк, хозяин кожевенного завода [5], а впереди его крупно шагали дочь и зять, длинный жандарм⟨ский⟩ офицер Нестеров, [6] без бровей, с [7] китайскими усами.

— Спас-си, госп⟨оди⟩ л-люди твоя,— настойчиво и властно требовал Воропонов.

Петр не любил города и почти не имел в нем [8] связей, кроме деловых знакомств, он знал, что и город не любит его, но очень уважает Алексея и, как будто [9], боится Мирона, Якова. Осматривая[10] бесконечный поток людей, Петр хмурил брови, неодобрительно думая:

«Ишь сколько разродилось.»

У ворот дома Алексея ему поклонился Тихон Вялов,[11] Артам⟨онов⟩[12] не ответил дворнику[13]. Жестоко обиделся он, узнав[14], что брат [15] взял Тихон⟨а⟩ в дворники себе, после того как Вялов месяца три пропадал [16] где-то. Возвратясь в город, он принес неприятную весть: Никита ушел из монастыря неизвестно куда. Петр был уверен, что Вялов знает, куда ушел горбун, и [17] не говорит об этом только потому, что любит делать неприятное ему, Петру.

После крестного хода городская знать отправилась обедать в новый трактир Локтева, вора [18], он был приемщиком у Артамоновых на фабрике и ловко обокрал их. Обед устраивал Воропонов, получивший в наследство от отца своего вместе с имуществом и неприязнь ко всем Ар⟨тамоновы⟩м. Петр не пошел обедать, а отправился пешком на фабрику[19]. Ему что-то не нравилось в[20] народном крестном ходе, и в память вцепилось[21] угрюмое [22] слово: [23]

«Вздуть бы нас хорошенько...»

---

[1] *Далее*: снег [2] *Далее*: стареньким игроком Гижицким [3] *Далее*: [в н⟨ачале⟩] начиная [с по⟨ловодья⟩] с ран⟨ней весны?⟩ [4] *Далее*: бывшего городского старосты [5] *Далее*: за ним, точно [собака за человеком] разбойники за атаманом, тянулись кожевники, здоровые [[бородатые] ребята [6] *Далее*: он ⟨?⟩ [7] *Далее*: нос⟨атым?⟩ [8] *Далее*: знакомств [9] *Далее*: даже [10] *Далее*: [толпу] бесконечную ⟨толпу⟩ [11] *Далее*: взятый Алексеем в дворники [12] *Далее:* вспомнив, как его [13] ему [14] когда узнал [15] Алексей [16] прожил [17] по [18] который был смотрителе⟨м⟩ [19] *Далее*: думая [20] *Далее*: этом [21] в памяти [сид⟨ело⟩] [22] [злобное] злорадное [23] *Далее:* Вздуют

В этом пожелании он услыхал нечто злорадное и, кажется, их произнес [1] кто-то из ткачей. По голосу можно было думать, что это сказал зинаидкин любовник Седов, хороший работник, умница и строгий мастер. И самое слово — вздуют — было двусмысленно; можно вздуть и огонь [2]. Слово это напоминало те разговоры, которые все громче вели Алексей, Мирон, Татьяна, доктор Бубнов и над которыми стал задумываться даже Яков.

Он почти не удивился, когда [3] дошли слухи о бунте [4] петерб⟨ургских⟩ рабочих против царя, только подумал:

«„Вздули", дураки». [5]

Удивился он [6], когда стали говорить, что царь сам отказался от власти своей, по городу снова пошел крестный ход с портретами царя и разыгралась драка: кожевники Житейкина избили доктора Бубнова, учителя,— разнесли [7] парикмахерскую, куда спрятался какой-то неизвестный человек. Этого человека [8], бросили его [9] в Оку.

Вывихнув себе ногу Петр [10] незадолго перед этим, Петр [11] лежал несколько буйных дней.

Алексей и Мирон уехали в губернский[12] город, Яков с утра до вечера метался по фабрике, жена испуганно ходила по комнатам и говорила, что скоро начнутся грабежи[13], а в[14] окно дома Алексея бросили камнем.

— Так ему и надо, не смутьянь,— кричала она.

Приехал потный Воропонов с листом бумаги, сел у постели Петра и, торопливо шлепая тяжелыми синими губами, упросил Петра подписать прошение царю о том, чтоб он никому ничего не усту-

---

[1] ска⟨зал⟩ [2] и человека [3] *Далее*: из [4] возмущении [5] Научили, дураки, растревожили [6] *Далее*: летом [7] и разнесли [8] нашли человека и [9] *Слово*: его — *осталось не вычеркнуто* [10] *Слово*: Петр — *осталось не вычеркнуто*, *далее*: не ходил в город [11] *Далее*: не ходил в город, когда [12] были в губернском [13] *Вместо*: по городу снова ∾ начнутся грабежи — *было*: [и] когда люди в городе начали суетливо бегать по улицам, также мало понимая [случившеес⟨я⟩] непонятное, как не понимал он сам. Снова был устроен крестный [ход с портретами царя, он не пошел в город, чувствуя себя [в] нездоровым и пожалел [об этом], что не пошел: во время процессии разразилась драка, кожевники Житейкина избили кого-то, а брат и племянник, возвратясь из губернского города, устроили у себя вечер, [пили шампанское] ужин с шампанским. *Далее — вставка на полях, написанная позже, но вычеркнутая вместе с выше приведенным текстом*: Брат с Яковом [уехали] были в губернском городе. Мирон [говорил что-то несуразное] и Ольга говорили нехорошо, [Наталья] жена испуганно ходила по комнатам, уверяя, что скоро начнутся грабежи. [14] *Далее*: доме

пал. Петр охотно подписал. Засунув лист в карман сюртука, Воропонов начал жаловаться на Алексея, Мирона, на доктора Бубнова, фельдшера Морозова, и вообще на людей, которые бунтуют против царя, но, зная, что Воропонов не любит [1] его семью, Петр не верил ему, молчал [2], поглаживая [3] бороду и ему приятно было видеть, что Вор⟨опонов⟩ чего-то боится.

— Доиграетесь! [4] — угрожающе сказал городской голова, прощаясь [5].

Потом мужики стали жечь помещичьи усадьбы, было очень жаль узнать, что сожжен дом Прокторовой; говорили, что народ бунтовал в Москве и [6]

Вариант написан на л. 68 $ЧA_1$, текст перечеркнут наискось темно-синим карандашом.

---

[1] тер⟨петь не может⟩ [2] [слушал] и молчал [3] и покручивая [4] *Далее*: ду⟨рачье?⟩ [5] *Далее*: Но все это скоро прошло; было [6] *Далее*: еще где-то, но все [это] скоро прошло, утряслось, устоялось, снова наступило спокойное время и можно бы забыть обо всем, если б не осталась в памяти ссора с братом, сыном и племянником.

ЗАМЕТКИ, НАБРОСКИ

‹ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА. ВОСПОМИНАНИЯ›

‹ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И НАБРОСКИ 1914—1916 гг.›

‹I›

1. Август. Главнокомандующий торжественно объявил о возможности воссоединения Польши. Ход — умный, если карта не фальшива. Невольно вспоминается [пословица — тонут — топор сулят, [а] вытащат — топорище жаль] поговорка «Сыты были, [и] бога забыли, а как брюхо подвело — [причит‹ают›] Никола Угодник, хоть плюнь да накорми». [Удивительные люди: даже когда хотел бы верить им]

2. Царь поехал в Москву, [ждут опубликования] ждут, что там будет опубликован «акт [вел‹ичайшего›] глубочайшего значения»— вероятно, [будет подтверждено] подтверждено «с высоты престола» воззвание главнокомандующего. Как всегда — ожидают и амнистии политическим. [Меланхолически‹й›] Меланхолик маляр в «Моей жизни» Чехова [любил говарив‹ать›] говаривал в ответ на свои мысли: «Все может быть, все может быть». Я тоже цеховой малярного цеха, но — [эти слова не] сомневаюсь. Что может быть доброго?

3. Манифеста — нет. Никакого. Но оштрафована на 1000 р. польская газета в Киеве, и евреям, по привычке, не дают жить в столицах. Красный крест [евреек не берет] не берет евреек в сестры милосердия. Процентная норма в школах не отменена. [Поцелуй] Хотя Пуришкевич публично целовал раввина, [и] Шмаков и Марков гласно восхищались еврейским патриотизмом, [из действующей армии приходят сведения] раненые офицера рассказывают о храбрости солдат евреев [и об] и восхищаются отношением к войскам [со стороны населения за чертой оседлости»] в «черте оседлости». Поляки — ведут себя умнее евреев, продолжая относиться к прокламации сдержанно, с большим чувством собственного достоинства.

4. [Русский газетный патриотизм] Газеты развили патриотизм до ста лошадиных сил и [более], вероятно, более.

5. Действительная общечеловеческая и планетарная культура возможна только при полном устранении классовых, племенных и [на‹циональных›] национальных трений,— не сомневаюсь, что мировая резня докажет [это] эту истину. Вероятно, [это] именно этим

и ограничится [ее полезно⟨сть⟩] вся польза, которую она способна принести.

6. Может быть, война вызовет крушение индо-германской философии, той [метафизиче⟨ской⟩] метафизики Востока, которой так долго отравляли мир, а особенно — Россию, немецкие философы, [эти жалкие шпенглермахеры, Фихте и]

7. Вятские запасные. Проводы сапер. Баба в трамвае. «Эх, выпить бы! И жизнь берут и утешение отняли».

8. Рост одичания: на Невском мальчишка продает книги: [«Универсальная би⟨блиотека⟩] «Новые писатели по дешевым ценам,— купите сударь!»

— Пошел прочь, дурачок! Кто теперь станет читать книги? Ты бы телеграммами торговал.

9. Слухи: погиб целиком Павлоградский полк, изрублены немцами егеря, нарвались на фугасы кавалергарды и — все в этом духе! Слухов о победе над румынами не было, обходу Мазурских озер, имеющему огромное значение,— тоже не предшествовали слухи. Нет, это положительно верно: русский человек любит несчастие, любит быть несчастным! И [если] когда несчастие обходит человека,— он его выдумывает.

10. Вечер и — мир. Ночь — тревога в небесах, прожекторы.

11. Что, Петр Васильевич — воюет?

— И хорошо! [А то] А то уж до того дожили, что и говорить не о чем стало!

12. Священник П.:

— Европа держится, доколе существует Русь.

В ответ на мои слова «Мы будет разбиты»:

— Должен предупредить, что как *слуга бога* и русского народа я доложу, кому следует, о том, каковых мнений держитесь вы, сын народа.

В дальнейшем спор:

— Таких, как вы, нужно публично предавать анафеме.

13. Генерал Рузский. Видимо — честный человек. Преисполнен сомнений. Осторожность в словах не мешает чувствовать его скептицизм. Не любит в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Н⟨иколая⟩ Н⟨иколаевича⟩.

14. Шляпников. Удивительно самонадеян, самолюбив. Его вера в социа⟨листическую⟩ революцию. Отношение к Ленину. Порицание Троцкого. Недоверие.

15. Сенатор Б.:

— Кого-то бьют, а — не чувствуешь: нас или мы?

И — парикмахер:

— Для нас это чужое дело — мы в стороне.

16. Петр Бабкин, учитель, Вятка. Призван. Проклинает.

— Какое мне дело до сербов, до народов и всей этой чертовой политики? Разве я учил для того, чтоб выученных убивали?

Рыжеборocc. Глуп. Кусает ногти. Усы уже обгрыз.

⟨II⟩

1. [Арбатов, георгиев⟨ский⟩ кавалер, ранен.

Его спросили: «Трудно в окопах?» — «Я был не подстилкой, а одеялом. Дело в том, что когда в окопах скоплялась вода [и грязь], — в низ, в грязь,— ложились рядовые солдаты, а мы, офицера, сверху накрывали их.

Г. М. Гребенщиков: «С утра до вечера порют за уклонение от работы в окопах, порют солдат, беженцов, евреев». «Удивительно быстро тупеют и дичают порядочные люди».]

2. Беседа проф. Заболотного с Брусиловым.

— Вот если б обезьян достать,— мечтает Забол⟨отный⟩.

Брусилов спрашивает:

— А жиды не могут заместить их?

Проф⟨ессор⟩ — изумлен:

— Как — жиды? Какие?

— А у меня есть приговоренные к смертной казни. Им — все равно, прививайте, что хотите...

Когда З⟨аболотный⟩ понял, что генерал говорит вполне серьезно, он подумал, что может спасти евреев от смерти, и предложил:

— Давайте их мне, но уж от смерти они освобождены.

— Нет, так нельзя, по миновании надобности мы их повесим...

Затем он посылает узнать, сколько имеется евреев, приговоренных к смерти. Посланный доносит: евреев—ни одного, все —цыгане.

— Ну, цыгане для вас не подойдут,— решил генерал.

Это необходимо проверить.

3. Юноша с фронта.

Корпусный командир Артемьев говорит офицерам, которые нравятся ему:

— Берите сколько угодно этой сволочи солдат и действуйте!

Он любит бить солдат — ездит в сопровождении казаков и приказывает им бить пехоту нагайками ни за что, ни про что.

На мой вопрос рассказчику:

— Почему же это, чем вызвано? — рассказчик ответил просто:

— Больной, должно быть, что ли.

4. Рюбек, управляющий конским заводом Тургайской области, когда ему дали 75 [ч⟨ехов⟩] военнопленных славян,— тотчас же распорядился выпороть их, а когда пороли,— приговаривал:

— Не сдавайся в плен, сволочь, не сдавайся, негодяй!

Чех, кончивший политехникум, говорил русским со слезами:

— Мы встречали вас в Праге цветами, а вы нас встретили здесь— как?

5. Стихи солдата Грязева:

Лукавый тевтон под искусною маской
Задумал в Россию культуру ввести

6. Гвардии-поручик — артиллерист.

Штабные — гвардии-адъютанты офицера Дель и Мюллер — обсуждают вопрос, как заставить немцев относиться к русским военнопленным возможно хуже, чтобы русские запасные и ратники «не лезли в плен». Один предлагает «избивать пленных немцев», другой — возразил: «Это не даст результатов, немцы наших не перебьют. И дело не в том, чтоб наши не сдавались, а в том, чтобы сдавшиеся возвратились домой в наименьшем количестве. Их необходимо встретить максимумом смертных приговоров,— как можно больше казней! Это отрезвит их, потому что они, несомненно, возвратятся революционерами».— «А всех, кто избежит казней,— поселить в Сибири, на самых отдаленных окраинах».

7. Тыл гер⟨манской⟩ армии, по словам пленных немцев и русских, бежавших из плена, обслуживается русскими пленными, успевшими мало-мало понять язык. Рус⟨ские⟩ подвозят снаряды к батареям гер⟨манцев⟩, служат в обозах и т. д. Получают жалованье, нашивки, чины. Один авиатор, принужденный снизиться глубоко в тылу немецких расположений, слышал такой диалог на русском языке: «Ты — какого полка?» — «Курского».— «А теперь где служишь?» — «В лажерве».— «Дак это и я,— а причем ты?» — «При обозе».

Рассказ о Бирнбауме.

8. [Из письма солдата, пересланного Г⟨орькому⟩ поэтом.

«Это письмо посылаю секретно с товарищем, едет на побывку, а то ни о чем писать нельзя, так как просматривает военная цензура и когда найдут два-три слова о чем-либо таком, то допытаются, кто это писал, какой роты, взвода и 25 розог всыпят, а то ставят под ружье на окопы, чтобы германец стрелял, этой практики было много, но ему спасибо, не стреляет, а кричит: «Не бойся, русс, стрелять не будем, потому что тебя поставило начальство».

«Стоим мы от него на 100 шагов, так что вообще-то выйти никак

нельзя, жарит вовсю, у нас без боя за 40 дней выбыло из полка 112 человек».]

«А кормят одной несчастной кашицей, иногда с мясом, а чаще всего без оного, станешь говорить — голодно, отвечают: „Не поспевают вам возить хлеб!“ А чего — по 48 г. дают в день хлебов, по 11 фунтов. А ведь ночь работаешь, роем окопы. Правда, хлеба можно купить в обозе, но черный стоит 20 к., а белый 45, вот и поешь».

Печатаются впервые.

В Архиве А. М. Горького хранятся автографы: ‹I› — $ГЗ_{III}$-4-62, ‹II› — ХПГ-30-1-5.

Печатаются по автографам.

‹I›

Публикуемые записи были сделаны Горьким, вероятно, по ходу событий, и являются частью того «дневника», об использовании которого в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» он писал Р. Роллану 29 января 1923 г. (см. наст. изд., т. XVII, стр. 566).

Датируются по содержанию августом-ноябрем 1914 г. Написано по старой орфографии. Текст представляет собою 16 записей, причем первые одиннадцать, судя по почерку и цвету чернил, были сделаны в одно время, вероятно, в августе 1914 г.; остальные записи —не позднее ноября 1914 г., когда Горький возвратился из Киева.

В Архиве А. М. Горького сохранились другие материалы, по содержанию примыкающие к публикуемому тексту,—см. наст. изд., т. XI, стр. 509 и 607.

Часть записей была использована Горьким в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» — см. наст. изд., т. XVII, стр. 179—180.

‹II›

Датируются по содержанию 1914—1918 гг. Написано по старой орфографии; по почерку и цвету чернил — в одно время с заметкой ‹I›. Текст включает в себя восемь записей, часть которых (1, 3, 5, 8) автором перечеркнута синим и красным карандашом, т. е. по-видимому, использована им в каких-то публицистических и художественных произведениях. Так, некоторые сцены в романе «Жизнь Клима Самгина» восходят к этим заметкам — см. наст. изд., т. XXIV, стр. 446, 470 и др.

Набросок *2* — «Беседа проф. Заболотного с Брусиловым» — вошел почти без изменения в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания», цикл «О войне и революции» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 182).

В Архиве А. М. Горького сохранилась заметка о Брусилове, примыкающая к этому наброску:

«Брусилов,— галичанам:

— Живите спокойно и не мешайте нам воевать.

— Да ведь воюете вы на нашей земле!

— А вы — живите спокойно!» ($ГЗ_{VI}$-8-24). Эта заметка была

написана, по-видимому, при чтении книги А. А. Брусилова «Мои воспоминания» (М. —Л., 1929). В этой книге, хранящейся в *ЛБГ*, Горький отметил следующий текст: «...лично я,— пишет Брусилов,— о них ‹евреях› ничего дурного за время нашего там ‹в Галиции› нахождения сказать не могу; они были очень услужливы, выполняли все наши требования и вели себя смирно и тихо ‹...› ни в какие счеты и расчеты между различными национальностями Галиции я не находил нужным вмешиваться, а *требовал* лишь, *чтобы они жили спокойно* и выполняли наши приказания, *не мешая нам воевать*» (стр. 110.— Выделенные курсивом слова Горьким подчеркнуты).

Главнокомандующий торжественно объявил...— 2(15) августа 1914 г. в газетах было опубликовано «Воззвание верховного главнокомандующего»:

«Поляки! ‹...› Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении...»

Подпись: «Верховный главнокомандующий, генерал-адъютант Николай» («Новое время», 1914, № 13789, 2 августа).

Читая позднее «Записки вел. кн. Н. М. Романова», относящиеся к концу июля-августу 1914 г., Горький отметил следующий текст: «Прочел удивительный манифест к полякам, скорее воззвание, за подписью вел. кн. Николая Николаевича, а не государя, что меня озадачило, потому что вряд ли обещанное — чистосердечно, а, вероятно, исторгнуто у царя насильно, иначе он сам подписал бы такого рода документ. Поляки пока в диком восторге. Удивляюсь их наивности» («Красный архив», т. IV—V. М.—Л., 1931, стр. 145.— *ЛБГ*).

Ход — умный... — В том же номере газеты «Новое время» напечатана корреспонденция «Поляки и война», в которой говорилось: «Поляки находятся на аванпостах. Они разделены в трех воюющих государствах и должны сыграть значительную роль в европейской войне...» Далее сообщалось о введении немецких войск на территорию Польши («Новое время», 1914, № 13789, 2 августа).

Ср. в цитированных «Записках вел. кн. Н. М. Романова»: «19/VIII — ‹1914›. Несмотря на пресловутое воззвание Николая Николаевича к полякам, польские „сокола“ постоянно жарят по нашим войскам, да еще разрывными пулями...» («Красный архив», т. IV—V, стр. 149).

Ср. также в воспоминаниях А. А. Брусилова: «...было широко распространено среди населения известное воззвание великого князя Николая Николаевича. Поляки надеялись, что при помощи русских опять воскреснет самостоятельная Польша, к которой будет присоединена и Западная Галиция. Я старательно поддерживал их в этой надежде. Волновало и досадовало поляков лишь то, что от центрального правительства России не было никаких подтверждений того, что обещания великого князя будут исполнены; поляков очень раздражало, что царь ни одним словом не подтвердил обещаний верховного Главнокомандующего» (А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М.— Л., 1929, стр. 109—110).

Царь поехал в Москву...— 3 (16) августа 1914 г. («Новое время», 1914, № 13791, 4 августа).

Меланхолик маляр... — один из героев рассказа А. П. Чехова «Моя жизнь» (1896), маляр Андрей Иванов, «думая о чем-нибудь, отвечал вслух своим мыслям:

— Все может быть! Все может быть!» (Антон Чехов. Рассказы, т. 9, СПб., ‹б. г.›, стр. 195.— *ЛБГ*).

...евреям‹...› не дают жить в столицах... — Граница оседлости для евреев в период войны не была отменена: в газетах неоднократно публиковались сообщения о том, что только в случаях ведения боевых действий на территориях, занимаемых евреями, эта граница может быть передвинута в сторону центральной части России (см.: «Новое время», 1914, № 13791, 4 августа).

Красный крест не берет евреек в сестры милосердия. — В заметке «Красный крест и евреи», опубликованной в газете «Новое время», сообщалось, что прием евреек на курсы сестер милосердия «в обычное время не производится», но «в настоящее время главное управление российского общества Красного креста, в изъятие из правил, разрешило прием евреек на курсы, с тем, чтобы утверждение окончивших курс производилось главным управлением...» («Новое время», 1914, № 13790, 3 августа).

Пуришкевич В. М. (1876—1920) — реакционный политический деятель царской России, депутат II, III, IV Государственных дум, один из инициаторов создания черносотенного «Союза русского народа» и «Палаты Михаила Архангела».

Шмаков А. С. (ум. 1916) — реакционный журналист.

Марков Н. Е. (р. 1876) — реакционный политический деятель царской России, депутат III и IV Государственных дум, один из руководителей «Союза русского народа» и «Палаты Михаила Архангела».

Действительная, общечеловеческая и планетарная культура ∾ *Может быть, война вызовет крушение индо-германской философии.* — Эти мысли были высказаны Горьким в ряде публицистических выступлений 1914 г.: в статье «Воззвание к населению», в которой говорилось «о великих интересах планетарной культуры, о духовных ценностях, единых для всего мира» («Киевская мысль», 1914, 20 ноября), а также в третьей статье цикла «Несвоевременное», в которой «махровый национализм» некоторых русских и немецких авторов характеризовался как «непримиримо ‹враждебный› идее всеобщего братства людей, идее планетарной культуры» (цит. по кн.: А. И. Овчаренко. Публицистика М. Горького, изд. 2-е, доп. М., 1965, стр. 321).

Генерал Рузский Н. В. (р. 1854) — в начале первой мировой войны командующий Львовской армией. Знакомство Горького с Рузским относится, по-видимому, к ноябрю 1914 г., когда писатель находился в Киеве, а Рузский был «генерал-квартирмейстером» (военным комендантом) этого города.

...в‹еликого› к‹нязя› Н‹иколая› Н‹иколаевича› — великий князь Николай Николаевич — главнокомандующий русской армией в годы мировой войны.

Шляпников А. Г. (1885—1937) — деятель большевистской партии, в 1914 г. по поручению ЦК РСДРП находился в Стокгольме. Впоследствии, в 1920—1922 гг.,— организатор и лидер антипартийной группы «Рабочая оппозиция».

...проф. Заболотного с Брусиловым — см. наст. изд., т. XVII, стр. 592.

«БЫТ»

«19—20—21—22 годы»

⟨1⟩

Преподаватель Екатерининской гимназии в Петрограде Григорий Николаевич Сорахтин, желая убедить учениц своих в том, что «к человеку надо относиться проще, ничего сверхъестественного в нем — нет, а фетишизм — вреден»,— обработал кости человеческого скелета кислотами, сварил студень из них и вместе с ученицами сожрал его.

Вспомнить учителя Гаврилу Препотенского в «Соборянах» Лескова.

⟨2⟩

[Прачка, больная сифилисом,— у нее нос провалился,— говорит женщине-врачу, жене А. Десницкого:

— «Ведь я, товарищ, тоже коллега ваша: вчера ходила на электрическую станцию грыжу заговаривать, дали мне за это электрический пузырек в двадцать пять свечей».

Пример слияния русской народной мудрости с европейской культурой.]

[Из письма Е. Попова, Звенигород.

«Так как знаменитый ученый Дарвин установил факт необходимости борьбы за существование и ничего не имеет против уничтожения слабых, т. е. неработоспособных людей, и принимая во внимание, что в древности стариков отвозили в овраги на смерть от голода или, посадив на деревья в лесу, стряхивали их оттуда, чтоб они расшиблись, то — протестуя против жестокости, я предлагаю уничтожать неспособных к работе мерами более сострадательного характера, примерно — окармливать их чем-нибудь вкусным, как-то: ветчиной и сладкими пирогами со стрихнином или — дешевле — с мышьяком. Эти гуманные меры смягчили бы формы и приемы нашей повсеместной борьбы за существование. Так же следует поступать с идиотами, деревенскими и городскими дурачками, прирожденными преступниками и [может быть] с неизлечимыми больными чем-нибудь, вроде рака.

Такое законодательство, конечно, не понравится нашей ноющей интеллигенции, но пора уже решительно перестать считаться с ее реакционной идеологией.

Прошу Вас спешно ответить по предложенному адресу».]

⟨3⟩

Матрос, черноморец, слушал в Одессе лекции [по естественной истории] о происхождении мира, кое-что усвоил, рассказывает:

— Тридцать тысяч лет тому назад родился червь, потом он пророс в ящерицу и в крокодила, после чего крокодил покрылся перьями и стал обезьяной, а от нее уже разродились люди».

⟨4⟩

М. И. Калинин [торгует] покупает на Арбатской площади зажигалку.

— Дорого — 8 тысяч! Я — человек семейный, совслужащий, у меня таких денег нет.

— Да ты гляди,— какая вещь! Материал какой!

— Дорого!

Подошли два солдата-красноармейца, послушали торг, один говорит:

— Эх, Михаил Иваныч, как же это? Председатель ВЦИК'а, а — спекулянтов поддерживаете?

— Что делать, товарищи? Спичек не выдают...

⟨5⟩

Полковник Соборницкий — арестован, приговорен к смерти. В Ек⟨атерининском⟩ ЧК ему — после приговора — предложили:

— «Вы — человек грамотный, опытный, а у нас — нет таких людей, идите к нам, послужите год верой-правдой и через год — день в день — мы возвратим вам жизнь и свободу.»

Согласился, служил «верой-правдой», в конце года ему сказали:

— «Надо создать хорошее дело, а...»

⟨6⟩

[идти на смерть в лохмотьях.

Обули, одели, отправили в Москву. Там его, кажется, убили.]

⟨7⟩

Когда ломали дом 25 по Кронверкскому проспекту,— пришли откуда-то две девочки с салазками и стали грузить на них мелкие обломки дерева. Их начали ругать, гнать, я вмешался и разрешил им взять дров, сколько они могут. Одной — тоненькой, скромной — лет четырнадцать, другая — меньше ее, но полнее, очень милые, бойкие глаза на пухлом личике куклы и ловкие движения тела. Я спросил:

— Вам сколько лет?

— Двенадцать.

— А — чьи вы?

— Папа — доктор, только он помер тифом, а мама умерла еще до революции. Близко перед ней, после Рождества уже...

Она говорила спокойно, развязно, а улыбалась так странно, как будто сквозь сон.

— С кем же вы живете?

— Одни. [Я — занимаюсь хозяйством, а сестра] Сестра — вот эта — учится в консерватории, знаете — в народной, где учат музыке, а я живу с мужчинами.

Не поняв, я спросил:

— [С какими же?] На какие же средства живете вы?

— Это вы — о деньгах?

— Да.

— Деньги я [⟨нецензурн. слово⟩] зарабатываю...

Так все и покачнулось вокруг — точно по [лицу земли] земле ударили огромной железной ладонью.

⟨8⟩

[В трамвае. Толстая потная женщина, в чужом шелковом платье, спрашивает:

— Мимо дворца не поедем?

— Нет.

— Ах ты, Господи! Третий раз еду, а дворца все не видала.

— Извозчика наймите.

— Нанимала,— [рубль сорок] пятьсот рублей просит, так за эту цену девицу купить можно, не то, что... У нас, в Луге, купец дочь свою даже даром отдал в публичный дом,— дескать, целее будет, может — в суматохе не убьют. Так девица-то — красота, и всего шестнадцать годочков...]

⟨9⟩

[«Я вам очень смешное расскажу, товарищ Горьков,— чего мне невтерпеж хотелось, так это — графиню бы какую-нибудь, чтобы с ней поспать. Долго искал. Даже — во сне видел: высокая, белая, глаза фактические и во всем твердость. Всякие, там, помещицы, дворянки,— их сколько хошь в лагере у нас, а графиней — нету. Товарищи, конечно, смеются, а я думаю: врете, найду. И — нашел. Привели ее заарестованную — по контрреволюции, конечно,— бежит ко мне сукин сын — Епифаньев, кричит — иди скорее! Твою привели. Пришел я, а ей, стерве, лет пятьдесят и — рябая, носатая. Осерчал я: — «Что ты такая, так твою разэдак?» А она мне:

прочь, дурак, такой меня бог создал. Ну, так,— говорю,— пускай тебя бог и..., а я — не стану! Так и не тронул ее — смеяться над ней, конечно, много смеялся, а с бабьей стороны — не трогал. И с этого факта — прошло со мной,— со всякими женщинами сплю, а графиню уже не жду. Не надо, значит. Только, иной раз...]

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (МГ-1-2-1).

По-видимому, первоначальный автограф состоял из двух или более четырехстраничных листов. Сохранилось 6 страниц. На первых четырех страницах — заметки 1—5; заметки 6—9 не являются непосредственным продолжением предшествующих записей, хотя сделаны, судя по содержанию, почерку и цвету чернил, одновременно с ними. Некоторые заметки перечеркнуты, это означает, что материал Горьким был использован. Действительно, почти все записи так или иначе отражены в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» (см. «Петербургские типы», «Из письма», «А. А. Блок», «Мечта»). Сравнение набросков с текстом книги, а также авторская датировка на полях: «19-20-21-22 годы» свидетельствуют о том, что наброски «Быт» возникли в тот период, когда Горький уже задумал «Заметки из дневника. Воспоминания» и приступил к подбору материала для книги. Они явились дополнением к «дневнику», о котором Горький сообщал Р. Роллану в письме от 7 декабря 1922 г., и к наброскам, предшествующим в настоящей публикации «Быту».

Печатается по автографу.

...учитель Гаврила Препотенский в «Соборянах» Лескова...— «Просвирнин сын, учитель Варнава Препотенский» из названного произведения Н. С. Лескова «над трупом смущал неповинных детей о душе человеческой, говоря, что никакой души нет, потому что нет ей в теле видимого гнездилища...» С этой целью он «сварил мертвеца в корчагах... и отвар вылил под апортовую яблоньку, а кости, собрав, повез в губернский город...» (Н. С. Лесков. Полн. собр. соч., т. 1, 1902, стр. 148.— *ЛБГ*).

⟨I⟩

... спутанность его суждений было бесполезно, Миронов очень любил свои мысли, а чужие не доходили до него, он отталкивал их простыми словами:

— Сказать всё можно, на горе наше... И, хлопая ладонью по переплету Библии, добавлял: — Вот сколько сказано [чего хотите] [и за, и против чего хотите...]

Ему рассказывали о социализме как основе будущего государства, он даже заставил себя прочитать несколько брошюр, посвященных этому вопросу, и — отверг социализм, сказав насмешливо:

— Для дураков — подходяще, а для меня — не годится. Чтобы я, мастер своего дела, пошел на уравнение с [бесст‹ыдниками?›] бесталанными всякими? Нет, прощайте! К тому же социализм этот установят через сотню лет, а людей сейчас вот надобно в порядок привести. Страху надо нагнать в жизнь, чтобы все взмолились: «Что хотите делайте с нами, только избавьте от страха!» Людей надобно вот так ущемить, как этого попа.

Уже после первого свидания с Золотницким он задумчиво объявил мне:

— А этот бессчастный поп что-то знает! Понять его трудно, однако что-то у него есть, в мозге...

Через некоторое время он уже более уверенно рассказывал:

— Я так понимаю, что в огне он видит честность, справедливость. Всех греет, всё может расплавить, сжечь — а? Как думаете?

И, побывав у полуумного [священника] еще два—три раза, Миронов [нашел в словах бывшего еретика] прибежал ко мне в будний день, даже не сняв передник, испачканный клеем и лаками, хотя всегда, выходя на улицу, одевался чисто. Сумрачная сдержанность его исчезла, он взволнованно передвигал свои тяжелые очки и говорил:

— Надо так понимать: все мы живем в скрытом огне, он и есть начало всему. Навоз сам собой загорается, так же и сено. Мука солодеет, значит тоже горит. Тележные оси горят...

Оборвав цепь доказательств своих, он хлопнул картузом по колену, вопросительно посмотрел на меня сквозь очки и потише сказал:

— Это, конечно, так себе и даже пустяки, можно сказать. Тут не от ума надобно [искать] идти, а от безумия,— вот что я понял. Бога нет в распоряжении нашем, а без него кому поверим, если нам и скажут: нельзя?! Кроме кулака да палки, никому не умеем верить. Но это не вера, а [страх же] боль — против же распутства жизни только страх [не] действует.

Наклонясь ко мне, Миронов спросил:

— Как вы думаете, ежели провозгласить богом — огонь? Это — многократно убедительно.

И столяр отсчитал на пальцах левой руки:

— Силен, прекрасен, честен, а — главное — воистину существует!

Я напомнил ему, что ведь он — атеист, но Миронов обиженно ответил:

— Ну так что ж? Я и столяр не для себя. Я человек честный, проживу и без бога, а вот другие люди — как?

Он выслушал мои соображения о судьбе «других людей» сум-

рачно, молча, ушел недовольный и вскоре, продав мастерскую свою, куда-то исчез. Помню его последнюю фразу:

— Людей надо привести в порядок...

В 908 году, на Капри, один сибиряк, доктор, рассказывая мне, как в Томске избивали и жгли [в театре] интеллигенцию города, сказал, между прочим:

— Особенно неистово и зверски вел себя столяр нашей больницы Парфен Миронов — он сам едва не сгорел, загоняя людей в огонь. Положим, он вскоре после этого сошел с ума, вообразив себя архангелом Михаилом...

Впервые напечатано: журнал «Октябрь», 1968, № 3, март, стр. 24—25.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-42-27-1).

Текст не имеет начала; можно предположить, что он исключен из рассказа «Пожары», вошедшего в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания», и следовал в нем после рассказа о священнике Золотницком.

Судя по содержанию, написано в 1922—1923 гг.

Печатается по автографу.

⟨II⟩

«ПОРА КОНЧАТЬ»

Мне рассказали интересный случай: подрядчик каменных работ купил развалины старого дома и стал разбирать их на кирпич,— в старину кирпич делали крупней и прокаливали лучше. Как-то летним днем, придя на работы, он посмотрел на исчезающие развалины и сказал каменщикам:

— Пора кончать.

Затем перешел на другую сторону улицы, присел на тумбу, но тотчас же свалился с нее и — умер.

Хорошая смерть. Предисловия и послесловия к хорошей книге вообще не нужны, но эти два слова я нахожу уместными.

Печатается впервые.

В Архиве А. М. Горького хранится черновой автограф этого наброска (ХПГ-42-29-1); по бумаге и содержанию датируется 1922—1924 гг.

В 1922—1923 гг. Горький работал над циклом «Заметки из дневника. Воспоминания». Возможно, что набросок «Пора кончать» предназначался для заключительной части цикла — «Вместо послесловия».

⟨III⟩

Начало рассказа:

«Он родился в Арзамасе, но, несмотря на это, прожил сорок семь лет».

Итальянцы так же цинически позорят имя матери, как русские. Они даже идут глубже,— поносят [имя] тещу, т. е. мать матери.

В сущности о музыке нельзя говорить словами, потому что язык музыки несравненно богаче языка слов.

Ревность? Иногда она возникает потому, что ведь нельзя же спокойно смотреть на человека, который собирается есть гнилую рыбу. Это его намерение особенно тревожит, если человек почему-нибудь близок и дорог вам [дочь свою не выдашь замуж за плута]

Всю жизнь носить женщину в сердце своем очень тяжело и ответственно. Слишком трепетно горит, слишком больно жжет этот луч. И никогда нет уверенности, что в следующую секунду он ⟨не⟩ погаснет навсегда, а на месте его ляжет камень.

Пригласив к себе гостей, быстро начинаешь чувствовать себя гостем в своем доме. Нечто подобное должен испытывать господин создатель вселенной: сотворил людей, а они его изучают. Но — создателю хорошо, его — нет, а я — живу. И меня тоже изучают. «Да,— говорят гости,— да, да! Зубы-то у него вставлены. Идеи — тоже вставлены. Он не так плох, как о нем говорили, но, разумеется, мог бы быть лучше. Что ему стоит?»

Так-то...

Впервые, не полностью, напечатано: *Архив Г*$_{VI}$, стр. 184—188.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{IV}$-6-37).

Датируются, предположительно, 1919—1923 гг.: некоторые заметки по характеру близки произведениям, вошедшим в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания».

Печатаются по автографу.

⟨IV⟩

— Что ж, понравилась Вам Африка?

— Африка нравиться не может, для души в ней ничего нету. Песочек. И туда — песочек, и сюда песочек. Лежишь на нем день — жара, ночь — [тоже] духота. Подремлешь, откроешь глаза — всё то же самое; опять будто уснешь. Проснешься: не то — жив, не то — растаял, только душа твоя перышком [над землей витает] где-то витает. Иной раз — подумаешь: ну, [и устроили землю, черт вас задери] нашли плоскость для жизни, чёрт вас задери, дураков! Земля! Какая это земля? Пустота [а не земля].

— Африка эта правильно называется — Египет, Ежи, по-французски, хоша ежей там я не видал. Жители — вроде арабов, негры больше. Есть несколько англичан, однако их там не любят. Араб же, прямо скажу, человек лишний, [Ленив, как и эта земля] как и эта земля.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-89).

Написано по смешанной орфографии. Датируется, предположительно, 1923—1925 гг.

По содержанию и стилю напоминает путевые впечатления фельдшера Винокурова из рассказа «Пожары» в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924).

Печатается по автографу.

〈V〉

Протоиерей Феодор Владимирский, читая «Искру», говорил:

— Элементарно, сугубо элементарно по существу, и весьма жалею, что по форме — недостаточно просто. Всякое обращение к массам должно быть элементарно и так, и эдак, да. Евангелие, прежде всего Коран и все подобные обладают и отличаются достоинством простоты.

И, встряхивая тетрадку папир〈осной〉 бумаги, испещренную очень мелким шрифтом:

— Сей журналец достоинства этого лишен.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 216.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ЛСГ-2-30-1).

Судя по орфографии, заметка могла быть написана в 1919 г., во время работы над произведением «Леонид Андреев», где воссоздан образ-портрет Ф. И. Владимирского. Не исключено, что запись могла быть сделана в 1923 г., в связи с работой над книгой «Заметки из дневника. Воспоминания», где также упомянут Владимирский.

Печатается по автографу.

С Ф. И. Владимирским (1843—1937) Горький познакомился в мае-июне 1902 г. в Арзамасе: протоиерей Федор Владимирский был первым арзамасцем, пришедшим навестить Горького. Насколько Горький ценил гражданское мужество Владимирского, видно из позднейшего письма его к М. П. Миклашевскому (1912): «Получил сейчас „Вопросы жизни“, а там Ваша статья и моя — рядом. Пречудесно и — вспоминается арзамасская беседа, в сумерках, вечером, за забором на огороде:

— А вчерась отец Федор соборный опять с энтим ссылочным в поле гулял.

— Гуляли?

— Как есть!

Молчание и — уверенная сентенция:

— Уж тут скандал будет!

— Надо быть.

Отец Федор — это Владимирский, депутат второй Думы, а „ссылочный“ — аз, худородный» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-25-32-1).

〈VI〉

Раев, директор «раевских курсов», сын какого-то архиерея или даже митрополита, человек неискренно ласковый, женолюбивый и «сладостного срама исследователь», рассказывал со слов Гурия, епископа Самарского: «В момент причастия святых тайн дьявол подстрекнул К. П. Победоносцева выпустить кишечный газ».

— Не потому, владыко, что я не мог бы удержаться, а из непобедимого желания знать: допустит ли господь эдакое?

И назойливо спрашивал Гурия:

— А у вас, владыко, не бывает соблазна сделать подобное в алтаре? И у других владык не случается к пакостям тяготения, не слышали?

— Мама, из чего сделана земля?

— Спи, спи.

— Ма-ма, скажи: из чего земля?

— Из глупостей. Спи.

Пауза, потом — снова вопрос:

— Мам, я — глупый?

— Да. Очень. Милый, но очень глупый.

Философ, сквозь сон, бормочет:

— Когда я вырасту, я сделаю свою землю, небольшую, очень милую...

И — уснул.

Впервые напечатано: журнал «Беседа», 1923, № 1, май-июнь, стр. 200—201, в цикле произведений под заглавием «Заметки из дневника. Воспоминания».

По первоначальному замыслу должно было войти, по-видимому, в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания».

В Архиве А. М. Горького хранится авторизованная машинопись заметок (ХПГ-30-1-4).

Датируется началом 1920-х годов.

Печатаются по тексту журнала «Беседа».

В Архиве А. М. Горького хранятся и другие наброски на тему «людей для анекдотов» и анекдотических ситуаций:

«Громко „испустил дух“. Конфуз.

О связующей силе греха:

Обняла и, пряча личико на моем плече, прошептала: „Милый, [мне надо] кушай толченый уголь, я всегда делаю это...“

С той поры прошло [трп〈дцать〉] 32 г., и каждый раз, когда она

или я...» (Архив А. М. Горького, ГЗ$_{V}$-6-15; написано, судя по орфографии, в 30-е годы); на обороте — заметка: «Старуха история приказала ... (см. наст. том, стр. 712).

См. также заметку:

«Поль Валери начал свою речь так:

— М⟨илостивые⟩ г⟨осударыни⟩, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩ и Вы [Морис] Ростан» (Архив А. М. Горького, ГЗ$_{V}$-6-3).

⟨VII⟩

ИСПЫТАТЕЛЬ

⟨1⟩

Углубление материализма до идеи: материя=энергии, а высшее качество энергии — мысль и воля человека, к этому — к выработке этой энергии — и сводятся все процессы природы.

Вымести из обихода представления о боге, эволюции и вообще все метафизические «сущности»— как неудачные результаты стремления к синтезу процессов вне и внутри человека. Самосинтез — отнюдь не «познание самого себя», не построение догматичесих клеток и схем — морали, философии, отнюдь не телеология; [а] человек — самоцель.

[Чем] Платоновы «идеи» лишь формально отличаются от идей буддизма.

Знание — как сила и знание — как попытка организации хаоса феноменов, как искание цели, «смысла» жизни.

Жизнь — бесцельна, потому что непрерывно текуча. Ускорение темпа жизни делает ее еще более враждебной телеологическим выдумкам.

Консерватизм телеологии. Стремление к нормам. Нормативное мышление и функциональное.

Половые эмоции и зависимость разума от них.

Некультурность половая.

Мысль не имеет, не может и не должна иметь законов.

Логика = насильственной организации впечатлений бытия в ту или иную систему сообразно кастовым — социальным — удобствам. Отсутствие «само».

Поле физической работы и поле «воображения».

Христианство, привитое им предрасположение к жертве— всё, что от него осталось. Кажется, это и всё, что было в нем. Мораль сострадания и ее консерватизм.

Чувство отвращения к страданию как основа иной — активной — «морали».

Политические повара. Кашевар.

По рыжему небу ползут голубые клопы — литерат⟨урный⟩ прием З. Гиппиус.

Малосовестная — как: малосольная.

⟨2⟩

Пророчество суть дальновидение = гипотезе; гипотеза научная как пророчество.

Наличие интуиции и экстаза в том и другом случае.

Мистике познания предшествует — где-то в подсознательном — мистика предчувствия истины.

Истина как результат творческого напряжения.

Возможна ли иная истина?

Познание и постижение.

Процесс претворения ощущений мира внешнего в мир внутренний. Неизбежность произвола мысли и чувства: климат, раса, наследственность, отравление [пре⟨сными?⟩] внушениями эпохи. Атмосфера «устойчивости обычного».

Психическая энергия и энтропия.

Иллюстрации.

⟨3⟩

[В двери [держась за косяк] [явился] [явилось существо] явилось странное существо [похожее на паука] [маленький] широкогрудый карлик, [на кривых ногах] держась маленькой детской ручкой за косяк, опираясь другою рукой на коротенькую палку, [покачива⟨ясь⟩] он [странно, [т⟨очно⟩], как бы собираясь прыгнуть] [нерешит⟨ельно⟩ собира⟨ясь⟩] несколько секунд нерешительно покачался на кривых ногах, [потом и⟨счез⟩] затем [вдруг] пополз вперед, к столу, [и сразу приобрел жуткое сходство [с пауком] с огромным пауком, потер⟨яв⟩] потеряв сходство с человеком, жутко похожий на огромного паука. Двигался он неровными толчками, разбрасывая ноги направо и налево, пристукивая палкой о пол, шевеля — балансируя — свертком бумаги. Он был горбат, весь искривлен, изломан, блестел его лысоватый череп и неестественно было [голое] маленькое личико, голое и тоже угловатое,— на этом лице не хватало мяса. Утонул в кресле. Голова над столом казалась отрубленной.]

Речь.

— Всё — выдумано, всё наше ценнейшее заключается в более или менее счастливых выдумках. Евангелие и закон термодинамики, любовь и ленточная пила.

[[Вселенная тьма, гигантские солнца] Гигантские солнца, чьи размеры выражаются нами в фантастических цифрах,— это малень-

кие искорки во тьме вселенной. Возможно, что вселенная — это безграничный черный камень, а всё то, что мы видим и называем нашим небом, и все млечные пути, предполагаемые нами,— всё это, весь наш мир помещается в одной из внутренних пор камня. Неизвестно и нельзя понять: хотят ли эти искры разгореться и взорвать, расплавить [камень] тюрьму свою, или они стремятся угаснуть, чтоб тем]

⟨4⟩

Фельетонист:

— Ненавидит меня губернатор!

Живет исключительно воображаемой ненавистью губернатора; эта ненависть — весь смысл его бытия. Она его возвышает.

— Монументально. Колоссально. Огромно. Грандиозно. Монолитно.

⟨5⟩

Неоспоримо, что христианство весьма способствует развитию скептицизма: утверждает недостоверность показаний разума, ставит на место объяснимого необъяснимое — чудо и т. д.

Кроме Ренана — и не говоря о Монтене — очень показателен Паскаль, не менее — Шатобриан, Де-Местр.

Современные: Жамм, Клодель и т. д.

⟨6⟩

Преступление.

Не всякий может убить человека.

Писал рассказ, удивлялся тому, что выдумывает.

Борода лисьим хвостом. Сознание благополучия.

— Это из тех оригинальных людей, которые не заслуживают уважения.

Впервые напечатано: *Архив Г*$_{XII}$, стр. 33—35.

В Архиве А. М. Горького хранится автограф (ХПГ-33-6-1), включающий в себя 6 заметок, написанных, судя по почерку, орфографии, цвету чернил и бумаге, не одновременно. Каждая заметка имеет заголовок «Испыт⟨атель⟩». Заголовки, видимо, вписаны автором позднее. Заметки скреплены и расположены в определенной последовательности. Имеется еще одна заметка, озаглавленная «[Испытатель] Макар⟨ов⟩», ранее входившая, судя по содержанию, в публикуемый цикл, а затем — в материалы к «Жизни Клима Самгина» (Архив А. М. Горького, ХПГ-26-78-1 — см. наст. изд., т. XXV, стр. 16).

К этим заметкам относилась, очевидно, и обложка с авторской надписью «[Испытатель]» (Архив А. М. Горького, ХПГ-42-10-2).

Судя по содержанию и орфографии, написано в 1919—1923 гг.

Печатается по автографу.

Возможно, что это — первые наброски к произведению о соотношении разумного и стихийного начал в человеке, которое Горький намеревался написать в первые годы Октябрьской революции. В «Каталоге издательства З. И. Гржебина на 1-е декабря 1919 года» анонсировался среди «готовых и подготовленных к печати» произведений Горького «Испытатель — новый роман» (Архив А. М. Горького, КГ-изд-15-54-1). Роман не был написан. В книгу «Заметки из дневника. Воспоминания» включен рассказ «Испытатели», по содержанию соотносящийся с публикуемыми набросками. Созвучные мотивы встречаются и в других материалах. В письме Горького к Р. Роллану от 18 сентября 1923 г. говорилось: «Я вижу людей, которые чувствуют, что в них самих всё так хрупко, всё горит, плавится и разрушается, целостность чувств и чувство улетучиваются, словно газ в мыслях. И вот человек опустошен. Вы представляете себе, друг мой, когда поиски непоколебимого приводят к такой пустоте, перед которой зло и добро, жизнь и смерть, человек и камень равно — ничто? 〈...〉 Я говорю лишь о тех, которых действительно мучает жажда верить в добро, скрытое как в них самих, так и вне их 〈...〉 Такой ищущий человек может оказаться лицом к лицу с вопросом: что может случиться со мной, если я убью себе подобного? Заметьте, он спрашивает: со мной...» (Архив А. М. Горького, ПГ-ин-60-6-81).

Отсутствие «само» — «Самó» (das Selbst) — философское понятие, введенное Фридрихом Ницше как обозначение таинственной и стихийной сущности человека, орудием и игрушкой которой («Werk-und Spielzeug») являются и чувства и разум (см. F r i e d r i c h N i e t z s c h e. Also sprach Zarathustra. Leipzig, 1902, S. 47).

Политические повара. Кашевар.— Эти слова дописаны позднее, первые два — красным карандашом, третье — синим. Выражение «политические кашевары» встречается в письмах Горького 20-х годов. 10 марта 1926 г. Горький писал В. М. Ходасевич: «В Париже известный политический кашевар Петр Струве стряпает нечто Всероссийское...» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-48-9-14). И в письме к К. Федину от 28 июля 1924 г.: «И не верьте, когда говорят, что будто бы Европа отчего-то и как-то погибает 〈...〉 То, о чем пишут газеты,— только возня политических кашеваров, нечто инертное и автоматическое» (*Лит. Насл.* т. 70, стр. 477).

В двери, [*держась за косяк*]... — Ср. в очерке «Н. А. Бугров» портрет «чудаковатого богача Митрофана Рукавишникова» — т. XVII наст. изд., стр. 100.

[— *Вселенная тьма, гигантские солнца*] — Ср. рассуждение на эту тему в очерке «А. А. Блок» — наст изд., т. XVII, стр. 226.

Фельетонист...— Ср. с описанием фельетониста Робинзона в «Жизни Клима Самгина» — наст. изд., т. XXI, стр. 512.

Ренан Жозеф Эрнст (1823—1892) — французский философ-идеалист и историк христианства. Сочинения Ренана проникнуты скептицизмом. В *ЛБГ* хранятся следующие произведения Ренана: «Жизнь Иисуса» (СПб., 1906); «Апостолы» (СПб., 1907); «Калибан». Философская драма (М., 1906); «Марк Аврелий и конец античного мира» (СПб., 1906). — См. наст. изд., т. XXV, стр. 207, 378—379.

Монтень Мишель де (1533—1592) — французский просвети-

тель, философ-скептик, автор сочинения «Опыты» (1580).— См. наст. изд., т. XVII, стр. 600.

Паскаль Блез (1623—1662) — французский физик и математик, религиозный философ. Основное философское сочинение — «Мысли» (опубл. после смерти в 1669). Книга Паскаля «Письма к провинциалу...» (СПб., 1896) имеется в *ЛБГ*.— См. наст. изд., т. XXV, стр. 483.

Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848) — французский писатель, общественный и религиозный деятель, в ряде произведений исповедовавший идеи католицизма. Основное сочинение «Гений христианства» (1801—1802). Книги Шатобриана «Замогильные записки» (СПб., 1851) и «Ренэ» (М., 1932) — имеются в *ЛБГ*.

Де-Местр Жозеф (1753—1821) — французский реакционный политический деятель и философ. Книга о нем: Виппер Р. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. 3-е изд. М., 1913— имеется в *ЛБГ*.— См. также наст. изд., т. XXV, стр. 460.

Жамм Франсис (1868—1938) — французский поэт, в творчестве которого ощутимо влияние религиозных идей католицизма. Первое русское издание его книги «Стихи и проза» (М., 1913) имеется в *ЛБГ*. Здесь же сохранилось другое сочинение Жамма — «История девушки былых времен (Клара д'Элебез)» (Берлин, 1922).— См. также наст. изд., т. XXV, стр. 448.

Клодель Поль Луи Шарль (1868—1955) — французский поэт и драматург, автор сочинений, написанных под влиянием религиозных идей католицизма.

⟨VIII⟩

Юрий Крижанич; XVII в.

«Русские люди любят ходить по краям пропастей». Это сказано о народе, живущем на необъятной равнине.

«Живем, как вши на лысине»,— сказал Н. А. Бугров.

Савва Морозов, человек очень интеллектуальный, не любил Достоевского, ненавидел А. П. Чехова, ко Льву Толстому относился с иронией; лучшими книгами мира считал Екклезиаста и Флоберово «Искушение Святого Антония». Он как-то по-своему, с обидой, верил в бога, но однажды сказал:

— А хорошо бы, знаешь, плюнуть богу в бороду.

Степан Парадизов, нижегородский адвокат, судя по фамилии — из «духовного» сословия, большой тучный человек с физиономией разбойника, бесчестный — ему запрещали практику адвоката — говорил — и не однажды — о тяготении человека к убийству. Он выразился так:

— Иногда факт убийства человеком человека *хочется* рассматривать как выражение бессознательного протеста против бесплодности, бессмысленности бытия.

На эту тему можно многое вспомнить и много сказать.

Вывод же из всего сказанного возможен лишь такой: неверующие в России — сильнее, умнее, интереснее верующих.

В сущности, это — неизбежный вывод.

Верующих я видел много. Кто оставил в памяти наиболее яркий отпечаток? Оранского монастыря иеромонах Панкратий, ехиднейший человеко- и миронenавистник, единственный совершенно целостный мистик из всех, мною встреченных; умненький, дьявольски грамотный, Дарвина и Коперника в молитвах богу проклинал.

У нас талантливые люди считают себя наиболее обиженными людьми. В сущности,— пожалуй, так оно и есть. Но — всё-таки нельзя же [считать] оценивать свою личную боль, как самое значительное в этом мире.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{III}$-5-13).

Датируется по содержанию и орфографии, предположительно, 1920-ми годами.

Печатается по автографу.

Юрий Крижанич (1618—1683) — славянский и русский общественный деятель, писатель. По национальности хорват, долгое время жил в России. Основное сочинение—«Политика» (Русское государство в половине XVII в.), впервые на рус. яз.—1859—1860 гг. Книга Ю. Крижанича «Обличение на Соловецкую челобитную, сочиненное на сербском языке Юрием Сербянином» (Казань, 1878), имеется в *ЛБГ*.

Н. А. Бугров — см. наст. изд., т. XVII, стр. 93 и 580.

Савва Морозов — см. наст. изд., т. XVI, стр. 498 и 624.

Степан Парадизов, нижегородский адвокат... — как реальное действующее лицо упоминается в повести «Дело Артамоновых» — см. наст. изд., т. XVIII, стр. 257 и др., 521—522.

⟨IX⟩

... наблюдая игру огня. Сколько раз бывало: один, где-нибудь в степи, в овраге, на [опушке] лесной поляне у костра, очарованно следя, как цветистое живое пламя, [уничто⟨жает⟩] вызванное ничтожным огоньком спички, весело пожирает мою скромную жертву, сухие отмершие [сучья] ветки, возвращая их к [живой] жизни в иной форме,— сколько раз пытался я вообразить первоисточник материи, [первоначало] таинственное первоначало ее, в котором скрыты все цвета и запахи, все звуки и [мы⟨сли⟩] все зародыши мысли, всё разнообразие плотностей и неисчислимость форм плоти: насекомых, птиц, рыб, четвероногих и двуногих зверей, [и] а среди них наивного мудреца, который учил, что [все сущ⟨ествующее⟩] [в] мы живем [среди] в царстве теней, созданных нашей мыслью, и который, должно быть, никогда не пробовал сунуть палец свой в огонь,

хотя древние уже знали, что «огонь очищает»,— ignis sanat — кажется? Да, ничто не очищает так прекрасно [душу], как огонь, душу, отягченную пылью и сором мелких повседневностей, за которыми не видно величия [по⟨знания?⟩] и силы вещества или существа, познающего мир. И если б...

Впервые напечатано: *Архив* Г_{XII}, стр. 123.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ_{VI}-7-74).
Датируется 1922—1923 — началом 30-х годов.
Печатается по автографу.

По содержанию фрагмент мог входить в рассказ «Пожары» из книги «Заметки из дневника. Воспоминания», над которой писатель работал в 1922—1923 гг., и следовать после фразы «Велико очарование волшебной силы огня» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 17). Новая орфография записи позволяет также предположить, что текст был написан (или переписан) в начале 30-х годов. Возможно, что в это время писатель задумал какое-то новое произведение на свою излюбленную тему «об огне»: в сохранившиеся в Архиве А. М. Горького три оглавления сборника произведений писателя «Мелкие рассказы» (1928—1930 гг.), составленные им самим, вписана одна и та же фраза: «„Пожары“ — назвать „Огонь“» (Архив А. М. Горького, ГЗ_{VI}-8-31, ГЗ_{VI}-7-2,1).

...мудреца, который учил, что мы живем в царстве теней...— Имеется в виду Платон.

⟨ФРЕЙБУРГСКИЕ ЗАМЕТКИ. I⟩

⟨1⟩

13 человек немцев едут из Фрейбурга в огромном желтом автомобиле, любуются Шварцвальдом. Все очень веселы. Собираются тучи. В горах гулко раздается удар грома.

— Бите? — спрашивает молодой немец, глядя в небо.

13 немцев хохочут.

Через минут⟨у⟩ — снова гром.

— Бите? — спрашивает остроумный немец, а остальные хохочут.

Еще удар.

— Бите?

И — единодушный хохот.

Так — семь раз.

И семь раз:

— Бите?

И семь залпов здорового хохота.

Девочка, лет шести, присев над канавой, около дороги, озабоченно и усердно испражняется. Профессор М., указывая на нее, говорит с явной гордостью:

— Немецкий народ даже это делает хорошо.

〈2〉

Немка-нянька, здоровенная девушка на толстейших ногах.

«Мне приятней играть с вашей собакой, чем с этим еврейским ребенком».

Вслух, серьезно, при родителях ребенка. Великолепный день, воскресенье, множество цветов.

Кинематограф: муж жену бьет пинками в зад — общи〈й〉 весел〈ый〉 хохот. Заставляет ее носить на спине шкаф — хохочут, сбрасывает с лестницы — тоже хохочут.

Жену играет большая красивая женщина.

〈3〉

〈К. Гамсун〉

Кристиан Альбертсон, поэт, исландец, о К. Гамсуне. Г〈амсун〉 ложится спать в 8 часов, встает в 10 и до утра пишет в темноте, закрыв глаза, на ощупь, а днем переписывает, правит написанное ночью. Живет очень одиноко, в маленьком домике, куда никто, кроме горничной, даже дочь его, не имеет права входить.

Когда получил Нобелеву премию, [его] дом осадили несколько десятков журналистов. Гамсун заперся и несколько дней сидел в осаде, так и не приняв их. У него хорошее, образцовое имение, он живет отдельно от семьи. Гуляет с закрытыми глазами.

〈4〉

〈*1 нрзб.*〉 Неожиданная и нелепейшая исповедь проф. Адлера — теографа — предо мною.

Кажется, ни у кого нет такой последовательности попыток доказать биологическую законность гомосексуализма, как это замечается у немцев. Штейнах.

Легальные клубы гомосексуалистов в Берлине. Журнал. Рестораны. Отношение полиции.

Никто с таким упрямством, как немцы, не отстаивает необходимость подчинения женщины мужчине.

«Научные» работы, утверждающие, что женщина «низшее существо». Вейнингер.

Лесбианство.

Наш, русский,— особенно у Н. Ф. Федорова — взгляд на женщину.

Его слова о «не тяжелом, но губительном господстве женщин».

Страх Достоевского пред женщиной.

См. 29.III.906 и декабрь или январь 914, а также и раньше — 904—3.

Затем—история П. Я. Ф., О. М-вой, Савельевых, Хорошева.

〈5〉

Поистине,— есть очень романтичные немцы!

По улице Фрейбурга идут кавалер и дама, он обнял ее за талию одной рукою и держит руку [её] ее другой; она склонила голову на плечо его, и лицо ее — блаженно. Их собачка, встретив другую, обменивается с нею обычными собачьими любезностями.

Кавалер, вздохнув, говорит даме своей:

— Как просто счастье...

〈6〉

Ожидание чуда есть — в сущности — выражение неверия, тут скрыто желание восстановить связь с чем-то уже утраченным,— [восстановить её необычно и необыкновенно тем]

У Эберта. Обед — кончен, один из гостей подходит к жене Эберта и, благодаря, целует ее руку. Frau Эберт [испу〈ганно〉] смотрит в сторону мужа и затем, вполголоса, говорит почти незнакомому ей человеку:

— Ах, какой вы шалун!

Но это не следует понимать как выражение некоторой игривости характера [а лишь], это означает только отсутствие у немецкой дамы привычки к любезности немецких мужчин.

〈7〉

Проф. Гайлёрд[1] из Буффало. Специальность по саркоме—умирает от этой же болезни — рак кишок. Его гипотеза иммунитета. Опыты с цыплятами и крысами. Медики уверяют его, что больше года он не может прожить при наличии помогающей раку Брайтовой,— он уверен, что проживет 10 лет и больше — до поры, пока не докажет, что саркома легко излечима.

Человек широких интересов, веселый. Любит рассказывать анекдоты. День—на ногах, день — лежит. Его кухарка-негритянка влюбилась в китайца, он, шутя, говорит ей:

— Подумали ли вы, какими будут ваши дети?

---

[1] Он же: Гейлорд.

— Мы любим друг друга и женимся, хотя бы наши дети родились евреями.

Штейнах встречает на улице жену одного из своих пациентов; она катит перед собой колясочку, в коляске ребенок.

—О,— говорит Штейнах,— значит я хорошо помог вашему мужу, если у вас уже родился ребенок!

— Увы, господин профессор, этот ребенок и есть мой муж...

⟨8⟩

Началось немецкое веселье: ежевечерне играет граммофон, мужчины, не торопясь, ходят по залу, и, обняв девушек и дам, толкают их коленями в нижнюю часть животов. Они говорят, что это танец. Но я не слышу музыки, я вижу только движения, и мне легко принять это безмолвное таинственное дело за систему коллективного производства абортов.

⟨9⟩

Человеческая солидарность:

Землетрясение в Японии. Китаец Юнг, коммунист, говорит:

— Конечно,— очень жаль людей, но — они столько сделали нам зла!

Немец, равнодушно:

— Вот если б это в Париже случилось.

Француз, оживленно:

— Я предпочел бы землетрясение в Берлине.

Ирландец О'Гара; первым словом:

— От этого опять выигрывают С. Ш. Америки.

И подумав:

— И, вероятно, выиграете вы, русские.

Хозяин дома, где я живу, д-р Б., бездельник, путешествовал по Италии, [дармоед] откуда привез кучу дешевеньких, пошлейших вещиц и поддельную картину. Запретил нам кормить безработных.

Моя кухарка, старушка, «фон», читает Канта.

⟨10⟩

Студенты

«— В тот день, когда отсохнет — устанет, обессилит? — рука, которая схватила за горло и душит Германию,— в тот день все социалисты, коммунисты станут немцами и начнут единодушно го-

товиться к уничтожению проклятой [ферфлюхтер⟨?⟩] Франции».

«Франция — раковая опухоль Европы».

Речь барона Геттлер. Или Готлер?

Банкет у директора — какой фабрики?

Издевательство над голодными.

Отношение к женщине. Сцена в замке, в кино, уличная сцена. Рассказ Максима о том, как немец угощал даму в «Казино».

Осень. Великолепнейший день; голубая песня неба; чернолесье, расшитое золотом, синицы, дрозды, сойки.

Ребенок над рекою, его грозная рожица, жесты и крики — он как будто воображает себя властителем стихии и сердится, видя ее непослушной.

Молодой длиннорукий батрак, полуидиот, стоит над кучей навоза, с улыбкой наблюдая полеты жирных осенних мух.

Профессор Кон, философ, раньше — естественник; автор «Логики», «Диалектики»; его лицо, когда он чистит шляпу, испачканную птицей. Укоризненный взгляд в небо.

Отношение к нему батрака. Батрак напоминает один из рассказов Мопассана.

[Проф. Ашов.

Развяжите нам руки, дайте оружие и в Германии исчезнут]

⟨11⟩

Октябрь 21 ⟨1923⟩.

Правительство отпустило Патологическому институту Фрейбурга на весь год — до окт⟨ября⟩ 24-го — 18 миллиардов. Институту нужно только одного бензина на год на сумму 130 миллиардов.

У Ашова (Achow) все места ассистентов расписаны и заняты до 27 года.

Мензура ⟨?⟩ Ректор университета распорядился, чтобы студенты со свежими ранами на мордах не [вы⟨ходили⟩] ходили по улицам, ибо это раздражает рабочих.

Г. по поводу убийства Ратенау: «Одним жидом меньше».

Антисемиты в университете.

Попытка Х. дать «философское» обоснование юдофобства.

Гемель и его теория «очищения».

Во Фрейбурге множество самоубийств на почве голода. Сегодня за день, по словам д-ра Леви, 4.

Трагикомическое:

Старик повесился, сосед, вынув его из петли, снял с ног само-

убийцы ботинки и удрал с ними. Самоубийство оказалось неудачным, и старик, придя в себя, тотчас же заявил о краже ботинок.

Человек ударил себя ножом в грудь, ранение легкое. Но это ему не понравилось. Он сам перевязал рану, пошел в пивную и напился пьян. Ночью, чувствуя слабость, пришел в клинику, рассказал всё, что случилось, и на вопрос: зачем он напился? — ответил:

— С радости, что жив.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 229—233.

Автографы заметок — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVII}$-13-5, 7, 11, 12, 14, 15, 16, 19; $ГЗ_{II}$-3-43; $ГЗ_{XXVI}$-15-11).

Под этим условным заголовком объединены одиннадцать заметок, сделанных Горьким в местечке Гюнтерсталь, недалеко от Фрейбурга (Шварцвальд), где он жил (в отеле Кибург) и лечился в июне — ноябре 1923 г.

Печатаются по автографам.

Адлер.— Вероятно, Альфред Адлер (1870—1937), австрийский психиатр, близкий по своим взглядам к З. Фрейду. Имеются русские переводы его статей («Психотерапия». М., 1912, № 4—5; 1913, № 1, 4).

Штейнах — см. в наст. томе, стр. 644.

Вейнингер.— Австрийский «психолог» Отто Вейнингер (1880—1903) в своей псевдонаучной книге «Пол и характер» (русское издание — СПб., 1902 г.) писал, что женщина «сама по себе не обладает никакой ценностью» (стр. 179).

Н. Ф. Федоров (1828—1903) — русский философ-идеалист, автор книги «Философия общего дела». Отношение Федорова к женщине несет на себе печать христианского аскетизма и домостроевщины. Наибольшую ненависть вызывают у него женщины, борющиеся за свои права и свободы,— таких он называет «блудными дочерями». Цитируемые Горьким слова о «не тяжелом, но губительном господстве женщин» имеются в указанной книге Н. Ф. Федорова («Философия общего дела», т. I. Верный, 1907, стр. 495).

У Эберта — Видимо, Горький вспоминал свое присутствие в марте 1906 г. на обеде у Фридриха Эберта (1871—1925), в то время одного из лидеров немецкой с.-д. партии. Был президентом Германской республики с 1919 г. по 1925 г.

Проф. Гайлёрд...— Гарвей Гейлорд — американский биолог, директор Института по изучению злокачественных болезней в Буффало. 4 июля 1923 г. Горький писал В. Ф. Ходасевичу: «Познакомился с американским профессором Гейлордом, очень интересный человек» (*Архив* $Г_{XII}$, стр. 373). После отъезда Гейлорда на родину между ним и Горьким завязалась переписка.

О'Гара — Речь идет об ирландце О'Гара, с которым Горький познакомился, видимо, в санатории Шармютцельзее в Саарове в сентябре 1922 года. М. И. Будберг вспоминает об этой встрече в своем письме в Архив А. М. Горького от 5 сентября 1967 г. (см. *Архив* $Г_{XII}$, стр. 291).

Землетрясение в Японии.— Землетрясение произошло 1 сентября 1923 г., сопровождалось огромными разрушениями и многочисленными человеческими жертвами.

Кон Ионас (1869—1947) — немецкий философ, в 1901—1939 гг. —профессор во Фрейбурге, автор книг «Allgemeine Ästhetic» (1901), «Theorie der Dialectik» (1923).

Проф. Ашов — Людвиг Ашофф (1866—1942) — немецкий патолог, профессор Марбургского и Фрейбургского университетов.

...по поводу убийства Ратенау — 24 июня 1922 г. в Берлине националистической организацией «Консул» был убит германский министр иностранных дел, профессор-экономист Вальтер Ратенау (1867—1922), выступавший, в частности, за налаживание отношений с Советской Россией.

Доктор Леви — у доктора Леви Горький снимал квартиру во Фрейбурге.

‹ФРЕЙБУРГСКИЕ ЗАМЕТКИ. II›

‹ПАУЛЬ ЛИНДИГ›

Видимо — очень талантлив.

Казеин.

Безболезненные роды.

Отзыв о Штейнахе, Ашове, Гэйлорде.

Гипотеза белка и азота.

‹КЛЭР ШЕРИДАН›

Руки людей чаще всего напоминают звериные лапы, птичьи лапки и даже плавники тюлепей, рыб. У Клэр Шеридан идеально человеческие руки...

‹ГЕРГАРТ ГАУПТМАН›

Гергарт Гауптман на представлении «Бориса Годунова» в Дрездене был очень взволнован красотою и драматизмом текста. Он спрашивал Исая Добровейн:

— Скажите, кто это написал? Пушкин? Он — молодой, жив? Ах, умер? Молодой умер? Жаль. Очень талантлив!

‹КРИСТИАН АЛЬБЕРТСОН›

Поэт с остр‹ова› Исландии. Его рассказы о жизни исландцев. Любовь их к чтению. Обилие библиотек. Знание древних саг. О музыке.

О Горьком — как смешно соединяют его с Г‹амсуном?› и С‹тринбергом?›.

‹ПАУЛЬ ЛИНДИГ›. Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 218—219.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-7). Запись сделана на обороте визитной карточки профессора, доктора

медицины Пауля Линдига: Professor Dr. Med. Paul Lindig. Freiburg I. B. R. Видимо, рукой Линдига под фамилией сделана приписка: Tel. 5031.

Заметка представляет собой, очевидно, конспективную запись беседы с Линдигом, посетившим Горького во время пребывания писателя в Гюнтерстале.

Датируется по содержанию августом 1923 г. (см. цитируемое ниже письмо Горького В. Ф. Ходасевичу).

Печатается по автографу.

Казеин. Безболезненные роды.— В письме В. Ф. Ходасевичу от 21 августа 1923 г. Горький сообщал о приезде профессора Линдига, который «заставляет женщин безболезненно родить, а мужчин омолаживает впрыскиванием казеина в кровь» («Новый журнал». Нью-Йорк, 1952, кн. 30, стр. 191).

Штейнах — см. примеч. на стр. 645.

Ашов — см. примеч. на стр. 603.

Гейлорд — см. примеч. на стр. 602.

‹КЛЭР ШЕРИДАН›. Впервые напечатано: *Архив* $\mathit{Г}_{XII}$, стр. 64.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-51). На обороте его — заметка о Гергарте Гауптмане (см. далее).

Датируется по содержанию августом 1923 г.: 21 августа 1923 г. Горький писал В. Ф. Ходасевичу: «Потом вдруг приезжает Клэр Шеридан ‹...› у Шеридан — великолепные руки. Чудесные руки» («Новый журнал». Нью-Йорк, 1952, кн. 30, стр. 191).

Печатается по автографу.

Клэр Шеридан (1886—1970) — английский скульптор. 20 августа 1923 г. Горький писал из Гюнтерсталя в Москву Е. П. Пешковой: «Милый друг,— позволь просить тебя о внимании к мисс Клэр Шеридан, скульпторше; ты, наверное, уже слышала о ней. Ей нужно показать литературную и художественную Москву» (*Архив* $\mathit{Г}_{IX}$; стр. 227). Эта записка была вручена Горьким К. Шеридан и ею передана Е. П. Пешковой.

‹ГЕРГАРТ ГАУПТМАН›. Впервые напечатано: *Архив* $\mathit{Г}_{XII}$, стр. 219.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-51). На обороте— теми же чернилами и почерком того же характера сделана заметка о Клэр Шеридан (см. выше).

Датируется августом 1923 г.— временем встречи Горького в Гюнтерстале с Клэр Шеридан и И. А. Добровейном. 19 августа 1923 г. Добровейн писал Горькому: «Думаю ‹...› попасть к Вам на пути в Дрезден и у Вас дня два остаться...» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-4-1-8).

Печатается по автографу.

Гауптман Г. (1862—1946) — немецкий драматург.

Добровейн И. А. (1894—1953) — русский пианист, композитор и дирижер.

на представлении «Бориса Годунова» в Дрездене...— Очевидно, в Дрезденском оперном театре, где И. А. Добровейн поставил оперу

Мусоргского «Борис Годунов» (премьера состоялась 23 февраля 1923 г.).

⟨К. АЛЬБЕРТСОН⟩. Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 219.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-72). Запись сделана на визитной карточке К. Альбертсона.

Датируется по письму Альбертсона Горькому от 26 января 1928 г., в котором Альбертсон вспоминает эту встречу (Архив А. М. Горького, КГ-ин-9-51-1).

Печатается по автографу.

Альбертсон Кристиан — исландский поэт, критик и публицист.

РАССКАЗЫ О'ГАРА

Рассказы О'Гара, англичанина; был судьей в Ирландии во время революции, пишет книгу «Психология убийства».

Священника шинфейнера преследуют сторонники английского правительства. Он советуется с другом своим, англичанином:

— Что делать?

— Идите в штаб правительственных войск.

— Но там меня арестуют?

— Возможно.

Священник пошел и обратился к полковнику англичанину с просьбой о защите.

—Защищать вас нам несколько неудобно,— сказал полковник,— но — вот вам револьвер, вот патроны — защищайтесь сами!

В вагоне трамвая сидит величественный английский «боби». Входит мальчик, ирландец, лет шести и, направляя в нос полицейского игрушечный револьвер, командует:

— Руки вверх!

К ирландцу священнику пришла на исповедь приезжая англичанка, ревностная католичка, и стала длительно рассказывать ему о своих сомнениях по поводу некоторых догматов.

— Всё это — глупости,— сказал священник.— А ты мне скажи, когда последний раз была пьяна?

На улице маленького городка собралась толпа ирландцев:

— В чем дело? — спросил полицейский.

— Бомба.

— Ну и что же?

— Мы хотим посмотреть, что с нами будет, когда она взорвется.

Потребление алкоголя было запрещено в Ирландии в годы войны и, как у нас, по всей стране развилось тайное винокурение.

Это преследовалось штрафами, тюрьмою, доносчикам на винокуров давались премии.

Судья пошел на охоту, попал под дождь, промок, заплутался и, наконец, набрел в лесу на шалаш, где трое ирландцев любезно приняли его и даже угостили доброй рюмкой виски. Идя от них, он догадался, что это были винокуры, а на другой день с ужасом узнал, что как раз в той местности, где он встретил их и пил виски, найден аппарат. И в тот же день встречает гостеприимных преступников в каком-то учреждении.

— Послушайте,— осторожно говорит он им,— надеюсь, вы не думаете, что это я выдал вас?

Они отвечают:

— О, конечно, нет. Мы знаем, что вы джентльмен. Но у нас испортился аппарат и мы сами выдали его, чтоб получить премию. Теперь мы купим новый аппарат и уверены, что угостим вас виски лучше той, которую вы пили вчера.

Встретив полицейского инспектора верхом на лошади, ирландец спрашивает:

— Эта лошадь, на которой вы едете, не лошадь полицейского инспектора?

— Но ведь вы меня знаете!

— Да, конечно, но я хочу быть вежливым с вами.

Кружок методистов. Глава их говорит:

— Я, мисс Поттер и герцогиня Бельфорд, с несокрушимой точностью установили, что Троцкий — воплощение Сатаны. Именно Троцкий, а не кто-либо иной, о нет.

— Мы — я, мисс Поттер и герцогиня Бельфорд, очень смеялись, узнав о извержении Этны. Мы, разумеется, заранее знали, что это будет.

Б. Шоу спрашивают:

— Как оплачивают немцы переводы ваших книг?

— Неужели вы полагаете, что я беру деньги с этой несчастной, разоряемой страны?

И — вздохнув:

— К тому же их марка ничего и не стоит...

Арнольд Беннет. Его спросили:

— Что побудило вас написать эту книгу?

— 8000 фунтов,— ответил он.

Англичанин-шпион докладывает начальнику своему:

— В общем мои наблюдения сводятся к тому, что на днях нам следует ожидать целый ряд новых террористических актов, ибо в воскресенье много ирландцев причащалось, как всегда они делают, решаясь убивать.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 35—37.

В Архиве А. М. Горького хранятся: I. Беловой автограф (ХПГ-45-1-1). 2. Рукопись с заглавием, написанным рукою Горького: «О'Гара. Перевод письма садовника-ирландца», текст перевода — рукой секретаря писателя М. И. Будберг.

Датируются по времени приезда (летом 1923 г.) четы ирландцев О'Гара в Гюнтерсталь, около г. Фрейбурга, где Горький жил в пансионе «Кибург» с начала июня до сентября 1923 г.

Печатаются по автографу; последний набросок — по секретарской рукописи.

В письме к В. Ф. Ходасевичу от 23 июля 1923 г. Горький упоминал супругу О'Гара: «Пишу Стефану Цвейгу и Бернарду Шоу, который, оказывается, не получил моего письма, как это утверждает его знакомая и землячка О'Гара» («Новый журнал», 1952, Нью-Йорк, кн. 29—30, стр. 213). Из писем М. И. Будберг от 2 и 7 августа 1923 г. также следует, что супруги О'Гара находились в это время в Гюнтерстале (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-36, КГ-рзн-157-38). М. И. Будберг писала 5 сентября 1967 г. об ирландке О'Гара: «...она рассказывала Алексею Максимовичу об Ирландии. Я переводила, он записывал, и это легло в основу „Рассказов О'Hara". Я думаю, что судья в Ирландии придуман Алексеем Максимовичем для художественной формы» (письмо в Архив А. М. Горького).

...во время революции... — Имеется в виду Ирландская народно-освободительная революция 1919—1921 гг.

Шинфейнеры — участники народно-освободительной борьбы 1919—1921 гг.

Методисты — одно из направлений протестантской религии, возникшее в Англии в 1729 г. Своей целью считают последовательное — методическое — соблюдение религиозных предписаний.

Арнольд Беннет (1867—1931) — английский писатель.

‹ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАМЕТКИ›

‹I›

Три человека шли в гору: [три путника:] высокий, толстый и горбун. Они только что [встретились] встретили друг друга там, внизу у реки, и пошли вместе,— высокий, потому что нигде не находил [себе] места себе, толстого ударила судьба, он и покатился куда глядят глаза, а горбун искал человека, который объяснил бы ему, зачем некоторым людям дается горб?

Он уже спросил об этом высокого, но тот безучастно сказал ему:

— Будь доволен тем, что имеешь.

А толстый поучительно добавил:

— Горб — не женщина, он с тобой навсегда. [— Когда женщина любит — она не нуждается в уважении, она требует это, переставая любить].

Горбатому показалось, что это неглупые люди, и, подумав, он пошел с ними.

Дожди, ветер и морозы размягчили, разрушили гору, из-под ног людей отскакивали камни и комья земли, подпрыгивая, катились вниз [шуршали], и некоторым удавалось докатиться до реки. Полуденное солнце жгло рыхлую гору, от кустов на шершавую землю ложились короткие бородатые тени, ласточки и стрижи беспокойно метались; в голубой пустоте пел жаворонок и журчал в камнях невидимый ручей. Внизу — [в далях] холмы, как застывшие вздохи земли.

— [— Далеко] [Высоко] До бога высоко,— вздохнул толстый, отирая потную лысину.

[Высокий] Горбун спросил [очень недоверчиво] удивленно:

— Разве вы верите?

— Нет, это пословица.

А высокий сказал, споткнувшись:

— Он предрек: «В поте лица будешь ты есть хлеб твой», но забыл прибавить: и друга дам в наказание тебе.

— А вы — верите? — снова спросил горбун.

— Я размышляю,— ответил высокий.— На ходу размышлять безопаснее.

— У меня тоже был друг,— сознался толстый, остановясь.— Умный, но притворялся дурачком.

— [Когда] Если человек понимает слишком много, [так] тогда ему очень выгодно притворяться глупым,— уверенно сказал высокий.

Горбун [поочередно по‹смотрел›] посмотрел на них.

— Странно вы говорите.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 26—27.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-46-28-1). Вычеркнутая фраза: «Когда женщина ∾ переставая любить» записана также на отдельном листе ($ГЗ_{IV}$-6-29) и позже использована в первой редакции первой части «Жизни Клима Самгина» (см. Варианты).

Датируется 1922—1924 гг.

Печатается по автографу.

... *«в поте лица будешь есть хлеб твой»* — Неточная цитата из Библии: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...» (Бытие, гл. 3, стих 19).

⟨II⟩

Герцог Сэрра Каприола и синьор Руффино, флорентиец, человек литературно образованный, обладающий интересной библиотекой, рассказывали совершенно серьезно и с глубоким убеждением:

«Змеи любят молоко женщин и высасывают его, когда женщины спят. Вот почему крестьянки так панически боятся змей. Известен факт, когда змея, высасывая молоко матери, сунула хвост свой в рот ребенка. Все трое были очень довольны».

Возражения против змеиного молоколюбия были приняты почти с обидою и успеха не имели.

Боязнь змей, действительно несколько повышенную здесь, вероятно, можно объяснить слишком частыми напоминаниями попов о случае в раю, с Евой.

Здесь женщины так много родят, что, наверное, райские удовольствия — и неизбежность их — могут пугать женщин.

Повышенная половая жажда мужчин.

Широкое употребление средств, возбуждающих деятельность половых эмоций.

Быт, квартиры.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 234.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVI}$-13-13).

Датируется по содержанию и орфографии 1924—1928 гг.
Печатается по автографу.

Серра Каприола (1866—1938) — хозяин виллы «Иль Сорито» («Улыбка»), которую Горький снимал с ноября 1924 г. по май 1931 г. 17 ноября 1924 г. Горький писал П. П. Крючкову: «Переехали на новое место, адрес теперь такой:

Сорренто. Вилла Иль Сорито
Villa Il Sorito»

(Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-56).

И в письме С. Н. Сергееву-Ценскому: «Живу я не в Sorrento, а минутах в пятнадцати — пешком — от него, в совершенно изолированном доме герцога — знай наших! — Серра Каприола. Один из предков его был послом у нас при Александре Первом, женился на княгине Вяземской, и в крови моего домохозяина есть какая-то капелька безалаберной русской крови. Забавный старикан. И он и две дочери его, девицы, которым пора бы замуж, живут с нами в тесной дружбе и как хозяева — идеальны: всё у них разваливается, всё непрерывно чинится и тотчас же снова разваливается. Герцог мечтает завести бизонов, а здесь — корову негде пасти, сплошь виноградники, апельсины, лимоны и прочие плоды» (*Г-30*, т. 30, стр. 12—13).

Карло Руффино — владелец соседней виллы.

⟨III⟩

⟨1⟩

9.XI Вчера пришли к Роберто Бракко, схватили его, заперли в ванную комнату, [собра⟨ли?⟩] выкинули на двор все книги, рукописи и там сожгли.

За несколько дней до этого посетили Бенедетто Кроче, перерезали провода в квартире, перебили, переломали вещи. Кроче говорит: «Зачем же для таких пустяков посылать 45 человек? Пришел бы сам Дуче, сделал всё это. Мне было бы более лестно».

Одного сенатора неаполитанца вызвали в какое-то фашистское учреждение, задержали там на всю ночь, а утром, возвратясь домой, он нашел всю свою квартиру разгромленной так усердно, что в одной из четырех ее комнат даже стена оказалась выломанной.

Из 40 профессоров Агроинститута осталось семеро, остальные изгнаны.

В Неаполе ежедневно поступает до 300 и более заявлений о выезде [из] за пределы Италии. Рим не дает разрешений.

Аристократия всё уверенней говорит, что Дуче принужден будет обстоятельствами объявить себя диктатором или президентом республики и даже — говорят — императором. «Всё может быть, всё может быть»,— говорит маляр у Чехова. Он оказался пророком [и, кажется], единственным, который не ошибся в предвидениях своих. Хотя — если я не ошибаюсь — Чехов не изобразил его пессимистом.

⟨2⟩

Закон о смертной казни прошел большинством 341 против 12-ти. Гуманизм. Культура.

Оппоз⟨иц⟩ия объявлена лишенной депутатских прав. До vot'a — семеро депутатов тоже [были] лишены были этих прав.

⟨3⟩

20.XII. Турати и его товарищи бежали потому, что их предполагалось выслать в Триполи. Бежало 19 социалистов. Есть слух, что в Триполи будет выслано около 900 социалистов.

В тюрьмах, по словам Р. Т., 29 тысяч.

⟨4⟩

Анекдот: король уронил платок, Муссолини поднял и подал его королю. Король сказал:

— Благодарю Вас за то, что Вы отдали мне платок, это ведь единственное место, куда я могу сунуть свой нос.

Первая заметка впервые напечатана: «Октябрь» 1968, № 3, стр. 21—22; вторая — четвертая заметка: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 235.

Автографы — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVI}$-13-10, $ГЗ_{XVI}$-13-17). Датируются по содержанию ноябрем 1926 г.

Печатаются по автографам. В левом верхнем углу первого автографа наклеена вырезка из неустановленной русской газеты:

«Рим. 3.XI. (Гавас)

Газета „Имперо" (орган крайних фашистов.— *Ред.*) в связи с возвращением Муссолини в Рим пишет:

„С сегодняшнего вечера фашистская революция должна ускорить темп для того, чтобы прийти к своему завершению. Враги фашизма в Италии должны быть уничтожены без остатка. Фашистская месть ренегатам! С сегодняшнего вечера *нужно покончить с дурацкой утопией тех, которые считают, что каждый человек может мыслить своей собственной головой.* Италия имеет только одну голову, фашизм имеет один только мозг. Эта голова, этот мозг — наш вождь. Инакомыслящим мы отрубим головы без всякой пощады"».

Выделенные слова подчеркнуты Горьким.

Аналогичные сообщения были напечатаны во многих газетах 4—5 ноября 1926 г. Это позволяет датировать набросок и рассматривать его как отклик Горького на ту волну фашистских репрессий, которые последовали в Италии после покушения на Муссолини в Болонье 31 октября 1926 г. и завершили фашизацию страны.

Роберто Бракко (1861—1943). С видным итальянским драматургом и новеллистом Горький познакомился в 1906 г., неоднократно встречался с ним. О взаимоотношениях Горького с Роберто Бракко см. в статье А. Я. Тарараева «Связи А. М. Горького с итальянскими писателями» (*Г Чтения, 1959*, стр. 598—603).

Бенедетто Кроче (1866—1952) — известный итальянский философ, литературовед и критик. В 1905 г. подписал протест общественных деятелей Италии против ареста Горького царским правительством. 1 мая 1925 г. он выступил в печати с «Ответом итальянских писателей, профессоров, публицистов на манифест фашистской интеллигенции», в котором осуждал насилие фашистского режима. Во время фашистских репрессий в ноябре 1926 г. подвергся нападению, белоэмигрантская газета писала: «По словам корреспондента „Дейли Геральд", с момента последнего покушения на Муссолини фашистами было убито в различных частях Италии 100 человек и ранено около 1000, разгромлено много квартир представителей оппозиции. Пострадали между прочим квартиры известного Бенедетто Кроче, драматурга Роберта Бракка, журналиста Скарфолио, известного коммуниста Бордига. Богатая библиотека Кроче уничтожена фашистами» («Последние новости», 1926, № 2057, 9 ноября).

...поступает до 300 и более заявлений о выезде [*из*] *за пределы Италии. Рим не дает разрешений.*— Чрезвычайные законы (Leggi speciali per la difesa dello stato), введенные итальянскими властями в стране после покушения на Муссолини 31 октября 1926 г., запрещали выезд итальянских граждан за границу.

«Всё может быть...» —см. примеч. на стр. 581.

Закон о смертной казни...— Был одобрен палатой депутатов на экстраординарной сессии итальянского парламента, созванной по требованию Муссолини 9 ноября 1926 г.

Оппозиция объявлена лишенной депутатских прав. — 9 ноября 1926 г. палата депутатов лишила всех депутатов — коммунистов и членов Авентинской оппозиции — депутатских званий. Из парламента было исключено 124 депутата.

Турати Филиппо (1857—1932) — один из основателей итальянской социалистической партии. В декабре 1926 г. вынужден был эмигрировать из фашистской Италии во Францию.

...король... — Виктор Эммануил III (годы правления 1900—1946). С ноября 1926 г. вся полнота власти в стране фактически перешла в руки фашистского диктатора Бенито Муссолини (1883—1945).

⟨IV⟩

Муссолини? Первое впечатление — человек энергичный, человек организованной воли. Но послушаешь его 10 м⟨инут⟩, и кажется, что он или тебя считает идиотом, или сам глуп. Восхищается фактами, которые у нас, в Конотопе, никого не удивят. Спрашивает:

— Известно ли вам, что мы в Триполи заняли еще оазис и взяли 200 ч⟨еловек⟩ в плен? Что вы думаете об этом?

Между прочим осведомился:

— На каком месте стоит Италия по венер⟨ическим⟩ заболеваниям?

— На втором.

— А на первом — кто?

— Америка.

— Гм...

Подумал, как бы сожалея, что не Италия на первом месте, потом спросил:

— Откуда у вас цифры?

— Международного бюро по борьбе с венер⟨ическими⟩ болезнями.

И — вдруг говорит, дурак:

— А вы могли бы не сообщать их печати?

Окончательное впечатление: авантюрист, случайный человек, актер. Вольпи — умнее, образованней его.

Открытие театра «Констанца». 14 тысяч охраны. Пять контролей входа в театр. Проверка документов. Без документов — не впускали. Театр в течение двух суток обыскивался сыщиками и полицией, особенно — машинное помещение. В день спектакля всё-таки весь технический персонал был снят и заменен персоналом какого-то старого театра, в котором на этот вечер отменили спектакль. Мус⟨солини⟩ приехал, как Альфонс Испанский, в пяти одинаковых авто. Где он сидел — неизвестно, никто этого не видел.

Король с королевой и дочерью приехали в чужом авто, собственный сломался. Сидел на виду у всех.

Нравы.

Уго Ойetti, редактор «Curiere della Sera», приходит в редакцию. Сотрудники встречают его смущенно.

— В чем дело, друзья?

— В кабинете вашем сидит уже другой редактор.

— !?

Ойетти клялся корреспонденту «Таймса», что он не имел никаких оснований думать, что с ним так обойдутся и вообще не думал, что его решено вышвырнуть.

«Надоела мне английская гувернантка». М⟨уссолини⟩ 21.VI 28 проф. Дж.

«День риса».

Часть заметки — «Нравы. Уго Ойotti, редактор Corriere della Sera ∾ его решено вышвырнуть» напечатана в книге: Горьковские чтения. 1953—1957 гг., М., 1959,стр. 612—613. Остальной текст — в книге: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 107—108.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVI}$-13-9).

Судя по содержанию, написано в 1928 г.

Печатается по автографу.

Первая запись «Муссолини? ∾ Вольпи — умнее, образованнее его» заключена в кавычки. Над нею в верхнем правом углу листа надпись: «Профессор Ник. Ник. Меньшиков». Вероятно, эта заметка — запись рассказа Н. Н. Меньшикова. *Ник. Ник. Меньшиков* — лицо не установлено.

...в Триполи заняли еще оазис... — Триполитания — одна из провинций Ливии, которая стала итальянской колонией в 1911—1912 гг. Упорное сопротивление патриотов лишало Италию возможности контроля над всей территорией Ливии. В 1922 г. фашистская Италия возобновила ее завоевание и окончательно колонизировала к 1932 г.

Вольпи ди Мизурата, Джузеппе (1877—1947) — министр финансов Италии в 1925—1928 гг.

Открытие театра «Констанца» — 27 февраля 1928 г., после временного перерыва, театр возобновил свои спектакли оперой «Нерон» Бойто и стал называться Teatro reale del'Opera.

Альфонс Испанский — король Испании Альфонс XIII (годы правления — 1902—1931). В своей политике ориентировался на фашистскую Италию, способствовал установлению в Испании фашистского режима Примо де Ривера. После республиканского переворота в апреле 1931 г. эмигрировал.

Уго Ойетти (1871—1946) — итальянский писатель и критик. Горький познакомился с ним в 1907 г. О взаимоотношениях Горького с ним в 1907 г. см. в статье А. Я.Тарараева «Связи А. М. Горь-

кого с итальянскими писателями» (*Г Чтения*, 1959, стр. 610—613, и *Архив* $Г_{VIII}$, стр. 256—260).

...редактор «Corriere della Sera»... — В 20-е годы Уго Ойетти перешел на позицию буржуазного национализма, принимал участие в конгрессе профашистской интеллигенции в Болонье в апреле 1925 г. и в марте 1926 г., был назначен редактором миланской газеты «Corriere della Sera», которая к этому времени стала уже профашистским органом. 16 декабря 1925 г. Горький писал об Италии и об этой газете Е. П. Летковой-Султановой: «Страна эта, очумленная фашизмом, живет в некоем полусне, духовная жизнь очень подавлена 〈...〉 Вся пресса постепенно переходит — покупается — правящей партией. Куплена лучшая газета «Corriere della Sera» (*Лит Насл*, т. 70, стр. 268). В 1927 г. Уго Ойетти был устранен с поста редактора этой газеты.

Надоела мне английская гувернантка. — В первые годы фашистской диктатуры в Италии английское консервативное правительство Болдуина проводило политику покровительства и опёки правительства Муссолини.

〈V〉

По дороге прошла женщина, одетая так пестро, [что напомнила] точно двигался огромный куст цветов, среди которых преобладали желтые. Шла и улыбалась, глядя прямо пред собою и вверх от земли, но «не воздев очи», а как-то так, восходя взглядом. Левою рукой [она] придерживая шаль на груди, правой она покачивала в такт шага. И улыбалась не мечтательно, а как бы решенно,— видимо, до чего-то благополучно додумалась, что-то сбросила с плеч.

— Счастливая идет, [вероятно].

— Может — глупая?

— Это всё равно.

И [вот пошленькие] три слова, тысячекратно повторившие пошленькую мыслишку, [вы〈черкивают〉] зачеркивают женщину.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 122.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVI}$-13-20). На обороте его — заметка «Садовник выкапывает розы».

По орфографии и бумаге датируется 1928—1934 гг.

Печатается по автографу.

〈VI〉

Садовник выкапывает розы из клумбы, над ним — куст олеандра. Недавно шел дождь, и, когда садовник задевает ветки,— на него падают капли.

Он отстраняет одну из веток, закручивает ее за другую. Сломал, плюнул и выругался, грозя в небо грязным кулаком.

Работает снова, и снова олеандр кропит его. Тогда, схватив ножницы, садовник режет ветки олеандра одну за другою, оголил куст и — хохочет. Затем,— [продолжает] продолжая законодательствовать, насвистывает «Джовинеццу».

Олеандр — редкий, цветет белыми цветами о пяти лепестках.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 122—123.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVI}$-13-20). На обороте его — набросок «По дороге прошла женщина». Несколько выше публикуемого текста — фраза: «„Дуализм природы“ — двойственность попов и т. д.»

По орфографии и бумаге датируется 1928—1934 гг.

Печатается по автографу.

Джовинецца (Giovinezza, ит.— молодость) — официальный гимн итальянской фашистской партии с 1923 г.; слова и музыка Бланка.

⟨VII⟩

[Ровной, тяжелой струею течет ветер к Вос⟨току⟩] Над заливом [тяжело] кружится [ветер] неприятно теплый [тяжелый] ветер, вздымая невысокие волнишки. [Ветер — тяжелый, сыроватый и] Воздух насыщен тяжелой сыростью, солнце [не в силах] как будто не в силах высушить [его] [воздух и к [с⟨олнцу⟩]] его, солнце смотрит на залив сквозь ⟨*1 нрзб*⟩ жидкие полупрозрачные облака, они все более сгущаются [[Облака] Они напоминают], напоминая [л⟨ондонский⟩] грязноватый лондонский туман [и кажется, намерены опуститься] [Можно думать, что облака намерены опуститься] [Об⟨лака⟩] Кажется, что облака хотят опуститься [на воду] [на взволнованный залив [и раздавить волны] и причесать, раздавить волны, сделать синевато-зеленую воду залива спокойной, гладкой, как площадка], причесать вместе с ветром курчавые космы волн, [причесать их, сделать] сделать синевато-зеленую воду гладкой, как поле для игры в гольф.

Не очень высоко над заливом трещит и плавает аэроплан, похожий на осетра [с уродливо развитыми жаберными плавниками], у которого жаберные плавники развиты уродливо. Пыхтит маленький буксир, подводя к берегу [тяжелый] плашкот, нагруженный огромными камнями для защиты набережной от буйства [воды] моря. Рыбак тоже серый, точно камень, добывая съедобные ракушки, скоблит морское дно драгой, насаженной на длиннейший шест, его лодка [накло⟨нилась⟩] легла бортом на воду, так что [готова] [кажется]

готова опрокинуться вверх килем; прислонив конец шеста к плечу, рыбак [и] равномерно дергает шест, качается, шест мешает ему упасть за борт торчмя головою. Тяжелая работа, очень тяжелая.

Набережную украшают нес⟨колько⟩ десятков [бездельников] людей, они созерцают [тяжелую] работу рыбака и серый английский крейсер, [неподвижно] глубоко вдавленный [в в⟨оду⟩] недалеко от берега в маслянистую воду, у бортов его вода кажется густою, точно зеленая краска, которой красят крыши. На крейсере что-то поскрипывает, гремит железо цепей, [причем] суетятся матросы, маленькие, точно кошки, рядом с двумя низенькими, но огромными трубами судна [и пушками [его] его]. Недавно газеты сообщили, что на этом судне офицеры устроили забастовку, требуя для своего развлечения «джазбанд». Интересно: как отнеслись к этой забастовке матросы?

Крейсер — довольно красивая штука, такая ловкая [[в ней чувствуется и] напоминает] ладная, но, в общем, напомнила мне очень глупое чудовище, которое я давно как-то видел во сне, похожую на стерлядь, полузмею, полурыбу, без плавников, без головы, с одним глазом на [его] переднем конце [и широкой пастью], а под глазом широкая пасть, полная тупыми — как у лошади — зубами, чудовище это занималось тем, что выкусывало из берега широкой реки куски земли, образуя в ней широкую дыру.

Один из людей, [бедняк, созерц⟨ающий⟩] созерцающих крейсер, бедняк, в растоптанных ботинках, с дырою на локте пиджака, отчаянно жестикулируя, [ра⟨ссказывал⟩] с восхищением рассказывает, что [этот] эта куча ловко слаженной стали, [плавающей] плавающая по воде, стоит [три] четыре миллиона ф⟨унтов⟩ с⟨терлингов⟩. Я очень плохо считаю, но мне кажется, что на 40 мил⟨лионов⟩ рублей можно бы построить несколько тысяч школ. Меня одолевают наивные мысли: [чудовищно глупо или [идиотски] цинически умно устроена жизнь] если б Лига Наций приняла [русский] советский проект о разоружении,— сколько миллиардов было бы освобождено для дела культуры! [Хотя] Впрочем, вероятно, [банкиры и миллиардеры раскрали бы эти деньги] миллиардеры, [золотые] дикари Европы и США раскрали бы эти деньги. [Эти люди, поистине, племя дикарей] Дикари, [в расп⟨оряжении⟩] на средства которых [делаются] строятся многомилл⟨ионные⟩ глупости, ходят в [рв⟨аных⟩] худых сапогах и восхищаются ими. На борьбу с болезнетворными бациллами тратятся ничтожнейшие средства, хотя [лихо⟨радка⟩] туберкулез, сифилис истребляет миллионы работников земли. [А для] Для истребления этих работников [строятся м⟨ножество?⟩] [из] их же [силою] руками строятся броненосцы, чудовищные пушки и всяческие орудия уничтожения «живой силы».

[Это гнусность] Странно, что гнусность этого противоречия [все

еще не усвоена с тою ясностью, которую она заслуживает и требует] не доступна [все ⟨еще⟩] сознанию людей, которые защищают христианскую культуру от разрушения ее большевиками. [Сто⟨ит⟩] Христиане, вот наиболее бесстыдные лгуны.

На днях у меня был советский человек, юрист, философ, ныне занятый устройством холодильников. Он уверенно говорил о том, что мы скоро будем конкурировать на Евр⟨опейском⟩ фруктовом рынке с Калифор⟨нией⟩, засыплем Европу нашей ягодой. И с восторгом рассказал, что первый транспорт [в] нашей свинины из Од⟨ессы⟩, прибывший в Геную, вызвал [серьезное во⟨лнение⟩] серьезную тревогу среди [австралийских и американских] австралийцев и американцев, снабжающих Италию мясом.

О холодильниках он говорил, как художник о книге, которая, он чувствует, удалась ему. Молодой, здоровый, поэт своего дела, он [произвел впечатление] оставил по себе впечатление силы, [уверенности и] радости [быть] жить, работать и [уверенности] той уверенности в успехе, которая заражает слушающего верой в [победу] неодолимость человеческой воли, направленной разумно.

Он мне напомнил [резкий ответ]

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 52—54.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-86).
Датируется по содержанию 1928 г.
Печатается по автографу.

⟨VIII⟩

Страшно много на земле людей, [которые ничего не делают] которым нечего делать не потому, что для них нет работы, а потому, что они чувствуют себя созданными не для работы.

[Дикари, на средства которых [строя⟨тся⟩] делаются глупости] [40.000.000.]

[Хотелось бы думать] Было бы приятно думать, что они [не любят работу] не работают потому, что не хотят делать глупости, [в] [подобные, например, броненосцам и крейсерам] такие, как, вот броненосцы [и] крейсера.

[Ждут] Созерцают и ждут. Или — уже ничего не ждут эти люди на набережной?

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 54.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{III}$-5-19).
Датируется по связи с наброском «Над заливом...» 1928 г.
Печатается по автографу.

⟨IX⟩

«Красоту делает солнце» — [к⟨ак⟩] сказано [в одной старинной песне] в одной из старинных песен Прованса, [и] правда этих слов [особенно] особенно [ярка] ясна на берегах Неаполитанского залива. Густо-голубое, шелковое небо, маслянисто-синеватая вода моря, на сероватой земле берегов,— белые города [на] [среди садов и] в темной зелени лимонных [рощ, деревьев и] рощ и серебристой — листве олив. По спокойной, как небо, воде залива скользят лодки рыбаков, гребут [здесь стоя] здесь длинными веслами стоя, а не сидя [и равномерные] и от себя, а не на себя. [Это] [Ныряющие] Равномерные поклоны людей воде [и голубоватым домам] вызывают странное впечатление [люди кажутся]

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 54.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-85).
Датируется по содержанию 1928 г.
Печатается по автографу.

⟨X⟩

Снег на пальмах.

«Женщина — существо как бы потустороннего мира».

Зеленая зима.

Каменщик Симга и Джованни Какаче.

Пепинелла. Осел и [*нрзб*].

Маленький монах — идиот. Его «символическая» манера просить милостыню у мужчин и женщин; в обоих случаях левая рука изображает для мужчины: жен⟨ский⟩ пол⟨овой⟩ орган, для женщины — мужской. «Возможно, что это не идиотизм, а — святость, ваша церковь, кажется, именует [*1 нрзб*] людей этого типа ,,блаженными''».

«Sié nominanto»[1]

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 234.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XVI}$-13-18).
Датируется по содержанию 1930—1931 гг.
Печатается по автографу.

В связи с упоминанием каменщика Симги и владельца отеля «Минерва» Джованни Кокачио можно предположить, что в заметке идет речь о строительстве нового дома для отеля «Минерва», который строился, по сообщению Н. А. Пешковой, в 1930—1931 гг.

Джованни Кокачио — владелец отеля «Минерва». В письме к Л. Леонову и В. Катаеву, собиравшимся приехать в Сорренто Горький писал 15 июля 1927 г.: «Поселитесь же вы через дорогу

[1] называются (итал.— *Ред.*)

от меня в месте тихом и красивом, в гостинице «Минерва» (*Лит Насл*, т. 70. М., 1963, стр. 249). По возвращении в Россию Л. Леонов просил Горького передать «привет... герцогам Кокачиам» (там же, стр. 253).

Многие советские писатели, художники, приезжающие в Сорренто, останавливались в этом отеле. Художник Ф. Богородский рассказывал, что, приехав в ноябре 1929 года в Сорренто, он поселился «в отеле «Минерва»... в маленьком мезонинчике с изумительным видом на виллу М. Горького» (Ф. Богородский. Полгода в Сорренто.— «Октябрь», 1956, № 6, стр. 156).

Пепинелла — богатая вдова, арендовавшая часть сада у Сэрра Каприолы. В письме к Б. М. Зубакину Горький писал 25 сентября 1927 г.: «На месте, где я живу, была вилла поэта Поллиуса Феникса, это было во времена Октавиана Августа, а теперь это место собственность герцога Серра Каприола и арендуется крестьянами. Среди олив, апельсинов в доме стиля „барокко", полуразрушенном, живет крестьянин Покионе 〈...〉 С другой стороны у меня соседка Пепинелла, огромная женщина, тоже арендаторша и тоже богата. Она живет одиноко» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-16-34-3).

〈XI〉

В 1645 г. издана была книга «Roma Triumphans, посвященная описанию избрания и посвящения пап. Рассказано, между прочим и то, как удостоверяется конклав в годности избранного возглавлять католическую церковь. Избранного сажают на мраморное седалище с отверстием в оном и один из кардиналов, просунув руку свою в отверстие, исследует половой орган папы, после чего удостоверяет конклав: «Первосвященническое — имеется». В книге это — изображено и на картинке.

В основе обряда лежит случай папы Иоанна, который якобы оказался дамой.

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XIII}$-12-7).
Судя по орфографии, написано в 1930—1936 гг.
Печатается по автографу.

... случай папы Иоанна, который якобы оказался дамой. . .— Как гласит легенда, в IX в. папский престол одно время занимала женщина — папесса Иоанна, правившая под именем Иоанна VII. Некоторые историки считают это достоверным. Так, в хронике летописца Мартына Польского сообщается, что преемником папы Льва IV был Иоанн Англичанин (родом из Майнца), который был на папском престоле 2 года 7 месяцев 4 дня (855—857). Хронист пишет, что это была женщина в мужском платье,— «будучи в папском звании, она забеременела от служащего курии и родила по дороге в Латеран, после родов папесса тотчас умерла» (М. М. Шейнман. Папство, М., 1959, стр. 18—19). На Констанцском соборе в 1414 г. чешский национальный герой Ян Гус говорил: «Церковь должна быть безупречна и незапятнана, но можно ли считать без

упречным и незапятнанным папу Иоанна, оказавшегося женщиной, которая публично родила ребенка». Присутствовавшие на соборе 22 кардинала, 49 епископов и 272 богослова не протестовали против ссылки на папессу, как бы подтверждая существование этой легендарной личности (С. С. Лозинский. История папства. М., 1961, стр. 447).

Прошла [тонконогая] женщина, гордо потряхивая маленькими грудями.

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{VI}$-9-11).
Датируется по орфографии, предположительно, 1930—1936 гг.
Печатается по автографу.

⟨XII⟩

На краю крутого обрыва, охватив корнями большой, весь в трещинах, камень, прилепился старый, древовидный можжевельник, ветви его уродливо изогнуты и даже как бы отчаянно раскоряченц в воздухе над глубокой пустотой, дно ее — хаос камней, оторванных от скалы, среди камней — кустарник, ниже — сосны, дуб, еще ниже — белые здания дворцов, вилл и — до горизонта — зеленоватое, взволнованное море.

— Изволите видеть,— какова мудрость живого, органического вещества?— говорит старый зооботаник, весь в серой парусине под цвет камней.— Лет за полтораста, за двести до нашего появления на земле, ничтожное семечко было брошено ветром в щель между камней, нашло для себя немножко пищи и начало расти и — вот — выросло в такое могучее существо.

Он одобрительно хлопает ладонью по стволу дерева, точно конюх по крупу любимой лошади. Закуривает измятую папиросу и гасит спичку, надув губы так, как это сделал бы ребенок.

— Ему пришлось проделать удивительную работу в процессе своего роста,— продолжает он голубовато-дымными словами.— Когда оно достигло высоты — примерно — двух метров, ветер стал пользоваться им как рычагом и мог оторвать этот камень от скалы по линии вот этой трещины — изволите видеть?

Он указывает концом трости на камень, трещину, на обнаженные, кривые корни дерева, два из них, особенно толстые, похожи на змей, которые прячутся в щелях камня, три изогнуты, точно лапы огромного паука, связывают камень со скалой.

— Изволите видеть, как оно обтекало камень веществом своим? Это замечательно! И посмотрите, как оно, мудро связав камень

со скалой, искусно и далеко разбросало питающие корни в эту скудную почву.

Зооботаник, сунув трость под мышку себе, счастливо смеется и гладит ствол дерева, точно учитель голову способного ученика. Затем, не щадя силы своего воображения, он продолжает рассказывать о мудрости дерева.

Я очень люблю слушать такие и подобные истории мастеров, влюбленных в дело украшения жизни — превосходное дело! Но — какая скудная и скучная жизнь — жить только для того, чтобы не упасть...

Черновой автограф

Обняв корнями [сер⟨ый⟩] темный, шероховатый камень, [дерево] древовидный можжевельник, старый, фантастически искривленный, стоит [над краем] на самом краю обрыва, ниже его почти отвесная скала, еще ниже — хаос камней, оторванных от этой скалы, [почти сере⟨бряная⟩] [металлически блестит беловатая дорога [затем] за нею снова груды камня], кустарник среди них, дальше — белые здания [богат⟨ых⟩] дворцов и до горизонта синее море [1].

— Изволите видеть,— говорит старый зооботаник,— какова мудрость [жив⟨ого⟩] [растительной клетки — с] живого вещества. Лет за полтораста [том⟨у⟩] до нас, ничтожнейшее семечко брошено ветром в трещинку камня и — вот-с, начало жить и выросло в это [видимое нами] могучее существо [горный дуб].

Он одобрительно хлопает ладонью по стволу дерева, точно конюх по крупу любимой лошади, закуривает измятую папиросу и гасит спичку, смешно надув губы, как [погасил бы ее] это сделал бы ребенок. [И] Затем, торопливо [затяг⟨иваясь⟩] вдыхая дым, он [говори⟨т⟩] продолжает, выпуская слова вместе с дымом.

— Ему пришлось в процессе роста своего проделать удивительную работу. [Как только] Когда оно достигло высоты примерно двух метров,— ветер стал пользоваться им как рычагом и мог оторвать этот камень от скалы по линии этой трещины,— изволите видеть?

Он стучит палкой по обнаженным корням дерева — [три] два из них, особенно толстые, похожи на змей, которые прячутся в [трещ⟨инах⟩] расселинах камня, три изогнулись, как цепкие ноги паука.

— [Далее-с] Тогда, дабы предохранить [возможно себя] откол камня от скалы, оно пускает корень в эту трещину скалы и связывает камень с нею — так-с? Далее оно обтекает камень веще-

[1] синее море вплоть до горизонта.

ством своим, вот этим — изволите видеть? — обнаженным корнем, а этот пускает [это] еще раз в скалу, и — что же? Связав камень со скалою, оно перестало служить ветру рычагом, способным оторвать камень — так-с?

Не щадя силы воображения, он все более горячо говорит о разуме дерева.

— И [посмотрите как] [читайте] посмотрите, как искусно, мудро распределены питающие корни, как далеко они вытянулись [за пищей]...

Ботаник, держа палку под мышкой, папиросу — в зубах, счастливо засмеялся, снова поглаживая ладонью ствол дерева, точно учитель голову способного ученика.

[— И живет не менее полутораста лет, а может прожить еще столько же...]

Я очень люблю слушать, когда мне рассказывают такие и подобные [истории. Я вообще люблю слушать [людей, они — самые искусные и [величайшие] великие мастера в прекрасном ремесле украшения жизни] рассказы искусных мастеров] мастера ремесла украшать жизнь словами.

Но — какая скудная и скучная жизнь — жить только для того, чтоб не упасть.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 126—127.

В Архиве А. М. Горького хранятся: 1. Черновой автограф (ХПГ-42-1-2). 2. Машинописная копия (ХПГ-49-5).

Началу наброска в автографе предшествует черновой вариант очерка «Пейзаж с фигурой» (см. Варианты, т. IV), затем следует данное произведение без заглавия, помеченное цифрой II, а после него — под цифрой III — наброски для рассказа «Хлопочет ветер...» Нумерация произведений позволяет предположить, что они были задуманы и осуществлялись одновременно. Здесь же — листы автографов очерков «Об избытке и недостатках», «Шорник и пожар», «Пейзаж с фигурой», опубликованных в 1934 г. Это позволяет датировать рукопись «На краю крутого обрыва...» 1933—1934 гг.

Печатается по машинописи и по черновому автографу.

⟨«СОРРЕНТИЙСКАЯ ПРАВДА»⟩

⟨1⟩

Сочинения в стихах о пьяном, который шел ночью по улице и бормотал сам с собою, а также ударился лбом о монумент.

П р и м е ч а н и е.

Печатая ниженапечатанное стихотворение начинающего поэта, [Инвалида муз] редакция разрешает себе легкую нескромность, которая, наверное, читателям будет приятна. Автор лично известен пишущему эти строки как честный комиссионер по продаже байковых одеял популярной фирмы «Закхей Тушканчик и Сдети». По скромности автора, [он подпи⟨сывает⟩] а также из опасения скомпрометировать указанную фирму, он подписал свой чуть-чуть нескромный труд псевдонимом [«Инвалид муз»], но подлинное, т. е. по паспорту, имя его — Аристид Балык. Он урожденец известного в истории города Сморгони, его отец был [долгое время] почти всю жизнь настоящим Греком, [что] на что указывают познания автора в мифологии, Библии и других древних науках. Происхождение матери автора, а также имя ее не открыто, ибо она скончалась от неосторожности за одиннадцать месяцев до замужества и до рождения [высоко] талантливого Аристида, вследствие чего он был лишен счастья питаться молоком ее груди и что, видимо, отразилось на его [позднейшем] раннем пристрастии к напиткам иных свойств. Однако пристрастие это не помешало Балыку [уже] еще в возрасте 52-х лет испустить в свет литературный труд, который привлек внимание широкой публики своею теплотой и мягкостью. Это было сочинение на меловой бумаге в прозе и в красивой обложке под титулом: «Прейскурант байковых изделий фирмы Закхей Тушканчик и Сдети». Ныне многообещающий Балык посвятил себя исключительно литературе, и мы надеемся, что талант его разгорится яркой звездою в зените небес Аполлона.

С почтением Козьма Горячкин, литератор.

Толкая в плечи и бока,
Вокруг качаются дома,
Земля — как бурная река,
А я играю роль сома,
    Плыву, черт побери, меж тумб,
    Как этот... Христофор Колумб!

Я пропил больше ста монет
И пьян, как древний старец Ной,
Но — ничего! Ведь Хама — нет,
Кто посмеется надо мной?
А интересно знать — как Хам
Отнесся бы к моим стихам?
Я пьян, как не был пьян давно,
Пьян до ушей, черт побери!
Хам был со мной и пил вино,
Коньяк, ликер и Поммери.
Ах, лучше бы со мной сидел
Ной, первый в мире винодел!.
У Хама прыщеватый нос
И рожа цвета красной меди.
Какую чепуху он нес
О жизни, о любви, миледи!
Нет,— как приятно жили встарь:
Мила Агарь и — взял Агарь!

Миледи! В мире есть закон:
«Хорошенького — понемножку»,
Но, — лишь тогда мне ясен он,
Когда я вижу вашу ножку.
Когда передо мной Ваш бюст
И нежный очерк Ваших уст.
[Миледи! Истину ценя,
Скажу всем дружески, но строго:
Господь вас создал для меня,
А вы идёте против бога.
Позвольте же сказать вам прямо —
Ваш путь ведёт на ложе Хама]
Стой... Монумент. Герой — ура!
Ты — тверд, ты весь из бронзы слит,
А плоть моя пьяна, стара,
Душа — болит. И — лоб болит.
Ной тоже стар, но — крепок телом
И в частностях, и в целом.
Герой! Ты армии брал в плен,
Ты истреблял без счета воев,
И был, наверно, видный член
В семействе бронзовых героев.
Ты — не завидовал Приапу,
Ты — молодчина! Дай мне лапу!

Ушел? Нет, это я иду,
Он — там, стоит на пьедестале.
Неужто дьяволы в аду,
Как я — в раю земном — устали,
И пить вино им не велят?
Тогда — жалею дьяволят!
Вода? Откуда тут вода?
Ага, здесь выкопана яма!
Известно, что вода всегда
Стремится вниз бежать упрямо.
А я стремлюсь... к себе, домой...
Как все логично, боже мой!
О, слово, сладкое для слуха —
Дом, дома, дому, домом, дом!
Как будто — осень, дождь, и муха
О [стену] стекла бьется глупым лбом.
Я этой штуке знаю цену,—
Я часто бился лбом о стену.

Схватив в охапку облака,
Какой-то черт,— должно быть,— злой,
Вдруг сшил подобие мешка
Адмиралтейскою иглой,
И — спрятал в тот мешок луну,
[Чудесно] Ну,— черт с ней. Лягу и — усну.

[Нестер Пимов]
Инвалид муз

Еще примечание.

Ввиду того, что коллегия начинающих писателей не считает себя достаточно опытной в литературных нравах, она пригласила в качестве специалиста по вопросам этого порядка [гражданина], а также и как метранпажа, — что по-русски значит: страничный мастер,— гражданина Козьму Горячкина. Это очень энергичный человек и весьма искусный организатор; участвуя в гражданской войне, он вполне достойно командовал полусотней башкир.

Коллегия начинающих

⟨2⟩

Почтовый ящик.

Гражданину Иоасафу Затрихееву-Православному.

Вы пишете:

Шагаю по земле тугой
Одной ногой, другой ногой...
Куда иду? И — кто я, где?
Я — муха на сковороде.
А вдруг минуть через три
Ее нагреют изнутри?
И — что же я тогда, куда?
Жить очень трудно, господа!

Пессимизма не одобряем. Вторую фамилию Вашу находим неприличной. В существование «господ» не верим.

⟨3⟩

Гр. Кирику Плёшник.

Вы сочиняете:

«Любовь — слепа, любовь — коварна...
Как хочешь ты ее зови,
А все же сердце благодарно
Судьбе за каждый миг любви!»

Мы против сексуального оптимизма. Мы находим, что восхваление грубого полового инстинкта стоит в резком противоречии с лучшими традициями нашей литературы. Советуем прочитать — и внимательно!— «Крейцерову сонату» писателя Льва — не смешивать с Федором и Алексеями — Толстого. А также поучительную «Бездну» Леонида Андреева и его же «В тумане».

Далее вы разразились:

«Сгорают в пепле люди, Боги
На пламенном ее костре.
Какие муки и тревоги
Тревог и мук любви острей?».

Так-с. Ну, а что же вы скажете о тревогах честного гражданина?

Эх, молодой человек! Плохо начинаете. Во множественном числе боги пишутся с прописной, а не заглавной. Желаем вам владеть вашими чувствами хотя бы с тем, незначительным, уменьем, которое вы обнаруживаете в стихах. Удовлетворяя желание ваше, портрет ваш в журнале помещаем.

⟨4⟩

Артишоки
[Мариучча]

Стихотворение Гвидо Ачетабула

Два сольдо мама мне дала,
«Купи,— сказала,— артишоки,
Но, — берегись!— чтоб тот, высокий...»
Я не дослушала, ушла.
Я знала все, что может мать
Любимой дочери сказать.
Два сольдо мама мне дала.
И вот, я прихожу на рынок.
Высокий — робок, точно инок,
А я — смела, я весела...
Но повозилась я немало,
Пока взяла все, что желала.
Его я горячо любила.
И — вдруг ведут меня в тюрьму...
Не помню, как все это было...
Да! Изменила я ему!
Нет,— он мне изменил сначала.
Как я бесилась, как кричала!
Как все забавно, боже мой!
Не знаю, где теперь высокий...
Со мной уж, кажется, седьмой,
И миновал девятый год,
Как я пошла по артишоки...
А мама-то меня все ждет!

Перевел Аким Углоухов

⟨5⟩

Письмо в редакцию.

Граждане редактора!

Ввиду отказа Вашего печатать в «Сор⟨рентийской⟩ Пр⟨авде⟩» произведения мои, прошу поместить одно из таковых в качестве письма в редакцию; полагаю, что в этом качестве Вы обязаны напечатать его, ибо оно весьма ябедно, что и требуется от письма в редакцию.

Примите меры.

М. Горький

Уступая назойливости гр. М. Горького, печатаем его

«Стон кашееда»

Своих созданий жизнью дорожа,
Установил господь для всех нас норму корма:
А посему: ёж должен есть ужа,
Льву — эфиоп на завтрак — норма.

Миссионер — обед для дикаря,
[Европе обречен дикарь]
Дикарь Европе обречен на ужин.
И, вообще,— короче говоря,—
Закон господен ясно обнаружен:

Чтоб мы не слопали все сущее дотла,
Бог, зная аппетиты наши,
Велел есть всем из общего котла,
А я вот ем из Гефсиманской чаши,
Куда Закревская Мария налила
Какой-то кисленькой и жидкой каши.

⟨6⟩

Заметки.

Быт.

Петр Иванович Гогулин, сидя в Самаре на пристани и покачивая ногой, говорил мне:

— Зарезал я четырёх жён и — не очень жалею.

Отработанный пар.

Баронесса М. И. Будберг запорола сорок семь человек у себя на конюшне. После революции, живя в Италии, в душные летние ночи она избивала комаров, скача по комнате в одной рубашке и в туфлях на босу ногу. Она обливалась пóтом и во время коротких передышек пила лимонад, приговаривая:

— Хоть комары есть! И то бога благодарить!

Но иногда плакала и роптала:

— Это — для Цинцинната занятие, а не для меня...

Люди наедине сами с собою.

Каждый вечер, оставаясь один, писатель П. запирал дверь на ключ, садился к столу и цветными карандашами исправлял опечатки в старых газетах, которые копил на шкапу. При этом он предварительно надевал красный китайский халат и большие очки.

Впрочем, люди очень странно поступают не только наедине, но и вдвоём. Каждый раз, перед заседаниями коллегии «Всемирной литературы», проф. Ф. А. Браун наскакивал на акад. С. Ф. Ольденбурга и пытался — совершенно безуспешно — его забодать.

Я заметил, что новобрачные ведут себя в том же роде.

ИСПЫТАТЕЛЬ

Митька, сын кронштадтского дьякона, обварив бабушку кипятком, спрашивал у отца, когда тот порол его:

— А кожа у неё непременно отстанет? Это — закон природы?

⟨7⟩

Диаложный разговор метранпажа Горячкина с одною весьма страстной испанкой.

— Ты меня не любишь, нет?
— Разве я тебя не целовала?
— Милая, это не ответ!
Милая, мне поцелуев мало!

— Мало,— ты сказал? Как странно!
Разве есть иная аллилуйя,
Разве есть иная осанна,
Больше моего поцелуя?

— Я хочу, чтобы ты пила
Сердца моего горький мед,
Как золотая пчела
Сок цветка жадно пьет!

— Нет, бери всё то, что я даю,—
Я отдать себя безумно рада,
Но не надо мне печаль твою,
Горя твоего — не надо!
— Ну, тогда ты — свинья!

Горячкин, литератор.

Примечание автора.

Диаложным разговором называется [приличная], по-испански, беседа мужчины с женщиной, когда она приличная, неприличная же беседа зовется — полемика. Dio — на испанском языке — бог,— остальное понятно.

Полемика — слово [кажется] русское, [должно быть, от глагола — «ломать» [подре⟨зать⟩]] а, может быть, от слова — полено.

⟨8⟩

Анекдоты
из быта русской провинциальной жизни,
записанные Осипом Тиховоевым
с приложением портрѐта [самого] записавшего.

⟨I⟩

На торжище Всероссийском, сиречь на Макарьевской ярмарке' в цирке, под самым под кумполом, показывали ловкость свою некие немцы, знатно — муж с женою, хотя сия последняя, судя по сложению тела, была ему незаконной, т. е., как все немки, с мужем в церкви не венчана. Но и то надо сказать: какие у них, у немцев, церкви? Чать и войти-то стыдно, не токмо венчаться.

Так вот,— играла в цирке, как полагается, музыка для сокращения конюшенного запаха и внезапно умолкла, что бывает перед тем, как паяцам и фокусникам желательно показать особо опасный фокус. А на сей раз, как сказано, дело было под кумполом, на чрезвычайной вышине.

Молчит музыка и собрание публики — тоже, подняв носы вверх, а в ожидающей тишине и раздался обиженный голос:

— Айда, Степан, домой, эти не расшибутся!

Из чего следует, что каждый человек желает получить за свои деньги наиболее приятное и необходимое ему.

⟨II⟩

Некий уездный предводитель дворянства, будучи женат на бабе испанского происхождения и выслушивая от знакомых похвалы необыкновенной испанской красоте ее, говорил огорченно:

— Вполне согласен, что жена моя довольно прелестна. Но — горе! Вот уже двенадцать годов не может она привыкнуть к русской кухни кушаниям и до того упрямо страдает расстройством желудка, что оставаться наедине с нею даже и на краткое время — нет возможности.

Некоторые полагали, что господин Зыбин говорит так решительно из чувствований злой ревности, однако же было замечено, что детей у него от испанки не было. И хорошо, что не было, у нас и без того иностранцев хоть отбавляй.

⟨III⟩

Иван Иванович Гнеушев, церковный староста у Жен Мироносиц, содержатель торговых бань, а также торговец дровами, попав, по пьяному делу, в Коммерческий клуб, где некий ученый путешественник что ли или кто другой, рассказывал публике, что надобно открыть Северный полюс и другие,— сказал, рассердясь:

— Вот сволочи! И кто им позволяет шебаршить? Откроют они полюса ети чертовы, начнет оттудова дуть и станет у нас еще холоднее!

Когда же ему замечено было, что как сам он торгует дровами, то сие открытие полюсов к явной его выгоде послужить должно,— он ответил даже с негодованием:

— Что ж ты, сударь, думаешь: ежели бы я гробами торговал бы, так мне самому для пользы дела и людей убивать надо?

Окружающие весьма смущены были ответом сим, и с той поры слава Иван Иваныча, как человека умного, весьма упрочилась.

⟨IV⟩

Оранского монастыря монах, отец Гавриил, весьма древний старец, рассказывал, по секрету, знакомым такой исторический случай.

[он] Родитель его, Гавриилов, был в Муроме калашником, и вдруг забегает в Муром сам Бонапарт; в ту пору французы, живя в Москве, до того изголодались, что даже наибольший ихний сам бегал калачи воровать. И вот, эдак-то, забежал к родителю Гавриилову под окно, слямзил калач, а родитель его цап за руку, да за ухо, натрепал, спрашивает:

— Ты что это, а?

А тот ему, со слезами:

— Донне муа калачик пур лё бон Дьё!

Что по-нашему значит:

— Подай, Христа ради!

Тут родитель убедительно и говорит:

— Эх ты, Бонапартишко, неудачный ты человек! До чего ты довел себя озорством. На, возьми, калач-то. Да — шел бы ты до-

мой, к жене, к детям, довольно колобродить. Иди,— из дружбы говорю!

Подумал Бонапарт,— согласился:

— Верно,— говорит,— Семен Васильевич, уйду я, нехорошо тут, у вас, холодно очень.

После этого случая и ушел он с дванадесятью языками своими прочь от нас, а потом, из дома, из Французской страны, прислал калашнику благодарственное письмо, и за письмо это били калашника кнутом, а после заслали в Сибирь, далеко.

Да, вот оно! Ежели ты мелкий человек, хотя бы калашник, ну, всё-таки, храня покой своей жизни, в историю не путайся!

Осип Тиховоев.

Следует продолжение.

⟨9⟩

Поэма о Халифе Али Гассане

I

О, человек! Ты — горделив,
Но, вот, смотри:
Жил где-то в Сирии халиф
Гассан Али.

Дивились люди и слоны
Его уму.
Носил он желтые штаны.
Носил чалму.

Имел он сорок шесть детей,
Сто десять жен.
И множеством других затей
Был окружен.

За каждый маленький грешок
Он жен своих
Сажал безжалостно в мешок
И — в воду их!

Но был он, все же, не тиран
И не буян.
Конечно, он читал Коран,
Курил кальян.

Он воевал, но — не любил
Он воевать.
А если враг его и бил:
«Ну, наплевать!»

Врагу, спокоен, точно линь,
Платил он дань,
Давал ему и фиг и дынь —
Все больше дрянь.

«Ведь умер даже Одиссей,
Хоть Трою брал!»
Затем, с земли своей, со всей,
Он втрое драл.

Со всех сторон ему дарят
Стада скота,
Кто тащит лучший свой наряд,
Кто даст кота.

Он не гнушался малых доз:
Брал купорос,
Для жен — букеты алых роз.
[и мёд] Телят и коз.

Брал судаков, рабов и рыб,
И чай, и мед,—
Все перечислить мы могли б,
Считая год.

Так жил халиф и пил коньяк,
Портвейн, кумыс.
Он всё любил, что любит всяк,
И вы, и мы-с!

II

Сидели нежные халифки
Вокруг бассейна
И пили сладкие наливки
Весьма рассеянно.

Какие дивные округлости!
Какие линии!

Какие бледности и смуглости!
    Но — все в унынии.

Они сидели обнаженными
    И ждали случая:
Придет халиф, и между женами,
    Кто будет лучшая?

Иная воду ножкой бронзовой
    Толкнет слегка,
Но, хоть ты тут китайской бонзой вой,—
    Тоска, тоска!

И мечут дамы взгляды ревности
    Одна другой,
А евнух, воплощенье древности,
        Согбен дугой.
И вдруг одна, сжигая зенками
        Сего осла,
Сжав подбородок свой коленками,
        Произнесла:
«Смотрите,— он еще тощей на мхе
    Седых камней!
Ах, позабыли мы о Штейнахе,
    А — кто умней?»
Шаля, упала вновь нога в струю,
    Мильоны брызг!
А дамы говорят про Австрию,
    И смех и визг. . .

III

Год миновал. Халифу кажется,
    Что он ослеп.
Лицо его черно́, как сажица,
    А взгляд — нелеп.
Как странно, так несвоевременно
    Средь жен его
То — та, то — эта вдруг беременна,
    Но — отчего?
Родятся мальчики и девочки
    Штук по восьми.
Халпф орет во гневе:— «Где очки?
    Черт вас возьми!»

Он твердо знал, что в этом случае
Не виноват.
«Нет,— почему»,— кричал, всех мучая,—
«Гарем чреват?»
«Час от часу все хуже, хуже мне!»—
Кричит халиф.
«Родятся дети в день по дюжине,
Всех жен — в залив!»
Но евнухи прикрыты дамами,
Они в штанах.
Помолодели, смотрят хамами:
«Ура, Штейнах!»

И вдруг толкать халифа начали
В бока, живот,
Затем в родильный дом назначили.
Пока живет.
Он — взвыл:— «Как? Я детей баюкаю,
Утратив жен?»
Так был бесжалостной наукою
Халиф сражен.
О, человек! Не дело ль Демона
К науке страсть?
Не существует ли затем она,
Чтоб рушить власть?

⟨10⟩

Письмо в редакцию.

Граждане коллегия!

Будучи принужден декретом Наробраза № 639092 заниматься саморазвитием в ударном порядке и прочитав книгу сочинения Мариэтты Шагинян под названием «Перемена», прошу сообщить мне: правильны ли указания сочинительницы о революционных переменах в естестве людей и предметов? Она доказывает: «Пахнет подливкой, настоенной на сковородках французским поваром».

Сам бывший повар и имея кумом Михаила Чекалина, бывшего повара будущего царя Кирилла, когда последний был великим князем на бывшей Миллионной — ныне Халтурина — улице, 27,— я сомневаюсь, потому что при старом режиме подливки, т. е. соуса, вообще не настаивались, на сковородках же не настаивались никогда, даже если сковородки были очень грязные.

Затем сочинительница утверждает: «Комендант закусил рюмку водки маслиной, проколотой вилкой»

Не обман ли это зрения и не надо ли читать — комедиант, хотя в романе такого нет? Потому что лишь комедианты могут глотать вилки и ножи, но это для развлечения публики, а не из законной потребности в закуске. Мне доподлинно известно, что при старом режиме никто вилками водку не закусывал, хоша в ту пору народ и не знал, как истратить свою энергию. Впрочем,— был дьякон, который закусывал водку живыми ершами, однако глотая их с хвоста, но дьякона этого следует считать лицом исключительно историческим.

Желательно также понять, что значит:

«Знаменитый вояка Икаев сделал во рту языком на манер перепёлки».

Перепёлкой называется с древнейших времён одна из съедобных птиц, обязанность её — нести яйца и, подчиняясь своей природе, исполнять все другие привычки естества,— которую же из них «вояка Икаев сделал», и почему языком?

Убедительнейше прошу удостоверить действительность указанных сочинительницей перемен в законах природы и кулинарном ремесле.

Заведующий Наробразом г. [Тетюши] Пошехонья,
бывший повар гостиницы «Слон», на Фонтанке.
Нестер Пимов.

С разрешения редакции свидетельствую о прогрессе: Нестер Петрович Пимов — личность действительно существующая,— известен мне по такому поводу: когда он был поваром в «Слоне», то однажды, укладывая на блюдо судака по-польски, сунул судаку в пасть кустик укропа, для [кра〈соты〉] пущей красоты.

Сунул и спросил официанта:

— Это — кому?

— Писателю, в 7-й №.

— Э! А я думал — старой немке.

И, выдернув из судакова рта кустик зелени, Нестер бросил его на пол: [сказав]

— Тащи! Писатель и так сожрёт.

Было это в 1915 году, а теперь — видите?

Метранпаж Горячкин.

⟨11⟩

⟨V⟩

Приметив, что дьякон Обаимов служит обедню не благолепно, бывший наш градской голова Алексей Максимович Губин, по своей обязанности церковного старосты взошед на левый клирос, ухватил [его] дьякона за волосья и патрепал перед самой Херувимской, что замедлило выход с дарами по причине дьяконовой обиды. После сего и некоторых других поступков, объявленный «неосторожным банкротом», сиречь: несостоятельным должником, Алексей Максим⟨ович⟩ снова [обратился] обратясь [1] в почтенного всеми обывателя [и живет], каковым пребывал и [раньше] до выбора в градские головы. Ныне он живет в доме супруги своей на Жуковской улице. Уступая своеобразию характера, он придумал весьма смешную для себя забаву, а именно: купил тихо стреляющее ружьецо и, сидя в комнате окнами на улицу, палит из этого ружьеца в бочки мимо проезжающих водовозов, а также в другие сосуды, наполняемые жидкостями. Велико бывает удивление водовоза, когда бочка его вдруг, по невидимой причине, испускает струю, орошая улицу! А сам Алексей Максимыч добродушно смеется, укрывшись за косяк. Конечно, некоторые водовозы, поняв происхождение дырочки, претендуют, и тогда Алексей Максимович, покрыв ущерб их имущества, продолжает развивать [свою] фантазию.

Сколько [забавного] может сделать человек, свободно упражняя способности разума своего!

⟨VI⟩

Дозволительно думать, что люди нашей благоверной державы именно фантазией ума особо отличаются от всех других иноверов, всюду и всегда непреклонно обнаруживая полет воображения с изгибом во все стороны.

Так, например, кондитер Маломерков, пригласив по случаю новоселья друзей своих и знакомых во главе с духовенством, накормил всех печеньем и пирожным своего изделия, куда подмешал чего-то не вредного, но — смешного; некоторые испытавшие утверждают, что это была жженая пробка. Так ли, нет ли, а истина заключается в том, что подмесь эта возбудила у всех гостей внутренний ветер в животах, сиречь — напор газоподобности. Личные участник⟨и⟩ в развлечении этом смехотворно рассказывали, что вначале те, которые потрезвее, бегали на свежий воздух, якобы — подышать,

---

[1] Незаконченная правка автора.

по слыша, что все другие ведут себя гласно, тоже предались свободе действия. И тогда при всеобщем хохоте присутствующих обоего пола началось такое разрушение атмосферы, что иные дамы, со смеху, повергались в обмороки. И была такая картина, что сидят люди друг супротив друга и, взаимно удивляясь силе духа, рвут коленкор. Надо же придумать эдакое!

Необыкновенная забава эта осталась бы в тесном кругу исполнителей, но, неизвестно как, дошла до ушей и носа известного пьяницы «Красное Домино», и скандалист этот напечатал в газете [«Волжский Вестник»] статейку с намеками и стишками. Тогда против него в ресторане Ожигова словесно выступил с английской точки зрения штабс-капитан Мичурин, доказывая, что каждый в своем собственном доме обязан делать все, что может, а вторжение во внутреннюю жизнь граждан — суть бесстыдство и нахальство и что ежели бы «Домино» знало английскую историю, так в [дру⟨гие⟩] чужие дела не совалось бы, после чего неосторожно ударил «Домино» тарелкой по лбу, несколько повредив бровь, и просил цензора, профессора Осокина, прекратить словоблудие скандалиста.

Это вот у нас очень печально и даже дико, что каждый сует свой нос в чужое и все друг за другом следят, как праведники пред вратами рая, боясь, чтоб сосед не проскользнул туда первым. От этой ревности исходит стеснение свободы духа, робость чувств и скука мыслей.

⟨VII⟩

Сюда же следует приписать событие с доверенным лицом фирмы Дрейфус и К°, которое, прибыв из Одессы, стало доказывать что-то абсолютное, но что именно — не помню. Порфирий Васильевич Костин, биржевой маклер, и Улыбышев, кожевник, долго успокаивали его:

— Брось! У нас, у самих этого абсолютного сколько хошь и девать некуда!

Но, будучи несколько обижены его упрямством, и подпоив, повезли купать в Оку, а в купальне, раздев, написали на корпусе лица, ниже спины: «Абсолютная», и с этой вывеской, оставив сонного вверх ею, уехали. Говорили, что лицо, не прияв шутку, обиделось.

Между прочим, замечается мною, что из Одессы довольно часто приезжают люди необыкновенные, не говоря [уже] о евреях. «Что — город, то — норов», как это и видно из случая с лицом.

Замечается также, что полушария, употребляемые [нами] для сидения на них, полезны не только для этого, и тем еще, что напоми-

нают о шароподобии земли, [но явля⟨ются⟩] а кроме того, являются любезным предметом популярных шуток, предметом, изощряющим ум человеческий.

⟨VIII⟩

На именинах у Мизиновой Ольги Михайлов⟨ны⟩, в саду, в беседке, под утро, когда гости расползлись, именинница, несколько подвыпив, преинтересно и [наи⟨вно⟩] с печалью вспоминала течение своей жизни — историю, удивительную простодушием своим.

— Еще,— говорит,— в девушках предмет любви снился мне всегда рыжим, золотистый такой, не велик, а строен и голубой глазок, а выдали меня [то⟨гда?⟩] на семнадцатом году за черного, [как] первый-то мой, Максим Лукич, цыган цыганом был. В те мои годы студенты в моду [входили] начали входить, и вот явился студент Ешэ, Володя, совершенный, как огонь, чалма волос на голове даже красная [и глазок веселый, хоть и не голубой]. Жил он у дяди своего, доктора, против нас, ну, перемигнулись мы с ним, он мне записочку в окно кинул, камешек ею обернув, я ему тем же способом ответила, и так всё это трепетно хорошо пошло, [и] а вдруг он на святках [пляса⟨л⟩] поехал ряженым к Черноласкиным — запомните фамилию,— простудился и на пятый день душу богу отослал.

— [Года через три, что ли] Поскучала я о нем, оглядываюсь: рыжих немало, слава тебе господи, да все неподходящи: то — кучер, то банщик, был один дьякон, ну этот, кроме чревоугодия, ничем не интересовался, впрочем — в стуколку [ум⟨ел⟩] любил играть, его скоро в село куда-то попом [перевели] поставили. Был персиянин Аксафа-Баба или какой-то вроде, [но] этот был действительно рыжий, но ведь они красятся, да и фамилия — Баба. Не понравился, к тому же вера препятствовала.

Завелся в городе архитектор, не очень рыжеват, [но тоже] а интересный, на гитаре играл и верхом ездил, против толщины своей. Этот оказался дураком, как булыжник, и на деньги жаден, у всех взаем просит. А фамилия — Черняк — подумайте-ка! А [мне уж] мои года за тридцать перекатили, тут Мак⟨сим⟩ Л⟨укич⟩ помер. Поскучала я о нем годок, ну, думаю, уж теперь выйду замуж за любезного. Оглядываюсь: приметнее всех помощник полицеймейстера Захряпин Андрей Федотыч,— помните? Усищи, [руч⟨ищи⟩] бровищи, глазищи. Да. Вдовый он и смелости необыкновенной, так и цапает каждую женщину, как воров ловит. Ой, тут у меня сердце так загорелось — ни днем, ни ночью покою нет. Просто сама готова была сказать ему: не видишь что ли?

[Смело⟨сть⟩] Этого — храбрость погубила, пожарные лошади задавили его, похворал месяца два — помер. Лошадки эти, тройка, вороные были, второй части масть — чусте? Плакала я. Даже подумала: не ты ли это, Максим Л⟨укич⟩, черное на меня насылаешь?

Ну, поскучала, поскучала, оглядываюсь; тут и явился покойник Мизинов, белый, румяный, лысый весь, [и] катается шариком, как молодой юноша, окружил меня, [завертел] Ольга, говорит, Михайловна, дали бы вы Исаие еще раз поликовать? Эх, думаю, Ольга, хватай синицу, нет журавля-то! Обвенчались, да семнадцать годочков я с ним и прожила, и до пятидесяти девяти не покидала меня охота на рыжего; вспомнишь иной раз, даже плакать хочется: господи, что такое? А как [мин⟨уло⟩] стукнуло мне шестьдесят, то вот так же сижу я в именины свои с управляющим нашим, с Бунеловым ⟨?⟩ Василь Васильичем, милой умницей, и вдруг говорит он мне: «[Тридцать] Двадцать три года [лю⟨блю⟩] живу я под боком у тебя, О. М., двадцать три года люблю, оттого и [не] жениться не мог, а ты этого никогда не знала». Гляжу я на него седенького, маленького, на морщинки его гляжу, и вдруг — ужас меня охватил, даже взвизгнула! «Василь В⟨асильич⟩ — кричу,— да ведь ты рыжий! Ведь ты рыжим был всю жизнь твою». Он обиделся: «Что же, говорит, али рыжий не человек?» Тут я ему объяснила] всё, и знаете, заплакали мы оба, старичок со старушкой, да ведь как! И стыдно-то, и жизни жалко, и глупо-то всё. Вот, судари мои, какая слепота бывает и даже как бы насмешка. Ищешь счастья в Рязани, а оно в кармане. [Удивительная история простодушием своим. Вообще если об этих делах серьезно подумать, то необыкновенно]

Черновые редакции

⟨V⟩

. . .вимской и после других [его] поступков, которые, [привe⟨дя⟩] выведя его из состояния градским головой, обратили в почтенного домохозяина, каким он и допрежде был Алексей Мак⟨симович⟩, уступая своеобразию своего характера, придумал очень смешную для себя [и многих] забаву. А именно: купив негромко стреляющее ружьецо, он, сидя у окна дома своего, на Жук⟨овской⟩ улице [палит из] стреляет из этого ружьеца в бочки мимо проезжающих водовозов и в другие сосуды, наполняемые жидкостями. Велико бывает [изум⟨ление⟩] удивление водовоза, когда бочка его вдруг начинает по неведомой причине [испускать струю воды, орошая улицу] орошать улицу, испуская струю! Конечно, водовозы,

поняв, откуда происхождение струи, [жаловались за] претендуют, жалея бочки, но А. М. добродушно [платил им] покрыв ущерб стаканчиком водки, продолжает развивать свою фантазию.

Сколько интересного может сделать человек, свободно упражняя [свои] способности ума!

⟨VI⟩

И вообще дозволительно думать, что именно фантазией народ державы нашей [от⟨личается⟩] особо отличается от других иноверов, непреклонно обнаруживая полет воображения с изгибом во все стороны.

Вот тоже [Маслов Гаврило Филиппыч в себе] Маломерков, кондитер,— обнаружил полет воображения, хотя [уже] и в другую сторону, но тоже с изгибом.

Он по случаю новоселья, пригласив множество друзей и знакомых во главе с [частным приставом] [квартальным] отцом Василием Елеонским, накормил всех печеньем своего изделия, в кое подмешал чего-то не вредного, но смешного, ибо оно вызвало у всех гостей внутренний ветер в животах. Личные участники в развлечении этом смехотворно рассказывали, что сначала некоторые, которые оказались потрезвее, [были] весьма стыдились и [убегали] выбегали на свежий воздух, якобы желая подышать, [на самом же] но, [видя, что] слыша, что другие действуют не сдерживаясь, [дал⟨и?⟩] тоже предались свободе действий. И тогда, при общем хохоте [все] и с участием всех присутствующих началось такое разрушение атмосферы, что некоторые женщины, ослабев со страха, даже в обмороки [будто бы] падали. И была такая картина, что сидят люди и один другого громче рвут коленкор, взаимно удивляясь силе духа. Необыкновенная забава эта осталась бы в тесном кругу исполнителей, но [пьяный] неизвестно как дошла до ушей и носа известного [в то время] всему городу пьяницы «Красное Домино», и этот [стихоплет] скандалист напечатал в газетке «Волжский Вестник» обычную статейку с ядовитыми намеками [на дикость и], а против него словесно возразил там же с английской точки зрения штабс-капитан Мичурин, [дескать] что дескать каждый в своем доме делает всё, что может, а [дескать] вторжение во внутреннюю жизнь — нахальство, и что если бы «Домино» знало историю английскую, так в чужие дела не путалось бы. [Приняв исторический характер, [это животное событие] животное расстройство расползлось еще [дальше и, по нек⟨оторым?⟩ шире] [Но] Придав домашней забаве исторический характер, штабс-капитан [только] еще шире распространил внимание к событию и пришлось просить цензора, профессора Осокина, чтоб

он прекратил словоблудие «Красного Домино». Это, вот, у нас очень печально и дико, что каждый [лезет] сует свой нос в чужое дело и все друг за другом следят как праведники, когда готовясь в рай, [и боясь] [они] боятся, чтоб [их] сосед не обогнал их [А и рай-то какой? Внимание начальства, не больше. Конечно, я против начальства не возражаю] Отсюда [только] стеснение свободы духа, робость в чувствах и скука мыслей.

Осенью 1924 г. Горький, его сын М. А. Пешков с женой, Н. А. Пешковой («Тимоша»), М. И. Будберг, художник И. Н. Ракицкий («Соловей») решили издавать домашний юмористический рукописный журнал «Соррентийская правда» — *СП* (Горький жил тогда в Сорренто). Инициатива в создании журнала, как сообщала Н. А. Пешкова, принадлежала М. А. Пешкову. В первых номерах приняли участие поэт В. Ф. Ходасевич и его жена — поэтесса Н. Н. Берберова. В письме к З. А. Пешкову от 7 октября 1924 г. Горький сообщал: «Затеяли домашний журнал для собственного увеселения, Максим изображает типографию, переписывая все статьи, он же иллюстрирует их вместе с Тимошей и Соловьем, я, Ходасевич, Берберова — тоже поэтесса — пишем стихи и прозу. Выходит забавно. Если тебе встретится что-нибудь смешное, анекдотическое,— пришли, напечатаем» (*Архив* $Г_{XII}$, стр. 292). И в письме М. Ф. Андреевой от 22 ноября 1924 г.: «Приедешь — будешь смеяться. Жизнь у нас — смешная. Издаем журнал „Соррентийская правда“, иллюстрированный, не беспокойся» (там же).

Видимо, к этому времени относится выпуск первого, а к концу 1924 г.— второго номера *СП*: во втором номере описываются события, происшедшие 4 и 6 ноября этого года; в третьем номере журнала упоминается 1205-й номер газеты «Руль», вышедший 18 ноября 1924 г. Вероятно, о третьем номере *СП* идет речь в письме Н. А. Пешковой к Е. П. Пешковой от 15 марта 1925 г.: «Макс <. . .> сейчас еще спешно кончает журнал <...> всё это к Дукину <А. М. Горького> дню рождения» (Архив А. М. Горького, Кн. п. 1984/64).

5 декабря 1926 г. Н. А. Пешкова писала Екатерине Павловне: «Макс работает над последним номером „Соррентийской правды“, хочет окончить к рождеству для А. М.» В том же письме рукою Максима Пешкова: «Сейчас я много работаю над 4-м № „Сорр. пр.“, дней через 10—15 кончу» (там же).

Последний, четвертый номер, вероятно, был выпущен под новый, 1927, год, о чем свидетельствует изображение на шестнадцатой странице журнала отрывного календаря с числом: 1926—31, 1927—1.

Следующее упоминание о *СП* относится уже к 1929 г. 25 января Надежда Алексеевна пишет Екатерине Павловне Пешковой: «Макс кончает „Соррентийскую правду“» (Архив А. М. Горького). Это, вероятно, был пятый номер. Он не был выпущен, хотя, по свидетельству Н. А. Пешковой, материал для него был собран и сделаны некоторые заставки.

При создании многих произведений *СП* проявлялась та непринужденная шутливость, которую вносил в газету, в частности, М. А. Пешков. Об этой атмосфере как нельзя лучше говорит при-

надлежащий ему черновой набросок, сохранившийся в Архиве Н. А. Пешковой:

Раздается с неба звон,
Нам вещает Купидон.
Все, кто жив, и все, кто помер!
«Соррентийской правды» номер
Выйдет к ужину! Ура!
Скоро ль ужинать пора?

Н. Н. Берберова в воспоминаниях «Три года с Горьким» так описывает соррентийские вечера: «Максим и художник Р‹акицкий› занимались нашим „Журналом“. Не помню, как именно он возник и почему, но мы выпускали его ‹...› в одном единственном, но роскошном экземпляре — переписанном от руки и разукрашенном рисунками ‹...›. Он требовал большого труда, но выглядел чрезвычайно великолепно.

Главной заботой редакторов была та, чтобы Горький давал в „журнал“ неизданные вещи. Журнал был юмористический. И вот Горький смущенно входил в комнату сына, держа в руке лист бумаги.

— Вот я тут принес стишок один...

— Нигде напечатан не был?

— Да нет, ей-богу, честное слово. Сейчас сочинил.

— А ну, давай!..» («Последние новости». Париж, 1936, № 5574, 28 июня).

Как правило, свои юморески, помещаемые в *СП*, Горький подписывал шутливыми псевдонимами: Инвалид муз, Козьма Горячкин, Гвидо Ачетабула, Аристид Балык, Тарас Опарин, Тиховоев, Метранпаж Горячкин. Но это не только псевдонимы,— за ними стоят определенные образы, рисуемые писателем; большинство юморесок написано «в стиле» этих персонажей.

Произведения, помещавшиеся в *СП* или предназначавшиеся для нее, в большинстве своем впервые были напечатаны: Архив А. М. Горького, т. XII. Художественные произведения, статьи, заметки. М., 1969, стр. 38—51, а также в газете «Неделя» 1968, № 12, 17 марта, стр. 24.

В Архиве А. М. Горького хранятся: 1. Поступившие от Н. А. Пешковой № 1—4 *СП*. Все они выходили с подзаголовком: «Еженедельный журнал науки, литературы, искусства». Номера журнала сшиты из больших листов плотной бумаги, богато орнаментированы, изобилуют юмористическими иллюстрациями (карикатуры, шаржи и т. п.). На обложке первого номера — дружеский шарж: Алексей Максимович пытается заткнуть пальцем кратер Везувия. 2. Автографы всех произведений (шифры их см. ниже), за исключением автографов «заметок». 3. Имеются также наброски, которые по содержанию можно отнести к материалам, предназначавшимся для *СП* (1924—1926 гг.). Например, небольшой автограф на отдельном листе клетчатой бумаги из блокнота (ГЗ$_V$-6-8):

«Весьма часто «критическое настроение ума» просто дурной характер»

Набил живот я пищей туго,
А думал — угощаю друга!

(Это двустишие, написанное рукою М. А. Пешкова, хранится в Архиве Н. А. Пешковой в собрании материалов для «Соррентийской правды»).

Не станем жертвами болезней,
Здоровым быть — куда полезней!

Печатается по *СП* с некоторыми уточнениями по оригиналам. «Письмо в редакцию», анекдоты печатаются по автографу.

⟨1⟩. СОЧИНЕНИЕ В СТИХАХ О ПЬЯНОМ... — Помещено в *СП* № 1, стр. 5—6. Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 38—41. Автограф (неполный текст) (ХПГ-52-44-5). «Примечания» к этой юмореске сохранились в тексте *СП* и под шифром ХПГ-52-44-9. Печатается по *СП* с незначительными уточнениями по автографу.

Козьма Горячкин — Этот псевдоним, без сомнения, перекликается с именем знакомого Горькому метранпажа «Самарской газеты» И. Горячкина. Отвечая на письмо одного из рабочих «Самарской газеты» в 1931 г., Горький упоминает среди запомнившихся ему лиц метранпажа Горячкина (см. «Горький в Самаре». Горький, 1937, стр. 245).

...древний старец Ной... — Согласно библейскому преданию, однажды «праведник», старец Ной, опьянев, уснул в своем шатре обнаженный. Непочтительный сын его Хам посмеялся над наготой отца, за что Ной проклял Хама и его потомство (Библия, Книга Бытия, гл. 9, стихи 21—27).

Агарь — По библейскому преданию, бесплодная жена Авраама, Сарра, посоветовала ему сблизиться с ее служанкой, египтянкой Агарью, чтобы обеспечить продолжение рода (Библия, Книга Бытия, гл. 16).

Приап — в греческой мифологии — бог плодородия, покровитель земледелия, а также бог чувственных наслаждений.

⟨2⟩. ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК. Помещено в *СП*, № 1, стр. 11. Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 41—42. Автограф (ХПГ-52-44-10). Печатается по *СП*.

⟨3⟩. ГР. КИРИКУ ПЛЁШНИК. Помещено в *СП*, № 1, в разделе «Почтовый ящик», стр. 11. Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 42. Автограф (ХПГ-52-44-9). Вверху, на первом листе,— по-видимому, рукой М. А. Пешкова,— написано: «Почт. ящ.», под текстом, рукой Горького: («Вклеить портрет»). В *СП* — «портрет Кирика Плёшника», нарисованный Н. А. Пешковой. Под заметкой — «от редакции»: «М. Горькому. Патентованных писателей не печатаем, рукописи в корзине. Кол⟨легия⟩ нач⟨инающих⟩ пис⟨ателей⟩».

Федор Толстой — Федор Петрович Толстой (1783—1873), граф, выдающийся русский медальер, скульптор, живописец. С 1859 г. вице-президент Академии художеств.

⟨4⟩. АРТИШОКИ. Помещено в *СП*, № 2, стр. 1. Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 42—43. Автограф (ХПГ-52-44-1). Это стихотворение с некоторыми разночтениями под заголовком «Неаполитанская песня» записано Горьким в альбоме Г. Поляковой-Гиршман. Вслед за текстом Горького в альбоме написано четверостишие Ф. И. Шаляпина:

«И я б черкнул тебе стишок,
Но пред поэтом настоящим
Вдруг чувствую себя пропащим,
Как... перед спаржей — артишок».

Фотокопия этого альбома хранится в Архиве А. М. Горького (ХПГ-52-45), оригинал — в Лондоне, в личном архиве Г. Поляковой-Гиршман.

<51>. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. Помещено в *СП*, № 2, стр. 13. Впервые напечатано в газете «Неделя», 1968, № 12, 17 марта, стр. 24. Автограф (ХПГ-52-44-8). Перед подписью в автографе: «Примите меры».

из Гефсиманской чаши.— См. наст. изд., т. XVII, стр. 493.

Закревская — Будберг Мария Игнатьевна — секретарь Горького.

<6>. ЗАМЕТКИ. Помещено в *СП*, № 2, стр. 7—8. Впервые напечатано (за исключением заметки «Отработанный пар») в газете «Неделя», 1968, № 12, стр. 24. Печатается по *СП*.

Акад. С. Ф. Ольденбург — Ольденбург, Сергей Федорович (1863—1934) — выдающийся русский ученый-востоковед. В течение 25 лет (1904—1929) — непременный секретарь Академии наук. Автор книг «Буддийские легенды», СПб., 1894; «Буддийское искусство в Индии», СПб., 1901 и многочисленных трудов по ориенталистике, этнографии и фольклору, участник издания «Всемирная литература».

Браун — Фёдор Александрович Браун (1862—1942) — ученик А. Н. Веселовского, филолог-германист, был привлечен Горьким к изданию серии «Всемирная литература».

«Всемирная литература» — издательство, основанное в Петрограде в сентябре 1918 г. по инициативе Горького.

<7>. ДИАЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР МЕТРАНПАЖА... —

Помещено в *СП*, № 3, стр. 4. Впервые напечатано в газете «Неделя», 1968, № 12, 17 марта, стр. 24. Автограф (ХПГ-52-44-3). На обороте листка, на котором написана юмореска, имеется написанный рукою Горького текст: «По поводу вторичного посещения морских берегов.

Все — как было».

<8>. АНЕКДОТЫ <I—IV>. Помещено в *СП*, № 3, стр. 7—9. Впервые напечатано в газете «Неделя», 1968, № 12, 17 марта, стр. 24. Автограф (ХПГ-52-44-11).

На Макарьевской ярмарке... — Имеется в виду ежегодная Всероссийская ярмарка в Макарьеве — уездном городе Нижегородской губернии.

Оранский монастырь.— Горький, вероятно, имеет в виду Оранско-Богородицкую мужскую пустынь Нижегородской губернии (основана в 1734 г.), находившуюся в 50 верстах от Нижнего Новгорода, близ деревни Ораны (Поляны) (см. В. В. З в е р и н с к и й. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем, вып. I—III, 1890—1897, ч. II, стр. 254).

<9>. ПОЭМА О ХАЛИФЕ АЛИ ГАССАНЕ. Помещено в *СП*, № 4, стр. 15—19. Впервые напечатано в *Архиве Г*$_{XII}$, стр. 46—48. Автограф (ХПГ-52-44-6). Печатается по *СП*.

Штейнах — Эуген Штейнах (1861—1944) — видный австрийский физиолог, занимавшийся проблемами омоложения.

10. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. Видимо, предназначалось для следующего номера *СП*, который не был выпущен. Автограф (ХПГ-52-44-7).

<11>. АНЕКДОТЫ <V—VIII>. Анекдоты <V—VII> печатаются впервые. Анекдот <VIII> впервые напечатан: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 64—65.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Беловой автограф анекдотов <V—VII> (ХПГ-52-44-12);

2. Черновой автограф анекдотов <V> (без начала) и <VI>, а также анекдота <VIII> (ХПГ-1-14-1). Эти миниатюры предназначались для пятого номера журнала «Соррентийская правда», который не вышел и анекдоты VI—VIII не были «опубликованы». Датируются 1924—1926 гг.

Печатаются по автографам.

Алексей Максимович — Речь идет о нижегородском мещанине А. М. Губине, о котором Горький в статье «Беседы о ремесле» писал: «...Алексей Максимович Губин, церковный староста, бывший городской голова, старый хулиган» (*Г-30*, т. 25, стр. 303; ср.: т. XVIII наст. изд., стр. 425).

Маломерков — кондитер, владелец кондитерского заведения, славившегося в Казани в 80—90-е годы XIX в. (см.: Залкинд Г. «Веселые меню (из истории быта Казанской буржуазии в 80—90 годы)». Казань, 1927, стр. 23 и 30).

Красное Домино — фельетонист Казанского «Волжского вестника» (см. примечания к циклу «По Руси» — наст. изд., т. XIV, стр. 623).

...цензора, профессора Осокина — вероятно, Николай Александрович Осокин (1843—1895) — профессор Казанского университета (Загоскин П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804—1904), ч. 1. Казань, 1904, стр. 144—147).

...Исайе... поликовать — «Исайя ликуй» — слова из церковного песнопения при венчании.

<ЗАПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА>

У МИРОВОГО СУДЬИ

Судья.

— Вы обвиняетесь в краже дождевого зонтика.

— Господа судьи! — сказал я.— Этого не могло быть. Зачем бы мне зонтик? Я никогда ни от чего не прятался. Я не люблю философии. Я всегда шел навстречу всем неприятностям, [нет горя] не было горя, от которого я бежал бы,— зачем мне зонтик.

— Без шуток! — сказал судья.

Публикуется впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-48).

Датируется, предположительно, 1919—1922 гг.

Печатается по автографу.

— Приходит ко мне эдакий бойкий тип и говорит: «Не желаете ли, гражданин, купить у меня партию напильников?» Я, говорю, не желаю, а вот сосед, кажись, желает. Пошли к соседу, а он — слесарь. Покажите, говорит, ваш товар, попробуем...

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 181.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-59).

Написано по старой орфографии. Предположительно датируется 1917—1919 гг.

Печатается по автографу.

СЛУЧАЙ С МИШЕЙ

[У нас на] Жил Миша на Старо-Русской улице в доме Романовых, [хозяин] и домохозяева очень притесняли его. Это была живучая семья такая, лет 300 специально занималась притеснением жителей. Жил Миша и всё терпел. Он тоже был неплохой специалист по этой части. Однако приспел такой час, что и ему стало невтерпёж.

— Фу ты, чёрт, до чего тяжело!

И — решил сделать революцию. Собрал десятка четыре [знако⟨мых⟩] товарищей. [Вооружи⟨лся⟩] Вооружились [чем] всем, что под руку попало, и заявили всем подходящим людям:

— Ребята,— долой хозяев!

Подходящие согласны.

— Вали, Михайло!

— И — чтобы никаких частных собственностей, [а то] потому что от них вся склока.

Опять же все согласились.

—[Верно!] Правильно!

Н-ну, [пото⟨м⟩] пришли к домохозяевам и вежливо приглашают их.

— Вон! и чтоб никакого духа вашего не слышно было! Надоели вы нам, собственники, индивидуалисты.

И все прочие математические слова сказали хозяевам.

Те видят: народа — много, [все] с палками, поежились-поежились и добровольно ушли куда-то в потусторонние местности.

А Мишуха [с народом] с товарищами стал жить да поживать, лозунги везде развесил: «Долой частную собственность» и всё такое, в этом духе. Живет. Но, между прочим, тесно. Некоторые бабы, конечно, ругаются между собою. Домком комом в горле у них стоит, мешает свободно дышать. Выльет женщина помои на улицу из окна или, скажем, еще по старой привычке что-нибудь неожиданное сделает,— скандал; домком кричит:

— Какая же это культура?

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-46-25-1).

Набросок, по-видимому, связан с работой Горького над вторым циклом «Русских сказок» (см. наст. изд., т. XII, стр. 574) и, возможно, такими произведениями, как «Работяга Словотеков», находившимися в русле борьбы партии против «революционной фразы» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 534—535).

Датируется по содержанию, почерку и орфографии 1917—1921 гг. (до отъезда Горького за границу).

Печатается по автографу.

300 лет специально занимались притеснением жителей. — Имеется в виду царская династия Романовых (1613—1917).

Домком, или домовый комитет,— организация, возникшая после Февральской революции 1917 г. для коллективной охраны имущества и жизни проживающих в доме лиц. Позже в обязанности домкома стало входить наблюдение за санитарным состоянием и сохранностью домов, учет граждан и т. д. В 1921—1922 гг. домкомы были заменены домоуправлениями.

— Интересно.

— [Не знаю] Он любил [одну] женщину, [которая] [а она вышла за другого] а она, зная это, вышла за другого. [И вскоре] Вскоре после свадьбы он встретил ее [на курорте] в Крыму, и она [знакомя его со своим мужем, сказала] познакомила его со своим мужем: «Вот мой муж, мы недавно обвенчались». «[Не надолго] Не стоило венчаться на такой краткий срок»,— сказал [ей] брат и [убил] застрелил ее мужа, а потом — себя.

— 〈1 *нрзб*〉

— З〈ачем?〉 Страшно.

— Очень.

— Поэтому вы и скучный такой?

— Дразните вы меня. Зачем?

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-100), часть текста сверху и снизу листа оторвана. Текст: «Очень.∾ Зачем?»— написан на обороте и к предшествующему тексту может быть отнесен лишь предположительно.

Судя по орфографии, написано до 1919 г.

Печатается по автографу.

ПРОФЕССОР

под 60, благообразен, без очков. Сидит за столом, пишет, потирая скулу, подбородок; ворчит:

— Так? А — так? А если — так?

Входит зять его, возбужден.

— Папаша, вы знаете: царь отказался от престола!

— [Так.] Отказался?

— В пользу брата.

— Гм. Что же он теперь будет делать?

— Кто?

— Ну — царь... Он, вероятно, ничего не умеет. Впрочем, у него есть деньги.

— Мне кажется, вы неясно представляете.

— Ну, как же неясно! Очень ясно. Царь отказался царить, значит, уедет куда-нибудь, в Крым, например. В Крыму — хорошо. Еще лучше за границу. В таких случаях цари обыкновенно уезжают именно за границу. [Он] Царь уедет, мы останемся, посадим нового царя, ограничим его. Или устроим какую-нибудь республику. Вот что, не откажи мне, брат...

— За эту какую-нибудь республику погибли тысячи людей...

— Да, да! Как же, я знаю. (*Фальшиво поет*):

Люди гибнут за металл, люди гибнут. . .

— Вы изумительно несерьезно относитесь к событиям.

— Друг мой, какие это события? На что они мне нужны? Ведь все равно: царь не даст денег на изыскания радиоактивных руд [или республика]. Республика, наверное, тоже не даст. Во Франции ассигновки на ученые изыскания ничтожны. И вы видим, что республики тоже воюют, губят миллионы самых здоровых людей страны и вообще. . . всё это, брат, чертовщина! Не откажи, проверь,— где я наврал? Если наврал.

— Я так взволнован, что не могу.

— Действительно, взволнован. Что же это ты?

— [Да] Но поймите. . .

— Да, да, понимаю! Царь отказался и прочее. Но ведь это все поверхностно и пустяки. А вот, когда мы научимся превращать материю в энергию. . . Ушел. Кажется, даже обиделся. Нервозный человек. . . (*Работает.*)

Создайте правительство, способное понять мировое и госуд⟨арственное⟩ значение науки,— вот тогда наступит новая эра.

Главное — уничтожайте своекорыстных.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 150.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-43-3-1).
Судя по содержанию и орфографии, написано в 1919—1922 гг.
Печатается по автографу.

...царь отказался от престола ∾ *В пользу брата.*— В результате победы Февральской буржуазно-демократической революции 2 (15) марта 1917 г. Николай II отказался от престола в пользу брата Михаила.

— Замечательный скорняк жил в Костроме; его спрашивают:

— Понимаешь?

А он:

— Не желаю понимать.

Так в этом упрямстве до старости и дожил.

— Пил?

— Немножко пил.

— Пьяницы — всегда дольше других живут.

— Помогите! Вы человек ученый; наверное, от вас идет вся эта суматоха и всякое безумие поступков.

— А я вам не плачу за квартиру?

— Что ж меня спрашивать? Совесть свою спросите.

— Причем тут совесть? Вы скажите: почему я не плачу?

— Смешной вопросец. Денег нет у вас, видимо.

— Ну да. Денег у меня нет. Вот и всё ясно.

— Газеты пишут несуществующие факты, а я хочу правду знать.

— Н-ну, батенька,— правду!

Впервые напечатано: *Архив $Г_{VI}$*, стр. 184—185.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-62).

По всей вероятности, это записи слышанных разговоров и наблюдений, относящихся к разному времени.

Судя по орфографии, написано в 1919—1922 гг.

Печатается по автографу.

Панфилов Петр Семенович, и⟨сполняющий⟩ д⟨олжность⟩ судеб⟨ного⟩ следователя.

— «В переводе с греческого на русский язык моя фамилия значит: Всёлюбящий. А я вот, по какому-то курьезу, ничего не люблю, кроме уженья рыбы. И никогда не любил. Женщин всю жизнь боялся, хотя был женат; студентом женился на квартирной хозяйке моей, вдове. Жил с нею полтора года, даже 19 месяцев,— адова жизнь! Не стоит вспоминать. Изменяла она мне со всеми приятелями моими, но я даже тайно благодарен был им за их внимание к тучным прелестям ее. Наконец,— с почтальоном, разносчиком писем, на даче. Это уже было противно.

Говорю: „Как [тебя] тебе не стыдно, матушка, накрывать себя разной дрянью!“ — А она: „Он — внебрачный сын полицеймейстера, во-первых, а во-вторых, у него качество необыкновенной стойкости“. Качеством она называла член. Убил ее дантист, вырвал зуб и — заражение крови. Умирая, стонала, звала в бреду: „Миша, Миша!“

А Миша — сосед, гимназист, подросток лет 15-ти».

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 51.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-39).

Датируется по орфографии началом или серединой 1920-х годов.

Печатается по автографу.

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗНАКОМОМ ЧЕЛОВЕКЕ

[Произвол искусства не менее [жестокий] жесток, чем всякий иной произвол].

Рклицкий.

Разбудить ее и сказать, как дитя: [Господи] мне страшно! Х-ха,— говорит он, [потирая] отбросив газету, потирая руки.

[— Ты знаешь,—фальшивую монету делали уже за 580 л⟨ет⟩ до Р. Х. Да. Ахейцы в Италии]

— Знаешь, если б 905-й год привел Россию к демокр⟨атической⟩ респуб⟨лике⟩,— наше участие в войне было бы. . . вероятно, мы уклонились бы от [войны] евр⟨опейской⟩ войны.

Бог и тигр.

[Он] Ему нравилось ласкать жену именно в те минуты, когда она не желала этого.

Кажется я достаточно хорошо оклеветал этого человека, подчиняясь произволу искусства не менее. . .

Я ничего не знаю об этом человеке и [не могу понять] мне не ясно, как, откуда явилась у меня необходимость [думать] [писать] думать о нем. Эта необходимость настойчиво [и упорно] мешает мне [рабо⟨тать⟩] писать что-либо другое, упорно заставляя меня вообразить жизнь человека незнакомого и, в сущности, неинтересного.

— Скорей, скорей,— хочется крикнуть во тьму.

Да, [совершенно] необходимо, чтоб все это шло скорее и— кончилось.

[— Произвол стихии, произвол инстинктов [произвол логики фактов насилующего] и неизбежное насилие [логики] разума, произвольно создающего логику фактов. [Но верь] А факты совершенно лишены логики, [факты просто] взгляни хотя бы на эту [бесс⟨овестнейшую?⟩] войну, циничнейшую из всех войн.

— Вселенная — глупость.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 30—31.

Автограф в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-13).

По бумаге и словам о фальшивой монете, вошедшим в рассказ «Репетиция», датируется 1921—1924 гг.

Печатается по автографу.

Фраза: «*Ему нравилось* ∾ *не желала этого*» — использована в «Жизни Клима Самгина» (ХПГ-21-1-1, л. 102 и 129; см. т. XXII, стр. 257—258).

Ахейцы в Италии — Ахейцы — одна из древнегреческих племенных группировок. Ахейские поселения имелись и на Апеннинском полуострове, в Италии. Чеканка монет началась в VII в. до н. э. в Греции, а фальсификация монет с целью наживы появилась почти одновременно с началом чеканки.

Умирает от туберкулеза костей мальчик-якут 11 лет, священник убеж⟨дает⟩ его причаститься:

— Не стану, ника⟨ко⟩го дела с богом не желаю иметь, я на него сердит; за всю свою жизнь, за 11 лет, я не видел от него ничего хорошего, даже куска сахару не имел! (Когин. На пол⟨юсе⟩ холода).

На о. Лесбосе наследуют дочери, сыновья отстранены от наследования.

[Дьявол вопросительным знаком/Молча стоит передо мной]

Хотя бы волки завыли. . .
Я бы тоже [выл с ними] повыл
забыл.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-93).

Первая заметка датируется 1919—1927 гг. (см. далее).

Следующие разрозненные записи, видимо, сделаны в разное время.

Печатается по автографу.

Когин. — В. Н о г и н. На полюсе холода. М., 1919; изд. 3-е. М., 1927. Выписка, сделанная Горьким, взята из гл. VIII «Верхоянские якуты» (изд. 3-е, стр. 115—116).

— Не философ, а поскольку природою человеческого ума обязан философствовать, — делаю это.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 62.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{IV}$-6-38).

Датируется по орфографии первой половиной 1920-х годов. Печатается по автографу.

— Пришел ко мне человек громаднейшего роста, рыжий, глаза зеленоваты, положил на стол портфель весом с полпуда, вынул портсигар, спрашивает:

— Курить можно?

— Ну-ну, — думаю, — этот из ГПУ.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 64.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-87).

Судя по упоминанию ГПУ, написано не раньше 1922 г. (ВЧК преобразована в ГПУ в 1922 г.)

Печатается по автографу.

Он гордился тем, что первый заподозрил и уличил в склонности к «римской ереси» священника Толстого,— ныне, кажется, кардинала; напечатал о нем письмо в каком-то церковном журнале; показывая наклеенные на коленкор желтые, истертые кусочки бумаги, на которых почти ничего нельзя было прочитать, [он] Яков Яковлевич говорил:

— Это у меня вроде ордена за мою услугу православной церкви!

Он удумал неплохую систему управления государством:

[— Тягота народу — от преступников и монахов, арестанты и монахи суть бездельники. Поэтому: монастыри надо превратить в места каторжных работ, а тюрьмы — в монастыри]. И кто. [согрешил] согрешив, преступил закон,— иди, работай на государство [церковь и] царя, коли на себя работать по законам не умеешь, дурак!

В общем он формулировал свою государственную идею так:

— Для всех, кто жить не умеет, для преступников и бездельников, надо восстановить крепостное право и даже египетское рабство — больше ничего!

Сам он, как человек мыслящий, разумеется, не умел жить.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-89). На обороте листа — запись, вероятно, реплика персонажа, относящаяся к публикуемому тексту:

«[Несчастие России в том] [Горе] Никакого толка из России не будет оттого, что она не принимала участия в Крест‹овых› походах, и вышло, что Европа училась жить у арабов, а мы у татар...»

Датируется по орфографии началом 1920-х годов.

Печатается по автографу.

По содержанию, возможно, примыкает к наброску «Яков Иванович» (см. наст. изд., т. VI, стр. 558), а также к наброску: «О русских попах-католиках: Толстой, нижегородец, теперь, кажется, уже кардинал в Салерно» (*Архив* $Г_{XII}$, стр. 26).

АЛ⟨ЕКСАН⟩ДРА КИРИЛЛОВНА. . .

Ал⟨ексан⟩дра Кирилловна умерла в вагоне, по дороге в Ялту. Макар⟨ов⟩, встретив меня в Третьяковской галерее, сообщил о смерти жены и, задумчиво глядя на картину Саврасова «Грачи прилетели», забормотал:

— Ужасно тоскую. Глупо. Вообще — физическое глупо, все физические явления — бессмысленны. Конечно, они неизбежны, как переходная стадия к совершенному, но всё-таки — тоскую, знаете! Тоскую. Студент, который провожал [меня] ее, рассказал, что умерла она, ловя бабочку, залетевшую в окно купе. Чепуха...

«Сашура» была маленькая, изящная, но — некрасива, хотя острое, лисье лицо ее освещалось какими-то особенно глубокими синими глазами и милой снисходительной улыбкой. Как женщина — была нечистоплотна, она изменяла мужу по крайней мере раз в год; я думаю,— это потому, что скучно ей было жить с ним, человеком только двух тем, одна — русский народ:

— Из-зумительный народ! Невероятно богат духовно!

Другая — стремление мысли превратить — «претворить всю материю в энергию, в психику».

Как-то тихим и душным вечером перед грозою Сашура спросила меня:

— Я вам нравлюсь?

— Очень.

— Что это значит — очень? Вы хотите меня?

— Нет.

— Невежливо. А почему — нет?

— Я этим не играю.

Она задумалась, прищурив синие умные глаза, потом тихонько молвила:

— Вы мне тоже нравитесь, но, знаете, вы — единственный, кого я не хочу захороводить и в кого могла бы влюбиться серьезно, надолго.

— Спасибо.

Смеясь, она сказала:

— Ой, зверь, задала бы я вам жару!

Это она могла сделать, она легко опрокидывала весьма опытных распутников, заставляя их ползать у ног ее, точно ужей, бегать за нею ящерицами. Умная по природе, очень начитанная, она была интересна, а туберкулез наградил ее неутомимым и хотя несколько истерическим, но красивым возбуждением. Хорошо,— хотя и неверно,— говорила она мужу и мне:

— Вы оба — прокрустософы!. .

— Что это значит?

— Прокрустософия — ваше стремление сделать всех людей упрощенными, удобными для вашего понимания. Это — ваша наука.

— Нет такой науки, Сашура,— серьезно сказал Ф.

— Ну, тогда пусть это будет болезнь, психофагия, желание пожирать души...

ее же царство и сила и слава во веки веком! Да, да, да! Всё из нее, через нее, всё к ней».

Он был инженер-атеист, строил паровозы и считал математику высшим видом поэзии:

— Ну, что — Толстой? Это — забава, Толстой! Вы читайте Пуанкаре «Наука и гипотеза» — во-от!

Но, сын старообрядца сибиряка, он говорил: «во веки веком», а не веков, защищал «сугубую аллилуйю» и [находил] видел в хождении «по солонь» некий особый, глубокий смысл. Когда Сашура сказала ему, что любит казацкого офицера, [он] М.— удивился:

— Да ведь он глуп!

Затем пошел к офицеру и спросил его:

— Вы жену мою — понимаете? Любите! Любить ее, батенька, очень просто, а вот понимать — трудно; это очень нежная, очень сложная душа! Она потребует от вас всей порядочности, а я, знаете, думаю, что вы не очень порядочный человек!

Офицер схватив револьвер, прострелил ему левое плечо, тогда Макаров уныло сказал:

— Ну вот, я так и думал: вы — человек глупый! Ну-те-ко, помогите мне перевязать плечо. Да уж хоть молчите, что стреляли в меня, а то Сашуре будет неприятно. . .

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 28—30.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-93-1).

В автографе текст обрывается после слов: «пожирать души», остальная часть страницы не заполнена. Следующая страница начинается словами: «ее же царство и сила».

По бумаге и содержанию датируется 1923—1925 гг.

Печатается по автографу.

. . . во веки веком!— Формула в старых церковных книгах. Осталась как догмат в старообрядческих изданиях церковно-богослужебной литературы.

Вы читайте Пуанкаре. . .— Анри Пуанкаре (1854—1912) — французский физик и математик. В книге Пуанкаре «Наука и гипотеза» излагались философские взгляды ученого, близкие к махизму. Они были подвергнуты критике В. И. Лениным в его труде «Марксизм и эмпириокритицизм» (1908) (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 170, 190, 266—267).

Сугубая аллилуйя — торжественное церковное песнопение. Аллилуйя в честь святой Троицы пелась трижды, но с XV в. часто исполнялась дважды. Эта двойная (сугубая) аллилуйя была запрещена при патриархе Никоне и на Московском Соборе (1667) признана «невежеством». Во времена раскола сугубая аллилуйя приобрела характер догмата старообрядчества.

Хождение «по солонь» — (по солнцу). Вопрос, ходить ли во время церковных обрядов по солнцу (по солонь) или против солнца, возник в XV в. При патриархе Никоне, предпринявшем исправление старых обрядов, этот обряд превратился в догмат раскольников.

[Саша!] Саня! Моя бессмертная душа хочет понять твою бессмертную душу.

— Ах, перестань, пожалуйста, издеваться.

Но —

«Он любил ее, она наполняла дни его радостью».

Ему нравилось ласкать жену именно в те дни и часы, когда она явно не хотела этого, но если б она догадалась спросить его, зачем он делает это,— он не знал бы, что ответить ей.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 30.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-18).

Текст на первой странице автографа обрывается на слове: «Но—», вторая и третья страницы не заполнены.

Датируется по связи с наброском «Александра Кирилловна. . .» 1923—1925 гг. Текст: «Ему нравилось ласкать жену . . .» в ином варианте использован в первой редакции «Жизни Клима Самгина» (ХПГ-21-1-1, л. 102 и 129).

Печатается по автографу.

[Рас⟨сказ⟩] Повесть о веселом человеке Якове Даниловиче Яблочкове:

— Пострелит-те в зубы!

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 58.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-57).

Судя по орфографии, написано в начале 1920-х годов.

Печатается по автографу.

— И весьма вероятно, что больше всего будет жаль [ту] первую папиросу, [которую] которая выкуривается каждое утро всегда с новым удовольствием.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 62.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{IV}$-6-18).

Датируется по орфографии первой половиной 1920-х годов.

Печатается по автографу.

— Есть странная разница между птицами и собаками: чем красивее птица — тем она глупей, чем уродливее собака, тем умнее.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 62.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{IV}$-6-24).
Датируется по орфографии первой половиной 1920-х годов.
Печатается по автографу.

Это — нечто о голове [1].

Атомисты правы — мир создан из ничтожнейших [шариков] частичек, лучшее доказательство этого — моя голова. Ее наполняет [черный горох, миллионы зерен перца] [мелкая] черная пыль, и каждая пылинка — изумительна своей ёмкостью. В одной из них соединены тысячи зимних вьюг, [тех] проклятых русских вьюг, [в которых] которые, кажется, разносят по равнинам России тоску и печаль всего мира. Другая объемлет всю музыку великих, все жалобные песни несчастных, маленьких людей, от Реквиема Моцарта [от] до [*нрзб*] отчаянного крика:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья!

В третьей — [бесконечно] неразрешимо запутанный, огромный клубок дум о боге [душе] или о каком-то иного имени создателе вселенной, пусть это будет механический толчок, самосильно рожденный хаосом. Совершенно безразличны и одинаково непонятны и бог, и толчок. Однако, если б существовал б⟨ог⟩, я бы ему не позавидовал [ибо слишком тяжела обязанность понять этот мир] — я не вижу ничего [что] мудрого в том, что он заменил хаос космический хаосом человеческим и хаосом в моей голове. Но — бог не существует, и проклятая обязанность понять этот мир лежит на человеке, только на нем. Конечно,— всё можно понять [и не всё], стоит только всё упростить, для чего [стоит только] нужно подчиниться тому или иному вероучению [без] многочисленных школ миропонимания. Но — упрощать не хочется. Я — не святой, и мне претит добровольное нищенство. Да я и без упрощения чувствую себя достаточно нищим.

Вот черная пылинка, в которой соединено всё, что в течение жизни думалось о женщине, все [чувствования] чувства и мысли, вызванные ею. Это — тоже хаос, [который] но он, должно быть, никогда не получит толчка, который хоть немного гармонизировал

---

[1] *Тексту предшествуют две вычеркнутые фразы*: Черный горох. Это — очерк содержимого одной человеческой головы.

бы его, хоть настолько, насколько удалось придать будто бы стройную систему вихрям космоса. [Это] Очень острая и колкая пылинка, [в ней объединены ирония и нежность, гнев и] ибо, думая о женщине, нельзя не думать о любви, а [отсюда] [здесь] отсюда и начинается обильный источник горестей.

В четвертой пылинке заключено всё, что знаешь о людях. [Это не] Этого — немного, но оно очень тяжело.

[Если] Да, так вот, каждая пылинка — [полный] целый мир дум и чувств, которые не вышвырнешь из души своей так просто, как что-то или кто-то швыряет ненужные звезды в синюю [пустоту] пропасть небес.

Таких пылинок, нужных и не нужных памяти,— миллионы, [и] все они [черный] помещены в моей голове и все [будто] неутомимо кружатся, вихрятся [с такою] с таким же смыслом, как созвездия и планеты.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 109—110.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-48-8-1). На полях первой страницы вверху надпись другими чернилами: «Исключенный третий. Эпиграф из прик‹лючений› Нижн‹егородского› мещ‹анина› Баранщикова». Ниже — фамилии: «Мусин-Пушкин и А. А. Савельев, Ловцов И. А.».
Датируется 1923—1925 гг.
Печатается по автографу.

Последний нонешний денечек . . . — Рекрутская песня. См.: «Новейший сборник. Песни, романсы, дуэты и проч.» М., 1906, стр. 16.

Жил-был господин Смолокуров, особенно качествами не отличался, но весьма заметен был рыжими усами, нечеловеческой величины.

И вот что случилось с ним: сидит он вечером в трактире, и слышит: два человека в уголке за столиком разговаривают вполголоса, вдруг один из них с досадой советует:

— Да ты бы ее убил!

«Очевидно,— жену!»— тотчас решил г. Смолокуров — у него были причины именно для такого решения,— решил и насторожился, вслушиваясь.

Но больше он ничего не мог разобрать в речах этих людей.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 108—109.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-49-18-1).
Датируется 1923—1925 гг.
Печатается по автографу.

Смолокуров был человек, достойный своей судьбы.
Люди у нас обыкновенные.

— Господи! Он — дурак.
И сказал Господь:
— То-то я гляжу: у него рожа восторженная.

— Помоги!
— А на что ж я тебе разум дал?

Ненужные вещи [нужнее] красивее необходимых, [а] потому они [и] нужнее.

В Праге на Съезде уч⟨еных⟩ евразиец Савицкий провозгласил здравицу Чингизхану.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 61—62.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-17).
Датируется по содержанию 1924 г.
Печатается по автографу.
Первая из этих заметок связана с наброском «Жил-был господин Смолокуров».

Ненужные вещи красивее...— Использовано в первой редакции первой части «Жизни Клима Самгина»: «Вы не находите, что в жизни много лишнего? ⟨...⟩ А мне нравится именно лишнее. Необходимое — скучно... Необходимое — порабощает. Все эти сундуки, чемоданы, кровати — ужасны!» (ХПГ-20-1-1, л. 71).

В Праге на съезде уч⟨еных⟩ евразиец Савицкий... — Евразийство — общественно-политическое течение среди части русских эмигрантов. Идеологические предпосылки евразийцев были изложены в книге одного из лидеров этого движения кн. С. Н. Трубецкого (1890—1938) «Европа и человечество» (София, 1920) и в сборнике: «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», кн. 1. София, 1921. Евразийцы проповедовали борьбу с пережившей себя, по их мнению, эгоцентричной романо-германской культурой и противопоставляли ей культуру евразийскую, возникшую на основе культурно-исторического взаимодействия восточных славян и азиатских народов. Россия, как центр евразийской культуры, должна была стать, по утверждению евразийцев, «идеологическим средоточием мира» (П. Савицкий. Поворот к Востоку.— В сб.: «Исход к Востоку», стр. 3).

Горький был знаком с работами С. Трубецкого. 30 декабря 1921 г. он писал Е. П. Пешковой: «В Софии проф. Трубецкой объявил себя евразийцем и всех русских тоже так обозвал, а Европу, со всей ее культурой, предал черной анафеме. Максим хочет иллюстрировать это событие, а я равнодушен, делайте что хотите — мне некогда, надо работать» (*Архив* $Г_{IX}$, стр. 216). О своем резко отрицательном отношении к евразийцам Горький писал И. М. Касаткину: «...есть такая секта эмигрантов, утверждающих, что Русь — не Европа, не Азия, а Евразия. Это несколько напоминает бездар-

нейшую болтовню Иванова-Разумника о Скифии» (М. Горький. Письма о литературе. М., 1957, стр. 316).

25 сентября—2 октября 1924 г. в Праге происходил третий съезд русских ученых-белоэмигрантов, именующих себя представителями Русских академических организаций за границей. На съезде выступил П. Н. Савицкий с докладом «Основные черты хозяйственно-географической природы России». Савицкий «пригласил в заключение присутствующих приветствовать великого Чингис-хана, как первого идеолога Евразии» («Руль», 1924, № 1167, 4 октября).

В 901 году, в Нижегор⟨одской⟩ тюрьме, под окном моей камеры, [человек устало] молодой арестант, сидя на траве, рассказывал старику надзирателю:

— Человек я тихий, а [вот что] такое наделал,— сам себе не верю. И тебе рассказать — не поверишь. . .

— Правду скажешь — поверю. Я знаю, как правда пахнет. Ну, однако, всё вы врете. . .

— Зачем я буду врать, чего выиграю?

Голос [и ар⟨естант⟩] арестанта звучал [тихо] задумчиво, голос надзират⟨еля⟩ — строго. . .

— Черный день пришел. С утра, как я вышел лошадь запрягать, началось это самое. Собака была у нас на дворе, умнейшая собака, [но] и будто она сблудила чего-то, дворник [погнался за ней; загнал ее в угол] подманил ее к себе: «Буська, Буська», и убил [там] шкворнем [по]. А она, знаешь, подбежамши к нему, легла. . .

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 109.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-17).

Датируется по орфографии 1923—1925 гг.

Печатается по автографу.

В 901 году, в Нижегор⟨одской⟩ тюрьме, под окном моей камеры. . . — По обвинению в революционной пропаганде среди сормовских рабочих и приобретении мимиографа для печатания прокламаций М. Горький 17(30) апреля 1901 г. был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму. Освобожден 17(30) мая и отдан под «особый надзор» полиции.

Четверо людей играли в преферанс.

— Пики,— объявил солидный [толс⟨тый⟩] человек, надув толстые багровые щеки и шевеля седыми усами.

— Трефы,— сказал его партнер, очень смуглый, черноволосый, в [золотых] очках.

А Валет пик шептал Даме своей масти:

— Статский совет‹ник› — проигрывает, [потому что] он не хочет, чтоб выигрывал его партнер, он ревнует его к жене.

— Есть основания? — спросила Дама.

— О, да! Предыдущую сдачу я был в его руках и знаю, [как] что он думает.

Король треф усмехнулся.

— Нет, до чего самонадеянны люди!

— Не правда ли?

— Нас — двенадцать, их — четверо, и они думают, что играют нами, тогда как. . .

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 63.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-42-20-3). На этом же листе — шесть строк начала произведения «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 423).

Датируется 1923—1925 гг.

Печатается по автографу.

Из умных обмолвок М. И.

— «Она прошла мимо того, чтобы стать красивой».

Сказано о молодой женщине, лицо которой, почти красивое, было как-то излишне «записано», не раскрашено, а именно «записано», как это случается с портретами художников,— тех, которые не умеют воспроизвести индивидуального в красивом лице, боясь нарушить то, что они принимают как симметрию.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 246.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-11).

По содержанию и орфографии датируется, предположительно, 1923—1928 гг.

Печатается по автографу.

М. И. — Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, 1892—1974) — секретарь А. М. Горького. О своем знакомстве с А. М. Горьким Будберг вспоминала в 1961 г.: «Я так много слышала о нем, читала большинство его книг. Однако я была изумлена смесью жизнерадостности, версальской повадки, смелостью, веселым нравом, целеустремленностью. С тех пор я была тесно связана с ним и его семьей. Россия, Германия, Чехословакия, Сорренто. . . Когда он покинул Сорренто и вернулся в Россию в 1933 году,— мы все время продолжали быть в контакте» (*Архив* $Г_{XII}$, стр. 388).

Женщины — две — моют [труп] умершего, одна из них — помоложе — омывая мужское место, сказала, вздохнув:

— Какой. . . божий, батюшка!

[Это факт] В разное время я рассказывал [об этом факте]

это трем литер⟨аторам⟩, все они [от⟨неслись⟩] [нашли] [отнеслись к этому факту] оценили этот факт, как «порнограф⟨ический⟩ анекдот», а все трое стр⟨адают⟩ склонностью к филос⟨офии⟩.

Им же я сообщил такое.

По улице идет сильно голодный человек, пред ним откуда-то сверху падает и катится к ногам его сер⟨ебряный⟩ рубль, человек хватает его, смотрит вверх — из окна ему улыбается женщина, протягивая руку с корзинкой в ней.

— Спасибо,— говорит она,— бросайте, я поймаю!

Бросил, поймала, голодный поклонился ей, [и] понес свое пустое брюхо дальше.

— Честный парень,— сказал один литер⟨атор⟩. [Другой] Сентиментален,— сказал другой, а Куприн сказал: — Дурак.

Может быть, тут столкнулись два инстинкта?

Публикуется впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{VI}$-8-20).
Датируется по орфографии концом 1920-х — началом 1930-х годов.
Печатается по автографу.

Зиновий Пешков рассуждает как истый военный. По его уверениям, люди всего лучше перед боем, перед смертью. Возможно, что он прав,— каждый раз, когда я думаю о необходимости самоубийства, все мое плохое куда-то исчезает.

Может быть, это я сам прячу его, из жалости к себе? Но я так мало жалею себя. Однако в этом скрыта некая хитрость. Хотя к смерти я отношусь равнодушно, а все-таки как-то неприлично убивать себя.

Для успокоения памят⟨и⟩:

Гуго Марк, основатель Института физики в Москве, уморил себя голодом после того, как жена, [ум⟨ный⟩] очень интеллигентный, интересный человек, ушла от Гуго к наезднику из цирка.

А. Блок — рыцарь «Прекрасной дамы», слуга Энойи, лучший лирик первой четверти XX века. Его жена, дочь гениального Менделеева, ушла с клоуном.

«Ася Тургенева», жена оригинальнейшего А. Белого, бросила его ради бездарного поэта, пошляка и уродца Кусикова.

Вдова Н. Е. Каронина-Петропавловского вышла замуж за архиерейского певчего.

И т. д.

Только м-ме Жорж Занд выбирала любовников, как [х‹оро-ший›] [истинный гурман. . .] истинный гурман пикантные блюда.

«70-летний механик Мейзер застрелил свою 56-летнюю жену, после чего застрелился сам. Мотив преступления — ревность».

Хроникер итальянской газеты по этому поводу написал бы: «Он [не понимал] не мог понять запросов ее роскошного тела».

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-50).

Датируется по содержанию и орфографии предположительно концом 1925 — началом 1926 г.

В письме В. М. Ходасевич от 8 октября 1925 г. Горький писал: «Все здоровы, кроме нижеподписавшегося, который, по причине раздерганных и раздергиваемых нервов, кажется, сходит с ума ‹. . .›. Да,— был однорукий и хромой Зиновий Пешков, очень интересно рассказывал, как дерутся в Марокко» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-48-9-8). Переписка с М. И. Будберг, относящаяся к октябрю — декабрю 1925 г., показывает, что в набросках отразились некоторые моменты личной биографии Горького. 23 октября 1925 г. М. И. Будберг писала: «Думала я еще вот как: значит,— вот так кончить? Уйти с каким-то человеком, заменить этого, огромного, любимого моего друга, обидеть его? Повторить банальную историю — уйти от большого человека — к маленькому? . .» (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-89). 30 декабря 1925 г. Горький написал большое письмо М. И. Будберг, в которое вошли некоторые факты, упоминаемые в набросках.

Печатается по автографу.

Энойя — религиозно-философское понятие, введенное христианским гностиком Симеоном Гиттоном, означает «гармонию мысли и красоты», идеал их единства, находящий воплощение в женщине; символ вечноженственного (см. об этом в кн.: А. Луначарский. Религия и социализм, т. 2. СПб., ‹1908›, изд. «Шиповник», стр. 83—85).

«70-летний механик Мейзер ∾ *ревность»* — вырезка из газеты, вклеенная в заметку.

Анатолий Куприянов,

дядя [писате‹ля›] жены Скрябина, урожденной Исакович, дочери нижегород‹ского› адвоката.

Ее мать разошлась с мужем, противнейшим человеком, после многих приключений умерла в Петербурге, в «Больнице для чернорабочих».

Одна ее сестра — Вар‹вара› Панютина, жена директора Александ‹ровского› Дворян‹ского› банка. Отравилась раствором меди в соляной кислоте. См. В. Г. Короленко.

Другая: княгиня Имеретинская, известная всей Европе своим авантюризмом.

Красота Анатолия, его физическая сила. Стихи. Леонид Граве и Д. Леопарди. Ретиф де ля Бретон и князь Урусов. М-ме Каспари.

«Как прачка, после стирки долгой,
Уснула Балахна над Волгой» и т. д.

«Даже в сонме дураков
Первым быть не вправе,
Есть Приклонский, Образцов,
А затем уж — Граве».

«Сколь надо мощную культуру,
Чтоб эту окарнать натуру».

Ильинский, дьякон и черти.

Ив⟨ан⟩ Матвеевич Котлов.

— Завтра, Пелагея Антоновна, экватор переедем.

— Ну, слава богу! Хоть будет на что посмотреть. А то все вода, вода,— надоело!

Команд⟨ующий⟩ войсками Одесского округа ген⟨ерал⟩ Эрдели, или Эрбенов, собрал переводы «Шерлок Холмса» на всех языках Евр⟨опы⟩, включая турецкий, греческий и даже, будто бы, на эфиопском. Этого ему не хватило. Он заказал кому-то перевод на латинский язык, издал перевод и является единственным во вселенной человеком, который имеет Конан-Дойля на языке Марка Аврелия и Овидия.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{II}$-3-49).

Написано, судя по содержанию и орфографии, в 1920-е годы. Ср. с заметкой «Зиновий Пешков рассуждает. . .» (см. в этом томе, стр. 661), написанной в это же время.

Возможно, относится к замыслу произведения Горького о русских «чудаках», «анекдотических людях» и ситуациях.

Печатается по автографу.

Леонид Граве ⟨. . .⟩ Д. Леопарди — См. т. XV наст. изд., стр. 618—619 и т. XXV, стр. 268. В одном из писем Горький писал: «У нас Леопарди переводили Леонид Граве, Голенищев-Кутузов — кажется? и конгениальный Леопарди Бутурлин. Знатоки единогласно говорили, что все переводы — не достойны творца теории infelicitá» (письмо В. Н. Терновскому, 15 декабря 1930 г.— Архив А. М. Горького, ПГ-рл-43-7-2).

Князь Урусов — А. И. Урусов (1843—1900) — юрист, кандидат прав, служил защитником в Московском окружном суде, сотрудничал в «Библиотеке для чтения» («Курьер», 1900, № 197, 18 июля)

Как прачка, после стирки долгой. . .— В одном из писем 1930-х годов Горький писал: «О Балахне — нужно найти поэму Лео-

нида Граве, нижегор⟨одского⟩ стихотворца. Не помню ее титула, начинается стихами:

„Как прачка, после стирки долгой,
Уснула Балахна над Волгой",

изображает сатирически взаимоотношение администрации к различным группам интеллигентов» (письмо Горьковскому Краевому Комитету ВКП(б)) (Архив А. М. Горького, ПГ-коу-63-9-2).

Моему знакомому П. некто, обладающий даром предвидения, сказал:

— Вы — не тот, за кого выдаете себя. Вы человек жадный, но трусливый, вы очень чувственный человек, но уродуете себя и насилуете, подчиняясь посылкам от разума. Вам кажется, что, как русский интеллигент, вы не должны давать себе волю.

П., [вы⟨слушав⟩] слушая это, очень волновался, но сердился [делая] и делал вид, что он относится к этой его характеристике несерьезно.

Однако — это расстегнуло какую-то пуговицу.

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-46).
Датируется по орфографии началом 1920-х годов.
Печатается по автографу.

Схватила его за мужское место, [бол⟨ьно⟩] крепко стиснула пальцами, и, вытаращив глаза, замычала.

— Ну-у? Что-о? Эх, ты, жидкой. Мямля. . .

Грудастая, басовитая, толстые губы и коровьи глаза.

Кузнец Горохов — Грохов — сын Авдей — лиходей
Братья Досужевы — богачи
Ефимья —
Прасковья — начетчица
Серах — Серков, плотник
Матвей [Грязнов] Белкин — вредитель
Димка [Векшин] Гоголев [с крестом георг⟨иевским⟩]

Вернулся с войны младший Досужев на костыле, началась между братьями ссора.

— Он все мои качества истребил. Лошадь — где? Овцы?

А у него борода
Не чесана никогда,
Вощи гнезда в ней вьют,
Мыши крошки жуют — и-эх-ты-й.

Разум природы — разум человека
Грохов — соб⟨рал⟩ деньги, купил книг — вор.

Серах.

«Мучают землю».

Медвежьей шкурой снегам, как

Его не удивила встреча с Гроховым — этот парень всегда и везде являлся, [там] где плохо, он как бы говорил, знаменовал своим присутст⟨вием⟩: здесь — плохо.

— Я разве украл? Дурачье.

И объяснил: украв, вор сначала прячет краденое, [притворяется честным] потом продает его, а деньги тратит на себя.

— А я — чего сделал? — Я вот книжек купил и отдаю вам — нате! А вы бы деньги зря истратили на водку, девкам на угощенье, черти зеленые.

И на этот раз его пробовали избить, но он силен и ловок.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 165.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-9-14).

Запись представляет собой несколько заметок, сделанных на разных сторонах листа.
Можно предположить, что эти записи, как и заметки «Город — в сапогах ходит ∾ та-ак», делались для памяти, вне связи с сюжетами конкретных рассказов. По мыслям их можно соотнести с написанными позже (1934—1935) рассказами «Экзекуция» и «Бык» (см. наст. изд., т. XX).
Датируются, предположительно, 1925—1928 гг.
Печатаются по автографу.

В ПОТУСТОРОННИХ МЕСТНОСТЯХ

Конечно — «инобытие», но каждый бывший земной человек остался самим собою [как бы] для вечного упрека:

— Вот гляди, несчастный, до чего ты себя довел.

Благоустроено, однако — скупновато.

Температура нормальная. Всё освещено «высшим разумом», и очень многие этим недовольны: в их числе Ф. М. Достоевский, хотя сам же [эти] это освещение одобрял.

Сидит в тени, оживленно беседуя с великомученицами Екат⟨ериной⟩ и Варварой, выспрашивает:

— Больно было?

Претерпевшие девушки кокетничают, впрочем,— умеренно.

У частокола из людей с непоколебимыми убеждениями — столик зеленого сукна, и Лев Нико⟨лаевич⟩ Толстой играет в преферанс с Артуром Шопенгауэром, Тимоном Афинским и графом Джакомо Леопарди.

В стороне, косясь на играющих неодобрительно, Алексей Феофилактович Писемский кушает подовые пироги.

Пушкин идет, А⟨лександр⟩ С⟨ергеевич⟩, видимо, воображая себя на гранитной набережной Невы. Задумчив, должно быть,— сочиняет, по обыкновению.

Два императора: Октавиан Август и Александр Павлович Благословенный. Сей последний, толкнув римского локтем в бок, говорит:

— Видите, ваше императорское величество, курчавенького? Это — мой поэт, я его в Бессарабию сослал однажды.

— И что же, в⟨аше⟩ и⟨мператорское⟩ в⟨еличество⟩?

— Ничего, очень доволен был. . .

— А я, в⟨аше⟩ и⟨мператорское⟩ в⟨еличество⟩ Овидия Назона туда же сослал — очень жаловался Назон.

— Сочинители — капризнейшие люди, в⟨аше⟩ и⟨мператорское⟩ в⟨еличество⟩.

— Я тоже так думаю. . . Между прочим, Назон ⟨*нрзб*⟩

Глеб Успенский — выпивши и в сильном возбуждении ума.

Зинаида Гиппиус изготовляет райские ядовитые духи. Она — с крыльями, но это не те, [в которых] с которыми за спиною она выступала публично в зале Петерб⟨ургского⟩ Кредитного общества, хотя тоже бумажные и, кажется, из сочинений Антона Крайнего.

Жорж Занд.

Анатоль Франс.

Скаррон и Агриппа Д'Обиньи.

Джонатан Свифт и Лесаж.

Генрих IV-й и Луиза Аккерман,— король ругается, но — негромко [Луиза же ⟨?⟩ пони⟨мала⟩]

Конечно,— Наполеон, Победоносцев, К. П.

Неопалимая Купина.

Саваоф за кустами недоволен:

«Ну, и насоздавал же я!»

Общее разногласие.

И. А. Бунин разучивает Осанну по нотам, тоже недоволен, но — что делать? Надо же [нам] Осанну-то провозгласить

[Кирилл]. Климент Александр⟨ийский⟩, Аристотель.

[Платон и Лобачевский]

Илья Ильич Мечников и все другие.

Впервые напечатано: *Архив Г*$_{VI}$, стр. 106—107.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-3-2-1).

Набросок, очевидно, сделан в 1926 г., о чем свидетельствует письмо Горького к В. М. Ходасевич от 28 декабря 1926 г. (см. *Архив Г*$_{VI}$, стр. 232).

Печатается по автографу.

... с великомученицами Екатериной и Варварой...— Согласно церковной легенде, Екатерина — девица знатного рода из г. Александрии, известная своей ученостью,— сама пришла к признанию христианства. Максимин, правитель восточных областей Римской империи, противник христианства, организовал диспут философов и ученых о религии, из которого Екатерина вышла победительницей. После этого ее подвергли пыткам и казнили. Датой ее смерти церковь считает 24 ноября 305 г. («Жития святых, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского», кн. 3. М., 1902, стр. 659—681). Варвара — христианка из гор. Илиополя (восточная провинция Римской империи — Финикия). По повелению правителя Финикии Мартиана в период гонения на христиан подверглась пыткам и была казнена; палачом пожелал стать ее отец — язычник. Датой ее смерти церковь считает 4 декабря 306 г. (там же, кн. 4, стр. 75—88).

... Толстой играет в преферанс с Артуром Шопенгауэром, Тимоном Афинским и графом Джакомо Леопарди.— В 70-х годах Л. Н. Толстой пережил увлечение пессимистической философией немецкого философа Шопенгауэра (1788—1860) и итальянского поэта философа Леопарди (1798—1837). Не принимая в целом философию пессимизма как систему, Толстой ценил ее религиозно-этические аспекты. *Тимон Афинский* — знатный афинянин, в период кризиса греческой демократии (V в. д. н. э.), резко выступал против падения нравов.

... косясь на играющих неодобрительно...— Вероятно намек на то, что А. Ф. Писемский неоднократно подчеркивал свой «мужицкий» демократизм. Однажды он сказал Григоровичу: «Оставили бы, право, писать о мужиках, где вам, джентльменам, заниматься этим? Предоставьте это нам; это же наше дело — я сам мужик!» (Д. В. Григорович. Полн. собр. соч., т. XII. СПб., 1896, стр. 315).

Пушкин... на гранитной набережной... — Ср. «Евгений Онегин», гл. I, строфы XLVII и XLVIII.

... я его в Бессарабию сослал однажды.— Пушкин находился в ссылке в Бессарабии в 1820—1823 гг.

Овидия Назона туда же сослал.— Римский поэт — Публий Овидий Назон в VIII в. н. э. был сослан императором Августом Октавианом на берег Дуная в местечко Томы, где написал «Скорбные элегии».

Она с крыльями... — В 1928 г. в статье «О белоэмигрантской литературе» Горький писал о Зинаиде Гиппиус:

«В 1901 году она в концертном зале Петербургского кредитного общества, выйдя на эстраду в белом платье, с крыльями за спиною, объявила публике:

Я хочу того, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

Через 20 лет ей захотелось «повесить» большевиков «в молчании», т. е. того, чего хотят все негодяи мира нашего.Так и писала:

Повесим их в молчании.

Как странно меняются вкусы!» (*Г-30*, т. 24, стр. 337).

... из сочинений Антона Крайнего.— З. Гиппиус выступала как литературный критик под псевдонимом «Антон Крайний».

Жорж Занд (1804—1876) — псевдоним французской писательницы Авроры Дюдеван.

Анатоль Франс (1844—1924)—псевдоним Анатоля Франсуа Тибо. Французский писатель, блестящий эрудит и стилист. В статье «Об Анатоле Франсе» Горький писал: «Анатоль Франс для меня совершенно равен величайшим гениям всех стран» (*Г-30*, т. 24, стр. 250—251).

Скаррон Поль (1610—1660) — французский поэт, сатирик и пародист, автор бурлеска «Вергилий наизнанку».

Агриппа Д'Обинье (1552—1630) — французский поэт и политический деятель, протестант. Мастер политического памфлета, прозванный Ювеналом XVI в.

Джонатан Свифт (1667—1745) — английский сатирик, автор «Путешествия Гулливера».

Алэн Рене Лесаж (1688—1747) — французский романист и драматург, автор сатирических, остросюжетных романов «Хромой бес», «История Жиль Блаза из Сантильяны».

Генрих IV (1553—1610) — французский король, участник религиозных войн во Франции. О бесстрашии, жизнерадостности и популярности Генриха IV Горький писал в повести «В людях» (см.: наст. изд., т. XV, стр. 395).

Луиза Виктория Аккерман (1813—1890) французская поэтесса. Характерная черта ее поэзии — пессимизм. Ей принадлежат четыре книги стихов: «Сказки» (1855), «Первые стихотворения» (1864), «Философские стихотворения» (1875) и «Мысли отшельницы» (1883). Неоднократно ее цитирует Е. Коро в своей книге «Пессимизм в XIX в.», которую Горький читал в 1893 г. К рассказу «За бортом. Элегия» (1896) писатель взял эпиграфом строки Л. Аккерман (см.: наст. изд., т. II, стр. 541).

Неопалимая Купина — по библейской легенде — терновый куст, горящий, но не сгорающий, в котором Саваоф (одно из имен бога) явился Моисею и приказал ему вывести евреев из Египта.

Победоносцев К. П. (1827—1907) — обер-прокурор Святейшего синода, вдохновитель реакции. Горький писал о нем: «Дряхлый демон России, прокурор церкви Христовой, слуга насилия и апологет его» (*Г-30*, т. 23, стр. 359).

Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) — христианский богослов, жил в Александрии (Египет); в своих сочинениях пытался соединить учение церкви с неоплатоновской эллинистической философией.

Мечников И. И. (1845—1916) — русский биолог, материалист.

Лобачевский (1792—1856) — великий русский математик.

— Трудно признать культурным человека, который не умеет достаточно опрятно пользоваться [уборными] уборной.

Будь я наивным человеком, я сказал бы: худо или хорошо говорят обо мне,— обо мне всегда говорят как о человеке, которого я не знаю.

В сущности, каждый «идеал», почти всегда превращаясь в идола, служит для нас лишь предлогом делать злое врагам своим или даже просто людям неприятным для нас.

Говоря о справедливости, не следует помнить о тех людях, которые в день торжества ее будут горько плакать. Не следует,— таких людей — много.

Печатается впервые.
Автограф —в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-22). На обороте запись о К. И. Чуковском (II).
Датируется 1926 г., предположительно,— по записи о К. И. Чуковском — и по бумаге.
Печатается по автографу.

О ВЫВЕСКАХ ОСТРОУМНЫХ

В городе Костроме на одной вывеске изображено:

«Циник и лудильщик».

В Москве, на Трубной, над дверями пустого магазина сказано:

«Магазин закрыт навсегда».

Там же, в одном из переулков, вывеска изображает детскую кроватку с ребенком в ней, а ниже [надпись] написано:

«Сих дел мастер».

Еще:

«Починка седел, хомутов.
Исак Вояжев».

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 58.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{V}$-6-9).

Судя по орфографии, написано в 1920-е годы.

В письме к В. М. Ходасевич от 28 ноября 1926 г., делясь воспоминаниями, Горький замечал: «Вывески хороши! ,,Циник и лудильщик'' — не выдумаешь! Хорошо бы еще: ,,Скептик и портной'' или „Водопроводчик-марксист''» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-48-9-15).
Печатается по автографу.

В московский магазин «Книга» приходит молодой еврей и спрашивает брошюру Вл. Соловьева «Еврейство и христианский вопрос». Приказчик дал ему экземпляр.

— А еще — есть?

— Есть.

— Сколько? Давайте сюда все. Я — агент ГПУ и арестую эту книжку...

Заведующий магазином спросил:

— Может быть, вы ошибаетесь. Ведь в этой книжке Соловьев особенно хвалит евреев и защищает христианство от клеветнического обвинения в антисемитизме.

Сышик ответил:

— Что он хвалит евреев — это хорошо, а за то, что он защищает христианство, — мы запрещаем продажу книги.

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_V$-6-2).
Судя по орфографии, написано в 1930—1936 гг.
Печатается по автографу.

... *брошюру Вл. Соловьева...* — Владимир Соловьев. Еврейство и христианский вопрос. М., 1884.

— Я убил триста, но это моя обязанность, это возложено на меня государством. А вам кто разрешил убивать?

— Моя совесть.

— Кто?

— Совесть моя. [О ком он говорит]

— Кто она? Ваша любовница? Ее адрес.

— Подождите, судья, совесть — это нереальное существо, это нечто вроде навязчивой идеи.

— Безумие? Нет, на этом не поймают. Довольно оправдывать безумных.

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_V$-8-82).
Судя по орфографии, написано в 1930—1936 гг.
Печатается по автографу.

Стучат в дверь.

— Кто там?

— Хозяин Вселенной.

— Кто-о?

— Творец Вселенной, не понимаете?

— Пр-рошу пожаловать. Весьма польщен. . . [да] Но, послушайте, [для] да, ведь вы [по-⟨моему⟩] Иммануил Кант. . .

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 65—66.
Автограф в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-85).
Датируется по орфографии и бумаге 1927—1928 гг.
Печатается по автографу.

Иммануил Кант (1724—1804) — немецкий философ, философия которого, по определению В. И. Ленина, «есть примирение материализма с идеализмом» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 206).

Книжки, по которым вы живете, уже изношены и не могут играть для вас роль галош, в которых вы ходили по грязной действительности.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 62.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{IV}$-6-46).

Датируется по орфографии концом 1920-х — началом 1930-х годов.

Печатается по автографу.

Трудно сказать что-либо интересное о людях, чья жизнь довольно правильно катится по рельсам [вы⟨думок?⟩] книг [не очень заметно подпрыгивая] и не очень заметно подпрыгивает на стыках, хотя именно на стыках чаще всего бывают крушения. В некоторых книжках весьма убедительно доказывается, что «бытие лишено смысла», и я знаю немало людей, которые, принимая это как истину, тем не менее живут очень спокойно, [удовлетворенные тем] видимо, вполне удовлетворенные тем, что хоть [одна истина] эта истина — доказана.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 270.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{IV}$-6-17).

Датируется по орфографии концом 1920-х — началом 1930-х годов.

Печатается по автографу.

Огонь, как «явление природы», есть истина.

Какая там психология, когда дело идет о книжках!

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 72.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{IV}$-6-19).

Датируется по орфографии концом 1920-х — началом 1930-х годов.

Печатается по автографу.

«Желающие получить по шее приглашаются на [уго⟨л⟩] пустырь, угол Гончарного и Поповой горы. Плата за услугу — по соглашению, но не ниже полубутылки монопольной».

Объявление, расклеенное в Казани студентами Дух⟨овной⟩ Академии в 88 или ⟨8⟩9 гг.

Полиция истребляла это объявление, подозревая за ним нечто «неблагонадежное».

Граматчиков, Никольский, Петин, путешествие в Свияжск. Попали в Царево-Кокшайск. Арест. Исправник, его учение о «святости» и пользе бесполезностей. Жена учится говорить по-испански. Исправник говорит: «Во-во-во! — как собака лает».

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 278—279.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{Г}$-1-34).

Судя по орфографии, написано в 1930—1936 гг.

Печатается по автографу.

Граматчиков, Петин, Никольский — вероятно, казанские студенты. Фамилия Никольского фигурирует в хронике казанских событий за 1887 г.: «Студент второго курса Казанского ветеринарного института Никольский за оскорбление действием одного из профессоров, по высочайшему повелению отдан на два года на исправление в один из дисциплинарных батальонов военного ведомства (27 апреля)» («Календарь Волжского Вестника на 1888 г.» Казань, 1888, стр. 144—145).

Свияжск — уездный город Казанской губернии.

Царево-Кокшайск — уездный город Казанской губернии, ныне — Йошкар-Ола.

— Ври, но так, чтобы я тебе верил. А когда ты заставишь меня поверить, я тебе скажу: «Да, это — правда! Но только твоя и для тебя правда».

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-45).

Внизу листка, над линией обрыва, читается слово: «неисчислимо». Текст на обороте: «... деревянные коробки без украшений немногочисленны и незаметны в общей массе [новых] [за‹ново›] [вновь построенного и строящегося]», — относится к работе над очерком «На краю земли». Это позволяет датировать заметку-вариант серединой 1929 г.

Печатается по автографу.

«Герои — утомляют».

«Пора и нам строить свою культуру»... «Купил граммофон».

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-24).

Судя по орфографии, написано после 1929 г. Каждая из фраз заключена в кавычки.

Печатается по автографу.

Возможно, что записи относятся к работе над произведением «Об избытке и недостатках».

⟨НАБРОСКИ К ПОРТРЕТАМ, ЗАРИСОВКИ⟩

⟨ГИГО ЧИТАДЗЕ⟩

Гиго Читадзе, грузин, сын крестьянина, один из первых пропагандистов марксизма среди тифлисской молодежи и рабочих. Был весьма популярен именно среди рабочих, имел знакомства с [русскими] революционерами-народовольцами, Гамкрелидзе, Джабадари, Любатович, Зданович и др.

От усиленной работы, занятий и голода сошел с ума — mania grandiosa. В течение трех недель его не принимали в больницу; сначала около него поочередно дежурили товарищи, потом они разбежались, утомленные, испуганные [его] припадками его безумия, избитые им. Мне пришлось провести один на один с ним девять дней, [один на один] — это было очень страшно.

Несколько раз он пытался убить меня. Он намазывал грудь себе ваксой, чистил ее щеткой, говорил, что у него горит сердце, и гасил его, прикладывая на грудь тряпку, смоченную в помойном ведре. Однажды чуть не убил квартирную хозяйку, женщину с бородой, другой раз сбросил с лестницы полицейского. Схватил в припадке безумия одного рабочего-старика за щеки и содрал с [не⟨го⟩] них кожу,— старик глазом не моргнул, а Читадзе кричал мне: «Видишь, как любит меня народ мой?!»

Несколько раз мне приходилось связывать его, тогда он, с хитростью безумного, начинал плакать, жаловался, что ему больно; я подходил развязать его — он плевал в лицо мне и хохотал, если удавалось попасть.

Он был очень силен, чтоб ослабить его, я дал ему [лошадиную] лошадиный прием глауберовой соли, что облегчило мое положение.

Наконец его всё-таки приняли в больницу. Когда он вошел в общий зал и увидел там князя Абашидзе, тоже больного душевно, он ударил его по лицу, крикнув: «Это за моего отца!» Абашидзе убил отца Читадзе, который был его крепостным, когда Гиго было ольüко пять лет.

Через три дня Гиго Читадзе служители больницы сбросили с лестницы, осколком ребра ему поранило сердце, и он умер. Его торжественно хоронили, было много молодежи и рабочих, поп, молодой грузин, сказал трогательную речь. Гиго Читадзе дал мне тему рассказа «Ошибка».

Впервые — с редакторскими изменениями — напечатано в журнале «Молодая гвардия», 1927, № 4, стр. 187—188, в статье И. А. Груздева «Молодой Горький». Полностью публикуется впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-7-6-1). После текста приписка рукой Горького: «Я никогда ничего не записывал в тетради. Стихи — писал и, будучи всегда недоволен ими, уничтожал их».

Запись о Читадзе была передана Груздеву, ему же адресована приписка (ответ на вопросы Груздева).

По почерку и бумаге произведение может быть датировано 1919—1920 гг. Публикуя набросок, Груздев, по-видимому, со слов Горького, указал, что набросок создан в 1920 г.

Печатается по автографу.

Гиго Читадзе — Григола Алексеевич Читадзе (Гола) (1863—1892); см. о нем наст. изд., т. I, примечания к рассказу «Ошибка», стр. 530—532.

Гамкрелидзе А. Е. — студент Медико-хирургической академии, член народнической «Всероссийской социально-революционной организации». На его квартире в гостинице «Украина» был обнаружен склад нелегальных изданий. Судился по процессу «50».

Джабадари И. С. (1852—1913) — активный участник народнического движения 70-х годов, судился по процессу «50», был осужден на 5 лет каторги.

Любатович О. С. (1854—1917) — участница «Народной воли», судилась по процессу «50». Состояла в кружке, группировавшемся вокруг основанной О. В. Кайдановой в Тифлисе «Дешевой общедоступной библиотеки-читальни».

Зданович Г. Ф. (ок. 1855—1917) — участник «Всероссийской, социально-революционной организации», судился по процессу «50», приговорен к 7 годам каторги.

mania grandiosa — психическое заболевание «мания величия».

Его торжественно хоронили... — похороны Читадзе состоялись 12 (24) февраля 1892 г.

Удивление пред талантом [пре]обидно в сущности своей для тех, которые удивляются, и оскорбительно для того, кому удивляются. Это — так.

Кстати, после какого-то рассказа моего Е. Н. Чириков сокрушенно заявил мне:

— А ведь ты, чёрт, много талантливее меня!

Если это был внезапный припадок искренности — я дорого заплатил за него: в тот же день Чириков сделал мне две пакости, маленькую и большую. Вообще — он не способен на большие пакости, но тут для него очень искусно совпали обстоятельства. Одно из них: женщина, которую он цинично оклеветал, прибегала к приемам кокетства, слишком ослепительным и оглушающим. Другое: он знал, что человек, который любил ее до исступления,— непримиримый антагонист мой. Хороший [это] был человек, и жестоко пострадал [в эт〈ой〉] он в дрянной этой истории. Помню, как жутко, тоскливо он плакал после того, как я [уд〈арил〉] принужден был ударить его; только так и можно было прервать поток мерзостей,

говоря которые он и сам не верил в них. С год, пожалуй, больше, до дня его смерти, мы с ним жили друзьями.

Поразительная была нежность, с которой он любил эту истрепанную душою и телом, циничную женщину. Цинизм ее был жесток и бесподобен, мне]кажется] казалось, что это — цинизм отчаяния. Она говорила:

— Когда ко мне является с визитом мужчина, я, выходя к нему, предусмотрительно снимаю панталоны.

[Когда-нибудь я расскажу] Надо рассказать ее «романы» [с вице-губернатором], это и жутко и поучительно. Не плохо звереют мужчины, но в озверении женщин замечается нечто особенно страшное и убийственное.

Пример: отравление Вар⟨варой⟩ Никоновной Потаповой мужа ее. Или: история четы Бобровых. Гимназистка Соня Фалеева, иконописец Евгений Ситанов, учитель рус⟨ского⟩ языка Алексеев. Или — Алексеевский? Неважно. «Выдумки» купчихи Ермолаевой и «подвиг» пароходчицы Марии Капитоновны Кашиной.

В конце концов — я желал бы забыть всё это. Но у меня идиотская роль свидетеля пред каким-то безжалостным судом.

Как Л. Н. Толстой, я тоже «не могу молчать» [но]. Разница — в том, что он видел — или вообразил — себя пророком Исаией, обличителем на службе некоего бога, а предо мною — нет бога, только человек, которого я вижу измученным и неизлечимо несчастным. Что я говорю ему? «Смотри, как ты страдаешь, [милый]»,— говорю я. Только это.

И я знаю, что это ненужно, бесполезно говорить.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 27—28.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{Г}$-35-37).

Датируется по содержанию и орфографии 1921—1923 гг.
Печатается по автографу.

иконописец Евгений Ситанов — О нем см. в повести «В людях» (наст. изд., т. XV, стр. 422—461).

Алексеев. Или — Алексеевский? — Вероятно, Алексеевский, преподаватель истории, литературы и языка в школе Фидлера, под Парижем, где учился М. А. Пешков (Архив $Г_{XII}$, стр. 289).

Мария Капитоновна Кашина (1855—1916) — вдова нижегородского купца Михаила Матвеевича Кашина, отравившая своего мужа. Об этом Горький писал в «Беседах о ремесле» (см.: *Г-30*, т. 25, стр. 299; см. также: С. Х а е в. Нижегородские прототипы Железновых.— Сб.: «„Васса Железнова“ М. Горького», М., 1960, стр. 107—142).

⟨Е. Н. ЧИРИКОВ⟩

Слышу, что Е. Н. Чириков рассказывает, будто я украл у него какие-то деньги. Нашел, что сказать, глупец. «Ты ври мне, ври, но чтобы хорошо было соврано».

Впервые я встретился с ним в 89 году, в Царицыне, на нефтяной станции Нобеля. Я шел 12 верст пешком, до кожи промок на осеннем дожде, устал и был жестоко оскорблен «начальством». Ночевать мне было негде. Встретив меня весьма нелюбезно, Чириков предложил мне лечь в углу, на полу грязненькой комнаты, которую я сделал еще более грязной. Он был пьян и [ру⟨гался⟩] жаловался, что какая-то девица не хочет любить его.

— Она — дрянь! А я — писатель.

Его слушал красивый молодой человек с белокурой бородкой, тоже пьяный. Водки они мне не предложили, но, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, только потому, что подумали: я уже уснул. А хорошо бы выпить рюмку водки в тот час.

Затем мы встретились в 96 году, в «Нижегор⟨одском⟩ листке». Тогда Чириков был уже глуп. Очевидно, он не излечился от этого и по сей день. Желания поумнеть я не замечал в нем и во время совместной работы в журнале «Жизнь». Считает себя талантливым, но это — заблуждение, он просто бойкий человек — и только.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 216.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-75).

Датируется предположительно (по содержанию, бумаге и орфографии) 1922—1924 гг.

Печатается по автографу.

Набросок связан с заметкой Горького «Удивление пред талантом», отдельные мысли отразились также в рассказах Горького 1922—1924 гг.

Слышу, что Е. Н. Чириков... — В 1919 г. Е. Н. Чириков (1864—1932) эмигрировал и занял откровенно антисоветскую позицию. В 1921 г. он выпустил в Софии памфлет, направленный против Горького, в котором среди прочих измышлений приписывал ему присвоение чужих гонораров в издательстве «Знание».

Впервые я встретился с ним в 89 году... — 12 марта 1936 г. Горький писал И. А. Груздеву: «Чириков до 85 г. не встречался со мною в Нижнем, да, кажется, и не был в нем до этой поры ⟨...⟩ Я первый раз встретился с ним в Царицыне, за городом, на нефтяных складах Нобеля, где Чириков служил конторщиком» (*Г-30*, т. 30, стр. 429).

⟨О ЧЕРТКОВЕ⟩

О Черткове, авторе дрянненькой книжки «Уход Толстого», хорошо рассказывала бойкая «далькрозистка», фамилию [ее] которой я не помню, но заметил «особую» ее «примету»: уши разной величины, одно — побольше, кажется, правое; она искусно начесала на него волосы, но [скрыть] не скрыла этим значительно увеличенную мочку.

«Ко мне подошел прилично одетый ломовой извозчик и сказал, как говорят, сообщая неприятность:

— Чертков.

Разумеется,— я слышала о нем что-то очень христианское и нравственное. Но я не люблю никаких христиан, ни православных, ни еретиков. Ах, вот что,— если еретик, то уж не христианин? Не знала. Но — вы шутите? Я, помню, учила что-то о Вселенских соборах, и, кажется, там все еретики были тоже христиане. Да, так вот: Чертков. Взглянув на него, я подумала: „Злой дядя и терпеть не может людей, не согласных с ним“.

Поговорили о Швейцарии, о том, что в Лондоне — туманы, затем он сообщил, что англичане — наиболее нравственно воспитанная раса, а я спросила: любит ли он Шоу, Уайльда, Бердслея?

В его искусственных глазах загорелись злые искорки, но мое наивное лицо успокоило его. Решив, что пред ним — дурочка, он снисходительно стал внушать мне, что „Разоблачение Бласко Познет“ — неприличная выходка Шоу против Толстого, что Шоу — атеист, нигилист, человек, который издевается надо всем и над всеми только потому, что избрал это своим ремеслом и за это платят деньги. Об О. Уайльде он забыл сказать что-нибудь умное, а о Бердслее, должно быть, не слыхал.

Через несколько дней мы снова встретились в этой Телятинке, я сидела за столом с православными телятами, они ели какое-то невкусное варево, а один из них читал изречения Толстого; это напомнило мне трапезную монастыря, но было похоже и на лавочку, в которой торгуют по мелочам прописными добродетелями.

Чертков спросил, чем я занимаюсь.

— Пляшу и собираюсь переводить сочинения маркиза де Сад.

Он очень испугался:

— Кто хочет издавать эти гадости?

Не помню, кого я оклеветала, кажется — Кожебаткина. Оклеветала и Брюсова, сказав, что он редактирует перев⟨о⟩ды.

— Ну, да, конечно, декадент, ему всё равно!

Пожал плечами, как Самсон, и затем очень поучительно рассказал мне, что события 906 года возмутили жизнь до дна, подня-

лась грязная тина и топит людей. Разумеется, сказал, что молодой девушке стыдно читать де Сада, но это не убило меня, потому что я не читала романов маркиза и даже не собиралась читать их, просто — слышала, что это — гадость.

Черткова позвали, кто-то приехал; он удалился от меня походкой верблюда. От него пахло дешевым одеколоном и сапогами. Вот всё, что я могу сказать об этом человеке.

Видела там еще одного толстовца с двойной фамилией, он — чавкал, а потом умилился чем-то и — стал плакать».

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 111—112.

Автограф в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-12).

Датируется 1922 г. — по упоминанию книги В. Г. Черткова «Уход Толстого».

Печатается по автографу.

О Черткове, авторе дрянненькой книжки «Уход Толстого»... — Имеется в виду книга: В. Г. Чертков. Уход Толстого. Берлин, 1922. Книга отличается тенденциозным освещением последнего периода жизни Толстого, нарочито подобранными фактами и выдержками из дневника писателя.

Далькровистка — преподавательница ритмической гимнастики по системе швейцарского педагога-музыканта Эмиля Далькроза (1865—1950).

О Вселенских соборах — Вселенские соборы — съезды высшего христианского духовенства.

Шоу, Уайльд, Бердслей — Шоу Джордж Бернард (1856—1950) — английский прогрессивный писатель, драматург и публицист, лауреат Нобелевской премии. Уайльд, Оскар Фингел О'Флаэрти Уилс (1854—1899) — английский писатель, драматург и критик; его творчество носит антибуржуазный, антимещанский характер. Бердсли, Обри Винсент (1872—1898) — английский художник и писатель. В резко индивидуалистических формах творчества Бердсли заключался протест против буржуазной действительности.

«Разоблачение Бласко Познет» — В этой пьесе Б. Шоу, написанной в 1909 г., непосредственных выступлений против философии Толстого и его творчества не содержится. Толстой в ответ на письмо Б. Шоу сообщил автору, что пьесу он «прочел с удовольствием», сюжет ему «вполне сочувственен», но заметил, что «вопросы о боге, о зле и добре слишком важны для того, чтобы говорить о них шутя» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 81, стр. 254).

...мы снова встретились в этой Телятинке, ели какое-то невкусное варево... — Имеются в виду обеды на хуторе Чертковых Телятинки, где «братья во Христе» — хозяева, рабочие, гости — обедали вместе. Подавались вегетарианские блюда.

де Сад — Донасьен Альфонс Франсуа, маркиз де Сад (1740—1814), французский писатель. Произведения его были полны описаний изощренных жестокостей и разврата; отсюда — «садизм».

Кожебаткин А. М. — московский издатель.

Оклеветала и Брюсова, сказав, что он редактирует переводы — В. Я. Брюсов (1873—1924) — русский поэт, переводчик, литературовед и писатель, «самый культурный писатель на Руси»

(А. М. Горький). Он переводил стихи со многих европейских и восточных языков.

Пожал плечами, как Самсон... — Намек на длинные волосы и широкие плечи В. Г. Черткова. Самсон — библейский персонаж, носил длинные волосы, служившие, по преданию, источником его необычайной силы.

Видела там еще одного толстовца с двойной фамилией... — Речь идет, видимо, о близком друге Л. Н. Толстого Иване Ивановиче Горбунове-Посадове (1864—1940), редакторе и издателе «Посредника», а также журналов «Свободное воспитание», «Маяк» и «Сельского деревенского календаря», авторе многих статей о Толстом.

В. М. ЧЕРНОВ

Хитрый, осторожный. Как будто нет своего я или он хочет скрыть его. Наивно. Выдержан, способность использовать каждое обстоят⟨ельство⟩ в свою пользу. Односторонность развития, направления ума, машинное ⟨?⟩ отношение к людям, миним⟨альный⟩ интерес к человеку, который думает не по В. Чернову. Упрямый, тихо, по-медвежьи неуклюже двигается к своей цели, интеллектуальное своекорыстие. Человек неширокого ума, детализатор, а не синтетик. Цель оправ⟨дывает⟩ средство. Аморален. Тяжелый человек. Угнетающий склад ума. Пожирающее любопытство — индив⟨идуальность⟩ неяркая. Честолюбец. Актер. Чувственный, стыдится этого, скрывает, но это в нем очень сильно.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 219—220.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ЛСГ-2-25-1). Заглавие «В. М. Чернов» вписано, по-видимому, позднее в левом верхнем уголке листа. На обороте — запись адреса на немецком языке, сделанная неизвестной рукой, и две пометки рукой Горького: «Киш» (видимо Эгон Эрвин Киш) и «Зезе» (может быть,— повторенное русскими буквами начало записанного рядом адреса: Sesenheimer Str).

Написано, по-видимому, в 20-х числах января 1923 г. в связи с чтением рукописи воспоминаний Чернова, присланной на просмотр Горькому из издательства Гржебина. В сопроводительном письме от 20 января 1923 г. Б. Н. Николаевский просил Горького: «Дайте Ваше заключение,— стоит ли их печатать? ⟨...⟩ может быть, Вы, если согласитесь с тем, что печатать стоит, сделаете отметки? Только, щадя самолюбие автора, делайте их не в тексте, а отдельно...» (Архив А. М. Горького, КГ-п-53-20-10). В Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-40) сохранился, видимо, черновик замечаний о рукописи Чернова, которые Горький послал Николаевскому:

«В. М. Чернов. „Зап⟨иски⟩ революционера“.

Как история — не солидно, как беллетристика плохо. Сократить надобно каждую страницу, строк по 10—15, а со стр. 10-й до 14-й весь текст хорошо уложится на одной странице. От 14-й до 19 — тоже надо сильно сократить.

25—26 — тоже длинно.

32 — рассказ Тимофеева я уже где-то читал».

Весь текст перечеркнут синим карандашом. На обороте запись: «Сон мой здоров и крепок...» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 420 и Варианты, т. VI).

Замечания Горького были отосланы в издательство до 1 февраля 1923 г. (см. ответное письмо Б. Н. Николаевского — Архив А. М. Горького, КГ-п-53-20-12).

Датировка заметки подтверждается также фактом встречи Горького с чешско-немецким писателем и журналистом Эгоном Эрвином Кишем, состоявшейся в конце января — первых числах февраля 1923 г. (см. статью Э. Киша о встрече с Горьким, напечатанную в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, № 75, 29 марта).

Печатается по автографу.

Чернов В. М. (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров, министр земледелия во Временном правительстве А. Ф. Керенского, после Октябрьской революции активно боролся против Советской власти, с 1920 — белоэмигрант.

О Чернове Горький писал также в статье «О белоэмигрантской литературе» (см. *Г-30*, т. 24, стр. 339).

⟨Н. СУХАНОВ⟩

Нет сомнения, что самый мудрый человек России XX-го века,— а, может быть, и Европы — Н. Н. Суханов. Утверждая этот парадокс как истину, он напечатал четыре толстых книги и, кажется, хочет напечатать еще шесть, таких же тяжелых. Да послужат они камнями основания будущему памятнику его. Я прочитал напечатанное им и, если б хотел отомстить автору за бесполезно потраченное мною время, предложил бы Суханову — будь это в моей власти — пост премьер-министра в любом государстве. Уверен, что он сам, через год, попросил бы перевести его в Чухлому на должность учителя в институт воспитания бабушек в духе марксизма.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 217.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ЛСГ-2-19-1), на обороте его — заметка о В. Зайцеве.

Датируется по содержанию 1922 г.: упоминаемые четыре тома «Записок» Н. Суханова вышли в 1922 г., а следующие три — в 1923 г. (Н. Н. Суханов. Записки о революции, изд. З. И. Гржебина. Берлин—Петербург—Москва, т. 1—4, 1922; т. 5—7, 1923).

Печатается по автографу.

Н. Н. Суханов — псевдоним Николая Николаевича Гиммера (1882—1945), экономиста, деятеля партии меньшевиков. В 1914 г. редактировал журнал «Современник»; в 1915—1917 гг. — член редколлегии журнала «Летопись», в 1917—1918 гг. — один из редакторов газеты «Новая жизнь». В 1920 г. вышел из партии меньшевиков, работал в советских экономических органах. В 1931 г. осужден как руководитель подпольной меньшевистской организации.

... самый мудрый человек... — В связи с «Записками о революции» Н. Суханова на страницах «Правды» 30 мая 1923 г. выступил

В. И. Ленин. В статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», критикуя «педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала», Ленин писал: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 378). И далее. «Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшая революция в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция ‹...› Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками» (там же, стр. 381—382).

‹А. ЕРМАНСКИЙ›

Ерманский.— НОТ.—

при виде яблок сожалеет, что Ньютон уже был. Анекдот о Колумбе и яйце считает направленным лично против него.

Тип «марксиста-реформатора». [Убежден, что умница.] Был, кажется, членом ЦК меньшевиков. Гениален, как Н. Н. Суханов.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 215.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-9).

Датируется по содержанию 1922—1924 гг.

Печатается по автографу.

А. Ерманский — один из псевдонимов экономиста-публициста Осипа Аркадьевича Когана (1866—1941). В 1918 г.— член ЦК меньшевиков, в 1921 г. он вышел из партии меньшевиков, посвятив себя научной работе. Много занимался вопросами научной организации труда (НОТ). В 1918 г. выпустил книгу «Система Тейлора», изданную в 1922 г. вторично под названием «Научная организация труда и система Тейлора».

В. И. Ленин в статье «Ложка дегтя в бочке меда» указал, что «О. А. Ерманский написал очень полезную и очень хорошую книгу» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 206). Отметив, что недостатком книги является «многоречивость автора», Ленин сделал следующий вывод: «Научиться работать — это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики» (там же).

Анекдот о Колумбе и яйце.— Согласно легенде, Христофору Колумбу было предложено найти способ придать яйцу устойчивое вертикальное положение. Колумб слегка раздавил верхушку яйца и поставил его.

Суханов Н. Н.— см. наст. том, стр. 679—680.

⟨Б. К. ЗАЙЦЕВ⟩

Перечитал книги Бориса Зайцева,— очень тусклый писатель; литератор, конечно, но никогда и нигде — художник. Пишет, [всегда] видимо, с унылым недоверием к себе. Язык — надуман, слова подобраны с трудом и безвкусно, снизаны непрочно, фраза расплывается [претензии на] и лишена музыки, претензии на «простоту» приводят к сухости. Сильно зависим от Чехова и безуспешно старается скрыть это. [Но такие] Такие рассказы, как «Гость», выдают его бессилие освободиться от подражания учителю. В «Спокойствии» у него поют из «Русалки» [так] то же, что в «Припадке» Чехова, это вызывает впечатление чего-то неуместного. Особенно раздражает резкое, скрипящее несоответствие темы и уменья. Пишет о любви, о смерти, написал много и — ухитрился не сказать ни одной своей мысли, ни одного слова. Образов у него — нет, характеров — тоже, все люди — неуловимы, неощутимы. Пред любовью — недоумение цыпленка, впервые увидавшего огонь, перед смертью — скучный страх неизлечимо больного старика. И всюду — душевная малограмотность. Престарелый гимназист пытается сочинить «умное» и сочиняет почти пошлости. Образцом его бессилия является диалогическое сочинение «Усадьба Ланиных» — вещь совершенно чеховидная, он весь, вообще,— тень тени Чехова. Между прочим в этом сочинении девушка-невеста говорит жениху: «Ты слишком любишь». Это — фальшиво. Девушка не может сказать так, ибо ей неведомо еще, что значит любить не «слишком» или «слишком», откуда бы она чувствовала эти «лишки»? И, вообще, в природе не существует женщины, которая могла бы сказать любимому ею, что он ее любит «слишком».

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 216—217.

Автограф — в Архиве Горького (ЛСГ-2-19-1). На обороте — заметка о Н. Н. Суханове.

Датируется по содержанию концом 1922 г.— началом 1923 г.
Печатается по автографу.

... *книги Бориса Зайцева...* — Горький имеет в виду собрание сочинений Б. К. Зайцева (1881—1972), выпущенное издательством З. И. Гржебина (Берлин — Петербург — Москва, 1922). Первые три тома, включающие дореволюционные произведения Зайцева, вышли в 1922 г. (экземпляр собрания сочинений с пометами Горького хранится в *ЛБГ*). Отрицательное отношение к импрессионистской манере письма Б. Зайцева было у Горького и до революции (см. *Г-30*, т. 29, стр. 85). Еще более сурово отозвался Горький об эмигрантских произведениях Б. Зайцева в письме к К. Федину от 3 июня 1925 г. (там же, стр. 431).

«Гость», *«Спокойствие»* — рассказы Б. К. Зайцева.

... поют из «Русалки» то же, что в «Припадке» Чехова... — Герои рассказа А. П. Чехова «Припадок» — медик и художник — поют из оперы А. С. Даргомыжского «Русалка» арию князя «Невольно к этим грустным берегам...»

«Усадьба Ланиных» — произведение Б. Зайцева, напечатанное в т. III указанного выше собрания сочинений.

⟨ТОМ АНДРЕАС⟩

Лит⟨ераторы⟩

Милый парень. Сентиментален. Друг Верфеля. Правильно сказал о Толлере, что Т⟨оллер⟩ «делает ремеслом сострадание к человеку». О Леонгарде Франке: удивительно глупо написал в какой-то газете, что я люблю, когда женщины хорошо одеты и сидят у стены.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 215.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ-2-73) на визитной карточке: «Andreas Thom».

Написано, вероятно, в 1922—1924 гг.; встреча с Андреасом могла произойти во время пребывания Горького в Германии или в Вене, в которой писатель был в апреле 1924 г., проездом в Италию.

Печатается по автографу.

Верфель Франц (1890—1945), *Толлер Эрнст* (1893—1939), *Франк Леонгард* (1882—1961) — немецкие писатели.

⟨С. БОГОРОДСКИЙ⟩

Сем⟨ен⟩ Богородский говорит, что А. И. Ланин перебрал у меня денег 17 т. рублей, около 18-ти, а мне, за все время службы у него, уплатил меньше тысячи. Будто бы А. И. сам «каялся» в этом Семену. Сем⟨ен⟩, вероятно, врет, А. И. не «каялся» ему, а просто так сказал по присущей ему откровенности. Взял он у меня, по-моему, меньше 15-ти. Факт этот надо внести в «Зап⟨иски⟩ Ряхина», в биографию приказчика Яшки, когда он рассказывает следователю про убийство сестры. Ему же приписать и случай.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 227.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-8-37).

Запись находится на обороте предшествующей заметки, но сделана по новой орфографии.

Датируется по орфографии и содержанию 1923—1925 гг., до начала работы Горького над «Жизнью Клима Самгина» (см. примеч. к «Запискам d-r'a Ряхина» в наст. изд., т. X, стр. 754).

Печатается по автографу.

Богородский С. С.— старший письмоводитель А. И. Ланина.

Ланин А. И. (1845—1906) — нижегородский присяжный поверенный, у которого Горький работал письмоводителем в 1889—1891 и 1893 гг. Впоследствии Горький неоднократно помогал А. И. Ланину материально.

Приказчик Яшка — в сохранившихся фрагментах «Записок d-r'а Ряхина» такого персонажа нет.

‹АФАНАСИЙ МЕДВЕДЕВ›

Афанасий Медведев, бывший сапер, [ныне] трубочист с 909 года, с 13 — уголовный сыщик.

«Ежели бы люди чаще влезали на крыши и оттудова взирали на свою жизнь,— зазнайства у них было бы куда меньше.

Об царе я никогда не думал, всё равно, как бы нет его. Потом начали говорить: плох, ума — лишен, характера — незаметно, к бабам пристрастен: это — последнее дело. Ну, это меня тоже не касалось, мало ли кто чем страдает: у одного — зубы, у другого — бабы, этот — хромой.

Однако, когда объявили, что царь отверг свой престол,— я испугался: нет, думаю, из-за пустого каприза никакой человек на свое природное дело не плюнет.

Испугался и сразу решил: кто как хочет, а я тоже уйду, прочь. А тут, к тому же, в оправдание мое, [и] начались везде эти революции; воры и весь преступный елемент хвосты загнул вверх, ходит без ужаса предо мной и того гляди — убьют. Я и говорю жене: «Ну, лахудра, прощай, я ухожу в неизвестное место, а ты оставайся: лежачих — не бьют». Однако — оба поплакали. И с той поры — живу как попало. Теперь вот, уперся в этот город, [Ферейбург] скучноватый городок, ну — ничего. Ich bin Arbeiter[1] по части мелкого...»

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 112—113.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-28). На этом же листе набросок о голландском писателе. (См. *Архив* $Г_{VI}$, стр. 214.)

По содержанию и упоминанию Фрейбурга, где Горький жил в 1923 г., датируется 1923—1925 гг.

Печатается по автографу.

---

[1] Я рабочий (*нем.*).

⟨Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД⟩

Ю. Айхенвальд — между нечто и ничто. Лично — бездарен, но научился говорить умным голосом *чужие* умные слова.

Красноречив, как Андрей Левинсон,— [это] очень плохая рекомендация.

Ему необходимо разозлиться, чтоб стать чем-то заметным и даже,— возможно,— значительным.

Но — он начинает «угрязать» в политике, следуя за С. С. Ольденбургом. В этом он, вероятно, захлебнется и наболтает чепухи.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 217—218.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{II}$-2-80). На обороте — запись об А. А. Яблоновском (см. наст. том, стр. 686).

Датируется по этой записи концом 1923 г.— началом 1924 г. Печатается по автографу.

Набросок соотносится со статьей Горького «О белоэмигрантской литературе», в которой дана более подробная характеристика критика Юлия Исаевича Айхенвальда (1872—1928), высланного из СССР осенью 1922 г. В эмиграции Ю. Айхенвальд сотрудничал в антисоветских изданиях (иногда под псевдонимом Д. Каменецкий).

Левинсон Андрей Яковлевич (1887—1933) — литературный и театральный критик, белоэмигрант, сотрудник антисоветских изданий «Звено», «Грани», автор книги «Лики танца» (1933).

Ольденбург Сергей Сергеевич (ум. 1940) — публицист, активный сотрудник эсеровских изданий, после 1917 г.— эмигрант, автор ряда антисоветских статей, опубликованных в пражской «Воле России» и парижской газете «Последние новости».

⟨А. ЭСТРИН И А. Я. СМОТРИЦКАЯ⟩

А. Эстрин, рабочий, еврей; А. Я. Смотрицкая, учительница — русская.

Бежали от колчаковщины и вообще «от всего» в Японию, затем попали на Яву, и там им пришла счастливая мысль собрать коллекцию по быту населения Явы и Молуккских островов.

Эстрин работал в портах, по сварке металлов, а Смотрицкая на заработанные им гульдены покупала вещи. Собрали 83 ящика, везут в Россию. «Гуляли» четыре года.

Он — черный, типичный, с умными глазами, она — простенькая, очень русская. Оба — живые, веселые. Уверены, что сделали хорошее дело. Кажется — так оно и есть.

Дал им письма в Акад⟨емию⟩ наук С. Ф. Ольденбургу.

Из отчета Академии за 23-й год:

«Коллекция эта, заключающая 778 предметов, особенно ценна по тщательному и вполне научному подбору объектов и служит прекрасным [материалом] дополнением к музейному материалу по Индонезии».

«— А вы — говорите! Эх, ну что вы говорите? Надо же чего-нибудь делать, знаете, ну!»

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 221.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-51). На обороте — заметка о книге Уэллса «Душа епископа».

Датируется 1923—1924 гг. Запись сделана, возможно, в два приема: первая часть — в мае—июне 1923 г., когда состоялась встреча Горького с А. Эстриным и А. Смотрицкой в Германии; вторая — в 1924 г., после выхода «Отчета о деятельности Российской Академии наук за 1923 г.»

Печатается по автографу.

Дал им письма в Акад⟨емию⟩ наук С. Ф. Ольденбургу.— В Архиве А. М. Горького хранится письмо С. Ф. Ольденбургу, непременному секретарю Академии наук СССР, от 3 мая 1923 г., в котором Горький отмечает серьезное этнографическое значение коллекции Эстрина и Смотрицкой (ПГ-рл-29-6-10).

Из отчета Академии... — Горький не совсем точно цитирует «Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 г., составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1924 г.» (Л., 1924, стр. 119).

⟨А. А. ЯБЛОНОВСКИЙ⟩

⟨I⟩

А. А. Яблоновский — осатанел. Я думаю — это оттого, что он любит удить рыбу, а в Германии и вообще в Европе это очень затруднено. Да и рыбы мало. Революция лишила Яблоновского удовольствия, привычного и любезного ему. А, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, в этом удовольствии был скрыт весь — целиком — смысл жизни А. А-ча. Очень жаль его, он был человек небесталанный. Но — чем же у этих людей объясняется их злоба и...

⟨II⟩

Недавно умер в Париже А. Яблоновский, один из сотрудников подлейшей газетки «Возрождение». Он [был фактическим] печатал в этой газетке маленькие фельетоны, [и в них] грубо, [и] старчески глупо и злобно издеваясь над Союзом Советов. Он, вообще, всегда

был человеком недаровитым, но так как «на безрыбьи и рак — рыба», эмигранты назвали его «королем шуток». Шутки его относились к разряду писания на заборах неудобосказуемых слов и мазания ворот дегтем. Но один раз за всю свою долгую и бесполезную жизнь он пошутил неплохо, [[это было [в тот] в тот год, когда все, кто хотел, непл⟨охо⟩]] и мы приводим эту шутку как воспоминание о том годе, когда все,— кто хотел, неплохо шутили.

«Сын отечества» 13-го (26) сентября 905 г.

Письмо в редакцию

М. г., г-н редактор!

Позвольте при посредстве Вашей уважаемой газеты обратить внимание благотворителей на бедственное положение наших бакинских нефтепромышленников.

Как теперь уже с полной очевидностью выяснилось, минувшее восстание татар и происходившие на промыслах пожары настолько подорвали благосостояние многих крупнейших предпринимателей, что ныне они вынуждены хлопотать о казенной помощи.

Посему, прилагая 1 рубль в пользу г. Ротшильда и других голодающих нефтепромышленников, я позволяю себе выразить уверенность, что среди читателей «С. О.» найдутся добрые люди, которые присоединятся к моему пожертвованию, и что общими силами нам удастся открыть хотя бы одну бесплатную столовую и таким путем предотвратить развитие цинги и тифозных заболеваний среди голодающих предпринимателей.

Александр Яблоновский

⟨I⟩

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 218.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{П}$-2-80). На обороте — запись об Айхенвальде.

Датируется по содержанию 1923—1924 гг.

Печатается по автографу.

Яблоновский Александр Александрович (1870—1934) — критик и фельетонист. Резкие выпады против Горького содержатся в его фельетонах, опубликованных берлинской газетой «Руль» в 1923 г. (№ 695, 13 марта, № 922, 15 декабря) и в 1924 г. (№ 981, 26 марта, № 994, 12 марта).

⟨II⟩

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 228—229.

Автограф в Архиве А. М. Горького (ЛСГ-2-23-1), к нему приложена вырезка из газеты «Сын отечества», 13 (26) сентября 1905 г., с цитируемым далее фельетоном А. А. Яблоновского.

Датируется по упоминанию о смерти А. А. Яблоновского — 1934 г.

Печатается по автографу.

«Возрождение» — белоэмигрантская газета (изд. А. О. Гукасов), выходившая в Париже в 1925—1940 гг.

... эмигранты называли его королем шуток — имеется в виду статья А. Амфитеатрова «О Викторе Севском», в которой говорилось, что А. Яблоновский — «нынешний король русского фельетона», заменивший В. Дорошевича («Руль», 1923, № 774, 19 июня).

⟨Б. САВИНКОВ⟩

Раскаялся Б. Савинков.

Я видел его один раз в 904 г. в феврале? он приходил ко мне с Петром Рутенбергом беседовать о возможности вооруженной рабочей демонстрации [в февра⟨ле⟩] на Невском. Они оба, наперебой, щеголяли крайней революционностью. Один из них показался мне неумным, другой — дегенератом.

После «Коня бледного» я определенно не взлюбил автора этой насквозь лживой повести, написанной палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью.

Большой его роман,— кажется, «То, чего не было»? — усилил мое презрение к автору, это вещь, написанная под чужую руку и пропитанная каким-то гноем.

Кто-то,— кажется, максималистка Бродная, говорила мне, что Рысс —«Мортимер»— считал Б. С⟨авинкова⟩ человеком не честным в отношении к людям, безжалостным к ним и, лично, грязным. Но Рысс — тоже подозрительная фигура.

Как ни считай, но наибольшее количество честных людей, действительных героев — среди большевиков. Все же остальные по⟨?⟩

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 220.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-25). Запись обрывается на переносе слова, продолжение ее не обнаружено.

Датируется началом сентября 1924 г. 5 сентября 1924 г. Горький писал В. Ф. Ходасевичу: «Как Вам нравится Борис Савинков? Я всегда считал его типично русским мерзавцем карамазовского типа и, конечно, не Митей, а — Смердяковым. Палач, склонный к лирике» («Новый журнал». Нью-Йорк, 1952, кн. 31, стр. 199).

Печатается по автографу.

Раскаялся Б. Савинков. — Савинков Б. В. (литературный псевдоним В. Ропшин) (1879—1925) — один из руководителей партии эсеров, в 1903—1907 гг. — участник и организатор ряда террористических актов. После Октябрьской революции — организатор белогвардейских мятежей в Ярославле, Рыбинске и Муроме. В 1921—1923 гг., находясь в эмиграции, пытался организовать подпольную борьбу против Советской власти. 16 августа 1924 г. при нелегальном переходе границы СССР был арестован и судом приговорен к высшей мере наказания. В заключительном слове Савинков сказал: «Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждому русскому, каждому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжелую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто, — я говорю ему: если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок» («Правда», 1924, № 196, 30 августа).

Учитывая раскаяние Савинкова, ЦИК СССР заменил высшую меру наказания десятью годами тюремного заключения. В 1925 г. Б. Савинков покончил жизнь самоубийством.

В *ЛБГ* хранится книга: «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда. С примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина)». Литиздат НКИД. М., 1924, содержащая многочисленные пометы Горького. В книгу вложена газетная вырезка статьи А. Ремизова о Савинкове из белоэмигрантской газеты «Последние новости» от 13 марта 1925 г.

Рутенберг П. М. (1878—1942) — эсер, один из организаторов убийства Гапона, впоследствии — белоэмигрант.

«*Конь бледный*» — роман В. Ропшина (Б. Савинкова), напечатанный в журнале «Русская мысль», 1909, кн. I, январь. Горький писал в апреле 1909 г. Е. П. Пешковой: «... убит и поражен „выступлениями" вашего знаменитого Савинкова—Ропшина в „Рус‹ской›мысли" ...» (*Архив* $Г_{IX}$, стр. 65).

«*То, чего не было* (Три брата)» — роман В. Ропшина, печатавшийся в журнале «Заветы» в 1912 г. Публикация романа была одной из причин разрыва Горького с журналом. 26 мая (8 июня) 1912 г. Горький сообщал В. С. Миролюбову, одному из редакторов «Заветов»: «... мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что, сделав это, Вы нарушили данное мне обещание» (*Г-30*, т. 29, стр. 241).

Максималисты — члены организации «Союз социалистов — революционеров максималистов» — террористической группы, отколовшейся в 1904 г. от партии эсеров. Выступали за немедленный социальный переворот при помощи террора и экспроприаций.

‹Е. И. ЗАМЯТИН›

Е. Замятину избыток ума мешает правильно оценить размеры своего таланта. Явно остерегаясь чувствовать, он умствует. От его рассказов всегда пахнет пóтом, в каждой его фразе чувствуешь уси-

лие, с которым она сделана, в его искусстве холодно блестит искусственность. Он хочет писать как европеец, изящно, остро, со скептической усмешкой, но пока не написал ничего лучше «Уездного», а этот «Городок Окуров»— вещь, написанная по-русски, с тоскою, с криком, с подавляющим преобладанием содержания над формой. Ум З⟨амятина⟩ не очень яркий, обманывает его, позволяя человеку считать себя философом, «учителем жизни», а человек-то, Замятин,— все еще покорный ученик своего холодного ума.

Медицинские знания способствовали развитию пессимизма у Чехова, знания механики очень заметно мешают инженеру Замятину развить [свободу в] свой талант в широту и глубину. [И] В его лирику вторгается арифметика, а он думает, что это «психологический анализ».

Впервые напечатано: *Архив $Г_{XII}$*, стр. 218.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ЛСГ-2-5-1).
Датируется по содержанию июнем — июлем 1924 г.
Печатается по автографу.

Прочитав «Рассказ о самом главном» Замятина, опубликованный в № 1 «Русского современника», Горький писал В. Ф. Ходасевичу 1 июля 1924 г.: «. . . совершенно согласен с Вашей оценкой Замятина. Прочитав его рассказ, я записал себе на память: «Избыток ума мешает З⟨амятину⟩ правильно оценивать размеры своего таланта. Ум З⟨амятина⟩ — не яркий и обманывает его. Мысли у него — слепые» («Новый журнал», кн. 31. Нью-Йорк, 1952, стр. 194).

Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — русский писатель, по образованию — инженер. Печатался с 1911 г., его повесть «Уездное», опубликованная в 1913 г., получила высокую оценку Горького. В 1931 г. Советское правительство разрешило ему выехать за границу. 14 июля 1936 г. Л. Замятина писала М. А. Булгакову: «На днях выйдет в одном французском журнале его большая статья о Горьком. Она же будет напечатана по-английски и на голландском языке ⟨. . .⟩ А теперь — пишет фильм из „На дне“ (!) ⟨. . .⟩ Горький знал, что Е. И. поручена эта работа и одобрил выбор» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-8-54-1).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Андрей Белый напоминает нервную собаку в лунную ночь. Хотя небо — ясно, однако в нем — звезды, значит — ночь, но зачем же, но откуда это лысое, бледное солнце, холодное солнце? И недоуменно, тревожно собака воет, воет, воет.

Живя в непрерывном вихре непонятного и непонятого, Белый нарочито, всею силой своего удивления пред жизнью, страха пред неудержимым буйством мысли, пред темными волнениями чувства, всей силою таланта своего раздувает этот вихрь.

Делает он это, может быть, для того, чтоб передать свой страх

людям и так освободить, облегчить себя, но, может быть, лишь потому, что, болезненно самолюбивый, он, расширяя непонятное ему, хочет этим скрыть от людей свое непонимание. У него совершенно нет мужества сказать: «Не знаю», «Не понимаю», и он стремится убедить других, что это именно они живут в потоке непознаваемого, непонятного, в окружении каких-то таинственных, неуловимых сил и под надзором Дьявола.

А они ему, как В. В. Розанов — Глазенапу:

— Да идите же вы к чёрту с вашей астрономией, вселенной и всей прочей ерундой,— у меня жена родит!

Как художник Б⟨елый⟩ не интересен, но талантлив, ибо он думает не образами, а — словами. И я не знаю другого писателя, который так безвольно, закрыв глаза, отдавался бы вьюге слов.

Кажется, что даже междометия: а! о! — он хочет видеть живыми, хотел бы облечь их в формы. Это отнюдь не стремление Артюра Рембо [1] окрасить звуки, нет, хотя источник стремлений Белого и Рембо, вероятно, один и тот же. Но у Белого — это желание оформить слова, хотя бы так геометрически скучно, как оформлены снежинки кристаллов. Он как будто боится неоформленных слов, проваливается в них, как в ямы, отбивается от них, точно от мух, и всё больше, больше пылит ими, очень произвольно склеивая слово за словом, в бессильном подчинении их звуковым связям. Вероятно, словам можно придать более или менее выразительные и ощутимые зрением формы. Например: «нет!» должно иметь что-то общее с топором; «да!» несколько напоминает бездонную яму; «потому что»— старческое мелкозубое лицо, оно насмешливо улыбается, намекая на неизбежность; «зачем»— бесконечная спираль, она ввинчивается в пространство вплоть до какой-то неподвижной тьмы и дальше в мертвое безмолвие.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 209—210.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-76). К тексту имеется приписка Горького: «Отвратительное и глупое письмо А. Белого». Речь идет о письме от 8 апреля 1924 г. (КГ-п-12-1-3), по которому датируется набросок.

Печатается по автографу.

. . . как В. В. Розанов — Глазенапу. . . — В. В. Розанов (1856—1919) — сотрудник газеты «Новое время», философ, публицист и критик; философия Розанова отличается реакционностью и мистицизмом. С. П. *Глазенап* (1848—1937) — астроном. Ср. «Всё это, когда больна жена, просто ненужно. Неинтересно. Не хочу смотреть. Не думаю» (В. Розанов. Опавшие листья. Короб второй и последний. Пг., 1915, стр. 337).

---

[1] В рукописи: Альфреда Рембо.

. . . стремление Артюра Рембо окрасить звуки. . . — Имеется в виду сонет французского поэта Артюра Рембо «Гласные», в котором были сделаны попытки найти звукам цветовые соответствия («А — черный; белый — Е; И — красный; У — зеленый; О — синий. . .»; см. об этом: *Г*-30, т. 23, стр. 131—132).

⟨ЯН СТЫКА⟩

66 лет. Кричит на польском, греческом, французском и нем⟨ецком⟩ языках: «Мой сын, Тадеуш, луч⟨ш⟩ий художник в мире, 60 т⟨ысяч⟩ фр⟨анков⟩ портрет». Его рисунки: к «Одиссее», «Quo vadis» Сенкевича, «Голгофа», Муссолини, Масарик и Ксенофонт! «У Масарика греческий ум». О Венизелосе, Шаляпине.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 220.

Автограф на визитной карточке Яна Стыки — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXI}$-15-6).

Датируется по содержанию 1924 г.

Печатается по автографу.

10 августа 1924 г. Горький писал из Сорренто В. Ф. Ходасевичу: «Здесь художник Кончаловский, Ян Стыка, Зиновий Пешков» («Новый журнал», кн. 31. Нью-Йорк, 1952, стр. 197). По-видимому, в августе того же года состоялось знакомство Горького и Яна Стыки. Запись могла быть сделана в день визита художника к Горькому.

Ян Стыка (1858—1925) — польский художник, сын его Тадеуш Стыка (1889—1954) — тоже художник, работал в Америке.

«Quo vadis» — «Камо грядеши?» — роман Генрика Сенкевича. Ян Стыка написал 15 картин, изображающих наиболее значительные эпизоды романа. Цикл этих картин был выставлен в Варшаве в 1903 г.

По мотивам романа «Камо грядеши?» Ян Стыка написал также огромную картину — панораму «Мучения христиан в цирке Нерона», экспонировавшуюся в Варшаве в декабре 1898 г. (см.: М. Д. «Картина Яна Стыки „Мучения христиан в цирке Нерона“», Варшава, 1900, а также «Генриха Сенкевича „Quo vadis“ в 15 картинах Ивана Стыки». Варшава, 1903).

«Голгофа» — цикл Яна Стыки, созданный в 1896г. с помощью художников Ф. Попеля, С. Розвадовского, И. Станиславского. Впервые выставлен в 1896 г. во Львове, затем в 1897 г. — в Варшаве (см. очерк: М. Д. «Объяснение картин „Голгофа“ художника Яна Стыки», Варшава, 1897).

⟨О ВЛАДИМИРЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО⟩

Знает 30 систем стенографии, изобрел 31-ю. Написал комментарий к «Каприччио» Паганини. Пишет стихи «совершенно оригинальные». Символист. Инженер. Работал у Бурцева. Играет на скрипке в кино. Написал «серьезное» сочинение о музыке. Хотел

бы заняться педагогической деятельностью. Из современных музыкантов знает: Ипполитова-Иванова и Скрябина. Удивился, узнав, что оба скончались. Волосы остриг себе так, что уши совершенно обнажены.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-13). Запись сделана на визитной карточке «Vola benco Virtuoso in violino Leningrado Russia!». К автографу приложено письмо Людмилы Лопатиной-Шевченко, племянницы Г. А. Лопатина, датированное 2 сентября 1925 г. На письме рукою Горького: «Просьба».

Датируется по письму Л. Лопатиной 1925 г.

Печатается по автографу.

«Каприччио» — произведения Никколо Паганини (всего им написано «24 каприччио»).

Бурцев — В. Л. Бурцев (1862—1941), автор книг и воспоминаний о борьбе с царской охранкой («Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. 1882 — 1924 гг.», т. 1. Берлин, 1924; «В погоне за провокатором». М.—Л., 1938, и др.).

Ипполитов-Иванов М. М. (1859—1935) — советский композитор и музыкальный деятель. Горький ошибочно пишет о его смерти.

⟨ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ⟩

Переехав в Париж, Владислав Ходасевич поторопился заявить пред эмиграцией о своем благомыслии. Вышло — натужно и неумно. С хрипотой в голосе.

Напечатал в «Послед⟨них⟩ новостях» статейку о Бельфасте и «ни к селу, ни к городу», но в патетическом тоне бросил Москве упрек:

«О вы, которые хвастаетесь, выработав полфунта гвоздей! Почему вы не создадите такую верфь, как Бельфаст?»

Упрек сей с бóльшим основанием можно бы адресовать немцам, французам, даже американцам,— у них тоже нет верфи, равной английской.

Странный человек. Умен, но есть в нем жалкая торопливость заявить о своем уме всему живущему, даже мухам. Талантливо, трогательно сочиняет очень хорошие стихи, весьма искусно соединяя в них Бодлера с Верленом. Но основным ремеслом своим сделал злое слово и весьма изощрился в этом. С добрым же чувством говорит о людях, кажется, только по двунадесятым праздникам. Но, обмолвившись похвалой человеку, сам же тотчас удивляется себе, гордится собою: «Вот я каков, могу и так!»

Все хорошее, что ему изредка удается сказать, принимаешь,

как выдуманное, головное, как его ошибку и недосмотр за собою, даже как «нарушение стиля».

Убежден, что реальный мир ему, символисту по должности, враждебен и противен, но очень высоко ценит маленькие удовольствия и удобства мира сего.

Вне поисков «цветов зла» ум его ленив. В оценках людей и явлений жизни — беззаботен, тороплив, и часто эта беззаботность граничит у него с обывательским невежеством.

Хочет, чтоб люди боялись злого ума его и, кажется, умеет достигать желаемого.

В общем же — человек весьма интересный. Ко мне относится покровительственно и снисходя к «уродствам духа» моего. Находит, что я слишком «люблю верить».

Это — очень мило, но такое с ним случается часто.

Отрывок из заметки впервые напечатан в книге: *Лит Насл*, т. 70, стр. 567. Полностью в книге: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 221.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-78).

Датируется по содержанию серединой 1925 г.

Печатается по автографу.

Ходасевич В. Ф. (1886—1939) — поэт и литературный критик, эмигрант, в 1923—1925 гг. сотрудничал в издаваемом Горьким в Берлине журнале «Беседа», в апреле 1925 г. уехал в Париж и стал печататься в антисоветских газетах и журналах.

Напечатал в «Послед⟨них⟩ новостях» статейку о Бельфасте. . . — Статья напечатана в белоэмигрантской газете «Последние новости» 26 мая 1925 г., № 1560. Бельфаст (Белфаст) — порт в Северной Ирландии с большой корабельной верфью.

Возмущенный статьей, Горький писал 20 июля 1925 г. В. Ходасевичу: «Я рассердился на Ваш ,,Бельфаст'', несправедливо ставить это ,,учреждение'' в упрек Сов⟨етской⟩ власти. Германия, Франция технически богаче России, но Бельфаста и у них ведь нет. Это — нечто исключительное, верфь Бельфаста. Да и вообще несправедливо упрекать Москву в безделье — там работают и учатся работать» («Новый журнал». Нью-Йорк, 1925, кн. 31, стр. 203). На замечание В. Ходасевича, что в Советской России «нет воли к работе», Горький ответил в письме от 13 августа 1925 г.: «Воли к работе у нас больше, чем где-либо в современной Европе» (там же, стр. 204).

⟨«КОНЕЦ АЗЕФА»⟩

На днях прочитал, в рукописи, статью «Конец Азефа». Это совершенно ужасающая история, [она] ошеломлен ею до отупения и, точно на кол посажен, все эти дни думаю о «Великом провокаторе». Статья написана по данным, которые получены от сожительницы А⟨зефа⟩, кафешантанной певицы; она, кстати, была одной из дам

скандального поезда [б. великого] в. к. Кирилла В⟨ладимировича⟩, ныне объявившего себя императором. Куропаткин долго не мог изгнать [Ки⟨рилла⟩] [Из] из Манч⟨журии⟩ этот поезд.

Известно, что А⟨зеф⟩ любил жену и детей своих и в те годы, когда он жил с певицей. Замечательно *просто* жил он после [того, как] разоблачения, и ужас факта именно в этой простоте. Нажил человек денег продажею своих друзей, отсек от себя всё свое стр⟨ашное⟩ прошлое, [и] устроил [себе] уютную жизнь и, [отр⟨убил⟩] наслаждаясь ею, [отсек от себя] жил, жил, жил вполне порядочным мещанином. Умопомрачительно просто. Отрывки из его писем к певице сентиментальны [как] [по⟨шлы⟩] [не] и [и] пошлы — невероятно. [Ни одного звука. И поражает полное, совершенное отсутствие страха за свою жизнь.]

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 222.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ОРГ-3-54-1).

Датируется по письму Горького к В. Ф. Ходасевичу от 20 июля 1925 г.

Печатается по автографу.

На днях прочитал, в рукописи. . .— Речь идет о работе меньшевистского историка и публициста Б. И. Николаевского (1887—1968), выпущенной Госиздатом в 1926 году отдельной книгой под заглавием «Конец Азефа». По свидетельству Б. И. Николаевского, Горький написал предисловие к рукописи «Конец Азефа», «очень. . . лестное» для ее автора; но Николаевский тогда решил не печатать это предисловие, «так как политически разошелся с Горьким» (см. : И. С. З и л ь б е р ш т е й н. Рукописи Горького: поиски и находки.— «Литературная газета», 1967, 19 апреля). Предисловие Горького к работе Николаевского хранится в Гуверовском институте войны, революции и литературы при Станфордском университете (США).

. . . от сожительницы А⟨зефа⟩ . . . — Б. И. Николаевский не сообщает имени этой женщины, называя ее госпожей N. Она прожила с Азефом (1869—1918) последние десять лет его жизни. Во время русско-японской войны, в числе «звезд» шантана, попала в Харбин (см. очерк Ф. Купчинского «Великие князья на войне». — «Былое», Париж, 1908, № 8).

Куропаткин А. Н. (1848—1926) — главнокомандующий русскими армиями во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Отрывки из его писем к певице. . . — Письма Азефа к госпоже N цитируются в книге Б. И. Николаевского.

ВЯЧЕСЛ⟨АВ⟩ И⟨ВАНОВИЧ⟩ ИВАНОВ

Прежде всего — любезен. Сановно любезен, как маркиз. И — ножки дрожат. Преждевременно и жалко стар. Щедро говорит комплименты, но так как они не оригинальны, то — кажутся неискренними. Словоточив. Иногда говорит весьма странно:

«Во второй раз я женился на падчерице из любви к ее умершей матери».

Хотелось бы знать мнение падчерицы по этому поводу.

Непререкаемо уверен, что он «столп и утверждение истины». Прекрасно изучил все изгибы реакционной мысли, впрочем,— нехитрые. Жозефа де Местр считает гением. Об успехах России — по эмигрантскому канону: «Потемкинские деревни» и прочее в этом роде. Я ожидал, что он остроумнее.

Долго говорил о своем «антропомонизме», о том, что человечество, невзирая на различия племен и рас, в сущности своей — один человек. Мысль — параллельная гипотезе биологов о единой клетке, праматери всего живого. На мой взгляд, он выворачивает Ницше наизнанку, см. «Диониса» его. Многое из своих мыслей о «соборности», «хоровом начале» он, видимо, уже забыл или запутал.

Потеряв веру, не утратил механической привычки веровать.

В театре. Негритянка. Адмандо Жиль. Не блестяще, но Иванов любезно делает вид, будто всё это нравится ему. Утомлен. Дремлет.

И вдруг:

— Вы [меня] чувствуете меня?

— ?!

— Скажите: могу я написать повесть, роман?

— Вероятно, это будет очень трудно для вас.

— Все-таки благословляете?

— ?!

— Тогда — дайте мне тему: подумайте и дайте.

Вероятно,— это он шутил?

Нашел, что герой моего рассказа «Голубая жизнь» страдал болезнью «Dementia praecox». Его похвалы [мне] были чрезмерны.

Впервые напечатано: *Архив* Γ_{VI}, стр. 210—211.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{II}$-2-79).

Судя по содержанию, набросок сделан во второй половине 1925 г.

Печатается по автографу.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — один из представителей и теоретиков русского символизма, поэт, историк и философ. Проповедовал идею «соборности» — преодоления индивидуализма посредством слияния личности с обществом на религиозной почве. С 1924 г. жил в Италии.

Горький встречался с В. И. Ивановым в конце августа или начале сентября 1925 г. Иванов приезжал из Рима к Горькому в

Сорренто. По поводу этой встречи советский режиссер и театровед П. А. Марков вспоминал: «Горький встретил своего философского врага с изящной приветливостью, они провели день в подробной беседе⟨...⟩ Возвращаясь в «Минерву» ⟨отель⟩, утомленный Иванов должен был сознаться, что он не встречал более сильного и вооруженного противника» (П. А. Марков. Встречи с Горьким.— «Театр», 1959, № 6, стр. 134).

Жозеф де Местр (1753—1821) — французский писатель и философ — ярый противник французской буржуазной революции, один из видных представителей католической реакции.

«*Дионис*» — В. И. Иванов. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

«Dementia praecox» — вид психического заболевания, раннее слабоумие.

⟨И. А. КУХАРЕНКО⟩

Украинец. Сепаратист. С восторгом о пром⟨ышленном⟩ развитии Украины, с сомнением о том же Москвы. Хорошо упитан. Маленькие глазки.

Галстук! Палец! Любимое колено — правое.

О Грушевском.

Хитер. Легко позволяет не верить ему.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 222—223.

Автограф на визитной карточке: «Professore Johann Kucharenko. Kiewer polytechnisches institut» — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-4).

Написано не позднее ноября 1925 г., вероятно, во время пребывания И. А. Кухаренко в Сорренто и его визитов к Горькому. Иван Антонович Кухаренко руководил научно-исследовательской кафедрої технологии сельскохозяйственных производств (сахарное, винокуренное, пивоваренное, крахмальное, крахмально-паточное и пр.) в Киевском политехническом институте; автор работ о выращивании и обработке сахарной свеклы.

Печатается по автографу.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934) — автор многих исследований и популярных книг по истории Украины: «Иллюстрированная история украинского народа». СПб., 1913; сб. «Освобождение России и украинский вопрос». СПб., 1907. Стоял на буржуазно-националистических позициях. В феврале 1916 — феврале 1917 г. переписывался с Горьким по поводу издания сборника «Украина и Москва в их духовной жизни».

«Не святая Русь Пушкина, которую не мог любить Достоевский, любивший жестокую Русь!»

Антон Вл. Карташов у меня в 16 году.

Его страх перед жизнью, его сознание бессилия своего и ему подобных.

Он — в эмиграции.

[Рассказ А. В. Амфитеатрова об отношении Суворина-отца к А. П. Чехову — к Розанову — Меньшикову: «Один — не успел договорить, другой — боялся договорить и — во многом — переболтал, а третьему нечего было сказать, но он был самый популярный»].

Первое письмо В. В. Розанова ко мне в 903 г.

К. Леонтьев и Бакунин М.; их сходство.

[Герцен и В. Г. Короленко.]

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 242.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-2-25).

Датируется, предположительно, по содержанию и орфографии 1925—1927 гг. Часть заметки: «Рассказ Амфитеатрова ∾ самый популярный» перечеркнута красным карандашом. Рядом надпись Горького: «Это не сюда».

Печатается по автографу.

«Не святая Русь Пушкина...» — цитата из статьи Д. Мережковского «Не святая Русь» (см. примеч. к заметке «Первый № «Возрождения»).

Антон Вл. Карташов— профессор богословия, белоэмигрант. См. о нем в статье Горького «О белоэмигрантской литературе» (*Г-30*, т. 24, стр. 338).

Первое письмо В. В. Розанова ∾ их сходство.— В связь с этой записью можно поставить письмо Горького Пришвину от 15 мая 1927 г.: «Розанов „был первым предвозвестником кризиса гуманизма"... В этом смысле и в этой области — борьба против Христа — Розанов был одним из наших „духовных" революционеров,— на мой взгляд, и хотя он был — из робости — косноязычен, но по прямолинейности мысли не хуже Константина Леонтьева и Михаила Бакунина» (*Лит Насл*, т. 70, стр. 346).

УМЕР СТЕФАН ЖЕРОМСКИЙ...

Умер Стефан Жеромский.

В 909 или 10 году он жил на Капри, [мы ча‹сто›] [я часто бывал у него] [Он лежал] вернее, лежал в маленькой комнатенке рыбака. Температура у него отчаянно прыгала, [часто] [изредка] [часто] иногда принимая критический характер. Лечил его местный врач Куомо. Жеромский находил, что это — человек небрежный и невежественный. На Капри врачи не любят серьезно больных, особенно не любят, если больные не богаты.

— Вам вредно жить здесь,— сказал Куомо.

Жеромский, усмехаясь, ответил:

— Но я не живу, я — умираю.

[К болезни своей] К лечению он относился скептически и небрежно [и покорно], к болезни — покорно, как фаталист. Но всетаки говорил:

— Жаль, мог бы еще работать.

[Уже] В то время он думал о плане «Истории греха».

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 211.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-52). На полях рукой Горького — фамилии польских писателей: С. Бржозовский, Реймонт, Даниловский, Струг, Немоевский, Пшибышевский.

В Архиве А. М. Горького имеется еще одна заметка о Жеромском, написанная, по всей вероятности, в сентябре 1909 г.:

«Проф‹ессор› Погодин написал в „Утре России" „статью" о Ст. Жеромском, отнюдь не вызванную обстоятельствами. Речь идет о революционности символической и неудачной драмы Жером‹ского› „Роза". Не знаю, почему и кому нужно знать о том, что сия драма революционна. Заболевание патриотизмом может случиться с профессором, но и в болезненном состоянии ума нужно бы воздержаться от доносов.

Жеромский на Капри.

Коцюбинский о Жер‹омском›» ($ГЗ_{XXVI}$-15-18).

Написано, вероятно, вскоре после смерти Жеромского, последовавшей 20 ноября 1925 г.

Печатается по автографу.

Стефан Жеромский (1864—1925) — польский писатель. Горький познакомился с ним в начале 1907 г. на Капри.

«История греха» — роман С. Жеромского (1908, русск. пер.— 1909).

‹К. ФОФАНОВ, А. БЕЛЫЙ, А. БЛОК›

Пьяница Фофанов, грязненький и полуумный, был поэт божией милостию. Он обладал чувством священного отвращения к пошлости. На юбилее А. С. Суворина он, за обедом, в присутствии «сановных лиц», крикнул, подняв стакан вина: «Да здравствует революция!» Это —«неуместно», наивно, но это, не сомневаюсь, [искренн‹ий›] крик искреннего отвращения.

Живя в Старой Руссе, в 904 г. он, пьяный, просил милостину на улицах, у людей, страдавших от ожирения. Его дочь, девочка лет 12-ти, имея на руках троих или четверых [ребят] сестер и братьев меньше ее, исхитрялась как-то поить и кормить их. Фофанов платил [ей] за это тем, что читал ей стихи, плакал и называл ее святой, а себя [подлец‹ом›] всячески поносил. Дочь утешала его, укладывала спать, говорила:

— Ты — милый, ты хороший, спи.

[Андрей Белый — хитрый человек, он [играет] запугал сам себя тайнами] А. Белый вычитал и выдумал множество страхов, доброй половине их он [не] сам не верит, а другою половиной,

хитрый, украшает себя, делает интересным. Боится своего же разума, который мешает ему [быть «поэтом, живущим в непрерывном трансе»], поэту, «погрузиться в непрерывный транс священного безумия».

Но — он поэт, несмотря на все свои фокусы и вопреки им, он настоящий поэт.

И Блок, замороженный своей темой, [искусственно] нарочито, из страха не одолеть другие, приковавший себя к ней, Б⟨лок⟩ тоже, конечно, поэт.

Но почему считает себя поэ⟨том⟩

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 223—224.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ-п-3-17). Перед текстом — шутливая запись: «Так я и умру, не зная ни одного иностранного языка. А в аду, наверное, говорят по-немецки».

Датируется январем — апрелем 1926 г. 23 января 1926 г. В. В. Смиренский обратился к Горькому с письмом, в котором говорилось: «Я больше десяти лет работаю над Фофановым ⟨...⟩ Зная, что Вы, Алексей Максимович, очень любили Фофанова, я решаюсь обратиться к Вам с огромной просьбой — или написать мне,,Письмо о Фофанове'' ⟨...⟩ или же ответить мне на официальный анкетный опрос.

Буду Вам очень благодарен. Вопросов у меня всего пять:

1) Любите ли Вы Фофанова?

2) Под чьим влиянием (по Вашему) он находился?

3) Имел ли он влияние на своих современников и на последующее поколение?

4) Какова его стиховая техника?

5) Большой ли поэт К. М. Фофанов?» (Архив А. М. Горького, КГ-п-72-5-2).

Горький ответил В. Смиренскому не позднее апреля 1926 г.: «Лично Фофанова я не знал. Видел часто на улицах Старой Руссы в 904 или 905 годах...» (*Г-30*, т. 29, стр. 461).

По-видимому, в это же время была написана и данная заметка, близкая по смыслу письму и отразившая размышления Горького в связи с последним вопросом анкеты. Мысль о поэте «божьей милостью» повлекла за собой раздумье о других «настоящих» и «ненастоящих» поэтах.

Печатается по автографу.

На юбилее А. С. Суворина... — Возможно, в 1901 г., когда праздновалось 25-летие издания А. С. Сувориным газеты «Новое время».

Живя в Старой Руссе, в 904 г... — Фофанов жил в Старой Руссе и Новгороде в 1904—1905 гг. Видеть его Горький мог в июле — августе 1904 г.

Его дочь... — Ольга Константиновна Фофанова (1892—1920).

... «погрузиться в непрерывный транс священного безумия». — «Священное безумие» как путь к «сверхразумному», интуитивному постижению мира — одна из основных тем А. Белого (см. статью «Критицизм и символизм» в кн.: Андрей Белый. Символизм. Книга статей. «Мусагет», М., 1910, стр. 28).

И Блок, замороженный своей темой... — Темой этой, по-видимому, Горький считал «народо- и жизнебоязнь», свойственную «многим людям поколения Блока» (письмо А. Я. Цинговатову 20 сентября 1926 г. — Архив А. М. Горького, ПГ-рл-49-3-2). В сохранившемся в *ЛБГ* экземпляре «Дневника» Блока (Изд-во писателей в Ленинграде, 1928) все записи об «упадке сил», «тоске», «ужасе жизни», «боязни жизни вообще», все «мысли о гибели» — подчеркнуты Горьким или отмечены на полях волнистой чертой.

Блок в глазах Горького олицетворял собою не только «человека „декаданса“» (*Г-30*, т. 15, стр. 329), но и поэта декаданса. Идеологию Блока он находил чуждой и, рекомендуя молодым поэтам учиться мастерству, не забывал напомнить, что к Блоку следует идти лишь «за техникой, а не за идеологией» (письмо П. Капырину 25 февраля 1928 г. — Архив А. М. Горького, ПГ-рл-18-51-1).

Отклоняя предложение дать вступительную статью к собранию сочинений Блока, Горький 9 ноября 1930 г. писал К. Федину: «Поэзия Блока никогда особенно сильно не увлекала меня ⟨...⟩ Вообще — у меня с Блоком „контакта“ нет. Возможно, что это — *мой* недостаток» (*Г-30*, т. 30, стр. 191—192). Все это не мешало Горькому в цитированном выше письме к А. Цинговатову признать: «В общем же Блок был изумительно красив как поэт и как личность. Завидно красив».

Не почему считает себя поэ⟨том⟩ — Возможно, что в несохранившемся окончании заметки речь шла о Д. С. Мережковском. А. Треплев (А. А. Смирнов) вспоминал: «Друзья Горького брали у него первые сборники Бальмонта и Брюсова, Фофанова и Мережковского. Первые двое сильно его заинтересовали смелостью; он читал их вслух, рекомендовал приятелям. Непосредственное „божьей милостью“ дарование Фофанова он прямо-таки любил за свежесть и росистость его поэзии, частью отданной подгородной природе. Мережковский вызывал к себе более критическое, чем восторженное отношение» («О Горьком — современники. Сборник воспоминаний и статей». М., ⟨1928⟩, стр. 61).

⟨ЭРДЕНИ БАТУХАН⟩

Умный, с большим будущим.

Его рассказ о сойотах, о русских в Урянхайском крае.

Монахи-ламаисты, женщины и проституция.

Л. Толстой на монгольском языке.

Полковник Козлов. Барон Унгерн — пятое воплощение.

Тибет. Китайцы в Монголии.

Материализм и монгольская идиосинкразия к нему.

Паназиатское. Шопенгауэр. Гартман, христианство.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 223.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-5) на визитной карточке: «Erdeni Batouhan. Deleque du ministere dinstruction publique de la Republique populaire de Mongolie».

Написано не позднее августа 1926 г., когда Батухан посетил Горького.

Печатается по автографу.

Эрдени Батухан — в 1924—1929 гг. министр просвещения Монгольской Народной Республики, впоследствии учился и работал в СССР, окончил Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, был доцентом кафедры монгольского языка в Ленинградском восточном институте, автор учебных пособий «Всеобщая география», «Страноведение Азии», «Монгольский язык» и др. В 1925 г. Батухан был Полномочным представителем вновь образованной Монгольской Народной Республики в Берлине, где познакомился с М. Ф. Андреевой и П. П. Крючковым, и по их рекомендации написал Горькому 12 мая 1925 г. письмо, в котором рассказал о культурном строительстве в МНР. Горький ответил Эрдени Батухану 19 мая 1925 г. (см. *Архив* $Г_{XIII}$, стр. 365).

Пересылая письмо через П. П. Крючкова, Горький просил: «Письмо Батухану отправьте скорей, если можно» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-3-14). На копии письма Батухану Горький написал: «Эрдени — „Камень мудрости“» («Материалы по истории и филологии Центральной Азии», стр. 137). Письмо Горького Батухану было напечатано в монгольской газете «Уриа» (1925, № 189).

Свое отношение к Горькому Батухан выразил в письме к нему, написанном десять лет спустя после их встречи (там же, стр. 142).

Сойот — устаревшее: тувинцы.

Урянхайский край — ныне Тувинская автономная область.

Л. Толстой на монгольском языке. — К моменту встречи Горького и Батухана на монгольском языке не было издано ни одного произведения Л. Толстого. Первая публикация Л. Толстого — «Кавказский пленник» в переводе Ижидоржа. Улан-Батор, Министерство просвещения, 1935.

Полковник Козлов.—Козлов Петр Кузьмич (1863—1935), путешественник, исследователь Центральной Азии, ученик И. М. Пржевальского. В 1907—1909 гг. руководил экспедицией Русского Географического Общества в Монголию и Сычуань. В Центральной Монголии открыл развалины мертвого города Хара-Хото. В 1924—1926 гг. организовал экспедицию в Северную и Центральную Монголию.

Барон Унгерн — Унгерн фон Штернберг (1887—1921) барон, есаул, белогвардеец. В 1917 г. формировал бурятские полки для защиты Временного правительства на Дальнем Востоке. Служил у атамана Семенова, после изгнания его банд из Забайкалья, в сентябре 1920 г. при поддержке беломонгольских отрядов разбил китайские части и занял Ургу, провозгласив себя князем и ханом. В мае 1921 г. вторгся на советскую территорию, проявил зверскую жестокость к населению, был взят в плен и приговорен революционным трибуналом к расстрелу. Горький, по-видимому, имеет в виду последнее «воплощение» Унгерна, объявившего себя в Урге восстановителем религии и монархии царства Чингисхана.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-идеалист. Идеи его главного произведения «Мир как воля и представление» (1819) оказали влияние на формирование иррационализма, интуитивизма, прагматизма, эмпириокритицизма и др. течений в философии конца XIX — начала XX в.

Гартман Эдуард (1842—1906) — немецкий философ, развивал идеи Шопенгауэра об иррациональности мира и этическую концепцию пессимизма. Его известные работы: «Феноменология нравственного сознания» (1879), «Религиозное сознание человечества» (1882).

⟨К. И. ЧУКОВСКИЙ⟩

⟨I⟩

«Моя критика никому не нужна», — пишет мне Чуковский.

Прежде всего она не нужна ему самому. И мало того, она ему вредна. Он плохой критик не потому только, что он [ни⟨гилист⟩] — нигилист, ни во что не верит и не имеет своих [мн⟨ений⟩] мыслей, своих эстетических и иных оценок. Нет, он критически относится к своему праву критиковать, его суждения — всегда тени чужих суждений, от себя же он вносит в них только страх, как бы читатель не заметил, что он, критик, играет]чужими] картами чужой сдачи.

⟨II⟩

Когда Корней Чуковский пишет свои критические статьи, он забывает, что пишет не для детей.

А вообще его критика напоминает премудрость Тимофея Грызлова, кучера губернатора Баранова:

— Я,— говорил Тимофей,— любую бабу раскритиковать могу. Вот, скажем, красивая, а я говорю: не-ет, этая женщина никак не красива, у меня к ней скуса нету. И напротив так же само все соглашаются: уродина! А я долблю свое: нет, эта — обязательно прекрасная, у меня на нее охота. Я обо всем — так. И про лошадей так же соображаю. Спорить со мной — нету средства.

⟨I⟩

Печатается впервые.

Автограф хранится в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{II}$-2-86).

Датируется по письму К. И. Чуковского (1882—1970) Горькому от 17 октября — 2 ноября 1926 г. «Я,— писал Чуковский,— окончательно впал в детство: после того, как понял, что критика моя никому не нужна, пишу для детей и о детях» (Архив А. М. Горького, КГ-п-87-3-13).

Печатается по автографу.

Моя критика никому не нужна...— Речь идет о ранних критических работах Чуковского, собранных в книгах: «От Чехова до наших дней» (1908), «Книга о современных писателях» (1914), «Лица и маски» (1914), а также о неудачной работе Чуковского «Две души Максима Горького».

Сообщая Горькому, что он «впал в детство», Чуковский имел в виду свои произведения о детях и для детей, которые писал с 1916 г. В 1925 г. вышло первое издание книги «От двух до пяти», озаглавленное «Маленькие дети», в 20-х годах написано большинство стихотворных сказок Чуковского: «Мойдодыр» (1923), «Тараканище» (1924), «Бармалей» (1926), «Муха Цокотуха» (1927).

К литературоведческим работам Чуковского о писателях-шестидесятниках Горький относился сочувственно (см., например, его письмо К. И. Чуковскому с высокой оценкой книги о Н. Успенском.— Архив А. М. Горького, ПГ-рл-52-7-16). По совету Горького, Чуковский начал заниматься творчеством В. Слепцова, Н. Успенского и вел борьбу с искажением русского языка (см. переписку Горького и Чуковского.— Архив А. М. Горького. ПГ-рл-52-7-14, 15, 16 и КГ-п-87-3-17, 19, 23, 26 и др.). Сообщая Горькому о своей работе над книгой о Толстом, Чернышевском и Некрасове, Чуковский писал: «Я попытался вытравить из нее всю ту ненавистную мне „чуковщину", какая еще оставалась во мне от старых времен» (Архив А. М. Горького, КГ-п-87-3-16).

〈II〉

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-22). На обороте запись афоризмов (см. Варианты, т. VI).

Датируется предположительно 1926 г. по связи с предыдущей заметкой о Чуковском.

Печатается по автографу.

Баранов Н. М. (1836—1901) — нижегородский губернатор, неоднократно упоминаемый в произведениях Горького.

〈О ЛАРИСЕ РЕЙСНЕР〉

У всех церковных писателей «нагота» понимается как обнажение тех частей тела, которые поименованы «стыдными», «срамными». Аскетизм, помимо всех его прегрешений, еще и грязен. Суждение о поле о. Феодора Владимирского. Его слова: «Акты любви— кратки, антракты — длинны, а надобно наоборот». Лариса Рейснер где-то использовала этот афоризм.

Когда она, еще девушка, бывала в «Летописи», помню, как странно было мне подмечать в ее суждениях зрелость и холодок опытной женщины. Она очень торопилась поумнеть и этим испортила — охладила — свою несомненнейшую даровитость. Помешало ей стать художницей и то, что она была красива.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-32).

По содержанию и орфографии, предположительно, датируется 1926 г.

Печатается по автографу.

бывала в «Летописи» — Л. М. Рейснер сотрудничала в журнале «Летопись».

⟨С. С. ЮШКЕВИЧ⟩

Вот и еще один знакомый человек внезапно «вернулся в круговорот земной материи». Был он такой большой, большеголовый, [и всегда] казался неистощимо энергичным.

У него была привычка писать «гениальные вещи». В 903 г., приехав ко мне на ст. Горбатовка, он, [выскочив] выскочил из вагона [и тискаяї] на перрон и, ни мало не смущаясь обилием дачной публики, закричал:

— Знаете? [А] Я написал гениальную вещь!

Одною рукой он [хлопал меня по плечу — другою] бил себя в грудь, другою толкал меня в плечо и, заикаясь, говорил:

— Идемте! Куда идти? Вы увидите, что это действительно — вещь! Послушаіте, мужик, [несите] вот вам чемодан...

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-61).

Судя по орфографии и содержанию, написано в 1927 г.

Печатается по автографу.

Вероятно, запись посвящена писателю Юшкевичу Семену Соломоновичу (1868—1927) и сделана вскоре после его смерти, последовавшей 12 февраля 1927 г. («Последние новости», 1927, № 2153, 13 февраля). В начале 1900-х годов С. Юшкевич печатался в издательстве «Знание», неоднократно встречался с Горьким. После Октябрьской революции жил за границей.

В заметке, вероятпо, речь идет о встрече Горького с Юшкевичем на даче в Горбатовке (под Н. Новгородом) в конце мая 1903 г. Этой встрече предшествовал обмен письмами. На критические замечания Горького Юшкевич ответил 26 мая 1903 г. из Одессы, где он жил, резким письмом с отказом сотрудничать в «Знании» (Архив А. М. Горького, КГ-п-90-18-2). Но вслед за тем приехал сам, о чем Горький писал К. П. Пятницкому в конце мая 1903 г.: «Экспансивный малый! Написал письмо, в котором говорит — не буду больше издаваться у вас, если вы находите, что мои рассказы длинны и язык их неправилен. Вслед за письмом является сам и подтверждает — да, и длинны, и язык плох. Вот и толкуй с ним!» (*Архив* $Г_{IV}$, стр. 127).

⟨ЭМАНУЭЛ ДЕ БОМ⟩

Профессия: европейский «социалист». Тип: Подколесин Гоголя, но — женат. Элспс, Экхоут, Нель Дофф и еще многие — его друзья. Но — больше ничего пе может сказать о них. Борода. Фламандец. Ботинки! О Шарле де Костер!

Впервые напечатано в книге: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 224.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{XXVI}$-15-3) на обороте визитной карточки: «Emmanuel de Bom. Stadsbibiothecaries (Bonscienerplein). Antwerpen».

Заметка написана после визита де Бома в Сорренто к Горькому в конце мая 1927 г.

Печатается по автографу.

Эммануэл де Бом (1868—1953) — главный библиотекарь городской библиотеки Антверпена, писатель, публицист, критик, автор монографий об Ибсене (1893) и В. Моррисе (1910), редактор антверпенской газеты «De Volksgazet» («Народная газета») и журнала «Vlaandreen» («Фламандцы»), основатель крупного бельгийского журнала «Van nu en starks» («Сегодня и завтра») — восторженный почитатель русской литературы и творчества Горького.

Элленс Франц (род. 1881), *Экхоуд Жорж* (1854—1927), *Дофф Нель* (1858—1942) — бельгийские писатели демократического направления. Об отношении к ним Горького см. в книге: *Архив Г*$_{VIII}$

Шарль де Костер (1827—1879) — бельгийский писатель.

Б. М. ЗУБАКИН

По письмам я принял его за человека исключительно талантливого, [даже более] усмотрел в нем даже черты «гейнизма», особенно приятные мне, но, видимо, [совер⟨шенно⟩] несвойственные русским: у нас эти черты встречаются только в приниженной форме — Шумахер, Саша Черный и т. д.,— или в фельетонной, опошленной — Д. Минаев, Лоло — Мунштейн, Дон-Аминадо и пр. При знакомстве личном Зубакин оказался человеком глупым; это еще не беда для талантливого, но — вот беда: он глубоко и как-то уже [непоправимо] органически, неизлечимо невежествен. Он — лжив, но лишен фантазии. Болтлив и — не умеет говорить. [Пошля⟨к⟩] Он пошляк. Избалован какими-то дурочками и позирует, смешно, как провинциальный «первый любовник». Жирненький чувственник. Рассказывает, как пред ним, пытаясь соблазнить его, раздевались донага девицы или дамы. [Врет, называя]. Называет их по именам. Любит выпить [и может много пить]. Вегетарианец. Пьет много и жадно. Грузен, мало и плохо моется. Любит плясать. Похож на Шекспира. Детские глаза. Он себя называет профессором археологии, говорит, что «читал лекции профессорам». В то же время он «епископ церкви Иоанновой», но это не Иоанн четвертого Евангелия, а — Предтеча, который, по его словам: «был христианином до Христа». Член «синода патриарха Тихона». Иерофант. «Гроссмейстер ордена Розенкрейцеров», но — об Розенкрейцерах азиатских не имеет представления. Хиромант. Каббалист. Не знает происхождения слова «кабалла». Я сказал ему шутя: «Эль — Кааба — Алла» и перевел: «страна Аллаха». Боюсь, что он мне поверил.

«Я — мистик». Это у него — есть, но — в словах. Типичный схоласт. Высоко чтит Франциска Ассизского и — Игнатия Лойолу.

Верит в чудеса, конечно, и утверждает, что можно загипнотизировать автомобиль. «Тамплиеры делают это». Сам он гипнотизировал волков. Когда он заплутался в пещерах Киевской лавры, его вывел оттуда Св. Феодосий. Врет удивительно неумело. Историю церкви — не знает. Канонов — тоже. Не знает литургии. Не читал отцов церкви. Литературные источники его «мистицизма»— Штейнер и Шюрэ, Фабр-д'Оливэ. Дю Преля — не читал. При всем этом еще и спирит, и хиромант. Дико запутанный человек.

А все-таки,— талантлив. Мог бы писать своеобразные стихи. И—пишет, но—плохо, как дилетант. Работать — не умеет. В общем — оригинальная фигура. Я думал, что такие уже вымерли.

Анастасия Цветаева — умнее его и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ талантливее, но он ее совершенно заболтал, запутал. Она несчастна, истерична, напугана, забита жизнью, но — еще храбрится, держась за него, как за соломинку. Она его не уважает, как человека, но видит в нем нечто от существа «сверхъестественного» и упорно внушает ему, что он таков и есть. Это для нее—необходимо. А для него? Он привык уже к своей роли.

Человек совершенно аморальный. Способен чёрт знает на что, но, к счастью для людей, труслив.

Хитер, [но] умеет казаться наивным. Свое невежество прикрывает или оправдывает так: «Созерцание и откровение дают больше, чем размышление и знание». Штучка старенькая. «Монадологию» Лейбница приписал Лукрецию.

Именуя себя археологом, не знал, что такое Пестум, Кумы, Шамполион. Думал, что «Британское (?) о⟨бщест⟩во изучения Востока» — то же что и «Лонд⟨онское⟩ о⟨бщест⟩во изучения психических явлений».

Фаллические культы отнес к «демонологии».

Такие ошибки его нимало не смущают. Развязен, назойлив и — чертовски практичен.

Последнее — черта всех «идеалистов».

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{\text{XXVI}}$-15-8).

Судя по содержанию, датируется 1927 г.: в августе этого года у Горького в Сорренто гостили Б. М. Зубакин и А. И. Цветаева.

Печатается по автографу.

Во второй половине 1926 г. археолог Борис Михайлович Зубакин (1894—1937) вступил в переписку с Горьким; письма его произвели на Горького положительное впечатление. На их основании писатель составил себе представление о Зубакине как о человеке большого таланта и оригинальности. Он писал А. Н. Тихонову 27 января 1927 г.: «Убедительно советую Вам познакомиться с профессором археологии Борисом Михайловичем Зубакиным ⟨...⟩ Хотя он и археолог, но пишет стихи, я уверен, что его можно заста-

вить писать и прозу. Насколько я могу судить — стихи его совершенно оригинальны, а весь он, — на мой взгляд, — человечище изумительно талантливый, даже, м‹ожет› б‹ыть›, на границе гениальности. Недавно он мне написал о своей беседе с собакой, встрече с котом на лестнице и о Скрябине — я ахнул, до такой степени все это дерзко и отлично. Вообще он человек широкого диапазона и — вполне „новый"» (*Г Чтения*, М., 1959, стр. 53—54). Несколько позже, 10 марта 1927 г. Горький писал ему же: «К Зубакину следует присмотреться очень внимательно и *терпеливо*, ибо в нем, кажется, есть черты „обиженного" человека, в их числе — самолюбие, пожалуй, несколько кричащее и наивное, но — это накипь, это пыль. Вообще же, органически — это человек по-русски талантливый, ослепительно и всесторонне. Я думаю, что он — типа Н. Ф. Федорова, Флоренского, Розанова, вот из этого ряда» (там же, стр. 55).

По приглашению Горького Зубакин с А. И. Цветаевой приехал в Сорренто 31 июля 1927 г. и после встречи мнение Горького о Зубакине резко меняется. 15 августа Горький замечает в письме П. П. Крючкову: «Приехал и работает здесь Зубатов [1]. Но о нем „ни в сказке сказать, ни пером написать". Ужас и очарование» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-$21_а$-1-111).

Письмо Горького Тихонову от 9 сентября имеет текстуальные совпадения с данной заметкой. Это позволяет предположить, что время написания последней — конец августа — начало сентября 1927 г. Горький писал: «О Зубакине скажу так: сей профессор археологии, епископ церкви Иоанновой, кабалист, хиромант, иерофант по натуре своей — удивительно талантлив. Но это — прежде всего — чудовищно невежественный человек. Он исповедует какую-то религию, в которой совершенно отсутствует этика. Свято чтит Франциска Ассизского и — так же свято — Игнатия Лойолу ‹...› В общем — фигура интереснейшая, но — „опоздал родиться и в Калиостро — не годится"» (*Г Чтения*, 1959, стр. 57).

Об изменившемся отношении к Зубакину Горький писал и Б. Л. Пастернаку 18 октября 1927 г.: «У меня гостил месяца два знакомый ваш — Зубакин, который, по письмам его, показался мне человеком интересным и талантливым, но личное знакомство с ним очень разочаровало и даже огорчило меня. Человек с хорошими задатками, но совершенно ни на что не способный и — аморальный человек» (*Лит Насл*, т. 70, стр. 300—301). После возвращения Зубакина из Сорренто переписка Горького с ним оборвалась. Зубакин обращался к Горькому еще дважды: в 1929 г. и в 1933 г.

Шумахер П. В. (1817—1891) — поэт, автор сатирических шуток в стихах «Моим землякам».

Саша Черный — псевдоним поэта-сатирика А. М. Гликберга (1880—1932), сотрудник журнала «Новый Сатирикон».

Минаев Д. Д. (1835—1889) — поэт-сатирик.

Мунштейн Л. Г. (1867—1947) — журналист, переводчик, пародист, выступавший под псевдонимом Лоло в газетах и журналах 1880—1900 годов.

Дон Аминадо — псевдоним писателя А. П. Шполянского (1888 — 1957), прозаика, поэта, драматурга, сотрудника «Нового Сатирикона».

---

[1] Ошибочно написано так.

...но это не Иоанн четвертого Евангелия... — Иоанн по христианской легенде, любимый ученик и последователь Иисуса Христа, автор Евангелия от Иоанна. В недатированном письме к Горькому Зубакин высказывался: «Отношусь без экстаза к Евангелию Иоанна» (Архив А. М. Горького, КГ-п-29-6-8).

Иоанн Предтеча, или Креститель. — По евангельскому сказанию, предвестник Иисуса Христа, выступавший с проповедями о приходе Мессии, крестил пришедшего из Галилеи Христа.

Иерофант — верховный первосвященник.

...Гроссмейстер ордена Розенкрейцеров... — Розенкрейцеры — средневековый ритуалистический и мистический орден, получивший название или по имени легендарного основателя этого общества — Розенкрейцера, или по их эмблеме — розе и кресту. С XVIII в. розенкрейцеры — тайное религиозно-мистическое масонское общество.

Азиатские розенкрейцеры — Полное название этого ордена «Рыцари и братья св. Иоанна Евангелиста из Азии». Возник он в 1770 г. в связи с вступлением в масонские ложи лиц нехристианского вероисповедания — евреев, мусульман и т. д. Резиденция этого ордена находилась в Азии (по одним указаниям — Мадрас, по другим — область Гималайских гор) (П. А. Чистяков. Бессмертие по традициям азиатских розенкрейцеров. М., 1908. — Книга имеется в *ЛБГ*).

*Каба*л*а* — религиозно-мистическое учение, основанное на толковании Ветхого Завета.

Франциск Ассизский (1182—1226) — основатель нищенствующего ордена францисканцев, считавший, что отказ от материальных благ — это единственный путь достижения духовного совершенства.

Игнатий Лойола (1495—1556) — основатель ордена иезуитов, цель которого — укрепление любыми средствами власти папства и католической церкви.

Тамплиеры — духовно-рыцарский средневековый орден, основанный в XII в. Характерная его черта — крайняя приверженность к суевериям и чудесам.

...его вывел оттуда Св. Феодосий. — Св. Феодосий — игумен Киево-Печерского монастыря в XII в.

Каноны — церковные правила, относящиеся как к вероучению, так и к устройству церкви.

Штейнер Рудольф (1861—1925) — австрийский философ-теософ, автор книги «Духоведение. Введение в сверхчувственное познание мира и познание человека».

Шюре Эдуард (1843 — ?) — французский писатель, романист, автор сочинения из истории религии «Великие посвященные».

Фабр — д' Оливэ Антуан (1768—1825) — французский драматург, философ-мистик.

Дю Прель Карл (1839—1900) — немецкий философ, мистик. Автор книги: «Философия мистики, или двойственность человеческого существа».

Анастасия Ивановна Цветаева (р. 1894) — писательница и переводчица, автор воспоминаний о Горьком: «Тень погибшей книги. Воспоминания» (Архив А. М. Горького, МоГ-13-42-1). О пребывании

в Сорренто в гостях у Горького см. ее статью: А. Мейн. Из книги о Горьком.— «Новый мир», 1930, № 8-9, стр. 94—115.

Монадология Лейбница — Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, ученый, дипломат. «Монадология» (1714) — наиболее законченное изложение философской системы Лейбница (русск. пер. — 1892 г.).

Лукреций (99 — 55 г. до н. э.) — древнеримский философ-материалист. поэт.

Пестум и Кумы — древние города на юго-западном побережье Италии, бывшие греческие колонии, знамениты сохранившимися памятниками древнегреческого зодчества. Раскопки в этих местах производятся с XVIII в.

Шамполион Жан Франсуа (1790—1832) — французский египтолог, расшифровавший древнеегипетские письмена (1822 г.).

Фаллические культы — выражаются в обоготворении органов оплодотворения (или их изображений) и в поклонении этим божествам актами сексуальности или, наоборот, крайнего аскетизма.

ШАЛЯПИН

⟨I⟩

О нем уже можно писать «воспоминания», он скоро умрет. За три года он так одряхлел, точно уже боролся со смертью и, [хотя она не победила, но безжалостно] не победив, она жестоко измяла его. Ему [еще] только 56 [лет], но кажется, что 65. У него диабет, но он пьет вино бутылки по две в день.

Кожа [на] лица его стала дряблой [[и кажется, что на лице наклеен [грязный] нечистый, измятый платок. Глаза—мутные]] и лицо великого артиста, послушное малейшим волнениям чувства, утратило изумительную способность говорить больше и лучше, чем могут сказать самые красивые слова.

Бывало, если он [полушутя] говорил: «Когда я умру», за этими словами не звучало ни страха, ни [лич⟨ной⟩] обиды, теперь он не говорит о смерти, но—думает о ней [и думает] так, что это видишь. [И] Его умные глаза потеряли [свой острый] [тот острый] властный блеск, [и как-то погасли] мутный взгляд уже не выражает снисходительного пренебрежения к людям, которых он так легко заставлял плакать и смеяться.

— Я счастлив. Я — счастливый человек,— убеждает он себя, раньше он никогда не говорил этого, раньше он бунтарски кричал [это о себе]:

— Я — несчастный человек. [Мне не] [Мне нечего делать, нечего петь, я всё спел, и я пропел]. Подумай,— что мне делать? Я сыграл всё и больше не вижу ничего, в чем мог бы развернуть, исчерпать до конца, показать людям мою силу. Для меня нет музыки.

Это были искренние жалобы артиста [которому действительно] С какой радостью он говорил:

— Знаешь, Танеев пишет «Эдипа». Вот это я сыграю.

«Нерон» Арриго Бойто.

«Эдип» Танеева.

Отсутствие интереса к музыке, к ее истории.

Равнодушие к искусству.

«Меня — хватит».

«Сам»

Задумался, шевелит губами.

— Как это он делает языком, когда говорит — царь?

Произнес несколько раз.

— Не умею. Дурак он все-таки. Когда выпевает свои козырные ноты, так точно лакей телячьи котлеты подносит.

⟨II⟩

«Маска и Душа» Шаляпина

Книга написана по рассказам Федора Поляковым-Литовцевым, как говорит Ирина Шаляпина.

По ее же словам:

— «Ты там скажи Климу — Ворошилову,— что я не совсем еще сволочь».

Раздражителен — болезненно. Боится смерти, и его — видимо — стращают ею.

О книге «М⟨аска⟩ и Д⟨уша⟩».

— Одни говорят — издавай, другие — не надо! А — подите вы все к чёрту!

Сорвал со стола скатерть вместе с посудой.

⟨III⟩

В русских изданиях Д⟨он⟩ Кихота картинки есть. Читал он [по-русски], но не прочитал перевод Каренина, рисунки не понравились, я достал ему французское издание с иллюстрациями Г. Дорэ, по Дорэ он и гримировался.

I

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 225—226.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-49-21-1).

Датируется 1929 г.— по содержанию и времени последней встречи Горького с Шаляпиным.

Печатается по автографу.

Последняя встреча Горького с Шаляпиным состоялась 15—21 апреля 1929 г. в Риме. 3 мая того же года Шаляпин писал дочери И. Ф. Шаляпиной: «Я только что приехал из Рима на машине... В Риме пел два вечера Бориса Годунова — успех имел колоссальный. Алексей Максимович приезжал из Сорренто — слушал. Мы провели с ним несколько милых вечеров» («Ф. И. Шаляпин», т. I, стр. 492). О тяжелом впечатлении от встречи с Шаляпиным Горький писал П. П. Крючкову 15 июня 1930 г. Он привел следующие строки из письма П. П. Сувчинского: «На днях виделся с Шаляпиным и проговорил с ним несколько часов. Он производит тяжелое впечатление, много говорит, но всё как-то невпопад, растерянно, и, что печальнее всего — он неинтересен. По-видимому, он перестал вообще что-либо понимать не только в политике, но и в музыке, и в искусстве. С виду очень похудел, как-то сжался в объеме» и добавил от себя: «Очень тяжело знать это, а я знаю, что это верно» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-296).

За три года... — Имеется в виду встреча в Сорренто 5 июня 1926 г. (см. *Архив* $Г_{IX}$, стр. 255).

Ему только 56 — Ф. И. Шаляпин родился в 1873 г.

«Нерон» Арриго Бойто — опера «Нерон» итальянского композитора А. Бойто (1842—1918) была закончена А. Тосканини. Поставлена в 1924 г.

«Эдип» — известна опера-оратория И. Стравинского «Царь Эдип», поставленная 30 мая 1927 г. в Париже.

С. И. Танеев (1856—1915) — русский композитор, музыкального произведения «Эдип» у него нет.

II

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 228.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ-17-8). Запись сделана в блокноте, на первых страницах которого заметки «Дорогой Джо и «Вам знакомо имя: Билль Марлен?» (см. Варианты, т. VI).

Датируется по времени выхода книги: Ф. И. Шаляпин. Маска и Душа (Мои сорок лет на театрах). Париж, изд-во «Современные записки», 1932.

Печатается по автографу.

«Маска и Душа» — вторая книга воспоминаний Ф. И. Шаляпина. Она была написана в эмиграции по совету С. Л. Полякова-Литовцева, в прошлом думского корреспондента кадетской газеты «Речь», а после 1917 г. — эмигранта, сотрудника эсеровского журнала «Современные записки». По-видимому, Поляков-Литовцев принимал непосредственное участие в написании «Маски и Души», о чем свидетельствует его статья «Ф. И. Шаляпин о себе» («Последние новости», 1928, № 2797, 18 ноября). В ней Поляков-Литовцев рассказал о своих встречах с Шаляпиным в Лондоне и об интервью, которое тогда же ему удалось взять у артиста. Отдельные места статьи Полякова-Литовцева текстуально совпадают с изложением соответствующих эпизодов в «Маске и Душе».

Познакомившись с книгой, Горький был возмущен тенденциозным толкованием отдельных эпизодов биографии певца. 17 января

1933 г. он написал Шаляпину: «Мне кажется, что лжете Вы не по своей воле, а по дряблости Вашей натуры и потому, что жуликам, которые окружают Вас, полезно, чтоб Вы лгали и всячески компрометировали себя. Это они, пользуясь Вашей жадностью к деньгам, Вашей малограмотностью и глубоким социальным невежеством, понуждают Вас бесстыдно лгать. Зачем это нужно им?» («Ф. И. Шаляпин», т. I, стр. 366—367).

Отзыв о книге Шаляпина содержится также в письме Горького П. П. Крючкову от 12 декабря 1932 г.: «Вообще — книга пошлейшая, противоречивая, исполнена лжи, хвастовства, читал я ее и бесился до сердечного припадка» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-425).

III

Публикуется впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{II}$-3-90). К автографу приложена вырезка из парижской белоэмигрантской газеты «Последние новости» (1931, № 3382, 8 ноября, со статьей Полякова-Литовцева «Дон-Кихот» (Из бесед с Ф. И. Шаляпиным)». На полях и в тексте пометы Горького красным карандашом.

Датируется по этой вырезке 1931 годом.

Печатается по автографу.

В статье С. Полякова-Литовцева рассказывается об истории создания оперы Массне, написанной для Шаляпина. 22 июля 1909 г. Шаляпин сообщил Горькому о своем знакомстве с музыкой Массне и либретто Анри Кэна: «Либретто сделано чудесно, музыка (кажется) отличная и, если бог умудрит меня и на этот раз, то я думаю хорошо сыграть „тебя“ и немножечко „себя“, мой дорогой Максимыч» («Ф. И. Шаляпин», т. I, стр. 333). Премьера оперы состоялась 19(6) февраля 1910 г. в Монте-Карло. Спектакль разочаровал многих, поскольку музыка Массне была ниже творческих возможностей Шаляпина. Горький, подчеркнув в статье Полякова-Литовцева фразу: «В этом смысле „Дон-Кихот“ прекрасная вещь», приписал внизу о Шаляпине: «Ругал Массне: идиот, шарлатан, музыка — г... Записано с его слов М. М. П. » Писатель отчеркнул также абзац, в котором Поляков-Литовцев передавал рассказ Шаляпина о том, как создавался им образ Дон-Кихота: «Прочитал я Сервантеса внимательно, закрыл глаза, задумался, и мне предстал внешний образ Дон-Кихота. Конечно, в книге нет картинок, нет красок, нет измерений носа в миллиметрах...» Запись Горького является непосредственным откликом на эти слова.

Карелин Владимир Александрович (ум. 1871) — переводчик, сотрудник «Русского инвалида». Перевод «Дон-Кихота Ламанчского» М. Сервантеса сделан им в 1866 году.

Доре Гюстав (1832 — 1883) — французский художник. Иллюстрации к «Дон-Кихоту» М. Сервантеса сделаны в 1862—1863 гг. (русское издание «Дон-Кихота» с иллюстрациями Доре вышло в 1899 г.).

⟨Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ⟩

Старуха история приказала

Д. Мер⟨ежковский⟩ вписал сам себя в число людей значительных

По молодости лет и дерзости [ума] воображения он чувст⟨вовал⟩ себя умнее отцов и победителей и побежденных, а также и по более ⟨большей?⟩ формальной, школьной грамот⟨ности⟩ 26 лет войны

Пат⟨етика?⟩ и сат⟨ира?⟩

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_V$-6-15). Текст зачеркнут крест-накрест синим карандашом.

На обороте — заметка: «Громко «испустил дух» (см. наст. том, стр. 590—591).

Запись о Мережковском, судя по орфографии, сделана после 1929 г. и, возможно, связана с замыслом статьи о русской эмиграции. 8 декабря 1931 г., посылая М. Е. Кольцову вырезки из эмигрантских газет, Горький писал: «Собирал их для статьи, но вижу, что у меня для этой статьи нет времени» (*Архив* $Г_X$, кн. 2, стр. 230).

Печатается по автографу.

...и победителей и побежденных... — Очевидно, «победителями» Горький иронически называет писателей-«модернистов», выступивших в русской литературе в конце XIX в.

В 1908 г., замышляя создание сборников, задачей которых была бы борьба с реакционной, упадочнической литературой декадентов, Горький писал 17 февраля Пятницкому: «... направлены они будут против „модернистов", „победителей" и всей этой шушеры во главе с основоположником их — Мережковским» (*Архив* $Г_{IV}$, стр. 232). Своеобразным манифестом российского декаданса была книга Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы» (1893). «Побежденные» — очевидно, представители критического реализма.

26 лет войны... — Возможно, речь идет о непримиримой идейной борьбе Горького с Мережковским и другими представителями философского и литературного декаданса. Если предположить, что заметка написана в 1930 г., то начало «войны» падает на 1904 г. Именно к этому году относится первый бурный выпад Мережковского против Горького на премьере пьесы «Дачники» в театре В. Ф. Комиссаржевской, 10 ноября.

В письме к Е. П. Пешковой от 12 или 13 ноября 1904 г. Горький подробно рассказывает о скандале, который учинила во время спектакля ложа «Мира искусства» во главе с Мережковским (*Архив* $Г_V$, стр. 138).

⟨О КУТЕПОВЕ⟩

[Италийские] Многие италийские гр⟨ажда⟩не ныне утверждают, [что] будто бы храброго Кутепова генерала [англо-французская] аглицко-парижская тайная полиция похитила, имея на то его согласие, как бывало в старину между елегантными кавалера⟨ми⟩ и монашенками, у коих [плоть] дух покорствовал плоти. Говорят также, что храбрый этот генерал спрятан в Шотландии, где [пьет] круглые сутки виску пьет, и будто аглицкие лорды, надев самые лучшие монокли и в цилиндрах ходют по улице Пикадилли, а также собираются в Айда-парке и согласно поют: — «Цар-ря на Руси хотим поста-авить!»

Печатается впервые.
Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{III}$-4-11).

На обороте его запись рукой Горького красным карандашом:
Влад. } Гальперин
Грач. } Сюжет.
Иванов
Жулев
Уменье думать о друг⟨их⟩
Характер

Судя по содержанию, написано в 1930 г.
Печатается по автографу.

Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — председатель Русского общевоинского союза, один из лидеров русской белоэмиграции. 26 января 1930 г. внезапно исчез из Парижа. 28 января эмигрантские газеты «Возрождение» и «Последние новости» обвинили ГПУ в похищении Кутепова. 31 января во всех московских газетах появились статьи с опровержением сообщений эмигрантской прессы.

Пикадилли — одна из фешенебельных улиц Лондона.

Айда-парк — Гайд-парк в Лондоне.

⟨ВАСИЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ⟩

Был он толстомордый, нахальный, глаза цвета дубовых желудей, ходил как-то особенно, выворачивая колени и потрясая ягодицами. На женщин смотрел прищуриваясь, победоносно крякал и говорил тоном знатока:

— Н-не дурна к-курочка. Но я знал одну похожую...—И рассказывал пакости. Именовал себя анархистом.

— Как я — анарх⟨ист⟩, то признаю токмо себя и бога.

— А Николая чудотворца?

— Так я же не мужик! Это мужиковский святой.

Подражая итальянцу, пытался сразу втянуть в пищевод целую тарелку макарон, но едва не подавился и — плакал:

— Это меня чёрт на глупость подбил!

При всем этом нельзя было думать, что он способен [на убийство] убить. Труслив был.

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 227.

Автограф — в Архиве А. М. Горького ($ГЗ_{VI}$-7-97).

Написано не ранее сентября 1930 г., о чем свидетельствует письмо В. Величковского Горькому, датированное 30 августа 1930 г. (см.: *Архив* $Г_{XII}$, стр. 371). Горького, видимо, заинтересовал психологический тип деклассированного русского анархиста, ставшего итальянским преступником, и он по памяти восстановил его портрет, относящийся к упомянутой Величковским встрече на Капри (подробнее о нем см. *Архив* $Г_{XII}$, стр. 370—371).

Печатается по автографу.

⟨В. В. РОЗАНОВ⟩

А В. В. Розанов [показывая], подмигивая Анатолю Франсу на Христа, шепчет:

— Пакостник он, пакостник! Отемнил всю жизнь, сам-то с женами мироносицами уж наверно не церемонился, а нас... а мы... Вам бы надо книжечку, книжечку бы написать о нем, вашим-то языком... эх!..

Впервые напечатано: *Архив* $Г_{VI}$, стр. 107.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ХПГ-3-2-1). Возможно, что данный набросок является возвращением Горького к замыслу повести «В потусторонних местностях» (см. наст. том, стр. 665—668).

Датируется по орфографии 1930—1936 гг.

Печатается по автографу.

А В. В. Розанов, подмигивая Анатолю Франсу на Христа... — Реакционный философ и публицист В. В. Розанов (1856—1919) в ряде своих работ критиковал христианство за его аскетические идеи. Эта критика, хотя и содержавшая ряд острых наблюдений, была продиктована характерным для реакционных кругов конца XIX — начала XX в. стремлением к выработке «обновленных», более «приемлемых» для современности форм религии.

Заставляя Розанова обращаться к Анатолю Франсу, Горький, очевидно, хотел подчеркнуть беспринципность «хитрейшего» представителя российского философского декаданса. Франс беспощадно критиковал христианство — но критиковал его с позиций атеизма и защиты лучших культурных традиций человечества. Христианскому умерщвлению плоти, христианской дисгармонии между материальным и духовным он противопоставлял идеалы эллинской культуры, идеалы гармонического человека. Вся деятельность писателя проникнута духом борьбы против религиозного и политического мракобесия.

Жены-мироносицы — по евангельскому преданию — женщины, пришедшие с мирром к гробу Иисуса Христа утром на третий день после его погребения и первые получившие весть о его воскрешении. «То были Магдалина, Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними» (Евангелие от Луки, гл. 24, стих 10).

⟨ЯЛЮ КУРЕК⟩

Ялю Курек рассказал о жизни польской деревни вполголоса, но очень пронзительно. Отличный писатель. Не «спекулирует» на страданиях людей, предоставляя [эту игру] это политикам. Да, очень оригинальный писатель, хотя о [страданиях ее] страдании человеческом [все] писать легко и почти все пишут [вооб⟨ще⟩] неплохо. Гаргантюа, Пантагрюэль, Тиль Уленшпигель, Кола Брюньон, Тартарен — не так популярны, как страдальцы. Вс. Иванову «Факир» не удался, а по началу можно было думать, [что] это будет веселая книга.

Печатается впервые.

Автограф — в Архиве А. М. Горького (ГЗ$_{XXVI}$-15-14-1).

Датируется концом 1935 г. — началом 1936 г.: заметка близка по содержанию к письму Горького В. В. Иванову от 10 января 1936 г. (*Г-30*, т. 30, стр. 420).

Печатается по автографу.

Ялю Курек рассказал о жизни польской деревни... — Речь идет о книге: Я. Курек. Грипп свирепствует в Направе. Перевод с польского И. Беккера. Предисловие К. Вольского. Л., «Художественная литература», 1935.

«Факир» — роман Вс. Иванова «Похождения факира» (М., «Советский писатель», 1935).

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по решению
Президиума Академии наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

*

*

Варианты подготовили:
Л. Г. Бухарцева, Л. П. Быковцева, С. И. Доморацкая,
Л. А. Евстигнеева, Э. Л. Ефременко, Ф. М. Иоффе,
А. М. Крюкова, Р. П. Пантелеева, Ф. Н. Пицкель,
И. А. Ревякина, Е. А. Тенишева, В. Ю. Троицкий,
Ю. И. Шведова

Ответственный секретарь издания *М. А. Семашкина*
Редактор *Е. И. Прохоров*

*

Редактор издательства *Г. А. Гудимова*
Оформление художника *Н. А. Седельникова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, В. А. Бобров*

*

Сдано в набор 18/I 1977 г. Подписано к печати 19/VII 1977 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 37,8. Уч.-изд. л. 46. Тираж 20150 экз.
Тип. зак. 1865. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука», 121099
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

8 р. 50 к.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕДРА»